

Ардо вин Акисс

Гвардия Хаоса

Annotation

Кровь за кровь — древний обычай, требующий пролить столько же крови врага, сколько он пролил сам. Но что делать, когда этой крови пролито слишком много? Как восстановить справедливость после убийства сотен людей? Герои истории пытаются ответить на этот сложный вопрос.

P/S: Категорически запрещено подросткам и юным неокрепшим умам младше 18 лет.

— Мне пора уходить, — в этот раз тихий голос Саи прозвучал особенно печально. Ошеломленный Дженази повернулся к сестре, и две пары темно-фиолетовых глаз встретились, взглядами говоря друг другу больше, чем только могут сказать слова.

— Почему я не могу пойти с тобой? — спросил Дженази, отведя взгляд — за миг до того, как это сделала девушка. Он не мог смириться с решением сестры, но сделать ничего не мог.

— Ты еще слишком юн, чтобы следовать тропами Народа. Сколько тебе дней, волчонок? — Сая хотела заставить себя рассмеяться, но не вышло — только неуклюжая насмешливая улыбка, как и все наигранные эмоции на ее лице. Лгать она не умела.

— Три...

Среди тихих размерянных волн, накатывавших на песчаный пляж, одна оказалась достаточно сильной, чтобы легонько коснуться ног двух сидящих почти у самой кромки г'ата. Солнце еще не успело скрыться за горизонтом, его лучи уже не могли опалить кожу, но море сохранило в себе их тепло, и его нежное прикосновение на миг заставило позабыть о предстоящей разлуке.

— Цени мгновение, — брат и сестра вместе смотрели на с каждой секундой все более и более багровеющее небо над горизонтом, и эти слова тоже произнесли вместе. Только Дженази — задумчиво, словно спрашивая, а Сая — с грустью, и необычной мудростью в голосе, удивительной для девушки ее лет.

Она выглядела, как подросток, и только белоснежно-седые волосы, алеющие в свете заката, вместе с совсем не детским взглядом, настораживали и заставляли присматриваться к ней внимательнее.

— Я не знаю, как мне быть, сестра. Все слишком нелепо, несуразно, невероятно. Почему я, а не кто-то другой? Почему все так случилось? Я не понимаю... Нет, я невероятно счастлив, что у меня теперь есть ты, и все эти мелочи, но... Что мне делать дальше?

Дженази тяжело вздохнул, повернулся к Сае. Но там, где она только что сидела, остался лишь смятый песок.

— Вот как... — прошептал он, и бессильно упал на спину, раскинув руки. Смотрел на темнеющее небо, на вспыхивающие одна за другой звезды, и молчал. А когда над горизонтом остался лишь самый краешек солнечного диска, внезапно вскочил и закричал, так громко, как только мог — обращаясь вдаль, к кому-то, кого мог видеть и слышать лишь только он один. Коротко, яростно и отчаянно — так, чтобы через секунду уже никто не мог понять, кто кричал, и зачем. И море поглотило его, оставив в душе г'ата одну лишь пустоту.

Дождавшись, когда покровы ночи окончательно опустятся на остров, Дженази спокойно зашагал по широкой песчаной полосе, прислушиваясь не столько к своим мыслям, сколько к доносящимся из джунглей звукам кипящего жизнью ночного мира. И не смотрел под ноги — небо густо усеяли бесчисленные звезды. Не спешила взойти Луна, восточный ветер не принес ни единого облака, и воздух был кристально чист и прозрачен.

Мягкий белый песок полностью скрывал звук шагов.

Глава 1. Потерянное и обретенное

17 июля 1014 года. Федерация Вердиро, республика Эломас, Ховин.

Старый дырявый матрас... Юрика скучала по нему, беспокойно ворочаясь на подстилке из свежей соломы. Еще две недели назад импровизированная кровать была высокой зеленой травой на заднем дворе приюта имени Ховино Сареса, но старый Юх скосил ее и оставил под открытым небом, накрыв только широким тентом. И когда девушка в очередной раз довела до белого каления директора приюта, тщеславную Болию Ларсу, и ее в очередной раз отправили в импровизированный карцер, то в углу она обнаружила не древнее отвратительно пахнущее чудовище, которое лежало здесь еще со времен основания заведения, а ароматный и довольно толстый слой скошенной травы, на котором лежать было не в пример удобнее, но... В матрасе были спрятаны сигареты и спички. Как бы здорово было сейчас залезть на подоконник забитого досками окна и покурить, выпуская дым в широкую щель, оставленную в самом верху, где не хватало не только доски, но и полоски стекла. Через нее в комнату попадал свежий воздух, да и на звезды ночью можно было посмотреть.

К слову, если тайник обнаружат, то время заключения Юрики продлится еще на неделю. Правда, ей это было совершенно безразлично: все равно она планировала сбежать.

Начиная с двенадцати лет девушка регулярно ускользала из-под бдительного надзора работников приюта, чтобы неделю или две насладиться абсолютной свободой в Ховине и его окрестностях, но на этот раз возвращаться она не собиралась. Единственная подруга, ради которой она оставалась здесь, уже достаточно выросла, чтобы суметь постоять за себя.

Решившись наконец, Юрика поднялась с подстилки и подошла к толстой деревянной двери. Каждый раз, попадая в карцер, она знала, что легко сможет выбраться из него, но еще ни разу воспользовалась этой лазейкой, предпочитая сбежать из приюта тогда, когда заканчивался срок наказания. Но теперь время пришло.

Старые доски были все еще крепки, а вот гвозди... Вытаскивая их с помощью узкой полоски железа, спрятанной под половицей, Юрика очень аккуратно извлекла из на первый взгляд надежного полотна пару деревянных брусков и протиснулась сквозь образовавшуюся дыру. Для шестнадцатилетней девчонки, которая перестала расти еще в тринадцать, это оказалось не так и сложно, если учесть, что и тогда она сильно отставала от своих сверстниц.

Комната, которая играла роль карцера, находилась на последнем этаже трехэтажного здания, в его правом крыле. Общие спальни воспитанников приюта находились на первом, и прежде чем уйти, Юрике требовалось посетить одну из них.

Бесшумно ступая между рядами двурусных кроватей, она подошла к самой последней, находившейся в дальнем углу, и села на ее краешек. Пару минут молча любовалась безмятежным выражением лица спящей девушки, ярко освещенным холодным светом Луны.

— Мария, — прошептала она, осторожно тряся подругу за плечо. Девушка тут же проснулась, и посмотрела на нее широко раскрытыми от испуга глазами. В их темных глубинах дрожали слабые серебряные искры.

— Юрика, что ты здесь делаешь? — прошептала она слишком громким шепотом. Поставленный в конце знака вопроса тихим эхом разнесся по залу.

Юрика отвела взгляд, хотя только что клялась себе, что не даст слабину.

— Я уйду.

— Опять? — искреннее удивление Марии заставило сердце Юрики сжаться. — Ты же только вчера вернулась. Надолго уходишь?

Юрика приложила все силы, чтобы справиться с комом в горле, который по своей прочности явно превосходил гранит или обсидиан. Но дрожь в голосе и подступающие слезы скрыть оказалось гораздо сложнее.

— Надолго.

— Неужели на месяц? — Мария однажды дожидалась ее возвращения целых две недели.

— Дольше. Пока не стану совершеннолетней.

— Юри... — девочка вылезла из-под одеяла, села рядом и крепко обняла ее, уткнувшись лицом в грудь. Тонкая зеленая рубашка немедленно начала намочить, впитывая в хлопок частые горькие слезы.

— Тебе нужно будет подождать меня всего два года, — прошептала Юрика, ласково поглаживая ее каштановые вьющиеся волосы. — Это ведь совсем немного, да? Я обязательно вернусь и заберу тебя отсюда. И мы будем жить вместе, обещаю.

— Не уходи...

Крепко стиснув зубы, Юрика отодвинула от себя Марию, и в этот миг ей показалось, что она отрывает половинку своего сердца.

— Я должна. Ларса ненавидит меня, и, — на самом деле директор давно перестала быть для нее серьезной проблемой, да и с возрастом пришло понимание, что масштаб угрозы со стороны старой карги был ею несколько преувеличен, — тебе тоже станет гораздо легче, когда я уйду. К тебе перестанут приставать еще и из-за того, что ты дружишь со мной.

Если бы Юрике предложили в качестве объяснительной тезис подобного уровня аргументации, она бы просто послала человека к черту. Тем более, что за последний год замеченные ею факты агрессии в сторону Марии ограничивались испуганно-злым перешептыванием за спиной.

Возможно, они позволяли себе большее, когда ее не было. Возможно. Мария никогда не жаловалась. Ни единого раза.

Но исчезнет ли этот испуганно-злой шепот, когда ее, Юрики, здесь не станет? Его причина не только в ней.

Внезапно девушке показалось, что Мария закричит и нарочно сорвет к чертям весь ее побег. Она видела это желание в ее синих глазах, и то, как поднимается ее грудь, в которой собирается все больше воздуха.

«Если ты так сильно не хочешь меня отпускать, то... мне и правда лучше остаться,» — тяжелая, холодная мысль раздавила, размазала всю ее решимость. И правда, чего ей стоит потерпеть тут еще два года? Заключить мир с Ларсой, перестать третировать Баскета, Танирель и Олсану. Да, она умнее их, но ведь можно и перестать выпячивать свое эго по каждому поводу. Простить детские обиды.

— Хорошо. Иди, — неожиданно произнесла Мария, и Юрика, которая уже закрыла глаза, чтобы со смирением принять неизбежное, в изумлении посмотрела на подругу.

— Ты обещала вернуться через два года. Я буду ждать.

Юрика улыбнулась ей, обняла и поцеловала в щеку, а потом встала с кровати и направилась к выходу из спальни. Сделав пять шагов, она не выдержала и обернулась, чтобы еще раз посмотреть на Марию, которая при свете яркой Луны, льющемся из зарешеченного окна, сейчас еще сильнее напоминала призрака. Сердце Юрики снова кольнуло, когда взгляд

упал на культю ее левой ноги. Так автомобильная авария покалечила тело Марии, и ее душу, отняв еще и родителей.

«Я уже все решила,» — напомнила Юрика себе, и отбросив колебания, покинула спальню.

— Я должна.

Без особых проблем покинув территорию приюта, Юрика направилась в город. В Ховин вела узкая асфальтированная дорога, у обочин которой было полно деревьев и кустарника, так что она не переживала по поводу укрытия, если кто вдруг заметит ее отсутствие и бросится в погоню. Да и сама вероятность подобного события близилась к нулю. Сейчас ее главная проблема — это добраться до своего убежища до рассвета.

До города час пешком, а ночи летом короткие.

Сколько раз за четыре года она повторяла этот маршрут снова и снова, ночью, по совершенно пустой дороге, почти не скрываясь? Четырнадцать, и этот, пятнадцатый, будет последним. Когда Юрика снова вернется в приют, то выйдет из него уже днем, ведя за собой Марию.

Девочка попала в дом для сирот три года назад, в возрасте десяти лет. Юрика слышала, что никто из друзей семьи и дальних родственников Марии не захотел оформлять над ней опеку. Тяжелые, кризисные времена. Слабые люди. Внук основателя приюта и нынешний его попечитель, Ховино Рун, с радостью принял ее под свое крыло и передал в заботливые руки Болии Ларсы, точно так же, как когда-то поступил и с Юрикой. Только вот Юрика была младенцем, когда это произошло, а уже совсем взрослой Марии пришлось принять тот факт, что вся ее прежняя жизнь разрушена.

Обстоятельства сложились так, что на тот момент только она была в приюте ребенком-инвалидом. А дети очень жестоки. И Юрика до сих пор стыдилась того, что после поступления Марии вздохнула с облегчением: до ее появления именно она была в заведении белой вороной.

Жертвой насмешек и издевок Юрика стала из-за редкого в этих краях разреза глаз, указывающего на ее частичную принадлежность к народу яо, и волос насыщенного красного цвета. Этот цвет был настолько неестественным, что назвать ее рыжей язык не поворачивался. Зато дети придумали для нее массу других прозвищ, за самое невинное из которых девушка готова была разорвать обидчика в клочья.

С появлением совершенно беспомощной Марии задиры, которым до этого момента приходилось расплачиваться синяками и ссадинами за попытки выплеснуть лишнюю энергию на Юрике, воодушевились и принялись за дело с утроенным усердием. И когда через неделю совесть Юрики обратила ее внимание на ту, благодаря которой она могла наслаждаться покоем, от Марии осталась только бледная тень. Казалось, она уже просто не хотела жить.

Две сломанные руки, одна нога (зато в двух местах), дюжины пальцев и ребер, пятнадцать зубов — вот цена, которую заплатили обидчики Марии за свое рвение в издевательствах. Болия Ларса была в ярости, Ховино Рун был готов вышвырнуть Юрику из приюта, но в последний момент что-то удержало его от этого поступка. И девушка лишь угодила в карцер на целый месяц.

Тогда у нее было достаточно времени для размышлений над тем, почему, защищая Марию, она была настолько жестокой, ведь до этого дня, когда приходилось защищать себя, дело не заходило дальше вывихнутого пальца или разбитого носа.

В тот день, когда ее выпускали, дверь карцера открыла сама Болия Ларса, а рядом с ней стоял человек, которого Юрика уже не раз видела в приюте — Джин Саргас. По слухам, он был из круга лиц, обеспечивающих финансирование приюта, и хотя на вид ему было чуть больше двадцати, волосы его были седые как снег. Юрика всегда испытывала к нему симпатию, но тогда не могла понять, почему он стоял тогда возле двери и смотрел на нее так... как будто она для него что-то значила.

К сожалению, у Юрики так и не появилось возможности поговорить с ним, Джин Саргас, казалось, избегал ее. А за последний год она не видела его ни разу.

Разумеется, оказываясь время от времени за стенами приюта, девушка пыталась его найти, но единственное, что она смогла узнать — это то, что в Ховине нет человека с таким именем. Кто он и откуда на самом деле, мог знать только сам Ховино Рун.

Юрика надеялась, что теперь, когда у нее достаточно времени для поисков, а территория не ограничена одним только Ховином и окрестностями, ей удастся отыскать его след.

Небо на востоке уже начинало светлеть, когда девушка пришла к двухэтажному заброшенному дому в самом неблагоприятном районе Ховина — город, выросший в холмистой степи в центре круга из пяти угольных шахт, не мог не обзавестись таким районом после того, как две из них были признаны нерентабельными. Массовый исход потерявших работу шахтеров вместе с семьями оставил после себя десятки пустующих домов и глухую тоску в сердце любого занятого взрослого жителя Ховина, заглянувшего сюда по своей необходимости. А еще тот массовый исход создал пустое пространство, которое не могло быть не занято теми, кому не было места на оживленных улицах, под многочисленными взглядами горожан, и очень внимательными взорами жандармов. И где-то во временном промежутке между первыми незваными гостями в лице крыс, бездомных собак, бездомных людей — и нынешним моментом кто-то назвал это место из трех улиц и пяти переулков Угольником.

Нужное Юрике здание было достаточно большим, чтобы укрыть от бдительного ока жандармов целую банду беспризорников, которая выживала в городе только за счет попрошайничества и воровства. Их компания мало чем отличалась от той, которая окружала Юрику в приюте, и лица, которые там находились, порой были знакомы девушке с раннего детства. Вот только главным здесь был Вик, для которого в первую очередь была важна не внешность человека, а его таланты. И талант Юрики к извлечению разных материальных ценностей из карманов рядовых обывателей он ценил очень высоко. Еще он ценил ее талант к рукоприкладству, который выручал их в жестоких сражениях за территорию с бандами малолетних хулиганов из других, более благополучных районов.

Сейчас Вик был нужен девушке только для того, чтобы забрать у него ту сумму, которая скопилась на ее «счете» за четыре года упорного «труда». Чтобы выжить в мире взрослых, нужны деньги. Еще нужнее документы, но девушка целиком и полностью полагалась на свою способность к импровизации.

Открывая дырявую и жутко скрипящую дверь убежища Вика, у Юрики сложилось впечатление, что она открывает дверь холодильника. Сначала это ее несколько не насторожило, но когда она, никого не обнаружив на первом этаже, стала подниматься вверх и почувствовала, что температура опускается еще ниже, ее инстинкты забили тревогу.

— Вик? Энжи? Руфус? — Юрика не выдержала и позвала товарищей по именам Слишком легкомысленно, если учесть возможность того, что в убежище засели жандармы. Или сам Эспозито. В конце концов, то, последнее дело, после которого она решила больше не иметь с Виком дела, не могло не привлечь к ним внимания самого опасного инспектора города. Юрика ему уже попадалась и знала, на что он способен.

На втором этаже она обыскала все комнаты, кроме одной, но везде было пусто. Дверь последней она просто не смогла открыть.

— Вик? Ребята? Вы здесь? — стучалась она, но ответа не последовало.

Растеряно потирая пальцы — дверь была просто обжигающе холодной — Юрика отступила. Ни одна из комнат в доме не запиралась, а дверь именно этой открывалась наружу, так что ее нельзя было чем-то подпереть. И внезапно разозлившись, девушка со всей силы дернула ручку на себя.

Куда больше хруста снега и льда, раздавшегося в тот момент, когда дверь наконец открылась, Юрику удивил сам вид полупрозрачной белой стены, полностью закрывавшей дверной проем. На ней даже остались клочья мягкой оббивки, которые намертво вмерзли в толстый слой льда.

— Да что же это такое...

Ответить на данный вопрос было некому, и поколебавшись немного, Юрика пнула ледяную преграду. Появившаяся на ее поверхности трещина воодушевила девушку, и с четвертого удара она наконец смогла выбить из этой ненормальной стены внушительный кусок.

Картина, открывшаяся Юрике сквозь пролом, заставила ее застыть от ужаса.

На лестнице, ведущей вверх, раздались чьи-то тяжелые и уверенные шаги.

Джин Саргас смотрел на девушку без тени удивления, с определенной долей усталости и осуждения. На его темно-сером деловом костюме не было ни пылинки, в идеально отполированную поверхность лакированных туфель можно было смотреться, словно в зеркало, но все равно у него был взгляд человека, который только что покончил с очень сложной и невероятно грязной работой, и в том, что она свалилась на него, винил он именно Юрику.

«Фиолетовые. Его глаза фиолетовые, — мелькнуло в голове девушке где-то за гранью шока и потрясения. — Мне всегда казалось, что они серые».

— Там... — язык отказывался подчиняться своей хозяйке, и она просто указала молодому человеку на жуткую комнату, в которой окоченевшие тела Вика и его друзей были нанизаны на длинные ледяные колья.

«Словно насекомые,» — пришло ей в голову страшное сравнение.

— Я долго терпел твои частые побеги из приюта и все эти выходки с кражей кошельков, — тихо произнес господин Саргас. — Терпел бы и дальше, но три дня назад ты пересекла черту. Участвовать в вооруженном ограблении? Твои друзья отправили человека в

больницу, Юрика. Да, ты просто стояла, как это у вас говорится, «на стреме», но все равно, не такое будущее я для тебя представлял. Что было бы дальше, девочка? Торговля наркотиками? Проституция? Я верил в тебя, считал, что ты одумаешься... И ошибся.

Ноги девушки словно примерзли к полу, она не могла пошевелиться, глядя на медленно приближающегося Джина Саргаса. Она собиралась его искать? Вот он, сам ее нашел, только уже не как добрый дядя-бизнесмен. От этого человека пахло смертью.

— У тебя есть два варианта, — продолжил он, взяв ее за руку, безвольно висящую, словно плеть. — Или ты вернешься в приют и поклянешься, что больше не покинешь его без разрешения, или... — господин Саргас запнулся, — я сделаю так, что ты уже больше не сможешь навредить ни себе, ни окружающим.

— Это вы убили ребят? — бесцветным голосом спросила Юрика. Да, им не стоило грабить мясную лавку ублюдка, засовывающего в колбасные обрезки, якобы забытые у черного входа, противотуберкулезные таблетки. Он знал, знал, что их едят не только собаки.

— Они были просто отребьем, человеческим мусором. Можешь считать, что я защитил тебя от их гнилого влияния.

Ни капли сожаления в голосе.

Юрика еще раз посмотрела на застывшие в страшной агонии тела Вика, Энжи, Руфуса Рика, Сары, Элиота, Кэсси... Похоже, они просто сидели и что-то обсуждали в этой комнате, которая внезапно стала их могилой. Может быть, их собрал здесь очередной план Вика, а может, они спорили, стоит ли тащить в этот дом диван с какой-нибудь свалки. Совсем как какая-нибудь группа выживших после конца света из очередной книжки на постапокалиптическую тематику, вот только атомная бомба или смертельный вирус поразили не все человечество, а что-то очень важное в глубине сердец этих ребят. Да, она не могла назвать их своими друзьями, и тем более не могла назвать их святыми, но...

— Ему было всего десять, ублюдок! — закричала Юрика, словно хищница бросаясь на Джина Саргаса. — Руфусу было всего десять!

Неровно обрезанные ногти до крови расцарапали левую щеку человека с темно-фиолетовыми глазами, и он, чтобы утихомирить девушку, грубо заломил ей руку. Извернувшись, Юрика зубами впиалась в его ладонь, почувствовав металлический привкус крови на языке, и Джин Саргас, вскрикнув не сколько от боли, сколько от удивления, выпустил ее из своих объятий.

— Тебе не следует усложнять ситуацию еще больше, — произнес он, рассматривая прокушенную руку так, словно впервые в жизни видел свою кровь.

Юрика, по щекам которой скатилось всего две злые слезы, бросилась в соседнюю комнату, к окну. Стремительный прыжок, тело сжато в комок, руки закрыли голову, все естество готово к звону разбитого стекла и удару о землю внизу, чтобы просто перекатиться, вскочить на ноги и побежать. Однажды она уже так делала...

Но не смогла сделать сейчас. Окно, старое грязное окно с трухлявой рамой и треснувшими стеклами, выдержало вес ее тела и отбросило назад, оглушенную и почти ничего не соображающую. Только короткий взгляд сквозь пелену застелившего голову тумана дал понять, что спасительный выход покрыт слоем инея, который покрыл собой стекло за доли секунды.

— Да кто ты такой вообще, мать твою... — застонала она, переворачиваясь на спину и наблюдая за приближающимся Джином Саргасом. Но он, так и не дойдя до нее, резко развернулся и застыл в довольно странной и нелепой позе.

— Вы? Быть не может! — воскликнул он, глядя на очень похожего на него человека, который появился на месте драматического развития событий как раз то время, когда Юрика вытирала своей курткой пол. Откуда? Просто взялся из воздуха, и все. И, на самом деле, общими между ними были только возраст, цвет волос и глаз, белый и фиолетовый, а все остальное, начиная с черт лица и заканчивая ростом и телосложением, заметно отличалось. Но все равно, того, что было, вполне хватало, чтобы говорить о некой кровной связи между этими двумя.

— Весь в мать, — неодобрительно качая головой, произнес неизвестный. — Где она, кстати?

Из ладони Джина Саргаса медленно вырос длинный ледяной клинок. Юрика впервые видела то, о чем раньше ей приходилось только слышать.

— Брось, ты же не собираешься со мной драться? — изумление незнакомца было вполне искренним, как и дружелюбный взгляд. — Я же вижу, что ты знаешь, кто я. Тебе глупо пытаться...

Джин бросился на него, занеся клинок для удара. И был отброшен взмахом руки с такой силой, что его тело вышвырнуло на улицу вместе с окном и частью стены.

— ... даже поцарапать меня, — закончил неизвестный, стряхивая с рукава длинного серого плаща ледяную крошку.

Юрика, кое-как поднявшись на ноги, подошла к внушительному пролому и посмотрела вниз, на куски разбитого кирпича и осколки стекла. Тела Джина Саргаса нигде не было видно.

— Он сбежал, — сказал неизвестный, став рядом с девушкой и с прищуром рассматривая стены находившихся напротив зданий.

— Кто вы? — спросила Юрика, отшатнувшись в сторону.

— Твой дядя. Меня зовут Дженази, кстати.

— А кто... он? — она имела ввиду Джина Саргаса, только потрясение от услышанного не позволило ей толком сформулировать вопрос.

— Разве это не очевидно? — Дженази улыбнулся ей, тепло и одновременно немножко грустно. — Твой старший брат.

Глава 2. Полуправда, семья и преступление

— Ха-ха... — Юрика выдавила из себя нервный смешок. А затем без особых раздумий прыгнула в уже разбитое окно.

«Дядя? Старший брат? Он что, всерьез считает, что я поверю в эту чушь? — ворох мыслей, пронесшихся в голове девушки во время падения, просто сочился сарказмом. — Да мы даже не похожи! Убивают здесь всех направо-налево и думают, что после этого простые смертные станут воспринимать их бред словно откровение свыше? Может, он мне еще про папу-миллионера расскажет, и маму-суперзвезду?»

Мягко спружинив при приземлении, Юрика бросилась прочь от проклятого дома. Узкие переулки Ховина оказались ей вполне надежным укрытием от подобных монстров в человеческом обличье, так что дело, по ее мнению, сейчас оставалось только за легкостью ног и великолепным знанием местности. В конце-концов, девушке не впервой убежать и прятаться.

И Юрике это удалось. Нырнув в самые темные дебри трущоб Угольника, и сделав все, чтобы сбить преследователя со следа, она спряталась в подвале полуразвалившегося дома, среди куч бытового хлама и строительного мусора. И не решалась покинуть свое убежище целые сутки, затаившись в нем, словно маленький и очень терпеливый зверек, который будет пережидать опасность столько, сколько потребуется. Голод и жажда в подобных ситуациях — несущественные мелочи.

Это был не первый раз, когда ей приходилось вот так скрываться в темных щелях и норах Ховина, дрожа не сколько от страха, сколько от ярости и бессилия. Дважды Юрика забивалась в угол. Первый раз — три года назад, когда ее банду размазали по асфальту студенты горностойительного колледжа, решившие поиздеваться над беспризорниками. Тогда дело решил инспектор Эспозито. Заставил педагогический коллектив учебного заведения самостоятельно разобраться с распоясавшимися молодчиками. И заодно вернул Юрику в приют, непонятно как найдя ее на чердаке мебельного магазина. Впрочем, у всех носителей фамилии Эспозито в этом городе есть свои таланты. Происхождение обязывает.

Второй раз произошел год назад, когда ей пришлось спастись от сумасшедшего маньяка с чудовищными физическими дефектами. Он вселил в нее такой ужас, что спасение Юрика увидела только в подземных туннелях под городом, в крошечной тьме. В компании крыс и кого-то еще, не выбирающихся на поверхность даже ночью.

Тогда ее тоже нашел инспектор Эспозито. А вот маньяк, державший город в страхе целых шесть дней, исчез бесследно и в никуда.

Разумеется, размышляя над тем, как ей лучше найти Джина Саргаса, Юрика хотела бы рассчитывать на помощь Эспозито, но это было невозможно — он просто вернет ее обратно в приют. Как всегда.

Тем временем, час за часом уходили в никуда. Она выжидала, дрожа от ярости и бессилия. И с рассветом нового дня решила, что скрываться дальше уже бессмысленно. Конечно, ночью покинуть подвал было бы безопаснее, но тогда она не смогла бы найти необходимую ей помощь у оставшихся в городе друзей.

Ничто не заставит ее вернуться в тот жуткий дом.

Когда Юрика, настороженно озираясь и прислушиваясь, если не принявываясь, стала выбираться из подвала, прямо у нее перед носом сверху упало что-то, завернутое в

коричневый бумажный пакет. Нырнув обратно и кое-как сладив с бешено участвовавшими дыханием и сердцебиением, она, трезво оценив свое нынешнее положение (из подвала был только один выход), стала ожидать дальнейшего развития событий.

И оно последовало в виде все того же завернутого в бумагу предмета, который, очевидно, не без посторонней помощи «прыгнул» в подвал. Следом за ним появилась, стуча по обломкам кирпича и бетона, стеклянная бутылка с водой. То, что она не разбилась, было просто нереальным, и Юрика смотрела на нее загипнотизированная, ожидая, что она вот-вот развалится на прозрачные осколки.

— Значит, правду говорят, что наши стеклодувы лучшие в Федерации, — пробормотала девушка, встряхнув головой.

Да, в Ховине были не только шахты.

Юрика осторожно потыкала в сверток обломком какой-то доски. Он был мягким и пах пирожком с мясом.

— Если не собираешься вылезать, то хотя бы поешь, — раздался негромкий голос снаружи. — Мне на тебя смотреть больно.

Еда и вода могли быть отравлены, но Юрика задавила приступ паранойи в зародыше.

— Вы правда мой дядя? — спросила она, опустошив бутылку с водой на треть.

— Правда, — заверил ее голос с проникновенной убедительностью. Дженази говорил приглушенным, сдержанным баритоном с легкой хрипотой.

— Чем докажете? — наступила очередь пирожка. Один только его вид заставлял желудок Юрики подвывать от голода, и она проглотила его, даже не успев ощутить вкуса. К счастью, в свертке был еще один.

Вопрос определенно поставил Дженази в тупик, так как его ответ последовал только через минуту:

— Сейчас я ничем не могу это подтвердить, кроме наличия общих черт внешности. У твоей матери тоже белые волосы и фиолетовые глаза. И я могу назвать ее имя.

— Назовите первое, что придет в голову? — промычала Юрика с набитым ртом. — И я ее никогда не видела, так что откуда мне знать, какие у нее там глаза и волосы?

Вкус пирожка с мясом был восхитителен. И не только потому, что девушка ничего не ела в течение суток, просто узнала стряпню тетушки Розали, державшую собственную пекарню неподалеку. Юрика неоднократно таскала ее выпечку с прилавка.

— Зачем мне это? — удивился Дженази.

— А мне почему знать? — пожала плечами девушка, и с сожалением подумала о том, что самоназванный дядя не положил в пакет что-нибудь еще.

Последовала еще одна непродолжительная пауза.

— Как тебя зовут?

Вопрос Дженази, донесшийся из-за стены, оказался настолько неожиданным, что девушка подавилась уже воздухом.

— Ты там в порядке? — спросил он обеспокоенно.

— В полном... — ответила она, прокашлявшись. И теперь уже настала ее очередь погрузиться в напряженное молчание.

— Вы не знаете, как меня зовут? — выдала она наконец.

— Нет.

— И впервые в жизни меня видите?

— Да.

Юрика снова задумалась, пытаясь понять, что именно она упустила.

— Тогда откуда вы знаете, что я ваша племянница? — задала она вполне резонный вопрос.

— Ты пахнешь, как дочь Ришари — это во-первых. У тебя ее глаза — это во-вторых. В третьих, черты лица, хотя скулы и разрез глаз у тебя со стороны отца.

— Допустим, — Юрика уже стала свидетельницей сверхчеловеческой силы Дженази, так что его слова о сверхтонком нюхе могли быть правдой. — Ришари — это моя мать, да? Кстати, как у нас могут быть одинаковые глаза, если у меня они серые, а у нее — фиолетовые?

— Они были серыми раньше. Как и у меня.

«Все чудесатее и чудесатее,» — Юрика мысленно процитировала древнюю сказку о девочке Лиззе.

— А как зовут моего отца?

Ответ Дженази последовал незамедлительно.

— Не знаю.

Брови девушки слегка приподнялись, но вслух она уже ничего не сказала.

— Почему я оказалась в приюте?

— Не знаю.

— Вы вообще хоть что-то знаете кроме того, что я ваша племянница?

— Вообще или о тебе конкретно?

— Вы издеваетесь?

И снова тишина. Юрике ситуация уже порядком надоела, но сделать она ничего не могла.

— У тебя есть еще один брат, — произнес наконец Дженази.

— И как его зовут?

— Не знаю.

— Идите к черту... — девушка забилась в угол подвала и свернулась там калачиком, спиной к выходу. Когда Дженази спустится за ней вниз, ей не доставит совершенно никакого удовольствия наблюдать за его приближением.

— Послушай, — в голосе самоназываемого дяди отчетливо прозвучали нотки раздражения, — я только-только вернулся из очень долгого путешествия по землям, о которых ты даже и не слышала, и в которое отправился задолго до рождения еще твоего старшего брата. Как его зовут, кстати?

— Джин Саргас. Планета круглая и географию я хорошо знаю. Куда вы отправились, говорите? Только не говорите, что на Внешний Архипелаг.

— Имя ненастоящее, — хмыкнул Дженази. — Именно туда.

— С чего вы взяли? — спросила Юрика, сделав отметку, что слова про Архипелаг — ложь.

— Я был известен под этим именем на Железном Архипелаге.

— Катитесь к черту, — повторила девушка, услышав еще один не устроивший ее ответ. Правда, она не могла не заметить, что уже никто не называет Арбарас Железным Архипелагом — лет пятьдесят как минимум. Все эти Внешние, Железные, Алые Архипелаги — запутаться недолго, вот и провели реформу в образовании. И тут же решила разыграть эту карту.

— Где-где вас называли Джином Саргасом? На каком архипелаге?

— Железном... — ответил Дженази неуверенно. — Ты же сказала, что знаешь географию.

— Географию знаю, Железный Архипелаг — нет.

— Острова между Вердиго и Судо. Большие такие, — терпеливо пояснил Дженази, вызвав у Юрики легкую улыбку. И ощущение слабой растерянности.

— Арбарас. Они называются Арбарас.

После этого Дженази не обращался к ней в течение часа.

— Вы еще здесь? — спросила Юрика, признав наконец, что ведет себя глупо.

— Да.

— Зачем я вам? — устало продолжила она.

— Ты — дочь Ришари.

— Отведете меня к ней?

— Да, — ответ последовал только после краткой паузы.

— Как интересно, — себе под нос хмыкнула Юрика и направилась наконец к выходу из подвала. — Кстати, а вы знаете, какой сейчас год?

— 1014-ый? — на ответ Дженази понадобилось секунд тридцать.

— Ага, 19 июня. Пятница.

— Ага, — поспешно подтвердил он.

Юрика наконец выбралась из подвала, отряхнулась, и улыбнулась Дженази во все тридцать два.

— На самом деле — 18 июля и четверг.

Судо. 10:10, 18 июля 1014 года, четверг.

Ичиро решительным шагом пересек широкий двор особняка, который не был отмечен ни на одной из карт западного Судо, и мрачно отмечал один за другим признаки полнейшего запустения. Он все еще не сбросил с себя до конца образ уважаемого и успешного Джина Саргаса, и потому с неодобрением смотрел на заросшие газоны, необрезанные деревья и кусты, заброшенные клумбы, неработающий фонтан с водой болотного цвета; жесткую траву, пробивающуюся прямо сквозь вычурную плитку дорожки, ведущей от решетчатых ворот к парадной двери особняка. Ни души вокруг.

«Меня здесь не было каких-то два года... Во что мама превратила это место?»

Уже зная, что никто не выйдет ему навстречу, он потянул на себя тяжелые дверные створки, петли которых, если судить по скрипу, определенно не смазывали еще со времен его раннего детства, и стойчески вынес вопиющую картину царства паутины и пыли в холле. Судя по толщине серого слоя на полу, мать Ичиро избавилась от слуг еще в прошлом году.

Тонкий и протяжный плач скрипки донесся до его чуткого уха с верхних этажей здания, и он сразу узнал один из шедевров маэстро Руидо, который так любила играть Мэй. Но она покинула эти стены десять лет назад, так что звуки, которые слышал Ичиро, были просто записью на древней виниловой пластинке из маминой коллекции.

А когда она включала тот дряхлый проигрыватель, разговаривать с ней о чем-либо было невозможно.

Ичиро усмехнулся краешком рта и провел пальцами по расцарапанной щеке. Сегодня

его выслушают в любом случае.

Комната, в которой Ришари ожидала сына, находилась на третьем этаже. Просто огромная, с высоким, украшенным лепниной потолком, окном на всю стену, из которого по вечерам можно было наблюдать просто волшебный заход солнца за край Южного океана, и... пустая. Не то, чтобы совсем, ведь в ее центре присутствовал широкий кожаный диван, повернутый к окну, да и проигрыватель, который Ичиро все еще не видел, определенно находился за ним. Просто кроме этих двух предметов интерьера в комнате не было ровным счетом ничего, даже настенных часов и люстры. Только дубовый паркет, голые стены и вид на океан — особняк стоял на краю высокого скалистого обрыва.

Пыли, к слову, тоже практически не было, только совсем тонкий, на первый взгляд незаметный слой. Поразительное явление на фоне всеобщего беспорядка, но ничего удивительного в этом не было, ведь для Ришари эта комната была священной. Ичиро не помнил случая, чтобы она в ней что-то меняла.

— Только не говори, что сама здесь убираешь, — произнес он, выключив проигрыватель и став у окна. Сине-зеленая поверхность океана сегодня была непривычно спокойной.

Ришари, которая до этого момента лежала на диване на животе и, повернув голову, сквозь полуприкрытые веки смотрела на чистое синее небо за фигурным стеклом, процедила сквозь зубы что-то нелicenseприятное в адрес сына и стала шарить по полу правой рукой. Очевидно, в поисках своего меча.

— У меня для тебя важная новость, мама, — Ичиро с негодованием отметил про себя ее внешний вид. Белая блузка с пятнами от красного вина и черные потертые брюки — не такой ее привыкли видеть на обложках модных глянцевых журналов. Положение не спасали даже длинные, ниже пояса, прямые серебристо-белые волосы. Тем более, что их в лучшем случае с утра не касалась расческа.

— Сегодня утром на Вердирио я встретил Дженази.

Рука Ришари дрогнула и слегка изогнутый меч с округлой гардой, задетый неосторожным касанием, закатился под диван. Выругавшись, женщина сползла на пол, чтобы достать его оттуда.

— Ты опять испытывал терпение Белгорро? — спросила она хриплым и чуть напряженным голосом — меч не давался ей в руки. — В последний раз он чуть не убил тебя. Если бы не я...

— Это было пять лет назад, мама, — Ичиро поморщился. И постарался не выдать своего удивления отсутствием реакции на новость о дяде. — Я навещал Юрику. Вчера ей исполнилось шестнадцать.

Ришари, чертыхнувшись, поднялась на ноги и, взобравшись на спинку дивана, свесилась головой вниз, пытаясь достать меч уже с другой стороны.

Ичиро покачал головой и отвернулся.

— Я же сказала тебе забыть о ней.

— Дядя нашел ее.

Если бы тяжелый, оббитый кожей диван, свистнув у него над головой, разбил окно и исчез в океанских глубинах где-нибудь между берегом и линией горизонта, он бы не удивился. Его мать была несдержанна в своих эмоциях, об этом хорошо знали посвященные все континента. Но Ришари, подняв наконец меч, упала назад на раритетный предмет мебели, и, прижав клинок к груди — словно любимую игрушку — повернулась спиной к

сыну.

Взгляд Ичиро на мгновение задержался на черных лакированных ножнах меча и его белой рукояти. Когда-то клинок принадлежал Дженази, и пролил столько крови, что уже ни одному обряду очищения не смыть с него леденящий запах боли и смерти. И не только запах. Только его мать могла держать это оружие в руках, любой другой же рисковал навсегда распрощаться с той конечностью, пальцы которой посмели сжаться на нем. Ичиро все еще помнил, как по юношеской глупости попытался вытащить его из ножен. Космический холод парализовал его руку на восемь часов, а с правой ладони по сей день не сошел нитевидный шрам.

С тех пор он больше никогда не прикасался к оружию. Любому оружию, созданному человеком.

— Я созываю «Стаю» и возвращаюсь на Вердиرو. Уверен, что найдя Юрику, он отправится за Ранмаро, — ярость и страх, переполнявшие Ичиро, на мгновение дали о себе знать неразличимой человеческим ухом дрожью в голосе. — Там я его и встречу.

— Делай, что хочешь, — Ришари было совершенно все равно.

— Юрика, Ранмаро и Виктория приедут на Судо со мной. Как и Валерия. И ты не скажешь ни слова против.

«Ну после этого-то она должна мне хоть что-то возразить,» — мелькнула в его голове беспокойная мысль.

— Удачи, — на этот раз его мать позволила себе нотку сарказма. — А теперь оставь меня.

Ичиро вспомнил про тонкую, едва заметную полоску шрама на левой щеке матери и понял, что на самом деле не так уже и хорошо ее знает. Не проронив более ни слова, взбешенный тем, что она не верит в его силы, он покинул комнату, с трудом избежав соблазна хлопнуть дверью.

Вердиро, 10:10, 18 июля 1014 года, четверг.

Инспектор Эспозито вежливо отказался от предложенного ему стула и подошел к окну, чтобы посмотреть на играющих во дворе детей. Увы, но эта безмятежная картина не смогла изгнать страшные воспоминания об увиденном сегодня утром. К тому же воображение, словно издеваясь над ним, нарисовало всех этих мальчишек и девчонок на месте тех, обнаруженных в старом заброшенном доме всего три часа назад.

— Инспектор Эспозито! — Болия Ларса, все еще не услышав обещанных вопросов напомнила о себе.

— Извините, — мужчина усилием мысли изгнал наваждение из головы и повернулся к директору приюта. — Сегодня у меня очень тяжелый день. Я надеюсь, что хотя бы вы сможете мне помочь.

— Чем именно? — синьора Ларса была не в восторге, находясь в обществе «того самого Эспозито».

— Вы, как директор этого славного богоугодного заведения, должны лучше всех знать, что из себя представляет маленькая синьора Юрика Эспозито, — инспектор не отказал себе в удовольствии понаблюдать за изменившимся лицом Болии Ларсы.

— Юрика Эспозито, инспектор? — судя по тону, директор определенно не спешила сотрудничать.

— Да. Та самая, которая на данный момент находится за пределами приюта. Или это не вы поручили своему секретарю сообщить в городскую жандармерию о ее побеге?

Болия Ларса чертыхнулась — мысленно, но определенно чертыхнулась, инспектор Эспозито был в этом абсолютно уверен.

— Ах, Юрика Эспозито, — градус раздражения в голосе женщины поднялся на пару делений. — Но в таком случае я не понимаю, почему вопрос вообще был обращен ко мне, ведь городская жандармерия и без моей помощи прекрасно знает, что из себя представляет это бедное дитя. Вот вы, например.

— Смею сообщить, что Юрику Эспозито городская жандармерия прекрасно знает именно благодаря вашим усилиям...

Болия Ларса встала со своего кресла и посмотрела инспектору в глаза.

— Не слишком ли много ты себе позволяешь, Просперо? — спросила она ледяным голосом. — Смею предположить, что личные обиды не дают тебе мыслить и оценивать ситуацию объективно.

— Я прекрасно знаю, что значит вырасти среди этих унылых стен под надзором высокомерной себялюбивой старухи, — не сдержался инспектор, совсем не радужные детские воспоминания дали о себе знать слегка не вовремя.

— Мне было сорок, когда ты покинул эти «унылые стены»! Спрашивай, что тебе нужно, или убирайся с глаз моих!

Инспектор поспешил выровнять дыхание и успокоиться.

— Юрика когда-нибудь проявляла склонность к мистическим искусствам?

Болия Ларса позволила себе снисходительно рассмеяться.

— Склонна ли она к мистическим искусствам? Да ты цвет ее волос вспомни! Она без особого труда ломала кости старшим ребятам! Склонна ли она... Более, чем склонна!

Инспектор Эспозито неудовлетворительно покачал головой.

— Меня интересует совсем не ее исключительная физическая сила. Демонстрировала ли она способности изменять температуру тел, к примеру?

— Нет, такого я за ней не замечала. Если она и могла что-то поджечь, то использовала спички.

— Вообще я имел ввиду охлаждение... А могла ли она убить?

Болия Ларса охнула и упала назад в кресло, хватаясь за сердце.

— Господь Всемогуший! Просперо, в чем ты ее подозреваешь?

— Сразу хочу напомнить, что это моя работа, так что не стоит делать из меня чудовище...

— Просперо!

Инспектор тяжело вздохнул и пропустил остальную часть предложения, целью которого было подготовить директора и бывшую свою наставницу к очень плохому известию:

— В убийстве семи человек. И одного из них вы тоже хорошо знаете. Элиот Эспозито погиб сегодня утром, синьора Ларса.

Синьоре Ларса понадобилось время, чтобы полностью осознать услышанное.

— Бедный мальчик... — директор закрыла лицо ладонями и начала медленно раскачиваться из стороны в сторону. — Это все твои коллеги виноваты! Ленивые жирные бороды, что им стоило вернуть мальчика в приют?

На это Эспозито ответить было нечего. И тем более он не хотел говорить о том, что воспитанник приюта вместе с бандой беспризорников совершил тяжкое преступление, о чем жандармы узнали уже после его смерти: в подвале заброшенного дома были обнаружены товары из ограбленной на днях лавки.

— Юрика постоянно крутилась в его компании вместе с детьми из неблагополучных семей. Я подозреваю, что девочка могла повздорить с ними, и во время ссоры непроизвольно высвободить спящие внутри способности. Такое уже случалось.

— Просперо, твою гипотезу я не могла подтвердить или опровергнуть изначально. Зачем ты сюда пришел? Дай угадаю, сообщить о смерти Элиота? Так ты справился со своей задачей. А теперь уходи, я хочу побыть одна.

— Синьора Ларса, я хочу услышать ответ на свой вопрос, — проявить твердость в подобной ситуации стоило инспектору Эспозито немалых усилий.

Болия Ларса с ненавистью посмотрела на невысокого, чуть полноватого темноволосого мужчину, которого лично нашла еще младенцем в корзине на пороге своего приюта сорок лет назад.

— Юрика может убить человека, Просперо. Неумышленно, во всяком случае, — после этих слов она немного успокоилась. — Это мое субъективное мнение. Если хочешь ознакомиться с точкой зрения, противоположной моей, то я могу отвести тебя к Марии.

Инспектор рискнул посмотреть на женщину, на голове которой к утру определенно прибавится седых волос.

— Марии?

— Лучшая подруга Юрики. К слову, она может тебе рассказать о девочке гораздо больше, чем я.

Марию инспектор и директор нашли в общей спальне. Она сидела на своей кровати и читала учебник по физике, рядом были прислонены деревянные костыли. Для Эспозито стало неожиданностью то, что девочка — калека.

— Мария, это инспектор Эспозито. Он задаст тебе несколько вопросов, а ты честно ответишь на них, — строго произнесла синьора Ларса.

— Я не знаю, где Юрика, — ответила девочка, не отрываясь от книги.

— Но ты догадываешься, куда она хотела бы пойти, — Эспозито жестом попросил директора не вмешиваться в диалог.

Мария вздрогнула, но продолжила чтение с прежним упорством.

— Она всегда убегала в одну и ту же компанию. В какую, вы и без меня отлично знаете.

— Но ведь она не собиралась яшкаться с ними всю жизнь, не так ли? Она должна была рассказать тебе о своих планах на будущее, мечтах, стремлениях...

Чего она хотела больше всего? Ты сильно поможешь ей, если расскажешь, ведь сейчас Юрика попала в большие неприятности. Возможно даже, что ее жизни угрожает опасность.

Мария не шелохнулась и не подняла головы, но инспектор знал, что сейчас ее взгляд направлен сквозь страницы книги.

— Я не знаю, где ее найти, — голос девочки был тверд. — Но однажды она рассказывала, как искала в Ховине господина по имени Джин Саргас. Синьора Ларса знает о нем больше, чем я.

— Синьора Ларса? — Эспозито обратиться к директору за разъяснениями.

— Если это все, что ты хотел узнать у Марии, то предлагаю вернуться в мой кабинет, — недовольно ответила женщина.

Покидая спальню, инспектор спиной чувствовал взгляд до смерти напуганной девочки, но когда обернулся, она продолжала в той же самой позе нависать над учебником.

О Джине Саргасе директор ничего толком рассказать не могла, а потому посоветовала обратиться к самому Ховино Руно, деловым партнером которого тот являлся. И инспектор Эспозито, уже за полночь возвращаясь к себе домой, не уставал мысленно благодарить старуху — диалог с одним из самых влиятельных людей города оказался весьма информативным.

«Человек по имени Джин Саргас принес новорожденную Юрику в дом Ховино Руна с просьбой поместить ее в приют. Человек по имени Джин Саргас каждый год перечислял в фонд приюта приличную сумму. Человек по имени Джин Саргас не хотел открываться Юрике, хотя каждый год находил повод, чтобы посетить приют и увидеть ее. Его мало волновали ее побег... Имел возможность следить за ней?»

Эспозито перешагнул порог своего дома и с облегчением сбросил старые потрепанные туфли. Все никак не купит себе новые... Да и плащ пора менять, хотя и не хочется.

«Мог ли человек по имени Джин Саргас убить ребят?» — включая кофеварку, инспектор так и эдак рассматривал эту мысль в своей голове.

«Что я о нем знаю? По сути, ничего. У него белые волосы, и он определенно выходец из аристократической семьи. Ховино Руно неизвестны его адрес и источники, из которых он черпает столь значительные суммы, всегда представленные в виде наличных. Всегда приезжал на такси и всегда один... Существует догадка, что он родом с Судо.»

Эспозито невольно улыбнулся забавному совпадению: лет десять назад, когда торговля с Судо еще была разрешена, в городской кинотеатр попала пленка с фильмом, в котором главную роль исполняла Джина Саргас — прелестная молодая актриса с длинными белоснежными волосами. Возможно, об этом будет не лишним рассказать агенту «Молота», который завтра приедет в Ховин для расследования этого дела. Инспектор передаст ему все собранные материалы и озвучит уже существующие версии произошедшего, а потом отойдет в сторону — преступления, в которых замешаны мистические искусства, должны расследоваться их адептами, из которых «Молот» состоит поголовно.

«Но есть ли у них кто-то столь же сильный, как тот, кто убил ребят? Создать столько натающего льда из ничего... И ради чего?!»

Когда кофе уже был готов, Эспозито не удержался и пропустил между большим и указательным пальцами трескучий электрический разряд. Самое большее, на что он способен, но даже с этим его едва не взяли в «Молот», потому что на нечто подобного уровня способен каждый сотый человек на планете.

— Юрика, Джин Саргас или еще кто, но убийца — самый настоящий монстр, — пробормотал Просперо и вылил кофе в раковину. Ему следовало выспаться.

Глава 3. О пользе головных уборов

Верди́ро, Ховин. 10:30, 18 июля 1014 года, четверг.

Для того, чтобы привести себя в порядок, Юрике понадобилось несколько часов. Для этого Дженаси нашел комнату в общежитии рядом с обувной фабрикой, и поразительной легкостью договорившись с комендантом, оставил девушку одну, чтобы она смогла принять душ и наконец-то выспаться. Вернулся через четыре часа, с охапкой вещей переодеться. Юрика к этому времени уже чутким сном спала на узкой койке, и когда он вошел, мгновенно перешла в режим бодрствования, дикой кошкой подпрыгнув на простыне и отбросив одеяло в сторону.

Быстро переодевшись в совершенно новые — новые! У нее впервые в жизни были собственные и совершенно новые вещи! — черные брюки, новую зеленую футболку и новую черную толстовку с капюшоном, и натянув на ноги совершенно новые — о, какое блаженство! — черные кроссовки, Юрика впервые за долгие годы почувствовала себя человеком. Из старого гардероба она оставила при себе только шапку, которую старательно отряхнула и почистила. И немедленно изъявила желание покинуть это место, убедив Дженаси, что полностью выпалась.

Он не стал спорить, и они снова оказались на пыльных улицах Ховина, направившись в его наиболее оживленную часть. Летняя жара уже начала давать о себе знать, но это не помешало девушке накинуть поверх шапки еще и капюшон, хотя вскоре она сдалась и сбросила его с головы. Потом пошла дальше и стащила и саму толстовку, обвязав ее вокруг талии.

— Может, снимешь эту отвратительную шапку? У тебя красивые волосы, зачем ты их прячешь? — факт того, что Юрика разгуливает в головном уборе в ясный летний день, мужчину, похоже, совсем не смутил. Да и сам он, как ни в чем не бывало уверенно шагал в своем длинном плаще из непонятного вида ткани. И его тяжелые коричневые ботинки армейского фасона точно так же не вписывались в июльский контекст средней полосы Верди́ро.

Юрика, невежливо отбросив в сторону тянущуюся к ее голове руку Дженаси, мрачно ответила:

— Именно поэтому я и не хочу ее снимать. Табличку на груди с надписью «Привет, меня зовут Юрика Эспозито, и я сбежала из сиротского приюта» еще могут не заметить, а вот мои волосы любой жандарм увидит даже с другого конца Ховина.

— Теперь, когда ты со мной, тебе незачем переживать из-за подобных глупостей, — произнес Дженаси и силой стащил с нее шапку. — Так-то лучше. Небеса, зачем ты стрижешься так коротко?

Юрика, которая без головного убора чувствовала себя все равно что голой, непроизвольно прикрыла голову руками и присела. Дядя не понимал, каково это — скрываться от властей, обладая особой приметой, из-за которой рядом с тобой становится малозаметной новогодняя елка. Конечно, волосы можно покрасить, но сама мысль об этом действии вызывала у девушки отвращение. Лучше уж короткая стрижка и шапка (к тому же в ней ее принимают за мальчишку. Иногда).

— Юрика Эспозито! — раздался у них за спиной громкий мужской голос.

«Ну вот, я же говорила...»

Дженази повернулся в сторону широкоплечего усатого жандарма в синей форме. Юрика спряталась за спиной дяди.

— Вам что-то нужно от моей племянницы? — вежливо поинтересовался он у мужчины прежде, чем тот попытался схватить девушку.

Жандарм, которому определенно помешали исполнять его прямые обязанности, нахмурился.

— Она сбежала из приюта. Вы в курсе, что она сирота, гражданин..?

Дженази только улыбнулся в ответ, а через несколько секунд и до жандарма дошло значение слова «племянница».

— Гражданин, вы что, ее родственник? — у мужчины в форме глаза полезли на лоб, он едва не присвистнул от удивления. А потом посерьезнел:

— Не замечаю за вами семейного сходства. Вы можете подтвердить свое родство? К тому же официально Юрика все еще является подопечной городского приюта для сирот. И да, совсем забыл: она у нас числится как вероятная свидетельница массового убийства. Так и так вам обоим придется проследовать за мной в участок, гражданин... извольте ваши документы.

Дженази только вздохнул в ответ. Документов у него при себе, видимо, не было.

Жандарм потянулся за своей дубинкой.

Хрясь!

Когда бессознательное (а может и мертвое) тело жандарма полностью осело на землю, Юрики рядом с Дженази уже не было.

«Придурок! Идиот! Большой на голову! Псих! Напасть на жандарма на глазах у десятка свидетелей! Не знаю, кто он там на самом деле, но чем дальше я от него буду находиться, тем лучше,» — мысленно ругалась девушка, юркнув в один из узких кривых переулков и удаляясь от места происшествия с максимально возможной скоростью. Дженази додумался снять с нее шапку там, где было достаточнолюдно — на одном из городских перекрестков по пути к железнодорожному вокзалу. Она протестовала против этого маршрута еще тогда, когда дядя объяснил ей, куда они отправятся для начала. Предлагала пробираться окраинами, но нет, он же лучше знает, как следует поступать... И что он теперь имеет? Всю городскую жандармерию на хвосте и листок с фотороботом на доске «В розыске»?

— Ты же собиралась встретиться с Ришари, — прозвучало у Юрики за спиной, когда она наконец остановилась. Девушка выругалась и обернулась, чтобы встретиться с Дженази взглядом.

— Ты хоть понимаешь, что натворил?

— Убрал с дороги препятствие. Придерживаюсь принципа «нет человека — нет проблемы».

Юрику затрясло.

— Не бойся, с тем славным парнем все в порядке, даже голова болеть не будет. Мне нравятся люди, которые способны припереть к стенке аргументами и логикой.

— Идиот... — девушка села на землю и, совершенно беспомощная перед стихией в виде чужой глупости, заплакала.

«Черт! Он же с виду такой умный... Черт!»

— Ты считаешь, что было бы разумным пойти за ним в участок? — спросил Дженази, чуть посерьезнев.

— Мы могли убежать, — ответила Юрика сквозь слезы. — Или пойти с ним и обезвредить по дороге — где-нибудь, где двадцать человек не смогут увидеть, как ты бьешь представителя закона по голове.

— Если бы я поступил именно так, то в конце мне пришлось бы «бить по голове» все ваше городское управление. Это хлопотно. Не было бы у нас по пути безлюдных мест, определено.

— Мы могли убежать...

Внезапно разозлившись, Дженази схватил Юрику за плечи и поставил ее на ноги. Она попыталась отстраниться, с испугом глядя в его ярко заблестевшие глаза, фиолетовый цвет которых стал еще насыщеннее.

— Послушай меня, Юрика. Мы ни от кого не прячемся и ни от кого не убегаем. Ты — не сирота, у тебя есть мать, братья и я; тебе нет никакого смысла возвращаться в приют. Местные представители закона не смогут привлечь твоего брата к ответственности — им нет смысла за тобой гоняться. Тебе не нужно переживать, если нас снова попытаются задержать — я справлюсь с любой проблемой.

— Как пять минут назад?

Дженази отпустил Юрику и отвел взгляд в сторону.

— Ну, этот метод работает...

— Я никуда с тобой не пойду! — для пущего эффекта девушка хотела еще топнуть ногой, но ей слегка не хватило уверенности. Да, она понимала, что сейчас просто закатывает истерику, но как еще ей убедить этого... своего дядю действовать более осторожно? Если уж заплакала впервые за четыре года, то изволь идти до конца в своих эмоциональных порывах.

«Боже, я впервые применяю «эти женские штучки». Сама себе противна...»

Выражение лица Дженази стало непроницаемым. И очень, очень спокойным. И все попытки к сопротивлению были тщетны, когда он одной рукой обхватил ее за талию и потащил в сторону (о ужас!) оживленной улицы, словно мешок с сыпучим содержимым.

— Дядя!

Разумеется, он ее не отпустил, и даже не сбавил шаг.

— Дядя!

До поворота на одну из самых многолюдных улиц Ховина оставалось каких-то пятнадцать шагов.

— Дядя, я все поняла! Я буду тебя слушаться и больше не буду никуда убегать, даже если за нами начнут гоняться танки. Только поставь меня на землю, пожалуйста...

Это помогло. Ощувив твердую почву под ногами, Юрика, семена следом и чувствуя себя послушной собачкой (что ее злило просто невероятно), спросила, стараясь, чтобы прозвучало нейтрально:

— Ты все вопросы решаешь грубой силой?

— Только она что-то решает в этом мире.

— Я всегда думала, что деньги.

— Нет. Только сила.

Девушка фыркнула, но спорить не стала. Примерно минут десять, пока Дженази не остановился напротив стеклянной витрины одного очень популярного в Ховине кафе. Нужно ли говорить, что Юрика всегда хотела в него зайти, но боялась?

— Если у тебя есть миллиард, то считай, что и весь мир у тебя в кармане... Ты же не собираешься сюда зайти? Нас уже должны искать жандармы. С особым рвением.

— Хочу угостить племянницу кофе и пирожным.

— Но я не хочу, — запротестовала Юрика, но тихо — стеснялась прохожих. А еще она не представляла, как сможет зайти в настолько шикарное место. Она! Малолетняя преступница с настолько размытыми представлениями о морали и гражданской ответственности, что ей даже в голову не приходило винить в чем-то всех тех людей, которые желали изолировать ее от общества. К тому же она со стыда сторит под насмешливыми взглядами всех этих богачей! Да, на ней приличная одежда, но стоило только кому-то посмотреть на нее, как девушка тут же съеживалась, ощущая себя Отзолкой, которой крестная-волшебница выдала новое платье, но не объяснила, как его носить. Дяде хорошо, он, похоже, всю жизнь ходит в приличных людях. А она? Ни разу без опаски не высывалась из городских закоулков. Да и то по ночам.

— Когда речь идет о простом человеке, то не имеет значения, сколько денег у него на счету, — Дженази все же заставил Юрику войти в кафе и подозвал официантку. — Они не защитят его от пули в лоб.

— От пули в лоб могут защитить телохранители, которых можно нанять за деньги, — парировала девушка. Она заказала кофе с молоком и нечто «Фаулинское», надеясь, что оно не состоит из одного крема или зефира. — И я не думаю, что человека с миллиардом в кармане можно назвать «простым». Если ты хочешь сказать, что человеку вроде тебя какие-то телохранители не ровня и ты любого достанешь, то напомню, что в одиночку армию еще никто не побеждал. Да, армия — это грубая сила с твоей точки зрения, но снаряды, топливо и провиант не из воздуха берутся.

Дженази одним глотком опустошил свою чашку с кофе и посмотрел на племянницу с некоторым оттенком уважения в глазах.

— Тебе правда шестнадцать?

— Я читала много газет, — с некоторым вызовом ответила Юрика, доедая пирожное.

«И не только газет, — мрачно произнесла она про себя. — Но о том, что я освоила большую часть городской библиотеки к пятнадцати, тебе знать необязательно».

Дженази положил локти на стол и опустил подбородок на сцепленные в замок пальцы. На мгновение Юрике показалось, что он услышал фразу, озвученную только в мыслях.

— И что в газетах пишут о Гвардии Хаоса? — спросил он.

— Не читаю «желтую прессу». Твою мать... — девушка внезапно захотела стать очень и очень маленькой, а еще лучше — невидимой, потому что в кафе в сопровождении здорового двухметрового амбала зашел инспектор Эспозито. «Финита ля...»

— Может, прекратишь нецензурно выражаться? — возмутился Дженази.

— А что мне еще остается? — ответила девушка, в голове которой уже начался мысленный отсчет до момента, когда инспектор их заметит.

«Три. Два. Один... Простите, это как?!»

Инспектор Эспозито и его спутник прошли мимо и сели за соседний столик, не обратив на девушку и ее дядю ровно никакого внимания. Нет, взгляд давнего знакомого Юрики скользнул по ее лицу и одежде, но так, словно здесь сидела не она, а кто-то совершенно другой.

«Проблемы со зрением? Амнезия?» — промелькнуло в ее голове, и она только чудом удержалась от того, чтобы окликнуть инспектора.

— Что будете заказывать, синьор Рыков? — спросил Эспозито у амбала, который, как уже успела заметить Юрика, тоже принадлежал к категории «шпиков». И даже в большей

степени, чем сам инспектор, которого непосвященный человек мог принять за кого угодно, но только не за жандарма. Поговаривали, что это здорово помогает ему в расследовании дел. Эдакий полноватый низкорослый простак с добродушным лицом и наивным взглядом. До тех пор, пока сквозь эту простецкую маску не сверкнет ироничный прищур, и неуклюжая походка не сменится поступью вышедшего на охоту тигра.

— Просто Иван, товарищ Эспозито. Я не привык к подобному официозу, — голос у «синьора Рыкова» оказался на удивление интеллигентным, что определенно могло вызвать у его собеседника когнитивный диссонанс. Но инспектор, судя по всему, справлялся.

— У вас в «Молоте» не практикуют вежливое обращение?

— Практикуют. Обращения на «сэр», «мистер», «сан», «месье», но не «синьор». Если вам так хочется, зовите меня лучше товарищ Рыков.

— Хорошо, товарищ... товарищ... товарищ... — не все жители Эломаса могли без труда выговорить славское «щ», а инспектор был словно образцовым представителем народа ромэ, которых так много рассеяно по югу Федерации. Сама Юрика относилась к гемини неопределенного происхождения с сильной примесью скуластых узкоглазых яо. Метиска.

— Иван. Просто Иван.

— Хорошо, Иван, — Эспозито сдался. — Что будете заказывать?

«Где же эта официантка, дери ее символ трансцендентного высшего зла во все не предназначенные для этого отверстия?» — Юрика прочитала нечто подобное на лице инспектора, когда он стал взглядом искать девушку в белом передничке.

— Товарищ Эспозито, вы и правда притащили меня сюда для того, чтобы просто перекусить? — нахмурился агент «Молота». — Меня ждут срочные дела.

— Я просто надеялся, что в уютной атмосфере этого милого заведения вы все же расскажите мне, почему собираетесь вернуться в Зорсу, если приехали всего пару часов назад? А как же расследование?

Товарищ Рыков, или просто Иван, вышел из-за столика и направился к выходу.

— Иван, постойте!

Агент «Молота» все же удосужился обернуться и бросить на прощание:

— Все, что было необходимо, уже выяснили вы, инспектор. Могу только добавить, что убийство было совершено прошлой ночью, а не сегодня. Я забираю все материалы по делу и возвращаюсь. Дело рекомендую закрыть.

Эспозито, который порывался было последовать за Рыковым, в полнейшей растерянности вернулся на свое место.

— Да, кстати, — громила обернулся еще раз, — если вам каким-то чудом удастся отыскать Юрику Эспозито, то сообщите мне об этом незамедлительно.

— Да-да, конечно...

Ничего не понимающая Юрика Эспозито проводила агента «Молота» взглядом и повернулась к Дженази.

— Дядя...

Тот ничего не ответил и, казалось, дремал на своем стуле.

— Дядя! — позвала она его чуть громче и тут же осеклась, когда Эспозито посмотрел на источник шума. С остановившимся сердцем она наблюдала за его любопытствующим выражением лица, а потом он просто улыбнулся ей и настойчиво помахал рукой, подзывая появившуюся в зале официантку.

— Ты уже все? Может, еще чего заказать? — Дженази, сбросив с себя сонное

оцепенение, жизнерадостно улыбнулся племяннице.

— Нет, спасибо, — громко ответила она, не отрывая глаз от инспектора, который уже был полностью поглощен содержимым меню.

— Тогда на вокзал. Пора в путь.

— Да, хорошо, — уже тише сказала она, и когда выходила с Дженази из кафе, помахала Эспозито рукой на прощание. Он заметил и, еще раз улыбнувшись, тоже помахал ладонью.

— Ничего не понимаю...

Инспектор Эспозито не чувствовал вкус своего кофе, даже его аромат проходил где-то мимо сознания, как и все происходящее вокруг. Не существовало для него сейчас ни стен этого кафе, ни посетителей, ни даже милой молодой официантки, которая что-то щебетала у него над ухом. Все мысли были заняты только одним вопросом: почему Иван Рыков, стоило ему только увидеть фоторобот Джина Саргаса, уехал? Кто этот загадочный человек, принесший Юрику Ховино Руну шестнадцать лет назад? В документах было указано, что это произошло 13 июля 998 года, но короткий диалог со старым дворником позволил выяснить, что на самом деле новорожденную девочку он принес 17-го числа. Действительно ли он убийца? Насколько сильна связь между Джином Саргасом и Джиной Саргас? Эспозито отыскал в хранилище кинотеатра одну из сохранившихся афиш фильма, который смотрел лет десять назад. «На краю неба» — так он назывался, и на ней была черно-белая фотография актрисы. Сравнив ее портрет с фотороботом Джина Саргаса, инспектор обнаружил их непосредственное сходство. И Юрика оказалась удивительно похожа на девушку с афиши, хотя в ней очевидна кровь яо. И еще этот совет закрыть дело... Не завуалированный приказ, а именно совет не тратить попусту силы. Неужели он совершенно беспомощен в этом деле? Семь ребят погибло... А как же правосудие?

Просперо Эспозито не был образцовым стражем правопорядка. Честно говоря, он, как бывший беспризорник (именно поэтому он, как и Юрика — Эспозито), до сих пор в душе недолюбливал тех, кого в народе называют «настоящими жандармами». Детская неприязнь, от которой уже не избавиться... И все же никогда не переступал черту, которая отделяет «хороших» от «продажных». Порой внутреннее чувство справедливости вело его на заключение сделок с совестью, не раз он нарушал закон, чтобы преступника все же постигло наказание. Но он всегда был твердо уверен в том, что это необходимо.

А теперь... Что он может теперь? Оставить все «Молоту»? Признать, что не его уровня преступник?

— Инспектор Эспозито! — жандарм, ворвавшийся в кафе, ураганом пронесся по залу и остановился возле его столика, вытянувшись по струнке. — Сорок минут назад на перекрестке Дубовой и Четвертой Рабочей улиц было совершенно нападение на сержанта Лоиса! Неизвестный ударил его и скрылся! По описанию свидетелей, им был мужчина среднего роста с белоснежными волосами, и его сопровождала Юрика Эспозито!

— Что? — инспектор вскочил со своего места, едва не опрокинув стол. — Они еще в городе? За мной, живо!

«Сообщить Рыкову, немедленно!» — вот что вертелось в голове Просперо, когда он бегом направился к выходу из кафе. А потом споткнулся на ровном месте и упал, растянувшись на полу во весь рост.

«Что же это со мной? — растерялся он. — Что с моей головой?»

Все было просто: инспектор вспомнил, что Юрика и ее спутник сидели рядом с ним и Рыковым, за соседним столом. Он же еще обратил внимание на девушку, у которой было лицо разыскиваемой, удивился тому, как они похожи! Только что-то в голове дало сбой, он принял ее за другого человека, хотя для этого не было каких-либо видимых причин.

И мужчина, что был с ней... Эспозито вспомнил, что они с Рыковым шли мимо, и инспектор увидел сквозь огромное стекло человека с белыми волосами и сидящую рядом с ним Юрику. Потом похожий на Джина Саргаса незнакомец повернул голову, встретился с ним взглядом — и все, в голове исчезла прямая связь между внешностью этих двоих и именами, проходящими по делу. Манипуляция сознанием, не иначе.

«Этот человек... Это был не Джин Саргас. Следует сообщить Рыкову, и как можно скорее. Они еще о чем-то говорили перед тем, как уйти... «Вокзал». Просто замечательно, после их ухода не прошло много времени».

— Инспектор Эспозито! — голос жандарма напомнил Просперо, что он все еще лежит на полу.

— Со мной все в порядке, — сказал он, вставая и отряхиваясь. — Найди синьора Рыкова и попроси его немедленно прибыть на вокзал. Я буду ждать его там.

«Боже, эта чертовка еще посмела помахать мне рукой перед уходом... — злился инспектор, останавливая таксиста и запрыгивая в автомобиль.

— На вокзал, живо!

Глава 4. Человек из прошлого. Взгляд в прошлое

— Два билета в Фламби, пожалуйста, — любезно попросил спутник Юрики Эспозито у девушки, сидящей за вокзальной кассой. Инспектор Эспозито, Иван Рыков и еще четыре жандарма, находясь в десяти метрах от разыскиваемой, все прекрасно слышали. И ничего не предпринимали.

— Синьор Рыков, поезд во Фламби отправляется через сорок минут, — процедил сквозь зубы Просперо. — Вы собираетесь предпринять хоть что-нибудь?

— Собираюсь, — ответил агент «Молота» негромко, наблюдая, как беловолосый получает желаемые проездные документы. — Интересно, когда в Федерации начнут продавать билеты на поезда только по паспортам? Это здорово облегчит вам жизнь, инспектор.

— Целиком и полностью «за», синьор Рыков. Так что именно вы собираетесь предпринять?

Юрика Эспозито и ее спутник отошли от кассы и направились к выходу. Инспектор, Рыков и жандармы стояли у них на пути.

— Синьор Рыков! — инспектор потерял самообладание, видя цель всего в нескольких шагах от себя. — Действовать нужно сейчас!

Рыков не двигался, и вообще, по мнению Просперо, вел себя очень странно.

Не дождавшись от него какой-либо реакции, инспектор сделал шаг навстречу подозреваемым, достал из внутреннего кармана удостоверение и произнес:

— Инспектор Просперо Эспозито! Предъявите ваши доку... — он оборвал себя на полуслове и растерянно моргнул: Юрика и сопровождающий ее мужчина, которые только что были прямо перед ним, исчезли.

— Синьор Рыков... — Просперо повернулся к агенту «Молота». — Иван?

Очень сложно потерять человека комплекции «шкаф», но у Просперо это получилось.

— Куда он подевался? — спросил инспектор у жандармов, и те указали ему на дальний угол зала, в котором находились телефонные аппараты. Рыков стоял у одного из них и что-то говорил в трубку.

— Когда он успел... А где Юрика и тот человек?

— Они ушли, инспектор. С вами все в порядке?

— Нет, разумеется! Что произошло? — Просперо сильно беспокоило то, что подчиненные избегают смотреть ему в глаза.

— Вы достали свое удостоверение, а потом словно окаменели. Мистер Рыков приказал нам пропустить подозреваемых. Мы можем вернуться к своим обязанностям, инспектор? И так потеряли слишком много времени.

— Да, конечно...

— Мы и вам советуем поступить так же, инспектор.

На этот раз Просперо ничего не ответил.

В тот момент, когда Просперо Эспозито вытащил свое удостоверение и попытался остановить Дженази, Иван Рыков просто закрыл глаза. Так поступает человек, который

смирился с неизбежным. Впрочем, когда ничего не произошло, он также и не сильно удивился. «Ничего не произошло,» — в том смысле, что здание вокзала не было разрушено, никто не погиб и даже не был ранен. Только сознание Просперо подверглось сильнейшему ментальному воздействию. Ничего страшного. Совершенно ничего.

Рыкова и жандармов Дженази не удостоил даже взглядом и просто прошел мимо, а вот красноволосая девчонка была перепугана очень сильно, и скорее всего, из-за странного, с ее точки зрения, поведения инспектора. Похоже, что о Дженази ей известно столько же, сколько и Просперо. Счастливые.

Посетив место преступления сегодня утром, агент «Молота» уже через пару секунд мысленно объявил дело закрытым. Ему был известен только один человек, способный создавать лед в таких количествах и такого уникального качества — Ичиро, второй глава «Стаи», сын Богини Юга. Потом пришел Просперо и показал его портрет — фоторобот человека по имени Джин Саргас, который регулярно посещал Ховин в течение шестнадцати лет. Тяжелый удар по репутации «Молота», если бы только общественности была известна почти восьмидесятилетняя история борьбы организации, основанной самим Ранфаргом Белгорро, с организацией, созданной Ришари.

Неясными для Рыкова оставались только две вещи: связь Ичиро (Джина Саргаса) с Юрикой и кто, собственно, выбросил его из окна. Ведь те, кто в курсе определенного набора фактов, не без помощи «Молота» позабытых широкими слоями населения, говорят, что мощь первенца Ришари находится на уровне Кандидата, которых в Федерации и десятка не наберется.

Потом была беседа с инспектором в кафе, Рыков сообщил Просперо о своем намерении уехать и посоветовал закрыть дело. И уехал бы, если бы не остановивший его жандарм с требованием появиться на вокзале. Рыков последовал просьбе инспектора и раскрыл вторую из двух загадок.

Дженази.

Признаться, Ивана Рыкова порядком потрянуло, когда он собственными глазами увидел эту часто подвергаемую сомнению легенду во плоти. Ведь когда Ранфарг Белгорро восемьдесят лет назад основал «Молот», то поставил перед ним две основные задачи. Первой была борьба с враждебными элементами, прибывшими из Судо и Дакиэрро. Вторая — сообщить Ранфаргу Белгорро о человеке по имени Дженази, если таковой появится в поле зрения организации. Подробное описание этого человека и рекомендации относительно поведения агента в его присутствии также были представлены.

Когда человек, поиск которого был одной из основных задач Рыкова, покинул здание вокзала с Юрикой под руку, мужчина немедленно бросился к телефону, совершенно позабыв о состоянии Просперо.

— Рыков, белый код, железнодорожный вокзал Ховина, время — 12:07. Объект вместе с девушкой по имени Юрика Эспозито направляется во Фламби на поезде номер 099 ВА «Кристон-Баррау».

На той стороне провода оператор довольно долго соображал, что ответить:

— Товарищ Рыков, вы точно уверены, что не «белый-два»?

— Уверен. Просто «белый», товарищ оператор.

— Ну, эм... Это большое событие. Точнее, историческое.

— Тонко подмечено, товарищ оператор.

— Поверить не могу, что именно я принимаю звонок агента, обнаружившего объект...

И не могу даже представить, каково Вам!

— Было очень страшно, товарищ оператор, — голос агента «Молота» прозвучал пугающе спокойно. — Я чуть не обделался. Но в последний момент мысленно сказал себе: «Рыков, кто угодно обделается на твоём месте и не будет стыдиться этого, но ты — не «кто угодно», ты — Рыков.» Именно поэтому мои штаны все ещё сухие, товарищ оператор, — Иван пытался справиться с нервным тиком, напавшим на его правое веко, но безуспешно.

— Вы герой, товарищ Рыков!

Ответом оператору был отчетливый скрип зубов.

— Я немедленно сообщу директору, — оператор наконец вспомнил о своих прямых обязанностях. — Ждите дальнейших инструкций.

Рыков с облегчением повесил трубку и пообещал себе, что когда встретится с этим идиотом, то не будет ему ничего ломать. Он должен быть выше этого.

— Иван?

Рыков обернулся и увидел перед собой Просперо, который на удивление быстро пришел в себя. Все же не так прост этот человек, которому на вид гораздо больше сорока лет.

— Вы еще здесь, инспектор?

— Просто хочу услышать от вас что-то, проясняющее ситуацию, — почти невозмутимо ответил Просперо.

— Это государственная тайна, инспектор, — Рыков соврал, не моргнув и глазом, но из-за только что пережитого потрясения он не смог вложить в свои слова достаточный вес, так что они не возымели значимого психологического эффекта. А ложь заключалась в том, что к Федерации Дженазы не имел никакого отношения, кроме самого непосредственного, и исчез задолго до того, как она вообще появилась.

— Я просто хочу знать, кто убил ребят. И знать, что он будет наказан.

Рыков слегка растерялся. Нормальному человеку должно было быть достаточно двух вмешательств в его сознание, чтобы он осознал масштабы происходящего и больше не высывался. Инспектор, увы, был другим.

— У меня нет права разглашать информацию подобного рода, — Рыков очень хотел сказать Просперо, кто убийца, но тогда он узнает, что правосудие до людей подобного уровня не дотянется. А если каким-то чудом «Молот» сможет убить Ичиро, то это станет причиной войны между Судом и Вердиросом. А атомную бомбу, между прочим, уже пять лет как разработали.

— Вот как? Печально... — Просперо поник головой, а потом подошел к телефонному аппарату, снял трубку и стал набирать какой-то номер.

— Кому вы звоните, инспектор?

— Своему начальнику. Хочу взять отпуск и навестить тетю.

— В вашем досье написано, что вы сирота, — немного удивился Рыков, уже начиная догадываться.

— Я и забыл, что оставил «Молоту» свою анкету, когда пробовал к вам перевестись, — рассмеялся Просперо. — Но это не значит, что я не могу попробовать найти свою родню во Фламби.

Рыков только покачал головой и направился к выходу с вокзала. Эспозито хочет поехать за Дженазы и Юрикой в город, в котором с вероятностью в девяносто пять процентов столкнутся элитные силы «Молота» и «Стаи», да и про вездесущий «Рассвет» нельзя забывать. Будет славно, если Фламби уцелеет, но Иван привык быть скептиком.

Судо, 12:05, 18 июля 1014 года, четверг.

Ичиро едва не плевался от отвращения, поднимаясь по лестнице подъезда многоэтажного жилого дома. Мусор, человеческие испражнения, кошки — все это настолько раздражало его сверхтонкое обоняние, что он был готов снести здание до основания вместе со всеми его обитателями. И только то, что Мэй избрала это место своим домом, его останавливало.

«Что забыла в этой выгребной яме, сестренка? — настроение Ичиро падало тем ниже, чем выше он поднимался по лестнице. — А впрочем, неплохой способ выразить свое отношение к матери».

Прошло примерно десять лет с тех пор, как Мэй покинула особняк на западе Судо и перебралась на север, в один из стремительно растущих мегаполисов республики Векилах. Не смогла покинуть континент и решила затеряться в людском муравейнике. Наивная в какой-то степени попытка, ей ведь прекрасно известно, что есть Судо для Ришари.

«С другой стороны, Вердиरो и Дакиэрро для нее закрыты, а Железный Архипелаг ей отвратителен не меньше, чем я и мама,» — думал Ичиро, найдя нужную квартиру и стучась в дверь. Хотя он мог этого и не делать: его раздраженное настроение сводная сестра должна была ощутить еще когда он только вошел в подъезд.

— Открыто, — раздался голос Мэй из глубин квартиры. Ичиро охватила внезапная дрожь: в последний раз он видел ее несколько лет назад. Чувство, с которым он сейчас боролся — это в большей степени радость или страх?

— Привет, — улыбнулся он, обнаружив сестру за очередной дверью.

— Привет, — равнодушно ответила она, похоже, даже не собираясь опускать дуло крупнокалиберной снайперской винтовки, направленное Ичиро между глаз.

— Калибр маловат, — он старался сохранить лицо, уже успев представить последствия попадания бронебойного-зажигательной. Или какой-то еще, отличающейся предельно разрушительным эффектом. И Мэй не промахнется.

— Я знаю. Зачем пришел?

Ичиро поймал себя на мысли, что сейчас Мэй кажется ему особенно красивой. Она стала нравиться ему с тех пор, как он заметил, что приемная дочь его матери уже не ребенок. Изящная чистокровная яо с копной черных жестких волос на голове, раскосыми карими глазами и характером дикой кошки. Порой он даже сравнивал ее с Валерией.

— Хочу, чтобы ты вернулась. Хотя бы в «Стаю».

— Отказываюсь, — ответила Мэй без колебаний.

— Мне нужна твоя помощь. Я собираюсь вернуть дочь, жену и брата.

Взгляд Мэй изменился. Совсем чуть-чуть, едва заметно, но все же растаяла одна крохотная льдинка из того бесчисленного множества, которое хранилось в бездонном колодце ее черных глаз.

— Это невозможно, — ответила она. — Некоторые вещи нельзя простить. И ты знаешь, что я прекрасно понимаю Валерию. Вы — чудовища.

— Мы — это наша семья, или только я и мать?

— Ты и Ришари — это все, что осталось от вашей семьи, — с ненавистью ответила Мэй, но когда она произносила слово «семья», Ичиро увидел то, что хотел, в ее глазах, услышал

то, что ожидал услышать, в ее голосе.

— Нет, Мэй. Дженази вернулся.

Сыну Богини Юга не пришлось долго ждать момента, когда тяжелая винтовка аккуратно ляжет на пол у ног своей хозяйки, словно какой-то домашний зверек.

— Сегодня или завтра он уже будет во Фламби. Я хочу остановить его. Не могу допустить, чтобы он забрал Ранмаро так же, как и Юрику.

— Юрика уже с ним? — мысли Мэй витали уже очень далеко, по ту сторону океана, над одним тихим маленьким городком. — Как она?

— Она с Дженази, сестра.

— Не называй меня так, — отрезала Мэй, приходя в себя.

Ичиро, вновь поймав ее глубоко враждебный взгляд, и сам вдруг ощутил приступ неприязни к девушке. Совершенно новое чувство по отношению к ней. Наверное, все дело в том, что сейчас в его жизни очень многое поставлено на кон.

— Я буду ждать тебя внизу десять минут. Решай быстро, — достаточно зло бросил Ичиро, выходя из квартиры. — Дженази вернулся неожиданно для всех нас. Так же неожиданно он может и исчезнуть.

Зная, что получит ответ в любом случае, сын Богини Юга стал быстро спускаться по лестнице вниз.

17 июля 998 года.

Пронзительный вопль новорожденной с легкостью преодолел препятствие в виде тяжелой дубовой двери, сообщив порядком изнервничавшемуся Ичиро, что спустя девять месяцев ожидания его сестра наконец появилась на свет. Как много это значило для него? Сложно передать словами, особенно после того, как он потерял возможность видеться с Викторией и Ранмаро. Винсенту-Мэй он вряд ли когда-нибудь сможет считать частью семьи — четырнадцатилетняя девчонка-яо не более чем кукла для его матери. Впрочем, только ей Ришари позволила принимать у себя роды.

— Ичи! — истошный вопль Винсенты (Ришари дала Мэй это имя сразу после удочерения) на девять десятых состоял из глубокого животного ужаса, а то, что осталось, было зовом о помощи, настолько сильным, что тело Ичиро начало действовать само по себе.

Превратив прочную дверь в облако щепок, он ворвался в комнату, выбранную для родов, и приготовился разорвать на части любого, кто только что рискнул

посягнуть на жизнь его матери и сестер. И остолбенел, когда понял, что происходит: Мэй голыми руками держала лезвие меча Богини Юга, которая собралась пронзить тело своей новорожденной дочери. Разница в силе была несравнимой, но девочке как-то удалось остановить клинок в паре сантиметров от тела ребенка. И к огромной удаче Мэй, это был не гибельный клинок Дженази — его Ришари на время беременности держала от себя подальше.

У Ичиро не было времени спрашивать, что происходит, и как именно ему следует поступить, он решил, когда увидел совершенно безумный взгляд матери.

Стремительный бросок вперед — и он в прыжке вытащил сестру из-под острия меча, сбросив с кровати мать и Мэй. Вместе упали на пол, только Ичиро сразу же откатился в

угол, повернувшись к матери спиной и бережно прижимая новорожденную к груди. И он был готов, когда меч Ришари пронзил его тело насквозь, чтобы только добраться до ребенка.

Лезвие вышло чуть выше головы девочки — мгновение назад Ичиро опустил ее в район солнечного сплетения. И он тут же свободной рукой схватил его, не позволяя матери вытащить меч из тела и нанести новый удар.

— Что ты делаешь? — совершенно спокойно спросил он.

— Мне кажется, это очевидно, — Ичиро не видел лица матери, но хорошо представил маску дикого зверя на его месте, стоило ему только услышать этот ненавидящий все и вся голос. — Хочу убить ее.

— Зачем? — говорить, когда правое легкое пронзила полоса стали, было не очень удобно, поэтому Ичиро решил обойтись только самыми простыми и короткими фразами.

— Ты разве не чувствуешь? — Ришари еще раз попыталась вытащить меч, забыв, похоже, что не так давно сказала сыну, что он достиг уровня своего дяди. — Она совершенно обычная. Совершенно обычная! Самый! Обычный! Ребенок! У нее непустительской способности!

— Это не повод ее убивать! — сквозь слезы прокричала Мэй, обхватив приемную мать за талию и пытаясь оттащить ее от брата и сестры.

— Не смей мне перечить, Винсента! Пусть лучше она умрет сейчас, чем...

— Я тоже не понимаю, мама, — Ичиро почувствовал, что она смогла вытащить клинок на полсантиметра. А потом сдалась и выпустила меч из рук. Поднявшись с колен и развернувшись, он видел, как она, шатаясь, подошла к широкой кровати и упала на нее навзничь. Мэй не отходила от нее.

— Я так много сделала для того, чтобы она родилась... Так много... А она — простой ребенок? Убери ее как можно дальше от меня, Ичиро. Убери, потому что если я увижу ее снова, вы меня уже не сможете остановить.

Ичиро, уже седьмую минуту ожидая Мэй, с трудом отогнал прочь страшные воспоминания. Сразу же разболелся шрам на правой руке — след от укуса Юрики до сих пор давал о себе знать. Шрам на бессмертном нестареющем теле, которое за считанные минуты, если не секунды, восстанавливает поврежденные органы и потерянные конечности.

— Ты ошиблась, мама. Юрика далеко не обычный ребенок, — произнес он. Тогда, шестнадцать лет назад, он оставил сестру по ту сторону океана, в городе Ховине. Мама отказалась давать ей имя. Мэй сделала это за нее.

Когда прошло десять минут, а сводная сестра так и не спустилась, Ичиро ушел. «Стая» собрана и готова к бою. Конечно, Мэй смогла бы надолго вывести Дженаси из боя, но раз ее не будет, то ему лично придется показать дяде, что мать не зря назвала его приемником одного из сильнейших Гвардейцев Хаоса.

Глава 5. Сказки и человек, который не сдаётся. Враг

12:50, 18 июля 1014 года, четверг. Федерация демократических республик Вердиرو, поезд 099 ВА «Кристон-Баррау».

Ощущение неправильности происходящего не оставляло Юрику, даже когда поезд тронулся и Ховин остался позади. Слишком большое впечатление на нее произвело странное поведение стражей порядка, которые искали их по всему городу с огромным служебным рвением — и не находили. А ведь они даже не прятались... По пути к вокзалу им трижды попадались патрули, да и у самих касс охрана была удвоенной, но никто не обратил на них внимания. Смотрели как на пустое место, принимали за кого-то другого, забывали, что видели... Апогеем всего этого театра абсурда стало ничем не объяснимое поведение инспектора Просперо, который вообще застыл истуканом, стоило ему только попытаться остановить девушку и Дженази. Дженази... Юрике не приходилось сомневаться в том, что это его рук дело, только что-либо объяснять ей дядя не собирался. И сейчас он, вместо того, чтобы уделить племяннице хотя бы несколько минут внимания, задумчиво шелестел страницами газет.

Перед тем, как сесть в поезд, Дженази купил сразу два издания: «Новости Федерации» и «Загадки прошлого». С первой Юрика и сама была не прочь ознакомиться, а вторая относилась к презираемой ею «желтой прессе». Уже при одном только виде заголовка «Гвардия Хаоса — вымысел или реальность?» она закатила глаза и предпочла вид за окном, так как «Новости» пока были в руках дяди.

— «Ранфарг Белгорро публично заявил, что строительство первой в мире атомной электростанции будет завершено через пять лет,» — прочитал Дженази вслух. — Какого лешего?

— Что именно тебя удивляет? — спросила Юрика. Лица дяди было закрыто газетой, но, судя по голосу, оно было точно таким же, как у человека, который подал милостыню глухонемому и услышал в ответ «Спасибо».

— Не что, а кто, — Дженаз свернул газету и отложил в сторону. — С каких пор Белгорро выступает на публике?

— Ну, он вообще редко это делает. Все-таки генеральный директор концерна «Гефест».

— А я думал, что меня уже нельзя ничем удивить... Белгорро — директор. Белгорро.

Юрика, не сдержавшись, покрутила пальцем у виска. Семья Ранфарг, основавшая «Гефест» более ста лет назад, вывела Вердиру из Темных Веков в Век Промышленный, и по сути, стояла у истоков Федерации. Именно они построили первые фабрики, заводы и электростанции континента, благодаря им разрозненные, постоянно враждующие феодальные государства объединились вокруг принципов всеобщего равенства, свободы и личной ответственности перед обществом — в единую сверхдержаву с развитой инфраструктурой и огромным экономическим потенциалом. Нынешний глава семьи, Ранфарг Белгорро, обладает огромным влиянием на внешнюю и внутреннюю политику Федерации, и по слухам, канцлер не может принять без его согласия ни одного сколь-нибудь важного решения. Именно под давлением Ранфарга Белгорро было установлено эмбарго на ввоз и вывоз товаров из Судо — точнее, Союза свободных республик Судо — и ни для кого не было секретом, что он является одним из самых ярых сторонников войны с

ЮЖНЫМ КОНТИНЕНТОМ.

— О Небо, он даже галстук на шею повесил, — прошептал Дженази, и неожиданно расхохотался.

Смех дяди привлек внимание остальных пассажиров вагона и в голову Юрики пришла мысль, что неплохо было бы пересесть от него подальше.

— Ты ведешь себя так, как будто хорошо знаешь самого богатого человека на всем Вердиро, — сказала она, нахмурившись.

— Теперь я уже не могу сказать, что знаю его хорошо, — Дженази смахнул выступившие слезы. — Никогда не думал, что он настолько здорово проявит себя в управлении людьми. Точнее, не считал, что он вообще на это способен.

Разумеется, Юрика не поверила ни единому его слову. Ранфарг Белгорро управляет «Гефестом» уже более сорока лет, тогда как дяде на вид не дашь больше тридцати. Нельзя даже предположить, что Дженази мог знать его до того, как он станет настолько известным. А впрочем...

— Дядя, ты ведь не бедный, да? — Юрика понимала, что прозвучало меркантильно, но ей хотелось все же узнать финансовое положение Дженази прежде, чем делать окончательные выводы.

— Думаю, сейчас все мое имущество находится в руках твоей матери. Даже не представляю, как она им распорядилась, так что можешь считать, что у меня ничего нет.

«Но деньги ты откуда-то берешь, — мысленно отметила она. — И ладно, допустим, что тебе на самом деле больше сорока лет и ты учился с Ранфаргом в одной школе и даже в одном классе».

— И как же ты познакомился с Ранфаргами? Они миллиардеры, между прочим.

Последнее утверждение было спорным — официальная зарплата Ранфарга Белгорро была чуть выше, чем у старшего управленческого звена «Гефеста», который, в свою очередь, перешел в государственную собственность сразу после создания Федерации в 914 году. И чисто юридически, семья Ранфарг тогда перешла из разряда собственников в ранг управленцев на зарплате. Но ведь все всё прекрасно понимают: за сто лет должность генерального директора концерна еще ни разу не оказывалась в руках не-Ранфарга.

— Не знаю никаких Ранфаргов, — ответил Дженази серьезно. — Я знаю Белгорро.

— Это как? — не поняла девушка.

— Потом расскажу как-нибудь. Ты в курсе, кстати, у вас цвет волос один в один?

Юрика более чем хорошо знала о том, что у Ранфарга Белгорро красные волосы. Она даже какое-то время «кормила» весь приют байками о том, что они родственники, пусть и дальние. Очень дальние: Ранфарг Белгорро — двухметровый чернокожий гигант с потрясающим телосложением, так что на оттенке волос «семейное сходство» заканчивалось.

— Да, в курсе. Ты точно не знаешь, кто мой отец?

Дженази улыбнулся.

— Я раз десять проанализировал твой запах и смог все же выделить несколько знакомых компонентов. Но не более.

— И что это за «знакомые компоненты»? — не отставала Юрика, все еще не принимая всерьез заявления дяди о своем сверхъестественном обонянии.

Дженази спрятался за страницами «Загадок прошлого».

— «Всем известно, что более ста лет назад Гвардия Хаоса и Десять Великих Домов уничтожили друг друга в грандиозном сражении, потрясшем весь мир...» — это что за

чушь? — произнес он через минуту.

— Весьма популярная, — ответила Юрика. И порадовалась тому, что хоть в чем-то их точки зрения совпадают. Людей, способных в одиночку уничтожать целые армии и стирать с лица земли города, не бывает. Впрочем, по легенде, их было восемь, но не суть важно...

— Белгорро, ты поражаешь меня все больше, — хмыкнул Дженази и продолжил чтение. — Даже имена забыли. Потрясающе. Интересно, а как к этому относятся сотни тысяч фелкамелов? Коллективный стговор? Я восхищен, ребята...

У Юрики больше не было времени обращать внимание на странности дяди: она увидела, как в их вагон вошел инспектор Просперо Эспозито.

— Что он здесь делает?!

Эспозито довольно неуверенно подошел к окну, возле которого сидели Юрика и Дженази, и остановился, не зная, похоже, что сказать. Девушка догадалась, что он боится очередного фокуса ее дяди, который тот может проделать с чужим сознанием.

— Вы удивительный человек, инспектор, — произнес Дженази, не отрывая глаз от страниц газеты. — Так быстро пришли в себя после того, как ваши мыслительные процессы были остановлены... Я думал, что оглушил вас не менее, чем на сутки. Впрочем, все же наблюдаю некое помутнение сознания: здравомыслящий человек на вашем месте держался бы от меня как можно дальше.

— Я просто хочу знать, что произошло в том доме, — ответил Просперо, нахмурившись. Дженази вздохнул.

— Мой племянник убил тех детей.

— Джин Саргас? Но за что?

И тут Юрике захотелось исчезнуть. Оказаться как можно дальше, испариться, или хотя бы разбить окно и выпрыгнуть из вагона. Сделать хоть что-нибудь, чтобы не видеть лицо инспектора.

— Честно говоря, я не знаю. Когда я прибыл на место происшествия, те ребята были уже мертвы минимум два часа.

Просперо перевел взгляд на девушку, но она сделала вид, что не заметила этого.

— Юрика, ты можешь мне рассказать, что там произошло?

— Дядя... Я хочу, чтобы он ушел, — прошептала девушка.

— Дядя? — не понял Просперо.

Дженази промолчал.

— Ну и черт с тобой! — Юрика вскочила со своего места и выбежала из вагона.

В тамбуре она сбила с ног какого-то мужчину и сначала проигнорировала его, собираясь перейти в следующий вагон, а потом передумала, помогла ему подняться, извинилась и спросила:

— Закурить есть?

Мужчина смерил ее очень странным взглядом и достал из кармана пачку сигарет.

Пара затяжек помогли девушке успокоиться, но возвращаться к Просперо и Дженази она пока еще не собиралась.

— А вы неразговорчивый, да? — она решила уделить незнакомцу еще немного внимания. Он покачал головой, что судя по всему, должно было послужить подтверждением

предположения Юрики.

Она как-то сразу прониклась к нему симпатией. Высокий, привлекательный, с правильными чертами лица, прилично одетый. Не проявляет особого интереса к ее необычной внешности, вежливый... Юрика как-то сразу сравнила его с дядей и подумала, что последнему есть чему у этого человека поучиться.

«А вот и он, — с раздражением подумала она, увидев, как открывается дверь в тамбур. — Будет читать нотации? Да все равно».

Еще ей в голову пришла мысль, что Дженази может разозлиться при виде сигареты в ее руках.

«Похоже, я еще и подставила этого неплохого парня...»

Но ее дядя не разозлился. Наоборот, он улыбнулся мужчине, словно давнему знакомому.

— Сто лет не виделись, Сигурд! Неплохо выглядишь. А я тут только что вычитал, что тебя убили.

Глаза незнакомца, которые только что были самыми обыкновенными серыми, полыхнули красным, и он ответил:

— Ты тоже не похож на мертвеца. Где тебя носило?

Дженази улыбнулся и небрежным движением оторвал мужчине голову.

— Долго рассказывать.

Юрика при виде этой картины лишилась дара речи. Она пыталась закричать и не могла, только беззвучно открывала и закрывала рот, словно рыба, выброшенная на берег.

Пальцы Дженази, сжимающие голову убитого, сжались, и раздался мерзкий хруст. А еще треск крохотных электрических разрядов, в тамбуре сквозь запах табачного дыма остро повеяло озоном.

— Крови... нет? — голос вернулся к Юрике, когда она, неспособная отвести взгляд от мертвого тела, обратила внимание на отсутствие не только фонтана алой жидкости, но даже каких-нибудь незначительных брызг. Рана не кровоточила, а шипела и искрила, потому что незнакомец состоял не из живой плоти, а чего-то, больше всего напоминающего пластмассу.

— Это дрон, — Дженази открыл одну из наружных дверей тамбура и сбросил странное существо с поезда. — Может быть как автономным, так и управляемым оператором. Никакого искусственного интеллекта, только чудовищный массив алгоритмов на все случаи жизни. Сигурд любит такие игрушки. Они не бьют в спину.

— То есть, робот? — любительница научно-популярной литературы догадалась, о чем идет речь. — Разве они могут быть такими? Особенно при современном уровне научно-технического развития?

Дженази достал из кармана брюк платок и вытер им руки.

— Ты хотела сказать, при научно-техническом уровне развития Вердиго? Похоже, ты не знаешь о той пропасти, которая отделяет местные технологии от технологий Небесных Городов. Белгорро можно только поаплодировать: он решил отстроить цивилизацию на этом континенте с нуля. Точнее, вытащить ее из тухлого болота гниющего феодализма с жалкими зачатками капиталистических отношений в... Что тут у вас? Социал-капитализм?

— Что это значит? — спросила Юрика растерянно. Нет, она знала, что такое феодализм и социал-капитализм, ее сбили с толку слова, которые Дженази произнес перед ними. Технологии Небесных Городов? Тех самых, о которых талдычат конспирологи желтой прессы? — Эй, постой!

Но Дженази уже возвращался в вагон.

— Для начала поговори с Просперо.

Девушка выругалась и с сожалением посмотрела на потухшую сигарету.

— Он его вместе с пачкой выбросил. Блин...

13:05, 18 июля 1014 года, четверг. Империя Дакиэрро, Бифрост.

«Юнит 00546 потерян».

Сигурд мысленной командой свернул экран, на который выводилась информация о всех дронах «Рассвета», собиравших информацию в Федерации Вердиро, и откинулся на спинку своего кресла. Потом, немного подумав, он выключил все голографические экраны в своем рабочем кабинете и остался сидеть в крошечной темноте, один на один с неприятным фактом.

— Ты вернулся, Дженази... Почему сейчас? Что тебе мешало побродить бог знает где еще сотню-другую лет?

Бывший Гвардеец Хаоса с досадой стиснул подлокотники своего кресла, а когда опомнился, встроенные в них панели управления были уже безнадежно испорчены — сталь и пластик смяло, словно бумагу.

Быстро успокоившись, Сигурд подключил к мысленному процессу ресурсы встроенного в мозг нейропроцессора, зашел в меню управления персоналом и отправил сообщение своему первому заместителю.

«Августо, у меня плохие новости».

«Авария на «Ринне»? Терракт? Саботаж? Мне бы первому доложили».

«Не настолько плохие, но тем не менее: Дженази вернулся».

«Как собираешься поступить?»

«Отправляйся к Белгорро. Если он еще не знает о Дженази — сообщи ему сам. Если да — выясни, что он собирается делать. Если знает и уже направляется в Фламби — останови любой ценой. Или хотя бы задержи. Ты знаешь, что следует говорить».

«Фламби? Дженази там?»

«Будет через пять часов. Дрон встретил его в поезде на Вердиро. Я отправлю туда Тоттенгрибера. Белгорро ни в коем случае не должен оказаться в Фламби раньше него! Ты понял меня, Августо?»

«Если Ришари узнает, что я и Раббен покинули Дакиэрро, то обязательно сделает свой ход. Ты уверен, что поступаешь правильно?»

«Я смогу ее остановить».

В ответ последовало красноречивое молчание. И, наконец, ответ:

«Сигурд, если «Ринн» пострадает...»

«Я защищу его любой ценой».

Подождав несколько секунд и не увидев новых сообщений от Августо, Сигурд оградил сознание от работы нейрокомпьютера и несколько минут просто сидел, устремив взгляд в темноту. Воспоминания почти двухвековой давности бесцеремонно лезли в голову — ссоры и дуэли со своим заклятым соперником, совместные операции и сражения с силами Небесных Городов и членами Десяти Великих Домов. Дженази был одновременно соратником и противником, врагом и другом, товарищем по оружию; тем, благодаря кому

Гвардия Хаоса достигла всего и тем, из-за кого распалась. Но все это осталось в прошлом. Настала новая эра, в которой ей уже нет места. А значит, нет места и Дженази.

Вновь подключившись к нейрокомпьютеру, Сигурд отправил запрос всем дронам Дакиэрро и получил ответ сразу от троих, находившихся в полутора тысячах километров от орбитального лифта Бифроста со строящимся над ним «Ринном». Взяв управление над дроном, он увидел перед собой бурую равнину с возвышавшимися на горизонте километровыми башнями одного из мегаполисов, образовавшихся после спуска Небесных Городов на поверхность планеты. Раббен Тоттенгрибер стоял рядом.

— Раббен, — произнес Сигурд голосом дрона, — немедленно отправляйся на Вердиرو. Там ты найдешь Дженази. Фламби. Встреться с ним, спровоцируй и устрой поединок в каком-нибудь людном месте. Постарайся, чтобы бой сопровождался многочисленными жертвами среди населения — я хочу, чтобы Белгорро разозлился и вспомнил, что Дженази прежде всего убийца. И осознал, что человечеству с ним не по пути. И заодно узнаешь, на что способен наш старый друг спустя столько лет.

— Почему бы просто не поговорить с ним? Возможно, он захочет присоединиться к «Рассвету».

Сигурд рассмеялся, только его смех не вышел за пределы кабинета в центральной башне Бифроста: эта модель дрона не была способна передавать эмоции.

— Дженази? Никогда. Ты помнишь — он всегда был сам по себе, и ради химеры справедливости способен разрушить что-угодно.

Раббен ничего на это не ответил.

— Раббен... Ты ведь понимаешь, что значит его возвращение? Дакиэрро наш до тех пор, пока Белгорро, Ришари, Глория и Кенсэй грызутся друг с другом. Если Дженази остановит их разногласия, они объединятся против нас. Это будет конец, Раббен, конец всему! «Ринн», «Магеллан», «Прометей» — все эти проекты станут несбыточной мечтой человечества, тем, о чем мы будем сожалеть до конца своих дней. Которые закончатся очень, очень быстро. Времени все меньше, Раббен! Помни о спящих ярмирах. Помни о том, что мы обязаны достичь успеха и объединить человечество ради всеобщего спасения.

— Я понял тебя, Сигурд. Я все сделаю.

Император Дакиэрро прервал связь с дроном и открыл глаза.

— Хороший Раббен. Послушный Раббен. Бессмертный Раббен. Ты ведь справишься Раббен? — вслух усмехнулся он и проверил дронов, находящихся в Суде. Ему было интересно, чем сейчас занимаются Ичиро и Ришари.

И все же вернуть себе душевный покой стало невыполнимой задачей. На шахматную доску вернулась фигура, благодаря которой он стал Императором. И это при том, что другие не менее опасные фигуры никуда не исчезали и ему приходилось бороться с ними на протяжении последних ста лет. Помня о ярмирах. Зная, что на Эрлике за ними наблюдают и ждут удобного момента, чтобы нанести смертельный удар.

Плечи Сигурда поникли под тяжестью груза ответственности планетарных масштабов. Всего на пару мгновений, а потом он снова расправил их и выпрямил спину. Он, он сам — собственноручно — взвалил на себя эту ношу. Потому что только он способен воплотить в жизнь замысел подобных масштабов и подобной сложности.

Он, Сигурд.

Император.

Глава 6. Старый друг и город, который есть

— Значит, Дженази — твой дядя, — сказал Просперо, выслушав короткий рассказ Юрики. — А твою мать зовут Ришари... Синьор Дженази, вы случайно не можете рассказать, есть ли связь между вами, вашей сестрой и знаменитой актрисой Судо, Джиной Саргас?

— Джина Саргас и есть Ришари, — ответил дядя Юрики. — Кино — ее страсть, насколько я помню, она снялась лишь в паре фильмов, когда мы жили с ней на Железном архипелаге.

— Это очень странно, — пробормотал инспектор, — фильму, в котором я ее видел, больше пятидесяти лет.

— Вас это удивляет? — улыбнулся Дженази.

— В свете последних событий? Не особо. В конце-концов, какая разница, сколько лет женщине, если она смогла родить такое прелестное дитя?

Юрика фыркнула и отвернулась, словно говоря: «Твоя лесть совершенно не трогает меня, старик».

— Хотя не могу признать, что Юрика доставила массу хлопот мне и моим коллегам... Синьор Дженази, вы еще не знаете, чем занималась ваша племянница последние четыре года?

Юрике страшно захотелось уронить на голову Просперо что-нибудь тяжелое. Публичное разоблачение было совершенно не в ее интересах.

— Судя по тому, как вы спокойно говорите о ее прегрешениях, Просперо, ничего действительно достойного порицания в них нет. Боюсь предположить, что на фоне остальных членов семьи, включая меня, она попросту невинный ангелочек. Впрочем, я еще надеюсь на ее второго брата...

— Джин... брат убил ребят из-за меня, — вырвалось у девушки. Она до последнего боялась признаться в этом инспектору, и, наконец, решилась. Может быть теперь, когда он знает всю правду, отстанет уже от них?

Просперо покачал головой.

— Он поступил очень жестоко и непростительно, но твоей вины в этом нет, дитя. Я рад, что вы пролили свет на тайну этого страшного преступления, и теперь просто хочу узнать, можно ли его наказать?

Вопрос был обращен к Дженази, глаза которого тут же потемнели.

— Наказать? И какого рода наказание вы хотите для него предложить? Пожизненное заключение? Штраф? Исправительные работы? — дядя Юрики зло оскалился, пугающе и как-то по звериному.

Просперо отвел взгляд.

— Есть ли плата, равноценная, которую сможет уплатить один человек за убийство семи? Разумеется, нет. Все, что правосудие может сделать в таких случаях — лишить преступника возможности и дальше сеять смерть. Вы понимаете меня, синьор Дженази?

— Понимаю, — ответил тот. — Но я не стану вырывать клыки своему племяннику в надежде на его раскаяние. Человек должен сам осознать свое преступление, и самостоятельно выбрать себе меру наказания. Понимаете меня, синьор Просперо?

— Вы мечтатель, синьор Дженази. Преступник просто так не придет к мысли о

покаянии. И уж тем более, к с самому покаянию. Я понимаю, что Джин Саргас — ваш племянник, и вам тяжело признать меру его преступления.

В воздухе повисла тяжелая, свинцовая пауза. Даже убаюкивающие звуки несущегося вперед поезда, мягко приглушенные превосходной звукоизоляцией корпуса, и голоса людей в соседних купе не могли разбавить, смягчить это молчание двух мужчин, избегавших смотреть друг другу в глаза.

Юрика испугалась. Испугалась того беспощадного зверя, лик которого на мгновение проступил сквозь добродушную маску ее дяди. Испугалась, что Дженази не выдержит, убьет его прямо здесь. Она искренне ненавидела брата-убийцу, и потому прекрасно видела, что дядя не планирует для него каких-то особых жестоких наказаний — и уже тем более смерти. А значит, с инспектором у него так называемый конфликт интересов.

«Нет человека — нет проблемы». Пожалуйста, инспектор, не перешагните черту, после которой вы станете для него так называемой «проблемой,» — мысленно взмолилась девушка. Впрочем, инспектор еще не озвучил намерения лично взять на себя обязанность свершить правосудие. А вот Юрика хотела, очень хотела сейчас высказать дяде, что убийство есть убийство, особенно такое, но... Она все равно не могла не винить себя, и Джин был ее братом. И слова о необходимости возмездия просто застревали в горле.

Просперо, похоже, тоже было не до героических изречений о необходимости торжества справедливости. Он молча встал со своего места, поклонился Дженази, кивнул Юрике и направился в свой вагон.

— Просперо, — окликнул его ее дядя, — теперь вы знаете, кто ваш убийца и почему он это сделал. Вы можете объявить его в розыск, а потом с почестями похоронить всех ваших коллег, которые столкнутся с моим племянником лицом к лицу. Сделайте выводы и сойдите на следующей станции. У вас больше нет причин ехать с нами дальше.

Просперо остановился и обернулся, сверкая своей самой широкой и искренней улыбкой.

— Ошибаетесь, синьор Дженази, — ответил он, — причина ехать с вами в Фламби у меня есть, и минимум одна: я в отпуске! А продолжать расследование преступления вашего племянника мне запретил один уважаемый синьор из «Молота». Теперь так называемый Джин Саргас — их головная боль. Со всей искренностью желаю им удачи.

Дженази проводил инспектора взглядом, и когда дверь за его спиной захлопнулась, горьковздохнул.

— Уверен, что очень скоро он лишится своей головы. Любопытство и чувство справедливости выходят таким людям боком.

— Надеюсь, ты ошибаешься, дядя, — прошептала Юрика.

15:20, 18 июля 1014 года. Олимпия, Прима Регио, Федерация Вердиоро.

Ранфарг Белгорро отодвинул в сторону многостраничный отчет, ознакомление с которым откладывал уже целую неделю, и прислушался к подозрительному шуму, источником которого была яростная перепалка его секретаря с неким весьма настойчивым посетителем. Кто-то решил попасть в его кабинет без предварительного согласования с Виолеттой, чего девушка потерпеть не могла. И она пойдет на крайние меры, если смельчак вовремя не отступит.

— Виолетта! — крикнул генеральный директор концерна «Гэфест». — Пропусти его!

В конце-концов, это был отличный повод, чтобы отложить отчет в сторону еще на какое-то время.

Телефон, связанный на прямую с телефоном его секретаря, зазвонил тот час же.

— Кричать необязательно, — услышал он недовольный голос Виолетты.

— Действительно, необязательно. Кто там у тебя?

— Ганс Стрельников. Говорит, что дело очень срочное.

— Он что, не сказал тебе, что из «Молота»?

— Сказал, но это не значит, что можно вот так вот врывать и...

— Виолетта!

— Я же сказала, кричать не обязательно.

Белгорро прорычал в трубку что-то неразборчивое и швырнул телефонный аппарат в дверь.

— Ганс, зайди!

В кабинет, вжимая голову в плечи и боязно озираясь по сторонам, вошел невысокий молодой человек довольно шуплого телосложения. Он осторожно перешагнул через разбитый телефон и подошел к столу Белгорро, вытягиваясь по струнке и с трепетом взирая на сидящего в кресле великана с черной, словно обсидиан, кожей и длинными, ниже плеч, волнистыми волосами цвета раскаленного железа. Ранфарг был похож на демона, злого духа, вынырнувшего из земных глубин, или какого-нибудь другого сказочного персонажа, но точно не на человека. Впечатление усиливала багровая радужная оболочка глаз и воображаемый жар, который, казалось, ощущается всей кожей в его присутствии.

— Товарищ Ранфарг, у меня для вас срочное сообщение. В городе Ховине, республика Эломас, был замечен объект, который вы обозначили как представляющий прямую угрозу существованию Федерации. Тот самый, который проходит под кодом «белый».

— Я уже и забыл, как заковыристо Дженази обозвал, — пробормотал Белгорро. — Что-то еще?

— Он купил билет в город Фламби, республика Талли. Будет там, — Стрельников бросил взгляд на наручные часы, — через два с половиной часа.

— Очень хорошо. Кто там у вас региональный координатор? Рыков? Пусть соберет группу и едет в Фламби. Задача — наблюдение. Выполняйте.

Ганс Стрельников отдал честь и пулей вылетел из кабинета.

Белгорро минут пять созерцал аккуратно закрытую агентом дверь, а потом снял трубку с одного из уцелевших телефонов и набрал какой-то номер. Ответили ему не сразу.

— Алло! Позовите Кенсэя к телефону.

— Извините? — раздался чей-то растерянный, заспанный голос. — Вы, наверное, номером ошиблись. Это школа боевых искусств мастера Акаямы Хоодо.

— Вот-вот, он-то мне и нужен. Позовите его немедленно!

— Он ушел домой полчаса назад.

— Ничего страшного. Когда увидите его снова, передайте, что звонил Белгорро. Пусть перезвонит, когда найдет время.

— Да, хорошо. Доброго вечера.

— Доброго, — Белгорро повесил трубку. — Виолетта!

В кабинет вошла высокая стройная девушка лет двадцати, с короткими светлыми волосами и голубыми глазами. Темно-серый деловой костюм самого строгого покроя сидел на ее безупречной фигуре идеально, но раздраженное выражение лица ее совершенно не

красило.

— Подготовь мой личный автомобиль. Мне нужно кое-куда съездить на пару дней.

— Кое-куда? — девушка изогнула бровь. — На пару дней? Мистер Ранфарг, вы забываетесь.

— Прости? — опешил Белгорро.

— Вы уже проверили отчет, который я уже третий раз вытаскиваю из мусорной корзины? Не забыли про встречу, назначенную на завтра? Или подготовку к такому малозначительному событию, как столетний юбилей Федерации и Олимпиады? Или упустили из виду тот малозначительный факт, что телефон, который вы так любезно разбили о дверь, я подарила вам на День Рождения?

— Что, правда? Но знаешь, он мне не нравился: трубка в ладони неудобно сидела. Так что отмени все мероприятия, запланированные на эту неделю, или проведи их без моего личного присутствия. Справишься?

— Для начала объясните, куда и зачем направляетесь, — Виолетта не собиралась отступать.

— На встречу со старым другом.

— У вас нет друзей, — без права на апелляцию заявила девушка.

— Ты меня плохо знаешь. И не долго. Теперь их снова двое...

Ранфарг Белгорро вышел из-за стола и подошел к окну, которое занимало всю стену его кабинета. Из него открывался прекрасный вид на город, который Белгорро, по сути, построил собственными руками. И он улыбался.

17:50, 18 июля 1014 года. Фламби, республика Талли, Федерация Вердиго.

— Это Фламби? — спросила Юрика у Дженази, когда лес за окном поезда закончился и ее глазам открылся замечательный вид на город, застеливший четыре холма россыпью одно-, двух- и трехэтажных зданий из желтого кирпича. Самой заметной постройкой здесь была ратуша, находившаяся почти в самом центре, ее часовая башня нависала над прочими постройками словно бдительный и неусыпный страж.

— Да. Красивый город, не находишь? И очень старей. Раббен говорил, что Фламби был основан еще до его рождения, — Дженази к концу пути был настроен на благодушный лад и склонен к беседе.

— И сколько же лет твоему Раббену? — недоверчиво спросила Юрика.

— Больше семи сотен. Я у него не уточнял.

Девушка еще раз проверила, не ослышалась ли, и задала еще один вопрос:

— А сколько тогда тебе лет?

— Я не знаю. Больше двухсот точно, — Дженази пожал плечами.

— Дядя, ты когда в вагон-ресторан ходил, ничего крепленного на грудь не принимал?

Дженази пропустил ехидный вопрос мимо ушей и погрузился в свои размышления. Или воспоминания — Юрике было все равно, что там творилось в его голове.

— Ну хорошо. А сколько тогда маме лет?

— Когда мы впервые встретились в 821 году, ей было восемнадцать.

Племянница Дженази поперхнулась, даром что бутылка с водой, стоявшая перед ней на столе, была плотно закрыта.

— 193 года назад?! А почему вы впервые встретились, когда ей стукнуло восемнадцать? — параллельно Юрика прибавила к озвученной цифре еще восемнадцать лет. Если верить словам дяди, ее мама видела, каким Вердиरो был двести лет назад.

— Мы не росли вместе. И...

И больше Юрика не смогла вырвать из него ни слова.

18:05, 18 июля 1014 года. Фламби, республика Талли, Федерация Вердиро.

Поезд остановился у перрона вокзала, и его пассажиры смогли наконец покинуть свои вагоны. Была объявлена получасовая стоянка, но Дженази и Юрике данная информация была уже совершенно ни к чему: они направлялись в город. И покидая вокзал, девушка не переставала рассматривать собравшуюся у состава толпу — искала Просперо. Но его плотной фигуры в старом потертом плаще нигде видно не было.

«Может быть, он остался в поезде?» — подумала она с надеждой.

— Так мама в этом городе? — спросила Юрика у дяди. Она помнила его обещание, и когда он купил билеты в Фламби, ей не пришлось в голову задавать подобные вопросы.

— Нет, Ришари сейчас очень далеко, по ту сторону океана. В Судо.

— Тогда что мы делаем здесь?

— Ищем твоего брата.

Юрика остановилась. Дженази не заметил, или сделал вид, что не заметил, пройдя вперед еще несколько шагов.

— Что не так? — обернулся он.

— Ничего. Просто это довольно странно — узнать, что один твой брат был рядом с тобой всю твою жизнь в то время, пока ты мечтала в приюте о семье. А второй живет в пяти часах пути от этого самого приюта, тоже не горя желанием дать о себе знать.

— Не переживай, мы все выясним. Как, почему, за что — и уладим наконец это недоразумение.

— Недоразумение? — вспыхнула Юрика. — Дядя, мне сейчас плевать на братьев там или сестер. Я хочу увидеть маму и папу, и...

— И что? — спросил Дженази, наблюдая, как у его племянницы от волнения и гнева перехватило дыхание. — Набросишься с кулаками и обвинениями? А может, расплачешься, жалуясь на свою судьбу? Так для этого и я сойду, стою вот прямо перед тобой.

— Ты... ты просто дядя, — ответила девушка, сдерживая рвущиеся наружу слезы. — Я просто хочу увидеть их. А потом уйду. Я ведь уже выросла... без них.

Дженази рассмеялся, подошел к Юрике и обнял ее за плечи.

— Глупая. Позволь мне тебе объяснить: я не надеюсь на то, что смогу воззвать к материнскому инстинкту Ришари. Просто мне есть о чем поговорить с ней, и такой же шанс я даю тебе. Будете вы с ней вместе или нет — мне все равно, ведь отныне ты будешь взрослеть уже под моим присмотром.

— Ты слишком много на себя берешь, — запротестовала девушка, пытаясь освободиться от объятий. — Я сама решаю, что мне делать дальше.

— И что же ты собираешься делать дальше? — Дженази отпустил племянницу, скрестил руки на груди и посмотрел на нее сверху вниз.

Юрика расправила образовавшиеся складки на одежде, бросила взгляд на любопытных

прохожих, с интересом наблюдавших семейную сцену, и ответила:

— Увидеться с братом. Раз я уже здесь.

Потом, когда они зашагали дальше, она схватила Дженази за рукав плаща и тихо добавила:

— И с родителями.

Глава 7. Семья. Гвардия Хаоса. Семья...

Фламби Юрике определенно нравился, она мысленно сравнивала его с Ховином и находила, что он гораздо просторнее, чище и светлее, да и люди в нем казались дружелюбнее. Может быть, дело было в том, что этот город был почти вдвое, если не втрое, меньше, и построен не вокруг шахт и заводов, а на перекрестке старых торговых маршрутов, которые хоть и утратили свое значение сотни лет назад, но все равно оставили среди зеленых холмов и равнин очаг неспешной, размеренной жизни. Фламби мог показаться осколком прошлого, но если присмотреться внимательнее, то станет ясно, что таким, который уцелеет, даже когда былые эпохи истают, словно дым на ветру.

— Ты ведь знаешь, куда идешь? — спросила Юрика, когда прямые улицы древнего города привели их к открытым воротам зеленого тенистого парка, почему-то пустого, хотя до заката еще оставалось минимум пару часов.

— Не сомневайся, твой брат уже рядом, — ответил Дженаси, проходя сквозь ворота.

— Наверное, гуляет здесь с какой-нибудь подружкой... Ты ведь тоже не знаешь, сколько ему лет?

— Нет. Могу только предположить, что он старше тебя. Немного.

— Зная, сколько тебе и маме, я не удивлюсь, если это «немного» будет составлять лет пятьдесят...

— Не волнуйся, вы почти ровесники.

— Кстати, с верхотуры твоих прожитых лет я не кажусь тебе личинкой человека?

— Кажешься. А теперь помолчи немного и сделай лицо по-дружелюбнее: я уже вижу своего второго племянника.

— Где? — Юрика даже забыла, что собиралась обидеться. Только сколько она не вертела головой, ни единой души поблизости не обнаружила. Аллеи парка были по-прежнему пусты. И только потом заметила подозрительное движение.

— Это он, да? Белая футболка, синие брюки, светлые волосы; бежит быстро, навстречу, и с ним рядом какая-то девушка... А зачем им мечи?

Дженаси не ответил и схватив Юрику за шиворот, без каких-либо объяснений зашвырнул в кусты. Она ловко приземлилась и сразу же вскочила на ноги, взъерошенная и злая, но высказаться на счет неожиданного сюрприза не успела: светловолосые парень и девушка, похожие друг на друга, словно брат и сестра, размахивая прямыми обоюдоострыми клинками, набросились на ее дядю с простой и очевидной целью.

— Ичиро! — прорычала стройная красавица, промахиваясь в очередной раз. — Что ты здесь забыл?

Дженаси не стал спрашивать, кто такой Ичиро, и рассек воздух ладонью перед незнакомкой так, словно отмахивался от надоедливой мухи. Агрессивно настроенную девушку унесло в кусты также, как и Юрику, только в противоположную сторону.

— Рия! — заорал парень и набросился на Дженаси с утроенными усердием и яростью, но еще одного взмаха ладонью хватило, чтобы и его сбilo с ног, только не в сторону, а носом в асфальт, словно ударили сверху невидимой мухобойкой.

— Ран! — девушка вылезла из зарослей, уже без меча, и зачем-то хлопнула рукой по дорожке аллеи.

Зачем, Юрика увидела уже через секунду: от ее пальцев в сторону дяди по асфальту

змеей потянулась тропинка из льда и инея. Добралась до подошв ботинок Дженази, попыталась по ним взобраться выше и сразу отступила.

Разочарованное лицо светловолосой незнакомки было сложно описать словами.

А потом парень, лежавший у ног Дженази, не поднимаясь на ноги бросился вперед и вцепился ему в штанину. Дядя Юрика отвлекся, пытаясь освободить ногу, и девушка, вырастив из ладони короткий ледяной клинок, ринулась в атаку.

Когда она подошла вплотную, Дженази перехватил ее руку и прыгнул, вместе с грузом на ноге, и раскрутив свое тело в воздухе, раскидал нападавших в разные стороны. Юрика в этот момент еле успела спрятаться за деревом, молясь, чтобы к ней никто из незнакомцев не «прилетел».

Ей повезло, парень с девушкой тоже быстро пришли в себя, а потом внимание всех четверых привлек столб синего огня, поднявшегося на этой же аллее, только в метрах семидесяти от места сражения. За долю секунды преодолев это расстояние, которое всего на мгновение озарилось полосой яркого синего света, соединившей точки старта и финиша загадочного объекта, пламя вздымалось уже напротив Дженази, и Юрика с неким внутренним трепетом рассмотрела, что источником аномалии является высокая, выше ее дяди, женщина в черном костюме. Она сжимала длинный меч, который Дженази остановил в сантиметрах от своего лица, схватив лезвие левой рукой. На землю под его ногами не упало ни единой капли крови.

— Сто лет не виделись. Валерия, — произнес он, обращаясь к женщине. Очень красивой, как уже успела рассмотреть Юрика, женщине.

— Сто пятнадцать, — ответила она, всем своим весом наваливаясь на клинок. — Ранмаро, Виктория, — обращалась, похоже, к остальным двоим — стальным, не терпящим возражений тоном, — прячьтесь.

— Юрика! — Дженази тоже поспешил предостерегающе крикнуть племяннице, и она едва успела присесть и закрыть голову руками, когда столб огня, поднимавшийся к небу вокруг тела женщины по имени Валерия, стал интенсивнее, пока не превратился в колонну из синего света, яркую, до рези в глазах. Потом землю тряхнуло и прогремел взрыв, Юрику отшвырнуло, она покатила по земле, пока не налетела спиной на корни толстого дерева. Быстро пришла в себя, и все еще не чувствуя последствия столкновения, бросилась назад к аллее, чтобы узнать, что случилось с дядей.

Разрушения, которые открылись ее глазам, впечатляли. Дженази и Валерия по прежнему стояли посреди широкой дорожки, только уже не на асфальте, а в широкой воронке, если не кратере, почти метровой глубины. Женщина по-прежнему продолжала пытаться рассечь его руку, и по-прежнему безуспешно. А потом ее пальцы на рукояти меча разжались, и она медленно опустилась на колени.

— Ты стала сильнее, — произнес Дженази и помог ей подняться. Валерия отвернулась, когда он предложил забрать меч назад, и спрятала клинок в ножны.

— Не думала, что ты вернешься. Признаться, даже рада немного. Удивительно.

— Неужели все так плохо? — почему-то удивился Дженази.

— Может быть. Ты пришел посмотреть на своего племянника? Ранмаро, подойди!

Парень, так настойчиво желавший крови пару минут назад, вышел из-за деревьев с весьма растерянным видом.

— Это не Ичиро. Это Дженази. Дженази, познакомься со своим племянником, Ранмаро Ранмаро Лэйт.

Дженази почему-то грустно улыбнулся и произнес:

— Наверное, это судьба. Не правда ли, Валерия Лэйт?

— Ее злая шутка, — улыбка не коснулась губ женщины. Юрика, даже находясь на расстоянии нескольких шагов от нее, чувствовала, какую сильную неприязнь она испытывает к ее дяде. Может быть, она и хотела показаться дружелюбной, но лгать самой себе, похоже, не могла.

«Чем же ты ее так сильно обидел, дядя? Она такая... красивая,» — мелькнуло у девушки в голове. Действительно, Валерией можно было любоваться представителям обоих полов: высокая, статная, стройная, черный костюм изящно подчеркивает округлые формы тела, настолько пропорциональные и гармоничные, что в голову невольно приходит мысль о некоем разумном Создателе-Скульпторе, который годами корпел над данным шедевром. И, наверное, он хотел, чтобы Валерию замечало как можно больше людей, раз наградил ее очень густыми прямыми волосами цвета расплавленного золота; прическа была настолько объемной, что Юрика невольно пожалела женщину, которая определенно тратит целую прорву времени каждый день, чтобы привести все это буйство на голове в порядок. И ее глаза — ярко-ярко синие, настолько, что ставится под сомнение сам факт принадлежности Валерии к человеческому роду. А эта идеально гладкая кожа? Девушка подавила внутри себя ненормальное желание прикоснуться к ней.

«Если рядом с ней так не по себе даже нам, то каково мужчинам?» — задала сама себе племянница Дженази мысленный вопрос и посмотрела на дядю.

— Ты — Юрика? — спросила у девушки Валерия, весьма холодно.

— Вы меня знаете?

— Да, — бесстрастно ответила женщина. — Я все еще помню красновласую сероглазую малышку, которую Ичиро шестнадцать лет назад принес в мой дом. Познакомься со своим старшим братом. Он давно порывался тебя навестить.

Юрика не знала, почему, но ей захотелось спрятаться. Она и представить не могла, что первым чувством, которое она испытает, стоя лицом к лицу с братом, будет сильное смущение. Девушка как-то сразу забыла, как сильно Ранмаро оплошал в бою с дядей, когда рассмотрела наконец, как сильно он похож на Валерию.

— А это Виктория, — женщина кивнула на стоящую поодаль девушку, которая уже нашла свой меч и теперь с огромным любопытством рассматривала Дженази. Потом она, правда, заметила, что ее внимание стало слишком очевидным, и перевела взгляд на Юрику. Осмотрела ее с головы до ног и почему-то недовольно дернула краешком губ. Та поспешила обидеться.

— Она моя дочь и двоюродная сестра Ранмаро.

Дженази прокомментировал данные слова Валерии очень странной и непонятной Юрике усмешкой. Валерия это заметила и уже специально для нее пояснила:

— Отец Виктории — Ичиро.

Юрика сопоставила факты и замкнула логические цепочки, помогая, правда, себе руками с оттопыренными указательными пальцами, в результате чего они, следуя воображаемым линиям на мысленно представленном генеалогическом дереве, скрестились в воздухе.

— Ичиро — это настоящее имя Джина Саргаса, да? Моего брата? Тогда она племянница Ранмаро, а не кузина. И моя, кстати... Или я чего-то не поняла?

— Отец Ранмаро — Кристиан, — пришел ей на помощь Дженази. — Брат-близнец

Валерии. Где он, кстати? — спросил мужчина у матери Виктории и тети Ранмаро.

— Мертв.

— Как это произошло? — голос Дженази выражал искреннее сочувствие.

— Ришари убила его, — Валерия произнесла это совершенно обыденно. Неестественно спокойно. — Подробнее эту историю, и ту, почему Ранмаро со мной, а не со своей матерью, я расскажу в нашем доме. И ты, Юрика, — она обратилась к девушке, — ты ведь тоже, наверное, не знаешь, кем был твой отец.

— Был? — спросила она севшим голосом.

— Я все расскажу, когда мы окажемся дома.

— Вы здесь живете? — спросила потрясенная Юрика, когда ее и Дженази привели к большому особняку за чертой города. Путь получился неблизким, так что она успела немного пообщаться с Ранмаро. Выяснилось, что они регулярно упражняются в парке на мечах, и совершенно случайно Виктория первой издала рассмотрела белые волосы и фиолетовые глаза дяди, и приняла его за Ичиро. Тем более, что рядом была она, Юрика, которая, как им было известно, находилась под его опекой. Так как Виктория испытывает к отцу нежную и трепетную любовь — в огромных саркастических кавычках, думала она не долго.

Как именно племянница смогла на таком расстоянии рассмотреть цвет глаз Дженази, Юрика решила не уточнять.

Брат оказался старше ее на два года, его отец был убит сразу после рождения парня, а мать он видел только на картинах, фотографиях и в старых фильмах. Незавидная судьба, но когда девушка представила, как он провел восемнадцать лет своей жизни в подобном дворце под заботливым крылом тети и в компании двоюродной сестры (или все-таки племянницы?), в ее душе оказалось достаточно много места для зависти.

— Отец купил этот дом сразу после завершения войны, — ответил Ранмаро. — Так что здание уже довольно старое и требует ремонта. У нас, правда, сейчас небольшие финансовые трудности, да и от помощи Белгорро тетя отказывается...

— Какое-то знакомое имя, — произнесла Юрика, ни к кому конкретно не обращаясь. — А какой именно войны?

— Ну разумеется, — улыбнулся парень. — Ранфарга Белгорро знают все. Он навещает нас иногда — друг семьи, как-никак.

Вопрос про войну остался без ответа.

— Оху...

— Юрика! — прикрикнул на племянницу Дженази.

— Очешуительные связи, я хотела сказать.

Ранмаро поспешил спрятать свою улыбку, Виктория презрительно фыркнула.

«Какие-то проблемы, племянница?» — мелькнуло в глазах Юрики, когда она ответила дочери Валерии очень прямым взглядом.

«Целых три, — прочитала она в ее глазах. — Ты на две головы ниже меня, у тебя отвратительные манеры и... Боже, с каких пор стрижку овец доверяют слепым?»

Да, Виктория одним только взглядом в ясной и доступной форме могла высказать все, что думает. Поразительный талант.

Юрика хмыкнула про себя: она стригла себя сама, и получалось у нее, мягко говоря, не очень, хотя ей самой и нравилось. Таков был ее собственный стиль.

Наконец они все вошли внутрь. Валерия сразу повела Дженази наверх, и поднимаясь с ним по лестнице, сказала дочери и племяннику:

— Покажите Юрике дом, спросите, не голодна ли. В ближайшие два часа она — ваша гостья. А мне пока нужно серьезно и о многом поговорить с вашим дядей... — взгляд женщины остановился на Виктории, — Да, дядей.

— А как называется старший брат бабушки? — спросила Юрика, когда взрослые (Ранмаро и Виктория уже не были детьми, как и сама Юрика, но если учесть, сколько лет Дженази и Валерии...)

— Двоюродный дед, — ответил Ранмаро.

Юрика честно старалась не рассмеяться, он тоже. Виктория хмурилась.

— Он мой дядя. Просто дядя, — сказала она недружелюбно. — Идем на кухню, там осталось кое-что с обеда.

— Я не голодна, — поспешила с ответом Юрика.

— По тебе не скажешь.

— По тебе тоже, хотя ты не сирота и не росла в приюте, — съязвила девушка.

Ранмаро, чувствуя себя не в своей тарелке под перекрестным огнем двух невзлюбивших друг друга родственниц, взял младшую сестру за руку и потянул к одной из боковых дверей холла.

— Тогда давая я покажу тебе картины тети Валерии. Она известная художница.

— В узких кругах, — нейтральным тоном добавила Виктория.

— Хорошо, веди, — улыбнулась Юрика.

— Кстати, все картины, которые ты увидишь в доме, принадлежат ее кисти.

Девушка, прежде чем покинуть холл, еще раз внимательно его осмотрела и обнаружила по-меньшей мере дюжину полотен. Она не была специалистом, но они впечатляли.

Решив рассмотреть поближе одно из полотен, метр на два, изображающее синего медузу под струями водопада, Юрика обнаружила подпись Валерии — VL со стилизованным изображением меча с крылышками под семью звездами. Точно такой же знак она уже видела на воротах особняка, дверях, клинках Ранмаро, Виктории и Валерии, и десятке предметов интерьера.

— Что это?

— Герб Великого Дома Лэйт, — ответила Виктория. — «Небо держится на чести и доблести».

— Я так понимаю, чести и доблести Лэйт? — Юрика не удержалась от иронии.

— Да, — короткий и прямой ответ дочери Валерии, словно удар меча, напроць отсекая желание Юрики углубляться в тему теории родового превосходства. Она имеет дело с самой настоящей аристократкой с явными замашками представительницы класса эксплуататоров.

— И каково это — расти в приюте? — спросила Виктория спустя минуту, заметив наконец, что начала конкретно перегибать палку. Они уже шли по длинному коридору, с одной стороны которого в стене были высокие окна с витражами, а с другой — портреты в полный рост и панорамные полотна.

Внутри особняк оказался еще больше, чем могло представиться при взгляде снаружи.

— Плохо, — честно ответила Юрика.

— Я узнал о тебе, когда мне исполнилось двенадцать, — поспешил оправдаться

Ранмаро. — Но тетя запретила увидеться с тобой. Сказала, что будут проблемы с Ичиро.

— Проблемы?

— Такие же, как восемнадцать лет назад, когда он пытался вернуть меня на Судо. Тогда четверть Фламби сгорела в огне. Только Белгорро смог остановить его.

— Ну, это многое объясняет, — ответила Юрика. Вспомнила мертвые лица своих товарищей и больше не проронила ни слова.

— Мы пришли, — Ранмаро остановился возле двери в конце коридора. — Думаю, тебе стоит увидеть именно картины, которые находятся в этой комнате.

Тяжелые деревянные створки раскрылись, и девушка увидела огромный светлый зал с отполированным мраморным полом и высоким белым потолком, под которым висели массивные хрустальные люстры. Картин здесь было совсем немного, но две из них, висевшие на противоположных стенах, сразу приковывали к себе внимание.

— Дядя? — Юрика с порога узнала Дженази на картине слева, на которой в полный рост было изображено восемь людей в черных плащах. — А кто это рядом с ним? — она указала на стройную девушку с длинными белоснежными волосами и фиолетовыми глазами, очень похожую на него, нее и Викторию. Хотя ответ ей уже не требовался. — А это... да ладно, Ранфарг Белгорро?

— Картина называется «Гвардия Хаоса», — пояснила дочь Валерии. — Женщина рядом с Дженази — Ришари. А эти двое, — она указала на высокого мужчину-яо и еще более высокую женщину, волосы которой напоминали цветом и формой ветви плакучей ивы, — Кенсэй и Глория. Твои дедушка и бабушка.

Глория ярко выделялась на фоне остальных специфическим оттенком кожи оливкового цвета, и огромными черными глазами миндалевидной формы — без белков и радужной оболочки.

— Они родители твоего отца, — пояснила Виктория, когда по выражению лица Юрики стало ясно, что она ничего, абсолютно ничего не понимает.

— Это шутка? Ха-ха, смешно. С другой стороны, теперь я знаю, благодаря кому обладаю интернациональной внешностью. Вы хоть представляете, как сильно я хочу разрез глаз как у всех?

— У тебя красивые глаза, — поспешил разубедить ее Ранмаро.

Но Юрике было не до него. Она переваривала информацию. Которая многое меняла в ее отношении к «желтой прессе».

— Эй, а ничего, что мне от бабушки ничего не досталось? Ладно кожа и глаза — где мой метр девяносто? И кто эти трое? — она указала на стоящую чуть особняком троицу, в которую входили еще один мужчина-яо; невероятно худой и очень бледный парень-гемини с длинными, можно даже сказать, женскими волосами — длинными, цвета вороньего крыла; и странный тип в белой театральной маске.

— Сигурд, Раббен Тоттенгрибер и Августо.

Юрика сразу вспомнила семисотлетнего старика, о котором в поезде упоминал Дженази. На картине ему было в районе сорока.

— Ты могла слышать, что Гвардия Хаоса и Десять Великих Домов уничтожили друг друга, положив конец эре страха. Но это не так, — продолжила Виктория. — Дом Лэйт — один из Десяти Великих Домов. Правда, я, мама и Ранмаро — все, что от него осталось. Мь — одни из немногих уцелевших высокорожденных фелкамелов.

— Фелкамелы? — Юрика вспомнила, что уже слышала это слово от дяди.

— Свободные граждане Небесных Городов из Великих, Вассальных и Малых Домов. Фелкамелов Великих Домов осталось очень мало.

— Сочувствую, — Юрика продолжала рассматривать картину, но теперь, правда, уже все внимание уделяя изображению матери. На удивление хрупкая, утонченная, она казалась лишней среди всех этих мрачных лиц с жестокими глазами. Валерия, когда писала картину, определенно старалась вложить в свою работу как можно больше печали и гнева, и почему Ришари получилась настолько выделяющейся на фоне остальных, было непонятно. Так скрупулезно передать нежность, с которой она касалась плеча Дженази, ее выразительный взгляд... Но когда Юрика рассмотрела, какое безумие в них скрывалось, то невольно отшатнулась.

«Какая... какая ненависть! Валерия ненавидит ее всем сердцем!»

— Что не так? — спросил у сестры Ранмаро.

— Ничего. Просто твоя тетя... очень хорошо рисует. А кто они? — Юрика указала на картину, которая находилась напротив. То, что на ней Валерия изобразила саму себя, девушка заметила не сразу.

— Их называли «Стражами Неба».

Юрика подошла к картине поближе. Пять человек, трое парней и две девушки. Глядя на молодого человека, изображенного рядом с Валерией, она вспомнила, что отец Ранмаро, Кристиан, был ее братом-близнецом.

«Действительно, они поразительно похожи».

— Сто пятнадцать лет назад они бросили вызов Гвардии Хаоса, когда она уже подчинили себе весь мир. Нола Орчи, Дан Даркенвэй, Регулус Старвинд, Кристиан и Валерия Лэйт. Величайшие воины своего времени.

— Великих Домов десять, а их всего пятеро? — спросила Юрика, рассматривая девушку, имя которой было Нола Орчи. Именно она в первую очередь привлекла ее внимание, Юрика сразу почувствовала к ней глубокую симпатию. Смуглая, как и все шурави — народы центральных регионов Судо — среднего роста, длинные каштановые волосы стянуты в хвост на затылке, синие глаза; из одежды только шорты и короткая футболка, кисти, руки до локтей, ноги от ступни и до колена перетянуты бинтами, а на тех участках кожи, которые остались открытыми, виднелись свежие царапины — явные следы рукопашных боев. Единственной из пятерки, у кого не было при себе оружия. У Валерии на поясе висел меч, который Юрика уже успела увидеть в деле; оружием Кристиана были бритвено-острые стальные кольца; за плечами рослого темноволосого парня виднелась рукоять огромного меча; его рыжеволосый сосед держал ладони на парных кривых клинках. Нола была безоружной.

— Вы втроем не оставили на дяде даже царапины, — произнесла Юрика, отойдя от картины на шаг назад. — Как они впятером сражались против восьми? Или твоя мама курила в сторонке, пока остальные четверо били дядю, маму, дедушку, бабушку (у меня даже бабушка есть!), Ранфарга Белгорро и тех троих ногами?

Виктория проигнорировала вызывающий тон оскорбительного содержания, и спокойно ответила:

— Мама сказала, что они выжили в боях с Гвардией только благодаря Ноле Орчи. Она даже победила Дженази.

— Дядю? Черт, я уже люблю ее. Она еще жива, правда ведь?

— Из Стражей в живых осталась только мама. Нола погибла в последний день войны,

остальные, включая дядю Кристиана — восемнадцать лет назад.

— Войны между Гвардией и Десятью Домами? — уточнила Юрика в погоне за конкретикой и определенностью.

— Да. Она закончилась, когда был убит император Фридрих и Гвардия Хаоса распалась.

Еще один немой вопрос Юрики заставил Викторию углубиться в подробности.

— Фридрих из Великого Дома Бронзлебен — основатель Гвардии Хаоса. Говорят, тысячу лет назад он создал ее, чтобы захватить власть над Небесными Городами. Стражи Неба сокрушили его, когда он уже добился своего.

— Неудачник, — улыбнулась девушка. — Где-нибудь есть его портрет?

— Мама ни разу не видела его. А насчет неудачника... Он правил миром десять лет.

— Повторю вопрос про Валерию: она что, курила в сторонке, пока остальные вершили подвиги?

Виктория закрыла глаза и что-то пробормотала. Наверное, просила у высших сил терпения не затеять с нахалкой драку.

— Мама рассказала нам о войне с Гвардией лишь в общих чертах. Подробностей мы не знаем.

— Ну хорошо, — приняла ответ Юрика. — Здесь где-нибудь есть портрет моего отца?

Глава 8. Преступление. Слезы

Валерия привела Дженази в комнату на втором этаже, заставленную диваном, парой кресел и журнальным столиком. Свет попадал внутрь сквозь большое окно и застекленную дверь, за которой находился открытый балкон.

— Почему ты им ничего не рассказала? — спросил Дженази, усаживаясь в кресло. Валерия устроилась на диване напротив.

— Не понимаю, о чем ты, — ответила она, позволив себе легкую улыбку.

— О том, как относятся Ранмаро и Виктория ко мне и Белгорро. Друг семьи? Ты смеешься? Уверен, они знают, что такое Гвардия Хаоса, но почему я не вижу в них ненависти? Мы же были...

— Чудовищами? — закончила за него Валерия. — Дженази, милый, наша война с вами теперь в прошлом. Сто пятнадцать лет назад, когда ты исчез, Гвардия распалась. Сигурд убил Фридриха и объявил себя новым императором...

— И почему я не удивлен? — вставил между строк Дженази.

— ... Августо и Тоттенгрибер признали его право, а вот остальные — нет. Белгорро не понравилось, что он собрал уцелевшие Небесные Города в Дакиэрро, а Глория в принципе была против того, чтобы от нашей цивилизации хоть что-то осталось. Кэнсею Сигурд никогда не нравился... Втроем они обосновались здесь, на Верди́ро, и собирались установить контроль над Судо, но тут вмешалась Ришари. Знаешь, как ее теперь называют? Богиней Юга. Она правит целым континентом, все правители южного материка — ее марионетки. В результате новые друзья человечества — я о Белгорро и сотоварищах — потеряли возможность использовать тамошние вооруженные силы для вторжения на Дакиэрро, так что новой мировой войны не случилось. В итоге Сигурд восстановил на своей территории осколок прежней цивилизации, а Белгорро занялся развитием Верди́ро. Мы — я, Кристиан, Дан и Регулус — решили ему помочь. Нет, ну правда, сражаться с ними все равно бесполезно, а тут они изъявили желание восстановить земли, опустошенные сотнями лет непрерывных войн. Благородное стремление. Достаточное, чтобы можно было закрыть глаза на их прошлое. Мертвых не вернуть, Дженази.

— Я уже успел увидеть, как здорово вы «закрыли на прошлое глаза», — ответил он. — Полноценный мировой заговор с целью сокрытия правды о прошлом... Не могу не улыбаться, хотя ничего смешного в этом нет.

— Чудовища захватили мир, а потом убедили его в том, что они — добрые феи, — Валерия печально улыбнулась.

— Кто-то же должен был взять на себя эту обязанность. И теперь людям суждено забыть о чудовищных преступлениях прошлого. Возмездия не будет, — фиолетовые глаза Дженази потемнели, на них упала тень, сквозь которую пыталось прорваться яростное бушующее пламя.

У Валерии перехватило дыхание. Это был совершенно другой Дженази. Такого она не помнила. От него исходили волны чудовищного эмоционального давления, она чувствовала, как мистические течения Тейзои вихрем закручиваются вокруг комнаты, предвещая угрозу идеального шторма. И эти эмоции — ярость, гнев, острое чувство справедливости — передались ей.

— Только не говори, что осуждаешь нас за наше молчание. Я лично обелила твое имя в

глазах своих детей! Им ни к чему знать, что ты... — Валерия почти перешла на крик, но в конце смогла взять себя в руки — просто нечеловеческим усилием воли. — Ранмаро и Виктории достаточно правды о Ришари. Я просто хотела, чтобы у них был дядя, который однажды вернется и остановит убийцу. Ты ведь для этого вернулся, да? Чтобы остановить ее? Хотя о чем я... Тогда ты не смог завершить свой удар, и теперь, век спустя, тоже не сможешь. Но мне интересно, что будет теперь. Ты ведь хочешь узнать, как сильно она изменилась.

Дженази молчал, ожидая продолжения.

— Ичиро родился пятьдесят лет назад. До этого момента Ришари активно мешала жить Сигурду и Белгорро, ее «Стая» устраивала на Верди́ро и Дакиэрро жуткие акции устрашения и разного рода диверсии. «Стая»? Преданные твоей сестре члены Десяти Великих Домов и просто талантливые бойцы, энергию которых она направила в нужное ей русло. Зачем ей это было нужно? Тебе лучше знать, она все-таки твоя сестра.

Так вот, когда Ичиро родился, «Стая» на время прекратила свою деятельность на других континентах, полностью сосредоточившись на защите ребенка. И знаешь что? Сигурд оказался достаточно самонадеянным, чтобы попытаться убить его. Он, Августо и Тоттенгрибер втроем напали на Ришари, посчитав, что беременность ее сильно ослабила. Они ошиблись, поражение было сокрушительным. И мы за всем этим наблюдали из Федерации.

«Она родила ребенка, едва не убила Сигурда, перестала терроризировать Верди́ро. Похоже, она исправилась,» — так мы подумали, если сильно утрировать. Простишь за это? Я просто говорю о вещах, которые меняли мир прямо на моих глазах, и если буду делать это иначе, то просто сойду с ума. Потому что как может появление на свет всего одного человека изменить все таким радикальным образом? Неужели Карлал и Тонби были правы?

Дженази пожал плечами, а потом ответил:

— Великие личности берутся не из пустоты. И их идеи тоже. Легко перепутать волю одного влиятельного человека с волей тысяч тех, кто стоит за его спиной. Но ты еще не рассказала, как именно Ичиро повлиял на исторический процесс.

Валерия вздохнула и продолжила:

— Так получилось, что отношения между Судо и Федерацией потеплели. Восемнадцать лет мы не беспокоились о Ришари, за это время Ичиро вырос и возглавил «Стаю». И когда он наконец «вышел в свет», то в первую очередь заговорил о союзе между Судо и Федерацией против Дакиэрро. Мы долгое время смотрели на его деятельность с подозрением... Долгое время. Ему было уже за тридцать, когда я родила ему Викторию. Почему ты так смотришь на меня? Я влюбилась в замечательного парня — славного, доброго, отважного. В того, каким Нола увидела тебя больше ста лет назад. Это все ее вина... Никогда бы не поверила Ичиро, если бы не знала, что он смотрит на меня так же, как и ты когда-то на нее. Преемственность поколений какая-то... Одним словом, жизнь стала налаживаться. Сын Ришари всю сотрудничает с «Молотом», Кристиан, Кеншин, Дан и Регулус — его закадычные друзья, Белгорро зовет его «Дженази младший». Просто сказка. Мы как-то пропустили момент когда мой брат начал встречаться с Ришари. Когда узнали — они уже обвенчались. Потом родился Ранмаро.

Потом Ришари убила Кристиана. Дан и Регулус попытались отомстить. Глупые...

Я так и не смогла выбить из нее правду, зачем она так поступила. Тоже ведь сошла с ума, ворвалась в ее особняк и забрала племянника из колыбели. Ранмаро — все, что осталось у меня от Кристиана...

Ришари не стала возвращать сына лично и приказала сделать это Ичиро. И знаешь что? Он послушался ее. Если бы не Белгорро, ублюдок забрал бы у меня и племянника, и дочь. Фламби тогда здорово досталось.

Конечно, это знаменовало начало новой фазы противостояния Судо и Вердиरो. Из-за тех, о ком подавляющее большинство людей даже не слышало никогда. Ну, или не подозревало об их реальном влиянии на этот мир. Несправедливо...

— Кто такой Кеншин? — спросил Дженази, когда Валерия прервалась, чтобы налить себе стакан воды из графина.

— Сын Кенсэя и Глории, отец Юрики.

— У Глории не может быть детей! — Дженази даже вскочил со своего кресла. — Она же ярмир! Скажи еще, что и Белгорро внуков нянчит.

— У Белгорро нет детей, но Глория — ярмир особого рода, ты ведь и сам это знаешь. Ей удалось зачать ребенка от Кенсэя, и мальчик, который в результате родился, удивил всех нас. Знаешь, Юрика очень на него похожа. Особенно ее волосы, — Валерия мягко улыбнулась.

— Так вот, Кеншин вырос невероятно сильным. И спустя два года после смерти Кристиана в одиночку отправился на Судо, чтобы остановить Ришари. Там и погиб. Каким образом у них получилась Юрика — мне не известно. Шестнадцать лет назад Ичиро принес ее на порог этого дома, но я прогнала его прочь. Мне не был нужен ребенок, из-за которого у моей семьи могут возникнуть проблемы с Глорией — она ведь обезумела после гибели сына и поклялась, что сотрет с лица земли саму память о Ришари. Ранмаро и Виктории тогда угрожала смертельная опасность, но Кенсэй не позволил жене убить нас, что и стало концом их отношений. Впрочем, между ними все было кончено еще тогда, когда они вдвоем попытались убить Ришари — даже зная, что она беременна от их сына. Надеюсь, Юрика сможет меня понять, как и то, что я не стала рассказывать Кенсэю о том, где она находится. Так и получилось, что кроме меня и Ичиро никто не знал, что дочь Кеншина находится в Ховине.

Снизу донесся какой-то шум, Дженази узнал голоса Ранмаро и Юрики. Юрика кричала.

— Похоже, они ей уже все рассказали, — произнесла Валерия, наблюдая за реакцией бывшего Гвардейца. Она хорошо скрывала то, что ей нравились его ошеломленный вид и растерянность в глазах.

— Пойду поговорю с ней, — ответил Дженази, покидая комнату.

— Да, конечно, — улыбнулась она.

— Юрика, подожди! — кричал Ранмаро, догоняя девушку. — Сестра!

Но и это не помогло, она выбежала из особняка с целью уйти от всего свалившегося на нее за последние полчаса.

Когда Юрика была готова покинуть территорию поместья Лэйт, для чего ей нужно было преодолеть невысокую живую изгородь (она бежала, не разбирая дороги), ее грубо схватили за руку, останавливая. Девушка развернулась, чтобы оправить Ранмаро подальше, но вместо

этого столкнулась взглядом с Викторией, которая оказалась гораздо быстрее брата.

Увидев ее рассерженное лицо, Юрика вместо гневного ответа, и к своему же удивлению, всхлипнула, и резко освободилась, отталкивая племянницу. Потом одним махом перелетела через ограду и побежала дальше, размазывая слезы по щекам. Дом семьи Лэйт стоял на окраине Фламби, и за ним городских построек уже не было, только зеленая холмистая равнина, поросшая лесом. Идеальное место, чтобы спрятаться от Ранмаро и Виктории. Жаль только, что дядя и здесь обнаружит ее в мгновение ока.

— Что с тобой? — она услышала голос Дженази через пять минут, когда решила, что с нее хватит бега по пересеченной местности.

— Какой глупый вопрос, дядя, — ответила девушка, не желая оборачиваться. — И дураку должно быть понятно, что мне плохо. И грустно. Не спрашивай даже, из-за чего: ты должен лучше знать.

Юрика была совсем не против дождя, против любой непогоды, но вечернее небо было совершенно ясным, только ветер дул слегка. Да, было прохладно, но девушка не замечала этого, не замечала, что здесь, на склоне холма, за которым скрылся дом Валерии, довольно славно. Может быть, она смогла бы оценить это, посидев здесь в одиночестве какое-то время. И раз Дженази не хватает мудрости оставить ее наедине со своими мыслями хотя бы на десять минут, то пусть услышит все то злое, что кипит в ней, и ему же хуже, если включит сейчас режим «всезнающего-всепонимающего» и не найдет нужных слов.

— Мама убила моего отца. И отца Ранмаро. И еще целую кучу людей, о которых я впервые слышу, но которых считали славными ребятами. Да мне плевать, что она из той самой Гвардии Хаоса, я все равно в них... ах да, в вас! Никогда не верила. И никто уже не верит, вы — просто старая сказка. Зато теперь верю, что мама — чудовище, которое живет сейчас, и множество людей тоже в это верит. А ведь я ее дочь, дядя, меня тоже должны будут ненавидеть, когда узнают, кто я. Теперь понятно, почему моя такая большая семья засунула меня куда подальше, чтобы и не знал никто, что я вообще есть. Лучше бы сразу убили, задушили в колыбели, чтобы небо не коптила. Ичиро вовремя не прибили и что? Никогда лицо Вика не забуду. И Элиота. И Энжи...

— Ты несправедлива.

— Ах да, они же погибли из-за меня, Ичиро просто почистил мир от мусора... «Ранмаро тоже ее сын, но по его вине еще никто не умер,» — ты это хочешь мне сказать? Действительно, он тут не при чем, даже странно... Хотя нет! Он же сам сказал, что этот город когда-то почти сгорел, когда Ичиро пытался вернуть его на Судо! Дети убийцы — тоже убийцы. Твою... Дядя, оставь меня, я хочу поплакать. Больше не буду обещать, убегаю... Нет, наоборот. Впрочем, это я тебе еще в Ховине говорила.

— Ты несправедлива к себе, — сказал Дженази, когда Юрика прекратила свой монолог и просто горько лила слезы. — И я удивлен, что ты принимаешь все так близко к сердцу. Ты славная, добрая девочка, так что не вешай на себя грехи своей семьи. Это моя задача.

Девушка всхлипнула в последний раз и рассмеялась:

— Ты слишком много на себя берешь. Я ведь взрослая, оставь и мне немного.

— То, что я тебе оставил, ты уже выплакала. Больше... не надо. Не надо переживать из-за того, что твоя мать разрушает все, к чему прикасается.

— У тебя плохо получается успокаивать. Знаешь, я только сильнее расстроилась и снова хочу плакать. И почему я такая плакса, а? Мария меня сейчас ни за что не узнает. Мне надо стать сильнее... Дядя, научи меня драться. Ну, как ты сам умеешь. Встречусь с мамой и...

Что-нибудь сделаю. Ударю, наверное.

— Это будет непросто.

— Да плевать!

Дженази обошел Юрику так, чтобы она оказалась у него за спиной, вытянул вперед руку с раскрытой ладонью — и пологий холм прямо перед ними разворотило ударом невидимого молота, обрушившегося с небес. Земля больно ударила по ступням, во все стороны полетели земля и камни. Из непроницаемого облака пыли немедленно сформировался темный столб с намерением стать еще одной опоркой для неба — такой же эффективной, как и моральные принципы Дома Лэйт.

Но вместе с тем было еще две странности, которые Юрика не могла не заметить. Во-первых, звук удара оказался приглушенным, и она не услышала никаких отголосков эха вдали. А во-вторых, земля и камни, полетевшие в их сторону, отбросило назад невидимой стеной.

— Твоя мама тоже способна на подобное. Когда встретишь, плюнь в ее сторону, скажи, что ненавидишь или что-то в этом роде, но даже не мечтай о том, что сможешь победить в бою.

— Это ты сделал? — Юрика во все глаза смотрела на учиненные разрушения, на кратер на месте холма — и просто не верила, что такое возможно. — А ничего, что там кроты, полевки жили? Хомяки разные? Ты же их всех убил!

— Когда человек управляет механизмами огромных масштабов, легко забыть о тех, кого каждый день перемалывают железные шестерни. Я же просто смирился с этим. Я знал, что приношу в жертву крохотные жизни ради того, чтобы моя глупая племянница хоть что-то поняла в этой жизни, — Дженази произнес это очень тихо, и Ранмаро и Виктория, которые все это время прятались за гребнем холма, его не услышали. Они наконец покинули свое укрытие, чтобы получше рассмотреть последствия демонстрации силы своего дяди.

— А я так смогу? — у Ранмаро горели глаза. Дочь Валерии была более сдержана, но внимательному наблюдателю стало бы ясно, что на самом деле в мыслях она уже прикидывает, каким образом можно противостоять обладателю такой разрушительной силы.

— Сможешь. Твои предки веками оттачивали искусство управления воздушными потоками, так что ты, по сути, рожден, чтобы творить подобное, — Дженази кивнул в сторону воронки. Печальная ирония в его голосе осталась незамеченной и для девушек тоже.

— Сделаете так еще раз? — попросил парень. — Может быть, у меня получится понять принцип и повторить.

И тут пошел дождь. Настоящий ливень обрушился на землю из появившихся на небе облаков. Может быть, их принес сильный западный ветер, и молодые люди просто не заметили, как стремительно меняется погода. Может быть.

— Все в дом, — скомандовал Дженази. — Немедленно!

Глава 9. Винсента

21:05, 18 июля 1014 года, четверг. Федерация Вердиго, республика Талли, Фламби, резиденция Великого Дома Лэйт.

Юрику определили в одну из свободных спален. Здесь она моментально уснула, совершенно вымотанная и разбитая за последние пару дней. Дженази так и оставил ее, одетую и на застланной кровати, только перед уходом провел ладонью над ее спиной, исцеляя синяки и ушибы, которые она получила во время его боя с Валерией. Улыбнулся стойкости и терпеливости племянницы, и перед тем, как закрыть дверь, выключил свет.

Валерия ждала его в беседке рядом с домом, Ранмаро и Викторию она уже отправила в их комнаты. Дождь, начавшийся так внезапно, так же внезапно и закончился, солнце скрылось за горизонтом, так что теперь они могли продолжить свою беседу на открытом воздухе, в сгустившихся сумерках, и некому им было помешать.

— Дети — это так утомительно, — произнесла Валерия, когда Дженази сел напротив. На столе между ними уже заняли свое место бутылка красного вина и пара бокалов. — За эти сто пятнадцать лет ты ведь создал свою собственную семью, Дженази? У тебя есть дети?

— Да, — ответил он с улыбкой. — И больше, чем я мог ожидать.

Валерия только покачала головой.

— И все они похожи на тебя? — она не стала говорить о том, что только что увидела перед собой еще одного совершенного иного Дженази, которого никогда не видела раньше.

«Он так сильно изменился...»

— Нет, они все очень разные. Одни напоминают мне, каким я был в молодости. Другие похожи на моих родственников. Тонами, например, так сильно похожа на Саю, что я ругаю себя за то, что люблю ее сильнее всех остальных. Среди детей не должно быть любимчиков. Впрочем, ты ведь тоже любишь Ранмаро гораздо сильнее, чем Викторию.

— Кто такая Сая? — Валерия ничего не ответила на замечание Дженази.

— Моя старшая сестра. Я не видел ее почти двести лет. Правда, она ищет меня, и я боюсь нашей новой встречи.

— Ты боишься? — не поверила женщина. — Похоже, она опаснее кого-либо в этом мире.

— Да, это так.

Пара минут молчания были нарушены звуком распечатанной бутылки, Валерия разлила вино по бокалам.

— Не будем говорить о том, что нас тревожит. Лучше расскажи, какая она, твоя избранница. Она похожа на Нолу?

Дженази сделал небольшой глоток, а потом отставил бокал. И так ничего и не ответил.

— Мне кажется, или твое сердце сейчас свободно? — Валерия правильно истолковала его молчание. — Может быть, расскажешь? А в том, что история долгая, нет ничего страшного. У нас вся ночь впереди. Где ты был все это время?

— Почти пятьдесят лет — на одном корабле. Все остальное время... О, где я только не был. Как много всего я увидел... Великие события, чудовищные бедствия. Удивительных людей.

— Удивительные люди повсюду. Просто раньше ты не замечал этого. Твое путешествие

пошло тебе на пользу. Грустно, если вспомнить, с чего оно началось.

— Разве не ты только что сказала, что не стоит сейчас говорить о том, что нас тревожит, Валерия? Но ты права, Нола изменила все.

— Любишь ее до сих пор? — дочь «последнего из Дома Лэйт» оставила свое место и села рядом с Дженази, так близко, что теперь их колени соприкасались.

— Люблю, — он смотрел в ее глаза и с болью понимал, что этот цвет, небесно-синий, так схож с глубоким цветом волн северного океана в солнечный день — его он всегда видел в глазах Нола.

— Не смотри на меня так, — сказала Валерия, но не отстранилась, нет — сократила расстояние, которое было между ними. Они уже ощущали дыхание друг друга, его жар сводил с ума обоих.

— Напоминаю тебе о ней? — спросила она, зная, что уже тонет в глубокой темной бездне, обрамленной благородным аметистом.

— Да.

— Как глупо...

Их губы соприкоснулись, едва-едва. Всего-лишь легкое, почти незаметное касание, и в тот же момент разряд — не слабая искра, а ослепительная, раскалывающая пространство молния — разрушил внезапное влечение, отбрасывая кровных врагов в стороны.

— Я не забыла, — прошептала Валерия, бокалы и вино были отброшены в сторону, звон стекла окропил ночь в багрово-красный цвет ярости и бесконечно-черный — самой искренней ненависти. — Я ничего не забыла, Дженази! Я поклялась, что мои дети никогда не узнают, кто ты и что сделал с моей семьей. Но я... Я буду это помнить, убийца. Я буду это помнить всегда, палач Дома Лэйт!

Дженази выслушал все с каменным выражением лица, в конце посмотрел Валерии в глаза, пристально, изучающе. Женщина только крепче стиснула зубы, когда обнаружила, что в его взгляде отражается выражение странного чувства облегчения.

— Я рад этому, Валерия из Дома Лэйт. Рад тому, что ты не изменилась хоть в чем-то. Когда тебя прощают за то, чего прощать нельзя — это страшно. И больно. Сильно разочаровывает в людях.

Он оставил ее одну, растворившись во мраке. Валерия не знала, куда Дженази направился, но была уверена, что он услышит ее слова:

— Нола тебя простила. Не встречала людей глупее ее.

Потом она закрыла глаза. Детские воспоминания, все еще такие яркие, ожили и обратились в сон наяву. Нет, скорее, кошмар.

11:45, 4 апреля 889 года, Железный Архипелаг, остров Пемто, Аккаар.

Близнецы изо всех сил бежали между высоких стен из красного кирпича, к концу этой узкой и темной щели между домами. Погоня была совсем рядом, их уже почти настигли, но пока сзади был слышен звук шагов Анны, а Кристиан продолжал сжимать ее ладонь, восьмилетняя Валерия не отчаивалась. Вот он, просвет, они выберутся.

Когда до выхода из проулка оставались какие-то десять шагов, ее брат споткнулся и упал. Она тут же помогла ему подняться, но за время этой мимолетной запинки успела

рассмотреть несколько звероподобных дронов за спиной Анны. Их телохранитель, увидев, что они остановились, готова была закричать, но вместо этого стремительно развернулась и выстрелила, превратив голову ближайшего дрона в ошметки. Еще два метких попадания прикончили остальных, но девушка вместо того, чтобы расслабиться, выбросила опустевшую обойму и спрятала пистолет, доставая последнюю гранату.

— Бегите! — крикнула она близнецам, не сводя глаз с крыши теснящихся друг к другу домов. Валерия последовала ее примеру и увидела минимум десятков дронов, которые внимательно смотрели вниз, покачивая своими сплюснутыми головами с мощными челюстями. Сейчас они как никогда были похожи на кошек, только очень больших, из пластика и металла.

Кристиан потащил растерявшуюся сестру за собой, а она неожиданно, совершенно ясно осознала, что Анна сейчас умрет. Заберет с собой как можно больше слуг Гвардии Хаоса, чтобы у ее подопечных хоть на процент, но повысился шанс выжить.

Близнецы успели завернуть за угол, когда прогремел взрыв, но ударная волна, вырвавшаяся из проулка, едва не увлекла их за собой на другую сторону улицы. Валерия не позволила Кристиану остановиться, но перешла на шаг — ноги уже отказывались слушаться.

— Рия, Анна погибла? — тихо спросил брат.

Она ничего не ответила, продолжая упрямо тащить его за собой. Они дети Дома Лэйт и не должны плакать: плазменная граната не оставляла от человека даже горстки пепла.

За спиной раздался металлический лязг — стальные когти на механических лапах дронов коснулись асфальта. Четыре «кошки» не попали под взрыв, Анна не смогла убить всех.

— Бежим, Крис!

«Эта модель способна развить скорость до 150 км/ч. На открытой местности у нас нет и шанса. Мы даже до следующего поворота добежать не успеем,» — мысли пронеслись в голове Валерии молнией. А еще она увидела впереди девушку в длинном черном плаще поверх синих джинсовых брюк и белой футболки. Ее левая рука сжимала длинный изогнутый меч в ножнах.

«Неужели кто-то из Гвардии? Но среди них нет девушек с темно-русыми волосами. Значит, кто-то из Кандидатов. А что, если...».

Валерия поддалась внезапно вспыхнувшей надежде и закричала, уже чувствуя стальные когти-лезвия дронов на спине:

— Помогите!

Совершенная глупость — если незнакомка из Гвардии, то убьет их без лишних размышлений. Ну а если нет, то ей все равно уже не спасти их, ведь дроны рядом, а она еще далеко. Ей бы самой спасти свою жизнь в таком случае.

Может быть, сработала интуиция, а может, просто повезло, но Валерия споткнулась и упала, увлекая за собой брата. «Кошка», которая намеревалась расправиться со своей целью в прыжке, промахнулась и перелетела через детей. Приземлившись, сразу развернулась, чтобы завершить начатое, но тут ее голову пронзил меч девушки, которая будто бы одним шагом преодолела все то расстояние, что было между ними.

Красные точки глаз-объективов дрона погасли, клинок незнакомки с ювелирной точностью поразил процессор машины. Три оставшихся «кошки» попытались избавиться

от нового препятствия, но были разрублены на куски с удивительной легкостью. Сила и рефлексy девушки поражали.

«Она словно отец... Но откуда?»

— Привет, — незнакомка перешагнула через останки дронов и нагнулась, чтобы помочь детям подняться. — Меня Винсента зовут, а кто вы?

— Кристиан, — пролепетал мальчик, глядя на девушку с изумленным восхищением.

— Валерия, — представилась его сестра. — Мы ищем нашего отца, Валериана из Дома Лэйт. Он должен быть где-то рядом. И за нами охотится Гвардия Хаоса.

— Это организация, которая развязала войну по всему Судо? — уточнила Винсента. — А про Лэйт я ничего не слышала. Но если вас хотят убить, помогу обязательно. Вы хоть знаете, где вашего отца можно найти?

— На берегу стоит причальная башня для воздушных кораблей. Анна вела нас туда.

— Анна?

— Анна из Вассального Дома Вафатари. Наша телохранительница. Она погибла только что.

— Мне жаль... Но теперь я с вами, ничего не бойтесь.

Район города — Аккаара — через который они теперь продвигались дальше, был совершенно заброшен. Дети знали, что на Железном Архипелаге есть мегаполисы, население которых стремительно убывало каждый год, и этот был одним из них. Этот необратимый процесс начался лет двадцать назад, когда три Небесных Города, контролировавших этот регион, были уничтожены Гвардией Хаоса. Еще раньше был полностью потерян Верди́ро. Несколько цитаделей сохранились над Судо, но в лучшем случае одна или две все еще защищают сейчас небо. Война, которую Десять Великих Домов вели тысячу лет, почти проиграна.

«Отец все исправит. Он самый сильный,» — Валерия прогнала прочь подступающие слезы. Гвардеец по имени Дженази убил их мать, двух старших братьев и сестру три года назад.

— Где вы так научились владеть мечом, леди Винсента? — спросил Кристиан, все еще находясь под впечатлением от ее схватки с дронами.

— Это все отец. Он тренировал меня с тринадцати лет.

«Так поздно? — подумала Валерия. — Нас учили драться едва не с рождения...»

— А сколько вам сейчас?

— Восемнадцать, — улынулась девушка.

— Вы за пять лет стали такой сильной? Вы из Великого Дома?

— Что еще за Великий Дом?

— Так называют семью, которой поручена защита Небесных Городов. У нас модифицированные гены и усовершенствованные тела с повышенной склонностью к мистическим искусствам. Мы ведь тоже из Великого Дома. Когда вырастем, станем самыми сильными в мире, как и наш отец.

— Ну нет, мой отец самый сильный, — рассмеялась Винсента. — А теперь тихо, я что-то слышу.

Они как раз зашли на территорию заброшенного фабричного комплекса, где высокие многоэтажные здания — общежития и другого рода назначения — соседствовали с бетонными коробками цехов. Тут и там высились циклопические кирпичные трубы.

Винсента остановилась перед широкой площадью, покрытой квадратными бетонными

плитами, и извлекла меч из ножен. Похоже, что ее внимание привлекли несколько гаражей, находившихся справа. Впрочем, это могли быть и складские помещения, только стальная створка ворот одного из них была приоткрыта, и именно оттуда веяло неясной угрозой.

Тяжелый удар изнутри сорвал ворота с петель и на площадь выпрыгнул огромный жукообразный дрон пяти-шести метров в длину и вдвое меньше в высоту. Он приземлился на шесть механических конечностей, расколовших под собой бетон, и его голова, покрытая сенсорами и вооруженная небольшой турелью, смотрела на близнецов-Лэйт и их спутницу.

Мгновения хватило девушке, чтобы спрятать меч в ножны, засунуть их за пояс, схватить детей за шиворот и прыгнуть вверх, взбегая по вертикальной плоскости стены ближайшего здания. Пулеметная очередь решетила насквозь красный кирпич, со звоном вылетали оконные стекла и трещали деревянные рамы. В последний момент Винсента изменила направление движения и вместо того, чтобы взбежать на крышу, перепрыгнула на стену другого здания, преодолев за раз метров пятнадцать, не меньше, чтобы избежать контакта с мощным лазерным лучом. Он расплавил карниз в том самом месте, где она собиралась проскочить, избегая пуль — этот дрон был очень сообразительным, но сверхъестественное чутье цели не учел.

Вся эта информация откладывалась в памяти Валерии автоматически, ее сознание было полностью поглощено ощущениями полета и стремительного движения, когда девушка побежала по стене уже не вверх, а вбок, чтобы прыгнуть на следующее здание. Дрон выпустил вдогонку целую стаю реактивных снарядов, и они, жутко визжа, взрывались, лишь чудом никого не задевая осколками. Хотя о каком чуде может идти речь, если Винсента творила невозможное, выписывая на стенах причудливые зигзаги и постоянно прыгая в разные стороны? И когда дрон, казалось бы, уже загнал их в ловушку, она совершила немыслимый кульбит и залетела в пролом, который секундой раньше машина сама же проделала своим снарядом.

Оказавшись внутри пустого помещения, Винсента оставила детей в дальнем углу и сразу же выпрыгнула наружу. Воздух сотрясло еще парой взрывов, а потом наступила тишина.

Валерия и Кристиан, молча переглянувшись, осторожно подползли к пролому и посмотрели вниз. «Демонтаж» дрона уже был произведен, Винсента стояла рядом с двумя неровными половинками его туловища, две отрубленные конечности лежали чуть поодаль.

Восхищенный Кристиан произнес нехорошее слово, сестра машинально дала ему подзатыльник. Винсента действительно была поразительна.

Девушка поспешила вернуться к детям и вынесла их на плоскую крышу здания. Отсюда открывался неплохой вид на город, была хорошо видна причальная башня в двух километрах к западу. А еще стали видны два десятка дронов-«кошек», направляющихся к фабричному комплексу по улицам и крышам домов.

— Почему вас хотят именно убить? — спросила Винсента, явно не собираясь убежать. Она посадила близнецов у широкой вентиляционной трубы и закрыла их собой, сбросив наконец свой плащ и приняв боевую стойку.

— Мы из Дома Лэйт. Гвардия Хаоса хочет истребить нас.

— Но почему?

— Наш отец — лидер союза Десяти Великих Домов. Только глава Дома Лэйт может исполнять эту роль. Если он умрет, то следующим лидером станет Кристиан.

— Как жестоко... Вы же еще дети. Не прощу, — от угрозы, что была в голосе

Винсенты, не по себе стало даже ее подопечным.

Дроны дождались, когда последний из них окажется на крыше, и только тогда стали приближаться к своей цели, сжимаясь вокруг девушки и детей ровным кольцом. Они планировали атаковать одновременно, вооруженные лишь стальными когтями и механическими челюстями, в которых рядами сверкали острые лезвия. Быстрые и умные, эти машины были превосходным оружием Небесных Городов для боя на пересеченной местности и в условиях городской застройки, истребляя живую силу противника и выводя из строя легкую бронетехнику — подоблачные боевые машины слишком несовершенны.

— Это боевые дроны серии «балам», — предупредила Винсенту Валерия. — Гражданской модификации, без стрелкового оружия.

Валерия не стала добавлять, что данная модификация носит название «Гладиатор», и что само это название объясняет, зачем понадобился боевой дрон без стрелкового оружия, нелетальных средств подавления толпы, модулей электро-магнитных излучателей и инструментов дистанционного перехвата управления систем искусственного интеллекта противника. Для зрелищных и кровавых рукопашных боев.

Винсента определенно родилась на поверхности планеты, но ее отец, кем бы он ни был, превратил свою дочь в оружие, куда более опасное, чем танк. Дроны уже успели это понять и принялись за дело всерьез. Бой, в конце-концов, рукопашный, ее тело из плоти, так что хватить должно всего одного укуса — так, наверное, они думали. Только атака скопом не прошла, разрубленных «кошек» раскидало в стороны, сокращая их численность на четверть. Правда, они смогли рассечь плечо и ногу девушки когтями, джинсы и футболка мгновенно окрасились кровью.

Следующая попытка стала немного удачнее — уничтоженный Винсентой десятый дрон увлек за собой ее меч, застрявший в механических внутренностях. И сразу же челюсти его товарища сомкнулись на тонкой руке девушки, которую она выставила, чтобы защитить лицо.

— Нет! — закричали Валерия и Кристиан разом, с ужасом представляя, что стало с телом Винсенты после укуса, легко разрывающего шины бронетранспортера.

Девушка покачнулась под весом дрона, а затем подняла руку вверх, вместе с повисшей на ней «кошкой». Изумление в «глазах» машины могло быть лишь игрой воображения, но тем не менее... Размахнувшись, Винсента отправила ее полутораметровое туловище в непродолжительный полет, который закончился на бетонных плитах рядом со зданием.

— Кис-кис-кис, — Девушка подняла сжатые кулаки, похоже, даже не собираясь возвращать меч. На правой руке чуть выше запястья стальные клыки сорвали полосы мышц и кожи, оставив страшные рваные раны, но она совсем не переживала по этому поводу.

Когда разница в силе стала очевидной, последний уцелевший дрон попытался сбежать, но его настигла оторванная половина туловища другой машины, которую Винсента швырнула вдогонку, раздавив перед этим голову «кошки», нацелившейся на ее ногу. Беглецу серьезных повреждений бросок не нанес, но он потерял драгоценное время и спустя пару мгновений также был разорван голыми руками.

— Вот теперь точно все, — Винсента вернулась к детям, подобрала меч и накинула на израненное тело свой черный плащ. Когти и клыки дронов не раз задели ее в безумной свалке, но уже сейчас раны перестали кровоточить, хотя и признаков невероятной регенерации Дома Даркенвэйв не наблюдалось. — Идем.

Валерия очнулась, словно ото сна, и посмотрела на темные окна своего дома. На секунду ей показалось, что стены изрезаны следами от пуль, а на крыше мелькнул силуэт дрона-«балама», но эта была лишь игра воображения, порожденная лунным светом и глубокими тенями. Тогда, сто двадцать пять лет назад, загадочная девушка по имени Винсента привела ее и Кристиана к воздушному кораблю, который ждал их у трехсотметровой причальной башни. Отец тоже был там, и погиб на их глазах, сражаясь с Дженази. Клинок человека с фиолетовыми глазами отрубил голову Валериана Лэйт, и его дети должны были стать следующими жертвами. Но Винсента снова сделала невозможное и остановила сразу двух Гвардейцев Хаоса — Ришари тоже была там. Валерия и Кристиан сели на корабль своих друзей, пока она сдерживала убийцу, а когда они отлетели, белая вспышка взрыва уничтожила две трети башни, а транспорт едва не сбросило в море ударной волной. Говорили, что после того боя Дженази десять лет восстанавливал свои силы и десять лет в Гвардии Хаоса было лишь семь членов. А Винсента... Винсента погибла. Валерия пыталась найти в себе силы и спросить Дженази, что же тогда произошло, но ни сто пятнадцать лет назад, ни сейчас сделать этого она не могла.

Глава 10. Ярмир, сны, бытовые нюансы и необъяснимые перемены

02:35, 19 июля 1014 года, пятница. Федерация Вердиро.

В распоряжении Белгорро была тысяча лет, чтобы поразмыслить над тем, что же он, собственно, из себя представляет. И за это время он пришел к выводу, что все-таки является человеком, хотя если найти скальпель, способный разрезать его плоть, которая на самом деле не плоть, а уникальный по своим свойствам минерал, и хирурга, у которого хватит мужества провести анатомическое исследование существа, которое способно превратить в раскаленный газ все вещество в радиусе нескольких десятков метров вокруг себя, то обнаружится, что внутри его тела есть лишь неорганические структуры, выполняющие роль опорно-двигательной и нервной систем, и ничего, даже отдаленно напоминающего кровеносную, пищеварительную, дыхательную и выделительную. Белгорро выглядит, как человек, мыслит и чувствует, как человек, и даже говорит, как человек — благодаря подобию голосовых связок из минералов, которое, по сути, является динамиком из альтернативных материалов и альтернативного устройства, превосходно справляющегося со своей задачей; и тем не менее, с биологической точки зрения человеком он не является. Ему не нужны еда и сон, он не стареет и не ведает усталости. Если найдутся оружие или человек, способные нанести ему вред, то рана тут же затянется (впрочем, Белгорро не знал, что будет, если он потеряет руку, ногу или голову — какими жестокими не были бы сражения, до подобного никогда не доходило — слишком крепким он был); у него не было родителей и никогда не будет детей. Знарок фантастической литературы назвал бы его элементом или духом земли; знарок магии или мистических искусств возразил бы и сказал, что Белгорро — ярмир, видов которых в мире исчисляется превеликое множество. Ну а сам он, испытывая потребность в человеческом обществе, сделал свой собственный выбор. Исходя из потребности — очевидный и озвученный еще в начале абзаца.

«А еще я отношусь к ярмирам, у которых вообще есть внутреннее строение тела. И волосы. Те из нас, которые на сто процентов состоят из воды, горных пород и даже атмосферного воздуха — они-то что такое? Я себя хотя бы формой жизни могу назвать, небелкового типа,» — размышлял Белгорро, подъезжая к автозаправочной станции. Бензина в баке его роскошного «Родлоуда» хватит километров на десять максимум, но на это он рассчитывал, зная дорожную карту всей Федерации наизусть.

— Но мне следовало учесть это, — пробормотал ярмир, заметив прилепленный на окно лист бумаги с надписью «Бензина нет». Разбудив спящего внутри здания работника, он выяснил, что горючее появится только утром. И процесс извлечения данной информации занял определенный промежуток времени — не каждый сможет сохранить трезвость суждения, повстречав в два часа ночи совершенно черного и крайне огромного человека со светящимися в темноте глазами. Внешность Белгорро способствовала запугиванию, но никак не конструктивному диалогу.

Немного поразмыслив над сложившейся ситуацией, ярмир со словами «Держи, дарю» вручил парню ключи от автомобиля и отправился дальше пешком, благо половина расстояния до Фламби уже было преодолена. Правда, через десять секунду он вернулся к работнику автозаправки и вручил ему уже свои туфли, но молча — вряд ли в данной местности найдется кто-то, кому придется впору обувь его размера.

Пробежав километров пятьдесят по ночному шоссе, он остановился, заметив впереди подозрительно знакомую фигуру. Лунный свет ясно очертил контуры бесформенного черного балахона, зловеще отражаясь от белой театральной маски с узкими прорезями для глаз и трагически искривленным ртом.

— Августо... У тебя пять минут для того, чтобы объясниться.

Первый из Гвардейцев Хаоса и некогда правая рука Императора Фридриха, а ныне императора Дакиэрро Сигурда, приблизился к Белгорро из извлек из складок балахона тонкий прямоугольник карманного компьютера.

— Дженази вернулся, Белгорро, и ты, как я вижу, уже это знаешь. Сигурд предлагает тебе объединить усилия и уничтожить его во имя всеобщего блага. Здесь информация о трагедии тысячелетней давности — о том, как именно погибла цивилизация Чи-Зо. Прочти и пойми, какую угрозу на самом деле представляет собой наш старый знакомый.

Белгорро не любил нарушать обещания и всячески старался сдерживать данное им слово. Но если у него это все же не получалось, то не особо расстраивался — гибкость мышления и аналитический склад ума позволяли ему нарушать правила игры. Особенно, если он сам их установил.

Пронзив маску Августо раскаленными пальцами, он разрушил его мозг, и прежде чем это древнее существо пришло в себя, поднял температуру его тела до такого значения, после которого еще один представитель небелковой формы жизни развеялся по ветру мелкой черной пылью. Самый первый Гвардеец Хаоса не был ни ярмиром, ни человеком, и мог восстановиться даже из малой части своего тела, которое на памяти Белгорро не раз пытались уничтожить, и с весьма эффективными результатами. Однажды Августо регенерировал из кончика мизинца, минут за двадцать...

— Надеюсь, теперь ты точно сдох, — сказала ярмир, стряхивая с ладони крошечные черные кристаллы. — Второй Раббен мне не нужен.

Прежде чем покинуть место скоротечной дуэли, Белгорро все же поднял с асфальта КПК и продолжил свой путь. А через полчаса, пробежав еще километров семьдесят, проиграл любопытству и включил устройство.

— Это ничего не изменит, — оправдывался он перед самим собой. — Кем бы там ни был Дженази, я все равно останусь самым жутким монстром этого мира.

Страх сковал тело Юрики, когда черед бесвязных и абсолютно бредовых сновидений, перетекающих друг в друга порой весьма нелепым образом, резко остановилась на одном кадре, который не менялся так долго, что девушка ощутила себя муравьем, угодившим миллионы лет назад в кусочек янтаря. Только этот камень был бесцветным и прозрачным, как слеза, и кроме нее здесь были так же деревья с облетевшей листвой и снег. Много снега, босые ноги Юрики тонули в нем по колени, и он продолжал падать сверху, обжигая обнаженную кожу десятками ледяных укусов. Но ей было не до мелких неудобств: сугробы и жестокий мороз были отодвинуты на второй план оскаленной мордой огромной красной рыси с зелеными глазами.

— Это просто сон, — прошептала девушка, впуская в легкие настолько холодный воздух, что он полностью выморозил ее изнутри и она обратилась в покрытую инеем статую, которая могла только смотреть, слушать и продолжать ощущать нестерпимый холод. Рысь

шагнула вперед, и пусть она стояла на четырех лапах, ее голова находилась так высоко над землей, что Юрике пришлось бы встать на цыпочки, чтобы дотянуться до кошачьего подбородка.

Когда рысь сделала еще один шаг, девушка неожиданно обрела свободу движения и бросилась прочь, ведомая инстинктом самосохранения. Она бежала сквозь лес туда, где деревья росли ближе друг к другу и где было меньшее расстояние между стволами. Но как назло, повсюду были только настоящие великаны, и куда бы Юрика не направилась, рысь свободно могла следовать за ней. Она то догоняла на прямых участках пути и больших полянах, то отставала, когда Юрике попадались рухнувшие стволы, под которыми можно было пролезть, и пары-тройки деревьев, росших так близко друг к другу, что рысь не могла протиснуться между ними и ей приходилось огибать такие препятствия. Но подобных «подарков» было немного, а после и вовсе лес закончился, и Юрика выбежала на бесконечную снежную равнину, которая в запредельной дали сливалась в одно целое с серыми небесами.

Рысь уже дышала в затылок и вот-вот должна была совершить финальный прыжок, чтобы вонзить в жертву клыки и когти, но тут снежный ковер под ногами девушки исчез и она провалилась вниз, скатываясь по усеянному камнями и покрытому ледяной коркой крутому склону. Этот овраг стал ловушкой, из которого для Юрики не было выхода — ее слабые, избитые до крови руки и ноги уже не могли позволить ей взобраться наверх по почти отвесной стене из смерзшейся глины. А рысь стояла наверху и смотрела, как ее жертва совершает очередную бесполезную попытку спасти свою хрупкую жизнь.

Когда кошка соизволила спрыгнуть в овраг, Юрика забилась в щель между двумя огромными камнями, покоившимися здесь, наверное, с изначальных времен, и сжавшись в клубок, стала ожидать своего конца, с ненавистью взирая на хищника. Девушка не питала иллюзий, рысь с легкостью вытащит ее из ненадежного убежища. Только когда она подошла достаточно близко, так, что ей оставалось только сделать еще пару шагов, просунуть лапу между камней и извлечь добычу, поле зрения Юрики закрыла знакомая спина в сером плаще, и короткие белые волосы его обладателя не давали и шанса на ошибку.

— Дядя! — всхлипнула девушка.

Рысь прыгнула, недовольно рыча, но было с легкостью остановлена: Дженази без особых усилий прижал огромную голову красной кошки к земле одной рукой, и как бы она не пыталась освободиться, все ее усилия были тщетны. Но она не сдавалась, и тогда дядя Юрики, предугадав очередной рывок, убрал ладонь, и рысь, которая уже решила уподобиться стальной пружине, словно взлетела, а когда приземлилась, не ожидавшие такого развития событий мохнатые лапы подвели хозяйку, и она, кувыряясь, покатила по заснеженному дну оврага.

Дженази повернулся к племяннице и прикоснулся пальцами к ее холодному лбу.

07:15, 19 июля 1014 года, Федерация Вердиго, Республика Талли, Фламби, резиденция Дома Лэйт.

Юрика резко проснулась, и какая-то доля секунды ей потребовалась, чтобы понять, что пальцы дяди по-прежнему касаются ее кожи. Он сидел рядом на ее кровати и смотрел в окно, за которым уже начинало светлеть.

— Что случилось? — спросила девушка, еще не совсем сбросив сонное оцепенение. Чувствовала она себя очень странно. Тело казалось чужим и плохо слушалось.

— Тебе снился кошмар, вот я и решил побыть рядом, — теплая улыбка Дженази остановила начавшее было беспокойство Юрики. — Если все в порядке, то я пойду. Время еще раннее, так что ты сможешь немного поспать.

— Да, конечно. Дядя, — она остановила Дженази, который собрался покинуть спальню, — я вижу этот сон почти каждый день, сколько себя помню. Лес из гигантских деревьев, равнина, снег, красная рысь — она всегда догоняет меня и я просыпаюсь. А только что все закончилось по-другому. Это странно.

— Ничего странного, — ответил он. — Меняется человек, меняются его сны.

— Но сам сон ни капли не изменился! Просто в нем появился один новый элемент. Всего один.

— Сон не изменился, даже если в нем появилось что-то новое? Разве так бывает? Сны очень непостоянны, любое слово, шаг и просто другая точка зрения меняют их в мгновение ока. Твой сон с тобой уже много лет... Может быть, это не просто сон?

— Ну, я в нем чувствую боль, холод... Дядя, ты куда?

Но Дженази уже покинул спальню, не став слушать племянницу. Юрика обиделась и натянула одеяло на подбородок.

— Дурак.

С его исчезновением ощущение неправильности, которое скреблось где-то на границе подсознания, усилилось, и чтобы понять его причину, девушка потратила минут пятнадцать — столько ей понадобилось, чтобы обратить внимание на перемены в меблировке комнаты, ее размерах, цвете потолка и обоев, размерах самой кровати, и, наконец, заметить, что она лежит на белой простыни под одеялом в пижаме. Кто-то перенес Юрику в другую комнату, пока она спала, и передел.

— Беспредел... Но и я хороша, ничего не почувствовала.

После этой новости сон с девушки как рукой сняло и она решила выбраться из кровати. Только одежду свою не нашла и решила, что ее забыли в предыдущей комнате. На ее поиски Юрика и решила отправиться в первую очередь — спотыкаясь на каждом шагу. Тело по-прежнему казалось чужим.

Страшно хотелось есть.

В таких обстоятельствах поиски заняли у нее какое-то время, к тому же новая комната хоть и находилась на том же этаже, но в противоположном крыле, и девушке пришлось порядком поплутать по длинным коридорам. И когда она, как ей казалось, уже нашла нужный поворот, то обнаружила за ним только заброшенную часть дома — так ей показалось, так как обнаружила здесь лежащую на полу дверь, явно выбитую изнутри.

Любопытство все же заставило ее поближе взглянуть на разгромленную комнату, находящуюся за дверью, и Юрика перешагнула порог. Разбитая мебель, следы чудовищных когтей на полу, стенах и потолке, разбитое окно; останки постельного комплекта, пух из подушки и вата из матраса, какие-то лоскуты — повсюду; кроватью, казалось, хотели проломить пол, одна из ее ножек торчала в стене.

— Кто-то здорово здесь повеселился... Может, дядя с Валерией развлекались? Взрослые могут... — Юрика слегка отвлеклась на картинки, рожденные ее богатым воображением, а потом ее внимание привлек кусок ткани подозрительно цвета и с фрагментом знакомого рисунка. словно кто-то разорвал футболку, которую ей вчера купил Дженази.

Пошарив по полу, она обнаружила и другие фрагменты своей одежды, и поэтому решила внимательнее присмотреться к разгромленному помещению.

Последние сомнения рассеялись.

— Да это же моя спальня!

— Что ты здесь делаешь? — голос Валерии, в столь раннее утро лишенный своей стальной ноты, которая создавала непреодолимую пропасть во время ее общения с простыми смертными, застал Юрику врасплох — хозяйка дома обнаружила ее посреди разгромленных апартаментов, которые были предназначены госте.

— Свою одежду ищу, — ответила девушка, отмечая, что женщина только что вышла из душа. На ней был темно-красный халат, полы которого прикрывали колени; еще влажные золотые локоны беспорядочно струились, удивительным образом сочетаясь с тонкими чертами лица, в данный момент довольно бледным и очевидно не выспавшимся. А еще от нее исходил удивительно нежный запах шампуня, который сразу напомнил Юрике, что ей тоже следует посетить ванную.

— Что здесь произошло? — спросила она у Валерии, когда та пробежалась взглядом по царящему здесь беспорядку и пришла к выводу, что девушка уже не найдет здесь ничего, что можно было бы назвать одеждой.

— Не знаю. Спроси у Дженази — он уже был здесь, когда я спустилась на шум. Я только надела на тебя детскую пижаму Виктории — ты лежала на обломках кровати совершенно голая.

— Он что, меня видел такой... ну, без одежды? — щеки Юрики разве что не светились, раскаленные докрасна.

— Скажу честно, смотреть особо не на что. Даже странно, у Ришари прекрасная фигура. Но мне кажется, это хорошо, что вы так непохожи.

Юрике хотелось съязвить в ответ, но она удержалась — не собиралась вступать в заведомо проигранную схватку. А еще Валерия, похоже, в данное время суток обладала особым очарованием — не той стальной леди, которая встретила их вчера, а скромного цветка с нежными лепестками, которые так и зовут прикоснуться к ним. И она ясно ощутила, что сейчас для матери Виктории она не дочь Ришари, а обычная девушка, в первую очередь гостя в ее доме.

— Идем со мной, среди старых вещей Виктории должно найтись еще что-то, что тебе подойдет. А после завтрака вместе с ней сходишь в магазин.

Подобная перспектива Юрику не вдохновляла.

— Не думаю, что вместе мы подберем что-то стоящее. Вы должны гораздо лучше разбираться в шмот... Одежде. Красивой одежде.

А еще девушка подозревала, что Виктория просто ради шутки может подсунуть ей такое, в чем она в глазах людей просвещенных будет выглядеть посмешищем.

— Дитя, я никогда не следила за модой. А еще мне нужно поговорить с твоим дядей.

— Вам что, ночи было мало? — Юрика попыталась пошутить.

«Черт, неудачно,» — запаниковала она, когда Валерия резко развернулась и посмотрела так, что девушка сразу пожалела о сказанном. Ее спасло только то, что женщина слабо затянула узел на своем халате и он едва не раскрылся.

— Мы не виделись больше ста лет, — уже спокойно ответила Валерия, затягивая узел потуже. — Разумеется, одной ночи было мало.

Юрика сделала вид, что не заметила показавшейся лишь на миг узкой полоски обнаженного тела.

«Интересно, а вчера дядя видел больше, чем я сейчас?»

— То вы его убить пытаетесь, то шепчетесь ночи напролет... Между вами что-то было? Жаль, если нет, вы так здорово смотрите вместе. Хотя Ичиро так похож на дядю! Каким он был, когда вы жили вместе? Извините сразу, просто он мой брат и мне интересно...

— Ичиро был похож на Дженази, каким я его знала больше ста лет назад. Каким был твой дядя, когда я, Кристиан, Нола, Дан и Регулус пытались его убить? Мальчишкой, который загорелся великой идеей. Правда, уже тогда ему было больше ста лет.

— Какой идеей? — Юрику воодушевила возможность узнать о дяде больше.

— Помочь нам. Мы ведь мир спасали. После того, как мы — Стражи Неба — победили Тоттенгрибера и Августо, Император приказал Дженази разобраться с нами. Мы долго бегали от него, пока Нола не очаровала его настолько, что он нарушил приказ.

— Дядя не похож на легкомысленного человека.

— Нола была особенной.

Как раз в этот момент они подошли к двери комнаты на третьем этаже. Здесь в недрах шкафов и комодов были найдены брюки и рубашка, которые пришлось Юрике почти в пору.

— Здорово! — обрадовалась девушка, вертясь перед зеркалом. — Магазин отменяется, Виктория раньше совсем как я была, да и со вкусом у нее ничего так.

— Это детские вещи Ранмаро.

Наступила неловкая пауза.

— Как-то они на мне мешковато сидят, вам не кажется? И вообще, в розовой рубашке мужчина смотрится более мужественно! А вот эти золотые звездочки и сердечки очень подходят под его цвет волос.

— Он надел ее только однажды, когда мерял.

«Жаль, я этого не видела. — подумала Юрика, сдерживая улыбку. — Главное, ничего ему не говорить по этому поводу. Хотя нет, не смогу...»

— Сколько ему тогда было?

— 11 лет. Он тогда был метр пятьдесят пять ростом, — задумавшись, ответила Валерия.

— Может, метр пятьдесят? — не поверила Юрика. — Я сама полтора метра в кепке, а эти шмотки мне как раз. Не могла же я на пять сантиметров за ночь вымахать.

— Ты стала выше, — подтвердила Валерия. — Посмотри на свои руки.

Юрика не сразу поняла, что мать Виктории имеет виду, пока та сама не обхватила пальцами ее бицепс на правой руке. Девушка согнула руку в локте, проверила лично — и убедилась в том, что ее мышцы, с самого детства обладающие поразительной твердостью, заметно увеличились в объеме.

— Какого хрена?!

Глава 11. Пламя из прошлого и книги забытых авторов. Столкновение

09:00, 19 июля 1014 года, пятница. Федерация Вердиго, республика Талли, Фламби.

Просперо Эспозито сомневался. Когда поезд прибыл в Фламби, он дождался момента, когда Дженази и Юрика покинут территорию вокзала, и только тогда вышел из вагона. И последовал не за ними, а в гостиницу. Откуда ему было знать, что он не потеряет их след и возможность разобраться в происходящем? Просто он предположил, что кто-то или что-то, необходимое им в Фламби, вполне может находиться у всех на виду. Что-то привычное, что-то хорошо знакомое местным. Нужно только пообщаться с людьми, почитать здешние газеты, побродить по улицам. Понять, что это за город и чем он отличается от всех остальных городов Федерации.

Первым, что инспектор услышал утром, когда покинул свой номер и спустился вниз, чтобы заказать кофе, была встревоженная беседа двух немолодых посетительниц кафе. Они делились слухами о взрыве в городском парке, в котором, к счастью, никто не пострадал. Свидетелей происшествия не было, но когда любопытные горожане, привлеченные грохотом, прибыли туда, то нашли разгромленную аллею. Правда, они увидели не дымящуюся воронку, а нечто, похожее на удар огромного молота, словно что-то упало сверху. Кое-кто утверждал, что видел удар молнии, другие твердили, что это была не молния, а луч синего цвета.

В том, что все это связано с Дженази и Юрикой, Просперо почти не сомневался, вот только после завтрака отправился не в парк, а в городскую библиотеку.

— Доброе утро, синьора, — он галантно поклонился очень бледной девушке, которая сидела за столом у входа в зал и, не обращая внимания на все происходящее вокруг, разбиралась с россыпью документов.

— Доброе утро, — повторил инспектор, но уже чуть громче и без поклона. Еще он осмотрел зал на предмет наличия в нем других сотрудников или посетителей, но увы, в библиотеке не было больше никого.

— Доброе утро, — на этот раз девушка ответила, но работы над бумагами не прекратила.

«Сколько лет этой бедной девочке? — подумал внезапно Просперо, охваченный внезапным приступом жалости. — Девятнадцать? Двадцать? Определенно студентка, подрабатывающая в свободное от учебы время. Как же она худа... А эти круги под глазами? В наше время молодежи так тяжело приходится. Но эта, по крайней мере, занята честным трудом.»

— Никогда вас раньше не видела, — произнесла она, безрезультатно поправляя спутанные черные волосы. — Желаете записаться?

— Пожалуй, да, — ответил он без долгих размышлений. — И если это возможно, конечно: я работаю и проживаю в городе Ховине, республика Эломас.

— Никаких проблем, — улыбнулась девушка. — У нас есть несколько читателей из других республик, и среди них есть весьма известные люди. Ранфарг Белгорро, например.

«Бог ты мой, а я еще сомневался в разумности посещения этого места,» — возликовал про себя Просперо, доставая паспорт из кармана.

— Господин Эспозито, какая книга вас интересует? — спросила девушка, заполнив

карточку его данными и выдал читательский билет.

— Для начала я хотел бы узнать, каким образом богатейший человек континента получил у вас абонемент. И какую книгу он прочел последней. Интересно, знаете ли. А еще было бы здорово услышать ваше имя, синьора.

— Делайла, — в усталой и размеренной речи девушки прозвучал намек на улыбку. — К сожалению, книг в нашей библиотеке господин Ранфарг не брал, хотя и является нашим самым первым читателем. Видите ли, она была построена его деньги.

— Фламби многим обязан ему, как я посмотрю. У вас прекрасная библиотека.

— Спасибо, — искренне ответила Делайла. — Но город обязан господину Ранфаргу не только библиотекой, но и несколькими жилыми домами, парой магазинов, рестораном «Батикус»... Даже новой ратушей и новыми городскими часами!

— А что случилось с прежними? — как бы между прочим поинтересовался инспектор.

— Сгорели во время пожара восемнадцать лет назад. Тогда погибло очень много людей... Если бы не Ранфарг Белгорро, наш город не смог бы восстановиться своими силами так скоро.

— Он известный меценат, хотя его отношение к Суду меня расстраивает, — Просперо покачал головой.

Делайла вышла из-за стола и, позвав с собой инспектора, направилась к одному из стеллажей. К тому, который был подписан как «История Фламби в лицах».

— Вот, возьмите, — девушка сняла с полки книгу под названием «Фламби в огне» автора Дж. К. Смита. — Здесь рассказано о том, как восемнадцать лет назад город подвергся террористической атаке «Стаи» — преступной организации с Судом. Если бы не «Молот», от Фламби вообще ничего не осталось. Мне тогда всего полтора года было. Те, кто видели все своими глазами, говорят, что самые большие разрушения нанес неизвестный огненный великан. А еще говорят, что часовая башня была уничтожена, когда он швырнул в нее одного из бойцов «Молота».

— Поразительно... — изобразить удивление для Просперо не составило большого труда. — А вы случайно не можете сказать, был ли среди участников той давней битвы кто-нибудь с белыми, как снег, волосами?

— Был один, — скорый ответ Делайлы едва не лишил инспектора душевного равновесия. — Агент «Молота», которым огненный великан разрушил башню с часами. Но он погиб после этого, и все имена участников того боя до сих пор засекречены. Жаль, конечно, но ничего не поделаешь.

Просперо перевел взгляд на соседний стеллаж. «Забывшие авторы». Примерно пятьдесят книг, написанные неизвестными людьми в неизвестное время и в неизвестном месте. «Похищенный, или приключения Дэвида Бэлфура», «Собор Парижской Богоматери», «Герой нашего времени», «Этюд в багровых тонах», «Стража! Стража!», «Айвенго», «Звезда Кэц», «Парадоксы младшего патриарха» — они описывали события, которые никогда не происходили, и места, которых просто нет на глобусе Эдема. Их можно было бы отнести к жанру фантастики, если бы не бесчисленные совпадения имен, мест и событий в части из них. Время от времени находят новые. Например, «К оружию! К оружию!», в которой инспектор узнал продолжение своей настольной книги, прочитанной еще в детстве. Просперо предполагал, что они все были написаны в определенный период времени группой энтузиастов, создавших собственный воображаемый мир, проработанный с фантастической подробностью. Воображаемый мир с логичной многотысячелетней историей. В юности он

даже пытался разобраться в этом вопросе, но а конце концов профессия лишила его возможности заняться полноценным исследованием. А те, кто все же посвятил свою жизнь изучению книг забытых авторов, крайне редко публикуют результаты своей работы.

— Действительно, очень жаль, — произнес он, возвращаясь к теме беседы. — Кстати, вы тоже слышите этот странный шум? — Просперо обратил внимание девушки на крики, которые проникали в библиотеку даже сквозь закрытые окна.

— Да, — ответила Делайла. — Чтобы это могло быть?

Грохот далекого взрыва наемкнул обоим, что в Фламби в данный момент ничего хорошего не происходило определенно.

Всякий раз становясь свидетельницей спора между сторонниками и противниками закона, запрещавшего свободное ношение оружия, Юрика без колебаний становилась на сторону первых. Разумеется, с револьвером в кармане человек будет чувствовать себя в безопасности, и ей не раз приходила в голову мысль приобрести что-нибудь небольшого калибра, но здравый смысл всегда брал верх. Ведь если бы она попалась жандармам с оружием в руках, разговор с ней шел бы в ином русле; пару раз попавшись на карманной краже своей чрезмерно бдительной и агрессивной жертве, девушка осталась жива только потому, что под рукой у владельца кошелька не было пистолета — оскорбленный человек имеет свойство терять голову от гнева. Прагматичная в вопросах выживания, Юрика не скрывала своей любви к пацифистам — взывать к человеколюбию ей приходилось не раз. Как и кричать что-то похожее на «в топку феминизм и равенство полов, я девушка и не надо меня бить!»

Так вот, сейчас, наблюдая за беспомощными Ранмаро и Викторией, которые не взяли с собой мечи для похода в магазин, так как «жандармы не поймут», девушка всей душой проклинала злополучный закон, который запрещал носить оружие лицам, непричастным к правоохранительным органам. Не было бы его, и разговор с Ичиро и его компанией шел бы немного иначе.

— Юрика, беги! — крикнул Ранмаро, когда они, выйдя из магазина, нос к носу столкнулись с их старшим братом.

— Да я бы с радостью... — ответила девушка, видя, как путь к отступлению перекрывает заросший по самые брови рыжий верзила звероватого вида. Вертикальные зрачки и когти на руках вместо ногтей намекали, что если он и человек, то не совсем.

— Что тебе нужно? — Виктория закрыла собой Ранмаро и Юрику, одновременно создавая в руках ледяные клинки и засекая притаившуюся на крыше магазина гибкую женскую фигуру. И будь у нее возможность рассмотреть ее внимательнее, девушка смогла бы заметить признаки кровного родства с рыжим зверочеловеком — бойцы из народа арга, населяющего часть Внешнего Архипелага и встречающегося на южном континенте. Лучшие из них вместе с наследниками Десяти Великих Домов стали костяком «Стаи».

— Вы пойдете со мной, — ответил Ичиро миролюбиво. — Нашей семье пора воссоединиться.

— И ты думаешь, что сможешь забрать нас силой, если мы откажемся? — странно, но в предложение, произнесенное его дочерью, никаким образом нельзя было вставить слово «отец». Ну разве что на бумаге, но тогда это была бы реплика не Викторией, а какой-нибудь

другой девушки.

— Я в этом уверен. Не вмешивайся, — Ичиро обращался к зверочеловеку, который хотел было остановить Ранмаро, бросившегося на брата.

Удар племянника Валерии провалился в пустоту, старший брат перехватил его руку и сбил с ног. Первый ледяной клинок Виктории, атаковавшей мгновением позже, разлетелся на осколки при столкновении с поднятым предплечьем, а второй рассыпался, когда она попыталась вонзить его в живот отца.

Ичиро, заломив руку дочери, поставил ее на колени.

— Я не видел тебя шестнадцать лет... Ты так похожа на бабушку. Боюсь только, что в твои годы она была гораздо сильнее, чем я сейчас. Но это вина Валерии — она не смогла сделать из тебя достойного бойца. Тебя это тоже касается, — Ичиро пинком отшвырнул от себя Ранмаро, который поспешил на помощь двоюродной сестре (племяннице?).

— Ха, а дядя сказал, что мама не смогла сделать нормального бойца из тебя, — Юрика решила принять участие в бою хотя бы в роли группы поддержки. — Он будет здесь с минуты на минуту!

— Мама будет рада тебя видеть, — ответил ей Ичиро, направив свободную руку в пустоту, и там через пару секунд появилось зависшее в воздухе ледяное кольцо, достаточно большое для того, чтобы сквозь него смог пройти человек. — Турраг, Рагри, — он обратился к сопровождавшим его зверолюдям, — берите Ранмаро и Юрику — вы возвращаетесь на Судо со мной.

— А как же остальные? — спросила у него девушка, спрыгнувшая с крыши и схватившая Ранмаро.

— Я заберу их позже.

«Ну нет!» — Юрика, оставив в руке стоявшего сзади зверочеловека здоровенный лоскут новенькой футболки, бросилась к Ичиро, который тащил Викторину к ледяному кольцу. И особую прыть ей придал дрожащий воздух внутри мистического объекта, сквозь который угадывался совершенно иной пейзаж. Девушка не знала, как именно остановит брата, но была уверена в том, что если не сможет, то все они окажутся очень далеко отсюда. В Судо, например.

Ичиро даже не пытался защититься и Юрика едва не сломала пальцы о его каменные мышцы. Старший брат тут же схватил ее за шиворот, игнорируя пинки и попытки выцарапать ему глаза, потом встряхнул сестру хорошенько, пристально и строго посмотрел ей в глаза, призывая к порядку... и они вдвоем исчезли, буквально растворившись в воздухе.

— Мастер? — рыжеволосая спутница Ичиро не скрывала своего недоумения, глядя на оставшуюся не месте Викторину и осколки рассыпавшегося по асфальту льда. А потом ей и ее сородичу стало не до загадочного феномена с исчезновением: на место действия прибыла взбешенная Валерия. Прямой длинный меч и холодное синее пламя были при ней.

— Ты правда этого хочешь? — Дженази смотрел Валерии в глаза и видел в них ответ на свой вопрос, вот только она уже давно перестала идти на поводу у своих эмоций.

— Да, — женщина выдержала его тяжелый взгляд, в ее словах появилась железная уверенность. — Я хочу, чтобы ты взял с собой Ранмаро и Викторину.

Дженази отвернулся и посмотрел вниз, нервно тарабаня пальцами по деревянным

перилам балкона. Племянники ушли в город почти час назад и вернутся разве что к обеду, и к этому времени ему следует решить, соглашаться или нет на просьбу Валерии.

— Мы с Юрикой отправляемся в Судо. К Ришари.

— Рано или поздно Виктория и Ранмаро увидятся с ней. Раньше я боялась этого, но теперь, когда ты вернулся, верю в благоприятный исход этой встречи. Но только если ты будешь рядом.

— А ты не боишься, что они проведут несколько недель с Юрикой под боком? Или забыла, что произошло сегодня ночью?

— Я все прекрасно помню, — ответила Валерия спокойно. — Жаль только, что так и не смогла понять, что именно увидела. Но ты с легкостью успокоил ее.

— Только потому, что был рядом, когда это началось. Предлагаешь мне не отходить от девочки все то время, пока она будет спать?

— У тебя не получится заставить меня изменить свое решение, — уверенно заявила она. — Ты ведь знаешь, что происходит с Юрикой и как это контролировать, просто мне не хочешь говорить. Она проглотила стейк и даже не заметила этого. Не удивлюсь, если по возвращении она станет выше еще на несколько сантиметров.

— Не хочу, — согласился Дженази, почесав затылок. — Есть вещи, которые тебя не должны касаться.

— Может быть, — последовал тихий ответ, а потом голос Валерии задрожал:

— Только есть и вещи, которые меня касаться обязаны.

— Например? — вызов принял не человек, а волк в его обличье, почуявший угрозу.

— Что случилось с Винсентой?

Дженази отшатнулся, за какой-то миг в его глазах промелькнула пестрая гамма сильных эмоций, начиная с удивления и гнева и заканчивая болью и пониманием.

— Значит, тогда она успела сказать вам свое имя.

— Но не более, — Валерия не смогла скрыть своего рода радость, когда поняла, что он хорошо знает ту девушку. — Кто она? Откуда? Она действительно погибла?

— Да, — лицо бывшего гвардейца превратилось в ледяную непроницаемую маску. — Я убил ее собственными руками. Она до самого конца защищала жизнь совершенно незнакомых щенков, которых встретила по какой-то дикой и невероятной случайности. А может быть, и закономерности. Знаешь, почти двести лет назад я и Кенсэй спасли твою бабушку от убийц Гвардии — тогда мы еще были простыми бродягами и не знали, во что ввязываемся.

— А потом вы сами стали Гвардейцами и ты убил бабушку. Отца спасло только чудо.

— Да, ему тогда здорово повезло... Тебе не кажется, что после всего этого доверять мне жизнь следующего главы Дома Лэйт несколько опрометчиво?

— Я доверяю тебе жизнь твоего племянника.

— И снова я вижу, как ты беспокоишься о Ранмаро больше, чем о Виктории... Валерия, она же твоя дочь.

Женщина вспыхнула, собираясь сказать, что Дженази лезет куда не просят, но в этот момент он остановил ее требовательным жестом, к чему-то прислушиваясь.

— Что? — забеспокоилась она, видя, как он мрачнеет прямо на глазах.

— Я ощущаю Ичиро рядом с детьми. А еще в Фламби только что появился Раббен.

Немедленно броситься на помощь Валерии помешала рука Дженази, опустившаяся на ее плечо.

— Почему ты еще здесь? — разозлилась она.

— Голыми руками ты с Ичиро не справишься. Возьми меч и удержи его до тех пор, пока я не разберусь с Тоттенгрибером.

— Хорошо, — ответ женщины ушел в пустоту: на балконе Дженази уже не было.

Глава 12. Ярость бессмертных

В состоянии плохо контролируемой ярости бывший Гвардеец приземлился в центре многолюдной площади Фламби, завершив второй необходимый для этого прыжок. Тоттенгрибер в неизменном черном плаще стоял напротив, горожане старались обходить по кругу этого походившего на мертвеца человека.

— Ну здравствуй, Раббен, — сказал Дженази, своим до предела обострившимся чутьем уже обнаружив в городе два десятка дронов и больше дюжины сильных обладателей мистических способностей. Еще вчера он заметил прибывших в Фламби бойцов, среди которых был человек Белгорро, Рыков, и так как они ограничились наблюдением за домом Валерии, беспокоиться по этому поводу не спешил. А вот появление боевых машин ускользнуло от его внимания, и на это была веская причина: именно в этот момент он останавливал рвущуюся из Волчьей Зимы огромную ириссу, которая нашла дорогу в этот мир сквозь сны Юрики. Встреча со зверем из родного мира гата, а значит, и его собственного по сути, для Дженази не прошла без следа, хотя он и справился с ним сравнительно легко — острота восприятия была на время утрачена. А Ичиро привел своих людей во время тяжелого разговора с Валерией, так что он лишь несколькими секундами позже понял, что в Фламби был открыт стабильный пространственный переход. Это умение сын Ришари показал еще в Ховине, когда сбежал от Дженази, но тот только сейчас узнал, что мальчишка способен перемещать с континента на континент целые отряды. Гата, к слову, так не умели, но Ичиро, кровь которого не была пробуждена встречей с Белым Волком, развивал не способности своего народа, а высокую склонность к мистическим искусствам. И достиг в этом деле определенных высот.

— Ты никогда не был болтлив, — произнес Дженази, словив пулю в сердце, — но Раббен... Это невежливо.

Без каких-либо объяснений выпустив в бывшего товарища всю обойму, Тоттенгрибер выбросил оружие и материализовал в руке длинную стальную цепь с серповидным клинком на конце. Дженази, который до этого момента не уворачивался только потому, что на линии огня находились все еще ничего не понимающие люди, тут же сократил дистанцию, не позволяя Раббену замахнуться, и схватив его, прыгнул. И он только догадывался, что покидая городскую черту, срывает к чертям злодейский план Сигурда: тот оказался достаточно наивен, предполагая, что Дженази позволит состояться битве двух бывших Гвардейцев среди большого скопления людей.

Полет получился недолгим, длиной всего в несколько секунд, но за это время Раббен успел материализовать еще один пистолет и опустошить его магазин, всадив в тело Дженази еще десяток пуль. Дядя Юрики, одна рука которого была занята блокированием цепи с серпом, а вторая не выпускала воротник Тоттенгрибера, защититься от выстрелов не мог, но и пули, выпущенные в упор, не могли ему толком повредить. И когда они падали в лесную чащу, начинающуюся сразу за городом, Дженази с нескрываемым удовольствием размазал Раббена по стволу дерева, оказавшегося у них пути.

Старая сосна выдержала столкновение с хрупким человеческим телом, хотя ее и сотрясло от тонкой верхушки до самых корней, вниз посыпался редкий зеленый снег хвои и тоненькие веточки. Шишек не было. Глухой удар по дереву полностью заглушил хруст костей и влажный треск разрываемой плоти Тоттенгрибера; Дженази приземлился на

полусогнутые ноги, оставив за собой глубокие борозды в земле и жуткую полосу из крови и внутренних органов своего противника, которые вывалились из разорванного пополам туловища. В его руках осталась только верхняя половина, Раббен хрипел и вращал глазами, пытаясь ударить сломанной в двух местах рукой. Дженази, глухо зарывав, схватил его за голову и расплющил ее о толстый ствол уже другой сосны. Брызнули в разные стороны осколки черепа, мозг и капли крови, а когда бывший Гвардеец шагнул назад, по чешуйчатому стволу сползало дикое месиво из того, что осталось, таращась на него покинувшими орбиты серыми глазами, рядом с белыми вкраплениями раскрошившихся зубов.

— Какого черта, Раббен? — все еще рыча, спросил у его останков Дженази. — Привел с собой кучу дронов и стреляешь, не говоря ни слова, да еще в таком людном месте! Мы же неплохо ладили... Помнишь, я всегда говорил, что у каждого человека есть целый комплект недостатков, и твой далеко не самый худший? Бледный как смерть, носишь только черное, молчишь вечно, хрен улыбнешься и говоришь только правду — тогда я даже считал это достоинствами и, если честно, пытался немного подражать. Но сейчас ты мне совершенно не нравишься, Раббен.

Изувеченное тело Тоттенгрибера растворилось в воздухе, до последней капли и лоскута сорванной кожи. И появилось вновь, материализовавшись из воздуха в пяти шагах от Дженази, уже совершенно невредимое. Возвращению в прежнее нетронутое состояние подверглась и одежда, и без тени эмоций на лице Раббен материализовал пистолеты, возобновляя стрельбу сразу с двух рук.

Ни одна пуля на этот раз не попала в цель, ладонь Дженази, мгновенно сократившего расстояние, проломила грудную клетку Раббена и отшвырнула его к стволу следующей сосны. Но он устоял на ногах и не прекратил стрельбу, даже когдадвигающийся с невероятной скоростью Дженази оторвал ему правую руку. Когда оторвало и голову, Раббен на пару минут успокоился, а потом снова восстановил свое тело и продолжил бой.

После четвертой «смерти» Тоттенгрибер материализовал не пистолеты, а большую, совершенно черную косу с настолько длинными лезвием и рукоятью, что невольно поднимался вопрос, а как, собственно, с ней управляться человеку? Раббен ответил почти сразу, очертив вокруг себя черной сталью широкий круг. Радиус атаки оказался гораздо больше длины и без того немаленькой косы: срезало все сосны на расстоянии до четырех метров, а те, что стояли чуть дальше, только задело, хотя две из них все равно сломались под собственным весом. Дженази, который увернулся и от лезвия, и от падающих деревьев, схватил один из срубленных стволов и с безопасного расстояния расплющил Тоттенгрибера размашистым горизонтальным ударом. И ощутил в этот миг, как в Фламби, в том месте, где находились племянники, вдруг повеяло Волчьей Зимой, и Ичиро с Юрикой пропали. Яростно взыв, он вырвал косу из рук вновь воскресшего Раббена и снес ему половину черепа.

Только бессмертному было все равно, каким оружием его убивают — голова вернулась на место, как и коса, мистическим образом покинувшая захватившие ее руки.

— Где твой меч, Дженази? — Тоттенгрибер соизволил наконец проронить несколько слов. — Я мечтал скрестить с ним свою Мару с тех пор, как завладел ею.

— Сломал, — ответил тот, размышляя над тем, сможет ли избавиться от Раббена хотя бы на несколько часов, если уничтожит его тело в своем ином облике. Экспериментировать Дженази совершенно не хотелось, но Ичиро и Юрика не пойми как попали в Волчью Зиму

вернуть их следует немедленно, а бросать Тоттенгрибера просто так нельзя.

— Очень жаль, — произнес бессмертный, промахиваясь в очередной раз и срезая еще пять деревьев. Дженази швырнул одно из них в Раббена, благо коса разрубила ствол под острым углом. И почувствовал приближение нового действующего лица на сцене.

Убедившись, что Белгорро направляется именно к ним, дядя Юрики на прощание раздавил череп Раббена, и шагнул в Волчью Зиму.

Столбы черного дыма над Фламби Белгорро увидел, когда взбежал на вершину очередного холма. Они поднимались сразу в четырех местах, и когда ярмир хорошенько прислушался, до него донесся гул далекого взрыва. В городе шел бой, и он опоздал к его началу.

Тихо выругавшись, он направил еще больше энергии в свои мышцы и увеличил свою скорость втрое, осознавая, что из-за своей медлительности, возможно, допустил гибель граждан Федерации. Дорогой костюм, порядком истрепавшийся за время его сумасшедшего бега, таких экстремальных нагрузок не выдержал и вспыхнул, срываясь с раскаленного тела пылающими лохмотьями.

Фламби вновь увидит бывшего Гвардейца в боевой форме, но на этот раз Белгорро собирался действовать аккуратнее: горожане до сих пор помнят о тех огромных разрушениях, которые он нанес, когда сражался с Ичиро.

«Никого не бросать в ратушу. Никого не бросать в эти треклятые часы, — мысленно твердил себе «огненный великан» из заметок тринадцатилетней давности. — Восстанавливать их во второй раз будет дорого и не смешно».

У первого очага городских боев Белгорро оказался через несколько минут, и в первые мгновения слегка растерялся: сражались бойцы «Стаи» и дроны. Друг с другом, а не с жандармами или агентами «Молота». Первые в количестве восьми человек прятались в импровизированных укрытиях и не решались открывать огонь, вторых здесь не было вовсе, а дроны и люди Ичиро схватились на улицах не на жизнь, а на смерть.

Бойцов «Стаи» здесь было трое, дронов — шестеро, еще две жестянки валялись неподалеку в состоянии, не подразумевавшем возвращение в эксплуатацию даже после капитального ремонта. Наследники Великих Домов Столсанг и Сатронг списали боевые машины в утиль в самой категоричной форме, третий дрон стоял на очереди, но в момент замешательства Белгорро тонкий синий луч другого робота пробил правое легкое бойца «Стаи» — Столсанга, с зелеными волосами — так что им пришлось перегруппироваться и сменить тактику: рукопашной связывали противника уже двое, пока раненый, отбросив виброклинок, поддерживал их стрельбой из автоматической винтовки.

Наконец ярмир принял решение, и прыгнув на ближайшего дрона, смял его в лепешку одним ударом. Роботы, отправленные на Вердиго Сигурдом, очень хорошо маскировались под обычных людей и только во время боя показывали скрытые синтетической кожей корпус из сверхпрочных материалов и встроенное оружие; стремительные, точные, рациональные, превосходно организованные, могли без особых проблем ликвидировать любое армейское подразделение Федерации и доставить неприятности даже лучшим из бойцов «Молота» и «Стаи», слепленных из одного теста, даром, что по разные стороны баррикад; бесподобные машины смерти, но не идеальные — не такие, каким сотни лет считался Белгорро.

Еще пять прыжков — и все дроны Сигурда были уничтожены. Ярмир довольно осклабился в объектив последнего, зная, что бывший товарищ наблюдает за схваткой, если не управляет одной из машин лично. Пнув обломки, обратил свое внимание на побледневших бойцов «Стаи», подумал немного, выломал здоровенный кусок тротуарной плитки, направил в него заряд энергии и швырнул импровизированную бомбу в потрепанный схваткой отряд. Бросил, особо не целясь, и бойцы успели увернуться. И когда они скрылись из виду, Белгорро не стал их преследовать — его ждал бой в другой части города.

Уничтожив двух дронов напротив городского кинотеатра и просто для порядка пронзив раскаленной рукой грудь одного из людей Ичиро, ярмир заметил, что бой идет не только в черте Фламби, но и за ее пределами. Сложно было не заметить взлетающих в воздух на высоту многоэтажного дома стволы деревьев.

Там, среди высоких сосен, сражаются не простые бойцы — если так, конечно, можно назвать дронов и воинов, предки которых вышли из генетических лабораторий Небесных Городов — а Гвардейцы. Дженази и Раббен Тоттенгрибер.

— Вот и свидимся наконец, — проворчал Белгорро, направляясь туда. Он был уверен, что с оставшимися врагами справятся Рыков с командой и Валерия. Самого Ичиро он так и не нашел, и был этому чрезвычайно рад: на этот раз Фламби отделался легким испугом.

Никогда и всегда. Волчья Зима, Черный Лес.

— Какого черта?! — кричала Юрика, вылезая из сугроба и трясясь от холода. Сандалии, тонкие джинсы и футболка покупались с учетом жаркой летней погоды, она не рассчитывала оказаться вдруг бог знает где посреди лютой зимы. Навскидку мороз был градусов за сорок, снега — по колено, деревья вокруг — пугающе знакомые. Лесные великаны с черной корой и голыми ветвями. Совсем как в ее снах.

— Что ты сделала? — Ичиро был удивлен и растерян не меньше сестры, отряхиваясь от снега и дико озираясь по сторонам.

— Эй, я тут не при чем! Это ведь ты тот портал сделал? Я о таком в книжках читала. Такие дыры в пространстве, а иногда и во времени... Верни меня обратно, урод!

— Я не успел сквозь него пройти! — возмутился тот. — Ты что-то сделала и мы оказались здесь, непонятно где. И не смей больше меня оскорблять, иначе пожалеешь.

— Пошел нахер! — переступить через грань, за которой начиналась истерика, Юрике не позволяли железное самообладание, которое она привыкла скрывать за колкостями и показной нервозностью. А в данный момент, рядом с убийцей своих друзей, еще и чистая ярость. Но она не могла не заметить, что Ичиро искренне не понимает, что произошло и где они оказались. А значит, у них были проблемы. Большие.

— И я ничего не делала! Создавай свой портал заново, куда угодно, лишь бы там тепло было! Мне холодно...

«Только отвлекись — и я сверну тебе шею,» — пронеслось у нее в голове, мрачное и решительное.

Ичиро спохватился и набросил на плечи Юрики свой плащ. Девушка завернулась в него, словно в одеяло, благо разница в габаритах это позволяла.

— Ну чего ты стоишь? Колдуй давай! — вырвалось из-под него, Юрика укрылась тканью с головой и все равно продолжала дрожать. Не удивительно, плащ не относился к разряду зимней одежды. Хотя еще сильнее ее трясло от ярости.

Ичиро сконцентрировался, и судя по его растерянному виду, потерпел неудачу. И хуже того, по виду начинал замерзать — человек, управляющий льдом и холодом.

— Я не могу, — потерянно признался Ичиро. — Не получается. Здесь нет мистической энергии. И во мне тоже.

— Ты издеваешься? — Юрика даже высунула нос из-под плаща, чтобы сразу спрятаться обратно. — Она есть везде и во всем, ее не может не быть.

— Я похож на идиота?

— Нет, но я видела, как ты лед создаешь. Только не говори, что тебе холодно, не поверю. Наверное, чувствуешь себя как дома, — Юрика прекрасно видела, что это не так, но ей нужно было вывести его из равновесия еще сильнее.

Ичиро только зарычал в ответ и повторил попытку создать портал. С тем же неположительным результатом.

— Тебе что, и правда тоже холодно? — Юрика подогрела интонацию толикой участия. Сочувствия. Она начала понимать, что Ичиро просто не понимает, что совершил там, в Ховине. А значит, он может поверить, что она способна простить его. — Сразу говорю, что мне все равно. Под плащу не пуцу, — и она добавила в конец фразы крепкое нецензурное выражение. — Предпочитаю смерть от переохлаждения близости с убийцей. По-крайней мере, в данный момент.

— Тихо, — он подкрепил приказ требовательным жестом, к чему-то прислушиваясь.

— Не указывай мне, что делать, — возмутилась Юрика, но его примеру последовала. И ей показалась, что она слышит чьи-то тяжелые шаги по скрипящему снегу.

— Беги отсюда, живо, — совсем тихо произнес Ичиро, заметив что-то среди деревьев. — Спрячься и не высовывайся, я сам тебя найду.

— Я никуда не побегу! И вообще, ты смерти моей хочешь? А если я волков каких встречу, или медведя? Сожрут же!

— Беги, идиотка!

— Сам козел! И зачем вообще мне это делать? — спросила Юрика, и наконец увидела то же, что и брат — группу зеленокожих великанов, которые один за другим показывались из-за деревьев. Они медленно вышагивали, стягиваясь вокруг них полукольцом и держа в лапах шипастые дубины.

— Это еще кто? — девушка очень быстро поняла, что между этими тварями и людьми если и есть родство, то крайне отдаленное: каждый по три-четыре метра в высоту, под уродливой кожей разных цветов, от зеленого до фиолетового, бугрились мышцы, но как-то неправильно, не так, как у нормального человека. Торчащие из пасти желтые клыки и расположенные в произвольном порядке и в произвольном количестве рога на голове отдаляли сходство еще больше.

— Не знаю. Беги скорее, я разберусь с ними и сразу же найду тебя.

— Они... большие. Точно справишься? Не подумай, что я переживаю, мне вообще все

равно, что с тобой будет, а если честно, я буду даже рада, если с тобой что-то случится. Но знаешь, я не хочу, чтобы это «что-то» случилось с тобой здесь и сейчас, потому что это «что-то» потом обязательно случится и со мной тоже.

«Черт возьми, они же смогут тебя убить?» — да, она крайне умело и тщательно замаскировала эту мысль под потоком нервных, испуганных предложений.

И Ичиро не заметил.

— Я не позволю, чтобы с моей сестрой что-то случилось, — он усмехнулся и толкнул Юрику в спину, придавая дополнительное ускорение. И она побежала, стараясь не запутаться в полах длинного плаща. И не врезаться в дерево: оборачивалась девушка очень часто.

Глава 13. Звери Волчьей Зимы. Наказание

Через десять минут сумасшедшего бега сквозь странный лес Юрика выдохлась и прислонилась спиной к дереву, восстанавливая дыхание. Если бы не глубокий снег и неудобный плащ, она не устала бы так быстро, но избавиться от единственной защиты от царящего здесь холода ей даже в голову не приходило. Да, она согрелась на бегу, но не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что через полчаса, час все равно выдохнется, и тогда мороз убьет ее.

Правда, прорезиненная шерсть и тонкая подкладка не спасут девушку в любом случае, но плащ все же увеличивает шансы дождаться его хозяина.

Придя немного в себя, Юрика сразу почувствовала, как коченеют ноги. Ей уже приходилось ходить зимой в легких кедах, но это было в Эломасе, где температура редко опускается ниже двадцати градусов. А сейчас она все равно что босиком, и сделать с этим ничего нельзя. Девушка решила было развести костер, но сразу вспомнила, что у нее нет ни спичек, ни зажигалки.

— Просто блеск...

Пока Юрика решала, что ей делать дальше, с той стороны, где остались Ичиро и великаны, вновь раздались тяжелые шаги. Забыв о холоде, девушка осторожно выглянула из-за дерева и увидела двух зеленокожих монстров, которые шли по ее следам — похоже, Ичиро не справился.

— Это ни разу не смешно! — выдохнула Юрика и сорвалась с места. Ей оставалось только бежать.

Увы, но оторваться от преследователей она не смогла, даже сбросив плащ брата. Великаны догоняли, и не было никакой возможности спрятаться или хотя бы залезть на дерево: в этом лесу все они были как на подбор, с необъятными стволами, и ветви на них росли слишком высоко даже для человека с ростом выше среднего. Куда уж тут Юрике с ее метром в кепке, к которому прибавилось всего-то пять жалких сантиметров.

Когда один из великанов разразился довольным ревом, заметив добычу, в девушке открылось второе дыхание; когда он швырнул вдогонку дубину и она просвистела в воздухе совсем рядом, врезавшись в дерево и выбив из него тучу щепок — открылось третье. А потом Юрика споткнулась и упала в сугроб, и когда выбралась из него, монстры уже нависли над ней, обнажив желтые клыки с самыми плотоядными намерениями.

Наверное, она закричала. Не была уверена, потому что в этот момент откуда-то сбоку, яростно рыча, на великанов прыгнула огромная красная рысь — давняя знакомая из снов. Первый зеленокожий был убит сразу, рухнув в снег с перегрызенным горлом. Второй оказался слегка расторопнее и попытался ударить рысь дубиной по голове, пока она догрызала свою жертву. Зверь вовремя убрал голову и шипастая палица раздробила череп уже мертвого великана. Кровь его была черной.

Больше второй зеленокожий ничего сделать не успел и повторил судьбу своего товарища, рухнув под тяжестью рыси и очерняя снег своей кровью. Прикончив его, зверь повернул свою морду к Юрике, испачканную странной жидкостью, и снова зарычал.

— Привет... — улыбка девушки получилась натянутой, хотя о какой искренности могла идти речь, если она отползала от рыси так быстро, как только могла? И потом, нежданная спасительница не выглядела миролюбиво, определенно намереваясь прикончить наконец

Юрику.

— Да что же я тебе сделала, а? — едва не плача, спросила девушка.

Рысь ничего не ответила. Может, она бы и смогла, если, конечно, умела говорить, но ей просто не дали такую возможность: тигр, мало уступающий зверю в размерах, сбил ее с ног и на глазах у уже ничего не соображающей Юрики завязалась очередная схватка.

— А он откуда взялся? — всхлипнула девушка, мало веря своему счастью, встала на ноги, собираясь бежать, и столкнулась нос к носу с огромным медведем, покрытым густой черной шерстью.

— Залезай, — произнес зверь и нагнул голову, предлагая забраться ему на шею.

— Меня в детдоме учили, что нельзя кататься на незнакомых медведях, — у Юрики эти слова вырвались сами собой. Неадекватная реакция на нестандартную ситуацию.

— Дан. Дан Даркенвэй, — представился медведь. — Ты — Акаяма Юрика, дочь Кеншина. Твой отец был нашим другом.

В этот момент красная рысь сбросила с себя наседаящего на нее тигра и попыталась добраться до Юрики, но ее противник смог извернуться и впиться клыками ей в заднюю лапу. Девушка, у которой перед носом мелькнул полуметровый коготь, решила принять предложение медведя и уже через пару мгновений он унес ее прочь.

— Ты же погиб, — сказала Юрика, когда Дан остановился. — Валерия сказала, что мама убила тебя.

— Так и было, — Страж Неба с картины Валерии помог девушке спуститься. — Я и Регулус пытались убить Ришари, но у нас ничего не вышло. Мы только погибли зря, а потом проснулись здесь, в Волчьей Зиме, такими, какими ты нас сейчас видишь.

— Тот тигр — Регулус Старвинд?

— Да. Сейчас я верну тебя назад, в Тейзою, но перед этим возьми вот это, — Дан-медведь раскрыл свою чудовищную пасть, в которой Юрика могла поместиться целиком, и тихо выдохнул. Его дыхание вырвалось светящимся облачком пара, который быстро свернулся в крохотный шар и завис перед девушкой.

— Тейзою? И подожди с возвращением, здесь и Ичиро! Его тоже нужно забрать!

— Возьми скорее, — глухо зарычал Дан. — Я должен вернуться и помочь Регулусу справиться с Ириссой. Потом мы найдем твоего брата, обещаю.

Его слова не избавили Юрику от тревоги, но все же она ему поверила.

— И как мне это взять? — спросила она, собрав ладони ковшиком и зачерпывая светящийся пар, словно воду. И у нее получилось, едва она коснулась шарика, как он тут же впитался в кожу, и девушка ощутила разлившееся в груди тепло.

— И что это вообще такое?

Но Дан ничего не ответил и толкнул ее своим носом. Юрика не удержалась на ногах и упала. На зеленую траву.

Она сидела на одной из улиц Фламби, рядом с цветочными клумбами, высаженными вдоль тротуаров, и ничего, совершенно ничего не понимала.

За пятьдесят лет своей жизни Ичиро успел познакомиться с всепоглощающим чувством бессильной ярости. Когда не мог остановить кровавые безумства своей матери, когда понял, что способность обратить противника в ледышку не остановит такого врага, как Раббен, а моментальная регенерация не поможет в бою с Белгорро. При всей своей силе ему не сладить с ними, и он прекрасно осознал это, когда не смог вернуть дочь и брата. Но, по крайней мере, он знал, что дело не в его слабости, а в запредельной силе противника, которую нельзя понять, а только принять, как данность. Оставалось только развивать свои способности дальше, не останавливаясь на уже достигнутом и верить, что однажды окажется на одной ступени с ними, а потом — и выше.

Но сейчас, когда шесть зеленокожих великанов окружили его, а двое последовали за Юрикой, времени на поиск пути к силе ему никто не оставил. Мало того, чужой и одновременно странно знакомый воздух этого зимнего леса лишил его и способности создавать лед, и сверхчеловеческой скорости, и огромной физической силы. А когда дубина одного из великанов задела тело Ичиро своим шипом, он понял, что исчезла и его регенерация. Не сможет убить жуткого врага за пару минут, не сможет догнать преследователей Юрики и прикончить их. И, похоже, не сможет спасти даже себя.

Сын Ришари не погиб сразу только потому, что даже без сверхъестественных способностей оставался воином, а его враги при всех своих размерах и жутком вооружении — неорганизованной толпой дикарей. Конечно, они были разумны — их тела были прикрыты звериными шкурами, на толстых уродливых шеях красовались ожерелья из когтей, клыков, ракушек и полудрагоценных камней, кое у кого были браслеты, а у одного — жоака, быть может — на поясе висели человеческий череп и каменный топор, слишком маленький для подобного верзилы. Определенно трофеи, и в куске заостренного кремня, прикрепленного к деревянной рукояти, Ичиро увидел шанс дорого продать свою жизнь.

Чтобы сорвать топор с пояса великана, ему пришлось выскользнуть из-под удара сразу двух дубин и прыгнуть, ныряя под его когтистую лапу. И когда оружие оказалось в руке, став ее органичным продолжением, Ичиро выпустил наружу клокочущую кровавую ярость, которая родилась в нем, едва он увидел этих существ. Это был инстинкт, некий внутренний зов, прозвеневший в подсознании приказ «Убей!», которому нельзя не подчиниться. Они — враги, те, кого нельзя оставлять в живых ни при каких обстоятельствах.

Ичиро успел ранить четырех, но серьезно — только одного, разрубив ему сухожилие на ноге. А потом удар усеянной шипами дубиной сбил его с ног, дробя ребра и позвоночник. Ичиро врезался спиной в дерево, раскроив об него череп, и потерял сознание.

Он не знал, как долго находился в состоянии беспомощности. Но точно недолго, потому что очнулся, кашляя и захлебываясь собственной кровью. И судя по тому, как быстро темнело в глазах, оставаться в сознании у него не могло получиться слишком долго. Тот, кого пронзали и рубили мечами, изрешечивали пулями, жгли огнем и вбивали в землю каменными кулаками, наконец умирал. Бессмертие, которое Ичиро осознал еще в раннем детстве, оставило его. Все, что ему теперь оставалось — это прожигать врага ненавидящим взглядом.

— Ну где же вы, твари? Подходите! — прохрипел он. Вот только в постепенно сужающемся поле зрения ни одного зеленокожего великана не наблюдалось.

Совершая последнее, предсмертное усилие, Ичиро полностью сосредоточился на той картинке, которую рисовали ему слабеющие глаза, и наконец нашел их. Великаны были совсем рядом, голова одного из них почти касалась подошвы его левой туфли. Вот только

она была отделена от тела, которое, в свою очередь, было разделено еще на несколько частей. И так было со всеми — они лежали на снегу, почерневшем от их вонючей крови, разрубленные на куски. Мертвые. И перед тем, как свет померк и наступило забытие, ведущее в небытие, Ичиро увидел Дженази. Дядя стоял по ту сторону черно-зеленого пятна из крови и кусков тел, держа в одной руке тот самый каменный топор, а в другой — человеческий череп, который совсем недавно служил украшением одному из великанов.

Беззвучный крик вырвался из легких Ичиро, когда в них ворвался согретый солнцем воздух Фламби. Он лежал на асфальте в том самом месте, где нашел Юрику, Викторию и Ранмаро, только здесь уже никого не было. Куски льда, из которых он создал кольцо портала в Судо, россыпью виднелись там и тут. Не будь его одежда изорвана в клочья и залита его собственной кровью, Ичиро решил бы, что снег, серое небо, черные деревья и жуткие великаны просто привиделись ему — все раны исчезли, а силы вновь были при нем.

— Больше никогда не возвращайся в Волчью Зиму, — произнес Дженази, когда Ичиро поднялся на ноги и заметил его. Дядя стоял неподалеку, вертя в руках уже знакомый череп с пояса великана, у его ног лежал каменный топор, черный от крови чудовищ.

— Я мог умереть? — его племянник вспомнил о дыхании смерти, которое раньше не было ему знакомо. Гамма эмоций, возникших при этом, угнетала.

— Да, — Дженази бросил Ичиро череп, и тот поймал его без капли брезгливости. — Мы — гата, дети Волчьей Зимы, и можем умереть только в ней. А еще ее воздух, ее земля, снег — они поглощают энергию, так что привычные тебе магия и мистические искусства там не работают. Ты жив только потому, что я вытащил тебя оттуда.

— Хочешь сказать, я обязан тебе жизнью?

— Ты — сын Ришари, так что даже не думай, что я позволю тебе умереть.

— Как-то странно слышать это от тебя после того, — вспыхнул Ичиро, — как ты оставил шрам на ее лице. Знаешь, я считаю, что все, что произошло за последние сто пятнадцать лет, лежит на твоей совести, дядя.

Щека Дженази заметно дернулась, но он не стал отвечать и только поднял с земли каменный топор.

— Что с Юрикой?

— Она уже здесь. Выбралась из Волчьей Зимы без моей помощи.

— Это она затащила меня туда. Как она это сделала, дядя? Что такое Волчья Зима? Кто такие гата? Кем были те здоровяки?

— Много вопросов, на которые долго отвечать, — сказал Дженази, бросив Ичиро и топор. Он поймал его правой, перебросив череп в левую руку, и посмотрел дяде в глаза, спрашивая, зачем ему это. Посмотрел и понял, что совершил ошибку: самым краем сознания заметил, что реальность вокруг изменилась. Город, синее небо, асфальт под ногами — все это осталось прежним, только Ичиро, хорошо знакомый с практикой ментальных поединков, уловил легкий налет нереальности, невещественности мира. Это была иллюзия, виртуальная реальность, созданная подлинным мастером, и выхода из нее на первый взгляд не было.

— Мы в твоей голове, — Дженази постучал пальцем себе по лбу. — Сэкономим время, да и не помешает никто.

Ичиро швырнул в него топор, но дядя увернулся, и каменное лезвие вонзилось в

молодой клен, находившийся за его спиной. Тяжесть оружия, свист рассекаемого воздуха, звук удара о дерево, шелест потревоженной кроны — все это было слишком по-настоящему, иллюзия Дженази была завершена полностью и накрепко связана с сознанием своей жертвы.

«Это... нехорошо,» — мелькнуло в голове, Ичиро никогда раньше не слышал, что дядя обладает подобными способностями. А значит, не был готов к подобному противостоянию.

— Череп, который ты держишь в руках, — спросил Дженази, словно никто ничего из него не бросал, — знаешь, чей он?

— Не имею ни малейшего понятия.

— Гата. Одного из нашего народа. Шикчизо, которых ты встретил, убили его.

Ичиро внимательно посмотрел в пустые глазницы черепа и уже по новому ощутил холод его костей, которые еще не успели согреться после лютых морозов иного мира. И на мгновение ему показалось, что он видит лицо, суровое, с холодными фиолетовыми глазами. Лицо молодого охотника, воина, который принял смерть как что-то, само собой разумеющееся. Он погиб в бою с шикчизо — свирепыми великанами. Ради чего?

Ичиро снова вспомнил отвратительный образ монстра, который напал на него и Юрику без видимой причины, и ощутил приступ дикой ярости. Она ослепляла, и сыну Ришари внезапно захотелось зарычать, словно дикому зверю.

— Гата были рождены, чтобы истреблять шикчизо, — сказал Дженази, хорошо рассмотрев выражение лица племянника. — В этом смысл нашего существования. Шикчизо живут только для того, чтобы пожирать другие формы жизни. Они появились, когда люди стали есть мертвое тело Таги. Великий Белый Волк Гата дал человеку каплю своей крови для того, чтобы он избавил Волчью Зиму от этой скверны. Что такое Волчья Зима? Эту сотни и тысячи миров, соединенных в одно целое после того, как Великий Гата прошел через них, покрыв льдом и снегом. С тех пор, как Таги погибла от удара молнии, он бежит, не останавливаясь, и каждую минуту Волчья Зима увеличивается еще на один мир, обитаемый или нет. Жутко, не правда ли?

— Действительно, — не мог не согласиться Ичиро. — И гата служат этому чудовищу, уничтожающему каждый день по полторы тысячи миров?

Дженази покачал головой.

— Это нельзя назвать службой. Нас ведет его кровь. И с этим ничего нельзя поделать. Но у тебя есть возможность жить не так, как другие гата. Ришари совершила нечто действительно противоестественное, передав кровь Великого Белого Волка младенцу.

Ичиро нахмурил брови, не понимая, к чему дядя ведет.

— О чем ты?

— Гата не рождаются, гата становятся. Наша кровь — это реликвия, которую можно передать другому человеку, сделать его частью народа. Она не передается по наследству, а только в ходе особого ритуала, для которого избирают человека, готового провести остаток жизни среди вечных снегов, охотясь на шикчизо. Но с тех пор, как Сая оставила меня в этом мире, количество неправильных гата слегка увеличилось... Ты, например, самый неправильный из всех, хотя раньше такой была Ришари — я передал ей кровь Гата, когда она находилась на грани смерти. Она же передала кровь младенцу, который мог бы жить и без нее.

— Не могу ее судить, — заметил Ичиро. — Благодаря этому могу не бояться потерять руку, ногу или голову. И не старею.

— Однажды ты встретишься с истинным гата и он убьет тебя. Затащит в Волчью Зиму,

где ты будешь совершенно беспомощным. Зачем? Кровь Гата священна и должна служить только делу истребления шикчизо. Ты ничего не сможешь сделать.

Ичиро не нравились слова дядя, но что он мог ответить?

— Я стану сильнее.

— Да, — произнес Дженази, странно улыбаясь. — Станешь. Но только когда осознаешь, что совершил.

— Выпусти меня отсюда.

Дженази опять покачал головой. Рядом с ним возникла его точная копия, только в черном плаще и с мечом в руках. Ичиро сразу узнал их — видел на фотографиях более чем столетней давности, когда дядя состоял в Гвардии Хаоса. У этого двойника было то же самое выражение лица, что и на тех изображениях — холодное и бесчувственное, с жестокими глазами убийцы. И это создавало непреодолимую пропасть между ним и оригиналом. Казалось, что это два совершенно разных человека.

— Знакомься, — представил свою копию Дженази, — это мой ментальный клон. Я сто семьдесят лет назад. И пока ты такой, каков есть сейчас, тебе его ни за что не победить. А победить придется, иначе ты проторчишь в этом месте вечность.

Дядя исчез, а его двойник остался. Ичиро приготовился к бою, вспоминая, что сто семьдесят лет назад Дженази нанес решающий удар в битве Гвардии Хаоса с Глашатаем — сильнейшим оружием Небесных Городов.

— Непобедимых нет, — прошептал он, вспоминая слова матери и сжимая кулаки. — Непобедимых нет.

Глава 14. Чудо

Сослуживцы Ивана Рыкова, кто искренне, а кто и с завистью, любили упоминать, что из ныне живущих мастеров мистических искусств, не принадлежащих к какому-либо Великому Дому, он является одним из сильнейших на Вердиро. Огромная физическая сила, которую не объясняет даже его могучее телосложение, и потрясающая живучесть агента служили очередным кирпичиком в сложившемся общественном мнении об жителях республики Славия, которых вечно представляли большими бородатыми великанами, любящими заложить за воротник, в клинических случаях — с балалайкой или гармонью в руках и верхом на медведях. И пусть Рыков не пил, не носил бороду и не прикасался к музыкальным инструментам (на самом деле он умел играть на аккордеоне, но сообщать никому об этом не собирался), его причислили к эталонным славам уже в первый месяц службы, когда он голыми руками скрутил занкилийского бронешцера, и ему приходилось прилагать массу усилий для того, чтобы не дать в лоб очередному любопытному индивидууму, совершенно серьезно спрашивающему, нет ли у Ивана ручного медведя. Нет, Рыков не стыдился своей родины и своего народа, и когда говорили, что он силен, потому что слав, ему было неловко по другой причине. Все было просто: отец — Алексей Рыков, военный хирург и преподаватель Волховского медицинского института, от которого Иван, к огромному сожалению родителя, унаследовал только внешность, а не склонность к врачеванию; мать — Лана Даркенвэй.

Сотрудников «Молота», которые знали о принадлежности Рыкова к Великому Дому, можно было пересчитать по пальцам одной руки.

Так получилось по двум причинам. Первая состояла в том, что других Даркенвэй в «Молоте» не было, остатки Великого Дома не горели желанием сотрудничать с Белгорро даже после того, как его предыдущий глава, Дан Даркенвэй, официально отказался от мести бывшему Гвардейцу. Вторая заключалась в нежелании самого Рыкова распространяться по этому поводу — родственники матери отказались от нее, так как она вышла замуж за отца вопреки запрету родителей.

Обо всем этом Иван вспомнил совсем некстати, оставшись наедине с тремя дронами «Рассвета». Остальных агентов «Молота» он отправил в центр Фламби, на помощь Валерии Лэйт, трезво рассудив, что здесь справится и сам. Здесь — это неподалеку от городской библиотеки, на небольшой площади со статуей основателя Фламби. Статуя еще не успела пострадать — в отличие от чьего-то неудачно припаркованного автомобиля, жизнерадостно догорающего после того, как в его топливный бак угодила лазерный луч одного из дронов.

Табельное оружие Рыкова было малопригодно для ведения боя с бронированным противником — калибр не тот, а в мистическом арсенале отсутствовали дистанционные атаки, но это и так ничего не значило — его специализацией был рукопашный бой. Конечно, его не обучали работе с холодным оружием в стиле дома Даркенвэй, но способности родичей по линии матери достались в полном объеме. Оставалось только приложить к ним стальные перчатки с наголенниками и продемонстрировать дронам Дакиэрро, какими разрушительными могут быть его удары.

С первым роботом все прошло удачно: стремительное сокращение дистанции — и усиленный кулак проделывает в броне внушительную дыру. Второй удар Рыкова сильно повредил голову дрона, а третий, уже ногой, снес ее с плеч, забросив, словно мяч, на крышу

одного из домов. Остальные не спешили стрелять, не желая зацепить первого противника Ивана, и поспешили к ним, также решив вступить в рукопашную.

Уворачиваясь от клинков дронов, Рыков нанес несколько сильных ударов, но большого урона не нанес, а когда в пылу схватки решил заблокировать удар стальной конечности, его левая рука тихим хрустом уведомила хозяина о закрытом переломе. Пинком отшвырнув от себя одного дрона и перекатом уйдя от второго, Иван поставил кости на место и запустил процесс самоисцеления. Перелом сросся почти сразу, но дистанция с врагом была разорвана и роботы смогли открыть огонь.

Немного побегав по площади под прицельным обстрелом из лазерных пушек и плазмометов, которые очень быстро изменили городской ландшафт не в лучшую сторону, Рыков снова подобрался к одному из дронов достаточно близко для того, чтобы оторвать руку с встроенным клинком и уже им отсечь противнику голову. Вот только он сделал это недостаточно быстро, и плазменный заряд дрона номер два прожег в его груди большую сквозную дыру.

Ранение не было смертельным: регенерация Даркенвэй могла восстановить сердце, легкие, ребра и позвоночник за счет внушительной мышечной массы Рыкова, но этот процесс не был мгновенным. И дрон не собирался дать ему на это время — подошел почти вплотную к упавшему агенту, чтобы сжечь голову. И Иван не был Тоттенгрибером или Ичири, чтобы выжить после такого.

Спасение пришло неожиданно и вовремя: четыре револьверных выстрела с механической точностью поразили стальное лицо дрона и он отвлекся, переключившись на нового противника.

Просперо — а это был он — стоял неподалеку с бледным и решительным видом, держа оружие обеими руками и прицеливаясь с еще большей тщательностью. Возможно, он хотел поразить «глаз» дрона, только этого Рыков уже не узнал: сгусток плазмы лишил инспектора Эспозито правой руки вместе с плечом, из обугленной раны торчали почерневшие кости.

Отчаянный рывок Ивана, которого в его состоянии слушались только руки, сбил дрона с ног, и он, дотянувшись до стального черепа, раздавил его с превеликим удовольствием. Робот судорожно подергался, искря оголенными контактами, и затих.

— Вы еще живы, товарищ Эспозито? — крикнул Рыков, все еще не способный встать на ноги.

Инспектор ничего не ответил, его изувеченное тело лежало на земле, совершенно неподвижное.

Меч Валерии прочертил стальную дугу и очередной дрон развалился на две части, так и не успев ничего сделать. Виктория и Ранмаро, словно две спущенные с поводка гончие, набросились на последнюю оставшуюся боевую машину Дакиэрро, но грозный оклик остановил их, и они, так и не успев показать себя в бою, были вынуждены подчиниться. Валерия поступила так не потому, что враг был опасен — в битве с дронами уже погиб один боец «Молота», у них на глазах. Просто этот, последний, не столь опасный, как остальные — настолько, что дети могли с ним справиться, был «кошкой». «Баламом».

Звероподобный дрон не собирался бежать от превосходящего численностью врага и своей целью выбрал ближайшего к себе, Ранмаро. Валерия мгновенно оказалась между ними

и ударила, только не мечом, а свободной рукой. «Кошку» отшвырнуло, на бронированном боку осталась небольшая вмятина. Женщина недовольно нахмурилась: пробить прочную шкуру робота оказалось не так просто.

«Но Винсента и Нола с этим справлялись,» — Валерия спрятала меч.

Череп дрона сдался только после четвертого удара, и она, совершив последнее усилие, вырвала из механического туловища смятую стальную коробку, вместе с длинным шлейфом из проводов, трубок и мелких элементов внутренней электронной начинки.

— Голыми руками! — восторженно прокомментировал увиденную картину Ранмаро. — Тетя, вы берсерк!

Виктория, в отличие от брата, такое поведение со стороны матери не одобрила, посчитав ребячеством, но ничего не сказала — Валерия читала дочь как открытую книгу

— Нужно найти остальных агентов Дакиэрро в городе, — один из уцелевших бойцов «Молота», бледный и довольно низкорослый парень с гетерохромией, напомнил, что это еще не конец. — «Стая» тоже здесь. И наш командир куда-то запропастился... Мы разделимся и займемся поисками, а вы лучше останьтесь с детьми.

— Вас всего трое, — возразила Валерия. — Мы поможем. К тому же Дженази и Белгорро неподалеку, опасность уже не столь велика. И нам тоже нужно найти кое-кого. Поступим так: разделимся на пары и прочешем город. Ранмаро будет со мной, Виктория пойдет с одним из вас.

Так и поступили.

Десять минут поиска дали свои результаты: были обнаружены все дроны (итого двадцать две единицы, включая уничтоженных Валерией и «Молотом»; статус: обезврежены), два члена «Стаи» (мертвы), Юрика (жива и требует для начала найти Ичиро), Дженази (жив и утверждает, что Ичиро спасение больше не требуется. Потому, что он жив, или потому, что мертв, объяснить не потрудился, что раздражало всех без исключения), инспектор Просперо Эспозито (скорее жив, чем мертв; без сознания), Иван Рыков (Юрика и сослуживцы не узнали его сразу из-за страшной худобы, а Валерия вспомнила, как подобное когда-то произошло с Даном, но вопросов задавать не стала) и некоторое количество пострадавших и погибших из числа горожан. Наличие последних заставляло Рыкова скрипеть зубами от ярости, но в радиусе десяти-пятнадцати километров не осталось ни одного объекта для возмездия. «Стая» и Ичиро испарились, словно и не было их, Тоттенгрибер сражался с Белгорро где-то очень далеко от города.

Вне себя от гнева была и Юрика, вот только она не знала, кто должен заплатить за то, что стало с инспектором Эспозито.

— Дядя... Можно ведь что-то сделать? Есть ведь такие люди, которые могут не только убивать, но и исцелять? Не только себя, но и других?

— Они — огромная редкость, — ответила за Дженази Валерия. — Но я слышала, что Кенсэй — твой дед — способен на это. Уверена, он выполнит просьбу своей внучки.

— Кенсэй далеко, а медицинскую помощь Просперо нужно оказать сейчас, — Рыков поднял инспектора с асфальта, словно маленького ребенка, и прислушался к нарастающему вою пожарных сирен и машин скорой помощи. Городские службы спасения уже приступили к выполнению своих обязанностей, но количество пострадавших был слишком велико, и сосредоточены они были в других районах Фламби. Дождаться машины, которая прибудет именно за Эспозито, можно очень долго.

— Отнесу его в больницу.

Агенты «Молота» поспешили к командиру, напоминая, что помощь требуется и ему самому. Все они были встревожены его ненормальным состоянием, битва с дронами далась Рыкову тяжело.

— Не нужно его никуда нести, — прозвучал голос Дженази. Эти слова дались ему нелегко, мало кто обратил внимание на напряженную внутреннюю борьбу этого человека, словно оказавшегося перед лицом непростого нравственного выбора.

— Простите?

— Опустите его, говорю. И отойдите все.

Рыков подчинился, и искалеченное тело Просперо вновь оказалось на асфальте. Все посторонились, еще ничего не понимая, и только лицо Валерии посерело, приобретя какое-то безумное выражение. Юрике на секунду показалось, что мать Виктории сейчас прокусит себе губу.

Дженази опустился перед инспектором на одно колено и простер над ним руки. В наступившей тишине поначалу ничего не происходило, а потом присутствующие кожей ощутили, как дрожит, наэлектризованный, воздух. Юрика вскрикнула, когда у нее поднялись дыбом волосы и она машинально пригладила их рукой, получив по пальцам трескучим разрядом статического электричества. Крохотные синие молнии засверкали и вокруг остальных.

— Я же попросил отойти...

Яркий белый, но совсем не слепящий свет окружил инспектора Эспозито, соткавшись в плотный непроницаемый кокон, который сначала звенел на сверхвысоких частотах, а потом уже гудел на сверхнизких, выводя из и без того шаткого эмоционального равновесия всех окружающих. Порой звук причинял физическую боль, приступ паники едва не заставил самых нестойких убежать прочь.

Наконец все закончилось. Странный свет и звук исчезли, Дженази поднялся, оставив Просперо лежать в той же позе. Но когда Юрика подошла ближе, единственная решившаяся на подобный шаг, то увидела не грузного коренастого мужчину, переступившего сорокалетний рубеж, а паренька лет двадцати, для которого теперь были слишком велики плащ и светло-серый костюм инспектора. И, разумеется, рука у него была на месте.

— Здорово... Дядя, у меня в приюте подруга осталась, Мария, так она в аварии ногу потеряла. Давно, правда, но тебе ведь все равно, когда это случилось, да?

— Посмотрим, что можно будет сделать, — устало улыбнулся Дженази. — Валерия, ты не против, если мы отнесем инспектора в твой дом?

— Нет, конечно, — Валерия ответила бледной улыбкой. — Но в городе еще много раненых. Не хочешь помочь и им?

— Разве я похож на человека, который станет помогать всем подряд?

— Нет, вовсе нет.

— Я не могу, — произнес Дженази уже другим тоном. Голосом бесконечно уставшего человека.

Наступила неловкая тишина, никто не решался посмотреть на застывших друг напротив друга Дженази и Валерии. Первый был мрачен, глаза второй — пустыми.

— Мы... займемся поисками Ичиро, — Рыков, все еще находясь под впечатлением от увиденной картины исцеления, напомнил своей группе о прямых обязанностях «Молота».

Когда они ушли, Виктория помогла Ранмаро поднять инспектора с асфальта и водрузить бессознательного ему на спину.

— Ну что, домой? — нарочито бодро спросил парень, и не дожидаясь ответа, первым зашагал в нужную сторону.

Уже когда они покинули площадь и двигались по одной из многочисленных, и так похожих друг на друга улиц Фламби, Юрика решила задать вопрос идущему позади дяде:

— Что с ней так?

Валерия, которой этот вопрос и касался, ушла далеко вперед и не оборачивалась, компанию Ранмаро сейчас составляла только Виктория.

— Это из-за того, что я сейчас сделал.

— Вылечил инспектора? И что в этом плохого?

— Способность исцелять крайне редка, и раньше я ей не обладал.

— И? Ну научился теперь, что не так-то?

Дженази почти решил прямо ответить на этот вопрос, но в последний момент передумал и почти отмахнулся от племянницы, произнеся:

— Все так. Валерия злится из-за того, что я отказался помогать пострадавшим в городе.

— Врешь ведь, — открыто заявила девушка, но быстро сникла под строгим и донельзя злым взглядом. — Спросил бы лучше, как я из тех снегов выбралась. Чуть не умерла, между прочим. И почему ты не хочешь помочь остальным раненым?

Обиженная, Юрика решила не рассказывать дяде о странном подарке огромного черного медведя.

— Помнишь, я говорил тебе о железных шестеренках, перемалывающих случайных невиновных людей?

— Помню. А причем здесь это?

Дженази ничего не ответил.

Ближе к шести вечера в дом Валерии пришел Рыков. Один. Юрика приветствовала его уже как старого знакомого, сообщила, что с инспектором все в порядке, и только после этого спросила, есть ли новости об Ичиро. Иван, вынужденный находиться в обществе наглой малолетки до тех пор, пока Ранмаро звал вниз Дженази и Валерию, нехотя ответил, что «Стая» определенно унесла его далеко от Фламби, и «Молоту» придется приложить все силы для того, чтобы найти их на бескрайних просторах Федерации.

— По крайней мере, мы знаем, что Ичиро сейчас совершенно беспомощен, а значит, «Стае» придется возвращаться на Судо традиционными способами. Или ждать, пока он придет в себя.

Но Юрике были мало интересны проблемы загадочной организации Рыкова — самое главное она уже узнала.

«Жив,» — она приняла этот факт с мрачным облегчением.

А через полчаса пришел сам Ранфарг Белгорро. Полуголый, с обернутой вокруг бедер простыней, которая запросто могла сушиться на бельевой веревке в чье-нибудь дворе, он ввалился в холл, едва не сорвав дверь с петель, и громко позвал Дженази, который как раз поднялся с Рыковым к инспектору. Юрика, наблюдая лично с такого близкого расстояния столь влиятельную фигуру, слишком поздно сделала вид, что ей вообще-то все равно, и теперь мучительно размышляла над тем, слишком ли глупо со стороны выглядела ее отвисшая челюсть.

— А ты кто? — вопрос Ранфарга застал девушку врасплох.

— Ю... Юрика. Дочь... То есть, племянница моего дяди!

— Ясно, — Ранфарг с важным видом прошел в центр холла и стал лицом к лестнице, скрестив руки на груди.

Виктория была за дверью в одной из боковых комнат, так что все слышала, и выйдя к высокому гостю, уточнила:

— Дядю зовут Дженази. Она дочь Ришари.

Белгорро, который после бессвязного ответа Юрики откровенно растерялся и просто сказал первое, что показалось уместным, тут же ухватился за новую информацию и поспешил восстановить пошатнувшиеся позиции:

— То есть, твоя тетя?

Самолюбие Виктории столкнулось с очевидным фактом, и после продолжительной борьбы между эмоциями и трезвой рассудительностью она ответила, скрывая недовольство, но так, чтобы нельзя было не понять, что вообще-то эту тему в ее присутствии лучше не поднимать:

— Да.

— Забавно, ты ведь старше ее, — Белгорро был беспощаден. — На два года?

— Три. Вы к нам, кстати, целый год не заглядывали. Да и сегодня, я так понимаю, только по делу. Дядя и мама сейчас спустятся.

— Вообще Дженази твой дед, если не ошибаюсь.

Виктория выдержала и это, только бросила убийственный взгляд в сторону откровенно веселящейся Юрики.

— Ошибаетесь.

— Но ведь... А вот и он!

Появление Дженази разрядило ситуацию, Белгорро поспешил заключить старого друга в объятия, рыча что-то дружелюбно-неразборчивое.

— С каких пор ты так рад меня видеть? — спросил тот чуть слышно.

— Тебе не все равно?

— Да нет... Просто неловко как-то. Неплохо смотришься в этой... простыне. И да, я слышал взрыв. Спасибо за помощь с Раббеном.

— Это моя земля, так что я делал то, что должен был. Но ублюдок задел меня. Понадобится твоя помощь.

— Даже так? — удивился Дженази, не заметив на теле Белгорро ничего, похожего на рану. — Юрика, Виктория, мне и моему старому другу нужно поговорить с глазу на глаз.

Последние слова были произнесены достаточно громко, и Юрика, которая не услышала даже обрывка из короткого диалога, сразу приуныла.

— Я передам маме, — ответила Виктория и Гвардейцы покинули холл, скрывшись в одном из коридоров первого этажа.

— Интересно, а почему он почти голый? — тихо спросила у нее Юрика.

— Когда господин Ранфарг злится, на нем горит одежда.

— Это странно.

— Да, об этом не пишут в газетах.

Глава 15. Еще немного о физиологии ярмиров

18:10, 19 июля 1014 года, пятница, Империя Дакиэрро, Бифрост.

Сигурд наблюдал за битвой Раббена и Белгорро до тех пор, пока ядерный гриб не скрыл поле боя от телекамер космической станции, орбита которой была скорректирована еще вчера. Такой исход император Дакиэрро предвидел уже тогда, когда ярмир с Тоттенгрибером подмышкой отправился в безлюдную местность, равноудаленную от любого населенного пункта минимум километров на пятьдесят, и двести пятьдесят конкретно от Фламби.

Новая способность Белгорро, которую он впервые продемонстрировал лет тридцать назад, во время Занки-Аларского конфликта, впечатляла не столь сильно, как его мистическая связь с веществом верхней мантии планеты, но использовать ее он мог не только в районе разломов земной коры, да и времени для активации она требовала на пару порядков меньше. По сути, она являлась логичным завершением его способности выделять тепло, и оставался только вопрос, каким образом можно нагреть вещество до нескольких миллионов градусов, не превращая его в плазму. Белгорро как-то удавалось. Или же он способен возвращаться из плазменного состояния в твердое агрегатное. О последней возможности Сигурд старался не думать.

Когда Раббен, успев умереть несколько десятков раз, смог наконец достать ярмира черным лезвием своей косы, тот вконец расвирепел и сломал мистическое оружие. Высокое разрешение камеры позволило рассмотреть этот процесс во всех деталях, и император Дакиэрро обратил особое внимание на то, что половина лезвия на какое-то мгновение застряла в плече Белгорро, и он вытащил его, прилагая некоторое усилие.

«Может ли быть, что Мара Раббена разрубила его кость?» — предположение было невероятным, и в том случае, если было верным, значило очень многое. А потом Белгорро «взорвался», обратив в ничто все в радиусе километра. Тоттенгрибер, находясь в эпицентре, просто испарился, и к тому же потерял возможность восстановить свое тело в данном месте ввиду неприемлемых условий для жизни. Подобное уже случалось, и где в таких случаях Раббен возрождался, не знал никто.

«Августо?» — Сигурд отправил запрос помощнику, но ответа не было. И это встревожило его куда больше, чем поражение Раббена и потеря всех дронов в Фламби, ведь пока над поверхностью планеты кружили спутники, они могли связаться, находясь в любой ее точке.

— Ты же не можешь умереть! — Сигурд почти кричал, и огромных усилий потребовалось для того, чтобы сдерживать себя в руках. Последовавшие далее полтора часа полного неведения стали, возможно, одним из худших испытаний в его долгой жизни. Потеря Августо была невозможной.

«У меня хорошие новости,» — ответ, неожиданный несмотря на трепещущую внутри надежду, словно вынул из Сигурда внутренний стержень, но он быстро взял себя в руки.

«Жив?»

«Да. Конечно, у меня с этим все же возникли определенные трудности, но в данный момент моей жизни ничего не угрожает».

«Где ты сейчас и что за хорошие новости?»

«Через полчаса буду у тебя. Белгорро ознакомился с представленной ему информацией, так что нам остается только ждать, когда его сила обратится против Дженази. Он не сможет игнорировать его потенциальную угрозу».

«Ты уверен? Он превратил Раббена в облачко плазмы».

«Уверен. Нам просто нужно запастись терпением. А Раббену в любом случае все равно».

Августо прибыл, как и обещал, через тридцать минут, и игнорировал все вопросы о том, почему так долго не выходил на связь и когда успел вернуться. Еще через два часа о себе дал знать Раббен, связавшись с императором через терминал в центральной части Дакиэрро. Сигурд сразу отдал дронам приказ тщательно исследовать регион, хотя что именно они должны искать, понятия не имел.

Когда через час все трое собрались в одном из многочисленных конференц-залов Бифроста, Сигурд наконец смог задать беспокоящий его вопрос:

— Раббен, ты узнал хоть что-то в бою с Дженази?

— Мне помешал Белгорро, — ответил Тоттенгрибер, но поняв по взгляду императора, что он ожидает услышать больше, продолжил:

— Он не использовал меч и мистические способности. Учитывая, что я не смог справиться с ним даже так, могу предположить, что он теперь сильнее, чем раньше. И я не узнал, можно ли ранить его Марой. Хотя теперь уже нет никакой разницы, она сломана.

Сигурд не стал поднимать тему отказа Раббена объяснять, откуда у него такое мощное оружие. Черная коса резала все, что угодно, словно аккумулировала в себя энергию десятка представителей Великого Дома Коккинавье.

Он был даже рад тому, что она сломана.

— Кстати, по поводу того, как она сломалась... Можешь показать обломки?

Раббен только пожал плечами в ответ и извлек из пустоты остатки черной косы. Сигурд взял ту часть лезвия, которая застряла в плече Белгорро, и сразу увидел крупный скол. Так как кроме него не было видно больше ни единой щербинки, им был сделан вывод, что кусок черной стали мог остаться внутри тела Белгорро.

«А конкретно, застрял в кости,» — подумал Сигурд, и передал обломок Августо.

— Это необходимо тщательно изучить. Возможно, Мара смогла ранить Белгорро глубже, чем мы могли бы предположить.

— Я займусь этим. И если ты правда надеешься, что мы приблизились к ответу на вопрос, как можно убить Белгорро, я могу поднять архивы секретных разработок Фридриха — он искал оружие против него с момента его вступления в Гвардию.

— Я ничего об этом не знал, — нахмурился Сигурд.

— А зачем? Все равно ничего толкового создано не было, — что-то в голосе Августо заставило Императора Дакиэрро усомниться в словах своей правой руки. Он никогда и никому не доверял настолько, чтобы позволить себе принимать на веру слова, не подтвержденные твердыми проверенными фактами.

— Посмотрим, что у нас получится теперь. Если бы только у нас был доступ к технологиям Эрлика... — Сигурд в очередной раз со злостью и негодованием вспомнил об уцелевшей колонии старой цивилизации Чи-Зо на соседней планете — безжизненном

ледяном шарике, сияющем в ночном небе яркой белой звездой. Две тысячи лет они держат Эдем-Тейзою в полной изоляции, не позволяя разведывательным зондам и космическим кораблям достичь орбит внешних планет. Они сохранили все технологии великой межзвездной цивилизации прошлого, из-за чего невозможно установить связь с соседними звездными системами и выяснить, остался ли еще кто-то, кроме них. Две тысячи лет эрликийцы хранят молчание и не объясняют своих мотивов, и Сигурд поклялся сам себе и всей Вселенной, что придет день, когда надменные бледнокожие кровососы будут призваны к ответу.

Император Дакиэрро вспомнил, что уже неделю не навещал своего пленника с соседней планеты, и решил, что самое время принести ему свои извинения за свое долгое отсутствие.

18:30, 19 июля 1014 года, пятница. Федерация Верди́ро, республика Талли, Фламби, резиденция Великого Дома Лэйт.

Белгорро стоило больших усилий сдержатъ удивленный возглас, когда пальцы Дженази пронзили его обсидиановые мышцы на левой руке чуть ниже плечевого сустава и раздвинули неорганическую плоть в стороны, обнажая прозрачную, на первый взгляд стеклянную кость. Такого таланта за ним ярмир раньше не замечал, как и того рассеянного спокойствия, с которым гата проделал эту операцию.

— Ну что, нашел? — спросил он нетерпеливо.

— Да, — ответил Дженази. — Сейчас попробую вытащить.

Его брови удивленно поползли вверх, когда осколок косы Раббена не поддавался с первого раза, а когда он попытался во второй, Белгорро показалось, что ему сейчас оторвет руку.

— Засел намертво, — вынес свой вердикт Дженази.

— Только не говори, что мне теперь придется с ним всю жизнь ходить, — возмутился ярмир. — Из-за него я не могу нормально рукой пошевелить.

— Это только так кажется. Ты привыкнешь.

— Ты что, уже сдался? Дженази, я тебя не узнаю...

— Этот осколок уже стал частью тебя, — ответил гата, разводя руками. — Твоя кость попыталась срастись сразу после ранения и металл зажало, словно в тисках. А если бы я мог ломать твои кости, то был бы сильнейшим в Гвардии.

— Что, правда не можешь? — не поверил Белгорро. — Даже теперь?

Рана, оставленная на его плече пальцами Дженази, затянулась, и ярмир проверил, свободно ли двигается рука. Неприятное ощущение от присутствия внутри чужеродного тела осталось, и он недовольно хмурился.

— Можем попробовать еще раз, когда я буду в лучшей форме.

— И когда же это будет?

— Никогда, надеюсь. Кстати, что за странные слухи о том, что ты планируешь войну с Судо?

— Это просто слухи, — поспешил с ответом Белгорро.

— Газетчики считают иначе. Кое-кто даже утверждает, что ты стараешься разжечь конфликт до той черты, после которой в воздухе засвистят бомбы.

— Если бы я действительно хотел войны, то не стал бы дожидаться создания ядерного оружия. Просто мне нужно было подчеркнуть готовность Федерации применить новую

дубинку. Может, после этого там, на Юге, хоть немного одумаются. Представляешь, «Стая» пару лет назад едва не совершила вооруженный переворот сразу в трех южных республиках! Ришари спонсирует массу криминальных организаций на моей территории, терроризм и наркоторговля скоро станут бедствием национальных масштабов.

— Мне кажется, ты преувеличиваешь, — возразил Дженази. — Твоя Федерация, на мой взгляд, вполне благополучное государство.

— Ты не был на юге, — Белгорро заскрежетал зубами. — Там она запустила свои когти еще и в политическую оппозицию. Если бы «Молот» не устранял вовремя особенно глупых перебежчиков, могла бы произойти гражданская война. Иногда я подумываю о том, чтобы установить в стране диктатуру. Свою.

— Ты уверен, что это все приказы Ришари?

— А кто еще? — возмутился Белгорро. — Ее власть над Судом безгранична.

— Абсолютная власть не равно всеведение, — покачал головой Дженази. — Ей никогда не была интересна политика, и она особо не вникала в тонкости экономических и политических процессов. Уверен, она просто назначила на ключевые посты тех, в чьих способностях более-менее уверена, и предоставила им полную свободу действий. А так как среди подобных известных ей личностей полно Столсангов и Сатронгов, могу предположить, что тот же Крэйн уже давно ведет свою игру. Если еще жив, конечно же.

— Жив, — мрачно подтвердил Белгорро. — Играет роль верного пса Богини Юга. Знаешь, до меня давно доходят слухи, что Ришари самоустранилась от управления Судом, но я им не верю. Просто не верю. Ты понятия не имеешь, какой она стала.

— Может быть, — со вздохом ответил Дженази. — Ты вот тоже изменился. Что на тебя нашло?

— На меня? — удивился Белгорро. — Ничего на меня не нашло, я всегда был таким. Просто Фридрих заставил меня забыть об этом своими подлыми манипуляциями. Мне две тысячи лет, Дженази. Как ты думаешь, чем я занимался до того, как пойти у него на поводу?

Ответом ему было изумленное молчание.

— Я был так называемым духом-хранителем Эбреи.

— Стеклопустыни в Дакиэрро? — уточнил Дженази.

— Она стала такой после атомной бомбардировки княжества Великим Домом Бронзлеван. Я никому не рассказывал эту историю. У каждого из нас были веские причины вступить в Гвардию.

Дженази покачал головой.

— И теперь, после всего, что было в прошлом, ты запугиваешь атомной войной несчастных по ту сторону океана.

— А что еще мне делать? Дженази, Гвардии Хаоса больше нет, и мы теперь стоим друг другу руками людей, большая часть которых никогда не видела нас в живую, не то что в бою. И это хорошо. Это правильно. Зачем им знать, что я могу уничтожить половину Суда без применения технических средств? Это вернет человечество на полторы сотни лет назад, когда мы еще были Гвардией. В эру страха и ужаса. Лично я не хочу этого.

— Ты прав, перспектива неприятная, — не мог не согласиться Дженази. — Тогда люди не могли заснуть, зная, что ты или Глория находитесь на том же континенте, что и они.

— К слову о Глории... Когда она узнает, что ты вернулся, то найдет тебя и потребует голову Ришари. Или попытается заполучить твою. Данная перспектива меня не радует.

Догадываешься, почему?

— Я постараюсь покинуть Верди́ро до того, как это случится, — с серьезным видом заявил Дженази.

Глава 16. Осколки памяти и эрликийский сорняк

20:15, 19 июля 1014 года, пятница. Федерация Верди́ро, республика Талли, Фламби, резиденция Великого Дома Лэйт.

Когда хозяйева и гости дома семьи Лэйт собрались в одном зале за вечерним чаепитием, Юрики хватило всего на полчаса. Ранфарг Белгорро и Ранмаро как могли поддерживали беседу, делясь историями и сыпя шутками, но на фоне безрадостного настроения остальных все это выглядело несколько неестественно. Дженази сидел в своем кресле, уставившись в одну точку, и ни на что не реагировал; Рыков был страшно рассеян, отвечал на фразы Ранфарга и Ранмаро невпопад или с запозданием — его реакция на вопрос о том, как именно он попал под выстрел дрона, наступила только через пять минут, когда все об этом уже успели забыть; Виктория сидела мрачнее тучи; темную ауру безмолвствующей Валерии, казалось, можно было потрогать руками.

Когда племянница Дженази поняла, что никто не собирается искать способ развеять создавшуюся атмосферу, то вежливо, как могла, извинилась и сказала, что идет спать.

Едва закрыв за собой дверь спальни, Юрика ощутила страшную тяжесть, опустившуюся на плечи, насыщенный событиями день дал о себе знать. Раздеваясь на ходу, она доковыляла до кровати и рухнула на нее, готовая провалиться в спасительный сон. Вот только ни сразу, ни через пять, ни через десять минут это не произошло. Тело отказывалось двигаться, а вот мозг продолжал взбудоражено работать, неспособный освободиться от слишком ярких впечатлений. Самым сильным был образ огромной красной рыси с зелеными глазами, Юрика нет-нет, а вспоминала царивший в лесу черных деревьев холод, на фоне которого столь запоминающимся был жар, исходивший от тела зверя. И именно память об этом тепле помогла девушке провести мысленную нить к медведю-великану, его мягкой шерсти, на которой ей так удачно пришлось прокатиться.

— Дан Даркенвэй, — вспомнила она его имя и снова испытала то странное чувство, которое пережила, когда порожденный медвежьим дыханием клочок белого тумана растворился в ее руках.

Внезапно темная комната озарилась тусклым светом, и подняв голову в поисках его источника, Юрика с некоторым удивлением обнаружила, что им являются ее руки. С некоторым замешательством она свела их вместе, ковшиком — как тогда, в лесу, и в ее ладонях вновь возник странный подарок Дана. Стараясь рассмотреть бесформенное светящееся нечто получше, девушка приблизила ладони к глазам, и через пару секунд смогла увидеть, что в недрах облачка мелькают, перетекают из одного в другое образы, символы, размытые фигуры. Еще через несколько секунд они стали более четкими, вещественными, налились красками; когда именно исчезла грань между реальностью и тем, что показывал ей подарок Дана, Юрика не заметила.

13:35, 23 апреля 889 года. Судо, республика Андагиз, Калашасское нагорье.

Громогласный рев примитивного танка вкупе с вонючими выхлопами не располагали на добродушный лад, но Кайласу Даркенвэй, похоже, было все равно. Сидевший рядом на самоходной броне Дан мог только брать с отца пример, и чтобы хоть как-то отвлечься от всего этого дискомфорта, извлек меч из футляра и стал придирчиво проверять его лезвие

на предмет малейших щербинок, царапин или просто пятнышек. Так ничего и не обнаружив (что было совсем неудивительно — этот меч он получил всего неделю назад, на свое шестнадцатилетие), Дан все равно принялся за его полировку, впервые за все время его обладания порадовавшись габаритам клинка. Полтораметровая стальная полоса была шириной в локоть и с него же толщиной, весила соответственно, и уход за ее состоянием времени требовал не мало. И нужно ли говорить, что человеку, не принадлежащему к Великим Домам, понадобятся годы тяжелых тренировок, чтобы просто поднять его за рукоять; о самом ударе не могло быть и речи.

Короткие взгляды, направленные на других членов Дома Даркенвэй и воинов их Вассальных Домов, находившихся на броне машин, ехавших позади и впереди, дали понять, что они занимаются тем же самым. Никто не был в восторге от приказа сопроводить танковую колонну Андагизской республики, предназначенной для того, чтобы закрыть дыру на Восточном фронте — слишком уж хорошо воевал нвелот Чинкуэда из народа шурави, ручной пс Гвардии Хаоса. Разумеется, дело это было важным и нужным. Вот только не для тех, кто привык к войне в небе, оружием, превращающим в пыль целые города.

Дан еще раз посмотрел на атомный гранатомет своего дяди Аркуса и с усмешкой подумал о несоответствии огневой силы наземных танков нвелотов и той мощи, которую Небесные Города выделили для их защиты. Два-три выстрела — и две сотни боевых машин превратятся в груды бесполезного и раскаленного металла. Правда, применять это оружие против армии Чинкуэды было запрещено, и выделили его отряду Даркенвэй только на случай встречи с Гвардией. Крайне глупый приказ по мнению Дана, особенно после потери Вердиго и гибели восьми цитаделей над Судо. Самое время всерьез принимать любого, даже самого ничтожного противника. Только никто наверху не хочет посмотреть правде в глаза и признать, что после гибели Глашатая все, что могут Небесные Города — это защищаться. Они верят в альянс, возглавляемый Валерианом Лэйт, забывая, что он последний из своего Дома, способный держать оружие; гражданская война, охватившая все страны Судо, вот-вот выйдет из-под контроля. Слишком долго войны на поверхности планеты служили небесной цивилизации всего-лишь развлечением, исход которых никаким образом на нее не повлияет. Там, наверху, все еще не могли понять, что пришло время направить оружие против «мартышек»-нвелотов — примитивных дикарей, чьи технологии не шагнули дальше двигателей внутреннего сгорания и ламповых радиоприемников.

«Мартышек» возглавили «демоны». Звери Хаоса.

На горизонте показалась бурая полоска невысоких скалистых холмов, а чуть погода — и темная нитка ущелья, по которому колонне придется проехать, чтобы выйти на обозначенную позицию. Десять километров по узкой извилистой дороге, между отвесных каменных стен. Эта местность словно самой природой создана для удачной засады: там очень просто организовать оползень, который или закроет дорогу, или рассечет колонну надвое, или перекроет ей путь к отступлению. Или все вместе — под ураганный огонь стрелков, занявших удобные позиции наверху. Успокаивало только то, что на другой стороне гряды их ждут республиканские войска, которые должны предотвратить подобное развитие событий. Ну а если они уже разбиты... Великий Дом Даркенвэй готов и к такому.

Дан, который и так всю дорогу не мог расслабиться, ощутил, как внутри все натягивается, как струна, когда голова колонны приблизилась к ущелью на расстояние выстрела. С этого момента враг может поджидать их где угодно, любой камень становится укрытием для снайпера, любая кочка на дороге может оказаться

противотанковой миной. И почему-то нет сомнений в том, что засада уже организована в том месте, с которого виден выход из коварного скалистого горлышка.

Хуже всего было то, что им не могли оказать поддержку с воздуха. После воздушной бойни над Кресланом было принято решение использовать авиацию только для обороны Небесных Городов. Приспешники Гвардии Хаоса как мухи на мед слетаются на любую летающую машину, удалившуюся от своей цитадели дальше пятисот километров. В относительной безопасности себя могли чувствовать только экипажи корветов и авиатехники побольше — штурмовать их могут только сами Гвардейцы и Кандидаты. К тому же, нельзя забывать про авиацию предателей.

Проблему могла бы решить передача лояльным наземникам-нвелотам технологий вертолетостроения и реактивных двигателей — на винтовых самолетах много не навоюешь. Вот только сама мысль о том, что примитивные дикари получают что-то серьезнее ствольной артиллерии, вызвала отторжение даже у самого Дана. А ведь другие Великие Дома считают Даркенвэй — его Великий Дом, а значит, и его самого — защитниками и покровителями жителей поверхности. Лояльное отношение Даркенвэй к народам, находящимся на куда более низкой ступени эволюции, не раз становилось причиной конфликтов с другими Великими Домами. Их правда — правда родственников Дана — заключалась в том, что нвелоты были просто лишены возможности достичь уровня развития фелкамелов по едва ли не религиозным причинам. Две тысячи лет назад старый мир, истинный Эдем, был уничтожен, и человечество разделилось на две неравные части — тех, кто пережил катастрофу на поверхности планеты, и тех, кто переждал ее на орбитальных городах-станциях. Первые были отброшены в состояние дикости и варварства, а вторые в ужасе пытались понять, как сохранить в неприкосновенности привычное благополучие и беззаботный образ жизни. Решение оказалось простым...

Взрыв прогремел, когда передней машине оставалось до входа в ущелья каких-то пятьдесят метров. Танк подбросило в воздух и он, вращаясь вокруг своей оси, упал в центре колонны, придавив еще один вместе с сидевшими на нем солдатами.

«Это был не звук разорвавшегося снаряда, — подумал Дан, вскакивая. — И нет ни дыма, ни огня».

Кайлас Даркенвэй отдал короткий приказ, и все воины Дома бросились вперед, чтобы расправиться с самонадеянным противником. Неизвестные пренебрегли засадой и решили сражаться в чистом поле — против полусотни танков и целого отряда лучших воинов Неба.

Еще один танк взлетел в воздух, но только в сторону, никого не задев. Потом прогремел уже настоящий взрыв и третья машина превратилась в пылающую гряду металла.

«Это не артобстрел и не мины».

Первые Даркенвэй, стремясь прикрыть беспомощных солдат, добрались до передних машин. Еще пара мгновений, и Дан с отцом присоединятся к ним вместе с остальными воинами.

Багровое пламя столбом взвилось к облакам, волна жара и воздуха, сжатого до плотности бетонной стены, расшвыряла бронетехнику и солдат. Когда к Дану вернулось зрение и способность обрабатывать, он понял, что чудовищный взрыв разом уничтожил четверть колонны, еще столько же потеряли боеспособность. О солдатах, сидевших на броне, даже речи не шло — выжили только Даркенвэй, которые не успели подойти к голове

колонны. Их всех смело ударной волной, и только феноменальная прочность тела и регенерация спасли их от участи, постигшей остальных.

— Это Гвардеец, — прохрипел Кайлас, поднимаясь. — Белгорро.

После слов отца Дан наконец увидел врага — высокого массивного человека, который словно вышел из горна огненного бога-кузнеца. Казалось, он был из раскаленного металла, земля горела под его ногами, а камни плавилась, словно воск.

В тот момент, когда Белгорро ударил, погибло пятеро Даркенвэй — его двоюродных, троюродных братьев, дядей и племянников. Но Дан не ощущал ни боли, ни горечи. Он не чувствовал вообще ничего и только бессильно наблюдал, как один за другим сгорают танки, когда Гвардеец опускает на них свои кулаки.

С запозданием, но те, кто еще мог сражаться, открыли огонь. Воздух рассекли автоматные и пулеметные очереди, четырежды прогремели орудийные залпы, а уцелевшие Даркенвэй рассыпались и заключили врага в широкое кольцо, расстреливая его из всего, что было под рукой. Никто не собирался вступать в ближний бой, самые меткие не оставляли надежду попасть Белгорро по глазам — кожа его, казалось, была непробиваемой.

Через несколько минут, когда от танков республики осталась лишь пятая часть и погибло еще трое воинов Дома, Дан получил от Аркуса Даркенвэй приказ к немедленному отступлению. Начав движение, он понял, что тоже самое было приказано почти половине уцелевших, в число которых входили самые молодые бойцы. Самые опытные, напротив, отбросили огнестрельное оружие и перешли в ближний бой, используя против врага мечи, молоты, секиры и копья. Сам же Аркус не стал присоединяться к первым или вторым. Он готовил свой гранатомет.

Лучшие воины Дома решили пожертвовать собой, чтобы вместе с Гвардейцем погибнуть в огне атомного взрыва. А если младшие смогут отойти хотя бы метров на пятьсот, то из той обугленной массы, что от них останется, появится шанс регенерировать.

Увы, но план так и не был приведен к исполнению, потому что Гвардеец, раскусив замысел, метким броском булыжника снес Аркусу голову, а потом наступил на его оружие, корезжа ствол. Белгорро был слишком быстр и слишком силен, Даркенвэй гибли один за другим. Прозвучал еще один приказ к отступлению, и ему подчинились почти все — кроме самого Дана и еще двух его троюродных братьев. Ноги словно приросли к земле, гордость не давала покинуть поле боя, даже безнадежного, а страх — вступить в него сломя голову.

Только когда огненный кулак Белгорро пронзил грудь Кайласа, иссушая и превращая в пепел его тело, Дан очнулся и с ревом бросился на врага, размахивая огромным мечом.

Массивный клинок опустился на широкое предплечье, лишь слегка оцарапав раскаленную кожу, а потом Белгорро резким взмахом выбил оружие Дана у него из рук. А в следующий момент раскаленная ладонь опустилась на голову парня, дробя челюсть и сбивая с ног. От чудовищного жара в один сползла кожа и обуглились мышцы.

Лежа на земле, Дан уцелевшим глазом видел, как погибли следовавшие за ним братья. Белгорро уже направился к нему, чтобы добить, но остановился, не пройдя и половины пути. Осмотрелся по сторонам, прислушался. Никто больше не стрелял, солдаты бросили свои машины и последовали за бежавшими Даркенвэй. Сражение, а по факту, истребление, было завершено.

Осознав это, Гвардеец, не удостоив последнего из противников и взглядом, покинул поле боя.

Дан кричал ему вслед что-то бессмысленное и полубезумное, но когда подобрал свой меч, Белгорро уже исчез.

А через двенадцать часов из ущелья вышли первые отряды наступающей армии Чинкуэды. Война за южный континент продолжалась.

21:45, 19 июля 1014 года, пятница. Империя Дакиэрро, Бифрост.

Стальная плита полуметровой толщины мягко и бесшумно отъехала в сторону, стоило только императору Дакиэрро стать на панель биометрического сканера и отдать приказ открыть камеру. Никто кроме него не имел доступа в этот сектор самого нижнего уровня подземной части Бифроста, уходящей на глубину двух километров. От этого колоссального основания самого грандиозного сооружения Эдема-Тейзои во все стороны на многие километры уходили сотни тоннелей, ведущих к подземным фабрикам и заводам, складам и узлам управления, у которых была только одна задача — поддерживать работу орбитального лифта, обеспечивающего быстрое строительство самого большого космического корабля этой эпохи.

«Ринн».

Рукотворный гигант на геостационарной орбите висел прямо над верхней частью Бифроста словно огромный серебряный плод. Сигурду стоило бы назвать орбитальный лифт Игдрассилем, но его вершина венчалась станцией, которая на относительном удалении виднелась едва заметным утолщением. Ничего общего с мировым ясенем, соединяющим миры в мифологии безымянного народа из неведомых пространства и времени.

«Ринн» был лишь первым шагом. Двадцатикилометровый автономный комплекс по добыче и переработке ресурсов солнечной системы, способный собрать что-угодно — от бритвенного станка до своего брата-близнеца. С ним станет возможным восстановление «Магеллана», ожидающего своего часа на обратной стороне Луны — корабля, способного вместить миллионы людей и отправиться к звездам. И, наконец, будет создан «Прометей», который не удалось завершить даже в эпоху расцвета цивилизации Чи-Зо. Станция, которая позволит человечеству использовать бесконечную энергию Солнца.

И тогда эрлийцы и ярмиры станут пылью под его ногами.

Сигурд встряхнул головой.

«Под ногами человечества. Фелкамелов и нвелотов. Гемини, яо и цвенгов. Шурави и арга. Готов, славов, рома и многих других. Мы все займем должное нам место под звездами».

Император шагнул в открывшийся проем высотой в полтора человеческих роста. Еще пятьдесят метров стерильного коридора, освещенного мягким белым светом люминесцентных панелей, и пять стальных дверей.

И вот наконец открылась последняя дверь, и Сигурд вошел в большой зал в виде полусферы, в центре которой, в полуметре над полом, висел человек. Его подвесили на канатах из углеволокна, настолько прочных, что с их помощью можно буксировать авианосец, а для того, чтобы исключить возможность пленника вырваться из сковывающих его браслетов, запястья дополнительно насквозь пробили металлическими прутьями.

Аналогичную операцию провели и с ногами — канаты надежно притягивали их к полу.

Император приблизился к пленнику, остановившись от него в паре шагов. Внимательно рассмотрел его, изучая не предмет перемен со дня своего последнего визита. Человек перед ним был почти двух метров ростом, очень худой, с удлинёнными шеей и конечностями, приспособленными для более слабой, чем на Эдеме, гравитацией. Тело было почти лишено пигментации — мраморно-белая кожа, белоснежно-белые волосы, которые отрасли настолько, что водопадом падали на гладкий пол. Туго обтянутые тонкой кожей ребра не поднимались и не опускались — пленник не дышал.

Сигурд со смесью страха и удовлетворения отметил, что за последний месяц тело пленника потеряло только считанные граммы массы. Для того, чтобы превратиться в обтянутый кожей скелет, ему понадобилось больше семидесяти лет. Да, он не дышал, его сердце не билось. Но он был жив.

— Я знаю, что ты не спишь, Сорняк.

Пленник поднял веки, и Сигурда пронзил спокойный уверенный взгляд ярко-голубых глаз невозможного чистого оттенка. Император выдержал его, но увидел в их отражении, как недовольно вспыхнули его собственные алые глаза.

Зрительный поединок продлился не больше минуты, и эрликиец снова опустил веки.

— Ты голоден? Хочешь пить?

Разумеется, он был голоден. Ему не давали ни еды, ни воды вот уже пятьдесят лет. Совершенный организм расчетливо и экономно расходовал каждый грамм питательных веществ, а воду он впитывал прямо из воздуха, в том числе и кожей. Когда Сигурд приказал полностью осушить воздух в камере, эрликиец просто высох, но стоило добавить влажности, как вскоре ожил.

Словно какой-то сорняк.

Поэтому Сигурд и дал ему такое прозвище. За все время заключения ему не удалось вытянуть из эрликийца ни единого слова. Его разум представлял собой неприступную крепость с сотнями уровней защиты, перед которой пасовали технологии Чи-Зо, магия Забытых Богов и мистические искусства. Оставался еще один путь, но император предпочел просто подождать, когда Сорняку надоест, и он наконец сдастся.

Сорняк попал в руки Сигурда в 932 году. Одиноким челнок, взлетевший с ледяной поверхности Эрлика, намеревался незаметно проскользнуть сквозь орбитальный щит Эдема, но его пилот не учел, что на страже планеты стоят не только боевые и наблюдательные станции, но и часовые «Рассвета», обладающие уникальными мистическими способностями. Они-то его и обнаружили, а захват наглеца был лишь делом техники. Без боя Сорняк не сдался, но что он мог противопоставить им, не обладая мистическими способностями и силой Забытых?

В этом заключалась причина, по которой эрликийцы при всем своем технологическом превосходстве не могли захватить Эдем-Тейзою. И даже не пытались это сделать. У Эрлика не было мощного и стабильного ядра мистической энергии. Своего сильного и здорового Сердца Мира. Фактически, это мертвая планета, и потомки Чи-Зо — цивилизации, которая колонизировала ее когда-то — были скорее пленниками, чем хозяевами пустого куска льда.

Впрочем, Сорняк был не первым визитером. До него были и другие. Если бы только

Сигурду удалось найти хотя бы одного из них... Тогда он бы немедленно избавился от этого упрямого наглеца. Обратил бы его в пепел, собрал в жестяную банку для консервации оливок или ананасов, и выстрелил из рельсовой пушки в сторону Элрика. Чтобы неповадно было.

Несмотря на равнодушное безмолвие Сорняка даже под самыми жуткими пытками, кое-что Сигурд все же смог выяснить. Просто делая выводы на основе наблюдений.

Тело эрликийца практически такое же, как и у фелкамелов Десяти Великих Домов. Здесь он мало в чем их превосходит, а если говорить о Даркенвэй, то и уступает. А значит, у него есть огромный потенциал к использованию мистической энергии — и по этой причине барьеры камеры сделаны из материала, значительно ослабляющего мистическое поле планеты. А чтобы Сорняк не накапливал в своем теле даже эти малые крохи, прутья в его запястьях и щиколотках служат проводниками, по которым мистический потенциал просто уйдет за пределы барьеров камеры.

— Ты напоминаешь мне одного кретина. Такой же упрямый. Я считал, что он уже давно мертв, и вот этот идиот вернулся.

Сорняк снова открыл глаза, хотя в сапфировой глади не отразилось ни единой мысли или эмоции.

— Я избавлюсь от него, — продолжил Сигурд уверенным тоном. — А потом подчиню и тебя. Даже если на это уйдут столетия, и сам твой родной Эрлик будет обращен в пыль моей армадой. Мои враги либо умирают, либо склоняются передо мной. Запомни это.

Эрликиец вновь опустил веки. Раз в сутки он делал один вдох и один выдох. Раз в сутки его сердце совершало один удар.

Сигурд улыбнулся ему, и спокойной походкой покинул камеру, слушая, как за его спиной одна за другой почти бесшумно закрываются огромные стальные двери.

Глава 17. Безумие матери и второе рождение инспектора Просперо Эспозито

15:25, 19 июля 1014 года, пятница. Союз свободных республик Судо.

В Эведеле, столице республики Криа, уже второй день подряд шел дождь. Нетипичная погода для этого времени года, да и вообще для здешнего засушливого климата, вдали от моря. Моросящий и холодный, он заставлял привыкших к жаре южан втягивать головы в плечи не только на улице, но и при одном взгляде за окно; вода, вездесущая, растворяла и смешивала в одну серую монотонную массу уличную пыль и самые глубокие тени; в этот цвет было окрашено буквально все. Включая настроение людей, которые теперь уже без всякого воодушевления готовились к предстоящим праздникам, посвященным очередной годовщине независимости страны.

На одном из верхних этажей городской мэрии собрались те, кто решил дать бой взбунтовавшейся погоде, избрав в качестве оружия крепленые напитки, танцы и основные атрибуты великосветских собраний. Этих представителей высшего столичного общества не волновало, что еще даже не вечер, что повод для мероприятия высосан из пальца (почти в прямом смысле этого слова — второму сыну мэра сняли гипс с мизинца и безымянного, которые он сломал во время игры в бильярд, отстаивая честь города в турнире), что деньги на него взяты из казны... Главным было то, что им предоставили возможность отвлечься и развеять скуку.

Министр внутренних дел Акклес Ван с искренним почтением поклонился преклонных лет даме, которая несмотря на свои семьдесят еще находила в себе силы приглашать молодых кавалеров на танец, и несколько фальшиво улыбнулся пяти ее дочерям и одиннадцати внучкам, которые следовали за матриархом, что называется, по пятам. Ему было хорошо известно, с каким нетерпением юные, молодые и относительно молодые леди из семьи Зиггери дожидаются момента, когда адвокат сможет распечатать конверт с завещанием вдовы одного из богатейших людей страны. То, что старушка будет пребывать на этом свете еще лет десять, бесило их страшно, но после двух неудачных покушений они смогли удержать дрожь в руках и больше не пытались посыпать ядом ее розовый парик или платить любовнику, чтобы он неудачно затянул бондаж. Акклес Ван весьма ценил эту старую добродушную леди.

Когда процессия благородных и связанных общим и еще живым предком дам наконец прошла мимо, министр пригласил на танец юную красавицу Ваниллу — дочь личного секретаря мэра столицы. Ее мать не смогла прийти, так как сегодня главу города сопровождала молодая супруга. Мэр женился на ней совсем недавно, в седьмой или в восьмой раз в жизни — Акклес сбился со счета. Зато он точно знал, сколько у него было и есть любовниц. Одна. И ее дочь ему весь вечер придется оберегать от излишнего внимания мужской половины здесь присутствующих. Сам мэр этим заняться не мог, так как его явная забота о девушке уже стала причиной двух разводов.

Когда танец с красавицей Ваниллой подходил к концу, хлопнула главная дверь зала, оповещая о прибытии очередного гостя. Акклес не видел, кто именно зашел на огонек, но поползший по толпе встревоженный шепот настроил его на не самый благодушный лад. У министра был нюх на неприятности.

— Кто она такая? — удивленный возглас одной из дам заставил Акклеса активнее работать локтями, чтобы пройти к месту развития событий.

— Что она себе позволяет? — заявил кто-то громче, возмущенным тоном.

— Она босая? Без обуви? Скажите, что глаза обманывают меня!

— Она вся в грязи... Только посмотрите на эти следы!

— Охрана! Охрана? Выведите эту ненормальную!

Когда Акклес наконец добрался до гостыи, толпа гудела, словно осиное гнездо.

— Позвольте мне проводить вас в комнату с зеркалом, госпожа, — министр согнулся в поклоне сразу, как только понял, кто именно снизошел до общества простых смертных, и жестом указал на одну из боковых дверей.

Ришари отобрала у какого-то растерявшегося молодого человека бокал с шампанским и залпом осушила.

— Не вижу необходимости.

Богиня Юга появилась на публике впервые за последние полгода, и выбрала для этого не самый подходящий наряд. Авторитета Акклеса сейчас хватило, чтобы понизить градус негодования собравшегося здесь высшего общества, но если тайная властительница континента продолжит вести себя вызывающе, кто-нибудь обязательно сорвется. Увы, но среди присутствующих только министр знал, кто так называемая Джина Саргас на самом деле.

— Дорогуша, вы не могли подобрать для этого вечера наряд попримечнее? — высказалась первая дама с оскорбленным достоинством.

Ришари опустила взгляд на свою рубашку с пятнами красного вина (министр хотел верить, что это именно вино), заляпанные грязью брюки и босые ноги, сохранившие следы прогулки по улице под дождем.

— Дорогая, — в тон нахалке ответила ей самая могущественная женщина в мире, — этот, как ты выразилась, наряд, стоит больше, чем все это здание.

В этот момент министр понял, что Ришари пьяна. Все сходилось: развязное поведение, расфокусированный взгляд, а если присмотреться, то и походка пошатывающаяся. И потом, кто на трезвую голову станет таскать по городу меч? Длинный, изогнутый, в черных ножнах, она держала его в правой руке, и было просто удивительно, что Акклес заметил меч только сейчас. Все прочие вообще на него внимания не обращали.

— Это работа самого Бьяконо Делевьена? — с некоторым благоговением спросила Франсуаза Бьескон, спутница одного из крупнейших местных банкиров. Не первая, но все-таки красавица, министр и сам подумывал приударить за ней.

— А черт его знает, — пожала плечами Ришари.

— Тогда как вы можете быть уверены в ее цене?

Богиня Юга посмотрела на Франсуазу так, словно та обладала интеллектуальными способностями курицы.

— Потому что эти тряпки ношу я.

Смешки, посыпавшиеся со всех сторон, должны были выразить всеобщее мнение окружающих и указать женщине, что ее место определенно не здесь, но Ришари было все равно, она отправилась дальше. Министр обреченно посеменил за ней.

Гости расступались и активно комментировали происходящее, Акклес был готов сгореть от стыда.

Следующей, кто остановил Богиню Юга, была Ванилла, и вот здесь министр испугался по-настоящему.

— Вы же Джина Саргас! — воскликнула девушка, а потом сразу смутилась. — Ой, извините, этого ведь не может быть...

— Почему же? — искренне удивилась Ришари. — На людях я и есть Джина Саргас, бывшая актриса и звезда большого кино, — здесь женщина мрачно рассмеялась.

— Но это невозможно... Джине Саргас сейчас должно быть около девяноста...

— Это ее правнучка, Ванилла, — министр поспешил вмешаться. — В честь нее ее и назвали. И госпожа Джина раньше тоже снималась в кино.

Акклес выкрутился не то, чтобы изящно, но лишние вопросы — он так надеялся — это сняло. Фильмы с участием Ришари уже стали историей, на улицах ее узнавали все реже. Даже странно, что именно юная Ванилла узнала бывшую актрису, а не представители поколения постарше.

— Как интересно! А в каких фильмах вы играли? Вы так похожи на свою прабабушку! У вас только нос немного другой, и этот шрам... Святые Небеса, откуда у вас этот шрам?

Ванилла коснулась пальцами нитеобразной полоски шрама на левой щеке Ришари, а потом испуганно отдернула руку и прижала ладонью к своим губам.

— Это... — из фиолетовых глаз Ришари исчезли веселые искры, а вот линия губ, наоборот, стала подозрительно мягкой. — Подарок от брата.

— Ужасный человек! Как он мог?! — к разговору подключилась еще одна девушка, одна из подруг Ваниллы. Она подошла к ним немногим ранее и все слышала.

Ришари растерялась, и не сразу нашла, что ответить. А когда нашла, речь ее была сбивчивой и бессвязной:

— Он хотел убить меня... Не смог. Ужасный человек? Да, ужасный. Очень ужасный. Вам не понять, насколько... Поднял на меня руку. Из-за кого? Туда ей и дорога, повторю с удовольствием!

Акклес взял Ваниллу за руку и начал осторожно отводить в сторону.

— Господин Акклес?

— Ванилла, ты разве не видишь, госпожа Саргас не в себе? Лучше оставь ее в покое.

Девушка попыталась возразить, но министр был непреклонен.

— Ужасный, ужасный, ужасный... — Ришари спрятала лицо в ладонях, так, что ножны меча оказались прижаты к ее щеке. — Исчез на сотню лет, ушел, не сказал куда. А теперь вернулся, — Богиня Юга резко убрала руки и посмотрела на свою собеседницу уже совершенно безумным взглядом. — Знаешь, что это значит?

Подруга Ваниллы испуганно попятилась.

— Это значит, что вы все умрете. От полюса до полюса, от самой глубокой ямы на дне океана до самой дальней железки на орбите, все живое. Думаешь, я преувеличиваю? Ха-ха. Хотя есть немного... Да, я преувеличиваю. Немножко пьяна, ты уж прости. Но знаешь, ему, чтобы убить человека, достаточно сделать вот так, — и Ришари неожиданно щелкнула девушку безымянным пальцем по лбу.

Содержимое черепной коробки несчастной в то же мгновение оказалось на лицах и одежде тех гостей, кто стоял у нее за спиной. И прошло несколько секунд, насыщенных недоумением, непониманием, удивлением, даже неверием, прежде чем раздался первый

потрясенный крик.

Вопль Ваниллы потерялся во всеобщем хоре паники и ужаса, когда она увидела тело практически обезглавленной девушки, и министр, уже не церемонясь, потащил ее к выходу. По пути он захватил старушку Зиггери и взглядом попрощался с мэром и его гостями, радуясь, что до сих пор не завел семью. А друзья... Разве он может кого-то из здесь присутствующих назвать друзьями? Нет, мэра ему действительно жаль, но тут уже ничего не поделаешь, он просто не успевает вывести его.

— Дьявол... — громкий растерянный возглас Ришари остановил его, когда отполированная тысячами прикосновений бронзовая круглая ручка двери уже была в прямой досягаемости. — Я же не собиралась...

Мимолетное искушение вернуться и посмотреть, что будет дальше, едва не подчинило Акклеса своей воле, но он пересилил себя и решительно выскочил из бального зала вместе с девушкой и старухой.

Ришари с изумлением и растерянностью смотрела на неподвижный труп совсем юной девушки со снесенной верхней частью черепа.

Это она.

Это сделала она.

Своими собственными руками.

«Своими собственными руками? Нет... Нет! Я не хотела! Почему эта дура оказалась такой хрупкой?! Я не собиралась убивать!»

Граница человеческой толпы отодвигалась от нее все дальше и дальше. К стенам, стискивая и сдавливая ничего не понимающих, до смерти напуганных нуворишей. Даже те, кто не видел всего своими собственными глазами, ощущали сейчас ее собственный бесконечный ужас, который исходил от Ришари мощной неудержимой волной. Ее ужас перед самой собой. Неважно, насколько велика чувствительно человека к эмоциям других людей. Даже если он — непроницаемый для чужих горя и радости валун, эмоциональный шквал Ришари, невысказанный, который она просто переживает внутри себя — сметает самоконтроль присутствующих, словно ураган — соломенную стену. Таковы сила и влияние на человеческое подсознание мощного сосредоточения мистической энергии в одной личности.

«Дженази... Что скажет Дженази?.. Я убила невинного человека. Снова. Он возненавидит меня!»

Ришари пошатнулась. Оторвала взгляд от тела — и перевела его на окружающих, безмолвных людей.

«Нет. Если они все умрут, он просто не узнает. Свидетели. Избавлюсь от свидетелей».

Сквозь плотную толпу согнанных ужасом овец в человеческом облике пробился один из охранников и дрожащей рукой навел на нее дуло револьвера.

— Б-бросьте ор-ружие!

«Храбрый мальчик...» — Ришари увидела, что он молод — лет двадцать. Красив и обаятелен. Сильный, высокий, храбрый. Очень храбрый, раз сумел преодолеть изливаемый ею в пространство ужас.

— Не смей угрожать мне, — прошептала она ему на ухо.

Никто не заметил, как и когда она успела оказаться так близко к нему. Вплотную, полюбив и с непреодолимой силой опустив к полу сжимающие револьвер руки.

Он услышал в ее шепоте непроницаемую тьму неотвратимой смерти, бесконечный ужас грядущего небытия — и человеческое в нем забилося в глухую и темную нору подсознательного. В самый дальний уголок.

Услышав журчание стекающей жидкости у него под ногами, и резкий запах аммиака, Ришари брезгливо отшатнулась и отступила. Бледного как полотно парня затрясло мелкой дрожью, он всхлипнул жалобно, а потом просто упал, ударившись затылком о дубовый паркет.

— Эй, я не хотела...

Тело охранника забилося в судорожных конвульсиях, а потом он просто потерял сознание и, наконец, затих.

«Я не хотела. Я ничего этого не хотела!»

Волна паники и животного ужаса прокатилась по толпе, и все они как один устремились к выходу, расталкивая и топча друг друга. Понадобилось несколько минут, чтобы сотня человек смогла пробиться сквозь ставший внезапно очень узким дверной проем, и когда последний, обезумевший от страха мужчина в изумрудном фраке исчез в коридоре, перед глазами Ришари осталось больше десятка неподвижных или судорожно дергающихся тел. Пятеро были мертвы.

«Идиоты. Безмозглый скот».

Ришари молниеносным движением обнажила клинок, некогда принадлежавший Дженази, и посмотрела в свое отражение.

Ее глаза горели безумным лиловым огнем, в котором рассудок сторал с воплями ужаса и треском обугленной логики. С каждой секундой оттенок все сильнее смещался в сторону красного, поглощая черное зеркало зрачка и молочно-белую склеру, превращая глазные яблоки в два пылающих алым солнца. С бесконечно глубокой и холодной тьмой в центре.

И эта тьма начала затягивать в себя алое пламя.

Всепожирающее алое пламя ярости превращалось в чистую незамутненную ненависть. Бледная кожа, волосы цвета первого снега стали еще белее, наполняясь мертвенно-бледным светом, сквозь который проступили темные силуэты костей черепа. Еще миг, еще один шаг к границе рассудка — и плоть истает. Останется только голый каркас из самых темных намерений, страха и отчаяния. Одиночества.

«Нет...»

Тьма обступила Ришари. Обхватила своими ледяными конечностями ее руки, ноги, сдавила горло.

«Нет...»

Космический ужас разжал ее челюсти, чтобы проскользнуть внутрь. Вонзил свои стальные щупальца в нос, уши, глаза.

«Нет».

Цунами обреченности и тоски ударило по последнему оплоту ее воли, в котором тусклой искрой мерцали остатки ее «Я».

Стены дрогнули. Затрещали.

«Я не одна».

И тьма одиночества отступила. Резко, внезапно. Отхлынула так далеко, что Ришари в одно мгновение вернулась в прежний облик, и из отражения на зеркальной грани клинка на

нее вновь смотрели чистые аметистовые глаза.

— Я не одна.

Она обернулась — и увидела свою тень. Ту, которой только что была. Ту, которой едва не стала.

Один короткий небрежный рассекающий удар заточенной братом сталью — и призрак ее собственного одиночества распался на две части, чтобы быть унесенным дуновением мистических ветров Тейзои.

Ослабевший пальцы правой руки разжались, и клинок со звоном ударился о гладкий паркет. А следом за ним упала и обессиленная Ришари.

Она не может проиграть. Даже если ее враг — она сама.

Она всегда побеждает.

08:30, 20 июля 1014 года, суббота. Федерация Вердирос, республика Талли, Фламби, резиденция Великого Дома Лэйт.

Когда Просперо проснулся, то первым, что он увидел, был богато вышитый балдахин из желтого шелка. Вторым — дядю Юрики, который сидел рядом с огромной кроватью, на которую его уложил кто-то из людей, определенно обладающих немалых размеров состоянием и тем еще весом в обществе — такой вывод он сделал, беглым взглядом оценив обстановку в комнате.

— Где я? — спросил он первым делом и не узнал свой голос.

— В особняке Лэйт.

— Что со мной произошло?

Дженази не стал отвечать, но это уже и не требовалось, потому что болезненные воспоминания хлынули в сознание одним непрерывным потоком. Охваченный жутким предчувствием, он попробовал пошевелить правой рукой, и нельзя было описать его облегчение, когда она ответила на мысленный приказ.

— Мне показалось, что я остался без руки, — сообщил дрогнувшим голосом.

— Так и было. Я восстановил ее.

Чтобы переварить эту информацию, инспектору понадобилась почти минута.

— Как?

— Механизм процесса долго объяснять. Впрочем, вы знаете, что с помощью мистической энергии можно обходить законы природы.

— Скажите проще: «Магия», усмехнулся Просперо. — Спасибо, благодаря вам я не стал инвалидом.

— Мистические способности и магия — не одно и то же, — сдержанно ответил Дженази.

— Объясните это простому обывателю... Я себя им считаю, к слову. А можно спросить, зачем вы это сделали?

Дженази улыбнулся.

— Юрика очень расстроилась, когда увидела вас в том состоянии.

— Значит, ей я благодарен в не меньшей мере. И вы оказались правы, синьор Дженази, я стал жнецом результатов своего любопытства.

Внезапно Просперо понял, что не помнит, когда именно Дженази говорил ему это.

— Я предсказывал, что вы потеряете голову. Из меня не очень хороший пророк, как видите.

— Я мог бы посмеяться в ответ на ваши слова, но настроение не очень располагающее. Видите ли, я себя странно чувствую. Словно...

— Сбросили разом двадцать лет?

— Э-э... Да, — подумав, ответил Просперо, внимательно прислушавшись к ощущениям в теле.

— Та дверь ведет в ванную, там есть зеркало.

Просперо очень неуверенно встал с кровати и прошел в указанном направлении. И уже по пути стал догадываться о природе своей метаморфозы, когда понял, что его тело стало легче, а руки свои он вообще не узнал — исчезли все шрамы и мозоли, кожа на пальцах стала чистой и эластичной.

— Вы вернули не только руку, синьор Дженази, — сказал Просперо, узрев себя в зеркале. — Молодость тоже.

Из отражения на него смотрел он двадцатилетний — таким он был вот уже больше пятнадцати лет на старых фотографиях, на которых был запечатлен еще студентом. Ни следа морщин, хотя взгляд и общее выражение лица остались прежними. Рубашка и брюки, в которых его положили на кровать, висели мешками, служа неммым укором не совсем правильного образа жизни, который он вел последние десять лет.

— Я перед вами в неоплатном долгу? — инспектор и утверждал, и спрашивал одновременно, продолжая рассматривать себя в зеркало.

— Нет, — ответил Дженази. — Для меня это было не сложно.

— Вы страшный человек, синьор, — произнес Просперо значительно тише.

— Спасибо.

Эспозито вышел из ванной и с недоумением посмотрел на дядю Юрики.

— Простите?

Дженази отвел взгляд в сторону.

— За то, что продолжаете считать меня человеком.

— А вы что, сами считаете иначе?

— Разве что в широком смысле этого слова. Вот вы, думаю, без разного рода предубеждений считаете людьми яо, цвенгов и гемини — представителей желтой, черной и белой рас этого мира. А что насчет арга?

— Зверолодей? Ну, у них просто есть клыки и когти. Что с того?

— Вот, для вас разницы нет, а многие на Судо и Вердиرو с этим не согласны. А если я спрошу вас о ярмирах?

— А это еще кто? — спросил Просперо.

Дженази удивила его реакция, и инспектор как никогда отчетливо ощутил, что его объем знаний о родном мире несколько ограничен. Это если выражаться предельно корректно и аккуратно, не оскорбляя чувств.

— Существа из камня, огня, воздуха... Да из чего угодно, обладающие человеческим разумом. Белгорро, например.

— Так вот почему он так странно выглядит... Я думал, он просто мулат такой необычный, — узнать, что влиятельнейший человек на Вердиро с определенной — не его, Эспозито — точки зрения не является человеком, было для инспектора весьма

неожиданно. — Но вы сами сказали, что он обладает человеческим разумом. Следовательно, он тоже человек.

— А что насчет разумных существ, ближайшими родственниками которых являются не обезьяны — с точки зрения биологии и психологии, а, например, рептилии, птицы, земноводные, насекомые? Моллюски? Или зачем смотреть на другие классы, среди млекопитающих также полно видов, крайне отличающихся друг от друга. Хищники, травоядные, морские млекопитающие... Разумное существо, похожее на кролика, слона, медведя, или мышь. Или на всех сразу?

— Ну, если допустить их существование, то мне достаточно того, что они просто разумны. Даже если их логика не похожа на мою, то это не значит, что я буду относиться к ним не так, как другому разумному моего вида. Я человек закона, синьор Дженази, а в них не сказано, что мне не надо защищать чьи-то права только потому, что этот некто покрыт чешуей или слизью. Мне достаточно того, что он способен мыслить.

— Они существуют, — со всей серьезностью заявил Дженази. — И мне приходилось встречать таких разумных, которых вы и в страшном сне не увидите. И вряд ли пожелаете защищать их права.

— И где же вы с ними встречались? — спросил инспектор. Ему было тяжело поверить в услышанное.

— В других мирах.

Просперо только покачал головой в ответ.

— Ну хорошо, — сказал он. — Каким боком это все относится к вам, синьор Дженази? У вас две руки, две ноги, два глаза, два уха, нос... Цвет глаз и волос не совсем обычный, но не более того. Что вынуждает вас сомневаться в вашей принадлежности человеческому роду? Ваш образ мыслей и ваши невероятные способности? Осмелюсь заявить, что любой человек, получив в свое распоряжение возможность возвращать людям молодость, коренным образом изменит свое отношение к нашей действительности. Но я ведь тоже не совсем рядовой гражданин, смотрите, — Просперо поднял руку с растопыренными пальцами и пропустил по ним электрический ток. — Разница только в характере и силе наших способностей. Вы в мистических способностях сильны, а я так, погулять вышел.

Дженази задумался.

— Похоже, — сказал он наконец, — что я снова не учел то, что вы знаете слишком мало. Я — г'ата. К тому же, г'ата-отступник, изгой. Но это проще показать, чем объяснить словами.

Черты лица Дженази, его тело, да и сама реальность вокруг него исказились, представляя перед глазами Просперо совершенно фантастическую, иррациональную картину. И в комнате сразу стало очень тесно, дяди Юрики внезапно стало... много.

— Как я уже говорил, — чуть помедлив, не изменившимся голосом произнес Просперо, задрав голову к потолку, чтобы смотреть собеседнику в глаза, — для меня человеком является любой, кто обладает разумом.

Дженази снова принял прежнюю форму и теперь смотрел на инспектора с нескрываемым восхищением.

— Вы поразительный человек, синьор Просперо Эспозито. Могу я поинтересоваться, вы намерены вернуться к своей работе после всего случившегося? У меня есть для вас небольшое предложение.

— Зависит от того, в чем оно заключается.

— Стать моим учеником.

— Даже не знаю, что сказать, — искренне заявил Просперо. Предложение выбило его из колеи.

— У вас время до полудня. Потом я и Юрика покинем этот дом.

— Не слишком ли мало времени вы мне оставили, синьор Дженази?

Дядя Юрики только улыбнулся в ответ и направился к двери.

— Могу я задать еще один вопрос?

Дженази остановился.

— Какой?

— Юрика знает... о вашей скрытой сущности?

— Нет. И прошу, не говорите ей.

— Я никому не буду об этом говорить, синьор Дженази. Ах да, и еще одно! Джин и Джина Саргас... То есть Ичиро и ваша сестра Ришари — они тоже... такие же?

— Нет, — ответил Дженази. — То, что вы увидели — это облик г'ата-изгоя. Кровь Великого Белого Волка Гата берет над такими, как я, верх, и мы преобразуемся физически и духовно. Очень сложно... не стать зверем.

Просперо задумался.

— Я скажу, согласен или нет на ваше предложение, через полчаса.

Глава 18. Коррекция планов. Экзекуция

20 июля 1014 года. Федерация Вердиго, республика Талли, Фламби, резиденция Великого Дома Лэйт.

В десять утра хозяева и гости особняка Лэйт собрались в столовой за немного запоздавшим завтраком. Их осталось только шестеро — Ранфарг Белгорро и Иван Рыков покинули Фламби еще на рассвете, попрощавшись с Валерией и Дженази. Юрика на эту новость отреагировала несколько странно, но сказать, что она была расстроена, было нельзя. В отличие от Просперо, которому, похоже, было о чем поговорить с главой «Молота» и его подчиненным. Но в целом помолодевший инспектор выглядел весьма воодушевленно, и не без удовольствия отвечал на вопросы Ранмаро по поводу своего самочувствия.

Атмосферу за столом слегка нагнетали взгляды, которыми обменивались между собой Дженази и Валерия, остальные интуитивно понимали, что вот-вот кто-то из них произнесет нечто важное.

Первым взял слово Дженази:

— Ранмаро, вчера я и твоя тетя решили, что ты должен отправиться со мной и Юрикой в Судо, чтобы там встретиться с матерью. Я не против, но прежде всего хочу услышать твое мнение.

Парень сначала не поверил в то, что только что услышал, а потом крепко задумался. Но размышлял недолго, и находясь в центре внимательных взглядов присутствующих, энергично закивал, словами подтверждая согласие:

— Я с вами! Я хочу увидеть маму.

Валерия отвела взгляд. Легко было понять, что ей причинило боль такое решение племянника, и такая реакция была встречена с пониманием. Только Дженази, который знал, кому именно принадлежит инициатива в данном вопросе, усмехнулся, но этого никто не заметил.

— Я с вами, — безапелляционно заявила Виктория, и очень удивилась, когда никто не высказался против.

— Я хочу еще раз встретиться с Ичиро, — добавила она, поясняя свое решение.

— Пусть будет так, — ответила ее мать, не выказывая уже никаких эмоций.

— Так же с нами едет инспектор Эспозито, — сказал Дженази.

Теперь удивилась только Юрика. Ей вдруг стало немного неуютно от того, что человек, которого раньше она всячески избегала, будет находиться рядом не один день. Изменить свое отношение к нему девушке не помогли даже произошедшие с ним перемены.

— Здорово! — Ранмаро, безусловно, был очень рад этой новости. Его общительный характер требовал постоянного расширения круга друзей, и инспектор, по его мнению, подходил на эту роль по всем параметрам.

— Раз мы определились с составом, — произнес дядя Юрики, когда эмоции за столом поутихли, — я могу сообщить о нашем маршруте. Будет лучше, если мы доберемся до Порт-Креслана на поезде, и уже там сядем на корабль, который доставит нас в Судо.

— Разумно, — произнесла Валерия, — аэропорты Юга находятся под контролем «Стаи».

— А вы не можете доставить в Судо с помощью мистических способностей? — спросил

Ранмаро. — Ичи́ро переправляет туда-сюда целые отряды.

Дженази покачал головой.

— Я не умею.

Просперо удивился этим словам, но вслух ничего не сказал.

— Помнится, раньше ты с легкостью перемещался из одной точки планеты в другую, — заявила Валерия с подозрительным блеском в синих глазах. — Неужели разучился?

— Одно дело прыгать сквозь пространство-время одному, и совсем другое — тащить за собой группу, — ответил он.

— Сигурд умеет. И Кенсэй.

— Они — чародеи. Раббен, кстати, тоже.

— Я не знала. Хотя и догадывалась.

— Я думала, вы всё умеете, — пробормотала Виктория, не скрывая разочарования, за что сразу заработала гневный взгляд от Юрики. На самом деле она чувствовала нечто похожее, но открыто соглашаться с племянницей не собиралась.

Дженази со смущением развел руками, а потом в беседу вновь вступила Валерия:

— Я хочу, чтобы перед тем, как отправиться в путь, вы посетили одно место, — слова давались ей с трудом, и это было похоже на еще одно решение, в правильности которого она сомневалась.

— Что... за место? — тревога на лице Дженази читалась без особого труда.

«Что еще пришло тебе в голову, девочка?» — и его беспокойство росло тем больше, чем дальше тянула мать Виктории с ответом.

— Могила Но́лы.

Фиолетовые глаза бывшего Гвардейца остекленели. Страшные, безжизненные — словно у мертвеца. Все, кто сидел рядом, вдруг поняли, что не могут сделать ни малейшего вдоха, воздух в комнате стал плотным и очень тяжелым, сдавливая тело и не давая пошевелить даже мизинцем.

Когда перед глазами наименее стойких начало темнеть, а звон в ушах стал громче сумасшедшего сердцебиения, гремевшего внутри сознания медным набатом, Дженази опомнился и убрал это невероятное давление, которым, похоже, мог без труда убивать.

— Больше... так... не делай, — голос Валерии постыдно дрожал.

— Простите, — Дженази уже раскаивался в своей несдержанности, но глядя на детей, которые смотрели на него с откровенным выражением ужаса в глазах, понимал, что так просто этот инцидент из их памяти не стереть.

Просперо, дважды подвергавшийся воздействию пугающих способностей дяди Юрики и Ранмаро, отреагировал не так остро, но резко вспыхнувших сомнений в своем решении скрыть не смог.

«Неужели я все-таки допустил огромную ошибку?» — эта мысль обжигала его изнутри настолько явно, что скрыть ее стало невозможно.

И завтрак можно было бы считать безнадежно испорченным, не приди на помощь дяде Ранмаро. Минутой назад полностью подавленный нечеловеческой мощью, он взял себя в руки и нашел силы, чтобы вновь без страха смотреть на Дженази, и спросил:

— Могила Но́лы? Но́лы Орчи? Тетя, вы никогда не говорили о ней.

— Мы похоронили ее там же, где она и погибла, — ответила Валерия. — На равнине к востоку от Гриндлосса. Пока Кристиан, Дан и Регулус были живы, мы навещали ее каждый год. А потом это стало для меня слишком тяжело.

— Это в четырехстах километрах к северу, — заметила Виктория. Ей взять под контроль свои чувства оказалось гораздо сложнее, поэтому смотреть она предпочитала только в свою тарелку. — Можем добраться туда уже сегодня.

— Тогда, может быть, нам пора выдвигаться? — Юрика, которая поставила себе за цель обойти племянницу при любой удобной возможности, отчаянно делала вид, что ничего, ну совсем ничего такого на самом деле не произошло. — Дядя, мне сказали, что эта девушка была такой же сильной, как и ты, так что я просто обязана увидеть это место.

Дженази посмотрел на племянницу и она поразила его тому, каким беспомощным он сейчас ей показался.

— Это не так, — произнес он с болью. — Нола была гораздо сильнее, чем я.

Человек устроен так, что готов любой ценой защитить то, что для него дороже всего, и когда он это теряет, его мир переворачивается, распадается на части. Вселенная дяди Юрики после смерти Нола Орчи разлетелась на столь крохотные кусочки, что он не смог ее склеить даже спустя сотню лет.

«Мне жаль его,» — подумала девушка и тут же осознала, насколько абсурдна подобная мысль по отношению к такому сверхчеловеку, как он. И все же даже это было возможно.

— Я еду с вами, — сказала Валерия. — Мне тоже нужно извиниться за то, что не навещала ее так долго.

Дженази слабо кивнул в ответ.

Вне времени и пространства.

Движение узкого клинка было слишком стремительным для того, чтобы его можно было увидеть, но подсознание Ичиро отмечало каждый удар, его силу и направление. Тело пыталось подстроиться, отключиться от разума и сражаться самостоятельно, спасти себя от очередной смертельной раны — безуспешно. Противник — ментальный клон Дженази, с которым его племянник был заперт в собственном сознании — был куда лучше подготовлен к бою на сверхзвуковых скоростях.

Еще один невидимый удар — и голова Ичиро слетела с плеч. Небо и земля перед его глазами много-много раз поменялись друг с другом местами, и увидели тьму небытия раньше, чем она упала вниз. А потом еще одна вспышка света — он снова жив, цел и невредим, и у него опять нет времени, чтобы отразить атаку. И еще одна смерть.

Чувство времени было полностью потеряно, жизнь превратилась в калейдоскоп из боли, обгаренного кровью снега и периодических вспышек тьмы, и в центре его находился противник, в глазах которого была одна лишь жажда убийства. Он не был тем Дженази, о котором так любила иной раз вспоминать мать Ичиро. Он не был тем Дженази, который сейчас взял под крыло его сестру. Всего лишь копия, но копия оригинала, который когда-то без колебаний приняли в Гвардию Хаоса.

«И как же мне одолеть этого монстра?» — мысль, лишенная любой значимой эмоциональной окраски, снова вспыхнула в голове, когда плотно сжатый кулак, уже нацеленный в голову двойника Дженази, был отрублен по самый локоть.

«Я безоружен, не успеваю применить мистические искусства и намного медленнее его».

«Ну, хотя бы умереть здесь не могу,» — равнодушно подумал он, лишаясь ног. И в этой ментальной тюрьме скорость его регенерации не шла ни в какое сравнение с мгновенным восстановлением тела сразу после мнимой смерти, когда на место возвращались не только руки и ноги, но и все затраченные на бой сил. Хотя нельзя даже сказать, что он тратит их.

Лишенный конечностей, Ичиро рухнул в снег. И наблюдая за приближающимся Дженази, снова подумал о том, что не может вспомнить, когда виртуальная копия Фламби сменилась этой бесконечной равниной. Арена, куда более удобная для мастера, достигшего предельных высот в управлении льдом... Вот только использовать его сын Ришари не мог. Чтобы заморозить противника, ему нужно было его коснуться, а для того, чтобы создать оружие, не хватало времени. Да и что с него толку? Как воин Дженази наголову превосходит его.

«Это будет продолжаться вечно. Он уже давно ушел, его тень использует мою собственную энергию. Все равно что ад, в который грешники попадают после смерти».

Ментальный двойник Дженази подошел к неподвижному Ичиро и пронзил его сердце. — В голову. Бей в голову, — процедил Ичиро. Такая рана была для него несмертельной. Двойник Дженази кровожадно ухмыльнулся и провернул лезвие.

— Сволочь...

Наконец последовал и смертельный удар. Миг небытия — и снова та же равнина.

— В Бездну все, — прорычал Ичиро и просто сел на снег, больше не собираясь сражаться. Он перестал считать, что сможет выбраться благодаря победе в бою, и решил искать выход из ловушки, нырнув в глубины своего подсознания. Главное, перестать обращать внимание на боль.

На лице двойника Дженази отразилось выражение глубокого отвращения. Ичиро было все равно, он уже перестал воспринимать эту поддельную реальность, которая воздействовала на его тело одним и тем же способом. Но когда мучитель отбросил меч в сторону, снова обратил на него внимание.

«Решил понизить уровень сложности?» — предположил Ичиро про себя и прикинул шансы в бою против Дженази безоружного. Они его устраивали.

Сын Ришари встал и начал превращать лежавший вокруг снег в длинные ледяные клинки.

Двойник Дженази направил на него правую руку с раскрытой ладонью.

Боль. Алое. Хлопок. Тьма.

Когда Ичиро опять воскрес, то сразу начал восстанавливать картину произошедшего в памяти. Но был убит раньше, чем факты выстроились в более-менее стройную линию. Тем же способом.

«Он взрывает меня изнутри, управляя жидкостями моего тела, — понял Ичиро спустя отрезок времени, измерять продолжительность которого не имело смысла. — Чудовище».

Игнорировать двойника Дженази стало невозможно, поэтому сын Ришари стал бороться на пределе всех своих возможностей. Выход из бесконечного круга боли был только один — научиться контролировать свое тело на таком уровне, когда уже никто не сможет вмешиваться в его работу с помощью мистических способностей. И Ичиро сражался, раз за разом вступая в противостояние с чужой волей, мешая ей творить все, что вздумается.

Это процесс был постепенным, много раз он терял только что захваченные позиции и разлетался ошметками, но в конце концов добился того, что двойнику Дженази приходилось разрушать его внутренние органы один за другим до тех пор, пока Ичиро не терял контроль

от превосходящей все мыслимые границы боли.

А потом был достигнут предел, перешагнуть который сил уже не было. Он не знал, чего именно ему не хватало, и это значило только одно — поражение и уходящую в бесконечность череду смертей.

И тогда противник остановился. Ичиро получил несколько минут блаженного покоя.

«Неужели ему надоело?»

Внезапно ему стало очень холодно, а потом кожа утратила всякую чувствительность. Тело коченело: каменели мышцы, замерзла кровь и внутренние органы. Ослепли глаза, превратившиеся в лед. И только мозг продолжал свою работу.

«Он решил победить меня моим же оружием,» — понял Ичиро и попытался выйти из состояния ледяной скульптуры. Безуспешно. И теперь у него оставался только один выход — сдаться. Смириться с таким положением вещей. Потому что теперь нужно было победить не с помощью более быстрой реакции и контролем в управлении энергиями, а выстоять против всеокрушающей злой воли, которая сковывала, давила неподъемной тяжестью.

Состояние Ичиро не менялось, перед его мысленным взглядом проносились минуты, часы, дни. Может быть, годы. Избавленный от боли, он уже спокойно и без спешки анализировал природу вражеской атаки, и сначала неосознанно, а потом и всерьез стал пытаться справиться с ней. Все же он годами практиковался в управлении льдом и привык, что тот подчиняется его воле.

«Мое тело — моя территория,» — кристально чистое сознание породило мысль, подобную лавине — холодную и яростную одновременно, и такую же неудержимую. Ичиро обратился в стихию, которая если и мыслит, то совершенно иными, отличными от человеческих категориями. И это освободило его.

Полностью вернув себе контроль над телом, он разом отправил в двойника Дженази десятки ледяных копий, создав их с такой скоростью, о которой раньше не мог даже мечтать. Но противник прошел сквозь них с той спокойной уверенностью, с которой человек идет сквозь густой лес по знакомой тропе. Тогда Ичиро превратил снег под ногами двойника Дженази в ледяные лезвия — они рассыпались, даже не коснувшись его тела. В ответ он повторил задуманное сыном Ришари, и того пронзило насквозь прозрачными клинками. Один из них разрушил мозг.

«Это и есть разница между нами, — понял Ичиро, воскресая. — Зона, в границах которой элемент полностью подчиняется нашей воле».

Ичиро полностью контролировал только свое тело. Дженази мог убить его, находясь на расстоянии в тридцать шагов.

«А может, и дальше».

Потом повторился фокус со взрывом изнутри, но после третьей неудачи Ичиро смог наконец заблокировать и эту атаку. Противостояние двойнику Дженази теперь стало хотя бы отдаленно походило на бой.

Ситуация стала похожей на ту, с которой все началось — поединок безоружного против мастера меча. Противник использовал не только лед, но и воздух, разрывая и рассекая им на части, убивая колоссальным давлением, вбивающим в землю подобно молоту весом в целую гору. Особенно жуткой была атака, во время которой в небольшой зоне создавалось безвоздушное пространство, вакуум — атмосфера волной возвращалась на место, захватывая снег и превращая Ичиро в кровавую пыль.

Чтобы противостоять всему этому, нужны были огромная скорость и защита. Но если

хрупкость своего слабого тела он еще мог компенсировать созданием щитов из льда, которые поглощали часть урона, то низкую реакцию заменить было нечем. Когда Ичиро начинал успешно блокировать стихийные атаки, двойник Дженази вступал в рукопашную, с легкостью дробя его кости голыми руками.

Для победы был нужен туз в рукаве, внезапный и очень сильный удар, который Дженази не сможет отразить. Разумеется, ничего подобного в арсенале Ичиро не было.

«Значит, нужно найти,» — с тех пор, как его убийства перестали происходить с прежней легкостью, в сыне Ришари появился азарт. Происходящее стало походить для него на игру: нет смерти, нет усталости, нет боли — ее Ичиро уже перестал замечать.

О попытке получить контроль над воздухом, но больших высот не достиг. У него не получалось достичь необходимой разницы в перепаде давления, чтобы ударные волны могли причинить сколько-нибудь ощутимый урон даже по меркам простого человека. Но практикуясь, он заметил, что влиять можно не только на атмосферу, но и на ее составляющие. Например, повысить или понизить содержание кислорода.

«Увы, но идея заставить Дженази задохнуться наивна до смешного».

Еще Ичиро наконец обнаружил в себе способность генерировать электрический ток — мистическое искусство, в котором его мать достигла невероятных высот. Она могла испепелить человека на месте или увеличить скорость прохождения нервных импульсов по тканям организма до такой степени, что мир, по ее словам, замирал на месте, и только она могла двигаться, способная увернуться не то, что от пули, но даже от удара молнии. По сути, она сама становилась ею, и лишь другие Гвардейцы были способны пережить ее атаку.

«Если я смогу понять, как она это делает, то прекращу все это, — понял Ичиро. — А времени у меня более, чем достаточно».

Глава 19. Размышления о потерянном времени и сражение, которое изменило все

12:30, 20 июля 1014 года. Федерация Вердири, республика Талли.

О том, что он не может умереть вне Волчьей Зимы, Дженази узнал, когда ему было двадцать с небольшим, во время странствий по миру в качестве ученика Кенсэя. Но тогда его сила была слишком мала, а знания скудны, чтобы он смог осознать, какие бесконечные возможности оказались в его распоряжении. Да и особенных планов на будущее он не строил, ведь в то время он лишь следовал за учителем и тщательно запоминал все, что видел и слышал, и неустанно, день за днем, осваивал потенциал крови г'ата.

Потом их пути разошлись, и Дженази оказался перед сложным выбором: остаться в том месте, которое он мог бы назвать своим домом, или же продолжить путешествие, следуя образу жизни Кенсэя. И он выбрал второе, при этом так и не дойдя до понимания разницы между ним и собой.

Потом он встретил Ришари, и следующие семьдесят лет, которые они провели вместе в качестве Гвардейцев, он искренне желал навсегда вычеркнуть из памяти, если бы только не чувство вины, настолько бесконечное, что даже смерть не могла стать искуплением — только сотни и сотни лет жизни, посвященные поиску способа возместить тот урон, который он нанес этому миру.

Сейчас ему уже больше двухсот, а путь искупления все еще не найден. Разве что найдется способ стереть его существование из самой реальности, сделать так, чтобы в этом мире и не было его никогда.

Невозможно.

Дженази понимал, что время лечит. Спустя тысячу лет его уже не будут так волновать лица всех, убитых им за годы нескончаемых войн во имя мира на этой планете. Потому что они будут скрыты под океаном других лиц, убитых им в новых сражениях. Время идет вперед, жизнь продолжается — жизнь существа, которое не мыслит себя без меча в руках.

Разумеется, он пытался измениться — после смерти Винсенты. После смерти Нолы. Не кровь все равно брала свое и повод сражаться появлялся снова. А когда его не было, он готовился к его появлению. Тренировался. Оттачивал навыки. Двести лет, потраченные на совершенствование боевых навыков, способствовали тому, что Дженази все реже встречал противника, способного ему противостоять, и зная это, он не мог не испытывать чувство удовлетворения своей силой.

Двести лет странствий. Двести лет сражений. Двести лет, за которые он так и не научился водить и играть на музыкальных инструментах. Рисовать. Петь. Танцевать. Построить корабль, способный долететь до планеты в этой же звездной системе, он также не сможет. Да и простой парусник тоже. У него вообще нет глубоких научных знаний в какой-либо области, за свою жизнь он так и не получил того, что принято называть образованием.

Казалось бы, для бессмертного все это — лишь вопрос времени. Оно обязательно найдется, надо лишь дождаться подходящего момента. Вот только Дженази уже осознал простую истину: время обязательно найдется, если ты этого действительно хочешь. А он определенно не хотел тратить время на вещи, которые бесполезны в его личной войне.

Хотя научиться водить определенно следовало. Например, на тот случай, когда нужно отправиться вместе с семьей на значимое для всех них место. Если уж не овладел техникой

создания стабильных пространственно-временных переходов, то будь добр тогда самостоятельно сесть за руль, а не просить Просперо.

Инспектор оказался единственным в их компании, кто мог управлять микроавтобусом, на котором они решили доехать до места назначения.

Ранмаро болтал почти без умолку, но у него были на то веские причины: дорожная тряска и Юрика с Викторией, помещенные в тесное пространство салона, оказались опасным сочетанием. Если он затихал более, чем на три минуты, девушки начинали искать повод, чтобы сцепиться в словесной перепалке, победителей в которой быть не могло, а пострадавшими становились все. В первую очередь сам парень, потому что и та, и другая сторона зывали к нему в качестве союзника и свидетеля, а отказ его от участия воспринимался как самое настоящее предательство. Участие тоже становилось, поэтому Ранмаро всеми силами старался заполнить тишину собственными комментариями по поводу пейзажа за окном, встречных машин на трассе, городов и поселков, через которые они проезжали; интересовался мнением Дженази, Валерии и Просперо, вспоминал разные забавные случаи из своей жизни, а когда они закончились, требовал того же от них. Его дядя и тетя, которых совместная поездка стесняла не меньше, отмалчивались, а вот помолодевший инспектор оказался настоящим спасителем, и когда Ранмаро выдохся, Просперо, целый час рассказывал историю расследования убийства семейных пар по всему Эломасу и соседних с ним республик.

— Да этот парень просто монстр какой-то, — сказал Ранмаро, когда история подошла к концу. — Выжить после двух ранений в голову! А доктор этот тоже хорош... Зачем второй раз надо было его спасать?

— Он поступил, как настоящий врач, — ответил Просперо, не отрывая взгляда от дороги. — Есть в этом что-то, когда человек следует своему призванию до самого конца.

— Ага, а убийца опять сбежал и теперь, наверное, опять что-то замышляет. Убить столько людей и не понести за это наказания! Неправильно это.

— Наш мир вообще несправедливое место, — ответила на это Юрика. — Наверное, потому, что у таких чудовищ есть близкие и друзья, которым все равно, какие преступления они совершили. Вот, например, господин Ранфарг... — и тут Юрика резко прикусила язык.

— Ты о чем? — переспросил Ранмаро, но девушка развивать мысль дальше не собиралась.

— А, забудь, — и украдкой посмотрела сначала на Валерию, а потом на Дженази. Но те, похоже, не слушали.

— О том, что Белгорро был Гвардейцем, — ответил внезапно Дженази. — Ты никогда не думал, сколько людей погибло от его руки?

— Но ведь тогда шла война... — промямлил Ранмаро. — Приказы там, все такое...

— Как по мне, это не оправдание, — вмешалась Виктория. — У человека есть право выбора. Да и кем нужно быть, чтобы заставить Ранфарга Белгорро выполнять приказы, которые ему не по душе?

— Императором Фридрихом? — предположил парень?

— Никто из нас не подчинялся слепо приказам, — ответил Дженази, и в салоне резко упала температура. — Мы следовали своим убеждениям. Оправдания нам нет.

Валерия оторвала взгляд от пролетающей за стеклом равнины с редкими одинокими деревьями и вкраплениями сельских домиков с приусадебными участками.

— Но все же вы и не всегда их выполняли, — сказала она. — Все-таки я еще жива как раз по этой причине. Ты ведь помнишь день, когда мы встретились во второй раз?

Дженази ничего не ответил. Он был потрясен. Удивлен. Растерян. Он часто собирался рассказать ей всю правду о судьбе ее отца, но каждый раз останавливался, не чувствуя за собой права хоть как-то оправдаться. А теперь она сама начала делать шаги навстречу, правда, вспоминая уже другие обстоятельства.

День, когда он встретил Валерию и Кристиана во второй раз. День, когда он впервые встретил Нолу.

19 июля 899 года, Вердиро, территория современной республики Кайлена.

— Так вот вы какие, Стражи Неба, — Дженази вышел из Абстрактной Области прямо перед пятеркой юнцов, заставивших понервничать самого Императора. Для них же он просто возник из ниоткуда, материализовавшись из воздуха. — Вы победили Раббена и Августо. Впечатляет.

Он уже знал, кто они, их имена и истории. Только одна из них все еще оставалась для него закрытой книгой. Единственная не-фелкамел в этой компании. Простая шурави без прошлого. Нвелот без предназначения, предреченного великими и древними предками.

Нола Орчи неуловимым шагом вышла навстречу, закрывая собой товарищей. Для нее он был опасным человеком в черном плаще, который пока еще не извлек меч из ножен, но менее опасным от этого не становился. В ней не было ни капли страха, только невероятное напряжение — она чувствовала преддверие схватки, которая просто обязана решить все.

Дженази не разделял её чувств.

— Вижу знакомые лица, — глухо произнес он, когда рассмотрел за спиной Нолы Валерию и Кристиана. — Десять лет не виделись. Вы теперь еще больше похожи на своих родителей.

— Заткнись! — выкрикнула дочь Валериана, и если до этого она еще колебалась, то теперь бросилась в бой не думая, и пальцы Дана схватили только пустоту, когда он попытался остановить ее. Это могло получиться у Нолы, но и она слишком поздно отреагировала, не сумев вовремя отвести взгляд от лица Гвардейца. Что-то мелькнуло в ее глазах, нечто похожее на удивление, за которой последовала растерянность, и она на несколько секунд потеряла контроль над ситуацией. А две-три секунды — достаточный срок, за который человек может умереть. Несколько раз. Актуально во время боя с Гвардейцами.

Клинок Валерии Лэйт описал дугу и обрушился на Дженази сверху, грозя расколоть голову на две части. Он отбил эту атаку ножнами меча, из которых до сих пор не извлек клинок, и сразу контратаковал, также целясь в голову. Девушка пригнулась и лакированное дерево задело только волосы, но слишком быстрым был удар и ее все равно отшвырнуло на пару шагов назад. И тут же последовала атака Кристиана, который один за другим метнул свои чакрамы. Стальные диски рассекли воздух с пронзительным свистом, три из них были отбиты, а четвертый вынудил Гвардейца шагнуть в сторону. Чем и воспользовался Регулус, худошавый рыжеволосый воин из Великого Дома Старвинд. Его короткие кривые клинки пару раз оказывались достаточно близко от тела Дженази, но тот уворачивался, полностью

контролируя свои движения и движения противника. А когда воин открылся, ткнул ножнами меча в солнечное сплетение, заставив Регулуса согнуться от боли. Потом намеревался оглушить его ударом по затылку, но тут подоспела Валерия и подставила под удар свой меч. Дженази остановил свое оружие и шагнул назад, заодно пропуская очередной чакрам ее брата.

— Занятно, — прокомментировал он произошедшее, а затем ударил ножнами по воздуху. Валерию и Регулуса отбросило воздушной волной, она же сбила еще один чакрам — они возвращались к хозяину, даже те, что были сбиты и упали на землю. Дженази определил, что за этим стоит мистическая способность к управлению потоками воздуха. Впрочем, семья Лэйт на этом и специализировалась.

— *Раббен и Августо не отличаются высокими боевыми способностями, — сказал Дженази, пока Стражи соображали, как действовать дальше. — Я могу даже сказать, что они слабы. Но то, что я сейчас вижу, точно не могло помочь одолеть их. Думаю, победе вы обязаны тем двум, которые только стоят и смотрят. Ты из дома Даркенвэй? — Гвардеец обращался к Дану. — Помню, пересекались, только имен не спрашивал. Да и давно это было...*

Дан Даркенвэй не поддался на провокацию — так показалось сначала. А потом земля у него под ногами взорвалась, и он метнул свое тело на врага так, словно им выстрелили из пушки. Почти трехсот килограммовый снаряд из плоти и стали, на острие которого — огромный двуручный меч, которым впору раскалывать танковую броню.

Дженази не стал уворачиваться и встретил эту лобовую атаку, хотя на самом деле — не ожидал подобного. Об этом знали немногие, но на самом деле Гвардеец не брал в руки оружие и не сражался уже десять лет, с тех самых пор, как погибла его дочь. А это достаточно большой срок для того, чтобы даже такой монстр, как он, растерял некоторые боевые навыки.

Чудовищный меч Дана превратил ножны меча Гвардейца в щепки и сталь столкнулась со сталью, оглашая округу до боли чистым звоном. И ни тот, ни другой не сдвинулись с места ни на миллиметр — Даркенвэй словно на стену налетел, а потом заработал глубокую резаную рану на бедре, а другая едва не лишила его руки — Дженази нанес их, с удивительной легкостью обойдя его защиту. Но остальные Стражи не спали и с готовностью прикрыли товарища — все, кроме Нолы, которая до сих пор не решалась вступить в бой.

Дан отступил, регенерация Дома Даркенвэй заработала в полную силу, восстанавливая повреждения. Регулус, чтобы дать товарищу время, провел серию ударов с необыкновенной яростью, на грани отчаяния. Когда он дошел до пика своих физических возможностей, кривые мечи вспыхнули алым огнем, и теперь каждый взмах оставлял в воздухе пламенеющую полосу, создавая завораживающий и пугающий рисунок. Валерия поддержала его, взывая к пламени синего цвета, только оно, совершенно холодное, охватило не только ее оружие, но и все тело, ускоряя и увеличивая силу удара. В определенный момент эти двое объединили свои атаки в одну общую, направив в Дженази смертоносную волну, в которой их цвета слились, превращаясь в фиолетовый. Гвардеец отразил ее своим мечом, и чуть помедлив, ответил похожим ударом, используя и направляя воздушный поток. Регулус и Валерия прыгнули в стороны, уворачиваясь, и очень вовремя — на земле остался глубокий след, словно от клинка великана. Чакры Кристиана не дали Дженази развить успех, снова пошел в атаку Дан.

Огромный Даркенвэй в этот раз был осмотрительнее, сосредоточившись больше на ударах Гвардейца, а не собственных. И это принесло результат, когда вертикальный удар Дженази оказался слишком очевидным, и Дан, волчком скрутив свое туловище, увернулся и со всей своей мощью атаковал в ответ, в момент наибольшей уязвимости противника. А тот просто нырнул под его руку, перекатился по земле и не поднимаясь с колен и не оборачиваясь, пронзил печень Стража, просто ткнув клинком назад. И вытащил меч прежде, чем его настигли клинки Регулуса, Валерии и Кристиана.

Дан, когда ему нанесли в общем-то смертельную рану, замер лишь на секунду, и, похоже, просто не успел почувствовать боль. Поврежденные ткани восстановились буквально вслед за покидающей их сталью, он стал будто бы больше и тяжелее, а земля под ним словно просела. Белая кожа приобрела красноватый оттенок, от нее пошел видимый глазу пар.

Дженази заметил эти изменения поздно, занятый другими Стражами. И почти пропустил удар в спину — Дан стал гораздо быстрее.

— О, зверь пробудился! — Дженази не без удовольствия отметил про себя, что теперь ему противостоят сразу трое бойцов, полностью раскрывших доступный им сейчас боевой потенциал. Но кое-кто определенно мешал ему получить максимальное удовольствие от схватки: мельтешащие вокруг клинки Кристиана откровенно надоели. И Гвардеец решил первым избавиться именно от брата Валерии.

Никто не мог опередить Дженази, когда он совершил рывок к своей цели, но Кристиан, шестым чувством определив, что к чему, бросился навстречу и в сторону, и Гвардеец, чтобы догнать его, так же сменил траекторию своего движения. Дан, который словно читал мысли друга, прыгнул в единственно правильную точку на этом поле боя, оказываясь между охотником и его жертвой. Мечи столкнулись дважды, третий, слишком размашистый удар Дана поразил лишь землю, и клинок Дженази горизонтальной полосой рассек его грудь на уровне сердца. Следующий удар должен был лишить Стража головы, меч Гвардейца преодолел половину пути до его шеи, и тут между ними появилась Нола Орчи. Двигаясь с немыслимой скоростью, она плавным, почти нежным толчком ноги сместила руку Дженази вверх, и клинок его срезал только кончики волос на голове Дана.

— А вот и ты... — Гвардеец хотел сказать что-то еще, но тут страшный, просто чудовищный по силе удар сбил его с ног, заставив пролететь не один десяток метров и оставить наводящие на размышления о малых небесных телах следы — на плоских вершинах холмов, которые усеивали, куда не глянь, эту широкую равнину.

— Занятно, — произнес Дженази, лежа на выцветшей под жарким летним солнцем траве и рассматривая небо. В последний раз он получал такие удары от Белгорро, но тогда, правда, его кости ломались под ними словно спички. С тех пор много лет прошло, тело Гвардейца стало намного крепче, и все же он чувствовал, что синяки остались бы, не работой регенерация г'ата.

Легко перейдя в положение стоя, он поднял меч и начал искать взглядом дерзкую девчонку, которая осмелилась выйти против него безоружной. А она была уже рядом — на расстоянии нового удара. Невысокая смуглая южанка с глазами синими, словно в них всегда отражается небо, настолько же красивая, насколько и бесстрашная — девушка ударила снова. И Дженази, который успел вспомнить все позабытое за время боя с ее друзьями, только мгновением позже понял, что меча в его руке нет. Его выбило ударом, в который Нола вложила силу, способную стирать в пыль гранит, и подбросило высоко-высоко в

воздух, вращающийся на такой огромной скорости, что в голову невольно приходило сравнение с крутящимися лопастями самолета.

Второй удар, который последовал сразу за первым, был таким же мощным, но Дженази уже подстроился под боевой уровень противника, который был достоин Гвардейца, так что смог отбить его. Невероятные сила, скорость и прочность тела, и кто знает, что Нола может еще, ведь эти качества и были тем, чему Раббен и Августо уделили особое внимание в своих отчетах.

«Девчонка чертовски сильна,» — к этому сводились их пространственные объяснения, а суть объяснительные записки налажавших школьников.

«Действительно сильна,» — подумал Дженази, пропуская удар, превосходящий предыдущие по всем параметрам. Если сила и скорость Нолы являются результатом применения мистической способности, то она уже превзошла всех известных ему живых пользователей. На большее были способны только Белгорро и Кенсэй. Ну и он сам, разумеется.

Кровь г'ата в его жилах начинала вскипать.

Он попытался заглушить в себе эту звериную ярость и атаковал Нолу на расстоянии, беря под контроль жидкие составляющие ее тела. Без намерения убить, только остановить — внезапно она показалась ему возможным очень ценным приобретением, потерять которое будет вершиной глупости. А еще девушка напомнила Дженази о Винсенте.

Мистическая способность не сработала. Не потому, что Нола отразила ее своей волей. Просто не сработала. И разбираться, в чем причина, времени не было, ее удары стали еще сильнее и быстрее.

Дженази разбудил спящего внутри г'ата.

Через минуту до сего часа безмятежная и тихая равнина превратилась в то, чем становится поле боя после продолжительного и массированного артобстрела, а Нола Орчи даже не собиралась сдаваться. Более того, ее сила возрастала с подозрительным постоянством, в котором проглядывалась прямая зависимость от уровня высвобождаемой Гвардейцем энергии. Она использовала ровно столько своих возможностей, сколько было необходимо для того, чтобы переходить из защиты в нападение каждый раз, когда Дженази зачерпывал очередную порцию силы из своей крови. И Гвардеец все никак не мог рассмотреть в ней тот предел, за который она не сможет шагнуть дальше.

Резкий удар в подбородок — и Гвардеец взлетел вверх без своего на то согласия. Сознание помутилось, но ненадолго, и он со своей новоприобретенной высоты даже рассмотрел внизу выбитый Нолой меч, который ушел в землю по самую рукоять, и остальных Стражей, которые даже не думали помогать подруге. А потом девушка оказалась рядом, и они даже не начали падать назад, когда был нанесен удар, по сравнению с которым все предыдущие показались легкими тычками. Дженази пришел в себя только на дне глубокой воронки, наблюдая над собой еще летящие в стороны пласты земли и Нолу, которая оттолкнулась от самого воздуха и неслась прямо на него, чтобы нанести последний, завершающий удар.

Вбитый еще глубже в землю, Гвардеец больше никуда не торопился и даже не думал о дальнейшем сопротивлении. Он думал. Размышлял над сложившейся ситуацией, глядя на Нолу снизу вверх. И понял, что для нее действительно нет пределов или каких-то сдерживающих тело границ, в которых вынуждены существовать люди. Этот мир

подарил ей возможность бить с такой силой, какая необходима для победы в бою над кем и над чем угодно. Только однажды Дженази сталкивался с таким человеком — десятилетия назад, когда все восемь Гвардейцев вышли на бой с Глашатаем.

Нола села на Дженази, прижимая его к земле, и занесла кулак. Г'ата кожей чувствовал, как в этих девичьих пальцах собирается энергия, которой хватит, чтобы уничтожить его тело и выбросить из этого мира в Волчью Зиму, на возвращение из которой ему понадобятся годы. И что важнее, эти девичьи пальцы могли впитать еще больше силы, всю силу мира, который, казалось (или не казалось, а так и было) стоял за ней.

И здесь Дженази подумал, что эта перспектива не так уже и плоха. Замечательная идея — покинуть этот мир и навестить родные снежные равнины, по которым дни и ночи напролет следуют стаи белых волков. За последние десять лет он многое пересмотрел в своей жизни, и первое, что понял — Гвардия ему ненавистна. Ему ненавистно все, что он делал последние семьдесят лет.

Удар, новый фонтан земли, новая воронка. И он был жив — в последний момент Нола сдержала силу своего удара и лишь сломала ему пару ребер. Миг регенерации и ярость, обида на девушку выплеснулась из Дженази мощным взрывом, который отбросил ее далеко назад.

— Я не тот враг, которого можно щадить! — сорвался он на крик, и атаковал, желая стереть нахалку с лица планеты. Он уже давно заметил главный недостаток, основную слабость девушки — отсутствие быстрой регенерации. Царапины, которые она получила во время боя, даже не думали заживать, а это значило, что с самого начала бой был неравным — Дженази нужно нанести всего один, смертельный удар.

Его остановили слова, которые Нола произнесла, закрывшись от его кулака руками так, словно она маленькая девочка, которая спряталась в «домик» во время детской игры:

— Давай защищать этот мир вместе.

Глава 20. Камень, остановивший время

13:15, 20 июля 1014 года. Федерация Вердиро, республика Талли.

Рарги тихо взвыла от боли, неудачно наступив на раненую ногу, но шаг не сбавила, чтобы не отстать от Туррага, который с медвежьим упрямством тащил на себе их командира. Ичиро отказывался приходить в сознание, что значило, что они застряли на Вердиро, в центре страны, которую от южного моря отделяют территории еще двух республик. Втроем на вражеской территории, и из них только один остался полноценной боевой единицей.

Девушка не знала, где остальные бойцы «Стаи». Возможно, что погибли все, кроме них. Это было весьма вероятно после всего, что произошло: внезапного исчезновения Ичиро, появления Валерии, которая заставила их отступить, а потом и целых отрядов «Молота» и «Рассвета». Взрывы были слышны на расстоянии в несколько километров, Туррагу стоило немалого мужества вернуться и, к ее огромному удивлению и радости, принести с собой командира «Стаи». Тогда Рарги не смогла пойти с ним — Валерия едва не отрубила ей ногу мечом — и несколько часов ждала, изнывая от страха и неведения.

Теперь им предстояло выполнить миссию, которая по своей важности и сложности превосходила все, которые им приходилось завершать до этого — доставить в безопасное место сына Богини Юга. Безопасное место было в их случае только одно, хотя и огромное — целый материк под названием Судо, но как добраться до него без снаряжения и поддержки? Ведь сейчас для них было глупо и опасно доверяться местным агентам Юга, и даже посещать заготовленные за годы скрытой деятельности тайники — кто знает, какие из них «Молот» уже успел раскрыть. И ведь он ищет беглецов прямо сейчас, на это брошены все его силы.

Только то, что Турраг и Рарги зверолюди, и вокруг них лес, не позволяет врагу схватить их. И если бы не рана девушки-арга, они уже преодолели бы втрое большее расстояние. Конечно, она просила Туррага бросить ее, но он отказался категорически. И совсем не потому, что она его сестра.

Для народа арга родственные узы вообще значат немного. Когда женщина с периодичностью в два-три года рождает по три-четыре-пять детей за раз, то ценность их жизни становится менее значимой. Такое наблюдается в семьях обычных людей, когда десять-двенадцать ртов становятся проблемой. Для арга понятия «многодетная семья» не существовало вовсе, но и правила жизни самой семьи у них существенно отличались. «Выживает сильнейший» — это раз; «продолжение рода превыше всего» — это два. Первое правило гарантирует сдерживание темпов рождаемости крайне плодовитого племени, второе — не дает исчезнуть в условиях, когда девяносто пять процентов суши заселено генетически отличными от них расами. Конфликты с ними были правилом, которое не стала отменять даже Богиня Юга.

Итак, Рарги была ранена и не являлась сожительницей Туррага (смотрите правило № 2), но он ее все равно не бросил, хотя это подвергало Ичиро огромной опасности. И причина крылась в том, что девушку взяла в «Стаю» сама Богиня Юга, выбрав ее из сотен претендентов. Такого не случалось с тех пор, как организация перешла под контроль Ичиро; власть, которую арга приписывали его матери, считалась священной. Таким образом Рарги стала избранницей Богини, что делало ее крайне важной и ценной фигурой среди народа.

Нет, если бы она тоже лишилась возможности передвигаться, Турраг бросил ее, но пока оставался шанс спасти обоих, он им пользовался.

Через час арга решили устроить короткую передышку. Голод, усталость и отсутствие сна начинали сказываться на этих выносливых воинах, да и решать, как именно действовать дальше, нужно было без спешки, чтобы не совершить необдуманного шага и не попасться в руки врага, ломаясь вперед не разбирая дороги.

Турраг аккуратно положил Ичиро на пружинистый дерн и сел рядом, прислонившись спиной к дереву. Рарги устроилась рядом и сразу занялась проверкой повязки. Кровь уже давно остановилась, и если рану не тревожить, она затянется за пару дней, но кто даст ей столько времени? Хвала Небесам, что у «Молота» нет бойцов с острым обонянием и они не взяли собак, иначе остатки «Стаи» не смогли бы уйти так далеко.

— Мы справимся, — сказала Рарги, но не Туррагу, а самой себе. Арга видел, в плену каких сомнений находится его сестра, и нахмурился, не одобряя это проявление слабости. Сам он ни капли не сомневался в выполнимости задачи. Правда, только потому, что подобные чувства были чужды его натуре. Он вообще не забивал себе голову глупостями, которые могли помешать выполнить его долг. Настоящий арга не должен колебаться — он верил в это с фанатичной уверенностью и преданностью делу.

— Отдыхаем двадцать минут, — произнес он и закрыл глаза. Почти сразу его дыхание выровнялось и приобрело тот размеренный ритм, который свойственен спящим. Но в сон погрузилось только та часть сознания, которая отвечала за принятие решений, а вот слух и нюх продолжили работу в прежнем режиме. Даже спящего, арга нельзя застать врасплох.

Рарги последовала его примеру. Даже настолько короткий, сон восстановит силы и они смогут еще несколько часов двигаться без остановки. И только потом придет время для поиска пищи и воды. А пока нужно терпеть.

Сон девушки оказался глубже, чем следовало, поэтому она проснулась только после встревоженного рычания брата. За ними кто-то наблюдал. Звериное чутье отказывалось помочь в поиске неприятеля — других для арга сейчас не существовало. Некто, не имеющий запаха и не издающий ни звука, приблизился к ним на опасно близкое расстояние и дал обнаружить свое присутствие, а они все никак не могли понять, каким образом чувствуют неладное. Что-то в этом лесу изменилось, и за этим стоял чей-то разум.

А потом из-за старого бука, который рос уже без малого сотню лет, вышла высокая статная женщина с длинными зелеными волосами, которые на первый взгляд были похожи на заплетенные в дреды, и только при более тщательном рассмотрении становилось понятно, что это на самом деле никакие не волосы, а нечто, похожее на тонкие и гибкие ветви, словно у ивы. У незнакомки был темно-оливковый цвет кожи с холодным зеленоватым оттенком и абсолютно черные глаза, пугающие до дрожи в коленях; платье ее было сшито из листьев, на плечах крепилась накидка из того, что можно назвать мхом, на запястьях — цветочные браслеты. Еще один цветок был вплетен в псевдо-волосы. Небольшая аккуратная чайная роза без намека на запах.

Все, что успел сделать Турраг — это схватить Ичиро; когда он попытался оторвать его от земли, из нее выстрелили гладкие и острые корни, сначала пронзив его тело, а потом и разорвав на части. Все вокруг сразу же стало алым от крови, она стекала с ветвей и листьев, ручьями стремилась по стволам деревьев вниз, к корням, и там собиралась в небольшие лужи, чтобы позже впитаться, оставив после себя только бурые пятна. Рарги завывала — и погибла следом. Но не сразу: корни затянули ее под землю, медленно дробя кости и

пропуская тело через импровизированную мясорубку — начиная с ног. А потом то, что осталось, смешало с почвой, словно удобрения.

Завершив казнь, Глория — бывший Гвардеец Хаоса и ярмир, уникальность которой не была оспорена до сих пор из-за ее растительного происхождения — обратила свой взор, за которым скрывалась сама Бездна, на Ичиро. И она улыбалась.

17:25, 20 июля 1014 года, суббота. Федерация Вердирос, республика Кайлена.

На дорогу между Фламби и Гриндлоссом Просперо потратил 6 часов. Когда они въехали в небольшой, даже крохотный городок, архитектура которого просто кричала о седой древности, во времена которой были заложены первые камни его фундамента, он спросил у Валерии, куда ехать дальше, но она только неопределенно указала рукой на восток.

— Могила в полях за городом, дороги туда нет. Пешком часа два добираться.

— Чьим «пешком»? — уточнил Ранмаро.

— Юрики и Просперо.

— Я могу понести Юрику, — предложил парень, чем заработал испепеляющий взгляд Виктории.

— А лучше — дядя Дженази, — быстро поправился он.

— А мое мнение ты спросил? — с места завелась девушка. — И кто понесет Просперо?

— Вы о том, чтобы те, кто быстрее, взяли на руки тех, кто медленнее, и донесли до места назначения в кратчайшие сроки? — правильно все понял инспектор. — Я верю, что это возможно, но давайте не будем прибегать к крайним мерам! Вокруг это города дивный пейзаж, погода прекрасная — почему бы нам не насладиться пешей прогулкой?

— Вернемся к этой теме, когда оставим машину, — и Дженази своим замечанием отложил обсуждение вопроса на несколько минут.

Проезжая через Гриндлосс они, и в первую очередь Юрика, заметили, что город отличается определенной серостью, которая выражалась не только в отсутствии ярких красок среди его стен, но и в повседневной жизни обитателей, выражениях их лиц, которые, казалось, редко отмечала печать сильного оживления. А ведь это была суббота, первый выходной после трудовых и учебных будней. И горожан на улицах было на удивление мало.

— Чувствуешь это, да? — Валерия обращалась к Дженази, который, судя по выражению его лица, придавал наблюдаемой картине особое значение. — Это из-за того, город рядом с местом ее смерти.

— Да, — ответил тот. — Так всегда бывает, когда человек, которому эта планета доверила свою силу, погибает от рук другого человека. Место становится нежелательным для обитания. Будь город километров на пять ближе, вымер бы за пару поколений.

— Кем она была на самом деле?

Дженази не стал отвечать сразу, да и не стал бы отвечать вовсе, но внимательная тишина, которая образовалась в салоне микроавтобуса, не оставляла ему шанса просто промолчать.

— Обладательницей уникальной мистической способности — «Страж Неба». Ее обладатель рождается в эпохи масштабных войн и чудовищных кровопролитий, когда горит земля и миллионы кричат от боли и страха. Сама Тейзоя — планета — избирает человека,

достойного этой силы, и он вступает в бой с самыми грозными и опасными врагами гармонии жизни. Его силы достаточно, чтобы сокрушить сильнейшего врага, перед его харизмой готовы преклониться миллионы — и последовать за ним даже в самый безнадежный бой. Ты знала ее, и поэтому понимаешь, что Нола была именно такой. Кстати, забавно, что ваш маленький героический отряд звался именно так. Совпадение?

— О таких, как Нола, я больше не слышала, — Валерия проигнорировала его вопрос. — Может быть, это из-за того, что Фридрих погиб? Разве не он был тем воплощением зла, с которым мы сражались?

— Не думаю я, что Император был тем, ради кого мир призвал Нолу, — подумав, ответил Дженаси. — Но свое предназначение она все же выполнила. Война прекратилась.

Пришло время покинуть микроавтобус и дальше идти пешком. Валерия вела их, Дженаси замыкал шествие. Юрика и Ранмаро крутились вокруг Просперо, Виктория чути отстала от них, медленно, но явно стремясь оказаться рядом с дядей. И совсем скоро она уже шагала рядом с ним, не забывая смотреть под ноги, чтобы не угодить в чью-нибудь нору или ручеек, скрытый в высокой траве — зеленая степь, что начиналась за чертой Гриндлосса, была щедра на подобные сюрпризы.

— Ты похожа на свою бабушку, — сказал Дженаси, застав врасплох Викторию, которая собиралась первой начать разговор. — Это до сих пор с трудом укладывается в голове. Ришари — бабушка... Мы с ней часто поднимали тему детей и семьи, но решительных шагов на этом поприще не делали долгие годы. Потом удочерили одну девочку...

— Удочерили? — переспросила Виктория. — Не ты удочерил, не Ришари удочерила, а вы, вместе? Как...

— Она только меня называла отцом, — поспешил объяснить все Дженаси, но подозрительнее от этого взгляд девушки не стал. Бывший Гвардеец вздохнул и продолжил:

— Мы с Ришари долгие годы были вместе. Всегда и везде. Она стала моей второй половинкой, словно мы и правда были близнецами, как нас привыкли называть. Ведь на самом деле родители у нас разные. Но кровь Гата — это то, что скрепляет наш народ подобно семейным узам, и даже крепче. Браки между нами запрещены так же, как и между единоутробными братьями и сестрами.

— Погоди-ка... Ты о чем вообще? Подробнее о разных родителях!

— Понимаешь... Я стал г'ата, когда меня, смертельно раненного, нашла Сая. Это произошло на одном острове Внешнего Архипелага. Она просто смешала сою кровь с моей — и стал таким же, как она. А потом, через три года, в Ладоре — ты знаешь, где это? Сейчас это должна быть одна из южных республик Федерации. Так вот, я нашел Ришари, умирающую от ран. Точно так же, как и Сая, я поделился с ней кровью Гата, и она стала такой же. А так как способности г'ата не передаются по наследству, а только с помощью ритуала, ни ты, ни Юрика, ни Ранмаро не обладаете даже частью особых способностей Народа. Ведь на самом деле у нашей крови нет какого-то особого отличия от крови других людей, которое можно обнаружить путем обычного биохимического анализа. Все дело в информационном поле Волчьей Зимы, которое постоянно воздействует на нас, меняя сами свойства реальности нашего существования. Можно сказать, что мы, г'ата, за пределами измерения Волчьей Зимы — ненастоящие. Словно кусочки сна, обладающие собственным сознанием.

Виктория переваривала эту информацию минут десять.

— То есть ты на самом деле не дядя ни мне, ни Ранмаро, ни Юрике.

— Дядя. Я знал ее только как одну из г'ата и ни разу не подумал о ней как женщине так, как ты меня в том подозреваешь. И наше родство крепче кровного человеческого.

— И ты относишься к нам, как к племянникам, даже зная, что в нас крови г'ата ни капли?

— Да. И чему ты удивляешься? Вы — дети женщины, которую я называл сестрой больше семидесяти лет.

Виктория ответила ему очередным долгим молчанием. А потом внезапно спросила:

— Подожди! А как же мой отец... Ичиро? Он же такой же, как и ты.

Дженази вздохнул.

— Нет. Видишь ли, есть разница в том, как именно передать человеку кровь Гата. Когда это происходит, он видит собственными глазами бег создателя Волчьей Зимы, и все его естество пронизывает неподдающиеся описанию сила и ярость божественного существа. Это своего рода просветление, с которым приходит понимание законов Вселенной. Ты меняешься, и ощущение мира, его понимание — тоже. А вот если передать кровь младенцу, сознание которого только начало формироваться — ничего из этого не произойдет. Кроме изменений на совсем подсознательном уровне, которые окажут определенное влияние на тело. Я бы сказал, частичное. Но он еще может пробудиться. Стать полноценным г'ата.

Виктория нахмурилась.

— Я не хочу, чтобы в его руках оказалась сила, подобная твоей. Он и так слишком силен, и к чему это привело?

Дженази улыбнулся.

— Не беспокойся. Г'ата может быть только человек, обладающий определенным набором качеств. Хотя твоя бабушка заставляет меня сомневаться в данном утверждении.

— Не называй ее так, — практически взмолилась Виктория. — Ришари. Зови ее Ришари.

Ответом ей была ироничная усмешка. И девушка немедленно обиделась.

— Что на самом деле ты хотела у меня узнать? — спросил он прежде, чем дочь Валерии собралась его обогнать и присоединиться к остальным.

Виктория совсем недолго размышляла над тем, достоин или нет дядя ее внимания. Смиловилась и ответила:

— «Славная погода, не правда ли?»

— А на самом деле?

— Как погибла Нола Орчи?

Дженази стиснул зубы, взгляд стал жестким. Виктория даже испугалась, и не сказать, что немного, жалея уже о своем любопытстве.

Вместо ответа он задал ей свой вопрос, беспокоящий его уже третий день:

— Почему Валерия так холодна к тебе? Ты же ее дочь.

Виктория не любила объяснять элементарные вещи — это легко читалось по ее отношению к людям и окружающему миру. Но Дженази был не тем человеком, на вопросы которого можно не отвечать просто потому, что для этого нет особого желания.

— Я — дочь Ичиро, человека, который предал ее. Ранмаро — сын Кристиана, ее обожаемого, но погибшего брата. Понимаешь, так бывает, когда чувства, которые ты испытываешь к людям, переносятся на их детей. Только не надо говорить, что это глупо и неправильно, сама знаю.

— Но ты очень любишь Ранмаро.

— Разумеется, — искренность Виктории не подвергалась сомнению. — Он мой брат. И очень, очень добрый.

— И вы были неразлучны, пока не появились мы с Юрикой. Ревнуешь?

— Конечно, — не стала отпираться девушка. — Но она тоже наша сестра. Это правильно, что он уделяет ей так много внимания.

— Вообще-то она твоя тетя...

— Дядя, не начинай, а? Я же не называю тебя дедушкой, хотя могла бы.

Дженази только хмыкнул в ответ, но неявную угрозу к сведению принял.

— Я уже больше пятидесяти лет не видел своих детей. Возможно, уже прадедушкой стал.

Виктории воздух попал не в то горло, она закашлялась. Дженази даже похлопал ее по спине, от чего она только поморщилась, а потом, восстановив дыхание, произнесла:

— Знаешь, вот это, что ты только что сказал, характеризует тебя не с самой лучшей стороны. То есть, не красит ни коем образом. Сколько их, и сколько было самому младшему или младшей, когда ты их бросил?

— Десять. И за сорок стукнуло, так что избавь меня от своего негодования.

— Все время забываю, сколько тебе лет...

— Скучаешь по ним? — продолжила Виктория после небольшой паузы.

— Да, — ответил Дженази. — И не только по ним. Моя семья — это не только дети, но и друзья. Они ждут меня.

Виктория нахмурилась.

— Ты, когда возвращался, совсем не о нас с Ранмаро и Юрикой думал. Не знал ведь даже, что мы есть. Верно?

Дженази не хотел себе в этом признаваться, но дочь Валерии начинала его раздражать. И пугать.

— Верно.

— Тогда зачем ты здесь?

— Из-за Ришари. И ради Нолы.

И вот они пришли. Дженази узнал эти холмы и полевые травы, что укрывали их пестрым полотном из всех оттенков зеленого и желтого, белого, красного, синего и фиолетового. Больше ста лет прошло, а земля эта все та же, и даже цветочный узор не изменился ни капли. Адонисы, анафилисы и гониолимоны вместе со своими полевыми соседями росли, казалось, на тех же самых местах, и точно так же несильный теплый ветер раскачивал их соцветия, в такт ритму, которым жило само Небо. Время остановило здесь свой бег. Вот только три детали, всего три, отличали это место от того, каким оно было когда-то.

Первой был исчезнувший след от удара молнии — большое черное пятно из выжженной травы и сплавившейся до стеклообразного состояния земли. Второй — кровь Нолы, еще теплая, но так сильно испугавшая его — человека, который столько пролил ее в бесконечных боях. Давным-давно впиталась она в землю, и ничего не выросло на том месте из того, чему положено, по поверьям, появляться на подобных местах.

И уж совсем точно не было здесь раньше этого надгробия.

«Нола Орчи. 881–899».

— Здравствуй, Нола, — тихо, отчетливо произнесла Валерия, и положила на него цветы, которые собрала по дороге.

Простая прямоугольная каменная плита, серая и небольшая. Ни портрета, ни дополнительных украшений. Только надпись, высеченная неизвестным мастером. Буквы уже начинали стираться под действием ветра, дождей и перепадов температур, которыми славятся степи. Ранмаро, Виктория и Юрика смотрели на нее с той странной печалью, которая появляется, когда человек видит могилу незнакомого лично ему человека, но такого, о ком другие рассказывают только хорошее — искренне. И пусть Нола погибла так давно, что лишь бессмертные Гвардейцы и Валерия помнят ее — они оплакивали ее, пусть и без слез.

— Я хочу побыть один, — сказал Дженази, и все без лишних слов отступили.

Валерия не останавливалась, пока расстояние между ней и надгробием не стало таким, что нельзя уже было рассмотреть лица ее бывшего врага.

— Не слишком далеко? — спросил у нее Ранмаро.

— Слишком близко. Нам вообще лучше вернуться назад. Оставим их наедине друг с другом.

Дрожь пробрала всех, кто слышал эти слова. Валерия говорила о Ноле так, словно здесь и сейчас она все еще была жива.

Глава 21. Скрежет шестеренок реальности

Дженази не ждал, пока спутники оставят его одного, ему на самом деле было все равно, как далеко они уйдут. Покинули поле зрения — и ладно. Он уже забыл о них, и только две вещи остались, обладающие ценностью. Нет, даже одна, потому что надгробие — просто камень. Что могут значить пустые символы, в которых лишь имя да годы жизни, для него — того, кого до сих пор тревожат, словно это было еще вчера, звуки голоса Нолы, чистый взгляд и всегда искренняя улыбка, тепло кожи и ощущение ее бархатного дыхания — на своей. И аромат тела, настолько чарующий, что подсознание мгновенно заблокировало его, приказало игнорировать — ему, г'ата, чей мир состоит из запахов не на смешные два-три процента, а много-много больше. Потому что в противном случае он не смог бы даже подумать о том, чтобы причинить ей вред. Впрочем, он не смог и так.

Кости. Останки Нолы были прямо перед ним. Что значат для него два метра земли, которые погребли ее, скрыв от света, ветра и дождя? Ровным счетом ничего. Он видел их. И умирал каждый миг, каждую мельчайшую единицу измерения времени, которая необходима для того, чтобы во Вселенной произошло самое незначительное из событий, заметить которое не смогут даже живущие со скоростью света.

Дженази протянул к Ноле свои руки — не только сквозь Пространство, но и сквозь Время, и воззвал ко всей скрытой в нем силе, чтобы приказать самой Реальности и заставить крутиться шестеренки механизма, способного исполнить любое желание. Его желание.

Долгие годы Дженази учился убивать. И на обратной стороне силы, способной уничтожить что-угодно, он обнаружил совершенно новое, чуждое всей его прежней натуре. Исцеление.

И воскрешение.

Это случилось, когда сразиться пришлось с отродьями истинного ужаса и разрушения, порождениями силы, которая искажала, извращала все, к чему прикасалась, с многоликим чудовищем, которое не рождалось и никогда не умрет, потому что не может исчезнуть олицетворение всего того, что гибнет, гниет, разлагается, распадается, сходит с ума и пожирает само себя — за миг до конца. Этот враг, существо из мириад не-я, слившихся в одно безумное нечто, сломал меч и едва не поглотил душу, но Дженази выстоял, потому что в шаге от края, из-за которого уже не вернуться, схватился за последнее, еще не исчезнувшее воспоминание. И поклялся тогда, что вернет ему жизнь.

Жизнь Нолы.

Годы ушли на то, чтобы научиться сначала лечить раны, от царапин до потерянных частей тела. Это оказалось довольно просто, достаточно было обратиться к памяти тела и позволить ему вернуть первоначальное состояние. Дошло даже до возвращения молодости. Но это работало только на живых. Воскрешать он начал после. Тех, кто погиб у него на глазах. Тех, кто погиб за минуту до его появления; пять минут; десять.

Можно ли воскресить ту, которая погибла больше ста лет назад? Для Дженази — да. Ему достаточно и костей.

Сфера света, в которую заключило кости и надгробие, росла с неумолимой скоростью надвигающегося цунами, в белых молниях, что плясали на ее поверхности, были заключены просто неисчерпаемые океаны энергии. Казалось, сама планета испарится, коснись ее поверхности один из этих разрядов, но они и так пронзали ее почву и даже следа не

оставляли на степных цветах и травах. Слово на самом деле все это светопредставление было сплошной иллюзией, ощущение безудержной мощи — простой игрой воображения. Но Время, Пространство, Жизнь и Смерть, Силы, что заставляют двигаться Вселенную, знали что это не так. И те, простые смертные, которые умели прикасаться к этим силам, тоже об этом знали. Весь мир дрогнул, когда сфера разрослась настолько, что поглотила и самого Дженази, и еще десятки метров пространства за его спиной. Полярное сияние озарило ночное небо над всей планетой, электромагнитные возмущения вмешались в работу высокоточных приборов Дакиэрро, исчезла радиосвязь... Для него это не имело значения, потому что в центре силы, которую он призвал, появился размытый полупрозрачный силуэт, и он излучал свет, для которого ярчайшее свечение сферы было лишь слабым фоном.

Призрак продолжал уплотнять очертания, уже можно было узнать фигуру, форму лица, волосы... Не просто образ Нола, а ее душа, разум и память были вызваны из-за Края, и оставалось только вернуть их в тело, восстановленное из костей. Дженази приготовился совершить этот последний шаг, наложить финальный штрих — и ощутил сопротивление. Не законы мироздания выразили свой протест — их воля уже была подавлена его собственной, а сама Нола Орчи оттолкнула его, сводя на нет безумную попытку обратить время вспять. Дженази отшатнулся, теряя контроль над рассеивающейся в никуда энергией, попытался вернуть все назад. Бесполезно. И тогда он просто шагнул к девушке, чтобы только лишь коснуться. И увидел, перед тем, как она исчезла, ее улыбку.

— Прощай.

Волчья Зима.

Длинная вереница шикчизо медленно брела по белой равнине. Чудища-великаны с трудом переставляли лапы, едва не по пояс проваливаясь в снег на каждом шагу, а он все сыпал и сыпал сверху — мелкий, сухой, колючий, ветер зачерпывал его горстями и озлобленно швырял, забивая клыкастые пасти и залепляя веки. А они шли и не обращали внимания на гнев непогоды, их вел голод и он же придавал сил не упасть и не заснуть до Волчьей Весны, которая может наступить и на следующий день, и через миллион лет — когда Великий Гата изволит остановиться. Жуткие, уродливые, враждебные всему, похожие друг на друга, и в тоже время довольно разные.

Зеленые, черные, красные. Великаны — но совсем не одного роста, одни были лишь в полтора раза выше обычного человека, другие — в два, а то и три. Тощие, обтянутые кожей и перевитые жилами скелеты, и массивные, с бугрящимися от мышц телами. У кого-то лапы разной длины, у кого-то слишком большая для его туловища голова; были сгорбленные в три погибели, с разным количеством конечностей, пальцев, рогов и глаз. У одного даже было две головы — чернокожего шикчизо среднего для этого сброда роста. Он замыкал шествие, а потому и погиб первым, когда две стрелы, одна за другой, вылетели из-за стены снега и вонзились в основания его шей.

Отряд не заметил потери бойца, как не заметил и убийства следующего великана. Ветер заглушал свист стрел и хруст снега под падающими телами, чудища умирали мгновенно и без единого стога. Двадцать два шикчизо — двадцать три стрелы. Ни одного промаха. Монстр,

который шел впереди, не обернулся, даже когда идущий следом, падая, задел головой его ногу. Только еще сильнее ссутулился и прорычал в ответ злобное. И стрела, которая его убила, упала сверху практически под прямым углом — чтобы попасть в место соединения черепа с позвоночником. От таких выстрелов, кстати, погибли многие из них — невидимый убийца, когда нужно, стрелял в небо под необходимым углом, чтобы поразить уязвимые места на сгорбленных фигурах. Идеальный расчет, если брать во внимание раскачивающуюся походку шикчизо, порывистый ветер и стену снега, из-за которого нельзя было ничего рассмотреть уже на расстоянии десяти шагов.

Так в Волчьей Зиме могли охотиться только г'ата.

Сая неторопливо прошла вдоль вереницы трупов, задерживаясь возле каждого ровно настолько, сколько требовалось для извлечения стрелы. Теперь ей предстоял непростой труд очищения наконечника и древка от черной крови, поиска замены расколовшимся и сломавшимся при ударе, правка оперения... Неиспользованных в колчане осталось только семь, так что при следующей встрече ей определенно придется рассчитывать на копье, за которым еще нужно будет вернуться — оставила, когда отправилась за стрелами — и костяной нож.

Опустив пониже край капюшона, роль которого играла шкура белого волка, а точнее, ее голова, девушка вернулась к снежному холму, откуда вела стрельбу, и быстро выкопала себе временное убежище. Она совсем не обращала внимания на ветер, мороз и снег, хотя, кроме белого волчьего меха, другой теплой одежды на ней не было, только светло-серое льняное платье чуть выше колен, без намека на рукава, разрезы и вырезы; обувь отсутствовала как класс, и когда Сая босиком шла по глубокому снегу, он даже и не думал под ней проваливаться — Волчья Зима любит своих детей.

Убежище было нужно, чтобы спокойно почистить уцелевшие стрелы.

Когда процесс был в самом разгаре, г'ата внезапно подняла голову и посмотрела на небо, к чему-то внимательно прислушиваясь. Отложила стрелы в сторону и вышла под прекращающийся снегопад — расстояние между снежинками становилось все больше.

— Вот ты и попался, Дженази, — произнесла она, сбрасывая маску волка, ее широко открытые фиолетовые глаза сияли. — Теперь точно не уйдешь.

И вернувшись в свою снежную пещерку, начала быстро собирать вещи. Ей предстояла встреча с младшим братом.

Сигурда трясло. Тело, напичканное высокотехнологическими имплантатами и оплетенное заклинаниями, у которых была только одна цель — сделать его сильнее, быстрее, крепче и умнее — вышло из-под контроля. Этого не должно было происходить, но спина и ладони стали влажными от холодного пота, сильно сосало под ложечкой, а ноги приобрели постыдное ватное свойство.

Император Дакиэрро был напуган.

Он понял, что попытался сделать Дженази, когда сначала воцарился хаос внутри компьютерных систем Бифроста, а затем наступил разлад в работе механизмов Абстрактной Области. Их пружинки, шестеренки и маятники, скрытые за тканью реальности, при своем взаимодействии производили прекраснейшую из мелодий, услышать которую было дано лишь избранным, и вдруг произошел сбой, диссонанс нарушил музыкальную картину магического восприятия, и явления, которые были аналогичны металлическому лязгу и

скрежету, ударили по сознанию Сигурда, вызвав сильную головную боль. Его бывший товарищ по оружию, оперируя колоссальными объемами энергии, решил вернуть девушку, душа которой покинула круг перерождений этого мира и отправилась за его пределы, где могла уже не один раз родиться и умереть.

Способен ли он, Сигурд, Император Дакиэрро, на это? Конечно нет. Да, Дженази потерпел неудачу, но по какой причине? Уж точно не из-за недостатка сил и знаний. Как противостоять тому, кто способен вмешиваться в работу скрытых механизмов мироздания?

Сигурд усмехнулся, злой оскал надвое расколочил его лицо с высокими скулами и квадратным подбородком. Он начал борьбу с невозможными противниками еще до возвращения Дженази, и на их фоне бывший соратник просто терялся.

Ярмиры. На этой планете их тысячи. Белгорро и Глория — одни из немногих, кто бодрствует, и таких во всем мире и двух десятков не наберется. А остальные просто спят. В толще атмосферы и океана, в коре планеты и даже под ней, в верхних слоях раскаленной мантии. Спят, чтобы однажды проснуться. А что будет, когда это произойдет? Ну, места для человечества точно не останется.

И Сигурд упорно работал над тем, чтобы обеспечить ему путь к отступлению. Он заручился поддержкой Августо и Тоттенгрибера, опустил на земли Дакиэрро Небесные Города и направил их производственные и исследовательские мощности на масштабное строительство фундамента для будущего скачка в космическую эру.

Когда Дженази продемонстрировал свою силу, не ее Сигурд испугался, а последствий его действий. Электромагнитные возмущения не могли повредить строящемуся на орбите «Ринну», но они внесли чудовищные помехи в работу наземных систем, через которые Император контролировал свое детище. Несколько минут он не знал, что с кораблем, и эти минуты стали одними из самых неприятных в его жизни. А когда их привели в порядок, датчики и сканеры спутниковых систем разом забили тревогу: в сигналах сотен спящих ярмиров были замечены настораживающие изменения. Это было похоже на то, как человек ворочается во сне, и вскоре почти все успокоились. Все, кроме одного — находившегося в недрах планеты на расстоянии двух тысяч километров от Бифроста.

Человекоподобное создание из расплавленной горной породы десяти километров ростом собиралось проснуться. Предполагалось, что процесс займет еще десять лет, но и этот срок был до смешного мал. Успеет ли он? Как быстро достроенный «Ринн» восстановит «Магеллан»? Что, если эрлийцы вмешаются?

Нет, если ярмир выйдет из спячки, его можно будет победить. Но какой в этом будет смысл? Проснувшись, Сурт — так он назвал колосса — проломит земную кору и вызовет сильнейшие землетрясения и извержения вулканов. Цунами уничтожат целые страны, в атмосферу попадет такое количество вулканического пепла, что солнце закроет на целые годы. Кто сможет выжить в подобном безумии? Единицы.

Сигурд настойчиво искал выход из сложившейся ситуации, когда ему пришло сообщение от Августо:

«Ты помнишь Эрику и Каену?»

«Они погибли больше двухсот лет назад, — болезненные воспоминания сжали сердце Императора. — Дженази и Ришари были приняты в Гвардию, потому что нужно было найти им замену».

«Понимаешь... Оказывается, мы думали, что они погибли».

Глава 22. Сделка со Смертью

Нола ушла. Снова оставила Дженазу одного. И на этот раз ничто не сжигало его изнутри. Нечему уже было гореть. Он смог пережить смерть Винсенты и из обломков разрушенной души создал нового себя; это новое образование из мыслей, чувств и желаний сгорело дотла после смерти Нола. Но остался пепел, и из него, словно из песка, Дженазу построил замок-мечту, используя надежду вместо цемента. Теперь же надежды не было. Замок рассыпался, его развеяло без остатка.

Дженазу стоял на коленях перед надгробием и пустыми глазами, даже не читая, смотрел на ровную надпись.

«Нола Орчи. 881–899».

Ей было всего восемнадцать лет. Ей было всего восемнадцать, и она заставила его поверить в то, что мир можно изменить в лучшую сторону. Без неисчислимых жертв войны и всеохватывающего неусыпного контроля, без интриг и манипуляций человеческими судьбами, без мучительных сомнений в каждом своем шаге. Если бы только Вселенная позволила ей стать немного старше, если бы только Нола успела понять, какой силой обладал ее голос, когда достаточно одного слова — и человек меняется, полностью пересматривает свою жизнь.

«Нола Орчи. 881–899».

Он должен был защитить ее, должен был предвидеть, чем могут обернуться его действия. Но чтобы защитить от опасности, надо знать, откуда она исходит. А Дженазу не знал. Даже не подозревал, кто в этом мире ненавидит Нолу настолько, что сама мысль о ее существовании может свести с ума.

«Нола Орчи. 881–899».

Пустота в сердце начала заполняться яростью. Не нацеленной на кого-то или на что-то конкретное, просто следствие разрушенных до основания ожиданий и росток мысли, что цель оказалась фикцией, а другой — нет. Впрочем, у этой ярости все-таки был адресат — весь мир, и не просто планета, не просто вселенная, в пределах которой находится эта солнечная система, а бесконечное множество подобных ей, связанных между собой в человеческом представлении. И эта ярость требовала выхода. Дженазу мог выплеснуть ее через удар. Он мог выплеснуть ее через крик. Какой ущерб он тогда нанесет всему, что в этот момент его окружает? Неизвестно, но он собирался это проверить. Вернее, не собирался, но точно мог бы узнать о последствиях своих действий, если бы его не остановило ощущение чужого присутствия.

Дженазу обернулся и увидел невысокую и бледную, как сама смерть, девушку, одетую в черное. Среди ее густых черных волнистых волос, не достававших даже до плеч, затесалась одинокая белая прядь, черным были обведены ее темно-фиолетовые глаза и полные губы. И она была необыкновенно красива, даже со всем этим готическим антуражем, который интересным образом дополняли высокая шляпка-цилиндр с узкими полями и коса. Предмет садового инвентаря был в полтора раза выше его хозяйки, она с заметным трудом удерживала на хрупком плече тяжелую черную рукоять, увенчанную хищно изогнутым лезвием. А вообще, если бы этой косы не было, девушка стала бы первой красавицей во всей известной части Мультивселенной. Она влюбляла в себя с первого взгляда.

— Смерть, — Дженазу впервые видел антропоморфное воплощение конца всего, что

было, есть и будет. Все было точно так же, как рассказывал Дарр: Вселенная останавливается в ее присутствии. Это не остановка времени, потому что продолжает дуть ветер, гоняя по степи зеленые волны, и миллионы ее крохотных обитателей все вершат свои крохотные дела. Просто перестают происходить события, которые могут помешать беседе Смерти с тем, кто заслужил ее внимание.

— Дженази, — в тон ему ответила Смерть. — Хотя при нашей первой встрече у тебя было иное имя.

— Не помню, чтобы тогда мне приходилось с Тобой встречаться, — ни лицо, ни голос Дженази не выражали эмоций. Холодное, равнодушное спокойствие перед той, кто шла за ним по пятам на протяжении многих-многих лет.

— О, ты встречал меня много раз, даже когда не был г'ата. Просто видел меня такой, какая я есть на самом деле, а не в этом облике, созданном потребностью разума видеть свое подобие во всех существующих во Вселенной вещах.

— Интересно. Зачем ты пришла?

— Поговорить. Предупредить. Предостеречь, — Смерть поправила косу, которая стала съезжать с ее плеча.

— Зачем мне это?

— Я — Смерть, — из ее уст это прозвучало в самом всеобъемлющем и абсолютном значении.

— Ты — девчонка со здоровенной косой и в дурацкой шляпе, — не изменившись в лице, парировал Дженази.

— Косу меня заставляют с собой носить, — обиделась Смерть. — И шляпа моя не дурацкая.

— Кожа — это тоже распоряжение вышестоящих? — усмехнулся Дженази.

— Ага, точно. И еще пара деталей.

Дженази против собственной воли опустил взгляд на ее грудь. Не слишком большая, но и не слишком маленькая, как раз в его вкусе. Если задуматься, то в точности до микрометра.

— Я имела ввиду волосы и шляпку.

Дженази поспешно отвел взгляд в сторону.

— В виде скелета ты бы произвела куда более сильное впечатление. Очарование и ужас неотвратимого конца. Обреченное понимание неизбежности, у которой есть своя собственная воля.

— Я — лишь завершение этапа в бесконечном цикле. Посмотри на меня под другим углом — и увидишь Жизнь.

Он промолчал. Потом повторил основной вопрос:

— Зачем ты пришла?

Смерть еще раз поправила косу на плече, но слишком резко, и цилиндр съехал ей на лоб. Поправляя его, она едва не выронила свой основной атрибут и чертыхнулась. Дженази наблюдал за процессом, сохраняя ледяное спокойствие.

— Ты только что пытался вернуть душу, которая после меня покинула пределы этого мира и успела несколько раз возродиться в других. Когда подобное происходит, я не могу не вмешаться. А коса мне нужна на тот случай, если ты ответишь отказом на просьбу больше не вмешиваться в мою работу. Раньше я не беспокоилась из-за твоих проделок, потому что ты возвращал тех, чьи души я не успела забрать, но сегодня... Воскресить человека, чья душа ушла сто пятнадцать лет назад? Ты серьезно? Ты вообще слышал такие слова, как

Вселенское Равновесие, Космический Баланс?

— Однажды я воскресил ребенка через неделю после того, как ты его забрала. Почему ты не вмешалась тогда?

— Ты о Джое? Я все то время сидела рядом с ним, потому что не могла увести его душу. Ты когда-нибудь рассказывал ребенку истории семь дней подряд, без остановки? Я, между прочим, истории предпочитаю слушать, но ему было всего пять, так что его собственный рассказ уложился в полчаса. Иногда я думаю, что рассказала ему слишком много...

— Значит, если мне суждено вернуть человека, то ты не можешь увести его? Значит, мне незачем тебя бояться. Ты зря взяла с собой косу.

Смерть расстроилась, когда поняла, что сказала лишнее. Но и Дженази не сильно обрадовался этой маленькой победе.

— Дарр говорил, что ты не можешь лгать.

— Не могу, — подтвердила Смерть.

Г'ата нахмурился.

— Но ты сказала, что забереешь меня, если я откажу в твоей просьбе.

— Когда? — искренне удивилась Смерть.

— Пару минут назад, я даже процитировать могу: «...коса мне нужна на тот случай, если ты ответишь отказом на просьбу больше не вмешиваться в мою работу...» — конец цитаты.

— Вот видишь, я не обещала тебя забирать. Просто не уточнила, что цель косы — психологическое воздействие, а не физическое. Понимаешь, мне сказали, что острые штуки особым образом действуют на людей, они сразу представляют, как те вонзаются в них, режут...

— Я не боюсь острых предметов. Но раз мы выяснили, что ты ничего не можешь мне сделать, почему бы тебе просто не уйти? Меня ждут племянники.

Смерти надоело возиться с косой и она с видимым облегчением положила, а точнее, уронила ее на землю, безжалостно придавив пучок нежных анафелисов.

— Я предлагаю тебе сделку.

— Сделка со Смертью? — Дженази задумался над звучанием и смыслом данной фразы.

— Да. Ты больше не будешь воскрешать тех, за кем я пришла не на твоих глазах.

Дженази покачал головой.

— Это неприемлемо.

— Но ты даже не услышал, что я предлагаю взамен.

— Это неважно. Речь идет о жизнях, которые можно вернуть.

Смерть сдвинула свои изящные брови и крайне строго ответила:

— Послушай, я понимаю, что ты хочешь подобным способом... как это называется... замолить грехи тех дней, когда я по твоей милости забирала сотни и тысячи в день. Но так уже случилось. Я с ними случилась, и если быть до конца объективными, не только благодаря тебе. Ты должен знать, как это бывает: человек встает рано утром, умывается, чистит зубы, одевается, завтракает, выходит из своей квартиры и идет на работу. По пути здороваются с соседями и знакомыми, с кем-то завязывает разговор на одну-две минуты. Потом решает, как ему быстрее добраться до места — в метро спуститься или остановить такси. Выбирает такси, кричит «Шеф!» — и в этот момент ему на голову падает цветочный горшок, который уронила сонная домохозяйка, которая решила начать утро с кофе и сигаретой на балконе. На первый взгляд незначительные моменты выбора трех-четырех

человек привели ко мне, но поступи хотя бы один из них иначе, встреча со мной отложились бы лет на тридцать-сорок. Конечно, ты убивал сознательно, но что мешало твоим жертвам в этот момент находиться в другом месте? Пойми, это Судьба, мой брат единственный, кто знает, как, что и зачем должно произойти.

Дженази оскалил клыки, и пусть они сейчас были человеческими, менее жутким его выражение лица не стало.

— Я не умею перекладывать вину за свои преступления на всю Вселенную. И разве то, что я уже вернул несколько жизней, нельзя назвать Судьбой и волей Вселенной? Если ты заговорила о том, что убийства, совершенные мной, предначертаны, то почему нельзя также назвать и случаи воскрешения?

— Почему нельзя? Можно, — согласилась Смерть. — Но не нужно. Ты своими действиями привносишь дополнительный элемент Хаоса, а Хаос — это то, чего по возможности нужно избегать. Это моя позиция. Я не могу утверждать, что поступаю правильно, но если могу исключить хотя бы один фактор, который нарушает космическое равновесие, то должна сделать это. А теперь вернемся к обсуждению условий нашей сделки. Ты не будешь воскрешать ушедших из-за старости и погибших не на твоих глазах...

— Эй, раньше условия про старость не было... И не забывай, что мое восприятие не ограничивается зрением.

— Может, ты наконец дашь мне сказать, что я предлагаю тебе взамен?

— Одним из твоих условий должны быть требования, которые на заставят меня в последствие пожалеть о сделке. Я ведь не возвращаю жизни направо и налево, а твои условия легко могут привести к тому, что я не смогу вернуть действительно дорогого для себя человека.

— Ты должен научиться отпускать, — насупилась Смерть.

— Но я могу и не отпускать, — веско ответил Дженази.

Смерть подобрала косу и снова закинула ее себе на плечо.

— Так мы никуда не приедем.

— Согласен. Тебе лучше уйти и смириться с тем Хаосом, который я буду приносить в этот мир.

Смерть очень долго смотрела Дженази в глаза, и никто, кроме Судьбы, не мог знать, что в тот момент творилось в ее голове. Наконец она тихо вздохнула и извлекла из-за ворота черной куртки крохотный шарик белого светящегося тумана.

— Это память Нолы Орчи. Она просила передать ее тебе, но как поступить с этим на самом деле, решать только мне.

В этот момент выражение лица Дженази, и без того непроницаемое, стало по-настоящему каменным, и это красноречивее любых нюансов мимики свидетельствовало о том волнении, которое его охватило.

— Предлагаю поступить так: я передаю ее тебе, если ты обещаешь использовать возвращение души раз только в сто лет.

— Раз в год, — ни секунды не раздумывая, ответил г'ата.

— Неприемлемо, — возразила Смерть.

— Не обсуждается.

И снова продолжительное столкновение взглядов личностей, которые очень не любили идти на компромисс.

— Раз в год так раз в год. Я даже начну отсчет с момента твоего следующего

вмешательства в мои дела. Теперь-то договорились?

— Нет. Память Нолы ценна для меня, но ведь я могу обойтись и собственными воспоминаниями о ней. Мне нужна информация о том, где сейчас находится ее переродившаяся душа.

Смерть закатила глаза, но почти неуловимая тень облегчения, промелькнувшая в ее глазах, выдала Вечную с головой.

— Тебя действительно нужно познакомить с Судьбой. Он определенно спустит на землю твое зарвавшееся самомнение. Но так и быть, я согласна. Душа Нолы Орчи после смерти покинула этот мир и была разделена на семнадцать частей, некоторые из них завершают уже двенадцатый жизненный цикл. Ближе всего к тебе была и есть ее реинкарнация по имени Хэль. Ты был рядом с ней на корабле нашего хорошего знакомого Дарра. А теперь до нашей следующей встречи. Она произойдет совсем скоро, я в этом уверена.

Глава 23. Личное

19:40, 20 июля 1014 года, Федерация Вердиго, республика Кайлена.

Когда световое шоу, устроенное Дженази, закончилось, Юрика потратила примерно пять минут на то, чтобы проанализировать события последних четырех дней и разложить по полочкам свое отношение к каждому из них, а также к той информации, которая ею была получена. Получалось примерно следующее: мать — убийца, и среди ее жертв — отец Юрики; старший брат — убийца, и это ей довелось засвидетельствовать лично; бабушка и дедушка — бывшие Гвардейцы Хаоса, в которых она раньше не верила; Ранфарг Белгорро — тоже, так же он хороший друг семьи ее второго старшего брата, а еще ей достались воспоминания Дана Даркенвэй, в которых гигант был уличен в истреблении сотен людей; дядя просто жуткий тип. За четыре дня Юрика увидела, как он ломает людьми (Ичиро все-таки человек, как не крути) стены, управляет сознанием, отрывает дронам головы, без труда побеждает бывших спасителей человечества (Валерию), меняет ландшафт, исцеляет и возвращает молодость, а теперь еще и устраивает вот это... Что именно имеется в виду под «это» помимо внешних проявлений (сфера света, поглотившая, по ее впечатлению, едва ли не полмира), девушка не знала, но была уверена, что когда это знание окажется в ее распоряжении, силы удивляться еще больше у нее найдутся. И все сводилось... к чему? К тому, что она по-прежнему собирается идти с ним дальше, ведомая обещанием привести ее к матери, словно дворняжка — грошовой сосиской, в которой бумаги больше, чем сои, а запах химического красителя «под мясо» отобьет аппетит у любого, кто ел хотя бы два дня назад. Но перед дворняжкой стоит вопрос жизни и смерти, и перед Юрикой, если задуматься, тоже. Всю свою осознанную жизнь она мечтала о семье и эта мечта сбылась. К черту трусливые мысли о бегстве, Дженази не должен ее пугать.

Следующие десять минут она морально готовилась к моменту, когда Дженази подойдет к ним, вышла вперед, оставив за спиной родственников и Просперо, и задала вопрос, который прозвучал так, словно только что она наблюдала рядовое шоу жонглирования тремя зажженными факелами, единственным острым моментом которого была невесть откуда выпрыгнувшая обезьянка:

— Что ты сделал? — «а где пряталась обезьянка?»

— Прощался с Нолой, — Дженази, похоже, оценил усилия племянницы. Об этом свидетельствовало то, с какой теплотой он взъерошил ее волосы. Девушка фыркнула, отшатнулась и постаралась привести прическу в прежний вид — благо волосы короткие.

— Получилось? — подключился к процессу Ранмаро.

— Да.

— Ты говорил с ней? — Валерия, судя по содержанию вопроса, знала больше остальных, так что Юрика сразу догадалась, к кому можно будет обратиться, если ответы дяди ее не устроят. Хотя кто из этих двоих более скрытен, тот еще вопрос.

— Да. Теперь мне гораздо легче.

— Я ошибаюсь, или явление, которое мы наблюдали, было результатом вызова души умершей? — Просперо тоже сделал соответствующие выводы, но решил для начала прояснить ситуацию.

— Да. Так бывает, когда не используешь пентаграммы, заклинания на мертвых языках,

кровь черной курицы и прочую чепуху, — Дженази, вероятно, пытался пошутить, но тяжело оценить юмор человека, в глазах которого определенно не веселые искорки смеха сверкают. Скорее, наоборот.

— Получилось очень ярко.

— Извините, я не хотел вас напугать.

— А кто сказал, что мы испугались? — с вызовом спросил Ранмаро. А потом нервнo рассмеялся, поймал себя на этом и покраснел.

— И что теперь? — вопрос принадлежал Виктории. И ответить на него решила ее мать:

— Я возвращаюсь в Фламби, а вы... Делаете то, что и собирались еще утром: отправляетесь в Судо.

Юрика заметила на лице дяди проблески сомнения. Чтобы там не случилось двадцать минут назад, это внесло некоторые изменения в его планы. Возможно, даже в точку зрения. Он размышлял над словами Валерии, а когда становится заметным мыслительный процесс человека подобного масштаба, это заставляет настораживаться.

— Еще не вечер, — произнес он наконец. — Ты можешь уехать и утром, так почему бы нам не провести оставшееся время в одной компании? Вернемся в город, сходим куда-нибудь...

«Нам нужно поговорить наедине,» — эти слова Дженази не прозвучали, но Юрика услышала их. Человеку, способному влиять на сознание других, вообще нужно тщательнее следить за своими мыслями.

— Только не в Гриндлосс, — разумеется, Валерия тоже услышала мысленную просьбу дяди Юрики. — К западу отсюда есть еще один городок, всего в полчаса езды. Там очень красивые парки.

— Если поторопимся, окажемся там еще до наступления темноты, — сказал Просперо, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Да, верно.

Во время возвращения в Гриндлосс формация компании имела уже совершенно иной вид. Впереди шел Дженази, вокруг которого, размахивая руками, нарезал круги Ранмаро — он неожиданно вспомнил о том, что дядя обещал научить его парочке своих особых приемов. Виктория оказалась в этом заинтересована не меньше, но свой энтузиазм сдерживала, и даже намекала брату, что Дженази, возможно, устал после мощнейшего выброса мистических сил. Их дядя сразу воспользовался нечаянным советом, но отделаться от парня оказалось не так-то просто, так что в ход пошло предложение для начала показать все, что он умеет. Ранмаро недолго раздумывал над этим, и не размениваясь на мелочи, решил вызвать Викторию на демонстрационный поединок. Она почти согласилась, когда Валерия напомнила, что у них не так много времени. На что Юрика язвительно заметила, что бой Виктории и Ранмаро не займет много времени. Шпилька была в адрес племянницы направлена, и дочь Ичиро и Валерии взвилась в желании показать шибко умным, что они заблуждаются. Тогда Ранмаро тоже вспомнил о нехватке времени — мериться силами со взбешенной сестрой было плохой идеей.

Юрика только ради развлечения еще пару минут дразнила племянницу, а когда та решила всерьез поставить зарвавшуюся нахапку на место, быстро ретировалась, избрав в качестве укрытия место по правую руку от Валерии. Виктория при виде подобного коварства только фыркнула презрительно и вернулась в общество Дженази.

— Тебе нравится Виктория? — вопрос Валерии застал Юрику в самый неожиданный

момент, когда она всерьез намеревалась показать спине племянницы язык.

— А что, похоже?

— До того, как ты появилась, она могла так свободно общаться только с Ранмаро. У нее никогда не было подруг.

— Ну, я не удивлена. Посмотришь на нее, и сразу стукнуть хочется. Слишком много о себе воображает.

— Умна, красива и знает об этом. А еще она знает, к какой семье принадлежит. Люди не любят, когда на них смотрят свысока, особенно если они сами привыкли так себя вести. До тринадцати лет она вместе с Ранмаро ходила на занятия в лучшую школу Фламби — я хотела дать ей возможность общаться с другими детьми. А потом мне пришлось их оттуда забрать — она избивала нескольких школьников. Они были дочерьми очень влиятельных горожан, а мы в их глазах — всего лишь странной, хотя и богатой семьей. Мне сказали, они пытались издеваться над ней.

— Школьная травля? — хмыкнула Юрика. — Знакомо.

— Ты так и не ответила на мой вопрос. Тебе нравится Виктория?

Девушка собралась было ответить в том же духе, в котором она общалась с ее дочерью, но во взгляде Валерии застыло выражение, которое не могло принять шуток и неискренности. Женщина восприняла ее всерьез, а значит, ей придется соответствовать ожиданиям.

«Какого черта?» — подумала Юрика, посмотрела, нет ли рядом лишних свидетелей, и ответила:

— Нравится.

Гром не грянул и молния с небес не испепелила на месте девушку, совершившую поступок. Вообще не произошло ничего из того, ожиданием чего оправдываются люди, избегающие говорить начистоту. Правда, Юрика знала, что никогда и ни за что не повторит это в присутствии Виктории, но здесь уже дело принципа. А что такое человек без принципов?

Валерия чуть замедлила шаг, чтобы расстояние между ними и Дженази с компанией, к которой присоединился и Просперо, увеличилось еще больше.

— А ты можешь сказать, почему так ведешь себя, когда Виктория рядом?

— Между прочим, она первая начала, — Юрика вспомнила их первую встречу и попыталась найти причину напряженных отношений в сложившихся тогда обстоятельствах, но зацепиться было не за что. Неважно, каким образом будут развиваться события, ее расположения Виктория не дождетя.

Разумеется, Валерию не устроил такой ответ, но она пока просто молча ждала.

— Я не знаю точно, почему, — Юрика сдалась перед затянувшейся паузой. — Это ощущение, понимаете? Ну, что неправильно будет, если я перестану ее... задевать. Как представляю, что мы с ней болтаем, словно какие-нибудь курицы-подружки, так сразу тошно становится.

— У тебя тоже не было подруг, да?

— У меня есть лучшая подруга, — Юрика вспомнила о Марии, и от мысли, что Валерия все-таки не может читать ее, словно открытую книгу, стало легче.

— Как ее зовут? — спросила Валерия. В ее вопросе не было ничего, кроме простого любопытства, но почему-то инстинкты Юрики забили тревогу.

«Не отвечай! Ловушка!» — звенело в подсознании, но где и какая? Юрика ни в чем не

была уверена, только появилось ощущение, что весь этот разговор был спланирован матерью Виктории заранее.

«Что именно ты ожидаешь услышать?» — подумала девушка, глядя Валерии в глаза, и все-таки ответила:

— Мария.

— Красивое имя.

Юрика с Валерией была полностью согласна. Ей нравилось, как оно звучит.

— И ты произнесла его так, словно она для тебя больше, чем подруга.

— На самом деле Мария мне как сестра, — девушка не могла с этим спорить. — Я всегда заботилась о ней. И хочу забрать ее из приюта... Понимаете, ее семья попала в аварию, она потеряла родителей и даже ногу. Представляете, каково это — стать сиротой и инвалидом в десять лет?

— Представляю, — ответила Валерия. — Ты жалеешь ее?

— Я люблю ее, — возразила Юрика, и уточнила:

— Как лучшая подруга.

Валерия улыбнулась ей, отвечая пониманием. Только странным оно было, это понимание. Напоминало щелчок захлопнувшейся мышеловки.

— Уточнения, — произнесла женщина. — Зачем ты уточнила, что любишь ее как подруга? Кем ты еще можешь для нее быть?

— Ну, знаете, есть мужчины и женщины, которые любят мужчин и женщин. В смысле, людей своего пола, и чтобы вы не подумали...

— А почему я должна была так подумать? Чем плохо слово «люблю»?

— Да ни чем. Но мало ли...

Валерия тихо рассмеялась и Юрика снова смогла нормально дышать.

— Я видела, как ты смотрела на меня вчера утром. Ты сама этого не замечаешь, но женское тело привлекает тебя.

Шестеренки в голове девушки зажужжали с феноменальной скоростью. У нее даже не было времени возмутиться на столь вызывающее замечание — она анализировала их разговор с самого начала и делала выводы.

Щелкнуло — картинка сложилась. И Юрике было необходимо так сформулировать свой ответ, чтобы из головы Валерии исчезла даже тень мысли о том, что ей...

— Виктория нравится мне не в этом смысле.

— И это хорошо, — кивнула Валерия. — Это правильно. Все-таки она твоя племянница.

— Вы этот разговор не просто так начали, — Юрика была очень зла на себя. — Только делаете вид, что беспокоитесь, хотя на самом деле все это вас забавляет.

Валерия только рассмеялась в ответ и положила руку на плечо девушки.

— Милая, в чем ты меня подозреваешь? Я не из тех, кто получает удовольствие от игры на чужих чувствах и желаниях.

Юрика почти агрессивно разорвала установившийся физический контакт и отошла на безопасную дистанцию.

— Но играете. Я тоже умею цепляться к словам, знаете ли. Так зачем вам это?

— Не ищи черную кошку в черной комнате — ее там нет.

— Вы сами не лучше. Обвиняете меня во всякой чепухе.

— Я не обвиняю. Я знаю.

Юрика сжала кулаки и выйдя вперед, остановилась, преграждая Валерии дорогу.

Развернувшись, посмотрела ей прямо в глаза.

— А может быть, вы и сами... того? Пристаете к несовершеннолетней, намеки неприличные делаете. Что скажет дядя, когда узнает?

Но решимость девушки открыто противостоять матери Викторией мгновенно испарилась, когда та сделала шаг навстречу и снова положила руку ей на плечо — Юрика сразу отступила, сдавая все позиции.

— У Дженази великолепный слух.

Юрика нервно обернулась. Ее дядя вместе с Ранмаро, Викторией и Просперо ушли далеко вперед.

«Ты же не думаешь, что я тебе это так просто оставлю, дядя? Что, так сложно спасти меня от этой... этой... Твою ж, приличные слова закончились...»

— Неловкая ситуация, правда? — теперь было определено точно понятно, что Валерия получает удовольствие от вида растерянной Юрики. — Но знаешь, сбежать никогда не поздно. Это лучше, чем сказать то, о чем потом будешь жалеть.

Юрика представила, как поворачивается спиной к женщине и уходит, а она насмешливо смотрит ей вслед.

«Никогда!» — эта мысль огнем смела все пораженческие поползновения слабых сторон ее характера. Появилось желание ударить в ответ.

— Что вы думаете обо мне? Знаете, когда требуешь от человека искренности, нужно отвечать взаимностью.

Девушка и глазом моргнуть не успела, как оказалась в крепких объятиях Валерии. Дыхание перехватило — одним из основных неудобств в диалоге с женщиной была разница в росте. Ощутимая разница, глаза Юрики находились на уровне груди матери Викторией.

— Что я думаю о тебе? — ласково произнесла Валерия. — Много чего, дочь Ришари. Некоторые мои мысли лучше бы никогда не озвучивать. Некоторые никогда не будут озвучены. Но вот я обняла тебя — и мне стало легче. Злое уходит, я забываю, кто ты, и остается только тепло тела. Славный милый ребенок. Я никогда не причиню тебе вреда.

Объятия разжались, Юрика оказалась на свободе.

— Больше так не делайте. Никогда, — дрожащим голосом сказала она, все еще помня пальцы, которые перебирали ее волосы.

— Хорошо, — только и ответила Валерия, оставляя Юрику в одиночестве. Нужно было догнать Дженази и остальных.

«Теперь мне придется держаться от нее... подальше,» — решила про себя девушка, и сохраняя образовавшуюся дистанцию, отправилась следом.

Глава 24. Город цветов и огня

21:30, 20 июля 1014 года, Федерация Вердира, республика Кайлена, Эдельбрасс.

Город, о котором рассказала Валерия, носил звучное название Эдельбрасс, которое не совсем подходило для его улиц, обильно украшенных цветочными клумбами. В основном это были тюльпаны, и в большинстве своем красные. Обилие этого цвета в багровых лучах практически скрывшегося за горизонтом солнца притупляло зрительное восприятие, глаза оставались под воздействием однотонной гаммы даже тогда, когда человек закрывал их или смотрел туда, где тюльпаны не попадали в поле зрения.

Эдельбрасс был городом красных тюльпанов.

А если бы горожане избрали в качестве цветочного оформления улиц что-нибудь менее эффектное, он стал бы городом можжевельника, ажурной ковки и барельефов. Можжевельник рос везде, где не были посажены тюльпаны; уличные фонари, лавочки, балконы и ограды потрясали вычурностью металлических декоративных элементов; над каждой второй стеной городского здания, похоже, поработал скульптор, который задался целью превратить это место в одно огромное произведение искусства — каменные композиции были связаны между собой в первую очередь своими сюжетами, и уже потом техникой исполнения. Которая не менялась, в какой бы глухой переулок гость Эдельбрасс не решил заглянуть. Воистину, работа Бога Скульптуры.

А еще Эдельбрасс был городом праздничного настроения — если забыть о зрении и положиться только на слух и обоняние. Музыка и гомон большого скопления народа, свист и грохот редких фейерверков, даром что солнце не успело полностью скрыться за линией горизонта; будоражащие воображение и желудок ароматы всего того съестного, что только могли предложить шашлычные, закусочные и булочные.

Эдельбрасс был городом, который любил своих гостей.

Эдельбрасс был городом, в который его гости влюблялись с первого взгляда.

Юрика, по-крайней мере, влюбилась в него сразу. И это чувство быстро переросло в истинную любовь сразу после того, как она столкнулась взглядом со своим отражением в одной из стеклянных витрин: ее волосы терялись на фоне огромной цветочной клумбы за спиной. Впервые в жизни девушка стала незаметной без своей вязанной шапочки.

— Юрика, не отставай! — голос Ранмаро отвлек ее от глубокого созерцания картины собственной непримечательности. Валерия вела их в центр города, туда же, куда стекались основные потоки отмечающих праздник людей, и останавливаться совсем не собиралась.

— А что за день сегодня такой? По какому поводу праздник? — спросила девушка, догнав группу.

— Без малейшего понятия. Тетя должна точно знать, — ответил ей брат.

— Да, она точно должна знать, — мгновенно согласилась Юрика. — Мне, собственно, без разницы. Спроси у нее, долго нам еще идти? Есть хочется...

— А почему именно я? — удивился Ранмаро.

Девушка сделала вид, что ее заинтересовало костюмированное шествие, которое вышло на центральную улицу на одном из перекрестков из-за угла очередного здания.

— Не хочешь — не надо. У тебя при себе деньги есть? Вижу бутерброды прямо по курсу.

Деньги у Ранмаро были. И помимо вороха купюр номиналом в пять и десять айр Юрика заметила у него и две сотенные, что говорило о многом, ведь банкнот с большим количеством цифр в свободном обращении не было. Два бутерброда с сыром обошлись им в пятьдесят арьян — торговцы по случаю праздника заломили цены. А потом девушка увидела на противоположной стороне улицы неприметный серый киоск с ассортиментом товара, о котором последние дни могла только мечтать.

— Что случилось? — только и успел удивиться парень, когда его без лишних сантиментов схватили за рукав и потащили сквозь толпу с целеустремленностью ледокола.

— Дай три... Нет, пять айр! — потребовала Юрика, когда они оказались возле киоска.

— А зачем? — Ранмаро уже доставал деньги, когда в голову пришла мысль спросить, зачем они его сестре нужны. А потом он догадался посмотреть на витрину.

— Да я отдам, — соврала девушка, которая ни разу в жизни не возвращала взятое взаймы. — Ну чего ты копаешься?

Отказать сестре оказалось не так-то просто, но Ранмаро смог с этим справиться:

— Нет. Сигареты я покупать не буду.

Юрике стоило огромных усилий сдержать рвущиеся наружу ругательства, но она с собой справилась, улыбнулась и ответила:

— Ты меня неправильно понял. Я не собираюсь заставлять тебя покупать сигареты. Деньги давай.

— А, вот как, — с облегчением выдохнул парень, уже приготовившийся к неминуемому конфликту, и занялся поиском купюры требуемой стоимости. Извлек наконец ее из кошелька и предложил сестре. И попытался понять, где именно его обвели вокруг пальца, когда Юрика как ни в чем не бывало купила серебристую пачку и коробку спичек.

— Ты же сказала...

— Что я сказала?

— Что не будешь покупать сигареты.

— Я такого не говорила.

— Но...

— Я сказала, что ты не будешь их покупать. Ты их купил? Нет. Что не так?

Судя по выражению лица Ранмаро, на него снизошло понимание того, с кем он имеет дело.

— Но ведь это мои деньги...

— Они перестали быть твоими в тот момент, когда ты их мне отдал, — парировала Юрика.

— Одолжил, — поправил ее брат и понял, что совершил ошибку — Юрика не оценила его усилий играть по ее правилам.

— Тебе что, пяти айр жалко? — с обидой спросила она, распечатывая пачку. Через несколько секунд в лицо Ранмаро было направлено целое облако табачного дыма.

— На сигареты — жалко. Курить вредно, между прочим. Особенно детям. Несовершеннолетним, я хотел сказать.

— Мне кажется, или ты очень сильно хочешь, чтобы мы поссорились?

Активная жестикуляция парня быстрее, чем слова, выдала его нежелание доводить дело до подобного:

— Нет, что ты... Просто я беспокоюсь о тебе.

— О, — искренность Ранмаро не могла не тронуть Юрику, но для того, чтобы заставить

ее отказаться от сигарет, требовалось нечто большее. — Тогда задумайся над тем, как себя чувствует человек, который видит что-то, что ему жизненно необходимо, но не может это получить. Такой человек становится очень, просто невероятно раздражительным. Тебе оно надо, а?

Ранмаро покачал головой в ответ и Юрика поздравила себя с победой.

«Рохля, — подумала она снисходительно. — Будем из него веревки вить. Главное, чтобы дядя не стал мешать». А вслух произнесла:

— А ты что, сам никогда не пробовал?

— Нет.

И тут Юрика ощутила всю прелесть роли змеи-искусительницы.

— Но хотел бы попробовать?

— Нет, — так же твердо ответил Ранмаро.

— Не верю, — несколько театрально заявила девушка.

— Думай, что хочешь, — насупился парень.

— Спорим, если бы тебе предложила сигарету сногшибательная красотка, ты бы согласился?

Ранмаро улыбнулся.

— Ты еще ни разу не целовалась, да? Когда девушка курит, это далеко не так приятно, как выглядит со стороны.

Юрика подавила желание немедленно выбросить сигарету, заставила себя сделать пару последних затяжек и только после этого потушила окурок о подошву сандалии. И ей осталось только выбрать, врать брату или нет. Решила, что не станет.

— Мне только шестнадцать. Рано еще заводить серьезные отношения.

Ранмаро расхохотался, до обидного громко. Девушке пришлось взять себя в руки, чтобы не ударить брата, но он все равно на всякий случай отступил назад.

— Что смешного? Я что, по-твоему, должна была к этому времени сменить с десятков парней — как перчатки? Так мне, знаешь ли, не до них было. А ты сам-то, во сколько девушку поцеловал? Виктория не считается...

— В двенадцать... А Рия здесь вообще причем? Она моя сестра!

— Просто был у меня друг, который постоянно хвастался своими похождениями на любовном фронте. Говорил, что начал целоваться с девчонками в восемь лет. Оказалось, он говорил о своей кухне.

Ранмаро покраснел. Вернее, налился багрянцем, словно кончик кочерги, которой слишком долго орудовали в пылающих недрах печки.

Юрика продолжила, словно не замечая смущения брата:

— И как выяснилось, она была единственной представительницей противоположного пола, с которой у него была интимная близость. И та в шутку... Рик вообще большим треплом был.

— Был? — осторожно спросил Ранмаро.

— Да. Ичиро убил его.

— За что? — не спросил, а скорее воскликнул парень.

Юрика достала еще одну сигарету и сломала дрожащими руками пару спичек.

— За что? Скорее, почему. Наш брат тот еще подонок. Но я не хочу об этом говорить. Посмотри, как тут здорово! Знаешь, я не хочу сейчас возвращаться к дяде и остальным. Давай погуляем, а? Они, если захотят, нас быстро найдут.

Ранмаро не стал спорить, и Юрика была благодарна ему за это. Они отправились изучать празднующий Эдельбрасс, который к этому времени уже стал ночным Эдельбрасом — у неба не осталось других оттенков, кроме черного, и тускло сияли звезды, потому что их свет затмевали «звезды земли» — огни уличных фонарей, сияющие проемы окон и яркие вспышки фейерверков. Последние пока еще не отличались сложностью форм и разнообразием красок, но количество их наводило на мысль, что город целый год запасался пиротехникой, чтобы использовать ее всю именно сегодня.

— Эй, Ранмаро, а какие девушки тебе нравятся? — Юрика проводила взглядом прошедшую мимо милостивую девушку и совсем некстати вспомнила недавний разговор с Валерией.

Ранмаро, который в это время был занят тем же самым — провожал красавицу взглядом, то есть — сначала вопрос не понял, а когда это наконец произошло, растерялся. Юрика определенно застала его врасплох.

— Ну... Как бы сказать... — его руки самопроизвольно обрисовали в воздухе нечто гитарообразное, но он быстро опомнился и спрятал их за спиной. — Умные, вот. С которыми можно поговорить о чем-нибудь таком... О книгах, музыке, космонавтике.

— О чем? — со смехом переспросила Юрика. Поведение брата ее забавляло.

— Ранфарг Белгорро сказал, что ученые Федерации сейчас занимаются разработкой новых ракетных двигателей, с помощью которых можно будет покинуть нашу планету. Для тех, кто не знает, что у Дакиэрро уже есть космические корабли, на которых можно даже долететь до соседней звезды, эта тема действительно интересная.

— Не вешай мне лапшу на уши... Я в жизни не поверю, что ты воркуешь со своими пассиями о ракетах и звездах как космических телах. Что, не можешь быть с сестрой немного по-откровеннее? — Юрика ткнула его локтем в бок.

— С Рией я эти темы тоже не обсуждаю.

— А с кем тогда? — Юрику задело, что уровень их близости был определен как «Доверяю так же, как и Рие».

— Ни с кем. Я вообще не люблю распространяться о своих девушках.

— У тебя их что, сейчас больше двух? Познакомишь со всеми или только с той, которую можно Валерии показать?

— Я не говорил, что сейчас у меня кто-то есть! — Ранмаро повысил голос, а еще дочь Ришари с удовольствием отметила, что глаза у него забегали, словно пойманные с полочным мышью в коробке из-под печенья.

— О том, что у тебя никого нет, ты тоже не говорил... Так со сколькими ты сейчас встречаешься?

Ранмаро решил, что с него довольно провокационных вопросов, только не знал, как убедить в этом сестру — Юрика не была телепаткой, но слишком уж выразительным было его лицо. А потом он сдался.

— С двумя... Только никому, ладно?

— Ты за кого меня держишь? Я буду нема, как могила... А из дяди вообще слова лишнего не вытянешь.

Ранмаро напрягся и на всякий случай посмотрел по сторонам, чтобы убедиться, что Дженази рядом нет.

— Это ты к чему сейчас? Дяде тоже нельзя говорить...

— Ты что, не знаешь, какой у него тонкий слух? И нюх? Он учуял тебя из самого

Ховина! Шестьсот километров, Ран! Спорим, что он сейчас слышит каждое наше слово?

— Да быть не может... Сейчас слишком шумно, — и действительно, даже учитывая число находящихся рядом людей, Ранмаро не боялся говорить с сестрой на повышенных тонах, ведь делай он это чуть тише, не слышал бы даже сам себя.

— Спорю на сотню, что слышит, — Юрика не была уверена в том, не преувеличивала способности дяди, но если это правда, то она выиграет сто айр. А так как у нее самой денег не было, то и проиграть она не боялась.

Ранмаро задумался над ее предложением, а потом задал резонный вопрос:

— А как мы об этом узнаем? Подойдем и прямо спросим у него, подслушивал он или нет?

Юрика, которая упустила из виду этот момент, сначала растерялась, а потом быстро нашла решение проблемы:

— Очень просто. Видишь вон ту пожарную лестницу? — она указала брату на четырехэтажное здание напротив, на крышу которого вела слегка поржавевшая, но все еще надежная металлическая конструкция. — Я сейчас поднимусь по ней, а потом спрыгну вниз. Если дядя нас слышит, то обязательно меня спасет.

— А если нет? — идея Юрики привела Ранмаро в ужас. — Как он вообще успеет что-то сделать, даже если услышит? Я знаю, что он очень сильный, но ведь не всемогущий и не вездесущий.

— Я переломаю себе ноги, а ты выиграешь сто айр... — собственная идея предстала перед Юрикой уже в совсем другом, противоположном свете, но отступить она не могла.

Ранмаро не смог сразу понять, говорит его сестра всерьез или просто шутит. Не смог прийти к однозначному выводу и минуту спустя, и неожиданно сказал:

— Ну, можно попробовать...

Юрика едва не задохнулась от возмущения, первой реакцией было желание пнуть брата, второй — пнуть сильнее. И уже плохо соображая, что делает, решительно направилась к пожарной лестнице. Надеюсь, разумеется, услышать просьбу не делать глупостей.

«Этот придурок обязан меня остановить!»

Вот только она не дождалась этого даже тогда, когда оказалась на крыше. Ранмаро просто молча следовал за ней, разве что напряженно посматривая на людей внизу — боялся, что чье-нибудь внимание будет привлечено подозрительной деятельностью молодых людей. Но жителям Эдельбрасса было совсем не до юной парочки, решившей уединиться наверху. И истинным счастьем было для этих двоих, что они не поняли, как выглядят со стороны.

— Может, не надо, а? — Ранмаро произнес это, когда Юрика застыла на краю карниза, осторожно пробуя подошвой шероховатую черепицу на предмет случайно не забитого гвоздя. Она не собиралась падать раньше времени. А если честно, вообще уже никуда не собиралась. Вниз — особенно, но слова брата вернули ей решимость.

— Дядя меня поймает, — и Юрика сама испугалась того, с какой убежденностью прозвучали ее слова.

— Послушай, я же не всерьез с тобой согласился! — Ранмаро начал откровенно нервничать. — Я верю, что дядя нас слышит, ты выиграла, деньги твои...

Юрика шагнула с карниза — вниз. И по настоящему испугалась только тогда, когда зависла между небом и землей, пойманная за руку братом. Он оказался достаточно быстр и силен, чтобы помочь ей избежать последствий, возможно, самого глупого поступка в ее жизни.

— Идиотка...

Юрика не спорила, но когда Ранмаро одним рывком вытащил ее и поставил рядом с собой, молча протянула ему открытую ладонь.

— Что? — не понял парень.

— Деньги, говорю, давай. Сам сказал, что я выиграла. А за «идиотку» двадцатку сверху накинешь.

«Я же сказала, что буду из тебя веревки вить,» — с мрачным удовольствием подумала Юрика, наблюдая, как Ранмаро лезет в кошелек. А еще очень точно, емко и нецензурно мысленно высказала сама себе все, что думает о своем несносном характере. Там, в глубине души, она была крайне самокритичной натурой.

Глава 25. Воинственность и меланхолия

Просперо дышал полной грудью, сила юности переполняла тело и требовала выхода — и это после целого дня, проведенного в дороге. Даже когда ему перешагнуло за сорок, он оставался весьма энергичным и деятельным человеком, и мог работать сутками напролет, без сна и отдыха. Но если сравнивать с тем, что было больше двадцати лет назад, то можно было только сказать: «Эспозито уже не тот, что раньше». А теперь это «раньше» вернулось. И даже более того. Его состояние после вмешательства Дженази можно было описать так, как если бы все эти годы тот юный Просперо спал, ожидая своего часа, и копил силы, чтобы в одночасье вернуться. Тяжелый груз прожитых лет растворился, сгинул, они больше не давили на плечи. И казалось ему, что оттолкнись от земли он сильнее, то обязательно взлетит.

Но прыгать от радости на глазах у сумрачной Виктории Просперо намерен не был. Возможно, будь рядом другая девушка, он не отказал бы себе в удовольствии быть молодым не только по факту, но и на деле, но не начать же ему ухаживать, действительно, за племянницей Дженази... К тому же Эспозито всегда было неуютно в обществе женщин, которые выше его на целую голову. Увы, но инспектор не был человеком даже среднего роста, не дотягивая до этой планки считанные сантиметры. Вполне возможно, что это стало одной из причин, по которым он так и не завел семью. Несложно найти девушку, которая будет ниже Просперо. Трудно найти такую, которая откажется от каблучков.

У сандалий Виктории каблучков не было, но даже так Эспозито рядом с ней смотрелся неуместно. Низкий, плотный, коренастый, она — высокая и стройная. И более того, уверенная в себе настолько, что как бы Просперо себя не поставил, иначе как вторую роль в их паре играть бы не смог, а все потому, что девушка смотрела на мир так, словно делила его на то, что разрубить можно, и нет. И ему было неуютно из-за того, что они остались вдвоем: Юрика и Ранмаро исчезли где-то по дороге к парку, а Дженази и Валерия отошли куда-то, предложив встретиться через час у монумента в центре зеленой зоны.

— Так значит, вы — жандарм? — Виктория, которая до этого внимательно всматривалась в потоки проходящих мимо людей, вдруг вспомнила, что не одна, и, наверное, решила проявить немного вежливости. Хотя бы в демонстрации своего интереса к нему.

— В данный момент не при исполнении, — ответил Просперо. — И, признаться, я беспокоюсь о том, каким образом смогу вернуться на службу. Моя фотография в паспорте, кажется, немного устарела... Но это все лишь юридические тонкости — жандарм остается жандармом даже после отставки или выхода на пенсию. Так что да, я — жандарм. Инспектор.

— Можете посоветовать, как найти в таком городе двух человек, которых здесь никто не знает? — на поток слов со стороны Просперо Виктория ответила едва заметным, но недовольным прищуром, над гладкой переносицей образовалась крохотная вертикальная складка.

Эспозито улыбнулся, догадавшись, что именно беспокоит девушку.

— У них есть особые приметы?

Виктория не заметила иронии. Или сделала вид, что не заметила.

— У девчонки яркие красные волосы. Думаю, уже этого будет достаточно.

— Сколько помню, Юрика всегда носила шапку и одевалась, словно мальчишка.

— Вы знаете ее? — удивилась Виктория.

— О, и вполне неплохо! То есть, я хочу сказать... — Просперо вдруг вспомнил, что знает Юрику исключительно из-за рода ее деятельность и только в этом отношении, то есть в его распоряжении находятся лишь факты из ее личного дела. Будет не совсем тактично раскрывать прошлое этой племянницы Дженази, особенно если Виктория даже не подозревает о его криминальном характере.

— Что именно? — переспросила дочь Валерии, когда пауза, взятая Эспозито, затянулась.

— Что мы выросли в одном приюте, пусть и в разное время, — Просперо мысленно похвалил себя за сообразительность. — Мне порой приходилось возвращаться в него по долгу службы, и так как Юрика была трудным подростком, то, конечно же, попадала в мое поле зрения.

— Да она и сейчас им является, — заметила Виктория. — Трудным подростком.

В ответ на это Просперо тактично промолчал. Он уже успел заметить, что отношения двух родственниц не лишены шероховатостей.

Виктория, так и не дождавшись реакции со стороны Эспозито, произнесла, выделяя в голосе интонацию, которая должна была свидетельствовать, по ее мнению, о моральной усталости его хозяйки от выходов младших брата и сестры — тети, то бишь:

— Они потерялись. Как маленькие дети...

— Скорее, сбежали, — ответил Просперо. — И искать их бессмысленно. Сами нас найдут. Они же знают, где мы оставили машину. И гостиницы, если им будет нужно, быстро смогут проверить. А если вы переживаете по поводу возможных неприятностей, в которые они могут попасть, то совершенно зря. Я не знаю, насколько надежен Ранмаро, но Юрика обладает потрясающей изворотливостью.

— Я уверена, что Ранмаро выпутается из любой ситуации, — Виктория разве что не закатила глаза, когда услышала положительное мнение собеседника о племяннице Дженази. — Мама научила нас, как правильно справляться с неприятностями. Вот с такими, например, в которых мы окажемся сейчас...

Просперо слишком поздно заметил то, что уже успело встревожить дочь Валерии — компанию пьяных молодых людей, который подошли к памятнику со стороны наиболее шумных гуляний. Другие посетители парка спешно убирались с их пути, и пока конфликтов не возникало, но у Эспозито зародилось стойкое подозрение, почти уверенность, что мимо красавицы Виктории они так просто не пройдут. Особенно когда рядом с ней такой неказистый спутник — Просперо отталкивался от опыта своих юных лет.

И он не ошибся.

— Эй, детка, айда с нами! — заводилу пьяной компании поддержали дружным свистом.

— Брось своего гнома, с нами веселее!

Эспозито тяжело вздохнул. Судя по интонациям выпивох, откажи им Виктория, они мирно пойдут дальше, ограничившись лишь насмешками. Настоящими хулиганами они не были, просто хмель слишком сильно ударил в голову. Более того, Просперо заметил среди них парня, который относился к категории людей, которые умели сдерживать своих разбушевавшихся товарищей. Инспектор уважал такой тип личностей, и потому решил, что постарается бить его не слишком сильно.

Чтобы там не говорила Виктория об умении избежать неприятностей, он не мог оставить безнаказанным оскорбление в свой адрес в ее присутствии. Только не тогда, когда

снова молод и полон сил.

Парень, обозвавший Просперо гномом, согнулся в поясе, когда схлопотал мощный тычок в солнечное сплетение. Эспозито закрепил успех рубящим ударом ладони в основание затылка, а потом пнул в голень его соседа, и протиснувшись прямо в середину компании, ударил под колено того, с кем оказался спина к спине.

Таким образом на ногах осталось всего четверо смутьянов.

— Ах ты козел! — выкрикнул один из них и попытался ударить Просперо кулаком. Он легко увернулся, чему способствовала разница в росте, но атаковал парня-миротворца, который соображал медленнее, а потому оказался беззащитен перед не совсем красивым ударом в пах. После этого его схватили сзади и попытались повалить на землю, но там оказался только нерасторопный противник, который не знал, как правильно нужно нападать со спины. Ему Просперо отвесил пинок по ребрам, чтобы исключить возможность его возвращения в строй.

Итого осталось двое.

Когда парень, который набросился на Эспозито с кулаками, попробовал повторить попытку, Просперо выставил на его пути ладонь с растопыренными пальцами и пропустил между ними электрический разряд. И это сразу решило все проблемы.

— Какого черта? Ты первый начал! — никто не хотел связываться с обладателем мистических способностей, но уцелевшие молодые люди чувствовали свою относительную правоту в возникшем конфликте. Действительно, они были пострадавшей стороной...

— Извинитесь, — рыкнул Просперо в ответ, уже ощущая угрызения совести. Он, в конце концов, инспектор, а позволил себе затеять драку с пьяными.

— Да пошел ты...

Просперо и Виктории пришлось несколько минут наблюдать, как парни со стонами и руганью в их адрес поднимались с земли или помогали с этим другим, а потом, прихрамывая, скрылись из виду. И инспектор своим профессиональным взглядом не мог не заметить, как один из многочисленных свидетелей драки, у которых не было времени осознать произошедшее, не то что вмешаться, побежал, чтобы позвать жандармов.

— Думаю, нам лучше уйти, — обратился Эспозито к Виктории.

Девушка, реакция которой на драку выражалась в искреннем изумлении, с уважением смотрела на своего спутника. Кивнула, соглашаясь с его предложением, и когда они отошли достаточно далеко, с улыбкой ответила на извинение Просперо за доставленные неудобства:

— Знаете, мама именно так учила меня и Ранмаро решать подобные ситуации. У вас неплохая реакция, инспектор.

Краем сознания наблюдая за тем, как Ранмаро не дает Юрике спрыгнуть с крыши, и Просперо, который решил вспомнить молодость, Дженази с тоской вспомнил о тех славных днях, когда ему не нужно было переживать о чьих-либо еще жизни и здоровье, кроме как своих собственных. У судьбы одиночки есть свои плюсы и минусы, и последние для него перевешивали первые, но он, оказывается, почти позабыл, из-за чего у некоторых родителей так рано появляются седые волосы. Пусть он и знал, что Юрика в ее нынешнем состоянии способна без вреда для себя приземлиться после падения с куда более высокого здания, или то, что низкорослый, но плотно сложенный и тяжелый Просперо легко нокаутирует любого

более легкого и тем более пьяного оппонента, но это не избавляло от причин для беспокойства. По крайней мере ему, как г'ата, седина уже не страшна, но переживая за других, Дженази чувствовал себя уязвимым и слабым. Прошли годы с тех пор, как он вместе со сломанным мечом потерял способность ничего не бояться, и только сейчас он начинал жалеть об этом. И он боялся этого — ощущения, что ему надоедает оставаться более человечным, чем он может быть.

— Ты хотел рассказать мне, что на самом деле произошло сегодня днем? — Валерии надоело наблюдать, как Дженази смотрит сквозь нее. Г'ата отреагировал сразу, вспоминая, где они находятся — на плоской крыше одного из самых популярных ресторанов Эдельбраса, куда в теплое время года выносили столы, стулья и весьма впечатляющий своим ассортиментом бар.

— Я не смог воскресить Нолу.

— Это я смогла понять, — Валерии было непросто воспринимать подобную информацию как данность и не реагировать эмоционально, что, вообще-то, должно было стать нормальной реакцией на произошедшее, и она гордилась тем, что сохраняет хладнокровие. — Но ведь это не все, верно?

А еще она с удивительным спокойствием воспринимала тот факт, что Дженази читает ее, словно открытую книгу. Если сравнивать человеческое сознание с этим изобретением человечества, то обычным делом является, когда любой может ознакомиться с обложкой, а более проницательные способны прочесть аннотацию и даже заглянуть в содержание, но Валерия не боялась умения г'ата именно читать, перелистывая страницы, потому что была убеждена, что оно распространяется только на написанное крупным шрифтом. В книге под названием «Валерия Лэйт» полно сносок и примечаний, написанных так мелко, что рассмотреть их можно только в электронный микроскоп.

— Она передала мне свою память.

Дженази взялся за вилку, но без желания приниматься за исходящее паром блюдо, которое официантка принесла после получасового ожидания. Только чтобы ткнуть пару раз в особо крупный кусочек, и пожалеть, что не заказал вина — испугался, что все может закончиться так же, как и в первый раз, в доме Валерии. Чай обещали принести только через десять минут.

— И говоря «память», ты имеешь в виду...

— Все ее воспоминания от момента рождения до момента смерти, — ответил дядя Юрики.

— Я могу... взглянуть? — осторожно спросила Валерия.

Дженази хорошо понимал причину эмоций, которые в данный момент бушевали внутри собеседницы. Нола Орчи была загадкой не только для него, но и для своих товарищей, никто не знал, кем она была до того, как стала одной из Стражей Неба. Девушка удивительной внутренней силы и доброты, которые просто невозможны в этом жестоком мире — и в его руках был ключ к разгадке. Кроме того, Нола и Валерия были близкими подругами. Мать Виктории лихорадочно вспоминала, до какой степени они были близки. Данный вопрос для нее стал необычайно актуален.

— Я подумаю над этим, — ответ Дженази означал скорее «нет», чем «да», что вызвало в Валерии тщательно скрытое негодование.

— Ты и сам еще не смотрел их, так?

— Да. И не обещаю, что скажу тебе, даже если узнаю что-то важное.

— Это жестоко.

— Зависит от того, что именно я узнаю.

Валерия поняла, что взывать к его чувствам дальше уже бессмысленно, но все-таки решилась на просьбу:

— Можешь хотя бы показать ее? Я только однажды видела материализованные воспоминания, они так похожи на душу... Ну, так, как ее принято представлять. Я хочу увидеть Нолу еще раз.

Посмотрев Валерии в глаза, Дженази не смог ответить отказом. Представил, что было бы, будь он на ее месте, а она — на его. Содрогнулся. Боль — наименьшее и одновременно наибольшее из того, что должно ожидать человека, заполучившего столь значимое для него сокровище и не желающего расстаться с ним добровольно.

Валерия совсем не удивилась, когда столик, за которым они сидели, превратился из центра внимания — как-никак, и она, и Дженази личности заметные, и как бы другие посетители ресторана не старались, но то и дело бросали в их сторону любопытные взгляды — в нечто прямо противоположное. Они словно перестали существовать для всего остального мира, и в центре этой зоны невнимания находилась ладонь г'ата, над которой висел небольшой бесформенный сгусток, испускавший тусклое белое свечение.

— Спасибо, — и Валерия с огромным сожалением увидела, как исчезает физическое воплощение памяти дорогого ей человека.

Воздействие, которое Дженази оказывал на посетителей ресторана, исчезло, и к чувству потери, которое испытала мать Виктории, добавилось облегчение. Все-таки очень неудобно, когда весь мир перестает тебя замечать.

— Я знала Нолу всего год — это в сто раз меньше того времени, которое я провела с Даном и Регулусом, и уж тем более с Кристианом. Но этот год был очень богат на события. Даже спустя сто лет мне кажется, что мы прожили вместе целую жизнь. Ты ведь знаешь это, да? Во всем этом мире только мы были бы действительно рады ее возвращению. Только ты и я. Мне жаль, что у тебя не получилось.

Дженази ничего не произнес в ответ. Перевел взгляд на небо, усеянное звездами и новой серией огненных фейерверков. Эдельбрасс был одним из многих десятков городов восточной части Центральной равнины Вердири, которая до сих пор сохранила свое древнее название — Есарва. Так раньше звалось королевство, на нынешней территории которого образовались сразу три республики современной Федерации. Оно распалось еще в те дни, когда был молод Раббен Тоттенгрибер, и с тех пор из года в год все больше отличались друг от друга народы, оказавшиеся по разные стороны государственных границ. Но признаки общего происхождения оставались — во внешности, диалекте, религии, традициях и обычаях. Например, этот фестиваль, который еще сто лет назад проводился во всех городах на несколько сотен километров вокруг. День Памяти. Старый праздник, связанный с легендой о герое, спасшем народ Есарвы. Страже Неба прошлого.

— Пора найти нашу молодежь, — Валерия смирилась с тем, что Дженази решил хранить молчание. — Надеюсь, они за это время не успели попасть в неприятности.

— Ничего, о чем бы стоило беспокоиться, — рассеяно ответил г'ата. Он только сейчас понял, что сто пятнадцать лет назад в Драмбиене тоже отмечали День Памяти.

— Что-то случилось?

Дженази сфокусировал взгляд на Валерии и попытался понять, осознала ли она паразитическое совпадение, которому нашлось место в их жизни.

— Просто вспомнил о том, как встретил Нолу в Драмбиене на следующий день после нашего первого боя.

— Помню, как она рассказала нам об этом. Я едва не начала считать ее предательницей.

— Это случилось ровно сто пятнадцать лет назад, — дальше слова дались Дженази с трудом. — День в день. Час в час, — он бросил взгляд на часы над барной стойкой. — Минута в минуту.

— Действительно, — события минувших лет воскресли в памяти Валерии и она уже с другим выражением в глазах посмотрела на окружавший их город. — Только Драмбиен совсем не похож на Эдельбрасс.

— Но только не в этот день, — ответил г'ата. А потом вышел из-за стола, оставляя свою спутницу в одиночестве, и направился к краю открытой площадки ресторана — точно так же, как сто пятнадцать лет назад. Положил руки на кованые прутья ограждения и посмотрел вниз — в точности, как и тогда. Окинул беглым взглядом неспешно текущую по улице толпу.

Пальцы Дженази смяли железо словно нагретый воск, когда третьего «точно так же» не случилось. И он едва сдержался, чтобы не закричать. Или завывать.

22:20, 20 июля 899 года, Вердиго, Есарва, территория современной республики Кайлена, Драмбилен.

— Фридрих в ярости, — Ришари сделала небольшой глоток из своего бокала с красным вином, и в очередной раз с осуждением посмотрела на Дженази. Но это осуждение было напускным, ненастоящим. За ним она скрывала свое удивление и непонимание. — Ты в очередной раз упустил последних из дома Лэйт. В который раз? В третий? Начинает напоминать традицию. Что с ними не так, если тебе так трудно их убивать?

Бокал в руке Дженази лопнул и разлетелся в стороны мелкими стеклянными брызгами, совсем немного разбавленными каплями вина — его Гвардеец уже выпил.

— Ты забыла? — он почти рычал. — Десять лет назад мы упустили их вместе.

Ришари вполне спокойно отреагировала на выходку брата, только что-то совсем неуловимое мелькнуло в ее аметистовых глазах. Боль, от которой она старалась отречься. И как и всегда, она поступила так, как считала правильным — сделала вид, что ей не напомнили о страшной ошибке. И пусть это была их общая страшная ошибка, но даже Дженази не имел права заставлять ее вспоминать. Он принял эту новую сторону своей сестры. Надеялся только, что спустя годы они все-таки смогут спокойно поговорить о смерти Винсенты.

— Фридрих требует, чтобы в течение недели в живых не осталось ни одного из этой... Стражи Неба. Или он поднимет вопрос о твоей профпригодности, — здесь Ришари позволила себе рассмеяться. — Может оказаться, что ты будешь первым уволенным из Гвардии.

Дженази ответил на шутку кривой улыбкой и жестом подозвал официантку, чтобы она записала на их счет разбитый бокал. Ресторан на плоской крыше самого популярного заведения в Драмбиене оказался не самым удачным местом для обсуждения вопросов,

касающихся дел Гвардии, но он просто хотел провести вечер с сестрой. Десять лет он провел в почти полном уединении в своем особняке на Железном Архипелаге, где только она составляла ему неизменную компанию. Только играла при этом скорее роль сиделки. Очень долго между ними не было настоящей откровенности. Приходила в голову мысль, что они уже не так близки, как раньше, и он упустил момент, когда это началось. А Дженази не хотел терять еще и Ришари.

В этот момент ночное небо над Драмбиленом расцвело целой плеядой огненных бутонов, которые стремительно раскрывали свои лепестки всех цветов радуги. Пороха, который в этот день горожане решили потратить на фейерверки, хватило бы, чтобы снести до основания пару-другую крепостей.

Дженази бросил взгляд на часы над барной стойкой и вышел из-за стола, чтобы подойти к металлической ограде, которая должна была предотвратить случайное падение какого-нибудь неуклюжего клиента с крыши четырехэтажного здания. Положил на нее руки и посмотрел вниз, на охваченную праздничным настроением толпу. Драмбиенцы веселились так, словно сегодня был последний день в их жизни. А вот гости города вели себя чуть скромнее. Например, вон та темнокожая девушка — с Судо, по всей видимости. Шурави, которую каким-то ветром занесло на север.

Дженази пару раз моргнул, а потом и вовсе старательно протер глаза. Невероятно, невозможно, но это и правда была она.

«Давай защищать этот мир вместе!»

— Твою Бездну... — выдохнул он тихо сквозь зубы.

— Что, прости? — Ришари уже была рядом, и Дженази стремительно обернулся, загораживая своим телом вид на улицу внизу. Будет настоящим чудом, если сестра не обнаружит цель Гвардии, до которой сейчас от силы метров пятнадцать..

— Передай Фридриху, что я не мальчик на побегушках, — отчетливо произнес он. — Я сам вызвался решить проблему Лэйт, и мне решать, где и когда с ними будет покончено.

Ресницы Ришари взлетели вверх в порыве величайшего изумления, но она быстро справилась с собой и ответила уже не так легкомысленно:

— Хорошо. Я намекну... напомню, что проблема дома Лэйт — еще и твое личное дело.

— А если увидишь Сигурда, то скажешь ему, что если он посмеет вмешаться, я просто убью его.

И Ришари ушла. Дженази убедился в том, что она не встретит по пути Нолу, а когда сестра вышла из зоны, подконтрольной его восприятию, тихо прошептал:

— Наше личное дело, Ришари. Дом Лэйт — это наше личное дело. С каких пор тебе стало все равно?

Сердце г'ата сжалось во внезапном приступе накатившей тоски. Реальность, в которую он вернулся спустя годы эскапизма, оказалась холоднее, чем он рассчитывал. Потому что не предполагал, что сестра стала настолько чужой.

Глава 26. Дорогие сердцу воспоминания

Нола Орчи ни капли не испугалась, когда Дженази возник прямо перед ней в тот момент, когда она направлялась к разносчику сладостей. Кивнула, словно старому знакомому, и прошла мимо, задев рукав его плаща. И Гвардеец, который уже успел понять, что эта девушка, мягко говоря, не совсем нормальная, все равно изумился такому развитию событий. Более того, он не знал, что делать дальше. Точно так же, как и вчера, когда предложение Нолы выбило почву у него из-под ног.

«Что за бредовое предложение? Защищать мир... Девочка, а чем я, по твоему, занимаюсь? Ты даже не представляешь, как много мы сделали для всех живущих на поверхности!» — этот крик едва не вырвался тогда наружу, но Дженази сдержал его, вспомнил о пролитых реках крови. И утративший всякое желание сражаться, отступил. Бежал, по сути, с поля боя. Чтобы снова встретиться с Нолой здесь, в празднующем Драмбилене.

— Ты знаешь, для такой как ты подставлять спину такому, как я — это не совсем умно, — сказал он, когда Нола купила два мучных изделия, покрытых глазурью, и вернулась к нему.

— Но ведь ты ничего не сделал. Держи, это тебе.

— Я не голоден, — г'ата растерянно смотрел то на предложенное пирожное, то на девушку. В его голове мелькнула мысль прекратить это безумие прямо сейчас, просто убив сумасшедшую, но семя сего намерения упало на абсолютно неплодородную почву. С каждой секундой Дженази все меньше думал о том, как именно будет уничтожать Стражей, и все больше — как убедить остальных Гвардейцев просто не обращать на них внимание.

— Иди за мной, — он схватил Нолу за запястье руки, которой она предлагала ему угощение, и повел к темному провалу арочного прохода в стене ближайшего дома. Нужно было увести девушку с оживленной улицы и поговорить там, где не будут мешать шум и многочисленные свидетели. Настойчиво и немного грубо тащил ее сквозь толпу, и старался не обращать внимания на мягкое тепло ее кожи, которое ощущал своей ладонью.

За аркой находился небольшой внутренний дворик, окруженный кирпичными стенами с четырех сторон. Источников света, кроме отблесков фейерверков в темных окнах и редких лучах света с улицы, не было, оказался приглушен и шум праздника, так что они оказались здесь только вдвоем, в сумраке и отголосках приboя моря людей.

— Что ты здесь делаешь? — Дженази решил наконец перейти к жизненно важным вопросам. — Где твои друзья?

— Извини, но пока ты не примешь мое предложение, я не буду доверять тебе такую важную информацию, — Нола, руку которой он уже отпустил, села на одну из лавочек, установленных вокруг круглой клумбы в центре дворика. И принялась есть свое пирожное, положив то, от которого Дженази отказался, рядом.

— О, тогда я принимаю его, — Гвардеец произнес это, убежденный, что не только он, но и она не поверит этим словам — слишком уж много иронии он вложил в них. — Теперь ты можешь мне доверять?

— Сначала съешь его, — девушка снова предложила ему пирожное. Дженази смотрел на него, словно оно было заправлено смертельным ядом, и пытался понять, кто же тут над кем издевается. Он не мог прочесть, что происходит в голове Нолы. — Оно вкусное, правда.

«Я только что согласился перейти на сторону Стражей Неба и в подтверждение этого разделил хлеб с одной из них, — думал он минуту спустя. — Любой мало-мальски здравомыслящий человек поймет, что я солгал, но если предположить, что она всерьез, и поставить себя на место свернаивной девчонки... Идиотизм. Так не бывает».

— Ну как? — спросила она у него с надеждой, что ее выбор пришелся ему по вкусу.

— Ты обещала ответить на мои вопросы.

— А, действительно... Дан предложил спрятаться от тебя в этом городе. Здесь сейчас людно, мы легко затеряемся в толпе... Ну, он так говорил. Они остались в гостинице, а я решила прогуляться. А ты меня сразу нашел...

— Отведи меня к ним. Я хочу поговорить со всеми вами.

— Нет, — ответ Нола не только не удивил Дженази, но даже успокоил. Все-таки ей свойственно здравомыслие.

— Сейчас они, должно быть, веселятся. Отдыхают. Они очень устали за последнее время. Было много битв... Если они тебя сейчас увидят, то начнется еще один бой, даже если я буду против. Ты в конце-концов заставишь их себя выслушать, но ведь праздник будет испорчен, да?

Самым ужасным в ее словах, по мнению Дженази, было то, что они имели смысл.

— Я отведу тебя к ним утром. А сейчас идем к озеру! Мне сказали, что сегодня там будет очень интересное представление. Если бы я знала, то взяла бы с собой остальных... Но так даже лучше, ведь я встретила тебя!

«Может быть, мы встречались раньше? — размышлял Дженази, следуя за Нолой по забитыми людьми, фигурально выражаясь, по самые крыши, улицам Драмбилена. — И я совершил нечто такое, после чего она стала считать меня... хорошим человеком, и не верит всему, что ей обо мне рассказали? Нет, я бы запомнил ее. Да и не делал я за последние восемнадцать лет ничего, заслуживающего такого отношения. Хотя нет, было дело. Вчера, когда не стал убивать их».

Затылком ощутив тяжелый взгляд Гвардейца, Нола обернулась и улыбнулась ему, удивительно заразительно. Похоже, она хотела стереть с его лица мрачное выражение, которому было самое место на поле боя, но только уже после того, как сражение завершится, а те, кому пришлось собирать тела — останутся.

«Нет».

Жестом указала на шарманщика с дрессированной обезьянкой, которая на вытянутых лапах по кругу носила котелок хозяина, собирая в нее звонкие монетки. Зрители расставались с мелкой наличностью охотно, но долго не задерживались — по соседству, на еще одной импровизированной сцене в виде кольца зрителей и уличной мостовой, танцевала полуобнаженная красотка. Чуть дальше жонглировали, глотали шпаги и выдыхали огонь одновременно.

Это было время бесплатных уличных представлений.

«Нет».

Нола скорчила обезьянке смешную рожицу, и порывшись в заднем кармане коротких шорт, выудила мелкую монетку. Зверюшка, получив желаемое, отвесила девушке поклон и обратила свое внимание на Дженази. Он бросил ей крупную золотую монету, которая даже не успела толком сверкнуть в огне фонарей, как исчезла у обезьяны за пазухой, а спустя мгновение перекинулась во внутренний карман шарманщика. Тот низко поклонился щедрому зрителю и принялся играть с еще большим энтузиазмом.

«Нет».

Девушка схватила его за рукав и потащила к «сцене» с танцовщицей. Круг зрителей вокруг нее был шире, чем вокруг шарманщика, и стояли здесь в основном молодые парни — поэтому он не мог стать шире настолько, насколько требовалось на самом деле для завораживающего танца загорелого юного тела, лоскутов одежды и разноцветных лент. Каждый хотел оказаться к ней ближе, чем остальные, и только необходимость оставить ей место для выступления сдерживало рвущиеся наружу инстинкты.

Завоевать себе место под солнцем юного дарования оказалось делом недолгим, недовольные вторжением Дженази и Нола быстро сникали, ощутив на плече тиски пальцев, гнущих сталь. Спутница Гвардейца принялась хлопать в ладоши, в такт танцу, а потом под всеобщее удивление шагнула в круг и последовала за его ритмом, позволяя в полной мере оценить гибкость и пластичность своего тела. Всего минуту существовал этот дуэт-импровизация, но шум, который он вызвал, собрал столько новых зрителей, что возник риск давки, и Нола, помахав всем на прощание, увлекла Дженази прочь.

«Нет. Я не должен... Нет!»

Это случилось в самый неподходящий момент — когда девушка еще раз обернулась, чтобы встретиться с Дженази взглядом. И было бесполезно доказывать, что ей показалось.

— Ты умеешь улыбаться!

Дженази отвел взгляд, словно его больше интересовал новооткрывшийся вид на городской канал, чем реакция Нола на мелкие нюансы его мимических выражений. Вырвавшись из толпы и свернув на соседнюю улицу, они оказались на широкой набережной, которая оказалась не столь людной, хотя это место было удобнее прочих для проведения праздничных мероприятий. А все потому, что совсем недавно по ней прошли тысячи людей — церемониальное костюмированное шествие, конечным пунктом которого был остров, ставший целью Нола. О том, что оно имело место, свидетельствовали гирлянды, бумажные воздушные шары и прочие уличные украшения — их здесь было больше, чем где-либо еще. На положенных им местах и под ногами.

Темное водное зеркало канала было усеяно плавучими бумажными фонариками — тысячами бумажных фонариков. Течение было медленным, и они, опранные в свободное плавание около часа назад, до сих пор освещали снизу серые подпорные стены набережной тусклым оранжевым светом. Гореть их огням оставалось недолго, тут и там были видны уже погасшие, от вида которых в душе оставалось несколько тягостное послевкусие.

— Как красиво... — Нола была заворожена этим удивительным видом. Она нависла над каменным ограждением, чтобы лучше рассмотреть картину неспешного шествия бумажной флотилии, а потом легко запрыгнула на нее и уже так шла дальше — без видимых усилий балансируя на квадратных наверху столбов и узких перемычках между ними.

— Они символизируют души погибших сотни лет назад, во время Кризиса Есарвы, — Дженази смирился с тем, что девушка просто не способна не привлечь к себе внимание. С другой стороны, веди себя Нола сдержаннее, то центром внимания стал бы он сам — со своими бесцветными волосами, черным плащом и мечом на поясе. С ним он почти не расставался.

— Его тоже вы устроили? — девушка спросила об этом небрежно и с каким-то

детским любопытством.

— Это произошло задолго до моего рождения. Раббен утверждает, что Гвардия тогда была не при чем.

— Жуткий тип, — Нола передернула плечами. — Я впервые расплющила человеку голову, а ему хоть бы что...

Дженази усмехнулся.

— А Раббен назвал жуткой тебя. Ты отбила пулю кулаком, а потом оставила его в шахте с атомной бомбой за три секунды до взрыва.

— Он выжил!

— И передает тебе привет. Сказал, что больше не хочет с тобой связываться.

На этих словах Нола слишком торопливо повернулась к Гвардейцу, и ее нога соскользнула с края ограды. И почти потеряла равновесие, когда Дженази пришел ей на помощь, схватив за руку.

— Я тоже больше не хочу встречаться с ним в бою... Но он оказался приятнее того, первого, — беззаботное, жизнерадостное выражение лица Нола на миг сменилось мрачной сосредоточенностью. В больших ясных глазах сверкнул сдержанный гнев.

— Августо? — Дженази было несложно догадаться, о ком идет речь. Даже если бы он не знал, что не снимающий маску Гвардеец был первым из их компании, с кем Стражи встретились в своем полном составе, реакция отвращения и непонимания была общеизвестной. Хотя Нола даже в этом случае проявила поразительную сдержанность.

— Ты знала, что он самый старый среди нас? Первый Гвардеец, ему больше тысячи лет. И он сильнее всех остальных жаждет твоей смерти.

— Он тебе не нравится.

Дженази постарался не выдать своего удивления. Нола распознала оттенок недоброжелательности в голосе Гвардейца, хотя он сам считал, что хорошо скрыл его.

— Я не знаю, кто он. не знаю, чего он хочет. Но когда я встретил Августо впервые, моим первым желанием было уничтожить его. Не знаю, почему. Просто инстинкт, — эта откровенность вырвалась из Дженази поразительно легко, но произнесенного было уже не вернуть. Ему оставалось только напомнить себе дальше соблюдать осторожность.

— Почему ты и Раббен с ним? Почему вы стали Гвардейцами? — и снова вопрос Нола, без вызова, печали или гнева. Просто живой интерес. Странно, если помнить, кто она.

— А почему ты присоединилась к Стражам? Хотя вас уже позже так называли... Герои, спасающие мир от «империи Тьмы».

Нола на сарказм не обратила никакого внимания.

— Ты сам сказал: чтобы мир спасти. От вас.

Дженази позволил себе вспылить и повысить голос:

— Девочка, опомнись, мы победили! Этот мир наш уже десять лет. Великие Дома стали под руку Фридриха, и никто даже не помышляет о восстании. Только вы пятеро мутите воду и вселяете пустые надежды в особенно упертых стариков. Но где они все? Забились по углам, и смотрят оттуда на ваш Детский Крестовый Поход, уже мысленно готовые высекать памятные надписи на ваших надгробиях. Вы. Ничего. Не. Сможете. Изменить.

— Так ты тоже присоединился к Гвардии, чтобы сделать наш мир лучше?

Дженази хмыкнул, но отпираться не стал:

— У каждого из нас были свои, веские причины присоединиться к Фридриху. И в

основном это желание уничтожить порядок, при котором Небесные Города вверху, а весь остальной мир — внизу.

Нола спрыгнула с ограды и заняла место по левую руку от Дженази.

— И сколько лет именно ты с Гвардией?

Ответил он не сразу:

— Больше семидесяти.

— А Небесные Города... Прости, сколько?

— Если точно, то семьдесят семь. Интересное число, не находишь?

— И сколько тебе сейчас? — изумленная Нола даже отстала немного от спутника, на пару шагов.

— Девяносто восемь.

— Ты поэтому седой?

Дженази провел ладонью по своим коротким волосам, машинально.

— Это не возрастное... Особенность моего народа.

— Ты и ведешь себя не как столетний старик...

— Старым человека делает не количество прожитых лет. Но что именно ты хотела сказать, когда спрашивала меня, сколько лет я с Гвардией? — Дженази надоел разговор о его возрасте.

— Ну... — девушке оказалось непросто перестать думать о полученной информации и вернуться к тому, с чего она начала. — Что ты Гвардеец уже больше семидесяти лет, а Небесные Города до сих пор вверху, а весь остальной мир — внизу. А ведь ты говоришь, что вы победили.

— Действительно... — кожа на скулах Дженази натянулась, фиолетовые глаза приобрели опасный стальной блеск. — Действительно.

Вдали показалась сияющая в свете Луны и звезд, подернутая рябью озерная гладь. Город заканчивался добротными деревянными пристанями, которые прямоугольными зубами — или пальцами — цеплялись в эту огромную массу пресной воды, чтобы получать от нее все, что необходимо его жителям — быстрый способ сообщения между другими городами и селами вдоль озерных берегов, рыбу и прочую питательную живность, просто интересный вид за окном... И когда Дженази и Нола вышли к этим самым пристаням, чтобы повернуть направо и уже по озерной набережной дойти до внушительного каменного моста, связывающего город с небольшим островом, небо расцвело таким плотным букетом фейерверков, что на несколько минут стало светло, словно днем. Люди с помощью незамысловатых подручных средств зажгли там второе солнце — если так, конечно, можно назвать многоцветное огненное облако с вполне четкой, геометрически правильной структурой из множества мелких элементов. И на все время жизни этого искусственного солнца исчезли все звуки, кроме одного — продукта слияния сотен идентичных друг другу, но по отдельности недостаточно сильных, чтобы подавить человека раскатом — сравниться с которым не всякий гром бы сумел, или артиллерийская канонада.

— Похоже, представление, о котором тебе говорили, только что закончилось.

— Так быстро? — Нола была искренне огорчена.

— Скорее всего. Не думаю, что они стали бы начинать представление с настолько масштабного зрелища. Все, что вызывает самые яркие впечатления, нужно оставлять напоследок.

Глава 27. Непростые решения. Библиотека Забытых и несыгранные роли

Было уже полночь, когда Дженази и Валерия закончили собирать своих подопечных на улицах Эдельбрасса. Бывшему Гвардейцу довелось приложить немалые усилия, чтобы не выдать себя под пытливыми взглядами Юрики и Ранмаро, которые страстно желали узнать, кто же из них выиграл дурацкое пари. Пусть ему и сильно хотелось отвесить племяннице подзатыльник.

Сейчас в большей степени его беспокоило другое: в переполненном туристами городе не осталось гостиниц даже с одним свободным номером. А их компании нужно было минимум два.

— У меня здесь есть знакомая семья, — Валерия пришла г'ата на помощь, когда он уже задумался о применении своих способностей в крайне корыстных целях. — У них большой дом на окраине города. Когда-то я помогла им, так что уверена — они войдут в наше положение и разрешат переждать до утра.

После этого дело осталось за малым — вернуться к микроавтобусу и доехать до указанного адреса.

— Ты не говорила, что у тебя есть друзья в Эдельбрассе, — сказал Ранмаро, когда Просперо остановил машину напротив кованых ворот средней руки особняка с зеленой черепицей и круглыми башенками по углам. Свет горел не во всех окнах, но хозяева, судя по всему, были дома и пока еще спали.

— В последний раз я виделась с ними еще до рождения Виктории. Около двадцати лет назад.

— Фелкамелы? — поинтересовался Дженази.

— Нет, — определение «нвелоты» застряло у нее на языке. — И ничего о нас не знают. Кроме слухов, конечно.

— Что же, это будет забавно...

Валерия ничего не ответила и нажала на звонок.

Минут через пять дверь особняка открылась, и двор пересек высокий молодой человек в домашнем халате и тапочках на босую ногу.

— Чем могу помочь? — спросил он, быстро справляясь с замком и выходя за ворота. Он был слегка навеселе — похоже, совсем недавно вернулся домой с городских гуляний.

— Руперт? — Валерия узнала парня, а вот он ее — нет.

— Роберт, — поправил он женщину. — Мы знакомы? Не думаю, потому что я бы обязательно запомнил такую красавицу.

— Помню, как держала тебя на руках... Ты тогда уже умел говорить «мама», «папа», «ам» и «дай».

— Простите, я вас не понимаю... — парень по имени Роберт сразу стал серьезней, быстро трезвея.

— Я хочу увидеть Элизабет.

— О, так вы подруга моей мамы? Так бы сразу и сказали. Она еще не спит, я провожу вас, — Роберт увидел возможность переложить решение проблемы на плечи того, кто должен знать больше, и спешно ей воспользовался.

— Помню, у вас были слуги... — произнесла Валерия, когда все оказались во дворе

особняка. Таким образом она хотела намекнуть на свое удивление тем, что гостей встречает сын хозяев, а не те, кому за это платят. Дженази не стал говорить, что в доме находится всего один человек — пожилая женщина лет шестидесяти. Не хотел пугать парня еще больше — его крепко зацепило упоминание первых выученных им слов.

— Мама дала им выходной по случаю праздника.

— О, это в ее стиле, — ответила она, поднимаясь по ступеням порога вслед за Робертом. Он открыл дверь, пропуская всех внутрь.

— Я позову маму. Подождите здесь, она сейчас спустится, — и парень скрылся на втором этаже, оставляя после себя эхо торопливых шагов.

— А здесь ничего, прилично, — Юрика уже оценила интерьер холла, в котором в основном преобладали лакированное дерево, резьба и лепнина. В углу стояло черное фортепиано, как раз под большой антикварной картиной батального содержания. — Чисто. Ничего, что мы так всей толпой ввалились?

— Если не будешь вести себя, как... — Виктория, только начав, запнулась, подбирая благозвучные определения. — То не выгонят.

— Не буду вести себя как кто? — завелась Юрика, но тут с лестницы донеслись шаги и на них цыкнули, призывая к тишине.

Роберт вернулся, сопровождая пожилую женщину в ночнушке и наброшенном поверху халате. Она, находясь еще на верхних ступенях лестницы, пробежалась по группе гостей цепким взглядом, и остановила его на Валерии. И за оставшееся время, которое потребовалось, чтобы оказаться с ними лицом к лицу, пыталась понять, ошиблась она или нет, узнав в ней свою знакомую.

— Доброй ночи гостям нашего дома, — произнесла Элизабет, продолжая сверлить Валерию взглядом. — Чем могу помочь? Время позднее, так что думаю, у вас есть веские причины для такого визита.

— Неужели не узнала меня, Эльза? — улыбнулась Валерия, и сделав шаг навстречу, взяла женщину за руку.

— Думаю, глаза меня подводят... Это и правда ты? Совсем не изменилась. Ни капли, — Элизабет страшно растерялась, когда ее подозрения подтвердились. — Как это может быть?

— Хирурги в наши дни творят чудеса, — Валерия отвела взгляд. — Познакомься с моей дочерью, Викторией. А это мои племянники — Ранмаро и Юрика.

Ранмаро широко улыбнулся, а его сестра отсалютовала, за что схлопотала тычок со стороны Виктории. Незаметный для хозяйки дома, естественно.

— Их дядя — Дженази Саргас.

Дженази внешне никак не отреагировал на то, что к его имени добавили часть прежде используемого им псевдонима. Подумал только, что момент с именами нужно было обсудить заранее. Более того, нужно было согласовать и его легенду — кто он, откуда, чем занимается. Ненужные мелочи для того, кто способен стереть из памяти человека сам факт своего существования, но не делать же ему тоже самое и с этой женщиной. Он не рассчитывал оказаться там, где все это станет действительно важно...

— И его друг, инспектор Просперо Эспозито из жандармерии города Ховина. Это в Эломасе. Он сейчас в отпуске и решил посетить Эдельбрасс в день фестиваля с нами за компанию.

Слова «инспектор» и «жандармерия» подействовали на Элизабет самым волшебным образом.

— Такой молодой, а уже инспектор? Боже, сколько же вам лет?

— Я старше, чем может показаться, — сдержанно ответил Просперо. Хозяйка особняка смотрела на него с таким восхищением, что ему стало неловко.

— Верю на слово... Так сколько вам, говорите?

В этот щекотливый момент Валерия и вернула себе инициативу в беседе:

— Элизабет, дорогая, уже утром мы покидаем Эдельбрас, вот только у инспектора возникли проблемы с гостиницей. Я и так собиралась навестить тебя, пусть и не в такой час, но мы искали для Просперо ночлег, проезжали мимо и увидели, что вы еще не спите. Ты позволишь ему остаться у тебя на несколько часов? Заодно и задашь ему все интересующие тебя вопросы.

— О, я с радостью помогу, — Элизабет ни на секунду не задумалась о том, ответить или нет на просьбу об услуге. — Но почему бы не остаться всем вам? Свободные комнаты есть, дайте только нам полчаса на то, чтобы подготовить их. Не будем больше терять времени, уже совсем поздно.

Хозяйка дома и ее сын не видели победной улыбки Валерии. А вот остальные — да.

На самом деле времени для размещения гостей понадобилось больше, и процесс мог бы затянуться еще сильнее, если бы не замечание Дженази, что комнат нужно не шесть, а три. Что вызвало скрытое облегчение Роберта и его матери, но в тоже время омрачило лица его спутников мыслями вполне предсказуемого содержания. Комнат три, их — шестеро. Кто с кем проведет ночь в одной комнате?

Ранмаро стал на шаг ближе к дяде, Виктория — на шаг ближе к брату, Юрика отступила от Валерии, Просперо отшатнулся от Юрики и Валерии и едва не вывернул себе глазные яблоки, чтобы не бросить случайный взгляд в сторону Виктории. Дженази смотрел на племянницу — как и Валерия.

— Я с дядей! — безапелляционно заявил парень. — Ну или с Просперо...

— Я согласен, — быстро согласился инспектор.

— У нас остаются три девушки, — Валерия постаралась не обратить внимания на скользкую усмешку на лице дочери, — и один мужчина.

— Тогда я с дядей! — вылезла со своим заявлением Юрика.

— Не пойдет... — прошептала Виктория.

Валерия присоединилась к точке зрения дочери. Безмолвно, конечно.

Наступила гнетущая тишина. Напряжение, которое повисло между женщинами из дома Лэйт, казалось, можно было потрогать руками.

— Вы думаете, я оставлю вас в одной комнате? — хмыкнула Юрика, смотря на Дженази и Валерию. Ей ответили уничижительными взглядами. И одним поддерживающим.

«Ты за кого меня держишь?»

«Тебе-то какое дело?»

«Перетерплю одну ночь, ничего страшного...»

— Так, хватит! — Дженази взял ситуацию в свои руки. — Я ночую с Просперо, Ранмаро — с тетей. Юрика и Виктория...

— Нет! — в голосе дочери Ришари прорезалась постыдная истерическая нотка. — Дядя, ты же знаешь, мы как кошка с собакой... — здесь она окончательно смутилась и отступила в

угол.

— Виктория? — взгляд Дженазы обратился на вторую племянницу.

— Одну ночь переживу, — ответила та. — При условии, что это я — кошка.

Юрика была полностью подавлена. Ей так и не хватило сил опротестовать решение дяди, все ее робкие возражения были отклонены с необыкновенной непреклонностью. Возможно, если бы дело и правда было только в личной неприязни, она бы еще смогла путем крика, переходящего в скандал, выбить себе другого соседа, вот только и сама не ощущала за собой настоящей уверенности.

Опять некстати девушке вспомнился диалог с Валерией. И когда ее дочь закрыла за собой дверь и они остались вдвоем, Юрика не могла ни поднять на неожиданную соседку глаза, ни произнести что-нибудь колко-остроумное, чтобы нарушить неловкое молчание. Виктория не обращала на нее внимание и готовилась отойти ко сну.

Когда дочь Валерии начала расстегивать пуговицы своей рубашки, Юрика отвернулась, сделав вид, что ее заинтересовала картина на стене. Увы, но ничего действительно достойного внимания в банальном натюрморте не было, так что ей никак не удалось отвлечься от мыслей о том, что скрывается под тканью, которая потеряла свою белоснежную чистоту после долгой дороги.

«Чертова Валерия! До разговора с ней я даже не задумывалась над тем, кто мне нравится или нет. Уверена, это был какой-то психологический фокус, и на самом деле со мной все в порядке. Сейчас я обернусь и без разных глупых мыслей увижу Рио полуодетой...»

— Пойду искать душ, — сказала Виктория, и Юрика услышала, как она застегивает рубашку назад. — Иначе просто не засну. Ты со мной?

— Я тебя здесь подожду, — Юрика отвернулась от картины и нашла в себе силы взглянуть на племянницу. — Потом просто скажешь, где он находится.

— Как хочешь, — девушка пожалала плечами и направилась к двери. — Только в этом доме должно быть две или три ванных комнаты. Какой тебе смысл ждать меня?

— Действительно. Не подумала...

«Да откуда мне знать, сколько здесь ванных? — мелькнуло у Юрики в голове злое. — Я в таких дворцах гость нечастый. И только попробуй что-то сказать по этому поводу!»

И так они отправились на поиски вдвоем.

«Бесит, бесит, бесит... Боже, как же она меня бесит!»

Как оказалось, Юрика не была способна спокойно вытерпеть холодное высокомерие Виктории, даже когда оно было прикрыто вполне подлинным дружелюбием и подано под флагом перемирия. И теперь ей предстояло научиться сдерживать этот тип эмоций по отношению к ней, наедине или в компании — чтобы не выдать вместе с ними чувства совершенно другого рода. Девушке пришлось принять тот факт, что раздражение и симпатия шли в данном случае в одном комплекте.

00:35, 21 июля 1014 года, воскресенье. Союз свободных республик Судо, республика Алсена, катакомбы под озером Батаракт.

Ришари с трудом выбралась из воды — тело было непривычно тяжелым и отказывалось слушаться. Она чувствовала, как сама ее суть разрывается надвое, разные стороны личности, которые уже давно отвергали друг друга, вступили в фазу острого противостояния. Тень, которую она изгнала из себя в Эведеле, никуда не делась. Нельзя отсечь клинком часть собственного «Я».

Нельзя.

Ее начало отвергать собственное тело. Если его можно назвать ее собственным.

Проклятая кровь г'ата. Как же Ришари ее ненавидела. Сколько раз она спрашивала себя, зачем Дженази с ней это сделал. Зачем превратил ее в это? В существо, стоящее выше физических немощи и страданий. Он дал ей силу, которой она не смогла распорядиться так, как действительно желала ее душа. И даже с этим бессмертием и могуществом не стала той, кем хотела быть на самом деле.

Пропустив через тело электрический разряд, Ришари мгновенно высушила изорванную одежду и растрепанные волосы. Осмотрелась вокруг — в крошечной тьме древнего подземелья. Ее глазам была безразлична степень освещения окружения, она могла одинаково четко видеть как в полном мраке, так и при свете, выжигающем сетчатку.

За последние три года здесь мало что изменилось. Как и за последние три тысячи лет, прошедших со времен падения цивилизации Ному-за-Грим. Черные базальтовые блоки, из которых построен этот древний храмовый комплекс, в принципе слабо поддаются воздействию времени. Если надземная часть сооружения была уничтожена термоядерным взрывом, в кратере которого образовалось озеро с кристально-чистой водой, то часть подземной осталась нетронутой. Только мох вырос на резьбе, густо покрывающей стены и колонны.

Пиктограммы, барельефы, мозаики, статуи. Скрытое от глаз наследие Забытых Богов. Каменная библиотека Шун-Ра-Батаракта — Хранителя Прошлого. Ее привел сюда его последний жрец — один из тех, кого принято называть чародеями. Привел, чтобы доверить ей защиту остатков своего великого труда. Взамен она получила часть его знаний. В первую очередь — знание языка ному-за-грим.

Жрец — его звали Браннар — умер шестьдесят лет назад. Он стал ей хорошим другом, и Ришари все еще тоскует по долгим беседам с мудрым стариком, который, казалось, никогда не был молодым. И вместе с ним Шун-Ра-Батаракт уснул, так и не найдя себе нового служителя.

Ришари начала свой путь по длинной анфиладе залов со сферическими нишами, из которых на нее сверху, надменно и сурово, взирали десятки каменных изваяний Забытых Богов. Вот она прошла мимо Наму-Ар-Зонкона — Кузнеца, создавшего Железные и Бронзовые Врата, которыми от смертного плана были отрезаны Изначальные и Неназываемые. Проводником воли Кузнеца стал Раббен Тоттенгрибер, который — так она считала — был недостоин такой чести. Сила и знания величайшего из ному-за-грим оказались в руках шестерки Сигурда, и об этом не мог без сожаления вспоминать Баннар.

Вот она прошла мимо статуи Баад-Бор-Ксона — одного из семи Владык Пламени, поддерживавших пламя в горне Зонкона. Больше двухсот лет жрецом-чародеем Ксона является Кэнсей, и Ришари своими глазами видела, на что способно его неукротимое пламя.

У статуи Тхан-Озу-Бая она замедлила шаг. Забытый Бог, покровительствующий Сигурду. Карающая Тьма. Этот ному-за-грим вместе с пятью братьями и Ран-Ар-Когом, Зодчим, создал темницу, в которой уже многие тысячи лет вопят и стонут древние чудовища — Неназываемые. Когти распада и энтропии, вцепившиеся в Тейзою на заре истории.

И одним из последних в длинном ряду Забытых Богов стоял Лон-Ри-Ба — Светочь страж Башни Света — мистического чертога в Сердце Мира Тейзой, созданного Зодчим для удержания Изначальных. Многомерных созданий, являющихся источником мистических способностей всех обитателей Эдема-Тейзой.

Чародеем-жрецом Лон-Ри-Ба был Глашатай — сильнейший противник Гвардии Хаоса. Тот, кого они убили много лет назад.

В последнем зале анфилады, среди стеллажей с каменными книгами ному-за-грим, стоял гранитный трон последнего библиотекаря. На котором вот уже шесть десятков лет тишину и покой этих каменных стен охранял Браннар. Ришари не посмела тронуть его иссохшее еще при жизни тело, для которого он выбрал подобный способ упокоения. Она почтительно приблизилась к мумии человека, рука которого даже в посмертии продолжила подпирать волевой подбородок, и нежно провела пальцами по мертвому пергаменту щеки. Потом погладила пышные седые волосы — и снова оставила его одного, войдя в боковой проем.

Еще пять минут неспешного шага — и Ришари оказалась в своих личных апартаментах. Три зала с кучами покрытой плесенью трухи, оставшейся после сгнившей деревянной мебели. За которыми находился небольшой подземный амфитеатр — единственное сухое и светлое место в остатках храма. Источником тепла и света был огромный стеклянный шар с раскаленным газом внутри. Последний уцелевший осветительный прибор во всем комплексе — осколки других можно было найти повсюду в остальных частях храма. Артефакт парил в воздухе высоко над головой, продолжая добросовестно выполнять функцию маленького подземного солнца.

Ришари обвела взглядом каменные ступени амфитеатра, с которых за пустой сценой годы напролет наблюдают ее творения. Те, кем она могла бы быть, если бы нашла в себе мужество и решительность.

Вот на теплой базальтовой ступени сидит Мать — златокудрая статная женщина с ее собственным лицом, в просторном платье цвета осеннего листа. Она так и не смогла стать такой же любящей и заботливой.

Рядом — Жена. Задумчивая и одухотворенная. Русые волосы собраны в незатейливую прическу, закрепленную длинными шпильками из красного дерева и слоновой кости. Золотые серьги, кольца, браслеты и ожерелье инкрустированы черными алмазами; Облегающее платье из золотистого шелка с черным паутиным узором.

Следующая — Сестра. Единственная, как две капли воды похожая на саму Ришари, только на ее собственном лице никогда не было такого легкомысленного выражения.

Она прошла дальше, мимо десятков не-Ришари, которые играли свои роли в чужих жизнях, и мимо не-Ришари, которым так и не нашлось сцены для своей игры. Пока не остановилась напротив Наставницы.

У этой девушки было чужое лицо. Точнее, лицо Ришари, только измененное настолько, что ее никто не смог бы узнать под преобразенными чертами. Каштановые волосы с медовым отливом собраны в тугий пучок, зеленые глаза с голубыми прожилками смотрят с вниманием и пониманием. Строгий деловой костюм: черная юбка чуть ниже колен, белая

шелковая блузка, черный пиджак с серебряными пуговицами. Туфли на невысоком каблуке. Серебряные серьги с крошечными ониксами. Серебряная оправа очков.

Ее самое любимое и ценное творение.

Та, что исполнила ее желание.

Здесь, в этом потерянном для времени амфитеатре, были не все не-Ришари. Еще двенадцать женщин, девушек и девочек следовали ее воле в разных уголках Тейзои. Приводили к исполнению ее волю.

Ведь даже те, кто зовет ее Богиней Юга, не знают, кто и когда впервые назвал ее так. Кто и почему.

Ришари бросила взгляд на Убийцу, Мстительницу, Ревнительницу, Разрушительницу. Безумную. Худшие не-Ришари из худших. Ее темные стороны, воплощенные в нетленной плоти и крови. Да, она нашла их в себе, вдохнула в них жизнь — но не искоренила в себе причину, по которой они были порождены ее разумом и подсознанием.

Настало время создать лучшую версию себя. Свободную, любящую и всепонимающую. Так сильно похожую на ненавистную ей воровку.

Ришари молнией переместилась в центр сцены амфитеатра и вытянула перед собой руки с раскрытыми ладонями. Сконцентрировалась — и выпустила из глубин своего «Я» колоссальный заряд мистической энергии. Придала ему форму.

Бесшумно и плавно выскользнул из ножен клинок.

Ледяная сталь рассекла кожу на ладони.

Багряные капли коснулись силуэта, сотканного из пронизанного светом тумана.

Первым был запечатлен образ мысли. Идеи.

Затем — тело. Ее тело, точная копия, только без единой капли ненавистной крови г'ата.

Лицо — следующее. Ее собственное лицо.

Глаза — серо-синие. Такие, какими были до того, как стать фиолетовыми.

Волосы...

Ришари задумалась.

Нет, она не может дать ей свои прежние волосы. Дженази слишком легко сможет ее узнать.

И Ришари сделала их невероятно густыми и пышными, подобными львиной гриве. И окрасила десятки оттенков радуги. Кто сможет рассмотреть ее лицо, обрамленное таким возмутительно ярким раздражителем для глаз? Кто вообще что-то запомнит из ее черт, кроме этого парикмахерского безумия?

Идеально.

Одежда, обувь, украшения. Последний штрих — гитара с глянцевым розовым корпусом, угольно-черным грифом и золотистыми струнами.

И, наконец, голос.

— Спой мне, Джессита.

Новая не-Ришари резко ударила по золотым струнам и взяла «фа» третьей октавы.

Ришари закрыла глаза и слилась с этим высоким чистым звуком, позволила ему проникнуть в самые потаенные уголки своей души.

— Да... Но ты можешь еще лучше. Но не сейчас.

Ришари нежно обняла не-себя и чуть слышно прошептала ей на ухо:

— Но совсем скоро. Ты споешь свою песню разрушения империи Сигурда. Чтобы я наконец смогла посмотреть Дженази в глаза.

Глава 28. Дипломатия Нолы Орчи и странности виртуальной реальности

02:15, 21 июля 1014 года, воскресенье. Федерация Вердиго, республика Кайлена, Эдельбрасс.

Для человека, который весь день провел на ногах и пережил массу самых разных, но сильных впечатлений, теплый душ будет лучшим средством для умиротворения взбудораженного разума и тела, отказывающегося признавать, что на сегодня с делами покончено. Есть еще, правда, мед и молоко, но Юрика решила, что можно обойтись и без радикальных мер. Ей всего-то и нужно, что заснуть на одной кровати с Викторией — на большой удобной кровати в большой уютной спальне. Какая разница, что в этом доме она впервые? Ее дом сейчас там, где Дженази, а он в данный момент находится за стеной. Удобно, уютно, безопасно. Вопрос: так почему она до сих пор не спит?

Проблема была в Виктории. Нет, племянница не храпела, не ворочалась и не перетягивала на себя одеяло — у нее было свое. Но даже если бы оно было одно на двоих, проблем по его поводу все равно бы не было, потому что Виктория лежала так тихо, что даже ее дыхания не было слышно. Так же не было проблемы в отношении Юрики к дочери Валерии — после целого дня переживаний девушка просто устала думать об этом. Нравится, не нравится — сейчас ей было без разницы, даже если причина данных беспокойств лежит на расстоянии вытянутой руки. В пределах ее личного пространства.

Юрика не знала, что не умеет спать с кем-то в одной кровати, потому что раньше никогда не спала с кем-то в одной кровати. Это был совершенно новый для нее опыт, чужое присутствие откровенно мешало расслабиться. Все-таки по своей натуре девушка была одиночкой.

Чтобы избавиться от ноющего ощущения в спине, которая, казалось, пыталась отрастить глаза, чтобы наблюдать за Викторией, Юрика повернулась на другой бок и увидела перед собой затылок племянницы. Интуиция подсказывала, что что-то неладное в ее подчеркнутой неподвижности, по-настоящему спящий человек так лежать не должен, но решила свои подозрения не проверять и почти сразу же отвернулась.

— Не спишь?

Юрика вздрогнула от неожиданности, когда услышала тихий голос Виктории, и почувствовала, как та поворачивается к ней.

— Нет.

— Уже скоро подъем. Утром мама поедет назад в Фламби.

— Я уже успела у ней привыкнуть, — Юрика решила умолчать о другой стороне своего отношения к данному событию. Пусть натянутые отношения между матерью и дочерью и видны невооруженным глазом, но все-таки они мать и дочь, а она — человек посторонний.

— Она к тебе тоже успела привыкнуть, — как бы Юрика не прислушивалась, но двойного дна в словах Виктории не обнаружила. — О чем вы с ней говорили вчера?

— О маме, — быстро ответила девушка, а потом повернулась к племяннице. Глаза Виктории мягко сверкали в тусклом лунном свете, пробивающемся сквозь занавешенное окно, и Юрика старалась смотреть в них прямо и открыто, но чувствовала, как ее взгляд предательски подрагивает.

— И что же она сказала?

— Что дети не отвечают за преступления родителей.

Серебряные огоньки в глазах Виктории погасли — она опустила веки. На мгновение Юрике показалось, что в комнате стало прохладнее, но как только ее племянница снова открыла глаза, это чувство исчезло.

— Если забыть о том, что Ришари отказалась от тебя, то можно даже сказать, что мама поступила благородно, — Виктория, которую Юрика привыкла наблюдать последние три дня, снова вернулась, и в самом гротескном своем качестве. Словно взяли одну меру иронии, горсть высокомерия и щепотку презрения, перемешали и залили жидким азотом (или посыпали твердым водородом, но это уже всем крайностям крайность). Девушка задалась вопросом, тренировалась ли ее племянница для того, чтобы эти эмоции на ее лице были настолько выразительны, или же это у нее само собой получалось, в результате слияния природного таланта и жизненного опыта. Впрочем, истина, как всегда, где-то посередине.

— Она не только так говорит, она так считает на самом деле, — Юрика пыталась сопротивляться, но точка зрения, прямо противоположная точке зрения Виктории, быстро заняла доминирующее положение в ее голове. Она просто не могла с ней не спорить...

— Может быть, — ответила Виктория и отвернулась. — А теперь — спать.

После такого предложения, которое больше походило на приказ, у Юрики пропало не только желание, но даже намерение погружаться в сон. У нее даже мелькнула мысль, что Виктория делает это специально — не может же быть она настолько глупой, чтобы не понимать очевидного. Например, что любая ее попытка заставить Юрику идти у нее на поводу будет принята в штыки.

Требовательная рука девушки легла на плечо ее племянницы. Когда Виктория повернулась, Юрика протянула ладонь, над которой тот же миг вспыхнул тускло сияющий шарик. Он оказался точно между ними, на уровне глаз, и дочь Валерии, сначала удивившись, теперь смотрела на него, зачарованная мистическим светом. Юрика не знала, зачем показала ей то, о чем избегала говорить даже дяде, но почему-то была уверена, что поступает правильно.

Прежде чем дочь Валерии успела задать вопрос «Что это?», девушка кошкой метнулась к ней и зажала рот ладонью. Способности дяди стали причиной рождения оправданной паранойи, а Юрика пока не собиралась ему рассказывать о полученных воспоминаниях Дана Даркенвэй.

А потом Юрика подумала о том, что не одному Дженази будет интересно это знать. Он, в конце концов, не был близким другом Стражей Неба.

Порой случается так, что человек забывает сделать что-то очень важное, или упускает из виду подлинное значение некоторых факторов, определяющих образ и качество его жизни — например, своевременная оплата счетов, подготовка к экзаменам, собеседование, которое ни в коем случае нельзя пропускать. В случае с Юрикой в качестве примера можно привести тщательную подготовку к акту карманной кражи, когда нужно учесть массу разных мелочей. В промежутке между осознанием ошибки с одной из этих мелочей и моментом, когда ее хватал за шиворот злющий жандарм, у нее всегда наступал краткий миг воображаемого удара электрическим током, который поражал все тело и заставлял сознание сосредоточиться на одной единственной мысли, суть которой заключалась в ясном представлении как причин, так и последствий неудачи. Словно до этого ее состояние бодрствования на самом деле было полу-сном, дремой, и только в этот момент она по-

настоящему просыпалась. Момент озарения, момент запоздалого просветления.

Разумеется, Юрика забыла сказать Валерии о том, что встретила Дана и Регулуса.

Отгнав прочь мысли об этом, Юрика вернулась к ожидающей объяснений Виктории. Жестом попросив внимательно смотреть на мистический сгусток, она еще ближе поднесла его к глазам племянницы, и сама придвинулась так, чтобы он занимал большую часть ее поля зрения. В результате их лица оказались настолько близко, что они чувствовали дыхание друг друга на коже, но спустя мгновение их это перестало волновать — заработал механизм, который позволял одному человеку увидеть воспоминания другого.

12:30, 21 марта 898 года. Судо, пустыня Шадиз, Садвинская федерация.

Солнце одной из крупнейших пустынь Южного материка в полдень превращается в настоящего монстра, беспощадного и смертоносного, так что Дану Даркенвэй повезло вовремя добраться до древних руин, которые вот уже тысячу лет охраняют бесплодные просторы Шадиза. Оранжевый песок раскален до такой степени, что еще немного — и задымятся подошвы ботинок; когда на открытые участки кожи попадают солнечные лучи, тело без всякого сверхточного лабораторного оборудования понимает, почему хвосты комет так странно ведут себя вблизи звезд — свет тоже умеет давить. И пусть это ощущение тяжести на самом деле просто иллюзия, но из-за него ведь так просто поверить в факт, который не так то просто проверить простому обывателю.

Ветер гонит вперед гребни песчаных волн-барханов, их волнистые линии извиваются, словно змеи. Человеческие глаза не могут уследить за их движениями, и пока взгляд сфокусирован на одной точке, картина статична. Но стоит его отвести в сторону всего на секунду, или даже просто прикрыть веки на мгновение, как пустыня тут же изменится, сместится с прежнего положения на сантиметры или миллиметры. И это тревожило, сбивало с толку — пустыня текла вперед, оставаясь на месте, в бесконечном океане вероятностей не было шанса на то, что рисунок ее линий, который взгляд наблюдал только что, когда-нибудь повторится. Ветер и песок, простые и понятные элементы, соединившись, показали, что есть Хаос — то, что приводит разум в смятение, и очаровательное в своей непостижимости.

О данном явлении Дан задумался только после того, как спрятался от солнца в тени массивной металлической опоры, которая торчала из песка под небольшим углом. Время почти не тронуло ее за прошедшие две тысячи лет, и кто знает, сколько еще понадобится пустыне, чтобы стереть с лица планеты этот памятник цивилизации Чи-Зо. И он тут был не один: остатки бетона, полимеров и металла усеивали территорию размером с город-миллионник. торча из песка подобно шипам на спине какого-нибудь исполинского чудовища. Такие руины встречались по всему миру — останки сотен мегаполисов, обитатели которых были одной крови с фелкамелами Небесных Городов.

Его предки так и не решились вернуть себе причитающееся по праву. Все, на что их хватило — спустить орбитальные города в атмосферу планеты, чтобы занять место тысяч уничтоженных парящих комплексов. А еще — превратить Судо, Вердиго и Дакиэрро в колонии. Источники ресурсов для оторванных от своих корней потомков.

Фелкамел не должен жить на поверхности — его место среди облаков. Эту мысль Дану и его ровесникам вбивали с самого рождения. И даже через десять лет, проведенных в землях Судо, Дан не изменил в себе подобное отношение к наземной жизни. Но вернуться в

небо не мог — парящие твердыни дома Даркенвэй были разрушены Гвардией Хаоса, тоже самое произошло с Небесными Городами, находившимися под покровительством домов Лэйт, Сольрайн, Сатронг, Столсанг и Мисторг. Дома Бронзлевен, Коккинавьё, Амавази и Старвинд пали перед захватчиками на колени и потому смогли сохранить свои города, но все они были переправлены в небо над Дакиэрро. Десять лет назад, после смерти отца Дана и лучших воинов Дома, а также гибели Валериана Лэйт, Небо стало принадлежать Гвардии Хаоса, и все это время воин из дома Даркенвэй провел в изгнании. Сражался с врагом, тайно и явно, искал и не мог найти способ отомстить.

Дан не искал встречи с Гвардейцами, понимая бессмысленность этой затеи. В бою один на один с таким противником его может ждать лишь смерть. Поэтому он находил их прихвостней — предателей из числа фелкамелов и наемников-нвелотов — и делал то, что должен был. Дважды Дан собирал вокруг себя группы единомышленников, но ничего толкового из этого не вышло — соратники гибли в боях, предавали или просто уходили, считая сопротивление Гвардии бесперспективным. Конечно, были и другие группы с лидерами, похожими на Дана силой и убеждениями, но всякие их попытки объединиться и скоординировать свои действия заканчивались тем, что они привлекали внимание кого-то из Гвардейцев, после чего несчастных ждала лишь смерть.

За последние три года от прежнего числа организаций, вызвавшихся на бой с победившей Гвардией, осталась от силы десятая часть. Больше всего Дан ярился от знания того, что враг даже не прилагает больших усилий для выслеживания и уничтожения ему подобных — последний раз личное участие в истреблении группы сопротивления — на севере Судо — принял Кенсэй, и было это больше года назад.

За Даном Даркенвэй, уже несколько месяцев ведущим свою маленькую войну в одиночку, второй день идет отряд ликвидаторов, в котором даже ренегатов из Великих Домов нет. Дроны и наемники, десятка два. Они взяли его след в Нажмат Шадизе, небольшом городке на краю пустыни, и едва не застали врасплох, но Дан скрылся в песках во время бури. Очень скоро они придут сюда, к руинам Чи-Зо, в поисках его следов. И он ждет их.

Дан был полностью уверен в своих силах, годы нескончаемых сражений закалили его тело и дух. Меч Дома Даркенвэй, исправно прослуживший ему девять лет, по прежнему остр, в тяжелом сверхпрочном клинке нет ни единой трещинки; как истинный Даркенвэй, Дан настолько свыкся с ним, что уже не представлял себя отдельно от этого оружия. Но прежде чем дело дойдет до рукопашной, воин успеет расстрелять часть отряда противника из высокоточной электромагнитной винтовки, которая досталась ему в качестве трофея в одном из боев с прислужниками Гвардейцев: снайпер из Дома Амавази прострелил из нее левое легкое Дана, после чего имел глупость приблизиться к нему, притворившемуся мертвым, на расстояние броска.

Тактико-технические характеристики оружия Небесных Городов настолько поразительны, что Дан мог бы запросто перебить весь отряд ликвидаторов, просто забравшись на одну из металлических опор и дождавшись, когда враги выйдут на более-менее ровный участок пустыни, где у них не будет возможности укрыться за гребнями барханов — он меткий стрелок, а противник не отличается проворством. Вот только патронов всего восемь, и когда будет израсходован последний, винтовку придется выбросить — достать новые будет практически невозможно. Дану ни разу не повезло пополнить боезапас к ней с тех пор, как он снял ее с трупа Амавази.

Десять минут он потратил на то, чтобы отдохнуть в тени, и заодно уменьшил вес

своей фляги еще на пару глотков. Потом, собравшись с силами, решил было подняться повыше, но прикоснувшись к металлу опоры, быстро передумал. Идея дождаться врага наверху, лежа на интересной альтернативе раскаленной сковородки под лучами палящего солнца, была, мягко говоря, не очень хорошей. Но позволить себе наблюдать за областью радиусом всего в десять километров Дан тоже не мог, так что рискнул забраться наверх только для того, чтобы проверить, не появился ли враг на горизонте. И через оптический прицел винтовки обнаружил, что в его направлении движется человек, облаченный, как и сам Дан, в одежду местных кочевников. Походка неизвестного навела на мысль, что это может быть женщина, но сказать точно он не мог, потому что лицо было закрыто платком, а складки халата скрывали все анатомические подробности.

Незнакомке, или все же незнакомцу, должно потребоваться три часа, чтобы добраться до руин, поэтому Дан решил спуститься и подождать, пока он или она окажется ближе. И возможно, что за это время покажутся и те, кого он ждет. Хотя он и не исключал возможности, что человек на горизонте послан по его душу. Пока не видно лица, ему будет за лучшее считать, что по пескам Шадица шагает один из Гвардейцев. Береженого Небо бережет.

Через час Дан убедился, что к нему приближается именно женщина, через два — перестал беспокоиться о том, что появится отряд ликвидаторов, и сосредоточился исключительно на ней. Через полчаса достал из рюкзака сферу из серебристого металла весом всего в пару килограмм и крошечный пульт дистанционного управления. После нехитрых манипуляций миниатюрная атомная бомба была готова к взрыву после простого нажатия одной-единственной кнопки.

В разумности подобных действий Дан не сомневался: незнакомка не подходила под описания Глории и Ришари, но уже второй год ходили слухи о новом бойце Гвардии, заменившем исчезнувшего Дженази. Девять лет никто ничего не слышал об одном из самых сильных и жестоких Гвардейцев, а их, как известно, всегда восемь.

Дан ненавидел себя за привычку предполагать самое худшее. Уже много лет он жил в постоянном страхе, стараясь предвидеть самые худшие варианты развития событий, и сколько бы себе не напоминал о том, что это не раз спасало ему жизнь, не мог до конца смириться с таким образом жизни.

Наконец, незнакомка приблизилась на такое расстояние, когда цвет ее глаз можно было различить без помощи оптического прицела. Она безошибочно определила позицию Дана и медленно шла к нему, держа руки на виду. Он вышел ей навстречу, отложив винтовку в сторону и взвалив свой меч на плечо.

— Ты — Дан Даркенвэй? — спросила она, снимая закрывавший лицо платок. Как уже успел понять воин, она была родом из центральной части континента, где у местных шурави часто можно было наблюдать необычное сочетание темных оттенков кожи с синим или зеленым цветом глаз. Эта девушка вряд ли считается настоящей красавицей среди своего народа, но сам Дан находил ее весьма привлекательной.

— Для начала представься сама.

— Нола Орчи. Я слышала о тебе от наемников, которые работают на Гвардию. Они сказали, что ты один из самых известных командиров Сопротивления.

Дана беспокоило то, что он до сих пор не обнаружил под одеждой девушки по имени Нола Орчи признаков скрытого оружия. А ведь она в одиночку смогла пройти по тому же пути через пустыню, по которому прошел он, двигаясь при этом с такой же скоростью.

Глупо предполагать, что Нола не представляет для него опасности.

— Да, это я, — ответил Дан наконец, решив, что будет верхом трусости скрывать свое имя от девчонки, являясь при этом опытным воином, вооруженным противотанковым мечом. — Где наемники, от которых ты услышала обо мне?

— Они сказали, что собираются убить тебя, поэтому я их побила.

— Думаю, они сильно огорчились, — Дан сделал вид, что не поверил девушке, на самом деле сбитый с толку странной формулировкой. «Побила». Не убила, не избавилась, не избила до полусмерти, не переломала все кости. Просто побила. Так говорят дети и люди, которые не выносят жестокости.

— Они пообещали, что больше не будут охотиться за тобой.

— Как мило с их стороны... И они не сопротивлялись, когда ты их... била? — Дан словил себя на мысли, что говорит с Нолой, словно с маленькой девочкой. К этому располагал ее немного наивный взгляд и особенные интонации в голосе, которым, похоже, никогда не озвучивали проклятий. Встреть он такую девушку в городе, уже шел бы мимо, ругая про себя очередную барышню, которой неведома та часть жизни, в которой только боль и смерть. Но эта стояла перед ним среди песков Шадиза, в тени древних руин Чи-Зо, куда добралась без посторонней помощи.

— Они оказались слабыми.

Дан в ответ скроил недоверчивую мину, а потом внезапно шагнул вперед и ударил мечом, намереваясь разрубить девушку пополам. Но она даже глазом не повела, и Даркенвэй, остановив клинок в паре сантиметров от ее плеча, убрал оружие, одобрительно хмыкнув.

— Я не хочу с тобой драться, — сказала Нола, не скрывая обиды на недоверчивую натуру Дана. — Я хочу, чтобы ты помог мне защищать этот мир.

— От Гвардии Хаоса? — уточнил он.

— И от них тоже, — ответила девушка, немного задумавшись. — Да, от них в первую очередь.

— Извини, но ты не по адресу обратилась. Я не защищаю мир от Гвардии, я хочу уничтожить Гвардию. Я не благородный герой, которым ты, как я вижу, себя считаешь, и убил так много людей, что не имею права говорить о стремлении к правде и справедливости. Я просто жажду мести. Что ты думаешь о мести?

— Это неправильно, — не задумываясь, ответила Нола.

— Значит, нам не по пути. Возвращайся туда, откуда пришла. Мне не нужна помощь человека, который не способен на убийство. А ты, как я вижу, не способна.

Нола Орчи улыбнулась так, словно он сказал какую-то глупость.

— Я же сказала, что это ты должен мне помочь. Ты больше не будешь убивать. Будешь сражаться с Гвардией так, как я тебе скажу.

Дан не сразу нашел достойный ответ на такое заявление — с полминуты просто ловил ртом воздух, а потом подбирал слова таким образом, чтобы среди них не затесалось оскорблений и обвинений в умственной отсталости собеседницы.

— Я не собираюсь тебе помогать, — это предложение и было результатом напряженной работы его мозга. — Не вижу для этого причин.

— Я буду просить тебя до тех пор, пока ты не согласишься, — без долгих раздумий заявила девушка.

— Удачи, — Дан усмехнулся, а потом отвернулся от Нолы и направился к своим вещам.

Ненормальная не представляла для него угрозы, но терпеть ее общество он не собирался, так что решил просто уйти. Какой бы сильной не была эта девушка, никто не сравнится в выносливости с домом Даркенвэй. Солнце скоро начнет клониться к горизонту, а в сумерках и ночной темноте он сможет идти сколько душе угодно. Рано или поздно Нола отстанет во всех смыслах этого слова.

На третьем шаге к винтовке и рюкзаку ему в затылок ударила горсть песка.

— Девочка, не зли меня, — произнес Дан, и тут же стал целью для еще одного броска.

— Я отстану, если ты победишь меня в драке.

Дан развернулся и с прищуром посмотрел на Нолу сверху вниз. А она уже приняла боевую стойку, сжав кулаки, обмотанные бинтами.

— Я не сражаюсь с женщинами.

В ответ Нола подцепила ступней еще одну горсть песка и швырнула ему прямо в глаза.

— Но если у тебя есть лишние ноги, я представляю, что ты парень.

— Он просто жалок, — Юрика считала, что невероятная живучесть Дана позволит ему продержаться достаточно долго против Нолы, которая могла сражаться с Дженази на равных, но сильно ошиблась в своих расчетах. Боя как такового не было, Даркенвэй угодил в удушающий захват, из которого было невозможно выбраться. Огромный меч валялся на красном песке, совершенно бесполезный, и сколько бы усилий не прилагал Дан, разжать ноги Нолы, сомкнувшиеся вокруг его шеи, у него не получалось.

— Не спеши с выводами, — возразила Виктория. — Представители Великих Домов могут обойтись без кислорода довольно долго.

Юрика, для которой исход схватки был очевиден, не стала спорить зря, и попыталась поднять меч Дана. Но это для нее оказалось невозможным, девушка и сдвинуть с места его не смогла.

В этой виртуальной реальности — реконструкции событий столетней давности — можно было ощущать жар солнечных лучей, дуновение ветра, зачерпывать ладонями песок. На нем даже оставались ее следы, а еще девушка успела порыться в рюкзаке Даркенвэя. Правда, стоило только отвести взгляд, и все возвращалось в исходное состояние. В первый раз, когда Юрика смотрела воспоминания Дана, они походили на сон, когда человеческий мозг только получает информацию, но не способен ее анализировать. Но теперь все было совсем иначе. Возможно, из-за того, что к наблюдению подключилась Виктория. Ей, кстати, она уже успела объяснить, где они, и откуда у нее воспоминания Дана Даркенвэй.

— Если такому, как Дан, отрубить голову, он умрет? — спросила Юрика, оставив клинок в покое.

— Не сразу.

— Тебя, похоже, никогда не душили. Ты думаешь, что повешенный умирает потому, что у него кислород в легких заканчивается? Вовсе нет. Веревка пережимает артерию и нервы, мозг словно отрезают от тела, и он умирает. Только Нола, похоже, не сильно старается...

Как раз в этот момент Дан дернулся в последний раз и затих.

— Видишь? Я же говорила.

— Она слишком сильна, — Виктория только головой покачала. Неожиданно быстрое поражение Даркенвэя ее расстроило.

Юрика вспомнила, как однажды пыталась похожим способом задушить противника, который был вдвое тяжелее ее. Тогда она узнала, почему борцы не любят асфальт, и только случайный обломок кирпича под рукой спас ее от полного разгрома. Но песок — не асфальт, Нола спокойно перенесла все попытки себя сбросить.

— Мог бы вон до той хреновины добежать, — пробурчала Юрика, указав на ближайшую металлическую опору, — и приложить об нее как следует. Нола, наверное, раза в три легче, чем его меч.

Виктория только кивнула в ответ.

— Наверное, перестал ориентироваться в пространстве, — тут дочь Ришари поняла, что просто ищет повод для спора с племянницей, и поспешила заткнуться.

К счастью, Виктория и на этот раз согласилась с мнением Юрики, так что обошлось.

— Будем ждать, пока он очнется? — спросила она после небольшой паузы.

— Зачем? — удивилась Виктория. — Мы и так знаем, что будет дальше. Дан присоединится к Ноле, и они создадут Стражей Неба. Как отсюда выйти? Нам следует хоть немного отдохнуть.

— А я хотела увидеть его лицо... Особенно после замечания про лишние ноги, — Юрика подошла к Ноле, которая уже оттащила Дана в тень и села рядом, прямо на песок. Девушка решила сделать то, что задумала сразу, как только узнала о возможности взаимодействовать с этой реальностью — прикоснуться к героям из прошлого.

— Что ты делаешь? — спросила Виктория, когда до Нолы оставался всего один шаг.

— Да так, просто проверить хочу...

Пальцы Юрики коснулись щеки воинственной южанки. Она была полностью материальной — теплой, гладкой и упругой на ощупь. Не призрак, не воспоминание, а живой человек.

Нола подняла на Юрику свои синие глаза.

— Привет.

— Твою мать! — племянница Дженазии испуганным зайцем скакнула назад, сердце было готово проломить ребра и выпрыгнуть из грудной клетки. — Ты видела?! Нет, ты видела?! Она нас видит!

Виктория молча приблизилась к Ноле и помахала у нее перед глазами ладонью, но та никак на это не отреагировала. И, похоже, уже забыла о Юрике.

— Кто ты? — спросила южанка, когда племянница Юрики точно также дотронулась до ее лица. И забыла о ее существовании сразу после того, как телесный контакт был разорван.

— Это просто программа. Похоже на искусственный интеллект, который включается, когда мы прикасаемся к кому-то или чему-то. То же самое происходит с песком.

— То есть с ней можно говорить, только держась за руки? — Юрика быстро осознала, какие перед ней открывались перспективы. — И не только с ней, но и с любым человеком, с которым когда-либо общался Дан?

— Не думаю, что возможности этого механизма зашли настолько далеко...

— Так давай проверим!

— Предлагаю сделать это потом, — поспешила осадить Юрику Виктория. — Знаешь, я начинаю бояться этого места. Нам лучше уйти, сейчас же.

Глава 29. Уничтоженное доверие. Император и Ведьма

06:45, 21 июля 1014 года, воскресенье. Империя Дакиэрро, княжество Мьермато.

Тревога и сомнения опутывали своими сетями мысли Сигурда, пока он следовал за Августо по подземному тоннелю. Это секретное убежище было обнаружено случайно, во время сбоя компьютерных систем Бифроста, произошедшего из-за действий Дженази. И судя по всему, именно здесь уже больше двухсот лет скрывается Каена — боевой товарищ из прошлого, которую все считали погибшей. Сотни метров земли и горных пород отделяли бункер от поверхности, и чтобы добраться до него, им потребовалось отыскать замаскированную шахту лифта и пройти сквозь целый подземный лабиринт.

Сигурд перевел взгляд на спину Августо, который шел впереди, не издавая при этом ни единого звука. Отсутствовали не только звуки дыхания и шагов, но даже шелест складок его черного балахона, словно перед ним был не Первый Гвардеец, а один только его образ, голограмма. В этом была загадочная способность этого таинственного существа, которое вряд ли являлось человеком: не было слышно плеска воды, если Августо приходилось наступать в лужу, не скрипели гравий и песок под его ногами, умолкали ржавые петли дверей, которые ему доводилось открывать... Он мог подобраться бесшумно к кому угодно. Сигурд не раз вздрагивал, когда обнаруживал Августо у себя за спиной.

«Почти к кому угодно,» — тут же поправил он себя. Встречались люди, которые кожей ощущали его присутствие. Чувствовали необъяснимый холод и беспочвенное беспокойство. Необоснованный страх. И подобная чувствительность не зависела от мистических способностей человека. Дело было в чем-то, недоступном пониманию Сигурда.

За столетия сотрудничества ему еще не приходилось ловить Августо на лжи. Августо сказал, что не знал о том, что Каена жива; что только вчера ему удалось обнаружить следы удаления информации из базы данных Бифроста, в которых речь шла о геотермальной электростанции, обеспечивающей энергией весь этот комплекс. Но он так и не объяснил в подробностях, каким образом установил связь между скрытой электростанцией и Каеной. Нет, Августо предоставил доказательства, что Каена жива, просто поражала скорость, с которой он их обнаружил. Что, если он скрывал ее, ждал удобного момента, чтобы вернуть из небытия? И деятельность Дженази стала достойным поводом для того, чтобы вернуть ее в бой. Ведь Каена — киборг, созданный на основе тех технологий Чи-Зо, которые были утрачены Небесными Городами, и возможности ее огромны. Только если Августо давно знал о Каене, то почему скрывал ее до сих пор? Дженази силен, но Белгорро и Ришари гораздо опаснее для Дакиэрро, и война с ними продолжается уже давно. Сам собой напрашивался вывод, что Каена была секретным оружием Августо. Вот только против кого?

«Против того, от кого ее держали в секрете, — Сигурд опустил руку на рукоять меча. — Августо уже предал одного императора. Что мешает ему предать и второго?».

— Что-то не так? — Сигурд был уверен, что у Августо не было оснований начать волноваться о том, что у императора на уме, но, похоже, недооценил его интуицию. Первый Гвардеец замедлил шаг и смотрел на него сквозь отверстия маски, через которые нельзя было уловить даже блеска глаз. Безликое, пугающее существо.

— Размышляю о том, почему Каена скрывалась от нас так долго, — искусством лгать

Сигурд овладел в совершенстве. Но это не значило, что Августо не мог подозревать о том, что творится у него в голове.

— По той же причине, по которой Дженази покинул Гвардию, а ты убил Фридриха — ей надоело быть марионеткой старого безумца.

— Не думаю, — Сигурд, в отличие от Августо, помнил, при каких обстоятельствах Гвардия лишилась девушек. — Здесь что-то другое.

— Может быть, — Августо отвернулся, но у Сигурда не исчезло ощущение, что он продолжает за ним пристально наблюдать. — Но сейчас нас должно волновать, каким образом уговорить ее выступить на нашей стороне. И я надеюсь, что вы готовы в случае неудачи сделать то, что необходимо.

Сигурд вспомнил искусственное лицо-маску Каены, ее синтетические белые волосы и ярко-синие глаза. Больше машина, чем человек, и все же человек — рациональный, бесстрастный, холодный. И слегка безумный. Но безумие — закономерное следствие, если все, что ты есть — это мозг, помещенный в куклу из металла и полимеров.

Он любил ее.

15 октября 814 года. Вердиро, Сангарак.

Меч Сигурда без труда рассек броню дрона, похожего на саблезубую кошку, и сразу же мягко сверкнул синим — сработал механизм, автоматически заточивающий кромку лезвия толщиной всего в один атом. Противник распался на две половинки, одна из которых все еще могла продолжать бой, и Гвардеец вонзил клинок в треугольный череп, разрушая процессор. Освободив лезвие, Сигурд увернулся от когтей другого дрона, а потом и вовсе покатился по земле, стремясь оказаться как можно дальше от взлетающих в воздух комьев земли, выбитых очередью из электромагнитного орудия четырехметрового стального великана, пилотируемого человеком. «Гектора» сопровождала дюжина бойцов Небесных Городов, облаченных в бронированные экзоскелеты. Они были готовы поддержать гиганта огнем из своих винтовок, но, скорее всего, соблюдали приказ беречь патроны — бой шел уже несколько минут, и в его начале рядовые бойцы приняли активное участие, истратив по два-три магазина.

«Гектор» патронов не жалел, но пулеметная очередь так и не смогла подобраться к Сигурду достаточно близко. Как только пилот допустил ошибку и открыл Гвардейцу путь к ногам машины, он бросился в атаку, на винтовки пехоты. Бойцы открыли огонь, но Сигурд обратился к резервам своего нейропроцессора, и тот заработал на пределе своих возможностей. Эффект длился всего несколько секунд — для стороннего наблюдателя. Для самого Сигурда время предельно замедлило свой бег, и бойцы Небесных Городов превратились в неподвижные статуи. И пусть даже сейчас Гвардеец не мог уворачиваться от пуль, но для того, чтобы выстрелить, противнику нужно нажать на курок, а для этого с точки зрения Сигурда простому бойцу теперь требовалась целая вечность.

Когда истекли секунды стороннего наблюдателя, во время которых от Гвардейца остались только смазанный силуэт и росчерки синего света, бойцы Небесных Городов, все еще продолжая стрелять, начали распадаться на фонтанирующие кровью куски, а «Гектор», увидев их гибель, попытался сделать шаг назад и упал на землю — его ноги были

перерублены чуть ниже колен. Сигурд, у которого чрезмерным нагрузкам подвергся не только мозг, но и тело, пусть и усиленное имплантами, на миг остановился, чтобы перевести дух, а потом запрыгнул на корпус барахтающегося в пыли гиганта и начал вырезать из его стальных внутренностей пилота. Им оказался молодой Старвинд. Парень уже знал, что его ждет, и когда Гвардеец оторвал последнюю переборку, вырвал чеку гранаты и дико оскалится.

«Тхан-Озу-Бай!»

Забытый Бог, державший в руках ключи к магии Сигурда, отреагировал даже быстрее самого чародея, который слишком медленно сплетал строчки защитного заклинания. И когда граната взорвалась, на пути осколков, разорвавших Старвинда на куски и изрешетивших кабину робота, встал полупрозрачный барьер из переплетенных между собой черных и фиолетовых линий.

Сигурд даже не почувствовал удара — щит Тхан-Озу-Бая растворил шрапнель, куски корпуса гранаты, и погасил ударную волну. И перед его мысленным взглядом из серого тумана сформировалось чудовищное лицо получеловека-полузверя, у которого сквозь истлевшую кожу были видны желтые кости и гниющие мышцы.

«Отори Дзяко! — приглушенный голос одного из Забытых Богов Тьмы был полон негодования. — Как смеешь ты подвергать свою жизнь такой опасности? Почему ты не позвал меня раньше?»

«Я собирался это сделать сразу после того, как исчерпаю возможности устройств, улучшивших мое тело».

«Презренные технологии презренных Чи-Зо... Они подведут тебя, рано или поздно».

«Вы правы».

«Да. А теперь уничтожь своих врагов!»

Черно-фиолетовый барьер превратился в магический доспех, повторяющий контуры тела Сигурда, сияющие узоры покрыли лезвие мнемомеча. Четвероногий дрон, которого Гвардеец оставил за спиной, нагнал его и прыгнул, собираясь впиться в тело стальными клыками и когтями. Сигурд вытянул в его сторону руку, и из ладони вырвался поток темно-лилового света. Голова и туловище боевой машины были мгновенно уничтожены, а вот лапы продолжили свой путь; одна из них, правая передняя, докатилась до ботинка Сигурда.

Этой силой Гвардеец овладел, когда был юн и носил имя Отори Дзяко. То были дни его славы, когда разрозненный, разобщенный народ яо истреблял друг друга в непрекращающихся межусобных войнах. Глава клана Отори, он сокрушил и подчинил своих соседей, присоединил их армии к своей и повел дальше, начав новую войну, которая должна была стать последней — ради единства и мира всего своего народа. Но когда цель была почти достигнута, с небес спустились воины, оружие которых было куда сильнее мечей, копий и луков, и вел их человек по имени Валентин Лэйт. Империя яо, созданная кровью и железом, распалась на части, клан Отори — истреблен, а сам Дзяко с остатками верных людей загнан в болота, из которых уже не было выхода. Валентин Лэйт лично командовал отрядом, который должен был уничтожить бывшего императора, и вызвал Дзяко на поединок. Мощь Лэйт была невообразимой, Отори проиграл, но в последний момент на поле боя явился Витторио. Он убил Валентина, его воинов, и предложил Дзяко стать Гвардейцем Хаоса. Отори Дзяко согласился.

Мощь Тхан-Озу-Бая не помогла ему в бою против Небесных Городов, магия оказалась слабее высоких технологий и мистических способностей. Именно поэтому он позволил

техноадептам Гвардии Хаоса усовершенствовать свое тело. И взял себе новое имя — имя древнего героя, который, омывшись кровью дракона, стал больше, чем просто человеком. Хотя для этого ему и пришлось отречься от наследия Старшего Дома Отори — одного из древних родов, правивших Тейзойе задолго до возвышения цивилизации Чи-Зо.

— Все в порядке? — Каена, которая на этом поле боя вместе с Сигурдом командовала отрядами лояльных Гвардии бойцов из Великого Дома Амавази, оставила своих подчиненных, чтобы удостовериться в том, что ему не требуется помощь.

— Да, — Сигурд осмотрелся вокруг и увидел, что противник отступает. Объединенных сил домов Старвинд, Мисторг и тех Амавази, что не одобрили выбор родичей, было вполне достаточно, чтобы смешать с пылью предателей, но присутствие здесь сразу четырех Гвардейцев не оставило им и шанса. Сколько бы раз не умер Раббен Тоттенгрибер, он воскресал вновь, и пока бойцы Амавази отсиживались в укрытиях, расстреливал врага из своих пистолетов. Эрика, накрыв свой отряд психокинетическим барьером, защищала его от любого вражеского выстрела, даже если он был произведен из электромагнитной винтовки, которая запускает снаряд на космических скоростях. Каена, как и Сигурд, со своим противником уже справилась, и теперь им нужно было только помочь товарищам.

— Я помогу Раббену, а ты добей цель Эрики. Она почему-то не торопится.

— Она с самого утра странная, — ответила Каена. — Открыла банку газировки руками. А ты сам знаешь, что она использует психокинез на уровне рефлексов.

— Ты все время говоришь ей, что у нее из-за этого атрофируются мышцы. Наверное, она наконец прислушалась к твоим словам.

На лице Каены не отразилось ни единой эмоции. Оно не было точной имитацией человеческого лица, прочные и гибкие пластины полимеров белого цвета, с мертвенно-голубым отливом, полностью повторяли черты ее человеческой внешности, но между ними были оставлены зазоры, сквозь которые были видны искусственные мышцы из углеродного волокна. Каена могла, но не использовала искусственную кожу, которая не хуже естественной передает тактильные ощущения. Ее губы, такие настоящие на вид, пусть ненормально-синие, ничего не почувствуют, если он прикоснется к ним своими.

— Это не так, — опасение в голосе Каены было простой игрой воображения Сигурда.

В этот момент в той части поля боя, где Амавази руководила Эрика, смолкли стрельба и взрывы, а затем раздались крики боли и ужаса. Всех — и союзников Гвардии, и ее врагов — подняло в воздух, и один за другим они стали взрываться изнутри, разлетаясь багряной пылью.

Когда Сигурд, Каена и Раббен прибыли на место трагедии, в живых осталась лишь Эрика. Она стояла посреди поля, по щиколотку залитого кровью, но ни одна капля не коснулась ее лица и одежды. Длинные темные волосы девушки развевались на ветру, который поднялся только здесь, на нем же трепетали складки ее черного платья, с подолом до пят и воротником, закрывавшем всю шею.

— Что ты делаешь?! — Сигурд, который только что не воспринимал всерьез предостережений Каены, теперь корил ее за то, что она не указала на странности в поведении Эрики еще раньше. Теперь же было слишком поздно, безумный взгляд Черной Ведьмы — так звали ее враги Гвардии, а порой и не только они — красноречиво говорил о том, что она просто не услышит его призыва взять себя в руки.

Эрика что-то прошептала в ответ.

— Эти Амавази были нашими союзниками, — он не рискнул подойти ближе, чем на

двадцать шагов. Каена и Раббен остановились рядом.

— Я устала, — произнесла девушка чуть громче, — ждать. Мне обещали, что Гвардия будет уничтожать этих ублюдков, а что я вижу вместо этого? Мы заключаем с ними союзы...

— Но это необходимо! — воскликнул Сигурд. — Восемь человек не смогут уничтожить цивилизацию. Нам нужны единомышленники из их числа, их солдаты, корабли и военные технологии. Гвардия сражается с ними уже тысячу лет, и за это время мы нашли самые эффективные способы борьбы. Да, до победы еще очень далеко, но каждый новый шаг Императора приближает ее. Поверь, мы...

— Мне нужна не победа, — прошипела Эрика. — Руины Небесных Городов, заваленные трупами — вот, что мне нужно! А вы желаете совсем другого. Власти... Ты и твои обожаемые Фридрих Бронзлебен и Витторио Коккинавье. А чего еще ждать от принцев Десяти Великих Домов?

— Сигурд не меньше тебя пострадал от Небесных Городов, — Каена вышла вперед, осторожно ступая по земле, покрытой человеческими останками. — Вся его семья и тысячи соотечественников погибли только потому, что наверху решили, что лучше знают, каким должен быть миропорядок под облаками.

— Но это не значит, что я должен убивать всех подряд, — хмуро добавил Сигурд. — Если Гвардия станет во главе Небесных Городов, то мы прекратим все преступления, которые происходят на поверхности по их вине.

— Наивный дурак! Фридрих просто использует нас! Каена, — Эрика обратилась к подруге, — Гвардия ничем не лучше Великих Домов! Идем со мной, вместе мы найдем тех, кто действительно готов сражаться с Небесными Городами до их полного уничтожения!

— Эрика, еще одно подобное слово, и я буду вынужден считать тебя врагом дела Гвардии! — того, что Сигурд уже услышал, было вполне достаточно, чтобы пойти на крайние меры. — Ты и так уже доставило нам массу проблем, убив два десятка союзников. Сделаем так: ты извинишься и пообещаешь выбросить из головы все свои экстремистские настроения, а мы просто забудем об этом инциденте. Ты даже не представляешь, что произойдет, если мы начнем открыто нападать на Небесные Города...

— Вы просто трусы, — ответила Эрика. — У вас не хватает смелости начать настоящую войну. Не здесь, на поверхности... В небе! Каена! Ты и правда хочешь остаться с ними и продолжать эти мелкие бессмысленные конфликты?

— Я же предупредил тебя, — Сигурд влил еще больше энергии в покрывающий его тело магический доспех, ярче засияли знаки на лезвии мнемомеча. — Раббен, нам придется остановить ее. Каена, свяжись с остальными и доложи обо всем.

Тоттенгрибер, который весь разговор провел в роли безмолвного наблюдателя, услышав приказ, убрал свои пистолеты и извлек из пустоты длинную черную цепь. И сам же был ей обмотан в следующее мгновение — Эрика атаковала первой. Но Сигурд так же не стал пренебрегать подвернувшимся шансом, и пока Черная Ведьма сосредоточилась на Раббене, направил на нее заряд темной энергии Тхан-Озу-Бая.

Каждый раз, когда он использовал эту силу таким образом, мир для него терял свои краски, а в руке на долгие часы сохранялось ощущение, что вместо костей у него куски льда. Если использовать ее для заклинаний, таких побочных эффектов не будет, но чтобы плести их, нужно время. В арсенале Сигурда были заклинания, которые могли бы остановить Эрику, но для ее психокинеза не нужны были формулы и время на подготовку.

Цепь, обмотавшая Раббена, стянулась с такой силой, что его разорвало пополам. И в тот же момент сломались кости в руке Сигурда, из которой должен был вырваться заряд темной энергии. А еще он больше не мог сдвинуться с места.

— Ну надо же, два чародея Гвардии Хаоса беспомощны перед девушкой с простой мистической способностью, — Эрика издевательски расхохоталась.

Прогремел выстрел. Голова девушки качнулась, словно от удара, и она снова обратила свое внимание на Раббена, который, даже разорванный пополам, все еще мог стрелять. Впрочем, в следующую секунду он снова был цел и невредим.

— Да, ты не умрешь. Но ведь тебя убивать и необязательно, — Эрика силой мысли подняла Тоттенгрибера в воздух и швырнула так, что он исчез из поля зрения. — А к тому времени, когда вернешься, кое-кто будет уже мертв.

Сигурд смотрел в серые глаза Эрики и читал в них свой смертный приговор. Пуля, выпущенная Раббеном, все еще висела в воздухе в двух сантиметрах от ее виска.

В этот момент страшный удар обрушился на его затылок, а когда он пришел в себя, увидел Каену, обнимающую Черную Ведьму. И не мог пошевелиться. Через интерфейс нейрокомпьютера пришло сообщение о двух переломах в шейном отделе позвоночника.

— Я так рада, что ты со мной, — Эрика прильнула к киборгу так, словно она была самым близким и родным ей существом. А потом увидела, что Сигурд открыл глаза.

— Я думала, ты убила его, — она попробовала высвободиться из объятий, но Каена ей этого не позволила. Сквозь зазоры в ее броне хлынул яркий оранжевый свет, черный комбинезон оплавился и сполз на землю тлеющими лохмотьями, обнажая искусственное тело. Эрика закричала от боли и попыталась освободиться, но расцепить руки Каены оказалось не так просто. Пока она силой мысли отрывала от себя по частям тело киборга, хватка девушки становилась все крепче, угрожая задушить и поджарить одновременно. А потом все закончилось — в вспышке света.

В тот день, двести лет назад, Сигурда ослепило и оглушило, волна жара обожгла тело, острые осколки вонзились в него, разрушая внутренние органы. То были фрагменты брони Каены, которые смогли пробить его магическую защиту. Девушка запустила систему самоуничтожения и убила Черную Ведьму ценой своей собственной жизни. И в том, что они обе мертвы, сомнений не возникало: позже, когда тело Сигурда было восстановлено, ему показали то небольшое, что от них осталось.

Долгие годы он размышлял над тем, почему Каена пожертвовала собой, и можно ли было этого избежать. Эрика обладала невообразимой силой, и эта сила неожиданно для всех была направлена против Гвардии. Но стоило ли отдавать жизнь ради группы людей и нелюдей, чьи руки по локоть в крови? Стоило ли Каене умирать ради них? И почему вообще она так поступила? Неужели до такой степени была предана их делу?

Сигурд любил ее. За то, что она была рядом с ним с момента его вступления в Гвардию и всегда поддерживала в минуты тревог и сомнений. Он никогда не мог понять, что творится под ее бронированной оболочкой, а вот Каена в людях разбиралась превосходно, и сама приходила на помощь, если такая требовалась. Это была ее удивительная особенность, но Сигурд тогда не придавал большого значения тому, что действие этой особенности на себе ощущали в основном только он и Эрика.

Вспоминая об этом после трагедии, он думал о том, что на самом деле Каена не останавливала монстра и не защищала Гвардию. Она просто хотела спасти его жизнь. И так и не смог избавиться от чувства вины. И ненависти к Дженаси и Ришари, которых посчитали достойными заменить ее и Эрику.

Теперь, с известием о том, что Каена на самом деле жива, Сигурд избавился от давних душевных терзаний. И взамен начал бояться того, что Каена — враг. Это было гораздо мучительнее, и единственный способ выйти из этого ужасного состояния — как можно скорее открыть стальную дверь, за которой вот уже двести лет его ждет давняя соратница.

Механизмы, поднимающие перегородки в туннеле, которые отделяли Сигурда и Августо от убежища Каены, были обесточены, и полуметровые стальные пластины пришлось разрушать с помощью черной магии Тхан-Озу-Бая. Металл рассыпался серой пылью, стоило только коснуться его ладонью, но последнюю, пятую перегородку, Сигурд вскрыл с помощью мнемоклинка. Тяжелая пластина со страшным грохотом упала внутрь помещения, и шагнув сквозь получившееся отверстие, он оказался в большом ярко освещенном круглом зале. В его центре были установлены две незнакомые Сигурду модели капсулы жизнеобеспечения, к которым со всех сторон тянулись кабели и полимерные трубы. За прозрачной передней панелью одной из них он увидел девушку, погруженную в нечто похожее на амниотическую жидкость. Она была жива. И у нее было лицо Каены — каким оно должно было быть без замены кожи и мышц на синтетические аналоги.

— Не понимаю... — прошептал Сигурд. А потом обратил внимание на металлические цилиндры в человеческий рост, наполовину погруженные в стены зала. Их здесь было двенадцать, и они, похоже, открывались.

— Августо, посмотри, что в них, — Сигурд не хотел отходить от спящей Каены. Ему казалось, что она вот-вот откроет глаза.

Первый цилиндр, а на деле нечто вроде футляра, оказался обесточен точно так же, как и двери отсека. Августо силой сорвал его подвижную панель, и чуть помедлив, шагнул в сторону, чтобы Сигурд смог увидеть, что внутри. В металлической капсуле находилась безжизненная оболочка, как две капли воды похожая на ту Каену, которую он знал раньше.

Вскрыв остальные одиннадцать, они обнаружили еще десять копий Каены-киборга, и только одна капсула оказалась пустой — та, в которой некогда хранилось ее уничтоженное тело. Это были просто оболочки — ни в одной из них не было человеческих тканей и органов.

— Как думаешь, что это значит?

Августо, к которому был обращен вопрос, указал на вторую капсулу жизнеобеспечения, которая была пустой.

— В ней можно вырастить человеческое тело, просто поместив внутрь образец ДНК. Похоже, тогда мы имели дело с ее клоном, — Августо не стал уточнять, что живым в прежней Каене был только мозг. — Если бы не все эти куклы, я решил бы, что перед нами сестра-близнец Каены, но теперь это очевидно — она выращивала свои копии, загружала нервную систему в механическую оболочку и отправляла ее на поверхность. Только не спрашивай, зачем. Я не знаю.

— Нужно разбудит ее и спросить лично, — Сигурд вернулся к капсуле с настоящей Каеной. И как раз в этот момент она открыла глаза.

Мощное психокинетическое поле сковало его тело, он не мог не то что пошевелить

пальцем, а даже вдохнуть. Когда давление увеличилось настолько, что затрещали кости, на помощь пришел Забытый Бог, защитив тело мага своим барьером, но Августо, который подобной способностью не обладал, пришлось гораздо тяжелее, и на протяжении нескольких секунд Сигурд слушал, как трещат и ломаются его кости.

Тело Первого Гвардейца скручивало, словно мокрую тряпку, до тех пор, пока не разорвало на части, а потом то, что осталось, взорвалось изнутри, забрызгивая все вокруг опметками плоти. Император Дакиэрро хладнокровно отметил про себя, что внутренности Августо мало похожи на человеческие, и начал медленно, преодолевая чужую волю, извлекать из ножен меч.

— Каена, это же я, Сигурд. Ты не узнала меня? — спросил он, уже подозревая, что в капсуле находится девушка, всего лишь похожая на Каену.

— Почему же, узнала, — голос девушки раздался из динамиков на капсуле жизнеобеспечения, и Сигурд содрогнулся, услышав знакомые интонации. — Только она, в отличие от меня, совсем не рада тебя видеть.

Если бы император Дакиэрро не засвидетельствовал лично гибель Эрики, то смог бы поклясться, что это ее сознание заключено сейчас внутри этого хрупкого тела, окруженного непреодолимым психокинетическим барьером. А пока он предположил, что за века изоляции Каена немного тронулась умом. И развила невероятные психические способности.

— Вижу, ты узнал меня, — обладательница синтезированного компьютером голоса сделала свои выводы из наблюдения за выражением лица Сигурда. — Да, это я. Эрика. Вернее, нас здесь двое, просто я не разрешаю Каене... ничего я ей не разрешаю. Она только смотрит.

— Как вы выжили? — император Дакиэрро ощутил, как давление на барьер Тхан Озу Бая ослабло, и воспользовавшись этим, резко вытащил меч из ножен. И теперь он чувствовал себя увереннее.

— Тело Каены, целое и невредимое, сейчас прямо перед тобой, так что тебе следует спросить, каким образом выжила я.

— И каким же образом ты выжила? — на самом деле Сигурд начал догадываться, что именно произошло в тот день, но решил, что сейчас не время блистать дедукцией. И как он уже успел понять, Эрика, проторчав в этом унылом месте двести лет, мало интересовалась его предположениями. Ей был нужен слушатель. Она уже и так слишком долго его ждала.

— Как вы уже успели понять... — Черная Ведьма не могла пошевелить в теле Каены даже глазным яблоком, но Сигурд догадался, что только что ее внимание привлекло быстро регенерирующее тело Августо, — наша дорогая подруга была совсем не тем, кем мы все ее считали. Каена не киборг, а человек, ее настоящее тело парализовано и без этой системы жизнеобеспечения погибнет в течение нескольких секунд. Для того, чтобы жить полноценной жизнью, она использовала искусственные тела, которыми управляла отсюда с помощью ретранслятора мозговых волн. Он позволяет синхронизировать ее мозг и его копию, загруженную в механическую куклу, даже если они находятся в противоположных точках планеты, а если понадобится, поддержит их связь, даже если искусственное тело отправят на границу нашей солнечной системы. Для того, чтобы обнаружить соединяющий их канал связи, необходимо оборудование, которые вы видите в этом помещении, а оно, похоже, последнее в своем роде. Технология утрачена, и Каена, столетиями находясь здесь, могла безнаказанно творить на поверхности все, что душе угодно. Например, отправить кибернетической кукле команду на самоуничтожение, когда та сжимает в своих нежных

объятиях лучшую подружку.

— Столетиями? — переспросил Сигурд.

— Каене почти восемьсот лет. Мы не знали об этом, потому что большую часть такой своей жизни она провела на Внешнем Архипелаге. Я так понимаю, что даже сейчас он для цивилизованного мира терра инкогнита. Поэтому она попала в поле зрения Гвардии только после того, как прибыла на Вердиго. Дальше вы ее историю знаете, а потом наступил тот день, когда я потеряла свое тело...

— Во время взрыва ты установила ментальную связь с сознанием Каены и использовала его как якорь, чтобы удержаться в мире живых.

— Это если коротко, — Эрика была не в восторге от того, что ее перебили на самом волнующем, с ее точки зрения, моменте. — Оказавшись в одном теле, мы сразу начали борьбу за контроль над ним. И когда я поняла, что бороться, по существу, не за что, Каена заблокировала большинство систем управления всем этим комплексом. Я не могу связаться с внешним миром и не могу создать новую марионетку. Могла бы, правда, совершить самоубийство, но верила и ждала, что однажды меня кто-нибудь найдет.

— Я пришел сюда за Каеной, — резко ответил Сигурд. — Пусть она никогда не была искренней со мной, но я рад, что она жива. Твоего возвращения я не ждал.

— Ах, ты разбил мне сердце! Неужели я такое чудовище, что даже спустя столько лет ты так сильно меня ненавидишь? Подумай, ведь я провела в заключении две сотни лет. По-твоему, это недостаточное наказание за пару отнятых жизней? А может, дело в том, что ты боишься меня? Ты никогда не отличался храбростью...

— Я хочу поговорить с Каеной, — император Дакиэрро не позволил задеть себя мелкой колкостью.

— Ну уж нет. Это тело теперь мое и только мое. Если тебе не нужна я, убирайся. Мне хватит и его компании, — Эрика имела ввиду Августо, который, едва завершив регенерацию, снова был превращен в лужи расплесканной по полу биомассы.

— Освободи Каену, потому что иначе я просто убью вас. Мне придется это сделать.

— О-о, — такого решения Сигурда Черная Ведьма, похоже, не ожидала. — Жестко. Только скажи мне, ты таким образом хочешь прекратить ее мучения или просто избавляешься от проблемы в моем лице? Просто хочу заметить, что Каена не испытывает никаких неудобств, потому что какие могут быть неприятности у спящей? А я обещаю, что не буду создавать проблемы. Я буду хорошей девочкой, веришь?

— Нет.

— Как грустно... Но тогда ответь мне на еще один вопрос: каким именно образом ты собираешься меня убить? Без моего разрешения ты даже сдвинуться со своего места не сможешь. Или думаешь, что я использую сейчас все свои силы?

Психокинетические тиски, сдавливающие барьер Тхан Озу Бая, увеличили свое давление так сильно и внезапно, что лишь чудом Сигурд удержал его и предотвратил принудительное сжатие своего тела до несовместимых с жизнью размеров.

— Мой мозг подключен к сети, через которую можно управлять всеми геотермальными электростанциями континента. Как думаешь, сколько времени мне понадобится, чтобы отдать приказ отключить электростанцию, благодаря которой ты до сих пор жива?

— Это будет последнее, что ты успеешь сделать перед смертью, — Эрика отбросила в сторону снисходительный тон, и Сигурд понял, что они замерли у черты, за которой уже не будет места переговорам.

— Проверим?

Глава 30. Сновидческие головоломки

02:40, 21 июля 1014 года. Федерация Вердира, республика Кайлена, Эдельбрасс.

Из шести гостей дома Элизабет и ее сына, Роберта, только один после распределения по комнатам без промедления отправился в путешествие по землям царства младшего брата Смерти — Сна. Дженази слышал, как почти мгновенно выравнялось дыхание Ранмаро: стоило его голове лишь коснуться подушки, а вот Валерия еще долго размышляла о вещах, о которых г'ата предпочитал только догадываться, а не знать точно. Больших усилий ему стоило отказаться от посещения комнаты племянниц, когда те внезапно перестали издавать постоянный по своему содержанию шум из взаимных претензий и упреков. Это было в высшей степени необычно, но Дженази давно усвоил, что у любопытства есть своя цена, которую он не всегда готов заплатить.

— Почему вы не спите, синьор Дженази? — вопрос от последнего не спящего гостя дома, Просперо, последовал как раз тогда, когда г'ата задумался над тем, что заставляет двух девушек в безмолвии смотреть друг на друга в течение десяти минут.

— Могу задать вам тот же вопрос, инспектор, — Дженази, который из двух предметов мебели в этой комнате, пригодных для расслабленного времяпрепровождения, выбрал кресло, и притворился спящим, был уверен, что у Эспозито на его диване не будет причин начинать вот такие вот полуночные беседы.

— Это моя особенность, — ответил Просперо, — скорее даже слабость — я не могу заснуть, пока рядом кто-то бодрствует.

— Вы удивительный человек, инспектор, — произнес Дженази ровным голосом. И взял на заметку, что мистические способности Просперо не ограничиваются одними только электромагнитными манипуляциями.

— Вы это уже говорили, синьор Дженази. И вы не ответили на мой вопрос.

— Я могу обходиться без сна годами.

— Вы счастливый человек. Мне часто снятся кошмары. Издержки профессии. А вам, когда вы все-таки решаете поспать, снится что-нибудь?

— Если и да, то я не помню, что именно, — соврал Дженази. Когда он спал в последний раз, пару недель назад, ему приснилась Нола.

— Мне мои сны забыть не так-то просто. Лица убитых, лица преступников. Иногда я жертва убийцы, иногда — убийца. Это совсем не те сны, которые можно назвать пророческими, и они всегда самые жуткие. Но не во время сна, а уже после пробуждения. Словно я на самом деле погиб или совершил убийство. Правда, был один сон, хороший сон, который я люблю вспоминать. Я увидел его еще в юности, во время учебы в академии. У вас был такой сон, который вам нравится вспоминать?

— Нет, — на этот раз Дженази не соврал, а скорее, сказал полуправду. Был сон, возвращения которого он когда-то с нетерпением ждал, но это было так давно, что воспоминания о том времени были надежно погребены под монументальными наслоениями новых, слишком ярких и сильных. И только сейчас он понял, как сильно боится их возвращения.

Чтобы не допустить воскрешения памяти о днях, когда он еще был не г'ата, а просто человеком, Дженази простым усилием погрузил себя в сон, оставив лишь часть сознания

наблюдать за тем, что происходит вокруг. Память о днях до встречи с Саей могла нанести непоправимый ущерб его и без того нестабильной личности, и он решил найти спасение в сновидениях.

Джсенази не снились кошмары. Его сны могли быть неприятными, мутными, оставляющими горькое послевкусие при пробуждении, но вот уже сотню лет не было ни одного, способного привести его в ужас. Последний сон, заставивший его проснуться с криком, он увидел, будучи простым смертным — словно наяву ощутив, как сгорает в огне термоядерного взрыва. Больше этот сон не повторялся — г'ата не знает смерти вне Волчьей Зимы, и страхи подобного рода ушли.

Когда он был Гвардейцем, ему снились мертвецы — сотни, тысячи погибших, чью жизнь он оборвал, стремясь к своей цели. Снился день, когда погибла Винсента.

После смерти Ноы в снах уже не было ничего, что могло заставить его сердце биться быстрее от страха. Но сейчас впервые за долгое время он почувствовал, что ему страшно.

Он — смертен. Вокруг каменистая серая равнина, над головой — черное беззвездное небо, а Джсенази в своем прежнем смертном теле, ни одного признака крови г'ата в жилах. Слабый, медлительный, хрупкий, уязвимый, как и любой другой человек. И что хуже всего, он здесь не один.

Огромный белый зверь рычит, кроша камни своими острыми, словно алмаз, когтями. Неистовый, неудержимый, беспощадный, несокрушимый, фиолетовые глаза желают видеть лишь возможность для клыков перегрызть чье-то горло. Больше ста лет он сдерживает его внутри своего сознания, это чудовище родилось из желания убить Ришари, свою сестру-г'ата. Его воля должна была быть сломлена чудовищем, Джсенази должен был стать монстром, но не стал. И сейчас он видел, почему.

Беспомощный смертный был не один в своем противостоянии со зверем. Здесь был еще один Джсенази, тот, кем он мог бы стать, если бы однажды не оказался на грани жизни и смерти, перед тем, как Сая приняла его в семью г'ата.

Он тоже был смертен. А еще силен. Невероятно силен. Это был Джсенази, который, не обладая бессмертием и мощью г'ата, развил свои мистические способности до той степени, после которой уже никто не может представлять для него угрозы.

Зверь-г'ата не смог стерпеть присутствие столь сильного противника. Он не мог вынести чьего-либо присутствия, но когда появлялся выбор между сильной и слабой добычей, зверь выбирал того, кто мог оказать сопротивление.

Атака, преисполненная первобытной яростью и стремительностью, ее завораживающая грация гипнотизирует, разум мечется между незамедлительным бегством и безмолвным созерцанием, пусть даже на краю неизбежной гибели — таким должен быть итог для любой жертвы г'ата-зверя. Джсенази знал это лучше любого другого, потому что сам не раз выступал в роли безжалостного хищника, но он же и был сейчас противником этой темной стороны своего существа. Поэтому противник Джсенази-зверя не погиб, а уклонился, избежал смертельного удара. Он не мог предсказать атаку врага, как и никто другой на его месте, но скорость, которую подарили ему мистические способности, превосходила скорость зверя. Это было духовное и физическое родство с молнией, которое Джсенази так и не смог развить наяву, но которым в совершенстве овладела Ришари, и которое только предстоит развить Просперо.

Скорость электрического разряда в воздухе совсем немного уступает скорости света, противник Джсенази-зверя мог свободно перемещаться по полю боя и выбирать удобный

момент для контратаки, пока монстр безрезультатно превращал в пыль и щебень каменную равнину. На него обрушивались удары молний, потоки сжатого воздуха, охлажденного до сверхнизких температур, резкие перепады атмосферного давления, воздушные вихри, швыряющие камни на сверхзвуковых скоростях... Дженази-человек, забившись в щель между валунами и дрожа от ужаса, мог только молиться о том, чтобы его не задела одна из этих атак. Земля и небо содрогались, как должны содрогаться во время битвы богов с титанами и хтоническими чудовищами.

Раны Дженази-зверя затягивались с молниеносной скоростью, он преследовал своего врага с маниакальным упорством. Тот же, предельно сосредоточенный, держался на почтительном расстоянии, не решаясь даже при превосходстве в скорости и реакции вступить в рукопашную схватку — потому что Дженази-зверь обладает пугающей способностью предвидеть будущее, одна-единственная ошибка, которая позволит ему зацепить противника хотя бы одним когтем, завершит схватку тот час же.

Эта битва может длиться веками — до тех пор, пока противник Дженази-зверя не допустит свой единственный промах. Монстр внутри бессмертен.

Оставляя вокруг себя невероятные разрушения, Зверь и его противник, увлеченные схваткой, удалились на безопасное для Дженази-человека расстояние, и он покинул свое убежище. Чтобы оказаться лицом к лицу с новым врагом. И этих лиц у врага было много.

У него не было постоянной формы тела: мужские и женские, взрослых, детей и стариков, толстые, тощие, крепкие, высокие, низкие — они сменяли друг друга, перетекая и сливаясь время от времени в нечто невообразимое, химеру больного воображения. И у каждого тела было свое лицо. Многие из них Дженази были незнакомы, но меч в руках врага не оставлял места для сомнений — это были его жертвы, все, кого он убил, действуя в интересах Гвардии Хаоса. Оружие в его руках было клинком мести, призраки прошлого жаждали забрать жизнь своего убийцы.

Дженази больше не был г'ата, и клокочущую ярость зверя сдерживали мистические способности. Безоружный, лишенный сверхъестественных сил, он должен был быть разрублен холодной сталью, если бы только среди тысяч слитых в одно целое призраков был хотя бы один, чьи навыки ближнего боя могли сравниться с навыками бывшего Гвардейца. Свернутая в рулон газета и свободная левая рука отвели в сторону падающий на его голову меч, пинком Дженази сбил многоликого врага с ног, обезоружил и сломал шею голыми руками — для этого хватило и его малых человеческих сил, потому что в бою важны не сила, а время и место ее приложения.

Когда тело мстительных призраков истлело и развеялось на ветру, Дженази развернул газету и узнал издание, которое купил, когда ехал с Юрикой на поезде из Ховина в Фламби. Но разобрать можно было только заголовки, тексты статей слились в нечитаемые темно-серые пятна. Все, кроме одной:

«Новая перепись населения показала, что за последние десять лет число граждан Федерации увеличилось на тридцать миллионов человек... пересечен пятисотмиллионный рубеж...»

А потом он проснулся.

Глава 31. Дорожное происшествие

03:55, 21 июля 1014 года, воскресенье. Федерация Вердири, Прима Регио, Олимпия.

Расположение духа Виолетты Смит, в котором она вела машину по предрассветным улицам столицы Федерации, иначе как отвратительным назвать было нельзя. За последние два дня Ранфарг Белгорро сумел вывести ее из себя по крайней мере десять раз, и похоже, не собиравшись на этом останавливаться.

— Сначала исчезает на целые сутки, — ворчала она, лихо сворачивая на перекрестке под пронзительный визг покрышек, — а потом дает о себе знать бог знает где! Без машины, денег и документов! В каком-то тряпье! Я проехала шестьсот километров, только чтобы подобрать его и вернуть домой! И ладно бы только это... Ему алиби подавай! «Ранфарг Белгорро в вышеозначенные дни находился в своем офисе, что могут подтвердить его секретарь и еще полсотни сотрудников компании, так что он не имеет никакого отношения к событиям в Фламби. Свидетели из Фламби, которые готовы опровергнуть данное утверждение, видели его двойника...» А чему тут удивляться? В Федерации полным-полно людей, которые похожи на него как две капли воды...

Ядовитые сетования Виолетты прервал предсмертный вопль тормозов, когда на проезжую часть из ниоткуда шагнула девушка с короткими белоснежно-белыми волосами. Это было единственное, что она успела рассмотреть, потому что дальше был тяжелый удар, ремни безопасности сдавили грудную клетку до треска костей, мир завертелся в безумной карусели под скрип, лязг и грохот металла, приправленный глухим звоном бьющегося стекла.

Виолетта не потеряла самообладания, тень ужаса не тронула ее лица. Единственными эмоциями, которые взяли верх в момент кризиса и наибольшей опасности, были обида и досада. Не на невезучую незнакомку, угодившую под колеса машины и ставшую причиной аварии; не на Ранфарга Белгорро, чьи действия привели ее на эту злополучную улицу; девушка злилась на судьбу.

Десять лет назад автомобильная авария отняла у нее братьев и родителей. Она тоже была в той машине, но когда многотонный грузовик превратил в жестяную лепешку серебристый седан, повезло только ей одной. Хотя как сказать повезло... У нее были сломаны ноги и позвоночник, отбиты внутренние органы. Если бы не Ранфарг Белгорро, который в кратчайшие сроки нашел лучшего целителя континента, Виолетта не на много пережила бы свою семью.

О причинах великодушия девушка узнала чуть позже. Ее братьев и родителей убил грузовик компании «Гефест».

Погибнуть, как и они, в автомобильной аварии, Виолетта посчитала высшей степенью несправедливости.

Когда тяжелый белый «Кречет» прекратил выбивать из дороги искры и куски асфальта, девушка не без доли равнодушия констатировала, что жива. И вися в водительском кресле вниз головой, с ужасом осознала, что убила человека. Она видела сквозь выбитое лобовое стекло развороченный капот, словно врезалась в фонарный столб, а не живое существо, и боялась представить, что осталось от несчастной там, позади машины.

Выбраться из автомобиля Виолетта не могла — ремни безопасности заклинило.

В смятую боковую дверь вежливо постучались.

Почему-то она мало удивилась тому, что увидела лицо девушки, которую только что посчитала погибшей.

— Вы в порядке? — с беспокойством спросила незнакомка.

— В полном, — ответила Виолетта, совершая еще одну безуспешную попытку покинуть искореженный салон автомобиля. — А вы?

Ответ на ее вопрос не требовался, девушка и так прекрасно видела, что на незнакомке нет ни единой царапины. И с чего следовал вывод, что врезался «Кречет» в что-то другое, и что это по ее и только по ее вине — пешехода, пренебрегшего правилами дорожного движения — Виолетта загубила машину стоимостью в пятьдесят тысяч айр. Но у незнакомки были нечеловеческие фиолетовые глаза, так что девушка решила оставить при себе все эмоции и обвинения. В конце-концов, это она сидела за рулем.

— Вам нужно осторожнее водить свою повозку, — незнакомка перерезала ремни безопасности — Виолетта не сразу поверила своим глазам — каменным ножом, и помогла ей выбраться из салона. — Если бы я не была г'ата, то погибла.

Личный секретарь Ранфарга Белгорро нетвердо стала на ноги, чувствуя, как ноет в груди. Дышать глубоко не получалось, но не это сейчас ее беспокоило, и она еще раз внимательно осмотрела незнакомку, с головы до ног. Федерация Вердиро — государство многонациональное, столицу порой навещают представители отсталых народов, но Виолетта не помнила, чтобы они разгуливали по улицам в своих этнических нарядах, да еще и с арсеналом оружия первобытных охотников-собираателей. Дерево, камень и кость — не всякий жандарм усмотрит в нем нарушение закона о запрете свободного ношения холодного оружия.

— Вы погибли бы, если бы сунулись под колеса моей машины, но этого так и не случилось... Во что я врезалась, кстати?

— В меня, — ответила незнакомка без тени улыбки.

— Шутки в сторону, — всплеск раздражения болезненным эхом отразился на ребрах, заставляя отбросить формальности в сторону, — ты цела и невредима, а у меня машина всмятку и ребра... Черт, пару штук точно сломала. Это я тут пострадавшая, понимаешь?

Вместо ответа незнакомка пнула покореженный автомобиль, и полторы тонны металла с жутким скрежетом проползли по асфальту еще пару метров.

— И что же тебе, такой невероятно сильной, помешало в сторону шагнуть, а? Я, между прочим, обхожу маленьких детей сторонкой, чтобы не покалечить ненароком — они же глупые еще, не понимают, что будет, если не убратся вовремя с дороги невнимательного взрослого...

Фиолетовые глаза незнакомки расширились, а потом — Виолетта не поверила своим глазам — она опустила взгляд, и у нее даже заалели щеки.

— Извините, я просто отвлеклась... Я могу как-то возместить ущерб?

Виолетта Смит улыбнулась — беседа перетекла в нужное ей русло.

— У тебя есть лишние пятьдесят тысяч?

Незнакомка нахмурилась.

— У вас ведь здесь «цивилизация», верно? — слово «цивилизация» она выделила пренебрежительной интонацией. — Предлагаю дождаться стражей порядка — где они, кстати? — которые зафиксируют факт происшествия, а потом обратиться к мастерам,

которые занимаются ремонтом таких повозок, и уже от них узнать точную сумму, в которую обойдется ее восстановление. Я полностью уверена, что Вы некомпетентны в подобных вопросах.

— Каких вопросах? — переспросила обескураженная Виолетта.

— Вопросах ремонта самодвижущихся повозок. Ваши руки никогда не разбирали внутренности подобного механизма. И я не ошибаюсь, — добавила незнакомка, когда девушка попробовала возразить.

Достойный ответ Виолетта так и смогла подобрать: вокруг них стали скапливаться сначала встревоженные, а потом просто любопытные зрители. Вот подошел ранний прохожий, который только что спешил на работу (или еще куда, кто знает). Высокий, представительный мужчина средних лет, он сначала спросил, что случилось, а потом, не дожидаясь ответа, заглянул внутрь салона, с ужасом ожидая увидеть кровь и смерть. Ну или просто кровь. Не обнаружив ни того, ни другого, повторил вопрос «Что случилось?», и получив от Виолетты невразумительный ответ, стал лихорадочно соображать, что ему в подобной ситуации следует предпринять. Вариант «идти дальше по своим делам» он не рассматривал. Ответственный гражданин.

Из дома справа вышла сразу целая делегация разбуженных аварией. Пять человек, одетых на скорую руку, и одна женщина утверждала, что видела, как все произошло, потому что как раз в этот момент смотрела в окно. «Убила, убила!» — слышала Виолетта ее причитания, и была рада тому, что ее «жертва» никуда не сбежала.

Когда кто-то из этой группы спросил, вызвал ли кто жандармов, парень лет двадцати быстро нырнул назад в подъезд дома.

А вот остановилась проезжавшая мимо машина. Водитель, нервно хлопнув дверью уже старого вишневого «Бьюти», в точности повторил действия самого первого прохожего, только в конце достал из кармана пиджака сигарету.

И их становилось все больше.

Виолетта легко справилась с задачей объяснить всем, что кроме нее пострадавших в аварии нет, отказалась от дюжины предложений довезти ее до больницы. С объяснением причин, по которым посреди их улицы валяется разбитая машина, у нее возникли сложности. И если бы не ноющие ребра, она нашла бы достойный ответ на реплику «Что взять с блондинки за рулем?»

И вот на сцене появились «скорая помощь» и жандармы, и Виолетта наконец услышала имя незнакомки:

— Сая. Эта девушка, — объясняла хозяйка копы с каменным наконечником, лука со стрелами, каменного ножа и белой волчьей шкуры на плечах, — врезалась в меня на своей повоз... своем а-в-т-о-м-о-б-и-л-е?

— Ваши документы, гражданка, — пожилой, но не растерявший форму жандарм в ответ на слова Саи только кивнул, мол, разберемся, и застыл в ожидании, с карандашом и бумагой наготове.

— Какие, к чертовой бабушке, документы?! — заорал старший в прибывшей на место медбригаде. — Ее машина сбила! У девчонки шок! Ребята, грузите ее.

За те три минуты, пока Виолетта, жандармы и зеваки пребывали в растерянности, медбратья с железобетонной уверенностью уложили «пострадавшую» на носилки и спрятали ее во внутренностях кареты «скорой помощи».

С надрывным воем белая с красными полосами машина сорвалась с места и скрылась за

поворотом.

— Виолетта Смит? — жандарм вернулся к своему протоколу, флегматично проводив «скорую» взглядом. Книжечку-водительские права девушки он спрятал во внутренний карман. — А вам, боюсь, придется проехать с нами.

Виолетте пришло в голову, что ситуация эта неплохо повеселит Ранфарга Белгорро. А еще то, что пора вспомнить номер телефона своего адвоката.

Глава 32. Конфликт

Добродушный смех Ранфарга Белгорро звучал ровно минуту — до тех пор, пока Виолетта не описала ему внешность девушки, которую сорок минут назад увезли на карете «скорой помощи». После этого он изменился в лице и прямо в участке потребовал немедленно связаться с больницей, куда должны были доставить «пострадавшую». Когда ему ответили, что она сбежала, глава «Гефеста» схватился за голову.

— Их уже четверо... Их уже четверо... Небо, за что? — тихие и плохо разборчивые причитания мало о чем могли сказать рядом присутствующим. Разве что только то, что столь влиятельный человек не будет переживать по пустякам.

Еще люди, которые впервые близко общались с Белгорро — ими стали жандармы, разбиравшие дело Виолетты — отметили, что все эмоции господина Ранфарга словно наигранные, ненатуральные. Как-будто он плохой актер, изображающий чуждого своей натуре персонажа. Но так как нельзя было понять, для какой аудитории рассчитан спектакль, просто пожали плечами и выбросили из головы странности и без того странного человека.

Без особых сложностей забрав своего секретаря из участка, Белгорро отвез ее в главный офис корпорации, не проронив по дороге ни слова. Виолетта, видя его таком мрачном расположении духа, благоразумно молчала. Интуитивно она уже поняла, что разбитая машина — несуществующая мелочь не только потому, что Ранфарг — человек широкой души, но еще и из-за некой крупной, если не сказать глобальной проблемы, назревшей буквально только что.

Подъезжая к зданию офиса, Белгорро резко нажал на тормоза, и только благодаря ремням безопасности Виолетта не клюнула носом приборную доску. Острой болью о себе дали знать пострадавшие ребра, и девушка с долей обиды подумала о том, что никто не удосужился поинтересоваться, как она перенесла утреннюю аварию. Чертово общественное мнение на стороне пешеходов, а не водителей.

— Господин Ранфарг, вы не могли бы водить аккуратнее? — прошипела Виолетта, а потом увидела сидящую на ступенях у главного входа Саю.

— Жди в машине, — резко ответил ей Белгорро и с пугающей решительностью покинул салон автомобиля. Перед тем, как направиться к девушке с белыми волосами, он толкнул машину ногой, и она, получив неожиданное ускорение, откатилась назад метров на пятьдесят. Могла бы и дальше, но ее относительно мягко остановил фонарный столб — Виолетту тряхнуло совсем чуть-чуть. Еще она услышала звук бьющейся фары и подумала о том, что в гараже шефа осталась только одна целая машина класса «люкс», в салоне которой он не будет себя чувствовать шпротой в консервной банке.

Невероятная сила Белгорро девушку не удивила: она уже была свидетельницей того, как под его пальцами словно воск сминается железо и крошится камень, или как он выдавливает плечом бронированную дверь. Знала даже, что от шефа, когда он не в настроении, нужно держать подальше легковоспламеняющиеся вещества. Но она не предполагала, что он может вспыхнуть словно факел и взмыть в небо, превратившись в метеор, перепутавший верх и низ.

И все же гораздо больше ее волновало иное: что стало с исчезнувшей вместе с Белгорро Саей, и была ли она, Виолетта, единственной свидетельницей произошедшего.

Олимпию — столицу Федерации Верди́ро — Белгорро возвел на месте древнего города Крусса, полностью уничтоженного во время войн между Гвардией и Небесными Городами. Первый камень был заложен почти сто лет назад, и с тех пор столица только продолжала разрастаться во все стороны, захватывая столь нужные ей квадратные километры. На месте каменистой пустоши появился огромный мегаполис — политический и экономический центр целого континента, и последняя перепись населения показала, что его — населения — здесь уже больше пяти миллионов. И это делало Олимпию крупнейшим городом Верди́ро и Судо.

А еще последним местом на планете, которое Белгорро хотел бы сделать полем боя между ярмиром и г'ата.

Они приземлились, а точнее, врезались в землю, подняв в воздух камни и клубы пыли, в двух километрах от городской черты, посреди поля, усеянного крохотными островками кустарника и одинокими деревцами. Густая лесополоса отделяла это место от Олимпии и случайных глаз ее жителей, и Белгорро надеялся на то, что в трудном разговоре с гостьей из другого мира ему не придется прибегать к мерам, которые нельзя будет спрятать за пятнадцатиметровой стеной тополей.

— Зачем ты здесь? — прорычал он, отметив про себя, с какой невероятной скоростью исчезли с тела г'ата ожоги, нанесенные его раскаленными пальцами. И испытал небольшой укор совести, когда увидел, что одежда девушки, в отличие от кожи, не восстанавливается, и на белых шкурах и тканях остались дыры в форме его немаленьких ладоней, с обугленными краями. Очень может быть, что он... погорячился.

— Какое пламенное... приветствие, — судя по волнам раздражения, плескавшимся в фиолетовых глазах пришелицы, опасения Белгорро оправдались примерно наполовину. — Мое имя — Сая, а дом — снежные равнины Волчьей Зимы, охотничьи уголья народа г'ата. Ты — Белгорро из народа ярмиров, который забыл о своем предназначении и стал во главе человеческого рода. Я пришла в твой дом, чтобы узнать, почему.

— Не сделаю большого открытия, если скажу, что нельзя забыть того, чего и так не знал, — Белгорро восхитился тому факту, что его решили отчитать, словно нерадивого школьника. Осталось только понять, за что. — Но я знаю кое-что другое, гораздо более важное. Одна птичка напела мне на днях, что родители моего старого доброго друга не так добры и милосердны, как он. Поэтому, если у тебя больше нет других причин находится здесь, кроме как поставить мне в вину заботу о народах Верди́ро, советую обратиться туда, откуда пришла, и как можно скорее.

— Звучит как приказ, — с удивлением ответила Сая.

— Это и есть приказ.

Наступила небольшая заминка, в течение которой ярмир и г'ата пытались понять, почему их слова и уверенность в своих поступках не производят на оппонента должного эффекта.

— Мне кажется, или ты смеешь угрожать мне только потому, что не имеешь понятия о том, на что я способна? — Сая решила первой бросить камешек в мутный омут взаимного недопонимания.

— Мне хватит доли секунды на то, чтобы превратить здесь все в радиусе километра в озеро кипящей лавы, — Белгорро решил, что сейчас самое время выяснить, у кого пушка

больше. — Даже ты не переживешь этого.

— Пустая угроза, — девушка покачала головой. — Ты не станешь этого делать так близко от своего дома.

Белгорро считал себя человеком, и свою уверенность в это аргументировал наличием у себя такой простой вещи, как сопереживание. Но он никогда не копался в себе достаточно глубоко для того, чтобы выяснить, откуда в нем это чувство, почему ему беспокойно при виде чужих страданий. Ведь сам он не знает, что такое физическая боль. И сейчас, когда желание продемонстрировать свою мощь девушке из народа г'ата стало почти нестерпимым, он задумался над тем, когда и у кого научился держать себя в руках, если для него эта способность бесполезна.

— Если такова цена за то, чтобы избавить мир от г'ата с подозрительными намерениями, я готов на это. Двести лет назад миллионы гибли и за меньшее, — он ответил так, но на самом деле знал, что ничто сейчас не заставит его выплеснуть наружу сокрушительную мощь атомного взрыва. Ну разве что угроза планетарного масштаба. А как бы он не хотел, но одна-единственная г'ата такой угрозой не станет.

Выражение, проступившее на лице Саи, Белгорро было хорошо знакомо. Он не раз видел его, когда Дженаси оказывался перед выбором поступить так, как от него ожидают, или дать волю своему уязвленному самолюбию, чтобы доказать, кто здесь главный. С годами парень становился мудрее и сдержаннее, но Белгорро помнил дни, когда он без раздумий выбирал второй вариант.

Каково же было его удивление, когда оказалось, что в плане самообладания Сая значительно уступает своему родичу.

Прохладное лето умеренных широт Олимпии сменилось лютой зимой северных регионов Вердиго, плоская равнина с чахлой растительностью — заснеженной пустошью. Только что ноги ярмира твердо стояли на земле, и вот оказались по колено в снегу — это при его-то более чем двухметровом росте. И ветер... Белгорро понял, что имеют ввиду люди, когда говорят «тепло» или «холодно», только когда впервые оказался на грани атомарного распада, генерируя температуру в миллионы градусов. Его «горячо» — это когда его же неразрушимое тело вот-вот докажет, что он тоже смертен.

Ну а сейчас он понял, что такое «холодно». Как и следовало ожидать, это чувство так же неразрывно связано с ожиданием смерти.

Белгорро не нужно было ничего объяснять. Он уже понял, что Сая перенесла его в Волчью Зиму.

— Значит, это и есть ваша родина? — спросил Белгорро, стоя по колено в снегу и чувствуя, как вместе с пронзающим до костей ветром угрюмым ручейком уходит энергия тела, запасы которой он по своей наивности считал неисчерпаемой. Относительно, конечно. Во Вселенной все относительно, но если учесть, что Белгорро черпает свои силы в раскаленных глубинах планеты, то его мощь в ее масштабах поистине безгранична. Была, пока он не оказался здесь.

Судя по его ощущениям, под толстым слоем спрессованного льда и снега, смерзшейся земли и твердых горных пород ничего похожего на магму не было. Недра этого мира были мертвы. Хотя жизнь, как бы фантастично это не звучало, здесь присутствовала. Ее

свидетельством была не только стоящая перед ним г'ата — если только присутствие этих бессмертных существ может служить доказательством пригодности окружающей среды к жизни — но и темнеющая вдалеке полоска сине-зеленых елей. Как это возможно при отсутствии магнитного поля, защищающего органическую жизнь от смертоносных космических лучей, ярмиру было невдомек. А потом он понял, что здесь нет этих самых космических лучей, которые испускают звезды, хотя местное солнце было на месте — бледное пятнышко угадывалось сквозь слой серых облаков.

— Так вот откуда берутся Дженази и ему подобные, — Белгорро стало не по себе, когда он начал подозревать нетипичное для обычного мира устройство Волчьей Зимы. Его смутил горизонт, граница которого находилась намного дальше, чем он привык. В несколько десятков раз. Слово радиус этой планеты был сравним с радиусом газового гиганта.

«Нет, — подумал ярмир, — с радиусом звезды. Большой звезды. Или...»

— Что это за место? — спросил он, чувствуя, как впервые в жизни кружится голова. — Где мы?

— Волчья Зима, — изволила наконец ответить Сая. — То, что связывает воедино бесчисленное множество миров, пройденных Великим Гата. Пространство и Время здесь не имеют значения, поэтому если ты не знаешь, куда тебе нужно попасть, то обречен шагать сквозь эти снега вечность. Но это в теории. На практике существа, брошенные нами здесь, умирают. Кто-то раньше, кто-то позже. У тебя, например, есть пять-шесть часов в запасе.

— И вернуться самостоятельно назад я не смогу? — усмехнулся Белгорро.

— В точку.

— И ты думаешь, что теперь, когда я понял, насколько велика разница между нами, покорно склоню голову и позволю указывать мне, словно сопливному мальчишке?

— Вообще-то я пришла к тебе с миром. Ты первый начал. Даже толком не разобрался в том, чего же я от тебя хочу. И теперь вынуждаешь меня идти на крайние меры.

— Твоя позиция мне понятна, — кивнул Белгорро. — А теперь можно вопрос, на который ты ответишь так же подробно, как и в случае с Волчьей Зимой?

Сая подозрительно прищурилась.

Не дожидаясь ее ответа, Белгорро продолжил:

— Ты Дженази очень близкая родственница?

— Он мой младший брат — принявший мою кровь.

— То есть, если ты умрешь, он сильно огорчится?

— Я не видела его несколько столетий. Может быть. А как сильно он расстроится, если ты умрешь?

— Не знаю, и это в принципе не важно. Ведь мертвым все равно, верно?

Энергии, которой осталось в теле Белгорро после того, как его силой затащили в этот неприветливый мир, было так мало, что он ощущал себя тлеющим угольком. Сая подтвердила его опасения по поводу того, что если тепло и дальше будет покидать его тело с прежней скоростью, то он замерзнет через несколько часов. Но он не был не из той категории разумных, которые всеми силами пытаются урвать у Вселенной лишнюю долю секунды.

«Глупо как-то получается, — пронеслось в его голове, когда он разом выплеснул наружу девять десятых своей энергии. — Никто и никогда бы не поверил, что я уйду так бесславно. Здесь даже зрителей нет».

Взрыв получился так себе — на пару килотонн. Жар и ударная волна сорвали снежный покров в радиусе нескольких десятков метров, но вечная мерзлота под ним оказалась гораздо устойчивее, так что воронка получилась совсем крошечной. Жалкое подобие грибовидного облака почти сразу развеяло по ветру, он же начал быстро охлаждать раскаленную землю, и вместе со снегом, который как раз составил ему компанию, обещал скрыть следы яростной вспышки Белгорро в течение часа.

Ярмир в некотором заторможенном состоянии осмотрелся по сторонам в поисках противника. Сестры Дженазы видно не было. Но Белгорро не обольщался на этот счет: г'ата слишком живучи, чтобы погибнуть так просто. И он подозревал, что в своем родном мире они намного сильнее.

Сая появилась буквально из ниоткуда: в обугленных останках одежды, покрытая ожогами и копотью, а еще страшно взбешенная. Дивные белые волосы почти полностью выгорели с левой стороны, левый глаз отказывался открываться, на левой руке кое-где сквозь почерневшие мышцы белели кости. И самым поразительным для Белгорро стало то, что все эти повреждения даже не собирались исчезать.

Логическая цепочка была составлена мгновенно:

— Вы что, здесь смертны?

Сая промолчала, приводя дыхание в порядок.

— Не слишком ли самонадеянно так подставляться? Я мог убить тебя.

Ярмиру стало не по себе. Он рассчитывал оказать достойное сопротивление, а не убивать сестру своего старого друга. Это многое меняло. И теперь он почувствовал в себе привычную уверенность.

От которой не осталось ни следа, когда Сая ударила в ответ. Белгорро впервые услышал треск своих костей, а когда его полет над снежной равниной закончился и он вспахал в ней своим телом длинную борозду, увидел, что черные мышцы его грудной клетки пронзили осколки прозрачных ребер. Но переживать по этому поводу ему было некогда, потому что Сая вновь появилась из ниоткуда и нанесла новый удар, который пришелся по его коленям. Это сбило его, как траву во время летнего покоса, и подняться ему не дали. Попытки выбраться из неудобного положения заканчивались ничем — Сая обрушивала на него один удар за другим, всерьез вознамерившись забить его в землю.

С такой физической силой Белгорро встречался впервые, малой толики сохранившейся энергии не хватало на регенерацию, и он ясно увидел свое ближайшее будущее — оказаться разорванным на части агрессивной девчонкой.

Чтобы защититься, он поднял температуру своего тела до нескольких сотен градусов, но Сая не остановилась, безжалостно калеча свои кулаки о раскаленную плоть.

Лихорадочно перебирая оставшиеся доступные способности, которые могут причинить тяжелый вред живому организму, Белгорро остановился на электромагнитных волнах. Его тело сейчас не сможет выплеснуть достаточную дозу гамма-излучения, а вот на мощный всплеск радиоизлучения он еще способен. Это слишком сложно, чтобы свободно использовать в бою — требуется длительная подготовка. Но результат выше любых ожиданий — боевые машины Дакиэрро, начиненные сверхсложной электроникой, за доли секунды превращались в металлолом. Против людей Белгорро электромагнитное излучение еще ни разу не использовал, но отлично знал, как оно действует на органику. И уже заранее,

мысленно, попросил у Дженази прощения.

Много он не ожидал — микроволновке понадобится время, чтобы превратить человека в обугленный труп. Но еще раньше вскипит жидкость в глазных яблоках, а кровеносные сосуды забьются тромбами. И стиснув зубы, которых у него к тому времени осталось совсем немного, он «засветился» на высоких радиочастотах — груды измочаленных мышц и сломанных костей, ведомых жаждой жизни.

Глава 33. Откровения девушки, чьи волосы белее первого снега

План Белгорро провалился. Ему даже не стоило удивляться — воздействие радиоволн на тело способен ощутить даже обычный человек, что уж говорить о сверхъестественном чутье г'ата. В момент наибольшей опасности Сая просто исчезла необъяснимым образом, а потом появилась вновь — на безопасном расстоянии, ожидая, когда ярмир прекратит играть в магнетрон. Это не могло продлиться долго, поэтому он не мог позволить себе впустую потерять эти спасительные секунды.

Победить Белгорро не мог, бежать — тоже, и он уже не относился столь пренебрежительно к отпущенному себе времени. Поздно было жалеть о впустую потраченной энергии на взрыв — требовалось искать внутренние резервы для того, чтобы продолжать тянуть время. Он не знал, ради чего, цепляться за жизнь его заставляла надежда.

Правда, можно было начинать молить о пощаде, но так низко ярмир падать не собирался.

И вот он совершил чудо: не прекращая отпугивать от себя Саю радиоизлучением, он нашел способ перебросить часть энергии мышц на восстановление костей. Это ослабило его физически и снизило прочность тела, но теперь он хотя бы мог свободно двигаться. А еще осознал, как прежде нерационально расходовал свою энергию, и наконец прочувствовал смысл поговорки «дурак грош не ценит». Да, он был тем еще дураком.

Пообещав себе непременно исправиться, Белгорро выпрямил спину и расправил плечи. Полностью залечивать все раны он не стал, оставив те, которые не мешали сражаться. И больше не думал о контратаках, сосредоточившись на снижении ущерба от страшных ударов г'ата.

Сая атаковала, но теперь уже немного иначе. Со скоростью мысли разорвала дистанцию и скорее не ударила, а толкнула раскрытой ладонью. Белгорро на ногах устоял, но отъехал назад, скользя ступнями по еще невзрыхленному во время их поединка снегу.

Возможно, это свидетельствовало о том, что девушка начала уставать.

— Две тысячи лет назад, — ярмир решил, что пора объяснить мотивы своего поведения, — мой мир был другим. Десятки миллиардов людей жили в огромных городах, башни которых возвышались над облаками; искусственные звезды термоядерных реакторов обеспечили человечество неиссякаемой, бесплатной энергией; космические корабли доставляли на планету ресурсы со всей солнечной системы; исчезли войны, голод, болезни и бедность; они готовились отправиться к соседним звездам. Я не хочу сказать, что тот прежний мир был идеален во всем, но он гораздо лучше того, в котором люди живут сейчас. И вы его уничтожили. Просто пришли сотнями, тысячами из этой ледяной пустыни — и стерли цивилизацию едва не до основания. Зачем? За что? Они даже не могли вам сопротивляться, вы разрушали все и вся. Безжалостно.

— Я слышала об этом, — кивнула Сая. — Если ответишь на мой вопрос, я расскажу, почему г'ата ополчились против цивилизации Чи-Зо.

— Почему я помогаю людям? — переспросил Белгорро. — Почему? Я — человек.

— Ты ярмир. Не такой, как другие, но и не единственный в своем роде. И цель у вас одна — занять в Тейзое место человечества.

— Тейзое?

— Ты предпочитаешь имя «Эдем»?

— Не понимаю, о чем ты сейчас говоришь, — Белгорро развел руками.

— О том, как называется твой мир.

— Вот как. Тейзоа, Эдем — суть не важна. С радостью выслушаю твою историю, но сначала ответ на мой первый вопрос. Зачем ты явилась в нашу Тейзою? Ведь не за тем, чтобы доносить меня своими вопросами?

Тревога и радость — противоречивые эмоции, но в глазах Саи они ужиться смогли.

— Многие годы Дженази избегает встречи со мной. Оказавшись в одном мире, мы чувствуем присутствие друг друга, поэтому если один г'ата не хочет видеть другого, то второму придется сильно постараться, чтобы устроить с ним беседу. Не так-то просто обнаружить местонахождение сородича сквозь ткань миров, и если бы Дженази периодически не выдавал свое местоположение своими действиями, я бы уже прекратила его поиски.

— И почему же он не хочет тебя видеть? — спросил Белгорро.

— Точнее сказать, боится попасться на глаза. Но это уже внутренние дела г'ата, и ярмиров они не касаются. Думаю, тебе будет интереснее узнать, как наш народ связан с вашим появлением на Тейзое.

— А есть какая-то связь?

— Прямая. Ярмиров создали наши шаманы.

Ошеломленный Белгорро не сразу подобрал слова, а когда наконец определился с ответом, Сая продолжила:

— Три тысячи лет назад на Тейзою проник один из первых шик'чи'зо, лично попробовавших плоть мертвой Таги. И он поделился с людьми своими знаниями, обещая им невероятную силу и бессмертие. Бгару — это его имя — не обманул, и помог создать новую расу совершенных — по его словам — людей. Фелкамел. Их численность быстро росла, и прогресс шел вперед семимильными шагами. Цивилизация Чи Зо становилась все сильнее. Достигла других звезд. Но шик'чи'зо ничего не делают просто так. У них только одна цель — размножение и захват новых жизненных пространств с уничтожением всех иных форм жизни. Они как саранча... Но Бгару осторожнее своих сородичей, поэтому мы обнаружили его на Тейзое, только когда он создал еще одну расу — ками.

— Впервые слышу.

— Потому что мы их истребили. Ками должны были подготовить почву для заражения человечества кровью шик'чи'зо, чтобы получить многомиллиардную армию чудовищ, покорных воле Бгару. И мы успели уничтожить всех ками до того, как они смогли покинуть Тейзою.

— Вместе с цивилизацией и миллиардами людей? Есть такая штука, гуманность называется. Слышала, нет?

Сая слабо отреагировала на язвительное замечание Белгорро, и просто продолжила свой рассказ:

— Уничтожить полностью цивилизацию, которая заключила союз с шик'чи'зо, мы не смогли. Пусть сами ками были перебиты все до одного, а Бгару скрылся, оставляя безнаказанными людей, которые прельстились проклятым даром, наши старейшины не могли. По их приказу шаманы г'ата создали могущественных существ из плоти самой планеты и внедрили в них равнодушие и презрение к человеческому виду. Для того, чтобы люди Тейзои больше никогда не смогли вернуть себе былое могущество.

— Не слишком ли много вы на себя берете? — в душе Белгорро стремительно зрело негодование.

— Г'ата существуют, чтобы истреблять шик'чи'зо.

— Вот как? Но точно ли они так плохи?

— «Они существуют, чтобы пожирать все, что движется, и разрушают все, что не могут понять своим скудным умом,» — это ответ, который г'ата дают тем, кто знает о нашей войне лишь в общих чертах.

— Да, такой ответ меня мало устраивает. Он не объясняет разрушение целой цивилизации. Должен был быть другой способ. Вы не сожалеете о гибели огромного количества людей, которых принесли в жертву ради своей цели? — спросил Белгорро, прекрасно понимая, что сам ничем от г'ата не отличается.

— Я не принимала участия в тех событиях, и мне повезло избежать подобных ситуаций. О чем думают г'ата, которые совершили это с Тейзой? Я не знаю. Но мы не склонны сожалеть о содеянном.

Белгорро задумался. Рассказ Саи, настоящее откровение для хранителей истории, помог ему нащупать ниточку к загадке своего собственного происхождения. Но он никогда не страдал над вопросом, как появились ярмиры, поэтому информация о связи с родичами Дженази всего лишь удивила необычным совпадением, которое, возможно, является закономерностью. Ведь как знать, вдруг тот был специально оставлен на Тейзое в качестве наблюдателя, чтобы в случае чего вызвать очередную орду г'ата для расправы над внезапно вернувшимися шик'чи'зо? Нет, не это взволновало ярмира. Сая могла помочь узнать ему, почему он не похож на остальных.

— Я предлагаю тебе сделку, — прорычал он.

— О чем ты? — удивилась девушка.

— Ты отведешь меня к г'ата, который создал меня, а я взамен устрою твою встречу с Дженази.

— Я могу и сама найти его, — нахмурила брови Сая.

— А где гарантия, что он снова не сбежит от тебя?

В воздухе повисла напряженная пауза.

— Я не уверена в том, что создавший тебя шаман еще жив. Г'ата не бессмертны.

— Именно поэтому ты сначала найдешь его, а уже после этого я сделаю так, чтобы Дженази попал в твои нежные руки.

Сая недолго размышляла над предложением.

— Хорошо. Но сначала нам нужно вернуться на Тейзою.

— Зачем? — Белгорро заподозрил подвох.

— Там ты восстановишь свою энергию, а я залечу свои раны. А еще ты найдешь себе одежду.

Белгорро опустил взгляд. И смутился. Хотя и не должен был.

Глава 34. Решительность красавицы и отчаяние повелителя молний

06:00, 21 июля 1014 года, воскресенье. Федерация Вердиго, республика Кайлена, Эдельбрасс.

Валерия так и не смогла заснуть в доме старой знакомой. С Элизабет она познакомилась на грандиозной свадьбе, куда ее пригласил один из давних поклонников. Кристиану он не нравился, и поэтому Валерия не без удовольствия приняла предложение принять участие в церемонии в качестве подружки невесты. Поклонник стоял рядом с женихом, Кристиан скрипел зубами среди зрителей. Уже после свадьбы несчастный влюбленный намекнул ее брату, что желает стать его зятем, и сердце благородного Лэйт не выдержало. Он не был очень груб, просто схватил дурака за горло и пообещал, что в следующий раз, когда тот попадется ему на глаза, сожмет пальцы сильнее.

Дело было не в том, что Кристиан ревновал сестру, просто жених попался неудачный. Валерия вспоминала его только с улыбкой, и иногда думала о том, как сложились бы их судьбы, реши она в тот момент пойти наперекор желаниям брата, даже если их взгляды на счет этого союза по большому счету совпадали. Она помнила, как в какой-то момент, наблюдая за сценой показательного удушения, в ее душе вспыхнула злость на Кристиана, который всю их жизнь на двоих был на вторых ролях и вдруг занял столь жесткую позицию. И почти сразу решила, что не стоит глупый поклонник размолвки с самым родным человеком в этом мире.

Но это было после свадьбы. А на самой свадьбе имел место маленький инцидент, который и определил будущие теплые отношения Валерии и Элизабет. Дело было в том, что Руперт — так звали жениха Элизабет — был еще в годовалом возрасте обручен со своей троюродной сестрой, которая была старше него на три года. Но по мере взросления ожидаемой любви к ней он в себе не обнаружил, и как только встретил свою вторую половинку, объявил о расторжении помолвки. Вот только это не входило в планы его троюродной сестры, что она и восприняла крайне болезненно.

Но страдания отвергнутой невесты были душевными, а вот сама Элизабет могла трагическим образом пострадать телесно, когда прямо во время произнесения супружеской клятвы ей в лицо плеснули кислотой. Не будь рядом Валерии, которая остановила опасную жидкость своей шалью, девушка на всю жизнь осталась бы уродиной.

Руперт умер через два года после свадьбы, Элизабет осталась одна с маленьким сыном. Валерия навещала их, пока Кристиан был жив, а потом не хотела видеть никого, кто мог бы лишней раз напомнить ей о потерянном брате.

Ранмаро, так похожий на отца, помогал смириться с болью утраты, но только пока был рядом. Стоило Валерии одной посетить места, с которыми были связаны воспоминания о Кристиане, встретить их общих знакомых — и душа разрывалась на части. Боль становилась невыносимой до помутнения сознания, и возникала необходимость выплеснуть ее любым способом.

Валерия понимала, что это неправильно. Спустя восемнадцать лет пора бы уже что-то с этим сделать. И теперь ей выпал шанс попытаться.

Когда она решила, что пора прекратить оттягивать неизбежное, Ранмаро все еще спал.

Перед тем, как выйти из комнаты, она коснулась его волос, осторожно, чтобы не разбудить. Попрошавшись таким образом, спустилась вниз, решив, что и Элизабет сейчас беспокоить не стоит. Только пообещала себе, что через пару дней наведается в этот дом снова с уже полноценным визитом — с подарками и историями, которые случились с ними за прошедшие двадцать лет.

В холле ее ждал Дженази.

— Решила уйти, не прощаясь? — спросил он, облокотившись о дверной косяк и фактически преградив дорогу. Судя по влажным волосам, он только что вышел из душа.

Валерия мысленно напомнила себе, что перед ней один из самых опасных людей, которых она когда-либо встречала в своей жизни, так что не стоит позволять вводить себя в заблуждение пушистыми тапочками на босу ногу, которые Дженази позаимствовал у Роберта. Брюки и рубашка были его, только уже выстиранные и выглаженные.

«Когда успел?» — поразила она про себя.

— А нужно? — спросила вслух. — Я ведь скоро увижу их снова.

— Разумеется, — не стал спорить Дженази. — Но к дочери следует проявлять больше внимания.

— Не лезь не в свое дело, — как можно нейтральнее ответила Валерия. — Да и не хочу я слушать твои нотации. У тебя нет права их читать.

— Тебе или вообще кому-либо?

Валерия хотела дать в этот момент волю эмоциям, но сдержала в себе все, что испытывала к убийце родителей. Вместо этого она решительно шагнула вперед, отталкивая его в сторону. Небывалая дерзость с ее стороны, если подумать о разнице в боевых возможностях, но разве она должна в его присутствии помнить только о том, что они войны?

Она еще и женщина, а он — мужчина.

Но она не подумала о том, что он тоже может помнить об этом.

Все внутри нее натянулось, словно струна, когда он схватил ее за руку и силой повернул к себе. Их взгляды столкнулись, как совсем недавно — в ее доме.

Но на этот раз — с яростью.

И они оба, одновременно, отвели глаза друг от друга.

— Прости.

Валерия вырвала свое запястье из руки Дженази. То есть, подумала, что вырвала. Она просто ожидала, что он безропотно отпустит ее.

Но этого не случилось.

— Чего ты хочешь? — спросила она дрожащим голосом.

Они оказались так близко, что чувствовали жар дыхания друг друга. Валерия против воли представила себе прикосновение его губ.

— Прости меня, — повторил Дженази тихо.

А потом отпустил ее руку.

— С Викторией и Ранмаро все будет в порядке, — пообещал он.

Валерия ничего не ответила и торопливым шагом направилась к воротам особняка Элизабет.

— Я знаю, — прошептала она, выйдя на усаженную буками аллею. Ясное утреннее небо просвечивалось сквозь густую зелень ветвей тончайшими бирюзовыми нитями, золотистые струны солнечных лучей соединяли их с серым асфальтом и аккуратно подстриженным газоном — волшебная, сказочная картина, увидеть которую можно только в эти утренние

часы и в это время года. Ее создали природа и человек, и не для того, чтобы ею восхищался случайный ценитель прекрасного в обыденном. Просто так получилось, что игра света и тени и особенности городского ландшафта сложились, словно пазл, в нечто прекрасное.

Валерия была талантливым художником и никогда не упускала шанса запечатлеть нечто удивительное на своих холстах. Но сейчас она просто шла мимо.

Дженази смотрел вслед ушедшей Валерии до тех пор, пока в холл не спустился Просперо. Бодрый и полный энергии, он буквально излучал вдохновение. И это было вполне нормально для человека, пережившего второе рождение — жаждать действия, движения вперед. Г'ата испытал небольшой прилив гордости за хорошо проделанную работу.

— Доброе утро, инспектор, — он с улыбкой приветствовал Эспозито, который на мгновение смутился, когда первым встреченным им после пробуждения человеком оказался его спаситель.

— Доброе утро, синьор Дженази. Мы ведь не единственные, кто уже на ногах? Я готов оказать нашим гостеприимным хозяевам помощь с приготовлением завтрака. Мне буквально полчаса назад приснилось, как повар из нашего с Юрикой сиротского приюта учил меня одному интересному рецепту. Пара десятков яиц, молоко, зелень, томаты и немного тертого сыра плюс пара особенных, но не таких уж и редких специй — и это утро станет еще прекраснее, даю гарантию.

— Валерия уже отправилась домой, — ответил Дженази. — Я планировал дать детям еще час отдыха перед долгой дорогой, но ваше предложение заставило меня передумать. Хозяйка дома проснется через полчаса, тогда вы и предложите ей свои услуги повара. А пока что предлагаю небольшую разминку. Как давно вы делали утреннюю зарядку, инспектор?

— Лет десять назад, — осторожно ответил Просперо. Его мышцы сами требовали нагрузок, но личная инициатива — это одно, а предложение заняться тем же в компании сверхчеловека — несколько иное. Совсем другое, если быть точным.

— Как часто вам приходилось сталкиваться с противником в рукопашном бою?

— О, я был тем еще забиякой в детстве, а для студента уличные драки вообще в порядке вещей. Занимался борьбой и боксом, в академии нас учили специфическим приемам рукопашного боя. Но с тех пор, как я стал жандармом, мне редко приходилось применять физическую силу — и десяти случаев не наберется. Револьвер действеннее кулака, даже если он не заряжен и находится в застегнутой кобуре.

— Вы теперь живете в другом мире, инспектор.

— В вашем мире, синьор Дженази? — улыбнулся Эспозито. — Я прекрасно помню обстоятельства своего внезапного омоложения. Мне следует раздобыть револьвер помощнее. Гранатомет предпочтительнее.

Дженази покачал головой.

— У меня для вас есть хорошая новость, инспектор. Вы можете двигаться гораздо быстрее пули. Необходимо лишь развивать вашу мистическую способность. В мире не так много вещей, способных превзойти скорость молнии.

— Я всегда думал, что способность управления электричеством в первую очередь ценна возможностью испепелить противника в мгновение ока, — ответил Просперо.

— О, если бы это было действительно так, то Мисторг был бы сильнейшим из Десяти

Великих Домов. Но лишь немногие из них смогли раскрыть свой подлинный боевой потенциал. Когда я и Ришари встретились с их сильнейшими бойцами, нам пришлось быстро учиться, чтобы победить. Сейчас покажу, как это было.

Прежде чем Просперо успел возразить, Дженази ткнул его пальцем в лоб, и инспектора ослепила яркая вспышка света. Это было подобно взрыву, который разорвал сознание на части, а когда они, словно магнитики, слились обратно в единое целое, мир вокруг изменилось. Больше не было особняка, хозяева которого оказались столь гостеприимными, безоблачного неба над головой и зеленого газона. Эспозито стоял среди колонн огромного недостроенного сооружения неизвестного назначения, обогранных лучами заката, стоявший рядом Дженази изменился самым поразительным образом, и вдобавок ко всему этому их стало больше — к своему огромному удивлению инспектор понял, что находится в компании знаменитой в свое время актрисы — Джины Саргас. Как оказалось, старая фотография не могла передать всю глубину ее почти нечеловеческого очарования. А может, дело было в том, что сейчас он видел не позирующую для киноафишы актрису, а готовую к кровопролитию воительницу. Враг — а Просперо не сомневался, что это враг — уже был в поле зрения. Четырнадцать мужчин и женщин в необычной форме, а то, что он сначала принял за синие береты, на самом деле оказалось волосами такого необычного цвета.

— У вас все-таки хватило глупости прийти, — сказал Дженази, обращаясь сразу ко всем стоящим напротив.

15 сентября 824 года. Железный Архипелаг, остров Проти, зона протектората Великого Дома Мисторг.

Дэмиан Александр Мисторг

— У вас все-таки хватило глупости прийти, — произнес Гвардеец по имени Дженази. Его сестра, Ришари, с кровожадной улыбкой извлекла меч из ножен.

Дэмиан умело скрыл яркую вспышку ярости, вызванную пренебрежительным отношением новичков-Гвардейцев. Не прошло и двух лет, как они вступили в эту организацию, и за все это время они почти никак не проявили себя. Несколько стычек с наземными отрядами Великих Домов, из которых они вышли победителями, не более. Ничего похожего на ужасы, сотворенные такими монстрами, как Белгорро и Глория.

Выскочки. Посредственность. Их приняли в Гвардию, потому что Фридриху было необходимо как можно скорее закрыть бреши, которые образовались после гибели Каены и Эрики. Вот они были действительно сильны. Истребительный отряд дома Мисторг под командованием Дэмиана смог лишь ранить этих девушек, хотя когда они выследили Витторио, только случайность спасла его от неминуемой гибели. Раббен отступал, встречаясь с отрядом Дэмиана, Августо и Сигурд избегали встречи с ними. Сильнейшие бойцы Великого Дома Мисторг, которых с самого рождения готовили специально для борьбы против Гвардии — «Стражи Неба». И они добились успеха. Там, где присутствовала боевая элита Мисторг, подручные Фридриха не отваживались действовать открыто. Все, кроме Белгорро и Глории. Против них старейшины Великого Дома так и не смогли разработать какой-либо действенной тактики. Но это не значило,

что бойцы Мисторг не смогут выжить при столкновении с ними.

Двадцать четыре часа назад «Стражи Неба» получили вызов на бой от Дженази и Ришари. Они предлагали встретиться на территории, подконтрольной Мисторг, и выяснить, кто сильнее — Гвардия или Стражи. Чтобы понять, что это — дерзость или примитивная ловушка, разведчики Мисторг сутки тщательно проверяли местоположение других Гвардейцев. И только убедившись, что никто не придет Гвардейцам на помощь, Дэмиан с двумя звеньями «Стражей» прибыл в указанное место.

Четырнадцать бойцов, включая самого Дэмиана. И среди них его братья, сестры и сыновья. На мгновение он ощутил, как страх сжимает его сердце холодными лапами, но воспоминание о прошлых победах вернуло ему самообладание. Сейчас они сотрут эти самоуверенные улыбки с лиц зарвавшихся Гвардейцев.

Хотя, собственно, немедленное нападение не входило в планы Дэмиана. О Дженази и Ришари ему было известно немного: необыкновенно сильны, быстры и выносливы; мастера меча; быстро восстанавливаются после ранений, но как велика скорость регенерации — неизвестно; есть доказательства, что Дженази обладает мистической способностью, позволяющей использовать в бою лед; есть непроверенная информация, что они замешаны в гибели Небесного Города Дрэм-Къеко. Хотя это не более, чем слухи.

Эта информация не давала оснований для того, чтобы менять привычную тактику борьбы с Гвардейцами, но одно изменение Дэмиан все же внес. Он приказал подчиненным дожидаться момента, когда Гвардейцы первыми нанесут удар.

— Если они дальше так и будут стоять столбом, просто уйдем, — сказал Дженази Ришари — достаточно громко для того, чтобы его услышали все присутствующие.

— Они нас провоцируют, — едва слышно прошептал младший брат Дэмиана, Лоренсо.

— Не вижу энтузиазма в их глазах, — ответила брату Ришари. — Похоже, болтовня с том, что Мисторг способны охотиться на Гвардейцев, оказалась ложью.

— Ты удивлена? Вспомни, кто рассказал нам эту страшилку.

— Действительно. Сигурд и Раббен. Они слабаки.

— А Витторио, которого они всей толпой смогли только ранить, Кенсэй нарубил соломкой.

— Говорят, он еще и убил пару-тройку этих синеголовых.

Дэмиан побледнел от гнева. Витторио тогда действительно убил трех Мисторг. В том числе и одного из его племянников. Сына Лоренсо.

Дэмиан бросил на брата встревоженный взгляд. Тот был совершенно спокоен.

— Эй, вы, Стражи Мисторг, драться будем, или как? — крикнула Ришари.

И тут неожиданно для Дэмиана инициативу в свои руки взяла его сестра Амелия:

— Мы сражаемся только с настоящими Гвардейцами Хаоса. А вы, по слухам, у них все еще на испытательном сроке. Мальчик и девочка «Принеси-подай».

Воцарилось короткое недоуменное молчание.

— Они нас только что «шестерками» обозвали? — недоверчиво спросила Ришари у Дженази.

— Примитивная провокация. Не обращай внимания.

— А еще вы трусливые и жалкие неудачники! — продолжила Амелия.

— Ты слышал? — на этот раз Ришари дернула брата за рукав плаща.

— Да, они перешли на оскорбления. Идем отсюда, у меня пропало всякое желание скрещивать мечи с подобными людьми. Это ниже нашего достоинства.

— Предлагаешь молча проглотить это? Почему бы просто не перебить их за подобное хамство?

— Мне не нравится перспектива быть заляпанным их кровью, — отвращение на лице Дженази было настолько натуральным, что Дэмиан на секунду усомнился в том, что их пытаются спровоцировать на необдуманную атаку. И все же это была всего-лишь игра.

— Кровь можно смыть. Если хочешь, уходи, я сама с ними разберусь.

— Делай что хочешь, — махнул рукой Дженази и... пошел прочь.

Ришари пожала плечами и с обнаженным мечом бросилась на строй Мисторг.

В этот момент вступил в силу план «Стражей Неба» по борьбе с дуэтом Гвардейцев.

Спровоцировать. Разделить. Окружить. Уничтожить. С первым этапом со скрипом, но справились, второй этап был подан Гвардейцами в подарочной упаковке, а третий был завершен в мгновение ока: четырнадцать молний рассекли воздух, создав вокруг Дженази и Ришари два огненных кольца. Элита Мисторг перемещалась по полю боя мгновенно. Их мистическая способность генерировать и управлять электричеством была развита до такой степени, что они могли преобразовать свои тела в электрический разряд. Превращаться в молнию.

Разумеется, у такой способности были свои ограничения. Но никто лучше Мисторг не знал все ее сильные и слабые стороны.

Звено Дэмиана атаковало Дженази. Второе звено под командованием его второго брата, Арриана, должно было уничтожить Ришари.

Они одновременно заняли позиции для атаки. В каждом звене было семь бойцов, но только четверо могли нанести удары по цели одновременно. Трое оставались позади и атаковали только в том случае, если первый удар не достигал цели.

В звене Дэмиана в атакующую четверку входили Лоренсо, их сыновья Кассий и Гален (Кассий — старший сын Дэмиана, Гален — второй сын Лоренсо), и двоюродный брат Дэмиана Ансельм. Превращаясь в электрические разряды, они преодолевали пространство между ними и противником, оказываясь на расстоянии удара меча, и наносили удар прежде, чем тот опомнится после ослепляющей вспышки света и грома, произведенных молнией. Одновременная атака с четырех сторон была принята на вооружение после провала в бою с Витторио — тогда первый удар нанесли всего два Стража, и оба смогли только ранить его, тогда как сам Гвардеец убил их всего одним ударом. Он воспользовался первой слабостью молниеносного перемещения Мисторг — при обратной трансформации из молнии в человека пользователю требуется время, чтобы справиться с воздействием, которое оказывает на органы чувств мгновенное перемещение в пространстве. То есть, нужно время, чтобы сориентироваться. Реакция Гвардейца оказалась лучше, чем у тренированных и опытных бойцов Мисторг, поэтому он выжил даже после того, как в бой вступили остальные Стражи. Он опережал их на долю секунды, которой не было бы, если бы первый удар нанесли не двое, а четверо.

Четыре клинка пронзили тело Дженази, который осмелился повернуться к врагу спиной и пренебрег необходимостью обнажить меч. Горло, сердце, легкое и печень. Через сталь были пропущены электрические разряды, испепеляющие человека на месте.

Белоснежные волосы Дженази встали дыбом, между ними устроили пляску сотни крошечных молний. Вспыхнула одежда, и воздух наполнился смрадом обожженной плоти. Но Стражи были предупреждены о его потрясающей живучести, поэтому атакующая четверка должна была немедленно отступить, чтобы избежать контратаки, и когда удар

врага уйдет в пустоту, в бой вступит вторая часть звена — чтобы отступить сразу после того, как уже их мечи и молнии поразят тело противника. Таким образом Дэмиан планировал свести на нет регенерацию Дженази, какой бы невероятной она ни была.

Неудача постигла командующего Стражей Неба в самый неожиданный момент, потому что он был уверен, что подобное больше не повторится — мгновенная контратака противника. Братья, старший сын и племянник Дэмиана не спешили превращаться в молнии, чтобы выйти из зоны поражения противника. Они, словно окаменев, стояли вокруг дымящегося тела Дженази, и упали на землю только тогда, когда он повернулся к Дэмиану лицом.

Гвардеец вытянул в его сторону руку со скрюченными пальцами, и Дэмиан почувствовал, как останавливается его сердце. Как опытный пользователь мистической способности, он понял, что чужая воля взяла под контроль один из элементов его тела, но было уже слишком поздно что-либо предпринимать — слишком сильной и внезапной была, его застали врасплох. И если бы Амелия своим телом не закрыла собой брата от глаз Дженази, его сердце непременно было бы разорвано на куски.

— Отступаем! — крикнул Дэмиан и приготовился отойти на прежнюю позицию с помощью трансформации в молнию. Но вместо тридцатиметровой изломанной дуги у него получился всего-лишь ее трехметровый обрывок. То же самое случилось с Амелией и Марлис.

Враг раскрыл второе слабое место молниеносного перемещения Мисторг: молнии нужна токопроводящая среда. Чем меньше влаги в воздухе, тем короче дуга.

Но молекулы воды не могли исчезнуть из воздуха сами собой. Дэмиан подтвердил свою догадку, что Дженази обладает невероятно мощной мистической способностью контролировать воду. Информация о том, что он использует лед, оказалась верной лишь частично — скорее всего, свидетели видели производную куда большей и смертоносной силы — гидрокинеза. До этого момента он просто не раскрывал всю ее мощь, и Мисторг угодили в ловушку.

Амелия сразу после короткого «скачка» рухнула на колени. Захлебнувшись кашлем, она сплюнула в пыль сгусток крови. Дэмиан и Марлис поспешили ей на помощь. И в этот же момент крик агонии донесся с места сражения второго звена и Ришари. Дэмиан обернулся и ужаснулся увиденному: Ришари была изрублена на куски, но все равно продолжала стоять на ногах, и уже двое Стражей пали от ее меча. Атакующая четверка и прикрывающая тройка успели сменить друг друга несколько раз, но сестра Дженази отказывалась умирать.

Дженази вытащил пронзившие его тело клинки погибших Мисторг и обнажил свой меч.

— Его способности можно сопротивляться, — прохрипела Амелия. — Он хотел разорвать мои легкие, но у него не получилось, потому что как раз в этот момент я готовилась совершить скачок.

— Полный контроль тела перед моментом трансформации, — догадался Дэмиан. — Значит, в этот момент мы защищены от враждебного мистического воздействия.

— Все зависит от силы воли. Все-таки он... достал меня, — жизнь покидала Амелию прямо на глазах.

— Марлис, унеси ее в безопасное место, — Дэмиан приложил все усилия для того, чтобы его голос не дрогнул. — А я разберусь с Гвардейцами.

Амелии оставалось жить несколько минут, так что этот приказ спасал не ее жизнь, а жизнь его самой младшей сестры. Марлис покинет поле боя, пока он будет искать способ убить бессмертного. Он знал, что в мире есть только один человек, способный выжить после того, как ему отрубят голову, так что надежда не оставила его во тьме глубочайшего отчаяния.

Воля Дэмиана оказалась сильна. Когда он, обвитый нитями электрических разрядов и готовый в любой момент совершить скачок, приблизился к Дженази, тот не смог убить его, разорвав внутренние органы. Меч Гвардейца едва успел отразить удар, который должен был лишить его головы, и пропустил следующий, который рассек мышцы живота. Дэмиан был намного быстрее Дженази — его тело было улучшено технологиями Небесных Городов для того, чтобы оно выдерживало применение мистической способности на себе. Направляя электрический заряд внутрь себя, Командующий Стражами мог избавиться от усталости, увеличить силу и реакцию, и даже ускорить свое восприятие. Настолько, что пуля, выпущенная из огнестрельного оружия, двигалась для него не быстрее капли дождя.

И все же сразу убить Дженази он не смог. Пусть его мозг и работал невероятно быстро, тело, даже модифицированное, за ним не поспевало. Электрические импульсы проходили по его нервам с невероятной для обычного человека скоростью, но у мышц был предел прочности, который нельзя было пересекать, так что Дэмиану приходилось сдерживать скорость ударов, чтобы не стать инвалидом. Сам Дженази так же оказался обладателем невероятной реакции, к тому же он сдерживал Дэмиана постоянным давлением гидрокинеза. В итоге получалось, что Гвардеец пропускал каждый второй удар мечом, но ни один из них не мог принести Мисторгу победу, потому что Дженази отчаянно и вполне рационально берег шею и суставы: его мышцы и внутренние органы регенерировали с потрясающей скоростью, а вот когда удар Дэмиана пришелся по пальцам на рукояти меча, Гвардеец едва не выронил оружие, и сломанные суставы восстанавливались почти втрое дольше, чем остальные ткани. Этого времени хватило, чтобы рассечь Дженази горло, но в ответ он смог пнуть ногу Дэмиана, лишь чудом не сломав ее.

Внезапно давление мистической способности Гвардейца исчезло, и Дэмиан, не раздумывая, направил в Дженази сильнейший электрический разряд. Это был предел его возможностей, сравнимый с ударом настоящей молнии. Вот только ослепляющая своим сиянием, грохочущая ветвь небесного огня не коснулась тела Гвардейца. Она прошла сквозь лезвие его меча, раскалив сталь добела, и сожгла черный плащ, но сам Дженази оказался невредим. Как-будто его тело перестало быть проводником и превратилось в превосходный изолятор.

Дэмиан растерялся все на какое-то мгновение, но этого хватило, чтобы Гвардеец перехватил инициативу и перешел в наступление. Как оказалось, непрерывные попытки разорвать тело Дэмиана изнутри замедляли и самого Дженази, и он с необычайным напором стал пытаться поразить своего противника мечом. Он по-прежнему уступал ему в скорости, но это разница сократилась до того уровня, когда чаша весов могла склониться не в ту сторону из-за разницы в таланте и опыте. А Дженази был определенно талантливее Дэмиана в искусстве ближнего боя. Командующему следовало либо отступить, либо завершить бой смертельным ударом.

Он обернулся, чтобы узнать состояние второго звена. В нем осталось всего трое бойцов: Арриан, его дочь Табея и Джереон, их дальний родственник. Дэмиан сразу понял

причину таких ужасающих потерь, когда увидел Ришари, окутанную таким же электрическим вихрем, как и у Стражей. Она обладала той же мистической способностью, что они.

Это все меняло. Из неожиданного открытия Дэмиана следовало, что Мисторг угодили в ловушку, которую Гвардия готовила годами. За все время наблюдений за Ришари она ни разу не проявила себя как обладательница мистической способности электромагнитного свойства. Учитывая ее регенерацию, она становилась для Стражей непобедимым противником.

Им следовало немедленно бежать. Но уйти от Ришари можно было лишь с помощью перемещения в пространстве в виде молний — вряд ли она могла использовать этот прием так же хорошо, как и Мисторг. Вот только пока Дженази иссушает воздух, использовать эту способность почти невозможно. Оставалось два варианта: два Стража остаются и жертвуют собой, чтобы остальные смогли сбежать, либо Дэмиану требовалось любой ценой убить или хотя бы на время обезвредить Дженази.

При выборе первого варианта получалось, что из четырнадцати Мисторг в живых останутся лишь трое: уже покинувшая поле боя Марлис, Табея и Арриан. Или Джереон — это зависело от того, кто вызовется добровольцем.

Второй вариант спасал жизнь пятерым. Дэмиан едва не завыл от отчаяния — он уже потерял девять родных по крови и духу, и больше всего было знать, что среди них двое его сыновей.

Решение было принято.

Дженази уже почти добрался до Дэмиана, Мисторг почти равнодушно отметил признаки применения Гвардейцем мистической способности, аналогичной его собственной. Если тот владел одновременно регенерацией и гидрокинезом, то не было ничего удивительного и в том, что к этому списку была добавлена и молния. Это было уже неважно. Дэмиан был готов применить один из самых мощных козырей своей мистической способности.

Верным было утверждение, что его тело не могло выдержать ту скорость, которая была доступна в теории. Но это не значило, что Дэмиан не мог использовать многократное ускорение вообще. Долю секунды и только один раз. Скорее всего, в жизни.

И Дэмиан нажал на свой внутренний спусковой крючок, предварительно сняв все предохранители. Скорость рывка достигла почти километра в секунду, и пока он летел сквозь пространство к Дженази, время застыло. Те считанные метры, которые разделяли их, превратились в долгие часы ожидания, во время которых не рекомендовалось не только моргать, но даже просто вращать глазами яблоками.

Потом был один-единственный удар, который практически оторвал Дэмиану руки. Но все равно это был хороший удар.

Пока отрубленная голова Дженази вращалась в воздухе, Командующий Небесной Стражей концентрировался на выживании. Теперь ему следовало погасить этот невероятный импульс, который подарил победу в бою.

Мышцы рук и ног Дэмиана были разорваны в клочья, поэтому чтобы заставить их двигаться, он отправил в них электрические импульсы с помощью мистической способности. Тормозить уже искалеченными частями тела об землю — лучшее, что он мог придумать.

Левую руку Дэмиан потерял сразу, правая висела на сухожилиях. Ноги оказались крепче, но ненамного. И в итоге он все-таки остановился — ценой перелома практически

всех костей.

Лежа на спине и смотря в небо, Дэмиан с трудом сделал слабый вдох. Боль придет немного позже, а сейчас он радовался совершенно нормальной для здешних мест влажности. Теперь можно было стать молнией и вернуть уцелевших домой — на это Мисторг был способен даже в таком состоянии.

А потом чья-то тень накрыла неподвижного Дэмиана и острый клинок пронзил его сердце — без жалости и сомнений. Мисторг не узнал убийцу — он не видел его лица. И только на границе погружающегося во тьму сознания понял, что у того просто не было головы.

— Все в порядке, инспектор?

Голос Дженази вывел Просперо из оцепенения, которое было вызвано картиной его воскрешения из мертвых. Инспектор даже не сразу понял, что иллюзия-воспоминание было развеяно и он снова стоит в холле особняка синьоры Элизабет. Просперо все еще видел окровавленную и обнаженную Ришари, которая несла отрубленную голову Дженази к его же обезглавленному телу. Тело энергично ползло навстречу.

А потом девушка просто соединила эти две части, и они вновь стали одним целым.

— Инспектор?

Просперо сфокусировал взгляд на естественных рисунках дубового паркета под ногами. Оказалось непросто убедить себя в том, что это, в отличие от увиденных только что крови и ран, и есть часть реальности, в которой Эспозито живет.

Просперо поднял взгляд на Дженази, и тот невольно застрял на его шее. Шрама не было. Ни единого намека на то, что когда-то эта голова была отделена от туловища.

— Я в порядке, — ответил Просперо, нечеловеческим усилием отводя взгляд в сторону. — Просто тяжело осознать, где я сейчас на самом деле нахожусь.

— Извините. Я крайне редко погружаю людей в такие ментальные реконструкции и забыл о том, что отключать их нужно постепенно.

— Ничего страшного, — Просперо вспомнил, что значит быть веселым и невозмутимым. — Я получил весьма ценный опыт. Хотя, признаться, полностью упустил из виду вашу схватку.

— Понимаю. Переживали за Ришари.

«И не только за нее,» — подумал Просперо. Среди синеволосях воинов были молодые и привлекательные девушки, судьба которых инспектору была безразлична.

— Никогда не видел, чтобы женщина... человек сражался так, как она. Это было похоже на...

— Безумие. Ришари безумна в бою. Никакого хладнокровия и намека на трезвый расчет. Воплощенная страсть к разрушению. Все остальное для нее теряет всякое значение.

— Мне кажется, вы сгущаете краски, — возразил Просперо. — Когда она увидела, что вы... лишились головы, то позволила оставшимся врагам бежать и занялась вашим спасением.

Дженази смутился.

— В то время мы были слабы и неопытны. Мисторг, впрочем, тоже оказались не на высоте. Думаю, вы удивлены тем, зачем я вообще показал эпизод из своего прошлого, ведь там не было демонстрации тех способностей, которые могли бы помочь вам победить врага

хотя бы такого уровня, на котором находились мы с Ришари двести лет назад.

— Думаю, у меня крайне мал шанс столкнуться в бою с таким противником, как вы, — поспешил успокоить собеседника Просперо. — А вот против жестянок, которые едва не отправили меня на тот свет, способности тех людей были бы как нельзя кстати.

Эспозито бессовестно лгал. Его целью были поиск и наказание убийцы беспризорников — Джина Саргаса, чье настоящее имя — Ичиро. Племянника Дженази и сына Ришари Разумеется, он был расстроен тем, что сильнейшие пользователи мистической способности управлять электричеством оказались разгромлены обладателями невероятной силы, скорости и живучести. Пропало само желание развивать эту способность как совершенно бесполезную.

— Вы сказали, что наблюдали только за битвой Ришари. Неужели вам ничего не показалось странным?

Просперо задумался. Что именно было странным по мнению такого человека, как Дженази? Неудержимая ярость, которая двигала телом и мечом Ришари? Скорость, которая не уступала скорости ее врагов? Отрицание самого факта смерти, к которой не приводят даже десятки тяжелейших ран? Или то, что мгновенно переносясь с места на место в виде молнии, точно так же, как и Мисторг, Ришари осталась без оружия и одежды, так что убивать своего последнего противника ей пришлось голыми руками.

— А если я скажу, что до той схватки в деле управления молниями мы зашли не дальше, чем вы сейчас?

Просперо задумался.

— Вы хотите сказать, что ваша сестра за несколько секунд изучила и развила в себе умения и навыки, которые ее противники совершенствовали годами? Невозможно.

— Теперь вы представляете, чего она достигла за последующие пятьдесят лет?

Просперо отказывался поверить в то, что Ришари, которая на его глазах метала молнии и даже становилась ими, делала это в первый раз. А потом вспомнил, что в самом начале боя она была практически беспомощна, и только после множества ранений стала демонстрировать способности, аналогичные Мисторг.

— Я раскрыл секрет ее феномена. И знаю, как помочь человеку с неразвитой мистической способностью достичь похожих результатов.

Просперо улыбнулся. Его это полностью устраивало.

Леди Элизабет была сильно расстроена тем, что не смогла попрощаться с Валерией, и упорно настаивала на том, чтобы они погостили у нее хотя бы пару дней, но Дженази был непреклонен.

— Мы весьма благодарны вам за теплый прием, но нам нужно ехать дальше. Уверен, Валерия приедет к вам не позже ближайших двух недель, так что вам не стоит огорчаться.

— Но я так хотела пообщаться с ее детьми... — глаза женщины заблестели от влаги, когда она посмотрела на Викторину, Ранмаро и Юрику.

— Я ее племянник, — тихо поправил ее Ранмаро.

— А я его сестра и ее бывшего мужа, — еще тише добавила Юрика. Она была неуверенна, нужно ли объяснять ее запутанные родственные связи.

К счастью, слов девушки Элизабет не расслышала.

— Я так долго ждала от Валерии хотя бы весточки.

— Вы не знаете ее адреса? — удивился Дженаси. — Впрочем, этого следовало ожидать. Виктория, напиши леди Элизабет ваш адрес в Фламби.

Пока Роберт искал бумагу и карандаш, дядя Юрики незаметно для остальных привлек к себе внимание Просперо и знаками попросил его отвлечь Элизабет. Бывший Гвардеец был слаб в дипломатии.

— Вчера Роберт сказал, что вы отпустили слуг по случаю праздника, — инспектор принялся за дело без особого энтузиазма. — Сейчас девять утра, но никто не пришел. Неужели День Памяти отмечают и сегодня?

— Вовсе нет, — ответила Элизабет. — Просто сегодня воскресенье. Законный выходной, знаете ли.

Просперо мысленно чертыхнулся. Из-за всех этих мистических дел он совсем потерял связь с реальностью.

Глава 35. Предчувствие Тьмы

Из Эдельбрасса они выехали в полной тишине. Прощание с Элизабет и Робертом получилось натянутым и скомканным — закономерный итог невозможности быть искренними с этими людьми. И никто не сомневался в том, что их вынужденные хозяева вздохнули с облегчением, расставшись со странными гостями. Подавленным выглядел даже общительный Ранмаро, хотя Дженази не мог не заметить, что затянувшаяся мрачная атмосфера парню в тягость. Сам он относился к ситуации с философским смирением.

— Бензин заканчивается, — громко сообщил Просперо через пять часов всеобщего меланхолического созерцания живописных обочин Федерации. И вместо того, чтобы всех встревожить, его слова вызвали какое-то необычное оживление. Почти радостное.

— На сколько еще хватит? — быстро спросил Ранмаро.

— Километров на сорок, — Просперо было немного стыдно, что он совсем забыл про датчик топлива на приборной панели. Заправочную станцию они проехали полчаса назад.

— В бардачке должны быть дорожные карты. Дядя, дай их сюда, я посмотрю, сколько до ближайшей заправки осталось.

— Мы уже подъезжаем к населенному пункту, — ответил Дженази, передавая племяннику целую стопку обнаруженных бумаг. — Не знаю, как он называется. Раньше его здесь не было.

— Вирас, — ответил Ранмаро через пару минут. — Небольшой поселок. После нег шоссе еще шестьдесят километров будет вести на юг, а потом поворачивает на восток. А нам нужно на юг... Придется свернуть на грунтовую дорогу, которая ведет через лес, чтобы попасть на шоссе нужного направления. Представляете, нам придется пятьдесят километров по кочкам трястись! — добавил он уже с негодованием.

— У этой машины отличная подвеска, — успокоил его Просперо.

— Лес — это хорошо, — добавил Дженази. — Устроим ночевку под открытым небом.

— Разве мы не успеем проехать его засветло? — удивилась Виктория — она была единственной, кто оказался не в восторге от подобной перспективы. — Сейчас только два часа дня. Разве не ты говорил, что мы спешим?

Дженази покачал головой. Дочь Ичиро стремилась не допустить проявлений собственной слабости при свидетелях, поэтому редко замечала, как то же самое делают и другие.

— Ты умеешь водить машину? — задал он почти риторический вопрос. — Я тоже. А у Просперо сегодня непростой день с самого утра, и ты предлагаешь ему еще три часа провести за рулем, чтобы... Ранмаро, за лесом нас сразу будет ждать город или что-то подобное?

— Мы попадем на шоссе, которое соединяет Вирдвигл и Актэкен, — сразу ответил парень. — До первого ехать на северо-запад почти сорок километров, а до второго — на юго-восток — шестьдесят.

— Я совсем не устал, — возразил Просперо, но уже было поздно.

— Простите, я не подумала, что вам может быть тяжело, — ответила ему Виктория с виноватой улыбкой. — Да, тогда остановимся на ночь в лесу. Надеюсь, мы найдем для этого в Вирасе все необходимое.

Остановка в Вирасе затянулась почти на два часа. Минивэн был заправлен практически сразу, но после этого за дело принялась Виктория, предъявив Дженази внушительный список.

— Палатки, спальные мешки, котелок, посуда, вода, крупы, консервы, походная одежда, средства личной гигиены... — произнес он изумленно, бегло пройдясь взглядом по предоставленному листку бумаги. — Я имел ввиду одну ночевку, а не недельный турпоход по местам, удаленным от цивилизации. Во-первых, это съест весь наш бюджет; во-вторых, куда мы это складывать будем — машина не резиновая; а в третьих — где мы все это возьмем?

Виктория со вздохом отняла у него список и указала на витрину магазина через дорогу, которую слева направо пересекали большие белые буквы, складывающиеся в название «Все для туриста». Но на этом она не остановилась.

— Мы выехали из Фламби налегке — это раз, — начала перечислять девушка, загибая палец. — То есть вообще без ничего, кроме денег и наших с Ранмаро мечей. Предметы первой необходимости нам в любом случае понадобятся — это два. Мы не знаем, сколько еще раз будем делать вот такие остановки, так что запас провизии не помешает — это три. И не смотри на меня так, на подножный корм я переходить не собираюсь.

— Пару суток можно и потерпеть, — совершенно серьезно ответил Дженази, но остальные предпочли думать, что он просто неудачно пошутил.

— Мы с Ранмаро захватили с собой пару тысяч айр, так что денег хватит — это четыре, — продолжила Виктория, загибая указательный палец. — А насчет места в машине не переживай, — она загнула большой палец, сжимая тем самым небольшой, но крепкий кулак, — ты у нас сильный, сможешь и рядом с машиной бежать.

После этих слов весь мир словно поставили на паузу. Никто не решался сделать даже вдох или выдох, и уж тем более посмотреть на окаменевшее лицо Дженази. Виктории пришлось тяжелее — она смотрела в глаза дяде с самого начала разговора. Ее взгляд подрагивал, но она стойко держалась, чтобы не уступить ему.

Дженази улыбнулся и вытащил из внутреннего кармана пачку банкнот, протягивая их девушке. Дочь Валерии и Ичиро была зла на него, и ее вспыльчивость позволяла эту злость выплескивать. Он был только рад этому. Хотя и подумал о том, что при случае даст ей пару уроков хороших манер. Все-таки теперь он отвечал за воспитание детей и внучки Ришари.

— Это всё? — спросила Виктория, пересчитав полученную сумму. К этому времени напряжение в воздухе уже спало.

— Да. Деньги мне, в принципе, не нужны, — ответил Дженази, не кривя душой. — Мои потребности настолько малы, что их можно легко удовлетворить, обладая мои возможностями. Правда, теперь мне нужно помнить еще и о вас, но знаешь, тебе нужно проявлять ко мне больше доверия. Когда я был Гвардейцем, мне приходилось руководить целыми организациями. И армиями.

— Во время Войны Юга? — Виктория не уточняла, она просто вспоминала историю. — Я думала, ты вместе с другими Гвардейцами выступал в роли тяжелой артиллерии Чинкуэды.

— Нам часто приходилось брать на себя роль командиров — от батальонов до фронтов. Но сегодня, так и быть, я позволю тебе заниматься вопросами снабжения, — Дженази

хлопнул девушку по спине, задавая ей вектор движения в сторону туристического магазина. — Будешь главной до тех пор, пока не сядем в машину и поедем дальше.

За дело Виктория взялась с необычайным пылом, потащив за собой ставшего внезапно очень несчастным Ранмаро. Юрика последовала за ними едва не вприпрыжку, предчувствуя неплохое развлечение, а вот Просперо было приказано отдыхать, хотя он и вызвался добровольцем. Выждав пару минут, он, впрочем, отправился на выручку Ранмаро.

Дженази улыбнулся. Ему нравились такие безмятежные мгновения. Он хотел бы провести так целую жизнь, но не мог. Даже обладай силами демиургов и создай собственный рай — не смог бы. Пока он остается личностью с именем Дженази, от боли ему ни за что не избавиться. Сейчас он провожал взглядом Юрику и чувствовал тревогу. Она только изображала беззаботность, сама не зная кого пытаюсь обмануть этой маской. Ее голова была забита мрачными мыслями, которые Дженази не мог прочесть, боясь привлечь к себе внимание племянницы. Но он мог представить себе их содержание. Гнев, осознание собственной слабости и желание стать сильнее. Желание, готовое перерасти в одержимость — что так сильно повлияло на нее? Видимо, он что-то упускал из виду. Что-то именно с ней произошло в Волчьей Зиме? Он так и не расспросил ее.

Дженази отлично понимал, что уделяет Юрике недостаточно времени. Было бы лучше, если бы они отправились дальше вдвоем. Вот только Ранмаро и Виктория точно так же нуждаются в его помощи. И Просперо. Как часто он встречал людей, которые были способны без страха смотреть ему в глаза? Может ли он помочь им добиться желаемого?

У Юрики есть потенциал. Прежде всего, необычная для ее телосложения физическая сила, источник которой кроется в большом объеме ее мистической энергии. Нередки случаи, когда человек, не сумев раскрыть свою мистическую способность, инстинктивно или даже сознательно направляет неиспользуемую энергию на повышение силы, выносливости и прочности тела, иногда добиваясь поразительных результатов. Такой была горячо любимая и потерянная им Винсента... Он мог бы попытаться вырастить из Юрики такую же могучую воительницу, но ему претила подобная мысль. Ведь тогда не только девушка пройдет ее путь, но и он сам будет вынужден вспоминать, как проходили те тренировки. Нет, Дженази не хотел воскрешать в памяти образ приемной дочери. Слишком глубокой была нанесенная ему рана.

Так как он не знал суть мистической способности Юрики — она была из разряда неявных, неочевидных, можно было попробовать разбудить мистическую склонность к молнии, перешедшей от Ришари. Или к огню — от Кенсэя. Это становится возможно, если человек явно наследует черты предков — в первую очередь родителей и дедушек-бабушек. Учитывая, что у Юрики больше общего с дедом, чем с матерью, шансы с огнем на порядок выше.

Еще оставалась преследующая ее в кошмарах Ирисса. С ней можно сосуществовать. А контролировать? Дженази не знал, возможно ли это. Духовная сила рыси настолько велика, что она способна прорваться в другой мир. Подавить и подчинить ее будет непросто и крайне рискованно.

Размышления о возможности приручения Ириссы Дженази решил отложить до ее следующей попытки захвата тела Юрики. Он ожидал этого этой ночью, но рысь не явилась.

И появится ли теперь вообще?

Остановив свой выбор на огне и решив, что обучение племянница будет проходить вместе с Ранмаро и Викторией, Дженази перевел взгляд на Просперо. Обучение инспектора он продолжит уже сегодня.

Глава 36. Лес Раздора, Остров Единения и Сердце Мира

На грунтовую дорогу, пересекавшую лес, они свернули в начале шестого, так что до захода солнца у них оставалось больше трех часов, но Дженази попросил Просперо поторопиться. Он всю дорогу к чему-то прислушивался, пока инспектор старательно выживал из минивэна все, на что машина была способна в условиях отсутствия асфальта, бесчисленных кочек и выбоин. Дважды они проезжали вызывающие дрожь скрипучие деревянные мосты, которые уже давно никто не ремонтировал. Им даже перегородил дорогу ствол рухнувшего мертвого дерева, который лежал там как минимум сутки. Все указывало на то, что другие машины проезжали здесь редко, и среди них точно не было большегрузов.

— В Вирасе мне сказали, что эту дорогу проложили для санатория, который собирались построить в центре леса, — Просперо словно оправдывался перед спутниками за тряску во время езды и прочие неудобства. — Но там дальше фундамента дело не пошло и стройку закрыли. Потом дорогу стали использовать для вывоза леса — здесь есть ценные породы дерева, но и это дело заглохло, местные предпочитают рубить его, не забираясь далеко от края. Если бы не необходимость срезать двухсоткилометровый крюк трассы, эту дорогу давно бы уже забросили. Хотя, похоже, это и так скоро произойдет...

— Наверное, в этом лесу водится нечто опасное, — зловещим тоном предположил Ранмаро. — Призраки, чудовища, сектанты, сумасшедшие обладатели мистических искусств, маньяки-убийцы...

— Ран! — Виктория прикрикнула на брата, но невольно проверила, на месте ли ее меч.

— Здесь нет ничего такого, что было бы нам по зубам, — поспешил успокоить их Дженази, который уже проверил местность с помощью своего чутья.

— Но что-то все-таки есть! — обрадовался Ранмаро.

— Нам — или тебе? — не удержалась Юрика. Ей тоже было крайне любопытно, что могут таить за собой все эти густые зеленые заросли.

Дженази понимал ее. Она хочет столкнуться с чем-то таким сверхъестественным, чей масштаб не будет повергать ее в дрожь и трепет. С чем-то из списка, озвученного Ранмаро. Чтобы оно было уязвимо к свету, серебру, соли, осине, пуле или банальному кулаку в лоб. Чтобы она сама смогла справиться с этим чем-то или кем-то.

Он не ответил на вопрос племянницы. А через десять минут сообщил, что они приехали.

Но радоваться было рано, потому что он попросил Просперо загнать машину подальше от дороги и указал всем направление вглубь лесной чащи. На наивный вопрос Виктории «И долго мы идти будем?» Дженази ответил своим совсем неутешительным «Нет» — потому что как-то само собой стало ясно, что он имеет ввиду свое «долго». Разве для него десять километров расстояние? И хуже всего было то, что всю провизию и снаряжение пришлось тащить тем, кто их и собирал, причем без рюкзаков — о них Виктория совсем забыла. Дженази, видя страдания молодняка, ничем не выдавал своего злорадства. И, разумеется, не собирался им помогать.

Проклиная все на свете, они ломились за ним сквозь лесные заросли с таким шумом и треском, что сравнение их со стадом кабанов стало бы оскорблением для клыкастых

парнокопытных. Так неуклюже в лесу могли себя вести только городские жители.

— Это все из-за тебя, — ворчала Юрика в сторону Виктории, вырывая сумку с спальным мешком из цепких лап малинника. — Это ты его разозлила. Это у него месть такая, решил преподать урок шибко умным. Спорим на сто айр, что идея разбить лагерь вдали от дороги пришла в его голову уже после твоих подколок? «Рядом с машиной побежишь»... Это же надо было додуматься?

— У тебя нет сто айр, — ответила ей племянница. — И ты выводишь его из себя гораздо больше, чем я. Спорю на все твои сигареты.

— Ты же не куришь, — Юрика перехватила сумки поудобнее. Она почти не устала, но идти сквозь лес без тропы под ногами было настоящей пыткой.

— Да. Я их просто выкину.

— Размечталась. Не буду я такие дурацкие пари заключать.

— Тогда хватит ко мне приставать. Без тебя тошно...

— А кто забыл рюкзаки купить? — едва не взвыла Юрика. — Ранмаро уже половину консерв растерял!

— Все на месте! — поспешил отозваться парень.

— Я же не знала, что мы так далеко от машины отойдем! — Виктория даже застонала от бессилия, пустив в ход оправдание.

— Не доверят тебе армию, — покачала головой Юрика. — Ты даже с отделением справиться не можешь...

— Отстань...

— Мы пришли, — Дженази остановился. Каким-то образом он смог пройти весь этот путь без каких-либо потерь в виде ссадин и клочков одежды, и теперь стоял на берегу небольшого лесного озера, в центре которого находился уютный с виду островок — он был похож на плавучую хижину благодаря росшим на нем огромным плакучим ивам с великолепными пышными зелеными кронами.

Вывалившись следом за ним из зарослей, молодежь попадала на свободный от растительности берег, бросая рядом вещи.

— Здесь красиво, — произнес Просперо, искренне восхищаясь открывшимся видом. — Жаль, что мы не сможем разбить лагерь на этом острове.

— Почему это? — удивился Дженази.

— Ну, здесь с виду глубоко, добраться туда можно только вплавь... — конец фразы прилип к языку инспектора. Когда Дженази дошел до островка, он проверил ногой озерную поверхность на предмет поверхностного натяжения. Оно работало, как обычно, так что его потрепанная за время лесной прогулки туфля едва не зачерпнула воду.

— Я же говорю — он издевается, — снова заворчала Юрика. — Или здесь только я не умею по воде ходить?

— Зато Рия может ее замораживать, — напомнил ей Ранмаро и обратился к сестре:

— Сделаешь льдину?

Виктория оценила взглядом расстояние, прикинула требуемую толщину ледяного моста для четырех нагруженных человек. Хотела сказать «да», но в последний момент передумала.

— Палатки и продукты у нас. Остановимся здесь, а он, если хочет, пусть там ночует.

Юрика, Ранмаро и Просперо посмотрели на поднимающую очередной бунт девушку, потом обменялись взглядами уже между собой и, похоже, пришли к соглашению.

— Может быть, здесь нет так и глубоко, — бодро предположил инспектор. — Вдруг

вброд перейдем? Если получится, то и вещи сможем перенести, а там уже у костра просушимся.

Виктория фыркнула — она оказалась в меньшинстве. Но лезть в воду им не пришлось.

Дженази, стоя на противоположном берегу, простер над озерной гладью руку. По воде пошла рябь, затем она стала раздвигаться, расходясь в стороны двумя гладкими полупрозрачными стенами — до тех пор, пока не показалось песчаное дно с водорослями и ракушками.

— Да-да, мы поняли, дядя! — крикнула Дженази Юрика. — Сейчас подойдем!

Потом она посмотрела на Викторину.

— Все еще хочешь здесь остаться?

Дочь Валерии покачала головой. Только что дядя предстал для нее в совершенно новом свете. До этого момента она считала его своим формальным родственником и невероятно сильным и древним воителем — бывшим Гвардейцем Хаоса. Она успела узнать некоторые из его сильных и слабых сторон, и наличие последних ее расстраивало, что и было причиной последних трений между ними. А еще она сомневалась в том, что его огромный опыт вряд ли окажется полезен именно для нее из-за разницы в мистических способностях. Из рассказов матери она знала, что Дженази прежде всего непревзойденный мастер меча, обладающий невероятной силой и скоростью. Его навыки были настолько высоки, что он не использовал в бою свои мистические способности со времен войны Юга — то есть тогда, когда Валерия была еще ребенком. А значит, она почти ничего не могла рассказать дочери о его мистических способностях, кроме регенерации и управления воздухом. Теперь, когда Виктория познакомилась с легендой лично, она узнала о его возможностях исцелять и влиять на сознание окружающих людей. Это производило впечатление, но ей было необходимо другое. Ее способности замораживать и создавать лед были проявлением гидрокинеза, который в чистом виде у обладателей мистических способностей встречался очень редко, поэтому никто не мог дать ей совет, как можно превзойти ее нынешний уровень силы и оказаться на одной ступени с отцом. И вот такой человек нашелся. Теперь у нее был учитель.

Пройти по дну озера оказалось не так и тяжело — оно было практически сухим благодаря силе Дженази. Сложности возникли, когда потребовалось взобраться на крутой берег острова — дно рядом с ним резко понижалось, и будь вода на месте, они оказались бы в ней с головой — ни о каком переходе вброд и речи быть не могло.

Просперо старался не смотреть Виктории в глаза, когда она протягивала ему руку, чтобы помочь вскарабкаться наверх. Дети семьи Лэйт, в отличие от него и Юрики, преодолели препятствие со сверхчеловеческой ловкостью, практически взлетев к ожидающему их Дженази.

Когда все оказались на острове, он опустил руку и вода аккуратно вернулась на место, без лишнего шума. Большой оранжевый диск солнца висел над горизонтом, напоминая, как мало у них осталось времени на обустройство лагеря. Но до полного наступления темноты они успели уложиться в срок.

— Здесь мало дров, — Виктория озвучила сделанное ранее наблюдение, когда все сидели вокруг небольшого костра с установленным над ним походным котелком. Отвечать за готовку вызвался Просперо. — На приготовления ужина хватит, а вот завтракать будем всухомятку.

Дженази провел рукой над едва нагревшимся котлом и вода тут же вскипела.

— Тебе не кажется, что применение мистических способностей в таких бытовых делах выглядит немного смешно? — Виктория честно старалась, но сдержать раздражение поведением дяди было выше ее сил.

— Смешно зависеть от пищи, тепла и сна, — ответил Дженази. — И уж тем более от чужого мнения. Но это не так уже и плохо. Это даже нормально. Гораздо смешнее, когда человек забивает себе голову проблемами, которые решаются без особого труда. Ему нужно просто начать их решать.

Виктория молча поднялась на ноги и подошла к воде. Наклонилась, коснувшись пальцами ее поверхности.

— Я скоро вернусь, — сказала она и сделала первый шаг. Ледяная тропа, соединившая оба берега, даже не треснула под ее весом. Главное было не подскользнуться и не свалиться в воду на виду у всех. Это стало бы большим ударом по ее уже порядком задетому самолюбию.

— Пойду помогу, — Ранмаро последовал за ней, жестами давая понять остальным, что проследит за тем, чтобы с его сестрой все было в порядке.

— А я пойду вздремну, — сказала Юрика. — Разбудите, когда ужин будет готов. Хотя лучше не надо. Мне что-то не хочется есть, — и она скрылась в их общей с Викторией палатке, как-то особенно резко застегнув молнию.

Дженази и Просперо остались одни.

— Каково это — быть таким, как вы? — задал вопрос Просперо, просто чтобы не сидеть в тишине. Дженази, что называется, «ушел в себя», заморожено рассматривая языки пламени, и инспектор чувствовал себя неудобно. Ему казалось, что дядя ребят исчезает из реальности.

— Хотя, думаю, вы можете задать мне такой же вопрос, — произнес Эспозито, не дождавшись ответа. — И я не смогу вам ответить. Я сам не знаю, как мы выживаем — хрупкие, беспомощные, полуслепые и полуглухие. Чтобы убить нас, не нужно рубить голову — достаточно рассечь артерию, сломать неудачно ребро или слишком сильно ударит по голове. Мой знакомый умер, подавившись куском хлеба в ресторане... Я молчу уже о болезнях. Если задуматься — это очень страшно. Но когда ты забываешь о своей смертности, жизнь просто идет.

— Вы ошибаетесь, инспектор, — произнес Дженази, продолжая смотреть на огонь. — В этой бесконечной Вселенной наши шансы погибнуть равны. А если сравнивать их с вероятностью наступления смерти для жителя Ховина, Фламби и Эдельбрасса, то мы и вовсе безнадежно проигрываем.

— Пойдите... Вы имеете в виду себя и меня?

Дженази усмехнулся.

— Отправившись с нами, вы встали на тропу войны, даже не представляя, с кем придется столкнуться, но с твердой убежденностью сражаться до конца. Рано или поздно вы погибнете в бою, столкнувшись с тем, кого не сможете победить. И со мной точно также. Рано или поздно я встречу того, кто окажется сильнее меня, не смогу отступить и погибну.

Так у кого больше шансов выжить — у нас или у какого-нибудь булочника, который в последний раз дрался еще в школе?

— Хотите сказать, что боитесь смерти точно так же, как и я? — удивился Просперо.

— А разве вы боитесь смерти? — наступила очередь Дженази изумляться. — Я бы так не сказал. Как по мне, вы прилагаете все силы, чтобы с ней встретиться.

— Бояться и избегать — не совсем одно и то же, — нахмурился инспектор. — И я не хочу умирать, если вы об этом. Мне нравится жить. Но в то же время я должен следовать своему долгу.

— Борьба с несправедливостью? Наказывать зло? — в голосе Дженази не было ни капли иронии. Только грусть.

— Иначе я не могу.

— Вы не сможете победить моего племянника, — покачал головой г'ата. — Тем более, если он справится с моим испытанием.

— Каким испытанием? О чем вы? — Просперо был раздосадован тем, что его замысел оказался так легко раскрыт. Станет ли Дженази учить его после этого?

Дженази пошевелил подобранным с земли прутиком угли костра.

— Скажем так... Перед тем, как вылечить вас в Фламби, я преподавал Ичиро урок, который все еще продолжается. Если племянник окажется слаб, то вы скорее умрете от старости, чем дождетесь его возвращения. А если силен... Что же, тогда никто в этом мире не сможет его убить. Он станет настоящим г'ата. И ему придется остаток жизни провести среди снега и льда, сражаясь с чудовищами.

— Остаток жизни? Так он станет бессмертным или нет?

— Никто не вечен, — ответил Дженази, — и г'ата в том числе. Вы видели, как я выжил даже после того, как мне отрубили голову. Но у меня есть предел, после которого регенерация невозможна. Если не станет головы и большей части тела — сгорят, например — то в этом мире я погибну. И воскресну в Волчьей Зиме, родине г'ата, через год или два. А там я смертен так же, как и вы. Смогу умереть, подавившись косточкой. Ичиро станет таким же.

— Значит, я смогу убить его только в Волчьей Зиме — я правильно запомнил название вашей родины? — сделал вывод Просперо.

— Вы погибнете там, сделав всего один вдох, — покачал головой Дженази. — Замерзнете, не сделав и шага.

— Так холодно? — поежился инспектор, нарисовав в своем воображении ледяную пустыню с температурой воздуха под минус сто градусов.

— Так холодно, — подтвердил г'ата.

— Но здесь я смогу его победить? — уточнил Просперо.

— Только теоретически...

— Вы научите меня, как это сделать?

— Вы же собирались всего-лишь достичь уровня Мисторг, или я ошибаюсь? — улыбнулся Дженази.

— Я боялся, что вы прогоните меня, если узнаете, что я собираюсь причинить вред вашему племяннику... Но теперь, когда я знаю, что для меня в принципе невозможно его убить, мне стало даже легче. Теперь я могу просто стремиться к тому, чтобы оказаться сильнее его и отправить в Волчью Зиму на год... или два? Мало, конечно, но если он решит вернуться, я всего-лишь снова отправлю его обратно.

Дженази расхохотался. До слез. Потом хлопнул Просперо по спине, да так, что тот едва не нырнул с головой в кипящий котел с ароматной кашей.

— Я снова повторяюсь, но вы мне нравитесь, инспектор. Готова ваша стряпня?

Эспозито проверил кашу на вкус, осторожно, боясь обжечься. Результат был удовлетворительным.

— Да.

— Тогда приступим прямо сейчас, — Дженази поднялся и потянулся всем телом вверх, словно разминая затекшие мышцы и разгоняя застывшую кровь. Проверил гибкость суставов. Сделал пару пробных ударов руками по воздуху. Потом развел их широко в стороны и сделал глубокий вдох-выдох.

— У вас есть мистическая способность, — сказал он, остановившись.

— Ну да, — не стал спорить Просперо.

— Примените ее.

Просперо, пока еще ничего не понимая, но догадываясь, что так надо, вытянул руку и пропустил по пальцам электрический разряд. Получившаяся плазменная дуга издала такой оглушительный треск, что у самого Эспозито заложило в ушах.

— Еще раз, — приказал Дженази.

Просперо подчинился, но во второй раз разряд был намного слабее. В третий раз он не получился вообще.

— Больше не могу, — признался Просперо. — Не знаю даже, раньше получалось поддерживать напряжение в два-три раза дольше.

— Закончилась мистическая энергия, — сделал вывод Дженази. — Большую ее часть вы потратили, пытаясь не отстать от нас, пока мы шли через лес. Это хорошо, вы, оказывается, силового типа. Потом объясню, — он жестом попросил Просперо помолчать, когда тот собирался задать уточняющий вопрос. — Но вы знаете, откуда мистическая энергия берется?

— Ее генерирует человеческое тело? — предположил Эспозито. — Ну, известно же, что наши тела нечто вроде батареек, мы производим электрический ток благодаря химическим реакциям, которые в нас протекают. Я думал, мистическая энергия получается по такому же принципу.

Дженази тяжело вздохнул и покачал головой. Просперо почувствовал себя страшно глупым.

— Я был в мирах, в которых люди не вообще не обладают мистическими способностями, хотя биологически они ничем от вас не отличаются. Но если переместить такого человека сюда, он такой способностью сразу обзаведется.

— Тогда... Дело в земле? В нашей планете?

— Да, — подтвердил Дженази. — Это удивительно, но мистической энергией здесь обладают все. Более того, потенциал стать великим бойцом есть у каждого, нужно лишь уделить достаточно времени тренировкам. Просто поразительно. Этот мир словно предназначен для войн.

— Люди склонны к конфликтам... — Просперо отвел взгляд. Он приходил в растерянность каждый раз, когда Дженази упоминал о других мирах, а сейчас он вообще сравнивал их между собой. Инспектору было просто нечего ответить на это.

— Используйте свою мистическую способность снова, — попросил г'ата.

На этот раз Просперо смог выдавить из себя слабенькую искру.

— Неплохая скорость восполнения энергии, — одобрительно высказался Дженази. —

Прошло всего несколько минут после ее полного истощения, и нате вам — вы опять что-то можете. Внимание, вопрос: вы что-нибудь сделали для этого? Или хотя бы почувствовали ее возвращение?

Ответ Просперо был отрицательным.

— И в этом беда подавляющего большинства воителей этого мира. Методом постоянного применения своих мистических способностей они увеличивают запас энергии и скорость ее восстановления. Они не знают, что на самом деле их мистическая энергия может вообще не заканчиваться. Но для этого нужно уметь прикоснуться к источнику.

Просперо ничего не понял. Возможно, Дженази имел ввиду какую-нибудь медитацию, поиск духовной силы внутри себя, через преодоление собственных желаний и страхов. Но если бы источник бесконечной силы можно было отыскать таким образом, уже сейчас в Федерации было бы полным полно великих бойцов благодаря распространению школ боевых искусств, в которых очень популярны разные духовные практики. Например, сидение голышом на вершине какой-нибудь горы, без сна, еды и воды. Сильнее они не становятся, чаще попадают в больницу в результате полного физического истощения.

— Так как справедливость в мире есть, увидеть источник всей мистической энергии самостоятельно дано не всем, — продолжил Дженази. — Статистика показывает, что на это способен в среднем один из десяти-пятнадцати тысяч человек.

— Но «способен» еще не значит, что обязательно увидит. Просто сможет найти его, если будет знать, что надо искать. Иногда это занимает годы. В нашем случае у нас нет лишней пары-тройки лет на то, чтобы вы могли заняться внутренним поиском. Энергия вам нужна сейчас. Приготовьтесь, показываю.

Но Дженази ничего не сделал. Или Просперо так только показалось. Потому что весь мир поглотил светящийся изнутри туман, скрыв не только звездное небо, костер с котелком, палатки, ивы, озеро, лес на другом берегу, но даже землю под ногами. Даже не так, туман стал землей, потому что свои туфли инспектор видел отчетливо. Как и Дженази. Они висели в пустоте, заполненной светом.

— Где мы? — несмотря на сюрреалистичность нового пейзажа, Просперо было совсем не страшно. Наоборот, он чувствовал себя странным образом защищенным.

— Это место называют по-разному. Но для начала уточню, что оно находится внутри вас. Вы воспринимаете его как бесконечное пространство, но на самом деле это своего рода тоннель. Или мост, коридор. Переходная зона, одним словом. Она отделяет нас от Сердца Мира, источника всей мистической энергии на планете.

— А где же сам источник? — Просперо, как бы не старался, ничего не смог увидеть за наполненной светом пустотой.

— Там же, где и источник всего этого света, — ответил Дженази.

— Он льется отовсюду, — Просперо признал свое бессилие через пару минут.

— А вы представьте, что у него есть источник.

Для этого Эспозито пришлось закрыть глаза. Он нарисовал в своем воображении солнце, которое висит в нескольких шагах от него, ведь если они стоят в туннеле, то источник находится прямо перед ним. Сосредоточиться толком не получалось — он порядком вымотался за день. А когда сдался и открыл глаза, сделал шаг назад от неожиданности. В наполненной светом пустоте появился новый, чужеродный объект.

— Странно, — в задумчивости произнес Дженази, вместе с Просперо созерцая огромные, метров пятнадцати в высоту, каменные ворота из минерала, который большего

всего походил на обсидиан. И они были покрыты грубой резьбой — некто высек на них текст из совершенно незнакомых инспектору символов неизвестного языка.

— Что именно? — спросил Просперо. По его мнению, странным здесь было все.

— Раньше они были из бронзы или железа, и намного меньше, — ответил Дженази. — И язык был другой. Это похоже на... работу шик'чи'зо. И не спрашивайте сейчас, кто это.

— Но это врата, верно? И за ними, я так понимаю, источник всей мистической энергии?

— Да, совершенно верно. Прикоснитесь к ним.

Просперо дотронулся до каменной створки. Она была холодной на ощупь. Еще гладкой, а грани резьбы острыми, словно нож. И все. Больше он ничего не почувствовал.

— Ваша мистическая энергия только что была полностью восстановлена, — сообщил Дженази. — Но это вы сможете проверить, только когда покинете это место.

— И все? — спросил Просперо. — А если их открыть?

— Попробуйте, — Дженази пожал плечами.

Эспозито всем своим весом налег на створку. С тем же успехом он мог попытаться сдвинуть с места скалу.

— А если попробуете вы?

— Это ваше сознание, инспектор. И ваши врата. Я вижу их только потому, что вы рядом.

— То есть у вас они другие? — догадался Просперо.

Дженази промолчал. Он продолжал с подозрением рассматривать резьбу на обсидиановых плитах.

— У него вообще нет врат, — раздался за спиной чей-то жизнерадостный низкий голос. Просперо быстро развернулся, едва не потеряв равновесие. Перед ним стоял высокий широкоплечий мужчина-яо в белом костюме и сандалиях на босу ногу. У него было открытое улыбающееся лицо, карие глаза и светлые, до желтизны, короткие волосы. Он просто излучал силу и уверенность.

— Кенсэй, — Дженази к пришельцу не повернулся. Наоборот, он опустил подбородок и скрестил руки на груди.

— Акаяма Хоота, — яо протянул Просперо руку и тот рефлекторно пожал ее, поразившись железной хватке. Нет, его пальцы не сжали, словно в тисках, но Акаяма легко мог бы расплющить их.

— Просперо Эспозито, — представился инспектор.

— Он дед Юрики, — мрачно ответил Дженази, так и не шевельнувшись. — Как ты здесь оказался?

Лицо Кенсэя сразу утратило выражение добродушной жизнерадостности.

— Но у меня нет... — растерялся он, — внучки. Я бы знал. Наверное...

— Ты не ответил на вопрос, — Дженази добавил в интонацию голоса нотку угрозы.

Глава 37. Учителя и ученики

Просперо стало неловко. По взгляду Кенсэя бы видно, что он очень рад видеть Дженази, но тот отреагировал на его появление очень холодно, недружелюбно. Было похоже на то, что Акаяма в чем-то провинился перед старым знакомым, и теперь пытался понять, чем именно обидел его.

— Я узнал о твоём возвращении её вчера, — осторожно ответил дедушка Юрики, — когда ты устроил то светопреставление.

Дженази неохотно повернулся, скрывая внезапное любопытство.

— А ты думал, никто не заметит, как ты законы мироздания нарушаешь? — Кенсэй улыбнулся наивности друга. — К твоему сведению, сейчас все чародеи мира на ушах стоят, пытаюсь понять, что именно произошло. Но можешь не беспокоиться — только я, Сигурд и Раббен знаем, что это твоя работа.

— Меня это мало волнует, — ответил Дженази. — Так откуда ты здесь взялся?

Кенсэй задумался, словно решая, с чего именно следует начать. Потом его взгляд снова наткнулся на Просперо.

— Ты — его ученик? — задал он свой вопрос. Инспектору пришла в голову мысль, что Акаяме сложно долго концентрировать свое внимание на чем-то одном. — Дженази учит тебя подключаться к энергии Сердца Мира?

— Э-э... Да.

— Спорим, что он сейчас не знает, что делать дальше?

— Я знаю, что делать дальше! — резко ответил г'ата. — У меня уже были ученики.

— Смею заметить, что в обучении Чинкуэдо и Винсенты я тоже принимал участие... Кстати, — Кенсэй по-заговорщицки подмигнул Просперо, — ты знаешь, что Дженази — тоже мой ученик? Я обучил его всему, что он знает.

— Я перестал быть твоим учеником почти двести лет назад... И если бы я не был г'ата, погиб бы еще на островах Внешнего Архипелага — учитель из тебя был так себе.

— Между прочим, у меня сейчас своя школа и сто учеников, каждый из которых способнее тебя! — настала очередь Кенсэя проявлять вспыльчивость характера.

— Уверен, ни один из них Ичиро и в подметки не годится...

Дженази тяжело вздохнул. И в этом вздохе было слишком много горечи.

— Просперо, — он обратился к инспектору, — прежде чем слушать советы этого человека, вам следует знать, что его предыдущий ученик принес этому миру очень много боли. Его стремление изменить мир к лучшему настолько разрушительно, что его впору записать в величайшие враги человечества.

— Ты такой же, — ответил Кенсэй, отведя взгляд. — Но в плане обучения я все же лучше.

— Кенсэй...

— Нужны факты? — спросил Акаяма, странным образом торжественно улыбаясь. — Получайте. Для начала ответь, почему врата, которые закрывают от Просперо Сердце Мира, непохожи на другие. Чаще всего встречаются врата из бронзы, намного реже — железные. А у него каменные. Почему?

— Железные врата Сердца Мира встречаются только у тех, у кого с самого рождения было очень много мистической энергии, — ответил Дженази. — Они наиболее талантливы в

ее освоении. Бронзовые — у всех остальных. Врата Просперо каменные, потому что он... — Дженази пристально всмотрелся в искрящиеся весельем глаза Кенсэя. — Чародей?

— Вот именно! — воскликнул Акаяма. — А ты знаешь, как обучать чародея, а не просто обладателя мистической способности?

— Нет, — Дженази признал свое поражение.

— А ты знаешь, почему вообще врата Сердца Мира бывают трех типов? — Кенсэй решил добить бывшего ученика.

— Нет. Но только потому, что мой бывшей учитель не соизволил рассказать мне об этом, — Дженази ответил ему тем же.

Кенсэй отмахнулся от него, словно от надоедливой мухи:

— Потому что это старая и почти забытая история. Она уже никому не интересна...

— Тогда какого черты ты... — терпение Дженази начало подходить к концу. А Просперо подумал о том, что эти двое в прошлом действительно хорошо ладили друг с другом. Он еще не видел дядю Юрики настолько эмоциональным. И обычным.

— Кроме чародеев, — добавил Кенсэй. — С этими вратами связана древняя история нашего мира, и все уроки из нее уже были извлечены. Хм... Начну с того, что укажу на очевидный факт — они были созданы. Рукотворны, то есть. Дело в том, что десятки тысяч лет назад у человечества был страшный и непобедимый враг — существа, которых теперь именуют Неназываемыми. Это были монстры размером с гору, и они очень любили человечину. Противостоять им могли только сильнейшие обладатели мистических способностей, которые в те времена были гораздо сильнее, чем в нашу эру. Но победить Неназываемых даже они не могли, потому что сколько бы монстров не истребляли, те появлялись снова.

— Что-то мне это напоминает, — пробормотал Дженази.

Кенсэй покачал головой.

— В общем, люди осознали свое бессилие и призвали могущественные сущности из высших планов бытия — Забытых Богов. Правда, это сейчас их так называют, а раньше их за богов и принимали. Так вот, Забытые обнаружили причину непобедимости Неназываемых — монстры приходили из Сердца Мира, — Кенсэй указал на врата. — Они проникали в сознания людей со слабой мистической энергией и изменяли их тела до неузнаваемости, принимая чудовищные формы. И чтобы остановить это, один из Забытых, Бог-Кузнец, выковал Врата Бронзы, которые защитили обладающих слабыми мистическими способностями людей от влияния Неназываемых. Правда, оказалось, что Неназываемые все равно сохранили возможность захватывать тела и души людей — но только если те были совсем больны на голову. Психопаты там, маньяки... Они уже не были так сильны, и с ними было легко справиться.

— Однажды мне пришлось преследовать серийного убийцу, — произнес Просперо, как только Акаяма сделал паузу. — Я ранил его в плечо, а он превратился в покрытое слизью существо и едва не отгрыз мне нос. Я убил его.

— Это был Неназываемый, — ответил Кенсэй. — Мистических способностей, изменяющих тела таким образом, не бывает. Хотя, в каком-то смысле, это тоже мистическая способность, только использует ее не человек, а захвативший его разум монстр.

— Я не раз встречал таких, — добавил Дженази, — но никогда не придавал их существованию большого значения... Я думал так же, как и Просперо.

— Пока Врата Бронзы целы, Неназываемым ни за что не вернуть былой мощи, —

Кенсэй словно успокаивал их. — Кстати, они и были выкованы из бронзы по той причине, что Неназываемые над ней не властны — этот сплав создан человеком и в природе не встречается. А вот Железные Врата были выкованы Забытыми для того, чтобы сдерживать мощь истинных обладателей мистической энергии. Видите ли, новоявленные боги решили прибрать наш мир к рукам и не хотели, чтобы среди людей были равные им по силе. И у них это получилось. А в качестве компенсации они предложили некоторым из представителей человечества право одалживать их собственную мощь. Так появились чародеи. Началась их эпоха, которая закончилась только тогда, когда научно-технический прогресс позволил людям выходить в космос. Недовольные Забытыми Богами обратились за помощью к чему-то под именем Шик'чи'зо.

Дженази уставился на Кенсэя широко открытыми, изумленными глазами. Он был потрясен.

— Никто, кроме Забытых, уже не знает, сколько их было и куда они делись потом, но их сил хватило, чтобы создать Врата Обсидиана, — Кенсэй снова указал на резные каменные створки. — Забытые оказались запечатаны и отрезаны от мира. С тех пор только чародеи, такие как я, Сигурд, Раббен и Просперо, могут общаться с ними. И началась эпоха цивилизации Чи-Зо. Потом был катаклизм, который уничтожил и ее, и наступила уже наша эра. Вот так.

— И как же мы общаемся с Забытыми? — спросил Просперо. — И что стало причиной Катаклизма? В наших учебниках описано только то, что было после, история до него относится к разряду легенд и мифов.

— Не знаю, — развел руками Кенсэй. — Кто-то или что-то стерло целую цивилизацию с лица планеты, оставив от нее только Небесные Города. Правду можно найти в их архивах — если они уцелели, конечно. Если да, то Сигурд должен знать, спросишь у него при случае.

— И как ты себе это представляешь? — Дженази отвлекся от глубоких раздумий, в которые оказался погружен после упоминания шик'чи'зо. — Благодаря его стараниям Просперо потерял руку. Да ты и сам знаешь, насколько он недружелюбный тип.

— А вот здесь мы подходим к вопросу общения чародеев и Забытых, а также тому, как я здесь оказался, — Кенсэй заложил руки за спину и подошел к вратам вплотную. — Дело в том, что нас очень мало — чуть больше тысячи, поэтому нам проще связываться друг с другом через общие для чародеев Врата Обсидиана. Мы чувствуем, когда кто-то из нас умирает или появляется новичок. И любой из нас может прийти поприветствовать его.

— Но ты здесь один.

— Ага, — Кенсэй продемонстрировал им свой довольный оскал. — Потому что ты здесь, Дженази. Если бы тебя не было, я и Сигурд уже сражались бы за потенциального ученика-чародея, а так он не рискнул. Мы так уже больше ста лет воюем возле этих Врат. Побеждает тот, чье убеждение оказывается более действенным.

— Хотелось бы на это посмотреть... — улыбнулся Дженази.

Кенсэй ответил категорическим жестом, подразумевающим отказ, и ответил:

— Ничего интересного. Под конец мы всегда пытаемся проверить друг друга на прочность, а так как здесь магия и мистические способности не работают, и оружие не принесешь, все скатывается до банального мордобоя. Обычно побеждаю я, но что-то толковое из этого редко получается — новичок чаще всего просто сваливает и больше не желает с нами встречаться.

— Так как общаться с Забытыми? — на этот раз терпение закончилось уже у

Просперо. — Что я для этого должен сделать?

— Прикоснуться к воротам и назвать имя Забытого, — ответил Кенсэй без каких-либо эмоциональных проявлений на своей физиономии.

— А если я не знаю имени Забытого? — вкрадчиво поинтересовался инспектор.

Кенсэй задумчиво потер подбородок большим и указательным пальцами.

— Ну, если у тебя нет никакой возможности узнать имена Забытых, то остается только ждать, пока кто-нибудь из них не почувствует твое существование и не попытается выйти на связь. Но так делают только самые слабые и отчаявшиеся Забытые, у которых веками не было последователей. Если чародей не туп, как пробка, то попытается выведать у своего Забытого имя более могущественного бога, но здесь есть свои риски. Например, постучался к тебе во сне Забытый бог, повелевающий пылью, а ты услышал от него имя Забытого бога огня и поспешил к тому на поклон. Может статься так, что огненному ты придется не по душе и он откажется с тобой разговаривать, а пылевой обидится на предательство и не простит. И останешься ты вообще без силы Забытых навеки вечные, потому что если пройдет меж ними слух о твоём коварстве, никто из них вообще не захочет дела с тобой иметь. У них там своя большая политика, в которую ты окажешься втянут, если заключишь с одним из них союз. Редкий чародей умудряется пользоваться силами двух и более Забытых, а один Забытый редко заводит больше одного чародея. На большее количество у них сил может не хватить.

— Мне кажется, Просперо будет проще и надежнее вообще забыть о магии и учиться пользоваться одной своей мистической способностью, — высказал свою точку зрения Дженази. — И теперь я понимаю, почему мне так редко встречались достойные противники-чародеи.

— Глашатай тоже был чародеем, — напомнил своему бывшему ученику Кенсэй.

— Я же говорю, достойные встречались редко... Так что делать Просперо? Имя своего Забытого, я так понимаю, ты не скажешь, — уверенно предположил г'ата. — И даже знаю, почему: ему ведь тогда придется помогать обоим, и ты станешь слабее. Предполагаю, что это один из методов вашего с Сигурдом противостояния — вы знаете имена Забытых друг друга и сообщаете их чародеям-новичкам в расчете на то, что те станут их последователями и будут черпать предназначенную только для вас энергию.

— Ничего от тебя не скроешь, — Кенсэй поднял руки, признавая свою капитуляцию. — Только удавалось это редко, и мы быстро избавлялись от конкурента. Именно поэтому я не стану сообщать Просперо имя Забытого, силой которого пользуется Сигурд — он сделает все, чтобы убить его. По моей вине уже погибло три чародея, а сам я избавился от семерых. Забытый тьмы более разборчив, чем мой, — объяснил он Просперо, удивленному разницей в количестве. — Еще я знаю имя Забытого бога войны, но тот вообще ни с кем не хочет идти на контакт. Хотя ты можешь попробовать... Запоминай: Кан-Лу-Бо.

Просперо повторил это имя вслух и про себя, но когда попробовал сделать то же, прикоснувшись к воротам, Дженази остановил его.

— Кенсэй, — объяснил он, не сводя с бывшего учителя подозрительный взгляд, — большой шутник, только шутки у него всегда неудачные. Уверен, он знает больше имен Забытых, и даже выбрал того, кто точно станет с тобой сотрудничать. И это точно не Кан-Лу-Бо. Верно, Кенсэй?

— Сдаюсь, сдаюсь, — Акаяма снова развел руками. — Есть еще один очень сильный Забытый, с тяжелым характером и крайне тщательной избирательностью в вопросе выбора

чародеев-последователей. Один из семи богов грома и молнии, Дзаа-Тхон-Кгар.

— Молния — это хорошо, — ответил Дженази. Просперо был с ним полностью согласен. — Но ты попробуешь связаться с ним в следующий раз, — г'ата к чему-то встревоженно прислушался. — В нашем лагере неприятности. До скорой встречи, Кенсэй!

— Эй, постойте, а что там насчет моей внучки?! — запоздало опомнился Акаяма, когда Дженази и Просперо были уже в одном шаге от возвращения в обычную реальность. Инспектор хотел было сказать, что Юрика сейчас с ними, но не успел: заполненное светом пространство и черные врата исчезли, и он снова оказался стоящим возле костра. Ранмаро и Виктория все еще не вернулись, снятая с костра походная каша не выглядела остывшей, и вообще в лагере ничего не изменилось, как-будто прошла всего пара минут. Только из палатки Юрики доносился подозрительный шум, больше всего походивший на стоны. Дженази осторожно приблизился к ней, а потом резко отшатнулся — палатка взорвалась изнутри крупными синими лоскутами.

— Юрика? — Просперо с облегчением увидел, что девушка осталась цела и невредима. Она неподвижно стояла среди обрывков ткани, не обращая внимание на то, что один из них свисал с ее головы и полностью закрывал лицо.

— Осторожнее, инспектор, — предупредил его Дженази, медленно приближаясь к девушке. — Наша Юрика тоже умеет громить все вокруг, не приходя в сознание.

Глава 38. Наставница, красная рысь и стражи снов

Когда Виктория и Ранмаро отправились на поиски дров, Юрика оставила Дженази и Просперо следить за костром и спряталась в палатке. Ей хотелось побыть одной, но для этого нужно было выбраться с крохотного острова, а идти следом за племянницей ей совсем не хотелось. Оставалось отгородиться от всего внешнего мира тонкой прорезиненной тканью и стараться не обращать внимания на голоса дяди и инспектора.

Девушка была рассержена. На себя и собственную слабость. Всю дорогу из головы не выходили слова Дженази о том, что она бессильна перед своей матерью. И постоянно прокручивала сцены, в которых ничего не могла поделать — когда сталкивалась с Ичиро, или бегство от жутких великанов. Вспоминала рысь из снов, от которой нет никакого спасения, кроме бегства. Да, она всегда была сильнее сверстников и ребят старше. И что там говорить, ей ничего не стоило отбиться от взрослого или жандарма, когда ее хватали. Но она твердо усвоила слова своей наставницы, Екатерины, которая однажды сказала ей... Что же конкретно она ей тогда сказала?

18:20, 4 мерседония 1008 года. Федерация Вердиро, республика Эломас, сиротский приют имени Ховина Сареса.

Юрика утерла злые слезы рукавом изорванного в драке серого свитера, и услышала, как по ту сторону дверцы шкафа раздался тихий лязг механизма дверной ручки. Скрипнули петли, предупредив затаившуюся беглянку о приближении кого-то из взрослых, а затем девочка услышала легкие шаги, приглушенные толстым пыльным ковром на полу библиотеки.

Так в ненавистного приюте могла ступить только Екатерина.

Юрика затаила дыхание. Сейчас Екатерина была единственным человеком, которого она хотела видеть, но ей стало интересно, сможет ли наставница обнаружить ее так же легко, как у нее всегда это получалось.

Шаги затихли в центре комнаты, и Юрика окончательно убедилась в том, что это за ней. Если бы Екатерина зашла в библиотеку за книгой, то ей был бы нужен книжный шкаф, верно?

— Я купила в городе плитку молочного шоколада, — раздался звонкий и мелодичный голос. — И собираюсь съесть его сама.

Горло девочки перехватило обидой. Екатерина всегда делилась с ней сладостями. Это из-за того, что случилось? Но она не виновата! Она никогда не начинает драку первой!

Снова раздали шаги, и Юрика услышала скрип старого стула, на котором обычно восседала сварливая Эрделла — обиженная на весь мир смотрительница библиотеки. Из-за нее девочке приходилось тайком проникать в библиотеку и заимствовать заинтересовавшие книги, потому что сама Эрделла была твердо уверена в том, что десятилетней девочке еще рано читать, например, «Как закалялась сталь».

Раздался шелест разрываемой обертки. Екатерина явно старалась как можно более демонстративно освободить шоколад от упаковки.

Потом раздался треск разламываемой плитки.

Хруст укуса.

Наигранный стон удовольствия.

Юрика молча терпела примерно до половины шоколадки.

— Ну и ешь сама свой шоколад! Когда у тебя начнут зубы выпадать, я буду смеяться последней! — Юрика высунула голову из шкафа и широко оскалилась во все тридцать два белоснежно-белых зуба, которыми могла гнуть вилки без ущерба для эмали.

Екатерина демонстративно отломилась от плитки еще одну полоску молочного шоколада. Откусила кусок. Прожевала и проглотила.

— Ну и подавись... — Юрика спряталась обратно в шкаф. — И вообще я не люблю молочный шоколад. Он для детей.

— Это «Литературный вечер».

Юрика задыхнулась от возмущения. Подлый, беспринципный ход. Удар в спину!

В «Литературном вечере» под обертку вместе с шоколадом на кондитерской фабрике помещали открытку с одним из стихотворений забытых авторов. В каждой партии — новое.

Юрика их собирала с семи лет. И в тайнике на чердаке у нее уже собралась коллекция из шестидесяти трех открыток. А шестьдесят четыре — красивое число. Два в шестой степени.

— Какой стих? — раздраженно спросила девочка из шкафа.

— Молчи, скрывайся и таи и чувства и мечты свои — пускай в душевной глубине встают и заходят оне безмолвно, как звезды в ночи, — любуйся ими — и... — глубокий, проникновенный голос Екатерины, и завораживающие строки заставили сердце Юрики затрепетать от восторга, и она едва не выбралась из шкафа, когда наставница остановилась на особенно высокой и возвышенной ноте.

— Красиво, — нехотя признала она, когда стало ясно, что продолжения не будет.

— Тут есть имя автора, — совершенно серьезно заявила Екатерина.

— Врешь!

— Не вру, — возразила Екатерина. — Тют...

Юрика не выдержала — и выскочила наконец. Одним прыжком оказалась возле наставницы и выхватила открытку у нее из рук. Лихорадочно прочитала весь текст — и естественно не обнаружила имени автора внизу или где-либо еще.

— Лгунья! — Юрика едва не швырнула открытку в лицо наставницы. — Это стихи забытых авторов, никто не знает их имен! Черт...

Она почувствовала, как снова перехватывает горло, и слезы рвутся из глаз.

— Вовсе нет, — покачала головой девушка с каштановыми волосами, отливающими медом на солнечном свете. Зеленые глаза лукаво свернули сквозь линзы очков в серебряной оправе. — Здесь есть имя автора, просто ты его не видишь.

— Да его никто не увидит. Потому что его нет, — Юрика аккуратно сложила открытку и спрятала в задний карман брюк. Пусть шоколадка ей не достанется, но новое стихотворение — законный трофей.

Екатерина молча протянула ей шоколадку.

Юрика выхватила ее с молниеносной скоростью. И с такой же скоростью проглотила, не успев почувствовать вкус. Потом вытерла новую порцию слез и прыгнула наставнице на колени, обняла и прижалась к груди.

— Ты снова подралась.

— Они первые начали. Свитер порвали. Су...

— Юрика!

— Суфражисты.

— Ого, — удивилась Екатерина. — Новое слово.

— Ага. Участницы движения за предоставление женщинам избирательных прав.

— Ты же с мальчишками подралась.

— А дрались они как девчонки...

Екатерина вздохнула.

— Юрика, послушай. Я знаю, ты очень сильная. Самая сильная девочка из всех, кого я знаю. Ты можешь завязать гвоздь в узел, и в тоже время никогда не дерешься с ребятами в полную силу. И я просто хочу, чтобы ты и дальше продолжала так себя сдерживать. Никогда, слышишь? Никогда показывай людям, на что ты в действительности способна. Потому что в этом мире есть очень опасные люди. Люди, которые узнав о твоих способностях, захотят использовать тебя. А если у них это не получится, то они просто убьют тебя. Поэтому никогда не показывай, насколько ты сильна. Не показывай, насколько ты умна. Молчи, моя девочка. Молчи, скрывайся и таись.

Юрика стиснула зубы. Печальные и светлые воспоминания о Екатерине одновременно утешали ее — и наполняли бесконечной болью утраты. Потому что однажды Екатерина просто умерла. Заснула и не проснулась.

Юрика стала такой, какая она есть, благодаря Екатерине. Она всегда хотела быть похожей на свою наставницу, так любившую ониксы в серебряной оправе. Желала — и так и не смогла. А теперь узнала о таких сильных женщинах, как Валерия, Нола... Даже Виктория куда сильнее ее. Красивее, талантливее. Она всегда следовала наставлению Екатерины, но какой в этом смысл, если у нее на самом деле нет силы, достаточной для того, чтобы быть равной им?

Екатерина ошиблась в ней.

Свернувшись в тугой клубок внутри спального мешка, Юрика до боли стиснула зубы. По щеке покатила крохотная слезинка. Она позволила ей упасть, и только потом вытерла мокрый след рукой. И сразу накатила невероятная усталость, тело вспомнило, каким трудным был этот день. Пара глубоких спокойных вдохов — и она заснула, благо стихли голоса Дженази и Просперо снаружи. Лесной воздух оказался великолепным снотворным.

Приводил в чувство он тоже замечательно. Морозный и свежий, он обжигал гортань и врывался в легкие огненным комом, разгоняя кровь в скованных усталостью мышцах. Палатка и спальный мешок пропали, Юрика лежала на снегу. Вокруг были высокие толстые сосны, ни единого намека на костер, остров и окружающее его озеро. И она была одна. Совершенно одна — посреди заснеженного бора, босиком, в одних джинсах и футболке.

— *Это сон, — успокоила себя девушка. — Вокруг день, а не ночь. Все будет хорошо.*

Выбор у нее был небольшой: стоять на месте или идти куда глаза глядят. Окружающие ее сосны выглядели совершенно одинаковыми, солнце было скрыто за

облаками, так что выбрав направление наугад, она сделала первый шаг. Снег пока еще приятно охлаждал кожу на ступнях, и девушка надеялась, что сможет пройти пару часов, прежде чем превратится в ледышку.

— В этот раз все немного иначе, — бормотала Юрика себе под нос, огибая очередное препятствие. — Раньше всегда были черные деревья-великаны без листьев, а здесь — сосны. Зеленые, с шишками, по ним белки скачут. А вон на меня заяц смотрит. Или кролик? Иди сюда, ушастик, пищевым запасом будешь... Не хочешь? Ну-ну, скажи спасибо, что я не такая голодная, чтобы за тобой гоняться. Живи, животное. А еще здесь не так холодно. Помнится, раньше меня до костей промораживало, и все время куда-то бежать приходилось. Нет, не так. Не куда-то, а от кое-кого. Где эта рысь? Ау-у, ты где?

Развлекая себя громкими воплями и распугивая ими мелкое зверье и птиц, Юрика набрела на одинокий куст шиповника, густо обсыпанного крупными красными плодами. Взяв один на пробу, она обнаружила, что он вкусный и сочный. Даже странно, что лесные птицы не склевали его.

— Это ведь не бесплатный сыр в мышеловке? — спросила она у пустоты, быстро набивая шиповником карманы.

Что-то заставило ее обернуться. Ощущение пристального взгляда на спине и затылке. Чего-то огромного и враждебно настроенного.

— Привет...

Огромная красная рысь стояла в десяти шагах от нее. Она подкралась совершенно бесшумно, как и положено кошке, только как это получилось у пятиметровой громадины, было загадкой. Снег не хрустел под ее пушистыми мягкими лапами. Возможно даже, что рысь уже давно следует за ней. Играет в кошки-мышки.

Юрика дала деру без раздумий, сорвавшись с места длинным заячьим прыжком. Ветка шиповника располосовала кожу на правой руке, но она даже не почувствовала этого, что есть силы отталкиваясь ногами от снега. И так быстро она не бегала еще ни разу в жизни.

Рысь не отставала. Девушка не знала, намеренно или нет зверь не настигает ее, и начала злиться. Она пока еще не чувствовала усталости, хотя тело и работало на пределе возможностей. Или она только думала, что на пределе.

Приложив определенное усилие, у нее получилось ускорить свой бег. Теперь снег комьями вылетал из-под ног, а сосны проносились мимо с угрожающей стремительностью, обещая размазать ее тело о свою кору, если не свернет вовремя в сторону.

Что-то острое полоснуло по спине и жар опалил затылок — рысь потеряла терпение и решила наконец прикончить свою слишком прыткую добычу.

Вспышка ужаса сковала сознание Юрики, но не ее тело, которое сделало невозможное — побежало вперед с удвоенной скоростью. Это было невероятное ощущение, похожее на полет, ноги словно перестали касаться земли. Казалось, она вот-вот оторвется от земли.

А потом она задела плечом ствол дерева. Бег по пересеченной местности на подобной скорости и без должной реакции был чреват последствиями, и она их получила. Мир перевернулся по вертикальным и горизонтальным осям несколько десятков раз, прежде чем началось торможение о снег. Точнее, долгое скольжение, которое остановила очередная сосна, не пожелавшая убраться с ее пути.

Удар на себя взяла спина. Юрика застонала от боли и сразу же попыталась встать. Получилось, хотя все тело, особенно плечо, болело немилосердно.

Рысь приближалась, быстро сокращая отвоеванную Юрикой дистанцию.

Оказывается, у девушки была возможность сбежать от нее — зверю таких размеров было еще тяжелее маневрировать между стволов сосен. Убедившись, что ноги все еще держат ее, Юрика приготовилась бежать дальше.

Но случилось что-то странное. Рысь стала уменьшаться. Каким-то неуловимым глазу образом она сжалась до размеров льва или тигра, превратившись в просто крупную хищную кошку. Почему-то Юрике пришла в голову мысль, что в такой форме рысь, в отличие от нее, не будет налетать на нерасторопные деревья.

— И что будет, когда ты догонишь меня? — заорала Юрика, швыряя в рысь пригоршню снега. — Начнешь крушить все вокруг там, в реальном мире? Зачем тебе это? Зачем тебе я? Когда ты наконец отстанешь от меня?

Рысь сделала еще один шаг, припав всем телом к заснеженной земле — готовилась к прыжку. Но кровь уже ударила Юрике в голову — она представила, как зверь, захвативший ее тело, ранит Викторию, Ранмаро или Просперо. Из-за ее беспомощности. По ее вине.

Затолкав возмущенное такой бесцеремонностью чувство страха в самые глубины сознания, девушка молнией сорвалась с места, самую малость опередив бросок хищника. Она успела рассмотреть, как округлились от удивления ее зеленые глаза и резко расширились вертикальные щели зрачков — перед тем, как врезаться в покрытую белым мехом грудь рыси. Внезапный отпор со стороны добычи ошеломил зверя, и ее когти не задели уязвимую плоть, но на стороне рыси оказалась физика, которая утверждает, что при столкновении двух тел в воздухе преимущество остается за более тяжелым. Юрика оказалась подмятой под зверя, рискуя оказаться полностью обездвиженной его весом. И чтобы это не случилось, схватилась левой рукой за мех и одновременно толкнула рысь правой, сбрасывая с себя.

Это не должно было сработать. Но сработало. У нее хватило сил повалить набок двухсоткилограммовое туловище, оказаться сверху и нанести мощный удар в пушистое ухо с кисточкой.

Рысь завизжала. Юрика тоже. А потом мощные лапы зверя отшвырнули от себя девушку, которая смогла после этого устоять на ногах, скользя по снегу спиной вперед, словно на лыжах. Чтобы остановиться, Юрика впилась в снег руками, оставляя в нем глубокие борозды.

Юрика не представляла, как именно победит зверя. Но отступить не собиралась.

При повторном столкновении она устояла на ногах, но рысь вонзила в нее свои когти и сомкнула клыки на уже пострадавшем левом плече. Это должно было быть больно, но Юрика запретила себе обращать на это внимание. И что есть силы вонзила свой небольшой кулак в зверю в живот.

«В-ва!» — это был короткий, придушенный вопль звериного изумления и боли, рысь разжала клыки. И тут же получила мощный удар в нос — Юрика подключила к делу голову.

Когти рыси разжались, она с фырканьем отпрянула от девушки, трясая головой. Юрика собиралась еще и как следует наподдать кошке ногой, но замешкалась, заметив с удивлением, что рысь стала еще меньше. Теперь она как никогда раньше была близка к размеру обычной рыси, только цвет шерсти по-прежнему оставался ярко-красным.

Справившись с болью, рысь с яростью посмотрела на Юрику и, похоже, тоже была озадачена сменой масштаба. А потом резко наострила уши и, шагнув в сторону, посмотрела на что-то, находившееся за спиной девушки. Глаза зверя снова округлились от удивления.

— Даже и не думай, я на такое не поведусь, — произнесла Юрика. Она наконец обратила внимание на все свои раны. Дело было плохо. — Сейчас возьму и повернусь спиной. Жди, ага.

Но рысь не замышляла никаких коварных уловок. Она молниеносно развернулась и бросилась прочь от Юрики, в сторону ближайшей сосны. Когда она красной молнией взлетела вверх по практически лишенному ветвей стволу, мимо девушки промчались еще две — серая и рыжая, окатив ее с головы до ног волной снега и густого запаха псины. Остановившись у подножия сосны, молнии превратились в двух то ли волков, то ли собак.

«Все-таки собаки, — решила про себя Юрика. — у них хвосты полуколечками вверх закручены».

Серый пес был крупнее рыжего, зато у рыжего были красивые голубые глаза.

«У рыжей,» — поправила себя Юрика, определив в собаке самку.

Псы рассержено кружили вокруг сосны, бросались на нее в безуспешных попытках взобраться, с рычанием срывая кору мощными когтистыми лапами. Рыжая была вообще крупнее любой собаки, которую Юрике приходилось видеть, а Серый был и того больше — его холка доставала девушке до плеча. И они не лаяли, только рычали, и от этого становилось только страшнее. Девушке пришла в голову мысль, что сейчас самое время свалить подальше, пока собаки не осознали, что до рыси им не добраться, и у них под боком есть более доступная добыча.

Юрика начала медленно пятиться в сторону ближайшей сосны с ветками пониже. Со своими ранами она все равно не уйдет далеко, так что решила попытать счастья на дереве, как и рысь.

Тем временем Рыжая, резко припав к земле, внезапно совершила особенно высокий и мощный прыжок. Настолько, что дотянулась зубами до самой низкой ветки, и цепляясь за кору когтями, без всякой грациозности смогла на нее взгромоздиться.

— Кто сказал, что собаки не лазают по деревьям... — прокомментировала увиденное изумленная Юрика. Идея залезть на сосну больше не казалась ей удачной.

Осторожно перебираясь с ветки на ветку, собака медленно подбиралась к рыси. В какой-то момент кора под ее лапой отслоилась от ствола и Рыжая едва не сорвалась, удержавшись лишь чудом. Кошка словно ждала этого: стремительно спустилась вниз по стволу и резко ударила собаку когтями, пока та не опомнилась.

Раздался жалобный визг, потом треск, и Рыжая полетела вниз. Но смогла приземлиться на четыре лапы, потеряла правой передней расцарапанную морду и начала повторное восхождение.

— Помог бы ей, что ли, — с укором обратилась Юрика к Серому, который все это время сидел на снегу, не сводя с рыси своих внимательных желтых глаз.

«Я жду,» — ответил он ей.

— О, ты говоришь! А чего ждешь?

«Ошибки ириссы».

— Она там может долго проторчать... А это вы мне так помогаете, да? — спросила Юрика с надеждой, что ей только что очень крупно повезло. Хотя, если задуматься, с рысью она почти справилась. В одиночку.

«Ирисса зашла на нашу территорию. Это земля таг'ар. И не бойся, тебя мы не тронем. Мое имя —...» — дальше последовал странный звук, больше всего похожий на «ва», но утверждать точно Юрика не могла. И точно знала, что не сможет его

воспроизвести.

«А, совсем забыл... Зови меня Маламут. А ее, — Маламут указал на свою настойчивую подругу, бравшую сосну штурмом, — Хоро».

Рысь снова сбросила Хоро вниз. Рыжая обежала сосну дважды, сердито ворча, и стала готовиться к третьему восхождению. Юрика швырнула в кошку шишку и сразу пожалела об этом — раны, которые, казалось, уже перестали кровоточить, снова открылись. Происходи все это в реальности, девушка давно бы потеряла сознание от боли и потери крови, но во сне она могла позволить себе побыть супергероем.

И тут за дело принялся Маламут. Он уловил момент, когда положение рыси на ветке стало неустойчивым, и просто протаранил сосну, врезавшись в нее плечом. Дерево угрожающе пошатнулось, что-то внутри затрепало и на них обрушился целый ливень из шишек и иголок.

Рысь сорвалась со своей ветки, но смогла уцепиться за нижнюю. Внимательно посмотрела на Маламута. Он оскалится, обещая ей яркое и запоминающееся совместное времяпровождение в самом ближайшем будущем.

Не дожидаясь, когда пес снова пойдет на таран, рысь прыгнула в сторону ближайшей соседней сосны. Это был великолепный прыжок, отразивший в себе всю ловкость и грацию кошачьего рода, его врожденную свирепость и очаровательное изящество каждого движения дикого охотника. Рысь была в воздухе всего мгновение, но оно навсегда врезалось Юрике в память — кроваво-алое тело, изогнувшееся дугой, на фоне унылого серого неба и редких зеленых верхушек сосен. мех кошки был слишком ярким и резко контрастировал с окружающим ее тусклым миром. Слово ее присутствие здесь было лишним, неуместным.

«Может ли быть, — подумала Юрика, — что эта рысь здесь такая же белая ворона, как и я в своем родном Ховине?»

Кошка благополучно переместилась на соседнюю сосну, но, похоже, это входило в план Маламута. Таг'ар сорвался с места и с силой куда большей, чем продемонстрировал ранее, врезался в новое убежище рыси, ствол которого к тому же оказался куда тоньше предыдущего. Он сломался от его могучего удара и сосна с треском начала клониться к земле.

Хоро тоже не стояла на месте и просто взбежала по кренящемуся стволу с целью схватить замешкавшуюся рысь. Ошарашенная кошка не придумала ничего лучше, чем прыгнуть обратно, на первое приютившее ее дерево. Она не учла, что только что расстояние между соснами увеличилось, и пусть ее бросок был таким же мощным, как предыдущий, она все равно врезалась в спасительное дерево слишком низко над землей — на уровне самой низкой ветки, до которой Хоро в прыжке дотягивалась зубами с земли.

Хоро была далеко, и у рыси было время подняться на безопасную высоту. Когда у подножия сосны оказался Маламут, кошка поднималась на третью ветку. И он прыгнул.

Ни рысь, ни Юрика не ожидали, что он дотянется, но Маламут все же сомкнул свои челюсти на задней лапе кошки и всем своим весом увлек ее вниз. При падении он словчился что есть силы ударить зверем о землю, покрытую уже порядком утоптаным снегом. Последовал красноречивый «Шмяк!», лес ощутимо трянуло.

Примчавшаяся на помощь Хоро вцепилась клыками в рысий загривок, прижимая кошку к земле. Маламут так и не отпустил ее заднюю лапу, мышцы на его шее и спине вздулись буграми и застыли, словно удерживать рысь стоило ему огромных усилий.

— Вам помочь? — спросила Юрика, просто чтобы не стоять столбом.

«Она сильная,» — ответил Маламут.

«Это не ее истинный размер, — впервые подала голос Хоро. — Она пытается вернуться в свою нормальную форму».

Юрика вспомнила, насколько огромной рысь была в начале их встречи, и без раздумий всем своим весом придавила голову кошки, помогая Рыжей.

— Мы справимся? — с трудом спросила она — рысь вырывалась, норовя извернуться и отхватить девушке пару пальцев.

«Это ваш общий сон, так что все от тебя зависит,» — ответила Хоро, еще крепче сжимая челюсти на толстой красной шкуре.

— Я понимаю, что это сон, но в последний раз все было по-другому, — растерялась Юрика, убирая руки с клыкастой морды и отодвигаясь подальше. — Я попала в похожее место наяву, а не во сне, и эта рысь спасла меня от каких-то людоедов с дубинами. Правда, после этого она попыталась сожрать меня... Неважно. Я думала, что тогда попала в то же самое место, которое до этого мне только снилось... Точнее, в которое я попадала во время сна, оставаясь при этом в своей кровати.

«Ирисса не станет убивать тебя наяву, ей необходимо твоё тело. Но чтобы использовать его, ей нужно подчинить себе твой разум, что она сейчас и пытается сделать. Для этого она создает в Идее Волчьей Зимы особое пространство, в котором твоё сознание частично материализуется и становится уязвимым для клыков и когтей. Но в этот раз она зацепила им нашу территорию и мы смогли попасть сюда».

— Суть уловила, — пространное объяснение Хоро показалось Юрике не совсем понятным, особенно понятие «Идея Волчьей Зимы». — А как отсюда выбраться?

«Очень просто, — ответила Рыжая. — Сон заканчивается, когда ты в нем погибаешь. Ирисса тоже просто исчезнет, если мы сейчас убьем ее. Но мы не будем этого делать. Она убивает шик'чи'зо, а значит, наш союзник, и мы не станем с ней ссориться. Или разбей себе голову о ближайшую сосну, или убеди ее оставить тебя в покое — только тогда все это прекратится».

— Да она же говорить не умеет...

«Умеет. Просто не хочет».

— А почему бы вам с ней не поговорить? — предложила девушка.

«Она слишком гордая, чтобы говорить с одолевшими ее таг'арами. Нам просто повезло, что мы напали на нее, когда она была уязвима».

— Как все сложно... — на Юрику накатил волна раздражения. — Эй, Ирисса, ты меня слышишь? — она постучала по широкому кошачьему лбу, умудрившись при этом не оставить руку в рысьей пасти. — Я к тебе обращаюсь!

«Ты хочешь с ней просто поговорить или довести до крайней степени бешенства?» — как бы между прочим поинтересовался Маламут.

— Я бы в любом случае была в бешенстве, если бы в мою ногу вцепилась самоуверенная наглая псина. Без обид, я просто ставлю себя на ее место, — Юрика как бы извинилась перед изумленным такой неблагодарностью таг'аром. Он промолчал.

«Отпусти,» — мыслеголос принадлежал Ириссе. Юрика подпрыгнула от удивления, а вот Хоро и Маламут остались начеку, не позволив себе ослабить хватку.

«Не отпустишь — убью,» — рысь приложила к угрозе крайне кровожадный послы-обещание. Но Юрика ему не поддавалась.

— Судя по тому, что ты заговорила со мной впервые за... — Юрика запнулась,

пытаясь вспомнить, когда именно начались эти сновидения, — много лет, сейчас ты оказалась в безвыходной ситуации, когда твои клыки и когти уже не решают ситуацию. Давай попроще, а?

«Убью. Просто».

— Я не в том смысле... Но это была попытка юмора, да? Значит, ты умнее, чем я себе представляла. Ведь я решила, что ты создаешь такие вот пространства и захватываешь мое тело благодаря инстинктам, а не разумным и осознанным действиям. Но если это не так и я ошиблась, то это значит, что мы можем договориться. Два умных человека всегда смогут договориться, верно?

«Убью. Потом,» — невероятно, но Ирисса поразмыслила над словами Юрики и дала свой ответ. И в тот же миг Хоро и Маламут разжали свои клыки, отпуская рысь на свободу.

— Вы что творите?! — взвизгнула Юрика, упав на спину и быстро отползая в таком забавном и беспомощном положении назад.

«Она же пообещала не нападать здесь и сейчас, — ответила невозмутимая Хоро. — У нас нет причин не доверять ей».

Юрика стукнулась затылком о дерево — отступить было больше некуда. Ирисса, постепенно увеличиваясь в размерах, подошла к ней и опустила свою морду, поднеся огромный бархатный нос к ее лицу.

«Кза'си,» — произнесла Ирисса, застыв в таком положении. Юрика не смела шевельнуться.

— Чего?

«Белка, — перевел Маламут. — Но если бы она хоть раз увидела обезьяну, ты бы получила совсем другое прозвище».

— Как мило... — вымученно улыбнулась девушка, находясь не в том положении, чтобы парировать явный выпад пса в ее сторону. И резко ударила лбом в кошачий нос. Промажнулась — Ириссе хватило предыдущего раза, чтобы научиться предвидеть подобную неожиданную атаку. Отшатнувшись, она только фыркнула в ответ, рассматривала Юрику еще некоторое время, развернулась и ушла.

«Мы снова придем на помощь Кза'си, если ты нападешь на нее,» — крикнул вдогонку рыси Маламут. Она его проигнорировала.

«Сейчас ты вернешься домой,» — предупредила Юрику Хоро.

— Э-э... Спасибо, — девушка поспешила хотя бы так поблагодарить псов за помощь, но они уже исчезли. Вместо них она увидела перед собой дядю и Просперо, которые почему-то смотрели на нее с огромным беспокойством. Снег и сосны пропали, она стояла у костра под ивами в их временном лагере.

Глава 39. Рыцари Дома Лэйт

Ранмаро легко нашел Викторию в темной лесной чаще, но не спешил догнать ее. Его сестра, погруженная в свои мысли, при свете одних только Луны и звезд собирала сухой хворост, и ему не хотелось нарушать ее тихую сосредоточенность на деле... слишком скучным способом. Они оба хорошо видели в темноте, но она все еще не заметила его, и парень решил этим воспользоваться.

Ему подчинялся воздух. Конечно, до уровня Дженази еще очень далеко и он не сможет сжать газ до плотности бетона или разредить его до состояния вакуума, но удивить такой мистической способностью можно и иначе. Например, если знать, что звук — это колебательные движения среды. Если вещество не колеблется, то и звука нет. И Ранмаро мог повернуть такой трюк с воздухом.

Очень осторожно он подкрался к Виктории со спины, заглушая треск сухих веточек и шорох опавшей листвы под ногами. Приблизившись на расстояние вытянутой руки и убедившись, что остался незамеченным, он дотронулся до ее плеча, резко присел и низким кувырком ушел в сторону, стремясь оказаться как можно дальше от эпицентра бури.

Ранмаро понимал, что Валерия сделала многое для того, чтобы они не стали высококлассными бойцами, способными изменить соотношение сил между Вердиро, Судо и Дакиэрро, и не влезли в более чем вековое противостояние бывших Гвардейцев. Но кое-какие основы она им в головы вбила. Например, никогда не застывать от неожиданности, когда кто-то бесшумный в густом темном лесу хлопает их по плечу. Ранмаро научился в подобных случаях мгновенно разрывать дистанцию между собой и тем, что застало его врасплох, будь то человек или неведомое чудище. А вот Виктория могла запросто нанести превентивный удар, чтоб nepовадно было подкрадываться.

Так она поступила и сейчас. Резко развернувшись, девушка швырнула охапку сучьев в предполагаемого шутника и не обнаружив перед собой оного, но точно зная о его присутствии, ударила по площади вокруг себя, замораживая землю и воздух в радиусе трех метров. Ранмаро был достаточно быстр, так что досталось только его кроссовку. Пальцы на ноге слегка подмерзли, и в ответ он толкнул Викторию направленным воздушным потоком.

Девушка отступила на несколько шагов — Ранмаро бил далеко не в полную силу — и выбросила в его сторону правую руку. Что-то небольшое, холодное и твердое стукнуло его прямо в лоб, «выключив» на пару секунд свет.

— Ого, — произнес парень, возвращая тело в состояние равновесия и нащупывая рукой будущую здоровенную шишку. — Я же пошутить просто хотел.

— Ха-ха, — ответила Виктория, выравнивая учащенное дыхание. — Тебе повезло, что я догадалась, кто со мной играть вздумал. Могла бы и что-нибудь острое бросить. Кретин...

Ранмаро в ответ только беспечно улыбнулся, ничем не выдавая запоздалое осознание возможного исхода своей шалости. Действительно, сестра могла попасть не в лоб, а в глаз, и не ледяным шариком, а сосулькой с твердым, как у шила, острием.

По телу прошла нервная дрожь.

— Извини... — он сразу подумал о том, каково сейчас Виктории, которая представила, как могла запросто убить придурочного братца. — Я думал, что смогу от всего увернуться.

— Дурак, — она снова обозвала его, но уже просто по инерции. Ее злость улетучилась, оставив после себя странную печаль. Махнув на Ранмаро рукой, она вернулась к

прерванному им занятию. Парень без лишних слов принялся ей помогать.

— Мы совсем слабые, да? — спросила она у него внезапно.

— Да, — без раздумий ответил Ранмаро.

— Я не осознавала этого до тех пор, пока позавчера мы не встретились с отцом... с Ичиро, — сердито поправила себя Виктория.

Ранмаро решил промолчать о том, что свою слабость он понял во время активного знакомства с Дженази днем ранее.

— Если подумать, то все эти годы мы были словно золотые рыбки в аквариуме — тихом и безопасном. Волнения иногда случались, но в них не было ничего такого, с чем мы не могли бы справиться. Фламби был нашей территорией. А сейчас аквариум вылили в океан... Скажи, тебе страшно?

Ранмаро задумался.

— Сейчас, когда ты об этом сказала... Да, если подумать, это должно быть страшно, — интонация его голоса утверждала обратное. — Без дяди мы будем совершенно беспомощны, напади на нас «Стая» или «Рассвет». Но ведь для нас теперь нет безопасных мест, не так ли? Мы своими глазами убедились, насколько Ичиро силен, и если рядом не будет дяди, Белгорро или Кенсэя, нас захватят и отправят на Судо.

— Ты так спокойно об этом рассуждаешь, — нахмурилась его сестра. — словно тебе на самом деле все равно.

— Мне не все равно, — спокойно покачал головой Ранмаро. — Я не хочу, чтобы меня брали в плен и отправляли куда-либо против моей воли.

— Даже если это будет дом Ришари? — Виктория знала, что прямо сейчас начнет жалеть о своей резкости с братом, но не могла остановиться.

Ранмаро молча нагнулся за очередной сухой веткой. Рассмотрел ее внимательнее и выбросил. Потом за ней последовал и остальной уже собранный им запас дров.

— Это все не то, они за час сгорят и нам придется снова сюда идти, — объяснил он Виктории. — Нужно найти нормальное бревно.

Виктория осознавала, что затрагивает совсем не ту тему, на которую Ранмаро готов говорить откровенно, но внезапно поняла, что должна добиться от него ответа.

— Что ты будешь делать, когда встретишься с матерью?

Ранмаро вздохнул, понимая, что сестра уже не отстанет. Подумал еще о том, что раньше она вообще мало интересовалась тем, что на самом деле у него на душе — по той простой причине, что была на все сто процентов уверена, что знает его как саму себя. Считала, что ему все нипочем и он ни о чем не волнуется всерьез.

В принципе, если подумать, то она совершенно права.

— Я не знаю, — честно ответил Ранмаро и улыбнулся. — Совсем не представляю, что буду делать, когда увижу ее. Наверное, все же разозлюсь, хотя сейчас на нее сердиться у меня не получается. Даже если она убила отца. Я ведь все равно ничего не могу с этим поделать, ведь она так далеко. Не хочу даже думать об этом.

Его ответ получился очень простым и легким, но горло Виктории сжал болезненных спазм. Сдавило ребра, она не могла сделать нормальный вдох.

— Но как все-таки здорово, что дядя теперь с нами, — продолжил он после небольшой паузы. — По-крайней мере теперь я могу быть уверен, что все будет хорошо.

«Как же ты жил раньше, уверенный, что в будущем тебя ждет Тьма по имени Ришари? — подумалось Виктории. — Как ты мог так легко улыбаться, никогда не забывая об

обстоятельствах своего рождения? И как я не смогла заметить все это раньше?»

— Ты так в него веришь? — спросила она вслух.

— Да. Он же легенда, верно? Помнишь, что говорил Белгорро? «Если бы Дженази не пропал, ничего этого бы не было. Все было бы как надо».

«Нет, все не так, — мысленно возразила себе же девушка. — Я всегда знала, какую боль Ран скрывает в своем сердце. Просто ничего не могла с этим поделать и решила больше не замечать ее. Заставила себя видеть его таким, каким он хотел выглядеть в моих глазах — веселым и беззаботным. Я так долго подыгрывала ему, что сама в это поверила».

— Белгорро мастер выдавать шутки вроде этой, — возразила она брату.

«С нами все время было что-то не так. Как бы мама не старалась, но она не могла смягчить, сгладить все кошмары из своих рассказов о прошлом. С малых лет мы чувствуем этот ужас неизбежного будущего — встречу с Гвардией Хаоса. Мы росли, постоянно помня о жутком океане за стеклом нашего аквариума. В страхе. И отказывались признавать это».

— Но ведь он оказался совершенно прав! — воскликнул Ранмаро. — Дядя очень силен, даже умеет вытягивать людей с того света.

«Так не может дальше продолжаться».

— Ран, — Виктория подняла глаза к ночному небу, усеянному бесчисленными яркими звездами. — Мы должны измениться.

Сначала Ранмаро оказался сбит с толку неожиданной фразой сестры, но потом внимательнее присмотрелся к ее серебряному силуэту в свете ночного неба и вспомнил, что кто как не он должен лучше всего понимать ее. Даже без слов. И сказать то, что ей нужно услышать.

— Ты должна измениться, — весело и в то же время серьезно ответил он. — Я себя полностью устраиваю. А вот ты забиваешь свою голову совсем уже глупыми вещами. Дядя ведь уже сказал тебе: «Смешно забивать себе голову проблемами, которые решаются без особого труда».

— Я посмотрю, как ты решишь проблему разницы в силе между нами и Ичиро...

Вместо ответа Ранмаро направил ладонь на обнаруженное им полностью сухое дерево и высвободил импульс мистической энергии. Предельно сжатый сгусток воздуха ударил в центр ствола и расколол его на части.

— Дядя научит нас, как стать сильнее, — ответил он, когда стих шум, поднятый упавшим деревом. — Нам ведь даже не нужно ждать, пока он решит рассказать нам что-то ценное. Достаточно просто наблюдать за ним.

Расколов ствол на удобные для переноски куски, Ранмаро и Виктория двинулись обратно, нагруженные дровами сверх меры. В темноте по лесу с таким грузом идти было неудобно, но девушка взяла решение этой проблемы на себя.

«Наблюдать за дядей, значит,» — она подумала о том, что для того, чтобы раздвинуть озеро, он должен был чувствовать его до самого дна. И мог проделать это с закрытыми глазами. И попробовала ощутить, как и Дженази, окружающую ее воду. К ее удивлению, сначала она обнаружила само озеро — сотни тонн воды, к которым тянулся ее внутренний источник мистической способности. Потом — нечто вроде подземного ручья под ногами. Затем на фоне бесчисленных токов воды внутри окружающих ее деревьев ощутила

присутствие Ранмаро. Мысленно отмахнувшись от его образа, сосредоточилась на том, чтобы детализировать получаемые ощущения от содержащейся в растениях воды. Прочувствовала каждый ствол дерева, каждый корень под ногами и, что наиболее важно, каждую ветку на пути. Если их заморозить, они станут только прочнее, а вот если просто вытянуть из них жидкость, рассыпятся под собственной тяжестью.

Не трогая сами деревья, Виктория уничтожила всю зеленую поросль и ветки на своем пути, прокладывая к озеру полноценную тропу. Открывшаяся возможность бросала в дрожь в первую очередь саму девушку.

«Это ведь на самом деле... противоестественно. Зачем вообще нужны такие мистические способности?»

По возвращению они обнаружили сидящих вокруг костра Дженази, Просперо и Юрику с пустыми мисками в руках и немым укором в глазах в адрес задержавшихся дроводобытчиков. Ранмаро стало неловко за то, что они заставили голодных спутников ждать, чтобы приступить к ужину всем вместе, а вот Виктории было не до этого — она обнаружила безвозвратно потерянную палатку. Точнее, то, что от нее осталось.

— Что случилось? — с подозрением спросила она, сразу заподозрив в происшествии Дженази.

— Я... случайно, — к ее удивлению, на вопрос ответила Юрика, которая старалась не встречаться с ней взглядом.

— Наверное, это будет весьма занимательная история, — произнесла мрачная Виктория. У них осталась одна палатка — трехместная, предназначенная для мужской части группы.

Поужинав и выслушав историю Юрики, отряд занялся решением вставшей перед ними бытовой проблемы. Ночевать в палатке не хотелось уже никому — Дженази не собирался изначально, Просперо и Ранмаро было неудобно перед девушками, Юрика боялась лечь спать рядом с кем-либо из-за возможности возвращения Ириссы, а Виктория не хотела занимать палатку одна. В итоге было решено ее свернуть и ночевать в спальниках прямо на траве, доверив защиту от ветра и внезапных осадков кронам ив.

Дежурить у костра остался Дженази. Ему было о чем подумать и что вспомнить. Сначала Кенсэй, потом рассказ Юрики о Хоро и Маламуте — ему невероятно повезло, что племянница ничего не успела им о себе рассказать. Эти двое получили свои имена от Саи и верно служат ей, помогая сестре выследить его. Однажды им это почти удалось, и он только чудом избежал нежелательной встречи. Так как таг'ары за пределами Волчьей Зимы так же сильны, как и г'ата, Дженази пришлось бы на время покинуть племянников, чтобы сбросить подобный хвост, а он чувствовал, что этого делать ни в коем случае нельзя. Что-то приближалось. Что-то злое и опасное.

Мысли Дженази вернулись к Кенсэю. Он был рад встретить своего бывшего учителя, но радость эта была почти незаметна на фоне других, более сильных эмоций. Например, гнева. Сто пятнадцать лет назад он не был готов высказать Акаяме все то, что терзало его сердце и душу. «Виновен!» — Дженази хотел крикнуть это ему в лицо, но сдерживал себя. Сдержал и

сегодня. Он не знал, следует ли ему так поступить, или оставить Кенсэя в неведении, чтобы оставить прошлое в прошлом. К тому же это был бы очень личный разговор, о котором никому не следовало знать.

Никому.

«Винсента, — тоска по приемной дочери снова сдавила сердце Дженази. — Зачем Кенсэй рассказал тебе это? Почему он не выполнил мою просьбу? Безответственный дурак...»

4 апреля 889 года, Железный Архипелаг, остров Пемто, причальная башня Аккаара.

Валериан Лэйт стоял прямо перед Дженази и Ришари и впервые за многие годы не собирался убежать. Он замер с обнаженным мечом в руках прямо в центре большой круглой площадки на вершине трехсотметровой причальной башни медленно угасающего портового города Аккаар, некогда одного из крупнейших экономических центров Железного Архипелага. От площадки, устрояюще протягиваясь в воздухе над далекой землей, отходили двенадцать пятидесятиметровых стальных лучей-причалов, из которых только один был занят воздушным кораблем. Тем самым, на котором последний из дома Лэйт собирался увезти своих детей — Валерию и Кристиана.

— *Это конец, Валериан, — произнес Дженази. Его голос был сух, но за короткой фразой скрывалось мрачное торжество Гвардейца Хаоса, и смертный приговор. Путь к этому моменту занял десятилетия страшных войн и неисчислимых жертв, бесчеловечных решений и самых чудовищных преступлений. Было пролито так много крови, предостаточно, чтобы заставить любого безумца осознать, сколь темным был выбранный путь, но отчаянная решимость г'ата заставила его отказаться от самого себя ради веры в то, что смерть последнего Лэйт положит конец всем войнам. Осталось принести последнюю жертву, исправить глупую ошибку прошлого — и все закончится.*

Сильные порывы ветра разведали золотые волосы Валериана и полы его длинного белого плаща, но сам он стоял непоколебимо, словно вплавленная в причальную платформу стальная статуя. Это впечатление усиливала высокотехнологичная серебристая броня из идеально подогнанных друг к другу тонких пластинок, под которыми находился плотно прилегающий к телу слой из полимеров и углеродистого волокна. Элитный боевой экзоскелет Небесных Городов был подобен второй коже и напрямую подключался к нервным окончаниям владельца, в десятки раз увеличивая физическую силу. Но вовсе не он позволил выжить Валериану во всех предыдущих схватках с Гвардейцами.

— *Конец? — спокойно переспросил Лэйт. — Я не проиграю никому из вас. Особенно тебе, убийца.*

— *Самоуверенное заявление для того, кто всегда спасался бегством, — с усмешкой ответил Дженази. — Пытаюсь и не могу вспомнить, чтобы ты хоть раз попытался отомстить за смерть Лэйлы. Из тебя вырос ужасный сын. Просто отвратительный. Если бы я знал, что ее смерть будет напрасной, ни за что бы не стал пачкать в ее крови свой меч, — и он подчеркнуто медленно извлек клинок из ножен, поигрывая отраженными от лезвия солнечными зайчиками.*

Валериан смог сохранить маску холодной невозмутимости на нестарющем лице. Он

не мог позволить себе проявление эмоций и допустить здесь хоть малейшую ошибку. К тому же это был не первый раз, когда Гвардеец провоцировал его сделать первый шаг в заведомо неравном бою.

— Старая пластинка, Гвардеец. Не учишься на своих ошибках. Я знаю, что не могу убить тебя, и если ты и дальше продолжишь трепаться языком, снова уйду. Что толку тратить на тебя свое время?

— Разве ты не тратишь сейчас свое время? — подчеркнуто удивленно спросил Дженази. — Садись на свой корабль и улетай, тебя ведь здесь ничего не держит. Ведь так?

По лицу Валериана пробежала легкая тень. В синих глазах отразился намек на страх. Дженази позволил себе наигранную злорадную усмешку.

— Хотя нет... Ты же должен дожидаться своих ребяташек. Валерию... Кристиана... Мы не знаем, где они сейчас, но знаем, где они скоро появятся. Здесь. И ты не сбежишь, нет. Если только не хочешь снова стать последним из Дома Лэйт. Тебе придется убить нас, — почти ласково добавил Дженази. — Или мы убьем их.

Взгляд Валериана сместился вниз и влево, и Дженази понял, что Лэйт пытается связаться с детьми с помощью имплантированного в череп коммуникатора.

— Связь не работает, — произнесла Ришари, отойдя к самому краю платформы, огражденному высокими решетчатыми перилами. — Я заглушила ее. Хочешь предупредить детей — убей меня, — и она со вспышкой и громом молнии мгновенно перенеслась на противоположный край площадки.

Тело Валериана окружило мягкое золотистое сияние. Источником были его кожа, волосы, одежда и броня, заряженные странно вида мистической энергией.

Ришари покачала в воздухе указательным пальцем.

— Нет-нет-нет, сначала тебе придется победить Дженази. Я пообещала ему не вмешиваться — он хочет прикончить тебя лично.

Валериан не ответил. Золотое сияние вспыхнуло еще ярче и рассекло пространство между ним и Ришари, мгновенно перенеся Лэйт к цели. Но прямое лезвие его меча разрубил только перила, на которых только что сидела сестра Дженази, которая снова оказалась на противоположном краю платформы.

— Я же сказала, что не буду сражаться с тобой, — ответила она. — Свет быстрее молнии, конечно, но пока ты доберешься до меня, детишки уже здесь будут. А ведь Дженази еще жив, — и Ришари залилась странным счастливым смехом, запрокидывая голову. Ее длинные белые волосы водопадами заструились по черному плащу с рукавами, только подчеркивающему изумительные формы тела — девушка была невероятно красива и безжалостна одновременно.

Словно не слыша этих слов, Валериан снова обратился в свет и атаковал ее. Ришари молнией сменила позицию, но оказалось, что к ней был направлен только фантом, в то время как настоящий Лэйт атаковал Дженази. Их мечи столкнулись — Гвардеец предвидел подобный ход, но все равно едва успел отразить атаку.

Общеизвестно, что Дом Лэйт веками практиковал мистическое искусство управления воздухом, но остальные девять Великих Домов признали его неоспоримое лидерство из-за еще одной мистической способности, которая была глубоко скрыта в каждом представителе этого рода — «Рыцарь Света». Способность, позволяющая мгновенно перемещаться в пространстве в виде электромагнитных лучей, искажать пространство-время, игнорировать законы инерции и создавать иллюзии. Основатель Гвардии Хаоса,

Фридрих Бронзлебен, определил обладателей этой могущественной способности как одно из наиболее серьезных препятствий на пути к своей цели и приказал любой ценой уничтожить Дом Лэйт. Пока он существовал, цивилизация Небесных Городов сохраняла единство — «Рыцарь Света» Великого Дома Лэйт был знаменем и символом их величия.

Дженаси отразил еще два удара, и Валериан отступил. Ему ничего не стоило мгновенно изменить положение тела в пространстве или траекторию движения меча, но двигаться в пространстве со скоростью света как объект, обладающий массой, он не мог — в противном случае мог бы ударом кулака уничтожить целую планету. Поэтому Гвардеец парировал его атаки; давно прошли те времена, когда он мог пропустить удар в бою с кем-то, чьи способности напоминают мистическую силу Мисторг. Валериан Лэйт был на два порядка сильнее Дэмиана Александра Мисторг, но ему следовало считаться со скоростью Дженаси и его способностью предсказывать действия противника.

Наступила очередь Гвардейца атаковать. Пока Валериан использовал «Рыцаря Света», Дженаси не мог воздействовать на его тело напрямую, чтобы заморозить, разорвать изнутри или хотя бы устроить внутреннее кровотечение. Неэффективными были и дистанционные атаки — предыдущие стычки показали, что Лэйт предвидит их и легко уходит от удара. Оставался только рукопашный бой на предельной скорости, в котором даже безупречная реакция Валериана даст осечку. И для начала нужно было как следует разогнаться.

Валериан легко отразил удар меча, переместился вбок и сразу же оказался у Дженаси за спиной, чтобы потом ударить сверху, и, зависнув в воздухе необычно мерцающим образом, градом ударов прижал его к земле. Молниеносные выпады меча следовали один за другим; порой казалось, что Лэйт бьет одновременно со всех сторон — он использовал иллюзорных двойников, чтобы сбить Гвардейца с толку. Это мог быть фантом, нападавший с противоположной стороны или закрывавший собой самого Валериана, чтобы тот мог внезапно ударить сквозь его невещественное тело.

Дженаси перешел в глубокую оборону — с таким яростным натиском он столкнулся впервые за свои восемьдесят восемь лет жизни. Валериан оказался самым талантливым мастером меча, с которым ему когда-либо приходилось встречаться, и который к тому же обладал едва ли не сильнейшей мистической способностью в мире. Сильнейший. Да, Валериан оказался сильнейшим из его врагов.

Удар. Удар. Еще удар. Столкновение и пронзительный звон стали, гул и свист рассеяемого воздуха. Мерцающие силуэты противников — глаз постороннего наблюдателя улавливает лишь остаточные изображения их тел, а клинки и вовсе стали размытыми сверкающими облаками, заполнившими пространство между Дженаси и Валерианом. Пойди сейчас дождь — и ни одна капля не коснется их, отраженная небрежным взмахом меча.

Еще один удар. Валериан вложил в него столько мощи, что меч Дженаси, отброшенный назад, ранил бы его самого, не будь заточен только с одной стороны. Гвардеец покачнулся, потерял концентрацию и принял оказавшегося за спиной фантома за настоящего Валериана. Чтобы отразить фальшивую атаку, он перехватил меч обратным хватом и завел его за спину, полностью открыв лицо, шею, грудь и живот. И Лэйт ударил, рассекая тело Дженаси надвое мощным горизонтальным ударом.

Но рассеченным оказался только плащ — Гвардеец выскользнул из него, выпустив меч

из рук, и нырнул вниз, чтобы вслед за этим тяжелым ударом ноги отшвырнуть от себя Валериана.

— Уверен, ты способен на большее, — произнес Дженази, подбирая клинок. — Ты обязан быть способным на большее! Ну же, удиви меня. Порази мое воображение! Или умри.

Гвардеец оттолкнулся от стальной платформы, разгоняя тело до гиперзвуковой скорости. Меч отсек прядь волос Валериана и теперь ему следовало остановиться, как и самому Дженази — инерция тащила его дальше, прочь от Лэйт, а в перспективе и от портового города Аккаар, в море. Он не мог затормозить иначе как врезавшись во что-то монолитное, из гранита или армированного бетона.

Дженази остановился, уплотнив до прочности бетона воздух перед собой. Пережил чудовищную перегрузку, едва не размазавшись о собственное же творение, погасил импульс и оттолкнулся от него на той же невероятной скорости, чтобы снова атаковать. Валериан отскочил в сторону, опасаясь заблокировать подобное, и тем самым потерял инициативу в бою; меч Дженази трижды рассек его броню, нанеся неглубокие раны.

Остановить Гвардейца было невозможно, кровь г'ата кипела, пробуждаясь, и сердце билось с невыносимой частотой, чтобы позволить телу выполнить волю хозяина. Ограничения, накладываемые на тело законами природы, должны были вот-вот пасть — Дженази обратился к энергии Волчьей Зимы, реальность в которой действовала по иным принципам. И ему внезапно стало жаль Валериана — как и любой другой обитатель этого мира, он ничего не мог противопоставить боевой мощи г'ата.

Лезвие меча Дженази рассекло левую бровь, веки и скулу Лэйт, повредив стекловидное тело глаза. А затем Гвардеец ударил прямо в сердце. Валериан не мог ни отразить удар, ни увернуться, но все равно совершил чудо — клинок остановился в миллиметрах от сердца и был отброшен назад, потом из тела Лэйт в небо ударил столб золотого света, яркий и интенсивный. Мистическая энергия словно прорвала сдерживающую ее плотину и обрета физическую плотность. Отбросила Дженази назад.

— Да, верно, — прошептал Гвардеец, едва сдерживая изумление и ликование. — То, что нужно.

Валериан, излучающий океаны мистической энергии, не двигался с места, но вокруг Гвардейца один за другим стали появляться сотканые из света фантомы. Сначала он принял их за точные копии противника, но присмотревшись, понял, что все они отличаются друг от друга лицами, одеждой и телосложением. Одного из них он даже узнал — Валентина Лэйт, предка Лэйлы и Валериана, убитого ныне покойным Гвардейцем по имени Витторио.

— Интересно... — произнес Дженази, когда оказался в окружении двенадцати предыдущих глав Великого Дома Лэйт. И не сразу понял, почему остался без руки. Когда до него дошло, двенадцать полупрозрачных золотых клинков рассекли его тело на куски. Рассечена оказалась даже голова, дважды отделенная от тела.

— Понимаю... — Дженази не распался на части только потому, что удерживал их с помощью мистического контроля над жидкостями своего тела. А потом сработала регенерация г'ата, которая восстанавливала не только тело, но и мозг вместе с памятью и личностью. — Эти фантомы двигаются со скоростью света, а их мечи могут рассекают материальные объекты. Совершенная атака. Ты порази мое воображение, Валериан.

— Ты умрешь, — ответил Лэйт.

Дженаси улыбнулся.

— Посмотрим.

Он сделал шаг вперед. Фантомы сверкнули, рассекая Гвардейца на части, но он не остановился. Дженаси приближался к Валериану в виде удерживаемых вместе одной только мистической силой кусков плоти, которые даже не кровоточили — Гвардеец не позволял своей крови пролиться.

Фантомы увеличили интенсивность своих ударов, измельчая тело Дженаси так, словно оно угодило в блендер, и все равно это было бесполезно. Он подстегнул свою регенерацию до такого уровня, когда плоть срасталась вслед за разрубившим ее клинком и он проходил сквозь нее, словно и сам Гвардеец был фантомом.

— Просто я — чудовище, — объяснил он Валериану, оказавшись с ним лицом к лицу. И прочертил мечом в воздухе горизонтальную черту. Двенадцать фантомов объединенной атакой смогли отсечь удерживающую его руку, но удар нельзя было остановить просто так — под действием мистической способности она продолжила свой полет самостоятельно.

Бьющий в небо поток золотой мистической энергии иссяк. Голова Валериана с глухим стуком ударила о стальные плиты платформы причальной башни. Дженаси не знал, почему Лэйт не смог увернуться. Может быть, не мог двигаться, пока действовали фантомы-призраки его предков — слабая сторона такой мощной мистической способности. А может быть потому, что и его воображение было поражено способностью Гвардейца.

— Если бы ты жег плоть, а не рассекал ее, победа была бы за тобой, — произнес Дженаси, когда рухнуло и обезглавленное тело последнего из Дома Лэйт. Он не сказал ему, что боевые дроны Гвардии уже должны были разорвать на части его детей. Для этого Ришари на самом деле и заглушила всю радиосвязь в округе — чтобы никто из их телохранителей не смог позвать Валериана на помощь. Правда, из-за этого и сами дроны не могли отчитаться о завершении своей миссии, но в их успехе Дженаси не сомневался.

Все было кончено. Он своими руками поставил точку в этой долгой войне.

— Если бы я только смог сделать это шестьдесят лет назад... — прошептал он одними только губами.

— Дженаси! — растерянный голос Ришари испортил весь момент, который был апогеем карьеры Дженаси-Гвардейца.

Он обернулся.

И встретился взглядом с побледневшей Винсентой, которая держала за руки маленьких Кристиана и Валерию. Дети с расширенными от ужаса глазами смотрели на мертвое тело отца.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он безжизненным, мертвым голосом. Тело его приемной дочери было покрыто кровью и глубокими ранами, одежда превращена в лохмотья. Это были следы битвы с дронами, которых он отправил за детьми.

Винсента, сбросив сковавшее тело оцепенение, шагнула ему навстречу, силой заставляя двигаться малышей. Они шли рядом с ней машинально, загипнотизированные отделенной от тела головой Валериана.

— Ты не понимаешь... — произнес Дженаси, когда они прошли мимо, направляясь к кораблю.

Ришари возникла рядом с братом и схватила его за руку.

— Я остановлю корабль, — с мольбой предложила она, пытаясь привлечь к себе его

внимание. — Дженази, мы должны что-то сделать!

Дженази промолчал, а сама она не решилась что-то предпринять. Против них выступила любимая Винсента, их общее и самое дорогое сокровище.

Девушка подвела детей к кораблю, обняла их и что-то прошептала, заставив сесть на борт. Люк захлопнулся, раздался гул двигателей. Справившись с этой задачей, Винсента повернулась лицом к приемному отцу и Ришари.

— Ты не понимаешь, они должны умереть, — сказал Дженази, тем не менее так и не сдвинувшись с места.

— Я не позволю, — покачала головой Винсента и направила на него меч.

— Ты не сможешь меня остановить, — ответил Гвардеец, делая первый шаг. Он собирался просто пройти мимо дочери и уничтожить корабль, который уже набрал скорость и улетал прочь.

— Прости, папа, — улыбнулась Винсента, — но я смогу.

Тело девушки вспыхнуло ослепительным белым светом, тяжелым и испепеляющим, и Дженази ощутил мощнейший выброс мистической энергии. Это была огромная сила, совладать с которой мог лишь он и другие Гвардейцы, но у Винсенты не было требуемой подготовки. Она сломала свои Врата, сдерживающие поток энергии Сердца Мира, и он хлынула в нее безудержным потоком, который девушка не могла контролировать.

Дженази бросился к Винсенте, сгорая в лучах только что созданной ею мистической звезды. У него не было времени подумать, кто подсказал ей, как сломать Врата; не было времени испугаться за свою жизнь. Он хотел только остановить это и спасти свою дочь.

Рука, тянувшаяся к растворяющейся в мистическом потоке Винсенте, сгорела дотла, сползла, обнажая мышцы, кожа. Регенерация работала в полную силу — и не справлялась с повреждениями. Будь Дженази еще сильнее, то смог бы выиграть еще долю секунды и запечатать Врата, но реальность была другой.

Ослепительная вспышка белого света поглотила весь его мир, прогремел взрыв, уничтоживший все в радиусе сотен метров. Ришари вытащила то, что осталось от брата, в самый последний момент, и тем самым спасла его от изгнания в Волчью Зиму. Винсента погибла. Валерия и Кристиан Лэйт спаслись и скрылись от Гвардии на целых десять лет. Тело Дженази восстанавливалось после полученных повреждений целый год. Разум — еще девять.

Душа не исцелилась до сих пор.

Глава 40. Сражение между небом и землей

04:50, 22 июля 1014 года. Федерация Вердира, республика Эладар.

Дженази не смыкал глаз всю ночь. И не только потому, что ему не нужен был сон или из-за тяжелых воспоминаний из прошлого. Он слушал лес. Ловил звук каждого живого существа в окрестностях, от лосей и медведей до червей и короедов. А когда и это не избавило его от тревожного предчувствия, стал вслушиваться в шелест каждого листика в этом лесу.

Он был совершенно безопасен. Ничто не представляло для них опасности на десятки километров вокруг.

Но Дженази знал, что на самом деле это не так. Тьма приближалась. Он начал чувствовать ее с момента пробуждения в доме Элизабет, и пытаясь обнаружить ее причину, позволил Юрике и Просперо угодить в ловушку. Кто-то, способный передвигаться совершенно бесшумно; без запаха; но не способный скрыть свою ненависть и жажду убийства. Вот только откуда они исходят, понять не мог.

Как-будто эту ненависть к ним испытывала сама земля.

Но источником ненависти может быть только чей-то разум.

Идея спровоцировать его, забравшись в подобную глушь, вчера показалась Дженази довольно удачной. И теперь он надеялся, что источник тьмы допустит хотя бы одну ошибку и выдаст себя, чтобы у него появилась возможность сразиться с ним вдали от ребят.

Правда, интуиция подсказывала ему, что рассчитывать на подобное уже несколько поздновато.

С первыми рассветными лучами лес пробудился ото сна и мир звуков стал ужасающе многообразным. Если враг хочет чьей-то крови, то сейчас самое время подползти еще ближе. Так бы сделал Августо — Дженази хорошо знал повадки первого Гвардейца. Но его г'ата засек бы уже давно, потому что как бы хорошо Августо не скрывал свое присутствие от людей, обмануть растения и животных ему никогда не удавалось. Они боялись его и начинали вести себя неестественно.

Когда солнце полностью поднялось над горизонтом, Дженази наконец услышал то, что указало на источник тьмы. Вздохнул и посмотрел на небо. Облаков для дела было маловато, поэтому прямо сейчас он начал стягивать к предстоящему полю боя всю атмосферную влагу, к которой только мог дотянуться.

Бесцеремонно поднял на ноги Юрику, Ранмаро, Викторину и Просперо.

— К машине — бегом марш! — приказал он им без всяких объяснений, да так резко, что ноги Ранмаро сами понесли его к другому берегу, и парень только там понял, что прошел прямо по воде.

Замерших от удивления девушек Дженази просто подтолкнул в правильном направлении, и они, подгоняемые его требовательным криком, так же прошли по озерной поверхности, не намочив ног.

— А вчера так нельзя было сделать? — проворчала Юрика, догадавшись, что дядя действительно может делать с водой все, что пожелает. Виктория схватила ее за рукав и потащила за собой, давая понять, что сейчас совсем не время для этого.

— Просперо, — Дженази остановил инспектора, прежде чем тот тоже ступил на

затвердевшую воду, — свяжись с Кенсэем. Ты знаешь, как.

Просперо ответил кивком, вспомнив образ Обсидиановых Врат.

Когда и он пересек озеро, Дженази направил свой взгляд в ту сторону, где в трех километрах от лагеря, в лесной чаще, стремительно росло ввысь дерево неопределенной породы. У его гладкого ствола не было боковых ветвей, только сферообразная густая крона на самой вершине.

Дженази мог видеть это, потому что уже сейчас дерево достигло трехсот метров в высоту. И продолжало расти.

— Глория, — произнес Дженази, приготовившись к прыжку. Она пришла за жизнью Ранмаро и Виктории, и чтобы остановить ее, бывшему Гвардейцу придется сражаться в полную силу.

В последний раз Дженази видел Глорию больше ста лет назад, и обстоятельства их новой встречи были более чем необычными. Всего через несколько секунд они оказались лицом к лицу высоко над землей, зеленый ковер леса под ногами г'ата был виден от края до края. Он стоял на созданной им платформе из уплотненного воздуха, напротив Глории, тело которой было наполовину погружено в ствол выращенного ею колоссального дерева. Видны были только голова и торс ярмиры, и Дженази отметил, что она ни капли не изменилась за прошедшие годы. Все такая же юная и прекрасная, словно молодой зеленый побег, украшенный весенними цветами. И все тот же направленный в пустоту взгляд абсолютно черных глаз без намека на зрачок. Никто не знал, как именно она видит с их помощью этот мир.

— Здравствуй, Глория, — поприветствовал ее Дженази. Пусть сейчас ее враждебные намерения были прозрачнее талой воды, когда-то они были почти друзьями.

— Ришари убила моего сына, — равнодушно ответила ярмир. — Твоя сестра.

— Но ты не можешь убить ни ее, ни меня, — Дженази рассматривал быстро сгущающиеся и наливающие свинцом облака. Еще немного.

Глория не могла не заметить сгустившиеся грозовые тучи, закрученные спиралью над ее головой, но не проявляла беспокойства по этому поводу. Ее не волновали даже вспышки молний и рокот грома, которые только начинали набирать силу. Поднялся ветер, обещающий перерасти в ураган.

— Я убью ее детей, — ствол колоссального дерева Глории перестал расти, зато стала увеличиваться в размерах его крона, окружая Дженази зеленым куполом и закрывая для него небо. — Кровь за кровь. Она будет страдать.

— Юрику ты тоже убьешь? — спросил г'ата.

Выражение обычно неподвижного лица Глории изменилось — ее удивили изумление и недоверие в голосе Дженази. Но она не стала у него ничего спрашивать.

— Дочь Кеншина, — уточнил он. — Или ты забыла об их общем ребенке?

— Нет, — ответила Глория. — Я помню. Однажды я пыталась убить ее, и теперь жалею об этом. Она все, что осталось от Кеншина. Я не трону ее. Но другие должны умереть.

— Любовь, ненависть, жажда мести... — развел руками Дженази. — Все в тебе есть. Кроме инстинкта самосохранения. Я не позволю тебе навредить им.

Глория изобразила загадочную улыбку, словно специально давая понять, что он

зablуждается.

— Ты правда думаешь, что смогла провести меня? — искренне изумился Дженази и выбросил вперед правую руку с согнутыми, словно когти хищной птицы, пальцами. Они медленно сжимались, раздавливая невидимый шар, а когда наконец сомкнулись в кулак, десятки молний соединили небо и землю, чтобы разорвать на куски туго сплетенные ветви дерева-великана. Зеленый купол вспыхнул и распался, осыпаясь на землю огненным дождем, но ствол уцелел, возвышаясь над лесом обугленной километровой колонной. Глория хотела укрыться в его сердцевине, но кулак сжатого воздуха сделал эту попытку бесполезной — в стволе колоссального дерева образовалась сквозная дыра с обугленными краями. Тело ярмиры было мгновенно уничтожено, и десяток следующих ударов такой же мощи разбили древесный колосс на куски.

Лес у его подножия был уничтожен на сотню метров вокруг.

Дженази стиснул зубы. Созданная им гроза распугала всю живность в округе, но не у всех зверей хватило прыти, чтобы вовремя убраться на безопасное расстояние, и он ощутил гибель пары десятков мелких грызунов. Вспомнил слова Смерти, которая объясняла ему бессмысленность чувства вины и попытки ее искупления. Она — Смерть — случается, потому что так определено Судьбой. Но если бы Дженази более тщательно отнесся к планированию своего сражения с Глорией, эти семьи белок и бурундуков не погибли бы. Он должен продолжать осознавать последствия своих ошибок и чувствовать чужую боль, чтобы сохранить ту часть себя, в которую когда-то поверила Нола. Это было его личное бремя — балансировать на грани между бесчувственным абсолютным оружием и уязвимой человеческой личностью — со своей верой в гипотетическую высшую справедливость и идеальный мир, в котором нет места бессмысленным смертям.

А ведь смерть грызунов была бессмысленна — Глория была жива и готова продолжить бой. Дженази оставалось утешить себя только тем, что на этот раз погибли не люди.

Больно. Упрямство Глории причиняло ему боль, потому что снова заставляло сражаться.

Искореженный лес под ногами Дженази ожил, устремившись вверх сотнями стремительно растущих древовидных побегов, которыми Глория собиралась схватить его, словно щупальцами осьминога. Девушка с ивовыми ветвями вместо волос и черными глазами была лишь частью подлинного тела этой ярмиры, ее сознание могло быть разделено между ним и всеми созданными Глорией растениями. Если бы можно было установить степень бессмертности живого существа, то она оказалась бы едва ли не на первом месте, так как пока цело хотя бы одно оставленное ею семя, ярмира сможет восстановиться из него. Учитывая, что за тысячу лет она оставила миллионы таких семян по всему миру, уничтожить окончательно ее можно будет только вместе со всей жизнью на планете.

Но слабость у Глории все же была — стремление существовать в хрупком человеческом облике. Она отступала, когда ее надолго лишали возможности принять его. А для этого требовалось обрушить на нее сокрушительный шквал ударов, уничтожающих все и вся.

Дженази поднялся выше, чтобы не угодить в цепкую хватку многометровых лиан, увенчанных шипами. Они были готовы последовать за ним на любую высоту и на любое расстояние, поэтому г'ата позволил пролиться ливню, который сдерживал все это время в облаках. Тугие струи дождя ударили по смертоносным растениям Глории, и сразу же Дженази создал сильнейшее торнадо, чтобы перемолотить ветви в разрушительном вихре воды и ветра. Чтобы усилить эффект, понизил температуру, превратил весь этот и без того

дикий хаос в смертоносную вьюгу.

И все же одна из ветвей ярмиры дотянулась до Дженази, чтобы поднять на его уровень человеческое тело Глории. Она держала в руке копьеобразную ветвь, на острие которой г'ата рассмотрел странную фиолетово-зеленую жидкость.

— Яд? — прокричал он сквозь ураган, останавливая новое оружие Глории в паре метров от своей груди — оно не смогло пробиться сквозь тугую стену воздуха, которую он выставил для своей защиты. И сокрушенно покачав головой, Дженази ударил молнией в ветвь-опору ярмиры. Сверкнув глазами, она упала вниз, угодив в разрушительные объятия ледяного вихря.

Становясь сильнее, стихия начала вырывать деревья с корнем, и Глория укрылась глубоко под землей, укрепляя почву сверхпрочным дерном. Дженази решил было, что она перешла в оборону, как вдруг длинный прочный шип ударил и отскочил от его воздушного барьера. Присмотревшись, он увидел в земле странные отверстия, и проверив их ударами молний, обнаружил под землей нечто похожее на огромные луковицы, начиненные шипами. И они стреляли.

— Прогресс... — Дженази оценил мистическую биоинженерию ярмиры, и обнаружив ее под землей, нанес особенно сильный атмосферный удар, дотягиваясь до нее на многометровой глубине. В ответ из образовавшейся дыры выстрелило целое дерево, разбрасывая во все стороны свои ветви.

Ситуация была патовой. Глория не могла до него дотянуться, он не мог ее убить, а мистической энергии их обоих хватит на недели подобного сражения. И вдруг он заметил, что ее человеческое тело разделилось надвое, и пока первая часть взяла на себя их поединок, вторая последовала за Просперо и его племянниками. Похоже было, что ярмира с самого начала рассчитывала на то, что Дженази отделится от своих подопечных, и решила нанести удар в спину.

Кровь г'ата захлестнул гнев. Конечно, он предполагал подобное, потому и попросил Просперо связаться с Кенсэем. Но ведь бывший учитель мог и не успеть...

— Ты помнишь, Глория? — голос Дженази был подобен раскатам грома, поэтому он был уверен, что она его слышит. — Ты помнишь, как и почему меня приняли в Гвардию?! Не заставляй меня использовать это снова!

У него еще остался козырь в рукаве. Очень неприятный и опасный козырь.

Глава 41. Выбор Дженази

Дженази не хотел этого. Он не хотел использовать эту силу снова. Она пожирала его изнутри, вымораживала душу, оставляя только ту часть, которая была накрепко привязана и многократно усилена чуждой реальному миру кровью г'ата. Одна ошибка, всего один неверный шаг за грань — и он навсегда утратит возможность снова стать самим собой.

Пусть он уже считал себя монстром, чудовищем, и был им на самом деле, но пока оставалась надежда вернуть себя прежнего, несмотря на всю пролитую кровь, причиненную боль и отнятые жизни — он отчаянно отрицал саму возможность навсегда перестать быть тем, кого можно назвать человеком.

20 июня 822 года. Небесный Город Дрэм-Къеко, шестая твердыня Великого Дома Столсанг.

— Джек, ты только посмотри на это! — с восхищением воскликнула Ришари, прижимаясь к плечу брата и указывая рукой вверх, на хрустальные башни Небесного Города Дрэм-Къеко и темно-синее небо над ними, просвечивающееся сквозь прозрачный силовой купол. Город парил над землей на десятикилометровой высоте, над ним не было облаков и казалось, что космос вот-вот прорвет атласную синеву небосвода.

— Чудесный вид, — согласился Дженази. Они вдвоем только что сошли с шаттла, который доставил их на посадочную платформу Небесного Города, и с изумлением созерцали открывшийся перед ними совершенно футуристический вид летающего поселения цивилизации космического уровня. Со стороны Дрэм-Къеко был похож на огромное серо-стальное блюдо, в которое воткнули металлические стержни и накрыли стеклянным куполом, но чем ближе они подлетали к нему, тем подробнее становилась его фантастическая панорама из стремящихся в небо серебряных линий, окрашенных мягким светом всех цветов радуги. Зеркальные стены и шпили соединяли небо и бетон под ногами, между ними сновали обтекаемые корпуса летающих машин, пролетающих сквозь большие и маленькие информационные голографические экраны, которые, казалось, регулировали каждый шаг каждого жителя этого города. Которые, в свою очередь, разительно отличались от обитателей поверхности.

Дженази, уже встречавшийся с жителями Небесных Городов, теперь убедился в своем предположении о том, что все они принадлежат к отдельной расе и очень похожи друг на друга. В Дрэм-Къеко их пригласил человек из Великого Дома Столсанг, который уже сообщил, что население Небесного Города составляет десятки тысяч человек, в то время как членов Столсанг здесь всего четыре сотни. От других их отличают темно-зеленые волосы и лиловые глаза, почти как у г'ата, только светлее, а во всем остальном они практически идентичны остальным, исключая разве что индивидуальные черты внешности. Все как один среднего роста и атлетического телосложения; прямые волосы и большие выразительные глаза, четко очерченные линии лица; небольшие прямые носы, округлые подбородки и мягкие линии губ. словно родные братья и сестры.

Впечатление всеобщей похожести усиливала мода на практичную и изящную одежду свободного покроя — и явно не ручной работы. Преобладали белые, серые и металлические

цвета, порой с вкраплениями синего и зеленого, из украшений — только серебро и платина. Кольца, браслеты, серьги, кулоны с прозрачными кристаллами, вероятно, алмазами, украшенные геометрическим орнаментом и вездесущим изображением звезды с девятью лучами. Она присутствовала на одежде, транспорте, стенах зданий и голографических экранах, а кое у кого и в виде татуировок.

— Это герб Великого Дома Столсанг, — объяснил сопровождающий Дженази и Ришари человек по имени Гуджи. Он не был Столсанг и принадлежал к их вассальному Дому Самри. Гуджи сообщил им, что население Небесных городов делится на три категории: Великие Дома — элиту этой цивилизации, Вассальные Дома — аристократию средней и малой руки, которых насчитывается около пятидесяти, и Малые Дома, составляющие большинство горожан. Они занимались техническим обеспечением поселений и служили Домам с более высоким статусом.

— Небесными Городами правит Совет Великих Домов, — продолжал свой рассказ Самри Гуджи, — но собирается он очень редко. Чаще всего это происходит из-за очередного крупного кризиса, вызванного Гвардией Хаоса, и тогда Совет возглавляет глава Дома Лэйт. Но десять лет назад они смогли убить его вместе со всеми старшими членами семьи, вассалы Лэйт смогли спасти только детей. И вы, уважаемый Дженази, спасли последнюю из них — Лэйлу. Если бы вы только раскрыли ее местоположение...

— Только после того, как вы убедите меня в том, что сможете обеспечить ее безопасность, — отрезал г'ата.

Ришари посмотрела на брата с удивлением. Она путешествовала с ним всего год и лишь недавно узнала о его связи с Великими Домами и Небесными городами. И ее смущало холодное отношение Дженази к их представителям.

— Как только она окажется под нашей защитой, Великие Дома мобилизуют все свои силы для обеспечения ее безопасности.

— Сомневаюсь в этом. Если верить вашим словам, Дом Лэйт был сильнейшим, и что от него осталось? Крошка Лэйла? Ей всего девять лет.

— Результат рокового стечения обстоятельств, — с печалью ответил Самри Гуджи. — И предательства Виктора Лэйт. Фридрих Бронзлебен хитростью и коварством убедил его перейти на сторону Гвардии Хаоса. А когда он сделал свое черное дело, его убил Витторио Коккинавье.

— Так же представитель Великого Дома, — хмыкнул Дженази.

— Его бывший наследник. Но и он погиб недавно — от руки некого Кенсэя.

— Моего учителя.

— Вы двое нанесли большой ущерб Гвардии, — вдохновенно подхватил Гуджи. — Если мы объединим усилия, ее кровавому террору придет конец.

— Чего вообще они добиваются? — спросила Ришари. Гуджи вел их к сплюснутому эллипсоиду флайра, дожидавшемуся их на краю платформы — на нем их должны были доставить к Бьену Столсанг, правителю Дрэм-Къеко.

— Нашей гибели, — ответил Гуджи. — Их цель — бессмысленное и беспощадное истребление этой великой цивилизации, — он окинул взглядом открывавшийся с платформы вид на Небесный Город. Фридрих и его прислужники безумны. Как можно желать уничтожения чего-то столь прекрасного?

Дженази и Ришари не нашли ответа на этот вопрос.

Через пару минут они мчались над улицами Дрэм-Къеко, в редком потоке летающих

машин. Пешеходов внизу было мало, потому что большинство горожан использовали общественный транспорт — серебряные змеи поездов на магнитной подушке.

Бьен Столсанг ждал их перед входом в огромную центральную башню Небесного Города, во главе целой делегации. Ее большинство составляли представители правящего Дома, людей с не зелеными не набралось и десятка.

— Дрэм-Къеко и его уважаемые Дома приветствуют спасителей Великого Дома Лэйт, — произнес Столсанг самого респектабельного вида. Как и все остальные встречающие, он был безоружен. Дженази догадался, что они полностью полагаются на свою мистическую способность, природу которой он не знал. Поэтому мечи на его поясе и поясе Ришари совсем не казались ему неуместными.

Г'ата ответили на приветствие сдержанным поклоном.

— Мы знаем, зачем вы позвали нас, — сказал Дженази. — Прошу не тратить время на лишние церемонии.

— Слова сильного, — с неприятным удивлением заметил глава Столсанг. — Мое имя — Бьен, и вы стоите под куполом моего Дома.

— Дженази, — взгляд г'ата не дрогнул.

— Ришари, — почти уверенно представилась его сестра.

— Предлагаю вам отдых после утомительного перелета, — Бьен старался не замечать приглушенный ропот сородичей за спиной, возмущенных непочтительностью гостей. Было похоже, что ситуация развивалась не по предполагаемому сценарию.

— Благодарю, но мы полны сил. Дорога заняла всего полчаса.

— Но вы обязаны воспользоваться нашим гостеприимством, — практически возвал к их совести Бьен. — Вы — дорогие гости любого Великого Дома.

— Я вижу здесь только Великий Дом Столсанг, — ответил Дженази, и недовольный ропот стих. Словно он попал в некую точку, болезненную для присутствующих.

— Вы будете приглашены на следующий Совет, — поспешно ответил Бьен. — Я уже отправил сообщение другим Домам.

— Хорошо, — кивнул Дженази. — Мы согласны воспользоваться вашим гостеприимством. До тех пор, пока не будет созван Совет Великих Домов. Только на нем я сообщу, где находится убежище Лэйлы Лэйт.

Дружелюбное расположение Бьена Столсанг испарилось, словно роса под лучами утреннего солнца, но он смог сдержать рвущееся наружу раздражение и жестом остановил вдохновенное возмущение своих подчиненных. Дипломатическая часть церемонии приветствия потерпела явный крах, но он еще не оставил надежды найти с обитателями поверхности общий язык.

«Они считают себя выше нас,» — убедился Дженази. И мысленно улыбнулся.

Ришари почувствовала его явный боевой настрой и с любопытством посмотрела на брата. Он не переставал удивлять ее с тех пор, как подарил ей вторую жизнь.

Так как Дженази категорически отказался вести переговоры с одними только Столсанг, их отвезли к другому зданию, которое с высоты было похоже на распутившийся цветок с десятками треугольным лепестков из стекла и стали. Внутри он оказался отелом для гостей высочайшего класса, но по глазам сопровождавшего их Бьена г'ата догадался, что Столсанг после всего произошедшего был бы не против поместить их в заведение по-скромнее, но отдавать новые распоряжения было уже поздно.

В отместку он попросил их сдать мечи, для которых принесли длинный металлический

футляр с кодовым замком. Выбор пароля в качестве жеста доброй воли оставили за их владельцами.

Дженази взял меч Ришари и вместе со своим клинком поместил его внутрь. Захлопнул крышку, безжалостно сминая пальцами бронированную сталь. Теперь открыть контейнер можно было только с помощью резака.

— Позаботьтесь о них. Это ручная работа.

Телохранители Бьена только пожали плечами в ответ на настолько очевидную информацию, забирая у него бронированный ящик. Мечи конвейерным способом штамповали только на оружейных заводах Небесных Городов, на поверхности не было подобной технологии.

— Дженази имеет в виду, что это его работа, — пояснила Ришари. — Он сам их выковал.

— Так вы еще и кузнец, — удивленно покачал головой Бьен. — Сколько же вам лет, раз вы успели в совершенстве освоить два пути мастерства?

— Двадцать один. Но вы ошибаетесь, я только начал изучение искусства меча, а оружейник из меня совсем никчемный.

— По вашим мечам не скажешь, — но глава Столсанг оставил за Дженази право на скромность.

Их сопроводили на самый верхний этаж отеля, который изнутри ничем не уступал своей наружной роскоши, если не превосходил ее. Таких дворцов не было ни у одного правителя поверхности — вывод Дженази был основан не на личном опыте (не так много он видел их изнутри), а на очевидном стремлении небесных мастеров использовать дизайнерские решения, основанные на достижениях их научно-технического прогресса. Прозрачные и зеркальные панели, голограммы и лазерные проекции, левитирующая мебель, приятная музыка из скрытых динамиков, лакеи-роботы — холл этого заведения мог служить музеем технологических достижений Небесных Городов.

— Я оставляю с вами господина Самри Гуджи, — сказал Бьен Столсанг перед тем, как покинуть Дженази и Ришари и отправиться по своим важным делам. — Он позаботится о том, чтобы была выполнена любая ваша просьба.

Г'ата обменялись красноречивыми взглядами — они и не рассчитывали на то, что их оставят здесь без надзирателя, которым и был, по факту, этот приятный молодой человек.

— Для меня приготовили номер этажом ниже, — сказал Гуджи, покидая брата и сестру через несколько минут после ухода Бьена. — Вы можете связаться со мной, просто громко произнеся мое имя — искусственный интеллект отеля выполнит соединение из любой комнаты в здании.

— То есть за нами ведется постоянное наблюдение? — уточнил Дженази.

Гуджи промолчал и поспешил удалиться.

— Ты расстроен, — Ришари, оставшись наконец с братом наедине, с наслаждением растянулась на огромном мягком диване в центре одной из семи отведенных для них комнат, три из которых находились на следующем этаже, попасть на который можно было по внутренней лестнице номера.

— Просто начинаю понимать, что связываться с Небесными Городами было не самым лучшим моим решением.

— Но ведь ты хочешь помочь этой девочке, Лэйле.

— Размышляю над тем, не сделаю ли только хуже.

— Мне здесь нравится, — Ришари сбросила с плеч свою серую накидку и приглашающе

похлопала ладонью рядом с собой. — Почему бы нам просто не отдохнуть? Мы за год пересекли половину континента и океан, и я не помню, чтобы нам приходилось хоть раз спать на приличных кроватях. Да и ванная здесь должна быть лучше, чем у любого императора. Кухня, думаю, тоже. Давай позовем Гуджи — мне уже есть захотелось.

— А потом ты потребуешь от него экскурсии по местным ювелирным лавкам и бутикам с одеждой...

— Они же пообещали нам любой каприз не за наши деньги. Ты нужен им, а я просто хочу воспользоваться их щедростью, — меркантильно улыбнулась девушка, затаскивая Дженази в свои объятия. — И расслабься наконец. Никто не собирается нас убивать. Пока еще.

Дженази поцеловал ее в щеку и погладил по длинным шелковистым волосам.

— Все-таки ты тоже успела привыкнуть к бесконечным неприятностям.

— Ага. Но я не жалуясь. С тобой хорошо везде и всегда.

Дженази только тяжело вздохнул.

После захода солнца и бесчисленных издевательств безжалостной Ришари над несчастным Гуджи Дженази впервые испытал отдаленное ощущение умиротворения. Сама атмосфера Дрэм-Къеко располагала к полноценному отдыху, его обитатели проводили свои дни без явных волнений и тревог, свойственных обитателям поверхности. Этот город был похож на рукотворный рай, горожане — на праведников, заслуживших вечное блаженство прижизненными добродетелями.

— Как думаешь, может ли быть здесь все настолько хорошо? — спросил он у Ришари.

Девушка пожалала плечами, вертясь перед зеркалом в очередном вечернем наряде без вырезов. Серебряная паутиная ткань плотно прилегала к коже, практически ничего не скрывая, так что декольте уже не требовалось.

— Как тебе? — спросила она, разглаживая несуществующие складки.

— Здорово, — сдержанно ответил Дженази, ловя себя на мысли, что идеальные формы сестры сбивают его с толку.

— У любой вещи в этом мире есть светлая и темная сторона, — практически неслышно прошептала Ришари, ее голос могло уловить только ухо г'ата. И с пониманием скрыла копной серебряных волос от взгляда Дженази свою объемную грудь. — Но нам ни за что не покажут грязные тайны этого города. Мы всего-лишь гости.

Дженази подошел к бронированному панорамному окну и посмотрел на огни вечернего Небесного Города. Внизу на страже стоял Самри Гуджи, да и камеры искусственного интеллекта наблюдали за ними даже в ванной — чувство такта было ему неведомо. Ришари, к слову, это нисколько не смущало. Человеку, ответственному за просмотр видеозаписей, несказанно повезет...

— Хочешь устроить незапланированную для наших гостеприимных хозяев прогулку? — угадала девушка. — Они заметят и придут в ярость.

— Зависит от того, что мы найдем, — так же тихо ответил Дженази.

— Я всегда с тобой, — улыбнулась Ришари. — Только переоденусь во что-нибудь более... практичное.

Практичными девушка посчитала открытые сандалии, темные брюки, белую блузку и черную кожаную куртку с магнитным замком-молнией. Дженази подумал и выбрал мужской

вариант подобного костюма, только из обуви отдал предпочтение туфлям — он был не против одежды, которую последний месяц носил на поверхности, но она резко выделяла его среди остальных жителей Небесного Города, а ведь им планировалось слиться с толпой. Идеальным вариантом было бы еще приобретение электронных гаджетов, которые были неотъемлемой частью повседневной жизни небесных жителей, но для этого за помощью пришлось бы обратиться к Самри Гуджи, предварительно объяснив, зачем им это.

Наконец они вышли на открытый балкон. Выше была только остроконечная крыша центральной башни-лепестка, в которой находился их номер. Электронный замок на стеклянной двери огласил номер, а возможно и весь отель, пронзительным писком.

Дверь балкона этажом ниже раскрылась, внизу показалась голова Гуджи.

— Решили подышать свежим воздухом? — ненавязчиво поинтересовался он.

Дженази покачал головой — сложности начались поразительно быстро.

— Отсюда лучше вид на город.

— Почему бы вам не подняться к нам, господин Гуджи? — слова Ришари прозвучали неожиданно притягательно, и вдобавок она кошкой выгнулась над перилами, демонстрируя снизунаблюдающим грудь в обтягивающей блузке.

— Пожалуй, я откажусь, — сдержанно ответил Гуджи, с трудом отводя взгляд. — Сообщите, если вам что-нибудь понадобится, — и поспешил скрыться.

— Я ему нравлюсь, — кокетливо заметила Ришари.

— Ты всем нравишься, — ответил Дженази. — Идем.

Он перелез через перила, оценивая расстояние до цветочных клумб внизу. Получалось в среднем метров пятьдесят. Улыбнулся. Ему приходилось прыгать и с большей высоты.

— Ставлю на полчаса, — Ришари прижалась к нему сзади всем телом, не позволяя тотчас же покинуть отель непредусмотренным для этого способом.

— Сорок минут — и они поймут, что нас здесь уже нет. По городу рассыпана куча камер, так что у нас будет около двух часов.

— Прежде чем нас найдут или поймают? — улыбнулась девушка.

— Нас поймают, только если я позволю.

— Гуджи расстроится. Да и этот... Бьен.

— Посмотрим.

Оказавшись внизу, они теньями проскользнули мимо скрытых камер видеонаблюдения — чувствовали цепкий взгляд объективов кожей. Как и наблюдательные посты оцепления вокруг здания — было похоже, что Столсанг приложил все усилия для того, чтобы не упустить своих гостей. Включая миниатюрные датчики слежения, которыми Самри Гуджи щедро осыпал магазинные трофеи Ришари — Дженази предусмотрительно обезвредил их, выведя электронику из строя критическим перепадом температуры.

Через несколько сотен шагов г'ата смешались с небольшой толпой, веселившейся рядом с ночным питейным заведением. Как оказалось, неудачно.

— О, высокие гости из Великого Дома Сольрайн! — выкрикнул кто-то.

Вокруг Дженази и Ришари сразу образовалось кольцо любопытных глаз.

— Черт... — Дженази пожалел о своей идее проверить, как быстро они привлекают к себе внимание. Получилось мгновенно.

— Что вас привело в шестую твердыню Великого Дома Столсанг? — вперед вышел явно задиристый молодой человек с единственным зеленым локоном среди светло-рыжих волос и склонился перед ними в подчеркнуто вежливом поклоне. — Кадби Дген-Столсанг к вашим

услугам.

— Приглашение Бьена Столсанг, — миролюбиво ответил Дженази, хватая за руку Ришари, которая вознамерилась было отпустить в адрес паренька пару язвительных замечаний. — И мы не принадлежим к Великому Дому Сольрьяйн. Извините, если что-то в нашем внешнем виде ввело вас в заблуждение.

— Глаза не красные, — шепнул кто-то за спиной Кадби. — Наверное, младшая ветвь.

— Вы отрицаете даже косвенную принадлежность к дому наших добрых друзей Сольрьяйн? — с вызовом уточнил Дген-Столсанг. Он искал драки.

Дженази расслабился. Ришари наоборот, сосредоточенно готовилась к броску. На ее губах заиграла веселая улыбка.

— Скажите, уважаемый, а если бы мы были чистокровными представителями Великого Дома Сольрьяйн, вы бы просто вызвали нас на дуэль? Не слишком ли это самонадеянно? Все-таки два элитных бойца против... уличной шпаны?

Компания вассалов Столсанг ответила им дружным хохотом. А потом все разом стали серьезными.

— Вы, конечно же, не назовете ваших имен, — произнес Кадби, растирая костяшки пальцев. — Наивно, все равно уже завтра во всех барах Небесных Городов будут рассказывать анекдоты о вашей глупости. Правда, ты, красотка, — он обратился лично к Ришари, — поумнеешь совсем скоро. Я лично об этом позабочусь.

Их было одиннадцать.

— Слушай, а почему ты Дген-Столсанг, а не просто Столсанг? — спросил через минуту Дженази, хлопая по щеке полубессознательного Кадби. Спрашивать что-либо у его друзей было уже бесполезно. — Ты ведь не просто из вассального дома, а кровный родственник, наверное. Эта зеленая прядь у тебя неспроста.

Кадби ответил ему бессвязным мычанием, и г'ата оставил его в покое.

— Не надо! — стопа Ришари была остановлена его рукой в сантиметре от паха несчастного.

— Ты же сам слышал, он хотел...

— Какая разница, что он хотел, его будущие дети в этом не виноваты. Идем отсюда. Вы ведь позволите нам уйти, господин Столсанг, чьего имени я не знаю? — Дженази обращался к кому-то, кто наблюдал за скоротечной схваткой из-за угла.

На свет вышел очень худой Столсанг с длинными волосами. Держался он очень неуверенно, по видимому размышляя, как лучше всего поступить — остаться или убраться подальше, вызвав при этом стражей порядка.

— Васальд, — представился парень. — А вы, должно быть, те самые гости с поверхности, о которых говорил мой дядя, Бьен. Извините, не запомнил ваших имен.

— Странно, что вы не пришли нам на помощь, господин Васальд Столсанг, — произнес Дженази. — Зная, что мы находимся под вашей защитой.

Васальд смутился.

— Я удивился тому, что вы без сопровождения. Не думал, что дядя позволит вам осмотреть наш город без охраны. Да и интересно было посмотреть, на что способны люди, которых не испугала Гвардия Хаоса. Примите мои искренние извинения.

— Тогда их страдания полностью на вашей совести, — Дженази смахнул с рукава невидимую пылинку. Ришари завела за ухо выбившийся их общего серебряного водопада волос.

— Я вызову медицинский фляер и объясню все дяде. Возможно, что он даже возместит некоторый ущерб господину Дген-Столсангу и его друзьям. Никто ведь не предупредил их, кто нынче гуляет по улицам Дрэм-Къеко.

Дженази жестом показал, что его мало волнуют подобные мелочи.

— Мы с сестрой заметили большой парк к востоку отсюда. Если господин Бьен Столсанг потребует нашего немедленного присутствия, ищите нас там.

— Я бы хотел, чтобы мы вместе отправились к нему прямо сейчас, — мягко возразил Васальд, но ни Дженази, ни Ришари не сдвинулись с места.

— Неужели вы сбежали? — в лоб спросил Столсанг.

— Вышли на прогулку, — возразил г'ата. — Сложно расслабиться, находясь под постоянным наблюдением с вашей стороны. Мы же не пленники.

— Вы — жители поверхности. Здесь никого не интересует, что вам нравится, а что нет. Вы должны быть благодарны уже за возможность просто дышать нашим воздухом.

Брат и сестра обменялись красноречивыми взглядами.

— Да, мне он тоже сначала показался приятным молодым человеком, — сказал Дженази вслух. — Господин Васальд, вы, надеюсь, уже вызвали дядю с помощью вашего чудесного устройства связи?

Побледневшее лицо Столсанга сообщило, что ничего подобного он еще не сделал.

— Отлично, — и Дженази мгновенно разорвал дистанцию, нанося Васальду мощный удар в подбородок. Его руку словно обожгло огнем и кожу ключьями сорвало с кисти, а рукав куртки и рубашки рассыпался прахом, но Столсанг отключился, и страшная мистическая способность была прервана.

— Интересно, — произнес г'ата, трясая заживающей рукой. — Молекулярный распад? Неприятная штука.

— Думаешь, все Столсанги владеют этим? — Ришари ткнула в Васальда носком сандалии. — Кого можно бояться, обладая такой силой?

— Нас, например, — нахмурился Дженази. — Идем.

Сообщая Васальду о своем желании посетить городской парк, Дженази на самом деле собирался отвести Ришари к краю парящего города, туда, где не было ничего, кроме технических сооружений. Можно было даже попробовать выбраться за пределы силового купола, удерживающего атмосферу города в состоянии необходимой для жизни плотности. Он, похоже, еще и подогревал ее, потому что г'ата не чувствовал какого-нибудь достаточно мощного источника тепла поблизости. Вполне возможно, что Дрэм-Къеко был достаточно автономен и защищен для того, чтобы функционировать даже на орбите планеты.

— Ты слышала Васальда, сестренка, — произнес Дженази, когда они пересекли границу жилой зоны. Город под куполом был разделен на три кольца, в центре находились административные здания и отель для гостей, среднее было предназначено для комфортной повседневной жизни — они как раз прошли мимо большого открытого стадиона, окруженного высокими осветительными башнями. Дальше начинались сплошные джунгли труб, кабелей, цистерн, вышек, антенн, блоков и стен понятного лишь небесным техникам назначения. Периодически им приходилось избегать встречи с дежурными техниками и снующими туда-сюда роботами, но это оказалось совсем легко — тем было некогда

отвлекаться по пустякам.

— Ты о том, что мы для них не более чем опасные дикари? — Ришари с любопытством смотрела по сторонам, в отличие от брата она прежде не встречалась с подобным технологическим нагромождением. И ей все хотелось задать вопрос, почему он так равнодушен к чудесам здешнего прогресса, который иначе как магией и не назвать. Нет, Дженази тоже был им заинтересован, но не так, словно ему вообще все было в диковинку. Конечно, он говорил ей, что встречался с жителями Небесных Городов раньше, и посещал Железный Архипелаг вместе со своим учителем, но все же... Человеку нужно больше времени, что бы так как он начать понимать, что к чему в этом инженерном раю. И соответственные знания, конечно.

— Да. Боюсь, что наши неприятности только начнутся после того, как я скажу, где им искать Лэйлу. Их страх перед Гвардией носит почти суеверный характер, хотя они и скрывают это. И меня настораживает то, каким тоном они отзываются о наших способностях.

— Понятно же, — улыбнулась Ришари. — Если мы откажемся сражаться на их стороне, то сразу станем союзниками Гвардии. И они убьют нас, — она внезапно остановилась. — Дженази... Ты же не хочешь сказать, что мы сунулись сюда без плана действий на подобный случай. Ты же не такой наивный, правда?

— Просто подумал, что мы разнесем здесь все, если что не так...

Ришари посмотрела на него так, словно увидела впервые. И громко расхохоталась.

— Я тебя обожаю, — всхлипнула она, уткнувшись носом в его грудь. Потом подняла вверх свои заблестевшие от влаги глаза. — Да, точно. Так и сделаем.

Внезапно она оттолкнула его и отпрянула назад, словно рассерженная кошка.

— Я всегда буду с тобой? — спросила она очень серьезно.

— Ты это к чему?

Ришари резко развернулась и с независимым видом пошла дальше, чеканя шаг тонкими подошвами сандалий.

— Совсем скоро против нас будет весь этот Небесный Город. А завтра, возможно, все Небесные Города и весь мир. Вот и спрашиваю: я всегда буду с тобой?

— Тебе лучше знать...

— Нет, я как раз этого не знаю. Тебе взбрело в голову подарить мне вторую жизнь, так что откуда мне знать, не решишь ли ты завтра избавиться от обузы. Или как здесь говорят, балласта?

— Ришари... — Дженази был совершенно сбит с толку. А тем временем они уже шли по тоннелю с высоким арочным сводом, который заканчивался вдали фиолетово-синим просветом небосклона, по которому солнце скользнуло за горизонт около получаса назад. И оказались на широкой квадратной площадке, за которой не было уже ничего — только небо и земля. Сияли звезды.

— Ты всегда будешь со мной, — ответил он, остановившись рядом с девушкой, замершей при виде распростертой перед ней бесконечностью. — Ни за что не брошу, чтобы не случилось. Как тебе такая перспектива?

Ришари подошла к самому краю площадки без намека на ограждение — свалиться вниз было проще простого. Вытянула руку над бездной — вероятно, пыталась дотянуться до силового барьера, который окружал город. Но до него было не меньше двух десятков метров, и она с сожалением отдернула руку, сжимая пальцы в кулак.

— Замечательная.

Сбросила сандалии в пропасть и с удовольствием вытянулась всем телом, балансируя на кончиках пальцев.

— Но знаешь, мне иногда больно дышать, — ответила она и повернулась к Дженази лицом. И несуществующий порыв ветра оттолкнул ее от него, сбрасывая с края платформы. Ришари в безмолвном крике раскинула в стороны руки и застыла в последний момент — Дженази остановил ее падение, схватившись рукой за кожаный ремень брюк.

— Су...ма. спешая... — выдохнул он, привлекая ее к себе.

— Зато нужная кому-то, — прошептала Ришари. — Я никому не была нужна, пока не стала г'ата. Белый волк, разрывающий своим бегом Волчью Зиму — самое прекрасное, что я видела в жизни. Прекраснее, чем это небо и эти звезды. Хотя они тоже хороши. У них даже есть шанс стать чем-то особенным, если ты только...

— Что?

— Поцелуй меня.

И Дженази поцеловал Ришари. Коснулся губами мочки уха и крепко прижал к себе, не позволяя ее кулаку ткнуть себя под ребра.

— Я имела ввиду другое.

— Я понял. Но ты же знаешь, что будет, — Дженази глубоко вдохнул аромат ее волос, и когда почувствовал, как спало сжимавшее ее тело напряжение, неожиданно поцеловал в губы.

Сладость ее тела была доступна ему всего пару секунд, а потом кожу обжег электрический разряд, проник в самые глубины сознания и разорвался такой вспышкой боли, что, казалось, вот-вот — и рассыпется на части голова.

Дженази застонал. Ришари, всхлипнула, сжимая пальцами ноющие виски.

— Мы — г'ата. Нам по какой-то причине запрещена подобная близость. Должна быть веская причина.

— Очень веская, — улыбнулась Ришари и на этот раз сама поцеловала его.

— Прости, — сказала, придя в себя после новой вспышки боли. — Это в последний раз.

До самого рассвета их так никто и не потревожил, и все это время они провели на самом краю Небесного Города в объятиях друг друга. Больше им не было позволено самой их сутью. Бессмертные, вместе они могли только смотреть на звезды.

— Мы можем уйти прямо сейчас, — Ришари сладко потянулась и проверила, как крепко сжаты руки Дженази вокруг ее талии. Ей даже удалось вздремнуть полчаса, в безмятежной безопасности.

— Не прощаясь со Столсангами? — г'ата задумался над предложением сестры и привлекательностью идеи десантироваться с десятикилометровой высоты. Внизу было море. — С радостью. Но...

— Ты должен убедиться в том, что с небожителями действительно не стоит связываться. Как я успела понять, среди них тебе по душе пришлась только Лэйла. Что будешь делать, когда ей больше не будет нужна твоя помощь? Чего ты хочешь на самом деле, Дженази? К чему ты будешь стремиться потом?

— Для начала пройду по всем дорогам этого мира. Хочу увидеть его весь без остатка. Заглянуть в каждый уголок, в каждый город. Покажу тебе Внешний Архипелаг — там

каждый остров чудесен сам по себе, и их тысячи.

— А потом?

— Потом? — задумался Дженази. — Остановимся на самом прекрасном из них. Заведем семью, найдем друзей. Хочу выковать тысячи мечей, один лучше другого. Можно прочесть все книги, услышать истории тысяч людей. Изменить жизнь тысяч людей. Изучить все ремесла. Написать книгу. Ты умеешь рисовать?

— Не знаю, — улыбнулась Ришари. — Но могу попробовать. И что ты там сказал о семье? Тебе придется хорошо постараться, чтобы найти девушку, к которой я не буду ревновать. Может быть, через сотню лет...

— В этом мире тысячи сирот, — ответил Дженази с каменным выражением лица.

— А, ты в этом смысле. Почему бы и нет. Но как долго мы просидим на своем райском острове?

Дженази щелкнул сестру по носу.

— Ты заглядываешь слишком далеко.

— Не делай вид, что я дальновиднее тебя. Кто из нас двоих обожает все просчитывать наперед?

Взгляд Дженази неожиданно стал холодным и пустым.

— Мы — г'ата. Рано или поздно кровь позовет нас в наш настоящий дом. Волчью Зиму.

— Она больше этого мира.

— Да. Целая вселенная снега. Задашь свой вопрос о перспективах, когда мы изучим и ее. А сейчас нас ждут недовольные Столсанги.

И они отправились обратно. Встретили их на входе в жилую зону.

— Нашим гостям что-то пришлось не по вкусу? — задал им вопрос Столсанг в боевом экзоскелете, усиленном в области рук, груди и плеч. В браслетах угадывались скрытые клинки.

— Извините, если мы стали причиной вашего беспокойства, — ответил Дженази, рассматривая остальных участников конвоя. Пять бойцов. — Как себя чувствует господин Васальд? Мы повздорили немного.

— Он уже пришел в себя. Мой брат Бьен настоятельно просит вас больше не применять грубую силу против представителей нашего Дома и Домов наших вассалов. Мы не дикари, с которыми вы привыкли общаться на поверхности.

— Мы тоже жители поверхности, — ответил Дженази.

— Больше нет. Вам предоставлено право основать собственный вассальный дом на службе у Великого Дома Столсанг. Вы можете воспользоваться им прямо сейчас.

— Это большая честь. Но мы отказываемся. Как только состоится Совет и будет решена судьба Лэйлы, мы вернемся на поверхность. Война между вами и Гвардией нам неинтересна.

В этот момент они проходили мимо большого информационного экрана, который секунду назад показывал изображение какого-то другого Небесного Города. Теперь на нем появился мужчина в ярком костюме, и чрезвычайно бодрым голосом начал вещать:

— Добрым утро всем гражданам славного Дрэм-Къеко! Впереди нас ждет славный денек, и я, Сиен Кахху, объявляю начало утреннего сеанса всеми любимого реалити-шоу «Войны поверхности». Как вы помните, вчера крупное армейское соединение Союза свободных республик Судо заняло стратегически важный транспортный узел на территории Садвинской федерации, и сегодня нас ждет крупное наступление на Босиен. В программе беспрецедентная артподготовка и грандиозный авианалет, после которых мы станем

свидетелями уличных боев между тяжелой бронетехникой и городским гарнизоном. Силы обороны невелики, поэтому уважаемый Бьен Столсанг распорядился командировать на поле боя Тессу и Карена Столсанг, которые помогут защитникам Босиена грамотно распорядиться имеющимися у них силами. Иначе уже сегодня полюбившаяся нам военная кампания будет окончена — командование федерации уже обдумывает условия своей капитуляции.

— Потому что неделей ранее ССРС получил помощь со стороны Великого Дома Сольрайн, которые помогли устранить внедренных агентов Федерации, — рядом с Сиеном появилась милостивая девушка в лиловом костюме-тройке, широко улыбаясь на камеру. — В этой кампании они поставили на Союз и уже использовали свою вторую попытку вмешательства в ход боевых действий. Осталась третья, с возможностью применения боевых средств своих вооруженных сил. Вполне возможно, что свой последний козырь они выложат уже сегодня.

— А сколько попыток вмешательства осталось у нас, уважаемая Миннари?

— Тоже одна. И мы также не использовали спецсредства.

Изображение ведущих сменила панорамная картина полномасштабного наступления, парящие камеры крупным планом показали артиллерийские расчеты, авиабазу в нескольких десятках километров и готовую штурму промышленного города крупную колонную бронетехнику. Бегущая строка внизу экрана перечисляла названия воинских соединений, участвующих в операции.

— Что это? — спросил Дженази.

— «Войны поверхности», — ответил Столсанг, не разделяя интереса Дженази к происходящему. — Этому проекту уже много сотен лет, Великие Дома таким образом демонстрируют нашим гражданам успехи в контроле жизнедеятельности живущих под облаками нвелотов. Мы должны следить за тем, чтобы их прогресс не шагнул слишком далеко и они не стали тратить ресурсы, которые необходимы для светлого будущего нашей цивилизации. Войны и эпидемии сдерживают рост населения, крупные научные открытия их ученых мы скрываем, и только Гвардия Хаоса мешает нам сохранять полную стабильность жизни на поверхности.

— Стабильность? — прошептал г'ата. — Кем вы себя возомнили?

— Ответственными за будущее наших детей. Ничто не должно угрожать их благополучию.

Дженази сдержал рвущийся из горла рык, и приступ охватившей его ярости проявился себя лишь в страшной бледности, оттенившей фиолетовые глаза. С трудом разжал сведенные судорогой пальцы.

— Ришари, — произнес он одними губами. — Прости. Я хотел остаться в стороне. Правда надеялся, что смогу.

— Я с тобой, — она взяла его за руку, совершенно ледяную на ощупь.

По щекам Дженази потекли слезы, г'ата-волк внутри завыл в гневе и отчаянии. Пустота Волчьей Зимы заполнила его и вырвалась наружу, создавая новую реальность, в которой нет ничего, кроме ледяного ветра. Вышла из строя электроника, иссякли мистические источники внутри тысяч жителей Небесного Города. Все погибло и обратилось в лед — кроме двух г'ата, которые временно стали смертными в гибельном дыхании родного мира.

Дрэм-Къеко начал падать и рассыпаться на части. Генераторы антигравитации отключились, начали лопаться стекло, пластик и металл. Дженази и Ришари падали вниз

среди дождя из обломков и ледяных статуй мертвых Столсанг и их подданных, которые только что встречали новый день. Смерть их была быстро и безболезненной.

Дженази остановил поток Волчьей Зимы, когда первые обломки коснулись морской поверхности. Их падение стало настоящей катастрофой, докатившейся в виде разрушительного цунами до берегов Судо и Железного Архипелага, соленые брызги смешались с обрывками медлительных облаков, разорванных обрушившейся сверху массой. Дженази пришлось нелегко, чтобы уберечь Ришари от пусть временных, но увечий, и с помощью воздушной подушки замедлил их общее падение, чтобы мягко опуститься на созданный им айсберг, гонимый к берегу бушующими ветром и волнами.

Они дрейфовали на льдине три дня, пока их наконец не прибило к опустошенному волной берегу Судо. И здесь их ждали шесть Гвардейцев Хаоса с приглашением от Фридриха Бронзлевена, и Кенсэй среди них. Дженази был опустошен содеянным, и безропотно последовал за бывшим учителем, увлекая за собой Ришари. Свой выбор они уже сделали.

Глава 42. Тьма, золотое пламя и вечный лед

Они бежали сквозь лес, подгоняемые разразившейся бурей за спиной. Дженаси разошелся не на шутку, созданный им шторм внушал суеверный ужас — как и колоссальный столб гигантского дерева, выросшего за пару минут и закрывшего своими ветвями половину неба. Бушующие вихри мистической энергии ощущались кожей, в ушах звенело, дыхание и сердцебиение участились до опасных пределов, а ощутимые разряды статического электричества трещали в волосах и на одежде. Эпицентр фантастического сражения находился в нескольких километрах от Юрики, Ранмаро, Виктории и Просперо, но его отголосков хватило, чтобы напугать их до чертиков. Накала страстей добавляли дикое завывание ветра и артиллерийская канонада громовых раскатов, сопровождающих ослепительный фейерверк грозových вспышек — молнии били так часто и сильно, что стало светлее, чем днем, хотя только что черные тучи плотно закрыли солнце.

— С кем он сражается? — на бегу спросила Юрика, отмахиваясь от очередной ветки, норовившей расцарапать ей лицо.

— Это Глория! — ответила Виктория. Она вела их вперед и оборачивалась время от времени, следя, чтобы не отстал самый медленный из них — Просперо.

— Моя бабушка? — уточнила девушка, перепрыгивая через корень молодого ясеня.

— Да. Это битва двух Гвардейцев! — трепет в голосе ее племянницы подстегивал к открытию второго дыхания.

— Но ведь... Она моя бабушка!

— Хочешь поговорить с ней? — Ранмаро, следуя сразу за Юрикой, старался не сбить дыхание.

— Да! — резко выдохнула девушка и споткнулась. Брат поддержал ее и помог восстановить равновесие.

— Боюсь... она не настроена... на спокойную беседу, — тяжелоотозвался Просперо и тут же воспользовался неожиданной передышкой — его легкие втягивали и выдыхали воздух, словно кузнечные меха.

Юрика снова посмотрела на бурю в небесах, разорвавшую на куски древесного великана. Сейчас ветер, дождь и молнии перемалывали длинные зеленые плети, бьющие из земли в небо хаотично извивающейся массой; резко похолодало, и воздушный вихрь, созданный ее дядей, побелел от снега и градин размером с футбольный мяч.

— Похоже на то, — вздохнула она. — Дядя тоже, кстати.

— Глория очень опасна, — уже спокойно ответила Виктория. — После смерти твоего отца он засеяла полуостров Даери своим лесом, и теперь туда никому нет хода.

— Даери — это самый большой заповедник Федерации, да? — уточнила Юрика. — Там еще резервация амфибий находится.

— Шестнадцать лет назад это была одна из республик Федерации, — объяснила Виктория. — В газетах писали, что люди покинули ее по распоряжению канцлера из-за вспышки смертельной болезни, но на самом деле приказ об эвакуации составил Белгорро, чтобы защитить местных от Глории. Он переселил тогда семь миллионов человек. Все еще хочешь побеседовать с бабушкой? — невинно уточнила девушка.

— Пожалуй, в другой раз, — Юрика поддалась убедительному внушению племянницы. — Далеко еще до машины?

— Мы прошли половину пути.

— Тогда двигаем дальше!

Но выйти на дорогу им так и не удалось. Они были уверены, что Дженази сражается с Глорией, все указывало на это — и гром, и молнии, и белый столб ледяного торнадо, и тянущиеся к небу гигантские деревья. Не было повода для сомнений в том, что Гвардейцы заняты друг другом — и вдруг Глория оказывается у них за спиной, и гибкие корни вырываются из-под земли и сметают с ее пути Просперо.

Ранмаро обернулся первым и успел рассмотреть, как древесное острие пронзает насквозь грудь инспектора. Его крик предупредил сестер, но смысла в этом уже не было — ярмира окружила их высокой плетеной стеной из шиповника и ежевики. Просперо выбросило куда-то за нее; на том месте, где он только что стоял, остались лишь пара капель крови.

Юрика, увидев Глорию вживую, а не в качестве иллюстрации Валерии, растерялась. Слишком многое нужно было сразу осознать: встречу с бабушкой, которая на вид была ненамного старше внучки, ее растительные прическу и платье, нечеловеческие глаза; исчезновение Просперо и кровь на хищных ветвях; Ранмаро, с воплем ринувшегося в атаку на ярмиру — наконец-то пригодились мечи, которые он и Виктория взяли с собой вопреки поклаже, с тяжкими страданиями доставленной на островок с ивами. И нужно было решать, что делать, когда ее брат разрубил сразу две толстые плети, норовившие схватить его и поднять над землей; как-то помочь Виктории, которая, схватив свой меч двумя руками и занеся его высоко над головой, резким выдохом окружила себя облаком ледяного пара и заморозила подбирившиеся к ней юркие шипастые ветви. Юрика должна была действовать, чтобы остановить ярмиру, решившую убить ее семью.

Ранмаро занес меч над Глорией и взлетел вверх, перевернутый вниз головой — подкравшаяся к ногам плеть вцепилась в его голень и вздернула над землей, словно охотничья петля. Клинок он не выронил и даже срезал прядь зеленых волос ярмиры, но когда попытался разрубить схватившую его ветвь, она змеей обвилась вокруг рукояти и вырвала оружие из рук. Виктория метнула в Глорию десятки ледяных клинков, но они вонзились в мгновенно выросшую стену ветвей; а когда с ее меча сорвалась волна ледяного воздуха вперемешку с режущей крошкой, растения оплелись вокруг тела девушки, прижимая руки к телу и сдавливая ребра. Дочь Ичиро с хрипом выдохнула и попыталась что-то сделать со своими живыми оковами, но они стянулись еще туже и девушка потеряла сознание.

Ранмаро закричал, болтаясь над землей. Получилось неожиданно громко, звуковой удар оглушил Юрику и в то же время привел ее в чувство. Невидимый кулак врезался в Глорию и она даже покачнулась, а потом подняла на него свой темный взгляд. Еще десяток змеевидных ветвей-копий вырос из-под устилавшего почву дерна и нацелился на парня, грозя пронзить его насквозь. Еще секунда, вторая... Но Глория медлила.

— Бабушка! — Юрика сорвалась с места, направляясь к Глории. Перепрыгнула через пару корней, поднырнула под гибкую лозу с узкими листьями и гладкой корой. Почти дотянулась до ярмиры, пальцы едва не скользнули по зеленой листве ее короткого платья.

Глория безжалостно прижала девушку к земле у своих ног вездесущими ветвями. Их хватка была мягкой, но крепкой, без надежды освободиться.

— Отпусти их! Не трогай!

Глория опустила на колени и своей нежной рукой приподняла подбородок внучки, заглядывая ей в глаза. Провела пальцами по ее багряным волосам.

— Ты и правда его дочь, — произнесла она, зачаровано всматриваясь в лицо Юрики. — Не бойся, я не трону тебя.

— К черту! — девушка забилась в зеленых петлях, словно кролик. — Не трогай Рана и Рию! Пожалуйста... — и она разрыдалась. Смерть подкралась так близко и так неожиданно. Юрика оказалась не готова к этому.

— Они должны умереть, — ответила Глория.

— Ненавижу, — прошептала девушка, слезы продолжали течь по ее лицу. А с ними пожилам огнем пробежала злость, обжигая ее изнутри. — Я убью тебя, слышишь? Только попробуй...

Глория печально улыбнулась.

— Ты не сможешь.

Серые глаза Юрики на мгновение закатились, а потом снова впились в лицо ярмиры яростным взглядом. И на этот раз они были зелеными.

Полетели в стороны ошметки ветвей и куски дерна — девушка вырвалась на свободу. Ее черты исказились, приобретя хищные очертания. Вытянулись ногти, превращаясь в твердые когти, удлинились клыки. И багровое сияние окружило тело, формируя силуэт крупной кошки, изготовившейся к прыжку.

Черные глаза Глории расширились от удивления и она едва успела отдернуть руку — оливковую кожу всего-лишь исполосовало, а не сорвало вместе с мышцами с темной кости. Ярмире пришлось отпрыгнуть, чтобы не потерять лишние части тела, и принять настоящую боевую стойку. Ей оказали серьезное сопротивление с самой неожиданной стороны.

На помощь Юрике пришла Ирисса. В момент самого глубокого отчаяния перед ее мысленным взглядом появилась картина Волчьей Зимы и красная рысь, клубком свернувшаяся в снегу. Кошка подняла голову и встретила с ней взглядом, обеспокоенно заворчала и прыгнула навстречу. Их сознания слились.

Юрика растворилась в Ириссе, а Ирисса растворилась в Юрике. И в сознании этого внезапно родившегося существа возникло знание, что только что в мир, который назывался Тейзой, проникла духовная сущность обитателя Волчьей Зимы, слившаяся с телом и разумом шестнадцатилетней девушки. Она была и Юрикой, и Ириссой. И она была сильна.

Ирисса-Юрика взмахнула рукой, и когти призрачной звериной лапы разорвали плети, державшие Ранмаро. Он сгруппировался во время касания с землей, ловко подхватил свой меч, пружиной вскочил на ноги и разрубил ветви, душившие Викторию — брат и сестра Лэйт стали свободны. Но не в безопасности.

Юрика зарычала, предупреждая новую попытку Глории схватить ее родственников. Она закрыла их своим телом, оказавшись один на один с Гвардейцем. Ярмира колебалась — она по прежнему не хотела причинять вред своей внучке.

Земля под Юрикой-Ириссой разверзлась, открывая яму, наполненную тонкими жгутами корней. Девушка провалилась в нее и практически сразу вырвалась, растерзав древесные сети. Прыгнула на Глорию и схватилась с ней в рукопашную, вонзая когти в упругую плоть, которая была чем-то средним между мышцами и мягкой зеленой древесиной. Боли ярмира не чувствовала и упорно отбивалась, схватив внучку, одержимую зверем, за горло. Она подняла ее над землей и гибкие корни и ветви спеленали девушку в плотный кокон, оставив снаружи только голову с растрепанными красными волосами. Когда и эта оболочка стала трещать по швам, из земли выросли настоящие деревья, и их гибкие стволы связались вокруг Юрики в огромный узел, сковывая ее куда надежнее прежнего. Девушка дернулась и

зарычала от бессилия — эта древесина оказалась прочнее стали.

— Вот и все, — сказала Глория. Ранмаро разрубил ее шею, а Виктория отсекла руку, но эти раны были для нее словно комариные укусы, и ответная атака раздробила им кости.

Юрика всхлипнула, Ирисса жалобно закричала.

«Конец», — вспыхнуло в их общем сознании. А потом яркое золотое пламя поглотило Ириссу-Юрику, Глорию, Ранмаро и Викторию, предательский лес и темное небо. Оно было жарким, но не обжигающим, хотя древесина ярмира вспыхнула и сгорела в нем, словно папиросная бумага. Не пострадала даже одежда — словно мистический огонь мог различать, что можно жечь, а что нет.

Так и было.

— Что ты здесь устроила, любимая? — спросил высокий светловолосый мужчина-яо в свободных белых одеждах и двумя изогнутыми клинками в руках. Рядом с ним, целый и невредимый, стоял Просперо.

— Кенсэй! — Глория яростно закричала, размахивая обожженными руками. Ее платье из листьев горело и осыпалось лоскутами, грозя оставить ярмира обнаженной.

— Я же просил тебя не трогать детей Лэйт, — сказал мужчина, рассекая ствол дерева, связавший Юрику. — А ты... — Он замер, уставившись на ее красные волосы. — Вот как.

Акаяма Хоодо, он же Кенсэй, улыбнулся одновременно печально и радостно, и заключил внуку в свои крепкие объятия.

— Юрика. Акаяма Юрика.

В этот самый момент буря, поднятая Дженази, стихла, и стало просто очень холодно. Страшный мороз сковал землю, воздух и, казалось, само время. Погасло даже золотое пламя Кенсэя — невиданная сила вытеснила из пространства всю мистическую энергию. Мир остановился.

— Дженази, — прохрипела Глория, мгновенно угасая и распадаясь на части.

— Дженази, — подтвердил Кенсэй, хватая ртом ледяной воздух. Юрика обнаружила, что Ирисса исчезла из ее головы, а тело вернуло прежнюю форму.

— Ранмаро! Виктория! — она вырвалась из объятий дедушки и бросилась к искалеченным брату и племяннице. — Ты же умеешь лечить, да? — Она смотрела на него сверкающими надеждой глазами.

— Пусть сначала Дженази прервет свою технику, — ответил Акаяма, растирая коченеющие мышцы. — Далек, зараза, а все равно дотянулся. Вот и встретились наконец.

Глава 43. Отступление Тьмы. Блеск молнии в конце пламенной тропы

22 июля 1014 года, понедельник. Федерация Вердиро, республика Эладар.

Память Просперо благоразумно изъяла те кадры его жизни, в которых живой корень вырвался из земли и темной молнией пробил насквозь его ребра и легкое, отбрасывая далеко от Юрики, Ранмаро и Виктории. Он почти сразу потерял сознание, и если бы не недавняя просьба Дженази, скорее всего, просто умер, но слова г'ата, похоже, сформировали некую установку, которая сработала бы даже в такой критической ситуации. Отключившись в реальном мире, инспектор очнулся напротив Врат Обсидиана, и не раздумывая, прикоснулся к ним, практически выкрикивая имя:

— Кенсэй!

Акаяма Хоодо отозвался мгновенно.

— Проблемы? — поинтересовался яо, наблюдая кровавое пятно на рубашке Просперо и внушительную рваную дыру. В пространстве перед Вратами Сердца Мира боли инспектор не чувствовал.

— Там... Огромное дерево. Синьор Дженази устроил страшную бурю.

— Глория, значит, — ответил Акаяма. — Я могу помочь, но для этого тебе придется вернуться в реальность и позвать меня уже там.

— Но как? — Просперо был шокирован видом своих внутренностей и не понимал, как сможет прожить с такой раной хотя бы минуту.

— Ну ты же чародей. Пришло время познакомиться со своим Забытым Богом. Назови его имя.

И Просперо вспомнил.

— Дзаа-Тхон-Кгар.

Заполненное светом пространство исчезло, как и Кенсэй. Пропали и черные врата перед инспектором, вместо них он увидел четырехрукого гиганта с синей кожей и волосами-молниями, с треском извивающимися вокруг его головы. На месте глаз шипели шаровые молнии, и они сверлили Просперо насквозь.

— Кто ты? — громоподобный голос Забытого Бога Грома был раздраженным и заинтересованным одновременно, а Просперо наконец обратил внимание, что Дзаа-Тхон-Кгар закован в черные цепи, прикрепленные к двенадцати каменным столбам. И эти цепи на его конечностях и шее вели не к кандалам, а металлическим штырям, пронзавшим тело Забытого Бога насквозь. Безымянный тюремщик подошел к делу его пленения основательно.

— Просперо Эспозито, — ответил инспектор дрожащим голосом. — Я...

— Чародей, — закончил за него фразу Дзаа-Тхон. — Но это понятно и без твоего бессвязного лепета. Я спрашиваю, кто ты и что из себя представляешь. Или ты думаешь, что любой жалкий смертный может нарушить мое уединение с безосновательным требованием оказать ему помощь в очередном бессмысленном, как и вся его жизнь, деле? Убеди меня в том, что ты достоин моей помощи.

— Мне нужна лишь еще одна минута жизни, чтобы спасти моих друзей, — презрительный тон Забытого вызвал в Просперо ярость. — Мы сражаемся с могучим врагом.

— Война никогда не закончится, — покачал головой Забытый. — Я не позволю своим

молниям служить инструментом ваших никчемных амбиций. Победа или поражение кого бы то ни было — не мое дело. Я не воин и не игрок.

— Я тоже, — с вызовом ответил Просперо. — Моя задача — раскрытие преступлений. И наказание виновных... По возможности. Я не судья, а страж закона, и не мое дело выносить приговор. Но сейчас это неважно. Сейчас от меня зависят чужие жизни.

— Ты человек, — прогремел Забытый. — А человек слаб, особенно когда жаждет справедливости. Боль, обида, гнев, жажда мести, уязвленное самолюбие, желание доказать свою правоту и самоутвердиться — я вижу это в тебе. Но твой страх за судьбу друзей очень силен. Похоже, у меня нет иного выбора, кроме как помочь — ведь в тебе есть и гордость, которая не позволит больше обратиться ко мне, ответь я сейчас отказом. Смертные...

Просперо с сомнением посмотрел на дыру в своей груди. Другого шанса встретиться с Забытым у него может и не быть вовсе. Но божество это мало волновало, и инспектор почувствовал к нему внезапную симпатию.

— Кстати, если ты выживешь, — продолжил Забытый, — принеси мне какую-нибудь книгу. Я люблю истории, в которых стражи закона расследуют совершенные людьми преступления. Порой они бывают весьма занимательны.

Просперо растерянно улыбнулся и кивнул в ответ. Похоже, Кенсэй знал, что делает, сообщая ему имя именно этого бессмертного существа.

— Итак, приступим.

Темница Дзаа-Тхона исчезла, вместо нее сознание инспектора заполнила темно-красная вспышка боли. Он вернулся в собственное умирающее тело за секунды до конца, и когда оказался на самом пороге забвения, в его голове прогремел голос Забытого, рожая слова на чужом людям языке.

Молнии ударили из раны Просперо, синими змеями оплели его тело и подняли над землей. Забило сердце, заработали легкие, в голове прояснилось.

— Кенсэй! — закричал инспектор изо всех сил, рисуя в голове образ Акаямы, Обсидиановых Врат, Дзаа-Тхон-Кгара и мистические символы на стенах его темницы — язык Забытых, хранителей магии этого мира. Впустил в себя энергию Сердца Мира — и портал открылся. Кенсэй шагнул к нему сквозь пространство, пройдя через врата из пламени и молний.

— Первый урок усвоен, — одобрительно кивнул Хоодо и выпустил из ладоней золотое пламя, которое мгновенно исцелило Просперо. Затянулась не только смертельная рана, но и дыра в одежде, и инспектор осознал, что спасен. Как и его друзья.

Кенсэй высвободил огненную волну, которая сожгла лес на десятки метров вокруг, но не тронула Просперо, ребят и саму Глорию. Далее последовал короткий разговор, после которого весь мир, казалось, сковал страшный холод, ярмира рассыпалась буро-зеленой пылью. И появился Дженази. Он был бледен, как смерть, его волосы и одежду покрывал серебристый иней.

— Здравствуй, Кенсэй, — приветствовал он своего бывшего учителя и склонился над лежащими на земле Ранмаро и Викторией. Их тела охватило звенящее сияние, и спустя секунды они пришли в себя, целые и невредимые.

— Простите меня, — Дженази крепко прижал племянников себе, зарываясь лицом в их золотые волосы. — Вам пришлось пройти через это из-за меня.

— Все хорошо, дядя, — ответила Виктория. — Мы живы. Просперо...

— Цел, — ответил инспектор, улыбаясь. — Меня спас синьор Акаяма. Кстати,

синьор, — он взял за руку Юрику и подвел ее к Кенсэю, — это ваша внучка.

Наступила короткая пауза, которую никто не хотел нарушать. Кенсэй во все глаза рассматривал Юрику, и уместные слова, похоже, просто застряли у него в горле.

— Да, я уже узнал ее, — пробормотал он. — Эм... Я... Мне жаль, что мы встретились только сейчас. Наверное, тебе через многое пришлось пройти, потому что...

— Что с бабушкой? — слишком резко ответила девушка. Ее трясло.

— Она жива, — произнес Дженази. — Идет сюда, кстати.

Действительно, сквозь снег и мертвые деревья к ним шла невозмутимая Глория. Из-под земли не выросли новые корни и живые деревья, так что было похоже, что она наконец была настроена на спокойную беседу.

Через минуту они все оказались лицом к лицу, на замерзшем поле мистического и магического сражения.

— Ты снова использовал это, — сказала Глория, переводя взгляд с г'ата на Кенсэя, а с него — на внучку и детей Дома Лэйт. — Призвал ту страшную силу, которая погубила Глашатая.

— Но на этот раз не было того гигантского волка, — заметил Кенсэй и сразу заткнулся, поймав на себе ее темный взгляд.

— Это не важно, — ответила Глория. — Все равно меня даже этим не убить. Вы должны понять, что меня нельзя остановить.

— Ты не тронешь этих детей, — с угрозой прервал ее Дженази. — Я могу стать еще серьезней, поверь.

— И погубишь этот мир?

— Плевать. Они мне дороже всего на свете. И разве Юрика не твоя семья? Подумай с ней, о том, какую боль ты ей причиняешь своими действиями.

— Хорошо, — ярмира отступила. — Я забуду об их существовании. Но должна вас всех предупредить: я не намерена оставлять этот мир таким, каким он есть сейчас. Обещаю, я уничтожу человечество. Рано или поздно.

— Серьезное заявление, — заметил Кенсэй. — Объявляешь войну?

— Да. Этот мир еще содрогнется, — она сделала небольшую паузу. — Я не прощаюсь, — и ушла. Рассыпалась пылью, которая осела на замерзшую землю.

— До встречи, — произнес Акаяма. Дженази промолчал.

— Как видишь, ты вернулся очень вовремя, — Кенсэй повернулся к бывшему ученику.

— Обсудим это потом, — Дженази выпустил Ранмаро и Викторию из своих объятий и подошел к Юрике. Провел ладонью по ее красным волосам.

— Как ты? Я почувствовал — ты нашла общий язык со своим зверем.

— Наверное, — девушка сжала пальцы дяди, словно намереваясь сбросить их. А потом передумала и крепко обняла его. — Я в порядке. А ты?

— Эта самонадеянность в ней от тебя, Кенсэй, — с улыбкой произнес Дженази, прижимая к себе племянницу.

— Да нет, она больше на отца похожа, — совершенно серьезно ответил Акаяма. — И на Ришари. В хорошем смысле. Но знаешь, здесь немного прохладно. Предлагаю найти место потеплее.

— Думаю, наша машина должна была уцелеть, — отозвался Просперо. — За палатками и продуктами возвращаться бессмысленно, но если выйдем на дорогу, хотя бы там сможем отдохнуть. Синьор Дженази?

— Да, — г'ата. — Идем отсюда.

Минивэн и правда оказался не тронут сражением между Гвардейцами. Заледеневшая полоса леса закончилась примерно в километре от дороги, и конец пути они проделали, следуя за Кенсэем, который прорубил для спутников тропу своими мечами.

— Куда ты ведешь их, Дженази? — спросил он по дороге.

— Собираюсь познакомить их с Ришари.

— Думаешь, стоит? Она опасна.

— Следуя твоей логике, тебя им знать тоже не обязательно.

— Ну, знаешь...

— Скажи лучше, как у тебя получилось шестнадцать лет не думать о своей внучке. Ты ведь знал, что у Кеншина и Ришари есть ребенок.

— Я был сам не свой после смерти Кеншина. Ты должен меня понять.

— Да, — согласился Дженази. — Да.

— Какой он был? — Юрика всю дорогу не выпускала руку дяди, время от времени с опаской поглядывая на Кенсэя. — Отец?

— Расскажу чуть позже, — ответил Акаяма, рассекая очередную ветвь, преградившую его путь. — У нас будет для этого много времени. Я собираюсь остаться с вами, пока вы не покинете Вердиرو. Только не просите отправиться вместе с вами на Судо. Я не хочу видеть Ришари. Да и за Глорией теперь нужен глаз да глаз...

Оказавшись перед минивэном, он с сомнением пнул его переднее колесо.

— Знаете, мне кажется, вы выбрали не самый быстрый и эффективный способ передвижения. Нет, если вам нравится турне по занимательным местам Федерации, я только за, и даже подскажу, куда можно будет свернуть по дороге на Юг, но... Дженази, ты серьезно?

Г'ата промолчал.

— Ты собирался добраться до Креслана, а там сесть на корабль до Судо? Таможенные досмотры для тебя не проблема, но вам придется пересечь три границы — неделя дороги минимум. Ты бы еще поезд выбрал... Короче говоря, я могу создать переход в нужный вам порт. Или даже на Судо. Где именно Ришари, я не знаю, но на месте вы и сами разберетесь.

— Эй, ты же сказал, что будешь с нами, пока мы остаемся на Вердиро! — воскликнул Ранмаро. Юрика поддержала его заявление взволнованным взглядом.

— Тогда перенесу вас в Креслан, — последовал невозмутимый ответ. — Но только если вы согласны бросить машину.

Муки выбора терзали их недолго, и Дженази после безмолвного голосования объявил общее решение:

— Чародействуй.

Кенсэй удовлетворенно улыбнулся и легким пассом создал в воздухе огненное кольцо, сквозь которое легко мог пройти человек. Воздух внутри него дрожал, в нем угадывались образы неба, моря и бетонных причалов.

Через минуту портал чародея захлопнулся, оставив верный синий минивэн наедине с лесным сообществом птиц и зверей. Пройдет не одна неделя, прежде чем у него появится новый хозяин — какой-нибудь счастливчик. Везение — дело случая. Или Судьбы.

6 июля 821 года. Запад Вердиро, Семь Княжеств Яо.

Под небом, чистым от облаков, широкая дорога гибкой змеей скользила между высоких зеленых холмов. Она стремилась вперед, туда, где горы закрывали собой горизонт и останавливали западный ветер, несущий морскую влагу. Там, за этой стеной из вздыбившегося камня, прячется бескрайний водный простор — от населяющих эту землю людей и их жестокости. Хотя в языке местных яо нет слова «жестокость». А так же слов «беспоощадность» и «коварство».

— Уже завтра мы будем у подножия Агатовых гор! — радостно воскликнул Котаро, молодой воин из бедного незнатного рода. Он был облачен в простые доспехи, к поясу были прикреплены мечи, доставшиеся ему по наследству. С другой стороны висел шлем, который воин снял из-за жары. Солнце пекло неимоверно, раскаляя камни и металл.

— Будем, если кое-кто станет быстрее переставлять ноги, — зло ответил Тадакаши, опытный боец и ветеран многих войн (семи). Несмотря на пробивающуюся седину, он держался также бодро, как и его молодой спутник, не выказывая признаков усталости. В отличие от третьего воина в их компании, грузного Сиитиро, который был моложе Тадакаши лет на десять, но после пятичасового перехода через холмы Вересковой равнины тяжело дышал, его шатало на ходу, а пот с него лился в три ручья. Хотя в его оправдание можно добавить, что он нес единственное на весь отряд копье и самый большой походный мешок.

— Нужно устроить привал, — сказала Адзуса, которую начинало беспокоить состояние третьего телохранителя. Да и сама она тоже порядком устала, хотя этого и нельзя было сразу понять — держалась она на удивление бодро для дочери благородного дома, в жизни которой тренировки с оружием занимали до смешного мало места. Она была младшей дочерью воина из знатного и именитого рода, и очень важная причина заставила ее отправиться в путь через безлюдные земли всего с тремя телохранителями и без слуг. Она даже облачилась в простые одежды без знаков родовой принадлежности, и тоже самое велела сделать своим воинам.

— Как прикажете, госпожа, — покорно ответил Тадакаши и тут же начал высматривать подходящую ложбинку.

Место для привала было найдено почти мгновенно. Им стала небольшая балка, заросшая кустарником; ручеек, создавший это природное убежище, тихо журчал среди зеленых зарослей. Путники быстро разложили свои немногочисленные пожитки, приняв решение заодно и подкрепиться скудными запасами провизии.

— Тадакаши, как думаешь, они еще могут могут напасть на наш след? — спросила девушка у ветерана, задумчиво рассматривая воды ручья.

— Следопыта, способного это сделать, у нашего врага нет. Нет у него и количества людей, с которым можно обыскать всю равнину. Пока что мы в безопасности, хотя это и не повод расслабляться, — упрек Тадакаши был адресован Котаро, который с довольной улыбкой лег на землю, закинув руки на затылок.

— Пока что? — переспросила Адзуса.

— Да, до перевала. Исикава знает вашу цель, поэтому точно послал по тракту отряд воинов, чтобы перехватить нас в горах. Но не беспокойтесь, я знаю несколько троп, по

которым можно перебраться через хребет. Перевал не единственное место для этого.

— Я верю в тебя, Тадакаши, — очень серьезно сказала девушка. — И в вас, Сиитиро, Котаро.

— Мы жизни положим за нашу госпожу! — грозно ответил Сиитиро, хлопая себя по колену. Котаро поддержал его горящим взглядом.

Отдохнув, они отправились дальше. Перед тем, как солнце скрылось за мрачными горами, останавливались еще дважды, а когда ночь закончилась и на востоке заалел рассвет, снова двинулись в путь. И к тракту, ведущему через горы, добрались к полудню нового дня.

Широкая древняя дорога, проложенная еще во времена Старой Империи, вела с юга цветущих плодородных земель Семи Княжеств и здесь резко заворачивала на запад, в единственном месте, где торговым караванам проще всего добраться через горы к морю. Один из них сейчас остановился как раз на этом повороте, мешая Адзусе и ее людям незаметно пересечь тракт и пробираться к горам уже вдоль него, скрываясь от возможных преследователей.

Караван был небольшим, десять телег, запряженных волами. Что они везли, было не разобрать; товар защищали шесть конных охранников, которые в данный момент были в голове каравана, став между ним и двумя десятками вооруженных воинов, которые, похоже, и были причиной остановки.

— Грабители? — предположила Адзуса, осторожно выглядывая из-за гребня холма.

— Нет, те напали бы неожиданно. Могу предположить, что это люди местного князя, требуют плату за безопасный проезд, — Тадакаши, похоже, прикидывал шансы на победу для обеих сторон в том случае, если они не договорятся. И судя по его взгляду, купцам придется изрядно раскошелиться.

— Грабители, — девушка вздохнула.

— Госпожа, когда-то и ваш отец занимался подобным промыслом, это право каждого воина, владеющего землей.

— Да, а теперь он переложил эту обязанность на плечи моих братьев, — девушка вздохнула еще тяжелее.

Внезапно с одной из телег прыгнули два воина без доспехов, облаченные лишь в серые одежды, и направились в сторону людей, преградивших каравану путь. Один из них, более высокий и массивный, что-то сказал предводителю «грабителей караванов» и тот в ярости схватился за оружие. Его примеру последовали и подчиненные.

— Они сумасшедшие? — изумился Тадакаши.

Адзуса была с ним полностью согласна.

Воин, оскорбивший солдат, медленно вытащил из ножен мечи, а потом молнией бросился в бой, за доли секунды прорубив коридор сквозь толпу врагов. Потом он резко развернулся, ударив по воздуху клинками в сторону уцелевших, и все они рухнули, словно трава, скошенная огромной пламенной косой.

— Чародей?! — воскликнула Адзуса, и телохранители были поражены не меньше своей госпожи.

— Да, — раздался тихий голос за их спинами, и путники мгновенно обернулись, хватаясь за мечи.

Адзуса в смятении узнала второго воина, который должен был сейчас находиться рядом с товарищем, за сотню шагов от них. Но он стоял прямо перед ними — мужчина-гемини лет двадцати, только волосы у него были совершенно седые. Или это был их естественный цвет

— девушка так и не решила. А еще ее удивил фиолетовый цвет глаз, но она не знала, редкость это среди белой расы или нет.

— Кто вы? — спросил он у онемевших путников. — Почему прячетесь?

Тадакаши первым пришел в себя, но отвечать, как его госпоже, нужно было Адзусе:

— Мирные путники. Мы не желали встречаться с теми, кого только что сразил ваш товарищ. Нас всего четверо, и мы не так сильны, как он, — девушка старалась смотреть иноземцу, который так хорошо говорил на их языке, прямо в глаза, но выдержать его взгляд оказалось выше ее сил.

— Вас четверо и вы воины. Если бы вы присоединились к каравану, то смогли бы помочь в этой беде.

— Обвиняешь нас в трусости?! — в гневе воскликнула Адзуса.

— Да, — спокойно ответил гемини, и прежде чем девушка успела выхватить меч из ножен, продолжил:

— С врагом покончено. Присоединяйтесь к каравану, я чувствую в вас угрозу и не могу позволить вам быть не на виду.

Тадакаши положил руку на плечо своей госпожи:

— Не стоит ссориться с этим человеком. Прошу вас, следуйте его просьбе.

— Просьба? Это был скорее приказ! — разъяренная Адзуса не спешила убирать ладонь с рукояти меча.

— Госпожа...

— Как знаете, вам решать, — беловолосый воин пожал плечами.

— Госпожа, прошу вас присоединиться к каравану! — продолжал умолять ее Тадакаши. — С ним мы в безопасности достигнем моря.

— Хорошо, — Адзуса смирилась и опустила руки. — Мы присоединимся к каравану и докажем, что не враги вам.

Гемини ничего не ответил и легко перепрыгнул через гребень холма, возвращаясь к своим. Путники последовали за ним.

— Кто-нибудь заметил, как он подошел к нам? — спросил Котаро. — Я смотрел на того мечника и не следил за ним.

— Мы все смотрели на того мечника, — Тадакаши был мрачен и собран, Адзуса заметила, что он старается не встречаться с ней взглядом. Ветеран и опытный воин чувствовал себя виноватым за то, что позволил столь опасному воину приблизиться к своей госпоже. Более несдержанный воин на его месте уже просил бы разрешения совершить самоубийство, но Адзуса знала, что ее отец взял с него слово защитить дочь любой ценой. Если он не справится, то пятно позора ляжет на всю его семью.

Их встречали чародей, охранники, так и не вступившие в бой, и несколько пожилых купцов. Адзусе сразу стало неприятно под их цепкими и оценивающими взглядами, но она ничего не сказала и решила сосредоточить свое внимание на чародее с двумя длинными мечами.

Он был яо, хотя и сильно отличался от ее народа. Слишком высокий и широкоплечий, под одеждой перекачиваются стальные мускулы. И волосы его были слишком светлы. У Адзусы появилась мысль, что он яо лишь наполовину, один из его родителей мог быть гемини.

А еще он казался ровесником Котаро.

— Кого ты нам привел, Дженази? — громко и с задором спросил чародей-мечник, без

стеснения рассматривая Адзусу. Правда, в его карих глазах было одно лишь восхищение, но девушке все равно стало неловко от слишком прямого взгляда.

— Всего лишь путников, учитель. Они попросили нас взять их с собой до самого побережья, — голос воина по имени Дженази был тверд и уверен, хотя сейчас его отношение к путникам разительно отличалось от того, каким оно было всего минуту назад.

— Вы ручаетесь за то, что они не опасны для нас? — настороженно спросил самый грузный из купцов.

— Да. Их мечи скорее станут помощью в вашем пути.

— Хорошо. Но охрана у нас уже есть, и мы заплатили за нее. Пусть эти люди едят то, что несут с собой, или пусть платят за нашу пищу! — это было последним словом торговца.

На долю секунды на лице Дженази возникла маска глубокого презрения.

— Я и мои люди не доставят вам проблем, — ответила Адзуса, соглашаясь с условиями купца.

И так они продолжили путь уже вместе с караваном. Правда, о том, чтобы им разрешили ехать на телегах, даже речи не шло, потому что дорога постепенно забирала вверх и волам все тяжелее становилось тащить груз. Им даже приходилось помогать торговцам и их слугам толкать повозки в особенно крутых местах, где флегматичные животные едва не рвали жилы, стараясь сделать лишний шаг. Дженази и его учитель, которого звали Кенсэй, в данной дорожной «забаве» принимать участие не торопились.

Адзуса, которая вызвалась помогать наравне с остальными вопреки протестам телохранителей, ощущала, как с каждой секундой в ней все сильнее закипает злость. Она еще могла понять неуважительное отношение двух воинов к себе, когда на традиционное приветствие последовал едва заметный кивок головы — они могли не знать традиций ее народа, но нежелание помочь в дорожных тяготах не объясняло даже естественное презрительное отношение воинов к торговцам, потому что сейчас все находились в одинаковых условиях, и помогать им значило то же самое, что помогать самому себе. Чем быстрее они выберутся на ровный участок дороги, тем лучше будет для всех.

— Благородные воины не привыкли работать руками? — произнесла Адзуса, не отпуская борт телеги. Правда, не для того, чтобы помогать остальным, а чтобы не упасть, потому что силы свои она явно переоценила.

Кенсэй посмотрел на нее так, словно только что заметил, в каком положении они находятся. И сразу стал рядом, уперся руками в телегу и она сразу стала легче. Настолько, что волосы едва не рухнули на колени, когда груз за спиной сначала стал легче перышка, а потом еще и сам стал толкать их вперед. Кто-то из слуг торговцев упал, потеряла равновесие и сама Адзуса, но ее подхватил Дженази.

— Осторожнее, учитель.

— Тащатся, словно черепахи, — проворчал в ответ Кенсэй. — Напомни мне, почему мы еще идем с ними?

— Вы пообещали помочь им с охраной.

— Не я, Дженази. Мы.

— Помнится, я был против того, чтобы вы убивали тех несчастных сборщиков дорожной пошлины. Чем они провинились перед вами? Для этих земель платить за свободный проезд

вполне нормальное положение вещей.

— Не люблю, когда на меня смотрят сверху вниз. Спесь местных феодалов не знает границ.

Адзуса сразу же записала эти слова на свой счет. А еще ее поразила манера общения Дженази с учителем. Он ставил ему в укор его поведение. Немыслимо.

— Разве вы не говорили, что местные обычаи похожи на обычаи вашей родины? — спросил у Кенсэя его ученик.

— Похожи. Но я родился на острове, а местные жители об океане разве что слышали. Не так ли, Адзуса?

— Наши предки пришли из-за моря, — ответила она. — Столетий назад.

— Мой народ живет на островах уже тысячи лет. Может быть, что какое-то из племен переселилось на материк. Их на Внешних Островах не счесть.

— Внешние Острова? Они очень далеко? — спросила Адзуса.

— Да. Чтобы попасть на мой родной остров, нужно достичь восточного побережья Вердиро, а потом еще пару недель плыть на корабле, — ответил Кенсэй.

Море, к которому караван направлялся, омывало западный берег континента.

— Да это же на другом конце света! — воскликнул Котаро, прислушивавшийся к разговору.

— А откуда родом вы, уважаемый Дженази? — спросила Адзуса у воина с фиолетовыми глазами.

— Я встретил его на острове в центре Внешнего Архипелага, — ответил вместо ученика Кенсэй.

— И там все такие, как вы? Просто у вас очень необычная внешность.

— Да, все, — Дженази решил снизить до ответа девушке.

Странное выражение лица Кенсэя подсказало Адзусе, что странный гемини не говорит всей правды. А может, и вовсе не говорит.

На ночь караван остановился в небольшом ущелье, защищенном от ветров, его полуотвесные стены были покрыты скудной бурой растительностью. Если бы не запас хвороста, о кострах можно было бы забыть, а так развели пять, не настолько больших, чтобы согреть всех путешественников, но достаточных, чтобы разогреть на них ужин.

Адзуса и телохранители составили компанию Кенсэю, который после короткого спора с хозяином каравана притащил к костру большой копченый окорок и семь рисовых шариков. Разделив все это поровну, без лишних церемоний приступил к трапезе, и девушке оставалось только тихо завидовать его бодрому настроению. Чародей-мечник улыбался так, словно не трудился весь день, толкая грузы, в то время, как даже Котаро под конец дня еле-еле переставлял ноги. Его госпожа чувствовала себя ненамного лучше, все ее суставы словно налились свинцовой тяжестью, а спина, казалось, сломается при любом неосторожном движении.

— Где Дженази? — спросила она, не обнаружив ученика Кенсэя. Его порция и еще одна, только поменьше, пока оставались нетронутыми.

— Я здесь, — голос воина раздался у Адзусы за спиной, и когда она обернулась, то увидела, что Дженази держит за руку девочка лет десяти — синеглазая гемини с короткими

золотыми волосами, отливающими в свете костра алым. Черты ее лица были необыкновенно милостивыми и правильными, а взгляд слишком серьезным для ребенка ее возраста.

— Караванщики подобрали ее пару дней назад, — сказал Дженази, заметив интерес девушки. — Она ни с кем не говорит, поэтому мы не знаем, кто она и откуда.

Адзуса немного удивилась, когда девочка отпустила руку воина и села рядом с ней, сложив руки на коленях и уставившись на пламя костра. Дженази сел между ней и Тадакаши, который безропотно уступил ему место рядом с госпожой. Девушка почувствовала себя неуютно — ее люди теперь находились по другую сторону огня, а рядом остались только чужеземцы.

— Как вы стали чародеем, уважаемый Кенсэй? — спросил Котаро после того, как с трапезой было покончено, а повисшая между ними тишина сама собой стала предлагать просто отправиться спать, чего любопытный от природы воин допустить не мог. На недовольный взгляд Тадакаши он внимания не обратил, да и Сиитиро его весьма открыто поддержал. Адзуса не стала делать телохранителю замечание — ей тоже было интересно.

— Им можно только родиться, — с охотой ответил учитель Дженази. — Немногие под этим небом имеют право управлять законами мироздания, и знание, как это нужно делать, мы получаем не из книг или от других чародеев, а от самих богов.

— Еще сто лет назад Семью Княжествами правили чародеи, — произнесла Адзуса. — А потом клан Отори развязал войну, чтобы захватить власть над всеми землями. Многие великие воины и чародеи погибли, исчезли целые семьи, обладающие тайными знаниями и священной кровью. Те, что остались, больше не вмешиваются в политику, да и жить стараются подальше от нас, простых людей.

— А еще говорят, что Отори Дзяко, последний глава своего клана, был величайшим воином в истории, — добавил Котаро. — Он наш герой. Господин Кенсэй, он мог заклятьем уничтожить гору!

— А еще в половине сказок, которые я слышал, он является злодеем, — произнес Тадакаши.

— Но хотел принести мир в Семь Княжеств, — возразил молодой телохранитель.

— Но ведь не принес...

Сухое дерево тихо потрескивало в огне, языки пламени плясали свой танец, который повторяла игра теней на лицах. Минута молчания, во время которого присутствующие размышляли над сказанным, а потом Котаро, найдя подходящий довод, попытался возразить, но Дженази прервал его, привлекая всеобщее внимание словами:

— Над нами Небесный Город.

Все дружно посмотрели вверх, на звезды.

— И правда, звезды появляются и исчезают, словно из что-то закрывает, — заметил Тадакаши. — Я слышал, что в них живут одни чародеи, они знают секрет вечной жизни и умеют превращать камни в золото. А еще то, что таких городов в небе много.

Тени на лице Кенсэя стали еще глубже, Дженази оставался бесстрастным.

— Мы встречали их три раза, — сказал чародей-мечник. — Люди как люди, хотя и знают больше нашего. На Дакиэрро, например, с помощью пара заставляют работать множество механизмов, а порох используют, как оружие; в Судо поднимаются в воздух на машинах из металла, похожих на птиц, и сражаются оружием, которым уничтожаются целые города; на Железном Архипелаге живут в огромных городах, где дома задевают крышами облака, а их корабли из стали перевозят тысячи людей. Так вот, Небесные Города заставляют

летать не магия, а знания законов природы, и известны они их жителям лучше, чем всем, кто живет под облаками. На моем родном острове до сих пор ловят рыбу с помощью костяных гарпунов, а на зверя стрелами с каменными наконечниками... Вы в своем развитии тоже недалеко ушли.

Ответить на это было нечем, Адзуса впервые встретила людей, которые не только слышали о заморских чудесах, но еще и видели их воочию, трогали руками. Оставалось только слушать, открыв глаза пошире, и не забывать возвращать на место нижнюю челюсть, чтобы не становится в один ряд с наивными Котаро и Сиитиро. От рассказов Кенсэя проняло даже прагматичного Тадакаши.

Требования продолжать историю путешественников еще и еще длились почти до полуночи. Словно дети, Адзуса и ее телохранители отказывались ложиться спать, желая услышать еще больше о дальних краях и чужеземных обычаях. Учителя и ученика спасла только синеглазая девочка — она заснула, положив голову на колени девушке. Тихая и неподвижная, она единственная не слушала чудесные рассказы, весь вечер просидев с отсутствующим видом, словно видела перед собой нечто далекое и знакомое только ей.

На рассвете караван двинулся дальше, ступив на широкую горную дорогу. Агатовые горы были невероятно древними, время сгладило их острые пики; они дряхлели и осыпались, поэтому для путников не было ни крутых спусков, ни подъемов. Ближе к полудню они въехали в ущелье с почти вертикальными стенами, дорога сужалась и прижималась к правой стороне, а слева находился обрыв, и дна этого разлома солнечные лучи не достигали даже в самый ясный день.

— Идеальное место для засады, — произнес Тадакаши, задрав голову вверх и рассматривая множество уступов и площадок, на которых так удобно размещать лучников и метателей камней.

— Местные племена не трогают нас, — ответил один из караванщиков. — Дальше по этой дороге есть деревня, в которой в это время они собираются со всех окрестностей, чтобы продать нам свои товары. Торговать с ними весьма выгодно.

— Значит, эти — не местные, — сказал Дженази и выхватил меч из ножен. — Засада!

Адзуса снова посмотрела вверх и на этот раз заметила силуэты вооруженных людей. Их было не больше десятка, облаченных в закрытые темно-серые костюмы — под цвет здешнего камня. Без луков, с одними мечами, но проще от этого не становилось, потому что по единой команде они обрушили вниз камни, перекрывая каравану путь вперед и назад.

Грохот обвалов оглушил путников, испуганно взревели животные, кто-то потерял равновесие и сорвался вниз. Столбы пыли ослепили и мешали дышать, поэтому Адзуса только слышала, а не видела, как падающие камни спровоцировали еще один оползень где-то неподалеку, на мгновение ей показалось, что дорога под ногами опустилась на пару пальцев вниз.

Пыль еще не начала оседать, а в ней уже замелькали проворные тени, во мгле раздался звон столкнувшейся стали. Кто-то кричал, но на осмысленные команды это не походило, нападение застало караванщиков врасплох.

Внезапно в серой мгле появился просвет, и Адзуса с ужасом заметила как раз напротив себя одного из нападавших. Необычайно худой, с тощими руками и ногами, он был вооружен

двумя короткими клинками и двигался с невероятной скоростью. И, что хуже всего, его глаза — единственное, что можно было рассмотреть сквозь лицевые повязки — горели алым огнем.

Рядом с ним приземлился другой, по виду такой же, и девушка закричала:

— Дженази!

Почему она позвала именно его, а не Кенсэя? Адзуса не знала, да и времени на размышления не было. Важно было то, рядом с ней находилась синеглазая девочка, а Тадакаши, Сиитиро и Котаро не те, кто способны справиться с Тенями — легендарными ворами, убийцами и шпионами, которых нанимают для различных поручений князя и самые могущественные из аристократов. Говорят, что они все чародеи, хотя и не больно могущественные.

Ученик Кенсэя словно из ниоткуда возник на пути у убийц и первым же ударом снес одному голову — легко и даже несколько небрежно. Второй оказался более осторожен, клинки столкнулись дважды и он отступил, раненый в руку. Адзуса увидела, как за его спиной возникло еще два серых силуэта, а один вырос прямо перед ней, обойдя Дженази сзади. Но она все равно не успевала помешать коварному удару, даром что убийца подставил ей спину.

Дженази увернулся, словно у него были глаза на затылке, а потом тела нападавших спереди с боков прошили ледяные копья, выросшие прямо из камня. Тень, нападавший сзади, был встречен серией ударов, один из которых рассек убийце лицо. Но добить его ученику Кенсэя помешали — еще один, уже шестой противник, врезался в него сбоку и все трое рухнули в пропасть.

— Кенсэй! — Адзуса в отчаянии попыталась привлечь внимание чародея-мечника, который сражался одновременно с четырьмя Тенями, но тот и сам заметил произошедшее, утроил натиск и в какой-то миг с его клинков сорвалось оранжевое пламя, взметнулось в вихре и разом сожгло всех убийц. Обугленные, они пали, не успев издать даже стоны.

Адзуса уже стояла на коленях, заглядывая за край в попытке найти внизу тело Дженази, но на дне ущелья ничего нельзя было рассмотреть из пыли от обвала. Кенсэй стал рядом, хмуро вглядываясь во мглу, к нему присоединились телохранители, а потом подтянулись и караванщики, которые успели прийти в себя после внезапного и удивительно скоротечного боя — враги закончились. Пострадавших, кроме одного несчастного, упавшего в пропасть в самом начале, и ученика Кенсэя, судьба которого была неизвестна, не было.

— Дженази... — с тревогой пробормотал Кенсэй, остальные разделяли его переживания.

— Что там? — любопытный голос его ученика раздался сзади, и он облегченно выдохнул. Дженази стоял рядом с синеглазой девочкой и с невозмутимым видом отчищал лезвие своего меча от крови.

Кто-то покачал головой, кто-то выругался. Адзуса была просто рада, что ее спаситель жив.

— Что это было? — хозяин каравана, похоже, был единственным, кого нисколько не заботила судьба его защитников — он все еще был под впечатлением от нападения.

— Тени, — ответил ему кто-то.

И тут торговец взорвался целой бурей эмоциональных воплей:

— Я знаю, кто это был! Почему они напали на мой караван?! — ярости в его словах было не меньше, чем откровенного страха.

— Зачем грабят караваны? — Кенсэй задал риторический вопрос.

Внезапно Адзуса подумала о том, что этих людей мог нанять Кагеру, чтобы схватить ее. И сомнения на ее лице не смогли укрыться от торговца.

— Ты что-то знаешь! — закричал он, тыча в девушку пальцем. Тадакаши, Котаро и Сиитиро как по команде извлекли мечи из ножен.

— Немедленно извинись перед нашей госпожой, червь, — прорычал старший из них, взбешенный неуважительным тоном торговца. Адзуса и сама испытала желание отрубить направленную на нее руку, но удержалась, ее смутило собственное подозрение в том, что виновата может быть она.

Выйдя из-за спины Сиитиро, она в первую очередь успокоила своих людей, а потом произнесла, держась как можно более достойно:

— Теней мог нанять враг моей семьи. Примите мои самые глубокие извинения за то, что навлекла опасность на вас и на ваших людей. Дальше мы пойдем другой дорогой, чтобы не вмешивать вас в наши проблемы. Еще раз простите нас, — Адзуса поклонилась и сразу отправилась в противоположную сторону, туда, где Тадакаши еще час назад показал ей едва заметную горную тропу, уводившую в сторону от основной дороги. Телохранители последовали за ней, их провожали удивленные взгляды всего каравана.

Девушка хотела было остановиться, чтобы попрощаться с Кенсэем, Дженази и девочкой, которая так и не проронила ни единого слова, но не смогла заставить себя посмотреть в глаза спасителям. А потом перед ней встала проблема в виде полуобвалившейся дороги, на которой к тому же остались лежать массивные каменные глыбы.

Наконец завал остался позади, как и весь караван. Адзуса вздохнула с облегчением и стала ждать, пока к ней присоединятся телохранители.

— Госпожа, — обратился к ней Тадакаши спустя полчаса следования по горной дороге, — у всей семьи Кагеру не хватит золота, чтобы нанять сразу десять Теней.

Адзуса резко остановилась, но потом снова зашагала дальше.

— Но вы правильно сделали, что решили покинуть караван. Если цель — не мы, то нам тем более нужно держаться подальше от того, что заинтересовало Теней.

Адзуса кивнула, соглашаясь, но только внешне. Сейчас, когда она поняла, что сделала ошибочное предположение, ей стало еще более неуютно без присутствия надежных Кенсэя и Дженази.

— Но почему они напали? — спросил Котаро.

— Возможно, Кенсэй прав, и это была попытка простого ограбления, — сказав это, Адзуса и сама поняла, как нелепо это звучит. Услуги Теней оплачивают щедро, просто сказочно щедро.

— А может, караванщики темнят и везут что-то действительно ценное, — предположил обычно молчаливый Сиитиро. — Или сами не знают, что везут такую вещь. Или не вещь.

И здесь все сразу вспомнили синеглазую гемини.

— Не может же быть, что она...

— Почему нет? — ответил Тадакаши. — Она явно из благородной семьи. И кажется мне, что Кенсэй и Дженази не просто так идут с торговцами. Да и крутятся они рядом с ней.

Адзуса сразу обратила внимание на эту оговорку. Не девочка находилась рядом с учителем и учеником, а они рядом с ней. Сейчас, вдали от каравана, это становилось очевидным. И Адзуса явно понравилась ей.

— Интересно, Тени действовали сами или их кто-то нанял? — спросил Сиитиро.

— Это так важно? — спросил в ответ Котаро и осекся — до них долетел стук копыт нескольких десятков лошадей.

Адзуса испугалась. Тропа была еще далеко, а значит, пока еще невидимые всадники уже отрезали их от нее. Кроме как назад идти было некуда.

— Может, это не люди Кагеру? — Котаро сделал весьма оптимистичное предположение, но когда из-за поворота показался первый всадник с отличительными знаками враждебного клана, мгновенно сник.

Телохранители обнажили мечи, Тадакаши обратился к Адзусе:

— Госпожа, мы втроем задержим их, а вы вернитесь и попросите о помощи Кенсэя и Дженази.

— Нет, я не могу. Бросить своих людей и бежать, моля о защите у тех, кто уже однажды помог? Никогда.

— Госпожа, их не меньше тридцати!

Люди Кагеру быстро приближались, а путь к спасению был только один, но Адзусе было проще броситься на врага с одним мечом в руках или просто шагнуть в пропасть, чем поступить так, как просил ее Тадакаши.

— Беги же, Адзуса! — старый воин закричал. В миг отчаяния он просто назвал ее по имени, забыв об учтивости слуги, и это подействовало на девушку словно удар плетью, торопя с принятием решения. И она начала медленно отступать, не отрывая взгляда от лица первого из приближавшихся всадников. Решительное и злое, оно принадлежало человеку, не знающему жалости.

Внезапно лошадь под всадником встала на дыбы и едва не выбросила седока из седла. У нее на пути возникла уже знакомая фигура в сером, да и белый цвет волос не оставлял возможности ошибиться. Дженази спрыгнул откуда-то сверху, с высоты, упав с которой, погиб бы кто угодно.

— Стоять! — голос ученика Кенсэя прогремел неожиданно громко, болью отозвавшись в ушах. Всадники словно налетели на невидимую стену, в их рядах началась давка, кто-то не удержался на дороге и с воплями полетел вниз вместе с визжащей лошастью. Когда эхо этого крика прекратило отражаться от горных склонов, один из них дрогнул и сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее начал сползать вниз, круша и сметая все на своем пути.

— Кто ты? — предводитель людей Кагеру все никак не мог справиться с лошадью, которая просто отказывалась трогаться с места.

— А кто вы?

— Мы — воины лорда Кагеро Ханаяма, девушка за твоей спиной принадлежит ему.

— Эта девушка никому не принадлежит, — возразил Дженази. — Особенно человеку, который для ее пленения отправил столько людей. Если она так важна для него, то он должен был сам отправиться за ней.

Адзуса улыбнулась — Кагеро Ханаяма даже со своей кровати встает при помощи слуг, а его паланкин носят двенадцать крепких мужчин.

Тень иронии появилась даже на лицах его людей.

— Господин Кагеро слишком важен для нашей земли, чтобы покидать свой замок ради строптивой наложницы.

Дженази не удержался и повернулся к Адзусе.

— Я его ни разу не видела, — начала оправдываться она. — Вблизи. И я должна была стать простой заложницей, а не его игрушкой. Ханаяма нарушил договор с моим отцом.

— Да мне, собственно, без разницы, — ученик Кенсэя только плечами пожал.

— Господин Кагеро рассчитывал на политический союз между Ханаяма, Мидорикава и Камиширо. Твои действия мешают этому благому делу, — предводитель людей Ханаяма обращался к Адзусе.

— Я человек посторонний, — Дженази не дал девушке ответить, — но уже успел заметить, что ты обращаешься к дочери знатного рода на «ты». Если таков слуга, то каков господин? Сдается мне, что такому человеку нарушить слово все равно что поле перейти.

— Не смей оскорблять моего господина! — закричал воин Ханаяма, спрыгивая с лошади и обнажая меч.

Дженази вытянул вперед руку и раскрыл ладонь. Воин сначала растерялся необычному поведению, а потом споткнулся на ровном месте, его начало раскачивать из стороны в сторону. Тоже самое происходило и с другими людьми Ханаяма, еще больше забеспокоились лошади.

— Ты... чародей? — прохрипел воин, потеряв всякую координацию движений, его взгляд блуждал, неспособный сфокусироваться на одной точке.

— Нет. Но на Судо и Дакиэрро знают, что воздух, которым мы дышим, состоит из нескольких газов, и только один из них нужен, чтобы мы могли продолжать жить. Но если его вдруг станет больше, чем остальных, то человек сначала теряет сознание, а потом умирает. Вы, когда ехали по этой дороге, видели трупы двадцати человек? Их убил мой учитель, в одиночку. Я, в отличие от него, не люблю убивать без необходимости. Вы же собираетесь дальше настаивать на своем?

— Я... Я все понял, — человек Ханаяма положил меч на землю, а потом упал на колени — то ли потерял равновесие, то ли от страха.

И они ушли. Тихо и безропотно, даже не вспомнив, что один из них погиб по вине человека с фиолетовыми глазами. Людей Ханаяма нельзя было назвать трусами, но смерть в бою от меча врага — это одно, а смерть от удушья, без возможности ответить — совершенно другое.

— Где господин Кенсэй? — спросила Адзуса, еще не веря, что все уже позади.

— Остался с Лейлой. А еще помогает караванщикам разбирать завалы.

— Лейла? — девушка не поняла, о ком идет речь.

— Это имя той девочки.

— Она заговорила?

— Нет. Ее имя назвали люди, которые наняли нас для ее защиты. Лейла Лэйт. Мы идем с караваном только потому, что он подобрал ее раньше нас, и теперь, похоже, пора покинуть его.

— От кого вы должны ее защищать? От Теней или тех, кто их нанял?

— Нам сказали, что она нужна людям, которых называют Гвардейцами. Подробностей не знаю. Ни разу не слышал о них.

— Я тоже, — Адзуса покачала головой.

— Зачем я, кстати, вообще за вами пошел... — вспомнил Дженази. — Учитель отправил меня, чтобы извиниться за то, что вам пришлось вместо нас попасть под подозрения караванщиков. Ну и заодно предложить дальше идти вместе до самого побережья. Вам ведь тоже нужно по ту сторону гор?

— Я принимаю ваши извинения, — улыбнулась на эти слова Адзуса, — но принять предложение не могу. Теперь, когда Ханаяма больше не преследует меня — за что я вам

выражаю свою самую искреннюю благодарность — мне больше нет нужды прятаться и скрываться. А с вами, думаю, путешествовать будет даже опаснее. Простите, но я не могу рисковать жизнями моих людей.

— Вот как? Понимаю, — Дженази ничем не выразил своего разочарования. Возможно, что его и не было вовсе.

— Если вы когда-нибудь окажетесь на острове Тарама, то обязательно спросите Камиширо Адзусу. Может быть, тогда я смогу вас достойно отблагодарить за спасение.

— Хорошо, — ответил Дженази. — Я передам твои слова учителю. Лейла будет скучать по вам всем. Прощайте.

Ученик Кенсэя ушел, и путники еще долго смотрели ему вслед.

— Я тоже буду скучать, — тихо прошептала Адзуса. На ее плечи перестали давить грозные небеса, в спину больше не упирались копья Ханаяма, но вместе с этой опасностью исчезло и странное чувство, которое она испытывала, находясь рядом с двумя необыкновенными воинами. Вместо него в душе осталась пустота, холодная и темная, чувство потери, словно она отказалась от чего-то невероятного, прекрасного, чудесного.

Стиснув кулаки, девушка гордо вскинула голову, вспоминая, что она дочь воина, который никогда не сожалел о содеянном.

— Тадакаши, Сиитиро, Котаро! Остров Тарама ждет нас. В путь!

Воины тяжело вздохнули и, подхватив дорожные мешки, направились к узкой горной тропе, которая сначала должна была вывести их по каменным склонам к бесконечно огромному небу, а потом — и к свободе.

Глава 44. Гиперпространственные реки и Клыки Волчьей Зимы

Волчья Зима.

Белгорро снова провалился по пояс в сугроб и энергично заработал руками, буквально выплывая из снежного месива. После бояс Саей он потерял почти половину массы тела, но все равно был слишком тяжел, чтобы тонкий наст удерживал его. В девушке, к слову, было не меньше пятидесяти килограмм, и она тоже должна была тонуть в снегу хотя бы по колено, но г'ата невозмутимо шагала по нему, не оставляя даже следов, и время от времени останавливалась, чтобы помочь ярмиру. Такой способ перемещения оставлял желать лучшего, но дорог в Волчьей Зиме не было.

Несколько раз менялся окружающий пейзаж. Ничего существенного, снег и серое небо никуда не исчезали, но не заметить изменение местности с равнинной на холмистую или то вырастающий, то пропадающий лес на горизонте было сложно. Однажды справа появился настоящий горный хребет, и исчез пару часов спустя, снова превратив ландшафт в бесконечную снежную пустыню. И линия горизонта опустилась чуть ниже, сделав небо шире.

По воле Саи они перемещались между пространствами Волчьей Зимы. Оставалось только догадываться, что мешает г'ата сразу попасть туда, куда нужно.

— Это тяжело — путешествовать между мирами? — спросил он.

— Это непросто, — ответила девушка. — Г'ата используют для этого энергию Волчьей Зимы, поэтому нам доступны только миры, которые с ней непосредственно связаны. Образно говоря, она как река, а обычные миры — ее берега. Есть другие миры-реки, или мега-миры — Облачная Тропа, Бездна, Нереальные Острова, Бесцветные Пески, Зыбкий Лес, Город Без Стен, Сферы Порядка, Серые Земли, Клинки и Кости, Стекланный Лабиринт Великий Тракт, Чертоги Искателей, Библиотека, Музей Вечности, Заповедник Гоблинов Фантазия, Некрополис, Сон Вселенной, Приют, Судный День... Я знаю только те, которые пересекаются с Волчьей Зимой, и те, в которые попадала из других миров. Например, в Судный День нельзя попасть напрямую из Волчьей Зимы или твоего мира — Тейзои, но с ним связана Облачная Тропа.

— Пугающее название...

— Миллионы миров, охваченные бесконечным сражением между Страданием и Гармонией. Чудовищное место, — Сая поежилась.

— Ну, если так говоришь ты...

— Там сражаются существа, сила которых за гранью моего понимания. Насколько я знаю, Судный День пересекается только с мегамирами первой величины, и не связан с какой-либо планетой, поэтому Вселенную задевает лишь дальнее эхо слабых отголосков бушующей там войны.

— Волчья Зима — мегамир невысокого ранга?

— Да. Всего-лишь песчинка. Как и любой другой, имеющий начало. Ее начало, точка отсчета — день смерти Таги, и с тех пор стрелки космических часов отсчитали не так много времени. До сих пор жив первый человек, получивший кровь Великого Гата. Правда, он уже сам забыл, сколько ему лет... Говорит, что сбился на первом же миллионе.

Белгорро не нашел что на это ответить.

— А какие еще мегамиры пересекаются с Тейзой? — спросил он наконец.

— Облачная Тропа, Бездна, Серые Земли, Сферы Порядка, Чертоги Искателей, Город Без Стен, Великий Тракт, Библиотека, Приют, Фантазия, Сон Вселенной, Дворец Бесконечности — в первую очередь, они связаны со всеми мирами, населенными разумными существами. Облачная Тропа — мир-диск размером с крупную галактику, закрученная спиралью туманность, над плоскостями которой есть пригодная для жизни атмосфера, летающие материки и острова, и гравитация, центр которой сосредоточен не в точке, а плоскости самой Облачной Тропы — удивительное место; Бездна — ад в человеческом представлении, искаженное пространство, наполненное безумием, болью и теми, кого принято называть демонами; Серые Земли — там нет смерти, но и жизни тоже, унылое место; Сферы Порядка — существование в них тяжело назвать материальным, их обитателей можно назвать богами; о Чертогах Искателей ничего не могу сказать, они просто не поддаются описанию; я едва не сошла с ума. Город Без Стен — бесконечный город, в котором можно найти отражение всех городов прошлого, настоящего и будущего; Великий Тракт — дорога в бесконечность, в том мире есть только две обочины, на которых можно найти все что угодно; Приют — нечто вроде таверны для путешественников между мирами, теоретически в нем может поместиться все население Мультивселенной; Библиотека... догадываешься, да? Фантазия и Сон Вселенной в триллионы раз больше реальных миров и являются частью Дворца Бесконечности.

— Дворец Бесконечности? — осторожно спросил ярмир, заметив отсутствующий взгляд Саи. Она застыла, уставившись в одну точку.

— Там существуют антропоморфические воплощения Жизни и Смерти, Страсти, Страдания, Безумия, Вдохновения, Судьбы, Сна, Пространства и Времени... Хотела бы я сказать, что они управляют жизнью Вселенной, но даже это не так. Они и есть Вселенная, — голос Саи по прежнему принадлежал юной девушке, но слова были произнесены кем-то куда более неизмеримо древним, чем даже самая дряхлая старуха. Белгорро была уже две тысячи лет — и он ощутил себя рядом с ней младенцем.

— Это неприличный вопрос, — он решил разрядить ситуацию, — но сколько тебе лет?

Сая лукаво улыбнулась:

— Не помню.

Через пару часов молчаливого путешествия сквозь снег Белгорро понял, что у него возник еще один вопрос.

— Слушай, насколько я знаю, источник моей силы находится в Сердце Мира Тейзой, и из него черпают энергию и все остальные пользователи мистических способностей моей планеты.

— Да, и обычные ярмиры не могут существовать долго за ее пределами, и уж тем более в Волчьей Зиме, потому что в отличие от всех остальных это единственный источник, поддерживающий вашу жизнь. Но ты очень силен, протянешь еще день-другой.

Белгорро оставалось надеяться, что они успеют к месту назначения за оставшееся ему время, но вслух он спросил о другом:

— А ты, находясь в Тейзое, можешь использовать энергию Сердца Мира?

— Энергии Волчьей Зимы более чем достаточно. Она гораздо... плотнее.

Белгорро наконец понял причину, по которой в прошлом Дженази казался ему порой неизмеримо сильным — старый друг использовал в такие моменты недоступную другим энергию. В их последнюю встречу он ощущал его просто как очень сильного, даже слишком, человека. Ничего, выходящего за грань воображения.

— Я точно могу использовать только мистическую энергию? — Белгорро никак не мог смириться с мыслью, что на самом деле он очень слаб.

Сая задумалась.

— Думаю, все же нет. Силы Дворца Бесконечности доступны любому разумному существу, но это власть над реальностью. Использовать их по щелчку пальцев не получится, для этого необходима способность видеть Абстрактную Область. Возможно, ты сможешь попасть и в Чертоги Искателей, но если воспользуешься их знаниями, перестанешь быть Белгорро. Можешь вообще перестать быть, — Сая рассерженно сбила древком копья пушистые хлопья снега с низко опущенных лап голубых елей — они вошли в их заросли, возникшие из ниоткуда. — Хватит об этом говорить. Мы почти пришли.

Действительно, вскоре ельник закончился, и они вышли к подножию скалы со срезанной вершиной, в склоне которой были высечены широкие ступени. Они были предназначены для людей с куда более размашистым шагом, чем у Белгорро, невысокой Сае приходилось на них запрыгивать.

— Это Камень Старейшин, — сказала она, когда Белгорро поднялся на первую ступень. — Место собраний наших вождей и шаманов.

— Его никто не охраняет? — спросил ярмир, не обнаружив присутствия часовых.

Сая махнула рукой в сторону. Белгорро проследил за ней взглядом и обнаружил большой снежный холм среди елей, полностью лишенный растительности. Присмотрелся внимательнее.

Холм... дышал. То, что ярмир принял за снег, им оказалось, но только частично — это были огромные спина и бок, покрытые белой шерстью, снегом припорошенной.

— Аттагат, внук Великого Гата. Он будет охранять Камень еще полгода, пока его не сменил кто-то из братьев. Пока он здесь, ни один шик'чи'зо не осмелится вторгнуться в это пространство.

— И много их? — Белгорро задохнулся от ощущения силы, исходящего от спящего гигантского волка. Он был размером с небоскреб, и судя по всему, мог двигаться с легкостью, не ограниченной силой притяжения.

— Таги успела родить от Гата пятнадцать детей, старший из них — Тагат — отец Аттагата. И он очень молод, почти щенок. У него около сотни братьев и сестер.

— То есть в Волчьей Зиме примерно полторы тысячи громадин больше него?

— Три тысячи. Из-за законов Волчьей Зимы щенки не достигнут размеров родителей, поэтому каждое следующее поколение слабеепредыдущего, но у самого Аттагата сотни детей, тысячи внуков и десятки тысяч правнуков. Все они тоже г'ата, и покидая Волчью Зиму, могут принимать человеческий облик.

«Главное, вовремя спросить, — подумал ошарашенный Белгорро. — О самом важном, как всегда, сказать знающие люди забывают».

Когда они поднялись на предпоследнюю ступень, сверху спустился совсем небольшой белый волк, всего на полметра выше ярмира. Спокойно осмотрел гостей большими фиолетовыми глазами и качнул пышным хвостом.

«Сая,» — голос волка отозвался в голове Белгорро эхом, на самом деле из зубастой

пасти не вырвалось ни звука. Это было похоже на мыслеречь, с которой ему однажды приходилось сталкиваться.

— Кгадар, — имя волка послужило и ее приветствием.

«Ярмир?» — Белгорро уловил удивление г'ата.

— Да, его имя Белгорро.

«Сильный,» — на этот раз в мыслях отозвалось одобрение.

— Он хочет встретиться со своим создателем. Кто из шаманов сейчас здесь?

«София и Марина. Остальные ушли. Приказ Шиббу. Он тоже скоро уйдет, а вместе с ним и Клыки. Будет Большая Охота — Верные обнаружили след Дгзо».

— Почему мне никто не сообщил? — удивилась девушка.

«Тебе не хватает силы. Меня тоже оставят», — огорчение Кгадара ударило по Белгорро, словно его собственное. Да и у него была причина для расстройства — судя по всему, с нужным ему г'ата в ближайшее время встретиться будет невозможно.

— Сая...

Девушка поняла, что Белгорро требует объяснений.

— Дгзо — один из первых шик'чи'зо, большая удача, что он дал обнаружить себя. Шиббу — первый г'ата. Вождь нашего народа, первый сын-человек Великого Гата. Нам очень повезло, он знает о делах г'ата все. И ему будет интересно познакомиться с тобой.

Поднявшись на вершину Камня Старейшин, Белгорро увидел, что на самом деле он представляет собой вырезанную в скале огромную чашу, стены которой представляли собой многоуровневые террасы с высеченными в них нишами. На дне чаши находился двенадцатиугольный постамент, в центре которого сидел человек с длинными, до самой земли, белыми волосами, и набедренной повязке из белой шкуры. Приблизившись к нему вслед за Саей, ярмир понял, что перед ним настоящий гигант трех метров роста, обладающий чудовищной мускулатурой и толстой кожей, испещренной глубокими шрамами — следами миллионов лет жестоких сражений, через которые прошел первый г'ата. Это было тело, о которое сломало когти само Время.

У Шиббу было прямоугольное безбородое лицо с жесткими чертами лица, изуродованными белыми рубцами; шрам на правом глазу был настолько глубоким, что было непонятно, как г'ата сохранил его. Хотя он отличался от левого — если он был похож на человеческий, то правый был волчьим, с огромной фиолетовой радужной оболочкой, полностью вытеснившей белок. Выступающие надбровные дуги диссонировали с широким и высоким лбом, прямой нос, наоборот, гармонично смотрелся вместе с выдающимся квадратным подбородком.

Шиббу был безоружен и бос, ногти на пальцах рук и ног производили впечатление самого прочного материала во Вселенной.

— Сая, — при звуке его голоса колени Белгорро предательски задрожали.

— Шиббу, — девушка не удостоила первого г'ата даже кивком. Просто назвала его имя, как и в случае с Кгадаром. Похоже, единственным их ритуалом при встрече было обращение по имени, независимо от статуса г'ата. Белгорро подобная простота пришлась по душе, но было неясно, как следует поступить ему.

— Здравствуйте, — он остановился на одном из традиционных приветствий Федерации, распространенного среди славов.

— Белгорро, — ответ Шиббу ярмира, мягко говоря, удивил.

— Вы знаете мое имя? — спросил он, задрав вверх голову — его двух метров двадцати

сантиметров здесь не хватало.

— Конечно. И я совсем не удивлен тому, что ярмир смог прийти в Волчью Зиму. Ты — творение моего мятежного брата Шабаку. Он рассказал мне о тебе.

— Я не...

«...понимаю,» — конец фразы Белгорро произнести не смог, подавленный пронзительным взглядом древнего Шиббу.

— Шабаку? — изумилась Сая. — Его создал сам Шабаку? Третий сын-человек Великого Гата? Но как? Он не мог участвовать в наказании Тейзой — он покинул Стаю гораздо раньше.

Шиббу нахмурился — если мог вообще нахмуриться человек, чьи брови постоянно сведены в мрачных раздумиях о несовершенстве Вселенной.

— Сердце Шабаку теплое, словно солнце. Он узнал о нашем намерении отнять у людей Тейзой их право на планету и отдать его ярмирам, и создал своих — таких, как Белгорро. Он успел сотворить пару сотен, прежде чем я понял, в чем дело. Я оставил все как есть — Шабаку вложил в них части своей души с целью защитить беспомощных людей.

— Пару сотен? — не поверил дитя Шабаку. — Но я такой один...

— Просто время проснуться всем еще не пришло. Шабаку спел песню, которая усыпила всех созданных им ярмиров, кроме тебя. Час их пробуждения настанет, когда прочие пробудятся в достаточном количестве.

— А как же другие неспящие ярмиры?

— У Шабаку есть последователи, — ответила Сая. — Малая Стая. Они так же, как и мы истребляют шик'чи'зо, только...

— Им не хватает решительности, — закончил за нее Шиббу. — Они не понимают, что зло нельзя искоренить, сохраняя семена и корни. Многие г'ата согласны с ним, но немногим хватает смелости сказать мне об этом прямо в глаза, — жесткие слова были предназначены Сае.

— Семена — в смысле не шик'чи'зо? — уточнил Белгорро. — Он не хочет убивать связанных с ними людей?

— Да, — тяжело ответил Шиббу.

— Чтобы уничтожить чуму, приходится идти на жертвы, — пробормотал ярмир. — А гангрону выжигают или вообще отсекают конечность. Я могу вас понять, но...

— Ты — дитя Шабаку. Он тоже все понимает, но со словом «но».

— Человечность, — догадался Белгорро.

— Слабость.

— Это с какой стороны посмотреть. Должно быть лекарство!

— Шабаку, я устал спорить с тобой! — прогремел Шиббу, и от его голоса содрогнулась Волчья Зима. — Шик'чи'зо не исцелить, они никогда не станут прежними! Они застряли на пороге Чертогов Искателей, но назад им не повернуть! Бездна видна в их глазах! Я спрашивал у Бесконечных, искал в Библиотеке и Приюте — эту реальность не изменить!

— Я не Шабаку... — потеряно ответил Белгорро.

— Он назвал тебя в честь нашего погибшего брата, — на глаза Шиббу навернулись слезы. — Повторил в тебе его облик и даже голос, но разум дал свой. Ты — Шабаку, тебе он передал свои идеи и убеждения.

— Но я убил тысячи людей...

— Шабаку в свое время тоже пролил немало крови. К мысли, что можно поступать

иначе, он пришел позже. То, что ты прошел по его пути, только доказывает твою духовную идентичность с ним.

— Я — Белгорро. Ранфарг Белгорро! — твердо и даже с яростью возразил ярмир.

— И это тоже верно, — вздохнул Шиббу. — Шабаку не мог позволить себе обречь на страдание разумное существо, подверженное стремлению познать самого себя и представшее перед фактом своей вторичности. Прости меня, Ранфарг Белгорро, ты — эст ты. Я буду считать тебя его сыном и учеником. А теперь иди — Волчья Зима скоро поглотит тебя. Возвращайся домой и сделай то, что должен — помешай моему намерению повергнуть в прах человечество Тейзои.

— С радостью, — ответил Белгорро с вызовом. — Но перед этим можно вопрос?

— Наглость Шабаку, — заметил Шиббу.

— Непосредственность, — аккуратно поправила вождя Сая.

— Что за вопрос? — требовательно спросил первый г'ата, бросая на девушку недовольный взгляд.

Белгорро запнулся на полуслове, увидев, как из ниш за спиной Шиббу выходят огромные белые полулюди-полуволки в набедренных черных повязках. Самый большой из них был даже выше вождя, и у него не было правого глаза.

— Вы знаете имена других ярмиров, созданных учениками Шабаку? — Белгорро наконец отвлекся от вида приближающихся чудовищ. — Глорию, Мирию и Арувима?

— Шедевры Сури — лучшей ученицы Шабаку. Мне известно, что она ступила на опасный путь, ведущий к Чертогам Искателей, — недовольство Шиббу ощущалось кожей, а она у Белгорро была прочнее стали.

Люди-волки приблизились к ним вплотную и стали по левую и правую руку вождя. Их было шестеро.

— Шива, — Сая приветствовала только одноглазого гиганта, ставшего справа от Шиббу.

— Сая, — ответил тот. — Шабаку, — он приветствовал и Белгорро.

— Я — Бел...

— Я слышал, — нетерпеливо прервал ярмира Шива. — Через тебя я приветствую своего младшего брата, Ранфарг Белгорро. Позволь мне эту неучтивую малость.

Белгорро промолчал.

— Мы — Клыки, — Шива решил заполнить наступившую паузу. И как бы напомнил Сая и Шиббу, что он вообще-то не любитель вести беседы.

— Шива — второй сын-человек Великого Гата, — представила предводителя людей-волков Сая. — Сильнее, чем он, только сам Великий Белый Волк, его первенец Тагат и Шиббу.

— А Клыки — это г'ата, — продолжил объяснения Шива, — которые пролили кровь сородичей и смогли сохранить после этого рассудок, но не человеческий облик. Как видишь, нас здесь всего шестеро. Сая, ты нашла Дженази?

— Белгорро пообещал помочь мне в этом, — потупилась девушка.

— Он нужен нам, дитя. Поторопись.

— Хорошо, — кивнула девушка. — Белгорро, нам пора.

Она не стала прощаться с сородичами и молча повела ярмира вверх по лестнице. Он же задержался, чтобы помахать Шиббу, Шиве и другим, оставшимся безымянными Клыкам, рукой. Увидел и двух девушек-шаманок, которые показались только сейчас. Одна из них, с длинными, заплетенными в тонкие косы волосами, улыбнулась ему.

— Сая, — Белгорро решил задать еще один вопрос, — у Шиббу непростой правый глаз, а у Шивы его вообще нет. Как же ваша регенерация? Все эти шрамы...

— Они получены от оружия шик'чи'зо, которое не позволяет полностью регенерировать даже за пределами Волчьей Зимы. Когда Шиббу потерял свой глаз, Шива отдал ему свой. Именно поэтому считается, что он теперь слабее Первого.

— Это и правда так? — с сомнением спросил Белгорро.

— Будь иначе, он был бы вождем.

Ярмир задумался. У Шивы, как и у других Клыков, был странный взгляд, не то чтобы пронзительный, но оставляющий после себя глубокий след. Дух г'ата был непререкаемо силен, но сила эта была рождена из боли, к которой телесные страдания не имели никакого отношения.

«Дженази, — Белгорро понял, кого вспомнил, когда встретился с Шивой взглядом. — Он ранил Ришари перед своим исчезновением сто лет назад. Значит, он тоже...»

— Сая, сколько всего сейчас Клыков? — Белгорро задал свой последний вопрос.

Девушка посмотрела на ярмира и внезапно поняла, к какому выводу он пришел.

— Семеро.

И они покинули Волчью Зиму.

Глава 45. Пробудившийся, Совершенные и Верные

Вне пространства и времени.

Кулак Ичиро провалился в пустоту — ментальный двойник Дженази вовремя убрал голову с его пути. Но она все еще оставалась в зоне поражения, и к ней направился уже локоть, пройдя всего в миллиметре от виска. Развернувшись вокруг оси, скручивая тело пружиной, Ичиро ударил стопой, целясь в печень, но попал в захват, и чтобы выбраться, превратился в молнию, разрывая дистанцию и одновременно надеясь задеть противника электрическим разрядом. Дженази отскочил в последний момент и создал вокруг себя зону полного вакуума, не позволяя провести контратаку. Потом исчез, и вакуум заполнился воздухом, схлопываясь с мощью авиационной бомбы. Ичиро пришлось постараться, чтобы избежать ударной волны.

Перевел дух, одновременно отыскивая врага. Собрал все силы для решительной атаки, которую готовил уже давно.

Огромный объем чистого кислорода. Искра. Взрыв. Объятый пламенем, Дженази пропустил удар пальцами прямо в сердце — Ичиро вложил в него всю силу, намереваясь сокрушить ребра и разорвать сердце. И потерпел неудачу — тело дяди оказалось невероятно прочным. Изумленный, Ичиро лишился руки и поспешил отступить. Его мистические атаки стали на порядок сильнее, но просто не наносили Дженази урона. Как и обычные удары, которые пробивали стальные бронепластины.

Ичиро отчаялся. Он не знал, что сможет навредить ему. Дженази побеждал его, ни разу не использовав регенерацию — не было необходимости. Неужели только потому, что он — настоящий г'ата, а Ичиро — подделка?

Некстати в голове пронеслись воспоминания о том, с какой легкостью и нечеловеческой безжалостностью он убил детей и подростков в Ховине. У них не было против него ни единого шанса.

А у Ичиро сейчас шанс есть. Он все еще жив только потому, что Дженази чего-то ждет от него. Но чего?

Сын Ришари испытал приступ дикой ярости. Унижение горячило кровь. И потеряв всякое хладнокровие, бросился на противника, уподобившись дикому зверю. Мгновенно был сбит с ног, рука дяди сжала его горло, перекрывая кислород и приток крови в мозг. Теряя сознание, впился в руку ногтями, разрывая кожу, каким то чудом оторвал ее и вцепился в большой палец зубами. Что-то остановило его в последний момент от того, чтобы прокусить кожу и попробовать кровь Дженази на вкус, разжал челюсти и отбросил его от себя ногой.

Из горла вместо хриплого дыхания вырывался настоящий волчий рык.

Дженази одобрительно улыбнулся, и Ичиро внезапно почувствовал новый прилив сил. Это было нечто, совсем не похожее на мистическую энергию. Гораздо мощное и... холодное. Скорее даже прохладное, новая энергия освежала тело, смывая усталость не сколько физическую — ее Ичиро не чувствовал — а моральную. Бесконечный бой измотал его разум, и вот он снова чист и ясен. Словно проснулся после долгого сна. И он сам словно стал другим человеком.

Ментальный двойник Дженази удовлетворенно кивнул и исчез. Изменилось и это искусственное пространство, ловушка для разума. Вокруг по прежнему были снег и серое

небо, но теперь они были действительно настоящими. Или более настоящими, чем раньше.

Впервые за долгое время Ичиро остался наедине с собой.

Колени подогнулись и он ничком рухнул в снег, зарываясь в него лицом. Схватил его ртом, с наслаждением чувствуя, как он тает во рту и ледяной струей стекает в желудок. Пришло время утолить жажду.

Потом он спал. Долго и очень крепко. Без сновидений. Проснулся от того, что снег оттолкнул его от себя, подбрасывая в воздух. Не понимая, что происходит, Ичиро приземлился на ноги, лихорадочно осматриваясь по сторонам.

Колоссального белого волка, зависшего в воздухе на горизонте и кончиками заостренных ушей касающегося облаков, он заметил только тогда, когда гигант приземлился, снова выбив почву у него из-под ног. Каждый прыжок чудовища сотрясал Вселенную.

— Великий Гата, — прошептал потрясенный Ичиро, осознав, кого видит перед собой. И в ту минуту, которой Гата хватило, чтобы скрыться из виду, не думал уже ни о чем. Чувство, которое его охватило, было сродни просветлению, о котором твердят священнослужители всех мастей. Религиозный экстаз. Он увидел бога этого мира — Волчьей Зимы — и прародителя всех г'ата.

События прошлого потеряли свое значение. Видение мира изменилось. Прежние желания, страхи и тревоги исчезли, оставив место чему-то новому.

И опустошенный, Ичиро полностью проснулся.

22 июля 1014 года. Федерация Верди́ро, Даери.

Пробуждение был неприятным — он обнаружил себя оплетенным по рукам и ногам корнями в небольшой округлой темной пещере, или даже дупле — потолок, стены и пол были покрыты их плотным переплетением. Входа не было, как и источников света — рассмотреть свое окружение Ичиро смог благодаря своим сверхчувствительным глазам, восприимчивым к инфракрасным лучам.

Пошевелившись, он почувствовал боль везде, где артерии проходили непосредственно под кожей — тонкие иглы пронзали ее, и через тонкие ветви-трубки что-то выкачивало из него кровь с поразительной скоростью. Если бы не мистическая регенерация г'ата, Ичиро был бы обескровлен в течение пары минут.

Первым делом он заморозил опутавшее его растение, а потом рывком вырвался из него, ломая все вокруг. Пары ударов хватило, чтобы выбраться на свет.

Освободившийся, больше ничем не сдерживаемый, Ичиро замер. Вокруг был странный лес, состоявший из массивных колонн переплетенных между собой стволов в десятки метров высотой, расходившихся вверху плотными куполами-кронами, сплетавшимися со своими соседями. Земля была скрыта корнями, толстыми и тонкими, между ними к рассеянному свету, пробивавшемуся сквозь ветви, тянулись незнакомые цветы и папоротники. Кора деревьев была покрыта мхами и лишайниками. И во всем наблюдалась странная симметрия, словно на самом деле это был не лес, а сад. Растительный дворец, выращенный искусным садовником.

Пещера, из которой выбрался Ичиро, оказалась нишей в корнях кустообразного дерева с коротким стволом и густой шарообразной пышной кроной, которая не дотягивалась до верхнего яруса этого леса. На ветвях росли красные плоды с тонкой кожурой. Сын Ришари

сорвал один, и тот сразу лопнул. Жидкое содержимое вытекло и пролилось на землю.

Кровь. Это была кровь Ичиро.

Он раздвинул ветви и обнаружил в самом центре их переплетения особенно огромный плод, настоящую цистерну, заполненную кровью и скрытую от посторонних глаз. В ней были сотни литров.

Пробудившийся внутри г'ата пришел в изумление и ярость. Подобное отношение к его крови было настоящим оскорблением. Кто мог это сделать и зачем?

Вопрос «Кто?», впрочем, отпал сразу — Ичиро слышал только об одном ботаническом инженерере подобного уровня. Глория. Похоже, он попал в ее руки, пока проходил испытание Дженази. «Стая» не смогла обеспечить безопасность его тела, и, вероятно, погибли все, кого он привел с собой из Судо во Фламби.

Все они верили в него. Он подвел своих соратников. Пожертвовал их жизнями ради удовлетворения собственного эгоистичного желания вернуть семью.

— Как славно, ты еще не убежал! — откуда-то сверху к Ичиро спустилось совершенно незнакомое существо неизвестного вида — девушка полутораметрового роста и прозрачными, словно у стрекозы, крыльями за спиной. Они трещали, поддерживая ее тело в воздухе прямо над г'ата. Зеленая кожа, вьющиеся растения вместо одежды, волосы-цветы и черные фасеточные глаза — она была похожа на гибрид человека, растения и насекомого, но такой расы в этом мире не существовало.

— Что ты такое? — спросил он. Налицо был продукт генной инженерии, но уточнить не помешало бы.

— Кью, — ответило существо мелодичным высоким голосом. — А ты пленник Мама, и должен немедленно вернуться обратно. Ей нужна твоя кровь.

— Хочет усовершенствовать свои творения? — Ичиро внимательно присмотрелся к деревьям. Фасеточные глаза сотен сестер и братьев Кью наблюдали за ним отовсюду.

— Она сказала, что хочет создать совершенных людей.

— Вас, что ли? — удивился сын Ришари.

— Нет, — смутилась Кью. — Совершенные все еще спят, потому что они не готовы. Нс когда в них перельют твою кровь...

— Я против, — прямо заявил Ичиро. — Не хочу делиться своей кровью с незнакомыми личностями. Глупо помогать тому, кто тебе не нравится.

— Но они замечательные, — возразила Кью. — Они ведь будут совершенными. Пожалуйста, вернись в древо, иначе мы заставим тебя.

Ичиро задумался. Сотни этих существ или нет, было неважно, раз Глория далеко отсюда. Он легко перебьет их. Но эти «совершенные» спящие его заинтересовали.

— Я вернусь в это дупло добровольно, если ты покажешь мне хотя бы одного «совершенного человека». Я должен знать, кому жертвую свою кровь.

Кью задумалась. Ее разум был подобен разуму ребенка, а значит, наивен в определенной степени.

— Ты обещаешь? — спросила она.

— Да, — соврал Ичиро, не моргнув и глазом. Кью была рукотворной аномалией, и испытывать стыд из-за ее обмана он не собирался.

Кью поверила. И отвела его к отверстию между корнями — входу в тоннель глубоко под землю. Он закончился пещерой — как понял Ичиро, одной из многих. Ее потолок и стены были покрыты светящимся мхом, в воздухе мельтешили тучи светлячков, которые к

настоящим не имели никакого отношения. Повсюду были искусственно созданные растения и насекомые, и вершина ее творения находилась прямо перед ним — сотни круглых плодов величиной с бочку, растущих прямо из земли. Прозрачная кожура, заполненная такой же прозрачной жидкостью, а внутри — люди. Не младенцы или дети, а взрослые юноши и девушки с развитыми телами без аномалий, но зелеными волосами. Все они спокойно спали в позе эмбриона, Ичиро даже тронуло умиротворение на их лицах.

— Совершенные люди, — сказала Кью, опустившись на землю и сложив крылья. Она подошла к ближайшей органической капсуле искусственного рождения, положила руку на ее гибкую стену и повернула лицо к Ичиро. — Мама создала их не знаящими гнева или обиды друг к другу. Между ними будет только любовь и понимание. Но чтобы выжить в войне с несовершенными, им понадобится твое бессмертие.

Ичиро положил свою ладонь рядом с ладонью создания Глории. Поверхность капсулы-плода была такой же теплой, как человеческая плоть. Он не знал, что думать. Чувствовал рядом присутствие тысяч спящих «совершенных», ожидающих своего часа — часа войны за место под солнцем. Как ему поступить? Убить их прямо сейчас, пока не поздно? Но поможет ли это? Что помешает Глории создать новую армию? Неужели ему придется посвятить свою новую жизнь войне с бессмертным ярмиром?

— Если моя кровь попадет в их жилы, случится большая беда, — сказал он Кью, убирая руку.

— Ты врешь, — возразила она. — Она уже течет по венам Зюто, и с ним до сих пор ничего не произошло. Но и раны его она не исцеляет...

Мрачное предчувствие кольнуло сердце Ичиро. Он стал истинным г'ата всего несколько минут назад.

— Где этот Зюто?

По тоннелю, ведущему на поверхность, пронесся дикий безумный рев. Ответ Кью уже не требовался.

Наверх Ичиро выбрался в виде молнии — умения и навыки, полученные в бою с ментальным клоном Дженази, сохранились. Сразу обнаружил источник беснующегося рева и ужаснулся: перед ним было чудовище. Что из себя представлял Зюто раньше, было неизвестно, но сейчас он был мешаниной из белой шерсти, изломанных конечностей с ненормальным количеством суставов, шипов, когтей и щупалец. Фиолетовых глаз было больше десяти, на месте рта — бездна кривых зубов разной величины.

Чудовище крушило все вокруг, десятки братьев и сестер Кью были им просто сожраны.

— Что это? — воскликнула Кью, выбравшись из пещеры искусственного рождения.

— Зюто. Это сделала с ним моя кровь. Лети прочь, мошка, мне придется самому решить эту проблему.

Но Кью не послушала Ичиро и с воинственным визгом бросилась в атаку — вид разорванных на части сородичей помутил ее рассудок. Г'ата едва успел вытащить ее из когтей чудовища, в которых остались ее ноги. Обжег Зюто молнией и отбросил от себя воздушной волной, положил раненую Кью на землю. Ее крылья были сломаны, но сказать, что ей больно, было нельзя — на ее кукольном лице не было признаков физических страданий. Оставшихся рук ей хватало, чтобы продолжать рваться в бой. Кровь у Кью была бесцветной.

«Какое удивительное создание, — подумал Ичиро. — Если не договоримся с Глорией, человечеству придется нелегко». И сосредоточился на Зюто.

Сражаться с измененным существом было легко, а вот убить его — нет. Кровь г'ата в чудовище была пробужденной, и пока он был в состоянии яростного неистовства, мистические атаки не наносили ему серьезного вреда. Об испепелении на месте или молекулярном расщеплении не могло быть и речи. Физические раны заживали мгновенно, а оторвав Зюто конечность, Ичиро через минуту обнаружил у себя за спиной его уменьшенную копию, которая едва не отхватила г'ата голову. Еще через минуту она стала идентичной оригиналу.

Нужно ли говорить, что Ичиро, да и ни один другой г'ата так не умел... Но он не отчаялся. Понял, что больше не умеет. Г'ата не сдаются и не отступают.

А еще есть место, где они смертны. Волчья Зима. Ичиро вспомнил, как попал в нее первый раз — с помощью спящей внутри Юрики силы. Механизм был не важен, он хорошо запомнил это ощущение перехода — и повторил его, прочно ухватившись за Зюто и его клона.

Через мгновение они сражались среди сугробов родного мира, хотя ни один из них не был здесь рожден. Просто им, их сражению здесь было самое место.

Расклад сил изменился — Ичиро оказался лишен мистических способностей и регенерации, безоружный и против двух монстроподобных хищников, вознамерившихся разорвать его на части клыками и когтями. Все было почти точно так же, как при столкновении с шик'чи'зо. Но тогда он еще не прошел испытание Дженази, и не был пробужден.

В рукопашной Ичиро выстоял с честью, оторвал крупный шип со спины первого Зюто и вогнал его в глаз второго, пронзая череп насквозь. Монстр умер мгновенно, и только в этот момент г'ата ощутил страх — действительно, по-настоящему убедился, что здесь есть Смерть. И пропустил удар шипом на лапе оставшегося изменившегося, который рассек ему мышцы на левой руке.

Рана была глубокой, с рваными когтями. Кровь хлестала, не останавливаясь, и только с болью Ичиро мог справиться. Рука больше не двигалась.

Монстру тоже было нелегко — вырывая шип из его спины, г'ата сорвал крупный кусок шкуры и повредил мышцы, дыра сильно кровоточила. И они ходили вокруг друг друга кругами, прицеливаясь, куда еще можно ударить побольнее. Ичиро с этим было сложнее.

Внезапно он увидел красную тень, мелькнувшую среди деревьев за спиной Зюто. А монстр, в свою очередь, уставился в точку позади Ичиро. Г'ата не рискнул обернуться, но отчетливо услышал, как хрустнула ветка под чьей-то тяжелой лапой.

К ним пришли болельщики.

Зверей было четверо: красная росомаха за спиной Зюто; огромный тигр, подкравшийся справа; черный медведь-великан слева; неизвестный хищник за спиной Ичиро. Вмешиваться они не собирались. Просто смотрели. Ждали.

А вот Ичиро ждать больше не мог. Швырнув ногой в морду Зюто комок снега, он врезался в него и сбил с ног, захватывая длинную гибкую шею в замок правой руки и обвиваясь ногами вокруг его правых лап. Зюто попытался вырваться, забился в конвульсиях, катаясь в снегу; один из его шипов распорол кожу на боку Ичиро. Но г'ата не ослаблял хватку. Одна из левых лап монстра ударила когтями в другой его бок, разрывая мышцы и царапая ребра, и предчувствуя поражение, Ичиро из последних сил дернул шею Зюто на себя. Резко.

Хрустнуло. Монстр обмяк и испустил дух.

Не веря в победу, Ичиро еще долго не разжимал хватку, боясь, что Зюто внезапно оживет. А потом увидел над собой морду красной росомахи. Зверь сжал челюсти на теле монстра и вырвал его из захвата. Бросил себе под лапы, обнюхал и шумно фыркнул.

Ичиро поднялся на ноги и увидел, что остальные звери подошли на расстояние броска. Четвертым оказался золотой лис, такой же большой, как и трое других.

— И что теперь? — спросил он, не зная, чего ожидать от мохнатых пришельцев.

«Давно не виделись, Ичиро,» — раздался у него в голове и в пространстве голос черного медведя. Синие глаза зверя на миг стали человеческими, и г'ата узнал его.

— Дан Даркенвэй. Ты жив.

«Не только я», — ответил Дан.

Ичиро присмотрелся к остальным. Глаза тигра были зелеными.

— Регулус.

Тигр кивнул, подтверждая его догадку.

Ичиро повернулся к лису с яркими синими глазами.

— Валериан Лэйт, — и рухнул на колени. — Прости, я... Вы все, простите меня. Моя мать...

«Убила нас, — ответил лис-Валериан. — И мы очнулись здесь, в Волчьей Зиме. Как и все, кто пал от ее меча за последние сто пятнадцать лет. Г'ата дали всем нам имя — Верные, потому что мы охотимся на измененных — таких, как этот несчастный. Только раньше я не встречал подобных уродов».

— Его изначальное тело было создано Глорией. Она похитила у меня кровь и перелила ему.

«Зачем мама сделала это?» — удивился красный росомаха.

Ичиро оторопел. Единственным, кого он не узнал сразу, был Акаяма Кеншин — отец Юрики. Он не ожидал, что сын-великан Кенсэя в своей новой форме окажется меньше друзей.

— Создает новое человечество. От старого она, похоже, устала.

«Надеюсь, она остановится».

— Я тоже. Но почему вы не возвращаетесь?

«Волчья Зима — наше посмертие. Шива сказал, что мы не станем свободными, пока Великий Гата не остановится, и не наступит Волчья Весна».

— Похоже на сказку о рае.

«Да. А сейчас мы в Чистилище».

— Юрика уже совсем взрослая. Твоя дочь, — Ичиро надеялся, что весть о сестре развеет тоску в глазах Кеншина.

«Дан и Регулус рассказали мне о ней. А недавно я встретил двух таг'ар, которые помогли ей в бою с ириссой. Она не только взрослая, но и сильная».

— Ты ведь можешь встретиться с ней.

«Я всегда мог встретиться с ней. Вот только я никогда не был ей нужен. Может быть, однажды, она позовет меня. Как и Ранмаро — Валериана. Они слишком твердо верят в то, что нас больше нет».

Глава 46. Вдохновенная, Сильная и Бегущая

22 июля 1014 года. Федерация Вердиро, республика Талли, Фламби. Резиденция Великого Дома Лэйт.

Валерия вернулась домой поздно ночью, за два часа до рассвета. Прислонила клинок к дверному косяку, сбросила куртку, разулась. Ощутила прохладную шероховатость паркета босыми ногами. Прислушалась к тиканью часов. Особняк был совершенно пуст. Она осталась одна. Совсем одна.

Ей стало страшно. Оказаться наедине с собой впервые за восемнадцать лет — страшно. До вчерашнего дня она заботилась лишь о Ранмаро и Виктории. Теперь ей нужно было решить, что делать с собой.

Первым делом она отправилась в ванную. Потом на кухню, к холодильнику, по пути облачившись в халат. Оставила волосы сохнуть как есть, не обратившись за помощью к расческе.

Поздний ужин не изменил ее настроения, и новых идей не возникло. И тогда Валерия сделала то, чего не делала многие годы — отправилась в мастерскую. Мольберт, холст, кисти и краски, прочие атрибуты заняли ее своим поиском на некоторое время, которого хватило, чтобы полностью поддаться творческому порыву.

К утру картина была готова.

В дверь постучались.

Валерия поспешила спуститься вниз — в одном халате, валяющаяся с ног от усталости и измазанная краской. Вспомнила о хаосе на голове и попыталась придать ему подобие порядка с помощью пальцев, но только оставила на волосах многоцветные масляные полосы. Вздохнула и открыла дверь.

— Делайла? — она сразу узнала девушку из городской библиотеки — та принадлежала к тому типу людей, которые надежно врезаются в память.

— Доброе утро, госпожа Лэйт, — Делайла удивилась тому, что ее помнят, хотя виделись они всего пару раз, да и не были представлены друг другу. И была явно смущена неряшливым внешним видом Валерии — настолько, что на приветствии вся прочая часть заготовленной заранее речи закончилась.

— Доброе утро, — госпожа Лэйт вспомнила о вежливости. Во Фламби было принято сначала пустить гостя в дом, предложить чай, поговорить о погоде — и только потом задавать вопросы.

— Я, наверное, не вовремя... — Делайла сделала полушажок назад, и чтобы не привело ее к дверям особняка семьи с самой странной репутацией в городе в такую рань, решительный настрой довести дело до конца испарился.

— Нет, что ты, проходи. Я как раз собиралась заварить чай.

Делайла шагнула внутрь, и Валерия ощутила нежный запах ее духов. В это утро девушка была совсем не похожа на обычную себя — во Фламби она прослыла замкнутой в себе особой, проводившей все время за учебой или работой в библиотеке, которую практически не покидала — ей предоставили комнату в здании — и не особо следила собой, избегая косметики, украшений и модных нарядов. Блузка и брюки были ее универсальным костюмом, одним и тем же, в котором ее видели среди пыльных книжных полок, на улице и

в общественных местах; постоянный изнуренный вид Дэлайлы внушал опасение друзьям и знакомым, которые ревностно следили за тем, чтобы она проходила обязательный ежегодный медосмотр — подозревали туберкулез. Но сейчас былой бледности не было и в помине, темные круги вокруг глаз скрыла косметика, губы накрашены красным, в мочках ушей покачивались золотые серьги, на тонкой шее блестела тонкая цепочка. И впервые — Валерия была уверена в этом — девушка надела платье. Голубое, без рукавов, но и без вырезов, чуть выше колен.

Сердце госпожи Лэйт дрогнуло. Ее гостя была очаровательно мила.

— У тебя все хорошо, дитя?

Фарфоровая чашка в руках девушки дрогнула, но на блюде не пролилось ни капли.

— Извини, что я к тебе так обращаюсь, но ты ведь должна знать, что пусть я выгляжу как твоя ровесница, на самом деле намного старше.

Дэлайла подняла на нее свой взгляд, до этого устремленный исключительно на естественный узор деревянного стола в гостиной.

— Никто не знает, сколько вам лет на самом деле. Но в архивах я нашла ваши фотографии пятидесятилетней давности. И уже успела понять, что в нашей стране не принято говорить о подобных вам людях. Слово это в порядке вещей.

— Потому что так и есть. И давно ты знаешь о моем «секрете»? — последнее слово Валерия произнесла с улыбкой.

— Два года.

— Значит, тебя привело не любопытство. Просьба о помощи? Нахальное требование? Но это вряд ли...

— Я пришла сказать, — твердо ответила Дэлайла, — что видела Ранфарга Белгорро два дня назад.

— Он не первый раз в Фламби, — удивилась Валерия. — Что в этом такого?

Дэлайла опять опустила взгляд, линия плотно сжатых губ изобразила жесткую черту.

— Я видела, как он сражается.

И Валерия вспомнила. Восемнадцать лет назад, когда Ичиро попытался в первый раз забрать Ранмаро и Викторину, Ранфарг остановил его, но против невероятной регенерации первенца Ришари ему пришлось использовать неоправданно много своего огня. Город был частично разрушен, погибли люди. Родители Дэлайлы в том числе. Она до сих пор получала пособие, которое Ранфарг назначил всем членам семей пострадавших. Большие деньги для Федерации.

Валерия поняла, что украшения куплены девушкой после недавнего сражения. Хочет ли она этим что-то сказать?

— Все оказалось ложью, — продолжила Дэлайла. — Нам сказали, что огненный великан был агентом «Стаи», а на самом деле это был сам Ранфарг Белгорро. И теперь я понимаю, что в тот день он защищал вашу семью — как и два дня назад. На этот раз никто не погиб, но остались раненые.

— Ты хочешь знать, почему это случилось? — спросила Валерия.

— Нет. Я хочу, чтобы вы передали господину Ранфаргу, что мне больше не нужны его деньги. И я не использовала их с тех пор, как начала получать стипендию. Вчера я перевела всю сумму, которую накопила за пять лет, на счет благотворительного фонда Фламби. А это, — девушка коснулась своей цепочки, — купила вчера. На свои деньги.

— Белгорро не тот человек, чтобы принимать всерьез подобные заявления, — Валерия

откинулась на спинку стула и сомкнула пальцы в замок. — Он знает, что виноват перед тобой и другими, и будет продолжать помогать вам независимо от того, согласны вы или нет. Возражать ему трудно.

Выражение лица Делайлы стало еще жестче, но она ничего не сказала. Молча вышла из-за стола.

— Не вини его, — сказала Валерия прежде, чем девушка сообщила о намерении закончить разговор. — Все, что Белгорро натворил, было сделано ради семьи Лэйт. Мы — истинные виновники произошедшего. Они сражались из-за нас.

— На город напала «Стая», — тихо ответила Делайла. — Я не виню никого, кроме них. Мне пора. Спасибо за чай.

Валерия со вздохом встала и проводила девушку до двери.

— Если ты правда хочешь, чтобы я передала твои слова Белгорро, то знай, что уже завтра-послезавтра он появится у тебя на пороге, и тебе придется повторить ему все лично. Ты так хочешь встретиться с ним?

— Не знаю, — честно ответила Делайла.

— Тогда зайди снова, когда определишься с этим.

— Хорошо...

— И еще, — остановила ее Валерия прежде, чем девушка ушла. — Заходи иногда. Просто так. Ко мне редко заходят гости.

Делайла ушла. Но Валерия была теперь точно уверена, что она скоро вернется.

Визит нежданной гостьи на некоторое время отбил мысли о сне, и Валерия даже направилась в мастерскую вместо спальни, но оказавшись перед мольбертом, она вспомнила, что работа завершена, и силы ее окончательно покинули. Последнее, что женщина успела сделать — добраться до дивана у стены. И мгновенно провалилась во тьму забытия.

Разбудил ее отголосок грома. И постороннее присутствие. Чья-то тень закрыла солнечные лучи, льющиеся в мастерскую сквозь большие прямоугольные стекла в покрытых лаком рамах — из большого окна открывался вид на Фламби. Кто-то рассматривал новую работу Валерии.

— Ришари, — ей хватило одного взгляда на длинные серебряные волосы, чтобы узнать незваную гостью. Рука потянулась к клинку. Вспомнила, что оставила его у двери. И то, что это на самом деле неважно — ей не обойти клинок в руке врага. А даже если и получится... — Что ты здесь забыла?

Гнев и ярость здесь были бессмысленны. И возможно, что Валерия жила свои последние минуты.

Ришари шагнула в сторону и провела пальцем по краю полотна.

— Красиво.

Валерия запечатлела на нем свое мимолетное видение — мужчину и женщину в объятиях. Их волосы, золото и серебро, переплелись, не позволяя определить, чьи они на самом деле. Лица — скрыты ими.

— Что ты видела, когда рисовала? — спросила сестра Дженази. — Воспоминание из прошлого? Мечту о будущем? Или то, чего быть не может?

Валерия взяла кисть и добавила на полотно единственный отсутствующий цвет в виде

красной черты, которая началась чуть ниже того места, к которому прикоснулась Ришари. Она прошла по краю, и могла быть легко обрезана при необходимости.

— Это ведь не я и Кристиан, верно? — усмехнулась г'ата.

— Вы, если ты видишь это. Или я и твой сын. Или ты и твой второй сын, Ранмаро. А может быть, это я и Дженази?

— Чертов абстракционизм, — пробормотала Ришари и отвернулась от картины. Со злостью и ревностью посмотрела на Валерию. — Ты видела его.

Мгновение — и девушка оказалась у нее за спиной, заломив руку и крепко прижав к себе. Вдохнула запах вымытых волос со следами свежей краски, провела щекой по обнаженной шее. У Валерии перехватило дыхание, но почти сразу ее отпустили, оттолкнув даже с некоторым разочарованием.

— Вы были вместе, — прошептала Ришари. — Говорили друг с другом. Касались друг друга. Но не более... Как жаль.

— Ты с ума сошла, — возмутилась Валерия. — Хотя о чем я, это уже давно произошло.

— Ты не понимаешь, — покачала головой Ришари. — Если бы провели ночь вместе, я бы убила тебя на месте. Это был бы прекрасный повод...

— Я же говорю, ты сумасшедшая. Законченная психопатка, — равнодушно ответила Лэйт.

— Хочешь убить меня?

Валерия закрыла глаза. Прислушалась к себе. И вспомнила о Юрике.

— Больше нет.

— Лжешь, — выкрикнула Ришари, но ее голос сразу выровнялся. — Просто уверена в том, что не сможешь. Ты так же слаба, как и все остальные. Даже святой улыбнется при виде трупа своего врага.

В мастерской стало очень холодно. Валерия с ужасом ощутила, как вместе с теплом тело покидает и мистическая энергия.

— А что, если я скажу, что прямо сейчас ты сможешь меня убить, крошка Лэйт?

И Валерия поверила ей. Изменившаяся реальность каким-то образом изменила оттенок глаз Ришари, лишив его мистической силы. Но она была безоружна.

— Возьми мой, — г'ата обнажила свой меч и протянула его Валерии рукоятью вперед, разрезая пальцы об острое лезвие. Кровь закапала на пол. Рана не затягивалась. — Ну же.

Пальцы Валерии замерли в сантиметре от рукояти. Всего на миг, а потом потянулись дальше, к окровавленной руке Ришари. Разжала ее пальцы, и клинок с мелодичным звоном ударился о доски паркета.

— Чего ты боишься? С чего вдруг желаешь смерти? Почему не спрашиваешь, что с Дженази и с твоими детьми? А внучка тебе тем более безразлична? Знала бы ты, как Виктория похожа не тебя... Хотя характер далеко не твой.

Холод исчез, взгляд Ришари снова стал прежним. Валерия догадалась, что единственный миг, когда она могла убить ее, был безнадежно упущен.

«Наверное, это к лучшему,» — подумала про себя.

— Как он? — бесцветно спросила г'ата. И Валерия все поняла. Прочла Ришари, словно открытую книгу. Прошептала:

— Ты в ужасе от того, что он вернулся. И хочешь сбежать. Но бежать некуда. Это ты здесь слаба, раз решила, что смерть все решит.

Ришари отвернулась.

— Сигурд что-то замышляет. Я отправляюсь в Дакиэрро, пощекочу ему нервы. Или даже убью его. Передай Белгорро, что я оставляю вашу Федерацию в покое.

Ей пришлось снова встретиться с Валерией взглядом, когда она подобрала меч. Перед тем, как вернуть его в ножны, г'ата вытерла свою кровь с лезвия о полу халата Лэйт. Та выдержала эту процедуру с каменным выражением лица.

— Я не раскаиваюсь, — произнесла Ришари. И исчезла во вспышке молнии.

Когда зрение и слух вернулись к Валерии, она втянула остатки озона глубоко в легкие. В голове прояснилось. Осмотрела мастерскую и обнаружила, что пострадало только одно из стекол, в котором осталась круглая дыра с оплавленными краями. Ну и халат, разумеется — Лэйт решила от него немедленно избавиться.

Потом ей снова пришлось решать вопрос, что делать дальше — после того, как приняла ванну, переоделась и пообедала. Когда часы пробили два часа дня, в голове созрела идея новой картины.

Валерия взялась за нее немедленно.

Глава 47. Остров Начала и Зеркало Тысячи Истин

12:30, 22 июля 1014 года, понедельник. Федерация Вердиро, республика Нау, окрестности Креслана.

— Жара, — выдохнула Юрика с восхищением и возмущением одновременно, шагнув сквозь дыру в пространстве, созданную дедом. Кенсэй в мгновение ока перенес их на пологий склон горы, покрытой зеленью от подножия до округлой вершины, под яркие лучи тропического солнца, которое резко сместилось вверх по небосклону — еще одно доказательство смены географической широты. И долготы — здесь был уже полдень.

— Море, — возмущение девушки испарилось мгновенно. Склон горы под небольшим углом опускался сразу в сине-зеленые волны, тонкой белой нитью пенящиеся у кромки прибоя и растянувшиеся ровной скатертью до самого горизонта, окаймленного линией серебряных облаков. Слабый ветер оставлял привкус соли на губах, в прогретом солнцем влажном воздухе, казалось, была разлита сама жизнь. Каждый вдох — словно глоток чистой энергии, приближавший тело и разум к состоянию эйфории.

«И кто-то проводит здесь всю жизнь», — подумала Юрика, обнаружив на берегу у подножия горы целый город, струившийся по ее склону почти прямыми улицами из серой брусчатки, белых и желтых стен, красных и коричневых черепиц, к зазубренному причалами серпу гавани, окаймленному многоцветной полосой судов, которым размеры позволяли подойти прямо к пристани. Их более крупные собратья частой россыпью стояли на якоре по всему полумесяцу защищенного от штормов уголка бескрайнего океана.

— Креслан, — произнес Дженази, явно видя этот порт не в первый раз. Перевел взгляд на вершину гор. Точнее, он смотрел сквозь нее, в противоположную от города сторону.

— Давно это было, да? — ответил Кенсэй, смотря туда же. — Лет сто пятьдесят назад. «Сражение при Креслане». Славное было время.

Печальный голос старшего Акаямы свидетельствовал о том, что на самом деле то время славным было только для хронистов, которым только дай волю запечатлеть на страницах хроник события полномасштабных сражений прошлого, в которых тысячи погибших — статистика.

— В город, или сначала покажем детям, что по ту сторону? — спросил Дженази, который уже точно решил, чего хочет в первую очередь.

— Ну, здесь недалеко, — пожал плечами Хоодо. — Малышня, готовы взобраться на эту малышку?

— Ни разу не был в горах и на море, — со сдержанным энтузиазмом ответил Просперо, которому занесение в категорию «малышня» стало ударом по самолюбию. Юрика его понимала, в сорок лет стать снова восемнадцатилетним здорово, но о заслуженном виде прожитых лет авторитете можно забыть. Но он так же, как и другие слышал, о какой седой древности вспоминали бывшие Гвардейцы, и девушка, подумала, что не стоит напоминать, во сколько раз они старше инспектора. Просперо это прекрасно понимал. И да, она тоже в первый раз была и в горах, и на море. И ее тоже задел снисходительный тон деда.

— Почему бы и нет? — Виктория и Ранмаро испытывали схожие чувства.

Подъем на вершину занял полчаса, и мир стал еще больше. Большую его часть заняло море, гора оказалась острием загнутой крюком оконечностью мыса, которой суша цеплялась

за его сверкающую водную поверхность. Небо накрывало все практически прозрачным куполом, облака виднелись только по краю на далеко юге, востоке и западе. Стало видно, что находится по другую сторону, к северу от порта, закрытого громадой земли от холодных зимних ветров — зеленая равнина треугольника южного полуострова. Гора оказалась крайней в невысоком хребте, тянувшемся вдоль его западного берега. Самые высокие вершины подпирали край небосвода далеко на горизонте, все к востоку было сравнительно гладким, с небольшой холмистостью зеленых пятен лесов и лугов. И только три пятна ярко выделялись на общем фоне — черно-серо-стальные, с прожилками вездесущей зелени и вкраплениями ржавчины. Руины и обломки чего-то большого, немногим меньше Креслана по площади — каждое из трех пятен, сформировавших у северного подножия горы неправильный, но просто огромный треугольник.

— Небесные Города, — узнал Ранмаро. — Здесь была битва между Гвардией и Великими Домами?

— Еще два города до сих пор на дне моря к югу, лет сто назад убрали последний корпус разбитого корабля — здесь все было усеяно ими, — подтвердил Кенсэй. — Сигурд успел перевезти все самое ценное на Дакиэрро прежде, чем Белгорро создал Федерацию, хотя, если покопаться, можно отыскать немало интересного. Поэтому «Молот» до сих пор охраняет эту территорию, отваживает любопытных идиотов.

— Радиация? — догадался Ранмаро.

— И не только. По-хорошему, без последствий, сунуться туда можем только мы с Дженази. Когда-нибудь Федерация разгребет это безобразие, когда Белгорро воспитает в достаточном количестве сообразительных малых, способных избежать того, чтобы ненароком не взорвать что-то похуже термоядерной бомбы.

— Так что здесь произошло? — Просперо полностью проникся спящим в руинах технологическим ужасом, и ему хотелось узнать, откуда он здесь вообще взялся.

— После того, как мы — Гвардия, то есть — захватили Вердиго, — ответил Дженази, — Небесные Города собрали большую часть своих сил, расположенных над Судом, и выдвинулись сюда, намереваясь создать плацдарм для контрнаступления. Мы двое суток отбивали атаку, но когда они потеряли половину флота и городов, то решили наконец отступить.

— Сколько вас было? — спросила Виктория.

— Восемь Гвардейцев и пара десятков кораблей ренегатов из Великих ДомовБронзлевен, Коккинавь, Амавази и Сатронг. Но они почти не принимали участия в бою, хотя линкор и пара крейсеров свое получили.

— Не слишком трепетное отношение к союзникам, — заметила девушка, соотношение потерь производило впечатление.

— Они подняли руку на своих, — пожал плечами Дженази. — В те дни Великие Дома были сплоченны как никогда за всю свою историю. Общий враг объединяет, хотя люди забывают о том, что сами приложили руку к его возникновению.

— О чем ты?

— О том, что жизнь — сложная штука, — ответил Кенсэй вместо бывшего ученика. — Особенно если ее целенаправленно усложнять.

Его слова отбили у Виктории желание дальше задавать вопросы.

— Сколько людей... погибло? — с трудом спросила Юрика. Перед ней лежали раздробленные кости погибших городов. А города, даже летающие, называются так потому,

что это крупные населенные пункты. И в них живет много людей.

Кенсэй задумался. Дженази отвел взгляд.

— Многие спаслись на эвакуационных шлюпках и в задуманных на случай крушения гравибункерах, — ответил наконец Хоодо. — Падение тоже кто-то пережил.

— Сто тысяч, — мрачно и тихо уронил Дженази.

— В битве с Глашатаем мы убили гораздо больше, — зачем-то напомнил ему Кенсэй. Наверное, хотел сказать, что где-то есть могильник по-больше и не стоит принимать так близко к сердцу вид именно на эту ошибку молодости. Забыл только, что это не беседа тет-а-тет, да и г'ата от этого не полегчало.

— Это того стоило? — спросила Юрика. — Это хоть чего-то стоило?

Гвардейцы долго ничего не могли ответить, и все молча смотрели на следы катастрофы более чем столетней давности.

— Да, — неожиданно вспыхнул ее дед. — И теперь...

— Не надо, — резко прервал его Дженази, почти грубо схватив за плечо. — Не надо, — добавил уже мягче. — Или все это станет действительно напрасно.

Кенсэй в удивлении замер, глядя на него широко раскрытыми глазами. Но потом словно понял, что Дженази хотел ему сказать; посмотрел на Юрику, Викторию, Ранмаро и Просперо.

— Да. Да, верно, — и сник. — Наша вина безмерна, — ответил он уже Юрике и всем остальным. — Не важно, ради чего, убийство все равно остается убийством. Даже если война. Просто победители живут дальше. Мы можем только сожалеть о прошлом и обещать, что это не повторится в будущем. Больше человеку не дано. Верно, Дженази?

Г'ата промолчал. И Кенсэй не выдержал, отвел свой взгляд в сторону. Посмотрел на Просперо и вытащил из внутреннего кармана бумажник. Вручил инспектору со словами:

— Мы не виделись друг с другом больше ста лет, есть о чем поговорить. Отведи ребят в Креслан, на месте разберетесь, где можно остановиться и перекусить. Осмотритесь — город красивый. А потом мы вас сами найдем.

Просперо оставалось только взяться за выполнение поручения. А Юрике, Ранмаро и Виктории — последовать за инспектором. Спорить никто не захотел.

Когда они преодолели больше половины пути к подножию, Кенсэй и Дженази прекратили провожать взглядами их спины и повернулись друг к другу. Ветер сразу стих, и даже гора дрогнула, едва заметно, но обитавшие на ее склонах насекомые встревожились, первыми ощутив неладное — то ли приближавшуюся бурю, то ли землетрясение. Или все сразу.

— Привет, Дженази, — произнес Кенсэй, словно они снова встретились только что.

— Привет, Кенсэй, — ответил г'ата, принимая условия игры бывшего учителя.

— Где твой меч?

— Сломал, — рука Дженази инстинктивно потянулась к поясу и как и всегда нашла только пустоту. Он со странным удивлением посмотрел на ладонь, и сжал пальцы.

— Давно?

— Лет пятьдесят назад. Нет, больше.

— Наверное, славный был клинок. Тот меч, который ты оставил здесь сто пятнадцать лет назад, сейчас у Ришари. Она убила им ребят, но ты и так уже знаешь об этом. Не самая плохая смерть — меч великолепен. Хотя я уже столько раз говорил это... Почему ты не выковал для себя новый?

— Я больше не ношу меч, — ответил Дженази. — Мне он не нужен.

Кенсэй рассмеялся.

— Ты — мечник, Дженази. Ты был им, им и останешься. Признай, прошло пятьдесят лет или больше — и тебе все равно не хватает клинка под рукой. Каким бы сильным ты не стал, без меча ты... незавершенный, — Кенсэй произнес последнее слово медленно, наклонив голову набок, словно пробуя получившуюся фразу на вкус.

— Я не хочу становиться прежним, — нахмурился Дженази. — Ни тем, которым ты знал меня, ни тем, каким ты меня не видел.

— Может быть, это и к лучшему? — усмехнулся Акаяма. — Сколько всего славных клинков ты сломал или потерял?

Дженази прикинул что-то в уме.

— Пять.

— Иные клинки передаются из поколения в поколение.

— Мои были не так хороши. А эти до сих пор с тобой, — г'ата кивнул на изогнутые мечи в красных лакированных ножнах на поясе Кенсэя. — Алый Рассвет и Багровый Закат. Работа господина Бете Батео. Почти двести лет прошло, а на них до сих пор ни щербинки?

Кенсэй снял один из мечей с пояса и бросил Дженази. И в тот миг, когда пальцы г'ата сомкнулись на ножнах, он полностью преобразился. Акаяма сразу почувствовал это: пусть Дженази ни на миллиметр не сдвинулся с мечом в руке, тень прикосновения холодной стали уже легла на шею, и как понять, отвалится голова через секунду или нет?

«Нет, — мысленно покачал головой Акаяма, глядя в фиолетовые глаза Дженази, которые уже видели, как именно будет нанесен смертельный удар. — Пока в моей руке меч — нет».

Хищник со стальным клыком, которым на пару мгновений вновь стал г'ата, с неудовольствием отступил, оттесненный добряком, которым настойчиво прикидывался Дженази. Лезвие Алого Рассвета на треть покинуло ножны, чтобы позволить оценить общее состояние клинка. Которое было превосходным, и Дженази со стуком гарды об устье ножен задвинул клинок обратно.

— Мастер был бы доволен.

— Может быть, он до сих пор жив, — возразил Кенсэй. — Мы ведь так ни разу и не вернулись на Эко.

— Ты так и не посетил Внешний Архипелаг? — удивился Дженази.

— Нет, — ответил Акаяма. — Если бы я сделал это, то уже не смог бы вернуться обратно. Ты ведь сам помнишь — это лучшее место в мире. Помнишь, как мы впервые встретились? Помнишь время, когда мы просто плавали от острова к острову? Я до сих пор считаю то время самым лучшим. Золотые дни...

— Да, — произнес Дженази и с тоской посмотрел на восток. — Архипелаг — лучшее место во Вселенной.

8 января 818 года. Внешний Архипелаг, острова Дгаен, остров Эко.

Кенсэй мягко приземлился на белый песок широкого пляжа, окаймлявшего неровный овал острова к югу от центра архипелага Дгаен. Путь сюда занял целый месяц, и ожидания

совпали с реальностью лишь частично — Эко был не совсем таким, каким он его себе представлял, услышав рассказ о двуглавом спящем вулкане практически в самом сердце цивилизованного мира, склоны которого покрыты джунглями и полями риса высшего качества; этот рис был настолько дорог, что, по слухам, местные за всю жизнь не пробовали и зернышка, предпочитая им торговать, а не есть фактически чистое золото; но это была сушая глупость — Эко процветал благодаря своим кузнецам, а не рису, их мечи ценились так высоко, что создатели могли позволить себе питаться и золотом.

Спящий вулкан был больше похож на две горы-близнеца, которые заснули так давно, что уже вряд ли когда-нибудь проснутся. В отличие от многих других островов Архипелага, бояться внезапного извержения кузнецам не стоило.

«Сердце цивилизованного мира» оказалось понятием только географическим, на архипелаге Дгаен не было больших городов, храмов и замков, как в островных империях Тцу-Бао, Кейдо и Хунушу, или княжествах острова Черных Мечей. Или союзных городах-государствах Серебряного Пути. Или... Собственно, практически во всех уголках необъятного Архипелага, где уже успел побывать Кенсэй, признаки брэнного процветания ремесленников и торговцев были куда отчетливее и явственнее. Даже на его родном острове поселение было больше, а архитектура изящнее, чем здешних островах, и Эко оказался едва ли не самым невзрачным из них. Он и правда был покрыт джунглями и полями риса, но последние были всего-лишь редкими пятнами, способными прокормить разве что эту большую деревню, приземистые дома которой были рассыпаны по южному склону правой горы-близнеца Эко. Качество риса, наверное, так же было преувеличено. Единственное, в чем Кенсэй остался твердо уверен — в том, что здесь куются одни из лучших мечей Архипелага. Он лично видел больше десятка из них в руках князей и военачальников. Но завладеть превосходным клинком простым и быстрым путем мешала принадлежность к Первому Дому Акаяма, от которого Кенсэй пусть и отрекся, но все равно не собирался создавать ему репутацию семьи, воспитавшей беспринципного убийцу. К тому же ходил слух, что мечи острова Эко таким долго не служат и признают только воинов, которые получили их из рук кузнеца.

Деревня на склонах вулкана была не единственным поселением на острове, лодка Кенсэя причалила к берегу, вдоль которого растянулись полосой на удивление добротные рыбацкие хижины. И это стало доказательством того, что остров действительно процветает, ведь даже в самых богатых империях Архипелага простые рыбаки кроют крыши соломой или пальмовыми листьями, а не деревянной черепицей.

Последней каплей стал полуседой, но совсем еще молодой полуголый бедолага без проблеска сознания в глазах, сидевший прямо на песке и мычавший что-то под нос. Он только и мог, что проводить свои дни на берегу, встречая приплывающих на остров гостей, и никому не мог принести никакой пользы, но сандалии у него были добротными, хотя и поношенными. И раз они до сих пор на нем, то на Эко нет ни бездельников, ни отчаявшихся, чтобы на подобную роскошь позариться.

— Спокойного моря тебе, добрый человек, — приветствовал Кенсэй полоумного, и попрощался с рыбаками, доставившими его на остров. Группа встревоженных местных рыбаков уже ожидала неподалеку — лодку они заметили издали и собирались приветствовать гостей первыми, но Кенсэй был в воинском кафтане без знаков клановой принадлежности, и они поостереглись приближаться, оставив за ним право сделать первый шаг. То, как он повел себя с местным дурачком, рыбаков успокоило, но за подмогой они на

всякий случай в деревню позвали.

— Спокойного моря всем вам, добрые люди Эко, — радушно приветствовал Кенсэй быстро растущую толпу любопытных с гарпунами, веслами и сетями, которыми никто не угрожал. Просто намекали, что если что не так, мечи одинокому задире не помогут.

— Попутного ветра одинокому страннику, земля Эко рада твоему мечу, — выступивший вперед седобородый крепко сложенный рыбак приветствовал Кенсэя сдержанно, но согласно традиции, которая помогала красноречиво объяснить гостю, чего ему следует ожидать.

— Мое имя — Кенсэй, и я слышал о великом мастере Бете Батео и его клинках. Кто скажет мне, как его найти?

— Ты хочешь купить у него меч? — спросили у него прямо. Кенсэй не был похож на человека, у которого водилась требуемая для этого сумма, так что ситуацию следовало прояснить на месте.

— Мечи, — поправил Кенсэй рыбака, и уже поняв, что все на этом острове — одна большая семья, вытащил из внутренних складок кафтана кожаный кошель. Открыл и продемонстрировал радужный перелив драгоценных камней.

— Тебе повезло, мастер Батео сегодня-завтра закончит работу над заказом князя с острова Вуйджо. Его люди ждут этого на нашем острове уже три недели. Они стали лагерем возле дома мастера, так что будь осторожен — эти бездельники не трогают никого только потому, что Эко под защитой князей Дома Ким, но ты не один из нас. Напав на тебя, они оскорбят только мастера Батео, а не их светлости.

— Спасибо за предупреждение, — искренне поблагодарил Кенсэй.

— Ло, отведи мастера Кенсэя к мастеру Бете, — к огромному удивлению добровольного изгнанника Акайма рыбак обратился к полоумному. Тот что-то промычал нечленораздельно и поднялся с песка, сразу направившись в сторону западной вершины горы Эко.

— Следуй за Ло, мастер Кенсэй, — сказал ему рыбак, добродушно улыбаясь. — Он знает дорогу.

Ло дорогу и правда знал. Кенсэй подозревал, что полоумный забыл о нем сразу, как только он пропал из его поля зрения, но на развилках тропы сквозь джунгли поворачивал не задумываясь, и через два часа они оказались на лишенном растительности ровном участке горного склона, довольно большом, чтобы на нем разместился дом и сад, и еще место осталось — напротив жилья кузнеца был разбит большой шатер из серой парусины. Между шатром и домом остался пустой участок, на котором к моменту появления Кенсэя выясняли отношения больше десятка людей.

— Ты не веришь слову его светлости? — воин в деревянных доспехах навис над стариком в фартуке кузнеца и повязанном на голове платком. Громила был в ярости, кузнец — совершенно спокоен, хотя за его спиной стоял только безоружный парень, а не восемь солдат князя Вуйджо.

— Я поверил вашему обещанию, что всю сумму привезут к тому моменту, когда я закончу работу, — ответил старик. — Правила кузнецов Эко просты. Нет всей суммы — нет меча.

Воин бросил под ноги Бете Батео горсть камней куда большего качества, чем принес с собой Кенсэй.

— Ты думаешь, что мой господин не может позволить себе заплатить еще столько же, старый дурак?

— Почему же, охотно верю, но теперь ему придется заплатить в сто раз больше, — Батео рассердился на выходку воина. — У кузнецов Эко есть гордость, и ты только что оскорбил всех нас.

Воин позади командира поспешил прошептать ему что-то на ухо и тот задумался.

— Прошу прощения, мастер Батео, — извинился он и стал на колени, чтобы лично подобрать им же брошенные камни. — Я недостойный ваше гнева глупец, и мой господин накажет меня за мою дерзость. Мыждемся корабля, который доставит вторую часть суммы, и только тогда заберем мечи.

— Ты хочешь, чтобы я так просто простил тебя? — черты лица Батео смягчились, но хмурое выражение на нем сохранилось. — Будь ты слугой любого другого господина, так и было бы, но мне известно, что князь Вуйджо нарушил свое слово однажды, и предал дом Су. И во время работы над мечами сомнения не покидали мое сердце. Правильно ли я поступил, приняв от него заказ? И теперь вижу, что нет, мне следовало ему отказать. Верни ему камни, воин, и передай, что дом Кшану недостойн клинков острова Эко.

Громила прекратил собирать драгоценные камни и поднялся с колен, уже собранные снова посыпались на землю.

— Раз так, то я просто заберу мечи. Вот половина суммы, вторую привезут позже, — и дал жестом указал подчиненным на дом кузнеца. — Найдите мечи, только аккуратно.

Парень, стоявший за спиной Бете Батео, вышел вперед, и Кенсэй наконец получил возможность его толком рассмотреть. Удивился слегка — не ожидал встретить чистокровного гемини в этой части Архипелага. Местные островитяне были результатом многовекового смешения крови яо из северо-восточной его части и гемини из юго-западной и давно уже стали отдельными народами — коренастыми и ширококостными, с овальными лицами и жесткими волосами; от яо им достались чуть раскосые глаза со складкой и выступающие скулы, от гемини — квадратные подбородки. Подручный кузнеца был среднего роста и худощавый, даже слишком, но с широкими плечами и прямой спиной; на отряд солдат он смотрел прямо, с угрозой, и те даже замерли на мгновение — на прямоугольном бледном лице, обрамленном длинными волосами, не было ни капли страха. Наверное, немаловажным был и тот факт, что волосы были седыми и отливали серебром под ярким солнцем, а глаза — цвета аметиста. Сама собой приходила мысль, что такой человек не может не обладать мистической способностью, а то и вовсе быть чародеем.

Но солдаты Вуйджо пробыли здесь три недели и, похоже, знали, что гемини не воин и не маг.

— В сторону, щенок, — рыкнул громила, отодвигая парня в сторону. И сам отлетел от него на пять шагов, сбив своим телом стоявшего за спиной бойца.

— Вы решили развязать войну с домом Ким? — спросил парень невозмутимо, словно только что отправил в полет мешок с соломой, а не солдата в полной экипировке.

— Никто не станет начинать войну из-за обиды старого дурака и переломанных костей его подмастерья, — ответил предводитель солдат Вуйджо, поднимаясь на ноги и недобро улыбаясь. — Цена за мечи будет уплачена.

Получив приказ не обнажать оружия, солдаты Вуйджо бросились на необычного гемини всем скопом и после непродолжительной борьбы скрутили по рукам и ногам, прижав к земле. Чтобы удержать его, потребовалось шесть облаченных в доспехи мужчин, еще двое были готовы в любой момент прийти на помощь товарищам.

— Силен, — пропыхтел один из них.

Кенсэй подумал, что сейчас самое время вмешаться, и собрался было выйти из-за скрывавшего его куста, но его остановила рука Ло. Полоумный предостерегающе мычал и не собирався отпускать полу его кафтана.

— Эй, там нужна моя помощь...

Раздался вопль бойца Вуйджо. Кенсэй обернулся и увидел, что парень впился зубами в его кисть, защищенную кожаной перчаткой. И судя по крику, если и не прокусил ее, то сжал челюсти так сильно, что кости треснули.

Освободив правую руку, подручный Батео ударом кулака вывел из строя еще одного солдата, головой нокаутировал другого, удерживающего левую. Оставалось сбросить еще троих, пока остальные не опомнились, и парень с этим справился, продемонстрировав потрясающую гибкость позвоночника и скрутив тело едва не на половину полного оборота и при этом согнуться в поясе, чтобы дотянуться до противника. Зацепился пальцами за стальной край шлема бойца и потянул на себя, стряхнул с ноги его соседа, оттолкнулся и все вчетвером дружно покатались по земле, собирая пыль. Когда движение тел прекратилось, на ноги поднялся только парень — солдаты остались лежать у его ног.

Кенсэй одобрительно присвистнул: гемини знал приемы сразу нескольких школ боевых искусств. Мог бить любой предназначенной для этого частью тела, исполнял броски, захваты и всюю использовал вес противника против него же. Бой с ним был похож на попытку схватить и удержать лавину или селевой поток, потому что хоть у него и не было боевого опыта — это было хорошо заметно, как и отсутствие отточенной завершенности приемов — но проблему решали звериная ярость, инстинкты, невероятная сила и гибкость. И полная невосприимчивость к боли.

Вуйджо осталось трое, в том числе громила-командир. Который нарушил обещание не проливать крови и обнажил меч. Подчиненные последовали его примеру. Парень осмотрелся по сторонам в поиске подручного оружия и схватил поданную ему стариком метлу.

— Осторожнее, — предостерег его Батео.

Громила медленно, шаг за шагом, приближался к парню, занеся меч над головой, пока двое других заходили с флангов. Гемини дождался, пока тот, что справа, на полшажка опередит напарника и командира, и со всей силы ударил метлой по выставленной вперед деревянному щиту. Связанные в пучок прутья разлетелись в стороны, древко изогнулось дугой — и не сломалось. Первого из оставшейся троицы Вуйджо смело.

Кенсэй проводил взглядом улетевшее тело и снова присвистнул. Траектория полета обрывалась где-то в зарослях джунглей в двадцати шагах от дома кузнеца.

До громилы наконец дошло, но бежать было поздно. Удар деревянной палки, из которой следовало бы сделать боевой шест или копье, а не метлу, оставил в его руках рукоять с обломком лезвия длиной в два пальца и только задел стальной шлем — воин успел пригнуться. Но ремешок, удерживающий шлем на голове, лопнул, и он слетел, кувыркаясь в воздухе и разбрасывая солнечные зайчики своей лакированной поверхностью. Голова осталась на месте, но постояв немного, командир Вуйджо покачнулся, а потом бревном рухнул на землю.

Последний солдат не стал досматривать картину падения своего предводителя и кабаном ломанулся в зеленые заросли. Его не преследовали.

Ло отпустил Кенсэя и первым покинул их общее укрытие, направившись к подмастерью Батео, который стоял среди поверженных противников и ждал, не поднимется ли кто из них. Вуйджо даже не стонали, но парень все ожидал подвоха, и когда полоумный подбежал к

нему, посмотрел на него таким диким взглядом, что Ло испуганно замер на полпути.

— Это ты, — седой гемини узнал местного дурачка и расслабился. А потом глубоко втянул воздух носом, прислушался и неожиданно спросил, глядя прямо на Кенсэя, скрытого зарослями:

— Кто с тобой?

Кенсэй понял, что его обнаружили, и решил наконец показаться. Вышел на открытое пространство, демонстрируя пустые ладони, и издали представился:

— Мое имя Кенсэй, вольный мечник Архипелага. Меня привела к вам слава о мечах мастера Бете Батео.

Парень внимательно осмотрел его с ног до головы, взгляд задержался дважды — на парных клинках на поясе и нехарактерных для яо светлых волосах. Кареглазые блондины крупного телосложения были среди них редкостью.

— Кенсэй — всего-лишь прозвище, — произнес кузнец, подходя ближе. — Как твое настоящее имя, воин?

— Это мое единственное имя, — покачал головой мечник. — И его достаточно, потому что это имя первого меча Архипелага.

— Громкие слова, — усмехнулся Батео, но Кенсэя это не смутило.

— Я думал, что на Эко найду лучшие клинки, выкованные человеком...

— Тогда тебе следовало отправиться на Красную Гору, — кузнец был польщен его словами, но предел своего мастерства осознавал.

— Ее мечи куются только для Акаяма, — ответил Кенсэй недрогнувшим голосом. — Но дело не в этом. Только что я понял, что мне больше не нужны и ваши клинки, мастер Бете Батео. Мне нужен ученик, и я нашел его. Парень, как твое имя?

— Дженази, — ответил тот, с изумлением взирая на самопровозглашенного учителя.

— Я увидел, с каким удовольствием ты размахивал своей метлой, Дженази. Я научу тебя, как держать в руках меч.

— Ему хватит и метлы, чтобы отмутузить тебя, — вскипел Батео, осознав, что у него самым наглым образом сманивают ученика. — Сынок, воткни ему ее в задницу.

Кенсэй снял с пояса мечи и обнажил один, как бы случайно ослепив кузнеца солнечным зайчиком. Воткнул в землю и повесил на рукоять кафтан, оставшись в рубашке. В руках у него остались только ножны.

— Я просто покажу, что можно сделать только ими, — пояснил мечник. — Готов?

Дженази покрепче сжал деревянный шест, но через мгновение его все равно выбило из рук, а обитый бронзой конец ножен замер у виска парня, остановленный в самый последний момент.

— Вот и все.

Обязанность проводить к кораблю князя Вуйджо его людей взял на себя Кенсэй. Постановвая и прихрамывая, они не протестовали против его компании, и даже соизволили ответить на пару его вопросов. Громилу-командира звали Шуо Бхон, а его господина — Кшану Луо, который был главой своего дома и князем острова с населением в пятьдесят тысяч душ к западу отсюда. Под властью дома Ким, защищавших Эко, находилось десять островов и сто тысяч человек. Дом Су, о котором Бете Батео упомянул, владел тремя островами к югу. Узнавать у Бхона подробности истории, в которой князь Вуйджо предал

доверие дома Су, Кенсэй не стал — громила знал, что провал с мечами дорого ему обойдется, и был мрачнее тучи. И от того, в каком свете он все представит, будет зависеть, чего лишится — чести, жизни или части тела. И что будет, если кузнец сообщит о происшествии Киму, а тот напишет гневное письмо? Войны начинались и из-за меньших пустяков, потому что правителям важен не нанесенный ущерб, а сам его факт или всего-лишь намерение его причинить.

Выразив свое сочувствие, Кенсэй проследил за тем, чтобы все воины погрузились на корабль, который ждал их в небольшой бухте в незаселенной части острова, и долго провожал взглядом его треугольный парус. Размышлял над вероятностью своего вовлечения в водоворот местных событий.

Сзади раздался треск ветвей, и на берег, тяжело дыша, выбрался тот самый солдат, которого Дженази обратил в бегство. При себе он сохранил только кинжал, и застыл в оцепенении, обнаружив, что товарищи бросили его на этом острове. Скорее всего, не заметили, что одного не хватает...

Кенсэй сочувственно похлопал его по плечу.

— Бывает, парень, бывает, — и отправился назад.

Вернулся к дому кузнеца он только к вечеру.

— Любовались видами нашего острова? — вежливо поинтересовался Бете Батео, встречая его на пороге. Сняв свой фартук и облачившись в домашнее, он удивительным образом преобразился, разом растеряв суровость мастера своего дела, и превратился в радушного хозяина, счастливого присутствием гостя под своей крышей. Его жена встретила Кенсэя уже в доме, возле накрытого стола, рассчитанного на четверых — приятная пожилая женщина с мягкой улыбкой. Ее волосы были собраны в пучок и закреплены серебряными шпильками с крохотными рубинами.

— Д-да, чудесное место, — Кенсэй не стал признаваться, что заблудился на обратном пути и долго блуждал в джунглях на склонах горы. — А где Ло? — он не раз вспомнил о полоумном с компасом в голове, пробираясь сквозь густые заросли, и теперь ему было интересно, куда он подевался.

— Бедняга вернулся домой, — со вздохом ответил Батео. — Он сын моего старого друга, которого Небо наказало за неведомые прегрешения. Я отправил Дженази проследить за тем, чтобы с ним ничего не случилось. Он скоро вернется.

— Откуда он? — спросил Кенсэй. — Дженази.

Батео посмотрел на него с хитринкой во взгляде.

— С чего бы мне рассказывать это человеку, который отказывается признаться, кто он и откуда?

— Мое имя — Кенсэй, и я стану первым мечом Архипелага, — с достоинством ответил воин. — Это все, что нужно знать лучшему кузнецу Архипелага.

— Тогда первому мечу Архипелага достаточно будет знать, что Дженази — все еще ученик лучшего кузнеца Архипелага, — улыбнулся Батео. — И если он все же согласится обучаться воинскому мастерству, тогда и задашь ему этот вопрос лично.

Кенсэй тяжело вздохнул.

— Вы обещаете, что никому не раскроете мое прежнее имя?

— Обещаю, — торжественно подтвердил кузнец.

— Я — Хоодо из Первого Дома Акаяма, — на одном дыхании, резко выпалил Кенсэй и опустил взгляд.

Бете Батео умолк, сел за стол и долго-долго пристально рассматривал Кенсэя.

— У тебя, должно быть, была веская причина, чтобы оставить Красную Горю? Легенда гласит, что Акаяма не должны покидать Камни Шабаку.

— Потому что только там они смогут защитить Архипелаг, когда наступит час великой тьмы... Что за тьма, когда этот час наступит — никто ясно сказать не может, а тем временем сотни моих братьев и сестер сидят на клочке суши и днями напролет машут деревянными мечами, распевая песни на непонятном никому языке. Я раскрою вам, мастер Батео, еще одну причину, по которой мне так нужен Дженази в качестве ученика, и это станет моей платой за ваше благословение. Один из самых больших секретов Первого Дома Акаяма.

Бете Батео даже привстал со своего места, сразу став похожим на старого охотничьего пса, почуявшего добычу. Знания Первых Домов стоили много.

— И что же это?

Кенсэй закрыл глаза, вспоминая образы родного дома.

— Острова Дома Акаяма названы Камнями Шабаку, потому что были созданы человеком с таким именем в дни великой катастрофы, преобразившей мир. Это он приказал моим предкам всегда быть готовыми к большой беде, и даже оставил точную инструкцию главе Дома, моему прадеду, который уже четыреста лет медитирует на вершине Красной Горы. В одной из ее пещер есть изображение Шабаку — он был великаном в два человеческих роста, с белыми волосами и фиолетовыми глазами. Дженази ростом не вышел, но в остальном... Похож. И беря во внимание его силу, я уверен, что он и Шабаку одной крови. Согласитесь, мастер Батео — я, рожденный в Доме Акаяма, смогу обучить его большему, чем вы.

Бете Батео задумался и посмотрел на жену, которая все это время просидела, не проронив ни звука, слушая беседу мужчин. И понять, что она думает, было невозможно — таким спокойным было ее гладкое, лишенное морщин лицо.

— Что скажешь, Тома?

— Решение примет Дженази. Но перед этим посоветуется с Богиней.

— Богиня? — не понял Кенсэй.

Бете Батео улыбнулся.

— Кузнецы острова Эко никого не боятся вовсе не потому, что Дом Ким оказывает нам свое покровительство. Завтра утром Дженази отведет тебя к ней. Если захочет.

Дженази разбудил Кенсэя за час до рассвета. Тома Батео разместила гостя в комнате на втором этаже, и ученик кузнеца вошел в нее так тихо, что воин услышал его, только когда он подошел вплотную к кровати.

— Сказать, что согласен стать моим учеником, можно было и попозже, — пробормотал Кенсэй спросонья, и окончательно проснулся.

— Я еще ничего не решил, — ответил Дженази. — Мне нужно посоветоваться с настоящей покровительницей этого острова, а для этого она должна вас увидеть.

— Смутно улавливаю логику... Ну, веди тогда.

И Дженази отвел его к трещине в скалистом обрыве северного берега острова. Идти к

ней пришлось по камням, на которые в ритме размеренного человеческого дыхания накатывали прохладные морские волны, иногда по пояс в воде. Будь прибор сильнее, и на подобную прогулку согласился бы только самоубийца или обладатель сильных мистических способностей, но в эту ночь хватало и обычной физической подготовки. И удачи, которая не позволит подскользнуться на мокром базальте и разmozжить себе голову.

Трещина была входом в узкое ущелье, дно которого было непроходимым совершенно из-за бурлящего потока, которым море вривалось в столько ограниченное пространство и с силой било о камни. Дженази выбрал точкой опоры уступы на каменных стенах, мокрых от соленых брызг, и задерживался на них ровно настолько, сколько требовалось для толчка к следующему прыжку. Кенсэю оставалось только надеяться на то, что результаты встречи в конце этого пути оправдают затраченные усилия.

Ущелье становилось все уже, и вскоре его стены сомкнулись над головой; поток воды не стал слабее, наоборот, и за века прорезал себе путь в твердой вулканической породе, вонзившись глубоко в камень. Под ногами стало сухо, и в пещеру они уже спокойно вошли. Огромное сферическое пространство, высеченное в скале самим временем, было заполнено мраком и соленым морским воздухом, из центра выгнутого линзой пола доносился спокойный плеск волн, отраженный многократным эхом от базальтовых сводов. Кенсэй сложил ладони ковшиком, прошептал-выдохнул на них слова из языка Забытых Богов — и вспыхнуло пламя, золотое и мягкое. Огонек уверенно трепетал в его руках, пока не забился, словно чье-то сердце, и не взлетел вверх в форме певчей птицы, освещая своды пещеры.

— Вы — чародей, — произнес Дженази, наблюдая за полетом мистического создания. — Не встречал вас раньше.

— На Архипелаге хватает чародеев, — пожал плечами Кенсэй. — Правда, я сильнее многих из них.

— Почему вы сразу не сказали об этом? — удивился парень.

— Потому что ты не можешь стать чародеем, — ответил Кенсэй. — И эти знания для тебя по большей части будут бесполезны. Так где твоя покровительница острова?

— Она прямо перед вами, — ответил Дженази, глядя на естественный бассейн в центре пещеры.

По темной воде пошла сильная рябь, прозрачные капли отрывались от поверхности и зависали в воздухе, чем ближе к центру бассейна, тем выше. И начали притягиваться друг к другу, формируя хаотическое подобие женской фигуры. Капли вращались по причудливым траекториям, сливались в более крупные образования непостоянной формы, которые увеличивались, уменьшались или вовсе рассыпались водной пылью, чтобы превратиться в нечто новое, порой геометрически правильное, но настолько мимолетное, что оставалось только ощущение абсолютного порядка в этом воплощении водного хаоса. И смотреть на это можно было бесконечно. Не потому, что так сказано в известной поговорке про текучую воду, огонь и постороннее трудолюбие, а потому, что сами образы, в которые складывались капли, пробуждали что-то в глубинах человеческого сознания. Казалось, что наблюдая за ними, впуская в себя, концентрируясь, можно раскрыть тайны Вселенной, над которыми веками бьются мистики и математики. Перед Кенсэем предстала магия, но не та, которой он мог пользоваться по милости Забытого бога, а нечто фундаментальное, то, что лежит в основе всего и объясняет существование чего-то настолько одновременно чуждого и близкого человеческой природе.

— Госпожа Мирия, — Дженази представил Кенсэю ярмиру, но чародей услышал его

лишь краем сознания, загипнотизированный водным хаосом, обладающим разумом.

— Акаяма Хоодо, — Кенсэй против воли назвал имя, данное ему при рождении. Мирия притягивала к себе внимание так сильно, что весь остальной мир переставал иметь значение, становился чем-то нереальным и несущественным. В облике ярмиры заключалась скрытая истина, обнаженная и расшифрованная разумным созданием с неподдающейся обычной логике мышлением, и играть с ней в игры, в которых видели смысл люди, проводя повседневную жизнь в общении и заботах, было попросту невозможно.

Мирия на несколько мгновений приняла относительно стабильную форму, наиболее четкую в области головы и с максимально детализированными чертами лица. Они плыли, меняясь, так что невозможно было вспомнить, каким был ее облик секундой назад, но общая идея сохранялась неизменной, представляя отражение тысяч прекрасных женщин в расцвете юности, ни одна из которых не жила под небом этого мира. Все они были плодом чьего-то воображения, и Кенсэя озарила догадка, что многих из них мог представить и он сам. Возможно, даже видел в своих снах. Это испугало его, и чародей попытался отвести взгляд, чтобы сбросить наваждение. Заподозрил, что если будет смотреть на ярмиру слишком долго, его сознание просто растворится и исчезнет.

— Здравствуй, Хоодо, — голос Мирии мелодичным эхом отразился от сводов пещеры, но вовсе не поэтому Кенсэй не смог его запомнить и воспроизвести в памяти. Он был идеальным, как тот, что звучит в голове мыслящего человека. Только голос ярмиры был женским; чародей был уверен, что другие мужчины услышат иное звучание, и общим будет только одно — ощущение, что слышишь часть самого себя.

— Не обращай внимания на мою форму, — продолжила Мирия. — Я знаю только то, что она отражает в себе сознание всматривающихся в меня людей. Это бывает опасно, и я не желаю этого, но такова моя природа.

— Я еще не встречал ярмиров, подобных вам, — ответил Кенсэй, тронутый искренностью Мирии. — Мне даже показалось, что...

— Я храню тайны Вселенной? — изменчивое лицо ярмиры улыбнулось. — Это не так. Я знаю только то, что позволено мне моими возможностями. Например то, что ты хочешь забрать с Эко Дженази.

— Хороши возможности...

— Вся несвязанная вода на острове — мои глаза и уши, — пояснила Мирия. — Я редко покидаю эту пещеру, и общаюсь лишь с теми, кто способен прийти сюда. И недолго. Мне тяжело дается беседа с людьми, так что вернемся к нашей проблеме. За восемьсот лет моей жизни Дженази первый, чье присутствие я могу вынести в течение часа. Он дорог мне, и я хочу быть уверена, что с ним ничего не случится за пределами Эко. Ты достаточно силен, чтобы защитить его?

— Да, будь уверена, — твердо ответил Кенсэй.

— Докажи, — слово произнесла не Мирия, а словно сама пещера. — Продержись против меня... минуту.

Тело ярмиры ударило гейзером в свод пещеры, но не коснулось его, разлившись по всему пространству внутри каменных стен. Стало парящими в воздухе каплями воды, передвигающимися по тому же принципу, что и в ее человеческом облике.

— Двести лет назад госпожа Мирия утопила целый флот, который пытался захватить Эко, — произнес Дженази не предупреждая, а просто сообщая факт. — С тех пор остров никто не трогает.

— Я тоже так могу, — ответил Кенсэй, но без должной уверенности. — Утопить флот.

— Тогда вам нечего бояться.

— Э-э... да.

Руби воду сталью было бесполезно, поэтому чародей даже потянулся к ним и сразу обратился к ожидающему его за Вратами Забытому богу:

«Баад-Бор-Ксон! Мне нужна вся твоя сила».

«Цена?»

«Если откажешься, я навсегда забуду твое имя».

«Это ультиматум!»

«Да».

Ярость Забытого бога огня была безмерной, но Кенсэй выстоял и не отвернул взгляда от его нечеловеческого лица. Он поставил на чаши весов стабильный источник собственной силы и призрачную идею воспитать сильнейшего воина — и мечта перевесила. Следовало только рискнуть.

Баад-Бор-Ксон подчинился, и Кенсэя охватило яркое золотое пламя. Это был не просто факел — огненный феникс расправил свои крылья, оплавливая жаром камни и испаряя воду, но не трогая Дженази. Он не атаковал, просто ждал, и Мирия обрушила на него свою мощь. Если бы это были просто невероятный жар и вода, то созданное раскаленным паром давление разорвало бы гору на куски не хуже вулкана. Но тело Мирии было не простой водой. Кенсэй видел, что атакующая его масса разделилась на два слоя — внутренняя часть сжимавшей феникса водяной сферы обратилась в пар, пытающийся добраться до чародея, а внешняя стала упорядоченным роем ледяных кристаллов, которые поглощали всю рвущуюся наружу энергию. Ярмира поглощала ее всю без остатка.

Прошла минута, и десятая часть доступной чародею энергии Забытого бога была исчерпана. Оставалось еще девять минут временного, но абсолютного бессмертия, когда обьятый золотым пламенем объект существует одновременно в двух измерениях и только Кенсэй решает, что для него реально, а что нет.

— Достаточно, — Мирия прекратила атаку и вернулась в человеческую форму. — Ты силен. Я доверяю тебе жизнь Дженази. Теперь идите. Я... устала.

Глава 48. Рассекая боль

22 июля 1014 года. Федерация Вердира, республика Нау, окрестности Креслана.

— Ты хочешь встретиться с Мирией? — спросил Кенсэй. Воспоминания о прошлом промелькнули перед глазами сплошным потоком, и единственное, что он не мог четко представить — это образ одной из самых загадочных ярмир в мире. На нем нельзя было сфокусироваться, он ускользал, как вода сквозь пальцы.

— Как давно ты вспомнил о ней? — ответил Дженази вопросом на вопрос, и Кенсэй понял, что бывший ученик просто не знает, что сказать. Как и он сам, задай ему кто такой же вопрос.

— Если честно, то только после того, как основал свою собственную школу и снова стал Акаяма Хоодо. Кенсэй — это имя Гвардейца, я не хочу, чтобы люди произносили его. Нет, ты — можешь, — поторопился сказать Хоодо Дженази, когда увидел виноватое выражение на его лице. — Ты звал меня так еще до того, как все случилось.

— Мы забыли о Мирии, пока были Гвардейцами, — подтвердил свою догадку г'ата. — Как о чем-то совершенно неважном. И я тоже вспомнил о ней, когда перестал быть Гвардейцем.

Акаяме не понравился тон, с каким Дженази произнес последние слова — когда бывший ученик становился таким мрачным, это сулило большие неприятности, а кому или чему, становилось известно уже после того, как эти неприятности случатся.

— Как ты думаешь, когда я перестал быть Гвардейцем, Кенсэй?

— Когда встретился с Нолой Орчи? — заранее зная, что ответ неверен, предположил Акаяма. И подумал, что некстати отдал Дженази один из своих мечей. Старая история всплыла в памяти, и еще одна девушка, о которой он уже давно не вспоминал. Винсента.

Человеку свойственно помнить хорошее и забывать плохое — так легче. Кенсэй прожил четверть миллениума, и забыл очень много плохого, чтобы иметь возможность радоваться каждому новому рассвету. Но изъять из памяти горькие воспоминания навсегда невозможно, при каждом удобном случае они снова оживают.

8 августа 888 года, Железный Архипелаг, остров Эвдо, особняк Саргас.

Винсента провела серию молниеносных ударов, клинок в ее руке взмывал вверх и пикировал вниз подобно чайке, охотящейся на ветру над волнами. Сталь звенела и пела, связывавшая волосы девушки лента соскользнула и освободила темный водопад, с которого клинок Кенсэя нарочно срезал небольшую прядь, давая понять, что защита приемной дочери Дженази далека от совершенства, и если собралась с одним мечом выступить против мастера двух, то двигаться надо быстрее.

Внезапный пинок выбил клинок из левой руки Кенсэя, Винсента нырнула под правую руку и нанесла удар, даже не думая сдержать его в последний момент. Чтобы остановить его, чародею пришлось схватить лезвие пальцами левой руки.

— Х-ха, — выдохнула девушка, но как бы она не давила на меч, преодолеть сопротивление обычной с виду плоти было выше ее сил. Клинок не двигался, рука не

резалась, а Кенсэй даже не поморщился.

— Нечестно, — с возмущением выпалила она, выпуская меч из рук. — Я бью со всей силы, а вам все равно.

— Мир несправедлив, — Кенсэй с улыбкой вернул Винсенте меч, выкованный для нее лично Дженази на пятнадцатый день рождения. — Семнадцатилетняя ученица не может ранить столетнего мастера... Подай жалобу в Министерство сопливых зазнаек.

— Я серьезно! — воскликнула Винсента. — Как? У вас же нет мистической способности, укрепляющей тело?

— Я же объяснял... И Дженази объяснял. Дело в мистической энергии, наполняющей наши тела. Есть мистическая способность, нет ее — энергию можно использовать, если ты боевой тип, усиливая и укрепляя тело. Ты вот взглядом предметы не двигаешь, не воспаляешь и замораживаешь, и вообще ничего подобного не умеешь, а кулаком армированный бетон пробиваешь. Потому что боевой тип, и вся мистическая энергия идет в мышцы.

— Вот именно, — насупилась девушка. — Я очень сильная и могу завязать рельс тройным узлом. Но почему я вас ранить не могу?

— Потому что для этого нужно еще больше мистической энергии... — ответил Кенсэй.

— Насколько много? — Винсента хмурилась, сжимая и разжимая кулак. Вокруг не было ничего, что смогло бы выдержать ее удар. Мраморный пол круглого зала, высокие стены, лестница, люстра, камин, металлическая инсталляция между окон — все казалось хрупким и являлось таковым. Кроме бывшего учителя приемного отца.

— Больше, чем может вместить в себе человеческое тело, — ответил Кенсэй, и прикусил язык. Он обещал Дженази не распространяться на эту тему, который сначала вообще не хотел обучать Винсенту боевым искусствам. Но потом передумал, только решил, что не доведет обучение до конца.

— Но ты же человек, — удивилась девушка. — И отец человек. И Ришари.

— Хочу заметить, что ты все же можешь ранить меня, только для этого нужно...

— Застать вас врасплох, — закончила Винсента фразу. — Вы думаете, та кнопка случайно упала на ваш стул острием вверх?

— Мелкая хулиганка... — осенило Кенсэя. — Я был уверен, что это не ты!

— Не отвлекайтесь, пожалуйста, — спокойно ответила Винсента. — Объясните, почему вы неуязвимы, пока сосредоточены.

— Я обещал Дженази ничего тебе не рассказывать, — отступил Кенсэй. — Это опасное знание, и чем меньше людей им владеет, тем лучше.

— Ну пожалуйста!

Но мольбы Винсенты не тронули сердце чародея.

— Ваши друзья порой пугают меня, — произнесла она внезапно, перестав колотить Кенсэя по груди. — Особенно этот, в белой маске. Августо. Отец против его визитов, но он все равно приходит. Я понимаю, это как-то связано с вашей работой, и он на самом деле ценный соратник, но... Как же рядом с ним страшно.

— Рядом с Дженази тебе нечего бояться, — попытался успокоить девушку Кенсэй, но сам нахмурился, думая о Гвардейце, который проявлял к Винсенте излишний интерес. Августо долгие годы избегал тесного общения с Дженази и Ришари, но стоило появиться в их доме приемной девчонке, и все резко изменилось. Первый Гвардеец стал появляться в их доме по любому удобному поводу.

— Но он не всегда будет рядом, — возразила Винсента. — Мне уже скоро восемнадцать. Я стану взрослой. И я хочу быть самостоятельной в своей будущей взрослой жизни.

— Не надейся выйти из-под нашей опеки раньше тридцати...

— Мастер Кенсэй!

— А что сразу Кенсэй, Дженази тебя под своим крылом может и до сорока лет продержат.

— Я не согласна...

— Очень нужно знать ему твое мнение, — улыбнулся, дразня, Кенсэй. — Не завидую я тому парню, которому не посчастливится стать твоим избранником сердца. Мало того, что у тебя характер Небо упаси...

— Клевета, — вспыхнула Винсента. — Я не роза с шипами и не дамочка с клетчатым пледом, и тем более не...

— Ты просто очень сильная, — вздохнул Кенсэй. — И не умеешь отступать. Но если даже найдется такой бесхребетный рохля, который закроет глаза на все твои выходки, Дженази превратит его жизнь в ад. Ты все еще думаешь, что это ты будешь выбирать себе жениха? У него уже все просчитано.

— Я не кукла. Он не может решать за меня.

Кенсэй развел руками.

— Как ни странно, но ты права. Мы намного старше и опытнее, но мудрее ли? Где она, наша мудрость, что приходит с годами? Сколько дров наломали... Чего стоят наши советы? И к чему приведут наши решения? Будущее видеть не дано никому.

— То есть я могу узнать секрет вашей силы? — поспешила спросить Винсента.

— То есть ты имеешь полное право самостоятельно выбрать свою вторую половинку. Твоя жизнь — твои шишки.

— Да вы же оба не женаты! — возмущению Винсенты не было предела. — Ни с кем же подолгу не встречаетесь. И детей у вас нет!

Кенсэй излишне громко задвинул клинок в ножны, бронзовые пластины столкнулись с обиженным звоном. Молча подобрал второй клинок и повторил ритуал сокрытия клинка с большим почтением к оружию, но взгляд его по-прежнему оставался лишенным обычной теплоты.

— Я не хотела... — Винсента слишком поздно поняла, что сказала. — Простите.

Кенсэй недолго злился на ученицу. Он вообще не умел долго злиться, особенно когда прощения просит девушка. Тем более самая уязвимая и хрупкая в семье. Щелкнув ее по носу и совершенно хулиганским образом растрепав длинные волосы, он произнес:

— Ничего. Все-таки это наш собственный выбор и необходимое условие для выполнения нашей работы. Мы должны быть уверены в том, что члены нашей семьи смогут о себе позаботиться во время нашего отсутствия, а что сможет противопоставить врагу младенец или ребенок? Поэтому Дженази и пришлось пойти против собственного желания оставить тебе шанс на обычную жизнь. И превратить в красавицу со стальными кулаками.

— Но на большее я не способна!

Кенсэй снова вздохнул и повесил мечи на пояс.

— Многие воины живут с осознанием достигнутого предела. Просто ты достигла его слишком рано, и еще не успела понять, что даже его более чем достаточно.

— А вы в это верите? — спросила Винсента, глядя ему прямо в глаза.

Кенсэй задумался на этот раз надолго, девушка даже устала ждать ответа.

— Хорошо, — внезапно произнес он, когда Винсента уже собиралась подняться в свою комнату, чтобы переодеться и выбросить из головы неудавшийся разговор. — Только ни слова отцу. Обещаешь?

У Винсенты не было слов, чтобы выразить свою радость, поэтому она просто согласно кивнула.

— Ты знаешь, как черпать энергию из Сердца Мира — предстать перед Вратами и прикоснуться к ним, — начал Кенсэй. — Растроченные силы восполняются мгновенно, и можно сражаться сутки на пролет, не зная усталости, на пределе сил. На всем Железном Архипелаге есть всего пара бойцов, которые смогут сравниться с тобой сейчас, потому что также обладают этим знанием, но станут ли они еще сильнее? Я почти уверен, что нет. Потому что ограничены предельным объемом мистической энергии, которое способно принять человеческое тело. Человек — он как сосуд, а мистическая энергия — вода внутри него. Если сосуд мал, то энергии много не соберешь.

— Можно увеличить сосуд... — предположила Винсента.

Кенсэй закатил глаза и указал на ближайшую вазу с цветами.

— Тогда возьми и увеличь ее. Аллегория понятна?

Винсента кивнула, но до конца не согласилась, находясь в плену разбушевавшегося воображения.

— Увеличить объем мистической энергии своего тела — очевидное решение, но трудноосуществимое на практике, ведь он и так не является постоянной для отдельно взятого человека. Гнев, страдание, ярость, любовь, страх — все это может повлиять на него. Мистическая энергия зависит от состояния нашей души, а на эмоции легко повлиять. Сейчас ты воодушевлена, а через пару секунд окажешься в унынии, и станешь слабее в несколько раз. Так что же делать?

— Мастер Кенсэй... — Винсента была не готова к вопросам и превратилась в слух.

— Дело в том, — чародей наслаждался моментом, — что таковы правила только при условии, когда Врата закрыты.

— Но они всегда закрыты, — ответила Винсента. — Открыть их невозможно. Я пробовала...

— Если открыть Врата, то поток, которым энергия Сердца Мира струится в наши тела, больше не будет сдерживаться, и природа мистической энергии, ее плотность, изменится. Твое эмоциональное состояние и объем сосуда перестанут иметь значение — только сила, которая наполняет тебя. Но если сосуд хрупкий, его может разорвать изнутри. Если прочный — возрастет плотность наполняющей его энергии, до тех пор, пока не будет достигнут и его предел стойкости. Секрет в том, чтобы вовремя захлопнуть Врата и не дать себе погибнуть во взрыве вышедшей из-под контроля мистической энергии.

— Но как открыть Врата? — не отставала от него Винсента.

— Мне никто не подсказывал, — ответил Кенсэй, хитро улыбаясь.

— Сами догадались? — не поверила девушка. — Значит, это на самом деле очень просто? Отец тоже сам додумался, или вы ему все же раскрыли тайну?

Кенсэй покачал головой.

— У Дженази вообще нет Врат. Я не знаю, почему.

— Зачем ты рассказал все Винсенте? — тихо спросил Дженази. Он только догадывался о подробностях беседы своего учителя и приемной дочери больше ста лет назад, но знал главное — только Кенсэй мог раскрыть ей секрет Врат Сердца Мира.

— Я не знал, что она сможет их открыть, — так же тихо ответил Кенсэй. Глупая смерть Винсенты сто двадцать пять лет назад потрясла его, и чувство вины не оставило до сих пор. — Она оказалась удивительно талантливой ученицей. Я очень долго ждал этого дня, Дженази. Момент, когда ты сможешь обвинить меня в ее гибели. И могу сказать только одно: я не знал.

19 декабря 890 года. Железный Архипелаг, остров Эвдо, особняк Саргас.

Кенсэй стоял перед дверями дома, в котором Дженази и Ришари жили уже больше шести лет, и впервые за все это время не решался войти. Перестав быть Акайма Хоодо, он лишился крова отчего дома, и за долгие годы странствий так и не нашел места, которое ему не захотелось бы в скором времени покинуть, но в дом Дженази чародей всегда возвращался с удовольствием, и жил в нем, бывало, месяцами, обучая Винсенту или просто наслаждаясь покоем Железного Архипелага, завоеванного такой большой кровью. Но год назад Винсента погибла, не справившись с полученным знанием, и все изменилось. Этот дом больше не наполнят звуки ее скрипки — девушка играла так же виртуозно, как и владела мечом — и гибкий силуэт не мелькнет в окне, ожидающую возвращения Гвардейцев с очередного задания. Она не знала, кто такие Дженази и Ришари на самом деле, не понимала, зачем нужно хранить в тайне их имена, ведь для всех остальных на этом острове они были Джинном и Джинной Саргас — близнецами с Судо и владельцами процветающей транспортной компании. Ей рассказывали сказку, в которой они, Кенсэй и другие Гвардейцы находятся на тайной службе правительства, и сказка работала, потому что Железный Архипелаг был территорией, изолированной от бурь остального мира, и доходили сюда лишь слухи.

Винсенту обманывали пять лет, и когда она узнала правду, прежняя жизнь развалилась на части. Девушка взбунтовалась и погибла, защитив перед смертью наследников Дома Лэйт. Для Дженази это стало особенно жестокой шуткой не только потому, что только сейчас Ришари сообщила о его полном физическом выздоровлении — Кенсэй был свидетелем событий куда большей давности, когда точно так же от Дженази зависела судьба злосчастного Великого Дома и тот упустил последнего наследника Лэйт.

Это произошло почти шестьдесят лет назад, когда Дженази, Ришари, Кенсэй и Сигурд пришли за жизнью Лэйлы Лэйт. За десять лет до этого Кенсэй и Дженази спасли ее от слуг Витторио Коккинавье, бывшего Гвардейца Хаоса, которому было поручено избавить мир от Великого Дома Лэйт. В конечном итоге Витторио пал от меча Кенсэя, но чародей сам стал Гвардейцем и узнал причины, по которым ребенку следовало умереть. Он долго отказывался раскрыть тайну ее местонахождения, и Дженази поддержал его даже после того, как сам стал Гвардейцем, но потом Великие Дома сами напали на ее след. Следовало что-то предпринять, и они пошли самым простым путем. Приказ о ликвидации Дженази выполнил лично, его рука не дрогнула при виде уже взрослой девушки, которую он запомнил совсем малышкой.

Сложности начались, когда оказалось, что у Лэйлы уже есть сын. Валериан.

Следуя логике Фридриха Бронзлевена, его так же следовало убить. На месте, без сомнений и колебаний, иначе многовековая охота за Великим Домом Лэйт окажется снова напрасной. И четыре Гвардейца стояли над колыбелью, мучительно выбирая, кто должен завершить исполнение приговора.

Годы служения делу Гвардии показали, что нет никого вернее Императору, чем Сигурд, который часто бросал вызов Дженази и Кенсэю. Дженази он особенно не любил, а тот отвечал ему взаимностью, лишь чудом не убив пару раз в спровоцированных поединках. Сигурд охотнее шел на необходимые человеческие жертвы, и не так явно сомневался, принимая тяжелые решения, но убить младенца оказалось ему не по силам. Он только сказал тогда: «Пацан должен умереть» — и умыл руки. Кенсэю это тем более даром не было нужно, и остались только Дженази и Ришари. Ришари всегда оставляла право выбора за братом, и Дженази оказался поставлен перед фактом. Спрятал меч в ножны и вытащил Валериана из колыбели, чтобы отнести к краю высокого моста через реку. Они молча следовали за ним, словно за гипнотизированными.

Выл ветер, заглушая все остальные звуки в ушах, вокруг не было ни души. Дженази протянул руку над бездной, сверток в ней покачнулся под особенно сильным порывом — и пальцы разжались. Плачущий Валериан устремился вниз.

Кенсэй и Сигурд смотрели друг на друга, вцепившись в рукояти мечей. Сигурд ждал, что его соперник-чародей в последний момент воспротивится приказу Императора. Кенсэй колебался.

Крик младенца становился все глуше — очень уж высоким был мост. И они упустили из виду момент, когда Дженази исчез, чтобы оказаться внизу с невредимым младенцем в руках.

— Нет, — сказал он тогда всего одно слово, и оставил ребенка под опорой моста, бросив на произвол судьбы. Гвардейцы последовали его примеру, а когда Император узнал, что приказ не исполнен до конца, Валериан исчез в неизвестном направлении. Вырос, овладел Рыцарем Света, возглавил Десять Великих Домов и погиб от руки Дженази только год назад, защищая своих детей. Которые погибли бы, если бы не Винсента. Если бы Дженази убил Валериана вместе с Лэйлой, Винсента осталась бы жива.

Коротко говоря, все решения, принятые Дженази со времен вступления в Гвардию, одной непрерывной цепочкой вели к трагической потере. Он позволил себе слабость в лице приемной дочери — и мир ударил по ней жестоко и беспощадно. Это был урок всем Гвардейцам, и в то же время вопрос: «А стоит ли вообще приносить жертвы?»

Гвардия лишилась воина, который проложил путь к победе над Великими Домами, но Небесные Дома уже полностью подчинились воле Императора. Весь мир оказался у его ног, и Кенсэй понимал, что Дженази стал ему не нужен. Как и вся Гвардия, кроме самых верных соратников — Августо и Сигурда. Очаги сопротивления гасли один за другим, втоптать в землю угли могла и новая армия сторонников Фридриха, растущая день ото дня — те, кого раньше звали ренегатами Великих Домов, стали их новыми лидерами. Мир изменился, и Кенсэй чувствовал, что самоустранение Дженази от дел может непредсказуемым образом исказить картину светлого будущего, ради которого было пролито столько крови.

Толкнув тяжелые деревянные створки, Кенсэй шагнул внутрь особняка. Он встретил его тишиной — слуг Ришари распустила, предпочитая ухаживать за Дженази самостоятельно. Без нее в Гвардии осталось лишь шесть бойцов, и Фридрих неоднократно озвучивал свою мысль найти ей и ее брату замену. Пока что его останавливало только отсутствие достойных

кандидатур.

— Кенсэй! — Ришари вышла на лестницу и Гвардеец с тревогой заметил черные круги под ее фиолетовыми глазами. У девушки был истощенный и болезненный вид, словно она была простой смертной и не умела черпать энергию из Сердца Мира.

— Ты пришел, — она спустилась вниз, одергивая по пути полы халата, такого же белого, как ее волосы и кожа, под которой, казалось, остались только кости.

— Что с тобой? — на секунду Кенсэю показалось, что она упадет, и даже приготовился подхватить ее, но этого не случилось.

— О чем ты? — удивилась Ришари. — Все в порядке. Дженази уже встает с кровати, вчера даже вышел на свежий воздух. Подожди в гостиной, я заварю чай.

Через пару минут компанию Кенсэю составил и Дженази. Он был совершенно здоров, бодрый и свежий, и только домашний халат и тапочки указывали на то, что что-то не так — Дженази никогда не мог позволить себе расслабиться настолько, чтобы щеголять в них.

— Привет, Кенсэй, — рассеянно приветствовал он бывшего учителя, находясь мыслями где-то очень далеко.

— Привет. Как себя чувствуешь?

— Хорошо, — ответил Дженази. — Странный вопрос, разве когда-то было иначе?

Улыбка Гвардейца категорически не понравилась Кенсэю. К сердцу подступила тревога.

— Твои раны заживали целый год, такого раньше не было, — сказал чародей. — Ты всегда исцелялся мгновенно.

— Мгновенно? — удивился Дженази. — Вовсе нет. Почему ты так решил?

— Я помню, как ты за секунды отращивал себе руки и ноги...

— Ты тоже, — все тем же рассеянным тоном ответил Гвардеец. — Глория, Раббен, Августо... Многие не умеют умирать.

— Я не о том. Почему твои раны заживали так долго?

— Какие раны? — не понял Дженази, и Кенсэй испугался.

— Винсента... Она использовала старый трюк и ты потерял руку. Что с тобой?

Но Дженази его словно не услышал.

Ришари принесла поднос с чайником и тремя фарфоровыми чашками. Когда поставила его на стол, Дженази с удивлением поднял на нее свои глаза.

— Только три? Разве Винсента не будет пить чай вместе с нами?

Ришари затрясло, она обхватила себя руками и, разрыдавшись, упала на колени. Кенсэй вскочил со своего места и отшвырнул стол в сторону. Схватил Дженази за ворот халата и с рычанием посмотрел прямо в глаза, пытаясь найти в них своего прежнего ученика.

Но в них ничего не было. Дженази теперь жил в ином мире. В мире, где Винсента по-прежнему жива.

Пальцы Кенсэя разжались, и не в силах вынести плач Ришари и опустошенного Дженази, он просто ушел. Сбежал из особняка Саргас, утирая слезы и проклиная судьбу. И понимая, что только что увидел смерть Гвардейца по имени Дженази. Но только через девять лет он убедится в своей правоте.

— Ты не знал, — произнес Дженази, продолжая рассматривать клинок в алых

ножнах. — Да, верно. На твоём месте я бы тоже не смог предположить подобное. Но простить все равно не могу. Потому что я просил тебя, разве нет? Неважно, по какой причине, но я попросил тебя не рассказывать всего Винсенте. Я ненавижу Дом Лэйт за то, что ради него она отдала свою жизнь. И, конечно же, ненавижу себя за то, что стал на путь Гвардейца, но выместить свой гнев я могу только на одном человеке.

— Вот как? — разозлился Кенсэй. — Конечно, ты имеешь право. Но если бы сто пятнадцать лет назад ты не бросил на произвол судьбы Ришари, то шестнадцать лет назад она не убила бы моего сына. Я виню и тебя в его смерти.

— Я не знал, — спокойно ответил Дженази.

Кенсэй расхохотался.

— Ты не знал, я не знал... А они погибли. И мы просто не можем жить с этим дальше. Я гордился Кеншином, своим первым сыном, а Ришари убила его!

— Ты пытался убить ее, зная, что она беременная Юрикой.

Смех Кенсэя оборвался.

— Да.

— Поэтому ты не пытался разыскать ее.

— Да, — глухо обронил Акаяма Хоодо.

— Уже только за это я должен убить тебя, — спокойно произнес Дженази. — Но Юрика расстроится, если снова потеряет тебя. Ты уж постарайся наверстать упущенное время.

Кенсэй резко обнажил клинок.

— Как скажешь, Дженази, как скажешь. Но перед тем, как приступить к своим обязанностям добродушного дедушки, я бы хотел узнать, чему ты научился за прошедшие годы. Отдай последнюю дань уважения бывшему учителю.

Дженази задумчиво взвесил в руке второй клинок Кенсэя, медленно обнажил его и сделал пару пробных взмахов.

— Я не держал меч в руке больше пятидесяти лет.

Кенсэй принял боевую стойку, приоткрывая Обсидиановые Врата и зажигая в груди золотой огонек силы Забытого Бога.

— Только не говори, что оправдываешься, даже не успев опозориться, — усмехнулся Акаяма.

Г'ата промолчал и поднял меч над головой.

Они стояли друг против друга больше минуты, наблюдая и выжидая. Куда целится противник, как поведет себя лезвия его клинка? Ожидает ли он удара сверху или уже подозревает об обмане? Принести ли в жертву руку или ногу, чтобы поразить сердце? Хватит ли скорости, чтобы опередить его меч? А потом шаг вперед и только пустота в момент удара, и резкая боль.

Противники прошли мимо друг друга, Дженази — прямо, а Кенсэй словно входя в глубокую воду, прокладывая себе дорогу мечом. Звона стали не было, лезвия рассекли пространство так быстро, что никто не смог бы сказать, были ли вообще нанесены удары. Ветер стих, и даже яркое солнце, казалось, поблекло в наступившей тишине.

Дженази взмахнул клинком еще раз, ловя им солнечные лучи, вытащил платок и вытер им безупречно чистое лезвие. А Кенсэй рухнул на одно колено, зажимая рукой рану на правом боку. Ее уже окружило золотое пламя, и бой можно было продолжать, но главное Хоодо уже понял.

Дженази превзошел его.

Глава 49. Ветряные мельницы Креслана

22 июля 1014 года, Федерация Верди́ро, республика Нау, Креслан.

Юрика не хотела оставлять деда и дядю наедине, воспоминания Дана Даркенвэя показали ей, насколько ужасными были события прошлого, и она точно знала, что между двумя бывшими Гвардейцами могло произойти много чего, включая ссоры и глубокие обиды. Хотя что значило далекое прошлое на фоне трагедии шестнадцатилетней давности? Девушка чувствовала, что патриархи ее семьи будут выяснять, кто именно виноват в смерти ее отца, и корила стариков за вспыльчивость и глупость. Она уже предвидела момент, когда гора содрогнется и разлетится на куски — на меньшее бывшие Гвардейцы в ее распалившемся воображении способны не были.

— Юрика, не отставай, — крикнул Просперо слишком часто оборачивающейся девушке. Ее поведение было понятно всем, но сейчас можно было только довериться двум древним воителям, которым было что сказать друг другу.

Тревога отступила, когда они оказались на улицах Креслана. Практически безлюдные вначале, они оживали тем больше, чем ближе был центр города и порт. Главная улица оказалась проспектом лавочников и торгашей, заполненным их жертвами — туристами и щедрыми моряками, где-то рядом шумел огромный рынок, а над зданиями, скрывавшими собой море, высился лес портовых кранов.

— Будем ждать здесь, — Просперо указал на защищенную от солнца площадку перед ресторанчиком с нечитаемым названием — оно было написано не на государственном языке Федерации. Местное наречие и незнакомый алфавит напомнили им о национальном многообразии Верди́ро.

— Я не понимаю местных, — подняла проблему Юрика. — Они смотрят на нас, что-то говорят, а я их не понимаю. Может, вон тому, с носом, врезать нужно, а я не знаю об этом.

Ранмаро с подозрением посмотрел на высоко смуглого парня, околачивающегося рядом с ресторанчиком и не отрывавшего от его сестер пристального взгляда. Потом посмотрел на его соседей и прочих прохожих. На них смотрели все. Лэйт и Юрика были в центре внимания, но если дочь Ришари привлекала его только из-за красных волос и неизменно озорного выражения лица, то Ранмаро и Виктория помимо своей экзотической внешности выделялись еще и мечами на поясе.

— Просто не думай об этом, — посоветовал Просперо. — К тому же ты всегда привлекала внимание.

— Раньше у меня была шапка, — ответила девушка. — К слову о головных уборах, только мне по пути сюда голову напекло? Вижу напротив лавочку с соломенными шляпами. Ран!

— Что? — вздрогнул от неожиданности ее брат, чрезмерно заиклившийся на компании молодежи по соседству и не слушавший Юрику.

— Рия сказала, что хочет розовую панамку.

— У нее есть деньги, — машинально ответил парень. — И зачем она ей, вон там отличные соломенные шляпы продаются.

Юрика прыснула. Виктория обожгла обоих взглядом, но промолчала.

— А мне купишь?

— О чем речь, идем, — с радостью согласился парень, и Юрика заподозрила некий скрытый мотив, побудивший его без лишних возражений выполнить ее желание.

К торговцу они отправились вдвоем, оставив Просперо и Викторию рядом с ресторанчиком. Инспектора незнакомый язык особо не смутил и он внимательно изучал меню, собираясь что-нибудь заказать.

— Рия нравится Просперо, — Юрика озвучила одно из своих давних наблюдений, как только они отошли от площадки на пару десятков шагов. Вытащила пачку сигарет и закурила.

— Она всем нравится, — ответил Ранмаро и выхватил дымящуюся сигарету у нее изо рта. Демонстративно затушил о подошву своего ботинка и отнес к ближайшей урне с мусором. Но когда он вернулся, Юрика снова чиркнула спичкой и взглядом предостерегла от очередной попытки наставить ее на путь истинный.

— Просперо ей тоже симпатичен, нужно быть слепым, чтобы не заметить. Может, ему и за сорок, но сейчас он все равно что твой ровесник. Конечно, он ниже ее, но то, что пара забавная, еще не значит, что они совсем не смотрятся вместе.

— Не похоже, чтобы он стремился как-то свою симпатию выразить, — ответил Ранмаро без особого выражения.

— Но сейчас рядом с ними никого нет, самое время действовать, — заметила она с улыбкой. — Спорю на сто айр, что когда вернемся, то прервем настоящее романтическое свидание.

— У тебя нет ста айр...

— Будут. Вон ту хочу, с красной ленточкой, — Юрика указала на соломенную шляпу с широкими полями.

Торговец назвал цену сначала на местном, а потом на общем языке, и Ранмаро с готовностью заплатил, собственноручно водрузив головной убор на голову сестры. Отступил на шаг, чтобы полюбоваться проделанной работой.

— Тебе идет, — сказал он, и Юрика смутилась. Поспешила надвинуть шляпу прямо на глаза, чтобы скрыть предательскую краску.

— Всегда мечтала о такой, но в Ховине ничего похожего не было.

— Там было так плохо?

— Не то чтобы совсем, — ответила девушка, задумавшись. — Просто одиноко. Да и то только до тех пор, пока не появилась Мария.

— Мария?

— Моя лучшая подруга. Она потеряла родителей и осталась калекой, я долго защищала ее от других детей.

— Почему? — не понял Ранмаро.

— Никогда не видел, как малолетние придурки травят непохожего на них ребенка?

— Почему, видел, — с возмущением ответил он. — Но девочку-инвалида? Это жестоко. Я бы убил за такое.

— Значит, я более милосердная, — усмехнулась Юрика. — Всего-то сломала пару костей.

— Тебя наказали?

— Меня вообще часто наказывали.

— Не сомневаюсь, — улыбнулся Ранмаро. — Только удивляюсь тому, что ты позволяла себя наказывать. Тебя били?

— Никогда, — возмутилась девушка. — Воспитателей за подобное сразу увольняли. И голодом меня никто не морил. Только запирали надолго в карцере, чтобы не сбегала. Я любила сбегать из приюта на целые недели, водилась с городскими беспризорниками и пряталась от жандармов. Была совсем как вон те ребята, — и она указала на стайку смуглых полуголых подростков, взявших в кольцо нерасторопного зеваку. — Видишь, мужик при деньгах и не следит за карманами. И они тоже это видят. Хотя денег у него уже нет...

Ранмаро с изумлением проводил взглядом высокую тощую девчонку с длинными черными косами, убежавшую вниз по улице в окружении мальчишек по-младше и оставившую туриста в растерянном одиночестве.

— Воры?

— Беспризорники. Сироты. Каждый выживает как может.

Ранмаро молча направился вслед за компанией подростков.

— Эй, ты чего? — ничего не поняла Юрика.

— Верну кошелек, — сурово ответил парень.

— Серьезно?

— Да. Возвращайся к Просперо и Виктории. Скажи, что я скоро вернусь.

Юрика только изумленно развела руками.

— Вот дурак... Во-первых, они не поймут, почему я отпустила тебя одного, а во-вторых, скоро у тебя не получится, если получится вообще. А в третьих... Черт с тобой, мне тоже интересно с ними познакомиться.

Через пять минут погони Ранмаро остановился в самом центре лабиринта из переулков и подворотен и беспомощно развел руками. Компания уличных воришек растворилась в этом переплетении и исчезла без следа, и спросить, куда они делись, можно было только у дремлющих в тени кошек и дворовых собак. Внезапно из-за угла выскочил совсем мелкий чумазый мальчуган, но Ранмаро, рассмотрев его внимательно, разочарованно вздохнул — он был слишком маленьким, пяти-шести лет. А вот мальшц, наоборот, парнем заинтересовался, и засунув палец в рот, начал приближаться, замороженным видом меча на поясе Лэйт.

— Привет, — Юрика, в отличие от Ранмаро, сделала другие выводы. — Как тебя зовут?

Медовый голосок девушки с необычными волосами ненадолго отвлек ребенка от глубокого созерцания меча, и он даже ответил ей широкой улыбкой, но ни слова не сказал.

— Может, он говорить не умеет, — пробормотал Ранмаро неуверенно.

— Умеет, — тем же приторно-сладким голосом произнесла девушка, опустившись на корточки рядом с малышом и погладив его по голове. — Просто мама не разрешает ему отвечать незнакомцам. Правильно?

Ребенок кивнул и продолжил рассматривать меч.

— Хочешь потрогать? — спросила Юрика.

Последовал второй кивок головой, еще более энергичный.

— Ран, достань меч.

— Я не хочу, чтобы он его трогал... У него руки грязные.

— Ран, обнажи свой долбаный меч. Никто не просит тебя давать ребенку в руки оружие.

Ранмаро с негодованием подчинился, и сверкающая полоса стали со звоном покинула ножны. Острое даже на вид, лезвие с угрожающим гулом рассекло воздух и замерло в руке парня, сразу ставшего более суровым и мужественным. Юрика задавила в зародыше пробудившиеся в сердце трепет и восхищение и спросила мальчишку:

— Нравится?

— Дя, — ответил он на общем, его большие карие глаза сияли. Пальцы выпали изо рта, показав белоснежные молочные зубы.

— Если отведешь нас к старшим ребятам, мой брат даст тебе его подержать, — коварство Юрики было очевидным и в то же время неявным — не было понятно, кто из двух парней в конечном итоге будет обманут.

— Ты же пообещала, что мне не придется... — возмутился Ранмаро, но сам остановился на полуслове, когда услышал энергичный лепет ребенка:

— Они тям! — мальчуган указал в сторону одного из узких переулков. — Тём!

— Славный маленький стукач, — Юрика с широкой улыбкой взяла мальчишку за руку и позволила себя вести. — Это проходит с возрастом, но не всегда.

Ранмаро, следуя за ними, спрятал меч и с подозрением посмотрел на сестру.

— Хочешь сказать, у него будут проблемы?

— Конечно! — даже воскликнула девушка. — Он отведет нас к логову уличной банды, мы решим твою проблему, а потом они устроят ему хорошую трепку, соразмерную возрасту. Отделается затрепиной и станет умнее. Только не говори, что совсем был оторван от реальной жизни в своем замке, и не понимаешь таких простых вещей.

— У меня много друзей среди ребят с улиц, — попытался оправдаться Ранмаро. — Никто из них не обидит ребенка.

— Никто из них не признается в этом наследнику Дома Лэйт, — парировала Юрика.

— Они не знают, что это значит...

— А это и не нужно знать, достаточно того, как ты себя держишь и говоришь. У тебя есть хорошее воспитание и способность сломать человеку челюсть одним ударом — характерные признаки настоящего джентельмена.

— Возможно, — признал парень. — Но знаешь, о чем это говорит?

— О чем? — Юрика почувяла неладное.

— Ты ведь тоже сильная. Тебе достаточно взять с меня пример, и окружающие больше не будут казаться тебе потенциальными врагами с заточкой в кармане.

— Ты утрируешь...

— У тебя даже какое-то образование есть.

— Я читала много газет, — отрезала Юрика и дала понять, что развитие темы ей не интересно.

А потом они пришли. Компания уличных воришек была обнаружена во дворе заброшенного дома почти на самом краю Креслана, вокруг обложенного кирпичами костра. Время не пощадило здание — крыша местами просела, на месте окон зияли темные провалы, обмазанные глиной стены пошли глубокими и даже сквозными трещинами, так что оборудовать укрытие непосредственно в нем было даже опасно, в то время как жаркий климат позволял с комфортом разместиться едва не под открытым небом, в тени ширококronных акаций. Беспризорники стянули во двор столы, стулья и кресла, и даже дряхлый кожаный диван, сколоченный в единое целое чьими-то умелыми руками.

На глаза Юрики навернулись слезы и она украдкой утерла их, вместе с воспоминаниями из прошлой жизни.

— Привет, — она пролезла сквозь дыру в заборе, неожиданно для Ранмаро оставив его одного наедине с безмянным малышом, который поспешил вцепиться в его штанину с намерением не отпустить до тех пор, пока не получит обещанный меч.

Девчонка с длинными косами, в которой Юрика безошибочно опознала главаря банды,

молниеносно вскочила, ее примеру последовали и остальные.

— Нашла, — произнесла со смесью удивления, одобрения и угрозы. — А где красавчик?

Юрика не сомневалась в том, что воришки обнаружили слежку, но то, что смуглянка успела по достоинству оценить Ранмаро, стало для нее сюрпризом.

— Он стесняется.

— Чего? — не поняла девчонка.

— Прямо попросить, чтобы ты вернула все кошельки, которые твоя банда стянула за сегодня.

— Чего? — Смуглянка растерянно повторилась, еще не разобравшись в том, чего от нее хотят.

— Красть нехорошо, говорит. Мне, собственно, все равно, но он мой брат, и я не хочу его расстраивать. По хорошему вернете, или как?

До беспризорников дошла суть требований незнакомки в соломенной шляпе, и через пару секунд Юрику взяли в полукольцо. Семь хмурых подростков без привычного обывателям чувства юмора сжимали кулаки, дубинки и обломки кирпичей, не обещая уйти прищелице целой даже после того, как она попытается извиниться и тихо свалить.

Юрика прислушалась к происходящему за высоким дощатым забором и удовлетворенно улыбнулась: Ранмаро уговаривал пацана отстать и в ближайшую минуту никак не мог вмешаться.

— Меня зовут Юрика, и я из Ховина. Это на севере. Спорим на сто айр, что через три минуты вы все будете валяться в пыли и молить меня о пощаде?

Мимо виска пролетел кирпич, но только потому, что девушка в последний момент убрала голову. Невозмутимо приняла прежнюю позу, демонстративно размяла шею и плечи, расставила ноги в боевой стойке. И поманила пальцем уличную свору. Железобетонная уверенность в собственных силах была обусловлена вовсе не силой Ириссы, которая, оказывается, в любой момент могла прийти ей на помощь — об этом Юрика забыла. Просто ей не один раз приходилось в одиночку разгонять банды конкурентов, с которыми ее компания соперничала в Ховине. Она была заслуженным ветераном беспризорных войн за территорию.

Кресланцы бросились на нее скопом, но первый же из них нарвался на удар кулака в зубы, а второй угодил в захват и плашмя ударился о землю после подножки. Третий получил локтем в ухо и завыл от боли, четвертый получил коленом в пах и так и застыл, не в силах даже застонать. Пятый прицельно ударил Юрику дубинкой по голове, но она отвела ее в сторону рукой, заработав синяк, пнула его в живот и парень просто отлетел, чтобы сразу подняться. У шестого оказался кастет в кармане, и он поспешил вытащить его, но пока нанизывал на пальцы, заработал удар ногой по ребрам и согнулся в три погибели. Дело довершил безжалостный удар по затылку, и подросток затих.

Остались только пятый и сама смуглянка, которая осталась позади подручных. Она вытащила нож, и его холодный блеск сообщил, что теперь все стало очень серьезно.

Парень с дубинкой снова бросился в бой, и Юрика встретила его куском кирпича, отправленным в полет ловким пинком. Осколок угодил ему в бровь, и к вою раненых добавился еще один голос, доведенный до ужаса кровью, залившей глаз и струйками стекавшей с пальцев.

Смуглянка, осознав разницу в боевом потенциале между собой и рыжей девушкой в соломенной шляпе, испуганно попятилась, нож в руке больше не казался ей весом

аргументом в уличных разборках.

— Брось или я тебя им же и прикончу, — грозно прорычала Юрика и увидела, как ослабли от неожиданности пальцы, сжимающие рукоять. — Брось!

Дикая нотка, прорезавшаяся в ее голосе, подействовала крайне убедительно, и смуглянка действительно выронила нож, сделала еще один шагок назад, запнулась о неудачно подвернувшуюся под ногу доску и упала на спину.

— Умница, — Юрика медленно подошла к поверженному противнику, по пути отшвырнув нож далеко в сторону. — Будешь молить о пощаде?

Девчонка быстро кивнула, не отводя взгляда от ее глаз. Она боялась встать, пока уже два дня как не тщедушная с виду Юрика горой нависала над ней.

— Умница. Но ты ведь понимаешь, что с тебя теперь сто айр?

— У меня нет денег, — ответила смуглянка и даже зажмурилась, ожидая удара.

— Так, стой, — растерялась Юрика, — когда вы их успели скинуть?

Откуда-то сверху вихрем обрушился Ранмаро, приземлился посреди опустевшего поля боя и окинул его оценивающим взглядом. Не найдя достойного или хотя бы стоявшего на ногах противника, обратился к Юрике:

— Что это было?

Сестра ответила ему невинным взглядом. Смуглянка торопливо поднялась с земли и поспешила привести себя в приличный вид, поправляя складки длинного, ниже колен, потрепанного платья. Шикнула на постанывающих от боли соратников, которые уже начали подниматься с колен.

— У нас ничего нет. Мы ничего не делали.

Ранмаро посмотрел на кастет на руке одного из подростков и покачал головой.

— Вы украли кошелек у прохожего. Верните его немедленно.

— У нас нет кошелька, — уже совсем уверенно ответила смуглянка. — Не веришь — обыщи.

Ранмаро окинул стройную фигуру девушки оценивающим взглядом, но задумался над перспективой только на мгновение, чтобы потом растерянно посмотреть на Юрику.

— Где-то здесь должен быть тайник, — ответила она, — но нам придется сломать пару пальцев, чтобы узнать, где он. И твоего кошелька там не будет. Они скинули его кому-то по дороге. Похоже, они не просто шпана, а прикормыши местной мафии. В Ховине нас тоже пытались крышевать, но мы смогли остаться сами по себе.

— Кому вы отдали кошелек? — Ранмаро подошел к смуглянке вплотную, пресекая взглядом попытки подростков закрыть собой предводительницу.

— Как тебя зовут? — вопросом на вопрос ответила смуглянка.

— Ран.

— А я — Руру, — представилась девушка, и вдруг Юрика поняла, что смуглянка даже младше ее, но не более чем на год. — И я понятия не имею, о чем ты говоришь.

Ранмаро нахмурился, не зная, как поступить, и Юрике пришлось решать эту задачку самостоятельно.

— Они ничего не скажут, — пришлось признать ей. — Нет, если ты дашь мне пару минут, кто-то из них расколется, но тебе не понравятся мои методы. Но есть и другой путь. Правда, затеять такое ради какого-то несчастного кошелька... Смешно даже.

— Что ты имеешь ввиду? — заинтересовался Лэйт. Руру же, наоборот, насторожилась.

— Потом скажу. Забирай с собой с смуглую, мы уходим, — сказала она и направилась к

выходу со двора.

— Что? — не понял, а точнее, не поверил Ранмаро.

— Хватай ее, говорю, и тащи, она идет с нами.

— О, ты хочешь отвести ее в полицейский участок?

Руру попыталась скрыться, но парень удержал ее и обнажил меч, угрожая им остальной банде. Девчонка посопротивлялась немного, а потом подчинилась. И за Ранмаро шла почти послушно, только каким-то обреченным шагом.

— Ты куда пацана дел? — спросила Юрика через пару минут. Пара ребят из банды Руру следовали за ними на почтительном расстоянии, и она была довольна тем, что события развиваются по ее сценарию.

— Дал подержать меч и отправил домой.

— Это оказалось проще, чем ты думал, правда? — улыбнулась девушка. Ранмаро промолчал.

— Куда вы меня ведете? — встревоженно спросила Руру, когда поняла, что Юрика идет совсем не в сторону городского центра. Более того, она пару раз завела их в тупик и заставила повернуть обратно.

— На какой-нибудь пустырь, чтоб лишних глаз поменьше. Будем тебя расчленять и закапывать по кусочку.

Руру издала короткий презрительный смешок, а потом задумалась.

— Она шутит, — успокоил ее Ранмаро, и Юрика заметила, что он сжимает запястье смуглянки совсем не так грубо, как следовало бы. Да и девчонка ни разу не попыталась вырваться. Даже отстраниться подальше.

— Но и в самом деле, куда мы идем?

— Туда, где нас смогут легко найти, — ответила девушка брату. — Прямо сейчас ее самый шустрый друг зовет на помощь «крышу». Они появятся очень скоро, потому что твоя Руру приносит им неплохой доход. Наверняка у нее даже есть «старший брат», который присматривает за ней и следит, чтобы она не опустилась до уровня проститутки.

— Следи за языком! — вспыхнула Руру.

— О, извини, я забыла, что ты здесь... Короче, если тебе так нужен этот кошелек, то готовься встретить злобных парней с ножами и пушками. Можешь еще позвать на помощь Просперо и Рию, но прежде чем вы вернетесь, я уже со всем разберусь.

— Ты хочешь начать войну с местной мафией? — не поверил своим ушам Ранмаро.

— Что ты, вовсе нет. Этого хочешь ты, затеяв всю эту беготню с кошельком.

— Но я не...

— Нет, ты хочешь этого, раз тебя беспокоит всего один растяпа-потерпевший. Ну вернем мы ему кошелек, даже бескорыстно, и что? Твоя Руру...

— Она не моя...

— ...завтра стащит еще десять, а если мы сдадим ее со всей компанией жандармам, их место займут другие беспризорники, которых натаскают взрослые добрые дяди, которые просто не умеют жить честно. Так почему бы нам не спросить сразу с них? Сможешь вбить им в голову свое понятие о правильной жизни?

— Разве что вместе с зубами, — вздохнул Ранмаро, осознавая, к чему привел порыв к правосудию.

— Но я могу тебя утешить, — девушка сжалилась над погрустневшим братом. — Если прикончишь их, а потом доберешься до большого босса, то целый год статистика

похищенных кошельков будет давать повод прессе воздавать хвалу местным блюстителям порядка.

Наконец удобное с точки зрения Юрики место было найдено — прямоугольник старого пожарища, очищенного от обломков здания и заросшего травой и кустарником. Кое-где виднелись камни фундамента со следами глубоко въевшейся сажи.

— Я не хочу никого убивать, — ответил наконец Ранмаро. — Есть другие способы добиться справедливости.

— Тогда зачем тебе меч?

— Он острый.

— Это как-то связано с ненасильственными способами установления справедливости?

— Только если один его вид будет внушать уважение. А в крайнем случае злодею хватит и потерянной руки, — серьезно ответил Ранмаро.

Юрика восхищенно прищелкнула языком.

— А ты не так безнадежен, как я считала.

— Я — воин, — сдержанно ответил Лэйт. — И хочу, чтобы моя сестра была такой же.

От неожиданного признания у Юрики перехватило дыхание. Не сразу она подняла на него свой взгляд, впервые ощутив, какая же на самом деле сила скрывается в брате. Ранмаро был совсем не такой, как Дженази или Кенсэй, он напоминал... Нолу Орчи.

«Это все Валерия, — догадалась девушка. — Она растила его, помня о ней».

И произнесла вслух:

— Я постараюсь.

Глава 50. Эмиссары Железной Империи

— Вас убьют, — неожиданно подала голос Руру, до этого просто внимательно слушая диалог брата и сестры. — У шестерок Кхоба есть пушки.

Юрика задумалась. Открытое пространство старого пожарища перестало казаться ей удачным выбором.

— А ведь твоя смуглянка права, — произнесла она, доводя Ранмаро до зубовного скрежета. — Надо выбрать другое место, я еще не умею от пуль уворачиваться. Или ты умеешь их мечом отбивать?

— Еще нет, — ответил Лэйт.

— Тогда найдем какой-нибудь заброшенный дом... Смугляш, есть что-нибудь поблизости?

— Я не собираюсь вам помогать...

— Да и поздно уже, — заметил Ранмаро. — Они здесь.

К пожарищу вышли двое — высокий массивный мужчина в коричневом балахоне с капюшоном, надвинутом на глаза, и парень одних лет с Ранмаро в застегнутой по самый подбородок, несмотря на жару, кожаной куртке и широких армейских штанах. Взгляд Юрики зацепился за тяжелые ботинки странного фасона — они были сделаны из странного материала, напоминающего гибкий пластик. Вспомнила, где видела нечто подобное — во внутренностях человекоподобного дрона, обезглавленного Дженази в поезде из Ховина в Фламби. Посмотрела на брата и увидела, что он тоже прикипел взглядом к обуви незнакомца. Выражение его лица подсказало девушке, что у них неприятности куда большие, чем если бы сюда заявила толпа мафиози с пулеметами.

— Руру, кто они? — тихо спросил Лэйт.

Лицо уличной принцессы Креслана побледнело, глаза расширились от страха. Она неуверенно попятилась, озираясь в поисках пути к отступлению.

— Хастур и Антарес. Они... Они не должны были приходить сюда.

— Кто они такие? — голос Юрики призывал смуглянку не поддаваться панике, хотя сама она не была уверена в отсутствии причин для беспокойства. На голове обладателя странных ботинок была повязана черная бандана, из-под которой выбивались красные волосы. Его взгляд, презрительно-высокомерный, задержался на ее соломенной шляпе, а потом прилип к Ранмаро, медленно обнажившем меч.

— Кого я вижу! — громко произнес он, вытаскивая руки из карманов. В правой была свернутая бинтом металлическая лента, в левой — рукоять из композита металла и пластика. — Ранмаро Лэйт собственной персоной! Заблудиться изволили, ваше сиятельство?

— Руру! — в последний раз шепотом позвала Юрика воровку, и та наконец ответила:

— Они перебили парней с Судо, которые раньше вели дела в нашем городе.

— «Рассвет», — Ранмаро отчетливо произнес название организации, подчинявшейся императору Дакиэрро. — Юрика, уводи Руру отсюда.

— Кошелек уже неактуален, — с пониманием ответила его сестра. — Но я тебя одного не оставлю. Смугляш, петляй отсюда, мы прикроем.

Руру бегом бросилась с пожарища. Ее никто не останавливал.

— С каких пор комнатные собачки Сигурда перестали трястись при звуках имени Ранфарга Белгорро? — с вызовом спросил Ранмаро у пришельцев.

Нахальный Ботинок (так окрестила про себя младшего из пары «Рассвета») одним резким движением расправил ленту в своей руке и она со стальным гулом превратилась в прямое лезвие. Точно, не глядя, соединил его с рукоятью, получая меч, объединивший в себе традиционный подход к смертоубийству и космические технологии.

— С тех самых, когда последний из Дома Лэйт сунулся не туда, куда следовало. Сегодня я уделаю тебя, щенок, и лично передам в руки Императора, в соплях и обделавшегося с ног до головы.

Парень шагнул вперед, отводя меч в сторону, но тут мужчина схватил его за плечо и грубо одернул, возвращая на место.

— Антарес! — рыкнул он, сбрасывая с себя балахон. Под ним оказался армейский бронежилет, огромные руки защищала сложная анатомическая броня из металла и сверхпрочного пластика. Впрочем, это могли быть и вовсе протезы — на эту мысль наводили пугающие глаза мужчины, из мутного полупрозрачного материала. Словно бельма, они слепо смотрели на мир немигающим взглядом, и в то же время видели все.

— Хастур! — почти жалобно воскликнул Антарес, мимолетный образ грозного задиры и наглеца испарился, оставив только хама и грубияна.

— Прояви уважение к наследнику Великого Дома, — спокойно ответил Хастур, приглаживая короткие седые волосы. Его грубые черты лица разгладились, плотно сжатые губы изогнулись в намеке на улыбку. — И его спутнице.

Юрика с дрожью рассмотрела крупные, под цвет кожи, искусственные заплатки на его щеках, лбе и подбородке, ополовиненное правое ухо и обтянутую гибким композитом шею — под обычным бронежилетом должен был скрываться полноценный футуристический доспех, сплавленный с человеческим телом. Этот человек — если это был человек — производил неизгладимое впечатление живого оружия, неоднократно проверенного в бою.

Хастур сделал шаг вперед и остановился. Изваянием врос в землю, грозя остановить любой бульдозер, и произнес:

— Ранмаро Лэйт, предлагаю вам сложить оружие и пойти с нами.

Юрика прикусила губу, а потом глубоко вдохнула и выдохнула. Сняла соломенную шляпу и положила ее на чистый камешек, нежно погладив на прощание. Выпрямилась и громко заявила:

— Юрика Эспозито предлагает почтенному Хастуру и козлу-Антаресу валить в свое Дакиэрро, пока им не напинали.

Хастур только вздохнул и двинулся вперед с невозмутимой уверенностью тяжелого танка.

— Так, план такой, — пулеметом затараторила Юрика, — я отвлекаю этого, а ты быстро крошишь на оливье второго. Потом навалимся вместе. Или свалим, — здесь остановилась и задумалась, не отрываясь от приближающегося Хастура. — Да, свалим.

Ранмаро подумал и согласился с первой частью плана, никак не прокомментировав вторую. И Юрика тотчас же подняла кирпич и швырнула его в голову Хастура.

— Лови!

Воин не собирался ловить кирпич ровно до тех пор, пока девушка не завершила бросок. Похоже, сначала он хотел вообще его проигнорировать, а оценив скрытую мощь ее тоненьких мускулов, намеревался отбить, но когда снаряд сорвался с пальцев Юрики, едва успел увернуться, и только мгновение спустя смог удивиться свисту, с которым тот пронесся мимо его уха.

— Еще один! — следом за первым полетел второй, и бой наконец начался. Хастур ринулся вперед, закрывая голову локтями, Юрика прыгнула в сторону, Ранмаро бросился навстречу Антаресу. Сталь столкнулась трижды, Ранмаро увернулся от четвертого удара, ответил, подставил лезвие под пятый, наклонил клинок, позволяя мечу противника скользить по нему, вывернул запястье... А потом Юрике стало не до этого. За ней гнался человек-броня.

Хастур не пытался ударить ее, только схватить, но представляя, как попадает в его композитную хватку, она начинала двигаться резвее. Он был быстр и ловок, большие габариты не мешали ему двигаться с кошачьей грацией, и пока только изначальная фора помогала Юрике быть на шаг впереди него. Ей даже начало казаться, что она попадет в его руки раньше, чем Ранмаро справится с Ботинком. Тем более, что брат явно не торопился с этим.

Внезапно Хастур остановился.

— Зачем тебе это? — спросил он, переводя дух — к огромному облегчению Юрики. Это свидетельствовало о том, что он не совсем машина, чего она сильно боялась. — Нам нужен только Лэйт, ты можешь просто уйти.

— Я своих в беде не бросаю, — ответила она, взведенная пружиной и готовая к продолжению недетской игры в салочки. Даже забыла добавить, что Ранмаро ее брат.

— Ты из «Молота»? — спросил воин, внимательно рассматривая Юрику. — Великий Дом Старвинд? Пусть в тебе и течет кровь яо, ты все равно похожа на них. Мать Антареса тоже из этого великого дома, вы можете оказаться родственниками.

— В гробу я видела такую родню, — ответила Юрика, и внезапная идея посетила ее голову. — Хочешь узнать, кто я — поймай. Если сможешь.

— Точно Старвинд, — хмыкнул Хастур. — Они все наглецы, в кого не ткни. Даже легендарный Регулус.

— Ты знал его? — удивилась девушка и бросила взгляд в сторону Ранмаро. Антарес теснил Лэйт, и ее сердце сжалось в тревоге.

«Дядя, деда, ну и где вы шьетесь?»

— Да, — веско обронил Хастур. — Я сражался с ним еще до того, как он стал Стражем Неба, а это, — воин коснулся половинки уха, — он оставил мне на память уже после смерти императора Фридриха тридцать лет назад.

— Тебе больше ста пятнадцати лет и ты сражался с ним один на один? — на всякий случай уточнила Юрика.

— Да.

«Твою мать!»

А вслух ответила:

— Круто. А других Стражей видел?

— Нолу Орчи. Так же еще до того, как появились Стражи Неба. Она помешала моему отряду схватить Дана Даркенвэй в пустынях Судо.

Мысли в голове Юрики заметались с удвоенной скоростью.

— Ты о Шадизе? Там еще красный песок.

— Ты слышала об этой истории? — удивился Хастур. — От кого?

— Дан Даркенвэй рассказал, — как бы неохотно ответила девушка. На самом деле ей было только на руку тянуть время подобным образом. Но бросив еще один взгляд на Ранмаро, обивавшего удары Антареса, она задумалась над тем, кто же здесь на самом деле

занят манипуляциями с резиной.

— Странно, — удивление Хастура продолжало расти, — мне показалось, что тебе не больше пятнадцати, ведь процесс нашего старения начинает замедляться после двадцати лет. Неужели синдром Цепеша?

— Мне шестнадцать, — рассердилась Юрика, хотя на самом деле была благодарна старому воину за то, что он не дал ей все тринадцать.

— Тогда Дан Даркенвэй никак не мог говорить с тобой, — нахмурился Хастур. — Он погиб еще раньше от рук Ришари — вместе с Регулусом.

Юрика постаралась предельно успокоиться, изгнать из сознания страх и неуверенность. Предположение, что брат легко справится с противником, оказалось ошибочным, более того, он мог проиграть, и это ей нужно спешить к нему на помощь. Пройти мимо древнего Хастура, сражавшегося с Нолой Орчи и Регулусом Старвиндом. Победить его точно так же, как и они.

Решение пришло неожиданно.

Юрика вытянула вперед открытую ладонь и вызвала материальный образ памяти Дана Даркенвэй — сферу туманного света.

— Это память одного из Стражей Неба. Кто угодно может прочесть воспоминания из нее. Победи меня — и я покажу их тебе.

— Зачем они мне? — удивился Хастур со слабо скрытым интересом. — У меня есть множество собственных воспоминаний о них.

— О, действительно, — подтвердила разочарованная Юрика. — Ну, тогда я пошла. Удачи с Лэйт.

— Стой, — произнес Хастур, когда она действительно собралась уйти, и надавил пальцем на висок. — Теперь я просто не могу отпустить тебя. В твоих руках секреты Гвардии Хаоса. Ты не менее ценна — как и наследник Дома Лэйт. Я уже передал сообщение императору Сигурду, и он только что одобрил твою поимку.

«Твою мать! — пронеслось в голове Юрики. — Что я только что натворила?»

— Стала целью «Рассвета», — прочитал ее мысли Хастур. — Это большая честь. В определенном смысле.

— Ха-ха, — ответила она. И бросилась наутек. Теперь Хастура следовало победить очень быстро — кто-угодно мог придти ему на помощь.

«А еще я могу просто поднять кверху лапки и ждать, пока дядя и дедушка придут меня спасать. Но такого они от меня никогда не дождутся».

Виктория рассеяно размещивала в стеклянном бокале растаявшее мороженное, рассматривая текущий мимо ресторана поток людей. Просперо, трижды попытавшийся развязать диалог, решил, что будет проще настроиться на волну, на которой пребывала девушка, и так же испытал себя в созерцании, но ничего, кроме самой Виктории, не могло оказаться более достойным его внимания. Инспектора восхищала ее утонченная красота, которую видел всякий, но только до тех пор, пока не вступал с ней в близкое знакомство, потому что Виктория хотела казаться всем стальным клинком, а не нежным цветком. И только когда она забывала о том, что на нее смотрят, становилась такой, какой должна была быть в мире без сражений и мистических способностей — умной и доброй девушкой, по достоинству одаренной самой природой.

Виктория наконец заметила пристальное внимание к своей особе и с вопросом посмотрела на Просперо. Делать вид, что ничего не произошло, стало поздно, и он спросил:

— Есть ли мужчина, который покорило ваше сердце, синьора?

— В данный момент или вообще? — уточнила она. — Я влюблялась... пару раз.

Сердце инспектора застыло и упало куда-то в область подвала и городских коммуникаций.

— Но ничего действительно особенного не было, — продолжила она, и душа Просперо воспряла. — Одно свидание, разочарование... Живых людей любить трудно.

— Простите?

— Я имела ввиду тех, с кем мы близко знакомы, — уточнила Виктория. — Парни в Фламби меркли на фоне историй мамы о Гвардейцах и Стражах Неба — великих героях и злодеях прошлого. Они похитили мое сердце еще в детстве. Дедушка Валериан, дядя Кристиан, верные Дан и Регулус, грозные Кенсэй и Белгорро, ужасные Сигурд, Раббен и Августо... Правда, чем больше я узнавала о некоторых из них, тем быстрее выветривались глупые мысли из моей головы.

Виктория мило улыбнулась и Просперо ответил ей, отметив про себя, что она не назвала Дженази. И вовсе не потому, что забыла о нем.

— А вы, Просперо? Сколько раз вы завоевывали чье-то сердце?

Эспозито улыбнулся.

— Не думаю, что в моей жизни происходило нечто подобное. Я имею ввиду ситуации, когда влюблялись в меня. Я — да, такое случалось. Например, двадцать лет назад, когда я только начинал служить закону и Федерации.

— Вы вдвое старше меня, но хорошо запомнили только один такой эпизод? — не поверила Виктория.

— Она была особенной, — грустно ответил инспектор, погружаясь в воспоминания. — Мы познакомились совершенно случайно — мне пришло письмо, адресованное другому человеку. Другому Просперо Эспозито, который был старым другом ее семьи. Диана — так ее звали, сообщила ему о болезни матери, и просила приехать. Когда я понял, что прочел чужое письмо, написал ответ и сообщил об ошибке почтальона. И пообещал найти настоящего получателя письма. Провел небольшое расследование — это было легко — и узнал, что другой Просперо умер год назад, и написал второе письмо. Так началась наша переписка.

— Звали? — осторожно спросила Виктория.

— Она писала замечательные письма. Глубокие, искренние. Оказалось, что она была всего на три года младше меня, и училась в юридическом колледже, собираясь поступить на госслужбу. Вся семья — мать и отчим, переезжающие с одной съемной квартиры на другую. Через два месяца в одно из писем была вложена ее фотография, и я по-настоящему влюбился. Служба отступила на второй план, я начал грезить Дианой. И однажды просто взял отпуск за свой счет и приехал к ней.

— Реальность и письма оказались далеки друг от друга? — Виктория не смогла выдержать затянувшейся паузы. Просперо вынырнул из своих воспоминаний словно из глубокого омута и увидел девушку совсем в ином свете. Опыт и боль прожитых лет надавили на плечи, и он внезапно усомнился в правильности своей искренности. Зачем ей это знать?

— Да.

Виктория ничем не выразила своего разочарования, и даже дала понять, что ожидала

подобного ответа. «Такова жизнь» — наверное, хотела сказать она, и только после этого Просперо решил, что сказать стоит.

— Диана из писем и настоящая Диана оказались разными девушками. Но настоящую Диану я полюбил куда сильнее, чем воображаемую. Что вообще могут передать строчки на бумаге? Звук голоса? Особенности мимики? Истинный смысл слов? Между строчек мы читаем удивительные вещи, которые порой не имеют под собой никакого основания. Другой человек — другая Вселенная.

— Понять человека тяжело, даже если живешь рядом с ним долгие годы, — подтвердила Виктория, вспомнив о Ранмаро. — Но вы имели ввиду не совсем это, извините.

— Ничего, — покачал головой Просперо. — Это близкие темы, и очень сложные. Так вот, Диана изменила мое отношение к этому миру. Я не мог поверить, что под этим небом и по этой земле ходит настолько удивительная девушка. Извините, что не могу сказать вам, в чем именно это заключалось — слишком личное, старательно забываемое. Скажу только, что предложил ей выйти за меня, и она ответила отказом. Если она поразила мое сердце, то я, видимо, разочаровал ее. Хотя, скорее всего, она вообще ни разу не испытала ко мне аналогичного чувства. Я был ее собеседником, далеким, которому можно сказать то, чем никогда не поделишься с близкими. И нужен был ей только в данном качестве.

— И вы уехали? — мрачно спросила Виктория. — Даже не попытались завоевать ее сердце?

Просперо вздохнул.

— Я был настойчив, поверьте мне, и добивался ее внимания смелее, чем любой другой на моем месте. Никто и ничто не могло испугать меня тогда — соперник, постороннее мнение, обстоятельства. Просто я не был ее рыцарем на белом коне.

— Или отступили раньше, чем она смогла понять, кто именно появился в ее жизни, — продолжала сердиться Виктория.

— Возможно, — ответил инспектор. — Мысленно возвращаясь к тем дням, я всегда представляю, как поступил бы тогда иначе. Но жизнь не переиграешь. От яркой мечты остался только уголек надежды — наша переписка не прекращалась еще целый год, пока однажды мы не разошлись во взглядах по поводу одного вопроса. В последний раз обменялись гневными письмами. И все.

— Вы больше не писали ей? Ни разу? — не поверила девушка.

— Трижды, — нехотя признался Просперо. — Пока через два года не пришло письмо от семьи, которая поселилась в ее квартире. Так я узнал, что Диана умерла. Она долго болела — еще во время своего визита я обратил внимание на то, что она очень хрупкая, но таким было только ее тело, а не воля и разум, и не придавал ее физической слабости большого значения. Врачи не смогли ей помочь. Мне написали, что даже обладатель мистической способности исцеления оказался бессилён. Возможно, только синьор Дженази мог тогда помочь... — Просперо поднял свою правую руку и снова поразился тому, что она на месте.

— Да, он смог бы, — подтвердила Виктория. — Мне жаль.

— Диана болела больше года — и ни разу не написала мне об этом. Даже зная, что скоро умрет — не написала. Это... — Просперо задохнулся и не смог закончить фразу. Стиснул зубы и отвернулся.

— Вы не смогли попроситься.

— Да, — выдавил он из себя. Потом улыбнулся и снова превратился добродушного молодого человека, всего-лишь чуть более серьезного, чем его ровесники. И увидел, что

Виктория не смотрит на него, переживая в душе услышанную историю. — Извините, если расстроил вас.

На их стол упала чья-то тень, Просперо повернул голову и увидел незнакомую девушку с правильными чертами лица и необыкновенно чистой и светлой кожей. Большие ясные глаза словно светились изнутри, и инспектор мгновенно провел аналогию с внешностью семьи Лэйт. Одна из Великого Дома.

— Я тоже расстроилась, инспектор Просперо Эспозито, — заявила она бесцеремонно, и просто уселась на край стола, вызывая демонстрируя обнаженную ногу в высоком разрезе открытого черно-красного платья. — Не собираетесь извиниться и передо мной тоже?

Пока инспектор и Виктория пребывали в состоянии глубокой растерянности, она извлекла из дамской сумочки позолоченный портсигар, вытащила тонкую длинную сигарету и закурила.

— Грустная история, — продолжила незнакомка, когда они медленно вышли из-за стола. — Два одиночества не нашли друг друга. Ну просто сценарий для мелодрамы с элементами детектива и трагическим финалом. В принципе, — она смерила Просперо уничижительным взглядом, — я Диану понимаю. Тратить свою жизнь на ничтожество? Ха-ха три раза.

— Ты кто такая? — прорычала Виктория. Незнакомка даже не смотрела в ее сторону, и это было большой ошибкой с ее стороны.

— Карина Бронзлевен, специальный агент «Рассвета» на службе у Первого Императора Дакиэрро.

— Виктория Лэйт, — процедила девушка, сжимая кулаки. — Если ты сейчас же не извинишься перед ним...

Карина схватила стакан с водой и выплеснула его содержимое в лицо Виктории.

— Я знаю, как тебя зовут, — ответила она высокомерно. — Наследница Дома Лэйт, который был сокрушен моим прапрадедушкой Фридрихом. Слышала о таком?

— ...то я скормлю тебе твои же волосы, — закончила фразу Виктория. Вода стекала с ее волос и лица, намочив шею и оставляя серые потеки на белой блузке, и никаким образом не могла охладить ее ярость.

— О, правда? — искренне удивилась Карина и взяла со стола графин с водой.

«Она знает наши имена, но не знает о способностях Виктории?» — успел удивиться Просперо перед тем, как вода в графине забурлила и стекло лопнуло, осыпая Бронзлевен осколками. И ошпаривая крутым кипятком.

— Тварь! — взвыла Карина, тряся обожженной рукой. Досталось и ноге, только инспектора насторожил цвет покрывших кожу пузырей — ядовито-лиловый. И это была не отмирающая кожа, а странная полупрозрачная светящаяся слизь, от которой исходил едва заметный пар. Слизь вела себя, словно жидкость, оказавшаяся в невесомости, и Просперо мысленно сравнил ее с эктоплазмой, выделяемой медиумами, и из которой, по слухам, состояли призраки.

Эктоплазма собралась в единый сгусток, приняла образ крылатой ящерицы и атаковала Викторию. Инспектор не растерялся и создал электрический разряд в области ступни — подошву ботинка намочила образовавшаяся лужа горячей воды.

Карину тряхнуло и мистическая способность развеялась, не коснувшись Виктории. Она бросила на Просперо злобный взгляд, он же ответил виноватой улыбкой.

— Извините.

— Двое на одного, да? — Бронзлевен отступила, хищно улыбаясь. — Ошибаетесь, голубки.

Она шагнула в сторону — и Просперо увидел стоявшего позади нее высокого мужчину в кожаном плаще, надвинутой на лоб широкополой пастушьей шляпе и странных широких очках-полумаске. Он целился в него из огромного пистолета странного дизайна и улыбался.

— Привет, — сказал он и нажал на спусковой крючок.

Яркая вспышка, два слившихся в один электрических треска, тяжелый удар в грудь — и Просперо оказался сбит с ног и отправлен в полет выстрелом из плазменного оружия.

— Вот незадача, — незнакомец приподнял полу своей шляпы тычком бластера, и извлек из кобуры второй, — в досье об этом не было ни слова. Электромагнитный тип, способный отбивать плазму... Карина, он действительно нам живой не нужен?

— Нет, — прошипела Бронзлевен, формируя вокруг себя целое облако лиловой эктоплазмы. — Забираем Лэйт и уходим отсюда.

— Прости меня, парень, — сокрушенно произнес после этих слов стрелок и развел руками. — Кристоф Сольрайн заберет сегодня твою жизнь.

Глава 51. Баллада о вольных стрелках

Просперо молча поднялся на ноги и отряхнулся. Он даже не понял, почему заряд плазмы всего-лишь сбил его с ног, не оставив и следа ожога. Болели локоть и затылок, которыми инспектор ударился о каменную плитку пола — и все. Хотя не так давно аналогичный выстрел лишил Эспозито руки.

Невольные зрители столкновения, посетители, служащие ресторана и просто прохожие, поспешно разбежались, оставив на сцене только четырех участников. Появление Сольрайна поставило Просперо и Викторию в самое невыгодное положение, а как действует мистическая способность Бронзлевен, он вообще понятия не имел — только то, что она требует высокой концентрации внимания. В ресторане негде было укрыться — деревянный стол не выдержит попадания и пули, и они были перед Кристофом как на ладони. Точнее, только Просперо — он был целью стрелка. Безоружный.

«Наверное, — подумал он, и вызвал образ обсидиановых врат. — Дзаа-Тхон-Кгар!»

Имя Забытого перенесло инспектора в его темницу, и тот сразу заметил гостя, как и его встревоженный вид.

«Битва?» — сразу заинтересовался он, наклоняясь к Просперо, чтобы рассмотреть его поближе.

«Да».

«Хорошо».

Сознание Эспозито вытолкнуло в настоящее, но он затылком ощущал пристальное внимание Тхон-Кгара, и понял, что тот видит и слышит то же, что и он.

«Твоя мистическая энергия смехотворна, поэтому придется читать заклинания. Направь на него свою руку и не теряй из виду в течение трех секунд».

«Что?» — Просперо возмущился невыполнимому требованию Забытого, и тут Кристоф снова выстрелил. И промахнулся — в его руку ударил кусок льда, а потом пространство заволкло густым паром, скрывшим все из виду. Тонкая, но сильная рука схватила инспектора за рукав и потащила прочь, совсем рядом протрещал третий выстрел бластера и что-то взорвалось щепками и каменной крошкой.

— Бежим! — крикнула Виктория Просперо в ухо, и он подчинился, чувствуя необычную легкость во всем теле.

В спину что-то толкнуло, затрещало и вспыхнуло, и он только чудом удержался на ногах.

«О, ты умеешь и так, — громыхнул Забытый. — Пассивная защита от молний. Но ей требуется время на восстановление, так что смотри, не попади под два выстрела подряд».

«Постараюсь,» — мысленно ответил Просперо. Туман был повсюду, он не понимал, куда Виктория тащит его, и чувствовал себя совершенно беспомощным.

«Кири́н окружила вас облаком пара, — подсказал Забытый, — и сейчас вы пересекаете улицу. Думаю, она хочет укрыться в здании напротив — в нем нет людей, обширные залы на первом этаже и толстые стены, и самое главное — куча труб с водой. Владычица Грез окажется в ловушке и Кири́н прикончит ее. Вот только Ткач Измерений сможет играть там с вами в кошки-мышки».

«Он хочет убить только меня, — Просперо догадался, что речь идет о Сольрайне, — Виктория нужна им живой».

«Не думаю, что ее можно использовать как щит, — задумался Забытый. — Как только возникнет опасность для жизни, ваши враги нарушат приказ и просто убьют вас — огневая мощь на их стороне. Разделяйтесь, и сражайтесь поодиночке — Повелительница Демонов будет брать Кирин живой и потеряет время, а мы используем его, чтобы справиться с Ткачем Измерений. Только запомни — для заклинаний нужно время на подготовку. Я могу усилить твою мистическую способность, немного, и если у тебя есть мозги, ты сможешь поставить Зыбкого в невыгодное положение и он подставится под удар».

Просперо не увидел — услышал, как Виктория рванула на себя входную дверь, и плечом зацепил косяк, теряя равновесие и толкая девушку. У нее не было времени просить его быть осторожнее и она втащила инспектора внутрь, захлопывая дверь и покрывая ее толстым слоем льда.

— Мы должны продержаться до тех пор, пока не придут Дженази и Кенсэй, — взволновано сказала она, проходя внутрь помещения и заполняя его новой волной тумана.

— Мы не справимся с ними?

Виктория посмотрела на него с удивлением.

— Извините, Просперо, но вы безоружны, а ваша мистическая способность не очень сильна.

Окно здания пронзил плазменный выстрел и разорвал на куски стоявший в вестибюле шкаф. Тяжелый удар сотряс дверь, разбивая лед и едва не выбивая ее вместе с косяком.

— Они до сих пор не вошли внутрь только потому, что не знают об этом и боятся оказаться в тумане, сквозь который можно легко ударить молнией. Это известная тактика дуэта повелителей воды и электричества. Дженази и Ришари в прошлом с ее помощью истребляли целые армии.

— Но мы не они.

— А этих всего двое.

«Ткач Измерений карабкается на крышу, — сообщил Просперо Забытый. — Если он упадет сверху, а Повелительница Демонов ударит через вход, вы никого не дождетесь. Немедленно поднимайся наверх и встреть его там».

«Откуда ты знаешь?» — удивился Просперо всевиденью Забытого.

«Я повелеваю молниями и чувствую их повсюду. Зыбкий снаряжен предметами, которые работают от них. Просто доверься мне».

— Сольрайн лезет на крышу, — сообщил Просперо Виктории, не зная, как кратко объяснить, что он со вчерашнего дня чародей и уже не так беспомощен. — Я остановлю его наверху, а вы задержите Карину.

— Он убьет тебя!

— Доверьтесь мне, — почти дословно повторил он слова Тхон-Кгара и рванул вверх по лестнице.

«Что может Кристоф Сольрайн? Ткач Измерений?» — мысленно спросил Просперо Забытого, решив узнать позже, что значат прозвища, которые он раздает людям.

«Ткачи умеют становиться нематериальными. Невидимыми, неосязаемыми. Вездесущими. В давние времена они умели переносить себя даже в человеческое сознание, но этот слаб. Жди невидимости и умения проходить сквозь стены. Его тактика будет

простой — подкрасться или из засады всадить в тебя сразу два заряда плазмы. Он не знает, что я чувствую его, поэтому у него ничего не выйдет. Только ты не сглупи».

«А что могу я?»

«Мы, — поправил Просперо Тхон-Кгар. — Ты можешь только бить током и выдержать один выстрел из его оружия. Я позволю тебе ударить настоящей молнией, которая оставит от Ткача Измерений одни головешки, но для ее подготовки нужно время, ведь ты не можешь создать канал токопроводящей среды в воздухе».

«А если я схвачу его?»

«Тогда тебе хватит и того просто усиления мистических сил, которое я наложил на тебя. Мне уйти?»

«Нет, что вы».

«Вот и хорошо. И раз ты такой сообразительный, я раскрою тебе секрет древних проводников Сердца Мира, чтобы ты даже со своей мизерной мистической энергией смог нанести серьезный урон и без моей помощи. С помощью глубокой концентрации, сильных эмоций и четкого воображения можно создать мысленный образ, который получит часть твоей души, а значит, сможет самостоятельно накопить мистическую энергию. Ты создашь образ в своей голове и сделаешь материальным с помощью внутренней способности. И получишь оружие».

«Какое?»

«Ты — Убийца Гигантов. Чаще всего они использовали копье».

— Думать о копье, — пробормотал под нос Просперо, поднимаясь на третий этаж и находя лестницу, ведущую на крышу. — О мистической энергии и молнии. А еще о невидимом Сольрайне с бластерами, проходящим сквозь стены. Я слишком стар для этого... А, нет, больше нет.

Крыша здания оказалась широкой и плоской, с множеством выходов вентиляционных труб и кирпичных надстроек. И голубятней. Под ногами мягко пружинил нагретый солнцем, вязкий битум, от него вверх поднимался тяжелый и густой запах.

— Как ты узнал, что я поднялся на крышу? — раздался голос Кристофа откуда-то справа.

— Как вы узнали, что я поднимаюсь на крышу? — задал аналогичный вопрос Просперо, поворачиваясь на звук. — Вы ждали меня здесь вместо того, чтобы сразу спуститься вниз.

«Ткач находится в противоположной стороне, — прогремел Тхон-Кгар в голове инспектора. — Он говорит с тобой через какое-то устройство, которое оставил там, куда ты смотришь».

Просперо поспешно сменил позицию, пытаясь рассмотреть противника среди труб, антенн, проводов и надстроек.

«На циферблате часов все еще двенадцать делений? — уточнил Забытый».

«Да».

«Он на пять часов, двадцать шагов, — Тхон-Кгар в понятной Просперо форме сообщил направление и расстояние до противника. — Устройств, передающих голос, два. На шесть и девять часов. До каждого десять шагов».

Инспектор посмотрел в указанных направлениях и увидел только шиферные настилы и кирпичные стены.

— Просто я вижу вас насквозь, — голос Кристофа раздался со стороны скрытого от глаз и способного перемещаться самостоятельно динамика. — Вы у меня как на ладони. Неужели ответите в таком же духе?

— Не стоило переходить на «вы», синьор Сольрайн, это моя профессиональная манера общения, — Просперо ждал, когда Забытый сообщит ему о перемещении Сольрайна и попытается сконцентрироваться на образе оружия, в которое может превратиться молния.

— Ну, я тоже профессионал, — последовал задорный ответ. — И мне даже нравится это ваше обращение. «Синьор». СиньорСольрайн. Круто звучит. Могу я обращаться к вам «мистер Незнакомец»?

— Как вам будет угодно. И мое имя Просперо Эспозито.

«Он прыгнул! — закричал Забытый. — За эту стену, бегом!»

Просперо сорвался с места к новому укрытию, одновременно бросая взгляд вверх и вправо. Кристоф запрыгнул на высокую железную трубу и инспектор оказался как раз на линии огня. Если бы не предупреждение Тхон-Кгара, поединок был бы уже окончен, а так только один плазменный заряд из двух прогудел совсем рядом с его головой. За спиной раздалось два мелких взрыва, слившихся в один. Вот только плохо было то, что теперь инспектор оказался практически загнан в угол — кирпичное препятствие было недостаточно широким, и Кристоф мог держать его целиком в своем поле зрения.

Воздух разорвался шумом крыльев десятков испуганных голубей, разлетевшихся во все стороны, и это был самый удачный момент для скрытного перемещения, если бы не способность Сольрайна видеть сквозь стены — Просперо предположил, что ее обеспечивают странные очки Кристофа.

«Рядом с этой трубой стоит антенна, — подсказал Забытый. — Целься в нее, раз не видишь врага. Просто держи в поле зрения и протяни руку. Только аккуратно, чтобы Зыбкий не отстрелил».

Просперо выполнил инструкцию — и впервые в жизни с его руки сорвалась полноценная молния. Она ослепила его, оглушила громом — и рассекла пространство огненной дугой, раскалив антенну добела.

Ощущение собственного могущества невозможно было выразить словами, и Просперо едва не потерял голову от восторга.

«Спокойнее, Ткач сменил позицию. Пять часов, двадцать шагов. Одно из устройств сейчас на девять часов от тебя, десять шагов. Уничтожь его!»

Просперо обогнул кирпичный прямоугольник и едва не врезался в странную парящую сферу из металла и пластика, покрытую отверстиями объективов и странными выступами. Инспектор схватил ее и ударил током, сжигая микросхемы и оплавляя изоляцию. Устройство пискнуло, зашипело, и мигающий на его поверхности светодиод погас.

— Один-ноль в вашу пользу, мистер Эспозито, — насмешливо сообщил оставшийся автономный динамик.

«Брось его немедленно! Это бомба!»

И Просперо бросил. Удивительное устройство тактической поддержки оказалось оснащено еще и взрывчаткой, которая, к его счастью, детонировала только при нажатии определенной кнопки, находившейся в руках Кристофа. В него умная граната и полетела — инспектор автоматически швырнул ее в сторону укrywшегося Сольрайн.

Раздался новый взрыв.

— Два-ноль в вашу пользу, — сообщил Кристоф с большой долей уважения. — Вы хоть

представляете, сколько эти мотыльки стоят?

«Он выпустил еще два «мотылька,» — с некоторым злорадством сообщил Забытый. Просперо вздохнул.

«Четыре часа, пятнадцать шагов. Двигайся влево, иначе угодишь под огонь».

Просперо послушно вернулся на начальную позицию. Образ молнии в голове начал медленно вырисовываться и обретать плотность.

— Кстати, превосходная молния. Даже странно, что вы не испепелили меня сразу и на месте. Необходимы определенные условия? Долгая подготовка? Нет, тогда вы бы не стали палить в молоко. Или она не настолько долгая, и можно позволить себе рискнуть, потратить время на простое отвлечение внимания? Привести врага в замешательство? Ну, в таком случае у вас все получилось, мистер Эспозито. Я растерян. Три-ноль в вашу пользу. Но что-то мне подсказывает, что если я сейчас попаду в ваше поле зрения и сразу исчезну, вы ничего не сможете со мной сделать. Мистика мистикой, а простой револьвер надежнее.

«Это магия, чертов балабол», — хотел сказать Просперо, но сдержался. И избежал еще двух выстрелов из бластера.

— Я тут сделал запрос в нашей базе данных и обнаружил занимательную информацию, — продолжил в том же духе Кристоф. — Оказывается, Просперо Эспозито там есть, такое имя носил инспектор полиции из славного города Ховина. Сорок лет, холост, двадцать лет безупречной службы. Наш механический друг убил его на днях в Фламби. А в архивах «Молота», которые нам удалось заполучить двадцать лет назад, значится, что он обладал мистической способностью управлять электричеством. Вы, часом, не родственники? Очень уж фотографии похожи. Я бы даже сказал, одно лицо. Один и тот же человек.

— Я и есть этот Просперо Эспозито, — ответил инспектор, перебегая в новое укрытие.

«Образ оружия готов, — сообщил он Забытому. — Что дальше?»

«Ему нужно воплотиться. Позволь энергии Сердца течь в образ сквозь тебя, стань проводником между этим сосудами. О, и к тебе летит устройство. Девять часов, взрываться будет».

— Как же так получилось, что вы сбросили четверть века? — с интересом спросил Кристоф после сравнительно небольшого бадабума.

— Мистика, синьор.

— Четыре-ноль, мистер Эспозито, — расхохотался Сольряйн. — Но вы путешествуете в компании бывшего Гвардейца Хаоса, так что сделаю предположение, что старые пес обучился новым трюкам.

— Не бойтесь, что старый пес вот-вот появится на горизонте? — спросил Просперо, рассматривая появившиеся из ниоткуда облака. Одно из них закрыло собой солнце.

Сольряйн ответил не сразу, голос его уже был лишен прежней веселости.

— Боюсь. Так что придется мне, мистер Эспозито, положить конец нашей занимательной игре. И Карина слишком занята, чтобы отвечать на мои сообщения — у нее, похоже, проблемы с вашей прелестной спутницей, и она нуждается в моей помощи. Идем ва-банк?

«Когда увидишь его — просто выпусти из себя этот образ, раскрой сосуд, — произнес Забытый. — Ты чувствуешь вес оружия?»

«Нет, — ответил Просперо, а потом снова прислушался к своим ощущениям. — Да».

Внутри что-то росло, заключенная в прозрачную сферу застывшая молния в виде копыя

начала казаться чем-то реальным. Он мысленно нырнул в пространство перед Вратами и увидел его — сверкающий разряд чистой энергии, застывший в воздухе на уровне груди. Мистическая энергия Сердца Мира сейчас лилась только в него, минуя тело Эспозито, и странным образом оказалось, что оно имеет куда большую емкость. Долго не решался прикоснуться к нему, а когда это наконец случилось, молния исчезла в один миг, втянувшись в пальцы. И осталась там, готовая в любой момент вырваться наружу.

— Почему бы и нет, — ответил Просперо Кристофу и вышел на простреливаемое пространство, подняв руку с трещавшими между пальцами электрическими разрядами.

— Совсем как в старых фильмах про Дикий Юг, — с иронией ответил Кристоф, выходя ему навстречу и целясь сразу из двух бластеров. До него было чуть меньше двадцати шагов, и инспектор хорошо рассмотрел ироничную улыбку на его губах — единственное, что можно было рассмотреть на лице, закрытом полами шляпы и широкими очками, даже подбородок был закрыт высоким кожаным воротником плаща.

— Насколько я помню, те стрелки выходили на дуэль с оружием в кобуре, — произнес Просперо, и не стал выпускать рвущуюся мощь мистического оружия, даже увидев перед собой цель.

— Да, верно, — ответил Сольряйн и выстрелил. Просперо даже не пошевелился, только мгновением спустя направил руку совсем в другую сторону и нажал на воображаемый спусковой крючок. Молния сорвалась с пальцев и ударила настоящего Кристофа прямо в грудь, отбрасывая назад. Он, невидимый, подкрался с фланга, пока его сфера не только имитировала голос, но и создала голографическую проекцию его тела. Если бы не Забытый Бог, Просперо попался на уловку и, скорее всего, погиб.

— Вы же знали, что мне не нужно видеть вас, чтобы знать, где вы находитесь, — сказал он, подойдя к поверженному противнику и обнаружив, что тот все еще жив. Молния прожгла дыру в его груди, расплавив одежду и спрятанную под ней броню вместе с плотью, но сердце все еще билось, а легкие прерывисто поднимались и опускались.

— Я... знал... что вы... знаете... — слабым голосом ответил Кристоф, смотря прямо в небо. — Просто не думал... что ваша молния... может быть... настолько быстрой. Ей же нужен... ионизированный канал... в воздухе... Это даже... не магия... Я начал думать... что вы маг... но теперь...

— Вы слишком много говорите даже в таком состоянии, — покачал головой Просперо и поднял один из бластеров Кристофа. Он оказался совсем легким, словно из картона и фольги, и очень удобно лежал в ладони.

Инспектор навел его на поверженного противника и представил, как нажимает спусковой крючок — пластиковую кнопку.

— Не буду... просить пощады... Пять-ноль... — прохрипел Кристоф Сольряйн и закрыл глаза.

Просперо взвесил обстоятельства — и выстрелил.

Глава 52. Эпитеты стали

Ранмаро почти не переживал за Юрику, которая еще утром продемонстрировала свою доселе скрытую и очень опасную способность, многократно усиливающую тело. Сестра даже не подозревала о ней прежде, и, похоже, не умела толком пользоваться, но если станет слишком жарко — и Лэйт был уверен в этом — сделать больно Юрике сможет только кто-то, равный Гвардейцам. Если бы Хастур был таким, Ранмаро о нем бы уже давно услышал.

Не был таковым и Антарес, который точно не смог бы победить Валерию, но младший Лэйт с ним уже порядком намучился. Агент «Рассвета» не проявлял мистических способностей, даже намека на одну из них. Вместо этого он всю использовал возможности своей брони, скрытой под одеждой, и гибкий клинок из мнемосплава, которым пользовался с большой ловкостью.

— Кто тебя учил мечом махать, блондинчик? — Антарес отпрыгнул на безопасную дистанцию и насмешливо задрал подбородок, положив клинок на плечо. — Машешь им, словно шваброй. Или это и есть знаменитый стиль фехтования Великого Дома Лэйт?

Ранмаро выстрелил в него сгустком сжатого воздуха, но снаряд не достиг цели, Антарес увернулся и снова пошел на сближение. Клинки столкнулись, агент «Рассвета» нажал на кнопку на рукояти, которой регулировалась жесткость лезвия, и оно стало очень гибким, почти как лист бумаги. Действуя им как хлыстом, Антарес зацепил футболку на плече Ранмаро, но даже не оцарапал кожу, отбил основанием клинка меч Лэйт и попробовал повторить трюк уже на другом плече, но парень смог увернуться и отбросить от себя врага волной воздуха.

Меч Антареса снова стал жестким, по нему пробежала волна синего света, заново заточивающего лезвие. Лучевая сталь меча Ранмаро в данный момент была тверже мнемосплава, но только потому, что его свойства находились в зависимости от напряжения пропущенного через него электрического тока. Например, он мог стать очень твердым и даже поцарапать алмаз, но для этого нужны объемы энергии, которые тяжело поместить в небольшой аккумулятор в рукояти. И мнемосплав назывался так потому, что мог запоминать одну определенную форму, которую принимал, как только попадал под электрическое напряжение. Чаще всего из мнемосплава инженеры Небесных Городов изготавливали инструменты, корпуса машин и роботов высокого класса, элитную броню и протезы — для их ремонта достаточно было пропустить по металлу ток. А если к мнемоброне подключить термоядерный реактор, то пробить ее и вовсе будет невозможно.

Мечи из мнемосплава были стандартным вооружением спецподразделений Великих Домов, бойцы которых не обладали большими запасами мистической энергии или относились к типу проводников и сенсоров, неспособных усиливать свое тело. Боевой тип обладателей мистических способностей использовал лучевую сталь, которая могла поглощать их энергию и становиться прочнее. Использовать ее иначе как в виде холодного оружия было дорого и бессмысленно, а кузнецы, создавая новый клинок, всегда отдавали дань уважения седой древности, когда воители сражались, не слышав даже о порохе. Поэтому крестообразный меч Ранмаро выглядел антиквариатом на фоне эргономичных линий клинка Антареса — столкнулись прошлое и настоящее, традиции и инновации.

— И как только вы стали символом Великих Домов? — оскалился Антарес, и Ранмарс рассмотрел наконец его контактные линзы, служившие миниатюрными информационными

экранами. Сквозь них в мозг бойца поступал дополнительный поток информации, дававший преимущество в бою — например, анализ движений мышц противника и прогноз его дальнейших действий. Работу всей системы обеспечивал скрытый микрокомпьютер, который также отдавал команды искусственным мышцам синтетической брони, усиливающим силу и реакцию агента «Рассвета». Ранмаро предположил, что он находится где-то на спине Антареса, частично имплантированный в тело. Из-за этого противника было проще убить, чем попытаться вывести из строя систему тактико-боевой поддержки. На самом деле порядком устаревшая технология, но не каждый был готов на внедрение нейроимплантов и прочих кибернетических модификаций, которые, конечно же, давали неоспоримое преимущество, но в то же время требовали постоянного обслуживания и даже дополнительных источников энергии. Изоляция от сервисного центра может запросто превратить киборга из суперсолдата в инвалида.

Антарес Старвинд был экипирован с расчетом на то, что ему придется выполнять задания вдали от Дакиэрро.

— Просто мы сильнейшие, — гордоответил противнику Ранмаро. — И другие дома признали это. Тебя это огорчает?

Антарес усмехнулся.

— Вас признали первыми среди равных, и то только потому, что один из сотни Лэйт мог использовать уникальную способность. «Рыцарь Света». Если брать силу всего Великого Дома в целом, те же Мисторг были сильнее.

— Как и Старвинды? — спросил Ранмаро, догадываясь, что заставляет Антареса рассуждать на эту тему.

— Старвинды сильнее всех, — уверенно заявил тот.

— И поэтому вы так предано служите бывшему Гвардейцу, — удивился его словам Лэйт.

— Император Сигурд не проливал кровь моего Дома — в отличие от Кенсэя. Он завидовал нашей славе величайших мастеров меча, и сильнейшей в мире мистической способности.

— Ты про огонь? — не понял Ранмаро.

— Не просто огонь, а всепожирающее пламя! — глаза Антареса загорелись от возбуждения. — Способное сжечь даже самую мистическую энергию. Жаль только, что тогда, среди Старвиндов прошлого, не было достаточно сильного пользователя...

— Величайшими мастерами меча считались Коккинавье... А ты даже бумагу поджечь не можешь, Антарес Старвинд, — практически наугад заявил Ранмаро, и, как оказалось, попал в точку.

— Как ты... — изумился посланник императора Дакиэрро, но вовремя закрыл рот и насупился. — Пусть так, но однажды я открою в себе эту силу. И прославлюсь еще больше.

— Чем же ты так известен уже сейчас? — заинтересовался Ранмаро.

— Не сейчас... Но совсем скоро. Как только сделаю тебя, Лэйт.

— Жду с нетерпением, — и противники снова скрестили оружие.

Наследник Старвинд слишком уж самоуверенно провел свою атаку, пытаясь достать голову Ранмаро, и Лэйт принял удар на гарду меча, опустил клинок и ощутимо ударил лезвием плащя по голове Антареса. Острием не вышло — не позволило давление мнемолезвия Старвинда.

Антарес выругался и отпрянул, прожигая Ранмаро злобным взглядом.

— Больно, наверное, — усмехнулся парень, глядя, как Антарес срывает с головы бандану и потирает ею ушибленное место.

— Верну все десятикратно, крысеньш.

— Ну-ну.

— Прямо сейчас! — И Антарес совсем уже безрассудно бросился в бой, открывая живот. Ранмаро тут же ударил туда — и клинок отбросило назад невидимой силой. А мнемолезвие Старвинда щелкнуло в воздухе и оставило царапину на его подбородке. Могло бы и вовсе рассечь челюсть, но став гибким, оно оказалось уязвимо перед резкими порывами воздуха, одним из которых Лэйт и изменил траекторию движения острия продвинутого меча.

— Кинетический щит, — со сдержанным гневом произнес Ранмаро. — Кое-кто здесь не умеет драться честно.

— Сказал пользователь мистической способности, — парировал Антарес. — У тебя свои фокусы, у меня — свои.

— Не удивлюсь, если у тебя припрятан болтер в ботинке.

— Старвинд никогда не опустится так низко, — возмутился Антарес. — К тому же ты нужен мне живой.

Ранмаро задумался: кинетический щит был серьезным козырем против такого бойца, как он. Устройство анализирует пространство вокруг владельца и останавливает движение предметов с импульсом, опасным для его здоровья. Удар мечом плашмя прошел только потому, что был достаточно медленным, и компьютер посчитал неэффективным тратить на него энергию. Так что больше не было смысла бить быстрее и сильнее Антареса — его кинетический щит остановит даже выстрел из тяжелого оружия, энергии хватит.

Ранмаро решил целиком и полностью положиться на технику «липкого» меча, когда клинки не теряют контакта друг с другом, и только ловкость и гибкость решит, кто выйдет из столкновения невредимым. Но угнаться за змееподобным мнемолезвием было сложно, и в результате он заработал только царапину на левом колене.

— Что за балет, Лэйт, играй жестче, — хохотнул Антарес, едва не выбив своим спружинившим мечом клинок Ранмаро и увернувшись от отчаянного удара локтем. — Уже жалеешь, наверное, что прогуливал занятия в танцевальном кружке, на который тебя мамочка записала?

Ранмаро создал особенно сильную воздушную волну и отшвырнул от себя Старвинда. Он хотел думать, что только что услышал простое насмешливое предположение, призванное вывести его из себя, а не документально подтвержденный шпионами Дакиэрро факт. Впрочем, учитывая осведомленность Антареса, «Рассвет» мог обладать информацией и о других позорных пятнах в его биографии...

— Кстати, мы всем отрядом ухахатывались, просматривая запись с твоим выступлением на школьном концерте десять лет назад, — Антарес продолжал вбивать гвозди в собственный гроб. — «Встает звезда, взлетает птица...» — передразнил он тонким голосом.

Ранмаро стал серьезным и мрачным, словно чье-то каменное надгробие. И ощутил настоящую жажду крови.

— Ты обиделся, Лэйт? Я же не со зла, просто со скуки маюсь, — с поддельной искренностью признался Антарес, играясь с формой гибкого клинка и готовясь к новому удару.

— Я так и понял, что ты совсем не стараешься получить титул победителя Лэйт, — достаточно сдержанно ответил Ранмаро. И начал свое наступление.

Теперь он был предельно собран и серьезен, и бил с такой страстью, что Антарес опасался полагаться в защите своего тела на один только кинетический щит, старательно подставляя мнемоклинок под каждый удар. Потом опомнился и даже встретил особенно сильный удар открытой грудью, и расхохотался, когда его после этого всего-лишь отбросило на шаг назад.

— Ты что, надеешься, что аккумулятор разрядится? — даже удивился он бессмысленному натиску.

Ранмаро не позволил себе даже мысленной усмешки, дождавшись этого момента — растерянности врага, решившего, что у противника нет иной стратегии, кроме неэффективной. И снизил плотность воздуха между собой и Антаресом, который уже шел в новую атаку. Старвинд даже не понял, что произошло, когда на очередном его шаге Лэйт прервал мистическую способность — и сильный порыв ветра ударил Антареса в спину, придав дополнительное ускорение, чтобы его, не сумевшего затормозить, нанизало на выставленный вперед клинок. Кинетический щит не сработал, скорости были невелики. А лезвие из лучевой стали — острее бритвы.

Старвинд обмяк и всем телом навалился на Ранмаро, меч выпал из его разжавшихся пальцев и глухо ударился о землю. Лэйт в запале хотел было резко вытащить меч и отсечь наглецу голову — и не смог. Аккуратно извлек клинок, прошедший меж ребер и пронзивший легкое. Рана не была смертельной для бойца «Рассвета» — его тело было пропитано специальной сывороткой, склеивающей повреждения внутренних органов. Ранмаро знал об этом, так как ее использовали все воины Великих Домов, делая специальную инъекцию перед серьезной схваткой — Валерия до сих пор хранила запас ампул в их доме. Но чудеса сыворотка не совершала, и Антаресу в любом случае понадобится помощь хирурга, чтобы быстро оправиться после подобного ранения.

— Слабак... — прохрипел Старвинд окровавленными губами и потерял сознание.

— Сам слабак, — проворчал Ранмаро, обнаружив пятна чужой крови на своей одежде. — Разве это рана? Комары сильнее кусают, а ты сразу сознание теряешь... Тетя рассказывала, как Регулус Старвинд... его насквозь... А ты?

Покачал головой, и, оставив живого врага за спиной, отправился на помощь Юрике. Обескураженный тем, что в последний момент его остановило не собственное убеждение в ценности человеческой жизни, а простая неспособность такую жизнь оборвать. Он не был готов нанести последний, смертельный удар, и внезапно подумал о том, сколько раз Валерия поступала иначе, чем он сейчас. И поступала ли. Если да, то в чем разница между воином и убийцей?

Тучи над головой сгущались. Наэлектризованный воздух пах грозой.

Глава 53. Мелодия легкой победы

Когда Просперо скрылся на верхних этажах здания, которое, судя по интерьеру, выполняло некую административную функцию, Виктория почувствовала себя страшно одинокой. И беспомощной. У нее была мистическая сила, меч и профессиональные навыки обращения с ним, но ей еще не приходилось использовать их в настоящем бою без присутствия рядом надежного Ранмаро. Учебные поединки с матерью были не в счет — в них она защищала разве что свою честь и гордость, а не жизнь и свободу. Самое большее, что она могла испытать после ее пропущенной атаки — боль и стыд. Сейчас же все было иначе, и Лэйт едва удержалась от того, чтобы попросить Просперо остаться. Гордость не позволила.

Вот только настоящей решимости сражаться девушка не ощущала. Не помогал даже гнев, который вызвала в ней Карина Бронзлевен — он испарился сразу после появления Сольрайна, которое донесло до нее серьезность ситуации. К тому же она вспомнила рассказы матери о мистической способности Великого Дома Бронзлевен создавать некую субстанцию — эктоплазму — которая может принимать любую форму и обладать любыми свойствами, характер которых зависит лишь от особенностей ее хозяина. Основатель Гвардии Хаоса, Фридрих Бронзлевен, был далеко не самым сильным пользователем этой способности — Белгорро однажды обмолвился об этом, сказав, что у того не хватало воображения, чтобы раскрыть всю ее мощь.

Страх подстегнул Викторию изобретательнее подойти к применению собственной мистической способности, и она своим шестым чувством прошла по трубам системы пожаротушения, которые проходили по всем этажам здания. Отметила линии водопровода и постаралась не думать о перспективе использования канализации — к такому она тем более не была готова. Заодно обнаружила на втором этаже трех человек, один из которых уже спускался вниз, привлеченный грохотом выбитой двери.

Карина Бронзлевен вошла в здание, окруженная лиловой эктоплазмой, надежной защищавшей ее от тумана и ледяных иглы Виктории. Она не могла увидеть Лэйт и слепо всматривалась в белую мглу, решив для начала переждать первую волну мистических атак. Виктория тоже не спешила с использованием козырей и пока отказалась от ближнего боя, предпочитая наносить мистические атаки, находясь за крепкой стеной — она не знала свойств субстанции, созданной противником.

— Где ты, мышка? — нежно пропела Карина, вода перед собой руками в плотном тумане, белом как молоко. Зайти в помещение глубже она пока не решалась. — Выходи-и!

На находившейся неподалеку лестнице раздались шум и чья-то ругань — неизвестный оступился в тумане и скатился вниз по ступенькам. Бронзлевен сразу заинтересовалась и первой раскрыла одну из своих карт: от окружавшей ее эктоплазмы отделился крупный сгусток, и приняв форму четвероногого существа неопределенного вида, рысью проследовал к случайному свидетелю поединка. Виктория не видела этого глазами, но словно ощущала кожей — вода, подконтрольная ее способности, каким-то образом ощущалась как продолжение тела, и девушка могла осязать ею предметы, в которых жидкости не было ни капли.

Созданное существо двигалось на слух, и обнаружив человека, обволокло его, превратившись в бесформенный сгусток. Явного вреда это не принесло, несчастный

завершал от ужаса, а не боли, и чтобы ликвидировать источник раздражения, создание вернулось в подобие звериной формы и ударом лапы оглушило человека.

Виктория вжалась спиной в свою стену и практически перестала дышать. Ей нельзя было позволить обнаружить себя до тех пор, пока она не выяснит, можно ли нанести ущерб этой управляемой эктоплазме, и только потом перейти к непосредственной атаке Карины.

Туман превратился во взвешенную в воздухе ледяную пыль, собрался в крупные острые кристаллы и вонзился ими в лиловую мистическую плоть. «Дух» даже не дернулся, но в его теле появились сквозные рваные дыры, которые стали очень медленно затягиваться. Виктория повторила атаку, и от него остались только клочья, в движении которых, тем не менее, сохранялась системность и осознанность.

— Да мы кусаемся! — с притворным удивлением воскликнула Бронзлебен. И выпустила целую стаю «духов» помельче, но куда более шустрых, чем их старший товарищ. — Но сейчас я тебя найду.

Лэйт разорвала их на части своей мистической способностью — и выдала свое местоположение. К ней прицепился совсем крохотный клочок эктоплазмы, и когда Виктория поняла, в чем дело, и обнаружила «жучка», Карина загнала ее в угол. Ответные атаки на Бронзлебен не работали — защищавшая ее тело эктоплазма была гораздо плотнее той, из которой состояли «духи». Нужен был сильный точечный удар, а для этого к Карине нужно было подойти очень близко.

Ну а чтобы подойти ближе, нужно было прорвать кольцо «духов».

Извиваясь змеей, помогая мечом работе мистической способности, Виктория выбралась из своего угла, дошла до середины зала — и столкнулась с Кариной нос к носу, потому что в пылу схватки ограничила свой контроль воды только пределами помещения, в котором проходило сражение. Бронзлебен воспользовалась этим и нанесла упреждающий удар — мощный и неожиданный. Лэйт приняла удар лилового кулака лезвием плащмя; устояла на ногах, но пол под подошвами кроссовок был слишком скользким и влажным, и она заскользила по нему, словно по льду.

— Нашла! — довольно ухмыльнулась Карина.

— Сама пришла, — устало ответила Виктория, и пробки на трубах системы пожаротушения сорвало многократно возросшим давлением. На Карину обрушился настоящий ливень, которой хоть и стекал по ее мистической защите, но начал медленно и уверенно затоплять помещение. Его двери были открыты, но вода никуда не утекала — Лэйт последовала примеру Дженази, который раздвигал озерную гладь, и держала под контролем большие объемы. Необходимо было только не потерять концентрацию.

— Ты меня утопить решила? — хмыкнула Карина и попыталась нанести новый удар. Не вышло — вокруг ее тела закрутился мощный водоворот, который удерживал ее на одном месте. Тогда она создала нового «духа» и отправила его в погоню за Викторией, потому что девушка отказалась продолжать рукопашную схватку и стала нарезать вокруг Бронзлебен круги, находясь вне зоны досягаемости ее защитной и самой прочной эктоплазмы, которую не брал даже меч. Теперь она понимала самоуверенность агента «Рассвета» — эта особа считала себя неуязвимой.

— Что ты задумала, Убегашка? — Карина начала злиться, понимая, что не может достать Викторию. Ее атакующему сгустку эктоплазмы не хватало скорости, и Лэйт догадалась, что чем выше плотность этого мистического вещества, тем тяжелее им управлять. Атакующий «дух» станет быстрее, только если снизить его плотность, а если

снизить его плотность, то он не сможет причинить никому вреда.

Виктория не могла позволить себе позлорадствовать над беспомощным противником — она была слишком сосредоточена на контроле жидкости. Сдерживающий водоворот, поддержка уровня воды, да еще и на бегу — чесать языком было просто некогда.

И наконец ее цель была достигнута: уровень воды поднялся выше колена, и выпустив всю свою мистическую энергию разом, Виктория полностью заморозила всю воду в помещении. Это оказалось очень тяжело, она едва справилась — и все же цель была достигнута.

— И что? — спросила Карина, разбивая замороженные струи водоворота. Попыталась освободить ноги и не смогла. Ее тело по прежнему защищал слой эктоплазмы, но даже силы этого мистического вещества не хватало, чтобы взломать ледяной панцирь.

— Он продержится полчаса, может час, — устало выдохнула Виктория. — Я пока пойду помогу своему другу, а ты подожди меня здесь, хорошо?

— Сука! — яростно выкрикнула Карина, осознавая всю беспомощность своего положения. Освободиться ей не помог даже тот факт, что эктоплазма оставила зазор между телом и льдом, и он не сковывал само тело, позволяя ноге довольно свободно болтаться в ледяном «сапоге». Но чтобы «снять» с него, ногу нужно было согнуть в ступне и колене, а вот здесь уже начинались сложности. И Бронзлевен начала крушить лед, забыв на время о Виктории. Он поддавался с трудом — девушка вложила в его заморозку всю душу, и если не полчаса, то двадцать минут он продержаться был просто обязан.

Молнией Виктория бросилась на крышу, накапливая новый запас мистической энергии, прикасаясь к своим Железным Вратам. Огромные металлические створки вернули ей ощущение собственной силы и уверенности, и девушка почему-то вспомнила свою самую первую драку — когда мама еще надеялась, что она сможет учиться в школе. Противником оказались девчонки из старших классов, которые решили потаскать Ранмаро за его роскошные золотые волосы. Потом она поняла, что так они выражали свою симпатию к нему, и годы спустя только смеялась над тем случаем, но тогда ей было не до смеха. Победа далась дорогой ценой, ей выбили два молочных зуба, и Валерия лично явилась на следующий день в школу, чтобы выяснить, при каких обстоятельствах стала менее белоснежной улыбка ее дочери. Посмотрела на противниц Виктории и только презрительно фыркнула.

«Они избili тебя?»

«Это она избili их, миледи,» — с возмущением поправила Валерию директриса.

«Мой дочери выбили два зуба, — последовал меланхоличный ответ. — Три великовозрастные хулиганки напали на беззащитную дочь семьи Лэйт» — желаете завтра увидеть такой заголовок в газете? С указанием названия их школы? И вашего имени?»

«Нет...»

«Замечательно».

И Валерия ушла, а Виктория продолжила дальше учиться в той школе. Еще несколько лет. И она до сих пор помнит ее слова, сказанные за дверью учебного заведения: «Никогда не позволяй таким как они даже волос тронуть на своей голове». И Виктория решила для себя тогда, что в следующей драке ее даже не поцарапают.

Бой с воительницей из Великого Дома оказался сложнее школьной драки, но Карина ее даже не поцарапала. Душа Виктории пела, когда она поднялась на крышу. Осторожно осмотрелась по сторонам, с радостью обнаружила живого Просперо — и застыла на месте.

Он целился из бластера в Раббена Тоттенгрибера.

Глава 54. Железный Рыцарь, Принцесса и Черный Император

Юрика бежала. Бежала очень быстро, оставив окраины Креслана за спиной. В ее голове мелькнула мысль направиться к побережью, но она отбросила ее, решив, что ее первая встреча с морскими волнами и мягким песком не должна быть омрачена грозным преследователем за спиной.

«А если бы мы отправились к морю сразу, мне бы не пришлось сейчас снова карабкаться на эту чертову гору!» — хотелось в сердцах выкрикнуть девушке, которая осознано и без всякого удовольствия выбрала направление вверх по склону. Она надеялась, что массивному Хастуру подъем дастся тяжелее, чем ей, ведь она, двигаясь на пределе возможностей, до сих пор не почувствовала усталости, и бросок через гору не казался ей таким уже сложным испытанием.

Юрика чувствовала, как ее тело меняется все сильнее. Да и не только чувствовала, а видела в отражениях. Она выросла еще на пару сантиметров, пора было задуматься о приобретении обуви большего размера. Даже грудь стала больше. Ее фигура вообще заметно округлилась, так что теперь уже без шансов сойти за мальчишку. Не то, чтобы она боялась перемен. Пугала скорость, с которой они проходили. Сражение с Ириссой во сне, и столкновение с Глорией изменили ее еще сильнее. Рядом с сердцем появилось ощущение... чего-то большого.

А остальные словно не замечали того, что с ней происходит.

Юрика вспомнила Марию. Что она скажет, когда увидит ее такой?

Что, если бы она была такой с самого начала?

Сердце билось ровно, хотя она пробежала пару километров, а дыхание участилось только потому, что она была зла. Раздосадована сложившейся ситуацией. С этим ощущением силы она не стала бы сбегать от жандармов в Ховине, и не стала бы терпеть наказания Болии Ларсы. С этой силой она смогла бы пренебречь наставлениями Екатерины и...

— ...жить свободно, — прокричала Юрика, отталкиваясь от вставшего на пути скалистого уступа и прыгая назад, разворачиваясь навстречу поднимающемуся за ней Хастуру. Воин не ожидал такого кульбита с ее стороны, и вместо того, чтобы поднять для защиты руки, с удивлением смотрел на стремительно приближающийся маленький, но очень грозный кулак девушки. Бионические глаза отслеживали траекторию его полета до самого последнего момента, и если бы они были настоящими, то сошлись бы на переносице, в которую и был нацелен удар.

Юрика ощутила сопротивление крепчайшего черепа — но не боль, кулак оказался таким же прочным, как и его кость. Вес ее тела был слишком мал, чтобы сбить с ног массивного Хастура, но удар отбросил его голову назад и ошеломил на мгновение, которое девушка использовала, чтобы нанести нечестный удар в пах. Воин издал болезненный стон, но Юрика с досадой ощутила при ударе что-то похожее на защитный щиток, так что урон получился невелик.

— Бережем самое дорогое, — проворчала она, и решив, что этого пока хватит, развернулась и побежала дальше. Тем более, что Хастур собрался и приготовился дать достойный отпор.

Когда Юрика поднялась достаточно высоко и стала забирать влево, чтобы обогнуть

вершину, а не взбираться на нее, до нее донесся крик сильно отставшего агента «Рассвета»:

— Стой!

— Нет, это ты стой! — ответила она и пнула в его сторону подвернувшийся под ногу камешек. Почти попала. Ей понравилось, и девушка устроила Хастуру настоящий каменный обстрел.

— Я не хочу причинять тебе вреда, — спокойно ответил воин, и никто не знает, каких усилий это ему стоило.

— Очнись, верзила, ты и так ничего не можешь мне сделать, — издевательским тоном прокричала Юрика, смотря на Хастура сверху вниз и упиваясь ощущением собственной безнаказанности.

Хастур медленно разулся и аккуратно отложил в сторону свои огромные кожаные ботинки. Его ступни оказались сложными механическими протезами из пластика и металла, имитирующими форму ноги с точностью до мизинца — пальцы двигались, словно настоящие. А когда воин оборвал штанины до середины бедра, стало ясно, что ноги искусственные полностью, и сгибаются не с помощью сервоприводов, а синтетических мышц, которые сошли бы за настоящие, скрывай их человеческая кожа. Почему биотехники Дакиэрро не поступили так с Хастуром, надежно скрыв его увечья от глаз посторонних, Юрика не понимала до тех пор, пока протезы — ими все-таки оказались и руки — не засветились подозрительным голубым светом, и воздух не наполнился низким пугающим гулом, меняющим свою тональность при каждом движении синтетических мышц киборга.

— Это импульсная автоброня, — Хастур удивительно мирным голосом объяснил девушке свою трансформацию. — У меня нет полезной в бою мистической способности, поэтому я решил установить ее после пары особенно тяжелых сражений.

— И чьи имена я услышу на этот раз? — поинтересовалась Юрика. — Ну, в бою с кем ты потерял руки и ноги?

— Их имена ничего тебе не скажут, — покачал головой Хастур. И прыгнул.

Девушка едва увернулась — агента «Рассвета» швырнуло к ней, словно из пращи, хотя он всего-лишь оттолкнулся от склона горы ногами. Хастур врезался в камни и землю, покрытую травой и цветами, тяжелым снарядам, в стороны полетели пыль, мелкие осколки и крупные комья. Юрику отбросило, но она удержалась на ногах при приземлении, и чтобы окончательно ошеломить ее, воин ударил кулаком прямо по земле под ногами, и сама гора, казалось, содрогнулась.

Импульсная автоброня оказалась мощнейшим оружием, наделявшем хозяина разрушительной силой, невероятной скоростью и защитой, которую Юрике каким-то образом предстояло пробить.

— Силен, — выдохнула она, и пока пыль не осела, бросилась в бой, нанося по корпусу Хастура самый сильный удар, на который только была способна. Красная рысь проснулась в этот момент на краю ее сознания, и Юрика ощутила, что и ее звериная сила вкладывается в удар. И получилось — тяжелого Хастура отбросило назад, кулак девушки смял бронепластины армейского защитного жилета. Воин сорвал его с себя, обнажив живот и грудь — всю ту же синтетическую броню искусственных мышц. Если что-то в его теле и было настоящим, его надежно скрыли в бионическом совершенстве технологий Дакиэрро.

«Небесных Городов,» — поправила сама себя Юрика. Урон от ее удара погасила не сама автоброня, а выпущенный ею встречный импульс, которым Хастур мог крушить скалы.

— Сейчас я ударю тебя, — предупредил девушку воин, оценив мощь ее атаки. — Вижу,

ты сильна, так что если не буду бить в полную силу, ты не пострадаешь... сильно.

И Хастур ударил, как и пообещал, Юрика не смогла увернуться. Между ними было большое расстояние, когда он замахивался — и все равно упустила момент, когда он резко разорвал дистанцию и попал свои массивным кулаком прямо в живот.

«Значит, это он называет слабым ударом», — подумала Юрика. В долгом полете. Воздух выбило из легких, кости затрещали, Ирисса взвыла от ярости внутри, требуя передать контроль над телом, но девушка была зла гораздо сильнее зверя, и потому смогла затолкать его волю поглубже, оставив себе только силу. Которая пригодилась, когда она врезалась в камень гораздо выше по склону, чем была несколькими секундами назад. Было больно, но сознание не помутилось, и голова не кружилась, так что Юрика смогла осмотреться по сторонам.

Оказывается, они уже перебрались на другую сторону горы — ту, с которой открывался вид на кладбище Небесных Городов и их флота. Один из огромных линкоров лежал совсем близко, практически полностью поглощенный джунглями, и девушка решила попытаться укрыться в его останках, и заодно поискать оружие против Хастура. Сражаться с ним в рукопашную было очень плохой идеей.

Мощь Ириссы сравняла ее в скорости с киборгом, и она опередила его на несколько секунд, влетая в одну из дыр в корпусе корабля. Сразу оказалась в переплетении коридоров, заполненных мхами, корнями и лианами, и наугад продиралась сквозь заросли, не забывая использовать свои малые габариты, чтобы протискиваться в особо узкие проемы. Хастуру пришлось сложнее, но импульсная автоброня позволяла ему ломиться сквозь живую преграду подобно танку, ехавшему через жидкий подлесок. И когда Юрика вырвалась в огромное помещение, способное вместить в себя любое из увиденных ею в Креслане зданий, стало совсем грустно — она не видела отсюда выхода, в то время как киборг уже дышал ей в затылок. Ее загнали в угол. Большой, правда. Настоящую арену. Это были глубины корабля, сюда не проникал свет и здесь не было зеленых растений. Только корни и светящиеся в темноте грибы и плесень, которые кое-где оставили свободными стальные стены и перегородки. И даже пару панелей с рычагами, кнопками и экранами.

Юрика подняла голову и увидела, что потолок гораздо дальше, чем стены, покрытые орнаментом лестниц, смотровых площадок и соединяющих их подвесных мостов, некоторые из которых вели прямо через центр помещения, словно скрепляя его каркас своей металлопластиковой паутиной. Масштабы конструкции впечатлили девушку так сильно, что она даже не сразу поняла, что отлично видит в этом полумраке, созданном фосфорицирующей органикой.

— Сдавайся, Юрика Эспозито, — Хастур подобно урагану ворвался в эту искусственную пещеру, некогда парившую над землей, а теперь ставшую убежищем для тысяч живых существ, которым хватило ума забиться в свои норы еще при появлении Юрики. — Тебе некуда бежать.

— И не собираюсь, — ответила девушка, тщетно озираясь в поисках чего-нибудь острого и тяжелого.

— Предупреждаю: если ударю в полную силу, то смогу пробить броню этого линкора.

— Не стыдно бить девочек? — невинно поинтересовалась Юрика.

Хастур возмущенно промолчал. У него не нашлось слов, и он просто двинулся к ней, выставив вперед открытые ладони.

— А я ведь тоже била не в полную силу... — пробормотала девушка. Она вспомнила

бой с Глорией, момент, когда призрачная лапа Ириссы нанесла той глубокую рану. Только как повторить тот удар? Сейчас рысь была только внутри сознания, и никак не проявляла себя для глаз наблюдателей. Не было полупрозрачного силуэта-тени, крушащего все вокруг.

«Выпусти!» — донесся до нее рык Ириссы. Почти как собственная мысль, только окрашенная почти не свойственными Юрике эмоциями.

«Как?» — мысленно воскликнула девушка, глядя, как Хастур совершает новый бросок. Все такой же быстрый, только ее сознание работало еще быстрее, словно помещенное в некое пространство с законами, отличными от законов нормального мира. И она грезила наяву, только сон должен был стать реальностью, как только Хастур коснется ее.

«Выпусти!» — снова прорычала Ирисса, и Юрика представила, как рысь вырывается из Волчьей Зимы в ее реальность.

Ничего не произошло, Хастур дотянулся и схватил девушку за плечо. Яростное ворчание рыси погасло, растворившись в глубине сознания.

— Кто же ты? — тихо спросил он, всматриваясь в нее своими бионическими глазами.

Юрика вздрогнула и поняла, что багровый отблеск перед глазами секунду назад не вписывался в определение ситуации «ничего не произошло». На самом деле что-то случилось и торс Хастура пересекли четыре длинные рваные раны. Призрачный удар Ириссы оказался даже быстрее ее ускоренного сознания, и импульсная броня агента «Рассвета» оказалась беспомощна перед ним.

Колени Хастура подкосились, и Юрика из его пленницы превратилась в точку опоры. Воин оказался тяжелым, но она выдержала его, только покачнулась слегка, и приняла на свое плечо весь его вес.

— Я дочь Ришари и внучка Кенсэя. А моим отцом был Акаяма Кеншин. Но ты зови меня просто Юрика.

— Принцесса, — хмыкнул Хастур. И перестал двигаться, хотя и оставался в сознании.

— Эй, что с тобой? Совсем плохо? — встревожилась девушка. — Я бы тебя здесь и бросила, но ты не кажешься мне козлом или еще каким уродом, так что так и быть, попрошу дядю подлатать тебя.

— Дженази? — слабо уточнил Хастур.

— Да.

— Император поймет меня неправильно, если я соглашусь на это...

— Это почему? — не поняла Юрика.

— Потому что он думает, что я настолько мелочный, что не прошу своему слуге милость со стороны моего давнего соперника, — раздался чей-то сильный и звонкий голос откуда-то сверху. Девушка подняла голову и увидела стройного мужчину-яо с длинными, до плеч, иссиня-черными волосами и бледной кожей. Глаза отсвечивали красным и изучающе рассматривали Юрику. Этот взгляд показался ей странно знакомым.

— Да, мы уже встречались, — ответил ей еще один Гвардеец с картины Валерии Лэйт. — Ты попросила сигарету у моего дрона — тогда, в поезде. Мое имя Отори Дзяко, — он галантно поклонился. — Сигурд.

Глава 55. Непримиемые

Сигурд спрыгнул вниз и приземлился прямо перед Юрикой и Хастуром так легко, словно шагнул ступенькой ниже. Только полы длинного черного плаща распахнулись крыльями хищной птицы, и собранная заколкой челка съехала на глаза. Он убрал ее таким естественным и величественным жестом, что девушке захотелось поаплодировать отточенной грации его движений. Осанка, выражение лица, речь — Сигурд открыто заявлял ими всему миру, что стоит выше простых смертных. Даже не зная, кто он, но услышав всего пару фраз из его уст, приходило подсознательное понимание разницы между ним и обычным человеком. чьи цели и устремления не заходят дальше достижения собственного материального благополучия и получения удовольствий. Данное впечатление усиливало облачение бывшего Гвардейца — необычного, сложного дизайнера, сшитое из похожего на черный бархат материала и, возможно, кожи. Шедевр портняжного искусства был усилен металлическими пластинами, покрытыми изящной гравировкой, и отдаленно напоминал броню.

— Здравсте... — Юрика, воочию встретив подобие настоящего сказочного принца, почему-то сразу вспомнила о том, что сама она сейчас на благородную леди ни разу не похожа. В пыли с ног до головы, взъерошенная и растрепанная, а еще эта дырка на коленке — джинсы были ведь совсем новые...

— Если ты не знаешь, что значит мое имя, скажу сразу — я император Дакиэрро, и Хастур — один из моих верных воинов. Один из многих, от моих действий зависит судьба миллионов людей. Я — правитель, мое время бесценно, и раз я здесь, ты тоже играешь какую-то роль в этом мире. Дочь Ришари, Богини Юга. Думаю, ты не понимаешь, что это значит... Как твое имя?

— Юрика, — робко ответила девушка, Сигурд заговорил ее плавной речью и жестами, ненавязчиво подчеркивающими каждое его слово. Совсем забылось, что только что она победила могучего воина, и держит, между прочим, его на своем плече — Хастур совсем перестал шевелиться.

— Юрика... — повторил Сигурд, и при звуке своего имени на его губах девушку бросило в жар. — Твоя мать — правительница Судо, хотя и относится к своим обязанностям, если так можно выразиться, спустя рукава. Но ее могущество бесспорно, я признаю за ней титул, который ей был дан однажды. Я и все представители Великих Домов Дакиэрро. Она — мой противник, но не тот, которого я бы желал уничтожить. Наши разногласия сиюминутны и мелочны, и когда мы преодолеем их, окажемся выше личных обид, объединим усилия — Судо станет таким же оплотом всеобъемлющего прогресса, как и моя империя. Ришари нужно лишь стать на мой путь — и в ее распоряжении окажутся все ресурсы Дакиэрро. Ты понимаешь, о чем я говорю — дитя, которое росло в условиях, неспособных удовлетворить твои потребности? Я не понимаю, как это произошло, но дитя сильных мира сего провела всю свою жизнь в нищете, хотя в Дакиэрро любой из моих подданных почтет за честь исполнить твое даже самое причудливое желание.

— Э-э... круто, — ответила Юрика, начиная понимать, к чему Сигурд ведет, и сбрасывая потихоньку с себя его чары личного притяжения. — Но у нас тут раненый, и ему нужна помощь.

— Хастур крепче, чем ты думаешь...

— Зато чувствую, насколько он тяжелый. Я так понимаю, что как дочка своей матери обладаю особым статусом, и любой толстосум Дакиэрро даст мне столько печенок, сколько я попрошу, потому что тогда он сможет всем сказать, что отсыпал крошек со своего стола младшенькой Богини Юга. И все будут ему завидовать. Но вы ведь не хотите, чтобы вам завидовали, потому что у вас и так все есть, верно? Вы просто хотите использовать меня как заложницу. Фиг вам, живой не дамся.

— Должно быть, я ошибся, посчитав, что в силу обстоятельств вы не получили должного образования... — Сигурд слегка изменил тон, Юрика выросла в его глазах. — Ваши слова в корне не верны. Я никогда не опущусь до подобной низости, и пришел лишь для того, чтобы предложить вам земли Дакиэрро и верность его народов. В ваших жилах течет кровь великих людей, и уже сейчас, в столь юном возрасте, вы обладаете силой, достойной Кандидата в Гвардию Хаоса. Ваша помощь будет неоценимой в моем деле спасения человечества, так что прошу: следуйте за мной. Я открою вам истины этого мира.

— Я читала много газет. И эм, прошу прощения... Я тебя правильно поняла и ты меня сейчас вербуешь? — Юрика спросила, просто чтобы уточнить. Ей было тяжело поверить в то, что так можно — сначала спустить своих цепных псов на человека, а потом предлагать ему пряники. И даже не извиниться за первое! Она понимала, что первоначальной целью Сигурда был Ранмаро, и только в процессе столкновения всплыли интересные подробности ее происхождения, но вот так сразу, в лоб... В каком-то смысле это было в стиле ее дяди.

Юрика мысленно сравнила Дженази и Сигурда. В императоре Дакиэрро было больше лоска, он был моделью с глянцевой обложки модного журнала, и если судить по картине Валерии, сильно изменился с тех пор, когда они были Гвардейцами Хаоса. Масляной краской была передана их необычная харизма и внутренняя сила, но Сигурд определенно вырос в деле внушения уважения одной только своей персоной. Дженази пошел другим путем, но цель у них была явно общей.

— Так уж вышло, что Гвардия Хаоса по прежнему определяет судьбу этого мира, даже если мы и отреклись от этого имени, — ответил Сигурд, несколько уязвленный обращением на «ты». — Я делаю свое предложение лишь потому, что уверен, что ты еще не сделала выбор, чью сторону принять. Ты дочь Ришари и племянница Дженази, внучка Кенсэя и Глории, но где они, когда ты стоишь одна передо мной — Сигурдом? Не потому ли, что в душе ты отрицаешь их путь и подозреваешь о наличии еще одного. Того, что они скрывают от тебя?

— Мимо, — бодро ответила Юрика. — Не угадал. Мама бросила меня, бабушка отказалась, дед забыл, а дядя вообще ни на какой путь меня даже не пробовал наставлять. Но я не вступила бы в твою банду, даже если бы дядя не оторвал голову твоему роботу и ты не приказал бы схватить моего брата. Просто потому, что я сама по себе, а за твои пряники, я так понимаю, придется танцевать под твою дудку. Сейчас ты скажешь, что хотел договориться по-хорошему...

— Я хотел договориться по-хорошему, — улыбнулся Сигурд. — И раз не получилось, такова судьба. Однажды я уже столкнулся с яростью Ришари, когда попытался убить ее сына, и хорошо представляю, что будет, если убью тебя. Я даже не стану пытаться схватить тебя — в отличие от Ранмаро Лэйт ты еще не стала знаковой фигурой, ради которой стоит идти на риск. Я просто уйду. Был рад знакомству, Юрика.

— Хастура заberi, — ответила растерянная девушка. На ее глазах Сигурд создал в воздухе фиолетовую рамку портала и собирался шагнуть в него, чтобы вот так просто уйти со

сцены. И она не верила, что все закончится так просто. Должен был быть подвох.

Сверху раздался звук громких аплодисментов, и сильный голос выкрикнул:

— Браво!

Сердце Юрики забилося быстрее: она знала, что Дженази где-то рядом, и вот он, показался наконец.

— Ты совсем не изменился, — бывший Гвардеец спрыгнул вниз мягко и без лишних усилий. Юрика испытала чувство дежавю.

— А ты стал совсем другим, — мрачно ответил Сигурд, встретившись с Дженази взглядом. — Непредсказуемым. Или, может быть, потерянным? Зачем ты вернулся, Дженази?

— Еще во время нашей последней встречи я ясно дал понять, что мне неинтересны наши старые игры, — ответил дядя Юрики. — Помнишь, как именно я это сделал?

Глаза Сигурда ярко сверкнули. Он был готов зарычать от бешенства, но сдержался, и Юрике стали страшно интересны обстоятельства последней встречи двух бывших Гвардейцев.

— Это было сто пятнадцать лет назад, — сдержанно произнес Император Дакиэрро. — С тех пор многое изменилось.

— Настолько, что ты рискнул тронуть моих племянников, — усмехнулся Дженази. — Зная, что я рядом.

— Ты не всемогущий, — с вызовом заявил Сигурд, и его охватило фиолетовое, с черными прожилками сияние.

— А ты не умеешь проигрывать, — снисходительно ответил Дженази.

Юрика запаниковала: эти двое собрались драться в замкнутом пространстве, в котором, между прочим, она тоже находится, и у нее раненый на руках!

— Может быть, мы узнаем, кто круче, в другой раз? — с надеждой спросила она, но ее не услышали.

— Но вам же не пятнадцать лет, — Юрика быстро сменила тактику, но и это не помогло.

— Сигурду уже было двести лет, когда я только вступил в Гвардию Хаоса, — ответил ей Дженази. — Как видишь, возраст мудрости не прибавляет. Только опыт ошибок трудных. Да и то не с первого раза. Ну же, Отори Дзяко, попробуй взять реванш.

Сигурд широко улыбнулся старому сопернику, и на какой-то миг Юрике показалось, что он не ответит на провокацию и сделает то, что уже пообещал — просто уйдет. Но самолюбие оказалось сильнее, и он не сдержался и ударил. Как поняла девушка, в полную силу.

Воздушный вихрь подхватил ее вместе с Хастуром и унес вверх, прочь от водоворота из тьмы и ядовитых фиолетовых потоков, разъедающих и поглощающих все, к чему они прикасались. Сигурд стал сердцем огромной сферы, сотканной из мглы и потустороннего сияния, которая стремительно расширялась и пожирала само пространство, и за несколько секунд от стального остова линкора остался только рожки да ножки — все остальное исчезло. Просто растворилось. Юрика и Хастур уцелели только потому, что тьма и лиловые потоки не смогли к ним приблизиться — Дженази защитил их, укрыв сияющим полем неясного происхождения, и поднял высоко над землей, оставшись при этом напротив Сигурда — практически в центре разрушительного мистического вихря. И наконец нанес ответ удар.

Земля содрогнулась, и дыра, оставшаяся от сожженных тьмой корабля и земли под ним, стала глубже в несколько раз. На дне ее был Сигурд, вмятый в горные породы невидимым кулаком огромных размеров. Действие пожирающей материю способности прервалась, Император пытался пошевелить изломанными конечностями, но получалось у него слабо, тело не слушалось. И все же он пережил первый удар. Юрику поразила ярость в его глазах, этот человек отказывался смириться с разницей в силе и не хотел сдаваться. И ей стало жаль его.

Дженази стал над поверженным противником и занес кулак для завершающего удара.

— Последнее слово? — поинтересовался он.

— Ты недостойн этой силы, — процедил Сигурд сквозь зубы.

— Не тебе решать, — прорычал Дженази, размахнулся... и его отбросило назад — рядом с императором Дакиэрро из воздуха вышел Раббен Тоттенгрибер и открыл по дяде Юрике огонь из пистолетов, сразу с двух рук. Грохот выстрелов был просто невыносим, они гремели, словно полевая артиллерия, и хотя пули не нанесли Дженази большого вреда, драгоценная секунда была выиграна. Сигурд и Раббен исчезли, использовав точно такой же пространственный переход, через который Кенсэй привел Юрику и остальных в Креслан.

— Однако, — произнесла девушка.

Ветер поставил ее и Хастура на достаточно устойчивый край огромной воронки, оставшейся после столкновения двух бывших Гвардейцев. Масштаб разрушений производил гнетущее впечатление. И все произошло за считанные секунды.

Дженази возник рядом, его дыхание было совершенно ровным. Подчеркнуто ровным — Юрика уже успела изучить некоторые нюансы его мимики. Все закончилось не по его плану, и он был раздосадован, но не хотел показывать это своей племяннице.

— Ты молодец, — сказал он девушке и взъерошил ладонью ее красные волосы. — Давай сюда этого здоровяка, я подлечу его. Он же не виноват, что его хозяин...

— Козел? — Юрика решила помочь дяде с подбором подходящего выражения.

Дженази вздохнул, его ладони вспыхнули белым светом, направленным на тело Хастура.

— Баран. Упрямый баран.

— Но ты не такой как он, да?

— Да. Верно.

Глава 56. Без меча

Просперо нажал на пусковую кнопку бластера, и плазменный сгусток разнес часть кирпичной кладки одной из надстроек на крыше. Цель и рядом и не стояла с поверженным им Кристофом, потому что если бы инспектор выстрелил рядом с ним, осколки задели бы проигравшего. Будь в его руке обычный пистолет, пуля ударила бы ближе, театрально расставляя все точки над “i”, но чего не было, того не было.

А еще ему страшно хотелось выстрелить из фантастического оружия. Ощущения были непередаваемыми.

— Милосердие к проигравшему? — удивился Кристоф, морщась от боли в обожженной груди. — Это вы зря.

— Я жандарм, синьор. Настоящий жандарм никогда не убьет человека. Приговор выносит суд, а смертельный приговор приводит к исполнению палач. Вы больше не моя забота.

Просперо поспешил направиться к люку, ведущему вниз, но на полпути в его сознании забил тревогу Забытый Бог:

«Обернись!»

Просперо мгновенно развернулся, вскидывая бластер, и увидел, как в воздухе рядом Кристофом разворачивается пространственная дыра магического портала, и из нее выходит высокий бледный человек в черном. Мистический ветер развевал длинные черные волосы, выразительные темные глаза смотрели прямо на инспектора — без угрозы, но с такой уверенностью, что бластер как средство устрашения сразу потерял свою актуальность.

«Он последователь Наму-Ар-Зонкона, и он Великий Святой, — с некоторым благоговением пророкотал Тхон-Кгар. — Не сражайся с ним».

«Что это значит?» — с удивлением спросил Просперо.

«Зонкон выковал Врата Железа и Бронзы, отрезавших Неназываемых от Сердца Мира. А Великий Святой — человек, чье призвание — защита этого мира от зла».

Человек в черном изучил внимательно окружающее пространство, зацепившись взглядом за поверженного Сольрьяна, Просперо с бластером и свежую дыру от выстрела. И как раз в эту минуту на крышу поднялась взъерошенная Виктория. Она застыла на месте, обнаружим новое действующее лицо, и ее глаза расширились в немом изумлении. И ужасе.

— Синьора! — воскликнул Просперо и отступил к девушке.

— Это Раббен Тоттенгрибер, — прошептала она. — Один из Гвардейцев Хаоса.

— На чьей он стороне? — спросил инспектор, пытаясь связать новую информацию со словами Забытого.

— Он враг. Соратник Императора Дакиэрро.

Раббен склонился на поверженным Сольрьяном, простер над ним правую руку и из нее полился яркий белый свет. Рана на груди Кристофа мгновенно затянулась, и он, немало удивленный, осторожно поднялся на ноги.

— Спасибо, мистер Тоттенгрибер. Я не знал, что вы так можете.

— Никто не знал, — раздался над головой Просперо голос Кенсэя. Никто не заметил когда он появился, заняв господствующую позицию на вершине одной из железных труб. Его мечи были обнажены и разведены в стороны. На лице застыло выражение глубоко изумления.

— Когда обучился новому фокусу, Раббен? — спросил Кенсэй, спрыгивая вниз и оказываясь между соратником Сигурда и Просперо с Викторией.

— Близится час пробуждения, — тихо ответил бывший Гвардеец. — а я устал бездействовать. Кристоф, где твои товарищи?

— Хастур и Антарес отправились за пацаном, а Карина сражалась с мисс Лэйт, — ответил Сольрайн, вытянувшись по струнке.

Раббен обратил свой взгляд на Викторию.

— Она внизу, — ответила девушка и зачем-то добавила:

— Живая.

— Хорошо, — ответил Тоттенгрибер. — Смертей уже было достаточно. Кристоф, собери товарищей. Ваша миссия завершена. Я помогу Сигурду и мы все вместе вернемся домой.

— Император здесь? — со сдержанным трепетом спросил Кристоф, но Раббен уже исчез в кольце нового портала. Оставив Сольрайна одного в компании враждебно настроенной троицы героев.

— Мистер Тоттенгрибер страдает эпизодами задумчивой рассеянности, — произнес Кристоф с вымученной улыбкой, прерывая затянувшуюся немую сцену. — Или решил, что я просто так возьму и пройду мимо вас без тяжелых последствий для организма.

— У него такое бывает, — кивнул Кенсэй, соглашаясь. — Видимо, следствие абсолютного бессмертия. Помню случай, когда сто тридцать лет назад он просто взял и спокойно ушел с поля боя, когда меня и Дженази прижали огнем корабельной артиллерии. Мы-то справились, но осадок остался.

— Он был уверен, что с вами ничего не случится, — ответил Кристоф с жалостью к себе. — У меня другая ситуация.

— Да, и разница очевидная. Тебя убить быстро или безболезненно?

— Или мы не будем тратить время и найдем Ранмаро с Юрикой? — воскликнула Виктория. — Они в опасности!

— Ладно, парень, сегодня твой день, — соглашаясь с девушкой, Кенсэй создал новый портал и указал на него спутникам. — И подумай над тем, стоит ли связываться с бывшими Гвардейцами Хаоса. Миллионы людей погибли, совершив такую же ошибку.

— В этом мире человек каждым своим шагом переходит дорогу кому-то из вас, — ответил Кристоф, но его уже не слышали. — Постоять бы в сторонке, но где она, эта обочина, по которой вы никогда не проедете?

Юрика сидела на белом песке и с тихой безмятежностью смотрела на зеленые морские волны. Рядом с ней стоял Кенсэй, чуть дальше Ранмаро оживленно пересказывал Просперо и Викторию события почти часовой давности — встречу с Руру, нападение агентов «Рассвета» и его поединок с Антаресом. Кенсэй подобрал его последним, уже после того, как они прибыли на место столкновения Дженази и Сигурда.

Девушка с улыбкой подумала о Хастуре. Бронированный здоровяк поблагодарил Дженази за исцеление и скрылся в неизвестном направлении, склонившись перед ней на прощание в почтительном поклоне. Должно быть, сейчас он занят поиском других агентов, которые с треском провалили миссию по захвату Лэйт.

Удивительное дело: враг разгромлен и помилован, но тревоги по поводу их возможного ответного удара нет. Было только ощущение триумфа. И силы. Юрика узнала, что способна постоять за себя, и даже сам император Дакиэрро признал ее способности.

«Кандидатка в Гвардейцы Хаоса, — с улыбкой подумала она про себя. — Звучит круто. Даже зловеще».

— Деда, а как вы выбирали, кто может быть Гвардейцем, а кто нет? — спросила она у Кенсэя, не поворачивая головы.

— Этот человек должен был обладать способностью победить одного из нас, — ответил Акаяма. — В идеале — убить. А в кризисные времена, когда таких людей не находилось, а ряды Гвардии — ощутимо прорежены, выбирали самых сильных из списка уникамов, которых мы называли кандидатами. Их всегда было много, а однажды, когда Дженази был временно нетрудоспособен, мы даже устроили между ними турнир, чтобы определить сильнейшего. Занятное было зрелище, вот только победитель возомнил о себе невесть что и попытался убить Дженази, боясь, что тот рано или поздно придет в себя и и новичка лишат всех привилегий.

— Что с ним случилось? — с интересом спросила Юрика.

— Ришари, — мрачно ответил Кенсэй.

— Ясно, — вздохнула девушка и посмотрела в сторону дяди. Дженази стоял особняком, позволяя накатывающим на песок волнам обмывать его босые ступни. Обувь, как и рубашку с плащом, он оставил на сухой полосе пляжа, а штанины брюк закатил почти до колен. Юрика поймала себя на том, что любит четкой и выразительной мускулатурой его спины. И заметила, что на открытых участках тела нет ни единого шрама.

Дженази дышал полной грудью. И, казалось, слушал весь мир.

— Как победить Гвардейца такой как я? — спросила Юрика, не задумываясь над смыслом своего вопроса. Он вырвался сам собой.

Кенсэй помедлил с ответом, решая, по-видимому, стоит или нет раскрывать такой секрет.

— Ты должна стать одним целым с миром вокруг себя. Летящий камень не может ранить бросившую его руку, волна не может схватить ветер, тень не может ополчиться против отбросившего ее предмета.

— Но ведь они не сражаются друг с другом, — возразила его внучка.

— Вот именно. Первое повинуется второму.

— Камень может и ответкой прилететь... Я уже не спрашиваю, как именно можно поднять и бросить Гвардейца. Метафоры — это не мое. Может быть, ты имеешь виду заставить противника совершить выгодное тебе действие?

— Почти, — уклончиво ответил Кенсэй. — Ты сможешь лучше понять, что я имею в виду, если начнешь изучать путь меча. Держи, — он снял один из своих с пояса.

Юрика с восторгом вскочила на ноги и схватила предложенный меч. Ощутила его приятную тяжесть и попыталась извлечь клинок из ножен. Он не выдвинулся ни на миллиметр.

— Обычно его вытаскивают лезвием вверх. Нужно надавить большим пальцем на гарду и тащить под углом. Смотри, не пореж...

— Ай! — воскликнула Юрика, когда большой палец, которым она слишком сильно надела на бронзовое кольцо, венчавшее рукоять, упал на обнажающееся лезвие и острая сталь рассекла его до самой кости.

— К мечу нужно относиться с уважением, — наставительно изрек Кенсэй и мягко поднес раненную руку к своим губам. Тихонько подул, только вместо потока воздуха вырвалось золотое пламя, мгновенно исцелившее порез.

— Спасибо, — Юрика полностью освободила клинок, но держала его так, словно он был ядовитой змеей.

— Спокойнее, ты должна уважать свой меч, а не бояться его, — улыбнулся Кенсэй. — Держи свое тело боком к противнику, — продолжил он, когда девушку только-только попыталась исполнить пробный замах. Дождался, пока она выберет, к какому противнику — воображаемому или в лице деда — повернется. — Смотри, чтобы руки противника были на уровне твоих плеч.

Юрику его слова озадачили, и чтобы помочь внучке, Акайма извлек из ножен второй меч и поднял его на уровень солнечного сплетения. Девушка с недовольной миной отвернулась от нафантазированного врага, и ее неуверенный взгляд направился на Кенсэя.

— Твои кисти — твой щит. Ага, вот так. И выдвинь вперед правый локоть. Перенеси вес на переднее колено и выпрями заднее.

— Я что-то не помню, чтобы кто-то с мечом вот так стоял, — с недоумением заявила Юрика. — А бить как?

— Направь меч вбок. Видишь? Теперь ты можешь вертеть им как колесом. Ты повернулась ко мне левым боком, поэтому мне будет проще всего ударить в твое левое плечо. Дождись этого и просто поверни меч, чтобы поразить меня. Опустит острие к земле, только так, чтобы держать рукоять было удобно. Я ударю тебя, а ты просто провернешь свой меч колесом и перерубишь мне кисти.

— Что? — еще больше растерялась и испугалась девушка.

— Не бойся, у тебя все равно ничего не получится. Просто делай, как я говорю. Вот я замахиваюсь, опускаю меч на твое плечо, а ты снизу рубишь меня по рукам, пока это не случилось. Заметь, ты автоматически убираешь левое плечо из под удара.

— А если я захочу просто отбить твой меч?

— Сражение на мечах — это не игра, каждый удар должен быть максимально эффективен. Кстати, эта стойка называется «Дракон, свернувшийся на воде». Идем дальше. Я выставляю свой меч, словно щит, ты скрещиваешь его со своим. Слишком низко, ближе к острию.

— Куда дотягиваюсь, там и скрещиваю, — возмутилась Юрика. Разница в росте была слишком ощутимой.

Кенсэй вздохнул.

— Я отвожу твой меч в сторону, ты не сопротивляешься... Не сопротивляешься, говорю! Поддаешься, но только затем, чтобы ударить меня в правую руку. А если я бью в правое плечо, делаешь шаг вперед левой ногой и снова бьешь по кистям.

— Слушай, как-то нечестно получается... Грязноватые приемчики.

— Пусть лучше твой меч будет вымазан в крови, а не чужой. Ты должна обмануть своего врага и убить его. Ну если тебе так уж не хочется убивать, просто бей неточенной стороной клинка. Хочешь узнать, как это больно, когда тебе попадают стальной пластиной по пальцам?

Юрика отшатнулась.

— Спасибо, я и сама догадаюсь.

— Дождись момента, когда враг атакует — и опереди его. Следи за кистями и

суставами рук, его грудью в области между плеч. Оценивай расстояние, позволь нанести ему первый удар, но второго быть уже не должно. Держи свой меч так же, как он. И ни в коем случае не действуй с ним в унисон — это не танец. Ты можешь сделать вид, что подстроилась под его ритм, но в момент атаки должна действовать с ним в диссонансе. Это не значит, что такт твоих движений должен быть быстрее, чем у него, можно и наоборот — он поспешит и его меч не достигнет цели. В отличие от твоего.

— Примерно поняла, — кивнула девушка. — Но нужно закрепить на практике.

— Будь естественной, — вместо этого продолжил наставления Кенсэй. — Не торопись и не медли, но для этого тебя ничто не должно тревожить ни внутри, ни снаружи.

— А если меня постоянно что-то раздражает? Знаешь, как я переживаю, когда в меня чем-то острым тычут?

— Собственные дурные манеры тебя тоже раздражают? — спросил Кенсэй с улыбкой.

Юрика только фыркнула в ответ.

— Значит, от них тебе тоже придется избавиться.

— Не дождетесь. Еще что-нибудь.

— Будь осторожна, когда у тебя нет меча.

— Круто, — невольно восхитилась девушка. — Даже браво. Интересно, а ты мог бы сказать что-то еще более банальное? Например, что меч острый?

— Меч врага всегда острый, — подтвердил Акаяма. — Поэтому будь крайне осторожна, когда у тебя нет при себе меча. А если он есть, все равно держи себя так, словно его нет. Будь воином, у которого никогда нет меча.

— Даже если он есть? — не поняла Юрика.

— Даже если он есть. Любой дурак может размахивать мечом.

— То есть суть в том, чтобы не растеряться в критической ситуации?

— Верно, — улыбнулся Кенсэй. — Ты сегодня без меча одолела могучего противника. Нужен ли он тебе вообще?

— Ты сам предложил позаниматься, — обиделась девушка, возвращая меч деду.

— Я предложил тебе вкратце ознакомиться с путем меча, — возразил Кенсэй, — Чтобы ты смогла понять кое-что важное.

— Не курю, как связаны способность заставить противника совершить выгодное тебе действие и умение сражаться мечом так, как будто у тебя нет меча. А-а, дошло! Но это же думать надо, оценивать, ждать, действовать вовремя...

— У тебя получится, — и Кенсэй нежно провел рукой по ее красной макушке.

Глава 57. Грусть

В тот момент, когда Кенсэй начал учить Юрику держать меч, Дженази ощутил неподалеку легкое дыхание Волчьей Зимы. Это происходит только в том случае, когда г'ата пересекают черту между мирами, но запаха сородича он не ощутил, и это стало причиной острого любопытства. Дженази заподозрил очередную ловушку Саи, но сбежать, не убедившись в этом, сделало бы его параноиком. И никакие оправдания тут бы уже не помогли.

Пройдя по теплomu песку почти километр, он нашел место прорыва родной ему энергии, и обнаружил цепочку знакомых следов. И понял, почему не почувствовал не только запах г'ата, но и вообще чей-либо.

У Белгорро не было запаха.

— Привет, — сказал Дженази, и шестеренки в его голове заработали с космической скоростью.

— Привет, — Белгорро заметил каменное выражение лица старого товарища и смутился, хотя и не подал виду. — Тут это, понимаешь, ситуация такая... Не то, чтобы меня заставили, просто мне нужно было узнать кое-что важное, а в обмен я пообещал, что уговорю тебя встретиться с одной славной девчушкой...

— Сая, — мрачно ответил Дженази. — Ты не понимаешь, о чем просишь, старый друг.

— О нет, наоборот, я теперь очень много понимаю, — возразил Белгорро. — Мне показали и рассказали удивительные вещи, после которых я пересмотрел отдельные моменты нашего общего прошлого. И теперь знаю, что у тебя было предназначение, от которого ты отвернулся и стал Гвардейцем. Так же, как и я. Оказывается, ярмиров создали г'ата, и я даже знаю имя своего творца. Шабаку. Знаешь его?

— Нет, — покачал головой Дженази. — Но слышал кое-что. Он один из великих отступников и враг любого истинного г'ата. Правда, брат, который сказал мне это, не вызвал у меня большой симпатии. Похоже, внутри моего народа существуют определенные разногласия. В которых я не хочу разбираться. Я убиваю шикчизо. Этого достаточно.

— Возможно, ты ошибаешься, — осторожно произнес Белгорро. — Почему бы тебе просто не поговорить с сестрой на эту тему? Я видел такое, о чем ты, похоже, даже не догадываешься.

— Возможно, — не стал спорить Дженази. — Но что будет с этим городом, если наш диалог будет протекать, скажем так, в агрессивном ключе?

— А что за город? — спросил Ранфарг, озираясь по сторонам и не обнаруживая признаков человеческого жилья, скрытого сейчас за каменистым обрывом берега.

— Креслан.

— Далековато меня занесло... Ну, этот город пережил то сражение между нами и Небесными Городами. Двух задиристых г'ата тоже переживет.

— Какое-то безответственное отношение у тебя к незащитным людям.

— Просто я доверяю тебе и Сае. Пожалуйста, Дженази, выслушай ее. Хотя бы минуту.

— Об этом не может быть и речи, — Дженази начал злиться.

— Да ты боишься, — хмыкнул ярмир. — Но она не так сильна, мой бой с ней закончился ничьей.

Внимательный взгляд г'ата заставил его отвести глаза в сторону.

— Ну, почти ничьей. Я был близок...

— Ты не понимаешь. Я боюсь Саю не потому, что она может оказаться сильнее меня.

Я... подвел ее. Мне не страшно. Мне стыдно. Я виноват перед ней.

— В чем? — изумился Белгорро.

— В том, что стал таким, как есть.

— И ты просто бежишь от нее. Как последний трус.

— Вот уже больше ста лет, — печально кивнул Дженази.

— Может быть, пора остановится? Решить эту проблему?

— Не чувствую большой необходимости...

И между ними повисла тишина. Первым ее нарушил Дженази.

— Хорошо. Ладно. Я встречаюсь с Саей. Пусть... приходит.

Реальность задрожала, по ней прошли волны, которые исказили небо, море и песок — и оставили нетронутыми. словно это был обман зрения, внезапная галлюцинация. Разве можно нарезать воду ломтиками, завязать узлом горизонт и подбросить в ладони, словно мячик, солнце? Только в собственном воображении. Или...

Мир успокоился и Сая пришла, шагнув сквозь барьер между мирами и оказавшись на белом песке, у самой границы накатывающих на него пенистых волн. словно слышала их разговор от начала и до конца. Она была безоружна, и смущена своей безоружностью — даже каменного ножа не было на поясе. Дженази вздрогнул, увидев ее такой. Он не видел сестру больше двухсот лет и запомнил волевой и независимой воительницей, нежной и мягкой только внутри, в области рядом с сердцем, куда впустила его по непонятным для него причинам. Это она сделала его г'ата. Дала второе рождение. Больше, чем сестра по крови, больше, чем просто г'ата. Она открыла ему новый мир и дала бессмертие. Новое имя. Дженази. Он Дженази, потому что г'ата не может жить под прежним именем, и следуя этой же традиции, он назвал незнакомую ему девушку Ришари, когда делился с ней священной кровью — точно так же, как Сая поступила с ним. Она совершила ошибку тогда, давным-давно, на берегу маленького острова Эко.

— Давно не виделись, Дженази, — Сая выглядела совершенно незащищенной. В ней не было ни намека на желание сражаться. И его сердце билось часто-часто, готовое разорваться на части от любви и нежности. Он никогда не прекращал любить ее. И тосковать по ее улыбке. Но время помогло задвинуть ее образ глубоко в память. Но сейчас все тщательно скрываемые — от самого себя — чувства проснулись и явились своему владельцу. Например, слезы радости.

«Прочь!» — рыкнул он на них мысленно, чувствуя, как щиплет в уголках глаз.

Помогло.

— Белгорро, оставь нас, — с трудом произнес г'ата, не отводя взгляда от старшей сестры. — Если пойдешь по моим следам, то найдешь Кенсэя и ребят.

— Боюсь, у меня нет на это времени, — ответил Ранфарг. — Есть целая куча дел, которые нужно безотлагательно решать. Удачи, — и он скрылся из виду, одним прыжком взобравшись на вершину обрывистого берега. Но звук его быстрых шагов раздался не сразу — он стоял еще некоторое время наверху, над чем-то размышляя.

И вот Сая и Дженази остались одни. Девушка смотрела в сторону горизонта, на синезеленой море и ясное голубое небо. На нем не было ни облачка, ветер унес те зачатки грозы, которую Дженази готовил на всякий случай, когда понял, что в Креслане находится противник.

— Здесь очень тихо, — произнесла Сая.

Дженази прислушался. У всех г'ата гениальный слух, от которого не утаится даже человеческое сердцебиение на расстоянии многих километров. По настоящему тихо для них может быть только в вакууме. За пределами Волчьей Зимы мозг сознательно ограничивает эту способность, оставляя обработку невероятного количества информации подсознанию. Населенные миры слишком шумные для них. Например, этот город в километре отсюда. Сорок три тысячи сто двадцать четыре человека, шесть тысяч пятьсот сорок две кошки, пять тысяч девятьсот семь собак... Их дыхание, их сердцебиение, издаваемые ими звуки... Лучше не слышать.

— Таких миров очень мало. Обычно куда бы я не пришла, где-то на планете обязательно идет война. Сражение между двумя сторонами. В любой момент времени кто-то кого-то убивает по приказу командира. Затишья... Такие редкие. Ты представляешь, Дженази, сейчас, в этот миг, на поля сражений не льется кровь. И уже так долго...

— Пару минут, — ответил ей Дженази, потрясенный тем, что Сая слышит весь мир и может говорить ему об этом. — Подожди, сейчас начнется. Где-нибудь.

«Невероятно».

— Да, ты прав... — расстроилась Сая через полминуты. — Корсары напали на торговое судно. Там, — указала она пальцем на восток, — в море Архипелага.

— Всех не спасешь, — ответил Дженази. И это была еще одна причина, чтобы не использовать невероятный слух. Каждую секунду кто-то где-то умирал в этом огромном мире.

— Да. Поэтому мы должны сосредоточиться на своей главной задаче — уничтожении шикчизо. Идем со мной, Дженази, — Сая протянула ему свою тонкую руку. — Ты слишком долго находился в одиночестве. Пора вернуться домой.

— Ты злишься на меня? Скажи честно? — неожиданно пылко спросил Дженази. — Я убивал, пользуясь своим превосходством над смертными, менял их судьбы. Ранил сестру-г'ата. Стал чудовищем. Я не могу не заслуживать наказания.

Сая подошла к брату и взяла его за руку. Очень нежно коснулась его щеки, и Дженази, следуя безмолвной просьбе, опустился на колени, чтобы она смогла обнять его и прижать к своей груди.

— А чего ты боишься, Дженази? Что можно у тебя отнять, чтобы возместить причиненную тобой боль? Что заставит тебя страдать так же, как тысячи павших от твоей руки? Ты знаешь?

— Ничто в этом мире, — ответил он, чувствуя успокаивающее прикосновение пальцев к своим волосам. — Смерть.

— Но ты никогда и никому не дашь себя убить. Потому что ты г'ата. Тогда вернись в Стаю и сражайся. Истреби шикчизо. Может быть, тогда тебе станет легче.

— Не станет.

— Ты хотя бы попробуй...

Дженази ощутил это — приближение Волчьей Зимы и прошедшую по реальности зыбь, которая готова была поглотить их и вернуть во вселенную вьюг и снежных пустынь. И он не позволил этому случиться.

Нежное прикосновение Саи превратилось в стальную хватку, она не позволила ему отстраниться и подняться на ноги. Дженази едва не захрипел, пытаясь поднять хрупкую на вид сестру — она стала единым целым с этой планетой, и сдвинуть девушку с места можно

будет только вместе с ней. Такой молодой г'ата, как он, не соперник старшим братьям и сестрам. Двести лет? По меркам народа просто дитя.

— Не сопротивляйся.

Дженази обреченно вздохнул и обмяк.

Честно, он не хотел этого.

Он не хотел снова терять человеческий облик.

Только бы Юрика не увидела его в таком состоянии. До тех пор, пока в семье все не наладится — нет. Он хочет остаться для нее человеком как можно дольше.

— Я не могу уйти с тобой сейчас, — прорычал Дженази, легко сбрасывая с себя ослабевшие руки Саи и поднимаясь с колен. Он навис над сестрой огромным белым зверем с оскаленной пастью, на волчьей морде застыло сдержанное выражение неистовой ярости. С большим трудом Дженази справился с собой, расслабляя мышцы и ровно дыша. Мир стал немножко меньше, особенно Сая — ее макушка теперь была на уровне его солнечного сплетения. И хорошо, что он оставил обувь на пляже — в отличие от одежды он так и не научился подгонять ее под габариты своей более крупной версии.

— И ты меня не заставишь.

— Куда уж мне тягаться с Клыком, — вздохнула Сая. — Способным возвращаться в человеческий облик. Хорошо, я уйду, но однажды за тобой придет такой же, как и ты, только намного сильнее. Шива или Варуна. И Волчья Зима поглотит мир, ставший для вас полем боя. Ты этого хочешь?

— Нет, — ответил Дженази, возвращаясь в человеческий облик и снова лишаясь своих сил, превосходящих мощь более старых, чем он, г'ата. — Но я не могу бросить все. Мне нужно выполнить свои обещания.

— Как много времени это займет? — нахмурилась Сая.

— Г'ата и шикчизо сражаются миллионы лет.

Девушка отвела взгляд.

— Да, ты прав. Что могут значить еще десять или двадцать лет в сравнении с вечностью? Только ты не должен мыслить подобными масштабами. Человек живет сегодня, здесь и сейчас. И каждый г'ата знает, что война однажды закончится. Помни и ты об этом. Мне пора. Я буду ждать тебя в Волчьей Зиме.

— Подожди, — остановил ее Дженази в шаге от родного мира. — Я хочу задать тебе один вопрос.

— Какой? — удивилась девушка.

— Почему ты оказалась на Эко как раз в тот момент, когда я уже должен был умереть? Я не верю, что это была случайность. Двести лет я размышлял об этом. О том, как стал г'ата. Ведь если я оказался на Эко не случайно, то и ты пришла туда не волей случая. Кто попросил тебя навестить остров?

— Две тысячи лет назад г'ата спасли этот мир от шикчизо, и каждые сто лет один из нас навещает этот мир, проверяя возможность их возвращения. Это очень ценная планета, они обязаны жаждать заполнить ее. Но ничего подобного не происходит... Тогда была моя очередь провести инспекцию, и я совершенно случайно нашла тебя. Случайно.

— А я появился там не случайно. Мне помогли. Знать бы, кто...

Дженази оскалил клыки, словно обещая неведомому игроку человеческими судьбами незабываемые мгновения боли и страдания.

Сая улыбнулась.

— Никто не способен заглядывать так далеко в будущее. Да и зачем это кому бы ни было... Ради чего затевать игру? Не зная мотива, преступление не раскроешь.

— Разве ты сейчас не ответила на собственный вопрос? — спросил Дженази мрачно. — Ты уже назвала мотив.

— Не понимаю...

— Ты сказала, что никто не способен заглядывать так далеко в будущее. Чтобы увидеть что? Как я становлюсь Гвардейцем? Разрушаю Небесные Города? Или раню свою сестру и становлюсь зверем?

— Клыком. Ты стал Клыком, — и Сая задумалась. — Это может быть нужно только г'ата. Но я повторяю: никто не способен просчитывать наперед столько вероятностей и учитывать вселенную факторов. Невозможно. Только Время и Судьба знают прошлое и будущее. Твой «кто-то» должен был заставить их раскрыть свои тайны.

— А это возможно, — сказал Дженази. — Значит, у меня есть скрытый враг.

— Враг ли?

Дженази закрыл глаза и ясно представил сотни лет сражений, крови и смертей. Сотни лет боли.

— Враг, — твердо ответил он. — Какую бы цель он не преследовал — он все равно умрет.

Глава 58. Взрослые и дети

Они просидели на пляже до позднего вечера. Оставив мечи в покое, Кенсэй устроил Юрике спарринг, который прекратился только тогда, когда девушке окончательно надоело, что ее, как котенка, тычут носом в песок каждые три секунды. Захваты, подсечки, болевые, броски... Акаяма просто играл с ней, а Ирисса, как назло, отказывалась просыпаться в глубинах ее сознания. Конечно, это было только к лучшему, но вывалиться в песке с ног до головы и ни разу не дать сдачи тоже было обидно. Чувствуя его отвратительный скрип на зубах, вытряхивая из волос и ушей, она предложила потешающемуся над ней Ранмаро самому попытаться свалить с ног Кенсэя. Брат позвал на помощь Викторию и Просперо.

Что тут было сказать, хорошо смеется тот, кто смеется последним, и Юрика во весь голос хохотала минут десять, прерываясь только на ехидные комментарии. Ее пыл не остудила даже большая волна, которой Виктория ударила о берег — Юрика все равно собиралась искупаться, только раздеваться стеснялась.

— Еще! — крикнула она, а потом заметила, что темный бюстгалтер просвечивается сквозь новую, только что купленную белую блузку.

— Черт, — выругалась и со вздохом сняла ее, чтобы прополоскать в море. Для этого пришлось войти в воду по колена, закатав брюки, и постараться не думать об оценивающих взглядах со стороны спутников.

— Не на что смотреть, не на что, — ворчала она под нос, а потом вспомнила, что за спиной стоят дед, брат и давно знакомый инспектор, от которого ей однажды пришлось сбежать с разорванными на заднице штанами. Тот случай мог бы показаться забавным кому угодно. Но не ей.

Сделав глубокий вдох-выдох, она с прямой спиной и гордо поднятой головой развернулась к спутникам грудью, чтобы холодным взглядом пообещать любому скорую расправу, пусть только пикнет что-то про размер... И была уязвлена в самое сердце, когда увидела, что на нее никто не смотрит. Более того, они — а особенно Просперо — провожали взглядом ныряющую в воду Викторию, которая в отличие от Юрики догадалась приобрести купальник.

«Когда?» — пронеслось в голове изумленное, и она начала строить в голове планы мести один темнее другого.

Ограничилась отдавленной ногой Ранмаро — он-то точно не даст ей сдачи.

— За что? — только удивился он, потирая ушибленные пальцы.

— Догадайся.

Ранмаро задумался.

— Мороженого?

— Разве что на десерт... Почти угадал, есть хочу.

И словно по взмаху волшебной палочки появился Дженаси с пакетом продуктов. Юрика не заметила, когда он ушел, но вернулся как раз вовремя.

Они стали свидетелями волшебного заката, половина небосвода была охвачена оранжевым пламенем, медленно отступающим перед неумолимым натиском темной синевы ночи. Свет заката сжался до красной полосы над горизонтом, насыщенной, словно волосы Юрики, а когда сверкнул последний солнечный луч, от нее осталась только узкая лента всех оттенков фиолетового, над которой медленно гасли, словно россыпь раскаленных углей,

подсвеченный солнцем облака. К этому времени на востоке уже были видны первые звезды. Через полчаса черный купол небосвода был густо усеян ими и разделен на две части Башней Света — светлой полосой видимой невооруженным глазом части галактики. Юрика не сразу нашла созвездия Кирина и Шестиглава, схлестнувшихся в извечном бою за Ось Мира — неподвижная звезда опустилась низко к горизонту, озадачив девушку. Но потом она вспомнила, что Кенсэй перенес их далеко на юг от родных широт, и небо здесь должно быть другим. Часть знакомых созвездий теперь скрывала северная сторона горизонта, а над южной поднялись новые, ранее невидимые — Роза Ветров, Ткач, Созерцатель и другие.

Юрика снова повернулась к полярной звезде. Кирина был виден полностью, как и его соседи — Рыцарь Света и Убийца Гигантов, а вот огромный Шестиглав уже не помещался на небосводе полностью — в это время суток, по крайней мере — и стоящие за ним Золотой Феникс, Страж Неба и Святой появятся на небе только через несколько часов.

Девушка знала историю большей части созвездий, хотя вот уже сто лет как астрономы переписали карту звездного неба, переименовав мифических персонажей в Розы, Тюльпаны, Зайцы и Бараны. Новые названия ей были совершенно неинтересны, а вот древние, вычитанные в антикварном учебнике астрономии, заморозили и намертво врезались в память. Она родилась под знаком Семи Сестер, которые пожертвовали своей жизнью и превратились в оружие против бесчисленных детей Шестиглава. Теперь же это созвездие именуют Лилией, и Юрика была категорически против подобного надругательства над историей.

— Деда, а ты под каким знаком родился? — спросила она у сидящего рядом Кенсэя.

— Осла, — со вздохом ответил Акаяма.

Юрика напрягла память, но среди старых и новых названий созвездий такого не было. Потом ее осенило:

— А, поняла, там, где ты вырос, созвездия как-то еще называются. И ослов уважают. За выносливость, например.

— Осел везде осел... — печально произнес Кенсэй. — Я не знаю, как зовут созвездия у меня на родине, но та звезда, под которой я родился, однозначно должна зваться Альфой или Бетой Осла.

— А-а, это акт самобичевания... По какому поводу?

— А разве я не осел? — еще горше вздохнул Кенсэй. — Чем я только не занимался последние шестнадцать лет, и только сегодня понял, на какую чушь потратил все эти годы.

— Эм, а что ты делал последние шестнадцать лет?

— Основал восемь школ фехтования, — начал он загибать пальцы, — построил небольшой городок, убивал чудовищ, разобрался с наркоторговцами с Судо на своей территории, пару раз щелкнул Сигурда по носу...

— Круто.

— Воспитал дочь и двух сыновей.

Юрика промолчала. Грудь сдавила черная, свинцовая обида.

— А должен был воспитывать тебя.

Волны с тихим шелестом накатывались на песок, одна за другой. Вот уже пятая по счету отступила назад в море, уступая место шестой, а Юрика все никак не могла подобрать слов для ответа. Что она могла ему сказать? Как одиноко ей было в приюте? Что она уже научилась жить без семьи? Или что лучше поздно, чем никогда, и упущенное можно наверстать, начиная с сегодняшнего дня? Ведь сегодня было так здорово. Она познакомилась

с дедом меньше суток назад и уже успела привязаться к нему, хотя этот пляж и это время были первой возможностью просто пообщаться с ним. Он и Дженази с виду были ровесниками, парнями лет двадцати пяти, но если в глазах дяди порой проскакивал груз прожитых веков, особенно в те моменты, когда он улыбался, то Кенсэй веселился от души, искренне. Юрика поняла, что дед непосредственный человек, веселый даже. Не стареющий даже в душе. Более того, в иные моменты он даже казался моложе, чем выглядел.

Возможно, что с детьми и подростками ему было гораздо проще общаться, чем со взрослыми.

Юрика подумала о том, как же сильно ей не повезло, что его не было рядом последние шестнадцать лет, и ей захотелось заплакать. Уже не детская, но и не взрослая обида на злую судьбу, и слова «что не случись — все к лучшему» никак не могли сейчас помочь. Но девушка уже пообещала однажды больше не плакать, и сдержала свое слово. Но комок в горле застрял прочный. Каменный.

Кенсэй обнял внучку и крепко прижал к себе. Юрика с толикой злости подумала о том, что у него и дяди один и тот же метод заглаживания собственной вины перед младшими членами семьи, но этот метод работал, и ее сердце растаяло. Сейчас дед был самым сильным и самым надежным, а она — самой защищенной во Вселенной девчонкой. Единственное, что она теперь могла сделать — не думать о том, что такие мгновения не бесконечны. Быть счастливой так трудно...

— Расскажи об отце, — только и смогла попросить она через бесконечно-блаженные десять минут. — Хоть немножко...

— Дядя, ты идешь? — спросила Юрика, когда Кенсэй объявил о намерении пойти Крестовым походом на ближайшую приличную гостиницу. Бодрым шагом они направились в сторону города, но Дженази даже не шевельнулся, продолжая истуканом сидеть на песке и смотреть на ночные волны.

— Я вас потом догоню, — ответил он повернувшись, и подтвердил свое обещание улыбкой.

«Совсем все плохо,» — подумала девушка и бросила красноречивый взгляд в сторону Виктории. Она не хотела сейчас даже на шаг отходить от Кенсэя и надеялась, что племянница не оставит Дженази вот так, одного. Только сейчас до Юрики дошло, что дядя за все это время обменялся с ними всего парой-тройкой фраз, замкнувшись в себе по совершенно непонятной причине.

Виктория точно так же взглядом ответила, что за двести лет человек просто обязан научиться самостоятельно возвращать свое душевное равновесие, и лучшее, что они могут сейчас предпринять, так это просто оставить его в покое. Нет, если шестнадцатилетняя девчонка сможет подобрать слова, которые уберут это выражение вселенской скорби с его лица, то пожалуйста, ей и карты в руки, и слава самого лучшего в мире психолога.

Юрика приняла вызов и осталась.

Преодолеть внутренний трепет перед могущественным дядей было совсем не просто, но она справилась, и Дженази до глубины души удивился, когда племянница навалилась на его спину и повисла на шее, задавая свой вопрос, требовавший безотлагательного ответа:

— Что случилось?

— Море, — произнес он. Тело его оставалось твердым, словно сталь, даже когда Юрика положила подбородок на его макушку. Белые волосы оказались неожиданно жесткими, но она решила не обращать на это внимания.

— Что не так с морем?

— За ним — Судо. Прошрое. Самая жестокая война в истории этого мира. Она началась сто тридцать пять лет назад и длилась десять лет. Чинкуэда поднял знамя борьбы против Небесных Городов, гражданские войны охватили все страны континента. Линий фронтов было больше, чем государственных границ. Десятки миллионов погибли.

— Подожди... Чинкуэда — это тот самый, которому ты помогал армиями руководить. То есть не только ты — Гвардия Хаоса. Только не говори, что...

— Если бы не мы, паренек погиб бы в первые недели своего восстания. И мир остался бы прежним.

— А он был лучше, чем сейчас? — удивилась Юрика.

Дженази к чему-то прислушался.

— Сейчас никто не использует окопы и блиндажи, и никто не подрывается на минных полях. Не гремит артиллерия и не разрываются снаряды бомбардировщиков. Но люди продолжают убивать друг друга. Пистолеты, винтовки, ножи, мечи, копья и стрелы. Камни и кулаки.

— Бытовуха и бандитские разборки?

— Да.

— А войн нет? — уточнила девушка.

— На Внешних островах тысячи племен и народов, сотни мелких княжеств. Они никогда не прекратят тыкать копьями в своих соседей.

— А бомб у них нет? О, ну и пусть себе дальше тычут. Думаю, у нас в Федерации под колесами машин в год народу больше гибнет, чем там у них в междусобойчиках. Дикари, что с них взять.

— Там есть цивилизации старше, чем Небесные Города и их предшественники Чи-Зо. Они сражались с Чи-Зо во время ее расцвета и отстояли свою независимость.

— А Чи-Зо — это...

— Хастура помнишь?

Юрика фыркнула. Еще бы она не помнила Хастура — тяжело забыть человека, который может ударом кулака расколоть скалу. Его силу она на собственных ребрах прочувствовала.

— Чи-Зо правили тремя материками, и у них были армии ребят интереснее, чем он.

Воображения Юрики хватило только на роту Хастуров, которых не уложишь одним ударом Ириссы.

— И они проиграли парням с копьями?

— Архипелаг — удивительное место.

— Да уж, — Юрика отлипла от Дженази и села рядом на песок. — Ты и дед оттуда? На каком-то из тех островов родились?

— Можно и так сказать, — неопределенно ответил ее дядя, и девушка решила, что разберется в этом вопросе чуть позже.

— Ладно, не хочешь говорить, что случилось — не надо, — сказала Юрика, интуиция подсказывала ей, что все эти разговоры о море и кровопролитных войнах прошлого только следствие, а не причина грусти дяди. Лично она о пролитой чужой крови не грустила, а злилась на себя прежнюю, не сумевшую найти другой выход из проблемной ситуации.

Конечно, она никого не убивала, но ведь если человек может спокойно воткнуть в кого-то нож, то ему без разницы, ранил он кого-то или убил. Дело в крови, которая льется на землю по твоей вине. Вспоминать о таком с тихой грустью? Нет, нормальный человек так не может. А Дженази, несмотря на всю свою ненормальность, в этом вопросе точно не отличался от своей племянницы. Просто панцирь, в котором он прячет свою истинную сущность, очень, очень прочный.

— Я хочу тебе кое-что показать.

Дженази позволил себе удивиться, когда Юрика вызвала светящийся комочек воспоминаний Дана Даркенвэй. Накрыл его своей ладонью и вместе они погрузились в такой реальный мир далекого прошлого.

18 ноября 898 года. Судо, «серая зона» между республиками Круу и Саву. Город-призрак Аб-Шалу.

— Ты точно уверен, что они здесь? — с сомнением спросил Регулус Старвинд у Дана, рассматривая скелеты потрясающе высоких небоскребов. Больше половины древних зданий, возведенных еще до катастрофы двухтысячелетней давности, осыпались под собственным весом, но те, что устояли вопреки безжалостному времени, выглядели настолько мертвыми и безжизненными, что в голову просто не могла прийти идея не то что организовать здесь штаб, но даже просто заночевать. Да что там, устроить получасовую стоянку. Такие гиблые места нужно обходить по очень широкой дуге, даже когда Гвардеец Хаоса дышит тебе в затылок.

— Они здесь, — уверенно ответила Нола Орчи, сцепив пальцы в замок за спиной и отводя назад плечи, сталкивая друг с другом округлые лопатки. — Валерия и Кристиан Лэйт могли спрятаться только здесь. Найдем их — и они нам помогут.

— Или мы — им, — мрачно ответил Дан и отвел правую руку за плечо, касаясь рукояти своего огромного меча. Словно проверил, на месте ли он. — Они же Лэйт.

— Больше не имеет значения, кто к какому Дому принадлежит, — возразил Регулус.

— Ошибаешься.

Нола Орчи не стала слушать пререкания недавних друзей, которыми Дан и Регулус стали меньше месяца назад, и решительно зашагала в сторону руин Аб-Шалу. Ей было не важно, кто кому будет помогать — лично она собиралась защищать весь мир.

Глава 59. Стражи Неба

— Даже если Лэйт здесь, как мы найдем их? — задал еще один вопрос Регулус, когда они с Даном догнали девушку. Не то чтобы он был большим занудой и пессимистом — скорее наоборот. Просто когда Старвинд присоединился к команде, то сразу предложил свою стратегию борьбы против Гвардии Хаоса, но товарищи ее не одобрили. Нола была идейным вдохновителем, Дан — руководителем, а Регулус, соответственно, вдохновленным и руководимым. Он выразил свой протест, и ему пообещали, что если их план провалится, то слушать они будут только его — с условием, что Старвинд не станет менять название их отряда — «Стражи Неба». Регулусу оно не нравилось, и он все пытался допытаться, при чем здесь элитный отряд бойцов Великого Дома Мисторг, уничтоженный много лет назад Гвардейцами Хаоса. Дан отмалчивался — название их группе сопротивленцев дал он.

— Они должны быть вон в той башне, — Даркенвэй указал на одну из средней руки высоток, окольцевавших центральный район Аб-Шалу, в котором стояли сооружения уже совсем чудовищной высоты — до полукилометра и выше.

— Опять птичка напела? — спросил Регулус. — Подозрительно, что ты не хочешь раскрывать нам свой источник информации. Нола, а ты как считаешь?

— У нас есть еще один друг, это же хорошо, — улыбнулась она в ответ.

— Но...

— Если нас схватят, Гвардейцы не смогут вытащить из меня ни слова — на этот счет в себе я уверен, — перебил его Дан.

— Не одни только Даркенвэй устойчивы к пыткам, — сразу вспыхнул Регулус, оскорбленный недоверием к его стойкости.

— Ты вчера мизинцем о камень ударился — воплей было...

— Ты не сравнивай! — Регулус поправил переброшенный через плечо ремень болтера, которым разжился в последнем столкновении с наемниками Гвардии. — Когда надо, из меня и стона не вытащишь... И потом, что мы с Нолой будем делать, если что-то случится только с тобой? Как нам тогда с тайным доброжелателем связаться?

— Он... — Дан внезапно запнулся, но все же продолжил:

— ...сам вас найдет.

— А как нам понять, что это будет тот самый человек, который помогает нам сейчас? Гвардейцы не идиоты, они уже должны были догадаться, что у них утечка информации. Вычислят и устроят нам ловушку.

Дан нахмурился и снова проверил рукоять меча за спиной, потом опять вернул руку на приклад тяжелого пулемета, который висел у него поперек груди. Нарисованный Регулусом возможный расклад обладал определенной долей вероятности случиться.

— Ты сам все поймешь, когда услышишь... его имя. Все, хватит вопросов. Нола, подожди!

Путь к указанному небоскребу занял четыре часа — пробираться сквозь руины было довольно непросто. Древний бетон крошился и сыпался, металлические конструкции проржавели, и им приходилось следить за тем, чтобы руины не провалились под ногами или не обрушились на голову. Вокруг не было ни души. Аб-Шалу избегали даже насекомые.

— Если Лэйт здесь и остерегаются Гвардии, то нас они давно уже должны были заметить, — предположил Регулус, задирая голову. — Я к тому, что может нам не надо

обыскивать все сто этажей, и они сами спустятся?

Дан признал его правоту, но по другой причине — вламываться в здание, в котором окопались Лэйт, скрывающиеся от Гвардии, было плохой идеей. Кто знает, какие ловушки они приготовили для незваных гостей.

Но Ноле было все равно, и когда Даркенвэй объяснил ей, почему им нужно подождать и обсудить свои дальнейшие действия, с самым серьезным видом ответила:

— На нижних этажах не должно быть ловушек. Кто угодно может войти внутрь, ведь так? Думаю, они сделали так, чтобы подняться выше стало так трудно, что случайный бродяга откажется от своей затеи. Ну а если нет...

— То что? — не выдержал паузы Регулус.

Дан улыбнулся краешком рта.

— То он не случайный бродяга, — ответила Нола. — Как мы, например. Только Валерия и Кристиан еще не знают, что мы друзья, а не наемники Гвардии, поэтому нам придется быть очень осторожными. И вежливыми.

— Ты понял, — Дан хлопнул Регулуса по спине, — вежливыми. Впрочем, все знают, что Старвинды известные грубияны.

— Просто мы прямолинейные, — ответил парень, сделав вид, что чугунная рука Даркенвэя легче пушинки и никак не повредила его позвоночнику. — И с чувством юмора у нас все в порядке. В отличие от Даркенвэй.

Они без проблем вошли в здание, но миновав пустой пыльный холл, обнаружили, что по служебной лестнице можно подняться только на третий этаж — верхние лестничные пролеты обрушились на нижние, которые теперь держали на себе просто колоссальный вес и были готовы провалиться в любой момент, чтобы похоронить под собой случайных любопытных. Регулус зачем-то стукнул по стене кулаком и задрал голову вверх, прислушиваясь, но только зря поднял пыль. И крохотный камешек упал рядом с ногой Нолы.

Регулус посмотрел на Дана и сильно удивился виду его резко побледневшего лица.

— Не делай так больше, — осторожно попросил Даркенвэй.

— Да ладно тебе, не рухнет, — беспечно отмахнулся Старвинд. — Все, что могло здесь развалиться, уже развалилось.

Сверху упал второй камешек, потом третий.

По стенам прошла дрожь, высоко над головой раздался глухой удар.

— Ребята, может быть, вы уже зайдете? — спросила Нола у товарищей. Она сразу вышла из-под нависшего над головой завала и ждала в коридоре третьего этажа.

Дан и Регулус ушли с лестницы. Через несколько секунд, за их спиной, она превратилась в гремящий водопад из обломков и пыли.

— Должна быть еще одна, — только и сказал невозмутимый с виду Старвинд.

— Лучше лифт, — ответила Нола.

— Они не работают... — возразил Дан и осекся. — А ведь можно попробовать.

Створки ближайшей шахты лифта он раздвинул собственноручно, хотя толстый нержавеющей металл упорно отказывался поддаваться. После непродолжительной борьбы образовалась щель, достаточно широкая для того, чтобы в нее протиснулась Нола, и они увидели внутри то, что хотели — десятки канатов из мономолекулярного волокна, тянувшихся сверху вниз.

— Они слишком тонкие, — покачал головой Регулус, разгадав замысел Нолы. — Мы только зря руки изрежем.

Девушка дотянулась до ближайшего каната и с силой дернула его вниз, сразу убрав руку. Они долго прислушивались, но подозрительных шумов сверху так и не последовало.

— По этому можно подниматься сразу втроем, — авторитетно заявила она и первой начала восхождение — прыгнула на канат толщиной с рыболовную леску и стала карабкаться по нему вверх, цепляясь одними только пальцами.

— Она вообще человек? — задумчиво спросил Регулус, пробуя углеродную леску пальцем. Она была острой, словно нож.

— Нола, мы так не умеем! — крикнул, когда девушка поднялась метров на десять.

— Посмотри налево, — ответила она бодрым голосом.

Слева от створок лифтовой шахты по стене тянулась узкая металлическая лестница. На вид надежная.

— Ну конечно! Тогда почему ты ей не пользуешься?

— На ней могут быть установлены ловушки. Будьте осторожны!

Дан и Регулус в замешательстве посмотрели друг на друга.

— Даркенвэй вперед, на вас все равно все быстро заживает, — Регулус отступил в сторону, передавая Дану право первым следовать за Нолой.

— А я слышал, что Старвинды хорошо чувствуют ток в электрических цепях, — парировал Дан.

— Ты перепутал нас с Мисторгамми, — обиделся Регулус.

— То есть они лучше?

— Наивная провокация, я не мальчик, меня на «не сможешь» не возьмешь. Но если бы я очень сильно захотел, то прошел бы сквозь любую систему безопасности, — с важным видом заявил Регулус.

— Трепло, — хмыкнул Даркенвэй.

— Трус, — обиделся Регулус.

— Оправданно осторожный, — поправил Старвинда Дан.

— Вы там долго еще? — долетел сверху голос Нола.

— На пальцах, — предложил Регулус. — Камень, ножницы, бумага, раз, два, три... Проклятье. Ладно.

На тридцатом этаже Старвинд ощутил неприятный зуд между лопаток и в последний момент отдернул руку от очередной ступени на его пути наверх.

— Нола! — окликнул он девушку, которая висела на сверхтонких канатах этажом выше. — Тебе сверху должно быть лучше видно. Что здесь не так?

Нола спустилась на пару метров и присмотрелась к насторожившей Старвинда ступени.

— Какая-то пластинка... Очень узкая, я ее сразу не заметила...

— Сенсор сигнального контура, — отозвался снизу Дан. — Мы на месте.

Они не стали лезть выше и покинули шахту на этом этаже, чтобы отдохнуть и обсудить, как быть дальше. Заодно немного подкрепились остатками армейских сухпайков, добытых на одной из заброшенных военных баз республики Круу. Формально Аб-Шалу находился на ее территории, хотя на практике испокон веков он был ничейной землей. По пути сюда Дан провел их через мощное укрепление, которое было возведено для отражения гипотетической атаки со стороны республики Саву, находившейся по другую сторону от руин, но давний соперник Круу так ни разу и не воспользовался этим направлением, а сейчас, когда весь мир оказался в железном кулаке Гвардии Хаоса, необходимость в той военной базе и вовсе отпала.

Все войны на Судо, Вердиго и Дакиэрро прекратились. Но борьба с узурпаторами

продолжалась.

— Лэйт в пределах следующих пяти-десяти этажей, — сказал Дан, дочиста выскребая свою банку с тушенкой. — Беспроводной сенсор не сможет отправить сигнал на большее расстояние сквозь армированные перекрытия этого здания. И выше, я уверен, установлены очень чувствительные датчики, спрятанные намного лучше. Незаметно к ним мы не подберемся.

— А зачем? — удивилась Нола. — Просто позовем их. Сообщим, что мы здесь. Мы же друзья.

Дан и Регулус ответили ей смущенным молчанием.

— Да, друзья, — произнес наконец Старвинд. — Не способные пройти мимо простенькой сигнализации. Толку от таких в борьбе против Гвардии Хаоса... Они с нами даже говорить не станут. А вот если мы тихо подкрадемся и похлопаем их, ничего не подозревающих, по плечу, представимся и предложим вступить в команду, то они сразу согласятся.

— Когда кто-то подкрадывается ко мне со спины, я сначала бью, а потом уже некого спрашивать, кто такой и как зовут, — ответил Дан мрачным голосом. — А эти двое должны быть еще осторожнее меня.

— Мы хорошо пошумели еще на первом этаже, а они так ничего и не заметили, — заметил Регулус.

— Здесь идеальная звукоизоляция...

— Мы можем активировать тот сенсор и просто подождать, пока они сами к нам спустятся, — предложила Нола. — Думаю, это будет вежливо с нашей стороны. Мы здесь их гости.

— А если датчик не просто сообщает о чужаках, но еще и какую-нибудь бомбу активирует? — ответил Регулус. — Они же осторожнее нашего Даркенвэй, а он, если ты еще не заметила, настоящий параноик.

— Зато живой, — пожал плечами Дан, несколько не обидевшись.

— Не о том спор...

— Можно бросить вверх по шахте светошумовую гранату, — предложил Даркенвэй. — Она активирует все датчики, которые там есть.

Так и решили. Дан взял одну из своих гранат, установил таймер на полторы секунды и мощным броском отправил ее вверх по шахте лифта. Почти сразу ее ярко осветило, от пронзительного визга заложило уши и... больше ничего. Не было ни взрывов, ни воя сигнальных сирен, и через полчаса ожидания Дан задумался над тем, не перевел ли он только что совершенно зря ценный боеприпас.

А потом Нола просто очень громко крикнула в шахту лифта:

— Лэйт! Лэйт! Мы здесь!

В противоположную от входа стену шахты ударило что-то пластиковое, отрикошетило и залетело на этаж прямо под ноги Дана.

— Глаза! — только и успел крикнуть он, отворачиваясь от уже чужой светошумовой гранаты и закрывая собой Регулуса. Помочь Ноле он никак не успевал, девушка даже не успела понять, что произошло.

Свет. Визг. Боль.

Когда к Дану вернулись зрение и слух, он обнаружил в непосредственной близости от своего горла узкое лезвие прямого меча. Очень острое. Держала его высокая стройная

девушка с великолепными золотыми волосами. Яркие синие глаза светились угрозой. Регулус обнажил свои мечи и застыл в нерешительности — преимущество было на стороне Валерии Лэйт.

— Мы друзья, — произнес Дан со слезящимися от режущей боли глазами. В ушах звенело.

— Да-да, мы друзья, — поддержал его Регулус, но мечи не опустил, точно также частично оглушенный гранатой.

— Оружие на землю, — ответила Валерия сухо. — Всё оружие. Крис, собери, — она стояла спиной к Кристиану и не видела, что он никак не может выполнить ее просьбу. Когда светошумовая граната взорвалась, Валерия взяла на себя двух вооруженных мужчин, оставив брату безоружную девчонку, рассчитывая, вероятно, что он обезвредит ее сразу и поможет справиться с оставшимися противниками. Но что-то пошло не так.

— Он не может, — жизнерадостно ответила за Кристиана Нола.

— Что? — Валерия обернулась и увидела, что ее брат лежит на полу лицом вниз и судорожно вдыхает серую пыль. Нола держала его руку в болезненном захвате, а чтобы он не сумел вывернуться из него, придавила ногой, вжимая свою небольшую ступню между лопаток.

Дану хватило краткого мгновения изумления Лэйт, он ладонью отвел от себя меч и выбил у Валерии землю из-под ног. Уже вдвоем с Регулусом они навалились на нее сверху, обезоружили и надежно скрутили, не оставляя девушке возможность даже плюнуть в их сторону.

— От-пус-ти-те! — с трудом прошипела Валерия.

— Не-ет, ты еще не поняла, что мы друзья, — бодро ответил Регулус. — Я Регулус Старвинд, сын Сириуса Старвинда, а это Дан Даркенвэй, сын Кайласа Даркенвэй. Наши отцы были убиты Гвардейцами Хаоса, и мы поклялись отомстить — как и вы.

Валерия, услышав знакомые имена, прекратила сопротивление, но тело ее по-прежнему оставалось сжатым, словно пружина.

— Руку убери, — сказала она, и Регулус заметил, что его рука прижимает девушку к полу несколько ниже талии.

— О, извини... — он убрал ладонь так резко, словно тело Валерии было из раскаленного металла. Дан тоже слегка ослабил хватку. Совершенно зря: мощный воздушный вихрь заставил обоих отшатнуться, Валерия выскользнула и не поднимаясь на ноги заехала Даркенвэю пяткой в глаз, а Регулусу — в пах. Вскочила и ударом ноги в ухо отправила его на пол, вернула себе меч и атаковала Нолу, продолжавшую удерживать Кристиана. Нола выпустила руку ее брата и отступила назад со словами:

— Я не хочу с вами драться.

Валерия помогла Кристиану подняться и они вдвоем стали спина к спине, готовые как нападать, так и защищаться.

— Как вы нас нашли? — спросила девушка, направив острие меча на Нолу. Ее брат, подобрав с пола выбитые Нолой чакрумы, держал под контролем действия Дана и Регулуса.

— С помощью нашего друга, — ответил Дан, потирая ушибленный глаз. Со стоном встал на ноги Регулус, но разогнуться полностью у него так и не получилось.

— Никто не знал, что мы здесь, — ответил Кристиан.

— Что за друг? — с раздражением спросила Валерия.

— Я не могу сказать, — развел руками Дан. — Но этот человек искренне хочет помочь

нам всем в борьбе против Гвардии Хаоса.

— Вы вообще понимаете, о чем говорите? — с насмешкой спросила Валерия. — Хоть один из вас видел Гвардейца в бою? Дженази убил нашего отца в поединке. Валериана Лэйт!

— Белгорро на моих глазах уничтожил десятки Даркенвэй, — мрачно ответил Дан.

— Я видел, как мой отец сражался с Кенсэем и проиграл, — добавил Регулус с горечью. — Он был сильнейшим воином Десяти Великих Домов и все равно погиб.

— Сириус Старвинд был вторым мечом Небесных Городов. Первым был наш отец, — с вызовом поправила его Валерия.

— Если бы они сразились, мой отец обязательно бы победил!

— Сейчас не время выяснять, чей отец был сильнее, — повысил голос Дан. — Они мертвы, а мы живы, и нам нужно объединиться, чтобы выжить.

— Нам нужно объединиться, чтобы победить, — громко и четко произнесла Нола. — Мы не мстим и не выживаем. Мы — Стражи Неба, и мы одолеем Гвардию Хаоса.

— Кто эта сумасшедшая? — спросила Валерия, не скрывая снисходительной улыбки.

Дан и Регулус обменялись понимающими взглядами и разошлись в разные стороны, к стенам, освобождая центр коридора. Кристиан заподозрил неладное в этом маневре, как и в выражениях их лиц, но к чему именно готовиться, не знал.

— Да так, одна двинутая на всю голову, — в преувеличенно шутливой манере ответил Дан. — Я ее в Шадизе подобрал. Несет всякую чушь, постоянно встречается в неприятности... А еще у нее хорошо поставлен удар правой. Нола, они не хотят с нами дружить. Действуй.

Валерия лишь на мгновение отвела от Нола взгляд, удивленная словами Дана, а ее меч уже выбило из рук и он вонзился в потолок. Правая рука онемела по самое плечо и повисла вдоль тела безвольной плетью.

— Я — Нола Орчи, — представилась смуглокожая девчонка и нанесла второй удар — раскрытой ладонью в грудь Валерии. Впрочем, это был даже не удар — сильный толчок, но Валерию сбilo с ног, она врезалась спиной в Кристиана, и уже вдвоем они пролетели по коридору несколько метров — как раз между заблаговременно расступившимися Даном и Регулусом.

— А теперь поговорим, — пробормотал Даркенвэй. И непроизвольно потер шек ладонью, вспоминая свою первую встречу с Нолой. Вот уж у кого точно есть талант убеждения.

Через полчаса все они, грязные и раздраженные (кроме Нола, которую было невозможно вывести из себя разными пустяками), они сидели за одним столом тремя этажами выше, в помещении, которые Лэйт приспособили для жилья. Они скрывались здесь довольно долго — обстановка была слишком уютной для временного убежища. Складная мебель была расставлена придирчивой женской рукой, отдельный угол был отведен под походную кухню, еще один был превращен в мобильный центр связи и управления, с помощью которого Валерия и Кристиан следили за происходящим в здании и его окрестностях.

— Итак, — подвела итог Валерия, — вы — Стражи Неба (при чем здесь Мисторги?). собираетесь победить Гвардию Хаоса и предлагаете нам присоединиться к вашей команде.

— Да, — кивнула Нола, полностью подтверждая ее слова.

— Мы отказываемся.

Нола, Дан и Регулус скрестили свои взгляды на Кристиане, который молча сидел рядом с сестрой. Он заметил пристальное внимание к собственной персоне и отвел взгляд.

— Вы даже не посоветовались, — удивилась Нола.

— О чем ты, имтак понятно, кто у них в семье главный, — пробормотал Регулус, но Кристиан его услышал.

— Гвардейцев восемь, а мы, даже если объединимся, не сможем справиться и с одним из них, — ответил брат Валерии, снова поднимая глаза и прожигая ими прямолинейного Старвинда.

— Я могу справиться с Гвардейцем в честном бою, — безапелляционно заявила Нола.

— Восхитительная самоуверенность, — устало ответила Валерия. — Ладно. Одного, допустим, уьем, и тогда оставшиеся семеро соберутся вместе и сотрут нас в порошок.

— Но я не собираюсь никого убивать...

— Что? — удивились Лэйт, но тут слово поспешил взять Дан:

— Великие Дома сражались с Гвардией тысячу лет и убили многих из них, но к чему это привело? Когда один из них гибнет, Фридрих Бронзлебен находит нового подручного, куда более сильного, чем старый, и за века он смог собрать настоящих монстров. Они непобедимы, последняя война отчетливо продемонстрировала это всем нам. Но это не значит, что сопротивление бессмысленно и у нас нет ни единого шанса. Потому что именно сейчас, после безоговорочной победы над нашими Домами Гвардия Хаоса стала максимально уязвимой, ведь впервые за последние семьсот лет император покинул свое убежище и занял им же возведенный трон в своем новом дворце.

— Ты хочешь сказать, что... — начали понимать Валерия и Кристиан.

— Да. Мы уьем Фридриха Бронзлебена. Потому что он, в отличие от его Гвардейцев уязвим. Достаточно всего одной пули в лоб, и тысячелетняя проблема будет решена. Ведь это он стоит за всеми нашими бедами, он объединяет Гвардейцев. И когда Император исчезнет, даю слово, они перегрызутся между собой, деля его наследство. И тогда у нас действительно появится шанс избавиться от них всех.

— И как же мы подберемся к Фридриху? — спросила Валерия. Она была по прежнему настроена скептически, но Дан заставил ее прислушаться к себе.

— С помощью друга, который подсказал нам, как отыскать вас. Он находится в новом дворце Императора и знает обо всем, что там происходит. А также способен отслеживать перемещения Гвардейцев. Мы будем знать о них все, а они о нас — ничего.

— Откуда нам знать, что твой друг не заманит нас в ловушку? Что, если таков план Фридриха — собрать нас в одном месте и прихлопнуть одним ударом?

— Будь так, вы бы уже были мертвы, — покачал головой Дан. — Он сообщил нам о вас три дня назад. За это время Гвардейцы уже давно бы расправились с вами, ведь что могут значить Старвинд и Даркенвэй в сравнении с последними из Дома Лэйт? Они охотятся на вас веками.

Валерия задумалась.

— Хорошо, мы с вами, — неожиданно заявил Кристиан, вызвав растерянный взгляд сестры. Аргументов для возражения, кроме «это чертовски опасно — все это, вся эта затея», у нее не осталось. Но она была воином и, в конце-концов, жаждала мести.

Таким образом Стражей Неба стало пятеро.

Торжественный момент испортила Нола.

— Враг близко, — заявила она, к чему-то прислушиваясь. — Совсем близко.

Кристиан бросился к мониторам компьютера.

— Никого не вижу, — ответил Лэйт спустя минуту тщательной проверки всех экранов скрытых камер видеонаблюдения.

— Он здесь, — ровным холодным голосом произнесла девушка... и со всей силы ударила в одну из стен комнаты, пробивая в ней огромную дыру — сквозь нее запросто, без особого труда мог пролезть человек.

Через несколько секунд так и произошло.

— Похвально, — прошелестел глухим голосом человек в черном балахоне и белой театральной маске, проходя сквозь пролом. — Немногие способны заметить меня тогда, когда я этого не хочу.

— Привет, меня зовут Нола Орчи, — ответила девушка непосредственно, и это помешало человеку в маске озвучить следующую мысль.

— Это Августо, — произнес Дан, направляя в прищельца ствол своего пулемета. Остальные Стражи Неба очень крепко сжимали рукояти своих мечей, чакрумов и болтеров, готовые в любой момент пустить их в ход.

— Гвардеец Хаоса.

Нола улыбнулась.

— Это хорошо.

— Да ни черта хорошего в этом нет! — заорал Регулус и зажал спусковой крючок своего болтера, выпуская в Августо разом всю обойму.

— Ложись! — одновременно с ним прокричал Дан, направляя в Гвардейца бесконечный поток пламени и бронебойных пуль.

— Отступаем! — тонко скомандовала Валерия, вместе с Кристианом хватаясь за плазменные гранаты.

Первое столкновение Стражей Неба и Гвардии Хаоса состоялось.

Глава 60. Первый Гвардеец

Пластиковые пули болтера Регулуса, выпускающего снаряды на космических скоростях, прошили Августо насквозь, а вот длинная очередь из тяжелого пулемета Дана сбила Гвардейца с ног и швырнула обратно в дыру, куда сразу же последовали гранаты Лэйт. Два взрыва слились в один, и так уже поврежденная Нолой стена обрушилась внутрь, заполняя помещение обломками и пылью. Они покинули его мгновением раньше, Нола — последней, и осколок бетона зацепил ее собранные в хвост каштановые волосы.

Она осталась у входа в разрушенное убежище Лэйт, когда Валерия и Кристиан направились к выходу с этажа. Дан и Регулус хотели последовать за ними, но остановились, заметив решимость подруги продолжить схватку.

— Мы должны уходить, — сказал Дан, взведенный до предела напряжением нежданного противостояния. — Августо пытались убить тысячу лет.

— И он все еще жив, — поддакнул Регулус, держа под прицелом уже перезаряженный болтер.

— Мы уходим! — крикнула им Валерия.

И тут в комнату ворвалось черное нечто, лишь отдаленно напоминающее человека. Это не могло быть ничем иным, кроме Августо, но здравый смысл и логика пасовали перед насекомоподобным созданием с туловищем сороконожки, тремя парами четырехсуставных конечностей и человеческой головой с жвалами вместо нормальных челюстей. От белой маски уцелела только верхняя половина, и невозможно было представить, какими могут быть глаза этого чудовища.

Существо издало страшный визг, перешедший в ультразвук, и спокойно перенесло сдвоенную очередь пулемета и болтера, потеряв только две многосуставной руки. Прямо на глазах оно обрастало прочным хитиновым панцирем с металлическим отливом, сразу начали регенерировать потерянные многопалые конечности, отращивая длинные когти-шпы.

— Это очень глупый вопрос, и несвоевременный, — произнесла Нола, с изумлением рассматривая членистоногое нечто, — но это точно Августо?

А потом обратилась к монстру:

— Вы — Августо?

Монстр замер, а потом резко подпрыгнул, и извернувшись неестественным образом, прицепился к потолку, рассматривая Стражей Неба сверху.

— Ч-чудач-чка, — прошипело оно. — Д-да.

Августо снова издал пронзительный визг, из чудовищной пасти выросли черные острия длинных шипов.

— А вы можете перестать... вопить? — поморщилась девушка. — Извините, но у вас очень противный голос.

— Это сонар, — ответил Гвардеец с вполне нормальным тембром, дрогнувшим от уязвленного самолюбия. И выплюнул шпы широким веером, целясь в Нолу, Дана и Регулуса.

Старвинд увернулся, Нола поймала три шпы, предназначенных ей, а Даркенвэй закрылся пулеметом. Черные острия мгновенно вывели оружие из строя, и Дан, отбросив его, снял с магнитного фиксатора на спине свой огромный меч. Регулус, подумав, также убрал болтер и извлек из ножен свои мечи, лезвия которых сразу вспыхнули устрашающе-

багровым пламенем.

— Отравлены, — сказала Нола, рассматривая органические снаряды Августо, — Подло.

Она выбросила их, с отвращением вытерла ладони о свои шорты и крепко-крепко сжала кулаки, поднимая их к подбородку.

В воздухе мелодично свистнуло, сверкнула сталь — и широкий чакрум Кристиана рассек нечеловеческое лицо Августо, отсекая часть жвал-челюстей. Гвардеец только мотнул головой и выплюнул порцию игл в сторону Лэйт. В ответ еще два чакрума разрубили его конечности, и Августо частично оторвался от потолка — как и все, он тоже подчинился гравитации. Нола воспользовалась этим и в высоком прыжке ударила ногой по уродливому туловищу, сбивая Гвардейца на пол. Где его достал Дан, обрушивая на череп противотанковый меч. Регулус, не отставая от него, стряхнул багровое пламя со своих мечей, поджигая жуткое тело Августо, и следом же обрушил град ударов, отсекая все, что только можно было отсечь. Подоспел Кристиан, всаживая в Гвардейца очередной чакрум, и добавляя к нему таран из сжатого воздуха; всадила свой узкий клинок точно в пасть монстра Валерия.

Августо забился в судорогах, изрубленный, охваченный пламенем, ошеломленный. Но это были вовсе не предсмертные конвульсии — он отбивался, отращая новые конечности, шипы и черные лезвия, бил ими и плевал, наносил удары гибким змеевидным телом. И Стражи отступили, опасаясь пропустить хотя бы один удар, но передышки Гвардеец не получил, потому что Нола всадила свой маленький, но очень тяжелый кулак прямо в центр его туловища, дробя панцирь и отбрасывая в стену, в которую Августо врезался с мерзким хлюпом и треском одновременно.

Сползая с нее отвратительной черной массой, он снова начал менять форму, возвращаясь в облик человека. Сорвал с себя пылающие негасимым пламенем куски плоти, сбросил шипы, вновь скрыл тело черным балахоном — он оказался его частью, а не предметом одежды. Лицо покрыла белая субстанция, которая, мгновенно затвердев, превратилась в прежнюю белую театральную маску — так и не позволив рассмотреть, каков он под ней.

Приведя себя в порядок, Августо выпрямился. Мгновение — и черный балахон превратился в чешуйчатую броню, еще одно — и пальцы удлинились, превращаясь в короткие, но очень острые лезвия. Из колен и локтей выросли шипы, иглы покрыли голени и предплечья.

— Не приближайтесь к нему, — предупредила друзей Нола, делая шаг вперед. — Его яд очень опасен.

— И поэтому ты собираешься сражаться с ним в рукопашную, в шортах и топике, — с иронией заметила Валерия.

— Я справлюсь. Просто уходите отсюда — вы ведь именно это собирались сделать с самого начала.

— Мы не бросим тебя, — твердо заявил Кристиан.

— Как видишь, твое упрямство всех нас погубит, — печально вздохнула его сестра. — Может быть, хотя бы отступим в соседний зал? Он в три раза больше. Будет, где развернуться.

На это Нола готова была пойти, и медленно пятясь, не теряя Августо из виду, они перешли в другое помещение. Гвардеец неторопливо следовал за ними, уделяя больше всего внимания перемещениям Орчи.

Когда все они прошли сквозь прямоугольник межкомнатного проема, а Августо оставалось преодолеть для этого еще несколько метров, пол под ним взорвался мощным импульсом направленного взрыва. Взрывных устройств оказалось несколько, и вся комната вместе с Гвардейцем сначала впечаталась в потолок, а потом провалилась на нижний этаж. Который следом взорвался точно таким же образом и ушел еще ниже.

— Сколько комнат и сколько этажей вы заминировали? — с восхищением спросил Дан, осторожно подходя к краю огромной дыры и заглядывая вниз.

— Немного, — ответил Кристиан с довольной улыбкой. — Большая часть взрывчатки ушла на несущие конструкции.

— Нам достаточно нажать на кнопку — и это здание развалится, словно карточный домик, — добавила Валерия.

— А пути экстренного отхода вы тоже предусмотрели? — поинтересовалась Нола.

— Да.

— Тогда идите к ним. Покиньте здание и нажмите на свою кнопку через десять минут.

— Хочешь, чтобы мы похоронили тебя вместе с ним? — удивилась Валерия, заметив, однако, почему Нола предлагает подобный вариант действий — невредимый Августо быстро взбирался наверх, с помощью своего сверхъестественного чутья определяя, какие стены и поверхности заминированы, а какие — нет.

— Нет. Просто если через десять минут я не смогу справиться с ним, мы сбежим от него все вместе.

— Хорошо, — Дан первый согласился с предложением Нола, зная, что она-то сможет выбраться из заминированного здания за несколько секунд до взрыва. Остальные с недоверием, но последовали его примеру.

— Вот, держи, — перед тем, как уйти, Валерия передала Ноле серебристую сферу, поместившуюся у девушки в кулаке. — Это десантный гаситель кинетической энергии. С ним можно прыгнуть вниз с любой высоты, только успевай нажать на вот эту кнопку перед столкновением с землей. Обычно его синхронизируют с тактической системой боевых скафандров и он включается автоматически, но предусмотрен и ручной режим.

— Спасибо, — поблагодарила новую подругу Нола, пряча устройство в карман шорт. И через несколько секунд осталась в одиночестве. Но ненадолго.

Августо наконец добрался до этажа, с которого его так коварно сбросили, и замер напротив одинокой, с виду совершенно безобидной девушки.

— Кто ты? — спросил он, внешне не проявляя интереса к тому, куда запропастились остальные. Как-будто он позабыл о столь ценной добыче, как Лэйт.

— А кто ты? — ответила аналогичным вопросом Нола.

— Я — Августо.

— А я — Нола Орчи.

— Не только, — произнес глухим голосом Гвардеец. — Ты — кто-то еще. Покажи мне, что ты скрываешь.

И он бросился на нее, пытаясь схватить своими черными когтями. Нола встретила атаку прямым ударом ноги в корпус, но Августо не отбросило, а словно насадило на ступню, внутри него затрещало и он словно переломился надвое, пытаясь дотянуться до нее. Черные лезвия оставили неглубокие порезы на бедре и колене, и девушка едва успела отдернуть ногу перед тем, как острые пальцы едва не вонзились в нее, словно когти хищной птицы. И сбила Августо с ног ударом в плечо, раздирая голень об иглы на черной броне.

На пол полилась алая кровь. Если Ноле и было больно, виду она не подала.

— Вот и все, — произнес Августо, неторопливо поднимаясь на ноги. — Яд уже в твоей крови. Ты потеряешь сознание... сейчас.

Кулак Нолы врезался в белую маску, разбивая ее на куски и вбивая череп Гвардейца в стену за его спиной. Второй удар был направлен в солнечное сплетение, проломил броню и погрузился в черное тело, остановившись только в районе позвоночника. Еще один раздробил лоб, вгоняя обломки черепа глубоко в мозг. Но атакуя, девушка позабыла о защите, и Августо располосовал когтями ее левый бок, разрывая мышцы и царапая ребра. Нола вскрикнула от боли и неожиданности — и обрушила на Августо последний удар, разбивая ногой его нагрудный панцирь и пробивая стену изломанным телом.

— Почему... яд не действует? — прохрипел он, пытаясь выбраться из обломков бетона. Нола ударила, а точнее, наступила на его колено, дробя сустав, и поймав когтистую руку, вывернула ее под неестественным углом, ломая сразу в нескольких местах — и раздирая об черные иглы кожу на своих ладонях.

Грудная клетка Августо распахнулась пастью чудовища, и резко удлинившиеся ребра попытались схватить девушку импровизированными клыками. Внутри него не было ни сердца, ни легких — только сгусток склизких извивающихся щупалец, которые вместе с ребрами потянулись к Ноле. Она отпрянула, а потом, поколебавшись лишь малую толику секунды, ударила прямо в это странное органическое образование, и отдернула ногу за миг до того, как ребра схлопнулись обратно. Отступила и поспешила восстановить сбившееся дыхание.

В ее синих глазах мелькнул запоздалый ужас. Все-таки, где-то в глубине души, она не была до конца готова сразиться с чем-то вот таким, не поддающимся логическому объяснению. Августо не был человеком. Он был чудовищем в истинном смысле этого слова.

Гвардеец снова встал на ноги, все полученные им увечья исчезли просто с издевательской скоростью. Когти на правой руки слились в один длинный клинок, левая вытянулась в вооруженный лезвиями хлыст. Ступни удлинились, превращая ноги в пружинистые лапы — как у кузнечика.

— Я сожру тебя, — белая маска поплыла и снова застыла, превращая изображенную на ней веселую улыбку в издевательский оскал. Из его щели вылез длинный черный язык и слизал с игл брони капли крови Нолы.

— Вкусн... Что?!

Ноле было некогда спрашивать, что такого он распробовал в ее крови — она пришла в ярость. Если Августо и хотел запугать ее своей выходкой, то добился ровно обратной реакции. И она набросилась на него, позабыв вообще обо всем, не обращая никакого внимания на его отчаянное сопротивление. Черный хлыст обвился вокруг ее правой руки, вонзая лезвия глубоко в мышцы — она оторвала его; рубанул по предплечью острый клинок — и не смог рассечь кость. Слово ярость не только придала Ноле сил и лишила страха, но и сделала ее тело намного прочнее. Не то чтобы совсем неуязвимым, но нанести действительно серьезную рану стало попросту невозможно.

В безудержном шквале ударов в какой-то момент кулак Нолы превратил часть плоти на его груди в черную пыль, и след от этого удара не захотел регенерировать, оставив дыру в броне и теле. Августо заметил это — и стал в разы сильнее и быстрее, а в ударах, которыми он осыпал девушку, появилась отчаянная решимость. Его оторванная рука-плеть так же не собиралась восстанавливаться, неровные края плоти осыпались черной пылью; Нола

ухитрилась сломать и лезвие клинка. Но безоружным Гвардеец не стал. Отрастив лезвия на уже измененной ноге, он нанес молниеносный горизонтальный удар, способный перерубить железобетонную колонну, и Нола, поняв, что такой удар заблокировать нельзя, присела, пропуская конечность над головой. Лезвие на треть укоротило слишком длинный хвост, обрезав волосы под косым углом — и все. Удар был слишком размашистым, слишком сильным, Августо не смог вовремя остановиться и вернуться в защитную позицию, поэтому Нола контратаковала из того самого положения, в котором оказалась после маневра уклонения — распрямилась, выбрасывая ногу вверх, в голову Гвардейца. Удар был мощным, его шея сразу сломалась, согнувшись неестественным образом, а тело подбросило к потолку. Но Августо не успел врезаться в него, потому что еще один мощный удар изменил траекторию его полета и направил в стену. А за миг до того, как он врезался в нее, Нола догнала Гвардейца и добавила контрольный удар кулаком, передавая черному телу дополнительный — добивающий импульс.

Девушка прошла сквозь дыры в трех стенах, прежде чем нашла лежащего на полу Августо с огромной не затягивающейся дырой в груди. Подняла свой правый кулак и рассмотрела длинный толстый шип, пронзивший кисть меж костяшек среднего и безымянного пальца и застрявшего в суставе. Вытащила, не чувствуя боли, и быстро перевязала рану бинтом с предплечья, помогая зубами. Не для того, чтобы остановить кровь — у нее было множество других ран, а для того, чтобы этим кулаком можно было нанести хотя бы еще один удар.

— Только что ты сражался, как человек, — произнесла она, остановившись в паре метров от неподвижного Гвардейца. — Все-таки ты не чудовище.

— Почему я слышу сожаление в твоих словах? — спросил Августо, приводя себя в положение сидя. Дыра в туловище не мешала ему ни говорить, ни двигаться, как и свернутая набок голова. И отсутствие руки.

— Я не убиваю людей, — пояснила Нола. — Правда, с тобой можно драться, не сдерживаясь и не боясь убить. Но мне жаль, что теперь ты останешься таким.

— Не останусь, — ответил Августо, вставая на ноги.

— Но раны не заживают...

— Это не имеет значения, Страж Неба.

— О, ты уже знаешь, как мы себя называем! — удивилась и даже обрадовалась девушка.

Августо промолчал, внимательно изучая ее непосредственный искренний взгляд.

— Вы назвали свой отряд Стражами Неба? — теперь удивился уже он. — Как неосмотрительно с ее стороны.

— Со стороны кого? О ком ты говоришь?

— Марлис Мисторг, ваш очаровательный «крот» в наших рядах, — пояснил Августо. И понял, что Нола ничего не знала о личности, снабжающей Дана Даркенвэй жизненно необходимой им информацией.

— Все равно ничего не понимаю, — нахмурилась девушка. — Что вы с ней сделали?

— А что, по-твоему, я мог с ней сделать? — белая маска снова поплыла, изгибаясь прорезью рта в саркастической ухмылке.

Внезапно он начал испускать густой черный дым, скрывший очертания его тела и начавший быстро распространяться по помещению. Нола догадалась, что к чему, и разорвала разделявшую их дистанцию, чтобы не дать Гвардейцу уйти, но в плечо, грудь и колено вонзились три длинные тонкие иглы, глубоко погружившиеся в тело. Они сильно замедлили

девушку, и изнутри ее обожгло ледяным ощущением смертельной опасности. Интуитивно или осознанно — не важно, она засунула руку в карман и нажала на кнопку активации десантного гасителя. И четвертая игла застыла в воздухе в миллиметре от ее глаза, остановленная невидимым полем, поглощающим кинетическую энергию. Пространство вокруг Нолы сверкнуло красным, алое мерцание наблюдалось в воздухе чуть больше секунды — и пропало, а игла с тихим беспомощным звоном ударилась о пол, хотя должна была чиркнуть девушку по лицу и скатиться по ее груди. Этого не случилось потому, что Нолы на прежнем месте уже не было — она доказывала Августо ошибочность его уверенности в точном и смертельном попадании.

После серии ударов Гвардеец потерял половину черепа, вторую руку, правое плечо и обе ноги. Нола сорвала с него последний кусок маски и посмотрела на остаток лица, совершенно спокойный и равнодушный.

— Жив, — произнесла она потрясенно. И вспомнила о времени.

Израженная, обескровленная, она добежала до ближайшего окна и что есть силы оттолкнулась от края, бросая свое тело далеко вперед. Тридцать третий этаж, больше ста пятидесяти метров... Нола не знала, можно ли дважды использовать гаситель кинетической энергии, и поэтому приготовилась к столкновению с землей в таком плачевном состоянии. Она была уверена, что выживет, только придется перетерпеть боль. Сильную боль.

Здание дрогнуло, когда Нола пролетела половину расстояния до земли, и начало оседать в свободном падении вместе с ней. Обломков и пыли внизу практически не было, как-будто небоскреб тонул в воде, а не рассыпался по твердой земле. Это было завораживающе красивое зрелище — картина падения и сокрушения здания, простоявшего двести тысяч лет с одной-единственной целью — стать ареной для жестокого и кровавого сражения. Нола увидела лишь ее малую часть — приземление было тяжелым. И действительно болезненным.

Глава 61. Неправильные вопросы и странный ответ

22:30, 22 июля 1014 года. Федерация Вердира, республика Нау, Креслан.

— Кошмар... — прошептала-всхлипнула Юрика, увидев, как тяжело и неуклюже приземлилась раненная Нола. Едва не спрятала лицо в ладонях, но в последний момент сжала их в кулаки и заставила себя смотреть, как девушка, словно резиновый мячик, ударяется и отлетает от земли, кувыркаясь в воздухе, и только пролетев несколько метров, сумела затормозить, цепляясь в камни руками и разрывая о них подошвы сандалий. И оставляя после себя отчетливый кровавый след. Но в конце Нола смогла встать и выпрямиться, вытереть кровь с рассеченного лба и с любопытством посмотреть на останки огромного здания, развалившегося за несколько секунд. Разброс обломков был не слишком большим, основная масса бетона и скрепляющих его конструкций ушла куда-то под землю — очевидно, глубина подвала здания мало уступала возвышавшейся над землей постройке.

Когда к Ноле подошли остальные Стражи, запись воспоминания остановилась и мир застыл. Двигались в нем теперь только Юрика и Дженази.

— Какой же сильной она была... — произнесла девушка, подходя к Орчи вплотную и с содроганием рассматривая ее глубокие раны. Подумала, что крови на самом деле должно быть гораздо больше, она должна была истечь ею. И кожа Нолы Орчи, которую она видела на картине Валерии, была относительно чистой. На ней точно не было следов схватки с Августо.

— Она тоже обладала регенерацией? — спросила Юрика у Дженази.

Дядя с трудом оторвал взгляд от Нолы и повернулся к племяннице.

— Не такой сильной, как у г'ата или Даркенвэй, — ответил он. — Я знал, что простые царапины заживали на ней за несколько часов, и понятия не имею, когда затянулись все эти раны — без следа. Если бы я не знал, что она выживет после всего этого, то решил бы, что Августо убьет ее.

— Кстати об Августо... Каково это было — работать в одной команде с таким, как он? И как он выжил после того, что с ним сделала Нола? Он же выжил, да?

— Он всегда выживает, — ответил Дженази, нахмурившись. — И честно сказать, я даже не представлял, что он такое на самом деле. При мне он никогда не сражался вот так, меняя форму и превращаясь в... то, что ты видела. До этого момента я не желал снова встретиться с ним, а теперь у меня появились к нему вопросы. Много вопросов.

— Кто он вообще такой?

Дженази задумался, а потом неуверенно произнес:

— Неназываемый.

— Кто?

— Одно из древних чудовищ, издавна обитающих на этой планете. Раньше они были очень сильны, практически непобедимы, но потом пришли Забытые Боги и запечатали их в Сердце Мира. Остались только крошечные лазейки, сквозь которые они порой выбираются наружу, сильно ослабленные и практически беспомощные. Так Кенсэй сказал.

— То есть, Августо мог бы быть еще сильнее? — не поверила Юрика.

— Гораздо сильнее, — подтвердил Дженази. — Я всегда считал, что он в Гвардии только из-за своей феноменальной живучести и таланту плести интриги и заговоры, а теперь

оказалось, что у него есть козырь в рукаве. Впрочем, он не сможет воспользоваться им до тех пор, пока действует печать Забытых.

— А она может исчезнуть?

— Нет, надеюсь. Неназываемых очень много.

— Я думала, что существ опаснее ярмиров уже и быть не может, — с некоторой долей досады ответила Юрика. — А теперь еще и эти. Неназываемые.

— Люди сражались с Неназываемыми задолго до появления ярмиров. И если их способности ограничены изменением формы и регенерацией, то они далеко не так страшны, как существа вроде Глории и Белгорро.

— Это ты меня так успокоить пытаешься? — улыбнулась Юрика, пытаясь не дать волю воображению, в котором армии неубиваемых черных монстров штурмуют города и пожирают всех, кто не так силен, как Дженази, Белгорро и Глория.

Ее дядя ответил не сразу:

— Помимо ярмиров и неназываемых существуют и другие угрозы существованию человечества на этой планете. Я даже не могу назвать тебе все, потому что Вселенная слишком огромна и непредсказуема, и находится в постоянном движении. И далеко не всем протекающим в ней процессам можно сопротивляться. Нельзя избежать перемен.

— Даже если очень хочется? — спросила Юрика и подавила желание прикоснуться к Ноле, чтобы та ожила, как и в прошлый раз, и дядя избавился от своей маски всезнающего и всепонимающего. Это будет очень легко — девушка догадывалась, что Дженази, как никто другой сопротивляется переменам и жаждет сохранить то, что ему дорого. Он может хоть тысячу раз повторить, что человек смертен, но сам факт того, что он до сих пор жив, подтверждает, что он отказывается с этим смириться. Такой как он будет сражаться до тех пор, пока остается надежда. А надежда, как известно, умирает последней.

Дженази не стал отвечать на ее вопрос и подошел к Ноле. Его ладонь потянулась к ее щеке, но прикоснуться к ней он не смог и так и застыл. С закрытыми глазами.

— Она любила тебя так же сильно, как ты ее? — спросила Юрика. Что-то в поведении дяди задело ее, но что именно, она пока понять не могла.

— Она любила всех, — ответил он и убрал руку. — Все вокруг были для нее друзьями. Только с некоторыми ей приходилось драться.

— И тебя устраивало, что она любила тебя так же, как и тысячи других людей? — не унималась Юрика. — Тебе не хотелось большего? Стать для нее кем-то особенным?

— Ты имеешь в виду, хотел ли я обладать ею? Чтобы она принадлежала только мне? Хотел ли я, чтобы она стала моей женой?

— Вроде того, — Юрика покраснела, представив поцелуй Дженази и Нолы.

— Нет, — ответил ее дядя, неожиданно уверенно и твердо. — Мне никогда не была нужна физическая близость с Нолой, и я не помню, чтобы хоть раз переживал по этому поводу какие-то эротические фантазии. Она была особенной... Взрослым ребенком. Я должен был защищать ее.

Дженази внезапно умолк и отвернулся.

— Что с ней случилось? — тихо спросила Юрика. — Как она умерла?

Он провел по воздуху ладонью — и запись воспоминания Дана Даркенвэй свернулась обратно в светящийся шарик. Они снова стояли вдвоем на ночном пляже, на который с прежним постоянством накатывали теплые морские волны.

— Ты бы хотела узнать, какой мистической способностью обладаешь? — спросил он

совершенно непринужденно, словно не услышал вопроса, и с таким невозмутимым своим обычным видом, как-будто только что они не были свидетелями драматического поединка Нолы и Августо более чем столетней давности.

— Ну, я очень сильная. Это разве не моя мистическая способность?

— Нет, сила — это только отличительная черта людей с мистической экстраверсией. Таких, как ты, называют силовым типом. Способностью направлять мистическую энергию вовне — чистом виде, без ее трансформации в силы или субстанции. Есть еще интроверсия и амбиверсия. У меня мистическая амбиверсия.

— И то, и другое? — догадалась Юрика.

— И то, и другое. Например, я могу не только управлять водой, но и считывать с нее информацию. Например, могу узнать о многом из того, что происходило в помещении, если в нем есть графин с водой, ваза с цветами или аквариум. Но только с того момента, когда в них последний раз меняли воду.

— Обалдеть... — протянула Юрика, которая до этого момента считала, что обладание сверх острый слухом — это уже большое свинство. — И что же может запомнить вода в кувшине?

— Звуки. А в бассейне или луже можно увидеть все, что в ней было отражено.

— С твоими способностями можно знать все и обо всех...

— Кто знает, на что способна ты.

— Ага, — мрачно признала Юрика. — Так ты расскажешь, как погибла Нола?

Дженази наклонил голову набок и внимательно посмотрел на племянницу. Ей даже стало немного не по себе от столь пристального взгляда, но она смогла его выдержать и не подать виду, что ей в таких условиях тяжело сохранять душевное равновесие.

— Я знаю способ, как обнаружить в себе свою мистическую способность.

— Правда? — усомнилась с виду Юрика, хотя на самом деле поверила сразу.

— Правда. Так чего ты хочешь больше: узнать обстоятельства смерти Нолы или секрет собственной силы? Хочешь продолжать и дальше полагаться на Ирису?

— Мелочный манипулятор... — хмыкнула девушка и вздохнула — дядя ничего большего не расскажет ей о Ноле, как бы она не настаивала. — А ничего, что я смогу узнать обо всем из воспоминаний Дана?

— Нет, — Дженази покачал головой. — Не сможешь.

— Не могу понять, почему ты делаешь из этого такую большую тайну, — удивилась Юрика и вспомнила, что Валерия, Ранмаро и Виктория тоже не сказали, как умерла Нола Дан, Кристиан и Регулус погибли от рук ее матери восемнадцать лет назад, а со времен даты смерти, высеченной на надгробном камне Нолы, прошло сто пятнадцать лет. Если убийца — Ришари, то почему бы сразу об этом не сказать? То, что мать убила отца — сообщили, а о том, что за сто лет до этого она еще и жизнь одной девчонки оборвала, сказать постеснялись? Нелепо. Значит, это не она. А кто тогда? Или дело в том, как это произошло? Загадка...

Дженази молча вытянул вперед руку, и над его ладонью вспыхнул точно такой же мистический сгусток, который Юрика получила от Дана Даркенвэй, и ей совсем не сложно было догадаться, что это тоже чьи-то воспоминания.

— Как создаются эти штуки? — спросила она, гадая, чье прошлое собрался показать ей дядя.

— Что такое мистическая энергия? — в ответ спросил Дженази.

— Мне откуда знать? — даже рассердилась девушка. — Это же ты у нас творишь... всякое разное. Давно. Я только начала, и вообще не понимаю, как все работает — когда кулаком стену пробивают, замораживают все вокруг, огонь создают, молнии... Благодаря мистической энергии, да?

Дженази только улыбнулся в ответ. Иронично, и Юрика догадалась, что он сейчас смеется над ней.

— Значит, эти штуки — как и всё, противоречащее здравому смыслу — создаются с помощью мистической энергии, — осторожно продолжила она. — Но меня такой ответ не устраивает, потому что я все равно ничего не понимаю.

— А почему ты ничего не понимаешь? — еще шире улыбнулся Дженази.

— Потому что мне никто не объяснял, — насупилась она.

— А ты спрашивала?

— А у нас было на это время? — обиделась Юрика. — И вообще, я ведь спрашиваю тебя сейчас.

— Ты задаешь неправильные вопросы, — ответил Дженази.

— А что такого я вообще спросила? — нахмурилась она еще больше. — И какие вопросы ты считаешь правильными?

— Такие, ответы на которые ты сможешь понять.

Юрика глубоко вдохнула и выдохнула, приводя мысли в порядок. Злиться на дядю было бесполезно, а значит, придется попытаться понять его логику.

И она попыталась:

— Чьи это воспоминания?

С лица Дженази исчезла снисходительная улыбка, и он сосредоточенно уставился на светящийся сгусток энергии. И он развернулся, так внезапно и быстро, что Юрике показалось, что она проваливается в черную дыру размером с игольное ушко. Реальность свернулась в точку, а когда развернулась, что заняло неуловимо короткий момент времени, все вокруг снова изменилось, перенеся их на незнакомый ландшафт простецкой городской застройки из белого кирпича — в сухой коричневой пыли под безоблачным синим небом. Вокруг находились люди, которые не обратили на них никакого внимания.

— Ого, у тебя это как-то круто получается, — произнесла Юрика, стараясь не поддаться приступу легкого головокружения. Она привыкла к тому, что мозг не успевает засечь момент плавного перехода из реальности в воспоминания, а тут такой резкий контраст, сравнимый разве что с бесшабашно раскрученной каруселью.

— Где мы?

— Один мелкий городок в центре Судо, — задумчиво ответил Дженази. — Я был здесь сто двадцать пять лет назад. Если верить солнцу, — он поднял свой взгляд на небо, — то как раз в этот день и примерно в этот же час.

— То есть ты мне сейчас свои воспоминания показываешь?

— Нет, — покачал он головой. — Ее.

Юрика посмотрела в указанную сторону, но увидела только мелкую чумазую девчонку лет восьми, в когда-то белом, а теперь измазанном в пыли платье.

— Нет, — даже рассмеялась она, присматриваясь к ребенку получше. — Не может быть. Это не может быть она.

Девчонка не могла ее слышать, но все же почему-то внимательно посмотрела в ее сторону своими большими ярко-синими глазами. Юрика подошла ближе и вытащила белую

пушинку из ее растрепанных каштановых волос. Через пару секунд она вернулась на место, но девчонка заметила чужое прикосновение и подняла взгляд вверх.

— Привет, — сказала она, с любопытством рассматривая Юрику.

— Привет, — ответила девушка. — Ты — Нола?

Девочка только кивнула в ответ и смущенно отступила на шаг назад. И как только физический контакт прервался, она сразу забыла Юрику — ведь ее здесь быть не должно.

— Закрой уши, — внезапно предупредил Дженази племянницу.

— Зачем? — только и успела удивиться она — пока не поняла, что слышит странный свист. А потом прогремел первый взрыв. Земля качнулась под ногами, в ушах зазвенело. Ну а тело и разум просто оцепенели, не зная, что делать в этой ситуации.

— Что это было? — испуганно прошептала Юрика.

— Это была война, — ответил Дженази, не сводя глаз с сорвавшейся с места восьмилетней Нолы. В отличие от Юрики она знала, что нужно делать, когда небо падает на землю. Бежать в укрытие.

— Сейчас еще будут, — меланхолично произнес он. — Помни, нам нечего здесь бояться. Это всего-лишь картинка прошлого.

После первого взрыва последовал второй, третий... Дженази и Юрика следовали за бегущей Нолой, а город вокруг них разрывало на части, и земля и воздух дрожали, гудя от разрушительного гнева тяжелой артиллерии неизвестного врага. Это был массивированный артобстрел — совсем как в исторических фильмах, которые довелось видеть Юрике. Только в сто раз страшнее.

Сначала снаряды находили свои цели за пределами видимости, и только столбы дыма и пыли служили указателями мест взрывов, а потом один из них разнес на куски трехэтажный дом чуть дальше по улице, задевая соседние — и людей, которые только вбежали в него, чтобы укрыться в подвале. Юрика вскрикнула от неожиданности и ужаса и вцепилась в Дженази, страшась ударной волны и полетевших во все стороны кирпичных осколков. Но один из них пролетел прямо сквозь ее дядю, не оставив и следа, и она справилась со своими чувствами. Иллюзия. Это просто иллюзия. Но для маленькой Нолы сто двадцать пять лет назад это все было реальным.

Во время этого взрыва она была ближе к зданию, чем они, но успела упасть ничком на пыльную дорогу. Обломки куски кирпичной кладки упали рядом, лишь чудом не задев ее, и она поднялась невредимой, только очень крепко прижимала ладони к ушам. Осмотрелась по сторонам и увидела, что еще двум пробегающим мимо взорвавшегося дома мужчинам повезло меньше, чем ей, и только один из них смог встать и поковылять дальше, зажимая кровоточащее плечо.

— Почему никто не спасает ее?! — воскликнула Юрика, с отчаянием осознавая свою беспомощную роль постороннего наблюдателя.

Дженази промолчал, и в этот момент взрыв уничтожил здание, находившееся в нескольких метрах от них. Девушка только стиснула зубы крепче, понимая, что механизм воспроизведения чужих воспоминаний каким-то образом защищает ее органы чувств от самых острых эффектов разрыва снаряда, и она чувствует на себе лишь малую долю того, что приходится испытывать находящимся здесь беззащитным людям.

Когда она вышла из густого облака пыли, Нолы на улице уже не было.

— Где она? — спросила она у Дженази, но он молча прошел мимо, даже не обратив на вопрос внимания.

— Дядя! — обиделась она и схватила его за рукав... черного плаща? Юрика часто заморгала, протерла глаза от несуществующей пыли. Потом обратила внимание на меч в черных ножнах, который он держал в левой руке.

Дженази обернулся, но девушка уже отпустила его, а значит, и перестала для него существовать, и он неторопливым шагом последовал дальше, обращая мало внимания на тяжелые взрывы. Это точно был ее дядя — и не он. Совсем другое выражение лица, ожесточенное и неподвижное. Он заметил лежащего на земле человека, рядом с головой которого натекла широкая лужа крови, подошел к нему и перевернул лицом вверх. Покачал головой и что-то произнес на незнакомом языке в небольшую черную рацию, которую достал из внутреннего кармана. Услышал ответ, побледнел от ярости и добавил еще несколько слов, смысл которых Юрика смогла уловить благодаря убийственной интонации дяди. И после этого следующий разрыв снаряда стал последним.

Наступило затишье.

— Дядя...

Сзади раздалось деликатное покашливание. Юрика обернулась и увидела «своего» дядю Дженази — хорошо знакомого ей и в привычной одежде.

— Я же сказал, я был здесь как раз в это время, — ответил он, рассматривая самого себя из прошлого. — И начинаю вспоминать... Этот городок на три дня задержал наступление сил Чинкуэды, потому что в нем засела группа бойцов из Великих Домов. Они вырезали целый батальон солдат и уничтожили немало техники, и чтобы выбить их отсюда, Чинкуэда приказал подвести к городу тяжелую артиллерию. Я оказался здесь совершенно случайно — преследовал еще одну группу агентов Небесных Городов. Увидел разрушения, жертвы среди мирного населения — и приказал прекратить обстрел.

— Этому городу повезло... — Юрика только покачала головой.

— Не совсем, — ответил Дженази. — Сейчас начнется штурм.

Глава 62. Загадка

— Но мы здесь не для того, чтобы наблюдать за кровопролитием прошлого, — произнес Дженази, поднимая вверх сжатый кулак и останавливая время записанного воспоминания. Юрика запомнила жест, отмечая про себя, что дядя хорошо знаком с этим способом передачи информации и знает, что с ним можно делать.

— А для того, чтобы узнать прошлое Нолы? — с надеждой спросила она.

— Ты хотела узнать, как все работает, — напомнил ей дядя.

— Нет, я хотела узнать, чьи это воспоминания, а теперь мне интересно, что будет дальше... — ответила Юрика — и опомнилась. Посмотрела на разрушения, застывшие дым и пламя. И добавила:

— ...с Нолой.

— Тебе ничего не кажется странным? — спросил у нее Дженази.

— Способность видеть чужие воспоминания? Да, это очень странно.

— А чьи это воспоминания?

— Нолы, разумеется, — Юрика даже удивилась бессмысленности вопроса.

— Ты уверена?

Девушка задумалась. И решила наконец озвучить свое наблюдение, которое касалось воспоминаний совсем другого человека:

— Когда мы смотрели воспоминания Дана Даркенвэй о его первой встрече с Валерией и Кристианом... Он ведь не мог видеть поединок Нолы и Августо, потому что покинул здание вместе с Регулусом и Лэйтами. А мы все равно смогли все увидеть в мельчайших подробностях. И сейчас... Нолы нет рядом, а мы все равно можем видеть, как ты из прошлого появляешься в этом городе. То есть эта реальность создана не на основе той информации, которую они получили с помощью своих органов чувств? Ты это хочешь мне сказать?

— Да.

— Ну, я начала понимать это, когда только начала смотреть воспоминания Дана...

— И ты не задалась вопросом, кто или что сохранило в своей памяти все эти события?

Юрика ответила со смущенным видом:

— Я подумала, что это магия такая... Или мистическая способность. Вроде той, которую ты используешь, когда управляешь чужим сознанием. Кстати, почему ты не использовал ее на Раббене и Сигурде?

— На них она не подействует, потому что они знают то, что я сейчас собираюсь тебе показать. Отчасти ты была права, когда назвала это магией, и ошиблась, когда решила, что это мистическая способность. Смотри.

На этот раз не было какого-то особенного жеста, Дженази просто сосредоточился — и искусственная реальность начала истаивать, становиться зыбкой и полупрозрачной. Юрике стало казаться, что они висят внутри огромного шара из цветного стекла, и сквозь землю и стены зданий, небо она стала различать нечто... огромное. Колоссальные механизмы, валы, пружины и шестеренки, странные маятники, рычаги и противовесы. Они не казались вещественными и словно состояли из серебряного света с синими и серыми оттенками, и по их поверхности струились, текли бесконечные ряды и строки загадочных символов. Юрика увидела сразу сотни и тысячи пиктограмм, и не заметила ни одной, повторившейся дважды.

— Что это? — спросила она, замороженная размеренной и точной работой чего-то, больше всего напоминавшего часовой механизм. Только стрелок и циферблата нигде не наблюдалось.

— Таким видят люди механизм работы этого мира, скрытый за гранью реальности, — ответил Дженази. — Разберись в нем — и поймешь, как все устроено. Узнаешь причины и следствия любого произошедшего в этом мире события. С чего все началось — и чем все закончится.

— И ты... понимаешь? — с затаенным восхищением спросила Юрика.

— Нет, — покачал головой Дженази. — Человеку не дано постичь все это до конца. Даже сам вид этих механизмов — всего-лишь попытка нашего сознания перевести их образ в понятные нам формы. То есть ты и я сейчас наблюдаем две разные картины. Могу предположить, что ты видишь сейчас нечто похожее на часовой механизм.

— Э-э... да, — удивилась девушка. — А ты?

— Много чего еще кроме маятников и шестеренок, — ответил он неопределенно. — Здесь можно найти механизмы, отвечающие за работу мистических способностей и магию Забытых Богов, и многое другое, позволяющее влиять на реальность нестандартными способами. Вмешательство в их работу чревато чудовищными последствиями, и только безумец посмеет изменить или нарушить здесь что-то. Но уже сама возможность видеть их работу дает человеку интересные возможности и преимущества. К тому же некоторые из этих механизмов наше сознание воспринимает в виде разумных существ, с которыми можно общаться. Некоторые из них даже способны отвечать на интересующие тебя вопросы. Например, о секрете твоей мистической способности.

— И как мне найти «механизм», способный ответить на этот вопрос? — спросила Юрика, растеряно рассматривая колоссальные шестеренки.

— Мы уже пришли к выводу, что это не воспоминания Нолы, — ответил Дженази. — Но это определенно воспоминания о ней. То есть существует некий наблюдатель, который следил за ней на протяжении всей ее жизни и сохранил всю эту информацию таким образом, чтобы с ней мог ознакомиться посторонний. Причем он записывает не только события с ее участием, но и происходящее вокруг нее на довольно большой территории.

— То есть, нам нужно найти где-то здесь этого «наблюдателя», — с воодушевлением догадалась Юрика. — Тогда нам нужно найти Нолу, потому что какое-бы широкое у него там не было поле зрения, в центре-то она, верно? Он должен быть рядом с ней... Или над ней, — и она подняла голову, пытаясь рассмотреть что-нибудь необычное. Например, человеческий силуэт, висящий в воздухе.

Дженази горестно вздохнул.

— Что? — удивилась она. — Что не так?

— Рано, — ответил он и свернул воспоминания о Ноле в прежний шарик света, вернув их в привычную реальность.

— Рано. Для тебя еще слишком рано. Ты пока еще не можешь понять самых простых вещей.

— А вот сейчас обидно было... — ответила Юрика, нахмурившись. — Это с чего такая внезапная перемена в отношении? Какие такие простые вещи я не могу понять? Что я не так сказала? Пытаюсь мыслить логически...

— И искать существо, которое сохранило память о Ноле, да, — с откровенным сарказмом заметил Дженази.

— Ты сам сказал, что оно может помочь!

Дженази приложил ладонь к своему лбу и посмотрел на усыпанное звездами небо.

— Нет, — ответил он. — «Наблюдатель» Нолы тебе не поможет, потому что она мертва. И чтобы тебе стало понятно, проведу простую аналогию и задам очень простой вопрос: что нельзя увидеть в кинофильме?

— То, что не сняли на пленку, — ответила Юрика, немного подумав. — Слишком много вещей. Но если ты имеешь ввиду камеру и ее оператора, то хочу заметить, что они иногда мелькают на экране в зеркалах.

— В фильме ты видишь их отражения, а не их самих, — сдержанно ответил Дженази.

— Да какая разница? Просто ты провел неудачное сравнение.

— Может быть, — снова вздохнул Дженази. — Но ты поняла, что «наблюдателя» Нолы в ее воспоминаниях ты не найдешь?

— Догадалась... — мрачно ответила Юрика. — Так что делать-то?

— Все, что было нужно, я уже сказал и показал. Почему бы тебе не попробовать разобраться во всем самой? Разгадать загадку самостоятельно? Если справишься, я обучу тебя одному очень крутому и очень секретному приему.

— Что?! Ты о чем вообще? — возмутилась девушка, но было уже слишком поздно — Дженази направился в противоположную от моря сторону. — Так нечестно, слышишь? Нечестно! Ты хоть знаешь, кто ты после этого?

— Гвардеец Хаоса, — ответил он с улыбкой. — Бывший.

Юрика, тщательно сдерживая злость, пошла за ним, по пути присматриваясь к ракушкам и камням, удобным для прицельного метания в кое-чью самодовольную спину. Обнаружила парочку, но Дженази шел слишком быстро, чтобы нагнаться за ними и использовать по задуманному назначению.

— Если я не могу найти в записанных воспоминаниях того, кто мне нужен, то зачем вообще ты мне их показывал? — спросила она, догоняя дядю и цепляясь за его руку. — Стоп, дошло! Ты хочешь сказать, что в воспоминаниях Нолы нет «наблюдателя» Нолы, но есть другие! Те, кто записывают воспоминания окружающих ее людей. Там можно увидеть других «наблюдателей»!

— Можно, — подтвердил Дженази, но слишком прохладно для того, чтобы Юрика почувствовала, что она на верном пути.

— И поговорить с ними... — продолжила она с угасающим энтузиазмом.

— А вот насчет этого сомневаюсь.

— Но ты же сам видел, что происходит, когда прикасаешься к человеку из этих воспоминаний! Почему в случае с «наблюдателями» должно быть иначе?

— Интуиция подсказывает, — ответил Дженази. — Хотя все же стоит убедиться в этом на практике. Можешь попробовать.

— Без тебя я не смогу увидеть в воспоминаниях механизмы, спрятанные за гранью реальности, — напомнила Юрика.

— О нет, как раз там ты это сможешь сделать и самостоятельно, — улыбнулся он. — Но не сейчас. Сначала хорошо подумай обо всем, что только что узнала, и о том, что могла упустить. Может быть, тогда тебе не придется искать ответ на свой вопрос в чужих воспоминаниях.

Глава 63. Черные замыслы

18:00, 22 июля 1014 года. Империя Дакиэрро, Бифрост.

Сигурд молча наблюдал за приближением робота-хирурга и размышлял над тем, что же делать дальше. Вселенная преподнесла ему сразу три сюрприза: непредсказуемую дочь Ришари, невиданную ранее мощь Дженази и мистический дар исцеления Раббена. Он пошел на риск из-за Юрики, едва не погиб и был спасен в самый последний момент — причем дважды. Сначала в тот момент, когда Тоттенгрибер вытащил его из-под смертельного удара Дженази, а потом — когда начали отказывать жизненно важные органы, поврежденные во время первого, сокрушительного удара бывшего Гвардейца. Синтетические модификации его тела оказались бесполезны, нейропроцессор и прочие имплантанты — уничтожены, и мозгу оставалось жить всего несколько секунд, но Раббен возложил на него свои руки — и срослись разорванные мышцы, нервы и сосуды, раздробленные кости. Он исцелил его тело, но только ту его часть, которая была дарована ему природой. Кибернетические усовершенствования с помощью подобной мистической способности восстановить нельзя. Они теперь вообще не подлежат ремонту — слишком велик был нанесенный Дженази урон, и теперь их предстояло извлечь хирургическим путем.

Операция обещала быть долгой, но император Дакиэрро ждал ее с нетерпением — он привык к возможностям нейропроцессора и прямого подключения мозга к инфосети, благодаря которому знал обо всем, что происходит в мире. По крайней мере, в тех его частях, в которых есть дроны и агенты Рассвета. Ну а в самой империи, просвеченной насквозь камерами и сенсорами, он был всевидящим и всемогущим богом. Совсем не таким, как сейчас, незнающим, что происходит даже за стенами этой операционной.

Раббен и Августо были рядом, готовые к любой непредвиденной ситуации. Во время операции Сигурд будет не способен сражаться, так что телохранители их уровня просто необходимы. Даже в самом сердце Дакиэрро.

— И давно ты научился исцелять, Раббен? — спросил он у невозмутимо-холодного Тоттенгрибера, хотя на самом деле хотел спросить о другом: с какой стати обычно безразличный к человеческой жизни бессмертный чародей вытащил из Креслана группу Карины? Благодаря этому наконец-то был создан прецедент — противник напал на отряд под командованием Дженази и ушел от него без потерь. Так эффективно Раббен не действовал даже во времена войн Гвардии с Небесными Городами.

— С двенадцати лет, — ответил Тоттенгрибер, наблюдая за приготовлениями робота-хирурга.

— Но почему ты раньше никогда не использовал эту способность? — продолжал удивляться Сигурд. — Скольких наших товарищей ты мог бы спасти?

— Кого? — Раббен повернул к нему свое мертвенно-бледное неподвижное лицо, и по спине императора пробежал холодок: очень уж убедительно Тоттенгрибер изобразил, что не понимает значение слова «товарищи». По-крайней мере, Сигурд так понял его реакцию на свой вопрос.

— Не важно... Я огорчен, Раббен. У тебя есть и другие тайны от меня и Августо?

— Да, — равнодушно ответил Тоттенгрибер, и у Сигурда почему-то пропало желание выпытывать у него оставшиеся секреты. Но он был просто обязан напомнить ему, кто из них

повелитель огромной империи.

— Похвальная честность, — сдержанно улыбнулся император. — Но неужели ты забыл о том, что присягнул мне на верность и поклялся приложить все силы для достижения нашей общей цели? И что же теперь получается? Ты хранил свои подлинные возможности в тайне, скрывал их от нас, словно мы враги тебе? Как ты объяснишь это, Раббен?

— Зачем? — холодно спросил Тоттенгрибер.

— Что «Зачем?» — не понял вопроса Сигурд, плохо скрывая растерянность.

— Зачем мне что-то объяснять тебе? — прямо спросил Раббен, уверенно поймав взгляд императора своими темными глазами.

Измученный Сигурд сорвался с медицинского ложа и встал прямо напротив взбунтовавшегося Тоттенгрибера, нос к носу, и остро жалел, что под рукой нет верного меча. Ну и о том, конечно, что Раббен был выше него ростом...

— Это мятеж? — прорычал император, с трудом сдерживая в себе желание свернуть Раббену шею.

— Нет, — ответил Тоттенгрибер, сохраняя ледяное спокойствие. — Но мне всегда было интересно узнать, что ты сделаешь со мной, если я прекращу тебе подчиняться. Вариант А — ничего; вариант Б — ничего: вариант В — ничего, вариант... — самым ужасным для Сигурда в поведении Раббена было то, что он даже не позволил себе снисходительной улыбки. Тоттенгрибер смотрел на него сейчас словно на насекомое, и размышлял, прихлопнуть его или нет.

— ...ничего, — Раббен закончил фразу, и теперь бесстрастно ожидал ответа императора.

— Ты хочешь бросить мне вызов? — спросил Сигурд, мысленно оценивая свои нынешние шансы на победу. Они были очень высоки, он не мог проиграть Тоттенгриберу даже в таком состоянии, но как долго? Раббен бессмертен и не знает усталости, единственный шанс избавиться от представляемой им угрозы — заманить чародея в заранее подготовленную ловушку и запечатать в ней с помощью магии Забытых Богов. Стоило ли говорить, что ничего заранее подготовленного у императора Дакиэрро для некогда верного союзника не было? Совсем не потому, что он никогда не сомневался в нем, а из-за опасения, что Раббен прознает о подобных приготовлениях и задаст вопрос: «Зачем?»

Только он его все равно задал...

— Не вижу в этом смысла, — ответил Тоттенгрибер. — Ты не способен причинить мне вред. Никто в этом мире на это не способен. И я никому не обязан объяснять свои цели и мотивы. Прими эту данность — или нам придется расстаться.

— Прочь с глаз моих, — процедил сквозь зубы Сигурд — вне себя от бессильной ярости. — И если ты через двадцать четыре часа не покинешь Дакиэрро — клянусь Небом, я найду способ покончить с тобой раз и навсегда.

— Осторожнее с клятвами, мальчишка, — Раббен улыбнулся впервые в этом напряженном диалоге. — Небо слышит каждое сказанное чародем слово. Нарушишь его — и горько пожалеешь.

И Тоттенгрибер покинул медицинские покои с помощью пространственного портала, неспешно и невозмутимо. А как еще он мог себя вести, уверенный в своей полной неуязвимости?

— Это было глупо с твоей стороны, — произнес Августо после его исчезновения. — Раббен — ценный соратник.

— Я больше не могу ему доверять, — быстро ответил Сигурд, стараясь вернуть себе прежнее хладнокровие. До него начинало постепенно доходить, что он только что сделал. Поссорился с еще одним Гвардейцем Хаоса — бессмертным чародеем.

— Он все равно может быть полезен...

— О чем ты, Августо? — снова вспыхнул император. — Посмотри на меня!

Первый Гвардеец на шаг отступил от взъяренного полуголого Сигурда, покрытого редкими пятнами теперь уже бесполезных контактных разъемов и бионических имплантов.

— Меня победили одним-единственным ударом! Разгромили в пух и прах! Дженази! Ответь мне, Августо: Раббен сможет помочь мне отомстить за мое унижение? Он знает способ, как победить Дженази?

— Нет, — ответил Августо, не отводя своего взгляда, скрытого под маской. — Приходится признать, что теперь вы двое находитесь на совсем разных уровнях силы. Раббен спас тебя лишь благодаря эффекту неожиданности.

— И что же мне теперь делать? — из Сигурда словно вынули внутренний стержень и он безвольно осел обратно на медицинское ложе. — Ждать, пока Дженази придет в Дакиэрро и уничтожит все, что мы смогли построить за сто лет? Потому что я даже не представляю, кто или что сможет победить его. Как вообще такое может быть? Как человек может обладать подобной силой?

— Вы помните, что его сородичи сотворили с этим миром две тысячи лет назад, — ответил Августо. — Так чему тут удивляться?

— Несправедливости? — горько усмехнулся император. — Почему... Почему именно он?

— Вы так сильно жаждете убить Дженази? — спросил Первый Гвардеец.

— Не просто убить, Августо. Победить. Превзойти его в бою. Я потратил сто лет на то чтобы забыть свое последнее поражение от его рук, и вот он нанес мне новое, еще более унижительное. Моя честь, Августо! Моя гордость... Он растоптал их в пыли трижды проклятого Креслана.

— И на что ты готов пойти, чтобы победить его, мой император? — в задумчивом голосе Августо прозвенели зловещие нотки.

Сигурд задумался перед ответом всего на пару секунд.

— На все. Я готов отдать все, что угодно, лишь бы победить его.

— Если так... — голос Августо превратился в пугающе-низкое шипение. — ... то я, возможно, смогу помочь тебе. Но прежде нам нужно вытащить из твоего тела все бесполезные железки. Больше они тебе не понадобятся.

Извлечение поврежденных кибернетических модификаций из тела Сигурда заняло несколько часов, и примерно в середине этого процесса за прозрачным бронестеклом, отделявшим операционную от внешнего мира, возникла Каена-Эрика, а точнее, одно из ее дистанционно управляемых тел. Августо сразу же отправил ей предупреждение, что если она выкинет какой-нибудь фокус, он даст команду обесточить ее капсулу жизнеобеспечения.

— Даже и не собиралась, — ответила Эрика. Синтетическое лицо куклы Каены не могло передать невинную улыбку Черной Ведьмы, захватившей чужое тело.

— Новичок и правда силен, — отправила она еще одно электронное сообщение, имея

ввиду Дженази, который занял ее место в теперь уже распавшейся Гвардии. — Хотелось бы получить всю доступную информацию о нем. Кто он, откуда, как заполучил такую огромную мощь... И вообще мне нужен полный доступ к нашим базам данных. Ты же не против, Августо?

Первый Гвардеец медлил с ответом. Понаблюдав некоторое время за операцией Сигурда, а потом покинул бокс, став с Эрикой по одну сторону бронестекла.

— Я не доверяю тебе, — произнес он наконец, получив возможность общаться с ней естественным способом.

— Разве это обязательно? — удивилось серебристое лицо марионетки. — Я согласилась сотрудничать с вами, потому что не хочу умирать раньше времени, но это не значит, что теперь вы можете использовать меня как вам заблагорассудится. Я хочу знать, что происходит и почему.

— Меня не волнуют твои желания, — жестко ответил Августо. — Ты не в том положении, чтобы диктовать условия.

— Почему же? — усмехнулась Эрика. — Сейчас я легко могу убить нашего самоназванного императора. И сама умру, конечно, но успею забрать с собой такую важную, венценосную особу. Как тебе такой расклад?

— Ты этого не сделаешь, — покачал головой Августо.

— Нет, если ты не будешь меня провоцировать. Но я уже поняла: по-хорошему ты со мной не хочешь. Тогда будет по-моему... Как поступит Сигурд, когда узнает твой секрет, милый Августо?

— О чем ты? — не подал виду Первый Гвардеец.

— О том, что ты такое. И о том, что ты лжешь ему долгие, долгие годы. Бедный мальчик, он только подозревает об этом, и понятия не имеет о размерах паутины, что ты сплел вокруг него.

— У тебя богатое воображение, — ответил Августо, поворачивая в ее сторону свою белую маску.

— Ты знал, что Каена осталась жива, и где находится ее убежище. Но не раскрывал ее секрет по одной простой причине: это раскрыло бы твой главный козырь, секрет твоего кажущегося бессмертия. Мы всегда поражались тому, как ты регенерируешь из мельчайших останков своего тела, и не могли понять, как твоя личность восстанавливается после уничтожения мозга. Но как же просто все оказалось: на самом деле...

— Хватит! — не выдержал Августо. — В этой комнате все записывается.

— Тебе будет несложно удалить наш диалог из архива, — улыбнулась Эрика. — Так вот, да, Каена всегда знала, что ты, только молчала. А я молчать не буду. Если только ты...

— Хорошо, ты получишь свой доступ к базам данных Империи, — сдался Первый Гвардеец. — Но если ты еще раз попробуешь продолжить этот разговор, с кем-угодно — я уничтожу тебя в ту же секунду.

— Договорились, — ответила Эрика и рассмеялась странным, полубезумным смехом. Августо отвернулся, а потом, помедлив, взял и снял свою маску.

Смех Черной Ведьмы оборвался, когда Первый Гвардеец повернулся к ней снова, с полностью открытым лицом. Оно было почти человеческим, овальным, с узким длинным носом, тонкими губами и округлым подбородком. Ненормальными были только цвета — угольно-черная кожа и полностью белые, матовые глаза, без зрачков.

— Значит, легенды не лгали, — произнесла Эрика после сиюминутного

замешательства. — Взгляд Неназываемого способен убивать. Теперь понятно, почему ты всегда скрывал свое лицо... Ты ведь знал, что на меня это не подействует, верно?

— Передо мной лишь кукла, а не твое настоящее тело, — ровно ответил Августо. — И ты нужна мне, как не прискорбно. Особенно теперь, когда Сигурд повздорил с Раббеном. Глупый мальчишка...

— Как ты собираешься сделать его сильнее? — с любопытством спросила Эрика. — Без своих имплантантов он станет совсем бесполезным. Его мистическая способность не раскрыта, связь с Забытым Богом слаба... Посредственность. Не могу понять, как он жив-то до сих пор. Три сотни лет постоянного везения?

— Он расчетлив, осторожен и харизматичен... был, по крайней мере, до недавнего времени. И удачлив. Несомненно удачлив. Я укажу ему путь к силе, которой еще не видел этот мир, и он станет богом во плоти. Если выдержит ее, конечно.

— Как интересно... О какой силе идет речь? Это что-то, связанное с Неназываемыми? Хочешь воскресить какого-нибудь монстра из прошлого?

— К сожалению, это невозможно, — ответил Августо. — Мой род утратил свое могущество тысячи лет назад. К этому же та сила была совершенно дикой и необузданной, и по своей природе разрушительной. А Императору не пристало уничтожать все на своем пути. Я приготовил нечто куда более понятное человеку — по крайней мере, есть шанс, что овладев этой силой, Сигурд не утратит рассудок.

— Так что же это? — начала терять терпение Эрика.

— Ты все увидишь в свое время... Если, конечно, справишься с заданием, которое я могу поручить только тебе.

— С каким еще заданием? — с подозрением спросила Черная Ведьма.

Августо помедлил с ответом, внимательно всматриваясь в искусственное лицо Каены, ставшей жертвой своей некогда лучшей подруги. Улыбнулся и сказал:

— Убийством Белгорро.

— Это невозможно, — ответила Эрика, искусственные мышцы ее лица лишь частично отразили изумление, вызванное абсурдностью заявления Августо. — Убить ярмира невозможно.

Первый Гвардеец долго изучал ее взглядом, но что толку рассматривать дистанционно управляемую куклу, созданную по подобию кукловода по имени Каена, а не Эрика? Проникнуть в ее мысли посредством наблюдения за мимикой и жестами — дело сложное, легко сделать неверный вывод, не зная точно, влияет ли Каена на сознание захватившей ее Черной Ведьмы.

— Возможно, — ответил наконец Августо. — Девятьсот лет назад Арктур Старвинд уничтожил ярмира с алмазным телом. Он испепелил его с помощью своей мистической способности.

— Я никогда не слышала об этом.

— Арктур никому не успел рассказать о своем триумфе, — оскалился Августо, и сжал пальцы с выпущенными когтями в кулак. — Он умер сразу после своей победы.

— С твоей помощью, я так понимаю? Как грустно. Значит, он смог уничтожить алмазного ярмира потому, что тело того могло сгореть без остатка, и регенерировать ему было не из чего. Но таких уязвимых ярмиров больше нет, и уж тем более к ним нельзя отнести Белгорро. Он несокрушим.

— Это не так.

— Допустим, — не прекращала сомневаться Эрика. — Но зачем? Чем тебе мешает Белгорро?

— Ярмиры пробуждаются. К тому времени, как будет завершен «Ринн», их станет так много, что нам придется тратить на борьбу с ними ресурсы, которые понадобятся для завершения «Прометея» и «Магеллана». И как итог, мы вообще не сможем их построить. Проблему можно решить, если в запасе у нас будут ресурсы Вердиоро.

— И Судо, — добавила Эрика.

Августо нахмурился.

— Ты никогда не сталкивалась с Ришари и не знаешь, на что она способна. Поверь, она куда страшнее Белгорро. В деле ее устранения нам придется положиться на Дженазу. Будем надеяться, он избавит этот мир от ее присутствия. Еще лучше, если они просто убьют друг друга.

— А у них есть для этого причины? — удивилась Черная Ведьма.

— Есть. О, этих причин хватает, нужно только разжечь сильнее пламя взаимной ненависти.

— А если не выйдет? Если они объединятся вопреки твоим коварным планам? — заинтересовалась Эрика.

— Этого не случится, — возразил Августо. — Не нужно меня недооценивать. А теперь оставь меня, я должен позаботиться о том, чтобы наш император стал хоть немного сильнее.

— Осторожнее, Августо, — синтетическая мимика Каены справилась с ядовитой улыбкой Эрики. — Может быть сейчас, когда Сигурд лишился своего нейропроцессора, ты и стал фактическим единоличным правителем Дакиэрро, но стоит тебе допустить хотя бы одну ошибку и раскрыть себя перед ним, как твоя песенка будет спета.

— Я забочусь о будущем народа Дакиэрро, — ответил ей Августо. — Ему будет не в чем упрекнуть меня.

Черная Ведьма позволила себе снисходительный смешок.

— Тогда почему ты до сих пор не рассказал ему правду? Наверное, потому, что твои истинные цели далеки от спасения человечества? Я не верю тебе, Августо, и знаю, что у него нет большего врага, чем ты. Но мне, собственно, все равно, чего ты на самом деле добиваешься. Не умею предсказывать будущее, но интуиция мне подсказывает, что совсем скоро ты сдохнешь. Удачи с Сигурдом, Уголек.

Когда операция завершилась и Сигурд пришел в сознание, Августо завершил последние приготовления, которые прошли втайне не только от случайных любопытных глаз, но и от систем слежения Бифроста. Избежать последних было куда проще, чем живых людей — в конце концов, полным контролем над инфосетью сейчас обладал только Первый Гвардеец. Некоторое неудобство ему принесла только Марлис Мисторг, сетевой администратор Бифроста, которая совсем не вовремя проявила интерес к одному из челноков, покинувшего орбитальный мост на несколько часов и вернувшегося, не пройдя стандартные процедуры безопасности. Но одного короткого сообщения Августо хватило, чтобы она тут же позабыла о космическом аппарате и вернулась к своим обязанностям.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он у Сигурда, который скованно и неуверенно проверял, все ли части тела на месте. Его опасения были напрасны — император лежал в

регенерирующем боксе, который не оставлял даже намека на послеоперационные шрамы.

— Отвратительно, — ответил тот и с некоторой неуверенностью покинул бокс, чтобы сделать несколько шагов на подрагивающих ногах. — Что это у тебя?

Августо поднял правую руку, сжимавшую тонкий черный цилиндр, вырезанный из обсидиана. Предмет был покрыт тонкой вязью символов древнего языка, и Сигурд должен был почувствовать исходящую от камня зловещую мощь. Когда глаза императора внезапно потемнели, Первый Гвардеец понял, что с ним сейчас говорит его Забытый Бог, Тхан-Озу-Бай, которой прекрасно знал, что Августо принес в этот зал. Первый Гвардеец не мог слышать их мысленный диалог, но он догадывался, в каком ключе он проходит.

— Тхан-Озу-Бай говорит, что эта вещь создана руками шик'чи'зо. Откуда она у тебя? Он сказал, что если г'ата узнают, что на нашей планете есть подобный артефакт, то повторится трагедия тысячелетней давности. Ты подвергаешь наш мир огромной опасности. А еще он сказал, что ты... Неназываемый?

Белая маска скрыла довольную ухмылку Августо, и он провел по ее твердым холодным губам своим черным когтем.

— Забытый наконец решил стать с тобой более откровенным? Не слишком ли поздно? Из-за его нежелания помочь тебе, поделиться с тобой всей своей силой, ты проиграл Дженази, едва не погиб и был лишь чудом спасен. Пусть он и говорит правду, поможет ли она тебе? Если ты веришь в это, то забудь о том пути к силе, по которому я собираюсь провести тебя, Отори Дзяко.

— Ты обещал больше никогда не называть меня так, — нахмурился Сигурд, продолжая прислушиваться к своему внутреннему собеседнику. — Тхан-Озу-Бай говорит, что если прямо сейчас я уничтожу тебя, то он раскроет мне все тайны Забытых богов и сделает меня сильнейшим из чародеев. Он утверждает, что ты — злейший враг всего человечества. Честно говоря, еще никогда Тхан не был так взволнован. Думаю, он говорит правду.

— Может быть, — не стал отрицать Августо. — Но ведь сейчас больше всего ты хочешь только одного — победы над Дженази, не так ли? Ты веришь в то, что обладая всей силой Забытого Бога, сможешь сразить его? Если да, то я здесь и сейчас уничтожу этот сосуд со всей скрытым в нем бесконечным могуществом. А если нет... Прерви связь со своим Забытым и откажись от его силы, потому что сейчас она для тебя бесполезна.

— И что же от меня останется? — горько усмехнулся Сигурд. — Без оружия, имплантов и магии... Ты хочешь, чтобы я стал совершенно беспомощным?

— Ты — император Дакиэрро, и останешься им независимо от того, слаб ты или силен. Но если ты хочешь быть сильным, то доверься мне.

— Скажи, что внутри, — ответил Сигурд, указывая на футляр. — Тогда я подумаю над тем, прерывать связь с Забытым или нет.

— Я не открываю его только потому, что опасаясь Тхан-Озу-Бая. Он может попытаться захватить твой разум и напасть на меня, чтобы уничтожить эту вещь.

И словно в ответ на его слова Сигурд схватился за голову и застонал от боли, падая на колени. Августо выругался на неведомом языке и схватил императора за плечо, быстро шепча ему на ухо:

— Откажись от своего Забытого, немедленно! Иначе он станет тобой, а когда это случится, твое тело не выдержит его присутствия в себе и погибнет — вместе с тобой. У тебя больше нет выбора!

Несколько минут ничего не происходило, и Августо отрастил длинные когти на

пальцах, чтобы в случае ментального поражения Сигурда просто убить его. Печальный исход, но необходимый, ведь если он этого не сделает, то Тхан-Озу-Бай уничтожит древнейшую реликвию шик'чи'зо...

И вот, наконец, император Дакиэрро встал с колен и выпрямился. Он был страшно бледен, испарина покрыла его лицо, но как бы внимательно Августо в него не всматривался, признаков чужеродного вмешательства в сознание Сигурда не обнаружил. Чародей справился со своим Забытым, хотя и дорогой ценой: больше никогда добровольно Тхан-Озу-Бай не ответит на его зов. Сигурд стал просто человеком. Беспомощным в мире мистических искусств.

— Скажи мне, что это того стоило, — прохрипел он, покачиваясь и хватаясь за черный балахон Августо — чтобы не потерять равновесие и не упасть.

— Стоило, — ответил Первый Гвардеец. — Просто выслушай эту историю. Многие эры назад в мире под названием Эйзоя жила пара белых волков — Гата и Таги. Они обладали разумом и мистической силой, и не прекращали расти на протяжении всей своей жизни. Когда они стали размером с дом, существо, которое принято называть Черным Искателем, убило Таги, и чтобы отомстить ему, Гата проглотил Сердце Мира Эйзоя и обрел божественную силу. Он заморозил родной мир и положил начало Волчьей Зиме — новой реальности с иными законами бытия. Она существует до сих пор, и обычному человеку не дано выжить на ее ледяных равнинах. А люди, которые жили в Эйзое в ту эру, очень хотели выжить. Но удалось это лишь двум племенам: Шу и Ашшу. Они жили по соседству с охотничьими угодьями Гата и Таги и издавна враждовали друг с другом. Шу были друзьями наших волков, а Ашшу, стало быть, врагами. И когда мир замерз, охотники Ашшу нашли мертвое тело Таги и срезали с него мясо, чтобы накормить своих жен, детей и родителей. Но знаешь, что стало со всеми, кто притронулся к этой плоти? Все они превратились в шик'чи'зо. Гата возненавидел их и приказал племени Шу уничтожить их всех, а чтобы им это удалось, подарил часть своей силы. Так появились г'ата. И с тех пор идет бесконечная, беспощадная война, из-за которой пострадал и наш мир.

— Шик'чи'зо победили и запечатали Забытых Богов, а г'ата изгнали шик'чи'зо из нашего мира, — произнес Сигурд, не отрывая взгляда от обсидианового цилиндра в руках Августо.

— Нельзя с уверенностью сказать, что г'ата сильнее шик'чи'зо, — ответил Первый Гвардеец. — Просто они эффективнее распоряжаются полученной силой, тогда как большая часть шик'чи'зо — безмозглые твари. Но те немногие, кто сохранил рассудок после того, как вкусил плоть Таги... Они стали подобны богам — совсем не таким беспомощным, как твой Тхан-Озу-Бай. Бесконечная сила и бессмертие... Любой из них стер бы Дженази в порошок — без особых усилий.

— Но их здесь нет, — ответил Сигурд, разжимая пальцы и выпрямляясь. — Если спустя столько лет кто-то из них вообще выжил.

— Они еще живы, — ответил Августо с уверенностью. — И один из них дал мне это с условием, что я найду достойного, сильного духом человека. И я нашел тебя. Ты ведь уже понял, что в этом футляре?

Первый Гвардеец медленно снял с цилиндра крышку и извлек содержимое — длинную и узкую полоску засушенного мяса, обретшего за долгие годы хранения прочность и твердость если не железа, то уж камня точно. На нем не было ни единого признака тлена и гниения.

— Плоть Таги. Последний из кусков, срезанных охотниками Ашшу. Съешь его — и

станешь шик'чи'зо. Бессмертным и непобедимым.

Сигурд с сомнением посмотрел на древнюю реликвию.

— Ты сказал, что все, кто съел это, превратились в шикчизо... Это ведь чудовища, верно? Ты хочешь превратить меня в монстра?

— Ты сможешь сохранить свой рассудок, а значит, трансформация не будет значительной, — быстро ответил Августо.

— Откуда такая уверенность? — спросил император, подозревая подвох.

— Если ты не веришь мне, я просто уничтожу это прямо сейчас, — и Первый Гвардеец извлек из складок балахона бластер, чтобы направить его на кусок плоти Таги.

— Стой! — Сигурд продолжал сомневаться, но просто не мог позволить себе упустить такой шанс превзойти Дженази. — погоди... Кто дал тебе это? Когда? На нашей планете есть шикчизо?

— Нет, — ответил Августо. — Иначе рано или поздно г'ата учуяли бы их запах. Дженази или Ришари... Нет, их нет под нашим небом. Я не могу открыть эту тайну никому, кроме другого шикчизо.

— Ты служишь им? — в гневе воскликнул Сигурд, сжимая кулаки. И вспоминая, что сейчас он практически беспомощен. Августо так долго служил ему, что в конце концов он все-таки потерял осторожность и оказался вот в таком уязвимом положении.

— Нет, — последовал убедительный ответ Первого Гвардейца. — Я служу нашему общему делу — спасению человечества.

Сигурд молча взял древнюю плоть из рук Августо. Глубокая искренность Первого слегка развеяла мрачные подозрения, и этого хватило, чтобы решиться на такой рискованный шаг.

— Если я съем это, то все г'ата будут охотиться за мной, верно? — произнес он с мрачной усмешкой, готовясь откусить первый кусок.

— Только если узнают о тебе, — ответил Августо. — А этого не произойдет, если ты будешь следовать мои советам.

— Хорошо, — усмехнулся Сигурд в последний раз — и его челюсти сжались, кусая окаменевшую плоть.

Сначала он нахмурился — по-видимому, мясо оказалось слишком твердым для его зубов.

— Слушай, ты уверен, что я смогу съесть его в таком виде? — спросил император, и тут же черты его лица исказились, обезображенные внезапным приступом звериного голода. Из горла вырвался дикий рык, когда он с остервенением рвал плоть Таги на части и судорожно глотал, не обращая внимания на те раны, которые получает в борьбе с окаменевшим мясом, которое не рвалось, а раскалывалось на мелкие острые куски. Зрелище было настолько ужасным, что Августо попятился — он, столько всего повидавший за невероятно долгую жизнь.

Проглотив последний кусок, Сигурд припал на четвереньки, и Гвардеец заметил первый признак трансформации — изменяющийся цвет глаз. Алые глаза наследника Первого Дома Отори приобрели глубокий насыщенный цвет, радужная оболочка и белок сливались в единое кровавое целое, и только зрачок остался черным, лихорадочно сужаясь и расширяясь. Потом стала чернеть кожа, начали выпадать зубы и отваливаться ногти — чтобы на их месте появились клыки и когти. С душераздирающим воем император Дакиэрро начал крошить ими прочный пол, пока Августо терпеливо высматривал остатки разума в его глазах.

— Что же, как и ожидалось, ты не сможешь совладать с этим безумием сразу, — произнес он, обращаясь к стремительно теряющему человеческий облик зверю. — Я совсем забыл упомянуть, что даже старейшие и сильнейшие из шикчизо не сразу вернули себе разум, вкусив плоть Таги. На это потребовалось время. Месяцы и даже годы... Но у нас нет столько времени. Поэтому придется рискнуть.

И Августо снова запустил руку в складки балахона, чтобы на этот раз извлечь длинный нож с обсидиановым лезвием. И резко, внезапно вонзил его в сердце Сигурда, всаживая каменный клинок по самую рукоять.

— Вот так... — прошептал Первый Гвардеец и поднял сразу обмякшего императора, чтобы отнести его к ближайшему ложу.

Ему пришлось ждать целый час, прежде чем Сигурд наконец открыл глаза. Трансформация в шикчизо остановилась, взгляд измененных глаз был осмысленным. И первое, на что они обратили свое внимание, была рукоять ножа, торчавшая из груди.

— Что это значит? — с трудом спросил Сигурд.

— Что ты оказался слабее, чем я рассчитывал, — уверенно солгал Августо. — Если не предпринять дополнительные меры, ты превратишься в безмозглого людоеда... Твой дух слаб, увы.

— Лжец! — пальцы императора сомкнулись на горле Первого Гвардейца, когти впились в черную плоть.

— Может быть, — удушающая хватка не смутила Августо. — В любом случае, не мог же я сказать раньше, что мне, возможно, придется пронзить твое сердце ритуальным оружием шикчизо для того, чтобы спасти твой разум... Ты ведь жив, верно, хотя оно не бьется — твое сердце.

— И ты предлагаешь мне теперь ходить с ним вот так все время? — прорычал Сигурд, отшвыривая прочь своего советника.

— Вовсе нет, это временная мера, — Августо сразу встал ноги, и только отряхнулся слегка, приводя балахон в порядок. — Конечно, пока нож в твоём теле, проклятие не сможет захватить твой разум, но и полную силу шикчизо таким образом не обрести. Но уже сейчас ты должен почувствовать, насколько сильным ты стал... Насколько могучим стало твоё тело.

— Я... чувствую, — ответил Сигурд сдержанно, прислушавшись к собственным ощущениям. — Но этого недостаточно. Для Дженази этого недостаточно!

— Да, — спокойно согласился Августо.

— Но ты сказал...

— Я помню, что говорил. А теперь говорю, что с помощью этого ножа вы откроете врата, за которыми находится Тхан-Озу-Бай, и сразитесь с ним, чтобы поглотить его силу и разум. Это защитит вас от безумия шикчизо и позволит использовать весь свой новоприобретенный потенциал.

Сигурд расхохотался.

— Ты предлагаешь мне убить Забытого Бога?

— Он находится в темнице, созданной шикчизо; в твоих руках оружие, созданное шикчизо; в твоём теле сила шикчизо. Убить его ты, конечно, не сможешь, а вот сожрать — да. Ты сделаешь его своей частью и сможешь безраздельно пользоваться силами Забытого. Словно снова станешь чародеем. Хотя на самом деле ты станешь богом.

— А если я не хочу идти на такой риск? — прямо спросил император.

— Эффект ножа не бесконечен. Через пару дней сила, сдерживающая безумие,

истощится, и ты станешь безмозглым чудовищем.

— Мерзавец... — Сигурд отказывался верить в то, что его так жестоко обманули. — Я прикончу тебя. Клянусь, я найду способ и...

— Для начала попробуй хотя бы сохранить свой рассудок, — ответил ему равнодушный Августо. — Будешь подвергать мою верность сомнению тогда, когда победишь Забытого.

Глава 64. Между Севером и Югом

Они провели в Креслане целую неделю. Целую неделю, тихую и мирную, без значимых событий и чрезвычайных происшествий. Неделю мира и покоя... С точки зрения двух бывших Гвардейцев, по крайней мере. Они-то точно наслаждались временем, проведенным на диком пляже неподалеку от города, скрытого от посторонних глаз обрывом и джунглями. А если кто из местных и забредал сюда в поисках уютного уголка для приятного времяпровождения, то сразу уже убирался подальше во избежание чего-нибудь эдакого — потому что Юрика, Ранмаро, Виктория и Просперо здесь совсем не отдыхали и не расслаблялись.

Дженази и Кенсэй гоняли их, словно щенят, заставляя отрабатывать навыки рукопашного боя и применения мистических искусств. И ученики, в отличие от учителей, не получали от процесса никакого удовольствия.

Пляж был разделен на две части. На большей половине Дженази требовал повторения собственных приемов, основанных на управлении водой, воздухом и электричеством, и здесь было в высшей степени шумно и беспокойно — миниатюрные смерчи с дикой скоростью закручивали песок, сверкали и трещали молнии, морские волны меняли форму и агрегатные состояния. На меньшей, на фоне миниатюрных природных катаклизмов, проходило обучение Юрики под присмотром деда.

— Что, выдохлась? — усмехнулся он, когда она в очередной раз промахнулась и неловко плюхнулась в песок.

— Еще... нет, — прошипела она, медленно поднимаясь на ноги и снова бросаясь на Кенсэя. Она должна была достать его в рукопашной, не призывая на помощь Ирису. Получалось... никак.

— Зачерпни энергию у Врат.

Юрика послушалась, закрыла глаза, представляя железные створки... и схлопотала ладонью прямо в лоб, отлетая от Кенсэя вверх тормашками.

— Глаза не закрывай! И не застывай на месте! Враг не будет ждать, пока ты концентрируешься и создаешь канал! Ты должна уметь черпать энергию из источника прямо во время боя.

— Легко сказать, — фыркнула девушка... и швырнула горсть песка ему в лицо. Он легко поймал его и укоризненно покачал головой. Юрике было все равно — секундную передышку она выиграла и частично восполнила запас мистической энергии, а вместе с ней и утерянные силу, скорость и выносливость.

— Многие бойцы использовали против нас подобные уловки, — вздохнул Кенсэй, высыпая песок из ладони. — Перечислить тех, кому они помогли остаться в живых?

— Ага.

Кенсэй задумался, вспоминая.

— Не было таких.

Юрика закатила глаза.

— Ты хочешь, чтобы я, шестнадцатилетняя девчонка, сражалась с Гвардейцем на равных?

— Почему бы и нет? — пожал плечами Кенсэй. — У тебя есть для этого сила и характер. Не хватает навыков в манипуляции мистической энергией и боевого опыта.

Знаешь, почему уловки, которые ты используешь для того, чтобы выиграть время и подзарядиться у Врат, не сработают против такого, как я?

— Нет, — ответила очевидное Юрика.

— Потому что я умею делать вот так, — и Кенсэй, набрав полную грудь воздуха, резко выдохнул и оглушительно хлопнул ладонями.

Девушка охнула: вся мистическая энергия, которую она успела зачерпнуть у Врат Сердца Мира, куда-то стремительно улетучилась. Стихийные бедствия на второй половине пляжа тоже прекратились — Ранмаро, Виктория и Просперо тоже разом лишились всей своей энергии, и сбитые с толку, смотрели на совершенно спокойного Дженази.

— Что-то не так? — невозмутимо поинтересовался он у своих подопечных — и свалил с ног всех троих разом резким порывом ветра.

Юрика задохнулась от возмущения: о таком нечестном приеме ей еще никто не рассказывал.

— Как?

— Это прием называют мистическим взрывом — пользователь сжимает собственную мистическую энергию в точку, потом позволяет ей вернуться в прежнее состояние. Происходит резкое расширение, словно при взрыве, и мистическую энергию окружающих сносит своеобразной ударной волной. Если жертва этого приема не умеет восстанавливать мистическую энергию мгновенно, то ей... Ну, сама понимаешь. Мы не церемонились.

Юрика нахмурилась, пнула босой ступней песок и осторожно спросила:

— И много таких, владеющих этим мистическим взрывом?

Кенсэй улыбнулся.

— Много.

— Врешь, — уверенно ответила она. — Ты не думай, что я совсем зеленая в этом деле — насмотрелась и на дядю, и на Валерию, и на бабушку. И на... — она хотела сказать «Нолу», но передумала. — ...себя из другой реальности. Никто подобных фокусов не выкидывал. Значит, это совсем не просто — мистическую энергию сжимать — да, деда?

— Ришари этот трюк проворачивает поразительно легко, — ответил Кенсэй.

— Значит, только ты, дядя и мама? — догадалась Юрика.

— На Внешних островах еще найдется несколько умельцев, — сдался он наконец. — Но... уровень не тот. Да, только мы трое способны использовать этот прием в качестве тяжелой артиллерии на поле боя.

— Но ведь это значит, что вы сильнейшие в Гвардии, не так ли?

Кенсэй отвел взгляд.

— На Белгорро и Глории — ярмирах — мистический взрыв не работает. Они его почти не замечают. Но и сами не способны его устроить. Дело в том, что они, в отличие от людей, не отрезаны от Сердца Мира Вратами, мистическая энергия проходит сквозь их тела непрерывным потоком, плотным и интенсивным. Контролировать его они могут только в рамках своей ограниченной природы — поджигать, замораживать, управлять землей и воздухом...

— Растениями, — закончила за него фразу Юрика.

— Да. В теории, конечно, возможно при помощи мистического взрыва нанести ущерб ярмиру, но это должен быть взрыв такой силы, который отразится на самом Сердце Мира. Вероятно, даже уничтожит его. Слишком высокая цена победы, не находишь?

— Что станет с нашим миром, если его Сердце будет уничтожено? — спокойно

спросила Юрика. Слишком равнодушно для того, чтобы не выдать свой повышенный интерес к теме.

— Я не знаю, — пожал плечами Кенсэй. — Апокалипсис?

— Нет, — ответил подошедший Дженази, заинтересованный их беседой. — Просто вся мистическая энергия исчезнет. Ярмиры погибнут. Уйдут Забытые Боги. Лишатся силы Неназываемые.

— Последнее не так уж и плохо, — заметил Кенсэй.

Подошли Просперо, Ранмаро и Виктория.

— Если мистическая энергия исчезнет из этого мира, — сухо продолжил г'ата, — то представители Первых и Великих Домов начнут умирать от старости. А обычные люди будут ограничены сроком жизни в восемьдесят-девяносто лет. Погибнут целые экосистемы — мистическую энергию используют не только люди, но и многие животные и растения — для выживания. Планета будет принадлежать человечеству, которое постепенно вытеснит или подомнет под себя все прочие формы жизни. А лишённое мистической энергии, оно будет совершенно незащищено перед вызовами бесконечной Вселенной.

— Какими вызовами? — спросила Виктория.

— Кометы, вспышки сверхновых, — усталоначал перечислять Дженази, — супервулканы и ледниковые периоды. Смертоносные вирусы. Пришельцы из иных миров, которые обладают сверхъестественными способностями благодаря существованию мистических источников за пределами этой планеты — как я, например. Просто представьте, что мистическая энергия исчезла, а я остался — кто меня остановит? Я же смогу делать все, что захочу, ведь мои способности г'ата не связаны с Сердцем Мира Тейзои.

— Тебя и так никто не остановит... — проворчала Юрика чуть слышно.

Дженази ее проигнорировал.

— И к чему я веду: если кое-кто из нас, — он смотрел на племянницу, — подумал о том, что вопрос гипотетической угрозы ярмиров или Неназываемых можно решить с помощью уничтожения Сердца Мира — то нет, после этого станет только хуже. Хотя бы потому, что мистический коллапс такого масштаба привлечет в Тейзою самые кошмарные сущности Мультивселенной. Тех, с кем лично я не готов столкнуться.

— Вы говорите так, словно Сердце Мира можно уничтожить силами одного человека, синьор Дженази, — неловко улыбнулся Просперо.

Дженази промолчал.

— И с кем же ты не готов столкнуться? — спросил Кенсэй с интересом.

Г'ата посмотрел на него, странно — словно видел бывшего учителя впервые. И взгляд его на несколько секунд стал отсутствующим. Чужим. Юрике он не понравился, и она отвернулась, надеясь изгнать из памяти такой образ дяди — пугающий и тягостный.

— Я расскажу вам одну историю, — произнес наконец Дженази, — из моего не такого и далекого прошлого. Это произошло лет двадцать назад — лет моих скитаний по иным мирам.

Он сел на песок, и остальные разместились напротив полукольцом, готовые внимательно слушать — о других мирах г'ата рассказывал впервые.

— Тогда я искал... один мир, в котором магия и мистические способности были настолько слабы, что ни один здравомыслящий человек не стал бы в них верить. Мир, в котором чудеса были достоянием одних только человеческих фантазий и домыслов. Сказками. Таких, собственно, хватает, но мне нужен был такой, в котором прервалась бы

даже моя связь с Волчьей Зимой, и я стал бы самым обычным человеком. То есть смог бы попасть в него — и лишиться возможности покинуть его своими обычными способами.

— Зачем? — удивился Ранмаро.

— Чтобы суметь выбраться из него. Приблизиться к секрету Бесконечных, которым открыты все миры и измерения. Но как выяснилось, я был неспособен попасть в место, отрезанное от гиперпространственных рек-измерений... Но речь не об этом. Во время поисков меня занесло на планету, Сердце Мира которой было чрезвычайно слабым, и тамошних магов и чародеев можно было пересчитать по пальцам. Они были слабыми и потому жаждали силы — больше силы, больше знаний, больше власти. И искали ее, пытались связаться с другими измерениями — как высших, так и низших порядков. Получалось у них не ахти... до одного определенного момента. Один чародей отыскал лазейку в Казематы Безликих и выпустил одно из запертых там существ.

— Что такое Каземат Безликих и кто они, собственно, такие? — спросила Юрика.

— Каземат, — начал объяснять Дженези, — измерение-тюрьма для существ, которым даже Бесконечные отказывают в праве на существование. То есть, они настолько чужды нашей Вселенной, что просто не могут быть — но они есть. У них нет формы, их невозможно определить или измерить, только ощутить присутствие — и тут же потерять себя. Потому что они заражают собой душу, сливаются с чужим разумом и начинают действовать без цели и смысла — только ради движения как такового. Представьте себе человека, который пытается двигаться во все стороны сразу: руки и ноги, пальцы тянутся в разные стороны, разрывая связки и ломая суставы, с хрустом сворачиваются тело и позвоночник, разрывается челюсть, выкатываются глаза... А теперь представьте, что этот человек не один, — его голос дрогнул, — таких на улицах сотни, тысячи. Миллионы. И вместе с людьми, — Дженези запнулся, устремив невидящий взгляд в пустоту, — сами себя убивают звери и птицы, ломает и корежит растения, сходит с ума погода. А ты не в силах этому помешать — потому что просто не знаешь, как.

Никто из слушателей не решился комментировать этот рассказ, и после небольшой паузы он продолжил:

— Когда Безликий коснулся меня — я не смог определить момент его вторжения в мою душу; он был повсюду, везде и сразу — логические цепочки разума распались, сознание смешалось и рассыпалось на элементарные составляющие; я был — и не был одновременно. Осталось только мое тело, — голос Дженези поник, — калечащее и разрывающее себя на части.

— А еще, — мрак, поселившийся в его глазах, рассеял лучик света, а речь стала быстрее, торопливее, — та крупица личности, ее зерно, которое существует вне пространства и времени — бессмертное «Я», которое нельзя осознать и постигнуть. То, благодаря чему мы способны изменять мир вокруг себя не только с помощью простых механических манипуляций, но и с помощью чуда — магии, чародейства, колдовства, мистических способностей. Эта крупица не подчинилась Безликому, и я вернул себе тело, — Дженези выдохнул и продолжил чуть медленнее:

— Благодаря энергии Волчьей Зимы и слабой мистической энергии Сердца Мира той несчастной планеты. И когда я сделал это, Безликий больше не мог ко мне подступиться. Я победил его внутри себя... Но он по-прежнему оставался повсюду. Тогда я начал исцелять от него всех, до кого только мог дотянуться. По одному — слишком сложно было вырывать его из чужого сознания и защищать разум от повторного вторжения. На каждого человека

уходила минута и больше... Я сражался с ним... Я не помню. Не помню, сколько времени это продолжалось.

Он снова сделал небольшую паузу. Смотрел на свои руки. Сжимал и разжимал кулаки, а потом повернул ладони вверх и сплел пальцы между собой.

— Остановился я только тогда, когда больше некого было спасти. Когда все остальные истекли кровью и размозжили себе головы. Когда на целой планете остался только я — и жалкая кучка выживших. А Безликий... Он исчез. Просто исчез. Я пытался напасть на его след и словно безумный прыгал из измерения в измерение, проверил тысячи сопряженных миров — и ничего. Может быть, Бесконечные вернули его в Казематы. А может быть, он просто затаился где-нибудь вне пространства и времени. Или прямо сейчас сводит с ума еще один незащищенный мир, — горечь, с которой Дженази произнес последнюю фразу, можно было ощутить на вкус.

— О Тейзое можете не беспокоиться, — почти беззаботно добавил он, чтобы только развеять созданную им мрачную атмосферу, — ее Сердце сильно. И людей, способных сразиться с Безликим — достаточно. По-крайней мере, до тех пор, пока кто-нибудь не решит решить проблему ярмиров радикальным способом.

Юрика не сразу поняла, что рассказ дяди подошел к концу, и все смотрят на нее.

— Что? — спросила она удивленно, находясь в плену жестокой картины, нарисованной историей г'ата.

— Сердце Мира трогать нельзя, — вкрадчиво, мягко произнес Дженази, дав на нее взглядом своих глубоких фиолетовых глаз.

— Чревато... — пробормотал Ранмаро.

— Ужасно... — прошептала Виктория, более других впечатленная мрачным рассказом.

Просперо был просто бледен, как мел. Кенсэй задумчиво почесывал висок.

— Хорошо, — выдохнула она, раздраженновытряхивая песок из коротких волос, который заметила только сейчас. — Когда какая-нибудь родная нашему миру жуть попытается устроить апокалипсис, а я наберусь достаточно сил для того, чтобы щелчком пальцем уничтожить наше Сердце Мира — обещаю, я не буду этого делать. Довольны?

Пристальное внимание рядом сидящих мгновенно рассредоточилось по разным объектам окружающего пейзажа.

Дженази вздохнул.

— Проблема молодежи в том, что она вечно ищет простые и прямые пути решения сложных проблем. А так не бывает. Потому что нельзя исправить недостатки нашего мира, не исправив предварительно самих себя. И вообще — тебя должна волновать другая проблема: Ришари. Твоя мать. Ты не готова к встрече с ней — до тех пор, пока не сможешь управлять мистической энергией, словно воздухом в своих легких. Ран, Рия, — он повернулся к Лэйт, — вас это тоже касается. Хватит прохлаждаться. Если вы не удивите меня до захода солнца — останетесь без ужина!

21:30, 29 июля 1014 года. Федерация Верди́ро, республика Нау, Креслан.

На ужин Дженази выловил глубоководного краба с панцирем метровой ширины и огромными клешнями, способными запросто откусить руку или ногу. Это была не первая диковинка, поднятая г'ата со дна моря, всю неделю отряд питался деликатесами разной степени редкости — рыбой, водорослями, моллюсками и ракообразными самых необычных форм, расцветок и вкуса. Готовил Кенсэй — как обладающий наибольшим кулинарным опытом работы с морепродуктами, но и он разводил руками, когда бывший ученик приносил ему особенно странные экземпляры — полностью прозрачного осьминога, закованную в хитиновый панцирь змееобразную рыбку или мясистые розовые водоросли. Опасения молодежи по поводу токсичности добычи были беспочвенными — Дженази, по его собственным словам, определял съедобность живых существ на глаз и никогда не ошибался. Кенсэй подтверждал это многозначительным кивком.

Прозрачный осьминог оказался безвкусным и крепче резины — дед Юрики так и не понял, как его нужно варить. А вот вкус розовых водорослей они запомнили надолго.

Краб был слишком велик, чтобы поместиться в котел, но щелкнув по его панцирю пальцем, Кенсэй только усмехнулся и повесил его прямо над огнем. Ракообразный сварился в собственном хитине.

— На какой глубине водятся такие чудовища? — задал вопрос Просперо перед тем, как прикоснуться к своей части сочного белого мяса. Запах, впрочем, никого не впечатлил — особенность способа приготовления не позволяла использовать приправы.

— Чуть больше километра, — ответил Дженази, с громким треском разламывая одну из клешней. — Глубже есть особи покрупнее, но нам и такого малыша хватит.

— Хитин у него прочный.

— Да, его так просто не возьмешь, — подтвердил г'ата. — Но я видел на дне много панцирей с дырами, проделанными кислотой. Похоже, какая-то дрянь цепляется к такому крабу, прожигает хитин и съедает его изнутри. Точно не скажу — на такой глубине и в той тьме всего не рассмотришь. А если зажечь свет, к тебе слетится вся живность в радиусе пары сотен метров. Там, на глубине, они крайне чувствительны к свету.

— Тебя не было всего полчаса, — заметила Виктория. — Здорово ныряешь.

Ей комментарий пропустили мимо ушей все — не только Дженази. Юрика, Ранмаро и Проперо воспринимали его рекордные заплывы и погружения как данность, а вот дочь Валерии, как пользователь гидрокинеза, хотела узнать, каким образом их общая способность может позволить обойтись без подводной лодки. Попыталась сама проверить на практике три дня назад, но проиграла чудовищному давлению воды и едва не задохнулась, всплывая на поверхность. От декомпрессии ее спас дядя.

— Это правда, что на дне океана есть целая подводная цивилизация нелюдей? — Девушка решила подойти к проблеме с другой стороны.

— Когда-то они были людьми, — ответил Дженази, и после этого их диалог сразу же оказался в центре внимания.

— Когда-то — это когда? — решила уточнить Юрика.

— Достаточно, чтобы с тех пор они стали скорее рыбами, чем млекопитающими. Глубоководными рыбами — они не способны подняться даже на глубину, на которой я поймал этого краба. Живут в городах на самом дне и застряли в каменном веке. Настоящие дикари — тычут гарпунами во все, что не укладывается в их образ жизни.

— Неприятный личный опыт? — спросил Кенсэй. — Когда это ты успел с ними познакомиться?

— Когда искал подводные базы Небесных Городов, — ответил Дженази. — Но нашел только руины... и рыб с руками и мозгами, сплюснутыми огромным давлением. Еще пара тысяч лет — и они забудут, как обрабатывать камень.

— На Внешнем Архипелаге есть племена разумных жаб, тритонов и саламандр, — произнес Кенсэй. — Миротлюбивые ребята, и ремесленники из них неплохие. Говорят, они тоже когда-то были людьми. Как и зверюлюди Судо. Но получеловеческие расы возникли очень давно, никто точно не знает, как и почему. Есть только легенды и предания.

— Дзаа-Тхон-Кгар говорит, что к их появлению приложили руку его собратья, — ответил Просперо, тем самым обратив на себя все внимание.

— Забытый отвечает на вопросы, которые не касаются проблемы выживания его чародея? — не поверил Кенсэй, чем заслужил любопытные взгляды всех не-чародеев. Все они, даже Дженази, были не в курсе нюансов, от которых зависела эффективность чародеев Тейзои, а вот деда Юрики данный факт поразил даже больше, чем информация об этногенезе получеловеческих рас планеты.

— Э-э... да, — неуверенно ответил инспектор. — Но я у него не спрашивал, просто он сейчас слышит наш разговор... Он слышит и видит то же, что и я, и часто делится со мной своими комментариями.

Кенсэй промолчал. Молчание его было окрашено в угрюмые тона.

— То есть он наблюдает за тобой все время? — уточнила Юрика. — Даже когда ты... ну... это... спишь? — За смущенными «ну» и «это» она, по всей видимости, подразумевала справление естественных потребностей. Ее поняли правильно.

Просперо покраснел.

— У него свои понятия об этике и морали, — пробормотал он, отведя взгляд. — Но если не обращать на это внимание, он может рассказать много интересного. Правда, его иногда трудно понять — он не всегда объясняет, что именно имеет в виду. Например, я никак не могу взять в толк, почему он зовет людей не по именам, а странным прозвищам, которые у него иногда повторяются. Например, синьор Акаяма у него — Золотой Феникс, Ранмаро — Рыцарь Света, я — Убийца Гигантов. Синьора Дженази и Викторию он зовет одним именем — Кирин.

— Это названия созвездий, — сказала Юрика и посмотрела на ночное небо, густо усеянное звездами.

— А ведь и правда, — ответил Просперо, смущенно почесав в затылке. — И как я сразу не понял...

— А меня? Как он меня называет? — спросила девушка нетерпеливо.

Просперо помедлил с ответом.

— Тебя он называет Красной Рысью.

— Рыцарь Света — это еще и название редкой мистической способности Дома Лэйт, — объяснил Дженази, опустив момент с прозвищем Юрики, данным ей Забытым. — Я и Виктория Кирины, видимо, потому, что у нас похожая мистическая способность управлять водой. Кенсэй — Феникс.

Акаяма Хоодо кивнул и добавил:

— Созвездия были названы не просто так. Род Акаяма сохранил предание о том, как во времена до прибытия Забытых люди сражались с Неназываемыми на равных. Именами

величайших из них и назвали звезды. А еще там есть намек на то, что те герои... были не совсем людьми. Самым верным толкованием перевода имени их рода на наш язык будет слово Изначальные. И там сказано, что они вышли из Башни Света — места, руины которого, возможно, следует искать на одном из полюсов нашей планеты. Подо льдом.

— Башней Света называют одно из высших измерений, в которое нет хода обитателям трехмерного пространства, — добавил Дженази. — Я слышал о нем... Разное. Например, что жизнь во всех мирах — лишь проекция или отражение того, что происходит там. И что все разумные существа — тени обитателей Башни Света. Об этом мне рассказал один из Мистических Архитекторов — ученых, изучающих устройство Вселенной. Но я бы не стал принимать все его слова на веру — всезнающие и всеведущие не попадают в ситуации, из которых их может вытащить только боец вроде меня.

Юрика хлопнула ладошкой по песку.

— Отлично! В сторону метафизику, сегодня дядя Дженази расскажет, как спас этих... Мистических Геометров?

— Архитекторов. Я всего-лишь избавил их Академию от мелкого вредителя, который умел прятаться в тенях, зеркалах и вероятностях. Тварь питалась кровью, поэтому мне нужно было просто подставить шею, а потом убить то, во что она превратилась, в Волчьей Зиме.

В наступившей тишине Дженази понял, что его никто не понял, и начал рассказ с самого начала, в котором подробно описал зловредного демона из Бездны, годами терроризировавшего Академию Архитекторов, особенности Волчьей Зимы и крови г'ата. Рассказ растянулся почти до глубокой ночи, а за пару часов до рассвета он сообщил, что после восхода солнца они наконец отправятся в Судо. Южный материк ждал их, и Дженази считал, что они готовы. По крайней мере, он считал, что более готовыми ребята не станут, даже если он и Кенсэй потратят еще неделю на их тренировку. На этом пляже. Побережье Креслана было слишком тихим и уютным для того, чтобы воспитывать воинов, способных выйти против Гвардейцев.

Способных выстоять против Ришари.

Юрика за неделю стала еще выше, заметно обогнав Просперо, и намного — намного сильнее, чем в их первую встречу. Но он знал, что этого все равно недостаточно. И речь шла не только о физической силе. Для встречи ребенка с бросившей его матерью нужны вовсе не крепкие мышцы и правильно поставленный удар. Совсем не нужны.

Кенсэй оставался в Вердиросе. Дженази пообещал ему, что совсем скоро они вернутся.

Глава 65. Непокорная Стая

10:00, 30 июля 1014 года. Союз Свободных Республик Судо, республика Векилах, Судзо.

Сквозь портал, созданный дедом, Юрика прошла последней. Повернулась и посмотрела на него сквозь кольцо из золотого пламени, соединявшего пространство и время двух частей света. Встретилась с ним взглядом. Плечи Кенсэя были опущены, всегда гордо поднятая голова поникла, а на лице проступили морщины — словно как только пришел час расставания, он разом постарел на двадцать лет — время обрело власть над бессмертным. И повинувшись внезапному порыву, девушка прыгнула обратно, заключив Акаямю в объятия.

— Все будет хорошо, — произнесла она, крепко прижимаясь к деду и вдыхая запах насквозь просоленной морем рубашки.

— Это мои слова, — ответил он, целуя ее в макушку.

— Ты должен помириться с бабушкой, — требовательно заявила она.

— Это будет... затруднительно.

— Уверена, ты справишься.

Кенсэй усмехнулся.

— Когда вернетесь, я отведу тебя к Красной Горе — родине клана Акаяма. Познакомлю тебя с твоим прадедушкой и остальной родней.

— Будет здорово, — ответила она, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. Она смахнула их тайком и отстранилась.

— Все, мне пора. Пора увидеть дом, в котором я родилась.

Кенсэй ответил на это смущенным покашливанием.

— Кхм, по поводу этого... Я открыл портал в другое место. Наверное, Дженази уже понял, но так надо. Он должен познакомиться с одним человеком прежде, чем встретится с Ришари. Все, беги, я вижу, как он хочет задать мне свой вопрос.

Юрика, ничего не понимая, снова прошла сквозь портал в Судо, и действие заклятия сразу прервалось — как раз перед носом ее возмущенного дяди.

— Что за шутки? — проворчал он в пустоту. — Это республика Векилах. Чтобы попасть в мое старое поместье, нам придется проехать еще половину континента.

Юрика осмотрелась по сторонам. Они находились посреди старого заброшенного парка, напротив высокой статуи всадника с обнаженным мечом в руке. Квадратная площадка вокруг монумента была окружена высокой стеной акаций, между которыми были лишь слабые просветы, самым широким из которых была узкая, заросшая травой аллея.

— А как ты узнал, что это именно Векилах?

Дженази указал на постамент статуи и девушка заметила широкую медную табличку, позеленевшую от времени.

— Надпись на векилахском. Мы на севере Судо. Вокруг этого парка — большой город, больше миллиона человек.

— Как... А, точно, у тебя хороший слух, — кивнула Юрика. — Дед сказал, что где-то здесь есть человек, с которым ты должен познакомиться перед тем, как встретиться с мамой.

— Не слышу никого знакомого, — мрачно ответил Дженази.

— Логично. Ты же его еще не знаешь.

— Похоже, синьор Кенсэй был уверен, что этот человек сам найдет нас, —

предположил Просперо, вдыхая полной грудью незнакомый воздух южного материка. Здесь было еще жарче, чем в Креслане, солнце стояло практически в зените.

— Тогда я ему в этом помогу, — ответил г'ата. — А точнее, вы. Юрика, Ранмаро, отправляйтесь на юг — там находятся районы трущоб. Привлеките к себе внимание. Это будет легко — в вас сразу узнают жителей Вердирос. Когда поймете, что вами интересуются агенты «Стаи», ты сообщишь им, кто твоя мать.

— И потребую, чтобы меня отвели к их главному в городе? — предложила Юрика.

— Нет. Ты прикажешь ему появиться сию же секунду. Покажешь им, что в городе появилась настоящая хозяйка.

— А если у меня не получится? — насупилась девушка. — Большие дяди не любят, когда ими командуют девочки.

— Здесь нет никого, кто был бы больше Хастура. Справишься.

— А что потом?

Дженази только улыбнулся и повернулся к инспектору.

— Просперо, ты с Викторией отправишься на север, в центр города. Будете искать там людей, которые тщательно скрывают свои мистические способности. Твой Забытый ведь сможет определить таких, верно?

— Это будет не просто, — ответил Эспозито. — Судя по вашим словам, город большой.

— У вас есть время до заката. И постарайтесь не привлекать к себе внимания. Если Юрика все сделает правильно, «Стая» соберется в трущобах, а с городскими властями вы и сами справитесь, если что-то пойдет не так.

— Зачем нам затаившиеся адепты мистических искусств? — спросила Виктория.

— Среди них могут оказаться агенты «Молота» или «Рассвета», — догадался Просперо.

— Да, — подтвердил Дженази. — «Молот» вы привлечете к сотрудничеству, а «Рассвет» оставите в покое. Они нам пока не нужны.

— А что будешь делать ты? — спросила у него Юрика.

— Загляну в администрацию. Познакомлюсь с мэром. Узнаю у него, что да как.

— А почему я не могу ему сказать, кто моя мама? — с подозрением спросила Юрика. — Разве это не проще, чем идти не пойми куда и искать не пойми кого? У Просперо задание более-менее логичное — шпионов искать, а у меня что? Просто пойти и нарваться на неприятности?

— Да, правильно, — подтвердил Дженази. — До захода солнца ты и Ранмаро должны взять трущобы этого города под свой контроль.

Юрика была откровенно возмущена планом дяди, а особенно тем, что ей досталась самая трудная его часть. Дженази просто заглянет к мэру на чашечку кофе, Просперо и Виктория будут приятно проводить время в самой презентабельной части города, а ей — и Ранмаро, конечно, но он не выглядел хоть сколько бы огорченный предстоящим заданием — захватить ту его часть, в которой жизнь отдельно взятого человека не стоит ровным счетом ничего.

А еще Юрику удручали размеры этого города. Она всю жизнь провела в Ховине, население которого не превышало двухсот тысяч человек, и как оказалось, это был самый большой город из всех, которые она видела. Фламби, Эдельбрасс, Креслан уступали ему в

размерах, хотя и были гораздо старше и оригинальнее в плане застройки и архитектуры, а руины мегаполисов из воспоминаний Дана и Нолы в счет не шли. Этот, пока безымянный для нее город Южного материка, тоже был мегаполисом. Живым мегаполисом.

Выйдя из парка, она и Ранмаро оказались на шумных улицах, забитых людьми и транспортом. Разномастной толпой людей всех цветов кожи и совершенно незнакомых ей культур — это она определила по головным уборам, среди которых были соломенные шляпы всех форм и размеров, платки и банданы, кепки и береты, а также странные конструкции из бумаги, картона, ткани — и даже травы и листьев. Были даже парики — Юрика надеялась, что объемные бесформенные разноцветные нагромождения волос с вплетенными в них узелками бечевки и высушенными насекомыми, которые носили высокие, под два метра ростом, чернокожие люди с длинными носами и тонкими, как спички, руками и ногами, были и в самом деле париками.

— Смотри, какие странные цвенги, — Юрика слышала, что чернокожее население планеты отличается племенным разнообразием, но таких, так не похожих на нормальных людей, встретить не ожидала. В Ховине она видела цвенга лишь однажды, и тогда она только отметила широкие толстые губы, небольшой приплюснутый нос и редкие курчавые волосы — прежде, чем вытащить у него из кармана кошелек. Потом долго хвасталась, что обчистила цвенга, пока ее кто-то не сдал жандармам. Она подозревала Сару — девчонка не умела скрывать свою зависть, которую испытывала при виде криминальных успехов Юрики. Но случая выяснить, так ли это, не представилось, а теперь она и вовсе... Ичиро убил ее вместе с остальными.

— Ты лучше на того посмотри, — Ранмаро кивнул в сторону настоящего гиганта с необычной синей кожей и розовыми волосами. Великан был завернут в длинный зеленый кусок ткани с белым растительным орнаментом, и возвышался не только над толпой, но даже над длинноносыми цвенгами, превосходя их в росте на целых две головы.

— О синекожих я не слышала, — с удивлением ответила Юрика. — Может быть, это краска? Давай спросим!

— В другой раз. У нас задание, помнишь?

— Помню, — насупилась девушка. — Завоевать трущобы. Это еще не они, я так понимаю, — она кивнула на высокие белые здания по обе стороны улицы, и едва успела выпрыгнуть из-под колес велосипеда, обладатель которого решил резко свернуть на тротуар, чтобы не рисковать протискиваться между двухэтажным автобусом с открытой крышей и пузатым автомобилем с огромными круглыми фарами.

— Смотри, куда прешь! — крикнула она лихачу, чем обратила на себя внимание ближайших соседей по пешеходной части улицы. Они с удивлением смотрели на нее, невысокая смуглокожая женщина неуверенно улыбнулась и что-то спросила на непонятном языке.

Юрика выругалась сквозь зубы, схватила брата за руку и потащила прочь, надвигая на нос широкие поля своей соломенной шляпы.

«Судо и Вердиरो сейчас не дружат, — напомнила она себе. — Как два соседа, сочувствующих разным политическим партиям. Один «правый», другой — «левый»...»

А потом высокие белые здания кончились, уступив место унылой застройке из грязно-серого кирпича и грязно-коричневых панелей. Улица стала почти вдвое уже, а живой поток на ней — реже. Его покинули люди в дорогих или просто приличных костюмах, как и новенькие, сверкающие отполированными поверхностями автомобили. Витрины заведений

частных предпринимателей, задорно зазывающих посетителей в кварталах, оставшихся позади, сменились чем-то убогим и совершенно непрезентабельным. Под ногами валялся мусор, ветер сообщал, что в этом районе имеются проблемы с канализацией.

— Пришли? — неуверенно спросила она у Ранмаро.

— Пришли, — подтвердил он.

— Хорошо, — вздохнула Юрика и твердым шагом направилась к ближайшему подозрительному типу, который со скучающим видом подпирал стену неказистого пятиэтажного здания с темными провалами на месте чердачных окон.

— День добрый, — нахмурившись, обратилась она к оборванцу. — Мы тут заблудились немного... Не подскажешь, как этот город называется?

Оборванец смерил ее любопытным взглядом, отлип от стены и произнес что-то на своем языке.

— Ран, нам нужен переводчик, — заявила Юрика, столкнувшись с проблемой языкового барьера вплотную.

— Он сказал «я не понимаю тебя, крошка», — ответил Ранмаро, а потом что-то спросил у парня на том же языке.

Оборванец посмотрел на него так, словно у брата Юрики были не все дома, а потом процедил что-то сквозь зубы и сплюнул ему под ноги, едва не попав на новые ботинки.

— Он предложил нам найти другой объект для шуток, — перевел невозмутимый Ранмаро. И так, как бы невзначай, опустил руку на рукоять меча.

Юрика навскидку оценила прочность костей хама.

— Ты знаешь язык Судо?

— Я знаю четыре языка, — ответил ей брат. — Язык Небесных Городов и общие наречия гемини Верди́ро, Судо и Дакиэ́рро.

— А в Креслане ты с местными жестами объяснялся...

— Их язык сильно отличается от верди. Я же не могу знать все местные языки и диалекты Федерации.

— Ну допустим... — произнесла Юрика и впечатала свой кулак в солнечное сплетение оборванца. Бедняга всхлипнул и сложился пополам.

— Зачем ты так? — покачал головой Ранмаро.

— В следующий раз будет вежливее с туристами. Как думаешь, вон те доброжелательные местные ответят на мой вопрос?

Ранмаро посмотрел в указанную сторону и увидел целую толпу парней и девушек, которые занимались ничем не деланием в тени навеса рядом с пивной ровно до того момента, пока Юрика не применила грубую силу, и теперь, жутко злые, спешили на помощь к пострадавшему.

— Не думаю... Дядя велел нам пошуметь?

— Да, — подтвердила Юрика.

— Хорошо, — улыбнулся Ранмаро — и направил в сторону нападавших тугую волну сжатого воздуха. Половину толпы смело, остальные кое-как удержались на ногах, цепляясь друг за друга.

— Откуда столько бездельников на улице ясным днем, да еще в такую жару? — спросила Юрика у пространства, но Ранмаро решил, что вопрос был адресован ему.

— Наверное, их так много потому, что сегодня какой-нибудь праздник?

— Что, правда? Значит, это не обязательно местная шпана, и зря мы их так...

Нормальные ребята отдыхают, а тут мы... — запоздало покаялась девушка. — А, нет, точно нет. Ты только посмотри на эти лица урков и наркоманов. У нас в Федерации такие из нор только ночью выбираются, а здесь они прямо посреди улицы готовы случайного прохожего до трусов раздеть. В Векилах тяжелый экономический кризис?

— Я слышал, что в республиках Судо сильное социальное расслоение. Богачи живут по соседству с нищими, и все такое. Но это скорее особенность менталитета южных народов, чем слабые стороны политики мамы.

— Каким образом менталитет может влиять на разрыв между богатыми и бедными? — удивилась Юрика.

— Некоторые народы любят поспать больше, чем другие, — с улыбкой ответил Ранмаро.

— Ты, случайно, не расист?

— Мне это тетя сказала.

— А, Валерия... С нее станется.

Тем временем толпа мстителей стремительно редела и расплзлась по ближайшим укрытиям с попеременной скоростью — спотыкаясь и падая. Желающих связаться с обладателем мистической способности не было. Юрика настигла самого отстающего, удирающего ползком, схватила его за воротник и рывком поставила на ноги.

— Ран, перевод: «Нам нужна «Стая»».

— Ты же хотела узнать, как город называется...

— Ран!

Ранмаро перевел.

Парень, которому на вид было чуть больше двадцати, удивительно светлокожий для местного уроженца, побледнел еще сильнее и что-то пролепетал в ответ.

— Дай угадаю, — сказала Юрика, — он сказал, что понятия не имеет, о чем ты говоришь.

— Вроде того.

— Тогда идем дальше. Нужно зайти глубже в эту помойку, рыбешка покрупнее должна прятаться дальше.

Внезапно за их спиной раздался вой полицейской сирены. Черно-белый автомобиль с красной мигалкой на крыше выскочил из-за угла и с пронзительным визгом стирающей об асфальт резины затормозил в каком-то метре от удивленной таким поворотом событий Юрики. Из салона выскочили двое в черной форме, выхватили из кобуры револьверы, и укрывшись за раскрытыми дверями машины, взяли брата и сестру на прицел, выкрикивая стандартные в такой ситуации требования.

Девушка от души пнула капот полицейского автомобиля, и он откатился назад, сбив стражей порядка с ног все теми же, распахнутыми словно крылья дверями.

— Валим! — крикнула она и сорвалась с места, увлекая за собой Ранмаро.

Через пару минут бегства они углубились в трущобы достаточно для того, чтобы ощутить себя заблудившимися. Местные обитатели провожали их удивленными взглядами, пару раз свистнули вдогонку. И только когда у них на дороге оказал огромный мужчина со звериными чертами лица, они остановились — он выглядел так, словно ему было что им сказать.

— Что забыли ребятишки-вердирцы в моем городе? — прорычал он на понятном Юрике языке.

Девушка внимательно изучила внешний вид зверочеловека и пришла к выводу, что он отличается от подручных Ичиро, которые сопровождали ее брата в Фламби. Те двое были рыжими, стройными и мускулистыми, а этот являлся обладателем густой лохматой шерсти бурого цвета на голове, щеках и руках, и объемного, просто огромного брюха, вывалившегося поверх широкого ремня.

— Ты из «Стаи»? — в лоб спросила она, размышляя, сможет ли пробить такой внушительный слой жира без поддержки со стороны Ириссы.

— А кто интересуется? — с усмешкой спросил зверочеловек. — Очевидно, что не «Молот» — если только вы не самоубийцы.

— Акаяма Юрика и Ранмаро Лэйт.

Зверочеловек при звуке имени одного из Великих Домов сразу стал серьезнее. Юрика хотела потешить себя надеждой, что имя Акаяма тоже ему что-то скажет, но весь мир знал ее деда как Кенсэя, а не Акаяму Хоодо.

— Мы дети Ришари — Богини Юга, — продолжила она. — Слышал о такой?

Зверочеловек усмехнулся.

— Не только слышал, но и видел. И даже лично знаком. Достаточно хорошо, чтобы сказать, что вы на нее не очень-то похожи. Уж не самозванцы ли вы часом? Как знать... Хотя проверить легко. Да, ребята? — последняя фраза была адресована не Юрике и Ранмаро, а двум типам зловецей наружности, которые околачивались неподалеку. Один был почти старик, высокий, с черными пронзительными глазами; не по погоде теплый плащ висел на нем, словно на вешалке, плохо скрывая страшную худобу. Другой, тоже уже немолодой мужчина, был альбиносом — Юрика сразу обратила внимание на его бесцветные волосы и красные глаза. Оба были на первый взгляд безоружны, но девушка решила пока не спешить с выводами на этот счет.

— Паренек похож на выходца из Дома Лэйт, — произнес Альбинос. — Я слышал, что после смерти Валериана выжили только двое его детей — Валерия и Кристиан. Мальчишка был обручен с нашей богиней, и у них, по слухам, даже родился сын, которого видели лишь единицы. Хочешь сказать, что ты — это он? Тот самый малец, младший брат нашего босса?

— Да, — твердо ответил Ранмаро. — А как твое имя, Сольрьяйн?

— Фредерик, — ответил Альбинос. — Но будь полегче на поворотах, малец, слишком уж высоко насест, на который ты решил запрыгнуть. Сын Ришари и глава Великого Дома Лэйт? Начнем с того, что я все же в этом сомневаюсь. Мало ли на свете блондинистых отпрысков вассальных домов Лэйт? Уж не самозванец ли ты?

— Знаете, то, что вы не можете узнать в нас родню вашего начальства — глубоко ваши личные проблемы, — вспыхнула Юрика. План дяди не спешил работать, бойцы «Стаи» сомневались в их словах. А ведь между ней и мамой должно быть немалое внешнее сходство... Она решила про себя, что дело в цвете волос.

— А кто твой отец, крошка? — Фредерик переключил свое внимание на нее. Юрика вспомнила, что Сольрьяйн — имя одного из Великих Домов. И поймала себя на мысли, что впервые видит пожилого представителя этой касты.

— Акаяма Кеншин, — с достоинством ответила она, пообещав припомнить ему «крошку» в самом ближайшем будущем.

— Не слышал, — безжалостно отрезал Сольрьяйн.

Юрика стиснула кулаки.

— Акаяма... Акаяма... — начал бормотать под нос зверочеловек. — Уж не сын ли

Кенсэя? Говорят, видели его на материке лет пятнадцать назад.

— Подожди, девочка, — в разговор вмешался старик с черными глазами. — Ты говоришь, что твой отец — тот самый Кеншин, сын Кенсэя и Глории? Единственной ярмиры, родившей ребенка?

— Да, — Юрика немного расслабилась. Ее история была слишком абсурдной, чтобы быть принятой за выдумку.

— Не верю, — покачал головой старик. — Не верю, что вот так просто встретил кого-то подобного среди бела дня на этой грязной улице.

— Так что мы решили? — прорычал зверочеловек. — Правду они говорят или нет?

— Пусть твой нос скажет, — предложил ему Сольрайн. — Ты ведь встречался с Богиней и помнишь ее запах.

— Это было сорок лет назад, — проворчал толстяк. И сделал шаг навстречу Юрике.

— Притормози, старик, — девушка отступила, перспектива быть обнюханной этим здоровяком ее несколько не радовала. — Ран, они нам не верят. Помнишь любимые слова нашего дяди?

— Вообще-то он не особо разговорчив, — пробормотал Ранмаро, растерявшись.

— Правда на стороне сильного... Или типа того. Короче, у нас есть еще один способ доказать наше происхождение помимо предоставления родословных в нотариально заверенной форме.

— Они намного старше нас... Мне как-то неудобно драться с противником, из которого песок сыпется. Посмотри на Фредерика, такие морщины у представителей Великих Домов могут появляться после пятисот. Мы стареем очень-очень медленно, в зависимости от принадлежности к генетическим линиям того или иного Дома. Быстрее всех стареют Амавази, медленнее — Даркенвэй.

Трое из «Стаи» ответили на это дружным хохотом, заглушившим информационную справку об особенностях старения фелкамелов Великих Домов. Здоровяк-зверочеловек даже прослезился, смахнув слезу небрежным жестом. А потом резко посерьезнел.

— Ребята, эти малыши считают, что смогут пересчитать нам наши дряхлые кости. Давайте покажем им, как глубоко они заблуждаются.

— Ран, эти старперы считают, что мы с ними не справимся, — в тон ему ответила Юрика. — Займись этими двумя, пока я буду учить толстяка определять портретное сходство матери и ее дочери.

— Дети, дети, — покачал головой безымянный старик в плаще и первым сделал шаг в сторону Ранмаро, по-видимому, согласившись на расстановку сил, предложенную Юрикой. Из его пальцев начали расти длинные черные когти с опасным металлическим отливом. Двигался он с гипнотической плавностью и стремительностью, и Ранмаро с какой-то странной нерешительностью потянулся к рукояти меча. И ни он, ни его сестра не успели понять, каким образом Фредерик Сольрайн в мгновение ока оказался рядом с парнем и нанес ему молниеносный удар в висок.

Увернулся Ранмаро каким-то чудом, солнечный блик пробежал по стальным граням кастета альбиноса, едва не раздробившего парню череп. Юрика возмущенно выдохнула — и атаковала противника, которого оставила себе.

Зверочеловек, в отличие от своих товарищей, никуда не спешил, и девушка без особого труда сократила дистанцию и нанесла мощный удар ногой по его колену, сознательно сдерживая поток мистической энергии в своем теле — она не хотела делать его инвалидом.

Как оказалось, зря.

Толстяк оказался крайне крепким. Настолько, что отдача от удара заставила занять все кости в ее теле.

— Хо-хо-хо! — усмехнулся зверочеловек и покачал головой. — Не ушиблась, деточка?

Юрика стиснула зубы — и ловко увернулась от громадной пятерни, которая едва не схватила ее за шкуру, словно котенка. Бросила мимолетный взгляд на брата, который уже вовсю отмахивался от двух не в меру прытких стариков, один из которых двигался с едва уловимой глазу скоростью, размахивая когтями, а второй и вовсе мерцал в пространстве, явно обладая способностью телепортации. Против таких противников меч Ранмаро пока помогал слабо, и он держал его обратным хватом, направив острие за спину на случай атаки с тыла, пока взглядом держал обладателя когтей и уворачивался от его выпадов.

— Толстая шкура, да? — произнесла она и решила, что сдерживаться в бою с толстяком не придется.

— Непробиваемая, — согласно кивнул он. — Мне уже три сотни лет, девочка, и за все это время не нашлось кулака, который смог бы оставить на мне синяк. Когда-то меня рассматривали как Кандидата в Гвардейцы Хаоса... Но кто-то из них решил, что мое брюхо будет портить общую фотографию. Большим людям порой бывает непросто.

— Печальная история, — кивнула Юрика — и со всей силы ударила зверочеловека в живот, чувствуя, как звенят мышцы от хлынувшей в них мистической энергии.

Звук был такой, словно она ударила по столетнему дубу, ощущение — такое же. Боль в расшибленных костяшках оказалась неожиданно сильной, но она преодолела ее и нанесла новый удар, теперь уже в печень.

Эффект был тот же.

— Дитя, меня даже пули не берут, — с сочувствием признался он, глядя на кровь, капающую с ее кулаков.

За спиной зазвенела сталь — Ранмаро потерял меч, выбитый кем-то из стариков.

— Что-то не похожи вы на детей Богини Юга, — произнес зверочеловек. — Не знаю, чего вы хотели добиться, но сейчас вам придется пожалеть о своей самонадеянности. Убивать мы вас не станем, но вам придется нам очень многое рассказать и объяснить.

Юрика со злостью стряхнула кровь с пальцев и привела дыхание в порядок.

— Это какая-то мистическая способность, да?

— Да, правильно, — ответил толстяк. — Один умник мне как-то пытался объяснить что-то про какую-то кинетическую энергию, но я никогда не дружил с физикой. Ничего тогда не понял. А вот то, что чем сильнее меня бьют, тем сильнее становлюсь я — знаю очень давно.

И он ударил — нет, просто топнул ногой, и асфальт больно ударил Юрику по ступням, подбрасывая в воздух. Зверочеловек прыгнул к ней и сграбастал в тиски своих костедробительных объятий.

— Попалась.

Юрика задохнулась не сколько от чудовищного давления, сколько от возмущения.

— Руки прочь! — и с отчаянным мысленным позывом обратилась к Ириссе.

Энергия Красной Рыси была куда мощнее обычной мистической энергии, и дышать сразу стало легче. Глаза зверочеловека удивленно округлились, когда они встретились с ее измененным взглядом, в них мелькнула тревога. Но было уже поздно — Юрика схватила толстяка за бакенбарды и со всей силы приложила лбом об его подбородок.

На пару секунд она потеряла сознание. Когда пришла в себя, обнаружила, что по-прежнему находится в захвате противника, он все так же невредим, а у нее чертовски трещит голова.

— Совсем не больно? — с отчаянием спросила она.

— Ни капельки, — подтвердил зверочеловек. — Если это был твой туз в рукаве, то он, к твоему сожалению, не козырный.

— Черт, а ведь дядя сказал, что в этом городе нет никого, кто был бы сильнее Хастура...

— Хастура? — удивился толстяк. — Ты знаешь этого старого вояку? Он еще работает на «Рассвет»?

— Да, и я всыпала ему по первое число неделю назад.

— Старый пес потерял хватку? Не верю.

— Неправильный вопрос, — пробормотала Юрика, пытаясь выбраться из его захвата. Руки у нее были свободны, но использовать приемы вроде выдавливания глаз она не решалась — бой, как она считала, проходил по относительным правилам, и она собиралась держать себя достойно до самого конца.

— А какой будет правильным?

Юрика завела руки за спину и нащупала пальцами мизинцы толстяка.

«А, собственно, к черту,» — подумала она про себя и вцепилась в них железной хваткой, выворачивая из суставов.

Зверочеловек заревел от боли и выпустил ее, ухитрившись при этом отшвырнуть от себя на несколько метров.

— Ты не спросил, кто мой дядя, — голос Юрики прозвенел металлом, багровая тень Ириссы в полный рост поднялась над ее головой.

— Кто наш дядя, — напомнил о себе Ранмаро, создавая между ладоней сверхплотный, видимый даже невооруженным взглядом сгусток сжатого воздуха, который он отправил в обладателя теплого плаща и черных когтей. Тот увернуться не смог, и его, сбитого с ног тяжелым ударом, отправило в полет в сторону ближайшей витрины.

Звон стекла и грохот изнутри намекнули, что одним врагом наконец-то стало меньше хотя бы на время.

Фредерик Сольряйн прыгнул ему за спину, целясь кастетом в затылок, но Ранмаро словно ждал этого, ушел от удара уклоном влево, схватил руку и перебросил мужчину через себя, роняя его спиной на твердый асфальт. Звук удара получился сочным и гулким, а через мгновение кулак парня застыл в миллиметре от переносицы поверженного старика.

— Хотя вы его должны хорошо знать, — произнесла Юрика, разминая плечи и оценивая расстояние между ней и зверочеловеком. — У Ришари, Богини Юга, есть только один брат.

— Дженази? — с затаенным ужасом выдавили из себя все трое — толстяк, поверженный Сольряйн и старик с когтями, выбирающийся из разгромленного то ли магазина, то ли парикмахерской.

Тень Ириссы взмахнула призрачной лапой — и четыре кровавые полосы расчертили грудь зверочеловека. Просто царапины — Юрика не собиралась никого убивать.

— Так и знала — режешься ты очень хорошо! — с удовлетворением отметила девушка, чувствуя, как из горла рвется настоящий звериный рык. С сожалением подавила в себе этот порыв — они уже победили.

Глава 66. Шпионские игры и Спящий в Судзо

Оказавшись в незнакомом городе на южном континенте, Просперо с беспокойством размышлял над тем, как подольше остаться незаметным среди смуглокожих южан, говорящих на малопонятном ему языке. В академии был обязательный курс суддо — языка южан, но глубиной он не отличался, и к тому же был литературным, то есть далеким от разговорной версии. А еще в Векилахе был в ходу его диалект, и если принимать во внимание отсутствие у инспектора чистого произношения даже тех фраз, которые он помнил со студенческих времен, то получалось, что лучше бы ему здесь рта вообще не раскрывать.

Виктория также не выглядела уверенной посреди широкого проспекта, разделявшего надвое стройные ряды высоких зданий с плоскими крышами и широкими балконами, увитыми зеленью и цветами, и всячески избегала восхищенных взглядов прохожих, делая вид, что полностью поглощена изучением стройных рядов пальм, использованных местными властями в качестве главного озеленителя бетонных джунглей, и экзотических южных цветов на широких клумбах. Просперо поймал себя на мысли, что так она только сильнее привлекает к себе внимание, ведь для местных жителей их богатство флоры — и фауны тоже, некоторые пальмы в качестве гнезд облюбовали необычные для северян попугаи и обезьяны — было приевшейся обыденностью.

— Не стоит так глазеть по сторонам, — сказал он ей тихо, когда они прошли мимо большой толпы прилично одетой молодежи, среди которой нашлись смельчаки прямо обратиться к девушке. Она их проигнорировала, а Просперо одним своим видом показал, что не в восторге от праздного любопытства окружающих к ее персоне. Связываться с ним никто не отважился.

— Этот город совсем не похож на Креслан, — с тихим отчаянием прошептала она. — Мне здесь не по себе.

— Думаю, дело в том, что это территория Ичиро и Ришари. Мы здесь чужаки, и вряд ли кто-то обрадуется информации, откуда мы родом — синьор Ранфарг неоднократно позволял себе крайне агрессивные высказывания в адрес южан. И на торговлю между Севером и Югом наложен запрет... Контрабанда кое-как помогает поддерживать международные связи и межкультурный обмен, но эффект ее все же больше негативный. Оружие, наркотики, спиртное — их экспортом занято в основном Судо, а Федерация предпринимает радикальные меры по ликвидации каналов их поставок. Наверное, новости об очередном потопленном корабле южан разносятся по всему континенту.

— Напомни мне, почему мы вдвоем открыто идем по вражеской территории.

— Потому что у нас есть задание синьора Дженаси, и мы можем постоять за себя. А если мы начнем прятаться по закоулкам среди бела дня, нами могут заинтересоваться местные стражи правопорядка. Пока мы спокойны и уверены в себе, нас будут принимать за туристов — например, с Железного Архипелага. Он ведь поддерживает нормальные отношения и с Судо, и с Федерацией.

— Я плохо понимаю местный язык, — призналась Виктория. — А алфавит вообще мало похож на суддо. Тяжело читать надписи. Кстати, этот город называется Судзок.

— Судзо, — поправил Просперо.

— Откуда ты знаешь?

— Услышал краем уха. Местные жители не произносят последнюю «к».

— Наблюдательный. Видишь кого-нибудь странного?

Просперо, которому не было необходимости объяснять Дзаа-Тхон-Кгару, в чем заключается его задача, все же он убедился в том, что Забытый согласен им помочь. Пока что он хранил молчание, так что инспектор логично предположил, что никого необычного в его поле зрения не попадалось.

— Нет. И я не уверен, сможет ли Забытый определить человека, который скрывает от посторонних свою способность.

— Владелец мистической способности может скрывать свои симпатии к Федерации — это гораздо проще, чем отказываться от природного дара.

— Мы ищем человека, который скрывает свою истинную сущность с особой тщательностью, — объяснил Просперо. — Человека, который скрывает сам факт своей необычности из опасения привлечь к себе лишнее внимание «Стаи», которая здесь выполняет те же функции, что и «Молот» в Федерации — потому что он поддерживает постоянную связь с Верди́ро.

— Какова вероятность того, что мы встретим его на улице? Сколько вообще агентов «Молота» и «Рассвета» может находиться в заурядном городе Юга? Это даже не столица Векилах.

— Если синьор Дженази дал нам такое задание, то он, должно быть, уверен в успехе такого предприятия. К тому же наша главная задача — привлечь внимание таинственной личности, о которой Юрике сказал синьор Кенсэй. Думаю, не зря он направил в центр города яркую представительницу Великого Дома...

— Хочешь сказать, что мы тоже наживка? Как и Юрика, которая должна привлечь к себе внимание? И все указания дяди насчет того, чтобы мы оставались незаметными, были нужны для того, чтобы мы...

— Не нервничали лишний раз.

— Я умею держать себя в руках.

— Разумеется, — покорно согласился Просперо. Виктория действительно умела держать себя в руках — пока была уверена в том, что контролирует ситуацию. Сейчас же они полагались на удачу. Похоже, девушка была не в восторге от самой идеи импровизации.

Пару минут они шли молча, но когда миновали перекресток и оказались напротив шикарного здания ресторана с касаткой на вывеске, Просперо не выдержал и сказал:

— Жаль, что у нас нет при себе местной валюты. О южной кухне мне приходилось только слышать. Синьор Дженази, похоже, слабо обременен физическими потребностями, раз отправил нас на задание, забыв о том, что голод и жажда доставляют нам неприятности. Да, мы недавно завтракали, но кто знает, сколько еще нам придется бродить по этим улицам. И я бы не прочь попробовать уже сейчас вон тот образец местного кулинарного шедевра десертного свойства, который так некстати нарисован на витрине... Как думаете, что это?

— Просперо, еще одно слово о еде, и я начну искать способ обменять айры на местные деньги. Это доставит нам кучу неприятностей, которые я с удовольствием взвалю на ваши крепкие плечи.

— Намек понял... Кстати, у меня появилась идея. Почему бы вам не сделать что-нибудь вон с тем фонтанчиком? Это привлечет внимание всех обладателей мистических способностей в округе.

Виктория с сомнением посмотрела на облицованный белым мрамором небольшой круглый бассейн с установленной в центре статуей русалки в половину человеческого роста, который находился напротив следующего здания с толстыми колоннами и двускатной крышей. Скульптура держала в руках витую раковину с шипами, из которой лилась струйка чистой воды.

— Как вы думаете, как быстро окружающие свяжут необычное поведение воды в этом фонтане с моей внешностью, которая любому посвященному подскажет мои близкие отношения с мистическими способностями? Тем более, что я буду находиться в непосредственной близости от феномена?

Просперо только вздохнул в ответ.

— Впрочем, я могу кое-что попробовать, — задумчиво произнесла девушка и прогулочным шагом направилась к фонтану.

«Она накапливает мистическую энергию в своей правой руке, — Дзаа-Тхон-Кгар дал о себе знать впервые за последний час. — Похоже, формирует образ оружия. Интересно, сама додумалась, или Кирин научил ее?»

«Синьор Дженази рассказывал нам о способах создания внешних потоков мистической энергии, когда вас не было... в моей голове,» — мысленно ответил Просперо.

«Между прочим, ты мог бы и сам устроить в этом городе переполох, — Забытый никак не прокомментировал тот факт, что инспектор понимает, когда он наблюдает мир его глазами. — Электричество повсюду, только руку протяни. И никто не поймет, что случилось».

«Не зная карты местных электросетей, можно ненароком оставить без света больницу или светофоры, — возразил Просперо. — Не хочу никому навредить».

«Если тебе нужна схема городского электроснабжения, то просто раскрой свой разум пошире, — проворчал Забытый. — Но головную боль придется потерпеть».

«Пожалуй, не сейчас. Синьора Виктория уже что-то сделала с фонтаном».

Действительно, девушка, проходя мимо бассейна, незаметно бросила в него крохотный ледяной шарик, а потом повернулась, отыскивая Просперо взглядом. Он поспешил догнать ее, и дальше снова шел рядом, замечая, как она ускоряет шаг. Инспектор заставил себя не оборачиваться в сторону фонтана, уже предполагая, что в скором времени произойдет.

— Вернемся сюда через час, — сказала Виктория, улыбнувшись кареглазой девчужке лет семи, которую провела мимо пожилая матрона в длинном, до пят, зеленом платье и платке. Женщина, услышав незнакомую речь, бросила в их сторону подозрительный взгляд, но этим ее интерес и ограничился.

Вернувшись к фонтану через час, они обнаружили вокруг него настоящее столпотворение. Оставив Викторию на лавочке неподалеку, Просперо пробился сквозь толпу к бассейну и обнаружил, что в нем выросла огромная ледяная раковина — точная копия той, которую держала в руках статуя русалки. Вода по краям искусственного водоема также начала замерзать, но было очевидно, что полуденная жара не даст льду покрыть его полностью. Верхушка раковины, собственно, тоже начала подтаивать. Окружившие фонтан люди опасались прикасаться к ледяному чуду, но два фоторепортера уже всю шелкали затворами своих камер. Толпа возбужденно перешептывалась, кто-то убеждал людей отойти

от воды подальше.

Дзаа-Тхон-Кгар молчал.

«Никого подозрительного?» — задал мысленный вопрос Просперо.

«Трое обладателей мистических способностей пришли посмотреть на это чудо. Их нет в толпе — они не настолько глупы, чтобы приближаться к воде, перепрограммированной Кирином. Девочка талантлива».

«Но они не те, кто нам нужен?»

«Один из них... необычный. Хозяин Колодца. Он часто использует свою способность, но непосвященным это будет сложно заметить. Он не хочет привлекать к себе внимание — в отличие от двух других, которые могут быть из этой... «Стаи?»»

«Где он?» — едва не вслух воскликнул Просперо, озираясь по сторонам.

«На три часа. Ты не увидишь его из толпы. И он уже собирается уходить».

«Что значит «Хозяин Колодца»? Что это за мистическая способность?»

«Почти такая же редкая, как и твоя, Убийца Гигантов. Ему подчиняется гравитация».

Просперо представил себе могущество человека, способного управлять силой притяжения и всерьез задумался над тем, стоит ли рисковать с ним связываться. Решил, что для начала стоит обсудить это с Викторией.

Выбравшись из толпы и убедившись, что Забытый продолжает отслеживать перемещения Хозяина Колодца, но жестом попросил девушку подойти, одновременно пытаясь отыскать взглядом загадочного обладателя мистической способности. Им, по всей видимости, был высокий худощавый мужчина в белой рубашке и черных брюках, быстро удаляющийся от фонтана вниз по улице.

— Что-то нашел? — одними губами спросила Виктория, подойдя ближе.

— Да. Но у этого человека опасная мистическая способность — контроль над гравитацией. Возможно, будет лучше оставить его в покое. Если подходящий человек попался нам в первые же часы, то это значит, что мы сможем найти кого-то еще, если потратим чуть больше времени на поиски.

— Милый Просперо, ты предлагаешь потратить на поиски целый день? А если нам только что просто очень сильно повезло, и этот человек один на весь город?

— Тогда разумно будет хотя бы проследить за ним и узнать, где он живет, — инспектор, скрепя сердце, согласился с предположением девушки и пошел на компромисс.

Виктория, заметив его неуверенность, улыбнулась.

— Мы тоже не беспомощны, инспектор Эспозито, — последнюю фразу она произнесла с лукавой искоркой в глазах, и на душе у Просперо сразу потеплело. — К тому же я считаю, что твоя способность не в пример опаснее манипуляций с гравитацией. А еще ты чародей и тебе помогает Забытый Бог. Будь увереннее в себе.

— Синьора, — Просперо полушутя поклонился ей и вдвоем они последовали за их общей целью.

Примерно полчаса процесс выслеживания шел гладко, они смогли заметить, когда таинственный Хозяин Колодца свернул на очередном перекрестке и направился в сторону спального района — ухоженных кварталов многоэтажных зданий-муравейников и небольших, но уютных дворов. Расстояние между ними и мужчиной было настолько

большим, что никто бы не заподозрил, что мирно прогуливающиеся Просперо и Виктория целенаправленно следуют за кем-то, но когда их цель свернула за угол одного из домов, Забытый с едва заметной долей волнения сообщил, что Хозяин Колодца ускорил шаг.

«Границы моего восприятия не безграничны. К тому же это утомительно — следить за человеком, которого ты не видишь, и одновременно скрывать свое присутствие от остальных чародеев в этом городе».

«А они здесь есть?»

«Не знаю. Но если я использую чуть больше силы, они точно нас заметят».

— Нужно торопиться, — сказал Просперо Виктории, и они поспешили сократить дистанцию между ними и Хозяином Колодца.

«Стойте! — предостерег их Тхон-Кгар, когда они были уже готовы свернуть за тот же угол, что и мужчина. — Он остановился в сотне шагов от вас. Смотри в эту сторону. Заподозрил что-то... Или просто слишком осторожен. Попадете́сь ему сейчас на глаза — и...»

«Я понял,» — Просперо прервал поток наставлений Забытого.

— Пойдем по параллельной улице, — сообщил он Виктории, поворачивая назад. — Наш Хозяин Колодца, по всей видимости, параноик.

— Мне тоже иногда кажется, что за мной следят, — призналась девушка.

Просперо промолчал, отмечая очередной внимательный взгляд из очередного окна, прикованный к Виктории. Слишком красивая. Слишком заметная. Ей вслед не смотрели разве что слепые.

Он всерьез задумался над тем, чтобы оставить ее где-то до тех пор, пока он сам не определит адрес Хозяина Колодца. Но его предложение, скорее всего, только обидит ее. Этого Просперо допустить не мог.

Наконец, спустя еще пятнадцать минут, Забытый сообщил, что мужчина зашел в один из подъездов. И признался, что не сможет точно определить его местоположение внутри здания издалека, из-за чего им пришлось не только подойти к дому вплотную, но и обойти его по кругу, вычисляя этаж и квартиру. Чтобы узнать ее номер, Просперо вошел в подъезд и посмотрел на нумерацию квартир первого этажа. Представил в голове трехмерный план дома, и изобразив растерянность на лице, подошел к одинокой старушке, мирно отдыхающей на лавочке в тени старой акации.

— Добрый день, синьора, — он обратился к ней на ломанном суддо, старательно выговаривая каждый слог, и женщина, кивнув в ответ на приветствие, вцепилась в него пристальным взглядом ясных светло-карих глаз.

— Не подскажите, в каком подъезде я могу найти квартиру номер шестьдесят четыре? Мы с Железного Архипелага, приехали в гости к сестре моей спутницы, — он указал на Викторию, которая пыталась скрыть растерянность, вызванную в ней его действиями.

— В шестьдесят четвертой живет Виллард Н, и он холостяк. Только что с работы пришел, кстати, — ответила старушка, с одобрением рассматривая девушку. — Я даже не видела, чтобы к нему девушки заходили, особенно такие милые. Сестра на тебя очень похожа, девочка? — обратилась она к Виктории напрямую.

— Да, пожалуй, — ответила девушка.

— Тогда вы, наверное, кварталом ошиблись. У нас таких красоток отродясь не было.

— Благодарю, — ответил Просперо и на всякий случай поклонился женщине. Она провожала их взглядом до тех пор, пока они не скрылись за углом.

— Зачем вы заговорили с ней? — с возмущением обратилась к нему Виктория, когда они убедились, что за ними никто не наблюдает.

— Просто убедился, что наш Виллард Н здесь живет, а не зашел к кому-нибудь в гости.

— А если она расскажет ему о нас? Он же, как мы решили, параноик. Возьмет и смоемся куда-нибудь.

— Ну, я надеюсь, что он параноик не до такой степени, — ответил Просперо. — Не стоит его переоценивать.

— Знаешь, теперь паранойя начинает разыгрываться у меня, — сказала девушка, передергивая плечами. — Почему бы нам прямо сейчас не подняться к нему и просто спросить, кто он и на чьей стороне? Все эти шпионские игры мне не по душе.

— Хорошо, — вздохнув, согласился Просперо. — Только дождемся, пока эта милая женщина уйдет. Будет странно, если мы сейчас вернемся.

— Просперо, какая к черту разница, что она подумает?

Инспектор задумался.

— Да, пожалуй. К тому же она может на своей лавочке и до глубокой ночи просидеть.

Виктория только покачала головой в ответ.

— Инспектор Эспозито, в некоторых вопросах ты просто безнадежен.

Палец Просперо почти минуту лежал на кнопке звонка в квартиру Вилларда Н, прежде чем он наконец-то решился надавить на него сильнее, чтобы услышать за бронированной дверью мелодичную трель. Виктория поднялась на лестничную площадку этажом выше — они решили, что не стоит показываться на глаза предполагаемому противнику всем сразу. Если что-то пойдет не так, она станет козырем, который изменит ситуацию в их пользу. Что именно могло пойти не так, когда у Просперо был заранее подготовлен мощный электрический разряд, готовый поразить противника по первому же мысленному приказу, инспектор не знал, но перестраховаться, не зная, с кем придется иметь дело, стоило.

Ждать пришлось долго, Виллард не спешил подходить к двери.

«Он достал оружие из тайника, — сообщил Забытый. — Пистолет. Спрятал в карман и идет сюда».

Просперо мысленно поблагодарил Тхон-Кгара. Забытый умел не только обнаруживать источники энергии и контуры электрических цепей, но и металлические предметы — последние, правда, на совсем небольшом расстоянии.

Инспектор услышал щелканье задвижки дверного глазка и напустил на себя самый добродушный вид, который только мог изобразить. Природа одарила его простой и наивной физиономией, которая ввела в заблуждение немало преступников, даже когда ему было уже за сорок, а сейчас, когда ему на вид снова двадцать, тем более должна помочь произвести совсем безобидное впечатление.

Виллард Н открыл дверь, и Просперо увидел перед собой высокого мужчину, перешагнувшего тридцатилетний рубеж, в зеленом домашнем халате и тапочках на босу ногу. У него были короткие темно-русые волосы и серые глаза, кожу покрывал плотный загар; прямой длинный нос, выступающие скулы и квадратный подбородок, как и общая вытянутость лица, прямо указывали на северную кровь в его жилах. Он был совсем не похож на южанина — в отличие от Просперо, который успел здорово загореть на пляже рядом с

Кресланом, и обладал плотным телосложением и низким ростом.

— Да? — с усталым спокойствием спросил Виллард, и инспектор, находясь в курсе его приготовлений к встрече с незванным гостем, мысленно поаплодировал самообладанию этого человека.

— Добрый день, — начал с приветствия Просперо. — Мне нужен Виллард Н.

— Это я, — звук собственного имени помог скрываемой им настороженности проклюнуться сквозь маску напускного безразличия и наигранно слабой заинтересованности. — Что вам нужно от меня?

Просперо еще раз пробежался внутренним взглядом по заранее подготовленной и согласованной с Викторией речью. Их целью было выяснить, является ли Виллард представителем одной из двух спецслужб, для чего они планировали сбить его с толку, и в момент растерянности задать вопрос, реакция на который определит, на чьей стороне находится Хозяин Колодца. Просперо был уверен, что сможет прочесть это по его лицу, а если нет... Забытый умел неплохо определять человеческую ложь.

— Я представитель компании «Дженази и Ко», которая занимается поиском потенциальных обладателей выдающихся мистических способностей для их дальнейшего обучения и трудоустройства. У нас есть подтвержденная информация, что ваш дар может быть весьма полезен для общества, и поэтому глава нашей компании поручил мне передать вам приглашение встретиться с ним лично и обсудить ваше будущее.

— Простите, но я не обладаю...

— Многие люди не знают о том, что обладают мистической способностью, — Просперо не дал растерявшемуся Вилларду закончить фразу.

— Но с чего вы решили...

— У нас есть сотрудник, способный определять мистический потенциал человека на расстоянии.

— Я обычный банковский служащий...

— Непозволительная растрата вашего настоящего таланта, — Просперо изобразил искреннее негодование. — Но прежде чем мы решим, где и когда вы встретитесь с директором компании, я должен задать вам один вопрос, на который вы должны ответить с максимальной честностью.

— Что за вопрос? — Виллард напрягся, подготовившись уже к чему-угодно.

— Откуда вы так хорошо знаете верди? — вопрос был закономерный, ведь предыдущий был задан не на ломанном суддо, а на языке Федерации.

— Выучил в университете, — поздно спохватился Виллард, но мгновенно выкрутился, и решил перейти в контратаку:

— А вы слишком плохо говорите на суддо для гражданина Союза.

— Разумеется, ведь я родился в Вердиро, — честно ответил Просперо. — Вы работаете на «Молот»?

«Да, — удовлетворенно подтвердил Дзаа-Тхон-Кгар, который все это время наблюдал за картой электрических импульсов в теле подозреваемого. — Его мозг сказал «Да».

— Что такое «Молот»? — с искренним удивлением спросил Виллард Н, и если до этого момента Просперо не мог найти никакого подтверждения словам Забытого, то теперь смог — зная, что искать — заметить признаки лжи в его глазах.

— Почему бы нам не поговорить об этом за закрытой дверью? — мирно предложил инспектор. — Как говорят, даже у стен есть уши, не то что у дверей подъезда жилого дома.

— Почему бы вам не обратиться прочь? — внезапно рассердился Виллард. — Я собираюсь сообщить полиции о подозрительном типе, околачивающемся у порога моего дома.

И захлопнул дверь прямо перед носом Просперо.

Виктория спустилась вниз.

— Ну что? — шепотом спросила она, поправляя упавшую на глаза челку.

— Он работает на «Молот», — так же шепотом ответил он.

— Тогда уступите место дочери Великого Дома Лэйт, инспектор, — с веселой искрой в голосе попросила девушка, — и эта дверь откроется снова.

Просперо не стал спорить, и Виктория требовательно постучала в дверь, проигнорировав звонок.

— Я сказал вам обратиться к черту! — донеслось гневное изнутри.

Лэйт повторила стук, сильнее и решительнее.

— Если вам так хочется звонить в полицию — звоните, — добавила она громко, и Виллард, услышав совсем другой, женский голос, снова посмотрел в дверной зрачок.

Через пару секунд дверь была открыта. Виллард пристально всматривался в лицо девушки, борьба между сомнением и узнаванием на его лице читались так явно, что Просперо не выдержал и сказал:

— Да, это Виктория Лэйт. Может быть, впустите нас, пока соседи не заинтересовались, что здесь происходит?

Виллард побледнел и стал как-будто ниже ростом.

— Вы с ума сошли... Входите.

— Я живу здесь уже двенадцать лет, — начал свой рассказ синьор Н — так прозвал его Просперо, а Виктория с удовольствием подхватила, — и в «Молоте» числюсь в качестве «спящего» агента. Родился я в Федерации, там же вырос и успел закончить три курса факультета, связанного с финансами и банковским делом. Увлекался альпинизмом... Он меня сюда и привел: однажды я сорвался со скалы и переломал себе кучу костей. Вокруг не было никого, кто мог бы прийти мне на помощь, но я сам — сам! — выполз к людям, и врачи смогли поставить меня на ноги. Тогда я не понял, как это у меня получилось, но случаем заинтересовался «Молот», и они помогли мне во всем разобраться — оказывается, я могу управлять весом своего тела. Жаль только, что способность проснулась уже после того злосчастного падения... Не попал бы тогда в их поле зрения. Потому что когда мне предложили стать участником программы по обмену студентов между Федерацией и Железным Архипелагом, «Молот» сразу вышел со мной на связь и буквально приказал согласиться. А на островах меня путем ловких манипуляций сделали участником аналогичной программы, только уже между Архипелагом и Судом. Я должен был закончить местный университет, получить гражданство и должность в крупнейшем государственном банке, чтобы иметь возможность передавать «Молоту» информацию о его клиентах, производимых операциях — и прочее, прочее. Четыре года я добросовестно выполнял свои обязанности, пока не появился риск моего разоблачения, и тогда все контакты между мной и Вердиго были оборваны. И уже восемь лет я живу здесь, как самый обычный добропорядочный гражданин Союза. А теперь объясните мне, почему я должен снова идти на риск быть растерзанным «Стаей»?

— Вы не должны, — смущенно ответил Просперо, и чтобы как-то занять глаза, принялся уже в десятый раз рассматривать интерьер небольшой, но чистой и аккуратной кухни. В число бытовых приборов входили электрическая печь, чайник, микроволновка и кофеварка, в углу гудел холодильник, на котором был установлен самый маленький из всех виденных инспектором телевизор. Вся техника вообще была компактной, удобной и даже в некоторой степени элегантной — Федерация Вердиرو однозначно отставала от Союза Судо в плане качества товаров народного потребления.

— Тогда что вам от меня нужно? — удивился Виллард.

— Нам нужна информация о всех агентах «Молота» и «Рассвета» в этом городе, — ответила Виктория.

— Зачем вам это?

— Это нужно не нам, — в разговор снова включился Просперо. — Мы всего-лишь выполняем поручение моего учителя — и дяди синьоры Лэйт.

— «Дженази и Ко», — пробормотал Виллард, с мучительным выражением осознания. — Не может быть... Я в курсе одной из главных целей существования «Молота», просто не могу поверить, что мне довелось столкнуться с этим человеком, пусть пока и косвенно. Но если он вернулся... И если все то, что я знаю о нем — правда, то... Чего он хочет?

— Если честно, мы не уверены, — искренне признались Просперо и Виктория.

В наступившей после этих слов тишине низкое урчание холодильника стало звучать с какой-то неповторимо угнетающей интонацией.

— А ведь так хорошо день начинался... — печально прошептал Виллард — и долил воды в электрический чайник. Ему предстояло рассказать о Судзо все, что он узнал о нем за последние двенадцать лет.

Беседа обещала быть долгой.

Дженази, отправив Юрику и Ранмаро на юг, а Просперо и Викторину — на север, сам пошел на восток, вычленив среди миллионов звуков, производимых Судзо, одно необходимое ему название, произнесенное вежливым и благожелательным тоном. Фраза была простой, заученной и лишенной всякой индивидуальности, которая совершенно ни к чему клеркам и прочим офисным работникам: «Добро пожаловать в Лекса Банк — самый старый и надежный банк Союза Свободных Республик Судо».

Но прежде чем отправиться в это финансовое заведение, он нашел самое высокое здание в восточном районе — который, между прочим, был историческим центром города, с привычной ему архитектурой времен войн между Гвардией и Великими Домами, и брусчаткой вместо асфальта — и не таясь, открыто, на глазах у десятков людей, взбежал по его стене и забрался на стальной шпиль, венчавший пирамидальную крышу. Минут десять он простоял там, балансируя на одной ноге и наслаждаясь произведенным эффектом — внизу быстро собралась толпа из изумленных зевак и владельцев фотоаппаратов. Когда г'ата решил, что привлек достаточно внимания, то одним прыжком скрылся из виду, приземлившись далеко в стороне, в одном из самых узких и темных переулков. Уже из него вышел как ни в чем не бывало — и наконец-то отправился в банк. Никто не обратил на него внимания больше, чем может привлечь молодой человек с поседевшей головой и фиолетовыми глазами.

Войдя в древнее, но по-прежнему надежное здание «Лекса Банка», он сразу направился в кабинет управляющего, по опыту зная, где его искать. Охранник попытался задержать его при входе в ту часть банка, которую простым посетителям видеть не полагалось, но Дженази шагал и держался так уверенно, что немолодой уже мужчина растерялся и сник, отказавшись от идеи схватить его за плечо.

— Туда нельзя... — нерешительно произнес он.

Дженази не обратил на него внимания. Охранник обреченно посеменил за ним следом. Дойдя до конца коридора, г'ата повернул направо — слева виднелась решетка, за которой находилась тяжело бронированная дверь сейфа — и охранник с облегчением выдохнул.

— Вы к управляющему? — мужчина сделал еще одну попытку привлечь к себе внимание.

Дженази только чуть повернул голову, дав понять, что помнит о его присутствии.

Открыв дверь в конце коридора, он оказался напротив рабочего стола девушки-секретаря, которая как раз в этот момент пила кофе. Г'ата вошел так неожиданно, что она испуганно дернулась и пролила горячий кофе на тонкие ухоженные пальцы. Зашипела от боли, осторожно поставила чашку на подставку, собралась было возмутиться незваному посетителю — но увидела охранника за его спиной и поумерила свой пыл, лишь осторожно заметив:

— Господин Боста сейчас занят. Подождите полчаса, — и указала Дженази на широкое кресло в углу.

Г'ата подошел к столу девушки, оперся о него руками и склонился над девушкой, внимательно рассматривая черты ее лица. Очень красивая, утонченно-женственная и бесконечно обаятельная — он нашел, что она вполне в его вкусе — смуглокожая брюнетка с

раскосыми золотистыми глазами. И от нее приятно пахло — как обладатель сверхтонкого обоняния, он крайне ценил данное качество.

— Как тебя зовут? — спросил он, когда девушка непроизвольно вжалась в спинку своего стула, пытаясь создать хоть какую-то дистанцию между своим телом и его нечеловечески фиолетовыми глазами.

— Дайна...

— Как ты думаешь, мне интересно, занят господин Боста или нет? И интересно ли мне вообще, как зовут управляющего этого банка?

— Но он... У него важный звонок... Кто вы вообще такой? Я сообщу о вас управляющему и он примет вас...

Дженази отстранился от девушки и направился к тяжелой, из дорогих пород дерева двери, которой было не меньше пятидесяти лет. Она оказалась заперта.

— У него важный телефонный звонок...

Дженази сосредоточился и снова толкнул дверь — и на этот раз она без всякого сопротивления открылась. Бросил взгляд на распиленные ригели замка — срез получился зеркально гладким, словно поработала циркулярная пила с диском толщиной в несколько атомов.

Не закрывая за собой дверь, он вошел в кабинет. Боста — невысокий толстый мужчина средних лет с блестящей от пота лысиной — с изумлением уставился на него, замерев с телефонной трубкой у нелепо раскрытого рта.

— Вы кто? — спросил он, закрывая микрофон трубки ладонью и обнаруживая за спиной Дженази растерянных охранника и секретаршу.

— Мое имя Джин Саргас, — представился Дженази своим официальным в прошлом именем, которым подписывал все более-менее важные документы.

— Кто, простите?

— Джин Саргас, — терпеливо повторил он. — Сто тридцать лет назад я открыл в «Лекса Банке» депозитный счет до востребования, под пять сотых процента годовых. Положил два миллиона сур — в виде десяти золотых слитков общим весом в сто двадцать килограмм. Если я не ошибаюсь, за сто тридцать лет сумма должна была вырасти примерно в шесть раз...

Господин Боста положил трубку и схватился за сердце.

— Чем вы подтвердите... свои слова? — прошептал он, шаря рукой по столу в поисках графина с водой — не отрывая взгляда от Дженази.

— Я оставил инструкцию, согласно которой сотрудники банка будут проверять любого Джина Саргаса, пришедшего за моими деньгами — еще тогда я предупредил банк, что, возможно, заберу вклад спустя не один десяток лет. Именно поэтому процентная ставка такая высокая — ваши предшественники рискнули предположить, что я не явлюсь за деньгами вовсе.

— Это невозможно...

— Моя инструкция была разослана по всем отделениям «Лекса Банка» на континенте. И вы знаете, где ее найти — уверен, что информацию о моем счете передают из поколения в поколение в виду неординарности этой истории.

— Я не уполномочен... Обратитесь в отделение, которое приняло ваше золото...

— Господин Боста, — ласково произнес Дженази, — я собираюсь снять со своего счета одну сотую от накопившейся суммы. Вы же не собираетесь мне в этом помешать?

— Куда вы собрались, госпожа Квон? — громко спросил директор, чем привлек внимание всех находящихся в школьном коридоре учеников не только к себе, но и к высокой стройной яо, которая с сумочкой на плече уверенно шла к выходу. — У вас остался еще один урок, который начнется, — мужчина с на редкость неблагозвучным именем Ассай Шхонок демонстративно постучал по позолоченным наручным часам, — через пять минут.

— Я попросила Ха Джунг провести его вместо меня, о чем уже уведомила госпожу завуча, — ответила госпожа Квон, мило улыбнувшись начальнику и поправив рукой прядь коротких иссиня-черных волос. Лукаво опустила тонко подведенные раскосые глаза, которые смотрели на мир сквозь тонкие линзы очков в прямоугольной серебристой оправе — «да-да, я должна была сказать об этом еще и вам, господин директор, но вы же простите меня за мою забывчивость, не так ли?»

— Она мне еще не сообщила об этом, — нахмурился Ассай Шхонок, и на мгновение всем показалось, что он сейчас найдет повод, чтобы не дать молодой учительнице покинуть школу раньше времени. — Надеюсь, у вас есть серьезный повод, чтобы пренебречь своими обязанностями?

Его холодный тон стал причиной того, что сразу несколько учеников — от совсем взрослых до самых маленьких — посмотрели на него с неприязнью. Вся школа любила милую и необыкновенно талантливую госпожу Квон, которая искренне любила детей и могла найти общий язык с любым подростком. Даже старые и опытные учителя признавали, что она педагог по призванию, и обвинение ее в легкомысленном поведении было чревато потерей репутации. Впрочем, у директора Ассая она была и так далека от статуса безупречной — ходили слухи о его навязчивости в отношении юных и привлекательных подчиненных женского пола. Подозревали, что и к Квон он тоже приставал, но, похоже, получил такой резкий от ворот поворот, что уже после первой же недели работы новой учительницы он перестал смотреть на нее масляным взглядом — и стал откровенно придиричив к ее особе. Но за год она не дала серьезных поводов для того, чтобы он наложил на нее хотя бы малейшее взыскание.

— Разумеется, господин Ассай, — ответила девушка. — Ко мне приехал отец. Если я не встречу его через час, то боюсь, что он придет сюда, чтобы спросить, по какой причине я пренебрегаю своими дочерними обязанностями. А он у меня очень строгий и злой.

— Мне говорили, что вы сирота.

— Он мой приемный отец.

— Я был бы рад с ним познакомиться, — ответил директор без особой искренности. — Да и ему было бы приятно услышать, как благодарна ему наша школа за то, что он воспитал такую прекрасную дочь.

— Да, он был бы рад, — с милой улыбкой ответила госпожа Квон, вот только в ее карих глазах мелькнула откровенная насмешка. — До свидания, господин Ассай. До свидания, дети!

— До свидания, госпожа Квон! — хором ответили ей ученики, а одна из самых маленьких, Ли Ли Би, подбежала к ней и крепко обняла.

— До свидания, — произнесла девочка — и всхлипнула.

Квон погладила ее по голове, улыбулась — и покинула школу. Ее ждал отец.

Спустившись со ступеней школы и выйдя со двора, Мэй сняла очки и положила их в металлический футляр, который спрятала в сумочке. Ухудшение зрения обнаружилось год назад, когда она поняла, что буквы на страницах учебников расплываются вовсе не от усталости и недостатка сна. Сюрприз оказался неприятный, но она смирилась с ним, так как трудности он доставлял только при чтении. Разобрать, почистить и заново собрать винтовку она прекрасно могла и без очков.

Запрыгнув в уже отправляющийся с остановки автобус, она снова применила свою мистическую способность, которая позволяла ей обнаруживать и отслеживать обладателей мистических способностей. Несколько часов назад она сработала автоматически — когда в Сунзо прибыл человек, появления которого она ждала уже больше недели.

Дженази.

Отпечаток его мистической энергии, накладываемый на пространство, был не совсем таким, каким она его знала прежде, но то, что это он, сомнений не возникало. Рядом с ним она обнаружила Ранмаро и Юрику, а также еще двоих, парня и девушку. Девушкой, по всей видимости, была Виктория — Мэй не была уверена точно, потому что никогда ее не видела.

Оказавшись через полчаса в своей маленькой квартире, она первым делом достала из потайного отделения в шкафу винтовку и коробку с бронебойно-зажигательными патронами. Сгоряча зарядила четыре магазина, но подумав, взяла только один — вряд ли ей удастся выстрелять до конца даже его. Из тайника в полу под кроватью извлекла ящик с гранатами и взрывчаткой и положила в спортивный рюкзак три светошумовых и два взрывпакета с осколочной начинкой из рубленых гвоздей. Туда же засунула чудо техники Небесных Городов — компактную лебедку с тросом из углеволокна и сверхмощными электродвигателем и аккумулятором. В гардеробе нашла легкую и прочную десантную экипировку, с которой из элементов брони сняла только нагрудник — в предстоящем бою он все равно не поможет, а вот элементы защиты конечностей и спины пригодятся, когда ей придется падать на бетон с немалой высоты.

Шлем он тоже решила оставить.

Долго сомневалась, стоит ли брать с собой меч. Решила, что стоит. Даже если он будет бесполезен. Почему-то с ним она чувствовала себя намного увереннее, чем без него, но с арсеналом, способным остановить небольшую армию.

Все-таки обращаться с ним она научилась, когда ей и семи лет не исполнилось — в возрасте, в котором дети должны ходить в младшую школу. Но Мэй никогда не училась в школе. Может быть, именно это подвигло ее на стезю учителя, когда она покинула «Стаю» — и свою приемную семью.

«Отец... Нет, Дженази — я готова,» — мысленно произнесла она. Не хотела, чтобы он ненароком услышал даже ее слабый шепот. Он не знает о ней — а значит, не сможет даже заподозрить, что ждет его в беспокойном городе Судзо.

В качестве поля боя Мэй выбрала заброшенный район новостроек на западной окраине города — бетонные коробки жилых многоэтажек оказались невостребованными из-за

внезапного роста цен на жилье, проблем с инфраструктурой и экономического кризиса, который отложил в долгий ящик завершение строительства крупного машиностроительного завода, который должен был обеспечить рабочими местами как минимум пятую часть предполагаемого местного трудоспособного населения. Расположилась в квартире на последнем этаже десятиэтажки с окнами на восток, находившейся практически на отшибе, на вершине пологого холма — отсюда открывался прекрасный вид на Судзо и полностью простреливалась ведущая к дому дорога. Возле облюбованного окна установила взрывпакеты, а катушку лебедки закрепила на балконе квартиры двумя этажами ниже и с противоположной стороны здания, откуда открывался вид на влажный тропический лес, окружавший город. Чтобы провести трос сквозь все здание на уровне одного этажа, она прорубила дыру в несущей стене, разделявшей пустые квартиры — меч пригодился уже на этапе подготовки — а межкомнатные переборки здесь отсутствовали как класс — их не успели установить. Подрезала мечом крепления балкона и проверила крошечный пульт дистанционного управления, с помощью которого собиралась активировать и лебедку, и взрывчатку. И уже в самом конце установила две растяжки со светошумовыми гранатами — одну в проделанной дыре, а вторую в окне квартиры на противоположной стороне дома, сквозь которую проходил трос. Третью решила оставить при себе.

Оставалось только привлечь внимание Дженази.

Перед тем, как совершить этот последний, отчаянный шаг, Мэй решила пару минут помедитировать, настраиваясь на предстоящую неравную схватку. Дженази был Гвардейцем, за его плечами сотни побед против целых отрядов, обладавших снаряжением и мистическими способностями, о которых она могла только мечтать. Любой человек, имевший представление хотя бы о десятой доли возможностей брата Богини Юга, покрутил бы пальцем у виска и назвал бы девушку сумасшедшей. Но она знала, что шансы у нее есть. Из этого поединка она выйдет победителем.

И вот она была готова. Закрывает глаза и сосредоточилась на мистическом отпечатке Дженази, забыв про все остальные и постаравшись приблизить его своим мысленным взглядом. Мэй давно заметила, что когда она слишком пристально следит за кем-то, ее наблюдаемый начинает ощущать дискомфорт и испытывает вполне оправданное чувство слезки за своей персоной. И практически всегда безошибочно определяет направление, в котором она находится по отношению к нему. Дженази, куда более чувствительный, чем большинство людей, должен был обнаружить даже ее точное местоположение и поинтересоваться, кто и зачем за ним следит. Собственно, весь план на этом и был выстроен.

И он поступил так, как она и рассчитывала. В тот момент, когда Мэй дала о себе знать, Дженази обзирал Судзо с вершины телебашни рядом с историческим центром города. Он сразу все понял и огромными прыжками направился к ней, буквально перелетев весь город. Остановился только менее чем в километре от ее здания, практически напротив, и она незамедлительно поймала его в оптический прицел. Целилась в голову.

Он поднял голову и их взгляды встретились — Мэй была уверена, что он видит ее. И нажала на спусковой крючок — мягко и без сомнений.

Дженази слегка отклонил голову в сторону, и пуля пронеслась мимо, разбив асфальт за его спиной. Покачал головой, улыбнулся — и прыгнул.

Для Мэй время замедлило свой бег. Она видела, как он приближается к ее окну, как встречный ветер развеивает его белые волосы и складки одежды. В правой руке у него была

небольшая кожаная сумка, которую он примерно на середине пути забросил на крышу здания — похоже, в ней было что-то ценное. Сердце девушки екнуло — если бы он полагал, что легко справится, то не стал бы так поступать. Он что-то понял.

За миг до того, как Дженази влетел в окно, Мэй нажала на одну-единственную кнопку на пульте. Лебедка заработала сразу, на бешеной скорости протаскивая ее сквозь здание; взрывпакеты — с небольшой задержкой, которой как раз хватило на то, чтобы он пролетел сквозь окно внутрь.

Два взрыва слились в один.

Скользя на тросе сквозь весь этаж, Мэй своим телом зацепила растяжки — и снова угадала с секундами задержки. Дженази, вырвавшись из бури осколков, исхлеставших его тело, преследовал ее сквозь пролом и влетел в мощный светозумовой взрыв, который должен был стать настоящим испытанием для его сверхтонких органов чувств. Конечно же, этого было мало, чтобы полностью ослепить и оглушить его — поэтому вторая граната пришлось как нельзя кстати, когда он, не снижая скорости после предыдущих ловушек, добрался до западного окна.

А Мэй уже летела вниз, на восьмой этаж, направив ствол винтовки вверх, и была готова, когда бешеная скорость сматываемой лебедки и ускорение свободного падения впечатали ее спину в бетонную плиту балкона. Сверхпрочный десантный костюм со встроенными амортизаторами и подвижной броней, которую она не стала снимать со спины, сработал как надо, поэтому ее кости выдержали, а заранее поврежденный балкон — нет. И когда Мэй поняла, что продолжает лететь вниз, то сделала сразу две вещи — снова нажала на кнопку пульта и выстрелила в полуослепшего Дженази, который как раз высунулся из окна. Лебедка начала разматываться, позволяя ей спуститься вниз, а Дженази дернулся и отступил внутрь, потому что тяжелая пуля с термитной начинкой попала ему прямо в лоб — идеальный в подобных условиях выстрел.

Спокойно спустившись на землю, Мэй отцепила трос от крепления десантного костюма и сделала шаг в сторону джунглей. Почувствовала головокружение и качнулась вправо, споткнулась и упала на одно колено. Спина ныла и отказывалась разгибаться, при каждом вздохе, которые внезапно стали даваться ей с огромным трудом, адски болели ребра. Судя по всему, она переоценила и свою стойкость, и защитные свойства брони.

Винтовка стала невыносимо тяжелой, поэтому Мэй бросила ее, сняла ножны с мечом с пояса и стала использовать его, словно костыль. Ей нужно было добраться до зеленых зарослей, но не потому, что там она рассчитывала скрыться — нет, обмануть совершенное обоняние Дженази она не надеялась. Просто конечным пунктом всего этого плана было достичь джунглей. Если бы она располагала большими ресурсами, то продолжила бы в них свою полосу препятствий, но чего не было, того не было. У нее остались только одна светозумовая граната и меч.

Сделав еще пару шагов, Мэй подняла голову и увидела, что Дженази уже встал у нее на пути. От футболки, брюк и обуви не осталось живого места, лохмотья были залиты кровью, кое-где из кожи торчали обломки гвоздей. Но ни одна из ран уже не кровоточила. Даже след от пули на лбу, хотя на месте сорванной и сожженной попаданием кожи белела кость черепа. Неповрежденная.

Мэй зачарованно следила за тем, как и эта рана медленно затягивается у нее на глазах.

— Кто ты? — с любопытством спросил Дженази, с сочувствием глядя на ее сгорбленную фигуру.

Девушка кое-как выпрямилась и обнажила меч.

Приняла боевую стойку.

— Сам попробуй догадаться, — прошептала она и бросилась в атаку.

Могла ли она ранить противника, который выдерживал прямые попадания бронебойных пуль и взрывы пластида? Который мог увернуться от всего вышеперечисленного, случись они в чуть более удобных для него обстоятельствах? Квон Мэй — не могла. Это было выше ее возможностей, и будь Дженази хоть каплю серьезнее, она бы уже валялась с переломанными костями — если не хладным трупом. Она только знала, что он любопытен и уверен в своей неуязвимости, а потому позволит ей играть в ее игру, пока ему не надоест.

Квон Мэй ничего не могла сделать с Дженази.

Но если бы она была всего-лишь безродной яо — фамилию Квон она выбрала себе сама, когда отказалась быть Мэй Саргас — то ни за что бы не вступила в бой с Гвардейцем Хаоса. Но у нее была причина. Она хотела причинить ему хоть немного боли, заставить испытать хоть каплю страдания, чтобы отомстить — за ту, которую он убил сто двадцать пять лет назад. За ту, память которой она получила, когда Ришари попыталась уничтожить безродную яо по имени Мэй — и заменить ее девушкой по имени Винсента Саргас.

Мэй разбудила внутри своего сознания фрагменты личности, которые получила в результате бесчеловечного эксперимента — и изменилась. Личность, которая только что стреляла из крупнокалиберной винтовки и падала с десятого этажа, никуда не исчезла, но теперь в ее сознании стала вполне отчетливой еще одна точка, о которой она всегда помнила, но не позволяла руководить своей жизнью. Или думала, что не позволяла... Как же сложно понять, какие мысли и идеи принадлежат тебе, когда в твоей голове живет еще один человек.

В отличие от Квон Мэй Винсента Саргас искренне любила Дженази. Это она называла его отцом, но сосуществуя с Мэй, она не могла не впитать в себя часть ее ненависти к человеку, который позволил дочери погибнуть. Мэй хотела отомстить, Винсента — обнять; но тело изначально принадлежало Мэй, поэтому и ее сознание было сильнее. И она твердила, что бой еще не закончен.

Мэй обладала мистической способностью сенсорного типа, Винсента — боевого, и как только она получила свободу, их общее тело избавилось от боли и усталости. В него вернулась сила — необыкновенная сила, и память о тренировках Кенсэя и приемного отца. В мгновение ока Винсента-Мэй пересекла дистанцию между собой и Дженази и ударила мечом, целясь в левое плечо.

Бывший Гвардеец без труда остановил клинок, подставив предплечье, и меч смог лишь рассечь кожу на руке — Винсента удивилась, ведь сто двадцать пять лет назад таким прочным его тело не было.

— Здравствуй, отец, — произнесла она голосом Мэй, но с интонацией, которую он не мог не узнать. Манеры, мимика, жесты Винсенты наложились сверху на привычный образ яо — не без сопротивления с ее стороны, все-таки совсем иным было это тело. Но того, что она могла ему передать, вполне хватило.

— Винсента... — прошептал Дженази.

Винсента-Мэй почувствовала, как его взгляд проникает в ее разум, чтобы удостовериться в том, что он не ошибся.

Он не ошибся.

Клинок в руке девушки сломался — разум Винсенты дрогнул, когда Дженази узнал ее, и

навязанный боевой пыл погас, лишив мистической энергии лучевую сталь. И Мэй поняла, что Винсента снова уходит, погружается в глубины подсознания, в тисках грусти и печали.

— Как? Почему? — не веря, спросил ее приемный отец, в его фиолетовых глазах в сумасшедшем водовороте сменяли друг друга нечеловеческая радость — и сравнимое с ней по силе страдание. Разумеется, ничего подобного он не ожидал, хотя кому как не ему знать, на что могут быть способны мистические способности.

Мэй выронила обломок меча — все-таки не надо было его с собой брать, Винсента сильна и в рукопашном бою — и безвольно опустилась на землю. Сил не осталось, как и гнева и злости.

Теперь она могла ему все рассказать.

Дженази внимательно слушал.

Мэй родилась на востоке Судо, в одном из самых густонаселенных мегаполисов республики Наррад, под мостом, в картонной коробке, которые в качестве жилья использовали самые жалкие отбросы общества. Нищие, бездомные, отвергнутые обществом, они создали здесь свое, с собственными правилами и законами, и на окраине города таких собралось несколько сотен. Мать, имя которой Мэй так и не узнала, продала ее за кусок подгнившего мяса семье городских нищих, единственным отличием которых от обитателей коробок была дырявая крыша над головой и дощатые стены с щелями вместо окон. Их имен она не запомнила — когда Мэй исполнилось три года, они продали ее местной мафии за деньги, которых хватило, чтобы уехать прочь из этого проклятого города.

Главарь банды, цвенг по имени Лабатоа, не собирался содержать ребенка за свой счет, и с первого же дня заставил ее работать — сопровождать уродливую попрошайку в качестве ее голодной «дочери». Собранные деньги их заставляли менять на дневной паек, который никогда не был настолько велик, чтобы Мэй могла наесться — Лабатоа не хотел, чтобы она выглядела сытой, и могла продолжать выдавливать гроши из жалостливых горожан.

А через год кто-то решил, что неплохо бы начать обучать девочку боевым искусствам в расчете на то, чтобы использовать ее в смертельных подпольных боях, где сталкивали между собой самых неожиданных соперников. Девочка с мечом могла бы привлечь внимание публики и повысить ставки. Ну а если она погибнет в первом же бою... Мало, что ли, на улицах таких, как она?

И она училась. Попрошайничала на улицах днем — а ночью училась убивать.

Ее первый бой на арене прошел, когда ей исполнилось одиннадцать. Противником был большой беспородный пес, обученный ненавидеть человеческий запах. Он бросился на нее, едва подняли клетку, и Мэй сама не поняла, как смогла нанизать его на слишком длинный для нее клинок.

Навсегда запомнила карие собачьи глаза, наполненные злобной решимостью любой ценой дотянуться до ее горла. А потом, за секунду до того, как остекленеть, в них отразился абсолютный, совершенный покой. Умиротворение.

На арене она провела два года. Дикая, безжалостная, беспощадная, она убивала любого, кто был определен ее противником. Слишком сильно хотела жить.

А еще ей просто везло — распорядители боев не выставляли против нее действительно сильных соперников. Доведенные до бешенства собаки и небольшие хищники, женщины,

калеки, другие дети... Она не знала, что живет в настоящем кошмаре, потому что другой жизни для нее не существовало.

Когда ей исполнилось тринадцать, против нее выставили взрослого мужчину. Бойца. Он недооценил Мэй, поэтому она смогла первой дотянуться до него мечом — и долго кружила вокруг, нанося порез за порезом, пока противник не потерял так много крови, что уже просто не мог сопротивляться. Она заколола его — трясущимися от усталости руками.

Потом было еще четыре подобных боя, и каждый раз она побеждала все увереннее. И тогда Лабатоа решил, что ей не место на арене. В то время в городе у него появился серьезный конкурент, другая банда, которая решила захватить его территорию. Началась война, улицы были залиты кровью бандитов и простых горожан. Лабатоа стали нужны все имеющиеся в его распоряжении бойцы.

Перед тем, как снова выпустить Мэй на улицы — два года она не покидала стены арены — он подарил ей меч — ее первую личную вещь кроме одежды и обуви — и объяснил, кого следует убивать. Девочка старалась, как могла, ведь в противном случае Лабатоа пообещал вернуть ее в клетку.

Она убила троих, прежде чем ее заманили в ловушку и окружили со всех сторон. Мужчины, юноши и подростки, которые не нашли для себя иного пути, кроме как стать головорезами и мерзавцами. Их было больше десяти, вооруженных чем попало, от кусков арматуры до ножей. И только у одного был пистолет. Все они боялись Мэй, боялись, словно дикого зверя, и поэтому владелец пистолета выстрелил первым. И промахнулся. Второго выстрела не было — оружие дало осечку, и Мэй собрала кровавую жатву. Как ей это удалось? По целому ряду причин, среди которых было и ее абсолютное бесстрашие, и опыт множества схваток, и ужас, сковавший тела врагов. Немалая удача, разумеется. Убить всех она не смогла только потому, что бандиты в панике разбежались, узрев демона в обличье ребенка. Остался только один — совсем молодой парень, который догадался подобрать пистолет. Он выбил из ствола бракованный патрон и нажал на спусковой крючок.

Пуля чиркнула Мэй по голове, срезав прядь волос, но даже по касательной удар пули был слишком силен. Она потеряла сознание. Пришла в себя от еще одного выстрела — бандит решил добить ее, но его руки тряслись слишком сильно. Попал в живот, не задев жизненно важных органов. А потом пистолет снова дал осечку, и парень, не выдержав, бросил оружие и убежал прочь.

Здесь, в грязном переулке, среди полудюжины трупов и в луже ее и чужой крови, Мэй нашла Ришари.

В тот миг девочке показалось, что одна из богинь спустилась за ней с небес, чтобы унести с собой ее душу. Волосы, сиявшие серебром в лунном свете, неземные глаза и голос, который не мог принадлежать человеку — Мэй, преодолевая боль, протянула к ней свои окровавленные руки, и Ришари с нежной улыбкой заключила ее в объятия и прошептала, что все будет хорошо. Девочка поверила ей и погрузилась в глубокий сон. А когда проснулась, поняла, что она больше не та, кем была раньше.

Уже потом Мэй узнала, что Ришари хотела воскресить давно погибшую девушку, заполучив каким-то образом ее воспоминания. Ей был нужен лишь подходящий сосуд, который мог вместить в себя искусственную душу.

Мэй стала первой подопытной. Она никак не могла стать второй Винсентой — тринадцатилетняя яо, практически дикая. Другое телосложение, иной склад ума... Для Ришари все это не имело значения. Она хотела узнать, что получится, если соединить память

Винсенты с настолько отличными от ее разумом и телом.

В результате вышло так, что Мэй продолжала помнить первые тринадцать лет своей жизни — и первые тринадцать лет жизни Винсенты. Ее опыт, ее знание, ее навыки — все это стало принадлежать безродной яо, которая до этого умела лишь попрошайничать и убивать. И в первые дни она никак не могла понять, кто она — Мэй или Винсента. Но Ришари звала ее Винсентой, поэтому прежняя личность наблюдала за жизнью в роскошном особняке Богини Юга из глубин отнятого у нее разума.

Такое положение дел изменилось в тот день, когда родилась Юрика. Искусственно созданное сознание Винсенты дало трещину, и прежняя Мэй смогла в полной мере обрести контроль над собой. Занять доминирующую позицию помогал также и тот факт, что с каждым днем, который делал ее старше, она получала новую порцию воспоминаний погибшей Винсенты, благодаря чему могла ясно осознать, какие фрагменты памяти являются ее собственными, а какие внедрены с помощью мистических способностей. Через четыре года она увидела день гибели Винсенты, и это поставило точку в истории Мэй Саргас. Она ушла из дома Ришари и Ичиро, оборвала все связи со «Стаей» и решила начать новую жизнь в качестве Квон Мэй.

У нее почти получилось.

Теперь, когда Дженази вернулся... Она не знала, что делать и как... Кем жить дальше.

Глава 68. Отец

Дженази выслушал историю Мэй, не проронив ни слова. Неподвижный, словно изваяние из серого мрамора. Смотрел вперед — и ничего не видел перед собой. Потому что не знал, что должен сейчас сказать; не знал, как следует сейчас поступить; не знал, о чем сейчас должен думать. Боль, гнев, грусть, радость — все эти чувства были противоречивыми и слишком сильными, чтобы он мог поддаться чем-то одному и действовать ему в соответствии. Но Мэй ждала от него хоть какого-то ответа, и его следовало найти. Поэтому он просто лег рядом с ней на землю и направил взгляд в темнеющие небеса. Чтобы отрешиться от мира вокруг себя и связанных с ним переживаний. Наедине с небом он мог набраться сил, чтобы продолжать находить во всем смысл — и в горе, и в радости.

Зачем Ришари сделала это? Он знал ответа. Любовь? Они любили Винсенту, и пять лет проведенных вместе, были счастливым временем, временем уверенности в правильности собственных поступков. Только счастье было возведено на лжи, и когда она открылась, стало ясно, что Винсента никогда не примет их путь — они сами воспитали ее такой, в той жизни и в том мире, которых не касалась Гвардия Хаоса.

Ришари любила Винсенту. Рассказ Мэй не мог дать ответ на вопрос, какую Винсенту она хотела вернуть — тринадцатилетнюю сироту, которая попала им на глаза благодаря простому стечению обстоятельств и которой была неведома подлинная суть приютивших ее людей, или восемнадцатилетнюю воительницу, которая искренне считала их своей семьей — и узнала... увидела правду. На месте сестры Дженази желал бы вернуть девушку, которая погибла по его вине — не для того, чтобы умолять о прощении, раскаиваясь в преступлениях прошлого, а для того, чтобы она просто смогла жить дальше. Даже ненавидя и презирая его — пусть так.

Ришари не завершила начатый эксперимент. Она вернула лишь тень Винсенты, сказав при этом разум и душу девушки по имени Мэй. Потому что не смогла полностью подавить ее волю и стремление сохранить собственное «Я». Почему сестра остановилась? Почему не продолжила попытки — с другой девушкой, чьи тело и разум были бы лучше совместимы с воспоминаниями Винсенты? Дженази не находил точного ответа. Но он твердо знал одно: его возможностей достаточно, чтобы стереть из разума находившейся рядом девушки сознание Мэй и оставить в нем только Винсенту. Он сможет вернуть свою приемную дочь — пусть и в ином теле. Это, в конце концов, тоже можно исправить.

Мэй с удивлением и замешательством смотрела на то, как Дженази поднимается на ноги и опускает ладонь на ее голову.

— Что? — спросила она, касаясь пальцами его руки.

Когда она встретилась с ним взглядом и в ее глазах отразились его собственные, он увидел, как в душе Мэй рождается страх. Она не могла знать, на что он способен, но подсознательно почувствовала опасность — всего на краткий миг.

А потом Дженази направил в ее тело поток энергии, способной изменить как тело, так и разум. Из ладони вырвалась вспышка света, которая обволокла тело девушки призрачным покровом — и рассеялась тысячами белых искр.

— Так гораздо лучше, не правда ли? — он улыбнулся и протянул ей руку.

Мэй приняла ее и неожиданно для себя легко встала на ноги — в теле больше не было ни боли, ни усталости. Как-будто и не было сумасшедшей схватки, в которой она едва не

переломала себе все кости.

— Спасибо...

— Глаза я тебе тоже поправил, — добавил Дженази. — Это самое меньшее, что я могу для тебя сделать. И... мне жаль, что все это произошло именно с тобой. У тебя могла быть другая жизнь.

— Если бы Ришари не нашла меня, я была бы мертва, — и ему, и себе напомнила Мэй, с радостью рассматривая линии на своих ладонях — несколько минут назад она не смогла бы этого сделать без очков.

— Может быть. Предлагаю продолжить этот разговор после того, как я решу проблему с одеждой, — Дженази развел руками, напоминая о лохмотьях, в которые превратился его костюм после серии взрывов.

— Даже не знаю, чем помочь... У меня есть соседка, у которой есть взрослый сын — могу попросить у них что-нибудь твоего размера.

— Хорошо, — Дженази одобрил ее идею.

И глядя на Мэй, до боли, до крови стиснул кулаки — минуту назад он едва не совершил очередной ужасный поступок в своей жизни.

Он не может вернуть Винсенту такой ценой.

Проблема с одеждой была решена менее чем через час. Соседка Мэй — уже пожилая женщина с приятными чертами лица — удивилась необычной просьбе, но все же согласилась одолжить на время спортивные штаны, которые ее сын носил дома, и белую рубашку. Самого парня дома не было, и когда он вернется, соседка толком не знала.

— Мой Анри все никак не может найти нормальную работу, — пожаловалась она. — Вакансий много, но какие же небольшие деньги они предлагают! А у него уже невеста появилась, и ему нужно думать о своей будущей семье... Вот и скитается, бедный, все ищет, ищет...

— Анри хороший парень, у него все получится, — утешила женщину Мэй, и погладила ее по руке. — Спасибо за одежду. Завтра все верну.

— Бедный, бедный твой отец — только нашел тебя, и сразу такое несчастье! Как же много бандитов развелось в последнее время! Куда катится наша страна, куда катится? — и причитая таким образом, соседка закрыла наконец дверь своей квартиры.

Мэй вернулась в свою, где и вручила Дженази одолженную одежду.

— Бандиты? — спросил он, одеваясь. Пока Мэй выпрашивала гуманитарную помощь, г'ата успел принять душ.

— Да. Напали на тебя, но ты смог от них отбиться ценой потери всего того, что на тебе было, — Мэй не смогла сдержать улыбки. — Если бы я рассказала правду, мне пришлось бы искать одежду в другом месте.

— Великовата, — констатировал Дженази, разведя руки в стороны. Даже в таком положении пальцы лишь слегка выглядывали из рукавов рубашки. Штанины он уже укоротил методом простого подворачивания.

— Анри высокий парень, — согласилась Мэй.

— Утром куплю новую, — вздохнул он, бросив взгляд на свою сумку, которая ждала своего часа в углу комнаты.

Потом был сопровождаемый неловким молчанием ужин — рис, овощи и чай. Девушка ела без особого аппетита — есть она не хотела вообще. Дженази ел спокойно, неторопливо, и девушка заподозрила, что он ест только для того, чтобы не расстраивать ее отказом от предложенного ужина. С другой стороны, хоть что-то оказалось между ними и необходимостью продолжить незаконченный разговор.

Но так не могло продолжаться вечно. И наступил момент, когда Дженази и Мэй просто молча смотрели друг на друга. Он — с нежностью, она — отчаянно скрывая растерянность.

— Где ты пропадал все эти годы? — спросила она первой, вспомнив, что лучший способ обрести контроль над ситуацией — это взять инициативу в свои руки.

— После того, как ты... Винсента погибла?

— Ты исчез через десять лет после того дня, — напомнила Мэй, вздрогнув. — Когда погибла та девушка... Нола Орчи. Ты любил ее, — эти слова прозвучали аксиомой.

— Да, — ответил Дженази. — И я не выдержал. До смерти устал от этого мира. И сбежал в другой. Прекрасный новый мир. Место, которое зовется Облачной Тропой. Там я обрел новых друзей и новую семью. И силу.

Мэй несколько минут обдумывала его слова. Спешить было некуда, и Дженази не торопил ее.

— Значит, ты больше не считаешь Ришари своей семьей?

— Нет, считаю, — твердо произнес Дженази. — Я вернулся в том числе и из-за нее.

— Убьешь ее? — внезапно спросила Мэй и очень внимательно всмотрелась в его глаза, пытаясь угадать скрытые чувства.

— Нет, — это тоже произнесла она, не дождавшись реакции на свой вопрос. — Ты не сможешь. Вся твоя нечеловеческая сила не способна изменить простую истину — ты слабый человек.

— Да, — с улыбкой подтвердил Дженази. — Но есть еще одна причина, по которой я не сделаю этого.

Мэй снова погрузилась в недолгие размышления. Потом произнесла:

— Ичиро, Ранмаро и Юрика.

Дженази молча кивнул. И нахмурился.

И Мэй снова поняла, что он собирается сказать.

— Я... Я не могла. Я не могла позаботиться о Юрике. Я... Если подумать, кто я ей вообще? Почему я должна беспокоиться о ней? Я? Всего лишь эксперимент одной сумасшедшей?

Тень гнева покинула глаза Дженази, и он спокойно улыбнулся. Ласково.

И Мэй стало больно. Потому что за этой лаской скрывалась снисходительность. И она внезапно устыдилась того, что только что обвинила в слабости Дженази. Нет, она поняла, почему это сделала. Потому что она не хотела признать свою слабость. Ведь на самом деле...

— Я должна была, — тихо сказала она. — Я должна была заботиться о Юрике. Я не должна была оставлять ее одну. Даже если Ичиро оберегал ее... Это был и мой долг тоже. А я... Я предала ее.

Дженази встал и обошел стол, его ладонь легла на плечо девушки, которая все еще не заплакала только потому, что слишком сильно держалась пальцами за свои колени.

И он обнял ее.

— Отец... Прости... Я все исправлю.

— Мы сделаем это вместе, — ответил Дженаси, чувствуя, как быстро промокает от ее слез его временная рубашка. — К тому же она и Ранмаро тоже в этом городе. И завтра вы сможете встретиться. А сейчас... Расскажи мне о себе. Моя Винсента. И Мэй.

Глава 69. Кризис Юга и длинные тени Рассвета

— Итак, подведем итог, — сказала Виктория, отодвигая в сторону пустую чашку для чая. — Ришари больше не управляет Судом.

За окном уже давно стемнело — Виллард Н рассказывал медленно и обстоятельно. Просперо был только рад таким подробностям, но девушка больше беспокоилась о том, как они найдут Дженази, Юрику и Ранмаро ночью в незнакомом городе.

— Да, — подтвердил синьор Н. — Она перестала контролировать ситуацию еще в то время, когда я только переехал сюда. По слухам, она стала затворницей в своем особняке где-то на юго-западе материка, и передала все в руки своего сына, Ичиро. Он весьма умен и решителен, но ему не хватает ауры ужаса, которая окружает Богиню Юга. Правители Союза Свободных Республик подчинялись ей беспрекословно, в точности выполняя каждое распоряжение, и за одно только подозрение в коррупции чиновник мог лишиться головы — в ее время. Ичиро тоже боятся, но не в такой степени. Главным образом потому, что он не смог в полной мере подчинить себе «Стаю». Это могущественная организация с весьма сложной структурой, созданной самой Ришари больше ста лет назад. Ичиро руководит ей всего тридцать лет, из них только двенадцать — не советуясь с матерью. А ведь у него десять заместителей и больше пятидесяти региональных руководителей — по одному на каждую страну Судо, Вердиго и Дакиэрро. У каждого из них есть команда кураторов городов, так же располагающих собственным отрядом подчиненных. Региональный руководитель Векилах — Крэйн Столсанг — иногда появляется на публике. Опасный и амбициозный человек, и насколько мне известно, он когда-то выказывал неповиновение даже самой Ришари. Единственный, кто выжил после этого, между прочим. Ичиро он подчиняется только на словах, и республика давно стала его вотчиной. В Судзо управляет его помощник, Бенедикт Грид — человек сомнительных способностей и репутации. Он был назначен городским куратором десять лет назад, и так и не смог завоевать авторитет у подчиненных. Ему даже пришлось набрать новую команду, а старую, которая работала с прежним куратором, отстранить от управления городом. Они остались в рядах «Стаи», только в качестве резерва, и, насколько я знаю, такое положение дел их не устраивает. Особенно троих из них — Вальда Брауна, Фредерика Сольрайна и Шона Шабири. Они осели в трущобах Судзо, и помощники Грида предпочитают туда не соваться.

— В трущобы отправились Юрика и Ранмаро, — пробормотал Просперо.

— Эти трое опасны? — быстро спросила Виктория у Вилларда.

— Да, — подтвердил синьор Виллард. — Они ветераны войн между «Стаей», «Молотом» и «Рассветом», у них впечатляющий послужной список.

Виктория и Просперо ответили ему сумрачным молчанием.

— Я вас правильно понял? — произнес наконец Просперо. — Члены «Стаи» грызутся между собой? За власть и влияние?

— Да.

— Несколько дней назад Ичиро привел с собой в Вердиго целый отряд бойцов «Стаи», — заметила Виктория.

— Я кое-что слышал об этом, — кивнул Виллард. — Это вызвало переполох в «Стае», многие не одобрили эту операцию. Ичиро взял только добровольцев, и их оказалось немного. И они до сих пор не вернулись. А если Ичиро не вернется, и Ришари продолжит

бездействовать, то начнется война между самими влиятельными офицерами «Стаи». Уже сейчас существует условное разделение организации на три группировки — «Алых», «Серебряных» и «Диких», которые конкурируют между собой за влияние на всех трех материках. Крэйн Столсанг и Бенедикт Грид — офицеры «Алой Стаи», «Серебряная Стая» — верные Ичиро и Ришари люди. «Дикая Стая» — личности вроде Вальда Брауна. Сейчас у них нет лидера, только общая идея — поставить во главе всей «Стаи» девушку по имени Мэй Квон — приемную дочь Ришари.

— У Ришари есть приемная дочь? — удивилась Виктория и посмотрела на Просперо, чтобы оценить его реакцию на эту новость. Только инспектор, судя по всему, пропустил ее мимо ушей — он почему-то крайне сосредоточенно смотрел куда-то вдаль сквозь окно, и к чему-то внимательно прислушивался.

— Просперо?

Инспектор вздрогнул и вновь сфокусировался на происходящем рядом с ним.

— Извините... Просто Дзаа... — Просперо наткнулся взглядом на Вилларда и осекся. Потом продолжил:

— К нам приближается чародей.

— Кто? — не понял Синьор Н.

— Чародей, — повторил Просперо.

На лице Вилларда появилось недоуменное и беспомощное выражение.

— Не понимаю, о чем вы...

— Опасный обладатель мистических способностей, — пояснила Виктория. — Он точно идет к нам?

Просперо кивнул, и взглядом дал понять, что расскажет больше, если Вилларда не будет рядом.

— Господин Виллард, мы оставим вас на пару минут, вы не против? — сказала девушка, и увела Просперо в другую комнату, бросив недоумевающего мужчину одного в гостиной.

— Просперо... — произнесла она шепотом.

— Синьор Н не знает, кто такие чародеи... — так же шепотом ответил инспектор.

— Не важно. Не он один. Кто сюда идет?

— Дзаа-Тхон-Кгар сказал, что к нам приближается адепт Ши-Хан-Зу, Забытого бога страха.

— Страх? — удивилась девушка. — И что он может? Насколько опасен?

— Дзаа-Тхон-Кгар говорит, что он не особо могущественный. И все же его следует остерегаться.

— Он далеко?

— Если никуда не свернет, то будет здесь уже через пять минут. Его адепт идет быстрым шагом. Оттуда, — Просперо указал рукой направление приближения вероятного противника. — Мы сможем увидеть его из окна гостиной.

— Тогда вернемся к Вилларду, — предложила Виктория.

Синьор Н встретил их встревоженным взглядом.

— Не знаю, о чем вы говорили, но если из-за вас на меня выйдут люди из «Стаи», я буду до конца ваших дней являться вам мстительным призраком.

— Вам не о чем беспокоиться, синьор, — поспешил успокоить его Просперо. — Даже если ситуация начнет развиваться по самому худшему сценарию, мы сможем вас защитить.

— И какой же сценарий, по вашему, самый худший в данном случае? — спросил

Виллард с немалой долей сарказма.

— Раббен Тоттенгрибер, вышедший из стены за вашей спиной, — совершенно серьезно ответил Просперо, сфокусировав свой взгляд на точке где-то позади хозяина квартиры.

Синьор Н не выдержал и обернулся. Из стены никто не выходит не собирался.

Просперо подошел к окну и стал пристально всматриваться в освещенный электрическим светом городской ландшафт. Виктория застыла рядом. Она выглядела бы увереннее, не будь этой тревожной бледности, придавшей особую четкость и выразительность чертам ее лица. Ее отражение в оконном стекле на пару мгновений отвлекло Просперо, и он упустил тот момент, когда неизвестный чародей возник наконец в его поле зрения.

— Вот он, — запоздало сообщил он, и уже втроем они прильнули к стеклу, всматриваясь в приближающуюся фигуру.

Когда неизвестный подошел достаточно близко, чтобы можно было рассмотреть детали его одежды и очертания лица, Виллард Н судорожно выдохнул и произнес:

— Это же мой сосед по лестничной площадке. Йохан. Переехал два года назад. Славный парень. Выпивал с ним несколько раз в баре по пятницам.

Виктория и Просперо обменялись красноречивыми взглядами.

— Совпадение? — девушка улыбнулась краешком губ.

— С нашим везением? — ответил инспектор. И тяжело вздохнул.

Пока Йохан медленно поднимался по лестнице, они втроем застыли у двери в нервном ожидании. Виллард хотел наблюдать за соседом в дверной глазок, но Просперо остановил его, тихо сказав, что и так отлично знает обо всех его действиях. Как именно, объяснить не стал, и синьору Н оставалось только поверить в сверхъестественное чутье инспектора. Виктория не стала говорить, что тоже чувствует Йохана сквозь стены и дверь благодаря своей мистической способности — как и всю воду в радиусе пары десятков метров. И все же контроль над перемещениями потенциального противника не прибавлял уверенности им обоим.

Йохан подошел к двери своей квартиры, вставил ключ, повернул его — и замер. Повернул голову, посмотрел на дверь Вилларда.

— Он знает, — прошептал Просперо, услышав голос своего Забытого. — Ши-Хан-Зу заметил Дзаа-Тхон-Кгара. Слишком близко...

Йохан подошел к двери квартиры Вилларда, положил на нее ладонь. Пару минут ничего не происходило, сосед синьора Н словно прислушивался — и решал, как ему поступить.

А потом дверь взорвалась, сбивая их троих с ног и засыпая щепками и осколками металла. Виллард заорал от боли и неожиданности, Виктория пронзительно закричала, закрывая ладонями глаза; Просперо в ужасе смотрел на длинную щепу, которая насквозь пробила его ладонь и замерла в миллиметре от глазного яблока — и понял, что вторая такая торчит в его горле.

«Смерть, — подумал он в ужасе. — Это конец».

«Это просто иллюзия, — с насмешкой отозвался Забытый в его голове. — Это игры с разумом Ши-Хан-Зу. Смотри: дверь цела, а вы просто катаетесь по полу, скуля от ужаса».

— Черт! — воскликнул инспектор, когда понял, что Забытый совершенно прав.

Сознание сыграла с ним — и с Викторией и Виллардом — злую шутку.

«Вы боялись, что он выкинет какой-то трюк — и слуга Хан-Зу воспользовался этим».

«Вы не могли заранее предупредить, что он способен на такое?» — мысленно воскликнул Просперо, приводя в чувство Викторию и Вилларда.

«Я не знаю, на что способен слуга Ши-Хан-Зу, — спокойно ответил Тхон-Кгар. — Понятия не имею, насколько сильна их связь. Но если она так же крепка, как и наша, то тебе стоит перестать бояться чего-либо, потому что он использует твой страх как оружие против тебя. А если их связь даже крепче, то он сможет и убить вас. Страх может убить, ты знаешь это».

«Вы умеете успокоить,» — Просперо улыбнулся этой невеселой мысли.

«Да, умею, — подтвердил Забытый. — Обрати внимание: слуга Ши-Хан-Зу удирает от нас со всех ног — потому что боится и не уверен в победе. И боится он в первую очередь тебя — адепта Владыки Грома».

«А еще он глуп, — Просперо решил, что ему и самому стоит найти причину для поднятия боевого духа. — К чему было атаковать? Мы ведь не провоцировали его. У страха глаза велики... Чего он так испугался? Если он чей-то тайный агент, то провалился самым безобразным образом».

Виктория была в бешенстве. Чародей по имени Йохан заставил ее пережить несколько минут исключительного страха, и теперь она чувствовала себя униженной. Он заставил ее показать, насколько же она слаба не только перед самой собой, но и на глазах у Вилларда и Просперо, и если на мнение первого ей было по большому счету плевать, то потеря лица перед Эспозито сильно ударила по ее самолюбию. И самооценке. И теперь она хотела только одного — отомстить. Просперо объяснил ей суть способности Йохана, и теперь она неслась вслед за ним по ночным улицам Судзо, оставив спутников далеко позади. Инспектор просил ее подождать, убеждая, что чародей все равно не сможет от него скрыться, но Виктория и сама отлично чувствовала его на расстоянии. И бегала намного, намного быстрее Просперо и Вилларда. Как и самого Йохана.

Еще пара минут — и он ответит за ее унижение. И за до ужаса правдоподобное ощущение деревянных щеп, выколовших ей глаза.

«Мерзавец. Да кем ты себя возомнил? Я дочь дома Лэйт и внучка Богини Юга Третьесортный колдунишка не сможет ко мне даже пальцем прикоснуться. И сейчас я это докажу...»

Свернув в очередной проулок, она увидела впереди фигуру убегающего чародея. Он как раз пересекал пространство, освещенное уличным фонарем, и даже когда обернулся, не смог ее рассмотреть во мраке ночи. А ведь для того, чтобы использовать магию, ему нужно знать, где находится его цель. Если он обернется, когда Виктория окажется на залитом светом участке пространства, ей снова придется столкнуться с его неприятной способностью... Решать, что делать, нужно было быстро.

И она нашла способ. Фонарь освещал круглое пятно мостовой и часть стены первого этажа близко расположенных к друг другу зданий. Поэтому она взяла вправо, прыгнула вверх и оттолкнулась ногами от стены рядом с окном второго этажа, чтобы обойти конус света по воздуху. Получилось, она благополучно завершила прыжок на самом краю обступившей

освещенную мостовую тени. И продолжила погоню, приготовившись к ее завершению.

Йохан как раз вбежал в следующее пятно света, когда Виктория поняла, что сможет использовать на нем свою мистическую способность. Она вытянула в его сторону руку и почувствовала, как же много жидкости в его теле. На таком расстоянии она могла немногое, поэтому просто придержала движение молекул воды.

Чародей глухо вскрикнул и упал на асфальт.

Виктория создала ледяной клинок в правой руке, а левой метнула ледяную иглу, вонзившуюся в голень Йохана.

— Теперь не убежишь, — хмыкнула она под нос и стала медленно приближаться к чародею, готовая к любому фокусу с его стороны.

Йохан поднялся на колени, повернулся и нашел ее взглядом, искаженным от боли и ужаса. Девушка застыла на мгновение, а потом произнесла ледяным голосом:

— Ни с места. Пошевелинься — убью. И забудь о своей магии, на меня она не подействует... — последнее слово Виктория произнесла очень тихо — услышала чьи-то шаги за спиной Йохана. Попыталась просканировать тьму позади него — и ощутила... Зло. Ужас, воплощенный в форме человека.

Неизвестный вышел на свет и замер рядом с Йоханом.

— Дядя? — Виктория растерялась.

Это был Дженази. Холодный, равнодушный. Бесконечно жестокий. Гвардеец Хаоса с картины ее матери.

— Я же сказала: никакой магии! — крикнула она Йохану и метнула в него еще одну ледяную иглу.

Игла застыла в воздухе, не долетев до чародея считанные сантиметры.

Девушка, не веря своим глазам, посмотрела на иллюзию Дженази. Он стоял, вытянув руку в сторону созданного ею куска льда.

— Я устал от вас, — произнес он глухим голосом, сжал пальцы — и игла рассыпалась ледяной крошкой. — Вы мне надоели.

Виктория, холодея от смертельного ужаса, увидела, как он направляет на нее свою руку — он, величайший мастер гидрокинеза в истории. Человек, который может убить простым усилием воли.

— Умри.

Ощущая прикосновение Смерти на своей коже, она ударила в ответ. Это была отчаянная атака обреченной — девушки, которая осознав неотвратимость собственного конца, решила продать жизнь подороже. И Виктория обрушила на собственный воплотившийся подсознательный страх всю мистическую мощь своей способности, трансформировавшуюся в ледяную вьюгу. Все вокруг покрыло льдом, буран поднял в воздух всё, что по своей массе не смогло приблизиться к весу человеческого тела; острые куски льда крушили асфальт, дерево, стекла, металл. Виктория уцелела, потому что находилась в центре этой бури; Йохан находился под защитой порождения своей способности. Ледяные копья, кинжалы и иглы зависли перед ним в воздухе, неспособные пересечь невидимую черту, и буран его не тронул.

Ледяная буря продолжалась почти минуту, Виктория давила ею изо всех сил, но все было тщетно. И все же она была жива. Призрак Дженази не убил ее, хотя его защита была крайне эффективной.

— Ненстоящий, — прошептала Виктория, только для себя. Она должна была убедить себя даже на подсознательном уровне, что Дженази перед ней просто фальшивка. Йохан не

мог призвать кого-то, сравнимого по силе с настоящим братом Ришари, иначе не прозябал бы здесь, в ничем не примечательном городе на севере Южного континента. Этот фантом, воплощенный страх человека, не может обладать энергией большей, чем сам чародей — по крайней мере, она хотела в это верить.

А потом, внезапно, она почувствовала, что стремительно падает вниз. Вскрикнула от неожиданности и взмахнула руками, стараясь удержать равновесие. Асфальт по прежнему находился у нее под ногами, она чувствовала его сквозь подошвы туфель, но тело стало пугающе легким, и девушка поняла, что еще миг — и она оторвется от земли и поднимется в воздух. И по лицу Йохана поняла, что он переживает то же самое.

Потеряв концентрацию, Виктория прервала свою атаку, но и фантом Дженази начал истаивать. Когда он исчез полностью, и чародей, и девушка в растерянности, размахивая руками и ногами, зависли в метре над асфальтом. Дернув локтем слишком сильно, Виктория развернулась вокруг своей оси — и увидела Просперо и Вилларда, стоявших совсем рядом. Синьор Н направил в их сторону руку, она заметила капельки пота, проступившие у него на лбу. А потом руку вытянул Просперо, и с его пальцев сорвалась ветвистая молния, ударившая прямо в Йохана. Оглушительно треснуло, вспышка света частично ослепила девушку, и тело снова обрело вес. Неожиданно, но она смогла приземлиться ловко, словно кошка, а когда обернулась, Йохан валялся на асфальте в бессознательном виде.

Поимка чародея завершилась успехом и без потерь.

Йохан пришел в себя через пять минут. Он не мог пошевелить даже пальцем — Виктория парализовала его конечности. Висел в воздухе на высоте полуметра — Виллард продолжал использовать на нем свою способность управления гравитацией. И находился под прицелом Просперо, который недвусмысленно направлял на него руку с растопыренными пальцами, между которыми то и дело потрескивали слабые электрические разряды.

— Дернешься — пожалеешь, — сообщил чародею инспектор без намека на угрозу, просто констатируя факт.

— Ноги оторву, — пообещала девушка.

И Йохан поверил. Глядя в ее холодные ярко-синие глаза, он поверил, что она оторвет ему и ноги, и руки, и голову — слишком сильно он испугал ее несколько минут назад, чтобы она позволила ему повторить тот же самый трюк еще раз.

А потом чародей встретился взглядом с Виллардом и улыбнулся ему.

— Виллард! Дружище! Боюсь, мы все друг друга неправильно поняли...

— Говори, — тихо прорычала Виктория. — Кто ты такой?

— Я? — переспросил чародей, и тут же дернулся от дикой боли — девушка едва не сломала ему палец с помощью гидрокинеза.

— Ты.

— Йохан Новак. Работаю в магазине «Веселый рыбак» — напротив Охотничьего рынка. У нас, кстати, отличные снасти, могу продать по скидке... Хорошей скидке! — последнюю фразу он провopil, потому что девушка снова начала выкручивать ему пальцы.

— За полцены отдам, — с облегчением выдохнул он, когда попытка прекратилась. — Право, я сам виноват, не стоило использовать на вас чародейство, но я испугался, очень

испугался! Дело в том, что месяц назад я занял крупную сумму не у тех людей, и они неожиданно увеличили процентную ставку! И теперь должен им вдвое больше... И долг растет с каждым часом! Когда ощутил присутствие еще одного чародея и обладательницу мистической способности рядом со своим домом, то подумал, что вы пришли за мной, чтобы выбить деньги. Но теперь, когда я оказался в таком положении, то мне стало понятно, что такие серьезные люди не занимаются выбиванием долгов из несчастных торговцев... Ведь так, да?

Виктория в растерянности посмотрела на сурового Просперо. Она была готова поверить в торопливый и искренний рассказ Йохана, но ей нужно было убедиться, что инспектор тоже не видит логических ошибок в его истории.

— Он лжет, — выдал Просперо краткий вердикт.

— Что? Нет! — поспешил возразить чародей.

— Ты знаешь имя моего Забытого. Твой должен был тебе сказать, что он умеет распознавать ложь.

— Я со своим почти не общаюсь, — смущенно признался Йохан. — У него сложный характер, и я, похоже, не устраиваю его как служитель. Иногда создается впечатление, что еще немного — и он откажется делиться со мной своей силой... У тебя таких проблем нет. Верно, парень?

— Я старше вас, синьор Новак, — ответил Просперо. — И вы снова лжете. Вы из «Рассвета»?

— А что это такое? — искренне удивился Йохан.

Виктория и Виллард едва не прервали свои способности, когда инспектор совершенно неожиданно и безжалостно ударил чародея сильным электрическим разрядом. Девушка испуганно осмотрелась по сторонам, проверяя, не появились ли на горизонте нежелательные зрители, привлеченные шумом. К счастью, эта улица была совершенно заброшенной. Или на ней обитали совершенно нелюбопытные люди.

— Вы из «Рассвета», синьор Новак, — произнес Просперо без тени сомнения. — И выбор у вас невелик: либо говорите правду, либо молчите. Если выберете второй вариант, мне просто придется задать чуть больше конкретных вопросов.

Йохан, более-менее придя в себя после внезапного удара током, обжег инспектора злобным взглядом и выругался сквозь зубы. Посмотрел на Викторию и Вилларда, убедился, что они не собираются останавливать своего товарища — и сдался.

— Да. Я из «Рассвета». Только не надо больше ваших молний, ладно?

— Рассказывайте, синьор Новак. Мы слушаем.

И Йохан Новак рассказал. О чем-то — медленно и обстоятельно, о чем-то — бегло и торопливо.

Он родился и вырос на западе Судо, и до двадцати лет был самым обычным парнем, пока однажды его не нашел один из учеников Сигурда — Элом. Элом был чародеем и агентом «Рассвета».

Этот человек обучил Йохана и раскрыл ему имя одного из Забытых — и ничего не потребовал взамен.

«Мы — чародеи, — сказал он ему. — А чародеи — это одно большое братство, мы должны держаться друг друга, помогать и поддерживать. Когда мне понадобится помощь, я

уверен, ты первый придешь мне на помощь».

И через пять лет такой шанс представился. Элом пришел однажды в его дом и попросил спрятать от злобных наемников «Стаи», которые убивали всех, кому не повезло оказаться у них на пути. Йохан, рискуя жизнью, помог учителю спастись от преследователей — и оказался втянут в тайную войну двух организаций.

«Судо правят звери в человеческом облике. С ними Союз катится в Бездну. Их надо остановить,» — так сказал Элом. И Йохан поверил ему безоговорочно.

Сначала он просто собирал информацию. Внимательно слушал, заводил полезные знакомства — и каждую неделю выходил с Эломом на связь. Ему хотелось большего, больше риска и больше ответственности, но ни одного важного задания ему так и не поручили в течение следующих трех лет. И когда он решил, что его просто используют, а война между «Рассветом» и «Стаей» не более чем условность, Элом сам связался с ним и сообщил об агенте «Молота» в Судзо. И что ему нужен человек, который будет следить за ним.

«Молот» был организацией Вердири, с которой Союз находился в паре шагов от полномасштабной войны.

«Настоящий враг моей страны,» — подумал он и с радостью согласился.

Ожидания... не оправдались. Виллард не был полноценным шпионом или диверсантом. Да, его прислал сюда «Молот», но... Он ни разу не связался со своими кураторами. Ни разу за два года. Вел обычную жизнь. Честно трудился. Общался с соседями. Терпел постоянные неудачи на личном фронте. С ним можно было поболтать в баре о спорте и политике за бокалом пива. И он осуждал перспективу войны, вполне искренне.

Когда он сообщил Элому, что объект не представляет серьезной угрозы, и что наблюдать за ним может кто-нибудь еще, не обладающий сверхценной связью с Забытым богом, куратор приказал ему усилить бдительность. Сказал, что грядет буря, что скоро весь мир охватит пламя большой войны. Йохан отнесся к этому скептически. А через неделю узнал, что Элом мертв. «Стая» выследила его.

Это произошло два месяца назад. И все это время Йохан ждал, когда придут и за ним. Готовился.

Совсем не удивился, когда ощутил за соседской дверью чародея Дзаа-Тхон-Кгара и сильную обладательницу мистической способности. Ударил первым — и сбежал.

Недалеко, правда...

— Мы пришли не за тобой, — сказала Виктория. Теперь она смотрела на Йохана с определенной долей жалости, но бдительность не ослабила, готовая сломать ему все кости, если понадобится.

— Ну, почему же? — возразил Просперо. — Если бы встретили первым синьора Новака, то пришли бы сначала к нему домой. Он нам тоже нужен.

— И что будем делать?

Инспектор задумался. Вздыхнул.

— Отведем обоих к синьору Дженази.

— А если... — Виктория указала на Новака одними глазами, демонстрируя беспокойство за его жизнь.

— Ну что вы, синьор Дженази же не зверь какой-то, — с улыбкой ответил Просперо.

Потом вспомнил что-то — и улыбка пропала.

— Да, точно, — нервно улыбнулась девушка. — Не зверь. Синьор Н, вам придется пройтись с нами. Этого... Тоже берем.

Глава 70. Наследие матери, ревность и Кукушка

С заданием Дженази Ранмаро и Юрика справились на ура. «Взять трущобы под контроль до захода солнца» — оказалось довольно просто. Хотя Ранмаро понимал, что им просто сильно повезло, ведь те, кто управлял этой территорией, сами вышли к ним навстречу. Самым главным здесь оказался Вальд Браун — огромный зверочеловек, которого победила Юрика. И Фредерик Сольрьяйн представил ему странного старика, едва не превратившего парня в рагу — его звали Шон Шабири. Они трое были членами «Стаи», только статус у них был... необычный.

Вальд долго объяснял особенности нынешней внутренней политики «Стаи», и причины, по которым Судзо оказался разделен между ним и Бенедиктом Гридом. Это было похоже на не объявленную войну, хотя на самом деле являлось обычным противостоянием между двумя партиями — «дикими» и «алыми». «Диких» в городе было десять человек, включая Вальда, Фредерика и Шона, и все они находились сейчас с ними в одном помещении — спортзале закрытой школы, довольно далеко от места первой встречи. Их представили друг другу, но парень смог запомнить имя только одной девушки — Наи, представительницы народа арга — зверолодей. Она почти не отличалась от обычных людей... Большие кошачьи желтые глаза, заостренные уши, слегка удлинённый клыки; топ с открытой спиной демонстрировал небольшой гребень бурой шерсти, сползающий с затылка по шее и спине до середины лопаток. И больше ничего необычного... Ну, разве что кроме пары дополнительных рук. У Наи было четыре руки, которые она держала скрещенными на груди и животе, внимательно рассматривая Ранмаро и Юрику.

Лэйт старался не пялиться в ее сторону, но у него это плохо получалось. Ная старательно делала вид, что ее не смущает его внимание.

— Значит, вы у нас оппозиция, — хмыкнула Юрика, вольготно расположившись в предложенном ей с почтением кресле.

— Бенедикт Грид не достоин своего места, но пока в республике заправляет Крэйн Столсанг, сместить его не получится, — ответил Вальд. — А убрать самого Крэйна могут либо ваша мать, либо брат. Господин Ичиро до сих пор не вернулся из Вердирос...

— Не только они... — пробормотал Фредерик Сольрьяйн.

— Мэй... — тихо произнесла Ная.

— Мэй? — переспросила Юрика, встрепенувшись.

— Да, Мэй, — ответил Шон Шабири, который все это время молча стоял в стороне. — Ученица Ришари. Было время, когда она была правой рукой Ичиро, и «Стая» занималась делом, а не потаканием интересам наследников Десяти Великих Домов.

— Дома Столсанг, — мрачно уточнил Вальд. — Крэйн — амбициозный человек, не пойму, почему госпожа Ришари не прикончила его.

— Кто знает, — пожал плечами Фредерик Сольрьяйн. — Но если Ичиро и Ришари не вернуться, он попытается захватить власть над всей «Стаей». И всем Союзом. И как только это произойдет... Как только Сигурд и Белгорро поймут, что Юг лишился своей Богини... Они сметут нас в мгновение ока. Судо падет.

— Грида нужно убрать, чтобы навести порядок в Судзо, — Вальд повернулся к Юрике и Ранмаро. — Крэйна — чтобы спасти весь материк.

Юрика, которая рассеянно рассматривала стену за спиной зверочеловека с того самого

момента, когда услышала имя Мэй, встретила с ним взглядом.

— Ясно. Можно задать один вопрос?

Ранмаро услышал в ее голосе нехорошие, мрачные нотки.

— Да, — Вальд их тоже услышал.

— Что плохого в том, если Судо попадет под управление Ранфарга Белгорро? В Федерации больше порядка и стабильности, не так ли? Более того, именно ваши товарищи спонсируют и курируют многие преступные организации — там, у нас дома. Это из-за «Стаи» Фламби — родной город Ранмаро — сгорел однажды дотла. Не понимаю, почему мы должны переживать о судьбе вашего Союза?

В спортзале повисла напряженная тишина. Вся «Стая» старательно прятала глаза от пронзительного взгляда дочери Богини Юга.

Ранмаро понял, что ситуация требует разрядки.

— Это уже второй вопрос, — произнес он с легкой улыбкой. — Да, мы не должны переживать об этом. У нас свои счета со «Стаей». Только...

— Только что? — недовольно проворчала его сестра, уже догадавшись, что сейчас будет.

— Только «Стая» — не Судо. Даже больше, «Стая», с которой мы сталкивались раньше — не эти ребята. Они ни разу не были в Федерации... Ведь так? — он с надеждой посмотрел на Вальда и остальных.

— Нет, не были, — быстро подтвердил Браун.

— Ну, вообще-то, — осторожно произнес Фредерик, — я был. Лет сто назад. И Вальд был, но в Вердиго, еще до того, как Белгорро создал Федерацию. В старые добрые времена Летишь, бывало, на флайере, а в иллюминаторе Небесный Город на землю падает. Тот, в котором ты прожил пятьсот лет. Славные были деньки.

Возникшую на этот раз паузу Ранмаро прекращать не спешил.

Юрика, подавленная услышанным, отвернулась.

— Вы — дети Богини Юга, — слова, разрезавшие тишину, принадлежали Нае. — Если не вы — то кто? Кто поможет нам? Просто поддержите нас... И убедите Мэй вернуться в «Стаю». Я не смогла... Никто не смог.

— Ты знаешь, где она сейчас? — с нескрываемой надеждой спросила Юрика и прыгнула с кресла.

Вальд жестом приказал Нае замолчать и пристально посмотрел на девушку.

— Ты знаешь ее? — спросил он с удивлением.

Юрика смутилась и села обратно.

— Вы сказали, что она — ученица моей матери.

Она подняла голову, и все увидели каким ожесточенным и решительным стали черты ее лица.

— Я должна увидеть ее. Где она? Где Мэй?

Вальд не ответил сразу, явно колеблясь. Но потом все же решился и произнес:

— Здесь. Мэй здесь, в Судзо. Работает учительницей в школе. Она приказала нам не приближаться к ней. Оставить в покое.

— Отведите меня к ней.

Вальд обменялся взглядами со своими подчиненными. Не встретился с признаками протеста и с улыбкой ответил:

— Хорошо. Но завтра. Сейчас уже поздно. Ная отведет вас к ней утром.

Провести ночь Юрике и Ранмаро предложили у Наи. Девушка жила в уютной двухкомнатной квартире, в обветшалой многоэтажке-муравейнике, каких в трущобах было полно. По сути, этот район из таких и состоял — медленно рассыпающихся зданий, на ремонт которых должны были выделяться деньги — но не выделялись. Власти отвернулись от этой части города, и здешние обитатели жили по своим собственным законам — как умели.

— Печальное зрелище, — сказала Юрика, когда они подошли к порогу дома подчиненной Вальда Брауна. — В Федерации такого не увидишь. То есть, заброшенные районы есть и у нас, но они действительно заброшенные. Люди там не живут... В моем родном городе есть такое место, я провела там много времени. Слышала, что в ближайшие годы всю ветошь снесут и построят новый район, за который Ховину не будет стыдно. Федерация строится, шагает вперед.

— Уклад жизни в Судо не менялся в течение сотен лет, — ответил Ранмаро. — Все оставалось прежним: уровень научно-технического развития, устройство общества. Даже после падения Небесных городов границы республик остались практически неизменными... Представляешь — три-четыре сотни лет назад, когда в Вердиرو люди сражались мечами и копьями, здесь гремели выстрелы винтовок и артиллерии, в небе летали бомбардировщики и истребители, а в полях сталкивались танковые дивизии. Техника не менялась, прогресс был заморожен. И мама не стала ничего менять.

— И сейчас Судо — самый отсталый континент в научно-техническом плане, — подтвердила Ная. — И руководят им те, кого такое положение дел устраивает. Ришари защищала нас от перемен извне, и если подумать, не мешала народам Союза развиваться. Мешали другие... Те, кого Гвардия Хаоса так и не смогла истребить до конца.

— Только давай без драматизма, я уже поняла, что вы во всех своих бедах вините Великие Дома, — проворчала Юрика. — Таких, как Ран.

Ранмаро неодобрительно покосился на сестру, но она предпочла это не заметить.

— Кто это «мы»? — немного недовольно спросила Ная.

— Такие, как ты и Шон Шабири. У Вальда, похоже, претензии только к Столсангам, а Фредерик сам из Великого Дома. Вы называете себя «Дикой Стаей», и цель у вас вроде бы одна, но если присмотреться, копнуть глубже... Что будет, когда Столсангов уберут? Спорю на сто айр, что Дикая Стая разделится на Правую и Левую, или Белую и Черную — одни будут сажать небожителей в каталажки, а другие будут теми, кого сажают. Потому что вторых меньше, и шансов у них нет.

— Это не так, — быстро возразила Ная. — Такие, как Фредерик — они достойные люди. Мы все это понимаем.

— Правда?

— Да. Но в одном ты права. Сторонников у небожителей действительно мало. Рассказать, почему?

— Удиви меня, — ответила Юрика с легкой иронией.

Они как раз поднялись на третий этаж, и Ная открыла дверь своей квартиры.

— У меня не всегда было четыре руки, — произнесла девушка, снимая плащ, под которым она скрывала лишние конечности от ненужных глаз на улице, и вешая его на

крючок в прихожей. Провела своих постояльцев в гостиную и предложила расположиться на диване.

— Прогресс на материке стоит на месте, — продолжила она, устраиваясь в старом скрипучем кресле, — это верно. Но «Стая» должна быть сильной. Она должна побеждать «Молот» и «Рассвет», особенно последний — а ведь практически все технологии Небесных Городов ушли в Дакиэрро еще при жизни императора Фридриха, туда забрали ученых, инженеров из Великих Домов и их вассалов. Но кое-кто все же остался. И благодаря им здесь, в Союзе, существуют секретные лаборатории, в которых ведутся разработки новых видов оружия, или восстанавливаются старые, чтобы однажды использовать его в большой войне. Источники энергии, компьютеры, дроны, ракеты, боевые машины... Идеальные солдаты. Я — арга, зверочеловек, у нас очень высокая рождаемость. Очень, очень много детей, часть которых все равно умрет — так почему бы не использовать эту часть для разных опытов? Во что можно превратить и без того сильное и выносливое тело представителя моего народа? Такие эксперименты проводились еще до падения Небесных Городов, и кто-то из выживших ученых продолжил эту славную традицию. У него появились ученики... Я выросла в инкубаторе — меня отняли у матери сразу после рождения. Пичкали разными препаратами, играли с моими генами. Эти руки, — Ная подняла вверх вторую пару, — начали расти, когда мне было три года. Мы, арга, взрослеем быстрее других рас, так что я хорошо помню весь процесс... Это заняло два месяца, и это было больно. Организм перестраивался... Я получила не только лишние конечности — стала быстрее и сильнее своих сородичей, и мои чувства намного острее. Но конечной целью эксперимента было не это, я оказалась всего-лишь очередной ступенькой на пути к его вершине. Не знаю, получилось у них или нет — когда мне исполнилось шесть, меня сняли с программы и поместили... в нечто вроде зверинца. Кунсткамеры. Я стала экспонатом, на который время от времени приходили посмотреть и сравнить с новейшими достижениями евгеники. Однажды пришел сам Крэйн Столсанг... Ублюдок. Тогда, в его глазах я увидела и поняла причину, по которой Гвардия Хаоса едва не уничтожила все их племя...

— Эй, полегче, тут Ран, если ты не забыла, — возмутилась Юрика.

Но Ранмаро заморожено слушал четырехрукую девушку, так что она только вздохнула и продолжила слушать дальше.

— Представители Великих Домов верят, что выше всех нас — арга и других жителей поверхности. Даже такие, как Ранмаро и Фредерик. Просто одни смотрят на нас с сочувствием, потому что нам не дано жить по тысяче лет, а для других мы ничем не лучше бессловесных животных. Ранмаро принадлежит к первым, — она кивнула парню, и тот смущенно отвел взгляд, — а Крэйн Столсанг — ко вторым. Я не знаю, кого больше, но большинство таких, как я, видят и запоминают Крэйна и ему подобных. Поэтому, однажды, время Великих Домов закончится раз и навсегда.

— Думаю, я знаю, кто будет принимать решение заканчивать время Великих Домов или нет, — серьезно, но в то же время с улыбкой произнесла Юрика, и красноречиво посмотрела на брата. Он задумался на мгновение, а потом ответил ей такой же улыбкой.

— Кто? — спросила Ная.

— Глупый вопрос... Наш дядя. И другие такие же. Бывшие Гвардейцы. Если определение «бывшие» вообще можно применить в нашей ситуации... Кстати, а как ты выбралась из своей «кунсткамеры»?

— Меня вытащила Мэй. И я работала под ее началом, пока она не покинула «Стаю».

— Почему она ушла?

— Не знаю... Таким, как я, не положено знать подробности того, что происходит внутри семьи Богини Юга. Только слухи.

— Какие, например?

— Что она открыто выступила против нее... Подвергла сомнению ее авторитет.

— И теперь вы считаете, что она может стать куда лучшим лидером, чем Ичиро или Крэйн Столсанг?

— Она осталась после этого жива. Почему бы и нет?

— Отличный аргумент, — ответила Юрика с неприкрытым сарказмом. — Хотя... Учитывая все то, что я уже знаю о маме... Все же весомый, да. Есть что перекусить? Мы с Раном с утра без маковой росинки во рту...

Ная широко улыбнулась.

— Конечно. Но только если вы не вегетарианцы. Мы, арга, не можем без мяса.

— Не сомневаюсь, — сдержанно ответила Юрика, в очередной раз цепляясь взглядом за удлинённые клыки Наи. — Только поджарь его для нас немного, ладно?

— Нам, арга, никогда не понять вашу привычку портить свою еду, — вполне серьезно ответила Ная, и только едва заметная искорка в глубине янтарных глаз выдала ее настоящую реакцию на шутку гостя.

— Просто оно так хранится дольше. И паразиты разные убиваются... У любителей сырого мяса порой такие дружелюбные соседи в кишках заводятся — до десяти метров и длиннее...

— Юрика! — в ужасе воскликнул Ранмаро, стремительно бледнея и зеленея.

— Я уже шестнадцать лет Юрика, и насмотрелась разного... Рассказать, как хирурги моего знакомого мальчишку-сыроеда спасали? Во-от такого вытащили...

— Юрика!

— Молчу, молчу...

Через час, оставив Ранмаро и Наю внутри квартиры, Юрика вышла на балкон. Посмотрела на небо, потом на городской ландшафт вокруг. Солнце уже зашло, появились первые звезды, но уличное освещение не спешило включаться, и немногие из окон окружающих ее домов горели светом электрических ламп.

— Дыра... — вздохнула Юрика и достала из кармана пачку сигарет. Щелкнула зажигалкой, сделала глубокий вдох и оперлась локтями об ветхие перила. Дерево опасно скрипнуло, но провалиться сквозь него и упасть она не боялась. Что для нее теперь восемь-девять метров высоты? Приземлится и даже не почувствует ничего... После встречи с дядей она стала гораздо сильнее, и ей пришлось испытать эту силу в бою. И Ирисса теперь с ней, защитит от чего-угодно — в разумных пределах, в которые, конечно, не вписываются Гвардейцы, но и этого более, чем достаточно.

Юрика поймала себя на мысли, что больше не чувствует себя обычным человеком. Прежде она просто считала себя отклонением от норм, своего рода уродкой, и мирилась с этим, обвиняя в несовершенстве весь остальной мир... Но не теперь. Теперь она знала, кто она, и пусть боль от этого знания была невыносимой, где-то в глубине души возникло — и не уходило ощущения покоя, которое дарило понимание своего пути в этом мире.

Она должна найти свою маму. Ришари.

Поток размышлений прервал Ранмаро, которому тоже взбрело подышать свежим воздухом. Хотя на самом деле он начал волноваться за сестру, но Юрика позволила ему объясниться первой версией. Выдохнула в его сторону облако сигаретного дыма и снова посмотрела на покрытые мраком трущобы.

— Ран... Ты помнишь, зачем мы здесь?

— Ищем маму, — ответил он после секундной заминки.

— Да, точно. Я хочу увидеть Мэй. Для меня это важно. И только. Стае Вальда она нужна совсем по другой причине, и если она им откажет, мы не станем ее переубеждать. Потому что это не наше дело. Нам нет дела до Крейна Столсанга и того, что станет с Судо, если он возглавит «Стаю». Это в принципе невозможно, потому что стоит только вернуться Ичиро или маме, и от него мокрого места не останется. Вся эта возня, в которую — вижу по глазам, не отрицай! — ты хочешь впутаться, и меня с дядей, Рией и Просперо заодно втянуть, не стоит выеденного яйца.

— За то, что происходит сейчас с Судо, ответственны мама и Ичиро, — ответил Ранмаро, нахмурившись. — Можешь смеяться, но я тоже чувствую себя ответственным за происходящее. Тем более, что я — Лэйт. Было время, когда голос представителя моего Дома значил больше, чем голос любого другого. Нам доверяли разрешение споров и конфликтов между другими Домами, приглашали арбитрами... В те времена, когда Лэйт были сотни. Когда кто-то обвиняет Великий Дом в преступлении, я чувствую себя обязанным разобраться...

— А ты не можешь отложить свой первый шаг на пути к возрождению славных традиций законников-Лэйт до другого раза?

— Могу, — Ранмаро пожал плечами. — Кстати, очень забавно прозвучало, когда ты сказала, что я хочу втянуть дядю в это дело. У меня такое ощущение, что когда он сам узнает обо всем, нам придется заняться решением этой проблемы.

— Он пообещал отвести нас к маме, — бескомпромиссно отрезала Юрика. Раздраженно выбросила недокуренную сигарету вниз, во двор, и крепко стиснула пальцами перила балкона, понимая, что Ранмаро прав. — Проклятье!

На ночь Ная предложила Ранмаро кресло в гостиной, а Юрике — диван. Парень помог ей разобраться с грязной посудой и выразил готовность помочь с чем-либо еще, пусть только попросит. Юрика понимающе хмыкнула, заметив в его глазах огонек повышенного интереса к четырехрукой арга, и даже ткнула его локотком под ребра, намекая сбавить обороты. Хотя Ная была действительно красива, ей и самой нравились удивительные раскосые глаза этой девушки. Не нравилось только, что в них за подчеркнутым равнодушием скрывалась искра взаимной симпатии к ее брату.

«Неприятнь к Великим Домам — это одно, а тяга к симпатичным мордашкам, видимо, совсем другое, — подумала Юрика, заметив, как эти двое «случайно» соприкоснулись кончиками пальцев. — Охренеть, они даже толком не знакомы, а в воздухе уже сплошные флюиды. Нет, не надейтесь, голубки, сон у меня чуткий. Обломитесь».

Похоже, ее взгляд оказался слишком красноречивым, и Ранмаро посмотрел на нее с непониманием, словно это кто-то другой только что слишком пристально разглядывал

упругие достоинства хозяйки квартиры.

«Ран, какой же ты все-таки... Мужчина. Мог бы и постесняться при сестре».

— День был тяжелый, а завтра еще тяжелее будет, так что нам всем нужно выспаться, — сказала Юрика, устраиваясь на диване и накрываясь тонким покрывалом, предложенным Наей. — Всем спокойной ночи. И Ран... Если я услышу в темноте чьи-либо крадущиеся шаги в направлении спальни Наи, оторву суициднику... ноги.

Щеки Ранмаро залило ярко-алой краской, но ни один мускул на лице не дрогнул.

— У меня слух намного лучше твоего, сестренка, — ответил он ровным голосом, стараясь не смотреть в сторону Наи. — Можешь доверить мне безопасность этого дома.

— Ты уж постарайся.

— У меня тоже очень хороший слух, — чуть громче необходимого ответила побледневшая от злости Ная. — И если кто-то и прокрадется в мою спальню, то только с моего разрешения.

— Здорово, — широко улыбнулась ей Юрика. — Тогда я абсолютно спокойна за твою безопасность.

— Мне очень приятно, что дочь Богини Юга так беспокоится обо мне, — ответила Ная с иронией.

— О, сын Богини Юга беспокоится о тебе намного больше, — не без яда в голосе ответила Юрика и прикрыла ладошкой широкий зевок. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — Ная изобразила шутливый поклон и закрыла за собой дверь спальни.

Юрика проводила ее взглядом и обнаружила на себе еще более пристальный взгляд брата.

— Что это было? — с изумлением спросил он.

— Ничего особенного, — невинным голосом ответила девушка. — Просто я вспомнила кое-что, о чем ты, похоже, успел забыть.

— Что именно?

— Пару красавиц, которые, по твоим словам, ждут тебя в Фламби, — ответила Юрика шепотом.

— А при чем здесь они, извини за вопрос? — Ран тоже перешел на шепот, выразительно косясь на дверь в спальню Наи.

— Да так, показалось, наверное... А ты чего шепчешь?

— Я не шепчу, — сдержанно негромко ответил Ранмаро.

— Я тут попыталась вспомнить имена, — сказала Юрика довольно громко, и парень неожиданно возник рядом с диваном, положив ей на плечо свою крепкую ладонь.

— Я их не называл, — чуть слышно произнес он, глядя ей в глаза умоляющим взглядом.

— Так назови, чего стесняться?

— Юрика... — взмолился Ранмаро, и девушка смилостливилась.

— Так значит, мне не показалось? Что, запал на четырехрукую красотку, да?

— Это не то, что ты подумала... И вообще, тебе-то что? Нравится она мне, да, почему тебя это волнует? Что за сцена ревности?

— Это не ревность, а женская солидарность... Вскружишь девушке голову, а потом испаришься из ее жизни, как, похоже, уже готов испариться из жизни двух бедняжек, оставшихся на Вердири... Как тебя Валерия воспитывала, а?

— Может, Ная не против... — смутился Ран, отступая от дивана. — Не изображай

полицию нравов, тебе не идет.

Юрика задохнулась от возмущения, едва слышно посетовала на «современную молодежь» и отвернулась, накрывшись покрывалом с головой.

— Ран, — тихо, но твердо произнесла сквозь ткань и подушку, — я уже сказала: услышу — оторву.

Слушая, как брат устраивается в кресле, девушка размышляла над тем, не перегнула ли палку. На самом деле ее не сильно волновали его романтические порывы, просто таким образом она смогла ненадолго отвлечься от размышлений о том, что именно имел ввиду дядя, когда сказал, что ключ к собственной силе у нее под носом. Просто она не хочет его увидеть. Неужели так сложно объяснить, что и как, вместо того, чтобы с чувством собственного превосходства наблюдать за ее тщетными попытками разобраться в природе мистических способностей? Он требует от нее сразу понять то, что у него самого, вероятно, заняло десятилетия.

«Лицемер,» — проскочила у нее раздраженная мысль, и она беззвучно вздохнула. Потом вызвала материализованные воспоминания Дана Даркенвэй и несколько минут наблюдала за игрой светящихся прожилок, сотканных из белого тумана.

«Нет, не так. Не воспоминания Дана, а воспоминания о Дане. Кого-то, кого дядя назвал Наблюдателем. Попытаться найти его внутри?»

Юрика легко погрузила свое сознание в запись пространства-времени более чем столетней давности, и сразу обратила внимание на то, что демонстрируемый эпизод выбирается согласно некоему алгоритму, определяющему порядок просмотра. Вот почему она с самого начала увидела не момент рождения Дана, а его уже в юношеском возрасте, на поле боя. Сейчас ей снова хотели показать очередную историю Дана в компании со Стражами Неба, но Юрика усилием мысли заставила отмотать запись далеко назад, куда-то в детство Даркенвэя. И оказалась в комнате, интерьер которой вызвал у нее острый приступ безмолвного восхищения. Девушка словно попала в одну из научно-фантастических книг, которые ей посчастливилось прочесть, описывающие научно-технические достижения будущего. Светящиеся панели из пластика и металла, огромная проекция экрана на всю стену, приборы непонятного назначения... И маленький Дан Даркенвэй на полу в центре комнаты, собирающий необычную головоломку из парящих в воздухе геометрических фигур.

— Ну и где же ты, Наблюдатель? — спросила Юрика у пространства, внимательно осматриваясь по сторонам. Потом вспомнила, что Дженази сказал искать его в изнанке мироздания, но как увидеть ее, не знала. Постаралась вспомнить, что именно видела тогда, но картина колоссальных и причудливых механизмов была слишком сложной, богатой на мелкие детали, которые отказывались воскресать в ее памяти.

— А говорил, что это легко...

В какой-то момент ей захотелось махнуть на все рукой, выйти отсюда и просто уснуть, но внезапно проснувшееся упорство заставило ее продолжить попытки. Юрика села на пол напротив Дана, скрестила ноги, и сфокусировавшись на левитирующих кубиках, сферах и пирамидках головоломки, стала сосредоточенно вспоминать все, что видела и чувствовала в те минуты, когда Дженази показал ей, что скрывается за гранью реальности.

В какой-то момент она поняла, что видит механизм мироздания словно наяву, растерянно моргнула — и осознала, что у нее получилось.

Материя вокруг нее стала словно полупрозрачной, и Юрика увидела сквозь нее

гигантские силуэты деталей куда более сложной головоломки, чем игрушка Дана. Как и в первый раз, картина поражала воображение своими масштабами.\

— Так, спокойно... Наблюдатель... Ты где?

Озарение наступило внезапно. Юрика резко обернулась, мысленно приказывая остановить воспроизведение записи. И нос к носу столкнулась... со странным мальчишкой, который парил в воздухе прямо перед ней. На нем был балахон из струящегося серебра, и сам он был словно отлит из металла, только вместо глаз были шарики из хрустала. Девушка отшатнулась, когда поняла, что у него лицо маленького Дана Даркенвэй.

— Вот черт... Так вот что ты имел ввиду, дядя, — прошептала она и немедленно вернулась в реальный мир.

— Действительно, это же так очевидно... — Юрика в нахлынувшем на нее возбуждении сбросила с себя покрывало и спрыгнула с дивана. — Ну что, приступим?

Ранмаро пробурчал что-то неразборчивое сквозь сон, когда его сестра открыла дверь на балкон, но она не обратила на это внимания. Закрыла ее за собой и спрыгнула вниз.

— Теперь самое сложное...

Сложность заключалась в том, чтобы увидеть изнанку мира вне записанных воспоминаний. Там это было просто, зная, что все вокруг ненастоящее, но в реальности... Увидеть мир не таким, каким она видела его всю свою осознанную жизнь, а так, как его видит Дженази — это было все равно, что воспринимать асфальт под ногами и бетонные стены вокруг не как нечто плотное и вещественное, а такими, какими они есть на самом деле — висящие в пустоте атомы, системы из протонов, нейтронов и электронов, удерживаемые на своих местах силами сильных и слабых взаимодействий; элементарные частицы, которые занимают ничтожно малую долю пустоты мироздания, ведь расстояние между ними больше, чем между планетами и звездами. Весь мир на самом деле — Пустота... Но человеческий глаз не способен увидеть это, ведь зрение работает благодаря фотонам — таким же элементарным частицам. Все вокруг — иллюзия, созданная работой человеческого мозга.

Юрика улыбнулась. Дядя объяснил ей, что колоссальные механизмы, которые она увидела сквозь вещественную реальность, тоже иллюзия, и воплощают собой метафору причинно-следственных связей Вселенной, так что в определенной степени увидеть их намного проще, чем реальность вне масштабов фотона. На последнее не способен даже он. Наверное.

Девушка расслабилась и сосредоточилась. Закрыла глаза, стараясь представить, что за слабым дуновением прохладного ветра, и за твердостью опоры асфальта под ногами кроется нечто большее. Что за всем, что ее окружает, кроется нечто большее. Весь мир — огромные механические часы, в которых нет ничего лишнего и бессмысленного...

Если бы Дженази просто рассказал ей об этом, не показав их наглядно, Юрика не справилась. Но она видела их собственными глазами. И в конце-концов справилась.

Это было невероятно. Судзо истаял до состояния отражения в оконном стекле, а циклопические валы, пружины и шестеренки стали пугающе вещественными и плотными — рукотворные изделия человеческих рук из темного серебра, покрытые ровными рядами сияющих строчек. И не только они. Чем сильнее она сосредотачивалась на пространстве за

пределами обыденной реальности, тем больше деталей видела. Сложные геометрические конструкции, странные образования и механизмы... Юрика увлеклась, рассматривая скрытое за гранью, и не заметила, как ее реальный, настоящий мир истлел полностью. Под ногами было больше не растрескавшийся асфальт, сквозь который к солнцу пробивалась зеленая трава, а сплошная серебристая плита эллиптической формы, и на фоне механизмов Запределья больше не угадывались прямоугольные коробки зданий.

И она испугалась.

— Эй... А как обратно-то?

Юрика поспешила вспомнить, как выглядит реальный мир, и поняла, что не запомнила окружающий ее пейзаж до того, как она смогла увидеть скрытое за гранью.

— Не смешно же...

Лихорадочно озираясь по сторонам, она добилась только того, что потеряла ориентацию в пространстве, и больше не знала, в какой стороне находится дом с квартирой Наи.

— Дядя со смеху умрет, когда узнает... Черт!

В панике она попыталась призвать Ириссу — и к ее бесконечному облегчению, получилось. Красная рысь, окружив ее своей багровой тенью, успокоила ее своим утробным кошачьим урчанием, но выйти на ментальный контакт отказалась, так что спросить у нее совета не получилось.

— Все вы, кошки, такие, — вздохнула Юрика, и поняв, что в критическом случае сможет попасть в измерение снов и попросить о помощи там, решила заняться тем, ради чего, собственно, здесь и оказалась.

— Итак, что мы имеем... Дядя сказал, что воспоминания, которые передал мне Дан — не его, а о нем, и принадлежат Наблюдателю, который следил за ним с момента рождения. Я увидела его несколько минут назад, так что это правда. У него было лицо Дана... Интересно. Дядя сказал, что у каждого человека в этом мире свой Наблюдатель, и вероятно, у них лица их людей. Я предположила, что с ними можно общаться, и он согласился с этим, только сказал, что пытаться связаться с Наблюдателем из воспоминаний довольно глупо. Не потому, что сложно, а потому, что есть еще более простой путь. Так ведь? — Юрика обернулась — и столкнулась взглядом с самой собой.

Или не совсем собой... У ее Наблюдателя было ее лицо, отлитое из серебра, и хрустальные сферы вместо глаз. Одетая в точно такой же бесформенный балахон, как и Наблюдатель Дана, и как и у него, у нее не было волос. Лысый серебряный череп.

Юрика обошла своего Наблюдателя по кругу и увидела, что вместо затылка у нее сложное образование из механических деталей, вращающихся со скоростью торопливых обитателей муравейника.

— Механические мозги... Хотя это мне только кажется. Все верно. Дядя сказал, что у всех есть свой Наблюдатель — значит, у всех, в том числе и у меня. И проще всего узнать секрет свой мистической способности у кого? Правильно, у тебя. Привет, Кукушка! Можно я буду тебя так называть?

Глава 71. Абстрактная Область

Вопрос Юрики Наблюдательница оставила без ответа, словно вовсе не услышала его. Ее лицо и взгляд были совершенно неподвижны, она казалась безмолвным изваянием, и если бы не работающий механизм в ее черепе, девушка могла решить, что попытки общаться с ней бессмысленны.

— Ты меня слышишь? — Юрика щелкнула пальцами прямо перед носом Наблюдательницы, но она не отреагировала, продолжая смотреть сквозь нее хрустальными глазами.

Юрика сделала шаг в сторону. Наблюдательница повернулась следом за ней — всем корпусом, без признаков движения ног под балахоном, словно парила в воздухе. Девушка присела — и обнаружила, что хотя бы шея Наблюдательницы обладает подвижностью, потому что ее копия из серебра и хрусталя слегка наклонила голову. Ее взгляд был сфокусирован на голове Юрики, от чего девушке сразу стало не по себе.

Она резко прыгнула в сторону и вверх, не отрывая взгляда от лица Наблюдательницы, и увидела мгновенную реакцию, синхронный поворот головы вслед за ее прыжком. Попрыгав немного из стороны в сторону, она только убедилась в том, что ее движения полностью читаются. И подошла к Наблюдательнице вплотную. Коснулась ее щеки.

— Холодная.

А потом Юрика отдернула руку от неожиданности, когда поняла, что хрустальные глаза ее копии вращаются в глазницах, просто из-за отсутствия зрачков это было сначала незаметно.

Наблюдательница механическим движением коснулась места, к которому только что дотрагивалась Юрика, а потом снова опустила руку, скрыв ее в складках балахона. Девушка только успела оценить изящество и хрупкий вид серебряных кисти и пальцев с аккуратными ногтями. Ее собственные руки были намного грубее на вид, а ногти давно не сталкивались с такой процедурой, как маникюр.

— Под балахоном, наверное, формы сексапильнее моих, — хмыкнула она. — Или одни шестеренки?

К ее удивлению, Наблюдательница не стала сопротивляться, когда она приподняла подол балахона, чтобы увидеть ноги своей копии. Как и предполагалось, она парила над поверхностью на высоте в пределах сантиметра, и была босой. Ее ноги были настоящим произведением искусства.

Ткань на ощупь была похожа на шелк. Очень холодный шелк.

Поднять подол выше Юрика не решилась.

— Слушай, а ты и сейчас записываешь мою жизнь? И кто-то сможет увидеть, как я тут с тобой взаимодействую? Непосвященный человек сможет увидеть это место? И получается, что мои воспоминания станут руководством к тому, как увидеть изнанку мира? Или нет, и для всех я сейчас продолжаю стоять перед домом Наи, прыгаю как дура из стороны в сторону и разговариваю с пустотой?

Наблюдательница не ответила, но неожиданно мягко взяла ее руку с зажатым в пальцах подолом и опустила вниз.

— О, стесняешься? — прокомментировала это Юрика и отступила на шаг назад.

— Сохранить данные о действиях объекта в пределах Абстрактной Области

невозможно, — неожиданно для нее ответила Наблюдательница мелодичным, но все же механическим голосом.

— Говоришь! — Юрика от радости едва не захлопала в ладоши, но сдержалась и ограничилась парой энергичных подпрыгиваний.

— Ты должна покинуть Абстрактную Область, — продолжила ее копия. — Немедленно.

— Это почему еще? — возмутилась Юрика, умолчав, что она, собственно, сама рада вернуться к привычному видению мира, только не знает, как.

— Абстрактная Область способна нарушить работу человеческого сознания. Если ты не покинешь ее в течение часа, последствия могут стать критическими.

— Не надо меня пугать, Кукушка. Все только и делают, что страшат, что за жизнь... Уйду я, уйду, но сначала ты ответишь мне на один вопрос.

— Я не отвечаю на вопросы, — сухо ответила Наблюдательница. — Моя единственная функция — сохранение данных о тебе и всех твоих действиях вне Абстрактной Области.

— Если так, то зачем тебе способность общаться? — спросила Юрика.

Наблюдательница плотно сомкнула губы и несколько минут не реагировала на свой объект наблюдения. Не помогло даже одергивание подола балахона, щелчки пальцами перед носом и фамильярное нажатие на кончик серебряного носа.

— Эй, что с тобой? Сломалась? Закоротило где-то? Кукушка, я не хотела, откуда мне было знать, что у тебя с логическими цепочками такая лажа? — Юрика особенно испугалась после того, как поняла, что шестеренки в затылке Наблюдательницы стали вращаться медленнее.

Наконец, Кукушка подала признаки жизни — после того, как ее механизм полностью остановился и завелся заново.

— Мне не нужна способность общаться с объектом, — сухо признала Наблюдательница. — Ее наличие свидетельствует о том, что мои функции не ограничены одним только наблюдением за тобой.

Кукушка снова умолкла.

— И? — Юрика ожидала развития мысли, но его не последовало. — Ладно, с тобой все ясно. Тогда вот вопрос: тебе известен принцип работы моей мистической способности?

— Функция трансцендентного ядра ограничена способностью предоставлять доступ к трансцендентным ядрам носителей нисходящих генетических линий через их мнемосферы, — без долгих раздумий ответила Кукушка.

— Чего? Это что и как?

— Трансцендентное ядро — эн-мерная проекция эн-мерного массива данных эн-мерного пространства в виртуальном пространстве эн-мерного объекта. Мнемосфера — пакет данных, содержащий информацию об имманентном отрезке траектории движения трехмерной проекции трансцендентного ядра в четырехмерном пространстве.

Юрика начала подозревать, что Наблюдательница просто не способна говорить человеческим языком.

— Носители нисходящих генетических линий — это твои предки, — Кукушка совершенно неожиданно выдала фразу, которую девушка смогла понять. — Доступ к интерфейсу мнемосферы твоего предка позволит приобрести свойство, которому дано определение «мистическая способность».

— Так, стоп, — Юрика начала что-то понимать. — А что с моей мистической

способностью?

— Трансцендентное ядро не содержит в себе целостной проекции шестимерного объекта класса «Изначальный».

До Юрики дошло.

— То есть как не содержит? — возмутилась она. — У всех содержит, а у меня не содержит? Какого хрена?

— Отсутствует виртуальная плоскость требуемой частоты. Но ты можешь настроить частоту имеющихся виртуальных плоскостей для достижения эффекта резонанса с трансцендентными ядрами носителей нисходящих генетических линий через доступ к интерфейсу их мнемосфер.

— Ла-адно... И где мне взять их мнемосферы?

Кукушка моргнула. А может быть, Юрике показалось.

— Доступ к ним можно получить внутри трехмерной проекции трансцендентного ядра в пространстве Абстрактной Области.

Девушка начала медленно закипать.

— И как же мне в него попасть?

На мгновение ей показалось, что во взгляде Кукушки промелькнуло задумчивое выражение, но это не могло быть ни чем иным, кроме ошибки восприятия — на лице Наблюдательницы подвижностью обладали только губы.

— Ты не осознаешь его присутствие, — констатировала Кукушка.

— Нет, — признала Юрика. — И не только я, между прочим. Я спрашивала Рана и Просперо, и они сказали, что ощущают силу управлять воздухом и электричеством внутри себя, она как-будто находится в крови. Я тоже ощущаю внутри себя силу, но ничего, кроме общего укрепления тела, она не делает.

— Ты ощущаешь взаимодействие с информационным полем Сердца Мира на уровне осязания. Для того, чтобы получить расширенный доступ к трехмерной проекции ядра, тебе необходимо подключить остальные органы чувств.

— Например, увидеть? И как же?

— Люди, не обладающие доступом к Абстрактной Области, могут сделать это в процессе глубокого погружения в свое подсознание. К примеру, во сне. Или бреду.

— Великолепно. То есть ты предлагаешь мне просто поспать или грибы попробовать? А, точно, это варианты для тех, кто не умеет, как я сейчас... У меня есть доступ в твою область. Что я должна делать, чтобы увидеть свое трансцендентное ядро?

В ответ Кукушка на мгновение закрыла глаза, а когда открыла, Юрика поняла, что ее взгляд теперь сфокусирован не на ней, а на точке позади нее. Обернулась — и увидела, что серебряная платформа, на которой они находились, и дальше продолжала висеть в пустоте, но теперь от ее края вдаль вел светящийся мост без перил, конец которого терялся в переплетениях абстрактных механизмов.

— Мне туда? — спросила Юрика и услышала в ответ лаконичное «да».

— Ну хорошо. Надеюсь, за час доберусь... Тут кто-то говорил, что продолжительное пребывание в этом месте чревато последствиями для психики. Забавно, что дядя ничего об этом не сказал.

К удивлению девушки, путь по парящему в пустоте мосту занял меньше минуты. С каждым шагом схемы устройств вокруг нее менялись неувловимым образом, претерпевая незначительные на первый взгляд трансформации. Одни детали исчезали, другие

появлялись, в переплетении валов и шестеренок начинали просматриваться контуры совершенно иных устройств... Юрика старалась больше смотреть под ноги, чем по сторонам, озабоченная шириной моста и отсутствием перил, но то, что Абстрактная Область меняется, заметить смогла — она начала слышать сопровождающие работу механизмов звуки, складывающиеся в сложную мелодию, которая менялась вместе со схемами. И на другом конце моста стали преобладать высокие и чистые тона, сила которых росла по мере того, как девушка вместе с Наблюдательницей приближались к огромным воротам, выкованным из темного железа.

— Откуда они здесь? — удивилась Юрика, узнав их.

— Врата Сердца Мира, — ответила Кукушка. — Мы уже внутри твоего трансцендентного ядра.

— Подожди... То есть я уже была в своем ядре! Меня сюда дед водил. Но...

Юрика осмотрелась по сторонам и развела руками — кроме железных ворот, других отличий от остальной Абстрактной Области не наблюдалось.

— Что они тут делают?

Она коснулась Врат. В отличие от механизмов Абстрактной Области, они казались настоящими, как и прежде. И ощущение силы хлынуло в тело сплошным неудержимым потоком, пока не наполнило доверху. Словно вода — кувшин.

— Ограничивают амплитуду колебаний информационного поля Башни Света, — ответила Кукушка.

— И где же мнемосферы моих предков? — Юрика решила, что уточнит про Башню Света позже. Она начала терять чувство времени, и поняла, что следует поторопиться.

— Ты знаешь, как они выглядят. Присмотришься.

Юрика вспомнила шарик света, хранивший в себе чужие воспоминания. И наконец заметила, что искорки света, сверкающие в воздухе по всей Абстрактной Области, здесь сияют немного иначе. И они были больше. Она потянулась к одной из них — и искра полетела ей навстречу, увеличиваясь прямо на глазах. К ее пальцу прикоснулась точно такая же сфера, как и та, что хранила память Дана Даркенвэй.

— Так... просто... — прошептала Юрика.

— Да, — согласилась Кукушка. — А теперь возвращайся. Людям не место в Абстрактной Области.

— Да-да, уже валю. Только... Как? — Девушка почувствовала, как стыд и смущение заливают ее щеки краской.

— Вспомни место, в котором ты находилась до входа в Абстрактную Область.

— Я пыталась...

Наблюдательница плавно подплыла к Юрике и медленно коснулась указательным пальцем ее лба.

Девушка ахнула — воспоминание о Судзо пронзили ее сознание раскаленной иглой и отчетливо всплыли перед внутренним взглядом. Расположение и форма зданий, узор светящихся окон, расположение звезд на небе, прикосновение прохладного ветра к коже, его запах, сотканный из запахов большого города... От неожиданности она зажмурилась, а когда открыла глаза снова, то поняла, что видит и ощущает все это на самом деле. Она покинула Абстрактную Область.

— До встречи, Кукушка, — прошептала она и разжала кулак. Над ладонью в воздухе висел клубок светящегося тумана — мнемосфера. Юрика вызвала мнемосферу Дана и

сравнила их. Они отличались, и чем сильнее она в них всматривалась, тем очевиднее были различия. Разные оттенки, узор туманных прожилок, частота их вращения вокруг центра... Они были уникальными, как и люди, о которых благодаря им можно было узнать все.

— И чья же ты? — с любопытством спросила Юрика, убирая мнемосферу Дана и оставляя новую. — Прабабушка, прапрадедушка, и с чьей стороны?

Спрятав ее на время, она забралась обратно на балкон и вернулась в квартиру. Ран если и услышал ее, то не подал виду, и Юрика быстро забралась под одеяло. Снова достала сферу, сделала глубокий вдох — и погрузилась в чужие воспоминания.

Запад Вердино, олигархия Ладора.

Маленькая сероглазая девочка молча утирала слезы, наблюдая за тем, как тела ее папы и мамы, завернутые в серое сукно, торопливо засыпали землей. Эпидемия тифа отняла у нее семью и друзей, а Ладора лишилась тысячи граждан, многие из которых были детьми, но саму Джесситу болезнь не тронула. Словно сами боги защитили ее в этот черный год. Кто-то сказал, что это все благодаря ее имени, которое можно было перевести как «Радость Джесии», богини-покровительницы детей, но на это нашелся ответ приезжего знахаря, который сухо ответил, что все дело в ее иммунной системе, так что нечего разводить мракобесие. В Ладоре, привыкшей более всего прочего почитать золото и серебро, его слова пришлись по душе большему числу горожан, поэтому осиротевшую девочку отдали не в местный храм, а торговцу пряностями, который пообещал заботиться о ней в своем доме.

Торговца звали Фуррак, он владел тремя лавками и был уважаемым человеком, жившем в большом доме вместе с многочисленным семейством и десятком слуг. Он привел Джесситу под свою крышу, распорядился выделить ей отдельную каморку и приказал всем присматривать за ней как за его родной дочерью.

Через неделю привилегии девочки закончились. Ей было уже одиннадцать, жене Фуррака надоело видеть за своим столом чужого ребенка, а их детям — замкнутую и угрюмую чужачку. Джесситу перевели в общую спальню для слуг, которые стали распоряжаться ею по своему усмотрению. Они очень быстро дали ей понять, что она в этом доме на правах кошки или собаки, так что если хочет есть, то должна работать — больше, чем кто-либо еще в этих стенах. И Джессита работала — от рассвета до заката. Мыла, подметала, ухаживала за домашней скотиной, таскала воду, дрова, чистила котлы... Ни одна из служанок не отказывала себе в удовольствии отдохнуть от своих прямых обязанностей, зная, что под рукой есть испуганный ребенок, который сделает все, что только попросишь, стоит только пригрозить палкой. Жаловаться Фурраку было бесполезно — очень быстро он перестал замечать свою подопечную, не то что синяки и ссадины на ее лице и руках.

Через год, когда девочке исполнилось двенадцать, это изменилось. Джессита быстро выросла, тяжелый труд только закалял и укреплял ее. Фигура стала приобретать очертания настоящей женщины, а покорность во взгляде не всегда могла скрыть за собой стальные интонации сильного и решительного характера. Фуррак заметил это. И однажды приказал снова вернуть девочку в ее каморку.

На следующий день, когда одна из служанок отвесила ей пощечину — просто чтобы сорвать злость — купец в ярости выбил задире передние зубы и приказал выкинуть из своего

дома. Потом ласково погладил Джесситу по голове и громко произнес, что теперь так будет с любимым, кто посмеет тронуть ее. Его жена услышала эти слова, и на следующий день у него на глазах демонстративно расцарапала девочке щеку. Фуррак смолчал, но поздним вечером весь дом услышал пронзительный женский крик, а утром все увидели перебинтованные пальцы женщины с наложенными шинами.

Джессита была страшно напугана, но целую неделю к ней не прикасались ни слуги, ни дети Фуррака, и работу ей приходилось выпрашивать уже самой, чтобы не чувствовать себя нахлебницей в этом неприветливом доме. А еще она стала замечать их — насмешливые, понимающие взгляды прислуги, и торопливые перешептывания, когда слуги считали, что Джессита не смотрит в их сторону.

И вот, в одну темную ночь, Фуррак пришел в ее каморку. Сел на край ее кровати, и Джессита поняла, что он в одном халате, наброшенном на голое тело. Положил ей руку на плечо, ласково погладил, отодвинул одеяло, шепча ласково и успокаивающе... И она, вспыхнув от ярости и стыда, вонзила в его пальцы свои зубы. Фуррак заорал от боли и неожиданности, с трудом высвободил пальцы, прокушенные до самой кости, и ударом кулака сбросил девочку с кровати. Она потеряла сознание, а когда пришла в себя, уже начало светать. Купца рядом не было.

Джессита не выходила из каморки целые сутки, пока к ней не пришла жена Фуррака. Она сухо приказала следовать за ней, отвела в свою спальню и сказала, что с этого дня девочка будет ее личной служанкой. Уже позже она узнала, что ее спас визит одного из родственников этой женщины, которая сообщила своим родителям о том, как с ней обращается муж. Фуррак был напуган, и не последнюю роль в его поспешной уступке родне своей жены сыграла искалеченная правая рука, которая не могла сомкнуться на рукояти кинжала.

Так прошло два года. Джессита росла, Фуррак не смотрел ей в глаза и лебезил перед женой, срывая злость на слугах. Брат его жены, который купил дом по соседству, на это глаза закрывал, взяв за привычку посещать этот дом каждую неделю. Это были лучшие дни в жизни девочки с тех пор, как она лишилась родителей.

В Праздник Всех Богов зять Фуррака тоже пришел в гости, с щедрыми подарками для всей его семьи, и даже для самой Джесситы. Это был вышитый серебром синий платок, которым он собственноручно укрыл ее темно-русые волосы.

Ужинали все вместе. Фуррак собственноручно подливал вино в бокалы жены и ее брата. И широко улыбался, когда их тела свело судорогой, а глаза медленно стекленели. Его дочери и сыновья были ошеломлены увиденным, и вооруженные слуги, которых купец нанял несколько дней назад, силой увели всех в их комнаты, надежно заперев двери. Еще двое слуг схватили Джесситу и потащили ее на конюшню, на ходу срывая с нее одежду. Ее привязали к столбу и заткнули рот подаренным платком. Фуррак пришел чуть погодя и приказал развести огонь.

Он пытал ее раскаленным прутом, оставляя глубокие ожоги на теле — просто так, чтобы насладиться ее болью. Она пыталась звать на помощь, и в конце концов Фуррак вытащил платок, чтобы слышать ее крики.

Никто не пришел.

Потом он разделся и сказал, что остановится, если Джессита будет покорной. Она согласилась, и Фуррак отвязал ее. Поставил на колени. Он не ожидал, что девушка схватит раскаленный прут и проткнет им его гениталии.

Пронзительный визг, который могла издать разве что свинья во время забоя, заставил слуг купца испуганно вломиться внутрь. Растерянные, они увидели перед собой Фуррака, катающегося по полу с руками, зажатыми между ног, и забившуюся в угол Джесситу, угрожающую им остывающим прутом. Прежде чем они окончательно опомнились, она бросилась к выходу. Только один успел среагировать, и ударом шипастой палки оставил на лице девушки уродливую рваную рану.

Она смогла сбежать. И опомнилась только в другом районе города, в квартале «красных фонарей». Обнаженная, в ожогах и с кровоточащей раной на лице, она обессиленная свалилась у порога одного из заведений, которое, как и все остальные в этот день, было закрыто. Но через час ее нашли — одна из проституток вышла подышать свежим воздухом.

Она провела в этом заведении четыре года. Работать, как остальные девушки, не могла из-за шрамов, да и ненависть к мужчинам не позволила бы ей лечь в постель, найдись среди клиентов обладатель необычных пристрастий, поэтому отрабатывала пищу и кров как и прежде в доме Фуррака — простой служанкой, только теперь ее лицо было скрыто ото всех синим платком с серебряной вышивкой.

В свободное от работы время она училась — подсматривала за тем, как девушки учатся петь и танцевать, держать себя в обществе, изучают поэзию. Одна из них, Лаока, обучила ее грамоте, и дала несколько уроков игры на гитаре. Джессита оказалась способной ученицей, и через пару месяцев удивила свою учительницу песней своего собственного сочинения. Пораженная ее талантом Лаока сообщила об этом мадам, и та решила, что Джессита способна развлекать клиентов. Она выросла гибкой, подвижной, с изумительной фигурой, которая была видна даже сквозь закрытое платье, и пусть отметины на теле были способны отбить желание у любого мужчины, ее голос очаровывал, слова песен затрагивали самые потаенные струны души.

Так Джессита стала выступать на сцене борделя. Через полгода Лаока заболела и больше не могла работать, поэтому хозяйка избавилась от нее. Девушка осталась одна, без подруги. Она развлекала клиентов перед тем, как они поднимались вверх, с купленными на ночь девушками. Иногда поднималась вместе с ними, и пела под стоны страсти. В такие минуты ее ясный глубокий взгляд был совершенно пустым.

Так не могло продолжаться долго, и однажды пришел клиент, который захотел ее, несмотря на все предостережения и уговоры других девушек. Он посулил огромные деньги — и хозяйка согласилась. Джесситу отдали ему.

Она сопротивлялась, словно дикая кошка, и выбила мужчине глаз. Но он был совсем не таким, как Фуррак, и в ярости избил ее до полусмерти, ломая руки и ребра, а под конец, совсем обезумев, выбросил ее из окна. Она упала на каменную мостовую, и отчетливо услышала, как треснул ее позвоночник. Изломанная, изувеченная, она больше не чувствовала ног, а ее палач, спустившись к ней, приказал слугам погрузить ее на телегу и выбросить за городом.

Так они и поступили. Джессита оказалась в придорожной канаве, рядом со свалкой, пристанищем ворон и диких собак. Она чувствовала приближение смерти, жизнь покидала ее тело капля за каплей, медленно и неотвратно — как бы сильно она не цеплялась за нее. Она не хотела умирать, но дикие собаки уже окружили ее со всех сторон, и девушка понимала, что они не станут ждать, пока она окончательно покинет этот мир. Ярость, ненависть, беспомощность, отчаяние — только они остались вместе с ней, и она пыталась использовать эти чувства, старалась пошевелиться и хоть как-то дать отпор, чтобы не

уходить вот так... Но все было бессмысленно.

Она уже слышала смрадное дыхание падальщиков, когда тело одного из них пронзил ледяной клинок. А следом за ним еще дюжина истребила всю стаю, и больше никто не угрожал Джессите, подарив ей шанс уйти мирно.

Ясное синее небо уже меркло в ее глазах, когда она увидела его над собой — молодого парня с темно-фиолетовыми глазами и серебристо-седыми волосами. Он поднял ее на руки и отнес в сторону, подальше от трупов собак. Аккуратно положил на землю, постелив перед этим свой плащ, обнажил лезвие меча и разрезал им сначала ее, а потом свою ладонь. Приложил свою рану к ее ране, и Джессита ощутила где-то глубоко внутри себя, что их кровь смешивается. Меняет ее. Волна ледяного пламени обожгла ее изнутри, пронизывая очищающей болью каждую клеточку тела, делая его легким — и восхитительно живым.

Незнакомец наклонился к ее уху и прошептал:

— Я не знаю, кто ты и откуда, и мне не важно, какой была твоя жизнь до этого мгновения. Твое имя больше ничего не значит, потому что я даю тебе новое — Ришари. Теперь ты — моя сестра, и я никогда — никогда не брошу тебя.

— Кто ты? — прошептала Ришари, чувствуя, как теряет сознание.

— Дженази.

Глава 72. Брат

05:30, 31 июля 1014 года. Судо, республика Векилах, Судзо.

Ранмаро проснулся рано утром, когда небо на востоке только начало окрашиваться лиловым и розовым. Сразу бросил взгляд на диван, на котором должна была спать Юрика, но тот был пуст. Размявшись слегка, направился в сторону ванной, и уже по пути нашел сестру на кухне. Она сидела за столом и с задумчивым видом созерцала стену, обклеенную выцветшими обоями с растворившимся во времени узором.

— Доброе утро! — бодро произнес он, за что был удостоен вялым поворотом головы в свою сторону.

— Привет, — ответила Юрика тусклым голосом. Вид у нее был такой, словно она не спала целую неделю.

— Так и не смогла уснуть? — с сочувствием спросил он и сел рядом.

Девушка кивнула.

— Диван оказался неудобный? Я бы тоже не отказался от нормальной кровати после этого кресла...

— Нет, с диваном все в порядке.

— Переживаешь из-за того, что нам, похоже, придется разбираться с проблемами Стаи?

— Нет, — Юрика покачала головой. — Подумаешь, большая проблема... Ну задержимся мы в Судо еще на недельку — делов-то. Может быть, дядя щелкнет пальцами, и перед ним все сразу по струнке вытянутся — сам же знаешь, что мама стала такой влиятельной прежде всего потому, что она — его сестра. Раньше он был главным боссом над всем Югом, просто самоустранился от дел. Тряхнет стариной — и всё сразу образуется.

— Хотелось бы, — улыбнулся Ранмаро. — Тогда что не так?

Юрика отвернулась от него и занялась пристальным разглядыванием столешницы.

— Ран... Мама убила твоего отца.

Добродушное выражение исчезло с лица ее брата, словно рисунок прутиком на песке набежавшей морской волной.

— Я никогда об этом не забывал.

Девушка виновато посмотрела на него, взглядом извиняясь за то, что подняла эту тему — и за то, о чем спросит дальше.

— И твоего тоже, — продолжил он. — И, возможно, отца Ичиро — никто не знает точно.

— Я могу узнать... — тихо ответила Юрика.

— Как? — удивился Ранмаро.

— Моя мистическая способность, которая не мистическая способность... Я наконец научилась пользоваться ею. Теперь могу узнать прошлое мамы, отца, дедушек и бабушек, и их родителей, и их дедушек и бабушек... И тех, кто был до них. Понятия не имею, как далеко я могу заглянуть.

— Здорово... — искренне восхитился Ранмаро. — Ты же теперь можешь узнать... все. Все, что было раньше!

— Ну, нет, нас самом деле, — призналась Юрика. — Только то, что знали они. Если мой предок всю жизнь провел в пределах какой-нибудь деревушки, то я узнаю только как

овец разводить и пастушьих собак дрессировать...

— Разве? — усомнился ее брат. — Ты сама посчитай: у тебя двое родителей, четверо бабушек и дедушек, восемь прабабушек и прадедушек...

— Шесть, — поправила Юрика. — Одна из моих бабушек — Глория, и мне что-то подсказывает, что у нее не было папы и мамы.

— Не важно, — отмахнулся Ран. — Прапра у тебя все равно двенадцать, а прапрапра — двадцать четыре. Двадцать четыре человека из разных мест со всего мира — уже на основании их памяти можно составить представление о том, что происходило раньше целую эпоху назад. А ведь у них сорок восемь родителей и девяносто шесть бабушек и дедушек. Чем дальше в прошлое, тем более подробную картинку ты сможешь сложить!

— Притормози... Я шесть лет маминой жизни шесть часов смотрела, концентрируясь на ключевых событиях в ее биографии и упуская кучу деталей. Я ведь не документальный фильм смотрю с четко сформулированными тезисами, а кинохронику без закадрового голоса... Хотя чувства и обрывки мыслей испытываю порой как свои.

— Ты... видела прошлое мамы? — тихо спросил Ранмаро.

— Да. С двенадцати до восемнадцати лет — до того момента, как она встретила с дядей. Оказывается, это он ее так назвал, с рождения она носила другое имя.

— Какое?

— Джессита. Дядя — он не совсем наш дядя... Или нет? Трудно понять, не то что объяснить... Это сейчас в них течет одна кровь, а сначала она была совершенно обычной, пока он не сделал с ней что-то... Смешал кровь.

— Так он наш дядя или нет? — запутался Ранмаро.

Юрика задумалась. Посмотрела на брата.

Сейчас ему был нужен простой ответ.

— Дядя, — ответила она уверенно, и парень сразу успокоился.

— Хорошо. Так... Какой она была?

Юрика помедлила с ответом, задумавшись.

— Сильной. Очень сильной. Ее много раз пытались сломать, но она не отступила ни разу... Только... Это было страшно, Ран. Очень страшно и больно. Мне кажется... Еще тогда, до встречи с дядей, он заразилась ненавистью.

— К чему?

— Мне кажется... — по телу Юрики пробежала крупная дрожь. — Ко всему.

Ранмаро не сразу нашелся с ответом, девушка видела, что ему стало не по себе.

— В каком смысле «ко всему»? — решил уточнить он, потирая горло.

— Ну... К миру? Не знаю... Дядя вытащил ее из безвыходной ситуации, очень страшной.

— И его она тоже ненавидит?

— Дядю? Нет. Или... Я не знаю, — смутилась Юрика. — Нужно дальше смотреть... И почему я вообще этот разговор завела... Ран, как ты представляешь нашу встречу с мамой?

Ранмаро растеряно улыбнулся и почесал затылок.

— Не знаю. Просто хочу увидеть ее и сказать: «Привет, мам!» Ну и спросить, зачем она убила отца. Ну, и сказать, что как бы все не было, она остается моей... нашей мамой.

Юрика отвернулась от брата, и крепко сжала кулаки.

— Ран... Я не хочу тебя заранее расстраивать, но мне кажется, что ей будет совершенно все равно, что ты ей скажешь. Не думаю, что мы сможем достучаться до ее материнских

инстинктов.

— Это не важно, — ответил Ранмаро. — Не думаю, что действительно хочу видеть ее в роли любящей матери, потому что тетя Валерия все равно никогда ее не простит. А выбирать между ними я не собираюсь.

— То есть, у мамы нет ни единого шанса? — улыбнулась Юрика, отчаянно стараясь сделать вид, что не заметила, что брат заметил, как заблестели от влаги уголки ее глаз.

— Нет, — подтвердил он. — Я просто хочу увидеть ее. И все.

— Наверное, я тоже, — неуверенно ответила девушка. — Просто увидеть ее, не рассчитывая на воссоединение семьи. Что мне, больше всех надо, что ли? Я выросла в приюте, больно мне нужны такие члены семьи... Тебя, Виктории, дяди и дедушки с Валерией мне во-от так хватит...

Она не успела сообразить, когда это оказалась в крепких объятиях Ранмаро. Все равно не собиралась вырываться и сопротивляться.

— Сестренка... — прошептал парень, зарываясь лицом в ее алые волосы.

— Б... брат, — согласилась Юрика и почувствовала себя невероятно счастливой. Самой счастливой беспризорницей на планете. И она искренне хотела собиралась расплакаться, как вдруг ощутила на своей шее его горячие слезы.

— Ран, соберись, ты же мужчина, — тепло прошептала девушка и подняла голову, чтобы посмотреть ему в глаза. И почувствовала, что влюбляется в его яркие синие глаза, влажные от счастья и радости.

— Ага... — смущенно ответил Ран. — Сейчас. Прости...

Юрика не могла позволить себе растаять прямо сейчас. Вспомнила, что она рыжая, все еще мелкая, и язвительная. Получилось так себе, но теперь ей уже не так сильно хотелось повиснуть на его шее.

— Ран, я, конечно, все понимаю, мы просто хотим увидаться с мамой... Но ты ведь еще не рассматривал вариант, в котором она будет всерьез пытаться убить нас?

Ранмаро тяжело вздохнул.

— Я думал об этом. У нас не будет ни единого шанса, если все так обернется. Она в одиночку побеждала Сигурда с Августо и Тоттенгрибером, и Кенсэя с Глорией. С ней сможет справиться только дядя... Хорошо, что он с нами.

— Будешь надеяться на него? — улыбнулась Юрика. — Мы можем полагаться на него, но тебе не кажется, что это...

— Не совсем достойно? — закончил за нее фразу Ранмаро. — Они в десять раз старше нас, у них за плечами века боевого и жизненного опыта. Разве мы можем сделать хоть что-то?

— Ноле Орчи было восемнадцать, когда она выступила против всей Гвардии...

— Они победили, потому что дядя помог им.

— Я видела, как она сражалась с Августо и победила его, — Юрика продолжала стоять на своем. — Если мы поднимемся на ее уровень, то и с мамой как-нибудь... Не знаю.

— Как ты это увидела? — изумился ее брат. — С помощью своей способности?

— Ран... слишком долго объяснять... У меня нет настроения для этого.

— Изумительное оправдание... Сестренка, чтобы ты ответила на это на моем месте?

— Я бы смирилась, если бы мне предложили не менее интересную альтернативу...

— Например? — заинтересовался Ранмаро.

— Не хочешь размяться? — Юрика вышла из-за стола и сладко потянулась,

прогнувшись в спине и выпятив грудь. Ран только через пару секунд вспомнил, что смотреть на сестру так, как он сейчас, не полагается, и поспешно отвел взгляд от ее стройной фигуры.

— В каком смысле?

— Утренний спарринг. Во дворе. Мы еще не тренировались вдвоем.

— Мне кажется, это не слишком удачная идея... — замялся парень.

— Что, боишься проиграть? — ухмыльнулась девушка.

— Вовсе нет... Просто у нас есть дело...

— Брось, я говорю о легкой разминке, пока наша хозяйка спит, — ответила Юрика. —

Хотя узнать, на что мы способны, было бы неплохо... Мне еще не приходилось драться на пределе своих возможностей.

Едва она закончила фразу, как в квартире раздались легкие шаги Наи, и скрипнула дверь в ванную.

— Я уже проснулась, — сказала она немного недовольным голосом. — Доброе утро. Но вы можете прогуляться, пока я буду готовить завтрак.

— Я могу помочь, — с поспешной готовностью предложил свою помощь Ранмаро.

— Спасибо, но не нужно. Тебе не стоит пренебрегать просьбами сестры.

Юрика победно улыбнулась.

— Ну что, идем?

Из уст Рана вырвался горестный вздох.

— Идем...

Ареной для спарринга они выбрали пустырь за домом, подальше от любопытных глаз, которых, впрочем, и так было немного в столь ранний час.

— У нас нет второго меча, — сказал Ранмаро, вонзив свой клинок в чудом уцелевший клочок асфальта среди заросшего травой поля, бывшего некогда игровой площадкой — на это указывали огрызки стальных конструкций, оставшихся после срезанных детских качелей и горок. — Кенсэй показал тебе основы, и я хотел бы еще немного поднатаскать тебя...

— Чего нет, того нет, — кивнула Юрика. — Поэтому рукопашная.

— Я не смогу драться с тобой всерьез... — почти жалобно ответил Лэйт. — Я фехтовал с тетей и Рией, но кулачный бой и борьба — это совсем другое...

— Не можешь ударить девушку? — снисходительно улыбнулась девушка. — Попробуй тогда взять меня на болевой. Броски, захваты...

Ранмаро покраснел.

Юрика приняла боевую стойку.

— Слушай, без боя ты отсюда все равно не уйдешь. И не вздумай поддаваться! Давай, покажи все, на что способен.

Она ударила, целясь кулаком в грудь — быстро, но вполсилы, просто чтобы проверить его реакцию. И сразу же оказалась на земле, пропустив ловкую подсечку.

— Постараюсь, — улыбнулся Ранмаро, протягивая ей руку, чтобы помочь подняться.

Возмущенно фыркнув, Юрика оттолкнула ее и вскочила на ноги, обескураженная таким внезапным поворотом. Она не ожидала, что брат может быть таким же проворным, как и Кенсэй.

— Один-ноль? — спросил Ран, и тут же отпрыгнул в сторону, уворачиваясь от ее

разъяренного броска.

Возмущенно выдохнув, Юрика ударила снова, и Ранмаро заблокировал ее руку предплечьем. Она не остановилась, пнула ногой в голень, но он даже не покачнулся, а ее наоборот, отбросило назад, словно ударила по стволу дерева. Девушка не ожидала, что он может быть настолько сильным.

— Поосторожнее с ногами, — заботливо произнес Ранмаро, тоже делая шаг назад. — Они нам сегодня еще понадобятся.

Губы Юрики растянулись в едва заметной улыбке. Она заметила, что он не слишком уверенно оперся о землю левой ногой.

— С моими все в порядке, — ответила она с иронией. — Если больно, то так и скажи, я буду бить еще слабее.

— Не бойся, я не стеклянный. Продолжим, или ты уже все?

Юрика попыталась схватить его за край футболки, и сама удивилась тому, как легко это у нее получилось. Поняла, в чем подвох, только тогда, когда Ранмаро схватил ее руку и поворотом корпуса едва не отправил ее на землю. Но девушка продемонстрировала свою гибкость, двумя быстрыми шагами восстановила равновесие, и не позволив использовать против себя свой же импульс движения тела, оттолкнула брата, а пока он не нашел точку опоры, добавила ему ускорение плечом. Просчиталась — Ран неуловимо быстро отпрыгнул в сторону, и она сама, теряя равновесие, покатила по земле. Впрочем, мгновенно вскочила на ноги и бросилась в новую атаку. На этот раз — используя мистическую энергию, волной прошедшую по мышцам. Ранмаро снова увернулся, оказался сзади и схватил ее поперек талии, прижав руки к телу.

Оказавшись в его объятиях, Юрика на мгновение потеряла желание вырваться из них, а потом, опомнившись, стукнула пяткой по колену и неожиданно легко разорвала хватку. Развернулась, чтобы ударить, и увидела, что Ранмаро уже держится от нее на почтительном расстоянии.

— Что такое? — улыбнулась она. — Младшая сестренка оказалась сильнее старшего брата?

— Разве что совсем чуть-чуть, — ответил Ранмаро, перенеся весь вес на ногу, которой еще не досталось ни одного пинка. Теперь он выглядел полностью собранным.

— Твоя очередь нападать, — сказала Юрика, приглашая его к атаке небрежным жестом.

— Хочу заметить, что ты первая использовала мистическую энергию, — произнес он, разминая кисти.

— Я девушка, мне шестнадцать, и я ниже и легче тебя. Разумеется, мне понадобится мистическая энергия, чтобы победить парня из Великого Дома.

— Ну... Тогда не говори, что это нечестно...

— Что? — удивилась Юрика — и оказалась сбита с ног мощным порывом ветра. Перекувыркнулась дважды, подпрыгнула, словно резиновый мячик, и стала на ноги. И отпрыгнула в сторону, пропуская мимо себя новый воздушный поток.

— Нечестно!

Ранмаро с виноватой улыбкой развел руками — и снова атаковал на расстоянии. Юрика увернулась, и волна воздуха только растрепала ее короткие волосы. Теперь нужно было как-то подобраться к брату на расстояние удара, но это было совсем непросто — воздушные удары Рана были совсем не похожи на бросок камня, она не видела их и могла только предполагать диаметр потока. Нужно было постоянно прыгать в сторону и при этом

сокращать дистанцию, учитывая, что Ранмаро не будет стоять на месте. Простого усиления с помощью мистической энергии здесь было недостаточно.

Юрика не могла поверить, что ей так скоро понадобилась сила Ириссы.

Багровые языки призрачного пламени охватили ее тело, красная рысь глухо зарычала в глубинах сознания.

«Это мой брат, так что не вздумай распускать свои лапы,» — мысленно предупредила она зверя и прыгнула высоко вверх и вперед. Ранмаро торопливо ударил ей навстречу, и на этот раз она увидела насыщенный мистической энергией поток воздуха — и отмахнулась от него. Удар все равно остановил ее полет, и она упала вниз. Словно наткнулась на стену из упругой резины, но это было уже не то же самое, что столкновение с невидимым бревном. И Юрика вполне успешно отразила следующую атаку, лишь слегка отступив во время удара.

Ранмаро нахмурился — и ударил сильнее. Девушка была готова, и во время отражения удара смогла сделать шаг вперед. Потом еще один. Ран бил все сильнее и сильнее, но Юрика больше не отступала, и продвигалась к нему, ломаясь сквозь стену ураганного потока, от рева которого у нее начало закладывать в ушах. Когда до парня оставалось всего несколько метров, воздух стал таким плотным, что ей начало казаться, что она пытается продавить собой кирпичную стену — и у нее это получалось. Медленно, сантиметр за сантиметром, но получалось. И когда ее пальцы почти коснулись выставленной ей навстречу ладони Ранмаро, в ней сформировался небольшой шар из сжатого до видимой глазу плотности воздуха. Удар получился настолько сильным, что даже усиленную Ириссой, Юрику отбросило далеко назад.

— Просто разомнемся, говоришь? — выдохнул Ран, утирая со лба капельки пота.

— А что, не похоже? — спросила она, выравнивая дыхание и мысленно уговаривая Ириссу выделить ей больше энергии. Рысь не нужно было упрашивать, она уже сама хотела дотянуться до столь неудобного и наглого противника. Вопрос был только в том, сможет ли хищница остановиться и не превратить невинный спарринг в настоящее кровопролитие.

— Не похоже, — эти слова принадлежали Нае. Юрика и Ранмаро не заметили, когда она спустилась к ним. Как и полудюжину местных жителей, привлеченных шумом. Судя по испуганным выражениям лиц, схватка обладателей мистических способностей была для них в диковинку.

— В домах из-за вас стекла оконные дрожат, — раздраженно продолжила девушка. — Может быть, уже хватит? Завтрак готов.

— Отлично! — поспешил обрадоваться Ранмаро. — Мы как раз закончили. Извините за шум, мы не хотели никого беспокоить...

Юрика кое-как вытолкала Ириссу из своего сознания обратно в Волчью Зиму и, немного разочарованная, медленно поплелась за братом и Наей. Ей следовало придумать способ борьбы с такими, как Ран, в чистом поле. Тактика «подойди и ударь» здесь просто не работала.

На завтрак была яичница. И гости. Юрика и Ранмаро замерли с вилками у рта, когда после внезапного дверного звонка Ная покинула кухню и вернулась с Дженази, Викторией, Просперо и еще двумя совершенно незнакомыми им лицами мужского пола и среднего возраста.

— Доброе утро, — радушно поприветствовал их дядя. — И приятного аппетита.

Глава 73. Совет Диких

Отчет Ранмаро о том, как они связались со Стаей, занял всего двадцать минут, в течение которых Юрика молча сидела в стороне, наблюдая за Дженази. Перед ее глазами стояла сцена из воспоминания матери, в которой он дарил ей новую жизнь, и мысленно сравнивала его с образом почти двухвековой давности. Он сильно изменился. Тогда, в Ладоре, он был совсем другим. Моложе. Нет, с тех пор он не постарел ни на день, она не могла отыскать ни одной морщинки на его лице. Но его выражение стало совсем другим, холодным и отчужденным. И взгляд. За ясным и пронизательным взглядом скрывалась усталость, которая не исчезала ни на секунду. Тогда, в тот день, этой усталости в них не было. Только сила, энергия двигаться вперед. Он и сейчас двигался вперед, но теперь его толкали не внутренние побуждения, а нечто фундаментальное, вроде силы всемирного тяготения. Он словно падал, смирившись со своей судьбой... Или подчинившись своей природе.

Юрика боялась думать о том, какова его природа. И постаралась изгнать из памяти образ Гвардейца с картины Валерии. Он тоже остался в прошлом, как и Дженази, давший Ришари ее имя. Он должен был остаться в прошлом. Сейчас перед ней сидел совсем другой Дженази. Ее добрый, сильный и заботливый дядя.

«Технически — не дядя,» — поправила она мысленно, и тут же одернула себя. Для нее он сделал больше, чем любой другой кровный родственник. Он дал ей ее семью.

— Вы молодцы, — сказал Дженази, когда Ранмаро закончил свой рассказ. — Виктория и Просперо тоже отлично справились, и теперь у нас есть примерное представление того, чем здесь занимаются «Молот» и «Рассвет», — он кивнул в сторону уже представленных Вилларда и Йохана, которым в тесной квартире Наи было более чем неуютно. Или же дело было в том, что их сотрудничество с Вердиرو и Дакиэрро было раскрыто? Юрика склонялась ко второму варианту. К Вилларду, как соотечественнику, она уже успела проникнуться симпатией, а вот Йохан ей определенно не нравился. Сигурд и все его сторонники были зачислены ею в представители «Темной стороны». Плохие парни. Она, разумеется, была «хорошей». И все, к кому испытывала теплые чувства — как к присутствующим в комнате, так и оставшимся в Вердиро. Кроме Глории. А как еще иначе?

— А чем ты занимался все это время? — спросила она, когда Дженази отвлекся на секунду на бутерброд с сыром.

— Финансами, — Дженази похлопал по небольшой сумке, которую принес с собой. — А еще я нашел Мэй.

— Мэй? — она переспросила имя одновременно с Ранмаро и Наей.

— Да, Мэй, — повторил Дженази. — Она... моя дочь. Приемная.

— Поверит не могу... Где она?

— Ждет внизу. Она не захотела подниматься сюда.

Юрика, отбросив в сторону все правила приличия, пулей направилась к двери. Ран и Ная последовали за ней.

Сбежать вниз по лестнице оказалось делом нескольких секунд, но выбежав из подъезда, она на мгновение растерялась: у входа никого не было. Двор был практически пуст, только несколько местных жителей неторопливо занимались своими собственными делами. И

только обернувшись к спустившимся вслед за ней Ранмаро и Нае, Юрика наконец увидела ее — невысокую темноволосую девушку-яо в скромном деловом костюме. Она стояла сбоку от двери, прислонившись к перилам высокого порога, и с удивлением смотрела на них, вылетевших к ней сломя голову.

— Мэй! — радостно воскликнула Ная, но ее искренний порыв подбежать и заключить девушку в объятия погас после первого же шага навстречу. — Привет...

— Доброе утро, Ная, — тепло приветствовала арга Мэй. — Давно не виделись. А ты.. Ранмаро? — неуверенно спросила она у растерявшегося парня.

— Да, — кивнул он, улыбнувшись.

— Да, это ты, — подтвердила она, кивнув самой себе. — Я помню эти чудесные синие глаза. Я держала тебя на руках и качала в колыбели, пока Валерия не забрала тебя из нашего дома... Тебе говорили, что это я дала тебе твое имя?

— Нет... — неожиданно тихо ответил парень, смутившись еще сильнее. — Наверное, тетя Валерия сама об этом не знала...

— Да, верно, — улыбнулась Мэй. — Она не могла об этом знать.

Она перевела взгляд на Юрику.

— А ты...

— Ты тоже дала мне имя? — едва слышно спросила девушка, не зная, куда деть руки. Она хотела скрестить их на груди, потом — спрятать за спиной. В конце концов засунула пальцы в карманы джинс и опустила глаза. Внезапно ей захотелось стать еще меньше. Мэй была очень красива, стройная и уверенная. Пиджак, брюки и блузка сидели на ней так хорошо, что ей стало стыдно за свой растрепанный внешний вид — особенно за прическу. Короткие черные волосы Мэй были уложены аккуратно и очень стильно, скрепленные всего одной серебристой заколкой.

Но сильнее всего из внутреннего равновесия Юрику выбивало поразительное спокойствие этой девушки. Она улыбалась им тепло и искренне, словно знала их всю свою жизнь.

— Юрика. Да, я сама его выбрала. Тебе было нужно имя, вот я и... — Мэй смущенно развела руками.

Юрика задрожала всем телом. Внезапная догадка оказалась верной. И теперь... Она не знала Мэй — ничего о ней, кроме того, что это она дала ей имя и была членом ее странной семьи. Первый факт вызывал в душе чувство глубокой признательности, и даже любви, но второй порождал там же затаенную обиду на то, что Мэй не нашла ее раньше — и не забрала из чертового приюта. Тогда ее жизнь могла бы сложиться иначе... Как именно, Юрика не знала, но все равно — иначе. И не состоянии выбрать, чтобы поступить в соответствии с одним из этих чувств, она просто стояла на месте, скованная внезапной, несвойственной ей нерешительностью.

Она не понимала, куда испарилось ее привычно ироничное отношение к миру. Дело было не только в факте принадлежности Мэй к семье. Было что-то еще.

И ее осенило: Мэй была словно вторая Екатерина. Хватило одного единственного взгляда, чтобы понять это.

И прежде чем Юрика успела сделать или сказать хоть что-то, Мэй опередила ее. Юрика всхлипнула против собственной воли, когда оказалась заключена в теплые и нежные объятия, и ее дыхание перехватило от восторга, когда она вдохнула ее запах — острый, немного сладкий аромат духов, и чего-то еще, странно знакомого. Словно она уже слышала

его раньше, очень давно — настолько, что сохранилось только приятное ощущение от этого запаха, удивительно родного. И Юрика поняла, всем сердцем, и душой — она любит Мэй. Всегда любила. Просто потому, что она есть. Это было удивительно и странно, но это было так.

— Прости меня, — прошептала эта удивительная девушка, и Юрика совершенно ясно поняла, что сейчас расплечется.

Это было совершенно недопустимо.

— Все хорошо, — ответила она, категорически запрещая слезам показываться снова на ее щеках. — Все хорошо.

— Ты теперь такая взрослая... — Мэй отстранилась от нее, чтобы осмотреть внимательно и с любовью с головы до ног. — Но я думала, что ты будешь немного выше, как Ришари. А Кеншин был настоящим великаном... У тебя его волосы, такие же яркие и алые. Удивительный был человек...

— Ты знала моего отца? — спросила Юрика, хотя ответ и так был известен. Разумеется, Мэй должна была его знать. Вопрос в том, как близко.

— Да, немного. Я помню, как он пришел в наш дом. Готовый к бою, и я, растерявшись, просто приветствовала его, как обычного гостя. А потом Ришари спустилась вниз... Но я расскажу тебе все немного позже, хорошо? Когда мы будем наедине. Сейчас, — она посмотрела в сторону Ранмаро и Наи, — не время для этого.

— Кристиана я тоже хорошо помню, — сказала она смутившемуся парню. — Ну же, подойди, не надо стесняться. Ты же мужчина.

Ран сделал пару неуверенных шагов навстречу Мэй и тоже угодил в ее объятия.

— Как я могла забыть о том, что вы тоже мои дети, — прошептала она, ероша пальцами его волосы.

— Не только они... — слова Наи прозвучали совсем тихо, но ее услышали.

— Ты бросила «Стаю», — уже громче продолжила она, когда поняла, что ее слушают. — Решила, что мы сможем сами решить свои проблемы... Но мы не справились. Ришари забыла о нас, Ичиро оказался плохим лидером... Если ты не вмешаешься, «Стая» развалится и в Судо начнется хаос.

— Теперь не мне решать, что делать со «Стаей», — холодно ответила Мэй, но потом ее строгое выражение лица смягчила теплая улыбка. — Дженази вернулся. Он стоял у истоков Союза свободных республик, и если бы не исчез больше ста лет назад, именно на нем лежала бы ответственность за весь материк. Ришари просто продолжила его дело, получив его титул по наследству, и сформировала «Стаю» из его верных соратников. Многие из них до сих пор живы. Ему нужно просто приказать — и все закончится. «Стая» вновь станет единой.

— Крэйн Столсанг не остановится так просто! — Ная на мгновение потеряла хладнокровие.

— Кто такой Крэйн Столсанг? — не без презрения спросила Мэй. — Всего-лишь трус, которому не хватило мужества погибнуть вместе с остальными Столсангами, сохранившими верность Великим Домам. Из страха за свою жизнь он перешел на сторону Гвардии, и отец, вместо того, чтобы избавиться от него, позволил ему жить, зная, что тот предаст его при первой же возможности. Ришари тоже знала это. И тоже сохранила ему жизнь. Возможно, есть какая-то причина для этого. Неважно. Если отец снова решит пощадить его, так и будет.

— Только не после того, когда узнает, какие преступления совершил этот мерзавец! —
Ная старалась сдерживать гнев, но получалось у нее плохо.

— Последнее слово за отцом, — Мэй холодной интонацией голоса твердо дала понять, что разговор окончен. — А теперь подойди. Тебя я тоже хочу обнять...

Через час в небольшом ресторане в квартале от дома Наи был собран и начат большой совет, в котором приняли участие все гости Наи, вчерашние и утренние, она сама и ее руководство в лице Вальда Брауна, Фредерика Сольеряйна и Шона Шабири. Кроме них в зале больше никого не было, включая официантов, и столы, за которыми они сидели, были девственно пустыми. Вход в ресторан охраняли другие бойцы опальной части «Стаи», под хмурыми взглядами которых опустело не только пространство перед зданием, но и вся улица, на которой он находился. Их знали, уважали и боялись.

— И чего мы ждем? — не выдержала Юрика, когда осознала, что ни Дженази, ни Мэй, ни Вальд не собираются первыми брать слово. — Обсудить есть что... Или ждете, когда закуски принесут?

— Нет, — спокойно ответил ее дядя, не отрывая взгляда от костяшек своих пальцев. — Мы ждем, когда придет человек по имени Бенедикт Грид. Официальный представитель «Стаи» в этом городе.

— А он точно придет? — с сомнением спросила девушка.

— Да, ему сообщили о нашем собрании.

— Я имела ввиду, захочет ли он вообще составить нам компанию.

— Захочет, — ответил Вальд Браун, широко ухмыльнувшись. — Он, как и я, помнит мастера Дженази еще с тех, прежних времен. И обязательно придет, один и без оружия. А если подождем еще немного, и сам Крэйн явится.

— Крэйн не явится, — возразил Дженази. — Слишком гордый. Но он здесь и не нужен. Не вижу смысла обсуждать с ним что-либо. С этого дня все члены «Стаи», выполняющие его распоряжения, действуют на свой страх и риск.

— Ваше распоряжение будет разослано всем офицерам, — подтвердил Вальд сдержанным кивком своей лохматой головы.

— И что же мы будем с ним обсуждать? — нахмурилась Юрика. — И зачем нам это? Ты можешь прямо сейчас найти кого надо и настучать по шапке. Или просто провести воспитательное внушение. Имя ты знаешь, человека — тоже... В чем проблема-то? Неужели так сложно навестить самых крупных шишек в «Стае» и напомнить, кто тут главный? Заодно приказать перестать гадить на территории Федерации. Дядя, ты Гвардеец или кто?

— Бывший Гвардеец, — спокойный ответ Дженази эхом прокатился по залу, в котором после слов Юрика наступила неприятная, могильная тишина. Никто не решался посмотреть на него, отводя глаза в сторону, некоторые с осуждением косились на девушку. Ранмаро и Просперо, например. Виктория, наоборот, встретила ее слова с одобрением.

— Да какая разница!

— Большая, — вздохнул Дженази. — Я бросил всех вас больше ста лет назад, и за это время мир не рухнул. Жизнь прекрасно текла своим чередом без моего участия. У меня осталось только одно важное дело, завершив которое, я снова исчезну, и вам всем снова придется жить без меня.

— Не поняла... — произнесла Юрика с каменным выражением лица.

— А вот и Бенедикт, — удовлетворенно сказал Дженази — за минуту до того, как невысокий полный мужчина в дорогом костюме перешагнул наконец порог ресторана. «Дорогой костюм» в данном случае — не просто определение качества материала и кройки пиджака, у него были золотые пуговицы и запонки, инструктированные драгоценными камнями. Пальцы были унизаны тяжелыми золотыми перстнями, на шее висела толстая цепь — на полупрофессиональный взгляд Юрики, драгметалла на этом толстяке было не меньше полукилограмма.

— Господин Дженази! — Бенедикт Грид согнулся в глубоком поклоне, едва только увидел его, продемонстрировав всем свою блестящую лысину. Юрике он сразу не понравился, у него был слишком хитрый, лукавый взгляд, которым о теперь преданно сверлил ее дядю, сложив ладони в молитвенном жесте.

— Я уже и не верил, что вы вернетесь! Сколько лет прошло... Мы все верно служили вашей сестре, помня о вашей доброте, и хранили верность дому Саргас... — двойной подбородок Грида нервно дернулся, а его карие глаза забежали, когда он произнес часть псевдонима Дженази и ее матери. Юрика не ожидала услышать ее в таком контексте.

— Здравствуй, Грид, — приветствовал его Дженази легким кивком головы, и девушку неприятно поразила прошедшая с ним резкая внешняя перемена — теперь, при взгляде на него, она внезапно поняла, что у власти есть вкус, и этот вкус она ощущала, просто посмотрев на него. Сейчас, в этот момент, он распоряжался и всеми и всем в этом помещении. — Как вижу, дела твои неплохи: ты уже не тот оборванец, каким был в день нашей встречи. Возмужал, набрал вес, а какой шикарный костюм? Помнится, ты всегда был равнодушен к побрякушкам... Помнишь, как мы впервые встретились?

— Помню, господин, — тихо ответил Бенедикт, покрываясь испариной и потирая свои перстни, словно пытаясь спрятать их от осуждающего взгляда Дженази.

— А я, представляешь, слегка подзабыл детали. Помнится, это было на поле боя... Но не во время битвы. До или после нее?

— После, господин, — Грид весь съежился, сжался под пристальным взглядом бывшего Гвардейца. — Тогда я поклялся в верности вам и вашему делу.

— После того, как я поймал тебя на мародерстве. Ты был рядовым бойцом в армии Чинкуэдо, и после нашей победы в сражении под Сунати решил обобрать тело мертвого офицера Давийской республики. Тебе понравились его золотые часы.

— Это был мой боевой трофей...

— Если бы его убил ты. Тогда нам было не до похорон павших, мы должны были немедленно продвигаться дальше, а ты покинул строй, чтобы изучить карманы того мертвого парнишки... Я едва не убил тебя на месте, но заметил твой дар и сохранил твою жизнь. Помнишь, что я сказал тебе?

— «Ты слишком талантлив для того, чтобы грабить мертвецов,» — прошептал Грид, багровый, словно раскаленное железо. — И отдали меня мастеру Роннаку в ученики. И после этого я не раз доказал, что вы не ошиблись в своем решении.

— Да, Роннак хвалил твое усердие. Ты смог отличиться и добиться высокого положения. Так почему же теперь, Бенедикт, спустя столько лет, я слышу упреки в твой адрес со стороны товарищей, обвинения в некомпетентности, и, что хуже всего, твое собственной подтверждение всех моих подозрений в измене?

— Измене?.. — повторил Грид жалобным, по-заячьи тонким голосом.

— Да, Бенедикт, измене. Ведь ты сам только что сказал: «Мы все верно служили вашей сестре...» Прошедшее время, Грид. Прошедшее время. Красноречивая оговорка, которая как нельзя лучше описывает нынешнее положение.

— Я не предавал ни вас, ни вашу сестру... — тихо, но твердо ответил Бенедикт Грид.

— А Ичиро? Что насчет других твоих слов — о верности Саргасам?

Грид не сразу нашел, что ответить.

— Мой господин... Когда госпожа Ришари отошла от дел, а во главе Стаи стал Ичиро, я оказался перед сложным выбором — служить Саргасам или служить вашему делу. Ичиро оказался плохим лидером, из-за него Стая раскололась. Я никогда не забывал о том, как много вы сделали для всего Судо, и мне было больно смотреть на то, как все рушится из-за неумелого руководства вашего племянника. И равнодушия вашей сестры. Поэтому мне пришлось оказать непосредственную помощь Крэйну Столсангу, который пообещал всем нам вернуть единство в наши ряды... Но теперь, когда вы вернулись, я готов выполнить любой ваш приказ. Только прошу, не наказывайте господина Крэйна, он действовал из благих побуждений...

Горячая и искренняя речь произвела на Юрику — да и на всех присутствующих — неожиданно положительное впечатление. Лично у нее сразу начала формироваться симпатия к этому тучному человеку, которая стала теснить возникшую с первого взгляда неприязнь. Но бросив взгляд на дядю, она поняла, что он не разделяет чувств остальных присутствующих.

— Бенедикт... — Дженази покачал головой, — Крэйн Столсанг, если бы мог, убил бы и меня, и Ришари, и всех ее детей. Благополучие Судо — последнее, о чем может думать глава сокрушенного Великого Дома.

— Вы не видели его больше ста лет, господин... — попытался возразить Грид, и осекся под долгим и внимательным взглядом Дженази. Продолжать дальше он уже не решился.

— Я могу продолжить? — мягко спросил он у бледного и мокрого от пота толстяка. — Хорошо. Так вот, Бенедикт, твоя беда в том, что ты прекрасно понимаешь это, и стал служить ему потому, что перестал верить в возвращение не только меня, но и Ришари. Он пообещал тебе то, что я никогда не обещал — власть. Потому что я дал ее тебе без всяких условий, просто потому, что посчитал тебя достойным.

— Господин Дженази...

— Теперь уже поздно, Грид. Но не бойся, я не стану тебя наказывать. В конце концов, ты был в своем праве. Каждый человек вправе добиваться своих собственных целей и стремиться к личному счастью. Я не осуждаю тебя. Не осуждаю и Крэйна. Передай, что ему не стоит меня бояться. Я покинул вас сто пятнадцать лет назад, и не собираюсь возвращаться. Поступайте так, как считаете нужным.

— Дядя! — в один голос воскликнули Юрика и Ранмаро, вскакивая со своих стульев.

Дженази бросил в их сторону недовольный взгляд, но одного этого было недостаточно, чтобы вернуть их на место.

— Только не забудь добавить, что кроме него есть еще другие, также желающие благополучия для всего континента. Наши дети, — он указал Бенедикту на Юрику, Ранмаро, Викторию и Мэй, застывших в красноречивых позах. — Если они решат остановить Крэйна, я не стану им мешать. Так что пусть подумает над тем, готов ли он столкнуться с наследниками дома Саргас.

Бенедикт бросил в сторону «наследников дома Саргас» испуганный взгляд, и несмотря

на то, что никто из них не производил такого же жуткого впечатления, как сам Дженези, страха в его глазах не убавилось. Даже изумленный и растерянный словами дяди Ранмаро, с довольно глупо приоткрытым ртом и широко раскрытыми глазами.

— Я передам Крэйну ваши слова, господин Дженези, — с подобострастием ответил Грид, низко кланяясь. — В точности, слово в слово. И уверяю вас, он не станет враждовать ни с одним из ваших наследников... Только позвольте спросить у вас... Господин Дженези, кто из них займет ваше место? Во главе Стаи — и всего Юга — может быть только один вожак.

Никто из присутствующих не мог не заметить еще один многозначительный взгляд, который Бенедикт бросил в сторону Ранмаро. И стало ясно, на кого Грид уже сделал ставку, начисто проигнорировав девушек — включая Мэй.

Дженези помедлил с ответом. Те, кто знали его немного лучше — Юрика, например — с удивлением поняли, что он смутился.

— Ришари уже попыталась самостоятельно определить наследника, — ответил он наконец. — Все мы знаем, что из этого вышло. И признаюсь, на ее месте я сделал бы точно такой же выбор. Потому что он достоин его. Проблема была в том, что он не смог ни завоевать вашу любовь, ни внушить священный ужас — такой же, который ты испытываешь сейчас, стоя передо мной.

Полное лицо Грида залило алой краской, которая, впрочем, сразу же сменилась естественной в данных обстоятельствах смертельной бледностью.

— И это понятно. Ведь я и Ришари в свое время завоевали Судо, в то время как он просто получил его от нее. Поэтому и наши дети тоже должны будут его завоевать — как мы когда-то. Мэй, Ранмаро, Виктория, Юрика — один или одна из них добьется вашей преданности или покорности лучше, чем остальные, и займет наше место. По праву сильнейшего.

— А если нам это не нужно? — тут же спросила Юрика, возмущенная не только словами дяди, но и всей ситуацией в целом. — Или просто не получится? Мы не такие сильные, как ты и мама.

— Тогда Стая распадется и швырнет Судо в пламя гражданской войны. И в процессе, а может, и после его завершения, Верди́ро и Дакиэрро разделят материк на сферы собственного влияния. Если, конечно, не увлекутся слишком сильно и не уничтожат друг друга, борясь за контроль над этими территориями.

— Можешь еще раз внятно объяснить причину, по которой не можешь самостоятельно решить эту проблему? — спросила Виктория ледяным голосом.

Дженези опустил взгляд на собственные пальцы, которые мягко потирали белую скатерть стола. И наконец ответил:

— Спроси Вальда, Фредерика, Шона или Бенедикта, сколько крови было пролито мной на полях сражений за свободу Юга.

Виктория не собиралась позволять ему сменить тему, но все же рефлексивно бросила взгляд в сторону Вальда Брауна, и в его золотисто-янтарных глазах прочитала неутешительный ответ.

— Если для того, чтобы защитить достигнутое, мне придется убить хотя бы одного, единственного человека — Крэйна Столсанга, например — я не буду этого делать. Если Юг не может решить свои проблемы мирным путем после всего, что произошло в прошлом, то по моему личному мнению, он не заслуживает помощи. И если для мирного решения

вопроса нужен кто-то вроде меня — тоже. Стая придет к консенсусу по первому моему слову только потому, что мне ничего не стоит избавиться от всех несогласных — и перегрызется, как только я исчезну из ее поля зрения. Так и произошло с Ришари. Так что нет, мое вмешательство — не выход. И если вы не сможете объединить Стаю, то так тому и быть. Пусть Юг падет по собственной вине. А мы займемся тем, чем и собирались — поисками Ришари. Решайте сейчас — помочь Стае и Югу, или оставить все как есть? Моя сестра ждет.

— Мы объединим Стаю! — решительно, практически без раздумий заявил Ранмаро, и хлопнул ладонью по столу, заставив всех вокруг подпрыгнуть от неожиданности.

— Хорошо, — улыбнулся Дженази. — У вас есть неделя. Если через семь дней Стая не признает одного из вас в качестве неоспоримого лидера, то вы бросите эту затею — и мы все вместе займемся решением нашей семейной проблемы по имени «Ришари».

Глава 74. Алое отчаяние и Шепот во тьме

04:20, 32 июля 1014 года. Судо, республика Векилах, резиденция Великого Дома Столсанг.

Крэйн Столсанг рассеяно смотрел на овальный стол из эбонитового дерева, за которым собрались избранные члены лояльной ему части «Стаи», и вполуха слушал отчет Бенедикта Грида о его встрече с Дженази. Интерес к нему он потерял уже через пять минут, когда назначенный им куратор Судзо сообщил, что некогда исчезнувший Гвардеец не собирается вновь возглавить своих бывших соратников и не претендует на полный контроль над континентом. Он не был удивлен таким решением, Дженази всегда тяготился ролью руководителя и стремился передать все полномочия самым талантливым помощникам, среди которых одним из первым был именно он, глава Великого Дома Столсанг. Крэйн ценил в нем это качество, которое позволило беспрепятственно восстановить влияние его семьи на остальные Великие Дома, избравшие Судо своим новым домом — и искренне ненавидел за то, что Дженази едва не стал причиной полного уничтожения Столсангов. Почти двести лет минуло с тех пор, как им был уничтожен его дом, и только случайность позволила Крэйну выжить в тот день. Он ясно помнил свою первую встречу с ними Ришари, приглашенными в сияющую твердыню Дрэм-Къеко по воле его родного брата, Бъена. Тогда они показались ему очередными примитивными варварами с поверхности... Что же, он жестоко ошибся. И если бы в то роковое утро не решил полюбоваться Небесным Городом с палубы своей яхты, парящей над облаками, то вместе со всей своей семьей рухнул в морские пучины, обращенный в ледяную статую. Да, он своими глазами видел падение Дрэм-Къеко, и гибель всего, что было ему дорого. Тогда он поклялся отомстить... А в итоге сам стал служить Гвардии, чтобы сохранить то, что осталось от его Дома.

— Господин Крэйн... — дрожащий голос Бенедикта выдернул его из мрачных воспоминаний и спровоцировал темную вспышку раздражения, которую Грид ясно прочитал в его фиолетовых глазах — и побледнел еще сильнее. Столсанг обвел тяжелым взглядом остальных присутствующих, и с неудовольствием отметил, что никто из них не был воодушевлен обещанием Дженази не вмешиваться в дела Стаи. Они боялись его, все они. И могучий Артур Коккинавье, никогда не расстающийся со своим огромным эспадоном, и расчетливый Луис Амавази, подмечающий все и вся, и гордая Ребекка Сатронг, тайно мечтающая стать достойной титула новой Богини Юга — и остальные семеро, главы малых и вассальных домов, чародеи и просто талантливые офицеры Стаи, названные Алыми. Они избрали его своим предводителем, они поклялись выступить против Ичиро по первому его слову, рискуя навлечь на себя гнев Ришари — и теперь они тряслись от страха, осознав, что лишь чудом избежали не менее страшной участи, потому что помнили, как страшен Дженази в гневе. Крэйн, в отличие от них, знал о подлинной ужасающей мощи этого чудовища — и не боялся. Больше нет.

— Бенедикт? — он поднялся со своего места и вышел из-за стола. Глава Великого Дома Столсанг возвышался над своими сторонниками даже сидя в кресле, а теперь, оказавшись на ногах, казался им и вовсе великаном, могучим и широкоплечим. Густые длинные зеленые волосы свободно струились по его спине, плечам и груди, качаясь в такт спокойному уверенному шагу.

— Они идут сюда...

— Кто? — не понял Крэйн, осознав, что, видимо, все же упустил нечто важное в отчете Грида.

— Мэй, дети Ришари и «дикие» вместе с Вальдом Брауном, — настойчиво повторил Бенедикт. — Дженазии дал им неделю на то, чтобы они пришли с вами к соглашению. Если они не успеют, то он признает ваши притязания на контроль над континентом. С момента нашей встречи прошло почти двадцать часов, так что у них осталось всего шесть дней. Я не знаю, где они сейчас, но уверен, что уже близко.

— Вот как? — Крэйн задумчиво потер подбородок. — Расскажи мне о детях Ришари. Среди них должен быть Ранмаро Лэйт, верно?

При звуке имени Великого Дома Лэйт по рядам «алых» прошел едва различимый шепот, вызвавший в Крэйне очередную вспышку гнева. Больше ста лет прошло с тех пор, как стало ясно, что дом Лэйт больше не может претендовать на роль объединяющей силы Десяти Великих Домов, но память о его величии до сих пор была жива — у неоспоримого достоинства невероятно длинной жизни их расы имелось продолжение в лице определенного вида недостатков. Как и все люди, они предпочитали помнить победы, и забывали о поражениях.

— Да, он среди них. С ним его кузина, Виктория Лэйт — дочь Валерии и, по непроверенным слухам, — Ичиро.

— В таком случае, ее настоящим именем будет Виктория Саргас, — снисходительно поправил Бенедикта Крэйн.

— Саргас не существует, — Ребекка Сатронг не смогла сдержать своего возмущения, нервно поправив свою роскошную прическу. — Фальшивое имя, ширма для примитивных наземников. Если мы признаем Дом, существующий только на бумаге никчемных бюрократов, то что тогда останется от нашей чести и гордости? Дженазии и Ришари никогда не называли себя Саргасами перед нами, этим именем они представлялись перед никчемными нвелотами!

— С тех пор, как у нас отняли наши дома, мы ничем не лучше жалких наземников, Ребекка, — заметил Ренар Нок-Старвинд, накручивая на палец единственный алый локон в своих светло-русых волосах. Вспыльчивый наследник вассального дома Старвиндов был неравнодушен к красавице Сатронг, но его увлечение проявлялось в основном в меткой и порой резкой критике ее персоны.

— До тех пор, пока мы помним, кто мы — этому не бывать, — тихо, но отчетливо произнесла женщина, обжигая его яростным взглядом. — Великий Дом остается великим до тех пор, пока чтит свои традиции. Не думала, что наследник вассального дома способен забыть об этом.

— Довольно, — как ни странно, неожиданная перепалка соратников вернула Крэйну относительное душевное равновесие, и он со снисходительной улыбкой призвал их к порядку. — Не важно, кто, Лэйт или Саргас — она остается дочерью Ичиро. О ком еще нам следует знать, Бенедикт?

Грид замялся и окинул зал растерянным взглядом.

— Есть еще одна... Юрика. Акаяма Юрика. Младшая дочь Ришари, ей всего шестнадцать.

— Впервые слышу, — ответил Крэйн удивленно. — Что она из себя представляет?

— Просто девчонка. Наглая... — Бенедикт развел руками, признавая свою полную

неосведомленность в данном вопросе.

— Дочь Ришари не может быть просто девчонкой, — безапелляционно заявила Ребекка, возмущенно фыркая.

— Акаяма — родовое имя Кэнсея, — очень тихо произнес Ренар, натягивая локон еще сильнее. — Его настоящее имя — Акаяма Хоодо.

— Значит, слух о том, что у Ришари была любовная связь с Акаяма Кеншином, был не просто слухом, — с удивлением отметила Ребекка, и в глубокой задумчивости откинулась на спинку своего кресла.

— Он был силен, — веско произнес Артур Коккинавье, машинально проведя ладонью по рукояти двуручного меча. И Крэйн вспомнил, что этот клинок был перекован после того, как Артур сломал его в поединке против легендарного сына Кенсэя. Позорное поражение в бою с безоружным противником долгие годы не давало ему покоя. Как и невозможность взять у него реванш.

— Он был даже сильнее своего отца, — ответил Луис Амавази, впервые нарушив свое молчание на этом собрании. Крэйн всегда ждал, когда он выскажет свое мнение, с нетерпением... и определенной боязнью. Потому что Луис видел людей насквозь, и порой говорил им очень неприятные вещи. Включая и ему, лидеру «алых». Крэйн не назначал его своим первым заместителем — он сам стал им, негласно, просто из учета его предыдущих заслуг. И глава «алых» хорошо знал, что Луис лишен такого качества, как верность. После заявления Бенедикта Грида о возвращении Дженази ему было просто необходимо убедить Луиса в том, чтобы он продолжил поддерживать его. Если придется — даже силой.

— Который победил в дуэли твоего деда, — продолжил Амавази, — Витторио Коккинавье. Который, говорят, был величайшим мастером меча своей эпохи. Что же собирается делать наследник Великого Дома Коккинавье с внучкой человека, убившего вашего героя?

— Мой дед был Гвардейцем Хаоса, — нахмурившись, ответил Артур. — Он совершил много преступлений против Десяти Великих Домов...

— Благодаря чему Гвардейцы относились со снисхождением к дому Коккинавье.

— Как и к Бронзлеву и Амавази, — потемнев лицом, начал заводиться Коккинавье. — С момента своего появления Гвардия Хаоса опиралась на три наших дома. Не нужно напоминать об этом расколе между домами, Луис, все это давно в прошлом. Тем более тебе, одному из Амавази.

— Мои родители и деды не служили Гвардии, и погибли от рук своих братьев-перебежчиков, — ничего не значащим голосом ответил Луис. — Я сражался с ней до тех пор, пока Десять Великих Домов не объявили о своей капитуляции и не признали Фридриха императором. В отличие от тебя — Кандидата в Гвардейцы. И когда я понял, что кроме меня ни один Амавази больше не собирается сражаться, я пришел к Ришари, один, и сказал ей, что готов служить Гвардии вместе со своими братьями и сестрами, но если мне предоставится такая возможность — убью ее и брата без промедления. И если ей это не нравится, она может убить меня прямо сейчас. Она пощадила меня, и теперь, спустя столько лет, я понимаю, что предоставь мне судьба возможность убить ее — я ей не воспользуюсь. И мне интересно, Артур Коккинавье, как ты поступишь с дочерью женщины, которую я искренне уважаю?

— А мне, Луис, интересно, почему ты с нами, а не с «серебряными», — с недоумением произнес Ренар, закинув руки на затылок.

— Потому что Ришари оставила Судо на произвол судьбы. И я не виню ее за это.

— Но твоя лояльность вызывает большие сомнения, Луис, — ответила Ребекка с ощутимым неудовольствием.

— Тебе ли обвинять меня в сомнительной лояльности, Ребекка Сатронг? Ришари защитила остатки твоего дома от Глории, ты обязана ей больше, чем кто-либо еще из присутствующих.

— Довольно! — неожиданно громко рявкнул Крэйн, и все почтительно повернули лица в его сторону. — Мы здесь собрались не для того, чтобы выяснять, кто из нас и чем обязан Ришари.

— Верно, — спокойно ответил Луис. — Мы здесь для того, чтобы выяснить, как встретить ее детей и внучку.

— Я встречу дочь Ришари и внучку Кенсэя так, как и положено достойному воину Великого Дома Коккинавье, — наконец ответил Артур. — И обнажу против нее меч только в том случае, если она сама вызовет меня на поединок.

Крэйн Столсанг мрачнел с каждым произнесенным им словом. Скрестив руки на широкой груди, он медленно вернулся к своему креслу, и расправив полы темно-алого плаща, сел в него, сверля взглядом столешницу.

— Значит ли это, что если один из них — Ранмаро, Юрика или Виктория — объявят о своем намерении стать во главе Стаи, то вы поддержите это решение? — спросил он, бесстрастно роняя каждое слово.

— Дети Ришари не намерены претендовать на эту роль, — дрожащим голосом заявил Бенедикт Грид. — Они согласились с мнением «диких» в том, что управлять Стаей должна Мэй.

— У Мэй сложные отношения с Ришари и Ичиро, — произнес Луис в глубокой задумчивости. — И она не принадлежит ни к одному из Великих домов. Но когда она была правой рукой Ичиро, пользовалась популярностью среди всех прочих, в том числе и представителей вассальных домов. Она талантлива. Не зря «дикие» сделали на нее ставку. Только она покинула Стаю. Думаю, возвращение Дженази изменило ее отношение к этому вопросу.

— Она нам не ровня, — с долей ревности в голосе заявила Ребекка. — Но...

— Но? — левая бровь Крэйна изогнулась в легком удивлении. И раздражении.

— Но она — ученица Ришари. Ее приемная дочь. Ришари не изгоняла Мэй, она сама ушла из семьи. Не думаю, что она была бы против ее кандидатуры.

— Более того, сам Дженази согласен с таким решением, — кивнул Луис. — Верно, Бенедикт?

— Верно, господин Амавази...

— Раз так, то у нас нет причин не согласиться с ним. Крэйн, когда они придут к нам, я не вижу иного пути, кроме как признать Мэй новым лидером Стаи. Мы можем только вступить с ней в переговоры и добиться сохранения наших полномочий.

Когда Луис завершил последнюю фразу, Столсанг привстал со своего места, оперевшись руками о стол.

— Я не намерен вступать с ними в переговоры, — пророкотал он, сжимая кулаки. — Только Алая Стая имеет право решать судьбу континента, мы доказали это годами нашей упорной работы. Ни Мэй, ни Ичиро, ни его братья, сестры и дети, ни даже Дженази и Ришари не смеют указывать нам. Наши братья и сестры из Великих Домов управляют

Дакиэрро под началом Сигурда, и его империя процветает, а мы позволяем управлять этими землями жалким наземникам! И к чему это привело? Регресс, экономический кризис, коррупция... Судо не хватает жесткого контроля и железной руки! Когда-то именно Юг опережал Дакиэрро и Вердиго в своем развитии, а что теперь? Судо плетется в конце, Ришари забыла о нас, Стая не способна справиться со своими обязанностями. Нет, довольно с нас правления дома Саргас!

— Предлагаешь себя в качестве альтернативы? — с улыбкой спросил Луис. — И полегче на поворотах, за этим столом сидят не только фелкамелы.

Пять пар глаз впились в Столсанга раскаленными гарпунами. Пять пар глаз, в которых не было характерных ярких пигментов, свойственных обитателям Небесных Городов.

— Я уже давно предложил свою кандидатуру на роль нового лидера Судо, — ответил Крэйи, немного успокоившись и стараясь не смотреть на присутствующих из нвелотского племени. — И вы согласились с этим. Ведь именно поэтому вы сидите за этим столом.

Среди «алых» воцарилось напряженное молчание.

— Крэйи... — слово снова взял Амавази. — Обстоятельства изменились.

— Да? — с угрожающей улыбкой спросил Столсанг. — И как же?

— Дженази вернулся. Имеет он право или нет, но ему будет совсем несложно перебить нас, словно кроликов. Он — Гвардеец Хаоса. Они такое проделывали много раз.

— Дженази не собирается вмешиваться, — холодно напомнил Крэйи.

— Даже если ты убьешь кого-то из детей Ришари? Не будь идиотом, Крэйи. Если станет жарко, он вмешается. И мы все погибнем.

— Кто еще согласен с Луисом? — Глава Великого Дома Столсанг обвел взглядом всех присутствующих.

Результат его не обрадовал.

— Значит, никто из вас не намерен отстаивать свои права?

— Это Дженази, Крэйи, — чуть слышно пробормотала Ребекка, отведя взгляд.

— Хорошо, — скрестил пальцы в замок и оперся на них подбородком. — Тогда у меня нет иного выхода, кроме как объявиться о роспуске Алой Стаи. Вы разочаровали меня. Но я добр, и когда Дженази со своими отпрысками и сторонниками будет повержен, то верну вам то, чем вы были до того момента, пока не капитулировали перед Гвардией Хаоса. Я верну Десяти Великим Домам наше бывшее положение в этом мире. И тогда вы все признаете мою правоту.

Он видел, как посерьезнели лица предводителей «алых» — как подобрался Артур Коккинавье, потянувшись к рукояти меча, как исказила губы Луиса мрачная усмешка; как зло сверкнули зеленые глаза Ребекки и пробежала тень в неизменно насмешливом взгляде Ренара. Что-то нелicenseприятное в его адрес прошептала Ариана Рэйсток — смуглокожая чародейка из центральных земель Судо, способная обратить человека в камень взглядом. Сидевший рядом с ней Бо Хон пронзил Крэйи взглядом, явно готовясь использовать одну из своих жутких отравляющих способностей, от которых практически не было спасения. И еще трое, Ракрустикрос, Боневаль Лустакин и Эхат Ястреб, совсем юные в сравнении со всеми остальными присутствующими, с оскорбленным видом готовы были встать со своих мест и выразить негодование его решением. Нвелоты. Но нвелоты талантливые. Ракрустикрос —

муж дочери Луиса, а Боневаль женат на младшей сестре Ребекки и даже стал отцом двух маленьких Бо-Сатронгов. А Эхату, отважному и дерзкому, Крэйн обещал в жены свою собственную племянницу, которая уже три года выполняла его тайное поручение во владениях Сигурда. И то, что даже Ястреб не поддержал его в этот критический момент, глубоко оскорбило Крэйна. А ведь они были нвелотами, которым было оказано высочайшее доверие и награда — право вступить в брачный союз с фелкамелой Великого Дома. Право основать Вассальный Дом.

— Ты сошел с ума, — произнес Луис, степенно поднимаясь со своего места. — Если ты выступишь против Дженази, то погубишь всех нас.

— Я ведь сказал, господин Амавази, Алая Стая распущена, — усмехнулся Крэйн и указал на массивную дверь из мореного дуба, — попрошу вас убраться с глаз моих. И из моего дома.

— Крэйн... — тяжело вздохнул Амавази, — Когда ты попытаешься убить Мэй и остальных детей Ришари, и Дженази убьет тебя, он спросит у нас потом, почему мы знали о твоих намерениях — и не остановили тебя. А я не люблю оправдываться перед кем бы то ни было.

— Ты хочешь бросить мне вызов? — не поверил Крэйн. — Не смей меня, я тебя в порошок сотру.

— Алая Стая бросает тебе вызов, — ответил Луис, и по его молчаливому наклону головы поднялись со своих мест Артур, Ребекка и Ренар. А вместе с ними и остальные. Только Эхат остался сидеть, растерянный, осознав, что происходит за этим столом.

— Я знал, что однажды ты предашь меня, но не думал, что это произойдет так скоро, — произнес Крэйн, концентрируя мистическую энергию и мысленно касаясь Врат Сердца Мира.

— Я просто хочу защитить всех нас от твоей глупости.

— Глупец здесь ты, Луис, — ответил Столсанг, сжимая и разжимая кулаки. — Ты думаешь, что вместе вы справитесь со мной... А ведь я уже сказал, что готов убить Дженази. Что я способен на это.

— Ты безумен, — покачал головой Амавази. — Сдайся немедленно, или мы убьем тебя здесь же.

Артур Коккинавье обнажил меч и первым сделал шаг в сторону Крэйна. И первым замер, когда увидел, как за спиной бывшего лидера «алых» возникли три высокие тени. Трое незнакомцев в длинных черных рясах и темных костяных масках вышли словно из воздуха, мгновенно заполнив овальный зал совета «алых» ощущением иррационального ужаса. Никто, даже Луис Амавази, не смог обнаружить их присутствия до момента этого внезапного появления, и это пугало больше, чем странный, вызывающий тошноту и головокружение запах, разлившийся в воздухе.

— Что же, — произнес Крэйн с откровенной насмешкой, — раз все обернулось вот так, думаю, самое время познакомить вас с моими новыми друзьями. Правда, их имена слишком длинные и сложные для нашего слуха, поэтому можете звать их просто — Эмиссары Шепчущих.

Зловещие незнакомцы за спиной Крэйна не шевелились, но ни у кого из «алых» не

возникло желание сделать хоть шаг в его сторону.

— Кто они? — с подозрением спросил Луис. Напряжение в нем звенело натянутой струной.

— Неужели всевидящий взгляд Амавази не способен проникнуть сквозь их скромные одеяния? — спросил Крэйн с издевкой.

— Они опасны, — нервно предупредила всех Ариана Рейсток. Она стояла от Шепчущих дальше всех — и побелела как мел.

— Представляешь, мы догадались, — пробурчал Артур Коокинавье, перехватывая меч поудобнее.

— Вы не понимаете... Нам нужно бежать... Отступить!

Ариана попятилась к двери. Крэйн повернул голову к Эмиссарам Шепчущих и с ленцой в голосе произнес:

— Вы и в самом деле оказались правы. Она самая опасная из них.

Артур первый не выдержал и рассек воздух длинной, звенящей от напряжения полосой стали, и стоявший в центре Шепчущий воздел руки к потолку. Два действия были совершены одновременно, и знаменитая, рассекающая на расстоянии атака дома Коккинавье, оказалась бесполезной, когда на ее пути из сплошных каменных пола и потолка выросли неровные ряды длинных и толстых желто-лиловых щупалец некоего неведомого существа. Только первый ряд оказался рассечен, а на следующем за ним осталась только неглубокая царапина, из которой начала сочиться отвратительная на вид мутно-белесая жидкость.

Еще один пучок извивающихся отростков запечатал дверь, связавшись в невообразимо сложный узел.

— Что за дьявольщина? — прошептал Ренар, потянувшись к поясу и вспомнив, что на заседания совета «алых» с оружием позволено приходить только Артуру. И в следующую секунду все «алые» оказались оплетены сгустками щупалец, выросших у них из-под ног. Их прикосновение было настолько мерзким, что от него буквально выворачивало наизнанку, а хватка — стальной.

Ребекка взвизгнула от отвращения, мужчины выругались все как один.

— Друзья, не сопротивляйтесь, — ласково произнес Крэйн. — Вы сделаете только хуже.

Визг Ребекки стал громче, к интонациям ужаса и отвращения добавилась ярость — и схватившие ее щупальца взорвались опметками склизкой плоти. Вспыхнуло знаменитым синим пламенем тело Ренара — редкая мистическая способность, многократно увеличивающая силу и скорость; зашипели, растворяясь в кислоте, лилово-желтые жгуты, схватившие Бо Хона. Обратился в металлическую статую Ракрустикрос, задрожал Боневаль Лустакин — словно ожившая помеха на экране телевизора. Но полностью освободиться всем помог Артур Коккинавье, силой мысли изрубив на мелкие кусочки схватившие его щупальца и одним-единственным взмахом меча располовинив все остальные в зале — остановить эту мощную атаку смог только последний ряд щупалец, защищавших Крэйна и Эмиссаров Шепчущих.

Точно так же он расправился с еще одним нашествием мерзких отростков, куда более многочисленным. И обменявшись быстрыми взглядами с Ренаром и Боневалем, ринулся в контратаку, оставив Ракрустикроса и Бо Хона защищать Луиса Амавази и девушек.

Тройной взмах меча Артура проделал брешь в плотной стене щупалец, отделившей Крэйна и Шепчущих от «алых», и в нее бросился Боневаль, мистической способностью которого была невероятная скорость. Он мог двигаться быстрее скорости звука, и сразу

исчез, мгновенно переместившись к извивающемуся барьеру. И там и застыл на месте, не способный сделать ни шагу дальше. Ренар оказался рядом мгновением позже — и не поверил своим глазам, когда понял, что на месте Лустакина удерживает чудовищная круглая пасть с треугольными зубами-шипами, выросшая из пола и проглотившая его ступню. Нок-Старвинд пнул пасть пылающей ногой, но вместо того, чтобы раскрыться, она сжалась еще сильнее — и ступню Боневалья с оторвало с влажным хрустом.

В пол ударила струя крови, Лустакин закричал от боли, и Ренару пришлось погасить свое пламя, чтобы подхватить его. В них ударили щупальца, но Артур успел и рассек их, прикрывая товарищей.

— Отступаем! — прокричал Луис, пытаясь предугадать, где в следующий момент появятся еще пасти и щупальца. Ребекка тут же бросилась к оплетенной двери и ударила по ней ладонью наотмашь. Воздух зазвенел, задрожали толстые каменные стены зала — и перекрывшие выход щупальца лопнули изнутри, уничтоженные страшной атакой Великого Дома Сатронг. Досталось и самой двери, но она удержалась в массивных петлях, и когда девушка навалилась на нее всем телом, устояла, словно что-то подпирало ее с другой стороны. Ребекка замахнулась снова, чтобы превратить дверь в щепки, но по обе стороны от выхода на стене выросли две огромные пасти, широко распахнулись — и из них начали вылезать кошмарные человекоподобные безглазые твари с пучками извивающихся отростков на месте рта и носа. Сатронг превратила в бесформенно месиво из плоти первую, Бо Хон растворил в облаке яда вторую — и пожалел о том, что не может заполнить им все помещение, когда понял, что такие же пасти-норы открываются по всему залу.

— Хон, даже не думай! — прокричал Луис, угадав его мысли. — Ариана, вытаци нас отсюда!

Чародейка взмахнула руками — и в воздухе образовался сияющий овал пространственного портала. Его сразу же окружили пучки щупалец, а безглазые твари бросились к чародейке, но Ракрустикрос и Бо Хон были начеку, останавливая их наплыв, а Ребекка прыгнула к portalу, чтобы освободить его. Она едва не наступила на коварно распахнувшуюся в полу пасть, но Луис спас ее, схватив в последний момент за талию и оттащив назад. Через мгновение рядом оказались Артур и Ренар с Боневалем на руках, а в пасть между «алыми» и порталом ударило белое плазменной копье — Эхат Ястреб наконец решил принять участие в схватке. До этого момента его не трогали ни щупальца, ни твари, но стоило ему перестать изображать истукана, как за его спиной разверзлась еще одна пасть, из которой вместо безглазых существ вырвался пучок черных тонких жгутов, спеленавших его по рукам и ногам и потянувших к усеянной желтыми клыками дыре. Он сжег щупальца, но в него выстрелили новые, сжавшись на горле, и дернули так резко, что поток плазмы, сорвавшись с его пальцев, вместо пасти угодил в потолок, проделав в его своде дыру, сквозь которую можно было увидеть темнеющее вечернее небо. Эхата протащило по гладкому полу к отверстию, но когда зубастая пасть была уже готова откусить ему голову, он исчез с негромким хлопком — оказавшись в руках Бенедикта Грида, который провел все это время, забившись в угол. Толстяк был бледен от ужаса, но с решительным видом потащил Ястреба к остальным, пробивавшимся к portalу.

Предельно тесно сгрудившись вокруг портала и освободив его от щупалец, «алые» отбросили тварей назад и первой пропустили к нему Ариану. Следующим шел Ренар с раненым Боневалем, но когда чародейка коснулась сияющего синим овала, он внезапно схлопнулся — начисто отрезав ей кисть. Девушка тонко закричала, заливая товарищей

кровью. Которые не понимали, что произошло.

Эхат, так и не придя в себя до конца после жесткого удушения, дрожащей рукой указал на потолок. Луис поднял голову — и увидел огромный багровый глаз с настолько темным зрачком, что глубокая чернота космоса в сравнении с ним могла показаться светло-серой. И все почувствовали, как становится неподатливой и чужой мистическая энергия в их телах.

— Ребекка, ломай стену, — хриплым от ужаса голосом прошептал Луис, подхватывая теряющую сознание Ариану. В стенах вырастали новые пасти и щупальца, выползали новые твари, и как сумасшедший, заработал мечом Артур, пытаясь хоть ненадолго отсрочить неизбежное. Ренар передал Боневалю Ракрустикросу и снова вспыхнул синим пламенем, превратившись в огненную преграду между «алыми» и порождениями Шепчущих, новые потоки яда обрушил на них Бо Хон. Ребекка заставила каменную кладку вибрировать и покрыться трещинами — тяжелый, подавляющий мистическую энергию взгляд багрового глаза подействовал на нее сильнее остальных, поэтому ей не хватило силы. Тогда в ослабленное ею место ударил Эхат, и кусок кладки вывалился, образуя небольшой пролом.

— Стреляй в глаз! — прокричал Луис. Твари напирали все сильнее, еще пара мгновений — и Артур с Ренаром и Бо Хон не смогут остановить их...

Эхат направил плазменное копьё в багровое око — и оно погасло, не долетев до него считанный метры. На создание еще одного у него больше не было времени... И тогда Ребекка, собравшись с силами, ударила снова, проделав не просто дыру, а обрушив половину стены. Весь замок Крэйна содрогнулся от фундамента до шпиля на остроконечной крыше, и «алые» бросились к своему спасению — первыми Ребекка с Луисом и Ракрустикосом, тянувшим раненых, а следом за ними остальные, прикрывавшие отступление.

Сатронг расчистила путь от обломков, превратив их в пыль новой атакой, но в коридор вслед за ними никто не последовал. Она пропустила вперед Луиса и Ракрустикроса, а когда обернулась, то увидела, как под тяжестью тварей, оплетенный щупальцами, последним рухнул Ренар, продолжая жечь их своим пламенем. Зал стремительно заполнял яд Бо Хона, который решил убить Шепчущих ценой жизни свой товарищей, но пасти, извергающие тварей, распахнувшись еще шире, начали втягивать его в себя, очищая воздух.

— Проклятье... — всхлипнула Ребекка — и бросилась за уцелевшими.

Широкий коридор, увешанный портретами Столсангов, украшенный мраморными статуями в стенных нишах, был не больше двадцати метров в длину, но до двери в его конце они добивались, казалось, целую вечность. И когда Ракрустикос вышиб ее бронированным плечом, из пролома позади выскочила целая свора псообразных безглазых тварей. Ребекка первой обнаружила погоню — и остановилась, перекрывая дверной проем.

— Бегите! — крикнула она Луису, готовая задержать новую волну тварей любой ценой. Она не понимала, куда исчезли все прочие обитатели замка и ее люди, и люди остальных «алых». Казалось, остались только они одни — и Крэйн с кошмарными Шепчущими.

Первых трех монстров она уверенно размазала по полу и стенам, но четвертая, раскрыв круглую пасть и извергнув из нее сгусток щупалец, выплонула заодно и длинный острый шип, который пронзил ее плечо. Девушку отбросило и она упала на спину, успев рассмотреть, как открывается дверь перед Луисом — и из нее навстречу им выходит целый отряд людей Крэйна, к головам которых присосались кошмарные медузообразные твари.

Первый из них ударил Амавази в грудь прикладом винтовки, и Луис упал, роняя Ариану. Ракрустикос, оставив Боневалю, бросился на помощь, расшвыривая новых врагов в стороны. Загрохотали автоматные очереди, высекая искры из стальной кожи, но одного этого было мало, чтобы остановить его. Одна из тварей перепрыгнула через Ребекку и бросилась ему под ноги, оплетая щупальцами из пасти, и Ракрустикос, потеряв равновесие, упал под тяжестью бойцов Столсанга. А в следующую секунду она почувствовала влажное прикосновение щупалец к своей шее, и легкий укол, о которого сразу начало неметь все тело.

Внезапно пришла в себя Ариана — и стоявшие впереди бойцы мгновенно обратились в камень. Такая же судьба постигла и тварей Шепчущих, даже ту, что схватила Ребекку. Окаменевшая хватка сразу перекрыла Сатронг кислород, она с ужасом поняла, что ей остались считанные секунды — и из последних сил создала вибрацию, которая разрушила каменную плоть. Но это отняло последние силы. И тело, отравленное ядом, больше не слушалось.

Ариана создала новый портал и попыталась уйти одна, как снова в стене открылся подавляющий мистическую энергию глаз, и они услышали шаги в коридоре. Это был Крэйн — в сопровождении одного Шепчущего. И всех «алых», живых, только оплетенных щупальцами и двигавшихся, словно сомнамбулы. Столсанг небрежно указал на чародейку пальцем — плазменное копьё Эхата сожгло ее за долю секунды, оставив от красавицы Рейсток одни только обугленные останки. Парализованная Ребекка не смогла выдать из себя даже слабого стоны, как и задыхающийся, с переломанными ребрами Луис. Их боль и ужас потери выразил своим криком Ракрустикос, освободившийся из-под груды окаменевших тел и бросившийся на Крэйна. Столсанг встретил его сам, ударив в стальную грудь пустой ладонью — и проделав в ней огромную сквозную дыру, применив всеразрушающую мистическую способность своего дома. Ракрустикос стоял на ногах еще несколько секунд, медленно осознавая свою смерть, и, наконец, рухнул к ногам своего бывшего предводителя.

Крэйн перешагнул через беспомощную Ребекку и подошел к Луису. Схватил его за воротник и поднял над полом.

— Как видишь, я не хочу убивать сыновей и дочерей Великих Домов, — произнес он устало. — Но жизнь всех остальных не имеет для меня никакого значения. Мне жаль твоего зятя, но, если честно, совсем немного. Боневаль, — Столсанг повернул голову в сторону теряющего сознание от кровопотери Лустакина, — теперь тоже не представляет для нас ценности. Жаль.

Шепчущий слегка наклонился, из-под костяной маски по замку разлился едва уловимый, растянутый полустон-полушепот.

— О, ногу можно вернуть... — искренне удивился Крэйн, и повернулся к парализованной Ребекке. — Хорошая новость, госпожа Сатронг, вашего зятя можно вернуть в строй. Хотя... — он пристально всмотрелся в ее глаза, пылающие беспомощной яростью. — Он мне никогда особо не нравился. Артур!

Артур Коккинавье, шагая, словно заводная кукла, медленно подошел к Боневалю и пронзил его грудь своим мечом.

— Не так уж он был и полезен.

На глаза Ребекки навернулись слезы — она любила Боневалю всем сердцем и была искренне рада его женитьбе на сестре, несмотря на его происхождение. Верный, отчаянный

Лустакин... Из пола выросли щупальца, оплели ее тело и подняли в воздух, поднося к Шепчущему. Он снял свою костяную маску — и она успела рассмотреть его невероятно худое лицо, обтянутый кожей скелет с пустыми глазницами, на дне которых плескалось нечто густое и черное. А потом ее сознание заполнила абсолютная, кремешная тьма. Тяжелая, давящая, окутывающая плотным свинцовым одеялом...

— Вот и все, — донесся до нее откуда-то издали едва различимый голос Крэйна Столсанга. — Вот и все...

Глава 75. Авантюра

Ариана Рэйсток отчетливо помнила обжигающую, ослепляющую боль, вспыхнувшую в ее теле в тот миг, когда ее поразило плазменное копьё Эхата Ястреба, и ясно осознавала, что мертва, ведь не может быть живым человек, от которого остались одни только обугленные кости. И в то же время она была жива, наблюдая за своими почерневшими останками со стороны, из центра существующего в ином пространстве зала, в котором была запечатана ее Забытая Богиня, Ша-Ру-Занагра, Проклинательница. Огромный скелет шестирукой женщины-змеи с бесконечно длинным хвостом был скован черными цепями, в пустых глазницах черепа с остатками седых волос пылало зеленое пламя, убивающее своим светом все живое — Забытая могла нести лишь гибель, но когда ее последовательница оказалась на пороге смерти, использовала все свое могущество для того, чтобы удержать сломленный разум от шага в небытие. И в отчаявшейся чародейке вспыхнула надежда — чувство, которое она утратила задолго до этого рокового дня.

— Я жива, — прошептала она, падая на колени и обхватывая себя руками. Ее иллюзорное тело била крупная дрожь, холод мистической тюрьмы Ша-Ру-Занагры пробирал ее до костей.

— Ты — моя последняя служительница, — прошипела Забытая, обвиваясь кольцами вокруг Арианы, — я не могу позволить тебе умереть так просто — особенно сейчас, когда в Тейзою прибыл древний враг моего рода.

— Шепчущие.

— Можешь звать их так, — из оскаленной пасти Проклинательницы при каждом слове вырывалось ядовито-зеленое пламя. — Ты должна предупредить моих братьев и сестер, немедленно — я не смогу поддерживать твое существование в таком виде долго.

— Что я должна сделать? — надежда Арианы пережить этот день после слов Забытой начала стремительно гаснуть.

— Для начала — вернуться в свое тело. Ты должна выйти к Вратам Сердца Мира и связаться с другим служителем, а для этого тебе нужно оказаться по другую сторону от них, — Забытая указала кривым когтем на обсидиановые створки, отделявшие ее от остального мира.

— Вернуться... туда? — девушка содрогнулась. — Но от меня ничего не осталось!

— От тебя остались кости, моя дорогая. Посмотри на меня, — Занагра дважды прокрутилась вокруг своей оси на змеином хвосте, — мне ведь это не мешает существовать.

— Но я всего-лишь человек...

— Я дам тебе силу. Всю свою силу, чтобы поддержать твое существование в этом печальном состоянии. Ее хватит на несколько часов. Более, чем достаточно.

— И я... Нет никакого способа вернуться?

— Только если найдется могущественный целитель...

— И где же мне его искать?! — Ариана перешла на крик.

— Когда ты предупредишь моих братьев, я постараюсь тебе помочь. Сейчас у нас нет на это времени.

— Нет, Занагра, — с отчаянной решительностью произнесла чародейка, — назови мне имя того, кто поможет мне, или я не сдвинусь с этого места. Плевать на Шепчущих, я не хочу умирать!

Забывая в ярости зашипела и сдавила Ариану в кольцо своего костяного хвоста.

— Ничтожная смертная! Как ты смеешь перечить мне?

— Мне нечего терять, — тихо и очень спокойно ответила чародейка, не отводя взгляда от ядовитых глаз Занагры.

Целую минуту длилось это безмолвное противостояние. И наконец, Забытая сдалась. Костяное кольцо разжалось, и опустились все шесть рук, которые еще секунду назад были готовы разорвать дерзкую девушку.

— Хорошо... Я знаю только одного достаточно могущественного целителя, способного помочь в твоём состоянии. Это служитель Наму-Ар-Зонкона, человек по имени Раббен Тоттенгрибер.

— Слуга императора Дакиэрро! Гвардеец Хаоса!

— Он может служить только Великому Кузнецу, глупая девчонка! — воскликнула Забытая, снова потеряв самообладание. И снова успокоилась.

— Если уговоришь его помочь тебе — спасёшься. А теперь делай то, что велено!

Ариана судорожно вздохнула — покорно склонила голову.

— Верни меня... в моё тело.

Возвращение... было ужасным. Просто кошмарным. Обугленное тело чародейки так и осталось лежать в коридоре замка Крэйна Столсанга, среди каменных обломков людей и жутких тварей Шепчущих. Живых не было, как и тел Боневаля Лустакина и Ракрустикоса, но последнее она заметила уже позже, после того, как осознала, что не чувствует боли и не может дышать — сожжённое заживо тело было абсолютно мертво. Но она видела, хотя у нее не было глаз, слышала, хотя не было ушей, и могла двигаться, хотя от мышц осталась только еще не остывшая — и отвратительно хрустящая обугленная масса. Свое мертвое тело она ощущала как нечто совершенно чужое, ужасно непослушное, но все же оно подчинялось ее командам.

— Омерзительно... — прошептала Ариана, и еще сильнее ужаснулась, когда услышала собственный, нечеловечески скрипучий голос. — По крайней мере, я не чувствую запаха. И здесь нет зеркал...

Не теряя времени, она мысленно оказалась перед Вратами Сердца Мира, и с облегчением поняла, что здесь она выглядит как и прежде — высокой темноволосой девушкой с карими глазами и округлыми чертами лица. Только полностью обнаженной... Но с этим можно было только смириться. И она бросила зов, взывая ко всем чародеям поблизости от замка Столсанга.

Никто не ответил. Видимо, ее зов был слишком слаб, чтобы занятые проблемами повседневной жизни чародеи смогли заметить его. Либо просто проигнорировали. Ведь она была одной из «алых». Был шанс, что ответят другие два чародея из их рядов. Но они молчали.

— Кто-нибудь! Ответьте! — крикнула она изо всех сил в сияющую белым светом пустоту, окружавшую Врата Сердца Мира.

— Кто-нибудь! Пожалуйста...

Проходили минуты. Или часы. Она помнила о своем неотвратимо близком конце, и время растянулось в изводящую душу вечность ожидания хотя бы чего-нибудь — чуда или

знака, что все кончено.

И когда чародейка практически сорвала свой мысленный голос, истощила практически всю энергию — один человек все же отозвался.

Он вышел к ней из столба яркого света, потрескивающего искрами синих электрических разрядов. Невысокий, коренастый парень с овальным лицом и очень цепким, любопытным взглядом. Он растерянно улыбнулся, оказавшись прямо перед ней, и тут же отвернулся, заливаясь краской смущения.

— Вы... неодеты.

— Не представляете, насколько я неодета на самом деле, юноша, — хмыкнула Ариана, кое-как прикрываясь руками. — Но это все неважно. Всему нашему миру нужна ваша помощь. Могу узнать ваше имя?

Юный чародей бросил в ее сторону быстрый колкий взгляд — и сразу же отвернулся.

— Просперо Эспозито, синьора...

— Ариана Рэйсток.

Юрика со скучающим видом смотрела в окно автобуса, рассматривая пробегающие мимо пейзажи. После того, как Дженази выдвинул свои условия, им ничего не оставалось, кроме как определить прямо на том совете, кому брать на себя ответственность за происходящее, и что делать дальше — и Юрика проголосовала за кандидатуру Мэй, после чего было решено немедленно выдвигаться к резиденции Крэйна Столсанга. Вальд заявил, что до нее не больше суток езды, и транспорт он организует — и сдержал обещание, предоставив большой рейсовый автобус на пятьдесят пассажиров. Свободных мест в нем не осталось уже через десять часов — предводитель «диких» в Судзо связался с остальными группами, и они подобрали по дороге всех, кто успел прибыть к маршруту их следования. Только Юрику слабо утешало то, что их так много, ведь Дженази с ними не было. Он ушел сразу после завершения совета, пообещав найти их через неделю.

Внезапно прозвучал встревоженный голос Просперо. Он требовал остановить автобус.

— Что случилось? — прогремел Вальд Браун, делая знак водителю. — Через два часа мы уже будем на месте.

— Со мной связалась девушка по имени Ариана Рэйсток, — ответил обескураженный Просперо. — Она рассказала... очень странные вещи.

— Ариана — одна из «алых», — с подозрением заметил Фредерик Сольряйн. — Чародейка. Она связалась с тобой по вашим чародейским каналам? Как она тебя нашла?

— Да, она сказала, что еще час назад являлась сторонницей Крэйна Столсанга, — ответил Просперо. — Но когда Бенедикт Грид рассказал им о возвращении синьора Дженази, они единогласно решили согласиться с его решением позволить синьоре Мэй возглавить Стаю.

Мэй, которая вышла из автобуса вслед за остальными, мгновенно оказалась в центре внимания.

— Круто, — с воодушевлением сказала Юрика. — Значит, мы зря едем? Хотя виды ничего, красивые...

Незапланированная остановка произошла посреди зеленой саванны, которая резко отличалась от всего, что девушка видела раньше. Огромная плоская равнина, покрытая

причудливыми, одиноко растущими деревьями с необычной, почти синей листвой; такими же одинокими фермами и стадами животных — то ли домашних, то ли диких... Она нигде не видела оград.

— Крэйн Столсанг распустил «алых» и пообещал убить Дженази, — ответил Просперо, стоя в кольце из десятков человек, большую часть которых он не знал.

Подул прохладный ветер. Солнце должно было вот-вот скрыться за горизонтом.

— Надеюсь, «алые» оказались разумными людьми и надели на него смирительную рубашку?

— Они... попытались.

— Ты сейчас говоришь о том, что Крэйн собрал совет своих приближенных, объявил о том, что больше не нуждается в их услугах — и выжил после этого? — с недоумением уточнил Фредерик. — Среди них должны были быть Артур Коккинавье и Ребекка Сатронг, кандидаты в Гвардейцы.

— Ребекка так и не стала Кандидатом, — возразил Вальд Браун. — Но это не так уже и важно, она все равно крайне опасна. Так что же произошло?

Просперо прокашлялся, прочищая горло.

— Они все проиграли. Крэйн схватил их всех с помощью Эмиссаров Шепчущих.

— А это еще кто такие? — вопрос принадлежал Юрике. Просто потому, что она первая успела спросить.

— Именно из-за них нам и придется пересмотреть свои планы...

Для того, чтобы выслушать Просперо, им пришлось разбить временный лагерь у обочины трассы, пересекающей саванну с северо-востока на юго-запад, и спугнуть стадо антилоп, которую сторожил крупный прайд пятнистых черногривых львов. Огромные хищники были недовольны человеческим присутствием, но ничем иным, кроме рыка, выразить свое недовольство не могли — один вид могучего Вальда Брауна держал их на расстоянии.

— В Верди́ро такого не увидишь, — произнесла Юрика, провожая взглядом неторопливо уходящих вслед за антилопами трехметровых кошек.

— Наверное, мы в каком-то заповеднике, — предположил Ранмаро.

— Какой-то странный заповедник, — ответила она, указывая на желтеющий неподалеку конус крыши какого-то жилья, — здесь люди есть.

— Это земли арга, — Шон Шабири слышал их короткий диалог. — Они умеют находить с хищниками общий язык. То, что вы не видите в саванне заборов и оград, еще не значит, что их нет. У них свои способы определить территорию, на которую эти кошки не сунутся.

— Крэйн построил свою резиденцию на землях арга? — удивилась Юрика.

— Нет, через час начнется каменистая пустыня с руинами древних сооружений, которым больше тысячи лет. Крэйн построил свой замок на фундаменте одного из них.

— И эта дорога приведет прямо к нему?

— Она приведет к городу, возле которого он находится. В Бансак.

В этот момент прозвучал могучий, созывающий всех рык Вальда Брауна:

— Народ, не расходимся! Просперо, — зверочеловек выдвинул вперед инспектора,

придерживая его за плечи, — вешай!

Растерявшийся Просперо обвел толпу спутников взглядом, нашел знакомые лица, улыбнулся, ободряя, видимо, самого себя, и начал свой рассказ, сфокусировавшись на некой точке где-то позади слушателей:

— О Шепчущих знают только чародеи, немногие. Почему немногие, объяснять долго, это знание нам ничем сейчас не поможет, и в принципе не о чародеях сейчас разговор. Кто-то из вас слышал, наверное, о Забытых Богах, которым раньше поклонялись люди? Древняя религия этого мира?

— Кое-что, — пробормотал Шабири. — Так, слухи.

Ему вторили глубокомысленными кивками и тихим ропотом.

— Забытые боги обладали реальным могуществом — разумная раса, обладающая огромными мистическими способностями, — продолжил инспектор Эспозито. — Они пришли к нам из иного мира. И Шепчущие тоже явились к нам из иного мира. И эти две расы, Забытые и Шепчущие, сражались друг с другом, многие тысячи лет. Забытые изучили Шепчущих и оставили о них много информации, об их сильных и слабых сторонах, повадках и привычках. И, если говорить кратко, Шепчущие — это зло. В нашем, человеческом понимании. Они истребляют, пожирают и подчиняют все менее могущественные расы, превращая их в свое подобие — внешнее, по крайней мере. Размножаются и заселяют новые миры, изменяя их под свои собственные нужды и потребности. Как я понял, они меняют целые экосистемы, даже ландшафт и атмосферу, перекраивая целые миры.

— Ничего себе... — присвистнула Юрика. — И как с ними бороться? С существами, которые перестраивают целые планеты? Ты же не хочешь сказать, что нам всем уже того... Конец? Финиш?

— Действительно, — ответила Мэй, — ты хочешь сказать, что Крэйн заключил союз с настолько могущественными существами?

Просперо обнаружил себя в центре сорока девяти очень напряженных, настороженных и даже испуганных взглядов.

— Шепчущим необходимы особые условия для жизни. Влажность, температура, состав воздуха и еще много чего. Если Шепчущий придет в наш мир без особой подготовки, то быстро ослабнет или даже погибнет. Поэтому сначала они отправляют в предназначенные для колонизации миры своих эмиссаров, или устанавливают телепатическую связь с аборигенами. Которые воспринимают их не иначе, как богов. Распространяют такую «религию» повсеместно, что крайне пагубно влияет на облик и разум смертных, и мир начинает меняться в необходимую Шепчущим сторону. Это сложный и длительный процесс, который очень трудно остановить. Предотвратить гораздо проще. Ариана Рэйсток видела трех Эмиссаров Шепчущих. Крэйн Столсанг, видимо, связан с ними некой телепатической связью, что рано или поздно приведет к тому, что он и сам станет таким же, как они. И схваченные предводители «алых» тоже будут превращены в Эмиссаров, потеряют свой разум и облик. Чем больше будет эмиссаров, тем сложнее с ними будет бороться. Если мы сейчас поспешим, то избавим их от этой страшной участи. Мне уже известен способ.

— Потому что ты — чародей? — уточнила Мэй.

— Да, — кивнул Просперо.

— А нужно? — спросила Виктория, выходя вперед. — Мы отправились в путь, чтобы выполнить условие дяди — объединить Стаю под руководством Мэй. Но «Алой Стаи» больше нет, Крэйн расформировал ее. «Дикие» уже с нами, «Серебряные» тоже поддержат

ее — если верить словам Фредерика и Вальда. Это значит, что наша миссия уже выполнена. И нужно просто найти дядю. Думаю, он справится с этой проблемой — даже без нашей помощи.

Внезапно воздух разрезал оглушительно громкий, пронзительный крик Юрики, из-за которого от неожиданности присела половина собравшихся, включая Вальда Брауна:

— Дядя!

Подождала немного, внимательно прислушиваясь и озираясь по сторонам, и прокричала снова:

— Дядя! Дядя Дженази!

— Что ты делаешь? — не выдержала Виктория, морщась, словно от зубной боли.

— Дядю зову.

— С чего ты взяла, что он тебя услышит? Он сейчас может быть где угодно.

— Действительно, не слышит, — признала Юрика через пять минут, когда никто не появился на горизонте.

Виктория что-то пробормотала под нос, явно неллицеприятное в адрес своей мелковозрастной тети.

— Это значит, что он не успеет остановить превращение «алых» в эмиссаров Шепчущих, — сказал Просперо, отводя взгляд.

— Что скажет «Стая», когда узнает, что я бросила офицеров, которые признали мое право возглавить их? — произнесла Мэй, ни к кому конкретно не обращаясь. — И позволила превратить их в чудовищ? Сколько у меня осталось времени, Просперо?

— Несколько часов, — тихо ответил инспектор. — Прямо сейчас их разум подвергается губительной перековке.

— Значит, я должна спешить. «Стая», — она обратилась сразу ко всем присутствующим, — я пойду одна и освобожу пленников. Не переживайте, я не буду сражаться с Крэйном и Шепчущими, это мы оставим моему отцу. Виктория права, никто не справится с этим лучше, чем Дженази.

— Вы не справитесь одна, синьора, — возразил Просперо. — «Алые» будут сопротивляться. Их тела и мистические способности находятся под контролем Эмиссаров Шепчущих. Вам придется сразиться с ними и победить.

— Мне придется справиться, — ответила Мэй с решительным видом. — Я не могу рисковать ни одним из вас. Смерть в этом бою станет напрасной жертвой.

— Я не отпущу тебя одну, — с самым решительным видом заявила Юрика. — Если Столсанг с Шепчущими одолел Кандидата в Гвардейцы вместе отрядом людей, которые приблизились к этому титулу, то у тебя нет шансов — ведь они все будут против тебя. Ты или погибнешь, или станешь еще одним Эмиссаром, и спасти придется еще и тебя. Я пойду с тобой.

— И я, — напомнил о себе Ранмаро.

— Нет, — резко заявил Вальд Браун. — Вы не пойдете. Никто не пойдет. Мы соберем всю «Стаю» и нанесем по этим Шепчущим удар наших объединенных сил. И решим этот вопрос. Мне жаль «алых», но рисковать кем-то из вас мы не собираемся. Вы — наше будущее.

— Вальд... — Мэй посмотрела огромному зверочеловеку прямо в глаза и сделала шаг навстречу. — Разве не я теперь новая предводительница «Стаи»?

— Вы, госпожа, — Вальд поспешно склонил перед ней голову. — Но вы не так сильны,

как Ришари. Вы будете лучшим лидером, чем она, но вы не бессмертны. А здесь нужен кто-то бессмертный... Или целая армия. Я не пушу вас в тот чертов замок. Можете изгнать меня из «Стаи», но пока я здесь и стою на ногах, вы туда не пойдете.

— Вальд, не заставляй меня применять силу, — нахмурилась Мэй.

Зверочеловек гулко расхохотался.

— Госпожа Юрика тоже может меня победить, но это не значит, что она справится в замке Крэйна. Против нас сам Крэйн, трое Шепчущих и шестеро лидеров «алых»!

— И целая орда жутких тварей, — вполголоса пробормотал Просперо.

— Вот именно, — кивнул Вальд.

— А с нами ты, — снова вмешалась Юрика, — и куча ветеранов войн между Гвардией и Великими Домами.

— Такие в замке тоже есть, — напомнил Просперо. — Ариана упомянула о том, что в замке были отряды «алых» — помощников, заместителей и телохранителей. Она точно видела одержимых людей Столсанга, часть которых убила лично, но сколько там таких же, неизвестно — обладающих оружием и мистическими способностями. Лично с ней в замок прибыло шесть бойцов, свиты остальных офицеров должны обладать примерно такой же численностью. Даже если гарнизон Столсанга был уничтожен в той схватке, есть еще примерно пятьдесят-шестьдесят бойцов, которые, вероятно, тоже попали под контроль Шепчущих.

— Госпожа Мэй, — произнес Вальд после продолжительной паузы, вызванной заявлением инспектора, — это невозможно. Даже собрав все свои силы, «Стая» понесет потери во время штурма. Идея захватить одержимых «алых» просто безумна. Это невыполнимо.

— Но если подумать... — продолжил Просперо. — Вы правы, штурм замка будет сопровождаться потерями. Шепчущие заметят приближение такого большого количества бойцов и смогут организовать оборону. Боевой потенциал «алых» сравним с потенциалом «диких» и «серебряных», что в условиях штурма может привести к размену один к одному. И это без учета поддержки противника со стороны Шепчущих. Потери «Стаи» будут огромны. Поэтому, как ни безумно это звучит, идея синьоры Мэй провести диверсию вполне разумна — если она сможет нейтрализовать хотя бы одного из будущих Эмиссаров Шепчущих, это спасет жизни многих во время штурма.

— При условии, если она сама не станет одной из них, — произнес Фредерик Сольрайн. — А она станет, если не сможет отступить.

— Мне известен план замка, и я могу открыть в него портал — с помощью Арианы Рейсток, — ответил Просперо. — Она пообещала подобраться как можно ближе к захваченным «алым» и открыть нам проход в замок. Всем нам сразу не стоит туда соваться...

— Но небольшой отряд сможет нанести им значительный урон и свалить до того, как Шепчущие опомнятся? — закончил за него Вальд Браун. — Это...

— Разумно, — произнес Шон Шабири, задумчиво потирая подбородок.

— Интересно, — подтвердил Фредерик.

— Круто, — с воодушевлением согласилась Юрика.

— Безумие, — нахмурилась Виктория. — Если Ариана может открыть портал в замок почему она не смогла вытащить с его помощью «алых»?

— Шепчущие способны блокировать силы чародеев, — ответил Просперо. — По

крайней мере, один из них.

— Самоубийство, — с чувством высказалась Ная, когда слова инспектора вновь заставили всех в замешательстве замолчать. — Соваться туда — самоубийство.

— А если порталов будет два? — донесся из задних рядов голос Йохана. Рассекреченный агент «Рассвета», которого Вальд взял с собой только для того, чтобы не терять из виду, напомнил о себе в самый неожиданный момент, и поняв, что на него обратили внимание, вышел вперед, под внимательные взгляды «диких» и детей Ришари. — Я ведь тоже чародей... Если речь идет о защите Судо от подобного врага — я с радостью помогу вам. Это и мой бой тоже...

— Что же, тогда назовем идею диверсии просто безумной, — с широкой улыбкой высказался Ранмаро. — Я — доброволец.

— Думаю, мы сможем открыть сразу три портала в замок, — произнес Просперо, задумчиво глядя в пространство перед собой. — И для захвата шести «алых» нам понадобится не меньше двенадцати бойцов. Если три группы по четыре бойца проникнут в замок сразу в трех местах, у нас появится шанс выполнить задуманное и отступить. Но если одна из групп столкнется с Шепчущим, блокирующим магию — ее члены погибнут или станут новыми Эмиссарами.

Наступила очередная затянувшаяся пауза.

— Черт, и где же шляется дядя? — с чувством, очень громко высказалась Юрика. Присутствующие были с ней полностью солидарны.

Обсуждение состава диверсионной группы и составление плана действий заняло чуть больше часа. «Дикие» согласились с предложением Просперо отправить двенадцать человек, но решить, кто именно пойдет, оказалось не так просто. Вальд Браун был против участия Мэй в этой затее, но спорить с ней оказалось просто невозможно, поэтому он в конце концов согласился — при условии, что она отправится с ним, Фредериком Сольрайном и Шоном Шабири. Протестовать против участия Юрики, Ранмаро, Виктории и Просперо оказалось еще более безнадежным делом — племянники Дженази напомнили, что они победили их трио вдвоем, и Ранмаро намекнул, что его двоюродная сестра может быть даже сильнее, чем он. А без способностей Просперо сама операция теряла свой смысл — только он и Йохан могли поддерживать связь с их главным козырем — Арианой Рейсток. По этой же причине девятым членом группы стал бывший агент «Рассвета», поэтому Вальду оставалось только решить, кто будет сопровождать его. Ная вызвалась добровольцем — как и Виллард Н, но его кандидатуру сразу отвергли из-за отсутствия боевого опыта. Наю одобрили как командира третьей четверки и отдали под ее командование двух самых способных «диких» из всего собравшегося отряда — Белтура, еще одного арга, вооруженного грозным серповидным клинком, и Римпо Лу, карлика-цвенга с очень темной, отливающей зеленым кожей.

— Ариана утверждает, что Крэйн находится в своих апартаментах в главной башне, — сообщил Просперо, чертя прутиком на земле примерный план замка. — Сама же спряталась в подвале, в одной из кладовых под восточным крылом. Она смогла выяснить, что контроль Шепчущих над Луисом Амавази не так хорош, как над остальными «алыми», поэтому его временно поместили в подземные казематы где-то неподалеку от нее. И он единственный, о

чьем местоположении мы имеем хоть какое-то представление.

— И этого уже более чем достаточно, — произнес Вальд Браун. — Он очень важный человек в «Стае», пользуется среди «алых» огромным авторитетом.

— Но мы должны вытащить не только его, — холодно напомнила Мэй.

— Я выясню местоположение остальных «алых» сразу, как только окажусь в замке, — пообещал ей Просперо.

— Он сможет, — подтвердила Виктория, когда на инспектора посмотрели с откровенным сомнением. — Он с первого взгляда определяет мистические способности людей и может следить за ними с огромного расстояния.

— Я тоже могу, — кивнула Мэй. — Это значит, что у наших групп не будет проблем с определением целей. А группе Наи поможет Римпо Лу, — девушка посмотрела на цвенга. — Римпо, твои пауки такие же быстрые, как и прежде?

— Цак цоно, Мэй-ноко, — с широкой белозубой улыбкой кивнул темнокожий карлик. — Ницо ни спряцц.

— И я смогу поддерживать мысленную связь с Йоханом, — добавил Просперо. — Так что мы сможем легко координировать наши действия. По вашей команде мы откроем три портала: первый приведет вашу группу к Ариане, с ее помощью вы будете поддерживать с нами связь; второй приведет меня, Юрику, Ранмаро и Викторию в конференц-зал в главной башне; третий переместит группу Наи в подвалы под западным крылом замка.

— Но сначала ты свяжешься со всеми чародеями «Стаи», чтобы начать сбор всех наших сил вокруг этого проклятого замка, — прорычал Вальд, сжимая и разжимая кулаки. — Это займет много времени, но если они будут использовать ваши чародейские порталы, справятся быстрее обычного.

— В идеальном мире мы бы смогли продержаться в замке достаточно долго для того, чтобы открыть для них порталы непосредственно внутрь, — улыбнулся Просперо.

— В идеальном мире мы бы смогли справиться с Шепчущими без их помощи, — усмехнулся Фредерик Сольрайн.

Ответом ему стал нестройный хор нервных смешков.

Всем им было страшно.

Очень страшно. Но этот шаг был необходим. По крайней мере, так казалось большинству из них.

Глава 76. Башня Света

18:00, 32 июля 1014 года

Слабый восточный ветер развевал длинные волосы Ришари, обагранные лучами угасающего заката. Она стояла на краю скалистого уступа, самого высокого в зубчатом кольце кратера огромного спящего вулкана, извергавшегося в первый и последний раз больше ста пятидесяти лет назад. Когда-то это был одинокий тихий остров в самом центре Ойкумены Небесных Городов, вершина трех подводных хребтов, соединявших Вердиро, Судо и Дакиэрро — известный как Башня Света, обитель Глашатая. Защитника Десяти Великих Домов. Пока он был жив, Гвардия Хаоса не смела вести открытую войну против них, тысячу лет Фридрих Бронзлебен со своими последователями мог действовать только в тени, страшась встречи с этим человеком. Пока однажды восемь Гвардейцев наконец не отважились выйти против него в открытом бою — и победить. Ришари помнила тот бой, очень хорошо помнила. И видела, что его следы до сих пор хранятся здесь. И будут храниться долго, очень долго. Столетиями. Тысячелетиями. Трехкилометровый кратер вулкана будет стоять между морем и небом до тех пор, пока ветер и волны не сотрут его до основания, а колоссальные корни, прогрызшие гранит и базальт, обвившие собой его склоны, простоят еще дольше, потому что их древесина прочнее любого камня. Только самого дерева, выросшего из земной коры, больше нет — зеленого колосса, дотянувшегося до облаков. Куда же оно исчезло? Почему из скал торчат только обугленные пни?

Ришари сжала пальцами виски и сосредоточилась, вспоминая, что произошло тогда. Потом расслабилась и поправила упавшую на глаза серебристую прядь.

— А, действительно... Это же я. Жалко... Такой пейзаж испортила.

Ее обостренный слух уловил мягкую поступь человека, который, судя по запаху на камнях, жил здесь в полном одиночестве не один десяток лет. Очень знакомый запах.

Ждать пришлось почти полчаса, пока местный отшельник наконец добрался до нее, неторопливо перепрыгивая с камня на камень. Уже в полной темноте — солнце зашло за горизонт, и ночь укрыла мир своим покрывалом, густо усеянном звездами. Она не смотрела на его приближение, ее взгляд был обращен к морю, в сторону Дакиэрро, до которого отсюда было чуть больше сотни километров. И когда отшельник оказался у нее за спиной, произнесла мягким мелодичным голосом:

— Боромир, я думала, что ты по прежнему сидишь в своей землянке в лесах Славии. Решил сменить обстановку?

Высокий чернобородый старик в сером рваном балахоне замер в секундном замешательстве, а потом усмехнулся и ответил, сверкая янтарными глазами:

— А я думал, что Богиня Юга уже не покинет свои владения. Что, девочка, заскучала и решила взглянуть на места своей ратной славы?

Ришари повернулась к отшельнику лицом и обозначила легкий, едва заметный поклон, которого могло бы и не быть вовсе — но он был. Людей, которым она могла оказать подобный знак уважения, можно было пересчитать по пальцам одной руки.

— Просто захотелось посмотреть на место, с которого все началось. Если бы мы тогда не победили твоего ученика, мир был бы совсем иным. Как думаешь?

— Его бы победили, рано или поздно, — ответил Боромир, усаживаясь на камень и

кивая Ришари на такой же, напротив него. — Нельзя назваться сильнейшим в мире — и оставаться таким вечно. Впрочем, семьсот лет — поразительный срок для сопляка, который так и не завершил свое обучение.

— А если бы завершил, мы бы справились с ним тогда? — с интересом спросила Ришари.

— Если бы Радим доучился до конца, то ни за что не стал бы тем глупым Глашатаем, на котором держался новый мир, — с печалью ответил Боромир. — Мир стали, пластика и бетона пал, Первым Домам судьбой был дан шанс вернуть себе свое — но этот юнец взбунтовался и все порушил. Все надежды на возвращение старых добрых времен... Младые не вняли уроку и назвали себя Великими, хотя им ясно дали понять, к чему привели столетия их правления. Застроили весь мир башнями и куполами, их обратили в пыль — так они в небе обосновались. Теперь их и оттуда скинули. Поделом соплякам, — отшельник потряс кулаком, опомнился и низко поклонился Ришари. — Но за это уже вам, Гвардейцам, спасибо. Утешили старика. Тысячу лет ждал, пока их образумят, а потом еще две... Теперь поспокойней стало. Удел Младых отныне — Железная Земля, но там за ними Отори и Тоттенгрибер следят, под надзором других Первых они не забалуют. Теперь только ярмиры сердце старческое беспокоят, скоро много их проснется, очень много. Снова земля загорит, и небо разверзнется...

— К слову об Отори... — Ришари изобразила смущенную улыбку и выбила на черных ножнах меча торопливую дробь. — Я отправлюсь в Дакиэрро и серьезно поговорю с Сигурдом. Скорее всего, так же серьезно, как с Радимом. У меня с ним личные счета...

— Пятьдесят лет у тебя с ним личные счета, а поговорить с ним ты только сейчас собралась? — строго спросил отшельник. — Уж не потому ли, что Дженази вернулся? От брата бежишь?

— Не перед тобой мне отчитываться, старик, — резко ответила Ришари, сверкая разрядами молний в волосах. Воздух затрещал, резко потянуло озоном.

Кожа Боромира потемнела, густые черные волосы стали еще длиннее, вздыбились черной гривой, изо рта полезли острые черные клыки. Он стал выше ростом и шире в плечах, мускулы на руках и груди раздуло до треска в ветхих лохмотьях.

— Ты мне не грози, девчонка, не такие меня пугать пытались! Коль трепки хочешь, я тебе ее быстро устрою! Не посмотрю, что г'ата!

— А следовало бы, — прорычала Ришари, сверкая короной из молний. — Еще раз в мою сторону оскалишься — и не посмотрю, что ты старейший из живущих, у меня после семидесяти почтения к старикам поубавилось. Особенно к таким, у которых в бороде ни одного седого волоска.

Трансформация Боромира завершилась, и теперь ей приходилось смотреть на него снизу вверх, задрав подбородок. Обнажать таким образом горло перед противником, находясь при этом на расстоянии его вытянутой руки, вооруженной острыми когтями, было глупо, но Ришари была абсолютно уверена в том, что быстрее его. Ну а если каким-то неведомым чудом Боромир все же опередит ее — что же, не страшно. В конце концов, ей самой любопытно увидеть удар, способный убить ее на месте. Даже если это будет последнее, что она увидит в своей жизни.

Старик вырос почти в полтора раза, превратившись в угольно-черного великана с переразвитой мускулатурой. Чудовищные мышцы бугрились под толстой кожей выпуклыми валунами, вились толстыми стальными змеями и казались чем-то совершенно

несокрушимым; ветхие лохмотья, только что висевшие на нем плащом-палаткой, стали в обтяжку и угрожающе затрещали, обещая разойтись по швам. Белгорро рядом с ним мог бы показаться немощным анорексиком, и, собственно, показался Ришари таким, когда ей посчастливилось стать свидетельницей их поединка много лет назад. Тогда она и узнала о его невероятных физических способностях, источником которых была мистическая способность его рода — представителей Первого Дома Бутус. Известная под названием «Черный Зверь», она была едва ли не единственной в своем роде, позволявшей вот так трансформировать тело своего владельца, и ее было очень легко спутать со способностями людей, пробудивших в себе силы Неназываемых. Но никто из их числа не мог быть чародеем, а Боромир им был — как и большинство представителей Первых Домов.

А еще ходили слухи, что Великий Дом Даркенвэй произошел от Первого Дома Бутус. Ришари была склонна верить этому: уж очень походила мистическая способность Даркенвэй на начальную ступень мистической способности Бутус. Да и Славия — вотчину этого Первого Дома — остатки Даркенвэй не случайно выбрали в качестве своей новой родины. И к Белгорро он не просто так испытывал неприязнь... Впрочем, причиной последнего могло быть просто то, что тот был ярмиром — их Боромир не любил. Сильно.

Когда старый чародей, не вняв предупреждению, вновь оскалил впечатляющие клыки, которым мог позавидовать любой медведь, Ришари, непостижимым образом сумев выразить одним-единственным вздохом сожаление и удовлетворение, без малейшего промедления ударила белой молнией в его грудь. Боромира отшвырнуло назад, но на ногах он удержался, проскрежетав когтями по гладким камням; удар Ришари оставил только небольшой ожог на его прочной коже, и дымящуюся дыру в одежде. Густые черные волосы стали дыбом и тоже слегка дымились.

С изумлением посмотрев на пятно на груди, Боромир перевел взгляд на девушку и пророкотал:

— Наглая девчонка... Ну, погоди! — и прыгнул вперед.

Это была стремительная атака, невероятная для настолько массивного тела, и страшнее любого пушечного выстрела: Боромир весил больше полутонны, и мог двигаться быстрее скорости звука, способный смести со своего пути что-угодно. Но Ришари не стала уворачиваться — и гигант влетел в густую сеть молний, которые сначала остановили его, а потом отшвырнули назад, сбросив на дно кратера. Он снова приземлился на ноги, но едва они коснулись камня, как с неба в него ударила очередная молния, в десятки раз сильнее предыдущих — и мир раскололи на части ослепительный свет, жар и гром.

Скала под ногами ощутимо затряслась.

Ришари подняла лицо вверх, к стремительно сгушавшимся грозовым тучам, навстречу дождю и ветру. Медленно обнажила лезвие меча, до половины длины клинка — и тут же спрятала его обратно. Дженази учил ее не обнажать клинок без намерения проливать кровь, и она старалась не нарушать его наставление. И уж тем более она не собиралась обнажать лишней раз его меч. Боромир вполне способен сломать клинок, который и так уже прошел через слишком многое — он не был в руках кузнеца с тех пор, как оставил шрам на ее щеке.

Боромир поднялся, стряхнул с себя обугленные останки одежды и каменную крошку. Удар молнии оставил только небольшой ожог на его покато плече, и по спине Ришари пробежал легкий холодок неуверенности. Гигант казался несокрушимым. И все же... Это было далеко не все, на что она была способна. Молнии не наносили старику вреда, меч использовать было нельзя, кулаки — просто бессмысленно. И она начала злиться. Здесь, на

этом острове, больше ста лет назад, она смогла ранить человека, который считался сильнейшим в истории — так неужели не сможет ранить того, кто уступает ему в могуществе?

Или же просто боится убить его?

Боромир атаковал ее снова.

— Старик... Просто признай, что я сильнее тебя, — произнесла она, в последний миг ускользая от его сокрушительной хватки и отступая на безопасное расстояние.

— Нет, ты просто скользкая, как тень от змеиного хвоста. Только и можешь слепить меня своими искрами и сбегать.

Ришари ударила его сразу двумя молниями из раскрытых ладоней, но на этот раз Бутус даже не покачнулся. Впрочем, она и сама понимала, что эти два разряда и близко не были так сильны, как предыдущий.

— Неужели выдохлась? — усмехнулся Боромир.

Ришари промолчала, хмуро сосредотачиваясь. Потом произнесла:

— Старик... Ты видел много молний?

— Больше, чем ты каплею дождя за всю свою жизнь, — снисходительно ответил Бутус.

— Какая из них была самой сильной?

— Ну... — старик смутился. — Ты ею в меня минуту назад попала.

Ришари улыбнулась.

— Хорошо. Значит, я еще смогу тебя удивить.

Боромир демонстративно размял плечи и мышцы спины, расставил пошире ноги, полусогнутые в коленях, и развел в стороны руки.

— Ну давай, попробуй, — рыкнул он. — Но если я и ее не почувствую, то мне с тобой больше не о чем говорить, ничемная слабачка.

— Да ты сдохнуть захотел, — возмущенно выдохнула Ришари, сжимая пальцы в кулак, чтобы не дать им снова опуститься на рукоять меча. — Ладно, сам напросился.

Готовая в любой момент увернуться от его атаки, Ришари вспомнила то ощущение бесконечной силы, которое уже однажды испытала в этом месте. Миг своего величайшего триумфа; величайшую из молний, сверкавших когда-либо под этим небом. Она разом ощутила бесконечность небес и несокрушимость тверди под ногами — и представила силу, способную уничтожить их. Силу, рожденную ее волей, энергией целой планеты — и многократно умноженную ледяным дыханием Волчьей Зимы. И где-то в глубинах подсознания снова, уже второй раз в ее жизни, возник смутно знакомый, сияющий образ, потрясающий копьем. И губы сами попытались произнести какую-то фразу, которая неуловимо скользила по краю сознания. Что-то, связанное с копьем. И гигантом.

— Убийца Гигантов, — потрясенно произнес Боромир за миг до того, как сила высвободилась из сознания Ришари, и попытался уйти, избежать удара. Но нет ничего, что могло бы превзойти в скорости молнию — и она ударила в него из кристально чистого неба, разрушая то немногое, что осталось от острова, и прожигая в толще его скал глубокую сквозную дыру. Плазменный поток выжег камни и воздух вокруг себя на многие десятки метров, а все, что находилось дальше, расплавилось и раскалилось до невыносимо высоких температур. Этот взрыв был виден и слышен на десятки километров вокруг, и то, что осталось после всего этого от Башни Света, начало стремительно обрушиваться в океан.

Величайшая из молний Ришари. Небесное копье, Убийца Гигантов — эта сила ужасала ее саму, и отброшенная на пару километров от острова своей же собственной атакой,

обоженная, лишившаяся пальцев и глаз, она одновременно испытывала сожаление и удовлетворение. А еще она чувствовала себя богиней. Она сделала это просто потому, что могла. Без особой причины.

— Тупой старик, — прошептала она, лежа на спине в теплой соленой воде. — Такую молнию ты точно раньше не видел. И больше не увидишь.

12:00, 21 декабря 83 0года. Башня Света.

Сверхпрочные звукоизолирующие перегородки надежно защищали пассажиров «Иглы» от низкого гула гиперзвуковых двигателей, но Ришари все равно ощущала производимую ими вибрацию — легкую, удивительно успокаивающую. Катер совсем недавно был завершён на тайной верфи одного из лояльных Фридриху Небесных Городов дома Бронзлебен, не был занесен в реестр воздушных судов, и это знание, вместе с приятным запахом синтетической отделки салона, вызывало в ее душе удивительное ощущение уюта и защищенности. Никто, кроме близких соратников, не знал, что этот корабль вообще существует, а значит, можно было представить, что сейчас, в данный момент времени, не существует для всего остального мира и она. И сидящий рядом Дженази. Чудесный момент. Жаль только, что забыть обо всем на свете и просто подремать, положив голову ему на плечо, мешали пара обстоятельств.

Первое — они были в салоне не одни. На борту «Иглы» находились все восемь Гвардейцев, и было крайне сложно расслабиться под мрачным взглядом Сигурда, сидевшего напротив. Между ним и Дженази с самого момента знакомства пробежала черная кошка, и от напряжения, царившего в воздухе, вот-вот должны были затрещать искры. Они старались не встречаться взглядами, жажда их взаимоубийства ощущалась физически. Ришари не без удовольствия подливала масла в огонь, посылая закованному в черную броню длинноволосому яо многозначительные, но почти незаметные улыбки. Один мог прочесть в них признание в симпатии, другой — в смертельной ненависти. Пойди разбери. Она и сама еще не разобралась. Такого симпатягу и поцеловать не грех. И порезать на ломтики, если он сделает Дженази больно.

Еще был Августо. Он сидел в самом углу, стараясь не привлекать к себе внимание. У него это хорошо получалось, но Ришари была г'ата. И испытывала к нему необъяснимую ненависть, ледяную, неизлечимую. Она чувствовала Первого Гвардейца на огромном расстоянии, ее приводили в бешенство его запах, звук его дыхания, который не слышали остальные, и сам вид его белой театральной маски. Убила бы без намека на сожаление, но нельзя. Он был их товарищем по оружию, даже старшим товарищем. Но в первые же дни они с Дженази ясно дали понять, что приказывать им ему лучше не стоит. Их терпение не бесконечно.

К присутствию остальных Гвардейцев она была равнодушна. Только немного ревновала Дженази к Кенсэю. Тот был его учителем и знал дольше, чем она. Незначительный повод, но ей хотелось, чтобы Дженази был только её. Она надеялась, что никто не догадывался, что именно в этом заключается причина ее холодного отношения к яо с Внешнего Архипелага.

— Мы в зоне действия радара Башни Света, — раздался из динамика голос первого

пилота «Иглы», принадлежавшего к одному из вассальных домов Великого Дома Сольрайн. — Нас должны обнаружить... сейчас.

Второе обстоятельство — пункт назначения «Иглы». Они летели, чтобы раз и навсегда покончить с Глашатаем — единственной преградой на пути к свержению Десяти Великих Домов. Он был известен как сильнейший человек в мире, и Император боялся его, не скрывая этого. Это можно было расценить как слабость, но Белгорро — несокрушимый Белгорро, находясь рядом с ними, тоже не горел воодушевлением от предстоящей схватки. А это говорило о многом.

И все же Ришари не боялась. Она давно научилась испытывать страх перед кем-либо.

На перегородке напротив, над головой Сигурда и сидевшего рядом с ним Раббена, вспыхнул и развернулся экран, на который пилот вывел изображение с монитора радара катера. Судя по отображаемой информации, «Игла» набрала максимальную скорость и неслась вперед, к острову, навстречу развернувшейся в их сторону системе противовоздушной обороны.

— Мы захвачены, — сообщил пилот. — Башня Света выпустила ракеты.

Ришари ощутила на себе пристальные взгляды всех Гвардейцев. На экране высветились четыре точки, несущиеся им навстречу. Расстояние сокращалось с неотвратимой скоростью. Она закрыла глаза и сосредоточилась. Вслушалась в вибрации самого пространства и возвала к своей мистической способности. Ощутила электрические токи катера, уверенную мощь его силовой установки; энергию, заключенную в доспехах и имплантах Сигурда; естественный электромагнитный фон, производимый телами Дженази, Раббена, Кенсэя и пилотов; быстрые токи в электронных мозгах умных ракет, собиравшихся превратить «Иглу» в сгусток раскаленной плазмы.

Когда до последних осталась пара сотен метров, она остановила их небольшим напряжением внутренних сил, постаравшись не задеть все остальной. Получилось не очень аккуратно — в работе систем катера произошел небольшой сбой, выразившийся в секундных помехах на всех экранах, но это было ничто по сравнению с ущербом, нанесенным ракетам — они потеряли ориентацию в пространстве и сбили с курса, взорвавшись от «Иглы» на безопасном расстоянии.

— Хорошая работа, — вполголоса произнес Дженази.

— Еще не все, — ответил Сигурд — он был подключен к компьютеру катера напрямую. — Второй залп.

За вторым залпом последовал третий — Ришари сбива все ракеты, не лишив себя права довольно улыбнуться и потереться щекой о плечо Дженази. А потом «Игла» выпустила свою ракету, и через пару секунд радар Башни Света был уничтожен.

— Готовимся к высадке, — произнес Сигурд снова — на правах обладателя прямого подключения к «Игле». Право отдавать прямые приказы было только у Белгорро, но ярмир только согласно кивнул, и пилот открыл люк катера. Внутрь ворвался холодный ревуший ветер — они летели ниже уровня облаков.

— Входим в зону действия турелей, — прогремело из динамика.

И снова внимание сосредоточилось на Ришари. Она, Дженази, Раббен и Август подошли к краю люка. Вцепившись в плечо брата, девушка снова сосредоточилась — и нашла смертоносные зенитные установки, способные огнем своих рельсовых пулеметов разрезать «Иглу» на ленточки. Они уже начали раскручивать свои спаренные стволы. Ришари оказалась немного быстрее.

Из ясного синего неба в зенитные установки ударили белые молнии — и вопрос был немедленно решен. «Игла» заложила над островом первый победный круг. Но это был еще не конец.

Пять истребителей-перехватчиков поднялись в небо, готовые любой ценой защитить высокую белую башню, окруженную двойным кольцом стен. Она была видна с расстояния в многие мили, но никогда еще враг — Ришари не без удовольствия окрестила Гвардейцев и себя в их числе врагом этого дивного сооружения — не подлетал к крепости так близко. И так нахально рассматривая ее сверху.

По мысленной команде Сигурда пилот пролетел над самой башней, и первыми вниз спрыгнули Раббен и Августо. Ей и Дженази предстояло разобраться с истребителями. Которые уже открыли огонь из всех своих орудий и отправляя в «Иглу» стаи ракет. От этого их защитил Сигурд, создав несокрушимый щит из переплетенных между собой фиолетовых линий, складывающихся в знаки незнакомого ей языка Забытых Богов. Магия оказалась сильнее технологий, и теперь следовало доказать, что мистические способности тоже намного эффективнее.

Она и Дженази покинули катер одновременно, двумя молниями, ударившими в корпуса истребителей. Уничтожить их, как и турели, она не смогла — они были защищены от подобного, но от меча, пронзающего броню и полимерное стекло, словно бумагу — нет. Точным ударом поразив приборную панель, Ришари лишила пилота перехватчика управления — и спустя секунду повторила это и со второй машиной. Это было весело — оказаться на корпусе истребителя прямо перед носом растерявшегося человека, эмоции которого угадывались даже сквозь защитный шлем, и продемонстрировать, что она может стоять прямо под бьющим ей в лицо ураганным потоком воздуха, который должен бы смести её — но не сметает.

Дженази проделал тоже самое с двумя другими истребителями. Остался последний. Ришари хотела было успеть раньше брата вывести его из строя, но не успела — его двигатели внезапно заглохли, и он завалился носом вниз, падая в море. Она недовольно посмотрела на Дженази: это сделал он. Ришари даже сообразила как — перекрыв турбине доступ кислорода. Топливу было больше не в чем гореть. Вернувшись на борт «Иглы», Дженази провожал перехватчик сосредоточенным взглядом, не позволяя пилоту запустить двигатель снова — и машина врезалась в морскую поверхность. Катапультирование произошло за пару секунд до столкновения.

До спасшихся пилотов им дела не было. Небо было захвачено.

Теперь очередь была за землей.

Ришари вместе с Дженази спрыгнула с «Иглы» вниз, целясь во внутренний двор крепости Глашатая. Там уже вовсю кипел бой: Раббен, который во время своего прыжка немного промахнулся и приземлился перед воротами внутренней стены, а не перед самой белой башней, с боем прорвался внутрь, изрешетив тяжелые створки огнем из своих пистолетов, и столкнулся с защитниками крепости. Это были лучшие бойцы Десяти Великих Домов, собранные самим Глашатаем и обученные им же — его личный отряд телохранителей, известный как орден Стражей Башни. Всего их было пятьдесят, и сейчас половина из них пытались прикончить Раббена. Конечно, это было бесполезно, но они

старались так усердно и слаженно, что Тоттенгрибер просто не успевал нажать на спусковой крючок — их клинки и пули разрывали его на части с удивительной скоростью. Если бы не пришедший ему на помощь Кенсэй, спустившийся в огненном вихре, положение неумирающего Гвардейца стало бы до смешного безвыходным. Тот, охваченный языками золотого пламени, усиливающего и ускоряющего его сверх меры, уверенно работая двумя мечами, оттеснил с десятков Стражей Башни во внутренний двор — к приземлившимся за их спинами Дженази и Ришари. И уже тут пал первый защитник Башни Света — Дженази пронзил сердце высокого Сольрайна, расстреливавшего Раббена с безопасного расстояния из автоматической винтовки.

А потом в одно мгновение внутренний двор покрылся густым частоколом ледяных колев, взметнулся вверх вихрь пронзительно холодного ветра, пронизанный бритвенно острой ледяной крошкой — и запели холодные клинки, рассекающие одинаково легко плоть и сталь. Ришари убила еще одного — ее меч рассек надвое зеленоволосого Столсанга, как и Кенсэй, орудовавшего двумя мечами. Фонтан крови окатил ее с головы до ног, но она даже не обратила на это внимания, уворачиваясь от огненной волны взбешенного Старвинда и ловя краем глаза вспышку молнии, выпущенную Мисторгом с длинным прямым клинком. Удар был направлен на Кенсэя, который тоже успел сразить двоих стражей — и не нанес ему вреда. Чародей только покачнулся слегка — и испепелил Мисторга потоком оранжевого пламени.

Ришари улыбнулась — и из ее тела во все стороны ударили молнии, низводя яркую палитру солнечного дня до пугающе контрастного противостояния черного и белого. Те Стражи Башни, которые остались в живых после этого короткого, но кровопролитного столкновения, поспешили укрыться в главной башне крепости. Почти все были ранены — сталью, ее молниями, огнем Кенсэя и льдом Дженази.

Стражей Башни было пятьдесят, а осталось меньше сорока. И они знали, что еще не все Гвардейцы вступили в бой.

Ришари осмотрелась вокруг, изучая тела убитых. Ни одной девушки. Августо рассказал им, что орден состоит только из мужчин, которых Глашатай отбирает лично еще совсем детьми, и все они дают обет безбрачия. В Башне Света вообще нет ни одной женщины.

К слову об Августо: он единственный в начале боя приземлился на позолоченную крышу башни и пробрался внутрь с целью отвлечь на себя хотя бы небольшую часть бойцов ордена, пока остальные будут занимать позиции снаружи. Вот и Белгорро с Глорией спрыгнули вниз, приземлившись немного позади — немного странное поведение для неуязвимых ярмиров. Но от Глашатая и его учеников можно было ожидать чего-угодно, так что на этот раз пробивать путь сквозь оборону противника было поручено тем, кто так же не мог умереть просто так, но обладал немного меньшей ценностью в качестве боевой единицы. Сигурд вовсе продолжал оставаться на борту кружившей над Башней Света «Иглы».

Внезапно одна из замковых стен взорвалась изнутри, выплеснув за свои пределы лавину из обломков каменной кладки, обрушившейся на стоящих внизу Гвардейцев. Они благополучно избежали ее, и не сводили глаз со льющегося из пролома золотого света, который через несколько секунд угас.

Дженази первый опустил взгляд на обломки, и первым заметил среди них обрывок чего-то черного. Лоскут с чем-то, напоминавшим человеческую кисть. Он запузырился, забился в конвульсиях — и начал увеличиваться в размерах, меняясь в причудливых, даже уродливых

очертаниях, постепенно принимая нечто, напоминающее человеческую форму.

— Похоже, Августо нашел Глашатая, — сухо прокомментировал он.

Ришари подошла к черной бесформенной массе ближе и с любопытством, перемешанным с отвращением, увидела, как заново формируется лицо Августо, сразу вместе с его белой маской.

— Страшно? — с улыбкой спросил Кенсэй, вместе с ней наблюдая за мучительной регенерацией Первого Гвардейца.

— Нет, — мрачно ответил Дженази. Посмотрел на Белгорро, дождался его одобрителного кивка — и таранным ударом кулака снес малые ворота, закрывавшие вход в главную башню.

Из пролома в него ударил поток белой раскаленной плазмы, но не долетев считанные сантиметры до его черного плаща, распался на множество мелких ручейков, обогнувших его, словно камень в речном русле, и врезавшихся кто куда. Один из них свился кольцом вокруг Ришари — она, как и Дженази, не позволила плазме коснуться себя, сгенерировав мощное магнитное поле — и как-будто случайно направила его в восстанавливающегося Августо. Эта хулиганская выходка стоила Первому Гвардейцу еще пары минут регенерации.

Стыдно ей не было.

Тем временем Дженази и Кенсэй подавляли сопротивление оставшихся Стражей Башни. Раббен тенью проскользнул внутрь и стал пробираться между стеной и свалкой сражающихся к лестнице, ведущей наверх, где ему предстояло столкнуться с парой мечников из Великих Домов Сатронг и Старвинд. И внезапно Ришари осознала, что не видит Даркенвэев. Конечно, она пока видела чуть больше тридцати защитников Глашатая, но тот факт, что среди них не было черноволосых здоровяков с огромными мечами, уже наводил на определенные размышления.

Лэйт тоже не было. Но в этом не было ничего удивительного. Этот Великий Дом прекратил свое существование.

Следом за Дженази и Кенсэем она врезалась в толпу Стражей Башни, рассыпая удары меча направо и налево и выбирая наиболее удобную цель для разряда молнии. В этой свалке все они избегали необдуманно использовать мистические способности, и только Кенсэй жарко пылал живым факелом — его золотое пламя не обжигало союзников. Благодаря этому втроем они легко оттеснили от выхода защитников крепости, а когда их попытались расстрелять из автоматических винтовок с лестницы, Раббен напомнил о себе, уничтожив стрелков парой метких выстрелов.

Гвардейцы были предельно сосредоточены, но Стражей Башни было слишком много, и они были сильны. Уже дважды Ришари получила раны, которые были бы смертельны, не обладай она такой регенерацией, и давно бы свалилась замертво от кровопотери из множества других, более мелких ран. Дженази тоже покачнулся, получив удар в голову от ловкого Мисторга, вооруженного топором и кинжалом, а Кенсэй не уклонялся вообще, пользуясь временным бессмертием. Трое Бронзлевинов не позволяли его пламени сжечь Стражей — они стояли позади остальных, прикрывая всех мистическими щитами из жидкого света лиловых оттенков.

Ришари обратилась молнией и пронзила один из мистических барьеров, оказываясь рядом с ближайшим к ней Бронзлевином. Совсем юный Мисторг точно таким же образом оказался рядом и в последний момент отвел в сторону ее клинок, который должен был снести своей цели голову. Девушка резко изменила траекторию движения меча и отсекала

синеголовому герою левую руку, получила от него удар мечом в живот и уже после этого добила, вынужденно отступая от Бронзлевена назад под натиском налетевшего сбоку Амавази.

А потом Дженаси со всей силы ударил своим ледяным вихрем, и лиловые щиты отбросило назад, оставляя часть Стражей без мистической защиты. Этим тут же воспользовался Кенсэй, и воздух наполнился криками боли и вонью сожженной плоти. Ришари получила еще одну тяжелую рану в бок — и не без удовлетворения сожгла молнией Столсанга, который ткнул ее под ребра своим коротким копьем. А потом увидела, как прямо в глаз летит тяжелый метательный нож. Время замедлило свой бег, она зачарованно смотрела на приближение заточенного до бритвенной остроты клюва из вороненой стали. Пять шагов, три, один... На одной из граней лезвия Ришари смогла прочесть девиз ордена Стражей Башни — «Верные Свету» — и ловко поймала его двумя пальцами. Вернула владельцу из Великого Дома Сольрайн, который уже не смог вытащить его лезвие из своего горла.

А потом часть каменного свода над их головами обрушилась вниз, из пролома ударил столб золотого света, и в центре зала медленно разогнулся и расправил широкие плечи высокий безволосый мужчина. Из одежды на нем были только белые штаны, поэтому ничто не скрывало его сильной худобы: казалось, его тело состояло только из кожи, костей и жил. На вид ему было лет пятьдесят, но реальный возраст был куда солиднее — пришло время Глашатаю лично навести порядок в собственном доме.

— Уходите немедленно, — произнес он, и за его спиной в воздухе возник сияющий золотом овал портала. Кенсэй и Раббен одновременно вскинули руки, сконцентрировавшись на дыре в пространстве и бормоча под нос нейтрализующие заклинания, но судя по их разочарованным взглядам, преодолеть магию Глашатая они оказались неспособны.

— Мы не бросим вас! — горячо возразил чародею один из уцелевших Мисторгов с длинными, собранными в хвост синими волосами.

— Это приказ! — повысил голос Глашатай — за миг до того, как в него всей своей массой врезался Белгорро. Ярмир успел как следует разогнаться и разогреться, его черную кожу разрезали ярко-алые раскаленные прожилки, и воздух ощутимо нагрелся от одного его присутствия. Глашатай успел схватить и удержать его, но босые ступни проскользили по покрытому пылью и обломками мраморному полу целых полметра.

— Убирайтесь отсюда! — прокричал он, а слева и справа от него уже возникли из воздуха Дженаси и Кенсэй, замахиваясь мечами для удара. На самом деле их замах длился малую долю секунды, но для Ришари, которая переместилась Глашатаю за спину и уже двигалась на скорости, близкой к скорости молнии, их движения казались невыносимо медленными. Ее клинок был направлен в шею чародея, и он даже достиг цели, но когда лезвие коснулось кожи, то лишь высекло из нее золотую искру. Мечи Кенсэя и Дженаси оттолкнуло от тела Глашатая точно так же, и как бы не напрягался и не разогревался Белгорро, так и не смог сдвинуть его дальше ни на миллиметр.

Чародей отшвырнул от себя ярмира, и оттолкнул Дженаси, Ришари и Кенсэя разросшимся в стороны золотым куполом. Пистолетные выстрелы Раббена высекли из него череду искр, но куда успешнее оказалась атака Глории: ее корни вырвались из трещин в полу и оплели ноги Глашатая, не позволяя ему сдвинуться с места.

С другой стороны, он и так не собирался никуда идти... И оставшиеся в живых Стражи Башни один за другим стали уходить в портал.

Белгорро раскалился еще сильнее и со всей силы ударил по защитному барьеру Глашатая кулаком. Заклинание выдержало, хотя его золотистая поверхность пошла мелкой рябью; она стала еще сильнее, когда в щит ударило огненное копье Кенсэя. А затем Дженази и Ришари ударили одновременно: Ришари кулаком, накопив в своем теле чудовищный электрический заряд, а Дженази — двумя раскрытыми ладонями, передавая барьеру энергию огромной приливной волны. И заклинание на миг рассыпалось миллионом золотых искры, чтобы восстановиться вновь, но корни Глории воспользовались секундной слабостью Глашатая и сжались на его горле.

Чародей сорвал их с себя левой рукой, а из ладони правой в Белгорро ударил поток золотого света, выбросив того из башни. Ришари в ответ ударила тугим пучком молний, которые образовали вокруг защитного барьера сверкающий клубок из переплетенных между собой танцующих змей; второй луч Глашатая ударил в Дженази, и тот остановил его ледяным щитом, преломившим и рассеявшим свет. Но мистическая преграда продержалась недолго, и ее брату пришлось уклониться, чтобы не разделить судьбу ярмира. Который уже вернулся в бой, врезаясь в барьер Глашатая вместе с очередным огненным копьем Кенсэя.

Когда в портал оставалось войти всего паре учеников чародея, рядом с ним открылся еще один, из которого вышел Раббен — он нашел способ обойти защиту Глашатая самым неожиданным способом. Двумя выстрелами он убил оставшихся Стражей Башни, застывших в шаге от своего спасения, и приставил пистолет к виску их учителя. И даже успел нажать на спусковой крючок. Но одновременно с выстрелом Глашатай втянул в свое тело весь разлитый в воздухе золотой свет, создававший надежную преграду перед Гвардейцами, и его кожа, вспыхнув, словно нить накаливания в электрической лампочке, отразила пулю с глубоким чистым звоном. А потом Глашатай ударил Тоттенгрибера локтем в грудь — и бессмертного Гвардейца смяло и разорвало на куски, сплюснившиеся о каменную стену.

Оставшиеся Гвардейцы разом посерьезнели. Глория пробила остатки каменного пола целой рощей древесных побегов, заполнивших зал, но Глашатай прошел сквозь них, словно через паутину, и выбросил из башни одним ударом. Белгорро добрался до него, раскалившийся уже докрасна, но не успел даже ударить — скорость чародея выросла многократно, и то, что его ступня врезалась в живот ярмира, стало понятно через долю секунды после того, как тот последовал за Глорией. Кенсэй ударил мечами — и лишился правой руки, которую оторвало мимоходом, и отлетел прочь с проломленной грудью.

Ришари высекла из шеи Глашатая новую искру, ударила молниями, увернулась от удара кулака и острием меча поразила его глаз. Но чародей успел мигнуть, и непробиваемое веко защитило глазное яблоко. А потом ударил Дженази.

Отвлеченный молниеносной Ришари, Глашатай не успел отразить его атаку, и острие меча ударило в грудь. Лезвие меча завибрировало, запело самой высокой нотой, как и кожа чародея, и обоих отбросило друг от друга на пару шагов назад. Оба устояли. Дженази, немалым усилием прекратив вибрацию стали, с разочарованием спрятал меч в ножны — и ударил льдом. Ледяные кольца выросли из камней и пронзили место, в котором только что был Глашатай — которой исчез в яркой вспышке и обрушился на Дженази сверху. Гвардеец увернулся, в чародея сбоку врезалась Ришари, с некоторым запозданием ее поддержал Кенсэй, но его золотое пламя уже начало угасать, и приближался момент, когда он больше не сможет постоянно поддерживать защищающее его чародейское пламя.

Оглушительно заревел Белгорро. Его тело раскалилось уже добела, и просто находиться рядом с ним становилось опасно. Вместе с температурой росла и его скорость, и вернувшись

в бой, он обрушил на Глашатая шквал ударов, в равной степени работая кулаками, локтями, коленями, голеньями и ступнями. Одни удары проходили мимо, другие достигали цели, высекая искры и заставляя тело чародея гудеть, словно огромный бронзовый гонг; Глашатай бил в ответ, но Белгорро уже держал удар, и подпрыгнув и раскрутив свое массивное тело в воздухе, рубящим ударом ноги вогнал чародея по колено в камень. Дженаси, разогнавшись, вмял локоть в покрытую мистическим золотом грудную клетку.

Раздался отчетливый хруст, Глашатай громко хакнул и согнулся, обхватив грудь руками. Дженаси отступил, правая рука повисла, согнутая под неестественным углом. Подоспевшая Ришари, объятая покровом из молний, обрушила на открытую шею Глашатая меч, но на его пути вспыхнула золотая сфера, и клинок отвело в сторону. Дженаси ударил снова, целясь ногой в голову, но и его удар остановила такая же, уже вторая сфера, возникшая в воздухе. Оба шара, резко сорвавшись с места, ударили брата и сестру, отбрасывая их назад.

Белгорро, сцепив кулаки в замок, обрушил их на Глашатая, и его удар достиг цели. Чародея вбило в камни еще глубже, и даже вернувшиеся к нему золотые сферы, ударившие ярмира в спину, не остановили град ударов пришедшего в неистовство Белгорро. Казалось, он вознамерился пробить противником дыру и добраться до ядра планеты.

Но этого было недостаточно. Глашатай все же смог подняться, и его кожа засияла еще ярче, и из этого света вокруг него сформировался силуэт из преломленных лучей, соткавших человеческую фигуру в два раза выше чародея. Она двигалась сама по себе, и схватив Белгорро, отбросила его от себя. Тело чародея подняло в воздух, и он завис над камнями на уровне груди своего чародейского творения, внутри его полупрозрачного тела.

— Внутренний голос подсказывает мне, что нам нужно немного отступить, — произнес Кенсэй, рассматривая новое заклятье Глашатая. — Он входит в резонанс со своим Забытым Богом, и будет бить намного сильнее.

— Знаешь, мне не нравится та часть предложения, в которой ты говоришь «входит в резонанс», — пророкотал Белгорро, поднимаясь на ноги. — Как-будто он может стать еще сильнее.

— Он только начал высвобождать свою силу, — ответил ему мрачающий Дженаси. — Если тебе больше нечего ему показать, то будь добр не лезть под руку.

— Сопляк! — немедленно оскорбился ярмир. И громко расхохотался.

Восстановившийся Раббен отошел к выходу, рядом с ним возник закончивший регенерацию Августо.

— Нам нужно отойти от башни, — прошипел он. — Сигурд готов ударить оставшимися ракетами.

— Да они его даже не... — договорить Кенсэю не дал сам Глашатай. Рассматривая Гвардейцев сверху вниз, он проревел громовым голосом:

— Мерзавцы! Вы убили моих учеников! Смерть! Смерть всем вам! — и из рук призрачного колосса ударили потоки жидкого света, от которых увернулись все, кроме Августо, Раббена и Глории. Урон оказался сокрушительным, от них остались только ошметки, и великан вырос еще больше, упираясь головой в каменный свод.

— А ведь я честно хотел никогда больше не сражаться всерьез, — разочарованно вздохнул Белгорро. Жар его тела начал спадать, и исходящее от него сияние начало смещаться обратно к красному спектру. Ярмир тяжело топнул ногой — и со всей силы ударил кулаками о камни.

Через пару секунд остров сотряс ответный толчок земных недр.

— Эй, Дженази... Кто тут под руку лезть не должен?

Дженази усмехнулся. Земля под ногами с каждой секундой сотрясалась все отчетливее, и не было ни каких сомнений в том, что здесь, в данный момент времени, начинается самое настоящее землетрясение.

У Ришари зазвенело в ушах, она ощутила вибрацию всем своим телом — и осознала, что слышит звук раскалываемых глубоко под ногами горных пород. И этот звук нарастал.

Через минуту остров под башней Глашатая раскололся, и она рухнула в разверзшуюся пропасть, навстречу бьющим вверх потокам лавы и клубам вулканического пепла. Гвардейцы успели отойти, и теперь с края огненной пропасти смотрели снизу вверх на зависшего над кратером Глашатая внутри стремительно растущего все выше и выше сотканного из света золотого колосса.

Его рост остановился только тогда, когда голова коснулась стай собравшихся над островом грозовых облаков.

— Ты, — ответил наконец Дженази, — если, конечно, у тебя нет вулкана побольше.

Раббен Тоттенгрибер вытащил регенерирующие останки Августо прямо перед обрушением башни, и теперь равнодушно рассматривал колосса Глашатая, ноги которого опирались о края кратера. Чародей внутри его сияющего тела стал неразличим, и можно было только примерно предположить его местоположение.

— Это частично высвобожденная форма Лон-Ри-Ба, Владыки Света, — произнес он, и Ришари стало немного не по себе. Она уже успела узнать, что чародеи крайне неохотно произносят вслух имена Забытых, и то, что Раббен вот так просто нарушил неписанное правило, говорило о том, что теперь все стало действительно серьезно. На карту как минимум поставлена судьба всего дела Гвардии Хаоса, и все то, что раньше представляло собой определенные оправданные препятствия на пути к их общей цели — традиции, законы, совесть — перестало иметь какое-то значение. Они были обязаны победить Глашатая.

— Он может вырасти еще выше. Когда увидите, что у него отрастают лишние пары рук — берегитесь.

— Куда уж выше, — пробормотал Белгорро. — В нем уже километра три.

— Я перенесу Августо на катер, — продолжил Раббен. — Здесь, внизу, мы с ним бесполезны.

Тем временем «Игла» выпустила в колосса весь запас ракет. Тот их даже не заметил. Попытался прихлопнуть катер, как назойливого комара, но тот выскользнул в последний момент, нырнув вниз. Его корпус оплели дополнительные витки чародейского щита Сигурда, но никто не надеялся, что он выдержит прямой удар этого гиганта.

Раббен открыл портал и скрылся в нем вместе с Августо. На земле осталось только пятеро Гвардейцев — Ришари, Дженази, Белгорро, Кенсэй и восстановившаяся Глория.

— Вам нужно подняться повыше, — сказал Белгорро. — Я постараюсь выбить у него почву из под ног, и вас точно заденет.

Кенсэй тяжело вздохнул, сосредоточился — и его угасшее золотое пламя вспыхнуло вновь, за плечами выросла пара широких крыльев, с которых искрящимся водопадом осыпались огненные перья.

— Это будет мне дорого стоить, — мрачно произнес он и стрелой взмыл вверх, облетая колосса по восходящей спирали.

— Ты знал, что он так умеет? — спросила Ришари у брата.

— Нет, — покачал головой удивленный Дженази. — Вообще он высоты боится.

Ришари улыбнулась — и обратившись молнией, последовала за Кенсэем. Одной вспышкой оказалась над головой гиганта из света и позволила себе свободное падение, собирая силы для удара. Дженази взмыл в воздух, используя воздух в качестве опоры, и оказался на ее уровне через несколько секунд.

А потом внизу грянул взрыв. Чудовищной силы, земная кора под колоссом вздыбилась, поднимаясь горой, и разлетелась на куски, наполняя пространство тысячами обломков и вулканических бомб. Ударная волна в один миг разогнала стягивающиеся облака, очистив небо правильным кругом, а колосс скрылся в столбе пепла, из которого начало формироваться грибовидное облако. В его темно-серых глубинах сверкали фиолетовые молнии, а под ним остров заливало неудержимыми потоками оранжевой лавы; ударная волна сокрушила, выровняла все неровности его живописного рельефа.

Ришари выдохнула: волна сжатого воздуха отбросила ее на несколько сотен метров, и она не сразу вспомнила, что нужно сделать, чтобы набрать прежнюю высоту. В ушах отчаянно звенело.

Золотой колосс выплыл из облака пепла, сжавшись в тугий комок; оказалось, он может летать, прижав руками колени к груди и подбородку. И развернувшись, подтвердил слова Раббена, став еще выше. У него выросло еще две пары рук, а на безликом лице проступили черты кого-то, совсем не похожего на нормального человека. Две пары глаз точно были лишними.

Лон-Ри-Ба, Забытый Владыка Света, воплотился.

Глава 77. Сокрушители

Движения Забытого были медленными, словно он состоял не из света, а из плоти, и весил как целая гора. Шесть глаз смотрели вдаль, не фокусируясь на ком-то из Гвардейцев, шесть рук совершали в воздухе странные круговые движения, словно он поддерживал себя на плаву в глубокой воде. Эти жесты не создавали заметных волнений воздуха, подтверждая уверенность Ришари в невесомости и бесплотности противника, но эта кожа из света легко отражала ракеты, молнии и вулканические бомбы. Глашатай внутри него оставался неуязвим.

Проекция Лон-Ри-Ба подняла вверх руки, формируя кольцо из ладоней, и внутри него начала расти сфера из света, быстро набирающая яркость. Скоро она стала словно второе солнце, не позволяя толком смотреть на колосса, и предвидя нехорошее, Ришари начала атаковать с большим отчаянием, ударяя все более сильными молниями, но все они были так незначительны, что тень Забытого даже не замечала их. Как и ее саму: он был слишком огромен, чтобы рассмотреть среди вновь собравшихся облаков и туч пепла ее крошечную фигурку.

Сфера Света становилась все ярче, девушка начала ощущать жар и давление ее света на коже. С тревогой она отыскивала в небе Дженази и Кенсэя, и увидела, что они перестали атаковать, ожидая развязки новой атаки чародея и Забытого.

И тут дал о себе знать Сигурд.

Как бы не был огромен призрак Лон-Ри-Ба, темно-лиловая полусфера, накрывшая место сражения, оказалась еще больше. Казалось, темное заклинание Сигурда накрыло весь мир, создав огромный купол высотой в десятки километров, его стены состояли из ровных черных и фиолетовых строчек нечеловеческого языка, бегущих по отношению друг к другу с разной скоростью и в разных направлениях. Центром купола было заклятье Лон-Ри-Ба, и когда он обрел почти осязаемую монолитность, чародейское солнце начало тускнеть, и к нему от стен сферы потянулись темные нити. Одна из них прошла мимо Ришари, и она ощутила заключенную внутри нее холодную и темную энергию упадка и разложения. Ее касание несло гибель всему живому и разрушение — неживому.

Истинная сила Сигурда была ужасающей, одним прикосновением он мог уничтожить любую преграду на своем пути, и Ришари впервые видела настоящие масштабы его боевых способностей. А может быть, и не только она — вероятно, Император и Белгорро относились бы к нему с большим уважением, если бы видели раньше то, что она видела сейчас.

Нити Тьмы выпили весь свет из шара света, и мир накрыла черная мгла которую едва могли разредить свет от кожи Лон-Ри-Ба, огни вулкана Белгорро и частые молнии Ришари. Еще где-то у края сферы тускло пылал золотой огонек Кенсэя. Дженази затерялся вовсе.

Губы Лон-Ри-Ба разомкнулись, и из образовавшейся щели ударили плотные лучи света, словно у него во рту было еще одно солнце. Поднялась грудь, словно при глубоком вдохе — и он заговорил. Это было просто ужасающе: пространство сотрясало от каждого звука его голоса, земля, небо и море тряслись, словно готовые вот-вот перемешаться или вовсе поменяться местами... Но еще тяжелее пришлось телу Ришари — и она сжалась от боли в тугой комок. Она даже не представляла, что с тех пор, как стала г'ата, ей может быть

настолько больно. Уши, кожа, мышцы, кости, сердце — этот голос пронизывал ее насквозь, и в ярости она ударила в ответ молнией, которая поразила одно из глаз колосса — и даже заставила его мигнуть.

Но страшной была вовсе не боль. Темный купол Сигурда пошел зелеными трещинами — и начал рассыпаться, одна за другой в нем образовались крупные бреши. И когда он практически истаял, на западе, там, где парил в воздухе Кенсэй, вспыхнул и заревел столб золотого пламени, быстро собравшийся в огненное яйцо — и расколовшееся изнутри, чтобы явить миру огромную хищную птицу с огромными, на полнеба, крыльями из пламени. Ее крик в момент рождения заглушил голос Лон-Ри-Ба, вернул ясность мысли Ришари и избавил ее от боли. И не только: мистическая энергия, взбунтовавшаяся в ее теле при звуках голоса Забытого, вновь стала послушной ей, и даже стала сильнее, больше, ярче. Сила пронзила каждую клетку тела девушки, подарив ей уверенность в победе.

Сорвавшись с места, Феникс устремился к колоссу, и врезавшись в него, стал колотить по его коже своим изогнутым клювом и царапать ее кривыми когтями. Огромными пламенными крыльями он бил по его рукам, плечам и голове, а Лон-Ри-Ба, отбиваясь, цеплялся за перья, вырывая их целыми пучками. Наглая атака заставила его двигаться энергичнее, но неистовый натиск призванного Кенсэем создания начал прижимать колосса обратно к острову. Но когда ступни Лон-Ри-Ба были готовы коснуться стены кратера вулкана, продолжающего извергать пепел и лаву, Феникс рассыпался тучей золотых искр.

Ришари показалось, что тень Забытого вздохнула с облегчением. И именно в этот момент каменная порода под ним словно ожила — и прыгнула вверх, накрывая его волной из лавы и раскаленного камня. Весь остров стал текучим, словно воск, и одним броском вырос едва ли не на километр, превращаясь в огненную гору, вершина которой проглотила ногу Лон-Ри-Ба почти по колено. А потом она взорвалась.

Новое извержение, вызванное Белгорро, не шло ни в какое сравнение с предыдущим — вулканом стал весь остров, и было совсем непонятно, где в данный момент находятся ярмиры.

В мире стало слишком много огня, пепла и рева раскальваемой породы.

Глашатай попытался вырваться из капкана размером с целый остров — и его тело сковала огромная черная цепь, по которой бежали лиловые отблески. Видимо, Сигурд был способен продолжать чародейскую схватку. Лон-Ри-Ба легко рвал ее своими руками, но цепь не исчезала, ее обрывки росли и обматывали колосса новыми и новыми витками. Ришари поспешила помочь, обрушивая на тень Забытого ливень из молний — и увидела наконец, что Дженази не слоняется здесь без дела: вокруг Лон-Ри-Ба формировался колоссальный вихрь из грозовых туч, стягивающихся к центру с неумолимой скоростью. Миг — и волна грозовых облаков сомкнулась на Забытом, схлопнувшись с тяжелым и протяжным рокотом. А следом за ней поднялось стеной море, чтобы разбиться о вулкан и ноги Лон-Ри-Ба. Но не успела вода стечь обратно, смывая с собой тысячи тонн породы, как ее сковал лед — и капкан для Забытого стал еще прочнее.

Вместе с морской водой замерзла и вода в облаках, и несокрушимую кожу колосса начали терзать бесчисленные ледяные лезвия, которые вбивали тугие, плотные, словно стальные молоты, холодные потоки ветра. Сквозь них уже не могли пробиться молнии Ришари, и она взяла перерыв, наблюдая, чего добьется ее брат.

Отыскав его взглядом над разыгравшейся бурей, она увидела, что он спокоен и

сосредоточен, только немного бледнее обычного. Мгновенно перенеслась к нему и опустилась на созданную им опору из плотного воздуха. Перевела дух.

— Тяжело, — произнесла она, но ветер сорвал это слово с ее губ и унес далеко в сторону. Потом вернул обратно и донес до Дженази, но тот даже не посмотрел в ее сторону. Все его внимание было приковано к Глашатаю.

Он продолжал стягивать к Лон-Ри-Ба потоки облаков, и поднимал к ним новые волны, чтобы сковать колосса очередным ледяным барьером. Забытый ломал их ударами кулаков, пространство сотрясало от сокрушительного треска, и осмотревшись, Ришари с дрожью осознала, что битва, в которой ей пришлось участвовать, отдается отголосками во всем мире. Далеко отсюда дрожат берега, и на мирные города обрушиваются цунами... Одно за другим.

Ледяные оковы Дженази рушились не только от ударов Лон-Ри-Ба, но и от жара вулкана. Встречаясь с лавой, лед разрывался тяжелейшим паровым взрывом, его осколки разлетались вокруг на многие километры, но в этом противостоянии огня и льда у последнего было преимущество — его подпитывал своей мистической силой брат Ришари.

И вдруг тень Забытого сложила все шесть рук в молитвенном жесте — и все небо расчертил чародейский знак — звезда с бесчисленным множеством лучей. Она была сложена из множества силовых линий, и от нее исходил свет, тяжелый давящий на тело и разум. Ришари ощутила, как ее молнии теряют силу, и мистическая энергия Дженази подавляется, вытесняется мощью ставших враждебными небес. Заклятие Лон-Ри-Ба не подействовало на Белгорро и Кенсэя, но темные цепи Сигурда были разрушены окончательно, как и чародейский щит, все это время оберегавший «Иглу». Всего миг — и она потеряла управление и начала падать, в бушующее море, швырявшее на своих волнах целые айсберги.

Казалось, никто не уже не успеет спасти воздушный корабль Гвардейцев, но Кенсэй не стал тратить время на полет и переместился к ней с помощью портала, прыгнул на корпус и расправив шире свои чародейские крылья, удержал катер от падения.

А потом остатки острова затрещали вновь, и из его новые скалы из охлажденной лавой лавы раскололись, выпуская из своих глубин чудовищные древесные стволы, которые поднимаясь к небесам и закручиваясь спиралью, образовали просто невозможное по размеру древо, пронзившее ветвями облака — и сковавшее тень Забытого надежней, чем объединенные усилия Белгорро, Дженази и Сигурды. Глория, забытая всеми Глория, показала наконец, что она тоже ярмир — не менее могущественный, чем Белгорро.

Из колоссальных древесных стволов начали расти не менее колоссальные шипы, которые впервые с момента схватки нанесли Лон-Ри-Ба видимый ущерб и пронзили его кожу из света. Он был связан по рукам и ногам, стебли оплели его туловище и шею, а один из шипов, видоизменившись, превратился в новый стебель, который начал расти уже внутри фантомного тела Забытого, направляясь к Глашатаю, находившемуся в области сердца.

Успех Глории стал неожиданностью и для чародея, и для Гвардейцев. Через несколько секунд стало ясно, что она не сможет закончить бой в одиночку, и следовало немедленно найти силы ударить всем сразу, объединиться для последнего, завершающего удара. Потому что все они начали ощущать приближение к своему пределу — схватка оказалась слишком изматывающей.

Раздался треск — одна из гигантских ветвей, связывающих руки Лон-Ри-Ба, лопнула. До Ришари, зависшей в небе высоко над головой Забытого, услышала лишь слабый отголосок

этого звука. Она искала внутри себя силу, способную ранить это мистическое существо, и столкнулась с собственными сомнениями. Зачем, для чего все это? Почему они сражаются, почему заставляют стонать от боли землю, вынуждают реветь в гневе океан и беспокоят сами небеса? Неужели это действительно необходимо? Кто такой Глашатай? Всего-лишь человек. Да, самый могущественный из чародеев, символ мира... Символ мира для Небесных Городов. Десяти Великих Домов.

Ришари стиснула зубы. Она вспомнила свое детство в стране, жившей невежеством, суевериями, предрассудками, нетерпимостью и неравенством. Вспомнила земли, которые успела увидеть, путешествуя с Дженази. Болезни, голод, бедность, войны — под жадным надзором космических спутников и дронов, передающих на огромные экраны жизнь обитателей поверхности, которую режиссировали те, кто считал себя настоящими людьми. Небожители. Она понимала, что человеческое общество никогда не будет счастливым, что его всегда будут сопровождать беды и лишения, утраты и смерть... Но Небесные Города не старались их приуменьшить. Нет, наоборот, они развлекались ими, не просто наблюдали, а подпитывали, умножали человеческие страдания просто для того, чтобы жителям поверхности было слишком тяжело для того, чтобы идти по пути прогресса согласно естественным законам истории — шаг за шагом, постепенно работая над ошибками. Медленно, но все равно вперед.

Небесные города разжигали войны, вызывали эпидемии и природные катастрофы, устраняли самых талантливых представителей человечества, выжигали из памяти их идеи и великие свершения, отнимая у людей память о героях и веру в лучшую жизнь — просто для того, чтобы сохранять собственное привилегированное положение. Чтобы оставаться мелкими, тщеславными божками. И Глашатай, его сила, его Забытый бог Лон-Ри-Ба были гарантией того, что несогласные с таким положением вещей в этом нечестном мире не смогли что-то изменить. Хоть что-то.

Она, Ришари, была несогласна с несправедливостью этого мира. Пусть она не была явной ревнительницей и поборницей справедливости, и по большей части ей было плевать на страдания людей, не способных позаботиться о себе самостоятельно, но несправедливость подобных масштабов не могла не вызвать в ее душе искреннее возмущение. Такое, которое она уже не может скрывать за маской равнодушия и пренебрежения. Ей было не все равно. Обычно она пыталась казаться равнодушной и участливой к чужим проблемам для Дженази, чтобы он оценил ее душевные порывы к защите слабых и незащищенных, но сейчас... Сейчас она хотела сразиться со злом этого мира не для него. Для себя. Только для себя. И ради миллионов глупых и эгоистичных детишек, которым еще только предстоит родиться под этим бескрайним небом — но уже в лучшем, куда более лучшем будущем.

В конце концов, среди них будут и ее дети.

Ее и Дженази.

Из ее гнева, ярости, стремления к справедливости и возмездию, внутри нее и в небесах родилась новая молния, которая словно расколола сознание и открыло в нем щель, сквозь которую Ришари увидела нечто... Силу. И пришло краткое осознания, что она больше, чем есть на самом деле. Не просто девушка, ставшая г'ата по имени Ришари; не просто воительница, стремящаяся изменить этот мир. Что-то древнее, что-то, чем она была — и есть в настоящем — проснулось в ней.

И молния, осветившая и расколовшая мир, стала величайшей из всех, которые только

мог видеть этот мир.

«Нет, — мелькнуло у нее в голове. — Этот мир видел и большее. Давно. Очень давно».

А потом последовал взрыв.

Молния поразила прозрачное тело Лон-Ри-Ба и испепелила ветви колоссального древа Глории — и все исчезло в одной яркой, ослепительной вспышке. За ней последовал удар грома, оглушивший мир, и несколько секунд землю и небо соединял огненный столб, расплавивший льды Дженази и испаривший облака на многие километры вокруг.

А потом Ришари осознала, что падает. Мистическая энергия оставила ее тело, все было отдано на этот удар, призванный убить бога. Она видела, как пламя погасло, и как рассыпался золотыми искрами силуэт Забытого; слышала его последний стон перед тем, как он истаял, растворился в пространстве. И когда бушующие, кипящие волны оказались совсем близко, увидела, что там, где была его грудь, в воздухе по прежнему висит золотая сфера с заключенным внутри Глашатаем. Ее удар, ее мистическая молния, которой не было равных в этой эпохе, не достигла своей цели. И кровь г'ата, текущая по ее жилам, в ярости вскипела.

Мистическая энергия восстановилась за миг до столкновения с водой, и Ришари снова взмыла в небо.

Еще не все.

А потом она увидела, как своего предела достигает Дженази.

Ее брат прыгнул на Глашатаю, словно сжимая в руке невидимое копьё — и за ним, влекомые его мистической энергией, тянулись вода, лед, ветер и облака. Их скрутило вихрем в один сплошной поток длиной в километры, и у этого потока было острие, направленное на врага. И это копьё стихии поразило цель, ударило всей своей мощью, отозвавшись звоном и дрожью на самых тонких уровнях существования материи — и вся мистическая энергия, наполнявшая собой пространство, словно испарилась. Как-будто ее затянуло в точку соприкосновения острия стихийного копьё со щитом Глашатаю. И раздался новый взрыв. Он не был сопровожден светом и пламенем, но те, кого можно было назвать живым, почувствовали — он отозвался в самом подсознании, выразившись болью, вдохновением и восторгом.

Дженази остался висеть в воздухе. Щит Глашатаю рассыпался золотым прахом, его кожа утратила свое божественное сияние. Но чародей оставался невредим. Его сил хватило, чтобы отразить удары Дженази и Ришари. Он был все еще жив.

Кенсэй и Сигурд вынырнули из дыр в пространстве за его спиной, занеся мечи для удара, от их согласованной атаки невозможно было увернуться — но Глашатаю увернулся. И золотым посохом, возникшим в его руках, отбросил от себя Гвардейцев, изломав, словно деревянные куклы. А потом тень Забытого, сияющая проекция Лон-Ри-Ба, вспыхнула снова, опираясь ногами об остров и упираясь головой в небеса. Огромный кулак врезался в Дженази сверху, отправив его в пучины океана, а колоссальная стопа вдавила его в скальную основу дна, растапывая хрупкое тело в пыль.

Ришари закричала.

Волны раздались в стороны от раздавившей Дженази ноги Забытого. Разошлись далеко-далеко, неся в себе импульс чудовищного удара, обнажая дно на километры. И внезапно замерзли. Стали круглой ледяной стеной с застывшим на вершине пенистым гребнем.

Воздух мгновенно остыл. Чудовищный холод пробрал до костей, промораживая само пространство. И Ришари слышала в охватившей мир всеобъемлющей, жуткой тишине

тяжелый и одновременно мягкий далекий топот. Который становился все ближе. Он напоминал звук сминающих снег звериных лап, только слишком больших, чтобы можно было поверить в существование настолько огромного хищника. И все же Ришари знала, что такой существует. Не в этом мире — в другом. Том, из которого к ней пришла ее кровь. Кровь Великого Гата.

Она не знала как. Она не думала, что это вообще возможно.

Дженази призвал на Тейзою Великого Белого Волка, и он явился на его зов. Всего на несколько секунд. Он просто сделал пару прыжков в этой хрупкой реальности, сделал всего один вдох и всего один выдох — и мир на сотни километров вокруг замерз. А Глашатай и его Забытый, ставшие у Гата на пути, были сметены в одно мгновение. Сверкнули белоснежно-белые длинные клыки, щелкнули челюсти — и их не стало. Все, что Ришари успела увидеть — Глашатая, исчезающего в пасти Великого Волка.

И Гата исчез.

Битва за право решать судьбу мира... завершилась. Победой Гвардии Хаоса. Победой Г'ата.

Образы события почти двухсотлетней давности прошли сквозь сознание Ришари размеренным и плавным потоком, она вдумчиво пересматривала их и вспоминала не столько подробности происходящего вокруг нее, сколько свои собственные мысли и переживания. Тогда она была другой... но какой именно? Стала ли она сильнее или слабее? Молния, которой она сразила высокомерного Боромира, была ничуть не слабее той, которой она разрушила призрачное тело Лон-Ри-Ба, только чувства, породившие ее, были уже другие. На этот раз источником стало ее собственное эго, а не жажда возмездия... Но есть ли разница? Глашатай был мерзавцем, которому не было места под ее небом, его преступления были очевидны не только ей. Боромир же просто не проявил к ней достаточно уважения, и одобрить ее поступок смогут только его личные враги. Вот она, разница, на поверхности. Но нет. На самом деле они оба были поражены, потому что не вписались в ее картину правильного мироустройства, просто Глашатаю для этого потребовалось стать соучастником преступлений против целых народов, а Боромиру — всего-лишь задеть ее самолюбие.

Она изменилась. Растеряла всяческие сдержанность и хладнокровие, ослепленная собственным всемогуществом. Готова убивать, уничтожать за кривой взгляд или непочтительную фразу. Высокомерная, тщеславная и жестокая.

— Черт... Когда же я стала такой? — спросила она у неба над головой, качаясь на постепенно успокаивающихся после взрыва волнах. — Когда же я стала настолько слабой и уязвимой?

Тяжело вздохнула, перевернулась на грудь и резкими гребками поплыла в сторону Дакиэрро. Ответ на собственный вопрос был ей известен, но отвечать на него было слишком тяжело. И пока она не найдет на это силы, встретиться с Дженази не сможет.

Боромир пришел в себя через час, на дне моря, которое буквально только что еще было основанием острова. От усиленного тела остался только скелет, и мозг, заключенный в

несокрушимый череп.

Регенерация заняла определенный промежуток времени, который он посвятил беседам со своим Забытым Богом — Ран-Ар-Когом, Зодчим.

— Молодежь совсем стариков не уважает, — пожаловался он могучему семирукому великану с бирюзовой кожей. — Совсем на возраст не смотрят. Чуть что не по ним — сразу в драку лезут. Куда катится этот мир?

— Много мудрости тебе твои года добавили? — хмыкнул Забытый, позвякивая цепями. — Дурак был — дурак остался. Сказано же тебе было: не меряйся силой с Убийцей Гигантов, в которой просыпается Изначальный. Мало того, что едва не умер, так еще и подверг риску Сердце Мира. Что будет, если Врата сломаются и человек сольется со своей мистической природой? Снова как в Старом Мире, когда на Тейзое нельзя было отыскать тихого уголка ни на суше, ни под землей и под водой?

— Один пробудившийся Изначальный Старый Мир не вернет, — легкомысленно отмахнулся Боромир. — Даже если это будет Убийца Гигантов.

— Кто знает, Боромир, — задумчиво ответил Ран-Ар-Ког. — Кто знает...

Глава 78. Темнейшее Подземелье, Отчаянные и Смерть в отблесках лазурного огня

«О чем ты только думал?!» — Забытый Бог Йохана Новака, Ши-Хан-Зу, готов был растерзать ментальную проекцию чародея в своей темнице, но тяжелые цепи не позволяли дотянуться до него даже кончиком кривого когтя. Йохан знал, что даже будь цепи длиннее, ему бы все равно ничего не угрожало, но вид разъяренного многорукого великана, покрытого язвами и трупными пятнами, все равно внушал ужас. Он вздрагивал каждый раз, когда Ши-Хан-Зу щелкал огромной пастью, и старался не смотреть на извивающийся за кривыми черными зубами длинный зеленый язык. Внешний вид Забытого вполне соответствовал его титулу Повелителя Кошмаров.

«Я должен им помочь, — ответил Йохан, глядя в пустые глазницы Ши-Хан-Зу и стараясь не думать о летящей на его костюм дымящейся слюне из пасти Забытого. — Я всю жизнь мечтал о подобном... Что моя помощь понадобится всему Союзу!»

«Ты десять лет служил Элому! — продолжал бесноваться Ши-Хан-Зу. — Он никогда не был другом Судо! Ты был и есть шпион «Рассвета»! И все эти люди знают об этом! Даже если ты доживешь до рассвета, тебе все равно конец, «Стая» не пощадит тебя! Никто не любит предателей! Вместо того, чтобы соваться в самое пекло, ты должен был ждать возможности оказаться как можно дальше отсюда! Желательно — на Внешнем Архипелаге! Есть один замечательный тихий островок в поясе южных тропиков, — на обтянутом гнилой кожей черепе проступило задумчивое выражение, — вряд ли он сильно изменился за три тысячи лет...»

«Я не предавал Судо, — возразил Йохан. — Я просто поверил словам Элома. Он говорил, что чародеи — это братство, защищающее порядок и справедливость во всем мире; что «Рассвет», созданный великим чародеем Сигурдом, превратит мою родину в великое и прекрасное государство...»

«Да, ты не шпион, — вздохнул Ши-Хан-Зу. — Ты просто идиот. Более того, ты бесполезный идиот. За десять лет работы на Элома твоим единственным достижением была передача сведений о том, что Виллард безобиднее новорожденного котенка. А теперь скажи, зачем ты подписался на эту самоубийственную миссию? Подвига захотелось?»

«Может быть, — издевательский тон Забытого начал раздражать Йохана. — Защитить Союз от опасности, исправить ошибку... Десять лет ошибок. Которые ты позволял мне совершать! Это сейчас ты трясешь передо мной своими цепями, но где ты был раньше, когда Элом лгал мне? Молча потешался надо мной... Пока твоему единственному чародею не угрожает непосредственная опасность, тебе плевать на его решения и поступки. И смотри, к чему это привело. Я здесь, на острие атаки против древних врагов твоей расы, и вместо того, чтобы молча помочь, ты пытаешься убедить меня в том, что я законченный кретин».

«Потому что ты здесь ничем не сможешь помочь, — уже совсем спокойно произнес Забытый, садясь на каменный пол и скреживая ноги. — Первый же враг убьет тебя, потому что твоя магия здесь не поможет. Наши враги не чувствуют страха. Ты бессилен против них».

Йохан стиснул крепче рукоять электромагнитного пистолета в реальном мире, стоя рядом с Наей, Римпо Лу и Белтуром посреди обширного подвала замка Столсанга.

«Вынужден тебя поправить, Ши-Хан-Зу, — мрачно усмехнулся чародей. — Бессилен

против них только ты».

Ариана Рэйсток оставила метку для портала в подвальном помещении, заставленном стеллажами с вином. Тысячи, десятки тысяч стеклянных бутылок — невообразимая коллекция, до которой, судя по скопившейся повсюду пыли, уже много лет никому не было дела. Если Крэйн Столсанг раньше и увлекался виноделием, то это «раньше» было отделено от «сейчас» несколькими десятилетиями. Винный подвал был заброшен, в пыли на полу была видна только одна свежая цепочка следов, и она принадлежала побывавшей здесь недавно чародейке.

— Цланные, — пробормотал карлик и посмотрел на спутников, словно обращаясь к ним за поддержкой своей точки зрения.

— Да... Кажется, им чего-то не хватает, — подтвердил Йохан, завершив мысленную перепалку со своим Забытым. — Плоти на костях.

— От них воняет жженой плотью, — добавил Белтур, морща лицо с тигриными чертаниями.

— Я слышу, — подтвердила Ная. — Просперо упоминал, что она ранена.

— Судя по запаху, она мертва, — ответил зверочеловек, крепче сжимая серповидный клинок на длинной рукояти.

— Йохан, ты на связи с Просперо и Арианой?

— Мне нужна пара минут, — ответил Новак. — Мой Забытый неохотно идет на контакт с сородичами.

— Поторопи его... Римпо, выпускай пауков. Я хочу знать обо всем, что происходит в радиусе ста метров, — Ная нервно озиралась по сторонам, поглаживая рукояти мечей нижней парой рук. В верхних она держала рельсовую винтовку, смертоносную и бесшумную, как и пистолет Йохана. Оружие им выдал из багажа Вальд Браун — вместе с бронежилетами и шлемами со встроенной системой тактической поддержки. Новак оценил режим ночного зрения, благодаря которому в темном подвале он видел так же хорошо, как ясным днем.

— Цло мецло не полуцца, — покачал головой Римпо, усаживаясь на пол в позе лотоса. Через несколько секунд Йохан увидел, как на каменных плитах вокруг него сгущается тьма — и обретает осязаемую плотность. Сначала она забурлила, словно кипящая смола, а потом из лопающихся черных пузырьков стали появляться крупные пауки — десятки и сотни пауков, разбегающихся в стороны с ужасающей стремительностью. Чародею стало не по себе, когда пара членистоногих перескочила через его туфли, но им, судя по всему, было не до него.

— Ищи Луиса Амавази, — приказала Ная, и Римпо Лу, не открывая глаз, кивнул, подтверждая, что услышал приказ.

— Он должен быть в камере в конце коридора за этой дверью, — сказал Йохан, вспоминая план замка, начерченный в придорожной пыли. — Нам налево.

Пластиковое забрала шлема скрыло от чародея выражение лица Наи, но по мрачной тишине, последовавшей после его слов, он понял, что напоминать ей подробности их плана не нужно. Более того, это может быть опасно. Для него лично.

— Благодарю за помощь, господин Йохан Новак, — холодно произнесла Ная, когда Йохан полностью проникся степенью своей неопытности в тактических вопросах. — Я вас убедительно прошу: не высывайтесь. В прямом смысле слова — тоже.

— Так точно...

Белтур неодобрительно покачал головой и подошел к двери, внимательно прислушиваясь и приносясь. Забрало его шлема было поднято, и его янтарные глаза сияли в серых тонах ночного видения двумя яркими звездами. Йохан на пару секунд поднял свое забрало и увидел на их месте только две оранжевые точки — глаза арга и правда светились в темноте.

Пауки Римпо Лу стройной цепочкой ползли сквозь щель между дверью и полом. Казалось, что если прислушаться, то можно услышать шорох их крохотных лапок. Конечно, для слабого человеческого слуха это было невозможно, но встроенная в шлем система, уловив желание владельца, действительно усилила этот звук — и в динамиках раздался слабый шелест паучьего бега, усиленный в десятки раз. Йохан задумался о том, откуда в Суде такие технологии, и перед глазами на экране проплыла голографическая строка с серийным номером, компанией-производителем и датой введения в эксплуатацию — 04.11.749. Этому шлему было двести шестьдесят пять лет.

Встроенная рация в нем тоже была, но связаться сейчас можно было только с Наей и Белтуром — у Римпо Лу шлема не было.

А еще Йохан никак не мог связаться с Просперо и Арианой — пространство перед Обсидиановыми Вратами оказалось заполнено странным серым туманом.

«Ши-Хан-Зу, что происходит?»

«Это Шепчущие, — голос Забытого звучал совершенно растерянно. — Они отрезали меня от братьев и сестер. Мы на их территории...»

«Но ведь Ариана могла связаться с нами!»

«Потому что они позволили ей это. Глупцы... Это ловушка!»

— Луц Мацази в солок цах оц нац, на левя цазов, — произнес Римпо Лу. — Ехо цвель сапелт на цасол цналузи, у ней нико нецу. Он валяц бецпамятта на лецке в цамянна мецка.

— Где ближайший противник? — Ная без особого труда разобрала невнятный лепет карлика.

— Мой пауц не ици тальце, — в недоумении развел руками маленький цвенг. — Я цумать, цето цап-цап.

— Господин Новак? — Ная посмотрела на Йохан в надежде, что он как чародей внесет в ситуацию хоть какую-то ясность — и по испуганному выражению в его глазах поняла, что странное поведение пауков Римпо является признаком того, что все они совершили непоправимую ошибку, решив вот так безрассудно атаковать замок.

— Портал обратно открыть сможете? — она задала самый важный в сложившейся ситуации вопрос.

Йохан сосредоточился — и с облегчением кивнул.

— Да.

— Тогда оставайтесь на месте. Белтур, по моему сигналу бежим к Луису, хватаем его, тащим сюда — и представь, что сама Смерть вцепилась зубами в твой хвост.

— Мне его еще в детстве отрезали... — тихо проворчал Белтур — и очень крепко стиснул рукоять своего клинка.

— Но ты же его все еще чувствуешь?

— Чертовы фантомные боли... — подтвердил арга кивком — и приготовился вышибить плечом дверь.

Вместо могучего удара получился на удивление мягкий толчок, и дверь, тихо скрипнув

петлями, распахнулась. И когда она ударилась о стену, Белтур и Ная уже исчезли в проеме, бесшумно ступая по каменным плитам пола. Далее последовали несколько секунд тишины, за которые Йохан, оцепенев в ожидании, не сделал ни единого вдоха... А потом услышал грохот, раздавшийся в конце коридора, тревожный возглас Наи — и тихий стрекот очереди из ее автоматической винтовки. И звонкий лязг стали.

Коридор осветило зыбким синим светом, и Йохан не удержался, выглянул из дверного проема — и увидел в конце коридора человека, охваченного синим пламенем, который градом быстрых и сильных ударов меча теснил Белтура к Нае, которая замерла у двери, за которой находился Луис Амавази.

Опасения оказались оправданны: Шепчущие знали об их появлении и подготовили ловушку.

Огненным человеком мог быть только Ренар Нок-Старвинд, чей разум находился под контролем врага, и его натиск был страшен. Могучий Белтур едва поспевал за ударами огненного клинка, раз за разом подставляя под него свой серповидный меч, который уже начал багроветь от мистического жара. Его одежда тлела и дымилась, а открытые участки кожи уже наверняка получили ожоги. Скользнув влево, арга дал Нае возможность всадить в противника автоматную очередь, но синее пламя поглотило все пули, лишь оттолкнув Ренара на пару шагов назад.

Воспользовавшись заминкой, девушка попыталась выбить деревянную дверь, но та не поддавалась, а Ренар уже продолжил атаку; Белтур, попавшись на обманный выпал, в ответ рассек лишь пустоту, и отшатнулся, когда его лицо рассек удар клинка, на котором погасло синее пламя — видимо, он так сильно сосредоточился на пляске синих огней, что не заметил, как они покинули сталь, сделав ее всего на долю секунды невидимой для его восприятия.

Рана оказалась серьезной, но не смертельной, и прежде чем Ренар нанес добивающий удар, арга отшвырнул его от себя пинком ступни. Нок-Старвинд потерял равновесие и упал на спину, но синее пламя охватило ногу Белтура до самого колена, и вместо того, чтобы добить врага, он, взыв от боли, упал, успев опереться на выставленные руку и клинок.

Ная перехватила эстафету, прыгнув на Ренара сверху, но тот успел откатиться в сторону, и два ее меча только высекли искры из каменных плит. А затем из дальнего конца коридора в нее ударил поток светящейся зеленой жидкости, и две ее левых руки истаяли в ней, словно воск. Девушка закричала, завертелась волчком — и едва успела отпрыгнуть назад, чтобы не угодить под удар вскочившего на ноги Ренара.

Система тактической поддержки в шлеме Йохана навелась на нового врага, увеличив его лицо. Им оказался коренастый яо средних лет, обезображенный кислотными ожогами. Бо Хон.

В этот момент распахнулась дверь в противоположном конце коридора, и сквозь нее хлынула толпа вооруженных людей. Йохан узнал в них телохранителей «Алых», зомбированных присосавшимися к их лицам медузообразными тварями. В одно мгновение они навели на Наю и Белтура свои штурмовые винтовки, но прежде чем арга оказалась изрешеченными градом пуль, пауки Римпо Лу, которые все это время беспомощно рассматривали защищенного пламенем врага, внезапно увеличились в размерах, полностью закупорив проход своими мохнатыми телами — и даже заглушили протяжные очереди разрядившихся в них автоматов.

Йохан не знал, как долго мистические насекомые смогут сдерживать толпу врагов;

Ренар готовился добить раненых Наю и Белтура; Бо Хон, скрестив руки на груди, улыбался сожженными кислотой губами. Целеуказатель системы тактической поддержки в шлеме чародея отметил лоб яо красной меткой, а траектория полета пули из его пистолета высветилась зеленой линией. Всего мгновение понадобилось для того, чтобы соединить зеленой с красным — и Йохан понял, что нажал на спусковой крючок, уже после того, как в черепе Бо Хона образовалась сквозная дыра.

— Атлицна! — раздался за его спиной одобрителный возглас Римпо Лу.

А потом огненный меч Ренара Нок-Старвинда пронзил грудь Белтура.

Ная закричала яростно и пронзительно.

Йохан всадил в него весь магазин, все оставшиеся девятнадцать пуль, одной длинной очередью — но ни одна из них не смогла пробиться сквозь его огненную защиту. И когда сгорела последняя, сквозь стену паучьих тел пробилась первая пуля из автоматической винтовки. Отрикошетила от каменной стены и исчезла в тенях за пределами освещенного синим пламенем пространства подземелья.

Глава 79. Непредвиденное

Мэй вышла из портала последней, сразу за Фредериком, и первым же делом прочитала весь замок своей мистической способностью — все этажи, все залы и коридоры от самого глубокого подвала до вершины донжона. И похолодела от ужаса. Отряд Наи поджидали Ренар Нок-Старвинд и Бо Хон, Юрику — Артур Коккинавье и Ребекка Сатронг. А ее собственный отряд — Эхат Ястреб и Бенедикт Грид. Она ощущала тьму в их сознании как нечто мерзкое и липкое. И кого-то еще рядом с ними, нечто, что удерживала в мире живых чуждая и злая сила.

Отыскав взглядом открывшую для них переход Ариану Рэйсток, она содрогнулась — от некогда молодой и привлекательной девушки остался только обожженный скелет, который заставляла двигаться сила Забытого Бога. Она стояла перед ними, с трудом удерживая равновесие на черных костях, и протягивая руки, пытаясь сказать что-то с помощью жестов. Обсуждая детали плана, они как-то упустили из виду, что чародейка может поддерживать мысленную связь только с себе подобными — для общения с не-чародеями у нее не было голосовых связок.

— Это ловушка, — произнесла Мэй. — Я уже поняла. К нам уже идут Эхат и Бенедикт с каким-то чудовищем. И пятнадцать бойцов, контролируемых Шепчущими.

Из каморки, в которую они переместились, был только один выход, за которым находилось обширное и пустое подвальное помещение. Крэйн Столсанг сидел в кресле в своем личном кабинете на вершине главной башни, и никуда не торопился. Шепчущих она не нашла.

Связаться с Наей и Юрикой по радиации она не смогла — радиоволны не могли пробиться сквозь толстые каменные стены, пропитанные странной мистической энергией. Из-за нее Мэй могла чувствовать пространство только в пределах замка, не зная, что творится снаружи — ее мистическое восприятие оказалось ограничено несколькими сотнями метров.

— Вальд, Фредерик, мы встретим Эхата и Бенедикта. Шон, Ариана, займитесь охраной. Мы должны разобраться с ними очень быстро — у наших друзей враги намного опаснее и страшнее.

— Ты чувствуешь Шепчущих? — спросил Вальд, механически проверяя исправность тяжелого пулемета.

— Нет... Они могут быть где угодно. Но нам нельзя отступать.

В большой зал они вышли одновременно с двумя группами врагов. Целеуказатель тактической системы Мэй сразу отметил Эхата Ястреба и Бенедикта Грида, вышедших из двери справа — и еще одно кошмарное существо, закрывшее своим телом двух будущих Эмиссаров Шепчущих. Несколько мгновений понадобилось девушке для того, чтобы понять, что перед ней стоит оживший мертвец, сшитый из двух тел — погибших Ракрустикроса и Боневаля Лустакина. Большая часть туловища принадлежала Ракрустикросу, от которого отрезали левую часть грудной клетки вместе с плечом — и пришили к нему часть торса Боневаля. Два лица с озерами черноты вместо глаз смотрели на нее с застывшим выражением ужаса и широкими осками.

Мэй задохнулась от ярости, ненависти и омерзения к существам, сотворившим такое — и всадила в мертвецов весь магазин рельсовой винтовки. Гиперзвуковые пластиковые пули отскочили от стальной кожи Ракрустикроса, мистический эффект которой защитил и тело

Боневалю, а потом двухголовый мертвец исчез — и возник рядом с ней, одним ударом выбив винтовку у нее из рук. Мэй потеряла равновесие, но на ногах удержалась, и выхватила меч. А затем Вальд Браун отшвырнул от нее Ракрустикроса-Боневалю, и закрыл собой от плазменного копья Эхата Ястреба.

Огромный человек — и весь зал исчез в вспышке и грохоте взрыва.

Когда слух и зрение вернулись к Мэй, она увидела, что Вальд жив, и схватив двухголового мертвеца, пытается разорвать его на части. Фредерик, переместившись в пространстве, взял на себя Эхата и Бенедикта, а Шон уже сбил с ног нескольких бойцов, вышедших из левой двери. Двоих из них, пытавшихся выстрелить из автоматов, Ариана уже обратила в камень.

Поколебавшись всего долю секунды, Мэй бросилась на помощь Фредерику. Бой только начался.

Эхат Ястреб был самым опасным из всего отряда врагов. Крэйну и Шепчущим удалось так легко справиться с «алыми» только потому, что они были безоружны, а сейчас, когда они уже попали под контроль существ из иного измерения, им было позволено использовать весь свой арсенал. И Эхат был облачен в свою знаменитую силовую броню с браслетами, фокусирующими с помощью его мистической способности плазменные клинки, невероятно опасные в ближнем бою. Если бы не колоссальный боевой опыт Фредерика и его телепортация, «диким» пришлось бы совсем несладко. А так поседевший за столетия Сольрайн успешно отвлекал Ястреба на себя, мерцая в пространстве вокруг него и расстреливая из своих тяжелых топоров-револьверов — редкого гибрида холодного и огнестрельного оружия. Удачные выстрелы Фредерика уже раскололи забрало шлема Эхата, левый наплечник и выбили кусок брони из нагрудника, но один из плазменных клинков, внезапно вытянувшись и изогнувшись плетью, стегнул старика по бедру, прожигая защитный костюм, и если бы Мэй не подставила под удар второго плазменного лезвия свой меч из мистической стали, Сольрайн мог бы и не успеть уйти из-под удара.

Сталь и плазма столкнулись — и воздух разрежала очередная белая вспышка. Мистической энергии Мэй хватило, чтобы металл выдержал жар высокотемпературной плазмы, но чтобы успеть за быстрыми ударами Ястреба, ей пришлось обратиться за помощью к спящим в ней силам Винсенты — и когда Эхат ударил ее плазменной плетью, она высоко подпрыгнула, уже в воздухе ударив наотмашь по его шлему. Удар получился скользящим, лезвие без труда рассекло армированный углепластик и оставило глубокую царапину на лбу Ястреба — что не помешало ему ударить в Мэй плазменным копьем, когда она приземлилась на ноги. От выстрела она, впрочем, легко увернулась, а потом за спиной Эхата возник Фредерик — и в упор выстрелил ему в затылок. Шлем не выдержал удара тяжелой пули и раскололся, и Ястреб, нелепо взмахнув руками, с грохотом упал лицом вниз. Мэй почувствовала, что он жив, пусть и без сознания — пуля так и не добралась до его черепа, но ее кинетической энергии хватило, чтобы отправить парня в нокаут.

А потом топор-револьвер из правой руки Фредерика испарился — и оказался в руке Бенедикта Грида. Это была работа уже его мистической способности, благодаря которой он мог перемещать к себе любой объект в зоне видимости. Не самая мощная способность, но в данной ситуации этот трюк едва не стоил Фредерику жизни — седовласый ветеран едва успел испариться перед выстрелом — и жизни Мэй тоже, потому что пуля просвистела в сантиметре от ее виска. Сольрайн переместился к Бенедикту и обухом огнестрельного

топора попытался оглушить «алого», но череп толстяка выдержал удар, а из возникшей в его груди черной дыры выстрелило лиловое щупальце, которое обвилось вокруг тела Фредерика.

Грид выстрелил, а старик не переместился. У него было полно времени, чтобы телепортироваться, но он не смог — видимо, щупальце, выросшее из тела Бенедикта — подарок от Шепчущих — не позволило ему использовать мистическую способность. И от выстрела из его же оружия он содрогнулся всем телом и согнулся пополам.

Мэй не успела взвыть от горечи утраты — пробудившаяся в ней Винсента не позволила. Ярость приемной дочери Дженази бросила ее вперед, к Бенедикту, и даже когда меч из ее руки исчез, оказавшись в руки Грида, она не остановилась — и до того, как он навел на нее револьвер, врезалась всем телом, ввинчивая колено в его грудную клетку. Удар получился слишком мощным — девушка услышала хруст дробящихся ребер — и смятое тело Бенедикта отбросило к стене. Он врезался в нее спиной, роняя на лету топор-револьвер и меч, и медленно сполз вниз, без единой целой кости во всем теле.

Мэй перевела дух. С этими двумя было покончено. Бросилась к лежащему на полу Фредерику, все еще связанному щупальцем — его оторвало страшным ударом девушки. И с изумлением и радостью поняла, что старик тоже жив: стреляя в упор, Бенедикт умудрился попасть в собственное же щупальце, которое смогло остановить пулю.

— Изумительное везение, — произнесла она, помогая ему освободиться и подняться на ноги.

— Скорее, изумительное косоглазие Грида, — со стоном ответил Фредерик, потирая ушибленную грудь.

Тем временем Ариана и Шон расправились со всеми рядовыми бойцами «алых», и остался только поднятый из мертвых Боневаль-Ракрустикос, с которым никак не мог разобраться Вальд Браун. Огромному зверчеловеку было нелегко справиться с созданием, использующим сразу две мистические способности — невероятное укрепление тела и огромную скорость, но пока он крепко держал его руку, град сокрушительных и молниеносных ударов полностью поглощался его собственной мистической защитой. Мэй узнала этот расслабленный взгляд и насмешливую полуулыбку — Вальд поглощал энергию ударов противника в прямом смысле этого слова. Обычно он просто отражал кинетическую энергию ударов вовне, делая любую попытку избить его крайне болезненной для врага, но при желании он мог начать накапливать ее в себе — и вложить всю в один мощный ответный удар. Например, как тот, который последовал через пару секунд.

Огромный кулак Брауна врезался в живот мертвеца — и попросту снес его. Боневалья-Ракрустикоса отбросило; шов, соединявший два мертвых тела, лопнул, и они разлетелись в разные стороны. Комнату ощутимо трянуло.

— Долго возишься, Вальд, — усмехнулся Шон Шабири, очищая измазанные в крови черные когти.

— А что же ты не помог? — невесело ответил арга, рассматривая бьющиеся в конвульсиях тела, в чьих огромных ранах копошились отвратительные лиловые черви. И внезапно застыл. Никто ничего не понял, когда он с остекленевшими, мертвыми глазами рухнул на пол.

— Что за... Вальд! Что с тобой? — Фредерик был первым, кто оказался рядом. И с тоской произнес:

— Мертв.

Похолодевшая от ужаса Мэй охватила своим мистическим чутьем весь зал, каждый его

сантиметр, каждую трещину в стене — и в ярости увидела огромное, еще трепещущее сердце арга в сломанной руке Бенедикта Грида. Он оказался в сознании, и каким-то образом сумел вырвать его из груди Вальда Брауна. Никто не подозревал, что он способен на такое, никогда раньше он не совершал подобного... Но сегодня смог. И убил одного из самых уважаемых предводителей «дикий». Слишком легко. До нелепости легко.

Спустя мгновение Фредерик оказался перед Гридом — и одним метким выстрелом разнес его череп на куски.

— Не стоило с ними церемониться, — глухо произнес он. — Нужно было убивать. Сразу.

Мэй зарычала в беспомощной, глухой ярости. Тихо завыл Шон Шабири.

Ариана Рэйсток медленно, хромя — выстрел из винтовки раздробил ей стопу — приблизилась к лежащему без сознания Эхату. Она была единственной, кого не тронула нелепая смерть Вальда Брауна — хотя сложно было прочесть, какие именно эмоции могут быть скрыты за обугленной маской лишенного лицевых мышц черепа. Опустила перед «алым» на колени и стиснула между ладоней его голову.

— Что ты делаешь? — глухим голосом спросила Мэй. Сейчас ей была малоинтересна судьба Ястреба, но смерть Вальда напомнила, что любая упущенная мелочь может привести к фатальным последствиям. Если бы она ударила Бенедикта сильнее, никакие темные силы не помогли бы ему нанести свой коварный удар.

Чародейка не ответила, пристально всматриваясь в лицо Эхата. И внезапно тот открыл глаза — пустые, невидящие. Он по прежнему был без сознания, но это не мешало Ариане проникнуть в его разум и сделать то, ради чего они пришли сюда. Мэй вспомнила: чародеи обещали освободить «алых» от контроля Шепчущих.

Просперо сказал, что это непростой процесс, и девушка дала Фредерику знак держать под прицелом левую дверь, а сама подобрала свою винтовку и взяла на мушку правую. Шон, закрыв лицо ладонями, стоял на коленях перед Вальдом. Мэй ощутила новый острый укол в сердце: эти двое были старыми добрыми друзьями. Она слышала, что когда-то давно Браун спас Шабири жизнь, только обстоятельства той истории были известны разве что Фредерику. Старый Сольрайн с беспокойством оглядывался на единственного оставшегося в живых друга, и что-то в его взгляде не давало девушке покоя. Что-то было не так в том, что Шабири вот так просто забыл обо всем в таких отчаянных обстоятельствах.

— Ариана, поторопись, черт тебя возьми! — процедила Мэй: она снова использовала свое мистическое чутье и увидела, что у группы Наи очень большие неприятности. Ей нужно не стоять здесь и сторожить чародейку, а пробиваться в западное крыло замка, чтобы спасти тех, кто еще был жив.

Чародейка, не отрывая взгляда от Эхата, подняла руку — и в воздухе вспыхнула овальная рамка портала. Похоже, что она справилась со своей задачей.

— Шон! Бери Эхата и уноси его отсюда! А мы с Фредериком и Арианой спасем Наю Хвала Небесам, что хотя бы Юрике не нужна наша помощь...

Шабири ничего не ответил. Он словно не слышал приказа своей предводительницы.

— Шон! — Мэй нечасто приходилось видеть, как нервничает кто-то настолько же опытный, как Фредерик.

Девушка решила наконец подойти к Шабири, но предупредительный окрик Сольрайна остановил ее. И именно в этот момент прямо у них над головой, на своде зала, вспыхнул

огромный багровый глаз — и портал рассыпался снопом тусклых синих искр. Мэй сразу же почувствовала, как его взгляд подавляет ее мистическую энергию, но воззвав на помощь к Винсенте, она смогла справиться с этим негативным воздействием. Но Ариана теперь была бесполезна, и Фредерику тоже придется несладко, если в этот момент со всех щелей полезут обещанные чудовища.

Но никакие описанные чародейкой твари не ринулись на них с целью схватить своими скользкими лапами. Око просто появилось — и рассматривало их, изучая с каким-то необычайно жутким интересом. Мэй всадила в него очередь из рельсовой винтовки, но не успел глаз пропасть, как рядом с ним вспыхнул уже новый. Она чувствовала, как стоящий за ним разум пытается пробраться в ее сознание.

— Фредерик, Шон... Нам надо уходить отсюда.

И вот Шабири наконец встал с колен и выпрямился. Его старые суставы хрустнули — и Мэй поймала себя на мысли, что старик был немного ниже. Примерно на голову. Его руки и ноги вытянулись в длину, как и спина, и он ссутулился, сгорбился под весом собственного туловища. И продолжал расти.

— Фредерик?.. — интуиция подсказала девушке, что сейчас что-то объяснить сможет только Сольрайн. Ее мистическое зрение показывало на месте Шона только тьму.

— Бездна... — прошептал Фредерик, нацеливая на Шабири свои топоры-револьверы. — А ведь он клялся, что это больше не повторится...

— Что не повторится?

— Это. Тебе ведь еще не приходилось видеть, как теряют контроль люди, использующие силы Неназываемых?

— Но ведь Шабири...

— Да, он старый и опытный, и никогда не злоупотреблял своей силой. Но девочка моя... Ты чувствуешь тьму, пропитавшую стены этого замка? Боюсь, из-за Вальда мой старый друг поддался ей.

Когда трансформация Шабири завершилась, он обвел взглядом весь зал, не задерживая его на свои соратниках. Его глаза цвета индиго, настолько темные, что любому, встретившему его в первый раз человеку казались черными, теперь сияли тусклым внутренним светом, и странным образом сочетались с посеревшей кожей, получившей необычайно глубокий оттенок. Глубокие морщины разгладились, сделав лицо моложе лет на сорок, а спутанные седые волосы стали еще длиннее и гуще, хотя все равно не могли скрыть выросшие из черепа тонкие шипообразные рога. Внезапно уже совсем молодое и даже привлекательно лицо разрезала широкая щель, протянувшаяся через рот Шабири от уха до уха — и все увидели усеивающие его рот нестройные ряды кривых серых зубов. Черные лезвия на месте его ногтей вытянулись до совсем уже пугающей длины, превратившись в настоящие кинжалы.

— Шон, друг мой, — Фредерик, разведя руки в стороны и согнув их в локтях, демонстративно направив дула своих пушек в потолок, сделал в сторону Шабири осторожный шаг — и мгновенно стал объектом его пристального внимания. — Ты меня слышишь?

Шабири угрожающе зарычал, и Сольрайн остановился, не решившись сделать следующий шаг.

— Слышишь, но не понимаешь... — сделал логическое заключение Фредерик — и

внезапно Шон прыгнул к нему. Это не было похоже на атаку, но старик рефлекторно телепортировался на два шага назад, чтобы оказаться вне зоны досягаемости черных когтей — и в тот же миг правая рука Шабири начала превращаться в камень. Пару мгновений потребовалось на то, чтобы понять, в чем причина, но когда Мэй и Фредерик в ужасе приказали Ариане Рэйсток остановиться, было уже поздно: обратившийся «дикий» прыгнул к потерявшей самообладание чародейке и одним ударом разрубил на части ее обугленный скелет. Черные кости с глухим стуком посыпались на каменные плиты, и Шабири было уже не остановить — следующим прыжком он атаковал Мэй. Девушка увернулась в длинном прыжке, расстреливая его из винтовки, и когда приземлилась, магазин был уже пуст: все пули были всажены в обезумевшего «дикого» с методической точностью, прошив насквозь его живот и разбив на части окаменевшую руку. Мэй не смогла заставить себя стрелять на поражение, и надеялась, что такой урон сможет привести Шона в чувство.

Не сработало. Отверстия от пуль затянулись с пугающей скоростью, и вставляя в винтовку новый магазин, девушка испытала трепет, видя, как у Шабири отрастает новая рука. Дважды выстрелил Фредерик — и вместо третьего Мэй услышала сухой щелчок — поддавшийся волнению старый воин перестал считать патроны в барабанах. Опомившись, переместился в пространстве прямо к Шону и всадил лезвие правого топора ему в бедро, а вторым отразил ответный удар черных лезвий. Не сумев выдернуть первый топор, застрявший в кости, выпустил рукоять и прыжком в пространстве переместился Шабири за спину, рассекая сухожилия на второй ноге. «Дикий» мгновенно развернулся, нанося ответный удар, но лезвия опять поразили пустоту, а сам Шон упал на колени, потеряв на время подвижность.

Как только Фредерик отступил от Шабири, Мэй воспользовалась шансом и без страха задеть товарища выпустила в чудовище два последних магазина. И отбросив теперь уже бесполезную винтовку, снова обнажила меч. Шон регенерировал, багровое око с любопытством наблюдало за схваткой, а девушка и старый Сольрайн понятия не имели, сколько еще им придется продержаться прежде, чем к Шабири вернется рассудок.

Эхат Ястреб, по-прежнему без сознания, лежал в стороне. Ариана Рэйсток, лишившись большей части скелета, оставшейся правой рукой оттаскивала себя в дальний угол. На ее помощь в этом бою никто уже не рассчитывал.

Глава 80. Меч и Плеть

Юрика поняла, что все пошло не по плану, в тот момент, когда увидела выражение замешательства на лице Просперо. Даже то, что в тот же миг, когда они вышли из портала, в конференц-зал вошли Артур Коккинавье и Ребекка Сатронг — а чего еще можно было ожидать, вторгаясь практически в сердце замка? Что сюда никто не заявится в неподходящий момент? — не смутило ее так сильно, как осознание ошибки в глазах инспектора. Он просчитался, и оставалось только уточнить детали. Если для этого будет время.

— При-и-вет! — выпалила она, запрыгивая на овальный стол и обнажая любезно предоставленный ей меч из арсенала «диких». Ранмаро и Виктория заняли позиции справа и слева, Просперо с плазменным пистолетом в руке держался позади.

Околдованные «алые» в ответ только разошлись в стороны, храня каменные выражения на лицах. Артур Коккинавье был ожидаемо вооружен двуручным мечом, а вот Ребекка сжимала в руке тяжелый хлыст с поблескивающими в плетении металлическими нитями.

— Просперо, насколько все плохо? — Виктория также сразу сообразила, что все с самого начала пошло не по плану, и внимательно следила за Сатронг, встав в боевую стойку.

— Я не могу связаться с Арианой и Йоханом. И их группы тоже ждут. Крэйн наверху, Шепчущие рядом с ним.

— То есть ваша чародейская связь не работает, но магический радар твоего Забытого в полном порядке? — уточнила девушка.

— Верно, — подтвердил Просперо.

— Где остальные «алые»? — спросил Ранмаро, следя за Артуром Коккинавье.

— Бо Хон и Ренар Нок-Старвинд сейчас атакуют группу Йохана. Бенедикт Грид и Эхат Ястреб рядом с Арианой. Луис все еще в своей камере.

— Создай портал к Йохану и Нае, — приказным тоном произнесла Виктория. — Отступаем к ним, хватаем Луиса и уходим. Раз неожиданной атаки не получилось, заберем хотя бы того, кто не будет сопротивляться.

— Думаешь, успеем прежде, чем эти двое доберутся до подвала? — с сомнением спросил Ранмаро. — Вальд сказал, что Бо Хон и Ренар опасные ребята, их с наскока не одолеть. Лучше соединимся с Мэй и Арианой и вместе с их группой захватим Эхата.

— На кой черт нам Эхат Ястреб?! — изумилась Виктория. — Ты лучше вспомни, что против Бо Хона и Ренара только Ная, какой-то арга и карлик! Их же убьют.

— С ними еще Йохан, — напомнил ей брат.

Девушка закатила глаза.

— Юрика! — вероятно, только много позже Виктория поймет, что обратилась за помощью к своей идеологической сопернице. — Мы должны помочь Нае!

— Да, — лаконично ответила та, осознав, насколько неопытна в фехтовании, просто взглянув на положение меча в руках Коккинавье. — Просперо, портал к Нае. Немедленно!

Но создать заклинание Просперо не успел: Артур и Ребекка ударили одновременно. Коккинавье широким горизонтальным взмахом рассек пространство перед собой, а Сатронг резким щелчком кнута расколола плиты пола, направив вперед разрушительную волну деформаций. Эта атака была нацелена на Просперо, и инспектору пришлось спастись еще и

от нее, предварительно пригнувшись, чтобы не попасть под пространственный резак Артура. Юрике со стола было проще подпрыгнуть, Виктория пригнулась, а Ранмаро неожиданно успешно отразил ее мечом, хотя и принял безопасную низкую стойку на случай провала.

Вскочив, Просперо открыл по Ребекке стрельбу из плазменного пистолета, целясь в плечи и руки, но снаряды неожиданно сменили траекторию, притянувшись к ее кнуту, и закрутившись вокруг него спиралью, соскользнули в сторону, выбив куски каменной кладки из стены.

— Просперо, мне кажется, тебе лучше отложить в сторону свои молнии, если только ты не хочешь поджарить кого-то из нас, — произнесла Виктория, вставая между ним и Сатронг и обрастая ледяной броней. Юрика и Ранмаро сосредоточились на Коккинавье.

Юрика помнила подробное описание Артура, его навыков и способностей, но проникнуться им смогла только сейчас, своими глазами увидев преломление света в воздухе, прошедшего сквозь существовавший всего мгновение разрез пространства. Это было намного опаснее атак Глории, Хастура и Кенсэя, гораздо смертоноснее. Умереть здесь оказалось поразительно легко — достаточно было просто не очень высоко и быстро подпрыгнуть. И она испугалась. И испугавшись, сама не заметила, как впустила в свое сознание Ириссу, с которой пришла неукротимая первобытная ярость, успешно вытесняющая страх.

Ранмаро, убедившись в своей способности отражать дистанционные атаки Коккинавье, пошел в решительное наступление, чтобы связать противника ближним боем и не дать ему прицельно атаковать обеих сестер и инспектора. И добился определенного успеха, спровоцировав узкий веер стремительных разрезов пространства, нацеленных непосредственно на него. Отразив или увернувшись от них, парень толкнул перед собой плотную волну воздуха, но сбить Артура с ног не удалось. И Юрика, воспользовавшись краткой паузой в атаках Коккинавье, внезапным броском прыгнула на него справа, отправляя вперед свой клинок.

И не успела. Артур успел шагнуть назад и отразить ее меч своим — и отсечь от него добрую треть. Легко, словно у нее в руках была соломинка. Потому что она не напитала мистическую сталь своей энергией, или просто вложила ее в металл недостаточно плотно. Концентрация мистической энергии в мече Коккинавье оказалась неизмеримо сильнее, и это едва не стоило ей головы. Только вовремя подоспевший Ранмаро смог отвести ответный удар Артура, пока Юрика в замешательстве пыталась разорвать опасную дистанцию.

— Козел!

Коккинавье был на полторы головы выше Ранмаро, шире в плечах, массивнее; его меч был длиннее и тяжелее меча парня. Но Юрика отвлекла его внимание, позволив брату подойти достаточно близко для того, чтобы свести на нет преимущество Артура в размере оружия и нанести короткий рубящий удар — который тот все же отразил, приняв его на основание клинка, а потом, отбив меч Ранмаро крестовиной, ткнул его в лицо в эфесом, рассекая скулу. Парень только мотнул головой, подставил меч под вертикальный рубящий удар — и отлетел назад, сбитый пинком. Артур прочертил мечом дугу, отгоняя Юрику, и продолжил натиск на парня. Ранмаро вновь оказался немного проворнее, выигрывая шаг, снова столкнулись клинки, скользя лезвиями и вырисовывая остриями петли в стремлении достать сталью незащищенное броней тело. Вот клинок Коккинавье полоснул плечо парня, острие меча Ранмаро оставило царапину на бедре противника — и брат Юрики открылся, подставил под удар голову. И девушка, понимая, что не успевает помочь, даже не успела

обрадоваться, когда вокруг нее воссталась тень Ириссы, и призрачная алая лапа ударила по Артуру. Коккинавье успел заметить угрозу, подставил меч под удар — и все равно оказался сбитый с ног. Перекатился, успел вскочить на ноги, встречая Ранмаро — и пропустил удар его меча по пальцам на рукояти. Рассеченная левая кисть мгновенно слетела с рукояти, но правая все еще сжимала меч, и если бы парень на одних рефлексах не отбросил от себя Артура тугой волной воздуха, то упал бы с разрубленным горлом. В ответ Коккинавье направил на него рассекающий пространство удар, который лапой отразила уже Ирисса — и Юрика, схватив левой рукой запястье здоровой руки противника, вонзила ему кулак в солнечное сплетение. Артура согнуло и подбросило в воздух. Следующий удар в челюсть отправил его в еще более дальний полет, двуручный меч со звоном покотился по каменным плитам.

Виктории и Просперо было не легче. Ребекка Сатронг крайне ловко управлялась со своим хлыстом, воздух то и дело сотрясали оглушительные щелчки. Каждый удар был смертоносен, его материал отлично проводил мистическую энергию, увеличивая зону поражения разрушительной способности Великого Дома Сатронг. Даже скользкий удар мог превратить камень в щебень, а кости — в мелкое крошево, и у Виктории не было ни мгновения на остановку, она уворачивалась, прыгала, перекачивалась и кувыркалась, рискуя отводить хлыст только на излете, отклоняя его своим клинком. Волосы, кожу и одежду покрыло инеем, блестел тонкий ледяной налет — мистическая защита должна была поглотить хотя бы немного урона в случае попадания хлыста, изо рта вырывался пар. И девушка успевала бить в ответ, отправляя в Ребекку одну ледяную стрелу за другой. Сатронг отражала их хлыстом, плетъ закручивалась спиралью и распрямлялась с ужасающим гулом. Вот она замахнулась слишком сильно для удара по ускользающей Виктории, открылась всего на миг, и Просперо воспользовался им, выстрелил, но Ребекка резко качнулась в сторону, как-будто потеряла равновесие — и перекатившись по полу, оказалась еще дальше от девушки. Второй плазменный снаряд оказался захвачен хлыстом и отправлен обратно в инспектора. И с треском исчез, не долетев до него — сработала чародейская защита от электричества.

Виктория, оказавшись на сравнительно безопасном расстоянии, направила в Сатронг целую тучу ледяных игл, завернувшихся вокруг Ребекки белым вихрем, и та окружила себя завесой из раскрученного хлыста, настоящим стальным куполом. Он не мог отразить все иглы, но сам воздух завибрировал вокруг «алой», и эта вибрация коснулась и атакующего ее льда. Атака Виктории превратилась в бесполезную снежную пыль. Девушка попыталась атаковать Ребекку напрямую, подчинить своей воле жидкости ее тела, но для этого нужно было обладать куда большей силой и концентрацией, Сатронг если и заметила что-то, то виду не показала.

Тем временем вокруг нее оказалось достаточно много ледяной крошки и пыли, которая начала таять. И вместо того, чтобы собрать из нее новые ледяные лезвия, Виктория растопила все, окатывая Ребекку с ног до головы водяной взвесью. Вода под ногами, вода в воздухе, на коже, одежде и на хлысте...

— Просперо, нам нужна настоящая молния!

Инспектору не нужно было объяснять. Он только замешкался, сомневаясь, стоит ли бить прямо в Ребекку, ведь хлыст мог отвести электрический ток даже в такой влажной среде — и ударил в край лужи, рядом с ногами воительницы. Хлыст смог притянуть и отвести в сторону большую часть плазменной дуги, но того, что осталось, хватило, чтобы

через воду замкнуть цепь сквозь тело Ребекки. Девушку тряхнуло, подняло черной короной наэлектризованные волосы. Шокированная Сатронг упала на колени, роняя оружие, и Виктория тут же оказалась рядом, нанося размашистый удар ногой в голову. Ребекку опрокинуло, но Лэйт закричала от боли и хромя, отшатнулась. Вонзила клинок в пол, опираясь на него, словно на костыль: она больше не могла стать на правую ногу. Большой ошибкой было бить женщину, которая вызывала разрушительные вибрации во всем, чего могла коснуться.

И Ребекка все еще могла сражаться. Ее лицо было разбито жестоким ударом, рукоять хлыста находилась вне прямой досягаемости, но все тело Сатронг было оружием, и она была готова заключить Викторию в смертельные объятия. Но она забыла о Просперо — новая молния, немного слабее предыдущей, уже надежно вывела Ребекку из строя.

Они победили.

— Просперо, портал! — Юрика уже тащила к нему за ногу бессознательного Артура Коккинавье. Голова мастера меча постукивала на каждой неровности покореженного пола, великолепные волосы собирали по пути пыль и мусор. Ранмаро, переведя дух, вспомнил о том, что ей нужно помочь, когда ей оставалось протащить «алого» считанные метры.

— Лучше ее хватай! — девушка указала ему на лежащую на полу Ребекку. Виктория была ближе к ней, но ей и самой требовалась транспортировка — нога была сломана. Она могла только ковылять, опираясь на меч.

— Я создаю портал к Нае и Йохану, — на всякий случай напомнил всем инспектор: а вдруг кто-то забыл о том, что им нужна срочная помощь, после настолько внезапной и яростной схватки?

Ранмаро только кивнул, неся на руках Ребекку. Юрика подставила плечо Виктории, помогая ей идти.

Портал был готов. Они уже слышали с другой стороны овальной чародейской рамки грохот автоматных очередей. А потом Просперо резко вскинул плазменный пистолет и выстрелил в Викторию.

Девушки не успели ничего сделать.

Стуток плазмы пронесся рядом с плечом племянницы Юрики и взорвался у нее за спиной, сжигая выстрелившее в нее из пустоты лиловое щупальце. Но следом за ним к ней потянулись еще два. Обвилились вокруг девушек и резко потянули назад, к огромному черному провалу в воздухе, в глубине которого проступили очертания высокой фигуры в длинном балахоне.

Ранмаро, вскрикнув, просто бросил Просперо Ребекку и с обнаженным мечом бросился на помощь сестрам. Юрика, отпустив Викторию, с усилием освободилась, разорвав щупальце. Виктория, замешкавшись, разрешила лиловую мерзость только мгновение спустя — и по инерции продолжала лететь в объятия Шепчущего. И для нее время застыло. Мозг работал так быстро, что доли секунды растянулись в удивительно продолжительный промежуток времени, за который она успела рассмотреть ожидающее ее в конце этого полета существо, крохотные присоски на теле оплетенного вокруг ее пояса куска щупальца, беспорядочный узор из каменных осколков на полу, обломки стола, игру света на взвешенной в воздухе пыли... Мыслей не было, она могла видеть, но не анализировать и делать выводы. Слишком быстро, чтобы сознание успевало обрабатывать информацию. Но у Виктории была цель, на которую уже были брошены все ресурсы организма, и когда время

вновь понеслось с привычной скоростью, она была достигнута.

Шепчущий не получил новую жертву: ледяная стена возникла на пути девушки мгновенно и буквально из ничего, и она врезалась на нее, не успев толком сгруппироваться и приготовиться к удару. Лед затрясся, остановив ее полет. Виктория глухо вскрикнула, но не упала, держась за рукоять вонзившегося в стену меча.

Когда новые щупальца обогнули стену сверху и с боков, продолжая тянуться к девушке, Юрика и Ранмаро уже были рядом. Но они уже не успевали дотащить ее до Просперо который ждал у портала, держа на руках Артура и Ребекку.

— Спаси их! — крикнула Виктория, замораживая ближайšie щупальца.

— Мы разберемся! — поддержала ее решение Юрика, облаченная в багровую тенью Ириссы, которая рвала лиловые отростки на части.

Ранмаро молча работал мечом.

Просперо стиснул зубы — и затащил Коккинавье и Сатронг в портал. Ему предстояло спасти еще как минимум пятерых.

Овальная чародейская рамка из синего света за его спиной схлопнулась — и рассыпалась яркими сапфировыми искрами.

Глава 81. Молнии против Пламени. Сад Кошмаров

Просперо вышел из портала, когда положение отряда Наи было совсем безнадежным. Белтур был мертв, искалеченная девушка преграждала охваченному мистическим огнем Ренару Нок-Старвинду путь в зал, в котором находились Йохан и Римпо Лу, бойцы гарнизона замка почти пробившись сквозь баррикаду из тел гигантских насекомых. Инспектору необходимо было срочно что-то предпринять против пылающего мечника и отряда стрелков, и быть готовым к атаке Бо Хона... Который, оказывается, был уже мертв — Просперо только сейчас понял, что видит того лежащим в дальнем конце коридора, с простреленной головой.

Одной проблемой меньше.

Первым делом он укрыл от выстрелов себя и бессознательных «алых» за трупом паука с наиболее прочным хитином, и попытался избавиться от Ренара, открыв по тому огонь из плазменного пистолета. Но попав в его пламенный покров, плазменные сгустки изменили свою траекторию и врезались в потолок, отсыпав Нок-Старвинда ливнем каменных осколков. Это отвлекло его от Наи, которая отбивалась от него уже из последних сил, и заставило переключиться на нового противника. Вступать в рукопашную с врагом, вооруженным мечом, Просперо не собирался, ударил в него мощным электрическим разрядом, который отлично притянулся лазурному огню и поразил Ренара, отбрасывая его назад. Но не обезвредил его. Противник быстро поднялся на ноги, и инспектор, уже не сдерживаясь, высвободил свою самую сильную молнию, которую, как он считал, мог пережить только кто-то похожий на Дженази или Кенсэя.

Молния ударила Ренара точно в грудь, «алый» вздрогнул всем телом и рухнул на колени. Но его лазурное пламя не погасло. Он выдержал удар, опустошивший мистические резервы Просперо.

«У его огня высокое сопротивление, — подсказал Дзаа-Тхон-Кгар, искренне переживая за своего чародея. — Нужна молния мощнее, чтобы убить его».

«Сегодня от них совсем мало толку,» — мысленно ответил ему Просперо. И прикоснулся к Вратам Сердца Мира, восполняя утраченную энергию.

«Привыкай к неудобным противникам, — произнес Забытый. — Он поднимается, надо менять тактику».

Паучий панцирь за спиной инспектора больно ударил его по затылку: это была отдача от особенно мощного и точного выстрела с той стороны. Просперо подумал — и выпустил новую молнию в отряд поддержки Ренара, а потом добавил к ней серию неприцельных выстрелов из плазменного пистолета. И стрельба по ту сторону паучьей стены мгновенно стихла. Остался только Нок-Старвинд.

Если бы только победить его было так просто... Ренар направился прямо к нему, отведя руку с мечом в сторону, намереваясь нанести один-единственный удар, снизу вверх и наискосок, лазурное пламя на клинке, одежде, коже и волосах вспыхнуло жарче и ярче. Просперо вложил всю свою мистическую энергию в одну молнию, ударил, заставив Ренара застыть на месте, одним касанием мысли к Вратам восстановился, ударил снова, с тем же успехом... Нок-Старвинд неумолимо приближался к нему, выдерживая все удары молний, которые только замедляли его, и оставляли пятна ожогов на груди и животе. Не будь разум

под контролем, тактика Просперо уже давно свалила бы его с ног, но воля Шепчущих заставляла «алого» делать один шаг за другим. В воздухе невыносимо воняло озоном, и инспектор подумал о том, что даже если Ренар так и не сможет приблизиться к нему, он все равно задохнется, переработав в воздухе весь кислород. Конечно, это было весьма маловероятно, но все же...

«Мы не можем свалить его прямой атакой, — мысленно напомнил Забытому Просперо, мысленно смахивая со своего мысленного лба мысленный пот. — Я достаточно хорошо овладел этим заклятьем грозового копья, но сейчас, как мне кажется, пора научить меня чему-то новому».

Предложение сложно было назвать своевременным: Ренар был уже в шаге от возможности проткнуть инспектора мечом. А ведь отступать ему было некуда.

«Действительно, — задумчиво произнес Дзаа-Тхон-Кгар. — Последняя молния была мощнее любой из предыдущих, но падать он отказывается. Ох уж этот мистический огонь. Но я уверен, если ты ударишь его, непосредственно коснувшись тела ладонью, Ифрит свалится».

«Я не смогу сделать этого по двум причинам, — сдержанно ответил Просперо, благо мысленный диалог происходил в пространстве с иным течением времени. — Во-первых, моя рука просто сгорит в этом огне. Во-вторых, я все равно не успею — он зарубит меня раньше».

«Не сгорит и успеешь, если облачишься в грозовую броню, — ответил Забытый. — Думаю, ты готов к ней, хотя я бы еще подождал с практикой этого заклинания как минимум пару лет».

«У меня нет пары лет».

«Тогда приготовься к боли. Для грозовой брони тебе придется пропустить по собственным жилам, мышцам и нервам молнию, которой все это время учился поражать врагов».

«Вы серьезно?»

«Хорошо, что ты этот... Силовой тип, — усмехнулся Забытый. — Шанс, что ты не потеряешь сознание, и тем более не погибнешь, весьма высоки».

Просперо мысленно выругался — и сделал то, что было необходимо. Ренар уже не оставлял ему время на раздумья, совершая последний шаг к крайней черте.

Боль была чудовищной. Молния, которая по своему обыкновению должна была срываться с пальцев правой руки в окружающую среду, была направлена вовнутрь, пронзая кости и мышцы от кончиков фаланг до запястья и дальше — локтя, плеча, груди, шеи, головы, спустилась вниз по позвоночнику и разделилась на две ветви, достигшие ступней — чтобы, свернувшись сложными петлями, завершить свой путь в кончиках пальцев левой руки.

Объятый синим пламенем клинок в руке Ренара замер с сантиметрах от шеи инспектора. А вместе с ним — и весь мир. Ошеломленный болью, Просперо понял, что ход времени замедлился для него в реальном пространстве настолько, что все в нем становилось неподвижным и статичным. И самое главное заключалось в том, что сам он мог двигаться.

«Чем боль сильнее, тем ты быстрее, — объяснил Забытый. — Сильнее и крепче. Не поторопись, эффект не вечен. Он закончится, уже вот-вот».

И Просперо, преодолевая адскую боль в каждой клетке своего тела, физически ощущая, как плавятся его кости, мышцы и нервы, поднырнул под пламенный меч Ренара, шагнул к

нему — и со всей силы ударил ладонью в его грудь, высвобождая свою самую сильную молнию, для которой уже в последний миг зачерпнул энергии из Врат. Лазурное пламя обожгло кожу даже при таком мимолетном касании, но нанести большой вред не успело: Нок-Старвинда смяло и сбило с ног, словно по ребрам ударило не пустой ладонью, а кузнечным молотом, и отшвырнуло далеко назад.

И в тот же миг эффект грозового доспеха прекратился. Просперо упал на колени, сжимая левой рукой запястье обожженной правой, и согнулся, чувствуя, что вот-вот закричит. Но сдержался, хотя перед глазами стояла сплошная темнота, и в ушах били тысячи кузнечных молотов побольше того, которым, как ему представилось, сбило Ренара.

«Просперо! — услышал он внезапно предупредительный крик Забытого в своей голове. — Очнись! Он поднимается!»

Инспектор попытался сфокусировать взгляд — и сквозь сплошной туман и выступившие на глазах слезы смог рассмотреть размытый силуэт вставшего на ноги Нок-Старвинда. Его пламя погасло, а походка больше всего походила на дерганья деревянной марионетки в руках далекого от искусства кукловода человека. И меча не было в руке. Но он двигался к нему.

Просперо наощупь отыскал плазменный пистолет левой рукой, но сил поднять его и направить на Ренара уже не было. Конечно, у него еще было несколько секунд на то, чтобы собраться с ними, но в конце-концов это от него не потребовалось: внезапно тьма под ногами «алого» сгустилась, и из нее на него прыгнула огромная черная сороконожка, обвиваясь вокруг тела и вонзая острые жвалы в плечо. И следом же за этим, покинув свое укрытие, Йохан Новак что есть силы опустил на голову Ренара подобранный где-то кирпич. Кусок обожженной глины треснул, распадаясь на неровные половинки, но ноги Нок-Старвинда подкосились, и он, теперь уже точно оглушенный, рухнул. И больше не собирался вставать.

Просперо облегченно выдохнул. А потом вспомнил, что еще ничего не кончено, и попытался встать. С первого раза не вышло, а во время второй попытки ему помог Римпо Лу, подставив свое маленькое худое плечо. Йохан, оставив Ренара лежать на полу, подошел к двери, за которой находилась камера Луиса Амавази, и попытался ее открыть. У него ничего не вышло.

К нему, шатаясь, подошла Ная, и всадила в зазор между дверью и косяком лезвие меча. Попыталась воспользоваться им, словно рычагом, но сталь только выгнуло дугой по прямым углом, хотя лезвие не сломалось и не потеряло упругость.

— Проклятье... — прошептала она, сдаваясь. Ее шатало и мутило от боли, она никак не могла привыкнуть к тому, что двух левых рук больше нет.

— Эта дверь запечатана силой Шепчущих, — произнес Просперо, поднявшись наконец на ноги и объясняя секрет прочности обычной деревянной двери, пусть и обитой полосками стали. — Проще стену пробить.

Ная посмотрела на него в раздраженном удивлении — и немедленно всадила лезвие меча в каменную кладку. Острие вошло между каменными блоками в древний раствор, всего на пару сантиметров, но затем девушка нажала на незаметную кнопку на рукояти, темная сталь сверкнула синим — и вонзилась в стену на половину длины лезвия.

— Атайти, аспажа, — произнес Римпо Лу, предлагая Нае посторониться. — Носом дохо бутет. Я стелать.

Коротышка-цвенг дождался, пока девушка отойдет в сторону, и подошел к стене

вплотную, положив на холодный камень ладони. И из-под них во все стороны поползли густые пятна крошечных муравьев, которые плотными ручьями начали вгрызаться в цемент — и с весьма поразительной скоростью.

«Смотри, как работает Хозяин Теней, — сказал Просперо Дзаа-Тхон-Кгар. — Совсем слабый, но он может придать теням любую форму с любыми свойствами. Опасный, очень опасный противник».

Просперо был с ним согласен. Прежде он даже не слышал о мистической способности, создающей живых существ. Тем более таких. Пауки, меняющий свой размер, огромные сороконожки, муравьи, грызущие камень... Казалось, Римпо Лу может призвать на помощь самых фантастических тварей.

Внезапно в коридор ворвался новый отряд бойцов со стрелковым оружием, и Просперо пришлось отвлечься от наблюдения за работой мистических насекомых. Успев нырнуть за уже проверенный перестрелкой паучий панцирь, он открыл по противнику огонь. Ная, яростно зарывчав, метнула в них нижней правой рукой меч, и прыгнув на стену, пробежала по ней, ускользая от пуль. Прежде чем она достигла цели, Просперо успел прожечь плазмой нагрудник одного бойца, и ранить еще двух; брошенный меч пронзил горло вошедшего первым автоматчика. Потом бойцам гарнизона было уже не до стрельбы: Ная ворвалась в их ряды смертоносным вихрем, и за считанные мгновение вырезала всех, с филигранной точностью поражая щели между пластинами композитной брони. За дикой яростью и ненавистью, с которой она наносила удары, казалось, скрывалась злость на ее собственную беспомощность в бою с противниками, обладающими сильными мистическими способностями.

Йохан все это время пересидел в укрытии: метким выстрелом ему пробило плечо, и теперь он с бледным видом сидел на полу, зажимая рану рукой.

Просперо покачал головой. Новаку просто не хватило рефлексов убраться вовремя из-под огня. Чудо, что он словил всего одну пулю.

А потом Римпо Лу издал победный возглас, и каменная стена перед ним провалилась внутрь, образуя проход. Путь к Луису Амавази был открыт.

Просперо вместе с карликом споро затащили внутрь Ренара, Ребекку и Артура, которые все еще не торопились приходить в сознание. Йохан вошел следом, и Ная — последней, бросив скорбный взгляд на мертвого Белтура. Тело арга было слишком крупным, чтобы занести его сквозь узкий лаз, проделанный муравьями цвенга.

Луис лежал на деревянной койке, связанный цепями. Его глаза были открыты, но взгляд — пустой, словно «алый» находился в некоем трансе.

— Луис! — Ная схватила его за ворот рубашки и потрясла, пытаясь привести его в чувство, но Амавази никак на нее не отреагировал.

— Он борется с Шепчущими внутри своего разума, — произнес Просперо, встав рядом. — Постереги вход, мне нужно время, чтобы помочь ему.

— Помочь? — изумилась девушка. — Открывайте портал, нам нужно доставить всех их в лагерь!

— Мы не можем, — Просперо и Йохан произнесли это одновременно.

— Я только что пытался, — продолжил инспектор уже один, пережигая пальцами цепи на Луисе. — Шепчущие оградил замок барьером, который не позволяет создать портал, ведущий наружу. Можно перемещаться только внутри замка.

— Получается, мы можем только выйти через главный вход? — нахмурилась девушка. И

безвольно сползла на пол по стене камеры.

— Да. Или избавимся от барьера.

— Как?

— Не знаю, — пожал плечами Просперо. — Разве что убить Шепчущих.

Инспектор с тревогой слушал Забытого, который утверждал, что не знает, что происходит в конференц-зале — его пространство стало закрытым для наблюдения. Он не знал, что происходит с Юрикой, Ранмаро и Викторией.

Но времени беспокоить о них у него не было — нужно было как можно быстрее привести в чувство Луиса Амавази. И по возможности, Ребекку, Артура и Ренара.

Просперо подошел к лежащему на койке мужчине и коснулся пальцами его висков. Забытый объяснил ему, что нужно делать, и предупредил, с чем ему придется столкнуться... И именно поэтому инспектору оказалось так сложно сделать первый шаг. Он поймал себя на мысли, что лучше бы Дзаа-Тхон-Кгар сказал, что это будет несложно, что нет ничего страшного в том, чтобы вступить в противостояние с чуждым человеку разумом в ментальном пространстве, где все зависит от силы воли, мужества и проницательности, что многовековой опыт Забытого защитит и поможет. Только он сказал совсем иное.

«Шепчущие на знают страха, и они не будут защищаться. Они атакуют тебя, попытаются захватить твое сознание. Попытаются превратить тебя в еще одного эмиссара. Но так как ты чародей, то не станешь марионеткой в случае поражения. Ты просто умрешь».

«А ты умеешь обнадежить,» — не мог не улыбнуться в ответ на эти слова Просперо.

«Достаточно колебаний, — пророкотал Дзаа-Тхон-Кгар. — Просто сделай это».

И Просперо погрузился в глубины захваченного разума Луиса Амавази.

Это было похоже на мысленное перемещение к Вратам Сердца Мира, только открывшийся мысленному взгляду инспектора вид был совсем не похож на затянутое белым туманом пространство перед каменными створками. Он оказался посреди жуткого сада из настоящего кошмара, его окружали живые стены из переплетенных серо-зелено-лиловых побегов с зазубренными листьями, шипами, черными цветами и извивающимися усиками-щупальцами, у основания которых вздувались коричневые пузырьки. Ноги проваливались в оранжево-синий толстый мох, покрывавший землю, который мерзко чавкал и хлюпал при каждом шаге, выплескивая буро-желтую вонючую жижу; в ней копошились слизи и черви, какие-то странные белые нити, норвящие вползти вверх по ботинкам. Тут и там росли уродливые грибы самых разных форм и расцветок, на некоторых распускались несимметричные цветы, от их лепестков вверх поднимались струйки радужного пара.

— Не вдыхай это, — услышал он предупредительный писк со своего правого плеча. Скосил на него взгляд — и увидел миниатюрного Забытого, неуверенно цепляющегося за его рубашку.

— Э-э... Почему вы в таком виде?

— Это тело — просто проекция моего разума в этом пространстве, — с невозмутимым видом ответил Дзаа-Тхон-Кгар. — И это единственный способ, которым я могу связаться с тобой здесь.

— Это место похоже на ночной кошмар сумасшедшего, — произнес Просперо, глядя на фиолетовое небо над головой, покрытое желтыми спиральными облаками. В центре каждой спирали зияла черная дыра, в глубинах которой были только бесконечная тьма и ужас.

Инспектор поспешно опустил взгляд обратно к мху и зарослям. На миг ему показалось,

что если слишком долго смотреть в центр желтых спиралей, то можно просто перестать существовать.

— Правильно, не смотри, — произнес Забытый. — Лучше следи, куда наступаешь.

Мох перед Просперо внезапно расступился в стороны — и из него вверх выстрелило нечто медузообразное, окаймляющее круглую зубастую пасть. Щелкнуло, захлопнувшись, и погрузилось обратно. Мох мгновенно затянул образовавшуюся дыру, словно никакой неведомой твари не было вовсе.

— Такой станет Тейзоя, если Шепчущие победят, — сказал Забытый. — Примерно так выглядит их родное измерение. Так как это всего-лишь мысленный образ, ты можешь здесь дышать. В реальности же для людей смертелен даже этот воздух. Кстати, не подходи близко к этим растениям, — миниатюрный Дзаа-Тхон-Кгар указал на живую изгородь. — Потому что это не растения. Присмотрись.

И Просперо присмотрелся к переплетениям побегов внимательнее. Содрогнулся: то, что ему показалось ветвями, на самом деле было растущими из мха медленно извивающимися щупальцами, и все, что он принял за листья и цветы, было всего-лишь имитирующими флору наростами. И словно заметив на себе его пристальный взгляд, коричневые пузыри внезапно все как один раскрылись — и щупальца-побеги уставились на инспектора тысячами крохотных багровых глаз. И все разом потянулись к нему.

— Без оружия тебе здесь делать нечего, — произнес Забытый неуместно равнодушно.

— Мне как-то не удалось пронести сюда пистолет, — нервно ответил Просперо, рефлексивно хлопая себя по поясу там, где должна была висеть кобура. И попытался призвать на помощь свою мистическую способность, раз к силе Забытого обратиться не было возможности — он сидел у него на плече, и как проводить через себя его молнии здесь, инспектор понятия не имел.

— Здесь наши силы выглядят иначе, — ответил Забытый, комментируя бесполезные действия своего чародея. Щупальца-побеги уже окружили его плотным извивающимся кольцом.

— Вспомни, как представлял копье. Мою магию ты можешь использовать здесь только в форме предметов.

Просперо поспешил сосредоточиться, вспоминая знакомые ощущения — и копье, которое он рисовал в своем воображении, чтобы направлять на врагов силу Забытого, внезапно обрело реальный вес и форму. И едва не уронил его в оранжево-синий мох.

— Только тебе нужен другой наконечник, — посоветовал ему Забытый. — Этим не очень-то удобно рубить.

Просперо снова сосредоточился — и вытянутое тридцатисантиметровое листовидное острие удлинилось еще больше, изгибаясь в заточенный только с одной стороны клинок. Инспектор только мгновением позже понял, что только что воссоздал однажды увиденный им образ из каталога холодного оружия — нагинату. Пробный взмах-удар продемонстрировал ему, что острота ее лезвия безупречна.

— Неплохо, — довольным тоном произнес Забытый, рассматривая больше дюжины срубленных щупалец, упавших на живой ковер.

— Да, совсем неплохо, — подтвердил Просперо, освобождая пространство вокруг себя от любопытных — и наверняка голодных побегов с глазами — широкими размашистыми ударами. Действовать нагинатой оказалось неожиданно удобно.

— Тебе туда, — Забытый ткнул крохотной рукой в сторону, которая, как казалось

инспектору, ничем не отличается от всех прочих сторон. Впрочем, через секунду он понял, почему ему именно туда: оттуда щупальца тянулись к нему с куда более явным намерением сожрать. Как и предупреждал Дзаа-Тхон-Кгар, Шепчущие будут атаковать первыми, стараясь не подпустить его к цели.

— Да, вижу, — вздохнул Просперо, и попытался представить, что ему снова шестнадцать, и Юх вновь поручил ему подстричь живую изгородь вокруг его приюта в Ховине. Долгий, нудный и муторный процесс, особенно в жаркий и душный майский день...

Глава 82. Рассекающий сны и кавалерия в каменном мешке

Щупальца тянулись к Просперо со всех сторон, пытались связать его руки и ноги, древко нагинаты, и он едва успевал отсекал их, стряхивать с себя извивающиеся обрубки, которые протыкали его одежду и кожу острыми шипами. Боль была пронзающей и обжигающей, а затем уходила, уступая место пугающему онемению. И все же он двигался вперед. Знал, что все это лишь игры разума, и в действительности его тело невредимо и не отравлено ядом Шепчущих — по крайней мере, Забытый на его плече уверял его в этом. Он же предупреждал его о подползающих сзади лиловых побегах, мешая им обвиться вокруг горла или свалить в топкое болото под ногами. Но даже Дзаа-Тхон-Кгар не смог рассмотреть затаившийся под слоем мха отросток, свернувшийся петлей — и стянувшийся на лодыжках инспектора. Просперо только успел почувствовать, как его дернуло за ноги — и оранжевый мох ударил его в лицо, заливая глаза, рот и уши омерзительной жижой. Нагинату вырвало из рук, а самого его подняло в воздух — насколько высоко, он понял только тогда, когда отплевался и протер глаза. Чтобы обнаружить себя подвешенным вниз головой над поверхностью на четыре высоты своего роста.

Мох под ним разверзся широкой круглой зубастой пастью — клыки усеивали ее густой острой желтой спиралью, внешний край которой обрамляли ряды побегов-щупалец. И пасть судорожно сокращалась и расширялась, демонстрируя видимое желание схватить его, прожевать и проглотить в виде мелких кусочков.

— Я вижу его, — в возбуждении произнес Забытый, продолжая цепко держаться за его рубашку. — Я вижу Созерцателя!

Просперо посмотрел в ту сторону, в которую указывал ему рукой Дзаа-Тхон-Кгар — и увидел Луиса Амавази, совсем рядом. «Алый» находился в центре кольца из щупалец, оплетенный и привязанный ими к импровизированному кресту, который инспектор не видел до сих пор только потому, что не имел возможности взглянуть на сад Шепчущих с такой высоты. У которого, кстати, не было видно ни конца, ни края — живой лабиринт тянулся от горизонта до горизонта, затянутого мучно-желтой дымкой.

— Здорово... но слегка не вовремя. Я потерял оружие и нас сейчас сожрут, — Просперо даже в какой-то степени утешала мысль, что сейчас он расстанется не только с жизнью, но и с этим омерзительным привкусом во рту — он не понимал, почему его до сих пор не стошнило.

— Ты не можешь потерять свое оружие, остолоп, — в раздражении ответил Забытый. — Оно — часть тебя!

— Действительно, — вспомнил Просперо — и вновь ощутил в руке тяжесть нагинаты.

Один взмах — и удерживающее его в воздухе щупальце перерублено. Падая, направил лезвие вниз — и сталь пронзила пасть, заставляя сжаться в предсмертной судороге на древке. Инспектор приземлился на пружинящую лиловую плоть, удержав равновесие благодаря намертво застрявшей в мертвой хватке круглый челюстей нагинате, попытался выдернуть, чтобы рассечь окружавший его ряд щупалец — и не смог.

Время замедлило свой бег. Усеянные ядовитыми шипами извивающиеся отростки падали на Просперо сверху, смыкаясь клеткой, а тварь под ногами начала погружение, намереваясь похоронить его вместе с собой под поверхностью кошмарного сада-лабиринта.

И тогда он, преодолевая животный ужас, выпустил древко — и немедленно создал новое, уже свободное от живого капкана. И одним круговым движением рассек живые прутья западни. И прыгнул в сторону, подальше от погрузившегося под мох чудища.

— Ты закончил? — флегматично поинтересовался у него Дзаа-Тхон-Кгар, наблюдая, как Просперо отряхивается от бурой жижи и лоскутов мха. На нем не осталось и лоскутка сухой одежды. Кожа начинала невыносимо зудеть и чесаться.

Ничего не ответив, инспектор продолжил движение в сторону Луиса. Прорубился сквозь последнюю живую стену и вывалился в пространство перед крестом. Замер, рассмотрев наконец, что тот из себя представляет.

— Великое Небо... Что за тварь?

— Эмиссар Шепчущих, — ответил Забытый, вместе с Просперо рассматривая тощую долговязую тварь, столбом стоящую посреди лабиринта с разведенными в стороны руками. Луис был прикован к ее спине, его руки были привязаны к ее рукам, а затылок наполовину погружен в затылок Эмиссара. Костяные шипы, растущие из твари, были погружены в плоть Амавази, лишая возможности просто взять и оторвать его от этого чудовищного живого креста.

— Он так и не смог подчинить себе волю Созерцателя, — продолжил Дзаа-Тхон-Кгар, — так что здесь будет проще, чем с остальными.

— Проще? — Просперо был настроен крайне скептически. А потом заметил, что вместе ног у Эмиссара пучки щупалец, которые тонули в слое мха. И что-то подсказало ему, что все живые заросли вокруг него, весь сад-лабиринт является продолжением тела слуги Шепчущих. И когда стены из щупалец потянулись к нему, все разом, чтобы сомкнуться на нем и раздавить, ему хватило всего одного удара, чтобы лишить Эмиссара контроля над этим пространством.

Срубленный, словно дерево, Эмиссар вместе с прикованным к его спине Луисом рухнул навзничь, но уже не в мох, а в твердую поверхность, затянутую белым молочным туманом. Лиловое небо с желтыми спиральными облаками, жижа и мох, уродливые оскорбления растительного мира — все исчезло, растаяло, и иллюзия кошмарного измерения Шепчущих сменилась привычным Просперо пространством перед Вратами Сердца Мира.

— Нужно пронзить сердце Эмиссара, — подсказал Забытый. И когда сталь с синеватым отливом вошла между ребер твари, она испарилась серым туманом, и разум Луиса Амавази наконец-то оказался свободен.

Реальность встретила Просперо полумраком подземелья и спертым, пропитанным запахом плесени и сыростью воздухом. Он по прежнему стоял над Луисом, прижимая пальцы к его вискам, но теперь глаза Амавази были открыты, и в них читались бесконечные облегчение и усталость. Он хотел что-то сказать — и не мог, только вскинул руку в слабом жесте, и сразу же уронил ее обратно. Вступить в бой на их стороне он определенно не мог. А сам Просперо, чувствуя, как подкашиваются колени, с тоской подумал о том, каким образом освободит от Шепчущих еще троих «алых».

Ная, Йохан и Римпо Лу смотрели на него с надеждой. Инспектор ответил им блеклой улыбкой, попытался вернуть себе уверенный вид и направился к Артуру Коккинавье.

Внезапно сквозь пролом в помещение ворвались нечеловеческий вой и рычание, сквозь

которые можно было различить отчетливый скрежет когтей по камням.

«Шепчущие! — слегка запоздало предупредил Просперо Забытый. — Их твари вылезают прямо из стен!»

Инспектор вспомнил историю Арианы Рейсток, в которой слепые создания с щупальцами вместо рта явились на поле боя из выросших в стенах пастей. Он ждал их самого момента прибытия в замок, не зная толком, как будет справляться с ордой бесконечных чудовищ, лезущих изо всех щелей, и вот они наконец появились. Позиция у его группы, конечно, сейчас была куда лучше предполагаемого окружения, и они могут долго сдерживать потом тварей, ползущих сквозь единственный пролом в стене, но ведь и отступать-то особо некуда, и патроны не бесконечные. Ная ранена и едва не валится с ног, у Йохана остался полупустой магазин пистолета, Римпо Лу так же не выглядит очень уж бодрым... Выходило, что только его молнии могли помочь в этой ситуации. Просперо коснулся Врат Сердца Мира, восполняя мистическую энергию, и с дрожью понял, что доступный для использования объем заметно сократился. Об этом предупреждали Кенсэй и Дженази: обычные люди, без генетических улучшений Великих Домов, не способны слишком долго пользоваться мистическими способностями без особой подготовки. Тело должно привыкнуть к мощному потоку проходящей сквозь него мистической энергии.

Просперо почувствовал, что его запас прочности подходит к концу. Некстати дала о себе знать обожженная рука.

Голову первой твари он сжег выстрелом из плазменного пистолета. Вторую срезала очередь Ная — и отбросила опустевший автомат.

«Мы не продержимся долго, — обратился он к Забытому, сжигая еще одну тварь. — Нам нужна помощь».

И вошел в пространство перед Вратами. Но сколько бы он не звал других чародеев, никто не вышел к нему из тумана. Даже Кенсэй. Впрочем, дед Юрики перестал отвечать на его зов еще до того, как они вошли в замок. Видимо, сейчас ему тоже приходилось решать вопросы жизни и смерти.

«Шепчущие окружили замок барьером, — напомнил ему Забытый. — Ты не сможешь позвать на помощь».

«А ты? Шепчущие не могли разорвать твою связь с собратьями».

«Ты удивишься, но смогли. Конечно, я могу попытаться пробиться сквозь эту стену, чтобы докричаться до кого-нибудь, но при этом тебе придется на время забыть о моей помощи. И нет гарантии, что я смогу связаться с кем-то сильным и надежным. В этом мире не так много чародеев, способных вытащить вас из этой передрыги».

«Сделай хоть что-нибудь,» — прошептал Просперо и вернулся в реальность, чтобы всадить в слепую тварь последний плазменный заряд. Теперь он мог положиться только на свою мистическую способность.

Но когда вместо молнии в новое чудище он смог выстрелить только короткой искрой, то почувствовал, как покрывается холодным потом. Именно Забытый позволял ему поражать врагов на расстоянии, создавая ионизирующий канал в воздухе. Без него Просперо мог использовать электричество только при непосредственном контакте с телом противника.

— Проклятье, — только и успел выдохнуть он в морду слепой твари — прежде чем ее пришили к стене огромный черный скорпион. Римпо Лу вмешался очень вовремя.

Огромные острые клешни и молниеносный шипастый хвост надежно перекрыли своре Шепчущих доступ в помещение, и Просперо с облегчением отступил к Нае и Йохану. Без

возможности слышать ответы Забытого на свои мысленные вопросы он ощутил себя неожиданно беспомощным и одиноким.

— Как долго ты сможешь их сдерживать? — спросил он у карлика.

— Мала минуц, — ответил Римпо, сидя на полу со скрещенными ногами, и с сосредоточенным выражением лица. — Дезать сыпохлоста чудно.

— Постарайтесь продержаться подольше, — ответила Ная, собираясь с силами для вступления в рукопашную. — Не знаю, на что нам нужно надеяться, но надеяться нужно.

Дзаа-Тхон-Кгар знал, чем рискует, оставляя Просперо одного. И все же мысль о вероятности того, что он лишится первого за последние столетия действительно талантливого чародея, не помешала ему сосредоточиться и вложить всю свою энергию в единственный импульс, которым он, словно копьем, пронзил стену мрака, которой окружили его Шепчущие, и вместе с ним отправил призыв о помощи. Когда он сказал Просперо, что не знает, с кем сможет связаться, на самом деле немного слукавил. Просьба достигнет самого сильного на данный момент Забытого, самого могучего из них. Кан-Лу-Бо, Баад-Бор-Ксон, Наму-Ар-Зонкон, Лон-Ри-Ба, Фа-Рон-Ха, Шуу-Ван-Ло — любой из них может прибыть с достаточно сильным чародеем, который поможет выбраться его подопечному из этой передрыги. От него не потребуется ведь достаточно много: всего-то довести смертных до выхода из замка. Конечно, после этого он, Дзаа-Тхон-Кгар, окажется в долгу перед другим Забытым, но на что не пойдешь ради своего чародея? Забытый не тешил себя иллюзией, что делает это ради победы над Шепчущими — для решения этого вопроса потребуется очень много чародеев, а сейчас нужно просто спасти тех, кто оказался жертвой глупого плана. В конце-концов, он тоже допустил все произошедшее. Гордыня и самоуверенность могут сыграть злую шутку даже с одним из нома-за-грим. Не в первый раз...

И вот пришел ответ. Точнее, ответ в виде немедленной помощи. Сквозь прореху в барьере, пробитую его зовом, другой Забытый помог своему чародею открыть портал в замок, и тот уже был внутри, рядом с Просперо и его друзьями. Святой Ному-Ар-Загрима.

Просперо вздохнул с облегчением, когда огромный скорпион Римпо Лу, который с каждой секундой все медленнее щелкал клешнями и бил хвостом по лезущим на него тварям, попросту перекрыл своей закованной в хитин тушей пролом в стене, закупорив его намертво. Порождения Шепчущих просто не могли сдвинуть с места вцепившееся в камень всеми конечностями мистическое существо, и только испарина на лбу карлика показывала, как же тяжело ему все это дается.

А потом круглая пасть раскрылась прямо в стене перед ними, и из нее полезли новые и новые безглазые чудовища. Ная закричала и грудью встретила первых из них, неистово работая двумя мечами, Просперо бросился ей на помощь, хватая ближайшую тварь и пропуская сквозь нее сильнейший электрический разряд, от которого она развалилась в его руках обугленной мумией. Йохан подобрал с пола обломок камня, собираясь продать жизнь подороже, закрывая собой беспомощных «алых», и только Римпо Лу даже не пошевелился,

продолжая удерживать проход. Убирать от него скорпиона было нельзя, чтобы не впустить в камеру еще больше тварей.

Вторая пасть распахнулась на потолке, и чудовища посыпались им на голову. Просперо рухнул под тяжестью одной из них, тут же испепелил молнией и стряхнул с себя обжигающе горячую тушу. Поднялся, чтобы добраться до Наи — и увидел в воздухе синий овал чародейского портала. Из него вышел высокий бледный мужчина с длинными черными волосами, в черном плаще, и с двумя пистолетами в руках — тяжелыми, длинноствольными, из которых немедленно полились потоки свинца. Грохот огнестрельных выстрелов в тесном каменном мешке оказался настолько оглушительным и дезориентирующим, что инспектор только спустя пару секунд осознал, что к ним на помощь пришел сам Раббен Тоттенгрибер. Гвардеец Хаоса.

Глава 83. Юрика

Ранмаро никогда еще не приходилось работать мечом так быстро — и так отчаянно. Щупальца Шепчущего тянулись к ним со всех сторон, и он не успевал отсечь их все, вынужденно полагаясь на помощь Юрики и Виктории. Младшая сестра рвала их на части голыми руками и призрачными лапами алой рыси, окружавшей ее смертоносным вихрем, а старшая сосредоточилась так сильно, что лиловые отростки замерзали под одним только ее взглядом — но это мистическое напряжение давалось ей очень тяжело. Меч в ее руке был практически неподвижен, лишь изредка она отмахивалась им, вяло и немного запоздало. Стена, созданная ею в самом начале схватки с Шепчущим, все еще стояла, излучая обжигающий холод, но все, чем она могла им помочь — так это обеспечить надежный тыл, барьер, к которому можно будет повернуться спиной и не бояться подлого удара сзади. Только сойти с места они уже не могли — существо в балахоне прижало их, окружив плотной стеной щупалец.

Ранмаро сосредоточился на миг, зачерпывая как можно больше мистической энергии из Врат Сердца Мира — и вложил ее всю в мощный воздушный вихрь, который на несколько секунд окружил их непроницаемым барьером. Щупальца отбросило назад, их отталкивало стеной воздуха, отрывая куски плоти. Когда сила вихря начала угасать, его поддержала Виктория, добавляя в него свой, только уже насыщенный морозом и ледяными осколками. Теперь щупальца замерзали, касаясь его, и разлетались на куски, которые становились частью твердых частиц, несомых потоками воздуха на сумасшедшей скорости.

Юрика выдохнула густые клубы пара и посмотрела на ледяную стену, за которой находился враг. Потом вверх, на высокий купол зала.

— Я доберусь до него! — она с трудом перекричала оглушительный вой ветра. — Оставьте мне проход под потолком!

— Нет! — прокричала в ответ Виктория. — Опасно! Я укрою нас!

Юрика в непонимании посмотрела на племянницу, на слабеющий вихрь — и приготовилась прыгнуть вверх. Ранмаро понял, что она собралась допрыгнуть до потолка и по нему добраться до Шепчущего, спрыгнув ему на голову. Когти, отросшие на ее пальцах, вполне могли позволить такой маневр.

Только это было слишком безрассудно.

Пытаясь опередить Юрику, Виктория, вложив все свои силы в единственный импульс, в одно мгновение возвела вокруг них непроницаемый ледяной купол, ошестинившийся наружу лезвиями и шипами. Вот только внучки Кенсэя под ним, рядом с ними уже не было. Она успела раньше — Ранмаро даже не успел заметить, как она исчезла, отскочив от пола, словно тугой резиновый мячик. Пару мгновений они осознавали, что произошло. А потом Виктория закричала, закрыла глаза, и напряженными руками с хищно изогнутыми пальцами разорвала пространство перед собой. И вместе с этим жестом ледяные стены вокруг них раскололись на куски, повисли в воздухе — и их подхватил новый воздушный вихрь, разгоняя их вокруг них со все более нарастающей скоростью. Ранмаро добавил в него свою мистическую энергию, и ледяные глыбы завертелись сильнее, вместе с расширяющимся во все стороны вихрем, перемалывающим и измельчающим щупальца. И увидел Юрику, схваченную в воздухе Шепчущим, прямо у него над головой. Лапы призрачной рыси рвали их, девушка отрывала их от своего тела, неотвратимо приближаясь к врагу — о оказалась

схватчена его длинной тонкой рукой. Лапа рыси ударила по его балахону, разрывая его на широкие ленты, и Шепчущий покачнулся, а потом отбросил Юрику от себя — как-будто в панике. Словно схватил ядовитую змею.

Вокруг Виктории и Ранмаро уже бушевал настоящий ледяной шторм. Щупалец становилось все меньше, мистическая стихия освобождала от них пространство, а когда дочь Валерии покачнулась и вихрь ослаб, парень успел подставить ей плечо, и Шепчущий, уже воспрянувший было при виде ее слабости, был попросту отброшен назад новым могучим импульсом, который девушка вложила в новую атаку — и весь лед, вся буря обрушились на него одним единым валом. Разрушительной волной.

Существо в балахоне защитилось живой броней из щупалец, но его проволокло по полу и ударило об стену. И прежде чем он успел контратаковать, Юрика одним рывком оказалась рядом, и начала рвать его извивающийся доспех алыми когтями призрачной рыси. Взмах, удар, еще удар, ужасающий рев духа из иного мира — и защита Шепчущего оказалась пробита, и острый коготь сорвал с его головы капюшон. Они увидели иссохший, покрытый серой кожей череп мумии с черными провалами на месте глаза, ввалившиеся щеки, оскаленный рот с острыми желтыми зубами. И услышали его вой. Звук, лишенный каких бы то ни было эмоций, пробудивший в душе настолько глубинный ужас, что их парализовало, оглушило и ослепило непроницаемой тьмой.

Ранмаро обнаружил себя одиноким, дезориентированным и совершенно беспомощным. Ему захотелось упасть на колени и закрыться, отгородиться от окружающей реальности руками, получить хоть какую-то защиту от злого и темного вокруг. И только мысль, что тоже самое переживают сейчас сестры, дала силы сопротивляться подавляющей разум атаке Шепчущего, пробудила гнев и ярость, которые он направил в окружившую его тьму. И он вновь ощутил меч в руке.

А потом тьму Шепчущего просто разметало: Юрика использовала тот самый прием, который показывал им Кенсэй — взрыв мистической энергии. Вместе с тьмой испарилась и его мистическая энергия, и энергия Виктории, но они мгновенно восполнили ее у Врат. И уже втроем, одновременно, набросились на ошеломленного врага.

Юрика ударила, и призрачная кошачья лапа — продолжение ее собственной руки — вскрыла грудную клетку врага, оторвав ребра и обнажив скрывавшуюся за ними черную пустоту. Удар меча Ранмаро отсек его правую руку почти у самого плеча. Клинок Виктории рассек его иссохшее лицо, расколов на две неравные части. Всего миг отделял Шепчущего от полного уничтожения, но именно в этот миг за его спиной в стене возникли сразу две круглые зубастые пасти, из которых одна за другой стали выпрыгивать безглазые твари, а на потолке раскрылись в неровном порядке огромные красные глаза. Испытывая угнетающее мистическую энергию давление, отбиваясь от пришедших на помощь врагу чудовищ, Юрика, Ранмаро и Виктория отступили, стали спина к спине — и оказались лицом к лицу со всеми тремя Шепчущими, которые объединили против них свои усилия. Уже израненный ими противник спешно отрачивал новые щупальца, другой стоял под висевшей в воздухе аркой из сросшихся клыков, за которой клубилась тьма, из которой выходили новые и новые безглазые существа; на темном балахоне третьего словно цветы, раскрывались красные глаза, взгляд которых словно просвечивал их насквозь, пытаясь парализовать, прочесть, загипнотизировать. Этот третий был единственным, кто не пытался атаковать их непосредственно, но теперь, когда все трое Шепчущих оказались перед ними, стало ясно,

что они являются частями одного целого и действуют, как единый организм. Глаза, Щупальца и Пасти. И детям Ришари стало не по себе от того, когда они осознали, что перед ними нет ни Сердца, ни Мозга. Они сражались лишь с инструментами того, кто скрывался от них в другом измерении.

Ледяной вихрь Виктории на несколько секунд обеспечил им защиту от тварей и щупалец, и девушка почувствовала, как же тяжело использовать мистическую энергию, когда на нее смотрят эти красные глаза. Она стояла лицом к Шепчущему, который смотрел на нее ими. Ранмаро следил за перемещениями управляющего пастьми и тварями. Юрика ждала удобного момента, чтобы добить раненого повелителя щупалец.

— Или мы убьем их, или они убьют нас, — произнесла Виктория.

— Нужно нападать, — подтвердил Ранмаро.

— Мой уже ранен, — Юрика назвала «своим» хозяина щупалец. — Быстро добыю его и не дам вас убить остальным двум.

— Не будь такой самоуверенной, — ответила на дерзкое предположение Виктория. — Глазастик не выглядит таким уже сильным, я справлюсь с ним быстрее, чем ты со своим.

— Девочки, не... — Ранмаро спиной почувствовал, что эту фразу ему лучше не заканчивать. — На счет три. Раз, два...

Юрика прыгнула на счет «два». Призрачное пламя вокруг нее стало ярче и плотнее, и алой молнией она проскочила сквозь ледяной вихрь племянницы, словно и не заметив его. Мгновением позже Виктория разделила его на две части, направив одну на хозяина глаз, а второй окружив себя, чтобы защититься от набросившихся на нее со всех сторон безглазых тварей. Ранмаро воздушным тараном пробил себе дорогу к их повелителю.

Юрика оказалась первой, и ее кулак, усиленный энергией алой рыси, проломил остатки груди ее Шепчущего и раздробил его позвоночник.

Время остановилось.

Виктория замерла в шаге от своего противника, готовая опустить меч на его голову. Ранмаро застыл в двух шагах от своего. Все трое продолжали осознавать происходящее с прежней сумасшедшей скоростью, но просто не могли пошевелиться. И реальность вокруг них так же не двигалась. Твари, щупальца, пасти, глаза, Шепчущие, потоки мистической энергии — остановилось все. И пространство начало течь и меняться. Стены, пол, своды замка пошли рябью, искажаясь и меняясь в форме и цвете. Геометрически правильные линии и ровные поверхности становились чем-то уродливо-органическим, словно зал превращался во внутренности некоего неведомого существа. Чудовища. И вокруг каждого Шепчущего он менялся специфическим образом. Повелитель щупалец оказался в центре огромной сферы из переплетенных отростков всех цветов радуги, которые поддерживали его в пространстве, оплетая, сплетаясь с его телом и прорастая наружу; обладатель красных глаз завис в центре буро-черной сферы, стены которой были покрыты сотнями красных глазных яблок с тьмой на месте зрачка; повелитель пастей и тварей находился в сердце чудовищного образования, напоминавшего по структуре соты, только ячейками в них служили те самые пасти. И какое-то время все три измененных пространства сосуществовали вместе, а потом — разделились, изолировались друг от друга. И разделили Юрику, Ранмаро и Викторию.

Разлученная с братом и племянницей, оставшаяся один на один с Шепчущим, неведомо

где, посреди переплетения щупалец, которые в крошечной тьме стали единственным источником освещения, излучая мягкий лиловый свет, Юрика испытала одновременно ужас, отчаяние, одиночество и отвращение. Но только на доли секунды — потом у нее просто не было времени, балансируя и перескакивая с одного щупальца на другое, которые так и норовили схватить ее, оплести руки и ноги, туловище, шею... Она бегала и прыгала по внутренней поверхности сферы, в замешательстве осознавая, что сила тяжести продолжает действовать на нее так, словно она перемещается по горизонтальной плоскости, и Шепчущий неизменно оставался висеть у нее над головой. А когда стало ясно, что всей ее ловкости и скорости не хватит, чтобы ускользнуть от всех щупалец, Ирисса, которая исчезла сразу после возникновения этого кошмарного пространства, снова вернулась к ней, и ее когти разорвали самые гибкие и быстрые отростки. И цепляться за них теперь стало намного легче.

Шепчущий висел в воздухе высоко над ее головой, и она направилась к ближайшему пучку жгутов, поддерживающих его. Ловко запрыгнула на него и начала карабкаться к противнику, уворачиваясь и разрывая тянущиеся к ней щупальца. И вполне успешно преодолела половину пути, когда внезапно ожило сплетение лиловых канатов у нее перед носом, свернулось петлей и сбросило ее вниз, на поверхность сферы. Юрика упала на живую сеть, вцепившись в нее руками, и всмотревшись в пространство за ее пределами, не увидела ничего, кроме абсолютной, всепоглощающей тьмы.

Воспользовавшись этой заминкой, щупальца оплели ее руки и ноги, и она с грозным рыком сорвала их с себя, и снова посмотрела на Шепчущего. Ей нужно быть еще быстрее, чтобы добраться до него.

«Ирисса! — она мысленно обратилась к алой рыси, смотревшей сейчас на Шепчущего ее глазами. — Мне нужно больше силы!»

«Неуклюжая кза'си! — прорычала в ответ Ирисса. — Не могу отдать больше!»

«Может, ты просто плохо стараешься?»

«Хочу разорвать все щупальца и странного шикчизо!»

«Я чувствую, как ты хочешь, но для того, чтобы у тебя получилось, нужно стараться больше!»

«Неуклюжая кза'си! Отдай свое тело! Я справлюсь лучше!»

«Знаешь, вот сейчас я бы тебе точно отдала свое тело, но что-то подсказывает мне, что и это не поможет...»

Вновь и вновь щупальца тянулись к ней со всех сторон, и Шепчущий безмолвно наблюдал за ней сверху, неподвижный и равнодушный. Юрика чувствовала бессильную ярость, но ничего не могла поделать, ей не хватало скорости и силы прыжков. Здесь все было против нее, и не было твердой и стабильной опоры под ногами. И она боялась использовать здесь мистический взрыв. Просто не знала, что произойдет.

Но когда почувствовала, что энергия Ириссы становится слабее, поняла, что выбора нет. И сделав глубокий вдох, сжав в одну точку не только свою мистическую энергию, но и энергию алой рыси, она взорвала ее — и сама испугалась результата.

Сферическую сеть из лиловых щупалец разорвало на куски, Шепчущего отбросило ударной волной, а сама она, лишившись всякой опоры, начала падать в бесконечную тьму. Автоматически представила Врата Сердца Мира, чтобы мысленно коснуться их и восполнить мистическую энергию — и не успела испугаться, поняв, что у нее не получилось. Мысленный образ железных врат не обрел плотность перед ее мысленным взглядом, и энергия не вернулась к ней. Вместо этого пару секунд спустя металл со всей

силы ударил по ее подошвам и ладоням, и она приложилась лбом о железную створку, вскрикнула и покатила по испещренной письменами поверхности. Приземление получилось жестким и болезненным, но Юрика быстро пришла в себя и встала на ноги. Осмотрелась и поняла, что стоит на Железных Вратах Сердца Мира. И почувствовала, как восстанавливается ее мистическая энергия.

— Офигеть... Это как?

Шепчущий над ее головой пришел в себя, и быстро восстанавливал сферическую паутину щупалец. На этот раз она была больше, ему пришлось увеличить размер, чтобы заключить в ловушку и огромные железные врата — которые висели в пространстве без признаков какой-либо опоры.

— Нагрута переместил тебя в Абстрактную Область, — раздался у нее за спиной знакомый мелодичный механический голос.

— Кукушка! — радостно воскликнула Юрика, и обернулась. Ее персональная Наблюдательница стояла перед ней, холодная и невозмутимая, как и прежде.

— Абстрактная Область Нагрута искажена и отделена от основного пространства Абстрактной Области, — продолжила объяснение Кукушка — обстоятельства ее не волновали, — но обратившись к Вратам Сердца Мира, ты смогла соединить ее основной Абстрактной Областью, и теперь можешь видеть меня.

А потом тихо добавила:

— Я переживала.

Юрика улыбнулась — и увидела, как к ним тянутся разом сотни лиловых щупалец. Но в паре метров от Кукушки вспыхнул серебристый барьер, и их оттолкнуло обратно. Но атаку это не остановило, Шепчущий продолжал давить на защитную сферу Наблюдательницы, и девушка в панике заметила, что безопасное пространство начало уменьшаться.

— Я не смогу защищать тебя слишком долго, — произнесла Кукушка. — Ты должна победить Нагрута, иначе твои тело и разум окажутся в его власти. И я вместе с тобой. Спаси нас. Воспользуйся своей мистической способностью. Обратись к силе своих предков. Они все здесь, — она вытянула руку, и вокруг Юрики вспыхнули десятки белых искр, в которых были заключены целые жизни — знания и силы ее родителей, дедушек и бабушек... И всех, кто был до них.

Две искры, самые ближние, сами направились к ней, и внезапно слились в одну прямо перед глазами Юрики. Вспыхнули ярко, ослепив ее на мгновение. За которым пришло осознание, что она увидела совместное прошлое ее матери и отца. Ришари и Акаямы Кеншина.

17 лет назад, леса Яд-Лвери.

Кеншин внимательно вслушивался в пространство, пытаясь выделить из бесчисленного множества звуков субтропического леса голоса своих преследователей. Он не ожидал, что его так скоро обнаружат в этой самой малонаселенной области на востоке Судо — недооценил способности коренных обитателей. Среди местных цвенгов и арга оказалось немало искусных охотников и могущественных шаманов, и не прошло и пары дней, как по его следу отправили целый отряд воинов, которые, по всей видимости, знали, что он из себя

представляет. Отец предупреждал его, что отправляться на Юг в одиночку — плохая идея, но он и подумать не мог, что проблемы начнутся буквально с порога.

Стоя на ветке колоссального драконового дерева, крона которого на добрые тридцать метров возвышалась над всем остальным лесом, имея при этом метров двести в поперечнике, он всматривался в зеленые заросли внизу, и чувствовал, что его преследователи неподалеку. Серо-зеленый маскировочный халат должен был делать Кеншина незаметным для чужих глаз в этих зеленых зарослях, и он постарался скрыть свой запах, но собственные габариты спрятать было намного сложнее. Слишком высокий и массивный... Ему было сложно не оставлять следов на земле и стелющихся по ней длинных корнях, покрытых непрочной корой и мхом, не ломать случайно тонкие хрупкие ветви. Пусть его матерью и была сама Глория, но ее способностей по обращению с растительностью у него не было, и приходилось мириться с тем фактом, что в окружении флоры он такой же обычный человек, как и все остальные.

Так и не сумев ничего обнаружить, Кеншин начал быстрый спуск вниз. Уверенно цепляясь пальцами за трещины в коре, он уверенно скользил по необъятному стволу, стараясь как можно быстрее оказаться в густых зеленых зарослях. Его путь лежал на запад, к густонаселенным городам континента, в которых он собирался выяснить как можно больше о «Стае» и ее основательнице, кровавой Богине Юга — Ришари. Год назад она убила его старших товарищей, бывших Стражей Неба — Кристиана, Регулуса и Дана, и он собирался узнать, почему и за что. И отомстить.

Стрела с длинным костяным наконечником выпорхнула из зеленых зарослей сразу, как только он спрыгнул со ствола на пружинистый дерн и повернулся к дереву спиной. Кеншин даже успел рассмотреть на черное пятно яда на игольном острии — перед тем, как качнул головой в бок, и стрела, вместо того, чтобы вонзиться в его глаз, только сдернула с головы капюшон, открывая глазам невидимого врага длинные ярко-красные волосы сына Акаямы Хоодо. Вторую стрелу он схватил на лету, сломал пальцами — и прыгнул вперед, в сторону лесного снайпера. Краем глаза заметил движение, и едва успел подставить руку под удар серповидного бронзового клинка, который обрушил на него еще один притаившийся враг. Им оказался представитель редкой разновидности арга — змеечеловек, покрытый чешуей и костяными наростами. Его желтые змеиные глаза раскрылись в немом изумлении, когда он понял, что бритвенно острое лезвие оставило на коже Кеншина только слабую царапину, и только и успел, что закрыться от ответного удара. Но это не помогло змеечеловеку — кулак Акаяма сломал его руку и вдавил ее осколки в грудь, сокрушая и дробя кости.

Парой секунд спустя он добрался до позиции стрелка, который сумел отправить в него стрелы сквозь слабый просвет в переплетении ветвей, но поймать сразу не смог — низкорослый цвенг выдохнул ему в лицо облако ядовитой пыльцы, попавшей в нос и глаза. Кеншин зажмурился, поспешно выдохнул отраву, и вслепую ударил рукой наотмашь. По врагу не попал, но дерево, на котором тот занял позицию для стрельбы, свалило, надломив у самого корня.

Кое-как протерев глаза от жгучей пыльцы, Акаяма рассмотрел не успевшего уйти достаточно далеко цвенга, и догнал его одним прыжком, ломая позвоночник ударом ноги.

Если рядом и были другие враги, выдавать свое присутствие после произошедшего они явно не торопились. Вероятно, ждали, когда подействует яд. Но тело Кеншина, рожденного ярмирой, было иммунно к ядам, вирусам и бактериям, так что ждать им придется очень долго.

Цвенг со сломанным позвоночником был еще жив, и загребая дерн пальцами, пытался отползти от Кеншина. Парень удержал себя от того, чтобы добить противника, из милосердия, еще раз осмотрелся вокруг, и со злостью крикнул:

— Что, бросите товарища в таком состоянии?! — и широко оскалился, выражая все свое презрение трусостью невидимого врага.

Провокация оказалась успешной, и из зарослей вышел еще один змеечеловек, огромный, с длинными когтистыми лапами. А следом за ним уже обычный арга, с золотистой шерстью и яркими желтыми глазами. Кеншин ощутил в них мощную мистическую энергию, встретился с ними взглядом — и почувствовал, как тело наливается свинцовой тяжестью, а мышцы каменеют, становятся холодными и непослушными. Змеечеловек, заметив, что взгляд его товарища подействовал на противника, внезапно сорвался с места и направился к Кеншину длинными прыжками, на ходу увеличиваясь в размерах. До этого момента Акаяма только слышал о подобной способности, превращающей мистическую энергию в массу, и даже удивился, когда через пару секунд перед ним остановился уже настоящий гигант четырех метров ростом. Схватил его своей длинной лапой и оторвал от земли, сжимая пальцы на горле.

Кеншин захрипел, чувствуя, как темнеет в глазах, и отчаянно заболтал ногами. Пару раз пнул противника по ребрам, но из-за ослабляющего взгляда арга удары получились недостаточно сильными. И змеечеловек со всей силы ударил им об землю, выбивая дух. Потом еще раз. И еще.

Сцепив зубы, Кеншин держался. И сильно разозлился. Сердце забило с невероятной силой, кровь ударила в голову — и преодолевая самого себя, он сжал сжимающие его пальцы, до хруста вражеских костей. Змеечеловек зашипел от боли и выпустил его, потрясая поврежденной кистью.

Почувствовав под ногами твердую землю, Акаяма сделал глубокий вдох и резко прыгнул вверх, вонзая кулак в подбородок змеечеловека. Противника подбросило, раздался отчетливый хруст шейных позвонков — и на землю рухнуло уже мертвое тело.

Арга с золотистыми глазами в страхе попятился. Кеншин, глубоко дыша, медленно направился в его сторону, не отводя взгляд в сторону от его глаз. Их мистическая способность на него больше не действовала.

Внезапно между ними из земли выросли глубокие черные тени, принявшие форму огромных пауков и скорпионов. И всем скопом набросились на Кеншина. Парень успел рассмотреть за спиной арга, в зеленых зарослях, силуэт темнокожего карлика с испуганным, но очень решительным лицом, и понимая, что просто не представляет, сколько еще вокруг него обладателей опасных мистических способностей, решил, что самое время разобраться со всеми ними одним ударом. Ударом, которому его с особой настойчивостью обучал отец.

Сжав всю свою мистическую энергию в одну точку, он выпустил все наружу, взорвал, рассеяв получившейся невидимой, неосязаемой для обычных людей ударной волной энергию всех возможных противников в радиусе километра. И черные твари немедленно рассеялись, а из желтых глаз отступающего арга исчезло мистическое сияние. Теперь все они были против него беспомощны и безоружны.

— Ну что же... Бегите, — широко улыбнулся им всем Кеншин. И прыгнул вперед.

Сломав арга руку и ребра, он отшвырнул его в сторону, и направился к карлику-цвенгу.

Мир осветила яркая вспышка света, спину обожгло жаром, громовой раскат оглушил и

дезориентировал. Кеншин споткнулся, с трудом удержал равновесие, поспешно обернулся — и встретился взглядом с самой прекрасной из всех виденных им женщин. Яркие фиолетовые глаза, чистейшая белая кожа, безупречные черты лица, длинные белоснежные волосы, изумительные формы и пропорции тела... Он сразу узнал ее. И понял, что картинам и фотографиям ни за что и никогда не передать ее подлинной красоты. Этого нечеловеческого, неземного очарования. Ее завораживающей и смертоносной грации.

— Ришари, — только и сумел произнести он, оказавшись лицом к лицу с Богиней Юга.

— Ришари, — подтвердила она тихим мелодичным голосом. — А кто ты, здоровяк?

Кеншин всего-лишь моргнул — и обнаружил ее совсем рядом. И обнаженное лезвие ее меча, приставленное к его горлу.

— Акаяма Кеншин, — ответил он, чувствуя холодное прикосновение стали к своей коже.

— Знаменитый сын Кенсэя? — едва заметно улыбнулась Ришари, надавливая мечом чуть сильнее. Ее удивительные фиолетовые глаза сверкнули, когда она поняла, что лезвие не смогло оцарапать его кожу. — И что же привело тебя в мои владения?

— Правосудие, — твердо заявил парень. И схватил клинок широкой ладонью.

— Ты хотел сказать — месть, — с усмешкой ответила Богиня Юга.

Пальцы Кеншина ударило током, но он успел отдернуть кисть раньше, чем ее рассекло острым лезвием. И он резко отпрыгнул назад, выходя из зоны прямой досягаемости меча.

— Ты убила моих друзей, — Акаяма убедился, что с ней ему нужно быть начеку. Отец и Валерия были правы, предупреждая его, что Ришари невероятно опасна.

— И тебя убью, — пожала плечами девушка, и с молниеносной скоростью сделала шаг вперед, намереваясь рассечь мечом его горло. Кеншин встретил его, предельно укрепив тело мистической энергией, и сталь только оставила на коже легкую царапину. А затем ответил мистическим взрывом, выжигая энергию Сердца Мира на многие метры вокруг. Теперь ему нужно было лишь мгновенно восполнить запас мистической энергии у Врат и ответить Ришари одним сокрушительным ударом.

Но она оказалась быстрее. Ей была известна особенность этого приема, и слабо изогнутый меч вонзился в его грудь. Не отступи он вовремя назад, и клинок добрался бы до его сердца.

Рана получилась глубокой, но не смертельной, и вновь сконцентрировав всю энергию в одной точке, Кеншин позволил ей разрастись, заполнить его тело изнутри, напитать светом Сердца Мира каждую клетку своего тела. И стал неизмеримо сильнее, быстрее и прочнее. Теперь его тело полностью повиновалось разуму — сердце и остальные внутренние органы, мышцы, кровеносные сосуды, нервы... Он запретил крови литься из раны, и она повиновалась. Запретил телу чувствовать боль — и оно послушалось. И атаковал Ришари, намереваясь сломать ее кости одним ударом.

Но она по прежнему была быстрее. Словно молния, она двигалась, ускользая от его ударов, и била в ответ, сталью и электрическими разрядами — и не нанося ему вреда. Меч скользил по коже, рассекая только ткань одежды, молнии оставляли на ней обугленные пятна. Взвинтив скорость и реакцию до предела, Кеншин смог поймать длинные волосы Ришари, но она отсекла их, оставив в его ладони только короткую серебряную прядь. И увидев их в его руке, она разъярилась так сильно, что последовавший удар ноги в солнечное сплетение парня отбросил его назад, а пронзивший его электрический разряд, прошедший по

месту соприкосновения двух тел, добрался до мозга, заставив сотрястись все тело. Мгновенное замешательство — и Ришари воспользовалась им, рассекла клинком его грудь, кожу и мышцы, наискось. Но не ребра.

Кеншин закричал. Вложил всю силу в яростный рев, и Богиню Юга отбросило назад звуковой и ударной волной, сорвавшей всю листву и мелкие ветви с окрестных деревьев. Пара не очень прочных стволов не выдержали и с тяжелым треском и грохотом рухнули на землю.

Воспользовавшись заминкой, Акайма вновь коснулся враг, но на этот раз это было не просто зачерпывание очередной порции мистической энергии. Нет, он всем своим весом надавил на железные створки, и они поддались, приоткрылись едва-едва. И в тело Кеншина хлынул мощнейший, неиссякаемый поток яркого плотного света, который испепелил бы любого осмелившегося повторить это действие — как когда-то давно испепелил девушку по имени Винсента, которой его отец по глупости раскрыл этот секрет. Она исчезла в ярчайшей вспышке мистического взрыва, уничтожившего вместе с ней все, что находилось вокруг, едва не убив Гвардейца по имени Дженаси.

Она была не готова. Ее тело не было правильным сосудом для бесконечной энергии Сердца Мира. А он — был. И сжав весь этот безумный океан силы в одну точку, выпустил ее из своей ладони узким направленным лучом. В Ришари.

Она увернулась. Две молнии ударили с небес, одна в тело Богини Юга, а вторая — в десяти шагах правее, перенося ее тело прочь от концентрированного, сфокусированного выброса мистической энергии. И белый луч пронзил пустоту там, где только что была Ришари. И выжег лес позади этого места, образовав бесконечный тоннель в стене деревьев, с обугленными краями — дымящуюся просеку. Пепелище.

— Вандал! — возмущенно закричала Ришари, с яростью рассматривая километровую полосу уничтоженного леса. — Мерзавец! Живодер! Ты хоть представляешь, сколько невинных животных сейчас погубил? Это заповедная зона, я приказала рубить руки браконьерам, пойманым в этих землях! А ты... Убью.

— Прости! Я не подумал... — Кеншин и сам внезапно осознал, чем обернулась для этого леса его необдуманная атака. И испытал острый приступ раскаяния. Он забыл о том, что от его действий могут пострадать не вовлеченные в этот конфликт живые существа. Забыл, чему его учили родители и Ранфарг Белгорро.

Острие клинка Ришари замерло в сантиметре от его глаза. Он даже не смог уследить за этой атакой, растерявший всю свою боевую сосредоточенность. Его застали врасплох. Но, видимо, искреннее раскаяние в его глазах заставило Богиню Юга остановить этот удар.

— Тебе и правда жаль? — с сомнением спросила она. — Такому мордовороту, как ты... и правда жаль? Всех убитых тобой птиц, зверей, насекомых? Очень редких насекомых, хочу заметить. Цивилизация еще не добралась до этих мест. А сколько здесь удивительных цветов... Которые ты сейчас совершенно бездумно сжег.

— Мне жаль... Я не хотел... Я не знаю, как загладить свою вину.

Ришари тяжело вздохнула. А потом крикнула:

— Римпо Лу!

Кеншин с изумлением услышал шелест листвы за своей спиной, и когда обернулся, увидел того самого карлика-цвенга, который натравил на него огромных насекомых. Оказывается, все это время он прятался неподалеку, не испугавшись сражения воинов такого уровня.

Ждал возможности застать его врасплох.

По спине Кеншина пробежал холодок. Если бы он смог победить Ришари, то обязательно бы расслабился — и получил удар в эту самую спину.

— Ца, хоспоца, — цвенг почтительно опустил перед девушкой на одно колено.

— Этот человек нанес огромный ущерб нашему лесу — и желает загладить свою вину. Поэтому он будет год служить под твоим началом, защищая Яд-Лвери и оберегая эти леса, — она перевела взгляд на Кеншина. — А когда этот срок подойдет к концу, я позволю ему вновь сразиться со мной. Он ведь жаждет отомстить мне. Не так ли, Акаяма Кеншин?

— Я еще ни на что не согласился, — поспешно ответил он.

— Ты согласен, — ответила она не терпящим возражения тоном. И исчезла в яркой вспышке молнии. Без следа.

— Что за женщина... — только и смог покачать головой Кеншин. Повернулся к Римпо Лу.

— Цогласен? — вежливо поинтересовался у него карлик.

— Согласен, — со вздохом ответил он.

Это была отличная возможность узнать больше о Судо и Ришари. И понять, что необходимо для того, чтобы не проиграть ей в их следующую встречу.

Юрика судорожно вздохнула, всхлипнула и упала на колени. Воспоминание о прошлом родителей рассеялось перед ее мысленным взглядом, но чувства и ощущения остались — несокрушимая сила отца и яростная стремительность матери, и ее собственные боль, печаль и радость. Теперь она знала, как они встретились, где, почему, что их связало... Теперь она помнила лицо и фигуру своего отца. Красивый, сильный, отважный, добрый — о большем она не могла даже мечтать. Сейчас у нее не было ни времени, ни сил смотреть, что произойдет с ним дальше, тем более зная, что где-то там впереди, в этих воспоминаниях, он умрет. Она понятия не имела, как вообще сможет увидеть и пережить момент его смерти. Сейчас она видела его живым, и этого ей было достаточно.

Но в этих искрах была не только память. В них была сила. Их сила.

Юрика медленно поднялась на ноги, чувствуя, как в мышцах возникает совсем новое, иное ощущение. Это было не то ощущение могущества, которое давала накопленная и сконцентрированная мистическая энергия, и не сметающая все и вся ярость Ириссы — девушка внезапно осознала, что стала такой же сильной, как отец. Достаточной сильной, чтобы сломать дерево небрежным взмахом руки. Неудержимая, плещущая через край сила в каждой клетке тела. А еще — необыкновенные радость и воодушевление. Все темное и холодное, что было в ней, ушло: страх, раздражение, негодование, обида — все чувства, которые делали ее слабой, испарились.

Но это было еще не все. Она коснулась двух искр памяти.

Она видела, как сражается ее мать.

Зеленые искры сверкнули и затрещали между ее пальцев, Юрика ощутила бег крошечных молний на своей коже. Затрещали и встали дыбом волосы. Она в замешательстве открыла рот, и электрические разряды проскочили между разомкнутыми губами и зубами, соскользнули по языку под небом в гортань. Перед глазами ярко сверкнуло, и в голове стремительно прояснилось. Воодушевление и душевный подъем, пришедшие к ней вместе с

силой отца, сменились холодной и ясной сосредоточенностью. Предельной концентрацией.

Теперь она поняла, как думает, как мыслит ее мать. Невероятно быстро, невероятно четко. Мгновенно взвешивает все «за» и «против», мгновенно принимает решения. Без сомнений, без колебаний. Без страха. Есть только цель и средства ее достижения.

Живая молния.

— Кукушка, — Юрика медленно перевела взгляд на Наблюдательницу — она хотела бы думать, что из страха, что неосторожное движение переполненных силой мышц оторвет ей голову, но четкий и абсолютный контроль над телом не дал бы этому случиться. — Можешь убрать свой барьер.

Наблюдательница посмотрела на нее своими хрустальными глазами — и невидимая стена, сдерживающая щупальца Шепчущего, исчезла. И они обрушились на Юрику со всех сторон. Но стоило им коснуться ее, как их немедленно поразило сильнейшим ударом тока, и все они резко отдернулись назад. Юрика улыбнулась — и резко подалась вперед, схватила ближайший отросток и направила в него всю свою мистическую энергию, трансформированную в молнию. Щупальце вспыхнуло — и испарилось, но по оставшемуся от него облачку пара до Шепчущего добрался остаток заряда, которого оказалось более, чем достаточно. Его балахон ярко вспыхнул и сгорел, мгновенно, все щупальца обуглились и осыпались вниз. И сам он, нелепо взмахнув руками, полетел вниз. Упал на серебряные плиты Абстрактной Области.

Юрика подскочила к нему одним прыжком, наклонилась и сжала пальцы на лысом, обтянутом пергаментной кожей черепе. Заглянула в пустые глазницы, наполненные жидкой чернотой.

— Не тот мир, дружок, — и она с силой ударила черепом о твердую плиту, раздробив его на множество осколков. — Не тот мир.

Глава 84. Преемственность и изобретательность

Волчья Зима.

Падал снег. Белые пушистые хлопья уже третий день спускались с небес в плавном безмятежном танце, скрывая воздушным слоем вереницы следов пяти путников, среди которых только один выглядел как человек. Огромный черный медведь с ярко-синими глазами, не уступающие ему по размерам тигр и красный росомаха, золотой лис — и человек. Ичиро, Кристиан, Кеншин, Регулус и Дан. Старые друзья снова встретились в ином, странном — но точно не чужом для них мире. Трое бывших Стражей Неба, отец Юрики и сын женщины, меч которой оборвал жизнь первых четверых. Для того, чтобы они продолжили свое существование в звериных телах. В Волчьей Зиме.

Кристиан шел впереди. Его лисье чутье лучше всех остальных позволяло ему ориентироваться в этом изменчивом мире, где как дома могли себя чувствовать только старые и опытные г'ата. Ему было проще всего найти новую дорогу в Дом Верных, куда они решили отвести Ичиро, который во что бы то ни стало хотел вернуться обратно на Тейзою. Сам он пока не мог пересечь границу между мирами самостоятельно, ему не хватало знаний и опыта, а они не могли ему в этом помочь — родной мир был закрыт для них, как и многие другие. Они ведь были мертвы, и только Волчья Зима и похожие на нее пространства могли позволить их душам существовать в физической форме. Поэтому им был нужен либо г'ата, либо кто-то, обладающий такими же знаниями и возможностями. Например, предводительница Верных — Росомаха. Та, что указала путь потерявшим все Дану, Регулусу, Кристиану и Кеншину.

Путь получился неблизким. Снегопад менял пространство Волчьей Зимы, растянул в десятки раз знакомые и привычные расстояния, и вот уже не в первый раз им приходилось делать привал, чтобы восстановить силы. Кристиан помогал Ичиро собрать хворост для костра, и сын Ришари с помощью пары кусков древесины, силы и упорства разжигал огонь, вокруг которого они могли согреться и отдохнуть. Дан легко добывал из-под снега съедобные ягоды, грибы и корни, пару раз им повезло найти в дуплах мед. Охотиться было не на кого — только рожденные в Волчьей Зиме хищники могли спокойно есть местных травоядных. Регулус первый объяснил Ичиро, что никакие инстинкты плотоядного зверя не позволят ему съесть говорящего кролика или оленя. Практически все обитатели Волчьей Зимы были разумными. Впрочем, такая вегетарианская диета совсем не сказывалась на силе и здоровье Верных. В этом пространстве действовали свои законы, и они еще не слышали, чтобы здесь хоть кто-то умер от голода. Для них же этот мир и вовсе был загробным.

Чистилище.

Расчистив для себя от снега место рядом с костром, Кристиан задумчиво смотрел на веселую пляску языков огня, и удовольствием ощущал, как жар пламени прогревает его золотой мех. Он уже давно свыкся с шерстью, лапами и хвостом, длинным и пушистым, едва ли не размером с туловище, и со звериными повадками, и уже плохо помнил, каково это — быть человеком и делать что-то руками. Хотя на задних лапах он иногда ходил — просто из ностальгии... И он давно понял, что любит смотреть на огонь совсем не потому, что был когда-то человеком — он и когда был человеком редко-то имел с ним дело. Нет, огонь завораживал его сам по себе, как дарящая тепло и безопасность стихия — когда находился

под контролем. Пляска жаркого света в ночи, правильным кругом очерчивающая во тьме островки совсем иного мира, уютного и безопасного. На нее можно было смотреть долго, едва ли не вечно, отрешившись от всего, что происходит вокруг. И Кристиан смотрел. И не заметил, как уснул — под треск дров, шипение падающего в пламя снега и завывание ветра над головой.

Ему снился сын. Ранмаро. Он сражался с существом в длинном бесформенном балахоне, в центре клетки из костей и клыков, раскрытых пастей, из которых на парня со всех сторон прыгали десятки лиловых безглазых тварей с щупальцами на месте рта. Ранмаро отбивался от них мечом, так похожим на меч Валерии, и с той же свойственной ей манерой работы с клинком. На сердце Кристиана потеплело — сестра хорошо обучила племянника, он узнавал в точных ударах сына ее собственные наработки и открытия, к которым она пришла самостоятельно, после десятилетий сражений и поединков. Валерия всю жизнь стремилась к тому, чтобы достичь вершин искусства их отца, который так и не смог завершить их обучение. Собственно, он его не успел толком и начать... Они были слишком малы, когда он погиб.

Наблюдая за сражающимся Ранмаро, Кристиан внезапно понял, что сын сейчас больше всего напоминает не сестру, а именно отца. Его деда. Валериан Лэйт был бы горд внуком.

Но что-то не так. Бой не был равным. Враг в балахоне висел в пространстве высоко над головой его сына, а Ранмаро, прыгая и балансируя на острых клыках распахнутых пастей, ускользал и отбивался от атак множества тварей, а не преследовал их. Он был западне и сражался на пределе своих возможностей; сколько бы он не убивал, меньше его противников не становилось.

Кристиан смотрел на происходящее со стороны, из окружавшей клетку из клыков тьмы. Висел в ней, опираясь лапами на пустоту, невидимый, несуществующий ветер ворошил его золотую шерсть и заставлял парусом раздуваться огромный лисий хвост. Это был сон — и одновременно не сон, и яркой вспышкой пришло осознание: он в Абстрактной Области, и смертельная схватка Ранмаро ему не снится. Это — реальность.

Он не раздумывал долго. Не сомневался, не колебался. Просто прыгнул вперед, сквозь костяную ячейку клетки, которая запоздало схлопнулась, выдернув шерстинку из его роскошного хвоста. И оказался рядом с сыном, хватая длинной узкой пастью туловище ближайшей безглазой твари. Челюсти сомкнулись, дробя ребра и позвоночник, Кристиан почувствовал мерзкий вкус ее крови — и резко мотнув головой, швырнул труп в самое плотное скопление врагов. Потом ударил лапой, рассекая когтями брюхо другой твари, и мощным ударом хвоста отшвырнул от сына всех остальных, свернулся вокруг него кольцом из золотого меха, когтей и клыков — и посмотрел вверх, на предводителя этих исчадий. Под темным балахоном он увидел только обтянутый кожей череп с плещущейся жидкой тьмой в глазница — и яростно зарычал.

Ранмаро был сбит с толку внезапной поддержкой, но успел предусмотрительно опустить клинок, чтобы не ранить случайно союзника — Кристиан не тешил себя надеждой, что сын сможет узнать его в лисьем облике. А он, как назло, не мог вымолвить здесь ни слова. Или не хотел? Боялся? Размышлять об этом не было времени. И он просто ласково потерся головой и плечом о бок Ранмаро, передавая ему бесконечное чувство отцовской любви и поддержки, и свет, который веками направлял Дом Лэйт и позволял им самим направлять и вести других... Мысленно пожелал ему быть таким же сильным, как его дед

Валериан, ясно вспомнив блистательный образ отца. Желал передать ему всю силу их Дома, ясно ощущая, что сам никогда не был достойным ее в полной мере... Но ощущал себя достойным быть ее проводником. Передать потомкам. Да, он уже стал отцом Ранмаро, но теперь понимал, что одного этого было мало. Необходимо было передать ему дух Дома Лэйт, его чистую силу, не омраченную гневом и жаждой мести, которые ослабили сердце и душу Валерии после смерти их родителей — и его собственной смерти. И здесь, в Абстрактной Области, в облике золотого лиса, Кристиан попытался это сделать — и надеялся, что у него получилось. А потом, встретившись взглядом с сыном, резко прыгнул вверх, к существу в балахоне, распахнув пасть в яростном оскале. И на лету отхватил ему костлявую руку по самое плечо.

Когтистая лапа зацепилась за ткань балахона, рассекла ее на ленточки, вырвав кусок плоти из левого бока врага — и Кристиан не смог остановить свой полет, ударившись о клыкастую решетку клетки и выломав ее своим мощным гибким телом. Острые клыки увязли в его плотной шерсти, не причинив вреда, но продолжая сжимать в пасти руку противника, он начал падать во тьму, удаляясь все дальше от места сражения. Все быстрее. И внезапно проснулся у костра рядом со своими друзьями. Резко встрепенулся, стряхивая снег со своей шерсти — и наконец выпустил из пасти откушенную руку. С тихим шлепком она упала в снег, конвульсивно дернулась и сжала костлявые пальцы в кулак.

«А где остальное? В одиночку схарчил? — осуждающе спросил у Кристиана Регулус, осторожно обнюхав добычу друга. — Какая-то она костлявая... И воняет... И человеческая».

«Принес то, что приснилось,» — огрызнулся Кристиан, встревоженно нарезав круг вокруг места их стоянки. Он должен был вернуться — и не мог.

«Ранмаро, прошу тебя... Выживи».

Ранмаро плохо понимал, что происходит. Сначала исчезли Юрика и Виктория, каменные стены круглого зала и холодный свет электрической люстры под расписанным высоким сводом — сменившись тьмой, в которой очертания предметов были видны так ясно, словно свет падал на них со всех сторон; на окружавших его клыках монструозной решетки, у Шепчущего и призванных им тварей не было теней — как и у него самого. Он даже не понимал, дышит ли на самом деле, потому что сам факт наличия здесь воздуха казался иллюзией, хотя его мистическая способность и работала, только он был уверен, что совсем не воздух сжимает и направляет в своих врагов. Потом из ниоткуда, когда Ранмаро начал отчаиваться, отбиваясь от стаи прислужников Шепчущего, выскочил огромный золотой лис с синими глазами, раскидал безглазых монстров и откусил самому Шепчущему руку, чтобы сразу же исчезнуть после этого. А потом почувствовал, что мистическая энергия в нем самом изменилась, и когда он в очередной раз обратился к ней, чтобы отбиться от очередной твари, меч, которым он рассек ее, вспыхнул слабым золотым светом. Как и сжимающая рукоять рука. И он сам, полностью. Кожа и одежда.

Нет, Ранмаро не стал сильнее, но теперь, после секундного прикосновения лиса, который потерялся мехом о его ногу перед тем, как исчезнуть, он понял, что его тело стало легче. И чем ярче становился исходящий от него свет, тем более невесомым парень себя чувствовал. И когда на него прыгнула очередная тварь, без труда отпрыгнул в сторону, приземлившись на острие длинного клыка — и не ощутил его пронзающего давления на

подошву. И он не только стал чувствовать себя легче перышка. Он больше не ощущал инерции. Остановка движения произошла мгновенно... Словно он стал скользящим по стене пятнышком лазерной указки.

Это было очень странное ощущение. А совершив новый прыжок, он и вовсе растерялся, потому что глаза перестали успевать за движениями его собственного тела. Не только он сам по себе мгновенно переместился на новое место, не потеряв при этом равновесия от неожиданности, но и положение и его рук и ног относительно тела менялось молниеносно. И положение меча.

Когда безглазая тварь оказалась прямо перед ним, он ударил его наискось, сверху вниз и справа налево — и страшно удивился, когда меч переместился из верхней позиции в нижнюю, не причинив противнику вреда. Сталь не рассекла плоть, она просто переместилась в пространстве из начальной точки в конечную. Монстр хотел было воспользоваться этой ситуацией и вонзить в Ранмаро когти, но парень мгновенно ушел из зоны досягаемости костлявой лапы на пару метров в сторону. И все понял.

В нем проснулся Рыцарь Света. Уникальная мистическая способность Великого Дома Лэйт. Валерия рассказывала ему о ней. О том, что она сделала его деда Валериана непобедимым в бою. И, соответственно, о принципах ее работы.

Для того, чтобы рубить врага, ему нужно было выйти из этого фантастического состояния невесомости и неинерционности, потому что в нем представлял собой своего рода мыслящую иллюзию. Фантом. И мог как угодно менять свое положение в пространстве. Со скоростью света. Не имея возможности применять силу к материальным объектам.

Неуловимый.

Правда, это состояние не делало его неуязвимым. Если что-то нарушало границы видимой фантомной оболочки тела обладателя Рыцаря Света, оно становилось материальным. И получало повреждение. Нож оставлял рану, камень или кулак — синяк или перелом.

Перемещение за спину твари оказалось неожиданно простым делом. А вот вернуть себе материальность Ранмаро не смог. Панический ужас остановил его. Понимание, что он снова станет тяжелым и неповоротливым. Уязвимым.

Ранмаро беспомощно осмотрелся. Однорукий Шепчущий наблюдал за ним сверху, а полтора десятка тварей пристально следили за ним, соображая, как поймать настолько молниеносную жертву.

Невероятно быструю, непредсказуемую — но по-прежнему жертву.

А потом его осенило. Точнее, он вспомнил, что все годы, предшествующие этому моменту, он сражался не только мечом, но и воздухом, послушным его мистической энергии. Правда, использовал его в основном для того, чтобы сбивать противника с ног. Но если усилить плотность и интенсивность воздушного потока, то можно наносить смертельные повреждения — и не выходить при этом из фантомного состояния.

И Ранмаро начал практиковаться. Спешить ему было некуда — Шепчущий и его твари не могли до него добраться, пока он был внимателен и собран.

Он сбился со счета, раз за разом обращаясь к Вратам Сердца Мира для восполнения мистической энергии, создавая один воздушный кулак за другим, стараясь добиться максимального поражающего эффекта. Ломал слепым монстрам кости, калечил и сминал их тела, словно резиновые куклы. Они оказались невероятно живучими, некоторые сохраняли

способность сражаться даже с раздробленными черепами, и Ранмаро задумался о том, какие запасы мистической энергии потребуются для того, чтобы создать из сжатого воздуха полноценный резак, которым можно будет рассекать плоть, словно клинком из стали. Согласно его подсчетам, предполагаемые объемы получались заоблачными. Посмотрел на с виду безучастного к происходящему Шепчущего и понял, разрубить его мечом будет быстрее и проще. Нужно только переступить через себя. Через свой страх.

Оставив тварей в покое, Ранмаро вознесся к Шепчущему и попытался двигаться с нормальной для живого существа скоростью: если фантомный клинок пересечется с телом противника, то мгновенно станет материальным, и нанесет ему рану. Но контролировать свое тело, которое мгновенно переходило из одного положения в другое, словно изображение в разных кадрах на видеопленке, оказалось практически невозможно. Необходимо было перестать двигаться рывками и добиться плавности и непрерывности движения, чтобы с естественной скоростью столкнуть клинок и тело Шепчущего... И это было невозможно. Разум Ранмаро не успевал за скоростью его собственных мышц.

И тогда он нашел выход. Если он не мог ударить Шепчущего с необходимой скоростью, то Шепчущий сам мог налететь на его клинок. Все, что ему будет нужно сделать — это не двигаться. Замереть на месте. Главное, заставить Шепчущего напороться на меч.

Ранмаро начал с того, что создал за спиной существа в балахоне область высокого давления, и стена воздуха сама толкнула Шепчущего на острие клинка. Тот попытался увернуться, изменить траекторию своего полета, и добился своего: меч неподвижного Ранмаро пропорол ему бедро, а потом парню пришлось отступить назад, потому что враг едва не дотянулся до него. И уже оказавшись в другой точке пространства, парень ощутил горячее и мокрое ниже левого колена. Посмотрел вниз и понял, что ранен: воспользовавшись его неподвижностью, одна из слепых тварей дотянулась до него в высоком прыжке.

Необходимо было сменить тактику. Ранмаро слишком долго должен был находиться на одном месте, а сила воздушного удара, и соответственно, скорость полета Шепчущего, были недостаточными для точного и смертельного удара.

Тогда она ударила врага прямо в грудь сгустком предельно сжатого воздуха, и как только его отбросило назад, мгновенно перенесся ему за спину, выставив меч вперед.

Получилось. Лезвие меча пронзило грудь Шепчущего, но Ранмаро промахнулся, и сталь прошла мимо сердца.

А потом счет пошел на доли секунды.

Насадив врага на меч, парень потерял свою фантомность и стал материальным. Шепчущий своим весом толкал его на ошестинившуюся клыками решетку клетки — и на прыгнувших на него слепых тварей.

Ранмаро в полете уперся ногой в спину Шепчущего — и с силой направил увязшее в теле Шепчущего лезвие вверх, рассекая грудную клетку. За миг до того, как в парня вонзились когти слепого чудовища, он смог разрубить ключицу врага — и освободить клинок. И вернуть себя в фантомное состояние.

Его тело и когти существа разминулись в считанных миллиметрах. И он оказался в безопасности, на почтительном расстоянии от Шепчущего, его прислужников — и клыкастой решетки.

Нанесенная им рана оказалась очень серьезной. Шепчущий был практически разрублен пополам — новсе еще жив. Если бы Ранмаро направил клинок не на ключицу, в шею и

голове, то бой был бы уже закончен, но тогда и он сам получил бы тяжелые раны...

Голова. Ему нужно было поразить голову.

Внимательно посмотрев на обтянутый кожей череп Шепчущего, его безэмоциональное лицо с чернеющими на месте глаз бездонными провалами, и переведя взгляд на свой меч, Ранмаро внезапно почувствовал себя невероятно глупым и недалеким. И почему-то подумал о том, что Юрика или Виктория на его месте уже давно бы нашли выход из сложившейся ситуации. И Шепчущий был бы мертв уже тогда, когда Рыцарь Света оказался в их распоряжении. Ведь это так просто — взять и бросить меч в цель.

Мгновенно переместившись на удобную для точного броска дистанцию, Ранмаро размахнулся — и вытянув руку вперед, разжал пальцы на рукояти. Едва утратив контакт с пальцами, клинок обрел вещественность, и толкнув его вперед потоком воздуха, парень придал ему ускорение, исключаящее успешный маневр уклонения со стороны противника.

Бешено вращаясь, лезвие с легкостью разрубило череп Шепчущего. Кость сухо хрустнула — и тьма в глазах пришельцы из иного мира перестала быть осмысленной.

Ранмаро победил.

Глава 85. Кирин

Тело Виктории зависло в полной невесомости в центре огромной черной сферы, изучающей ее со всех сторон сотнями немигающих багровых глаз. Их взгляд пронзал насквозь кожу и кости, читал ее мысли, чувства, воспоминания, проникал глубоко в подсознание, разворачивая и открывая даже самые потаенные уголки ее «Я» во всем его многообразии и противоречивости. Она не могла утаить от него ровным счетом ничего, и каждая ее попытка противодействия вторжению в разум заканчивалась поражением еще на этапе планирования подобных действий. Шепчущий смешивал ее мысли, обращал против нее собственные чувства и эмоции, вытаскивал наружу самые сильные страхи, полностью подавляя ее волю и мистическую энергию. И Виктория даже не видела его, он скрывался от нее — то ли за пределами сферы, то ли в ее бесконечно глубоких тенях.

Неистребимым было подозрение, что он находился прямо за ее спиной, но девушка не могла пошевелить даже пальцем, не то что повернуться и проверить, так ли это. Она была совершенно беспомощна, опутана паутиной чужой воли, против которой был бессилён меч в ее руке.

Отчаяние и безысходность накрыли ее темной волной, когда глаза перестали воспринимать реальность, безучастно просматривая собственные воспоминания: Шепчущий разматывал ее память, словно бумажный свиток или, скорее, катушку видеопленки, заставляя вместе с ним наблюдать за собственной жизнью в обратной перематке. Вот она увидела ее бой вместе с Юрикой и Ранмаро в большом зале, вот сцена перед перемещением в замок, вот совещание и планирование операции... Приключения в Судзо... Креслан... Столкновение с Глорией... Эдельбрасс... Вот снова перед глазами Фламби и первая встреча с Юрикой и Дженази... Предшествующие этому безмятежные дни в доме матери, омраченные только недопониманием между ними и необъяснимой тоской по отцу. Ей пришлось заново — не пережить, переживать она не могла, скованная гипнотической силой Шепчущего — увидеть годы, проведенные в школе. Восемь лет, семь лет, шесть, пять... Потом началось время, которое она уже не помнила сама, годы, когда не понимала, что происходит вокруг и почему. Окружающий ее мир был таким огромным, нечетким, и почти весь заполнен родным домом, Ранмаро — и мамой. Валерия держала их обоих на руках, качала, играла, пела колыбельные, рассказывала сказки... Выглядела такой счастливой и любящей. Виктория никогда не помнила ее такой — и если бы не темная воля Шепчущего, уже пыталась бы понять, когда и почему это изменилось. Ее собственная память, собственные чувства подвели, не стали фокусироваться на моменте излома в отношениях между матерью и дочерью. И теперь уже позади остался день, когда Валерия впервые посмотрела на нее чужим холодным взглядом. Или когда в нем впервые начала угасать ее бесконечные тепло и привязанность.

И вот ей снова год. Всего один год, и лежа в колыбели, она слышит гул и грохот за стенами особняка, и видит встревоженные и решительные глаза матери. Слышит плач Ранмаро. И свой собственный плач.

Это был день, когда Ичиро попытался забрать ее и Ранмаро.

Месяцы и дни, которые отделяли тот страшный день от дня ее появления на свет, пролетели совсем незаметно. И она, возможно, стала первым человеком, который вспомнил момент своего собственного рождения. И месяцы, проведенные в материнской утробе.

Теплую, безопасную тьму, в которую извне доносились отголоски звуков огромного, незнакомого, холодного и опасного мира.

Но потом исчезли и они — Виктории стало нечем слышать. Она растворялась, таяла, исчезала... Шепчущий обратил ее время вспять, и еще мгновение — и ее не станет вовсе. Потому что еще не наступил момент ее зачатия.

Она не могла ни испугаться этого, ни смириться. Мысли и чувства исчезли.

Виктории Лэйт не стало.

А потом тьму рассекла яркая вспышка света, и цвета и звуки обрушились на нее со всех сторон, яркие и оглушительные. Она оказалась в высоких синих небесах, много выше белых облаков, под темнеющим куполом ближнего космоса, на котором уже можно было рассмотреть искорки далеких звезд, и ощущала всем своим телом неудержимый, стремительный полет. Неслась, ломилась вперед сквозь плотную, словно бетон, стену воздуха, на невероятной скорости — настолько огромной, что глаз замечал движение крохотных деталей рельефа внизу, которыми были реки и озера, горы и долины... Крохотные при взгляде с такой огромной высоты — и не такие уже и большие, если бы она находилась совсем близко от них. Потому что Виктория сама ощущала себя невероятно большой, огромной, колоссальной. Гигантское змеевидное тело, покрытое сияющей серебристой шерстью, на лету сплетающееся и извивающееся гибкой, словно невесомой лентой из тончайшего шелка; огромная, увенчанная изогнутыми рогами голова с длинной клыкастой пастью, которой можно запросто перекусить корабль; восемь лап, вооруженных чудовищными когтями, способными за доли секунды до неузнаваемости менять рельеф.

Она была Кирином. Изначальным.

Многие, многие тысячи лет назад.

Четыре глаза видели зарево масштабного сражения, сотрясающего пространство за горизонтом; четыре уха ясно различали звуки битвы, отголоски которой доносились до слуха каждого живого существа Тейзои. Кирин спешил на помощь братьям и сестрам, столкнувшимся с сильнейшим из Неназываемых — Гидрой, многоглавым бессмертным чудовищем.

Он прибыл вовремя: Гидра глубоко вонзил свои ядовитые клыки в тело Шуб-Нагаи, Хранительницы Земли, ее колоссальное тело истекало кровью, а колонноподобные ноги с несокрушимыми копытами едва держали тело над поверхностью океана. Многочисленные рога клонились все ниже, уже ничем не угрожая телу Гидры. Страж Неба, Убийца Гигантов и Эйнхелия оставляли на теле Неназываемого глубокие раны, отсекали и дробили его головы, но их усилия были тщетны, и Гидра все сильнее наседавал на Шуб-Нагаю, заползая на ее спину, обвиваясь вокруг ее тела, рогов и ног своими шеями и хвостами.

Разогнавшись, Кирин врезался в черное тело Неназываемого, вкладывая в удар не только энергию своего тела, но и принесенный с собой ураган — ветер, отрывающий от морского дна толщу вод, и молнии, прожигающие дыры в скалах. Планета содрогнулась, и Гидру сбросило с Шуб-Нагаи, уронив в океан. Он вздыбился волнами, которые погнало прочь от места сражения, обещая обрушить их уже и на без того истерзанные и опустошенные берега материков. Малочисленным племенам людей никогда не заселить побережья, пока Изначальные и Неназываемые сражаются за Тейзою.

У Гидры не было конечностей, и перевалившись с боку на бок, он вновь поднял свои головы над поверхностью океана, издавая ужасающий рев. Его звук подавлял мистическую энергию, но этого было недостаточно, чтобы ослабить Изначальных. Впрочем, Гидра и не

собирался добиваться такого эффекта — он просто выплескивал на них свою ярость. И начал расти. Становиться все больше.

Израженная Шуб-Нагая не могла увеличиться соразмерно Неназываемому — ей нужно было тратить мистическую энергию на регенерацию. Страж Неба, Убийца Гигантов и Эйнхелия копили силы для нового удара, и Кирин был единственным, кто мог остановить сейчас рост Гидры. Увеличившись в десять раз, он связал Неназываемого собственным гибким телом, вонзил в него клыки и обрушил на его толстую шкуру ливень из молний, выигрывая время. Гидра сомкнул челюсти на его серебряном теле, из-под клыков ударили фонтаны алой крови, но издав яростный рык, Кирин затянул узел еще туже, и черные яд и кровь потекли из десятков пастьев чудовища.

Но для победы этого было недостаточно. Пяти Изначальных было недостаточно, чтобы победить Гидру.

Яркая золотая вспышка — и на поле боя возник Рыцарь Света, ослепительно яркий. Рядом с ним раскрылась дыра в пространстве — и из нее вылетел Золотой Феникс, с Хранителем Ключей на спине. Следом возник из ниоткуда Ткач Измерений. Кирин услышал приближение Алого Зверя, Мага, Черной Ведьмы и Отшельника... Братья и сестры спешили на помощь.

И на помощь Гидре спешили другие Неназываемые.

Рядовая схватка с Гидрой грозила перерасти в величайшее сражение за Тейзою.

Этого нельзя было допустить. Ткань пространства-времени не выдержит настолько плотной концентрации мистической энергии в одном месте. Мир погибнет.

Кирин выпустил Гидру и взмыл в небеса. Изначальные немедленно обрушили на Неназываемого свои удары: многокилометровое копьё Убийцы Гигантов пришилило его ко дну океана, словно букашку, сомкнутые кулаки Стража Неба переломили ему хребет, огненные клинки Ифрита разом снесли половину голов, удары крыльев Золотого Феникса испепелили черную шкуру и прижали огромное змеиное тело еще плотнее к поверхности планеты.

Кирин отправил зов Ткачу Измерений, и брат немедленно возник на его спине, вцепившись пальцами-иглами в его шерсть.

«Мы должны остановить Неназываемых, что идут на помощь Гидре, — произнес Кирин Ткачу. — Сюда идут сотни и тысячи».

«Или задержать их до тех пор, пока Гидра не будет побежден, — ответил Ткач. — Растянем пространство-время. Сделаем их путь длиннее».

Кирин свился в небе кольцом, ухватившись пастью за собственный хвост — и вращаясь, начал растягивать свое тело, создавая могучий циклон вокруг сражения; он коснулся самых верхних слоев атмосферы. Ткач Измерений вплетал в стену вращающегося воздуха свои нити, перекраивая пространство внутри циклона; Кирин расширял площадь циклона, покрывая все больше и больше поверхности Тейзои. Никогда еще он не становился настолько длинным... Сначала десятки, потом сотни километров. Тысячи. Впустив внутрь огражденного пространства спешащих на бой с Гидрой Изначальных, Кирин отшвырнул назад Неназываемых, оттеснив и оградив от них не меньше половины планеты. Целое полушарие. И истратил все силы.

Он обвивался кольцом вокруг Тейзои всего долю секунды. Внутри огражденного им пространства был день планеты, за его пределами — ночь, а лучи рассвета и заката одновременно красили его шерсть во все оттенки алого.

День Тейзои был под его защитой.

Он — Кирин. Изначальный.

А затем — миг коллапса, и он снова ничтожно мал в масштабах Тейзои. Накопив силы для рывка, прыгнул за пределы атмосферы — в космос, к Луне, и описав широкую дугу, вернулся к месту сражения с Гидрой, обрушиваясь на него сверху. Неназываемый стал чудовищно большим, разгоняя змеиными головами облака и вызывая бури одними только движениями своего тела. Земля тряслась и раскалывалась под его весом. Но его конец был уже близок, сильнейшие Изначальные собрались, чтобы покончить с ним. Другие Неназываемые уже не могли успеть помочь ему — они сбивались с пути в пространстве, запутанном и растянутом Кирином и Ткачом Измерений.

Бой продолжался до наступления глубокой ночи. Изначальные разорвали тело Гидры на тысячи кусков, разбросав их по всему океану — среди осколков двух материков, уничтоженных в предыдущих схватках. И рисунок Великого Архипелага был завершен — Архипелага, который на оставшихся трех материках позднее назовут Внешним. Кирин знал это, как и то, что пространство и время никогда не станут прежними в его пределах. Бой с Гидрой, его действия и действия Ткача навеки изменили облик Тейзои. Оставили ей не шрам, но ясный след сражения существ, неизмеримо более могущественных, чем смертные. Но они — и Изначальные, и Неназываемые — часть души и разума смертных. Или смертные — их часть... И все они — просто отражения чего-то неведомого, чего-то неизмеримо большего и непостижимого в глубинах многомерной бесконечной Вселенной. Башни Света и Чертогов Искателей.

Тяжело дыша, сидя на окровавленном куске тела Гидры, погруженном в океан, Кирин направил свой взгляд сквозь пространство и время — и там, далеко в будущем, увидел, как его часть, искра его бессмертного духа изо всех сил сражается с пришельцем из иной реальности. Ослабленная, скованная, сдерживаемая замками и печатями, призванными сохранить остатки энергии Сердца Тейзои. Ей нужна была его помощь.

Кирин не мог явиться в этот момент будущего во всем блеске своей силы, но он мог приободрить, поддержать, успокоить своим могучим голосом. Придать ей сил и уверенности для победы. Дать ей крупицу знания.

Она была не одна в будущем. Кирин увидел и другие части себя. Всем им была нужна его помощь, всем им была нужна его сила. Но помочь сейчас он решил той, что сражается с Шепотом по Тьме. И погрузившись в мысли о своем будущем, он предстал перед взором тысячи багровых глаз.

И понял, что не пришел, а вернулся.

Она вернулась.

Виктория.

Виктория Лэйт.

Возвращение из прошлого в настоящее, из места, которое сейчас зовется Внешним Архипелагом, в мистическое пространство, созданное Шепчущим, не то чтобы обескуражило Викторию — нет, ее вывел из равновесия сам момент непостижимой трансформации из могучего Кирина в хрупкую и слабую девушку. Только что она была... Бессмертным духом? Божеством?

Изначальным.

Она была иной. Она мыслила иначе. Она ощущала себя иначе. Она была — им. И снова стала собой. И пока воспоминания о бытии в форме Кирина были свежи, она ощущала себя невыносимо несчастной и одинокой, ничтожной и беспомощной. Продлилось это доли секунды, но Виктория запомнила их. Ощущение себя в форме Кирина исчезло, стерлось из памяти почти мгновенно, но картинки, образы остались. Стали просто сном.

Только она была уже не той девушкой, которой была до того, как увидела этот сон. Кое-что она запомнила. Кое-что она теперь знала.

Взгляд тысячи глаз Шепчущего больше не мог проникнуть ни в ее тело, ни в ее разум. Дыхание Кирина было с ней, Виктория ощущала кожей мягкое прикосновение его шерсти. Могучего тела. Там, где она чувствовала его особенно четко и ясно, на теле вспыхивали серебряные линии — и не гасли. Девушка не могла видеть себя со стороны, и на ней была одежда, но она была уверена, что теперь на ее коже остался мистический отпечаток Кирина, его изображение. Проявление и отражение в ней его сущности.

Она сосредоточилась, сконцентрировала в этом изображении мистическую энергию — и почувствовала, как Кирин отделяется от кожи. Вырастает из ее тела. Пара секунд — и белый змей, покрытый шерстью, с восемью лапами, четырьмя острыми ушами, четырьмя фиолетовыми глазами сидит на ее плечах, обвивается гибким телом вокруг груди, талии и бедер. Это был не тот Кирин из прошлого, могущественный, способный свернуться кольцом вокруг планеты, но это была его проекция, сформированная ее сознанием.

Он вырос еще немного, и свернулся клубком вокруг Виктории, скрывая ее от глаз Шепчущего. Над его серебряной шерстью в воздухе сформировались длинные ледяные стрелы, по одной на каждый глаз в черной сфере — и все разом пронзили их, ослепив врага.

Шепчущий закричал от страха и боли — и Виктория увидела его. Все это время враг скрывался за пределами черной сферы, а теперь, когда ее не стало, стал виден как на ладони. И Кирин, повинаясь ее мысленному приказу, прыгнул к нему, завязался узлом на тощем теле в длинном балахоне.

Неуловимое, молниеносное движение головы, сухое щелканье клыков в длинной узкой пасти.

Кирин разжал петли своего тела на обезглавленном Шепчущем, и вернулся в кожу Виктории. Снова стал рисунком. Серебряной татуировкой, мерцающей даже в самой крошечной, непроглядной тьме. И погас.

До следующего сражения.

Глава 86. Поединок Химер

Стальное лезвие в руках Мэй раз за разом высекало искры из черных когтей буйствующего Шабири, едва поспевая за его размашистыми, но крайне стремительными ударами. Он уже задел ее несколько раз, оставив неглубокие резаные раны на левом предплечье и бедре, от которых по телу начало распространяться парализующее жжение, с которым девушка пока справлялась, но как долго это могло продолжаться? Если бы не помощь стремительного и неуловимого Фредерика, Шон нанес бы ей куда более серьезные повреждения, а так у них получалось сдерживать его — даже под подавляющим взглядом багровых глаз Шепчущего, наблюдающих за схваткой из стен и потолка.

А потом они исчезли, и Мэй перестала ощущать присутствие существа из иной реальности. И вновь получила полный контроль над своей мистической энергией.

Фредерик, изловчившись, всадил лезвие топора в плечо Шабири, заставив обезумевшего друга упасть на одно колено. Мэй обрушила на него сверху меч, который остановили скрещенные когти. Как только она ослабит давление, клинок соскользнет в сторону и ей придется уворачиваться от ответного удара... Только это не произойдет.

Мэй разбудила в глубинах своего сознания Винсенту.

Всего миг — и она стала иной. Сила и навыки, которые ей не дано использовать, пока она является девушкой по имени Мэй Квон, вновь вернулись в ее тело, и изменившегося Шабири еще сильнее придавило к полу. Мощный толчок, молниеносный взмах — и пальцы правой руки Шона отсекло так легко, словно они были из воска. И прежде чем он их регенерировал заново, она обрушила на его висок мощный удар клинком плащмя, сбивая с ног.

Но не оглушая.

Шабири лягнул ее длинной тонкой ногой, от которой она успела увернуться. И тут же Фредерик вонзил в бедро Шона топор. Раздался влажный хруст перерубленной кости.

— Шон! — в отчаянии закричала Мэй-Винсента. — Очнись!

Фредерик ударил Шабири обухом по голове — и отлетел в сторону, пропустив удар локтем по ребрам. Покатившись по каменным плитам, задохнулся и свернулся от боли: из локтя Шабири торчал короткий черный шип, оставивший в груди глубокую колотую рану. Она была не смертельна, но легкое было пробито, и Сольерин больше не мог продолжать бой.

Мэй-Винсента зарычала. Она не хотела убивать Шона. Она не хотела терять еще одного старого друга здесь, так глупо и так бессмысленно. Ей хотелось кричать и плакать.

Не подпуская ее к себе широкими взмахами когтей, Шабири поднялся, на глазах залечивая раны, и медленно стал надвигаться на девушку, намереваясь отеснить ее угол и завершить схватку. Мэй-Винсента не позволит ему этого, она убьет его, отрубив голову... Нужно только набраться для этого решимости.

— Шон! — вскрикнула она в последний раз, понимая, что дальше медлить нельзя. — Пожалуйста, приди в себя...

Тонкая синяя молния ударила в спину Шабири ровно в тот момент, когда клинок в ее руках занял начальную позицию перед ударом. Шона вновь бросило на пол, и Мэй-Винсента увидела Просперо Эспозито, ворвавшегося в зал из двери, ведущей в главный зал. Сконцентрировавшись на схватке с Шабири, она перестала наблюдать за ситуацией в замке,

и определенно пропустила перестановку сил. И прибытия Раббена Тоттенгрибера: соратник императора Дакиэрро стоял за спиной Просперо, направив на Шона свои пистолеты.

Серия точных выстрелов перебила Шабири суставы, не позволив ему подняться на ногу, а потом Раббен неуловимо быстро подлетел к Шону и опустил на его лоб свою ладонь. Зал осветило яркое белое сияние.

Когда мистический свет перестал слепить глаза, девушка увидела, что Шабири вновь стал собой — целый, невредимый и совершенно растерянный. Постепенно в его черных глазах просыпалось осознание произошедшего, и чем отчетливее оно было, тем ниже он склонялся к полу, пока не опустился на колени, спрятав лицо в ладонях.

Мэй-Винсента облегченно выдохнула. Шон был спасен. Она была спасена.

Раббен не остановился на этом. За пару минут своими легкими касаниями и белым светом исцелил рану Фредерика и привел в чувство Эхата Ястреба; в легком замешательстве замер над останками Арианы Рэйсток, явно недоумевая, как в этих обугленных костях может теплиться жизнь.

— Тебя я исцелю позже, — произнес он холодным голосом, поднимая с холодных камней то небольшое, что от нее осталось.

Мэй-Винсента опустилась на колени у тела Вальда Брауна и с немой надеждой посмотрела на Тоттенгрибера.

— Мертвых я воскрешать не могу, — совсем тихо произнес он. — Нужно спешить. Бой еще не окончен.

Стальные пальцы глухой тоски сдавили сердце девушки, она провела ладонью по холодным векам Вальда, навсегда закрывая его опустевшие янтарные глаза. Рядом опустились на колени Ная, Римпо Лу, Фредерик, их тесным кругом обступили Просперо и Йохан, Ребекка Сатронг, Артур Коккинавье, Луис Амавази и Ренар Нок-Старвинд. «Алые» знали Вальда не один десяток лет, и пусть они никогда не были друзьями, вместе с остальными разделяли горечь утраты. Их вновь стало меньше — воителей старой эпохи, наблюдавших, как в пламени страшной войны был выкован новый мир. Тех, кто ковал его собственными руками.

— Надо спешить, — повторил Раббен Тоттенгрибер. Чуть поодаль от него стоял Эхат Ястреб — одинокий, потерянный в этих жутких и непредвиденных обстоятельствах. Он был верен Крэйну душой и телом, и должен был войти в его семью, а теперь у него даже не было выбора пути на внезапном распутье — Столсанг превратил его в марионетку, после этого встать на его сторону мог только сумасшедший. Единственное, что он мог теперь — это решить, сражаться с ним или просто бежать с поля боя.

Мэй-Винсента сосредоточилась, пытаясь просканировать весь замок, и обнаружила непроницаемую для ее мистического зрения область на месте конференц-зала на первом этаже донжона. Там, где должны были быть Юрика, Ранмаро и Виктория. И увидела Крэйна Столсанга — на самом верху башни. Шепчущих не было, ни единого следа. Ни щупальца, ни пасти, ни глаза, ни бледной твари из иного измерения. Только с десятков бойцов, охранявших вход в кабинет Крэйна, разум которых контролировали присосавшиеся к их головам медузообразные существа.

И все. Больше живых в замке не осталось.

— Крэйн на последнем этаже башни, — произнесла она, выпрямляясь и сжимая пальцами рукоять меча. — Я не чувствую ребят... — она осмотрела тех, кто теперь мог

стоять на ногах и контролировал свои действия. «Алые» были бледны и измучены, она сомневалась, что они смогут сражаться дальше с полной отдачей. Надежнее всех выглядели Просперо и Фредерик, и она ощутила неожиданную признательность их стойкости и жизнелюбию. А вот Римпо-Лу выглядел непривычно бледно — его мистическая энергия была практически истощена. Карлик не умел восполнять энергию у Врат Сердца Мира. И составляя на ходу план дальнейших действий, она даже не пыталась учитывать присутствие Раббена Тоттенгрибера — она не знала, что от него ждать.

— Я разберусь с Крэйном. А вы, — она внимательно посмотрела на Гвардейца, — найдите ребят.

Мэй-Винсента сорвалась с места, покинув подземелье и стрелой промчавшись по пустым залам замка. Она не боялась столкнуться с Крэйном в одиночку или налететь на Шепчущего — не тогда, когда с ней была необузданная сила приемной дочери Дженази. Приблизившись к конференц-залу, она остановилась, с изумлением рассматривая разгромленный интерьер, и чувствуя, как необычно ведет себя пространство. Реальность здесь была необычно зыбкой и неустойчивой, воздух дрожал и искажался, своей жизнью жили тени, отплясывая в неподвижном свете уцелевших ламп.

Фредерик немедленно возник рядом, спустя пару секунд — и Раббен. Остальные спешили сюда же.

— Они были здесь, — произнесла девушка, ощущая холодок ужаса при виде тени от обломка камня, пытавшейся оторваться от пола. И прыгнула вперед, понимая, что с ней может произойти все, что угодно. И чтобы быть готовой ко всему, до предела напитала свое тело мистической энергией, надеясь, что незримая сила этого мира защитит ее от неизвестности.

Не думая ни о чем, с совершенно пустой головой, она пронеслась сквозь конференц-зал, добралась до двери на противоположной стороне, за которой находилась лестница на второй этаж — и остановилась только тогда, когда покинула зону, в которой ее мистическое зрение отказывалось работать. Машинально осмотрела себя, проверяя, все ли в порядке.

С ней все было в порядке.

Выдохнула, сделала глубокий вдох — и продолжила восхождение.

Ее ждал Крэйн Столсанг.

Взбежав по мраморной лестнице на последний этаж башни, Мэй-Винсента оказалась перед плотным строем облаченных в экзоскелеты бойцов, целившихся в пространство перед собой смертоносными электромагнитными винтовками. Медузообразные твари, контролирующие их сознания, облепили их шлемы с непроницаемыми забралами, демонстрируя, что от воздействия не спасает металл и углеволокно. Девушка не могла видеть лиц несчастных, но эмблема на броне — зеленая звезда с девятью лучами — показывала, что они принадлежат к личной гвардии Крэйна Столсанга, в которую могли быть приняты только представители вассальных домов Столсанг. Старые, опытные — командовать ими мог только человек, помнивший времена, когда над облаками парили сияющие твердыни Небесных Городов. Найти его в этом строю было несложно — он выделялся на фоне своих подчиненных золотыми полосками на высокотехнологичной броне, складывающимися в напоминавший чешую узор. И за миг до того, как бойцы выпустили в нее рой разогнанных до гиперзвуковых скоростей пуль, Мэй-Винсента врезалась в него, направляя ствол винтовки в потолок и разбивая углепластиковое забрало рукоятью меча,

калеча лицо и отправляя мужчину в глубокий нокаут.

Девять винтовок начали поворачиваться в ее сторону, вслед за лазерными целеуказателями шлемов — слишком медленно. Девушка разрубила винтовку в руках бойца слева от нее, правого пинком сбила с ног, и еще двоих за ним. Резко пригнулась, подныривая под линии огня левого фланга строя противника, рассекая еще одну винтовку, перекатилась по каменным плитам, подсечкой сбивая с ног еще одного телохранителя, перекатилась снова, выдохнула: двое обезоруженных, пятеро сбиты с ног — итого еще двое продолжают попытку навести на нее оружие. Самые крайние, левый и правый.

Вдох.

Практически растянувшись на полу, она резко бросила свое тело вперед и вверх, отсекая ствол винтовки в руках крайнего левого бойца и обухом клинка разбивая его шлем — два удара, слившиеся в один. Последний получился настолько чистым, что телохранитель только содрогнулся и уже без сознания начал заваливаться набок, разжимая пальцы на оружии.

Сухие щелчки выстрелов за спиной Мэй-Винсенты прозвучали в тот момент, когда она, уже чувствуя, как крайний правый боец успевает навести на нее винтовку, оттолкнулась ногами от падающего противника и отлетела в сторону. Но недостаточно быстро: веер пластиковых пуль оставил по одному сквозному отверстию в стопе и голени, и еще четыре — в груди сбитого бойца, оказавшегося на линии огня. И вместе с остальными гиперзвуковыми снарядами, пронесшимися в воздухе, разворотили каменную кладку позади.

Разрушительная очередь смолкла, но только потому, что боец прекратил стрельбу, доворачивая ствол в сторону отпрыгнувшей девушки. И она, коснувшись телом каменных плит, метнула в него меч. Клинок успел трижды провернуться в воздухе вокруг центра вращения, расположенного чуть выше рукояти, и вонзился в камень за спиной противника.

Боец окаменел.

Мэй-Винсента прыгнула в сторону телохранителя с целой винтовкой — им оказался тот, которого она мгновением раньше сбила с ног подсечкой. Вырвала оружие у него из рук, прикладом разбила забрало — и перекатившись на спину, из положения лежа перебила точными одиночными выстрелами локтевые, плечевые и коленные суставы всех, кто еще был способен сражаться.

Никто так и не издал ни единого звука — ни стона, ни вскрика. Мэй-Винсента поднялась и выпрямилась, опираясь на простреленную ногу. Она чувствовала боль, но мышцы еще могли сокращаться, а на раздробленные кости стопы можно было не обращать внимание. Почти не хромя, девушка подошла к торчащему из стены мечу и вытащила его. Сжимая его в левой, а винтовку в правой, она направилась к большой, тяжелой, покрытой резьбой двери, за которой находился Крэйн.

Боец, простреливший ей ногу и окаменевший после броска меча, вздрогнул, его колени подкосились. Из разрубленных шеи и груди ударили тугие струи крови.

Тонкие губы Мэй побледнели и сжались еще сильнее: ей не удалось закончить бой без очередной печальной смерти.

Тяжелый пинок — и дверь вышибло вместе с косяком. Девушка шагнула внутрь и навела винтовку на Крэйна. Он сидел за большим рабочим столом, подпирая подбородок сплетенными в замок пальцами, и внимательно смотрел на гостью. Мэй с раздражением отметила, что Столсанг буквально сверкал лоском, а Винсента внутри ее сознания похвалила идеально сидящий черный костюм и со вкусом уложенные длинные зеленые волосы. И обе

внезапно пришли к одной ужасающей мысли.

— Дверь была незаперта, — произнес Крэйн Столсанг усталым голосом. За его спиной находился панорамный экран во всю стену, который сейчас был переведен в режим зеркала, из-за чего кабинет казался просто огромным. — И открывалась в другую сторону.

— Где все слуги, Крэйн? — с яростью спросила Мэй-Винсента. — В замке только бойцы. Что ты сделал с прислугой?

— Ты уверена, что хочешь услышать ответ именно на этот вопрос? — спросил Крэйн, лениво рассматривая черное дуло винтовки, указывающее ему в голову. — Почему бы тебе не предложить мне сдаться, раз вы перебили всех моих подчиненных и союзников? И спросить, зачем я все это устроил, заключил союз с такими ужасающими существами, ну и так далее в том же духе? Или спросить, не сожалею ли я о том, что все так обернулось? Тебе не интересно, о чем я вообще думаю?

Услышав слова о том, что все союзники Крэйна перебиты, девушка на мгновение растерялась. Союзниками Столсанг мог назвать только Шепчущих, все остальные противники находились под их контролем. Ее команда не убивала Шепчущего, и Раббен с Просперо ничего не сказали о том, что смогли справиться хотя бы с одним из них. Это значило, что Шепчущих перебили Юрика, Ранмаро и Виктория. Из чего следовало, что либс дети оказались намного сильнее, чем она думала, либо... Шепчущие представляли собой не такую уже устрашающую силу. Из чего следовал еще один вывод.

Буравя взглядом невозмутимого, абсолютно спокойного Крэйна, Мэй-Винсента вспомнила, что в магазине винтовки осталось всего двадцать снарядов. Крэйн не безумец, он ни за что не стал бы играть с силами, которые не способен подчинить. Его разум не находился под контролем, в его теле и разуме не было ни следа присутствия Шепчущих. Или... Она всмотрелась в него внимательнее. И поняла, что то, что показывает ей внутреннее зрение — иллюзия. Маска, созданная специально для таких, как она.

Она не знала, кто на самом деле сидит за этим столом напротив нее.

— Что ты сделал со слугами, Крэйн? — спросила Мэй-Винсента снова. — Что ты сделал со всеми, кто не мог сражаться?

«Кто контролировал этих мерзких медуз, управляющих мозгами бойцов, если все Шепчущие уже повержены?» — еще одна мысль мелькнула в их объединенном сознании.

— Видишь ли, — произнес Столсанг, опуская ладони на стол и откидываясь назад на кожаную спинку кресла, — когда Шепчущий поселяется внутри твоей головы, — он постучал пальцем по своему виску, — то начинает пожирать тебя изнутри. Исушать твое тело и твой разум, превращая в мумию. Видела бы ты тела Эмиссаров... Ужасающее зрелище. Такова плата за силу и бессмертие — настоящее, совсем не эта длинная, но тем не менее не бесконечная жизнь представителя Великих Домов. Но особо ценным кадрам Шепчущие предлагают альтернативу. Если ты не хочешь расставаться со своим телом и разумом, то просто скорми чудовищу внутри себя чьи-то еще тело и разум. И чем больше скормишь, тем сильнее станешь. Новые, просто невероятные способности и возможности...

— Чудовище, — сухо констатировала Мэй-Винсента — и выпустила в Крэйна остаток магазина винтовки.

Пули прошли тело Столсанга насквозь, разрывая грудь и дробя череп, разнося спинку кресла и оставляя аккуратные ровные отверстия в зеркальном экране позади.

— Следующей, кого я скормлю Шепчущему, будешь ты, — усмехнулся Крэйн половиной челюсти. Голос был жутко искажен: пули разорвали гортань и легкие, перебили

шейные позвонки, но это не помешало тому, что осталось от голосовых связок, выполнить свою задачу. Хотя все же куда больше девушку испугало то, что голосовым связкам нечему было ставить задачи — ее выстрелы начисто снесли большую часть черепа. Половина челюсти была единственной уцелевшей частью.

— А потом я скормлю ему и Дженаси! — прорычал он, собираясь обратно. Процесс регенерации так и выглядел: все, что было оторвано от тела длинной очередью, приросло обратно, отрываясь от заляпанных ошметками плоти поверхностей и прыгая к хозяину. Словно у каждого лоскутка кожи, мышц, осколка кости был собственный крошечный разум.

Еще не восстановившись до конца — хотя на самом деле процесс регенерации был очень быстрым, пара секунд — Крэйн швырнул в девушку тяжелый стол. Мэй-Винсента припала к полу, пропуская его над собой, и отбрасывая пустую винтовку, нырнула вперед, намереваясь добраться до Столанга. Замешкалась, когда поняла, его нет перед ней, и на голых инстинктах откатилась в сторону. Как раз вовремя: нога Крэйна разворотила пол в том месте, где она была мгновение назад. Он спрыгнул сверху, из зубастой пасти-портала, раскрывшейся на потолке.

Девушка взмахнула мечом — и лезвие легко отсекло правую ступню Столанга. Выпрямившись, она рассекла ему живот, и он отшатнулся, теряя равновесие. Она шагнула вперед, намереваясь отсечь голову, но внезапно укороченная нога распалась пучком щупалец оранжевого цвета, а рассеченный живот раскрылся шире, и из него излился целый поток лиловых отростков, нацеленных на нее.

Мэй-Винсента рассекла их и отпрыгнула назад. Ей нужно было понять, как победить врага с подобными способностями.

«А что тут думать? — безрадостно усмехнулась Винсента внутри сознания Мэй. — Однажды я уже ранила противника с куда более совершенной регенерацией».

«И погибла при этом,» — мысленно напомнила ей Мэй.

«У меня было много времени на то, чтобы провести работу над ошибками...»

И Мэй внезапно поняла, что осталась одна. Винсента ушла, чтобы коснуться Врат Сердца мира.

Открыть их.

«Винсента!» — мысленно и вслух воскликнула она, когда ощутила, что потеряла свои молниеносные скорость и реакцию. Конечно, ее тело сразу же стал наполнять поток мистической энергии, но Мэй не могла справиться с этим ощущением невероятной силы, оно делало ее тело тяжелым и неповоротливым. А ведь Винсента еще даже не начала давить на железные створки. Если они приоткроются хоть немного, ее просто разорвет изнутри...

А между тем, Крэйн не мешкал ни секунды. Он прыгнул на нее, в полете превращая левую руку в пучок из четырех щупалец, которые попытались схватить ее. Мэй отсекла их, но из мест рассечения выстрелили новые, делясь и множась, и она попалась. Щупальца оплели ее тело, Крэйн дернул их, отрывая девушку от пола и притягивая к себе. Пальцы его правой руки сжались в кулак, она некстати подумала, что Столанги умеют разрушать связи между атомами в молекулах, просто касаясь вещества, и раз ее тело не разрушается при контакте с щупальцами, то либо Крэйн не может использовать эту способность через свои мерзкие щупальца, либо не хочет, чтобы не уничтожить ее тело.

Правильным оказался первый вариант.

Мэй не почувствовала удара, когда кулак Крэйна встретился с правой стороной ее лица. Только увидела уцелевшим левым глазом в зеркальном экране, что правой стороны ее черепа

больше нет.

Органические ткани распались на атомы, едва коснувшись человеческой кожи Столсанга.

Мэй не умерла сразу, потому что те части мозга, которые отвечали за жизнедеятельность ее организма, уцелели. Но ее сознанию был нанесен непоправимый ущерб. Собственное отражение в зеркале было последним, что смогло запомнить ее сознание, а потом связь с реальностью была разорвана, ощущение пространства-времени — потеряно, а левая сторона тела потеряла чувствительность. И почти сразу она ослепла полностью, хотя и не могла понять, что лишилась зрения.

Девушка по имени Мэй стремительно исчезала, растворялась, ей оставалось жить всего пару ударов сердца.

А потом, внезапно, она очнулась. Сознание вернулось, ощущение пустоты с правой стороны головы исчезло, и зрение вернулось полностью. В себя она пришла на полу у стены, сидя, опираясь спиной о стену, в тени нависающего над ней Крэйна Столсанга. Он смотрел на нее сверху вниз, изумленно, фиолетовые глаза расширились в странном выражении иррационального ужаса, которое существовало всего долю секунды, но Мэй увидела его — и прыгнула в сторону, ускользая от его щупалец, отрастивших острые костяные шипы. Они пробили стену, но девушка уже была на безопасном расстоянии, и искала взглядом меч. Нашла только обломки: Крэйн уничтожил его.

И увидела наконец свое отражение в зеркале.

— Я же говорила, что провела работу над ошибками, — произнесли ее собственные губы. Мистическая энергия, хлынувшая в ее тело из едва приоткрытых Врат Сердца Мира, водопадом падала в некую внутреннюю пустоту, которая заполнялась быстро — но недостаточно стремительно, чтобы процесс вышел из-под контроля. И когда этот сосуд наполнился, Винсента позволила Вратам закрыться.

Винсента? Или она сама? Мэй?

Отражение в зеркале показало, что ее голова была цела. Вот только... Это была уже не совсем ее голова. Ее волосы были иссиня-черные, прямые и жесткие, а эти, которые выросли на восстановленной части головы — темно-русые, более мягкие и послушные. Правый глаз из карего превратился в серый, характерный для яо разрез глаз и кожная складка исчезли, как и выразительная скула. Изменилась и остальная часть правой стороны лица, став лицом девушки-гемини.

Лицом Винсенты.

Мэй стала Винсентой в большей степени, чем могла ожидать.

— По крайней мере, ты жива, — произнесла Винсента ее собственными губами. Они уцелели после удара Крэйна, как и нос, но в тот момент, когда приемная дочь Дженази говорила, Мэй не могла ими управлять. Хотя то, что Винсента хотела сказать, она узнавала до того, как слова срывались с ее губ.

Осознать, что правая сторона мозга в твоём собственном черепе принадлежит не тебе, приводила Мэй в ужас, хотя это чувство скорее принадлежало Винсенте, чем ей самой.

— Как ты это сделала? — спросила она, возвращая контроль над губами. Принять новую реальность оказалось на самом деле не так уже сложно. В конце концов, ей уже много лет приходится жить с осознанием, что в глубинах ее сознания скрывается чужая личность. Просто теперь у нее стало неизмеримо больше свободы. А ее самой — Мэй — стало немного

меньше. Но не так, как можно было бы опасаться: десятилетиями сосуществуя с ней, Винсента сохранила в своем сознании память и образ мышления девушки, и они вернулись к ней, искалеченной Крэйном.

После такого ужасного повреждения она смогла полноценно восстановиться как личность только благодаря ментальному паразиту в собственном разуме.

— Эй, полегче! — возмутилась Винсента. — Я понимаю, что тебе не нравится мое соседство, но я предпочитаю называть наши отношения симбиозом.

— Какого черта с тобой происходит? — спросил, напоминая о себе, Крэйн Столсанг. Пытаясь понять, что произошло, он перестал атаковать и держался на почтительно расстоянии. Щупальца на месте руки угрожающе шевелились, потрясая белыми шипами, зеленые волосы превратились в настоящих змей, которые шипящим облаком поднимались к потолку, извиваясь в гипнотизирующем танце. Дыра на месте живота давно затянулась, стала нормальной отсеченная нога.

Мэй поняла, чего он опасается — этого колоссального объема мистической энергии, заключенного в ее обновленном теле. Нечто подобное она ощущала только в Дженази и Ришари. Она точно знала, что Винсента никогда не обладала такой мощью, а ее собственное тело тем более не могло справиться с таким океаном энергии. Но то, что сделала Винсента, изменило такое положение дел.

— Я отрациваю лица, ты — щупальца, — ответила Винсента. Когда она брала контроль над голосовыми связками Мэй, голос менялся, становился куда более сильным и уверенным. — Чему ты удивляешься?

Щупальца Крэйна выстрелили в нее костяными гарпунами, но она изящно ускользнула в сторону, чувствуя, что может двигаться еще быстрее.

— Это твоя вторая мистическая способность? — Крэйн задал новый вопрос. Они кружили по комнате, не сводя друг с друга глаз. — Какое-то экстремальное раздвоение личности? Мне перейти на обращение «на вы»?

— Нет ничего страшнее пытки неизвестностью, — проиронизировала Винсента, и снова ускользнула от щупалец Столсанга.

«Не только он хочет знать, что произошло,» — подумала Мэй. Она ощущала как собственные только поверхностные мысли и чувства Винсенты. То, что находилось глубже, было от нее скрыто.

«Это моя мистическая способность,» — так же мысленно ответила Винсента.

«Но ведь у тебя... Так ты ее наконец открыла».

Крэйн снова ударил щупальцами, Винсента отпрыгнула вправо, и кто-то еще — влево. Мэй ощутила, как сильно снизился внутренний объем энергии — мистическая способность была использована.

Отпрыгивая от Столсанга подальше, она с удивлением наблюдала за тем, как тяжелый удар кулака полностью обнаженной девушки сминает его грудную клетку и вбивает монстра в стену. Это была точная копия Винсенты, созданная буквально из воздуха. Такая же сильная, такая же стремительная.

— Это ты? — в изумлении прошептала Мэй, наблюдая, как клон Винсенты перемешивает тело Крэйна с осколками каменной стены и фрагментами облицовки. Столсанг быстро пришел в себя и отбросил девушку выстрелом десятка щупалец с костяными наконечниками, пронзившими ее тело. Раны были смертельны, хлынула кровь.

А спустя пару секунд тело исчезло.

— В каком-то смысле, — ответила Винсента. И создала новую копию себя. И сразу же, следом, вторую и третью.

Мэй с надеждой наблюдала за тем, как обнаженные клоны сообща атакуют Крэйна, но их удары, какими бы разрушительными не были, не могли причинить ему настоящего вреда. Он слишком быстро восстанавливался, и разорвав их на части, обратил свой пылающий яростью взгляд на Мэй-Винсенту.

— Довольно игр, — прорычал он, увеличиваясь в размерах. Столсанг вырос на целую голову, раздавшись в плечах и груди. Одежда на нем затрещала по швам и лопнула, обнажая бугристые мышцы, которые сразу же покрылись подвижным и гибким хитиновым панцирем ярко-оранжевого цвета. Щупальца на месте правой руки сплелись в тугой кокон, который затем расцвел жутким цветком с лепестками, усеянными шипами, и пастью в центре. Соцветие из лиловой плоти было окаймлено кольцом длинных щупалец с костяными наконечниками, более тонких и быстрых, чем прежние.

Мэй ощутила, как мистическая энергия, разлитая в пространстве, меняется, в ней стало больше чужеродных оттенков, свойственных Шепчущим. Ее мистическое зрение было ограничено стенами замка, но находясь здесь, на самом верхнем этаже, она почувствовала, как что-то очень большое и злое начинает разрастаться высоко над ними... Что-то невыносимо зловещее.

Винсента создала новых клонов, но новые щупальца Крэйна расправились с ними еще быстрее, чем раньше. Костяные гарпуны пронзали воздух и плоть словно бронебойные пули, наполняя комнату пронзительным свистом, и он начал свое наступление.

Перестав создавать клонов, Винсента направила дополнительную энергию в их с Мэй общие мышцы, и им удалось увернуться от первых выпадов Столсанга. Преследуя девушку, Крэйн навел на нее цветок из плоти, и тот, резко сжавшись, выстрелил в них потоком сжатого воздуха. В последний момент они увернулись, и невидимый снаряд проломил стену башни, оставив огромную дыру. Комнату залило неприятным желтым светом, совсем не похожим на сияние заката.

У Мэй и Винсенты не было времени выяснять, что не так с небом, мощный толчок ног оттолкнул их общее тело от пола и импульсом прижал к потолку. Здесь их нашел второй выстрел Крэйна, еще более разрушительный, и ускользя от него, они почувствовали, как за спиной образуется холодная, затягивающая в себя пустота.

Приземлились, ударившись о пол, в паре шагов от Крэйна. Совсем немного опередили его, он не успел уследить и среагировать на немисливо быстрый бросок их тела. Проскользнули между нацеленных на них гибких щупалец — и тяжелым ударом кулака отправили Столсанга вверх, прямо в им же созданный пролом в крыше. Дыра была огромная, метра четыре в поперечнике, вниз все еще сыпались обломки и фрагменты крыши. И сквозь нее, провожая взглядом взлетевшего вверх врага, Мэй и Винсента увидели его — чудовищное спиральное облако, закрывшее собой небо над замком. Оно было ядовито-желтого, лимонного оттенка, с черной пустотой в центре, за которой, казалось, не было абсолютно ничего. И загипнотизированные его видом, они упустили момент, когда стреляющий цветок Крэйна вырос в размерах, превратившись в шипастую пушку, и выстрелил, подбросив его еще выше.

В последний момент Винсента поняла, что уворачиваться от этого выстрела бесполезно. И из всей доступной ей мистической энергии сплела вокруг их тела защитный кокон, до

предела укрепляя кожу, мышцы и кости.

Удар был страшен. Они пришли в себя на первом этаже башни, на полу, лежа на груди обломков, рядом с дверью в конференц-зала, и с растерянностью смотрели вверх, на дыру в потолке. Все тело невыносимо болело, а ядовитый желтый свет в дыре вверху был ниже, чем должен был быть — словно башня стала ниже на три этажа.

Крэйн одним выстрелом снес добрую треть главной башни своего замка.

Когда Юрика вернулась из Абстрактной Области в реальность, в конференц-зале было всего три человека: Просперо, Фредерик и... Раббен Тоттенгрибер.

Состав лиц, который лишь частично соответствовал ее ожиданиям.

И сколько бы она не была изумлена присутствием здесь бывшего Гвардейца, являющегося союзником Сигурда, куда больше ее встревожил факт отсутствия Римпо Лу.

Римпо Лу знал ее отца.

А потом из воздуха друг за другом выпорхнули Ранмаро и Виктория, и Юрика вспомнила, что должна была переживать за их жизни и здоровье — они ведь, как и она сама, столкнулись лицом к лицу с Шепчущими. Но судя по всему, брат и племянница тоже прекрасно справились.

Она сама не поняла, когда Ранмаро и Виктория оказались прижаты к ее груди.

— Эй, не так резко... — коротко выдохнула дочь Валерии, с большим трудом сумев набрать воздуха в стиснутую в стальных тисках грудную клетку; ребра отчетливо хрустнули. Ранмаро не смог сделать даже этого, и сейчас его глаза старались не вылезти из орбит: физическая сила Юрики выросла вне пределов всякого разумного ожидания.

Юрика опомнилась и выпустила их из объятий.

— Где Мэй и остальные? — спросила она у Просперо. — И что здесь делает... — она одними глазами указала в сторону Раббена. И вспомнила о вежливости. — Что вы здесь делаете? — спросила она уже у самого Тоттенгрибера.

Раббен не успел ответить: замок до самого основания сотряс тяжелейший удар. Пол резко ушел вниз и вернулся обратно, больно ударив по подошвам стоп, сверху оглушило грохотом мощного взрыва. Свод и стены конференц-зала покрыла густая сеть трещин, на искореженный в прошедших схватках пол посыпались довольно увесистые обломки. Дверь в противоположном конце зала выбило с той стороны воздушным тараном ударной волны, из проема ударил густой поток серой пыли.

Не успела пыль осесть, как за проемом прогремел новый взрыв, многократно слабее предыдущего, но на этот раз с волной обломков к Юрике и остальным выбросило Мэй. Ее было сложно узнать под толстым слоем пыли, покрывавшем лицо, волосы и обрывки одежды, но сомневаться не приходилось: эта гибкая подвижная фигура могла принадлежать только ей.

Несмотря на то, что ей явно пришлось прочувствовать на себе куда больше воздействия от этих странных взрывов, чем им всем, Мэй ловко отскочила от пола и в боевой стойке замерла между ними и выбитой дверью, за которой клубились густые пыль и тьма.

— Мэй! — Юрику остановил предупредительный взмах руки девушки, который помешал ей обнять ее и удостовериться, что с ней все в порядке.

— Приготовьтесь! Он идет, — сухо произнесла Мэй, сосредоточенно смотря вперед.

Юрика последовала ее примеру — и вместе с остальными увидела, как из облака пыли выходит двухметровый громила с шевелящимися змеями вместо волос, покрытый оранжевой броней. Вместо правой руки у него было странное бутонообразное образование с щупальцами, которые выглядели слишком уж хищными и агрессивными, вооруженные костяными зазубренными шипами.

— Это кто? — спросила Юрика, хотя используя метод исключения, уже предположила, что это сам хозяин замка. Но нужно было удостовериться. Тот вроде человеком был...

— Крэйн Столсанг, — представился громила. Юрика наконец рассмотрела, что глаза у него фиолетовые — почти как у дяди.

— То есть в бою один на один ты с конкурентом на право возглавлять «Стаю» не справились? — чуть слышно, торопливо прошептала девушка, обращаясь к Мэй.

— Я не претендую на власть над вашей никчемной «Стаей», — широко усмехнулся Крэйн Столсанг, делая уверенный шаг вперед. Несмотря на расстояние, Юрику он прекрасно слышал. — Мне нужен весь этот мир.

Точку в этом предложении поставил звонкий звучный выстрел, и лоб Крэйна расцвел алым цветком, а стену за спиной окрасило в красный, белый и зеленый фонтаном, вырвавшимся из затылка.

Юрика повернула голову — и увидела тончайшую струйку дыма, поднимающуюся от ствола большого пистолета Раббена Тоттенгрибера.

Крэйн усмехнулся. Дыра в черепе, вопреки ожиданиям Юрики, сообразившей, что к чему, не спешила затягиваться. Только сгладились края, принимая противоестественно естественный вид, словно для данной биологической формы Столсанга сквозное отверстие в голове было предусмотрено самой природой.

— Весь мир — и ни песчинкой меньше.

Глава 87. Драконобойцы

Властный и уверенный тон Крэйна пробудил в Юрике чувство глубокого и искреннего возмущения, но едкое ответное замечание, уже готовое сорваться с ее губ, опередили слова Раббена Тоттенгрибера, произнесенные с не менее снисходительным пренебрежением:

— Весь мир? Ты заполучил силу, которая поражает твое собственное воображение, и теперь считаешь, что весь мир может стать песчинкой на твоей ладони? Хотел бы я сказать, что твоя глупость поражает мое воображение и превосходит все мои ожидания — но это не так. В своей жизни я повидал множество глупцов, и ты не входишь даже в первую сотню бесконечно близоруких и ограниченных людей, с которыми мне приходилось сталкиваться. Бесконечно слепых и самонадеянных глупцов.

— Я ценю мнение человека, который на целую сотню лет старше меня, но не думаю, что готов признать правоту того, кто семьсот лет только и делал, что выполнял чужие приказы, — с усмешкой ответил Крэйн. — Может быть, я и не осознаю масштабов того, чем желаю обладать, но точно знаю одно: этот мир признает только силу. А сила, которой я теперь обладаю, и правда поражает воображение.

Крэйн поднял над головой руку, направив в потолок ладонь с широко разведенными в стороны пальцами — и весь замок содрогнулся до самого основания. Юрика нахмурилась: слова Столсанга напомнили ей одни из первых слов, услышанных от Дженази еще в Ховине. Как же давно это было...

— Теперь ты не обладаешь даже собой, — холодно ответил Раббен. — А сила, которой ты так восхищаешься, поражает только твое скудное воображение.

— Напротив, я подчинил ее себе, Тоттенгрибер, — в правильных, безупречных чертах лица Столсанга проступило выражение мрачной решительности. — Довольно слов. Если ты решил, что они остановят меня, то добавь самого себя в свой собственный список величайших глупцов этого мира, — и пальцы Крэйна, направленные к своду зала, слегка сжались. Стены замка задрожали еще сильнее, от осколков плит под ногами в воздух поднялась пыль — и крошечные осколки камня. Юрика почувствовала, что становится легче, и взглянув на остальных, увидела, что они испытывают похожее ощущение.

— Уже давно добавил, — тихо ответил Крэйну Раббен. — Каждый день вижу в зеркале человека под номером один.

Воздух наполнился скрипом, треском и скрежетом камня. Юрика и остальные и правда становились легче, и вместе с камнями под ногами начали медленно подниматься в воздух. Камни в стенах с хрустом разошлись, разрушая древний раствор, и сквозь образовавшиеся щели внутрь проникли алые лучи заката. Замок не разрушался — неведомая сила просто разбирала его по камешку и поднимала вверх, к облакам. И если нижние уровни сооружения только начинали набирать ускорение, то верхние уже на большой скорости устремились вверх. Девушка не сдержала испуганного возгласа: верхние этажи замка поднимались — или если взглянуть иначе — падали в черную пустоту в центре огромного спирального облака ядовито-лимонного цвета, зависшую прямо над ними.

Отделенные друг от друга каменные блоки и плиты закручивало по часовой стрелке в быстро набирающем скорость гравитационном вихре, который втягивал в себя весь замок. Юрика зацепилась руками и ногами за собственную плиту, и в растерянности наблюдала, как от нее уносит Ранмаро, Викторию и остальных. Крэйн находился в центре этого

ужасающего явления, его подняло выше, откуда он наблюдал за ними со сводящим скулы выражением собственного превосходства.

— Сила решает все, говоришь? — процедила она, высматривая камень или плиту пошире для прыжка. — Дядя, ну и где ты, когда так нужен?..

Оттолкнувшись от плиты, Юрика отправила свое тело в стремительный полет, и ловко вцепилась в новую опору десятком метров выше. Она отпустила Ирису, давая ей время восстановить силы, но теперь, после обретения сил родителей, это уже не делало девушку слабее и медленнее. Пьянящая легкость во всем теле не покидала ее, зеленые разряды то и дело проскакивали в алых волосах. И ее страшно раздражало, что она не может ударить Крэйна молнией прямо сейчас — сухой воздух был отвратительным проводником. Юрике нужно было коснуться его, а чтобы коснуться Крэйна, необходимо было преодолеть разделяющие их метров шестьдесят.

Она сделала еще один прыжок, не сколько поднимаясь выше, сколько сокращая расстояние между ними. Замок продолжало затягивать в желтое облако, но оно находилось так высоко, что до него не долетела даже черепица с крыши главной башни. Юрика провела несложные мысленные расчеты и пришла к выводу, что это черное пятнышко у нее над головой не меньше километра в диаметре. А потом она посмотрела вниз и увидела, что в него втягивает весь замок: с внешней стеной, брусчаткой внутреннего двора, подвалами... Йохан и «алые» не успели покинуть территорию, и теперь их тоже затягивало, хотя сейчас они находилось намного ниже. Растерянные и беспомощные.

Юрика смогла рассмотреть рядом с ними темную фигуру Римпо Лу и внезапно успокоилась. Он был жив, а значит, ей нужно просто прекратить все это как можно быстрее. Вот только она не понимала, как они будут безопасно приземляться, когда сила, поднимающая их в небо, исчезнет. Хотя то, что ожидало их за этим черным пятном, пугало ее гораздо сильнее.

Она нашла взглядом Ранмаро и Викторию. Племянница никуда не спешила, внимательно изучая вихрь камней и обломков, а вот брат сильно обогнал ее, каким-то образом подобравшись к Крэйну поразительно близко. Она замерла на месте, не отрывая от Ранмаро взгляд — и увидела, как он исчез во вспышке золотого сияния, чтобы немедленно возникнуть рядом со Столсангом. Молниеносный удар мечом — и сталь высекла искры из оранжевой брони Крэйна. Парень немедленно отступил, ускользая от щупалец противника, и явно готовился к новой, более успешной атаке.

— Ран, я уже иду! — крикнула Юрика, но не особо громко. Ранмаро ее услышал — и Крэйн тоже. Столсанг посмотрел вниз, оценивая ее положение, и направил на нее шипастый бутон на месте правой руки. Брат Юрики немедленно выстрелил в него мощным воздушным потоком, и это оказалось очень кстати: воздушный поток, выстреливший из преобразенной руки Крэйна, оказался в десятки раз мощнее, и создал в вихре обломков внушительный тоннель пустоты, который едва не втянул в себя девушку. Линия выстрела сбилась метров на пять, не более, и этого хватило, чтобы обезопасить всех, кто находился еще ниже.

Юрика посмотрела, чем там занимаются Мэй, Просперо и Раббен. Новая глава «Стаи» понемногу догоняла их, перескакивая с камня на камень, а Раббен помогал Просперо не потерять равновесие: у инспектора были проблемы с высотой и отсутствием надежной опоры.

Девушка поймала себя на мысли, что кого-то не хватает. Вспомнила, что в нее вообще-

то стреляют, и прыгнула на следующий камень. Посмотрела вверх, пытаясь угадать, когда именно завершится перезарядка ударной способности Столсанга.

Оказалось, что сейчас: Крэйн выстрелил именно в этот момент. Только не в нее, а во Фредерика.

— О, точно! Фредерик! — вспомнила Юрика наконец. Она и не заметила, что успела потерять его из виду.

А вот Крэйн, видимо, не забывал о нем с самого начала, поэтому расстался только с одним щупальцем, а не с головой.

Телепортировавшегося к Столсангу Фредерика поддержал Ранмаро, и они вдвоем устроили вокруг Крэйна пляску с применением стали и мистических способностей, заставляя того терять куски щупалец и вздрагивать от мощных ударов по броне. Хотя непохоже было, чтобы ее удалось пробить.

— Да иду я, иду... — выдохнула Юрика — снова прыгнула. Теперь до Крэйна оставалось метров пятнадцать.

Столсанг внезапно замер, сосредоточенно закрыв глаза и сжав в кулак пальцы своей человеческой руки. Юрика ощутила недоброе, инстинкты завопили во всю силу, требуя немедленно отступить. Фредерик явно почувствовал то же самое, и дав знак Ранмаро, вместе с ним отпрыгнул от Крэйна подальше — как раз в тот момент, когда тот резким жестом раскрыл пальцы, выбрасывая руку вперед. И камни перед ним — и вокруг него тоже — просто исчезли. Растворились в воздухе в радиусе десятка метров от центра выброса мистической энергии. Юрике успели рассказать, что мистическая способность Великого Дома Столсанг — управление молекулярными структурами — может быть очень опасным оружием, но обычного для этого им нужно было коснуться объекта. Крэйн определенно превзошел своих родственников, но даже так пользовался он своей способностью довольно неуклюже.

— Хотя как сказать... — пробормотала Юрика, рассматривая отчетливую границу задетой Крэйном области. Она была довольно близко. Сможет ли Ирисса защитить ее от этой способности?

Крэйн был совсем рядом. Багровая тень Ириссы накрыла Юрику собой, в голове раздался яростный рык могучего зверя. Ощущение неуязвимости вернулось, а вместе с ним словно замедлилось время: готовясь к последнему прыжку, девушка накопила в себе мощный электрический разряд, которым собиралась испепелить Столсанга на месте, и вновь перешла в то состояние предельной концентрации, в котором сокрушила Шепчущего. Мышцы, кости, нервы — все пронзила острая вспышка боли, поднимавшаяся по позвоночнику и ударившая в мозг. Обострившая восприятие, словно глоток чистой энергии. У нее всего несколько секунд — и их будет вполне достаточно.

За миг до прыжка Юрика затылком ощутила легкий укол, похожий на прикосновение ледяной иглы. Посмотрела вниз и увидела Викторию, смотрящую на Крэйна так сосредоточенно, словно захватила его в перекрестие прицела. И Юрика, похоже, тоже попадала в это перекрестие прицела.

Виктория вытянула вверх руку с раскрытой ладонью, и девушка отпрыгнула в сторону, уходя с линии огня.

Точнее, льда: ее племянница выстрелила в Крэйна целым потоком ледяных стрел, они звенели и хрустели, проносясь мимо и разбрасывая в пространство миллионы алых бликов заходящего солнца.

Мощь выстрела пугала. Если бы Крэйн выстрелил навстречу этому потоку из своей воздушной пушки, взрыв их столкновения разнес бы этот гравитационный вихрь. Но Крэйн не выстрелил, и встретил грудью удар ледяной мистической способности.

Его сильно подбросило вверх, на несколько десятков метров, но каким-то образом Столсанг смог защититься, не понеся заметного урона. Его оранжевая броня и правда была очень крепка, а новые щупальца быстро отрастали из обрывков и лохмотьев старых.

— Рия... Я ведь почти-почти до него добралась!

Виктория вряд ли могла слышать приглушенные сетования Юрики. Впрочем, она все равно не стала бы придавать им большое значение, потому что почти сразу за первым выстрелом последовал второй, более мощный. Крэйн не успел регенерировать свою воздушную пушку, поэтому ему снова пришлось принимать на себя весь удар разогнанного до впечатляющих скоростей льда — он почему-то не мог свободно перемещаться в это гравитационном вихре. Только поднимался вверх, представляя собой великолепную мишень. Если бы только Юрика могла стрелять молниями...

Несмотря на то, что ледяной поток был сильнее предыдущего, урона он нанес еще меньше. Девушка успела рассмотреть, что он выставил навстречу ледяному копыю ладонь. Видимо, он просто разрушил весь лед, превратив его в безвредную водную пыль.

— Силен, гад, — не могла не признать Юрика. В этот момент Ранмаро швырнул в Крэйна свой меч: бросок получился сильный и точный — явно подправил его скорость и траекторию манипуляциями с воздухом — и лезвие оставило глубокий порез на шее Столсанга. Только из раны не пролилось и капли крови. Но идея была ясна: раз Крэйна не беспокоит сквозное отверстие в голове, то возможно, что ситуацию исправит само отсутствие головы. Юрика делала ставку на полное испепеление, но Ран был ближе, и ему было выбирать метод решения проблемы.

Меч, черкнув по незащищенной шее Столсанга, продолжил свой полет, но не успел тот как-то отреагировать на рану, как у него за спиной возник Фредерик — и обрушил на его шейные позвонки свой топор. Отчетливо звякнуло, словно сталь столкнулась с чем-то металлическим — и Сольрьяйн немедленно телепортировался обратно, оставив оружие торчать в шее противника. Крэйн только поморщился, а через мгновение топор обратился в пыль, недвусмысленно намекая, что следующая попытка нанести ему урон напрямую может стать последней для смельчака. Ну или стоять руки, что, собственно, одно и то же — если только кому-то будет не жалко лишиться одной конечности исключительно в рамках научного эксперимента, а потом, в целях подтверждения теории, что все, что коснется кожи Столсанга, будет дезинтегрировано, отдать и вторую руку. Или ногу.

Виктория выстрелила в третий раз. На этот раз ледяной поток оказался интенсивным и продолжительным, словно девушка проверяла выносливость разрушительной способности Крэйна. Он отразил все, полностью, и направил вниз свою воздушную пушку с каймой из лиловых щупалец.

Спиральное лимонное облако в небе было все ближе. Воздух становился все холоднее и разреженнее.

После последнего ледяного выстрела Юрика заметила, что там, где пронеслись снаряды Виктории, осталась мельчайшая водная пыль, а сам воздух стал заметно наэлектризованным. Она почувствовала это, потому что сама сыпала во все стороны зелеными искрами, и как нельзя лучше ощущала все изменения в окружающих ее электрических полях. И решила, что

все может получиться.

Сосредоточилась на Крэйне — и сунув руку в невидимый канал, обозначенный только наэлектризованными капельками влаги, выпустила наружу накопленный внутри мощный электрический разряд.

Ударил яркая зеленая молния.

Юрика сама изумилась мощи, сорвавшейся с кончиков ее пальцев; ее ослепило и оглушило, кожу на лице и руках обдало жаром, а короткие волосы опалило, скрутив кончики мелкими пружинками; о том, что стало с ее ресницами и бровями, она предпочла не думать вовсе. Но какой бы ощутимой не была отдача, Столсангу пришлось куда тяжелее: когда зрение вернулось к ней, вверху она увидела почерневшее тело, лишенное щупалец и живых змей вместо волос.

А потом Крэйн ударил в ответ. Ну, или так могло показаться, потому что в затягивающем их в лимонную спираль вихре разлилось противоестественное черное сияние. Черного света просто не могло быть, но все же пространство внутри вихря потемнело, а из втягивающего его в себя центра спирали вниз устремились неисчислимы крошечные черные частицы, которые пронзали насквозь плоть и камень, не причиняя вреда. Но вихрь остановился. Замер. Все движение в нем прекратилось. И Юрика, как и все остальные, не могла пошевелиться. Даже простой вдох давался с трудом.

Девушка заметила слабое черное сияние, исходившее от ее кожи, и от камней вокруг. Она не была уверена, что видит его именно глазами. Скорее, оно, как и поток черных искр, было только плодом воображения. Картинкой, которую рисует мозг, пытаясь хоть как-то объяснить то, что видят глаза.

Иррациональный ужас парализовал сознание Юрики прочными стальными тисками. Она уже была неуверенна, что именно ее держит на одном месте — недоступная ее пониманию неведомая сила, или же самый обычный страх перед неведомым. И допустив мысль, что она просто боится, внезапно поняла, что может двигаться.

И прыгнула. Высоко вверх.

Этот прыжок был самым сильным, самым мощным из всех, что она когда-либо совершала. И стрелой взлетела к Столсангу, окутанная изумрудными разрядами молний, и багровой тенью Ириссы, материализованной настолько отчетливо, что можно было рассмотреть каждую шерстинку ее шкуры, и подрагивающие от ярости длинные кошачьи усы.

Кривые когти вспороли оранжевую броню Крэйна, словно бумагу, оставив глубокие раны на груди и животе. Обрубок его руки, из которого раньше росли щупальца, превратился в длинный костяной клинок, которым он попытался ударить Юрику, но она уже падала обратно вниз — рядом с ним не было никакой опоры. И спиной врезалась во что-то мягкое и пушистое.

Девушка повернула голову — и увидела длинную белую шею, заканчивающуюся удлинённой белой головой зверя из отряда псовых, с лишней парой глаз и ушей. И с рогами. На шее, обхватив ее ногами, восседала Виктория, вцепившись в серебряную гриву побелевшими от напряжения пальцами.

Повернув голову в другую сторону, Юрика увидела, что тело зверя по-змеиному узкое, свитое в подвижные петли, и парит в воздухе без помощи крыльев. И сразу в памяти всплыла иллюстрация из старинной книги по астрономии: именно так в ней выглядел Кирин.

— Привет...

Рядом на спине мифического зверя из золотой вспышки возник Ранмаро, и отшвырнул от них Столсанга мощным воздушным ударом. Теперь они могли объединить против него свои силы, и это воодушевляло.

— Что я вижу, — голос Крэйна был глухим и хриплым, с каждым новым восстановленным участком сожженной кожи к нему возвращалась прежняя сила. — Дети Богини Юга решили, что справятся со мной, если станут плечом к плечу? Что за детская наивность. Мне убить вас сразу, или поиграть с Ришари, отправляя ей ваши пальчики посылками «Юг-Экспресса»?

— Она не моя мать, — ледяным тоном ответила Виктория, покачивая игольчатой короной смерзшихся золотых волос. Ее кожа и одежда были покрыты серебряной изморозью, и Юрика заметила, что ее бьет крупной дрожью просто потому, что она замерзает рядом с племянницей — несмотря на то, что порядком разгорячена сражением.

— Она ее бабушка, — объяснила она Крэйну, передергивая плечами. — Хотя это не значит, что мама расстроится сильнее, если получит по почте мои, а не ее пальчики. Дядя Столсанг, у вас ярко выраженные садистские наклонности, вам никак нельзя миром управлять. Лично я — против.

Кривая улыбка сошла с тонких губ Крэйна. Восстановленные змеи на месте его волос встали дыбом и зашипели, трясая кончиками крошечных раздвоенных языков.

Юрика не ожидала такой яркой реакции на настолько прозрачную провокацию. Он ведь казался довольно ироничным персонажем... Или она просто сама себя ввела в заблуждение, сравнивая Крэйна с дядей?

— Ты считаешь меня садистом? — Столсанг, без всяких сомнений, был возмущен ее словами. И горел намерением изменить ее точку зрения.

Юрику это позабавило. Викторию тоже, а вот Ранмаро сохранял подчеркнутую серьезность. Возможно, это было вызвано тем, что он, в отличие от сестер, мог только ускользать от атак Крэйна — его воздушные удары были против него бесполезны. А меч был безвозвратно утерян.

— Ты считаешь, что я недостойн быть правителем? — продолжил Столсанг. — А кто достоин? Ваша мать? Убийца собственных мужей — и тысяч несчастных, оказавшихся не с той стороны баррикад? Вы хотя бы представляете, с каким наслаждением она убивала? С каким удовольствием расчленяла и испепеляла сотни и тысячи людей? Они все были чьими-то детьми, родителями, братьями и сестрами...

— Дядя Столсанг, мы прекрасно знаем, что наша мама и бабушка не ангел во плоти, — помрачнев, ответила Юрика. Ей стало уже совсем не весело. — Мы с ней потом сами разберемся, обещаю. Но сначала с вами.

— А может быть, Дженази? — Крэйн, казалось, даже не заметил мрачной тирады девушки. — Ваш заботливый дядя, который даже не счел нужным помочь вам в этой битве? Ему ведь все равно, что с вами здесь случится. И это не уверенность в ваших силах — ему просто безразлично, какие раны вы получите, и как будете страдать.

— Так, хватит тут краски сгущать! — теперь уже вспыхнула сама Юрика. — Дядя не такой. Если бы он был здесь нужен — то он бы здесь был. Ты просто слишком много о себе возомнил, считая себя чем-то грозно-устрашающим. Выпендрейник!

— Но знаете, я совсем не удивлен его равнодушием к вашей судьбе, — яростное возмущение девушки прошло мимо Крэйна, как параллельная линия в эвклидовом

пространстве. — Трепетное отношение у него возможно только в сторону его личных нравственных и идейных соображений. Люди, имена, судьбы... Он убьет, уничтожит каждого, кто окажется несогласен с его видением мира. Прокурор, судья и палач в одном лице. Он взял на себя право казнить и миловать — и почему? Потому что абсолютно уверен в своей правоте. Кто я по сравнению с ним? Это я-то — чудовище? Вынужденный сожалеть о каждой принесенной в жертву жизни ради блага всего этого мира?

— Ты пытаешься скормить наш мир ожившему кошмару шизофреника, — ответила Виктория, одним только движением ладоней заставляя кирина медленно, практически незаметно подплывать ближе к Столсангу — миллиметр за миллиметром.

— Мне однажды что-то и похуже снилось... — вполголоса произнес Ранмаро.

— ...просто ожившему кошмару, — немедленно поправила себя Виктория. Тоже вполголоса.

— Дженази в один миг уничтожил целый город — только потому, что оказался против его древних обычаев, — ответил Крэйн с каменным выражением лица. — Прекрасный древний город, сияющий, сверкающий огнями совершенных технологий и совершенного устройства. В один миг убил тысячи мужчин и женщин. Тысячи детей и стариков. Без тени и капли сомнений. Мой город. Мой Дрэм-Къеко. Всю мою семью... — голос Столсанга дрогнул. Уголки фиолетовых глаз предательски заблестели. — Вы не смеете называть чудовищем меня — и пытаться оправдать его. После всего, что он совершил.

На это не нашлось ответа ни у Юрики, ни у Ранмаро, ни у Виктории. Внезапно они втроем осознали, что несмотря на то, что знают о Дженази так много, все же знают о нем поразительно мало.

— Но ведь и не мне одному жаждать справедливого суда для убийцы Великих Домов, — уже более спокойным тоном продолжил Крэйн. — Ведь вам ли защищать его, наследники Великого Дома Лэйт? Чей клинок прервал жизнь вашего блистательного деда Валериана? Кто убил старших братьев и сестер ваших отца и матери? Касьян Лэйт, Аргус Лэйт, Аврелия Лэйт — я знал их. Я помню их. А вы... Вы хотя бы слышали их имена? Вы хотя бы знали, что у вас были дяди и тетя?

— Ну конечно они знали... — Юрика немедленно попыталась возразить, но краем глаза поймала застывшие выражения лиц Виктории и Ранмаро — и осеклась. — То есть как?..

— Даже ваша прабабушка — несчастная, забытая всеми, Последняя Из Рода Лэйт — Лэйла. Он убил ее, — каждое новое слово вбивало в сердце тяжелый железный гвоздь. — Вы, истинные наследники Великого Дома Лэйт — почему вы пытаетесь помешать мне? Позвольте мне восстановить справедливость в этом несчастном мире, ставшем жертвой тех, кто использовал свою несправедливую силу ради разрушения его исконных устоев. Позвольте мне вернуть то, что принадлежит вам по праву.

Крэйн протянул им свою руку — не только Ранмаро и Виктории, но и Юрике тоже. Он улыбался им, открыто и искренне, и они ощутили, что от него больше не исходит угрозы. Что он... совершенно честен и искренен. Юрика отказывалась признать, что Столсанг говорит правду — и все же чувствовала, что это так.

Сердце встряхнул короткий и сильный разряд, слабая молния предчувствия пронзила ее грудь — так ее тело отозвалось на другую молнию, которая набирала силу далеко внизу. «Просперо!» — промелькнуло у нее в голове, уже после того, как она крикнула «Берегись!» — не только брату и племяннице, но, к ее глубокому личному ужасу, и Крэйну. И он успел качнуться назад корпусом, убирая с траектории удара голову.

Воздух вспорол сверкающее синими рядами длинное — не менее пяти метров в длину — остро заточенное копьё. Оно пронеслось с сантиметре от лица Столсанга, расчертив его полосами ожогов от хвостов плазменных дуг. Юрика похолодела: если бы не ее вскрик, копьё пронзило бы Крэйна. И энергии, заключенной в нем, хватило бы, чтобы сразить врага. Она отчетливо ощутила эту невероятную мощь, которая никак не могла принадлежать Просперо — и все же принадлежала.

Она спасла Крэйну жизнь.

— Благодарю... — прошептал Столсанг. Его глаза были широко раскрыты, темные зрачки расширились от понимания того, чего он только что избежал. И благодарность его было искренней.

Юрика не смогла вымолвить ни слова. И проводила взглядом чародейское копьё. Оно уже исчезло из ее поля зрения. Утонуло в бесконечной черноте спирального лимонного облака. В его сердце.

— Не стоит благодарности... Я просто убрала препятствие. Инспектор Эспозитс меткий стрелок, но это совсем не то же самое, что бросать острые палки, — она уже увидела, как тускнеют и исчезают черные искры, льющиеся сверху. И как исчезает это пугающее черное сияние. — Хотя он все-таки попал.

А потом все они услышали крик. Вопль дикой, невыносимой боли, словно в глаз вонзили раскаленную иглу. Они услышали его не ушами, а словно самой душой, и всем телом. И ощутили эту боль как свою собственную. Всего на миг, но этого хватило, чтобы понять, что тому, что скрывается за тьмой этой кошмарной бездны, в сотни, в тысячи раз хуже и больнее.

Тот, кто наблюдал за ними сверху; тот, кто помогал Крэйну; тот, чью силу он использовал — пусть и частичку, нелепо смешную — то существо было поражено и ослеплено. И тьма в центре желтой спирали исчезла, а само облако — немедленно рассеялось.

То есть, оно рассеивалось в процессе того, как все, что было поднято им в воздух на высоту около пяти километров, начало падать обратно на землю.

— Он падает, — произнесла Юрика, провожая взглядом летящего вниз Крэйна. Кирик, на котором они сидели, парил в воздухе сам по себе, так что исчезновение гравитационной силы облака на них не сказалось. И почти сразу опомнилась. — Надо спасать остальных!

Глава 88. О триумфе техномагии, хорошей мине при плохой игре — и о том, почему нельзя доверять воронам

Просперо всегда считал, что не боится высоты. Ему по роду службы приходилось прыгать со второго этажа на асфальт, он мог спокойно посмотреть вниз с крыши многоэтажки, и без особой дрожи в руках и ногах взобраться на строительные леса в погоне за подозреваемым. Ему не раз приходилось сталкиваться с высотой, и он был уверен, что не боится ее — в то время, как отдельные люди испытывают головокружение, просто взобравшись на табуретку. И не могут спокойно спуститься с обычной лестницы в подьезде.

Например, его старый знакомый по службе, Энрике Шосс. Тогда еще совсем молодой парнишка, младший помощник одного из его коллег. Однажды от него потребовалось взобраться на чердак жандармерии по четырехметровой вертикальной лестнице. Наверх он поднялся без проблем, а вот когда пришло время спускаться, запаниковал: ему показалось, что лестница под ним шатается. Он проторчал наверху два часа, не помогали ни уговоры, ни советы, ни угрозы. Только когда старик Роберто полез за ним, дело сдвинулось с мертвой точки. Слезал Энрике с закрытыми глазами, придерживаемый за шиворот старым жандармом.

Просперо с коллегами долго посмеивался над незадачливым парнем. И подумать не мог, что однажды поймет, что тот чувствовал на самом деле. Всего-то и нужно было, что проверить на себе действие высоты, превосходящей четырехметровую лестницу в тысячи раз.

Крэйн Столсанг использовал силу своего покровителя — и гравитация поменяла свое направление. Замок начал разваливаться, поднимаясь вверх камень за камнем. Немного медленнее ускорения свободного падения, направленного к центру планеты, но тем не менее: верх и низ поменялись местами. Юрика, Ранмаро и Виктория мгновенно приспособились к инверсии притяжения, а вот он не смог. Только что опора была прямо под ногами, а теперь он падал в бездну глубиной в несколько километров, и то, что было полом, стало сводом мгновенно изменившегося мира. И внизу его ждало такое знакомое лимонно-желтое облако с чернотой в сердцевине.

Просперо как мог балансировал на небольшой каменной плите, увлекаемой гравитационным водоворотом вместе с другими фрагментами замка. Он не мог падать быстрее нее, но она хотя бы частично заслоняла собой головокружительную бездну под ногами. Товарищи уже сражались с Крэйном далеко внизу — или вверху для наблюдателя со стороны, не задетого вихрем — а он все никак не мог найти надежную точку опоры. И понятия не имел, как вообще сможет помочь в этих обстоятельствах.

Он оказался совершенно бесполезен.

Плита вместе с ним провернулась вокруг своей оси, и Просперо едва не выпустил ее. Но чья-то крепкая рука помогла ему удержаться за камень. Она принадлежала Раббену Тоттенгриберу.

Бывший Гвардеец не спешил на помощь Юрике, Ранмаро, Виктории и Фредерику, и как и Просперо, с самого начала вознесения не старался добиться большей скорости, чем скорость, с которой их втягивало в спиральное облако. Он явно никуда не торопился.

— Им нужно помочь! — крикнул ему Просперо после того, как вихрь пронзил выстрел Столсанга. Расстояние было слишком велико, чтобы рассмотреть подробности схватки, да и летающие по спирали обломки мешали обзору, но у него был Забытый, который как мог комментировал происходящее внизу. Точнее, наверху.

«Брахма использовал молекулярный распад на расстоянии, — мрачно изрек Дзаа-Тхон-Кгар. — Ткач Измерений и Симаргл едва успели увернуться».

Брахмой Забытый звал Крэйна, Ткачом Измерений и Симарглом — Фредерика и Ранмаро.

«Ты же именовал Ранмаро Рыцарем Света, — удивился Просперо. — Почему он стал Симарглом?»

«Не цепляйся к словам, Убийца Гигантов, у него теперь два имени, и я зову его тем, которое короче,» — раздраженно отмахнулся от вопроса Забытый.

А потом в их мысленной диалог вмешались. Это было похоже на стук, который раздался за пределами пространства, внутри которого общались Просперо и Тхон-Кгар, и Забытый ответил на него. И каким-то образом измерение за Вратами, в котором был заключен его Забытый, соединилось с измерением, в котором был запечатан Наму-Ар-Зонкон — Великий Кузнец и Забытый Раббена Тоттенгрибера. Инспектор увидел перед собой двенадцатирукого великана с бронзовой кожей и зелеными глазами. Гладкий череп был покрыт следами коррозии, нижняя часть лица скрыта алым платком. Две верхние руки были пусты, а остальные сжимали разные инструменты, от кузнечного молота до напильника. Еще больше инструментов торчало из многочисленных карманов его тяжелого фартука, покрытого пятнами копоти. Он скрывал ноги Забытого, так что казалось, что Зонкон парит в воздухе без всякой опоры.

Рядом с ним находился Раббен.

Действительно, общаться здесь, рядом с Забытыми, было гораздо удобнее, чем в физическом мире, где кипела схватка и камни летали по сложноупорядоченным траекториям.

— Ты должен разорвать связь между Крэйном и его хозяином, — произнес Тоттенгрибер, обращаясь к Просперо. И произнес он это совершенно серьезно.

— Темное око над нами — это дыра в измерение Шепчущих. Крэйн создал ее, принеся в жертву десятки человеческих жизней, и теперь получает помощь от своего господина. Пока дыра открыта, его невозможно убить, а Шепчущий может влиять на нашу реальность.

— И как же я это сделаю? — удивился Просперо, с большим сомнением отнесясь к предложению стать главным героем этой истории.

— Ты — Убийца Гигантов, — вместо Раббена пророкотал Дзаа-Тхон-Кгар.

— Только Убийца Гигантов может убить Неназываемого, — добавил Наму-Ар-Зонкон.

— Шепчущий — не Неназываемый, но твоему копыю все равно, к какому роду принадлежит чудовище, — пояснил Тхон-Кгар.

— Даже если ты просто ранишь его, связь между ним и Брахмой оборвется, — Зонкону, похоже, нравилось таким загадочно-мистическим голосом вторить своему сородичу — или даже брату. Просперо не имел ни малейшего понятия о родственных узах Забытых.

— Слепи его. Направь свое копые в дыру между мирами, вонзи его в глаз Шепчущего, — Тхон-Кгар не стеснялся кровожадного тона в своем громовом голосе.

Длинное тяжелое копые словно само возникло рядом с Просперо, и повисло в воздухе у

его правого плеча. А ведь он просто подумал об оружии, которое можно метнуть в цель... Что же, в реальном мире просто так повторить это не получится.

— Я не доброшу его, — возразил он Забытым. — Даже если просто дать ему падать в дыру под действием ее притяжения — я не смогу поддерживать его форму на таком огромном расстоянии.

— На копье не будет действовать темное притяжение, оно не подвластно ему.

— Тем более... У меня сил не хватит. Я его и на двадцать метров не кину! А тут сколько... Десять километров? И это вертикально вверх.

— Святой поможет тебе, — ответил Зонкон.

Просперо повернулся в сторону Раббена Тоттенгрибера.

— Вы? — изумился он. — Как?

— Моя мистическая способность, — сдержанно ответил Раббен. — Я могу аккумулировать в живом и неживом мистическую энергию. Очень много мистической энергии. Усилить в десятки и сотни раз мистические способности. На время.

— Настолько, что я смогу кинуть копье на десять километров? — не поверил инспектор.

Раббен нахмурился. Видимо, задача казалась невыполнимой и ему — при всей поразительной мощи его способности. А ведь Просперо даже не слышал о таком. Что это вообще возможно.

— Я научу тебя новому заклинанию, — пришел на помощь Тхон-Кгар. — Ты сможешь создать индукционную катушку, и бросить копье через нее. Святой усилит ее эффект — и твое оружие поразит цель даже на таком расстоянии.

— Нужно только попробовать... — ответил инспектор неуверенно. И вместе с Раббеном вернулся в реальность.

Бой с Крэйном продолжался, Фредерик и ребята не отступали и не давали ему ни секунды передышки. Но когда сверху сверкнула зеленая молния, Шепчущий пришел на помощь своему слуге, и сквозь дыру в пространстве направил на них поток своей черной воли. Просперо ощутил, как пристальный взгляд могущественного существа сковал его тело и разум, останавливая потоки мистической энергии и не позволяя творить заклинания. Но Раббена немедленно охватило яркое белое сияние, которое коснулось Просперо — и освободило его от действия черного света, сковавшего всякое движение в пределах своего действия.

А потом Тоттенгрибер положил на плечо инспектора свою руку — и неудержимый поток энергии хлынул в его тело. Это было совсем не похоже на прикосновение к Вратам Сердца Мира или подпитку энергией от самого Забытого — Просперо мог удержать лишь ограниченный, строго определенный объем. Эта же мистическая энергия была другой. Она была словно светлее и легче, и налипала на него, словно снежный ком, пренебрегая ограничениями его тела и разума. И Просперо чувствовал ее в себе все больше. Еще больше. Просто невероятный, потрясающий объем мистической энергии, который можно было с легкостью использовать.

Такое количество энергии привело его в состояние эйфории. Тело стало легким, словно пушинка, а мысли — ясными и четкими. Инспектор подумал, что именно так, должно быть, чувствуют себя люди вроде Дженази и Кенсэя, и позавидовал тому, что они испытывают это постоянно. Ощущение всемогущества.

В голове раздался шепот Дзаа-Тхон-Кгара. Просперо увидел его — структуру

заклинания, похожего на пружину. А точнее, индукционную катушку, которая может выстрелить из себя проводник, придав ему огромную скорость. Пушка Гаусса — древнее название оружия, использующего законы электромагнетизма. Малоэффективное из-за низкого коэффициента полезного действия, но сейчас в распоряжении Просперо был просто океан энергии, так что какая разница, сколько именно будет потрачено на то, чтобы отправить копьё точно в цель? К тому же магическая природа катушки явно компенсировала недостатки аналога из металла.

Создав в воздухе свернутую в спираль сияющую синими знаками ленту, Просперо поместил внутрь нее длинное и тяжелое копьё с острым наконечником — и активировал заклинание. Прицелиться, направить его точно в цель мог только Тхон-Кгар, и инспектор доверился зрению Забытого бога.

Грозное копьё исчезло — приданное ему ускорение оказалось слишком большим, чтобы глаз мог уследить за ним. Только черточка синего света вспыхнула — и растаяла между ними и темным провалом между измерениями. И не прошло десяти секунд, как тот, кто скрывался за гранью измерений и наблюдал, направляя Крэйна, закричал от боли.

Копьё Просперо достигло цели.

Дыра в небе схлопнулась, втянув в себя лимонное облако и вернув пространству его привычные свойства — обычную цветовую гамму и нормальную работу одной из фундаментальных сил природы, благодаря которой более легкие тела притягиваются к более тяжелым. И если разница между ними слишком велика, это притяжение выглядит как весьма стремительное падение.

Фрагменты замка, поднятые на внушительную высоту, рухнули вниз — и Крэйн, Просперо и все остальные вместе с ними.

Просперо выгнал из-под падающих камней Раббен, Юрику и Ранмаро — Виктория верхом на серебряном змее с рогами. Фредерик и Мэй выбрались самостоятельно. И они все вместе помогли эвакуироваться «алым» и присматривающими за ними членам штурмового отряда «Стаи». От которого остались только Римпо Лу, Йохан, Ная и Шон Шабири.

Все вместе они собрались в полу километре от груды обломков, чуть более получаса назад бывшей замком Столсанга, и тщетно пытались что-то рассмотреть сквозь густое облако пыли, столбом поднявшееся над местом падения. Крэйн скрывался где-то в центре завершившегося камнепада, и скорее всего, все еще был жив.

Через час приехал автобус с основным отрядом «Диких», собранным Вальдом Брауном. И открылось семь порталов, из которых вышли мобильные отряды «серебряных» и «диких» во главе с чародеями — один за другим. Они получили сообщение Просперо и пришли как только смогли.

В конечном итоге у руин замка Столсанга собралось больше двухсот бойцов Стаи, к которым постоянно присоединялись новые и новые силы. И сейчас у них была только одна цель: найти Крэйна.

Его нашла Мэй. Точнее, указала место в склоне кургана, из которого Столсанг выбрался наружу. Он прокопал себе путь на свободу, используя все свои силы, и когда наконец выбрался, находился в весьма плачевном состоянии. К этому моменту полностью стемнело, поэтому один из прибывших чародеев зажег высоко в воздухе мощные чародейские светильники, разогнавшие ночной мрак на сотни метров вокруг. И в их ярком свете были отчетливо видны рваные раны на теле Крэйна, трещины и вмятины в оранжевом хитине. Его

порядком потрепало во время падения. Да и раны, полученные во время боя с Юрикой, Викторией, Ранмаро и Фредериком, никуда не делись.

— Ну что же, на этот раз я в меньшинстве, — произнес он, тяжело дыша. Выпрямился — под десятками внимательных глаз воинов Стаи. Они окружили его полукольцом, а за спиной у него возвышалась гора из камней, бывших недавно его семейным гнездом.

— Я — Крэйн Столсанг, предводитель Алой Стаи, — громко сказал неудавшийся эмиссар Шепчущих. — И я требую, чтобы вы все немедленно покинули мои владения. Я вас не приглашал, так что идите к черту.

— Ты больше не наш предводитель, — слабым, но твердым голосом возразил Луис Амавази, выходя вперед. — С этого момента я беру на себя эту функцию.

— Мы поддерживаем это решение, — Артур Коккинавье и Ребекка Сатронг стали слева и справа от Луиса — пошатываясь и поддерживая друг друга.

— Вы — еще не все «алые», — раздраженно заявил Крэйн. — Далекое не все. Одно мое слово — и будут выбраны новые офицеры, а вы можете проваливать. Эхат, с этого момента ты становишься моей правой рукой, и поможешь мне выбрать новых членов совета Алой Стаи. Эхат? Эхат Ястреб!

Эхат Ястреб в этот момент находился в полубессознательном состоянии далеко за спинами собравшихся, и никак не мог что-либо ответить на новость о своем повышении. Рядом с ним лежал Ренар Нок-Старвинд — на ноги его не смогло сразу поставить даже исцеляющее прикосновение Раббена.

— Довольно, Крэйн, — покачал головой Луис. — Дженази вернулся, а здесь, среди нас — Мэй и дети Ришари. Стая — Дикая, Серебряная и Алая — теперь будет выполнять их приказы. И то, что тебя ждет, зависит только от них.

— Они — просто щенки, — с пренебрежением заметил Столсанг. — Они не могут управлять Стаей только потому, что входят в так называемый дом Саргас. И я докажу это прямо сейчас. Ну же, детишки, — его фиолетовые глаза прошли по напряженным лицам Мэй, Юрики, Ранмаро и Виктории, — кто из вас готов оспорить мое право на Алую Стаю и поединке?

На первый взгляд могло показаться, что Крэйн сошел с ума, бросая вызов с такими серьезными повреждениями — от его измененной руки осталась обугленная культяпка, а из-под хитиновых пластин сочилась темная жижа, отдаленно напоминая кровь. Но Просперо знал, что в его теле еще достаточно энергии, чтобы разорвать человека на части. И судя по коварному огоньку в глубине глаз Столсанга, он рассчитывал на то, что показавшие себя в бою с самой лучшей стороны ребята вполне могли выдохнуться. И у него были на это основания.

Юрика шагнула вперед — ее волосы шевелились от потрескивающих между ними зеленых искр. Рядом возник Ранмаро, охваченный золотым сиянием, и стала Виктория, окруженная парящими в воздухе иглами льда. Кирин, ее могущественный питомец, куда-то исчез, но это никак не сказалось на ее уверенности в себе.

— Теперь я отвечаю за Стаю, — устало ответила Мэй. Волосы скрывали половину ее лица, но этого было недостаточно, чтобы окружающие не заметили, что с ним что-то не так. — И я принимаю твой вызов, Крэйн. Сразимся. Ты проиграешь на глазах у всех, и больше ни у кого не возникнет сомнений в том, кто должен отдавать приказы.

Крэйн позволил себе торжествующую ухмылку.

— Прекрасно. Предлагая здесь и сейчас... — конец фразы получился смазанным,

потому что он увидел, как в руку девушки вложили рукоять меча.

Столсанг нахмурился, но требовать боя без оружия не стал. Впрочем, один из прибывших «серебряных» швырнул ему свой меч, и Крэйн поймал его целой рукой. Взвесил его в руке, сделал пробный взмах — и бросился на Мэй, молча и без предупреждения.

Клинок Крэйна сломался на третьем ударе — фехтовальщик из него оказался так себе. Лезвие меча Мэй пробило хитиновую пластину у него на груди, и из раны хлынула темная кровь. Затягиваться она не торопилась.

Столсанг выбросил вперед открытую ладонь — и девушка рефлекторно поставила блок мечом, отражая невидимую атаку. Крэйн победно усмехнулся, но улыбка сразу же исчезла с его губ: половина клинка Мэй растворилась, но не более того. Она смогла заблокировать действие его мистической способности.

И вогнала обломок меча ему в бок.

Крэйн вскрикнул — и упал на колени, стиснув пальцами вошедшее в тело лезвие. Мэй не без труда освободила оружие и занесла его над головой, собираясь опустить его уже на голову Столсанга. В ней все еще было отверстие от пули Раббена Тоттенгрибера — свидетельство его пренебрежения физическими повреждениями. Которое исчезло вместе с волей Шепчущего.

— Возможно, я слегка погорячился... — начал было Крэйн, но Мэй покачала головой.

— Нет. Ты умрешь. Сейчас, — и ударила. Резко и безжалостно. Но вместо черепа Столсанга обломок меча столкнулся со сталью: Раббен Тоттенгрибер вмещался в поединок, и выставил на пути клинка тяжелый черный посох, окованный металлом.

— Он нужен мне живым, — сухо ответил он на немой вопрос Мэй и всех, кто наблюдал за дуэлью. И вместе с Крэйном исчез в чародейском портале.

Все произошло так резко и неожиданно, что понадобилось какое-то время на то, чтобы осознать, что только что Крэйн ускользнул от возмездия за содеянное. Раббен даже не соизволил объяснить мотивы своего поступка, немедленно напомнив, что он оказался их союзником только потому, что у них был общий враг — который уже был побежден. А следовательно, причин для «дружбы» больше не было.

— Не стоило забывать, что он прежде всего Гвардеец Хаоса, — в конце концов прокомментировал произошедшее Фредерик.

Вместе с Раббеном и Крэйном исчезли Ариана Рэйсток и Йохан Новак, но этому обстоятельству уже никто не придал особого значения.

Даже Просперо.

Глава 89. Новые клятвы в тени кургана. Старые споры в свете костра

33 июля 1014 года. Судо.

Юрика любила рассвет. Она любила встречать его в полном одиночестве, наблюдая, как темная синева небосвода постепенно светлеет, окрашивается во все оттенки бежевого, оранжевого, желтого и розового. Солнце подсвечивает яркими красками облака, а если небо на востоке чистое, просто поджигает его мягким нежным пламенем, очищающим сердце и душу. Оно выжигает все плохое и злое, обновляет, дает силы встретить новый день. Какой бы тяжелой и бессонной не была ночь, огни рассвета помогут подняться, расправить плечи и улыбнуться новому дню — даже если какие-то минуты назад казалось, что все, что возможностей тела может хватить только на то, чтобы не дать векам сомкнуться со звуком захлопнутых ставен. Рассвет — одно из величайших чудес во Вселенной, и Юрика могла наслаждаться им в любых — совершенно любых обстоятельствах.

Даже сейчас. Радость встречи рассвета омрачали обстоятельства, но она была — и помогала хоть как-то смягчить те переживания, которые она испытывала, глядя на десятки людей, разбирающих гору обломков, оставшихся от замка Столсанга. Юрика сидела метрах в ста от рва, образовавшегося после того, как стены, окружавшие замок, вырвало вместе с фундаментом, и с такого расстояния груды камней не казались такой уже большой. Наверное, потому, что из нее не получилось выразительного конуса, хотя вихрь, вызванный Крэйном, и стянул их ближе к центру. Не самый красивый могильный курган. Может быть, если бы он выглядел получше, Стая так бы и оставила тела погибших покоиться под этим нагромождением разбитых плит и блоков, вперемешку с мебелью и прочими элементами внутреннего убранства. Ограничились бы могильным камнем с именами погибших.

Большим красивым камнем.

Юрика собиралась им помочь. Не прямо сейчас. Через пять-десять минут, когда сможет преодолеть боль и усталость, которые сковали ее тело. Мышцы, казалось, были готовы окончательно разорваться при любом движении, нельзя было просто пошевелиться, чтобы не ощутить внутри себя стальные иглы, зазубренные лезвия и битое стекло. Воображаемые, конечно. Всего лишь примитивная визуализация непередаваемой гаммы ярких ощущений, вызванных применением мистических способностей ее родителей. То ли дело было в том, что они не были ее собственными изначально, то ли это такая реакция на их первое использование — Юрика не знала. Только радовалась, что осталась с целыми костями, связками и сухожилиями. Вероятно, только сила Ириссы спасла ее от судьбы беспомощного инвалида, искалеченного собственной огромной силой. Ее тело очень крепкое от рождения, но его лимиты вчера она явно превысила.

Сзади подошел Ранмаро. Он стал рядом, держа в руках свой меч. Он занялся его поисками, как только начало светать, и хотя справился довольно быстро, выглядел разочарованным. Причина была понятной: на лезвии появился глубокий скол, который вряд ли теперь можно было убрать с помощью одного только точильного камня.

— Он упал с очень большой высоты, — посочувствовала она брату. — О камень стукнулся?

— Да, — подавленно ответил Ран. — Мистическая сталь может выдержать почти что-

удбно, пока держишь ее в руках, но когда выпускаешь, не сильно превосходит обычные сплавы по прочности. И это не мнемосталь, которая сама восстанавливает форму.

— Ого... Круто, — Юрика не была посвящена в технические подробности оружия Небесных Городов, поэтому как умела дала понять, что поняла, о чем он говорит. А выяснять детали — то есть двигать нижней челюстью для разговора — было больно.

— Придется искать новый, — продолжил сокрушаться Ранмаро. А потом решил, что тема, в принципе, исчерпана, и обратил более пристальное внимание на сестру.

— Ты стала очень сильной, — сказал он, смотря не на нее, а на людей, разбирающих завалы. — Так резко... Не думаю, что смогу теперь победить тебя. Эти зеленые молнии... Откуда они?

— Это от мамы. И папы. Помнишь, я говорила, что могу видеть воспоминания всех моих предков? Оказывается, не только видеть, но и использовать их мистические способности. Я как бы получила их в наследство. Но поняла, как их использовать, только во время боя с Эмиссаром Шепчущих. Ты тоже стал немного быстрее после боя со своим Эмиссаром.

Ранмаро улыбнулся тому, с каким тоном Юрика произнесла слово «немного». И похоже, просто не решил, как именно нужно реагировать на то, что в распоряжении его младшей сестры оказалась сила, пределы которой теряются в глубине веков, скрывающих происхождение человеческого вида.

— Да, теперь я точно смогу убежать от Рии, если случайно съем ее йогурт, — произнес он с серьезным видом, комментируя только последнюю фразу Юрики. — Хотя проверять все же не стоит...

Юрика улыбнулась. И немедленно спрятала улыбку, когда увидела приближающуюся Викторю.

Кивнула ей и подвинулась, освобождая краешек камня, чтобы девушка смогла сесть рядом.

Виктория приняла приглашение.

Юрика слегка поежилась: от нее веяло прохладной свежестью.

— Меня обсуждаете? — спросила Виктория с шутливым подозрением.

— Да, — ответила Юрика полусерьезно. — Никак не можем понять, когда и где ты успела прикормить своего наплечного питомца. Как его зовут?

— И где он сейчас? — спросил Ранмаро.

Виктория расстегнула молнию спортивной толстовки, обнажая шею и ключицы, и сосредоточилась. Через пару секунд на чистой коже проступили серебряные линии узоров, складывающихся в змеиное тело странного зверя, который выглядел как мифический Кирин.

— На моей коже, хотя это очень сильно упрощенное объяснение, — ответила девушка. — И его зовут Кирин. Он очень старый. Даже древний. Очень древний. Пришел мне на помощь, когда я сражалась с Эмиссаром. Из прошлого.

— А мне отец способность подарил, — ответил внезапно Ранмаро. И мгновенно ступешался под изумленными взглядами сестер. — Ну, я так думаю. Пришел большой золотой лис и откусил Эмиссару руку.

— Дядя Кристиан погиб... — произнесла Виктория растерянно.

Юрику охватило непреодолимое желание провалиться сквозь землю. Она вспомнила. Вспомнила, что так и не рассказала Ранмаро о том, что встретила в Волчьей Зиме Данэ Даркенвэй и Регулуса Старвинда в виде зверей, хотя они должны были быть мертвы по вине

их матери. И Виктории она тоже не рассказала... А ведь если они бродят по снежным пустошам в шкурах медведя и тигра, то и Кристиан Лэйт запросто мог перевоплотиться в лиса.

— Я ведь так и не рассказала тебе, откуда у меня воспоминания Дана Даркенвэй? — она решила зайти издалека.

— Кого? — вопрос Рана был закономерным. Юрика вздохнула. Как же все-таки больно говорить...

Рассказ о том, как ее едва не съели в Волчьей Зиме, получился короткий. Если бы она чувствовала себя получше, то разукрасила его подробностями личным впечатлений и догадками по поводу особенностей этого странного места, но сейчас сил у нее хватило только на перечисление голых фактов. И когда закончила, погрузилась в долгое молчание, ожидая, когда Ран и Рия переварят услышанное.

— Как туда попасть? — сухо спросил Ранмаро, сосредоточенно хмурясь.

— Я не знаю, — пожалала плечами Юрика. — Это никогда не происходило по моей воле. Нужно расспросить дядю.

— Если отец и правда жив, то он там. В Волчьей Зиме.

Виктория положила руку ему на плечо.

— Мы обязательно найдем способ, — сказала она с теплой улыбкой. — Обязательно. Кстати, — она повернулась к Юрике, — получается, что Ичиро так и остался там? Он исчез после того дня в Фламби, никто из Стаи его больше не видел.

— Дядя сказал, что он жив, — ответила Юрика. — Может быть, что он там. Ты хочешь его найти?

— Я хочу заставить его пожалеть о том, что он встал на сторону Ришари в тот день, когда был нужен нам, — мрачным тоном ответила Виктория.

— Ну да, теперь ты, наверное, сможешь, — улыбнулась Юрика. — Возможно, теперь мы даже маме сможем преподать урок. Если втроем навалимся. Наверное.

— Самоуверенность есть путь к гибели, — Ранмаро с улыбкой процитировал Кенсэя, когда тот тренировал их на пляже Креслана.

— Ага, — она задумчиво кивнула. И увидела, что к ним приближается Мэй.

Новая глава Стаи выглядела усталой и подавленной, и когда подошла достаточно близко, стало заметно, что она избегает смотреть им в глаза.

— Мы все еще не нашли Вальда, — произнесла она безжизненным голосом, садясь прямо на землю перед ними и обхватывая руками колени. Волосы с правой стороны стали темно-русыми, привлекая внимание контрастом с иссиня-черными, и закрывали правую сторону лица, но их длины не хватало, чтобы скрыть то, что теперь она совсем не такая, как левая. Отличие черт лица яо и гемини было разительным, и цвет правого глаза изменился на серый. А еще мимика новой части лица отчетливо не совпадала с тем, что Мэй говорила: движения бровей и век были несинхронные, а порой прямо противоположные друг другу. Выглядело это жутко.

Юрика не хотела спрашивать ее о том, что случилось, Мэй была поглощена горем утраты. Девушка и сама остро переживала смерть жизнерадостного и добродушного Вальда, хотя знала его меньше суток, но Мэй была просто раздавлена произошедшим.

— Ты не виновата, — Юрика произнесла это — и сама поняла, насколько же бесполезны эти слова.

— Я боялась за Наю, Римпо, Белтура, Фредерика... За вас троих — но не за него, — Мэй словно не слышала Юрику. — Он был словно скала, надежный и несокрушимый, за ним можно было спрятаться от чего-угодно — и он погиб. Прямо у меня на глазах. Из-за того, что я решила, что мы сможем справиться самостоятельно. Я недооценила врага, и не смогла спасти своего человека.

— Мы все осознавали риск, — произнесла Виктория. — И понимали, что это необходимо для того, чтобы избежать куда больших потерь. Промедление обернулось бы катастрофой. А результат... Как не посмотри, победа далась нам малой кровью. Нас было двенадцать, а вернулось десять. И мы спасли шесть офицеров Стаи. Если Ариану Рейсток можно назвать живой, конечно.

— Ее забрал Раббен, — напомнил Ранмаро. — И Йохан, похоже, тоже ушел с ним. Он ведь на самом деле агент «Рассвета». И чародей в придачу. У них много общего, а «Стаю» он должен опасаться, и небезосновательно. Но Просперо сказал, что Йохан был полезен в бою, и убил одного из «алых».

— Мы шли их спасать, — сухо напомнила Виктория.

— Ну, это да...

— Раббен забрал Крэйна, — с яростью в голосе произнесла Мэй. Но ее взгляд по-прежнему был направлен в землю. — Ублюдок все еще жив.

— Раббен помог Просперо освободить «алых» от контроля Шепчущего. И без него нас всех затянуло бы к нему в пасть. Вряд ли он позволит Крэйну бегать на свободе...

— Это неважно, — отрезала Мэй. — Крэйн — чудовище. Если его не убить, кто-то снова пострадает в будущем.

— Ты расстроена не только из-за Крэйна, — Юрика решилась на еще одну попытку утешить Мэй. И похоже, на этот раз угадала с выбором слов.

Девушка крепче прижала колени к груди.

— Перед тем, как добраться до Крэйна, я обезвредила отряд его личных телохранителей. Они находились под его контролем, и я не стала их убивать. Думала, что смогу их спасти, когда разберусь с ним. Хоть кого-то в этом проклятом замке. А их раздавило камнями, когда замок рухнул обратно. Я думала только о вас, Шоне, Нае, Римпо и «алых», когда все посыпалось вниз. Я просто забыла о них. Из-за моих решений погибли не только Вальд и Белтур. Еще девять человек. А я ведь даже имен их не знаю!

— Мэй... — Юрика встала с камня и села перед девушкой, которая дала ей имя. — Нам нужно было вытащить из-под камнепада шестерых «алых», которые даже ползать были не в состоянии, раненую Наю, Римпо, Шона и Йохана. Десять человек. Спасти еще девять мы бы просто не успели. Даже если бы знали о них. У нас были считанные секунды.

— Мы бы успели, — упрямо возразила Мэй.

Юрика вздохнула и обратилась в поисках поддержки к брату и племяннице, но увидела только задумчивую сосредоточенность в их глазах. Похоже, они мысленно оценивали свои возможности — и похоже, что не считали, что задача была бы совсем уж непосильной.

Юрика вздохнула еще раз, тяжелее.

— Кстати о тех, кого мы успели спасти, — она с воодушевлением заметила, что к ее камню приближаются новые лица, и кивнула в их сторону. Мэй обернулась — и поднялась на ноги, чтобы встретить Ребекку Сатронг и Артура Коккинавье.

«Алые» наконец смогли встать на ноги, и похоже, первым делом решили выразить почтение детям Богини Юга.

Выглядели они вполне неплохо, Раббен исцелил травмы, которые они получили в процессе своего обезвреживания, и теперь даже на кисти Артура не было ни одного намека на шрам. Только переодеться им было не во что, так что щеголять им приходилось в том, что осталось от их великолепных нарядов, изорванных и грязных.

— Мы приветствуем детей Богини Юга — и благодарим за наше освобождение и спасение, — произнесла Ребекка Сатронг, отвечивая глубокий поклон. Артур точно так же склонился перед ними, уронив с плеч тяжелую волну густых черных волос. — Если бы не вы, мы бы остались безвольными рабами потусторонних тварей.

— Я клянусь в верности Дому Саргас, — добавил Артур, опускаясь на одно колено. — Я буду служить вам до самой смерти, и передам это почетное право своим детям и внукам.

— Клянусь в верности Дому Саргас, — повторила Ребекка, опускаясь рядом. От Юрики не укрылось то, с каким изумлением посмотрел на нее Артур. — У меня нет детей, но когда они появятся, я скажу им, что своим рождением — и своими жизнями — они обязаны вам.

— Разве однажды вы уже не давали клятву служить Ришари и ее потомкам верой и правдой? И делу Стаи на страже Юга? — спросила Мэй. Юрика обратила внимание на то, что лица «алых» повернуты именно в их сторону — ее, Ранмаро и Виктории. Новая глава Стаи стояла немного в стороне, и они на нее не смотрели, когда произносили свои клятвы. Возможно, это уязвило ее гордость. — К тому же ты, Ребекка, из Великого Дома Сатронг. Который обязан Ришари одним фактом своего существования.

— Это так, — не стала отрицать Ребекка. — Ришари действительно спасла мой Дом от полного истребления Глорией. Но я стала служить ей совсем не поэтому. Она никогда не требовала от Сатронг благодарности за спасение, а в рядах моей семьи было не принято говорить о том, что мы должны ей. Если честно, о том, как мой Дом был спасен, я узнала уже после того, как вступила в ряды ее подчиненных. Я просто преклонялась перед ее силой и харизмой, и начала сражаться под ее началом с еще до того, как была создана Стая. А теперь, когда я оказалась спасена от ужасной участи ее детьми, просто обязана подтвердить свою преданность клятвой. Я больше не восхищенная последовательница Богини Юга. Я — вассал ее семьи.

— А Сатронгу не зазорно опускаться на колени перед Лэйт? — Мэй явно была преисполнена скепсисом при виде подобных душевных порывов.

Замечание явно попало в цель. Ребекка смутилась.

Юрика поняла, что в дело вступила древняя история сложных взаимоотношений Великих Домов.

— Мы клянемся в верности Дому Саргас, — вставил свое слово Артур. — Коккинавье и Сатронг неприемлемо признавать себя вассалами детей Великого Дома Лэйт, но в жилах госпожи Юрики нет крови какого-либо Великого Дома. Ей мы можем присягнуть на верность, не теряя своего достоинства.

— Мой отец — Акаяма... — произнесла Юрика, ошарашенная таким поворотом событий. Только что у нее появилось два личных вассала, хотя челюсть она ломала только одному из них.

— Акаяма относятся к Первым Домам, а не Великим, — поспешил успокоить ее Артур. — И известен меньше двухсот лет — и в основном и полностью благодаря деятельности вашего деда. А история соперничества и интриг между Великими Домами насчитывает тысячу лет.

— Ну, если так... — в этих словах иронии было намного больше, чем облегчения от мысли, что вассальная клятва ей, Юрике, от лица Коккинавье и Сатронг, не ляжет пятном на их репутацию. Ей, собственно, было плевать на тонкости политических хитросплетений в отношениях между Великими Домами.

— Вас спасали не только мы трое, — ряды недовольных поведением «алых» пополнились Викторией. Она, как дочь Валерии из Великого Дома Лэйт, оказалась лишена чести принять вассальную клятву от женщины, о голову которой сломала ногу. Просто потому, что она Лэйт. Юрика кожей ощущала вскипевшие в ней возмущение и обиду. Ранмаро отнесся к этому спокойно, он явно не знал что делать со свалившимися на голову вассалами, и теперь был рад, что обошлось. В Виктории же честолюбия было побольше. Более того, вассалы уплыли к Юрике! В костерок соперничества между ними, почти погасшего во время борьбы с Крэйном, подкинули дровишек. А чтобы горело веселее, еще и бензина плеснули.

— Конкретно тебя, Ребекка Сатронг, помог спасти человек по имени Просперо Эспозито, — голос Виктории источал лед и яд. — Ему ты не собираешься принести клятву верности?

— Когда у меня родится второй сын, я с малых лет буду петь ему колыбельные о том, что он должен будет отдать долг чести Дому Эспозито — когда вырастет, — не моргнув глазом, ответила Ребекка.

— Вы можете отблагодарить детей Дома Саргас верной службой делу Стаи, — сухо напомнила ей и Артуру Мэй. — Не стоит платить за свое спасение свободой выбора собственных детей.

— Мы уходим из Стаи, — отчетливо произнес Артур. — С этого момента наши жизни принадлежат госпоже Юрике.

Мэй прищурилась, попеременно сверля Артура и Ребекку взглядом. Крайне тяжелым и пристальным взглядом.

Юрика поперхнулась воздухом.

— Так, ребята, притормозите... — сказала она, прокашлявшись. — Я сейчас скажу, что собираюсь на повышенных тонах пообщаться с мамой — возможно, с применением рукоприкладства — и вы немедленно пересмотрите свое решение.

В воздухе повисла короткая пауза. Пара секунд изумления и массы немых вопросов.

— В таком случае я отложу исполнение своих вассальных обязанностей до того момента, когда вы уладите свои семейные проблемы, — ответила Ребекка, слегка побледнев.

Юрике определенно нравилась ее скорость принятия решений в изменчивых и непостоянных условиях этого мира.

— Позвольте и мне поступить точно так же, — тихо произнес Артур. — Но если вам понадобится наша помощь в деле, не связанном с Богиней Юга, я с радостью исполню любую вашу просьбу.

— О, это запросто, — с облегчением ответила Юрика. — Служите в Стае до тех пор, пока мне не понадобится.

Мэй отчетливо скрипнула зубами. Ранмаро сдержал короткий смешок.

Виктория продолжала безмолвно негодовать. Юрика предчувствовала, что припоминать ей это происшествие она будет долго.

«Как-будто я в долгу останусь,» — мысленно усмехнулась она.

Их прервал громкий оклик со стороны развалин.

— Госпожа Мэй! — голос принадлежал Фредерику.

Они отвлеклись от выяснений, кто кому и когда будет служить, и увидели, что часть бойцов Стаи столпилась у подножия груды обломков. Они выглядели удивленными и взволнованными.

Мэй немедленно направилась к ним. Юрика и остальные последовали за ней.

Бойцы Стаи расступились — и они увидели девять изувеченных тел в броне с зелеными девятиконечными звездами — гербом Великого Дома Столсанг. Их положили в ряд, и только с троих сняли шлемы — они выдержали падение и обрушение сотен тонн камня. Юрику замутило от вида их бледных мертвых лиц — она сразу вспомнила Ховин и замерзшие тела детей, с которыми провела бок о бок годы. Но она заставила себя смотреть и не отворачиваться. Только бросила короткий взгляд на Мэй, чтобы увидеть, как она снова помрачнела.

— Этот жив, — Фредерик указал на бойца со снятым шлемом, лежащего с самого края. У него были темные волосы со слабым зеленым отливом и квадратное лицо с грубыми чертами, левая часть которого представляла собой один сплошной синяк. — Дыхание и сердцебиение едва заметны, но есть.

Юрика охнула. Пластины брони бойца были смяты и вогнуты, тут и там виднелись трещины, а из живота торчал стальной прут, который вошел в его тело на неопределенную глубину. Рядом уже сооружали носилки, а один из чародеев создал малиновый овал портала, за которым, видимо, находилось место, в котором счастливицу смогут помочь.

— Удивительная живучесть, — совсем немного, но мрачное лицо Мэй посветлело, а уголки губ тронула тень улыбки. — Узнайте его имя, и сообщите мне, когда он придет в себя.

— Броня тоже хороша, — произнес кто-то из незнакомых Юрике бойцов Стаи. — Не смялась, как консервная банка.

Видимо, он имел в виду тела троих телохранителей Крэйна, которых буквально расплющило между камней. Смятая броня скрывала ужасные раны, но холод пробирал уже от одного только вида нагрудника, вмятого внутрь на глубину десятка сантиметров.

Выжившего погрузили на носилки и унесли в портал, и бойцы Стаи вернулись к разбору завалов. Юрика заметила, что не видит среди них Просперо, Римпо Лу и Шона Шабири, и предположила, что они помогают на противоположной стороне. И пока Ранмаро и Виктория отвлеклись на обсуждение произошедшего с Фредериком, незаметно отошла, чтобы заняться поисками инспектора.

Она нашла Просперо там, где и предполагала, в компании Римпо, Шона и Вилларда. Последний крайне эффективно помогал в разборе завалов, используя свою мистическую способность по управлению гравитацией. Его касания делали тяжелые блоки в несколько раз легче, и помогающие им бойцы Стаи отшвыривали их, словно резиновые мячи.

Римпо сидел немного в стороне, скрестив ноги и закрыв глаза. Юрика заметила среди камней пару его пауков, созданных из теней, и догадалась, что он занят поиском тел под завалами, и задает направление для раскопок.

Шон просто молча и усердно разбирал камни. Не смотря на свой преклонный возраст, с этой задачей он справлялся без особого труда, не выказывая признаков усталости. Юрика краем уха слышала, что с ним что-то произошло во время операции, из-за чего Мэй и Фредерику пришлось задержаться в подвалах замка, но расспрашивать, что именно, она не

собиралась.

Просперо помогал рядом, отбрасывая в сторону камни поменьше. Им всем приходилось следить за тем, чтобы самим не оказаться похороненными под потерявшими устойчивость обломками, но в целом все справлялись — медленно, но уверенно. Юрика поначалу не верила, что такую гору вообще можно разобрать без применения тяжелой техники, но ее с успехом заменяли огромная физическая сила части бойцов Стаи, мистические способности и магия Забытых — один из прибывших на помощь чародеев из рядов «серебряных» разве что не говорил с камнями, и благодаря ему уже был создан довольно длинный туннель, ведущий в глубины кургана, своды которого не обрушивались только благодаря его магии.

— Большая часть погибших находится в подвалах, — объяснил Юрике Просперо, отбрасывая в сторону очередной камень. — Нам нужно либо перенести всю эту гору на новое место, либо пробиться в ее глубины. Под нами сплошная скала, так что делать подкоп ненамного проще.

Юрика только кивнула в ответ — и присоединилась к разбору завалов. Они проработали до самого вечера, периодически прерываясь на отдых, и встречали новых прибывающих членов «Стаи». К концу дня их всех набралось больше четырехсот человек, и все они стремились с ней познакомиться и выразить свое уважение ей как дочери Богини Юга.

Девушка мысленно вздыхала — и с улыбкой кивала очередному лицу, которые уже просто перестала запоминать после второй сотни. А имен она запомнила от силы десять — в основном тех, кто оказывал наибольшую помощь в их работе. Чародея, управляющего камнями, звали Теодор. Другой чародей, Эрих, вытащил из золотистого портала огромного железного колосса, который разгребал завалы лучше любого экскаватор. Эббет заставлял камни течь, словно воск, и застывать снова, создавая надежные своды и опоры, предотвращающие обрушения. Юкай, Жанна, Клео, Бренн, Шан Гао и другие — все они старались как могли, и Юрике казалось, что одно только ее присутствие прибавляет им энтузиазм. Это заставило ее задуматься, и вспомнить слова Сигурда о том, каким статусом она обладает только благодаря своему происхождению. Она не придавала этому особое значение, впервые оказавшись в кругу «диких», и когда Артур и Ребекка опустились перед ней на колени — тоже. Но теперь она услышала сотни заверений в преданности и уважении — и больше не могла относиться к самой себе так, как раньше.

Она наконец осознала, что это такое — быть дочерью Богини Юга.

Когда солнце коснулось горизонта, заливая мир багровыми лучами заката, все работы прекратились, и Стая собралась вокруг костров в ожидании ужина. Похолодало: замок Столсанга находился на скалистом плато с сухим воздухом, так что по ночам здесь было довольно прохладно. Да и в полдень достаточно было спрятаться в тени, чтобы отдохнуть от жара южного солнца — температурный контраст был разительный.

Юрика вместе с Ранмаро, Викторией и Просперо заняла место у костра, вокруг которого уже собрались лидеры Стаи. Здесь ее не допрашивали расспросами — Артур и Ребекка сели рядом, одним своим видом давая понять, что будут недовольны, если кто-то помешает ей скрести ложкой по дну тарелки с гречневой кашей. И она могла просто послушать, о чем Мэй говорит с Луисом, Фредериком и Ламбертом Лансером — представителем Серебряной Стаи. Это был мужчина среднего роста, светловолосый и светлоглазый. Глянцевая кожа выдавала в нем принадлежность в народу Небесных Городов, и девушка заметила, что

Ранмаро смотрит на него с неким напряжением, а Виктория — с явной прохладой, за которой могло скрываться нечто большее, чем показательное равнодушие.

— Чем он вам не угодил? — тихо спросила Юрика у брата и племянницы — так, чтобы никто больше не услышал.

— Лансеры когда-то именовали себя не иначе как Лансер-Лэйт, — громко и отчетливо ответил Ранмаро, и его все услышали. Мэй немедленно нахмурилась, а в глазах Луиса и Фредерика вспыхнули веселые искры — которые, впрочем, предвещали веселье далеко не для всех присутствующих у этого костра.

Лицо Ламберта Лансера окаменело. И весь он словно превратился в каменное изваяние, тщательно скрывая любые эмоции.

— Вассальный Дом Лэйт? — догадалась Юрика.

— Да. Один из шести бывших вассальных домов Великого Дома Лэйт. Когда на наших предков началась охота, два из них — Амбер-Лэйт и Брасс-Лэйт — были почти полностью уничтожены, а четыре — отrekliсь от них, чтобы спастись. Так появились Дома-предатели Лансер, Флин, Дов и Эйд. Они помогали Гвардии выслеживать Лэйт по всему миру, выдавая наши тайные убежища и союзников.

— Я не горжусь поступком моих предков, — ответил Ламберт, сильно побледнев, — но они отrekliсь от Лэйт в те дни, когда ваши предки стали злоупотреблять своим положением знаменосцев Десяти Великих Домов. Они не были святыми, а Император Фридрих обещал моему деду будущее, в котором будет разрушена непреодолимая стена между Великими и Вассальными Домами. И оно наступило.

Ранмаро резко поднялся со своего места. Виктория последовала его примеру. Ламберт поднялся им навстречу.

— Ранмаро! — встревоженно воскликнула Мэй, и Юрика точно так же собиралась последовать ее примеру, чтобы остудить пыл обычно такого дружелюбного и миролюбивого брата. Что же, здесь речь шла о древней кровной вражде, и именно поэтому присутствующие здесь представители Великих Домов Амавази, Коккинавье и Сатронг не сдвинулись с места, чтобы предотвратить нерадостное разрешение конфликта.

Но Фредерик все же не разделял позиции своих братьев по социальной страте.

— В паре сотен метров от этого костра, под той горой камней, Вальд Браун ждет, когда мы найдем его и позволим Небу в последний раз взглянуть на своего сына, — произнес он тихо, но отчетливо. — Здесь и сейчас не место и не время для старых обид.

Ранмаро опустил взгляд и разжал кулаки. Ламберт отвернулся, стараясь ни с кем не встречаться взглядом. И ушел, скрывшись в темноте.

Ранмаро, недолго поколебавшись, тоже ушел, в противоположную сторону. Виктория последовала за ним.

— Пойду прослежу, чтобы с ними ничего не случилось, — произнес Просперо, и изобразив неглубокий поклон, отправился за братом и племянницей Юрики.

— Тем, кто не принадлежит к Великим Домам, никогда не понять всего этого, да? — спросила Юрика у оставшихся, поднимаясь на ноги. — Долг семьи, честь рода, кровная месть... Ничего не имею против всего этого, но не думаю, что их стоит возводить на пьедестал и забывать обо всем остальном.

— Как видишь, хватило пары слов старого и мудрого человека, чтобы остудить горячие головы, — миролюбиво заметила Мэй, с благодарностью кивая Фредерику. — Который точно так же принадлежит к Великому Дому. И наследник Великого Дома Лэйт поступил

благоразумно, прислушавшись к нему.

— Не стоит обобщать, госпожа Юрика, — произнес Луис Амавази, изображая мягкую покровительственную улыбку. — Многие из нас ясно понимают, что именно стало причиной падения Великих Домов. Гордыня и высокомерие. Нужны мудрость и смирение, чтобы преодолеть издержки воспитания наших отцов и дедов.

— Ты-то точно собирался понаблюдать за тем, как Ранмаро пускает кровь Ламберту, — заметил Фредерик, скрещивая руки на груди и недовольно глядя на соседа.

— Сыну Дома предателей не место среди нас, — пожал плечами Луис.

— Дети не должны нести на себе бремя грехов своих родителей, — возразил Фредерик. — Да и тебе ли рассуждать о предательстве? Только возвращение Дженази заставило тебя отвернуться от Крэйна. Так бы ты до сих пор следовал за ним, отвернувшись от Ичиро — законного предводителя Стаи.

— Не только Луис отвернулся от Ичиро, Сольрайн, — вспыхнула Ребекка. — Я тоже. И Артур.

— И я тоже, Сатронг, — сухо ответил Фредерик. — Все, что я хочу сказать — не нам рассуждать о предательстве. Мы все пренебрегаем старыми клятвами, когда речь идет о мире и порядке. Такова жизнь. А еще правда в том, что вы не стали останавливать Ранмаро, потому что Ламберт — сын Вассального Дома, и вы просто не считаете его равней себе. У Великого Дома Лэйт есть счета с половиной Великих Домов — и вы бы вступились за любого, носи он даже имя Бронзлевен.

— Сольрайн всегда козыряли тем, что они якобы выше традиций других Великих Домов, — процедил Луис. — И что лучше других знают, что правильно, а что нет.

Воздух вокруг костра заискрился в преддверии бури, на фоне которой неслучившаяся дуэль Ранмаро и Ламберта стала казаться безобидной перепалкой двух мальчишек.

— Не отрицаю, — ответил Фредерик с улыбкой. — Мой дед Себастиан учил меня и моих братьев тому, что высокое происхождение не может компенсировать отсутствия человеческих достоинств внутреннего характера, и чем больше человек кичится своими предками, тем большая он сволочь.

— Правильные слова, — продолжая хмуриться, ответил новый предводитель «алых». — Но не новые даже в те времена, когда ты был сопливым юнцом.

— А еще он считал, что Амавази — Вассальный Дом, который признали Великим только из-за вашей численности. И эти слова тоже не были новыми во времена, когда я был сопливым юнцом. Просто только Сольрайн может позволить себе озвучить эту точку зрения.

— Да как ты смеешь!.. — настала очередь Луиса вскакивать со своего места. И на этот раз Артур и Ребекка поднялись, чтобы встать между раззадоренными стариками и не дать им поубивать друг друга.

Фредерик, продолжая улыбаться, посмотрел сначала на Мэй, а потом на Юрику, и в его взгляде отчетливо читалось: «Видите? Я же говорил». И развел руками.

— Луис, сядь! — железным тоном осадила разбушевавшегося Амавази Мэй. — Фредерик, извинись перед Луисом. Мне плевать на разборки между Великими Домами — пока они не мешают делу Стаи. Если вы сейчас начнете выяснять, какой Дом Великий, а какой нет, я поступлю в лучших традициях Ришари.

— Амавази первый оскорбил честь моего Дома, так что пусть он извиняется, — с долей обиды в голосе возразил Фредерик.

Юрика едва не поддакнула, поддерживая его, но вовремя прикусила язык.

— Фредерик, черт тебя дери, не будь ребенком! — на этот раз уже Мэй поднялась на ноги, и внезапно все присутствующие резко поникли. В ее голосе прорезался металл такой тяжести и прочности, что их их просто придавило к земле, заставляя взглядами выискивать на ней травинки и камешки — что угодно, лишь бы не смотреть в сторону взбешенной главы Стаи.

— Я бы не советовал повышать голос на Сольрьяйна, — рискнул вставить свое слово Луис, всем видом демонстрируя, что слово Мэй для него — закон. — Они очень тонкие натуры, не терпят неуважения и поэтому легко уходят, если им что-то не нравится.

Фредерик обжег его взглядом — и неожиданно добродушно расхохотался.

— Конечно, немного обидно, когда тебя, шестисотлетнего старика, ставит на место девчонка в двадцать раз младше. Но я верен делу Стаи потому, что считаю его необходимым и правильным. Если бы я ставил своего эго выше нашего общего дела, то уже давно присоединился к «алым» — с вашим вредительским намерением вернуть все привилегии Великих Домов, и передать Судо в руки их благородных наследников. Но мне противна эта идея, поэтому я с гордостью вступил в ряды «диких», и считаю за честь служить под началом госпожи Мэй.

— ...и древний спор, кто лучше — Сольрьяйн или Амавази — плавно перетек в выяснение качественной разницы между «дикими» и «алыми», — с иронией произнесла Юрика. — Все это, конечно, интересно, но я пошла Ранмаро искать. Артур, Ребекка, проследите, чтобы дедушки друг другу фингалы не наставили. И слушайте Мэй!

И вышла из круга света, распространяемого желтым пламенем костра. И шагая в темноте, еще некоторое время слышала продолжение перепалки:

— Будете себя плохо вести — передам Стаю Юрике. Она точно не станет церемониться с вашими титулами и родословными.

— Лучше отстраните представителей Великих Домов от руководящих должностей в Стае. Это я вам как сын Великого Дома Сольрьяйн говорю.

— Черт возьми, ты простой охотник, Сольрьяйн! Ты только выполнял приказы Вальда Брауна! У тебя нет никаких административных полномочий! Ты не имеешь морального права давать такие советы.

— Я назначаю Фредерика главным координатором всех групп Стаи, которые именуют себя «дикими». Прояви уважение к коллеге.

— У «диких» пользуется уважением Умберто Вэст. Они не примут на такой должности сына Великого Дома.

— Луис прав, госпожа...

Дальше Юрика уже не могла разобрать, хотя и порядком замедлила шаг, чтобы дослушать подробности.

— Так, все, я ищу Ранмаро. Где ты, братик?

Глава 90. Удары в ночи

Юрика быстро столкнулась с фактом того, что не так-то просто отыскать нужного человека во мраке ночи, разрезаемого зыбким светом пламени костров. Их было больше сорока, лагерь охватывал руины замка огненным полумесяцем, и костер Мэй находился в самом его центре. Сначала нужно было решить, в какую сторону идти, а потом обойти пару десятков костров, вокруг каждого из которых расположилось не меньше десяти человек. Организационными вопросами занималась целая команда самоназначенных на данное направление волонтеров из рядом «диких» и «серебряных» — откуда-то нужно было взять топливо, палатки и разные припасы, потому что от замка не осталось ничего, и окружала его каменистая пустошь плоскогорья.

Проблема снабжения была решена с помощью чародеев — их порталы вспыхивали и гасли на протяжении всего прошедшего дня. Юрика была впечатлена: Стая — довольно обширная организация, но разобщенная и фактически распавшаяся на независимые группировки — и все же как только появился лидер, прекративший период неопределенности, ее офицеры и рядовые бойцы продемонстрировали высокий уровень инициативы и организационные навыки. Как уже успела понять девушки, бойцов Стаи здесь не одна и не пять тысяч только потому, что в этом нет необходимости. Здесь были в основном офицеры — разбирая завалы в поисках тел павших, они в то же время общались со своей новой предводительницей. Да и на детей Ришари им тоже очень хотелось посмотреть.

Проходя мимо костров, Юрика то и дело слышала приглашения воинов «Стаи» присоединиться к их трапезе, но когда она расспрашивала их о том, не видели ли они Ранмаро, ответа не находила. Так продолжалось до тех пор, пока она не наткнулась на костер, у которого сидели Римпо Лу и Шон Шабири. Вдвоем.

— Аспаса! — карлик-цвенг подскочил и подбежал к ней, едва удержав себя от того, чтобы не схватить ее за руки и не подвести к самому костру.

— Почему вы здесь? — удивилась Юрика. — Почему не с Мэй и Фредериком?

Римпо Лу опустил взгляд и одними только глазами, украдкой, указал на старика. Шабири сидел у самого огня, и языки танцующего пламени отражались в его абсолютно черных глазах — зрелище одновременно пугающее и завораживающее. Он был полностью отрешен от внешнего мира, и никак не отреагировал на появление Юрики.

После целого дня, проведенного в центре внимания сотен воинов «Стаи», девушка решила, что такое поведение весьма странное для старика, который с начала их знакомства вел себя с ней дружелюбно и уважительно. Немного поколебавшись, она подошла к нему и села рядом, вместе с ним наблюдая за языками пламени.

— Очень жалко Вальда, — сказала она через пару минут, понимая, что Шабири не станет первым нарушать затянувшуюся тишину. — Он был хорошим... — «человеком» — хотела закончить Юрика, а потом вспомнила, что он был арга, и понятия не имела, как именно уместно будет его сейчас назвать.

Шон словно проснулся — и посмотрел на нее вполне ясным и осмысленным взглядом.

— Простите, госпожа Юрика. Я задумался и не заметил, как вы подошли.

Юрика решила не углубляться в тему его пугающей задумчивости, и вместо этого спросила:

— Ты хорошо его знал? Вальда?

— Мы познакомились в 880 году, — ответил Шабири, задумавшись на пару секунд. Юрика даже испугалась, что он снова уйдет в себя, но старик просто копался в своей объемной памяти — все же 880 год был 134 года назад. — Весь континент уже год как полыхал, Чинкуэдо громил правительственные армии по всему югу, а на севере — здесь, например, — действовали наши отряды. Тогда мы еще не понимали, что пламя нашей борьбы разожгли агенты Гвардии Хаоса, и считали, что это только наше собственное решение — бороться с властью марионеток Небесных Городов. Глупцы... Если бы не Гвардия, мы бы все еще убивали друг друга в искусственно раздутых военных конфликтах, потому что понятия не имели, что целым континентом управляют они, — Шон поднял взгляд к звездному небу — как-будто там все еще парили над поверхностью летающие города.

— «Мы?» — спросила Юрика, не совсем понимая, кого именно имеет в виду Шабири.

— Революционеры, — без тени иронии ответил старик. — Сопротивленцы. Бунтовщики. Партизаны. Диверсанты. Саботажники. Головорезы и разбойники, убивающие и грабящие во имя освобождения Судо от власти Десяти Великих Домов. За одно только предположение, что нашим правительством управляют сверху, можно было лишиться всего — и репутации, и свободы, и жизни, но эта идея была жива, и распространялась листовками, пиратскими радиостанциями, подпольными газетами — и просто горячими головами в гаражах, на кухнях и в гостиных. Там, где тебя не могли услышать посторонние уши. Я помню книги и фильмы, в которых идея внешнего контроля была спрятана так хорошо, что не каждая цензура способна была ее разглядеть. Я помню надписи на стенах: «Мы не игрушечные солдатики», «Рвите нити», «Фальшивая война», «Марионетки». Я помню гнев, который кипел в нас. Нужно было всего раз услышать, что есть люди, которые желают видеть наши трупы в окопах по всему Судо — и мир полностью менялся. Ты больше не мог жить так, как прежде — зная, что последняя война, в которой ты убивал солдат врага, была просто масштабной и продолжительной схваткой гладиаторов на потеху зрителям, которые пьянеют от вида нашей крови где-то там, за облаками. Мне тогда было двадцать пять, и на моей груди уже висели орден и пять медалей после последней войны между Векилах и Рэмэто. Казалось бы, еще двадцать лет назад мы были союзниками по ССРС и вместе громили Садвинскую Федерацию, как вдруг оказались по разные стороны баррикад, потому что Рэмэто захотелось отобрать побережье у Энцета. Правда, и Федерация к тому времени уже распалась на куски и поела сама себя... Но это уже было неважно. Вчерашний верный друг внезапно превратился в злейшего врага — а мы только и могли, что пожать плечами перед тем, как забраться в окопы и стрелять в его направлении до тех пор, пока не закончатся патроны. С той войны я вернулся героем. И встретил Вальда, который и раскрыл мне глаза на то, что к чему. Как хорошо я его знал, госпожа? Первые тридцать лет нашего знакомства он был мне словно отец. А следующую сотню — самым лучшим другом. С Фредериком мы познакомились уже после того, как ваша мать создала Стаю, и лет двадцать он был нашим командиром, пока ему не наскучили офицерские обязанности.

Юрика не нашла, что ответить. Она поняла, что не может даже представить, что на самом деле чувствует Шон, потеряв Вальда — человека, рядом с которым прошла фактически вся его жизнь.

— Я думал, что умру раньше Вальда, госпожа, — продолжил Шабири. — Мое тело медленно дряхлеет на протяжении вот уже пятидесяти лет, и вряд ли его хватит на еще одну сотню. А разума — и того меньше. Вам ведь не сказали, что я потерял контроль после

смерти Вальда, и начал крушить все вокруг? Меня гнетет понимание, что мой разум слабеет, и монстр внутри меня легко может вырваться наружу. Что теперь я легко могу подвести «Стаю». Что мне пора уйти.

Юрика посмотрела Шабири в глаза, и увидела видя в них искреннюю и глубокую печаль. И ей стало невыносимо грустно — не потому, что он решил уйти, ведь ей еще не удалось принять проблемы Стаи близко к сердцу — а потому, что он считал, что его время подошло к концу.

И она не могла с этим смириться.

— Не совсем понимаю, о каком монстре ты говоришь, но еще рано расстраиваться только из-за того, что ты потерял над ним контроль из-за смерти близкого человека. У меня тоже есть зверь внутри, который так и норовит взять надо мной контроль, и думаю, она сможет найти лазейку, если я потеряю близкого человека. Но ведь это не значит, что я должна отправиться в добровольное изгнание — сейчас или потом, когда состарюсь. Монстр внутри не так страшен, пока ты веришь в себя — а я буду верить в себя до самого конца.

— Спасибо, госпожа, — Шон встал и поклонился ей, чтобы потом снова сесть обратно. Юрика ожидала от него и других слов, но старик остановился на этом, и теперь снова молча смотрел на огонь. Только теперь уже с легкой улыбкой.

— Вы моего брата не видели? — Юрика вспомнила о своем неотложном деле. — С ним еще должны быть Виктория с Просперо.

— Нец, аспаса, — ответил Римпо Лу, посматривая на нее с еще большим уважением, чем несколько минут назад. — Я атплавю суков и найту их.

Карлик немедленно сел на землю, скрестив ноги, закрыл глаза — и его тень зашевелилась, стала темнее, и словно приподнялась над землей, обретая плотность. И из этой темной массы во все стороны посыпались потоки черных насекомых — жуков, пауков, муравьев — которые, тихо шурша своими покрытыми хитином тельцами, сплошными потоками устремились во мрак за пределами круга света, очерченного пламенем костра.

Ждать пришлось минут пять — долгих, очень долгих минут. Не то чтобы Юрика боялась насекомых, нет. Но когда у тебя под ногами марширует целая армия целеустремленных членистоногих, деловито переползая через твои ступни, кому-угодно станет не по себе. Только нечеловеческим усилием воли девушка удержалась от того, чтобы с воплями и ругательствами не запрыгнуть на какой-нибудь камушек повыше. В конце концов, она уже видела способность Римпо. Но все равно это мало помогало...

— Насол, — радостно изрек Римпо наконец, и Юрика облегченно выдохнула, потому что мистические насекомые наконец-то перестали шастать туда-сюда, ощупывая пространство своими усиками. — Они цам, — он махнул рукой в противоположную от руин сторону. — Я покасу.

Карлик отвел ее довольно далеко от развалин — Ранмаро успел далеко забраться, спрятавшись за большим валуном в окрестностях разрушенного замка. Виктория и Просперо были с ним, и видимо, именно инспектор заставил кончики ветвей растущего здесь куста светиться и шипеть огнями Святого Эльма, чтобы рассеять мрак ночи.

— Нашла! — радостно объявила она, входя в круг холодного синего света. — Ран, они там до сих пор ругаются. Не бочка с порохом, но точно стог сена, и ты поднес к нему свою спичку.

Ранмаро отвернулся, скрестив руки на груди. Виктория посмотрела на нее с укоризной.

— Это касается только нас, Юрика, — ответил парень мрачно. — Мы не должны прощать предательство — просто потому, что перед нами еще никто не извинялся. Ты ведь слышала, что он сказал. Лансеры не раскаиваются. И как только выпадет шанс, я заставлю их изменить свое отношение к нашей общей истории.

— Будешь мстить? — с неожиданной злостью спросила Юрика. — И дяде тоже? Он, в отличие от Ламберта, убивал твоих родственников собственными руками. Валериан Лэйт — он убил вашего деда!

Ранмаро вздрогнул всем телом.

— Мама ничего не говорила нам об этом, — раздраженно ответила Виктория вместо брата. — Крэйн мог солгать. Он точно солгал, потому что она просто не могла скрыть от нас такое. Это было бы слишком... — Виктория замялась, подбирая слова.

— Нечестно, — тихо произнес Просперо.

— Да, нечестно, — подтвердила Виктория. — Мы выросли на историях о том, каким Дженази был благородным даже в рядах Гвардии Хаоса. Он выступил против Императора и своих бывших соратников, чтобы освободить мир от их власти — вместе с мамой, дядей Кристианом, Нолой, Даном и Регулусом. Она всегда с надеждой говорила о его возвращении! Она ждала его... Разве она относилась бы так к нему, убей он ее отца и старших братьев? И если бы он и правда убил их — зачем скрывать это, если Дженази в итоге перешел на нашу сторону? Мы бы смогли это понять. Да, мы бы уже не относились к нему с таким обожанием, но все равно, он достоин уважения. Если бы он был так ужасен, разве мама не стала бы делать все возможное, чтобы отомстить ему? В конце концов, она даже вышла замуж за моего отца — племянника Дженази!

— Ты сейчас доказываешь мне, почему слова Крэйна — ложь, или пытаешься понять причины, по которым солгала Валерия? — тихо спросила Юрика.

Виктория промолчала.

— Все ведь на самом деле очень просто, — продолжила Юрика. — Посмотрите на себя: вам очень больно. И вы готовы всей душой ненавидеть дядю просто потому, что уже успели очень сильно к нему привязаться, не зная, что он был заклятым врагом вашей семьи. Она рассчитывала на эту боль и ненависть, когда правда выплывет наружу.

— Это слишком низко, — резко ответил Ранмаро. — Тетя Валерия не такая.

— А еще она не рассказывала вам обо всем, потому что стыдилась своей слабости: она ведь не смогла отомстить дяде. Разве вы в душе не относились к ней с пренебрежением из-за того, что она не смогла отомстить маме за смерть брата? Разве не винили ее в слабости?

— Ришари и моя мать тоже, тетя не стала бы ее убивать из-за меня, — сухо возразил парень, но даже Виктория едва заметно покачала головой.

— Я не говорю об убийстве, Ран, — повысила голос Юрика. — Мсть — это не только смерть врага, есть и другие варианты. Ты ищешь для Валерии оправдания, почему она не отомстила маме — а что было бы, знай ты, что не только твой отец остался неотмщенным, но и дед с другими дядями и тетей? И даже прабабушкой? Валерии было стыдно перед вами. И все же она уже мстит дяде — через вас.

— Дженази мог сам рассказать нам обо всем, — ответила Виктория, и на этот раз Юрика не нашла аргумента против. Только оправдания.

— Он допустил, чтобы все это произошло, — Ранмаро кивнул в сторону руин замка Столсанга. — И его все еще нет с нами рядом.

— Черт возьми, я не прошу вас его немедленно простить! — Юрика вспыхнула, стиснув

кулаки. И удивлялась тому, что еще не схватила брата за ворот рубашки, чтобы притянуть к себе и посмотреть ему прямо в глаза. — Я просто хочу, чтобы вы включили голову и трезво взглянули на вещи. Дядя не святой, но он не заслуживает ненависти!

— Мы отложим этот разговор до встречи с ним, — примирительно подняла вверх руки Виктория, вставая между ними. — Не будет это обсуждать без него. И без мамы. Мы слишком многого не знаем и не видим всей картины в целом.

— Какие могут быть оправдания за убийство наших родственников? — едва не прорычал Ранмаро, обжигая Виктория взглядом.

— Ран... — Рия даже отшатнулась, столкнувшись с такой яростью. Направленной на нее.

— Ты права, мы больше не будем говорить об этом, пока не вернется дядя, — сухо и холодно ответил Ранмаро. — Выслушаем, что он скажет. И что скажет тетя Валерия.

Виктория сделала шаг ему навстречу — и отвесила звонку пощечину.

Юрика и Просперо вздрогнули — от неожиданности и изумления. Виктория потеряла контроль над собой.

— Не смей говорить со мной таким тоном, Ран, — произнесла она дрожащим голосом. Белая как мел. — Я этого не заслужила.

— Прости, — ответил Ранмаро, точно так же побелев. И тем ярче на его щеке заалел след от ее ладони.

А потом он развернулся — и просто ушел.

Юрика взяла Викторию за руку, но та почти сразу вырвалась из ее пальцев. Потом взглянула на нее виновато и слабо улыбнулась.

— Прости... Я сорвалась. Просто он посмотрел на меня... как на предательницу. Я этого не заслужила.

Юрика заметила, что ее племянница повторилась, и поразилось тому, как же все-таки глубоко ее задел Ранмаро. И ей захотелось догнать его — и ударить как следует. Оказалось, что только он мог сделать Виктории действительно больно — и сделал это так случайно и просто.

— Он не хотел тебя обидеть, — Юрике было не по себе. Случившееся вызвало приступ тошноты, на грудь опустилось что-то очень тяжелое и холодное.

— Я знаю... Потом мы еще долго будем извиняться друг перед другом. Все хорошо, Юрика. Мы просто вспылили немного. Неделя тяжелая вышла...

Юрика снова взяла ее за руку. На этот раз Виктория обняла ее и прижала к себе. Ее тело было напряжено, ощущалась тщательно сдерживаемая дрожь. Юрика понимала — она и сама хотела расплакаться.

— Вернемся в лагерь, — предложил Просперо, который все это время мог только беспомощно наблюдать. Юрика понимала, почему: о Лэйт и Гвардии Хаоса он знал еще меньше, чем она. Да и кто бы сейчас прислушался к его советам? Уж точно не Ранмаро.

— Да, вернемся, — кивнула Виктория, выпуская Юрику из объятий. — Идем, пока нас не начала искать вся Стая.

— Да, — кивнула Юрика, и только сейчас заметила, что Римпо Лу нет рядом. — Только Римпо найду. Хочу поговорить с ним об отце. Оказывается, он знал его.

— Здорово, — улыбнулась ее племянница. — Хорошо. Только смотри не заблудись.

— Постараюсь, — ответила Юрика, и Виктория с Просперо оставили ее одну. Только

инспектор перед этим вручил ей тонкую сухую ветку, окруженную ореолом шипящих синих разрядов — настоящий чародейский факел. Она задумалась над тем, как сделать такой же: у нее ведь теперь похожая мистическая способность, нужно только понять, как проворачивать подобные фокусы.

— Римпо! Ты где?! — крикнула девушка, разгоняя электрическим факелом ночной мрак перед собой. Видимо, карлик решил подслушивать их семейные разборки, и просто ушел.

Она провела веткой у самой земли, надеясь увидеть его насекомых, но никого похожего на нашла. Сделала пару кругов, надеясь, что наткнется на цвенга или его следы, и в итоге решила, что кроме как обратно в лагерь пойти он не мог.

Внезапно ей под ноги из темноты прилетел камешек. Юрика остановилась и посмотрела в ту сторону. По коже пробежали мурашки, сердце забилося быстрее. Она сжала и разжала кулаки, пропуская зеленые искры между пальцев, и почувствовала, как просыпается Ирисса, готовая встретить любую опасность.

А еще совсем рядом находились почти пятьсот человек, обладающих всевозможными мистическими способностями, и Виктория, Ранмаро и Просперо, которые примчатся на помощь при первом намеке на опасность.

Юрике нечего было бояться.

Она сделала пару шагов в направлении, из которого прилете камешек — и увидела Римпо Лу, лежащего на земле в позе эмбриона. С облегчением девушка заметила, что его грудь поднимается и опускается, но когда уже собиралась подбежать к нему, из темноты вышел человек в черном — и Юрика с изумлением узнала в нем Сигурда, императора Дакиэрро.

— Что?.. — только и смогла выдавить она, пораженная подобным обстоятельством.

— Приветствую тебя, Акаяма Юрика, — произнес Сигурд, и девушка заметила, что в нем что-то изменилось, но что именно, понять сразу было сложно. Изменившийся взгляд? Оттенок кожи? Он был практически таким же, как и пару дней назад, когда был побежден Дженаси, но в ней возникло стойкое подозрение, что ее глаза обманывают.

— Что ты тут забыл? Что ты сделал с Римпо? — Юрика позволила Ириссе показать себя во всей красе, и над ней выросла ее огромная тень, оскалившая огромные клыки и выпустившая длинные кривые когти.

Вот только императора Дакиэрро это ни капли не смутило.

— Я усыпил его, — ответил Сигурд. — И я пришел за тобой, дочь Ришари.

— Я же в прошлый раз ясно выразилась, что не собираюсь никуда идти с тобой, будь ты хоть трижды император, — сказала она, сдерживая злость. — И ты тогда почти ушел похорошему, потому что мы тогда как бы поняли друг друга. Что-то изменилось? Ты забыл, как тебя дядя отделал?

— Пожалуй, я позволю тебе обращаться ко мне на «ты», — подумав, ответил Сигурд. — Это будет твоей привилегией — обращаться ко мне так даже при посторонних.

— А ты попробуй мне запретить, — Юрика была настроена на драку, и не собиралась скрывать это. Ей страшно хотелось проверить свои новые способности на настоящем Гвардейце. — Еще раз повторяю: я с тобой никуда не пойду.

Сигурд щелкнул пальцами — и над спящим Римпо возникло облачко фиолетового тумана, пронизанное строками символов на непонятном языке.

— А если я скажу, что тогда убью его? Прямо сейчас? — спросил он.

— Это же шантаж, — возмутилась Юрика. — Низкий и подлый прием. Ты так не

добьешься моего расположения, и я ни за что не стану тебе помогать. Да и зачем я тебе нужна?

— Ты нужна мне, чтобы не дать Ришари уничтожить плоды столетий моего труда. Ты сможешь поймать ее.

— Мама в Дакиэрро? — удивилась Юрика.

— Да, она сейчас в моих землях. Ты ведь хочешь встретиться с ней?

— Дядя пообещал, что сам отведет меня к ней, — нахмурилась девушка. — К тому же я не собираюсь помогать тебе ловить мою маму. Она, конечно, не подарок, но с кем точно я не собираюсь дружить против нее — так это с тобой. Убери свою шгуку от Римпо подальше, или я заставлю тебя пожалеть о том, что ты решил угрожать моему другу. Уж поверь, теперь я смогу это сделать, — молнии вокруг нее затрещали, извиваясь зелеными змеями. Ирисса зарычала.

Сигурд беспокойно нахмурился: это могло привлечь внимание всей Стаи, находившейся рядом. Но всего на пару мгновений, а потом черты его лица разгладились, приобретая высокомерное спокойствие.

— Дженази несомненно сможет исполнить свое обещание, — произнес он с усмешкой. — Сейчас он очень сильно занят, и не стану лгать, что не приложил к этому руку. И неужели ты правда думаешь, что сможешь справиться со мной только потому, что выучила пару новых трюков? Если ты сейчас же не согласишься отправиться со мной в Дакиэрро, я загляну на огонек в ваш очаровательный туристический лагерь — и мы посмотрим, сколько твоих друзей из Стаи смогут пережить нашу встречу.

Закончив фразу, Сигурд начала меняться, на глазах становясь выше и шире в плечах. Его кожа резко почернела, а глаза вспыхнули багровым — кольца раскаленного железа в глубоких черных омутах. Длинные прямые волосы стали жесткими и непослушными, поднявшись серой колючей гривой.

— Это ты чтобы дядю победить так над собой поработал? — с уважением в голосе спросила Юрика. Теперь императора Дакиэрро окружала аура дикой и свирепой мощи, которая заставляла Ириссу внутри ее сознания бушевать и бесноваться от ярости. Она словно почуяла давнего смертельного врага.

— Я уже его победил, — прорычал Сигурд. — Я собственными руками вырвал его сердце.

— Он мертв? — похолодев от ужаса, спросила Юрика.

Сигурд сверкнул глазами, и у нее отлегло от сердца.

— Ну, по крайней мере понятно, почему он не пришел нам на помощь, когда был так нужен, — девушка внезапно успокоилась. Исчезла ее самая главная причина для тревоги и беспокойства. Дженази не оставил их. Он просто не мог прийти, потому что сражался со своим старым врагом, и на этот раз победа оказалась не на его стороне. Хотя Юрика просто не могла в это поверить.

— Кстати, а ты почему не пришел нам на помощь? Раббен помог нам победить Шепчущих. Ты же чародей, неужели не слышал зов о помощи?

Юрика внезапно вспомнила, что и ее дед Кенэсй тоже чародей. И тоже не отозвался на зов Просперо.

— Если бы вы не справились, я разобрался бы с этой проблемой лично, — ответил Сигурд, принимая прежней облик. — Я больше не намерен уговаривать тебя, дочь Ришари. Идем со мной, или мне придется забрать тебя силой. И кто знает, сколько твоих друзей

погибнет, пытаясь помешать мне.

Юрика вздохнула. Мысленно выругалась. Он ведь прав, она не может с ним сражаться без страха, что кто-то пострадает. Его атаки накрывают целые области, если они сцепятся, кто-то точно погибнет. И если Сигурд и правда победил Дженази... У нее ведь просто нет шансов, даже если на помощь придут Ранмаро, Виктория и Просперо. Сигурд — не Крэйн. И он стал намного сильнее с их прошлой встречи.

— Хорошо. Твоя взяла. Веди меня в свое Дакиэрро.

И прежде чем шагнуть в фиолетовую рамку портала, в последний раз взглянула на спящего Римпо Лу.

Следующий шанс поговорить с ним об отце представится нескоро.

Глава 91. Полковник и старый солдат

Установив для племянников временные рамки сроком в одну неделю, Дженази оставил их с «дикими», и покинул Судзо. Это решение далось ему нелегко, но он знал, что так будет правильно. Пусть они сами решат проблему Крэйна Столсанга, их сил вполне хватит для этого. Правда, он подумал о том, что не мешало бы все же нанести ему краткий визит, чтобы объяснить правила игры, но в конце концов решил, что племянники могут об этом узнать, и тогда никакого урока не получится. Хотя Дженази на самом деле вообще не особо верил в то, что Крэйн будет сопротивляться детям Ришари. А даже если и будет — его не поддержат собственные же подчиненные. Они взбунтуются и сами выдадут своего предводителя.

Да, так все и будет. Он был абсолютно уверен в этом, ступая по залитым южным солнцем улицам Эрты. Дженази хотел попасть сюда с тех пор, как понял, что сто двадцать пять лет назад был в этом городе одновременно с Нолой. Это был ее родной город. Небольшой тогда, небольшой и сейчас, расположившийся в центре республики Круу, между Калашасом и руинами Аб-Шалу. Географическое сердце Судо.

889 год был насыщен событиями. Тогда он почти все время проводил здесь, на континенте, лишь ненадолго возвращаясь на Железный Архипелаг, к Винсенте. Армии Чинкуэдо завершили разгром сил, контролируемых Небесными Городами, и Гвардия установила полный контроль над Югом. После этого он смог выследить и убить Валериана Лэйт. И потерял свою приемную дочь.

889 год был последним годом, когда его еще можно было назвать Гвардейцем Хаоса.

Эрта не сильно изменилась с тех времен. Даже несмотря на то, что была почти полностью разрушена во время войны: ее восстановили, сохранив уютную архитектуру прежних лет. Типичный городок для этих мест: белые стены, плоские крыши, арочные дверные и оконные проемы. Довольно широкие улицы — чтобы не мешать ветру гонять нагретый солнцем воздух. И полное отсутствие мостовых, даже на главной улице, из-за чего Эрта был довольно пыльным местом. Просто удивительно, что за сто лет эту проблему так и не решили.

На Дженази обратили внимание, едва только он показался на здешних улицах. Он не собирался отводить от себя любопытные взгляды — может быть, его кто-то узнает. Могут ли здесь быть агенты Стаи? Они помогут его поискам.

Бесцельные блуждания по городским улицам привели его к памятнику Чинкуэдо. Он осмотрелся по сторонам — и понял, что оказался на центральной городской площади. Всмотрелся в лицо изваяния. Что же, отдаленное сходство есть, хотя лицо Освободителя можно было высечь в камне с большей тщательностью. Дженази не хотел бы, чтобы памятник ему был создан с такой же провинциальной небрежностью.

Внезапно он услышал краем уха перешептывания, которые явно касались его, и чьи-то пытливые взгляды. Осмотрелся — и нашел взглядом двух мальчишек, достаточно далеко от себя, которые не сводили с него глаз и возбужденно обсуждали его внешность.

— Я тебе говорю, это он! — яростно доказывал тот, что повыше, тому, что пониже.

— Нет не он! — возражал тот, что пониже.

— Он! У него волосы белые и глаза фиолетовые! Совсем как в байках Диего!

— Да не он это! Ему тогда уже лет двести, люди столько не живут!

— Диего же живет...

— С Диего песок сыплется, и он нас со своими правнуками путает.

Мальчишки внезапно заметили, что на них смотрят, и испуганно смолкли.

Дженази жестом приказал им подойти. И когда они робко приблизились, продолжал грозно смотреть на них, пока тот, что пониже, не спросил, отчаянно запинаясь и указывая рукой на север:

— А это ваша статуя во-он там стоит?

— Статуя? — переспросил Дженази, глядя в указанном направлении и не найдя ничего, кроме стен зданий.

— Да, она за домами. Мы сейчас покажем, — ответил мальчишка повыше, схватил его за рукав и потянул за собой.

Через пять минут Дженази привели на небольшую площадь в жилом квартале, в центре которой высилась небольшая статуя. Вокруг постамента были разбиты клумбы и установлены лавочки с навесами, защищающими от солнца. Одна была занята — на ней сидел одинокий старик. Древний, иссохшийся, небольшого роста, с темной кожей и густыми седыми волосами. Но осанка у него была вполне прямая, а из-под седых косматых бровей сверкали яркие синие глаза. Он поглаживал пышную короткую бороду и что-то бормотал под нос.

Дженази прислушался.

— Дрянная тушенка... Ячмень столетний... Гнилая капуста... И никто не сказал, что интендант проворовался... А как скажешь? Он бы ему сразу голову с плеч... Жалко... Накормили Полковника, как пса цепного, а он и глазом не моргнул... Мы едим — и он есть, а что тут такого? Стыд, стыдоба... Он нас всех спас, а мы его — гнилой капустой... Стыдоба...

На старике была древняя военная форма, полностью выцветшая. Лет сто тридцать назад она была темно-зеленого цвета, который теперь превратился в светло-серый. Ткань обветшала, тут и там были видны небольшие заплатки и швы. На погонах, тем не менее, отчетливо проступали красные и золотые полосы старшины, а на груди ярко сияли отполированные награды — три ордена и пять медалей. Золото и серебро. И ни одной нашивки по ранению.

Дженази обошел статую по кругу, изучая детали. Широкоплечий детина с квадратным лицом, в плаще, волосы на затылке стянуты в хвост. Левая рука сжимает прямые ножны меча с небольшой круглой гардой; правая поднята на уровень груди, ладонь раскрыта и явно направлена в сторону некоего противника, приказывая остановиться. Грубые черты лица выражают только непоколебимую уверенность и решительность, при виде тяжелой квадратной нижней челюсти сам по себе начинает ныть кулак — тело само заранее предупреждает, что с этим человеком шутки плохи.

Табличка с именем изображенного человека находилась за спиной старика, так что Дженази пока не мог прочесть имя. Но уже сильно сомневался, что кто-то соизволил увековечить в камне его скромную особу. Тем более, что портретное сходство банально отсутствовало. Он никогда не носил длинные волосы. Хотя...

Старик заметил его сразу, как только он подошел к статуе, но только сейчас внимательно всмотрелся в его лицо — и внезапно резко встал, щелкнув каблуками до блеска начищенных сапог и вытянувшись по струнке, приложив ладонь к козырьку своей древней солдатской фуражки.

— Здравия желаю, товарищ полковник! — произнес он четким громким голосом — и покачнулся, заваливаясь на бок. Дженази не дал ему упасть и аккуратно усадил обратно на лавочку, ощущая под пальцами только дряхлое высохшее тело. Судя по военной форме и наградам, старику было не меньше ста сорока лет, и время не пощадило его. Прожить так долго он смог благодаря тому, что его мистическая способность принадлежала к силовому типу — люди из этой категории жили в полтора-два раза дольше, даже если обладали незначительными запасами мистической энергии. При условии, что их способность была пробуждена, конечно.

— Вольно, старшина, — Дженази сел рядом с ним, и грозно нахмурившись, одним только взглядом отогнал глазающих на них мальчишек.

Он вспоминал. Не так много людей в этом мире могли знать его как полковника Освободительной Армии Чинкуэдо. И еще меньше — дожить до этих дней. Внешность старика ни о чем ему не говорила, но стянутые в хвост волосы статуи напомнили об одном эпизоде времен войны за Судо. Это было в 879 году, под Такеной. Он уже забыл, какой именно батальон сдерживал мощнейшую контратаку лояльных Небесным Городам сил противника, но точно помнил, что прибыл тогда вовремя.

135 лет назад, предместья Такены, республика Круу.

Лоялисты прорывались. Больше трех часов продолжался артобстрел позиций 84-го полка Пятой Освободительной Армии Чинкуэдо, противник методично равнял с землей укрепления, уничтожал бронетехнику и артиллерийские и минометные расчеты. Основной огонь велся по окопам третьего батальона, и к концу артподготовки из пятисот человек уцелела едва ли четверть. Батальон оборонял пологий склон скалистого холма, поросшего колючим кустарником, и пока высота находилась под контролем сил Освобождения, правительственная армия республики Криа не могла войти в Такену. Особенности рельефа местности не позволяли лоялистам провести танковое наступление, и чтобы обеспечить пехоте успешный штурм, откомандированный Небесными Городами офицер приказал не жалеть снарядов.

Дженази прибыл в штаб полка полчаса назад, по убедительной просьбе Белгорро. Обычный человек, скорее всего, расценил бы ситуацию как понижение по службе: еще утром он был командующим Четвертой Армии, и вот уже вынужден командовать полком, представляясь офицерам в звании полковника и принимая на себя командование. Но Гвардейцу были безразличны ранги и звания, победа в войне стояла на первом месте. А если лоялисты смогут прорвать позиции 84-го полка, война затянется еще сильнее. Он должен сделать все для того, чтобы удержать эту высоту.

Командир полка и командиры батальонов были убиты еще на рассвете — штаб полка был уничтожен управляемой ракетой. Это была технология Небесных Городов, и тот, кому было поручено проследить за тем, чтобы лоялисты победили, грамотно распорядился этим совершенным оружием. Дженази только покачал головой, когда увидел на месте старого штаба дымящуюся воронку. Он был надежно защищен от залпов орудий самим рельефом местности, но управляемые гиперзвуковые ракеты способны обойти любое препятствие.

Новый штаб был организован под открытым небом, в тени скального уступа, выдержавшего десятки попаданий пушечных снарядов. Дженази внимательно всмотрелся в лицо каждого присутствующего — и увидел только мрачное отчаяние. Темнее прочих был

взгляд нового командира третьего батальона, который еще утром был старшим лейтенантом, а теперь — самым старшим по званию во всем батальоне. Практически уничтоженном батальоне.

— Мы ожидаем начало наступления в районе ближайшего часа, — сообщил он, чертя в пыли приблизительный план местности — карты были уничтожены вместе с командирами. — Разведка доложила о готовности к штурму двух батальонов противника. Их направили сюда специально для захвата нашей высоты, они отлично вооружены и подготовлены. Среди рядового состава были замечены солдаты в необычной форме и с неопознанным оружием, по виду напоминающем винтовки. «Заоблачники», — комбат одними глазами указал вверх, в открытое небо, — и здесь помогают своим. И мы не знаем, есть ли у них еще ракеты. Основной удар будет направлен по позициям моего батальона, — он провел стрелочку от расположения лоялистов к своим укреплениям. — И мы не сможем его удержать. Большая часть минометов и пулеметов выведена из строя в результате обстрела, от укреплений остались только огрызки. Боевой дух личного состава не могу охарактеризовать ввиду его полного отсутствия. Мы прикрыты с флангов, и в тылу резервы есть, но когда у врага есть ракеты, от которых нельзя защититься, хочется только зарыться в землю поглубже, и не высовываться лишний раз.

— Я лично буду командовать обороной позиций третьего батальона, — сухо произнес Дженази, — а вам поручаю общую координацию полка. Когда атака противника будет отбита, вы должны будете организовать наступление и в кратчайшие сроки занять его позиции. Пятой армии отдан приказ о наступлении, и он должен быть выполнен.

— Это невозможно! — старший лейтенант побледнел еще сильнее. — У нас уже недостаточно сил для наступления! А если мы отобьем атаку, то нас все равно станет еще меньше. Позиции противника хорошо укреплены. Это самоубийство! Самоубийство уже просто удерживать эту позицию, а вы говорите, что нам предстоит еще и атака? С каких пор эта война превратилась в бойню до последнего человека?

— Третий батальон удержит позицию и пойдет в наступление, даже если я останусь последним офицером в полку, — Дженази посмотрел довольно молодому мужчине в глаза. И тот отступил перед его ледяной жестокостью, задрожал и опустил взгляд.

Передав лейтенанту — офицера звали Сальватор Кортес — полномочия замкомполка, Дженази направился на позиции третьего батальона в сопровождении его нового командира — худощавой брюнетки по имени Сола Бианка. Она была на пару сантиметров выше Дженази, а на ее левую руку была натянута кожаная перчатка, которая крепила к кисти деревянные протезы мизинца и безымянного пальца. По жестикуляции лейтенанта Гвардеец определил, что пальцев она лишилась относительно недавно, и все еще не смирилась с увечьем.

— Вы действительно готовы отправить на смерть весь мой батальон? — тихо, но отчетливо спросила она по пути к укреплениям.

Дженази остановился и внимательно посмотрел на женщину. Даже девушку: война заострила черты ее лица и углубила морщины, состарив едва ли не вдвое, но на самом деле она была немногим старше двадцати. На левой петлице защитного цвета не хватало тусклого бронзового квадратика, а на плотной ткани остался след чего-то острого — видимо, оторвало осколком. Дженази бесцеремонно взял девушку за подбородок и повернул ее голову так, чтобы лучше рассмотреть левую сторону лица. Свежая ссадина обнаружилась на

шее под ухом.

— С таким везением вам ли бояться смерти? — усмехнулся Гвардеец, разжимая пальцы. Сола обожгла его взглядом и потерла пальцами подбородок.

— Звание полковника не дает вам права распускать руки, — она покосилась на его петлицы с серебряными прямоугольниками, пришитые к вороту черного плаща.

Дженази молча зашагал дальше.

— Смерть не будет обходить меня вечно, — произнесла Сола мрачно, снова поравнявшись с ним. — Но вам, видимо, безразличны жизни простых солдат. Учитывая размер потерь, атака совершенно бессмысленна — мы все равно не сможем удержать позиции врага.

— Младший лейтенант Бианка, — холодно ответил Гвардеец, — оставьте вопросы стратегического планирования высшему командному составу. Вы должны понимать, что если обстоятельства вынуждают принести ради победы в жертву целый полк, то жертва должна быть принесена. Солдаты должны выполнять приказы, а не обсуждать их.

Ответ Сола он не услышал: голова дернулась от резкого и неожиданного удара, и следом же стала непривычно легкой и пустой. Дженази ощутил пустоту на месте затылка, а следом шея и спина под плащом стали мокрыми и липкими. Мысли остановились, исчезли, он потерял координацию в пространстве и контроль над собственным телом, а также понимание, кто он и где находится. Он не понял, сколько продлилось это состояние, и в себя он пришел уже стоя на коленях и закрывая лицо руками. И услышал стрельбу и крики впереди. На позициях третьего батальона.

Противник пошел в наступление.

Дженази провел ладонью по затылку и обнаружил неожиданно сильно отросшие волосы. Под ними была кровь и следы внутреннего содержимого его черепной коробки.

Осознание пришло через пару секунд: он стал жертвой снайпера. Он ведь как раз поднялся на гребень холма, и из-за Сола забыл о том, что следует проверить окружающее пространство на предмет наличия противника. Судя по тому, что его тело никак не отреагировало на угрозу, выстрел был произведен из рельсовой винтовки, разогнавшей пулю до космических скоростей. Если бы Дженази не был г'ата, то точно был бы убит, а так его лишь оглушило на какое-то время. За которое Сола Бианка оставила его и возглавила оборону третьего батальона.

Дженази посмотрел на запад — именно с той стороны прилетела пуля — и обнаружил, что единственным удобным укрытием для снайпера являлась небольшая роща на вершине холма в трех километрах от данного места. Он должен был находиться там, и Гвардеец мог бы найти его, но ему следовало помочь отбить наступление. А точнее — учитывая состояние полка — отбить его, и показать воинам Чинкуэдо, что их новый полковник — в первую очередь не командир, а их самое мощное и смертоносное оружие.

В процессе регенерации головы его короткие волосы отросли до самых плеч, и чтобы они не мешали, Дженази стянул их сзади в хвост и перевязал платком. И обнажив меч, ворвался в окопы, в которых остатки батальона отбивались от вражеской лавины из сотен солдат противника. Немногие из оставшихся пулеметов обороны молчали — вражеские снайперы убивали любого, кто пытался занять огневые точки. Среди треска выстрелов, грохота разорвавшихся гранат и криков боли и ярости Дженази различил характерный свист пуль, выпущенных их рельсовых винтовок — воины Небесных Городов и здесь помогали

вести наступление, оставаясь за спинами простых смертных.

Гвардеец определил все точки, из которых велся снайперский огонь, уже в тот момент, когда его меч рассек надвое первого солдата правительственной армии. Тот как раз намеревался вонзить штык в живот лежащего на земле бойца, лицо которого было покрыто густым слоем крови и коричневой пыли. Только синие глаза сверкали ярко-ярко — отчаянной решимостью и неприятием смерти.

Дженази позабыл о нем мгновение спустя, погружаясь в ярость и безумие кровавой бойни. Его сталь и сокрушительные порывы ветра очистили позиции третьего батальона, не встречая никакого сопротивления — он был везде и сразу на протяжении всего окопа, поражая человеческое воображение своей невероятной скоростью. Снайперы пытались остановить его, но их способностей не хватало, чтобы прицелиться в тень от ветра и молнии. И пока они занимались бесплодными попытками попасть в Дженази, боец третьего батальона добрался до последнего уцелевшего пулемета и открыл огонь по прерывистым шеренгам наступающих.

Далеко за спинами солдат противника в воздухе белой вспышкой ярко сверкнул болид — и Дженази лишь благодаря своему ускоренному в десятки раз восприятию смог сбить гиперзвуковую ракету врага небольшой молнией — в паре сотен метрах от окопа. Электростатический разряд вывел из строя систему наведения, и ракета ушла в сторону, врезавшись в землю. Взрыва не последовало.

А затем их всех накрыло ужасающим воем, который следовал за снарядом, многократно преодолевшем звуковой барьер. Солдаты инстинктивно прижались к земле, а Дженази на мгновение замер, справляясь со звуковой атакой на свой обострившийся слух. На голых рефлексмах вверх взметнулась рука с мечом, рассекая крохотную пластиковую пулю, выпущенную в его голову, и обе ее половинки вырвали две пряди из его волос.

Он не мог оставить окоп для того, чтобы избавиться от снайперов. Точнее, мог, но тогда солдат третьего батальона задавят числом и перебьют всех до одного.

Дженази отыскал взглядом Солу Бианку. Девушка зажимала ладонью простреленное плечо и сорванным голосом отдавала команды не отступать и сражаться до конца. Она видела, что их новый полковник рядом, и ей некогда было думать, как он выжил после того, как ему снесло половину черепа.

А их новый полковник не хотел, чтобы его люди умирали.

Дженази глубоко втянул носом воздух. Слишком сухой. Так мало влаги в этом пустынном краю. Но он чувствовал ее своими ступнями — глубоко под землей. Два... Нет, даже три слоя грунтовых вод, один глубже другого. Целое озеро, отделенное от поверхности пластами камня и спрессованной глины. В окрестностях холма не было ни одного родника, и никто даже не пытался рыть колодец, чтобы добраться до драгоценных запасов воды. А Гвардеец ощущал подземные течения так же хорошо, как струи крови в собственных жилах — и мог управлять ими.

Сухая коричневая земля взорвалась под ногами наступающих солдат, убивая и калеча их десятками — ударной волной и каменными осколками. Повинуясь воле Дженази, вода пробилась себе путь на поверхность, и мощь взрыва, с которым она вырвалась на свободу, могла сокрушить что-угодно. В одно мгновение между позицией третьего батальона и противником образовалась глубокое и широкое ущелье, заполненное бурлящей водой, камнями и изувеченными телами. Дженази не позволил вырвавшейся из-под земли лавине обрушиться на его людей, и вся сокрушительная мощь стихии ударила по наступающему

врагу — уничтожая его полностью и без остатка. А когда волна докатилась до вражеских позиций, потеряв большую часть своей силы, он успокоил ее — и поднял в воздух густым непроглядным туманом, накрывшим все в радиусе многих сотен метров.

Противник был ослеплен, дезориентирован, деморализован — и Дженази мог отправиться к нему и резать, рубить, колоть, рвать и ломать, не оставляя никому даже шанса на отступление и спасение. И он едва не поддался этому порыву, едва не обезумел от крови и ужаса своих будущих жертв — и смог остановиться. Оглянулся по сторонам, всматриваясь в потрясенные лица солдат. Они все смотрели на него, как на волшебника, сказочного героя — даже бога. Только что он совершил чудо, пусть и чудо ужасающее. Он убил сотни — но спас их всех, потому что убитые сотни намеревались убить их всех. И Дженази не мог их сейчас оставить. Им нужно было помочь. Перевязать раны, поднять на ноги, успокоить, ободрить, воодушевить — и отправить вперед, туда, где им приказано быть любой ценой — даже ценой собственной жизни. Все, что он мог сделать для них сейчас — это остаться рядом. Подставить плечо и пройти вместе с ними этот короткий, но такой тяжелый отрезок пути.

Но врага, накрытого туманом, нельзя было отпускать. И Дженази собрал остатки своей ненависти и ярости, все еще тлеющие в глубине его души, и вложил их в мельчайшие капли влаги, из которых была соткана молочная завеса. И туман перестал быть просто туманом. Вода, пропитанная мистической энергией Гвардейца, начала притягивать к себе всю прочую воду, которая в этой сухой местности находилась в основном в телах солдат республиканской армии. И их кровь, и все жидкости их тел вытянуло наружу, сквозь поры кожи — и другие, более широкие отверстия. Чудовищная казнь свершилась за считанные секунды, и белоснежно-белый туман окрасился в розовый и алый.

Это был первый и последний раз, когда Дженази применил Кровавый Туман. Никто, кроме него, не понял, что на самом деле произошло с остатками батальонов врага, потому что туман осел и впитался в землю, а обезвоженные тела солдат обратились в прах вместе с одеждой, из которой тоже вытянуло всю воду и разрушило связи между волокнами ткани. Рассыпались даже деревянные приклады винтовок. Остались только камень и металл, но ни у кого не вызвали вопросов сотни разбросанных касок, металлические части оружия, ременные бляхи и тысячи медных пуговиц. А если кто и обратил внимание на рассыпанные повсюду человеческие зубы, то только пожал плечами.

Правда была слишком ужасной, чтобы ее можно было даже просто предположить. И никто не стал подозревать в своем спасителе — суровом, но справедливом полковнике Дженази — истинное чудовище.

— 879-ый, Такена, 84-ый полк, — произнес Дженази, мысленно отпустив события далекого прошлого и вернувшись в настоящее. Посмотрел на старика снова, заглянул в его ярко-синие глаза — и наконец узнал его.

— Диего, — это был тот самый солдат, которого он спас первым в том бою. За столько лет его взгляд несколько не изменился, но Дженази было тяжело смотреть, как же сильно постарел тот жизнерадостный и бойкий паренек, который в тот день весь вечер крутился вокруг него, сетуя, что в полевая кухня не может выдать ничего лучше жидкой похлебки. — Диего Гарза. Поздравляю с присвоением звания старшины, бывший рядовой Диего Гарза, —

он улыбнулся старому солдату, на глаза которого уже навернулись слезы.

— Спасибо, товарищ полковник... — дрожащим голосом ответил Диего. — До нашего батальона доходили вести, что вы стали генералом и вас назначили командующим Лверийским фронтом в 883-ем, и мы отправили в ваш штаб поздравительное письмо. Скажите, оно дошло до вас?

— Нет, — с грустью покачал Дженази головой. — Военную корреспонденцию часто перехватывали, так что в этом нет ничего удивительного.

— Жаль... — вздохнул Диего. — Капитан Бианка специально писала его левой рукой, чтобы показать вам, что потерянные пальцы больше не мешают ей на службе. Помните, как вы тогда сказали, что ей нужно как можно быстрее справиться с их отсутствием? С того дня она практиковалась левой рукой так упорно, что стала левшой, — старик усмехнулся.

— Вот как? — Дженази вспомнил, как весьма жестко указал девушке, что без пальцев ей в армии делать нечего, и ему стало неловко. Что же, действительно жаль, что до него не дошло то письмо. — А что... — вопрос о том, что с ней случилось потом, стал комом в горле. И он не смог с этим справиться.

— Капитана Бианку серьезно ранило за год конца войны, — Диего правильно понял, что именно он хочет спросить, — и ее комиссовали. Она умерла лет шестьдесят назад, уже совсем старой была. Я тогда думал, что переживу ее лет на двадцать — а оно вот как получилось. Мне иногда пишет ее пра-правнук. Поздравляет с днем рождения, с Днем Победы, с очередной годовщиной победы под Такеной... Раньше мне много кто из детей и внуков нашего батальона писал, а теперь я и их пережил. И мои дети от старости поумирали, и внуки. Двое правнуков еще живы, только одного уже старческое слабоумие совсем накрыло, не узнает меня. А прапраправнуки и дети их с внуками видят только и знают, что о здоровье моем спрашивают да ждут, когда я наконец коня двину.

Дженази представил, сколько сейчас в Эрте и окрестностях живет потомков Диего, и невольно улыбнулся.

— А что вы, товарищ полковник? Чем вы занимались после войны?

— Моя война никогда не закончится, Диего, — ответил Дженази со слегка поблекшей улыбкой, и поспешил сменить тему. — Страна заботится о тебе? Никто не забыл, что ты воевал за нее?

— Когда стукнуло сто, мне пенсию в два раза увеличили, — не без гордости ответил ветеран войны, отгремевшей сто двадцать пять лет назад.

Дженази с сомнением еще раз внимательно осмотрел его. Чистый, ухоженный, пахнет недорогим одеколоном, а ходит в старой полевой форме потому, что, скорее всего, просто отказывается надеть что-то другое. Что же, он не видит причин обвинять кого-то в том, что о ветеране позабыли. Более того, Диего, похоже, и сам прекрасно способен напомнить о себе.

— На нее и живу, еще и пра-четыре-раза-внукам помогаю, из тех, что поближе живут, — продолжил старик. — Пенсия большая, а мне немного надо. Мне как сто десять стукнуло, Джина Саргас — слышали об актрисе такой? — мне личную пенсию назначила, миллион в год, так я ее всю на наши школы, музеи и приюты распределил, им нужнее. Я так понял, родственница она ваша, только какой стороной, невдомек, — и Диего с вопросом в глаза посмотрел на него, дожидаясь, услышит объяснение, или нет.

Дженази обернулся, чтобы наконец рассмотреть, что написано на табличке. «Полковник Дженази Саргас» — и лаконичное описание его вклада в оборону Такены. А еще ниже была прикреплена табличка, на которой было написано, что статуя была

перевезена из Такены в Эрту пять лет назад, по просьбе и на деньги семьи Гарза после того, как в самой Такене памятник было решено снести. Бывший Гвардеец решил, что непременно посетит неблагодарный городок, чтобы узнать, чем конкретно их там не устроила его персона.

— Джина Саргас? — Дженази задумался о причинах, по которым Ришари могла назначить Диего такую огромную ежегодную выплату.

— Да, она даже приезжала к нам в Эрту лично, расспрашивала о вас. И каждый год присылала мне поздравительные открытки и подарки, только в прошлом году на месяц запоздала. Видно, занята была сильно. Да и лет ей тоже уже должно быть немало. Давно ее не видно на экранах, ох и давно...

— Они у тебя? Ее открытки? — спросил Дженази с интересом.

— А как же, — степенно кивнул Диего. — Все сорок пять. Храню их и потомкам своим показываю вместе с ее фильмами. Такая знаменитая и занятая женщина, а о простом старике не забывает. Идемте ко мне домой, я вам их покажу.

Старик с завидной энергией вскочил со скамейки, и Дженази последовал его примеру. И вспомнил, зачем вообще прибыл в Эрту.

— Диего... Ты знаешь кого-нибудь из семьи Орчи? Я знал девушку по имени Нола Орчи, которая когда-то жила здесь. Еще во время войны.

— Нола? — удивился Гарза. — Как же мне ее не знать? Она моя племянница, дочь моей старшей сестры, Леоноры Гарза. Она вышла замуж за Лето Орчи, и у них родилась Нола. Только они после войны уехали и пропали втроем безвести. А что, вы знаете, что с ней случилось, с Нолой-то?

Дженази стиснул зубы. Он не ожидал... такого поворота судьбы.

Глава 92. Вознесшийся к Тьме

— Она погибла в Вердиро сто пятнадцать лет назад, — ответил он после пары минут мучительных раздумий, следуя за стариком по широкой улице на запад. Горожане провожали их удивленными взглядами — Дженази был здесь чужаком и привлекал внимание своей внешностью, а Диего с завидной энергичностью шагал рядом, едва не подпрыгивая на ходу. — Мы были хорошими друзьями, но в тот день меня не было рядом. Она была превосходным воином — и очень хорошим человеком. Лучшим из тех, кого я знал. Я приехал в Эрту, потому что узнал, что она была здесь, когда я помогал в освобождении города. Быть может, именно здесь состоялась наша первая встреча, о которой я просто забыл. Я знал ее недолго, но она уже вела себя так, словно хороша знала меня.

— Значит, все же погибла... — печально выдохнул Диего, сбавляя шаг. Он сразу ссутулился, словно на спину надавил невидимый тяжкий груз. — Жаль девочку. Совсем немного успела пожить... Она не оставила детей?

Дженази помрачнел еще сильнее.

— Нет. Ее похоронили неподалеку от Гриндлосса, это в Кайлене. Я отмечу на карте. Может быть, однажды кто-то из вашей семьи сможет добраться до Вердиро и почтить ее память. И оставлю адрес Валерии Лэйт — они были подругами. Мы не знали, откуда она, поэтому не могли сообщить о ее смерти. Нола ничего не рассказывала о своем прошлом.

Дженази умолк. Он смог бы выяснить, откуда она, если бы в тот день не покинул Тейзою.

— Я покажу вам дом, в котором она родилась, — Диего внезапно остановился и развернулся, решив направиться в прямо противоположную сторону. — Дом отстроили после войны, и в нем до сих пор живут Орчи. Родственники Лето со стороны его брата.

— Хорошо, — только и мог ответить на это Дженази.

Путь занял больше получаса — ходок из Диего оказался неважный. Пару раз пришлось присесть отдохнуть в тени древовидного можжевельника, который распространял вокруг себя неповторимый и приятный запах. Он сразу вспомнил аромат Нолы — в нем всегда присутствовали нотки этого растения. Разумеется, то был другой вид можжевельника, произрастающий на Вердиро, но Дженази внезапно понял, что она пользовалась им, потому что он напоминал ей о доме.

Перед тем, как свернуть на нужную улицу, Дженази остановился. Они находились на перекрестке, который показался ему мучительно знакомым. Он был здесь. Нет, он не узнал фасады домов, но у того, что находился слева, на втором этаже находился полукруглый балкон с кованой решеткой, украшенной железными розами. Он стоял на этом балконе, когда был еще Гвардейцем.

Сто двадцать пять лет назад.

Ничего не объясняя Диего, он одним прыжком взобрался на него, вызвав возглас изумления у пожилой старушки, наблюдавшей за ними из окна дома напротив — и у мужчины, который сидел в тени навеса неподалеку и лениво посматривал в их сторону поверх своей газеты. Диего с удивлением смотрел на него снизу вверх, а Дженази смотрела сверху вниз на перекресток — и словно в живую увидел несущуюся сломя голову маленькую девочку, которая бежала вперед, чудом уцелев после массированного артобстрела, отгремевшего минутой ранее.

В тот день он оказался на этом балконе, потому что на нем засел снайпер в оптическом камуфляже Небесных Городов. По этой улице должны были пройти штурмовые отряды армии Чинкуэдо, и Дженази собирался расчистить им путь. Он убил снайпера раньше, чем тот успел понять, что произошло — и сам слишком поздно заметил другого бойца, в руках которого оказался автоматический гранатомет с «умными» снарядами. Тот засел в подвале дома напротив, и немедленно выпустил стаю визжащих и воющих реактивных гранат, которые должны были перемолоть Гвардейца в кровавую пыль, если бы только он не отшвырнул их от себя тугой волной воздуха и не закрутил в вихре, заставляя взорваться высоко в небе.

Все, кроме одной.

Одна граната вырвалась из общей стаи и полетела вниз, с машинным упорством стараясь найти свою цель. Она едва не врезалась в землю, вырисовала причудливую петлю и снова направилась к Дженази — совсем не обращая внимания на то, что на ее пути оказалась маленькая девочка. Скорее всего, искусственный интеллект, рассчитанный всего на одно применение в бою, посчитал, что ее хрупкое тельце не изменит траекторию полета, и решил пролететь насквозь, чтобы не тратить крупицы топлива на дополнительный маневр.

Чтобы спасти девочку, Дженази шагнул сквозь Абстрактную Область, обойдя разделявшие их пространство и время в ином измерении. Он пользовался этой способностью только в самых крайних случаях, когда иного выхода просто не было — и не позволил гранате оторвать ребенку голову. Схватил на лету и проморозил насквозь, не оставляя даже шанса на детонацию снаряда. Снаряд впустую выжег остаток реактивного топлива — и рассыпался металлической крошкой вперемишку с замороженной взрывчаткой.

Следующая стая управляемых снарядов разорвалась в воздухе, не долетев до Дженази нескольких метров. Он встретил волну осколков всем своим телом, прижав девочку к своей груди и принимая весь удар на свою спину. Плащ и кожу изорвало в клочья, но ни один осколок не прошел насквозь, увязнув в мышцах и костях. Немедленно заработала регенерация, выталкивая куски металла наружу.

Дженази вспомнил, как выпрямился тогда, потрепал девочку по грязным каштановым волосам, и так и не рассмотрев ее толком, занялся бойцом, истратившим на него весь свой боезапас. Она должна была видеть, как на ходу исцеляются его раны. Она должна была видеть, как он одним коротким ударом пронзил грудь воина Небесных Городов — и не оглядываясь, направился дальше.

Убивать.

Значит, таким и запомнила его Нола в тот день — неуязвимым убийцей, который спас ее мимоходом просто потому, что мог.

— Значит, ты отлично знала, на что идешь, когда бросила вызов Гвардии, — пробормотал Дженази. — Ты знала — и ты готовилась. И ты справилась.

— Товарищ полковник, с вами все в порядке? — донесся снизу встревоженный крик Диего, и Дженази опомнился. Спрыгнул вниз, подняв при приземлении небольшое облако пыли, отряхнулся — и улыбнулся старику.

— Все хорошо. Просто я вспомнил, что именно здесь впервые встретился с Нолой. Она едва не попала под огонь боевика заоблачников, — Дженази решил умолчать, что снаряд предназначался ему. С другой стороны, не мог же он рассказать Диего и то, что Нола сражалась на другой стороне, помогая тем, с кем ее дядя сражался в окопах Судо. Он знал,

что Диего это расстроит.

— Вы спасли ее, — кивнул старик. — К слову, это значит, что не зря я перевез в Эрту вашу статую. Вы приложили руку к освобождению нашего города.

«Я всего-лишь отдал приказ прекратить обстрел и перебил отряд бойцов Небесных Городов,» — пронеслось в голове Дженази. Но вместо этого вслух он произнес:

— Я не командовал той операцией, и оказался здесь в тот день случайно. Хватит об этом... Ты обещал показать дом, в котором родилась Нола.

— Мы уже почти пришли, — улыбнулся Диего, и они продолжили путь.

Старик остановился через пять минут — напротив уютного двухэтажного дома, совершенно типичного для этого города и этих краев. В таких домах проживало сразу по четыре семьи, которые чаще всего приходились друг другу родственниками. Главный вход сразу выводил на улицу, на широком тротуаре оставалось место только для лавочек и цветочных клумб; двор находился по другую сторону, и обычно был общим с жителями дома с соседней улицы. Иногда такой внутренний двор разделяли высоким кирпичным забором, что свидетельствовало о том, что жильцы не в ладах с соседями. Разделен двор забором позади этого дома или нет, Дженази даже не догадывался: куда больше его волновало то, что он вот-вот перешагнет порог дома Нолы.

— Вот он, семнадцатый по Кузнечной улице, — произнес Диего, выпрямившись и заложив руки за спину. — Здесь половина семей — родня Орчи, и до войны они были известными в наших краях кузнецами. Отец Лето даже умел ковать мистическую сталь, но небожители забрали его до того, как он успел передать сыну ее секрет. А во время войны погибло много мастеров-кузнецов их семьи, да и сам Лето пропал... Так что больше Орчи не кузнецы.

— Печально, — ответил Дженази, удивляясь еще одному совпадению. Нола оказалась дочерью кузнеца.

Диего подошел к двери, открыл ее и без стука вошел.

— Эй, есть кто дома? Матэас! Моника!

Перешагнув порог дома вслед за стариком, Дженази оказался в светлой и просторной парадной с каменным полом, тремя дверьми, художественным нагромождением кадок с декоративными деревцами в центре, и двумя лестницами с резными деревянными перилами, по правую и левую сторону, которые вели на второй этаж.

Первой открылась дверь справа, и из-за нее показалось слегка полноватое лицо встревоженной их внезапным визитом немолодой женщины лет за пятьдесят. Следом сверху о перила грудью оперся мужчина лет сорока с проседью на висках, с любопытством разглядывая гостей. На лестнице напротив него из двери выскочил мальчишка лет семи, увидел Диего и громко крикнул, на весь дом:

— Деда! Дед Диего пришел! — и скрылся в глубинах квартиры.

Через пару минут поприветствовать гостей вышли все жильцы дома. Ритуал ограничивался простым кивком в сторону Диего, улыбкой или взмахом руки — его тут все знали и не удивились визиту старика. Дженази вызвал в них сильнейшее любопытство, но Диего всем своим видом показал, что сейчас не время всем и сразу знакомиться поближе, и просто представил его как своего полевого командира. Разумеется, это вызвало лишь еще больше вопросов, кое-кто даже посмотрел на Дженази с сочувствием, решив, что ему приходится возиться со сбрендившим древним стариком, который называется своим командиром человека в пять раз младше себя.

Дженази оставалось только вежливо улыбаться и кивать в ответ на приветствия.

А потом вниз спустился Матэас Орчи. Бывший Гвардеец сразу уловил портретное сходство с Нолой, хотя мужчине было уже заметно за шестьдесят. Видимо, нос и подбородок передавались в их семье по наследству еще со времен дедов-прадедов ее отца. А среди длинных седых волос Матэаса, не утративших своей густоты, еще угадывались каштановые пряди.

Только глаза у него были зеленые.

— Матэас, товарищ полковник знал Нолу, — без всякого приветствия, в лоб заявил Диего, и пожилой мужчина растерялся.

— Кого? — спросил он в наступившей тишине. В парадной находилось уже больше дюжины человек, и все они ожидали объяснения того, что же имеет ввиду самый древний житель их города.

— Нолу Орчи, твою двоюродную прабабку. Она была моей племянницей со стороны сестры, — терпеливо объяснил Диего.

— Совсем ты того стал, старый пень, — с тихим изумлением произнесла женщина, вышедшая вместе с Матэасом — видимо, его жена Моника.

— Мне двести тринадцать лет, уважаемая, — Дженази вынужденно встал на защиту старика, и вместо долгих объяснений того, как это возможно, протянул ей изящную розу из льда, которую создал на глазах у всех за пару секунд. Изогнутый ледяной стебель без шипов, с ажурными листьями, венчал небольшой бутон с тончайшими прозрачными лепестками, покрытыми инеем — который уже начал таять, превращаясь в крупные капли импровизированной росы.

— Волшебник... — пронеслось замороженное по нестройному ряду Орчи.

— Обладатель мистической способности, — поправил мужчина, наблюдавший за происходящим сверху. Он так и не отлип от своих перил, держась обособленно от неожиданной суеты.

— Я просто прибыл убедиться, что с семьей моего хорошего друга все хорошо, — произнес Дженази, вручая ледяной цветок Монике. Та приняла его с опаской и большой осторожностью, но без признаков суеверного ужаса. В конце концов, они же на Тейзое, где каждый человек если не сталкивался лично, то точно слышал о подобном.

— Матэас и Моника живут в старой квартире Лето, — сказал Диего, с некоторым возмущением поглядывая в стороны тех, кто усомнился в его трезвом рассудке. — А в детской кроватке Нолы сейчас спит Карл, — старик кивнул на мальчугана, который назвал Матэаса дедом.

— Я поставлю чайник, — с растерянностью произнесла Моника, не отрывая глаз от нетающей розы. Ее слова стали своеобразным приглашением, и Матэас жестом предложил Дженази и Диаго следовать за ними. Остальные жильцы, слегка разочарованные тем, что дальнейшая беседа пройдет без них, начали возвращаться к своим делам.

— Мы можем организовать застолье во внутреннем дворе, — внезапно предложила женщина, первой вышедшая на зов Диего. — И все вместе послушать господина волшебника. Мы ведь все тут Орчи, это нас всех касается.

— Меня зовут Дженази, — произнес «господин волшебник», вспомнив, что его не представили. И через полчаса сидел во главе стола в беседке, расположенной в центре внутреннего двора, в окружении апельсиновых деревьев и цветочных клумб.

Говорить ему пришлось много, время от времени отвлекаясь на чашку красного чая и печенье. Он не хотел есть, но отказаться от домашней выпечки под строгим взглядом домохозяек семейств Орчи было просто невозможно. Сюда снесли все что можно и не стыдно разместить на общем столе.

— Так как погибла Нола? — спросила Роберта Орчи — женщина, предложившая устроить совместное чаепитие — после того, как его история, перемешанная с воспоминаниями о войне и связанных с ней событиях в Суде подошла к концу.

— Да, как она погибла? — раздался знакомый голос за спиной Дженази, и бывший Гвардеец вздрогнул от неожиданности — так, что качнулась чашка с чем в руке. Его застали врасплох. К нему подкрались со спины — а он даже ничего не почувствовал.

Это было плохо.

Очень плохо.

Сигурд вышел из-за раскидистого куста, за которым скрывался, возможно, с самого начала застолья, и сразу привлек к себе все внимание собравшихся — как своим необычным видом, так и самим фактом внезапного появления. Он изменился со времени их последней встречи — теперь у него была темно-серая, с синеватым оттенком кожа, темно-алые глаза и пепельные волосы, длинные и взлохмаченные. Во взгляде и общем выражении лица появилось нечто дикое, разъяренное, словно внутри поселился злобный и неукротимый зверь, готовый броситься на любой источник движения и звука.

Дженази втянул носом воздух — и не почувал его запаха. Не только запаха тела Сигурда, но и его одежды и обуви, которые помимо собственного следа из мельчайшей частиц должны переносить молекулы того окружения, в котором побывали. Чтобы понять, в чем дело, Дженази пришлось посмотреть на него сквозь Абстрактную Область.

— Как неспортивно, — усмехнулся Сигурд, встряхнув гривой пепельных волос. В пространстве Абстрактной Области он выглядел немного иначе — стал выше и шире в плечах, а его роскошный черный костюм из шелка, бархата, кожи и армированных вставок углеволокна превратился в доспех из выбеленных человеческих костей, поверх которого был наброшен рваный плащ из тонко выделанной кожи, расписанный знаками и формулами на языке ному-за-гримм — Забытых Богов. — Ты даже не попытался разгадать загадку самостоятельно. А как же логика? Дедукция?

Реальный мир проступал здесь только в виде полупрозрачных теней, практически утративших цвет и объем. Сквозь них — стены и живых людей — можно было пройти, не встретив никакого сопротивления. И время реального мира тоже перестало иметь какое-либо значение. Опорой Дженази и Сигурду служила огромная вращающаяся шестеренка, приводящая в движение серебряный вал, оплетенный проводами и кабелями. Вал уходил вверх, в бесконечность, теряясь за пеленой тусклых огней, скрывающей механизмы самого мироздания.

— Кто-угодно может здесь увидеть суть любого явления, — продолжил Сигурд, поправляя складку плаща из кожи, слишком похожей на человеческую. — А я ожидал от тебя полета мысли, интеллектуального поиска. Разве это не интересно? Мы имеем охотника, обладающего абсолютным обонянием и слухом, который может по недельному следу, трижды омытому дождями, определить, чем его цель болела в детстве и в какой норе прячется в настоящий момент времени — и того, кто сумел подкрасться к нему незамеченным. Логика подсказывает, что никакие уловки и ухищрения не помогут скрыть от

охотника запах — как и звук сердцебиения... Да что там сердцебиения — вибраций от токов крови в жилах. Так что остается только магия и мистические способности. Но еще никому не удавалось провести охотника с помощью подобных фокусов, он знает тысячи способов и приемов сокрытия присутствия. Ни зверь, ни человек от него не спрячутся...

Дженази уже увидел границы сферы свернутого пространства, в котором Сигурд пребывал в реальном мире — и в то же время существовал словно вне его, контролируя, какие именно вибрации и излучения проникнут наружу. Это была непосредственная манипуляция с Абстрактной Областью, требовавшая глубоких знаний и понимания принципов ее работы — и огромной мощи, доступной лишь немногим. Внимательно изучив эту структуру, Дженази немедленно воспроизвел ее — и мысленно охнул, прочувствовав, какие затраты энергии необходимы для ее работы. Более того, он не понимал до конца ее возможностей.

— Ты недостоин своей силы и своих способностей, — нахмурился Сигурд, когда Дженази скопировал и воспроизвел его сокрывающую структуру.

— Ты подкрался ко мне с помощью манипуляций с Абстрактной Областью и обвиняешь в том, что я пытаюсь разобраться во всем тем же образом, — хмыкнул Дженази, все еще не избавившись от ощущения скрытого подвоха.

— Ну, ты мог сначала заявить, что я использую Абстрактную Область, а потом уже смотреть, в чем дело, — развел руками Сигурд. — Хотя, похоже, я рано расстраиваюсь: ты ведь все еще не понял, как узнать, что я скрываю помимо того, что позволил тебе увидеть и услышать. Ты все еще не почуял мой запах. И ты все еще не понял, как мне удалось что-то настолько сложное. Твои догадки?

— Подсмотрел у кого-то — так я думаю, — ответил Дженази с напускным пренебрежением. — Точно так же, как я подсмотрел его у тебя.

— Что, не можешь даже допустить, что я сам создал нечто настолько сложное — поражающее воображение в достаточной степени, чтобы считаться чудом? Не можешь признать мое интеллектуальное превосходство? — оскалился новый император Дакиэрро.

— Нет, просто наблюдаю разительное несоответствие возможностей и когнитивных способностей. Силенок поднабрался, а как идиотом был, так идиотом и остался...

Сигурд перестал улыбаться, уголки темных губ стремительно опустились вниз, устремившись в сторону нижней челюсти.

— Ну, я вынужден признать, что данная структура не является продуктом моих личных изысканий в пространстве Абстрактной Области, — проворчал он наконец. — Но ты даже понятия не имеешь о том, как я получил эту силу. И кем я стал. И как же недостойно для человека твоего уровня опускаться до употребления таких пошлых выражений — и когда? Место, время... От нас зависят судьбы мира — а ты разбрасываешься примитивными оскорблениями, не отдавая должного уважения сложившейся ситуации. Ты просто вынуждаешь меня назвать тебя кретином и деревенщиной.

— Ты идиот, потому что вместо того, чтобы просто перейти к делу, хвастаешься тут передо мной своими магическими перышками. Я не стану относиться к тебе всерьез только потому, что ты изучил новый магический фокус.

В руках Сигурда их пустоты возник двуручный меч с абсолютно черным клинком, словно выкованным из тьмы глубокого космоса, и рукоятью из человеческих костей, покрытых резьбой. От клинка исходил низкий гул, вызывавший сдавливающую боль в

висках, а от костей исходил врезавшийся в сознание шепот страха и ненависти, от которого невозможно было оградиться. Темные чары меча с легкостью проникли сквозь защитный барьер Дженази, ударив по его разуму, но г'ата даже не поморщился — он уже давно перестал придавать хоть какое-то значение боли, а взывать к его внутренним демонам было бессмысленно. К ним был нужен подход иного рода...

— Где твой меч, Дженази? — спросил Сигурд с усмешкой. — Я не собираюсь сражаться с безоружным.

— Скорее, ты боишься проиграть мне безоружному, — улыбнулся Дженази. Влияния меча достигло его, потому что передавалось с помощью звука — а звукам он позволил проникать сквозь барьер. Он же должны был слышать Сигурда. А Сигурду нужно слышать его.

Император Дакиэрро резко взмахнул клинком, рубанув по пространству перед собой — и Абстрактную Область перед ним рассекло на расстоянии, намного превышавшем длину лезвия. Половинки разделенного пространства сдвинулись в противоположные стороны по линии рассечения, заставив свет преломиться, и мгновение спустя все вернулось в норму. В этот момент Дженази был уже высоко в воздухе, прыгнув в сторону Сигурда — ему пришлось контратаковать, потому что от атаки черного меча барьер не защищал. Он понял это, потому что узнал в клинке инструмент управления Абстрактной Областью, который может разрушить в ней все, что можно назвать нелегитимным вмешательством в работу механизма самого мироздания — например, защитный барьер, созданный смертным.

Этот меч рассекал все, что можно назвать противоестественным.

Дженази тоже относился к противоестественным явлениям, поэтому просто обязан был увернуться, если не хотел умереть.

Долетев до барьера Сигурда, он коснулся его ладонью — и передал его пространству мощнейшую вибрацию, заставляя в нем колебаться все на предельно высоких частотах. По бесконечному пространству Абстрактной Области разнесся высокий жужжащий звук, перемешанный с треском рвущихся мышц Сигурда, хрустом его костей — и тех, из которых была сделана его броня, и тех, что были внутри его тела — и отвратительным всплеском взорвавшихся изнутри глаз. Защитный барьер исчез, оставив изломанное тело бывшего Гвардейца беззащитным, и он рухнул на колени, истекая кровью из сотен ран, сделанных обломками его собственных костей. Костяная рукоять в его по-прежнему сжатых пальцах раскололась, и черный клинок упал вниз, исчезнув в пространстве.

Дженази почувствовал наконец запах Сигурда — и ужаснулся.

— Что ты с собой сделал?.. — прошептал он, не веря своему обонянию.

Сигурд поднял голову и широко оскалился. Угольно-черные белки регенерировали, в их центре отчетливо засияли алые радужки — цвета раскаленного металла. И он прыгнул вперед. Невероятно быстро, просто исчез и возник прямо перед Дженази, проломив его барьер — и вогнав правую руку в его грудь. Рука в костяной перчатке сжала сердце г'ата и вырвала его из руки.

Левая ладонь Дженази ударила в костяной нагрудник Сигурда, проломив его и вогнав куски глубоко в тело. Императора-Чародея отшвырнуло, и г'ата прижал руку к дыре в груди, останавливая хлещущий поток крови. На самом деле пустяковая рана, но теперь часть его тела оказалась в руках другого человека. Точнее, шикчизо.

— Ты понимаешь, на что обрек себя, Сигурд? — с тяжелой печалью спросил он, глядя на выхаркивающего собственные легкие бывшего товарища. — Теперь я просто не могу

пощадить тебя. Я обязан тебя убить здесь и сейчас. И никакие твои новые фокусы тебе не помогут.

Дженази позволил Абстрактной Области сделать то, что она пыталась совершить с ним каждый раз, когда он входил в нее — показать его истинную природу всем, кто способен видеть. И снова стал Зверем — могучим, яростным, непобедимым.

Сигурд поспешно вернул из пустоты черный меч и замахнулся им, но покрытая белой шерстью рука перехватила левое запястье и переломила его, словно соломинку — а потом оторвала напроочь. Чародей прижал бьющееся сердце Дженази к своей груди и в ужасе попятился, размахивая фонтанирующей черной кровью культей.

— Верни его мне, — прорычал Дженази, пьянея от длины, остроты и прочности собственных клыков. Они способны прокусить и разорвать все что угодно, и если Сигурд будет неразумно несговорчивым — смерть его станет мучительной. Ужасающе мучительной.

Сигурд стиснул зубы, преодолевая ужас перед Зверем — хтоническим чудовищем, которого видел перед собой — и не переставая пятиться, произнес, твердо глядя Дженази в глаза:

— Я стал шикчизо и сожрал бога тьмы, но знаешь, я все еще чувствую и считаю себя человеком. А вот ты никогда им не был, Дженази. Даже до того, как стал г'ата — ты не был человеком. Поэтому я все равно одолею тебя, заставлю склониться передо мной — любой ценой, любым способом. И я спасу человечество от таких чудовищ, как ты.

— Нет, сейчас я оторву тебе голову и спасу человечество от перспективы быть спасенным тобой, — рыкнул Дженази.

И Сигурд сделал то, что в данный момент было самым разумным с его стороны шагом — вернулся в обычное пространство.

— Бездна! — проворчал Дженази и последовал за ним.

Время немедленно восстановило свой ход, реальность вернула себе краски, звуки и запахи. Сигурд по-прежнему стоял в цветущем кустарнике на том же самом месте, где Дженази его обнаружил, его костяные доспехи и плащ из кожи исчезли, сменившись прежним костюмом. Только левого рукава больше не было, из рваной тряпки на его месте торчала белая кость, по которой стекала черная кровь шикчизо.

Дженази вернулся в реальность в человеческом облике — он не хотел пугать своим видом семейство Орчи. И не хотел сражаться, пока они окружают его со всех сторон. Ему необходимо было как можно скорее заставить Сигурда убраться отсюда.

Разумеется, император Дакиэрро понимал, что здесь его сопернику не развернуться. Но также он понимал, что ему не стоит пытаться задеть этих людей, чтобы не привести Дженази в ярость. Он не из тех, кого можно шантажировать, скорее наоборот — угроза вреда для его близких приведет бывшего Гвардейца в бешенство и он перестанет сдерживаться.

Дженази, глядя в темные глаза Сигурда, понимал, что тот не мог явиться в это место просто так, без какого-то плана. Он — чародей, в его арсенале много разных проклятий, которые можно наложить на незащитных людей, и Дженази приготовился блокировать любое темной воздействие с помощью мощного выброса мистической энергии. Он не позволит причинить вред семье Нолы.

— Теперь твое сердце принадлежит мне, — Сигурд с насмешкой продемонстрировал Дженази его сердце, держа его на раскрытой ладони. Левая рука уже регенерировала — теперь бывшего Гвардейца было убить так же сложно, как и г'ата.

Дженази сместился в его сторону на миллиметр. Он готовился к броску.

— Сейчас я уйду отсюда с ним, а ты останешься, — продолжил Сигурд. — А знаешь, почему?

Дженази ответил ему молчанием, сместившись еще на миллиметр.

— Ну же, спроси меня.

— И что же позволит тебе уйти от меня живым и невредимым, да еще и с моим сердцем? — спросил Дженази, снова сокращая дистанцию и краем глаза наблюдая за семейством Орчи, которое вело себя подозрительно тихо. Почти у всех были пугающе остекленевший взгляд — кроме Диего, Матэаса и Роберты, которые просто не понимали, что происходит.

— Моя мистическая способность.

Дженази запнулся. За долгие годы он настолько привык к тому, что Сигурд использует магию, что перестал задаваться вопросом, что он может без нее. Как-будто у него не было мистической способности.

А ведь это было не так.

— всю свою жизнь я понятия не имел, что она у меня вообще есть, — продолжил Сигурд. — А ведь я из Первого Дома Отори, и обязан владеть редкой и мощной мистической способностью просто по праву рождения. Но ни мои родители, ни деды и прадеды не владели чем-то уникальным, и служили Забытым Богам как чародеи. И только теперь я узнал правду. Причиной, по которой мой род не мог использовать свою мистическую способность, заключалась в ее невероятной силе. Человеку просто не дано контролировать ее. Она возникла как результат дефекта древней магии Забытых, запечатавших Неназываемых с помощью Бронзовых Врат, и они бдительно следили за тем, чтобы мой род не применял ее. Скрывали ее от нас. И вот я узнал правду. Смотри.

Сигурд вытянул руку в сторону Моники — жены Матэаса — и словно толкнул ладонью тяжелую дверь. И глаза женщины немедленно потемнели, стали бездонно-черными. И она начала меняться. Раздалась в плечах, стала выше ростом. Немедленно отрасли длинные клыки и когти, почернела кожа. Рот растянулся от уха до уха, из него вывалился длинный лиловый язык, раздвоенный, гибкий и подвижный, словно змея.

— Моему роду — Первому Дому Отори — был передан ключ от Бронзовых Врат, и я могу их приоткрывать.

— Впускать в этот мир Неназываемых... — прошептал пораженный Дженази. — Остановись!

Пальцы Сигурда сжались в кулак — и все присутствующие Орчи и их соседи обратились в человекоподобных чудовищ, отличающихся друг от друга формами и цветом. Все, кроме Диего, Матэаса и Роберты.

Но это было еще не все. Мистическая волна, разошедшаяся во все стороны от Сигурда, пошла дальше, за пределы дома. В город. И Дженази услышал, как десятки и сотни людей обращаются в Неназываемых. И готовы вот-вот броситься на своих родных, друзей и знакомых, которые сумели сохранить разум и человеческий облик.

— Думаю, ты сможешь это исправить, но не сразу, — насмешливо произнес Сигурд, открывая портал и готовясь шагнуть в него. — А я пока навещу твоих замечательных племянников. Уверен, на этот раз прелестная Юрика согласится посетить мои скромные владения.

Дженази не успел ответить ему — он остановил когтистую лапу Моники, которая едва

не выпотрошила собственного мужа. Мощным толчком воздуха он раскидал в стороны обратившихся людей и создал вокруг уцелевших непроницаемый вихрь, не позволяя монстрам добраться до них. Ветер оторвал от земли и трижды пронес по кругу преобразившегося внука Матэаса, чтобы потом швырнуть в стену — и ребенок сумел встретиться с кирпичной поверхностью, выставив вперед все четыре лапы. Его сила, скорость и реакция выросли в десятки раз, превосходя все мыслимые человеческие пределы.

— Ну, по крайней мере они все еще размером с человека, — пробормотал Дженази, лихорадочно соображая, что делать. Все жители города, не обладающие заметным объемом мистической энергии, обратились в кровожадных монстров, и если он не остановит их, они просто сожрут весь континент.

— Я убью его.

Глава 93. Рыцарь Старой Империи

Леса Даери сгорали в золотом огне. Яростное пламя достигало облаков и разгоняло их во все стороны света, формируя испепеляющий все живое циклон, который Кенсэй собирался направить на юг, в сторону новых владений Глории, где она выращивала совершенно новую, абсолютно чуждую человечеству расу. Опустошение и геноцид — вот чем решил ответить бывший Гвардеец матери своего самого младшего сына, утратившей всякую связь с людьми.

Вернувшись из Судо, Кенсэй не терял времени и собрал своих лучших учеников, среди которых были его дети, и повел их на границу с Даери, леса которого уже ожили и направили смертоносные побеги и корни в сторону республики Кнорна. В сторону его нового дома. Он обосновался в ее столице, Мазал-Ката, сразу после распада Гвардии, и основал собственную школу, готовя мастеров меча и чародеев сначала для защиты восточных регионов Вердира, а потом и всей созданной Белгорро Федерации. Сформировал отряд специального назначения для борьбы с такими угрозами, как ярмиры, древние демоны Тейзой и всяческие темные сущности, требовавшие особого подхода. Дочерняя организация «Молота» получила название «Часовые Кэнсея», хотя сам Кенсэй выступал против такого наименования, и в детали ее деятельности не были толком посвящены даже представители высшего руководства главной службы безопасности Федерации. Да и повода особого не было: Часовые находились на самообеспечении, лишь изредка запрашивая помощь Молота, а результаты их деятельности никогда не попадали в сводки новостей. Никто не знал, скольких древних и непознанных чудищ они остановили за сотню лет своей истории.

Но на этот раз действия Часовых скрыть было невозможно. Кэнсей собирался испепелить целый полуостров, некогда заселенный десятками миллионов людей, а ныне обращенный в смертоносные джунгли — по воле Глории. Иного выхода он не видел: в тот самый час, когда Дженази сокрушил ярмиру в тысячах километров к западу, началось наступление самой природы на города Федерации. К тому моменту, когда Кенсэй оставил Юрику и вернулся, погибли уже сотни ни в чем неповинных людей, а тысячи бежали на север. Прочь от чудищ, рожденных Глорией.

— Это изменит климат на всей планете, отец, — произнесла Джун, зачарованно рассматривая горизонт, объятый золотым пламенем. Ночь давно опустилась на землю, но отблески пламени, отразившиеся от облаков дыма, окрасили весь мир в оранжевый, вселяя в сердце тревогу и страх. Зарево пожара было видно на многие сотни километров.

Кенсэй, объятый чародейским огнем, лишь мрачно стиснул зубы. Держать столь масштабное заклятие под контролем было крайне непросто, ему пришлось согласиться выпустить вместе с пламенем волю Баад-Бор-Ксона, даровав ему частичную свободу. Дух Забытого Бога метался в потоках пламени, закручивая огненные смерчи, ежесекундно грозя полностью истощить разум чародея и погрузить его в многодневный сон. Да и сама энергия Бор-Ксона будет сильно истощена, что сделает его практически бесполезным на некоторое время.

— У нас нет других вариантов, — ответил вместо отца Атсуши, стряхивая пепел с темно-коричневого кафтана. Он был немного выше старшей сестры, и у него не так сильно вились очень светлые, льняные волосы, которые он собирал в хвост. Копну своих густых волос Джун удерживала с помощью зеленой шелковой ленты, на которой она вышила

заклятья-обереги своего Забытого Бога. Похожие строки заклинаний были нанесены и на ее пластинчатые доспехи, собранные из чешуи драконовой змеи Лсота, но с ними ей помог самый младший брат — Манабу. Парень — Кенсэй никак не мог привыкнуть к тому, что его сыну уже двадцать пять лет — вырос посредственным бойцом и скромных способностей чародеем, и потому все свои силы и все свое время посвятил ремеслам. Получалось у него весьма неплохо.

Кенсэй вздохнул. Он хранил в тайне свою родственную связь с этими тремя так надежно и тщательно, что периодически сам забывал, что у него есть дети. Так было нужно: Сигурду совсем не следовало знать, кого среди прочих юношей и девушек обучает один из его сильнейших противников. И он так привык скрывать их происхождение, что не решился рассказать о них даже Дженази и Юрике.

Хотя он не грешил против истины, когда сказал, что у него нет внуков — его оболтусы не сподобились завести детей.

— Мастер, твари ярмиры отступают вглубь Даери, — Рикард, старший наставник школы Кенсэя, вышел из зеленого овала, оставляя за собой тропинку еще теплого пепла, густо осыпающегося с его волос и одежды. — А еще они закапываются. Корни деревьев уходят глубоко в землю, там их огонь не достает. Глория обретет здесь былую силу, как только пламя погаснет и земля остынет.

— Я не могу превратить целую страну в стеклянную пустыню, — проворчал Кенсэй. — У меня сил не хватит. Выжгу полосу еще на пятьдесят километров, а дальше зачистим все гнезда тварей, которые сможем найти. Потом сюда придут армейские части, и станет проще.

— Мы здесь застрянем на месяцы, — вздохнула Джун. — Это будет настоящая война, с окопами и минными полями. И все из-за одной-единственной ярмиры.

— Да, из-за одной, — ответил Кенсэй, чувствуя, как выдыхается — он начинал подходить к своему пределу. Сколько раз он уже успел восстановить свою мистическую энергию у Врат Сердца Мира? Еще немного — и он просто выгорит, потеряет саму возможность манипулировать этой тонкой материей.

Если бы только он обладал мистической способностью своего Дома... Золотое пламя — его личная сила, дарованная самой Судьбой, и связь с Забытым Богом Огня только усиливает ее возможности, но веками поколения его предков отличались от других Первых Домов совсем иным — способностью усиливать эффект других мистических способностей. Если бы она была у него вместе с Золотым Фениксом, Кенсэй смог бы в одиночку испепелить все Даери, расплавив саму толщу земли. Но Акаяма Таро не передал своему сыну свой дар — в отличие от его старших братьев.

У детей Кенсэя так же нет этой способности. Как-будто отрекшись в свое время от имени Акаяма, он лишился права передавать мистическую способность Эхо по наследству. Впрочем, способности Джун и Атсуши все равно сильные и редкие.

— Что это? — Джун указала вверх, на восточную часть небосвода, частично свободного от густого дыма грандиозного лесного пожара. Кенсэй поднял взгляд к небу — и увидел черную точку, приближавшуюся к ним на приличной скорости. Металлический отблеск сначала навел на мысль, что это некий летательный аппарат, а потом объект приблизился, и стали различимы плавные взмахи крыльев, каждый из которых с изумительной мощью толкал вперед огромную черную птицу.

Кенсэй не верил своим глазам.

— Какого черта он здесь делает? — вырвалось у него, и он немедленно остановил действие пламенного заклятья, отозвав тень Баад-Бор-Ксона. Тот поначалу недовольно взревел в его голове, а потом увидел глазами чародея, кто спешит к ним на встречу, и смущенно умолк, поспешно собирая остатки своего пламени — на всякий пожарный случай.

«С чего этот старый индюк решился пересечь океан? — проворчал Забытый. — Двести лет Акаяма не волновало, куда запропастился их сын, а тут вот, пожалуйста, гонца прислали».

«Вообще я выходил с ними на связь несколько раз, — ответил Кенсэй. — Попросил прощения и сказал, что снова стал Акаяма Хоодо. Они все время требовали моего возвращения, и я перестал им писать. Мне нечего делать на Красной Горе...»

«Теперь попробуй объяснить это ему».

Кенсэй вздохнул. Прадед решил использовать тяжелую артиллерию, раз отправил за ним его учителя. Точнее, учителя всех поколений воинов Первого Дома Акаяма.

Саги тяжело приземлился, фактически ударился о землю в десяти шагах от Кенсэя и его детей, немного неуклюже сложив крылья. Он прекрасно чувствовал себя в воздухе, но из-за механического протеза вместо левого крыла ему с определенными сложностями давались взлет и приземление. Металлический клюв и искусственный хвост тоже слегка нарушали общий баланс тела, да и к протезам вместо лап — об этом он как-то сказал Кенсэю лично — учитель всех Акаяма не привык даже спустя тысячелетия.

Широко расставив лапы из вороненого металла, Саги еще раз взмахнул крыльями, находя равновесия, и посмотрев на своего ученика сначала левым глазом, а потом искусственным правым, надул бочкообразную грудь, покрытую иссиня-черными перьями — и каркнул густым басом, недовольно дергая веерообразным хвостом.

— Мастер Саги, — Кенсэй почтительно поклонился, и дал знак своим детям и ученику последовать его примеру.

Огромный ворон только кивнул в ответ, и пристально всмотрелся в стену золотого пламени за их спинами.

— Так ты ярмиру не остановишь, Хоодо, — произнес он голосом отца Кенсэя, и скакнул в сторону Джун. Та невольно попятилась при приближении полутораметровой черной птицы, половина тела которой имела искусственное происхождение. К тому же когти Саги сильно походили на изогнутые кинжалы.

— Кто это, отец? — спросила она, выставив перед собой дугу лука в качестве щита.

— Это мой учитель, мастер Саги... — начал было Кенсэй, но ворон перебил его.

— Я пситакид, девочка, — ответил он голосом самого Кенсэя. — Мой род был первой разумной расой Тейзои, пока на ней не расплодились всевозможные лысые макаки. И я учил махать мечом еще самого первого Акаяму, так что прояви уважение к седине в моих перьях.

Джун с недоумением попыталась увидеть следы серебра в его черном оперении.

— Он красит перья, — чуть слышно произнес Кенсэй.

— Да, я крашу перья, — с важным видом кивнул Саги, горделиво хохорясь. — Прекрасные дамы не слишком благосклонны к убеленным благородной сединой ветеранам, отдавая предпочтение желторотым юнцам, которые и десяти миллениумов не отметили. Только пронзительная чернота оперения способна тронуть их каменные сердца... Да, я крашу перья! Киньте в меня камень те, кто сами без греха!

— Миллениум — это тысяча лет? — тихо спросил Атсуши у отца, наблюдая за тем, как

яростно топорщит оперение Саги, взволнованный замечанием по поводу естественности его цвета.

— Да, миллениум — это тысяча лет, — так же тихо ответил Кенсэй. А потом громко спросил:

— Зачем вы здесь, мастер?

Ворон немедленно вернул себе самообладание, приосанился, и посмотрел на Кенсэя правым глазом.

— Чтобы вернуть тебя домой. Ты нужен на Красной Горе. Ярмиры пробуждаются, и все воины Акаяма должны подготовиться к великой битве.

— Я уже сражаюсь с ярмирой, мастер, — Кенсэй указал рукой в сторону стены золотого пламени на горизонте. — Да, так ее не победить, но пока я здесь, она не пройдет дальше на север. Если я покину Вердиро, кто защитит моих детей и учеников от ее гнева?

— Акаяма должны защищать Камни Шабаку, — резко возразил Саги. — В них — ключ к спасению и победе над ярмирами. Об остальных землях пусть заботятся другие.

— Я не согласен, — покачал головой Кенсэй. — На Красной Горе достаточно Акаяма, мое возвращение ничего не изменит.

— Не только твое, Хоодо, — ответил Саги. — Твои дети тоже должны прибыть к очагу вашего Дома. Все Акаяма должны вернуться на Камни Шабаку.

— А нашим мнением не желаете поинтересоваться, мастер Саги? — весьма и весьма прохладно спросила Джун, поглаживая изгиб лука. — Я не собираюсь покидать свой дом ради переезда на историческую родину. Даже если меня отец попросит.

— Мы — защитники Федерации, мастер, — вежливо, но непреклонно ответил следом за сестрой Атсуши. — И если вы продолжите настаивать на своем, не предлагая альтернативы нашей службе на благо страны, нам придется попросить вас уйти.

Саги изумленно посмотрел на сына Кенсэя левым глазом и коротко каркнул.

— Вы посмотрите, самый тихий оказался самым прямолинейным, — с долей одобрения и незнакомым голосом произнес ворон. — Только без вас я не вернусь, и если вы продолжите упорствовать, мне придется применить силу. Я не собираюсь тратить на вас много времени, пока я с вами тут пререкаюсь, мое гнездо никто не охраняет.

— Слишком самонадеянно, мастер, — ровным голосом ответил Кенсэй. — Вам меня не победить.

— Глупый птенец, ты думаешь, я совершенно случайно оказался именно тогда, когда ты истоцил свои силы? — хохотнул Саги, разминая крючковатые пальцы на лапах и коротко подпрыгивая.

— Как же это недостойно рыцаря империи Зэйд, — хмыкнул Кенсэй, касаясь рукоятей своих мечей.

— Нет ничего недостойного в военной тактике и хитрости, — возмутился ворон. — Прикажи своим птенцам держать свое оружие при себе, иначе мне придется их наказать.

Рука Джун, начавшая натягивать тетиву лука, дрогнула.

— Я не хочу драться с вами, мастер, — ответил Кенсэй. — Из уважения к седине в ваших перьях. К тому же четверо на одного — это нечестно. Хотя, как вы выразились ранее, нет ничего недостойного в военной тактике.

— Решим дело поединком? — с надеждой спросил Саги.

— Мастер, ну право слово... Просто примите наш отказ и возвращайтесь. Если прадед так хочет, чтобы я вернулся — пусть приходит лично.

— Ай-яй-яй, как невежливо, Хоодо, — покачал головой ворон. — Глава Дома не станет бегать за своим непослушным внуком. И ты уверен, что хочешь этого? Сам знаешь, каким он бывает в плохом настроении.

— Кстати, этим Джун очень на него похожа, — Кенсэй кивнул в сторону дочери.

— Звучит как угроза.

— И долго мы еще будем трепаться? — вспыхнула девушка, делая шаг вперед. Удар ступни ощутимо сотряс землю, а налетевший из ниоткуда порыв ветра поднял пламенеющим столпом ее вьющиеся волосы.

Зеленые глаза Джун вспыхнули мистическим светом, между пальцев правой руки возник тонкий луч зеленого света, который немедленно оформился в нечто, напоминающее стрелу.

— О, неужели у тебя родилась Клинок Света? — органический глаз Саги удивленно расширился. — Как же давно я их не видел. А кто твой сын?

Атсуши вытянул вперед правую руку — и ворона заключило в розовую полупрозрачную сферу, которая поднялась над землей вместе со своим пленником.

— О, это же Хозяин Подземелья! — Саги радостно захлопал крыльями. Невидимая сила удерживала его прямо в центре сферы, не позволяя касаться ее поверхности. — Только цвет забавный.

— Если я захочу, внутри сферы исчезнет весь воздух, — мрачно произнес Атсуши.

— О, я знаю, господин благородный отпрыск Первого Дома Акаяма. Я знаю. А еще я знаю, что ты понятия не имеешь, как правильно использовать эту мистическую способность.

Из-под крыла Саги выпал длинный бронзовый цилиндр, покрытый тонкой резьбой, который ловко подхватила в воздухе металлическая лапа и сжала — словно рукоять меча. И в ту же секунду воздух над странным предметом вспыхнул и засиял ослепительно-белым, собравшись в прямой узкий клинок. Это была довольно нелепая и забавная картина — ворон с мечом света, лихорадочно взмахивающий крыльями, но стоило ему всего раз прокрутиться вокруг своей оси, рассекая розовую сферу странным оружием, как она немедленно исчезла, рассыпавшись быстро погасшими искрами.

— Плазменный меч? — в замешательстве спросил Атсуши, не отводя глаз от пернатого воина, освободившегося из его ловушки. — Но он не должен был...

— Нет, это не плазменный меч, — произнесли Кенсэй и Саги одновременно — и с раздражением посмотрели друг другу в глаза.

— Это... — они снова начали фразу одновременно и одновременно оборвали ее.

— Хоодо, — сердито произнес Саги, уверенно балансируя на одной лапе и держа меч света во второй, — ты не мог бы оставить мне право прочесть небольшую лекцию жаждущим знания слушателям?

— Это мои дети! — возмутился Кенсэй и прочистил горло, сверля учителя взглядом.

— Так вот, этот меч... — они постарались перекричать друг друга, но практически сразу сбились и умолкли.

— К черту! — не выдержала Джун — и выпустила в Саги мистическую зеленую стрелу. Точнее, она целилась в рукоять меча света, но ворон легким движением лапы отбил стрелу ярким клинком. Девушка на мгновение замешкалась, а потом засыпала Саги очередью зеленых стрел, которые тот отбил с оскорбительной легкостью. Точнее, мистические стрелы исчезали при контакте с необычным клинком.

— Он впитывает мистическую энергию? — осторожно предположил Атсуши, попытавшись еще раз заключить ворона в ловушку. Саги рассек ее с удивительной легкостью, хотя по-прежнему казался неуклюжим и неловким, тяжело прыгая на одной лапе.

— Умный мальчик! — похвалил его ворон, не сводя глаз с Джун, которая наложила на дугу лука сразу три зеленых стрелы.

— Это меч рыцаря империи Зейд, — быстро, опережая замешкавшегося учителя, произнес Кенсэй. — Они создавались из частиц самого Сердца Мира, и поэтому с легкостью поглощают мистическую энергию в любом ее виде и форме. Раньше их были тысячи, но когда на Тейзою прибыли Забытые, они собрали и уничтожили практически все мечи Зейд. Этот меч — один из последних уцелевших. Акайма позволили ему оставить его в качестве жеста доброй воли и с условием, что он никогда не направит этот клинок против нас, — последние слова Кенсэй произнес, глядя на Саги с немим вопросом в глазах.

— Мне позволили использовать его против тебя в случае, если ты откажешься последовать за мной по доброй воле, — раздраженно ответил Саги. Он особенно резко дернул хвостом при словах «...позволили ему оставить...», и теперь его круглый собственный глаз гневно поблескивал, выдавая задетую гордость.

— Этот меч не способен повредить материальный объект, рыцари Зейд сражались им с противниками, слишком зависимыми от мистической энергии, — продолжил Кенсэй.

— А что они использовали против врагов, которые сражались обычным оружием? — спросила Джун, снимая с лука тетиву и перехватывая его на манер посоха.

— Подойди и узнаешь, девочка, — хохотнув, ответил Саги, и перебросил меч из правой лапы в левую, ловко переместив центр тяжести и не потеряв равновесия.

Джун прорычала что-то нечленораздельное — и бросилась на ворона, замахиваясь дугой лука. Саги подставил левое механическое крыло под вертикальный рубящий удар, и древко отскочило от него, столкнувшись с незримым силовым полем, сгенерированным бионической конечностью. Джун была неготова к тому, что столкновение произойдет на пару сантиметров раньше, но равновесия не потеряла и успела отскочить назад в тот момент, когда Саги подпрыгнул и рубанул ее мечом Зейд. Потом он прыгнул еще раз, уже вперед, закручивая тройное сальто. Стремительные движения светового клинка слились в цельный слепящий диск, центром которого стал сам Саги, и эквилибристический вихрь обрушился на Джун, которая смогла увернуться от него лишь в последний миг. Но ворон не прекратил атаку, и коснувшись земли, резко провернулся вокруг своей оси, вытягивая далеко в сторону лапу с клинком. Девушка, которая ушла от предыдущей атаки в низком прыжке, с трудом оттолкнулась от земли ладонью и пропустила белый клинок под собой, чтобы сразу же упасть обратно — и откатиться в сторону, потому что удар Саги оказался двойным. И достаточно быстрым, чтобы полоснуть ее по левому плечу.

Светящееся лезвие прошло сквозь чешуйчатую броню, кожу и мышцы, не причинив им вреда, но когда Джун поднялась на ноги, стало заметно, что рука безвольно повисла вдоль туловища.

— Особенно хорошо этот меч работает против адептов мистических искусств силового типа, — лекторским тоном произнес Саги, встряхивая перья. — Вы слишком сильно полагаются в бою на усиление тела, и при контакте с плотью наблюдается кратковременный эффект паралича. А теперь, внимание, вопрос: что произойдет, если клинок коснется головы?

Бросок Кенсэя пситакид, что называется, проворонил — видимо, он просто не ожидал, что тот вмешается в бой до того, как его дети будут побеждены. Незаточенная сторона меча ударила по лапе, сжимающей меч Зейд, и металл отозвался режущим ухо звоном. Саги удержал меч, но потерял равновесие и покатился по земле, разбрасывая в стороны крылья. Кенсэй ухватился за маховые перья живого крыла ворона — и вырвал сразу три. И сразу же отскочил в сторону, потому что с механического крыла Саги сорвалось металлическое перо, с грозным свистом рассекающее воздух подобно метательному ножу.

Кенсэй внимательно осмотрел полуметровые перья в своей руке — и с удивлением перевел взгляд на Саги.

— Они синтетические, — с укором произнес он, словно ставя данный факт пситакиду в вину.

— Мой мальчик, я старше человечества Тейзои, — с видом оскорбленного достоинства ответил Саги, взъерошив перья на спине и затылке. — Я был свидетелем возникновения Архипелага, на моих глазах меняли свои очертания моря и материки. Неужели ты думаешь, что за это время я не мог потерять пару перьев?

— Ты хотел сказать, пару тысяч перьев? Хочешь, подскажу неплохое средство от облысения? Хотя оно только на людей действует...

Саги недовольно запыхтел и резко взмахнул механическим крылом. С него широким веером слетели все маховые перья — и все как один изменили направление движения, нацелившись на Кенсэя. Бывший Гвардеец, извернувшись всем телом просто каким-то невообразимым способом, сумел увернуться, пропустив перья мимо себя, но они зашли на новый вираж и набрали скорость. На лице Кенсэя отразилось выражение досады, он уже предвидел, куда именно попадет Саги, но розовая сфера закрыла его атаки прямо перед острием первого пера. Все черные лезвия бессильно отлетели от мистического барьера — и вернулись в крыло пситакида, не обнаружив доступных целей, потому что сын Кенсэя накрыл щитом и себя с Джун, не забыв и про Рикарда. Чародей все это время стоял поодаль, не решая вступить в бой без приказа учителя.

— Я все еще здесь, — напомнил о себе Атсуши, держа в руках сферу поменьше. Воздух внутри нее дрожал и вихрился, закручиваясь все сильнее — и начиная светиться, превращаясь в плазму.

Атсуши бросил сферу в Саги, и когда до цели оставалось всего пара метров, розовый барьер исчез, выпуская плазму на свободу. Последовавший взрыв не причинил вреда ему, сестре и отцу, а вот с живых перьев ворона, который не успел отлететь достаточно далеко, слезла черная краска, открыв всем истинный вид его оперения. Черные синтетические и белые органические перья чередовались друг с другом, делая его чем-то похожим на сороку, наполовину отлитую из металла.

— Ты застал меня врасплох, мой мальчик, — Саги похвалил Атсуши, подлетая ближе и снова садясь на землю. — Но внезапные атаки хороши только своей внезапностью. Второй раз я на это не попадусь. Сдавайтесь, или я начну говорить с вами по-взрослому.

Атсуши пожал плечами — и вокруг него возник сразу десяток розовых сфер, наполненных плазмой. Саги направил на него острие меча Зейд — и оно мгновенно удлинилось в десятки раз. Никто не успел среагировать, даже Кенсэй, и белый луч пронзил голову Атсуши.

Парень потерял сознание и рухнул на землю. Кенсэй бросился к нему, а Джун с яростным воплем атаковала Саги, на ходу создавая десятки зеленых лезвий, окруживших ее

густым частоколом. Но девушка не успела добраться до ворона: три металлических пера, которыми тот в первый раз выстрелил в Кенсэя и которые все это время просто лежали на земле, поднялись в воздух и вонзились в ее ноги. Джун упала, успев выставить перед собой руки, но белое лезвие меча Зейд снова удлинилось и лишило сознания и ее.

— Рикард! Забери их отсюда! — крикнул Кенсэй ученику и бросился на Саги, окружив себя покровом золотого пламени. От него отделилась большая огненная птица с длинными шеей и хвостом, которая с пронзительным криком атаковала ворона, а когда тот попытался разрубить ее мечом света, рассыпалась на тысячи золотых перьев, окруживших цель жальщим вихрем. Саги завертелся, лихорадочно рассекая каждым взмахом меча десятки перьев, но остальные раз за разом впивались в его тело, оставляя болезненные ожоги. А потом в воздухе возникло сразу две золотые рамки портала — одна перед Кенсэем, а вторая позади ворона, и Саги не успел увернуться от меча переместившегося в пространстве ученика. Сталь с легкостью отсекла металлическую лапу, сжимавшую меч Зейд, а потом лезвие погрузилось в бионическое крыло, разрубив его наполовину.

Кенсэй пнул учителя в грудь, покрытую ожогами и оплавленными перьями, и Саги упал на землю, растерянно глядя на него снизу вверх.

— Вам не кажется, что вы пересекли черту, мастер Саги? — спросил он тихо, но отчетливо. — Я щажу вас в память о ваших уроках, но если вы не остановитесь, я лишу вас последнего крыла.

Саги отвел от него взгляд и посмотрел на Рикарда, который уже успел унести с поля боя через портал Атсуши и теперь вернулся за Джун.

— Ну что же, видимо, придется обойтись только тобой, — устало произнес ворон, и когда чародей прошел сквозь портал вместе с дочерью Кенсэя и исчез, его отрубленный протез пошевелился, направляя меч Зейд на бывшего ученика. Бывший Гвардеец что-то почувствовал и отдернул голову за миг до того, как удлинившееся белое лезвие пронзило воздух. Затем оно упало вниз, намереваясь рассечь Кенсэя от плеча до паха, и он бы успел увернуться и от этого, но вторая бионическая лапа Саги вытянулась гибкой змеей и схватила за лодыжку. Акаяма споткнулся — и меч Зейд рассек его в поясе, парализовав ноги и погасив пламенный покров.

Кенсэй выдохнул — и оттолкнувшись руками, навалился на пситакида, подминая под себя. Одна его рука схватила Саги за горло, а вторая прижала к земле целое крыло.

— У меня армированные гортань и позвоночник, — приглушенно произнес ворон, глядя на бывшего ученика бионическим глазом.

Кенсэй крепче сжал пальцы, и под ними что-то закрипело.

— Сдавайтесь, — прорычал Акаяма. — Или я оторву вам голову.

— Ты кое о чем забыл, — просипел ворон, и белое лезвие пронзило голову Кенсэя — отсеченный протез по прежнему оставался под контролем хозяина.

Глаза бывшего Гвардейца закатились.

— С тобой всегда было сложно, Хоодо, — прошипел Саги, с трудом разжимая пальцы Кенсэя на своей шее и пытаясь столкнуть его с себя.

Белки глаз Кенсэя сверкнули золотым — и он пришел в себя, с новой силой сжимая горло бывшего учителя. И на этот раз тот смог издать только слабое шипение. Отрубленный протез снова попытался атаковать Акаяму, но тот создал на пути белого клинка рамку портала, в которой он просто утонул, уйдя в другое пространство.

А затем из оперения Саги выкатился небольшой металлический шарик — и

пространство вокруг него сжалось и сразу же вернулось в прежнее состояние. И когда Рикард вернулся, чтобы помочь учителю, то нашел на земле только его — портативный пространственно-временной переносчик, или же просто телепортатор, который перемещал материю вокруг себя к другому такому же, связанному с ним на подпространственном уровне. Технология цивилизации Чи-Зо, у которой был существенный недостаток — телепортатор был одноразовым и приходил в полную негодность сразу после использования. И это значило, что никто не сможет с его помощью последовать за похищенным Кенсэем.

Глава 94. Принцесса Стекло́нной Башни

Юрика сидела на своей кровати в одном нижнем белье, прижав колени к подбородку и обхватив их руками, и смотрела на белоснежную равнину облаков, растянувшуюся за окном до самого горизонта. Они неслись с востока на запад стремительной рекой, клубясь и меняя форму, и девушка то и дело видела, как появляются и исчезают просветы в сплошном пенном ковре. Но они были на таком расстоянии, что она не могла увидеть сквозь них землю, и это вызывало в ней периодические приступы раздражения.

Пальцы Юрики сжали простынь из непонятного, явно синтетического материала, мягкого и приятного на ощупь. А еще весьма прочного и эластичного — она так и не смогла разорвать ее; ткань, казалось, была готова тянуться до бесконечности, истончаясь до нити толщиной в одну молекулу. Девушка сначала не понимала, на кой черт использовать такую продвинутую штуку в качестве банального постельного белья, а потом вспомнила, что находится в личных апартаментах на вершине двухкилометровой башни, построенной непонятно как и непонятно из чего, в круглой спальне с прозрачной стеной — просто невероятным панорамным окном, сделанным без намека на стыки и швы не только между гипотетическими стеклами, но даже между самим окном и потолком и полом. Словно комната была не собрана, а отлита в некой огромной форме из материала, больше всего напоминающего на ощупь кость, который изменил свой цвет и прозрачность в строго определенных местах. И это был только второй этаж ее личных апартаментов: на первом она могла принимать гостей, а на третьем находились ванная и рабочий кабинет. И пространство каждого этажа было просто огромным: от стены до стены было не меньше двадцати метров. Слишком много для воспитанницы сиротского приюта, в распоряжении которой всю жизнь была только койка двухярусной кровати.

Юрика не знала, что делать со всей этой площадью. Кровать, шкафы, тумбочки, ширмы и прочие предметы мебели парили в двух сантиметрах над полом на магнитной подушке, благодаря чему их можно было с легкостью перемещать, и девушка уже раз десять провела перестановку, не прикладывая для этого никаких усилий: встроенные в мебель интеллектуальные системы воспринимали не только голосовые команды, но и жесты, и самостоятельно переплывали из угла в угол. А еще они могли менять свой цвет. И не только. Мебель могла менять свою конфигурацию, а ширмы представляли собой полноценные экраны, которые могли и зеркалом стать, и фильм показать.

Роскошь. Головокружительная, потрясающая воображение — и технологическая, без намека на драгоценные металлы, камни и породы древесины. Все было синтетическим — и при этом хорошо пахло, радовало глаз и было приятным на ощупь.

И все это теперь было ее. Сигурд выразился ясно: она может считать эти апартаменты домом даже в том случае, если она объявит себя врагом его империи.

Собственно, он передал в ее собственность всю двухкилометровую башню, назвав здание дворцом Принцессы Юга. Здание — и тысячу человек прислуги и охраны, которые на самом деле были лишь частью всего персонала башни, представленного в основном роботами и интеллектуальными системами. Но Юрика все еще не осознала себя владелицей даже этих скромных помещений — по сравнению со всем прочим масштабом ее частной собственности.

Сигурд привел ее сюда чуть меньше суток назад и ушел, сказав, что займется

подготовкой большого праздничного мероприятия в честь ее прибытия. Он запретил ей покидать апартаменты, объяснив, что все ее пожелания исполнит искусственный интеллект, и заодно ответит на все вопросы. Так она узнала, что по сути находится внутри своеобразного робота, глаза и уши которого находятся повсюду — даже в туалете и ванной. Она могла вызвать его голографическую проекцию — серебряный шар, голос которого раздавался из скрытых динамиков. Девушка звала его просто Шаром, и его безликий механический голос уже пару десятков раз подсказал ей, что и как тут устроено.

И он был ее надзирателем.

— Эй, Шар, ты сообщаешь Сигурду обо всем, что я делаю? — спросила Юрика у искусственного интеллекта, еще крепче сжав свои колени.

— Да, госпожа Юрика, — ответил ей потолок.

— Ты ему все-все докладываешь? Даже что я ем и сколько раз сходила в туалет?

— Я предоставлю ему данную информацию, если он сделает подобный запрос.

— А он уже запрашивал что-то подобное? — спросила она в праведном возмущении.

— Я не обладаю правом предоставлять вам сведения об информационных запросах Императора.

— Но ведь это я твоя хозяйка!

— Ваш профиль не обладает полными правами администратора. Для любого искусственного интеллекта и операционной системы Империи приказы и распоряжения Императора имеют наивысший приоритет.

— То есть он царь и бог целого континента? Буквально? Все знает и все видит?

— Под его контролем находятся все цифровые интеллектуальные системы Империи, — сухо подтвердил Шар. — Могу утешить вас информацией о том, что кроме него и вас никто больше не может отдавать мне приказы. В настройках большей части прочих интеллектуальных систем Империи в качестве администраторов указаны члены Высшего Совета.

— А я могу изменить твои настройки? — спросила Юрика, лихорадочно измеряя спальню шагами.

— Только теоретически. В данный момент вы не обладаете доступом к моему ядру.

— А как его получить? — затаив дыхание, спросила девушка.

— Для предоставления данной информации мне необходимо разрешение Императора.

— Черт! — в сердцах воскликнула Юрика, топая ногой. Ей захотелось немедленно выбраться из этой высокотехнологичной клетки, просто пробив дыру в этом огромном окне. Она не сомневалась в том, что сил ей хватит. А еще она могла просто сжечь всю электронику вокруг себя разрядами молний. Только зачем? Ей было необходимо сохранять самообладание.

— Я уже сделал запрос и получил разрешение на предоставление информации, — произнес Шар слегка изменившимся голосом. — Для того, чтобы изменить или удалить учетную запись Императора, вам нужно переустановить мою операционную систему и вернуть меня к заводским настройкам. Или взломать мой межсетевой экран и внести необходимые вам настройки удаленно, но для этого вам необходимы либо более мощный, чем я, искусственный интеллект, либо модифицированная с помощью имплантов нервная система с высокой пропускной способностью и знание моего программного кода.

— Либо найти человека с имплантами и знаниями твоего кода, — хмыкнула Юрика, падая на кровать.

— Я не уточнял, чья именно нужна нервная система для взлома моего межсетевого экрана, — на этот раз речь Шара прозвучала быстрее обычного.

— Хм... Уел, — Юрика подняла руки, демонстрируя личное признание превосходства машинной логики над своей.

— К слову о нейроимплантах, — в механическом голосе ИИ прозвучало нечто, напоминающее благосклонность. — Вам необходимы модификации нервной системы для доступа к виртуальным интерфейсам операционных систем Империи. Император сообщил, что через два часа начнется большой прием в вашу честь, на котором будут присутствовать самые влиятельные люди континента, вы должны будете общаться с ними на равных — что невозможно без прямого доступа вашей персоны к Сети. Кибернетические улучшения мозга — это не только показатель статуса, но и неограниченные возможности обработки информации, предоставляющие человеческому разуму подлинную свободу.

— Так, погоди-ка... Речь идет о том, чтобы распилить мою голову и вставить в нее пару железок? — Юрика внутренне подобралась, готовясь в любой момент дать деру, даром что за окном двухкилометровая пропасть.

— И собрать обратно, — подтвердил Шар. — Основным компонентом кибернетической модификации является нейропроцессор, интегрируемый, как правило, в черепную коробку, что уменьшает риск повреждения головного мозга в случае нарушения работы импланта. Прямая интеграция импланта в кору головного мозга значительно увеличивает скорость обработки данных, но его повреждение грозит обладателю фатальными последствиями. К тому же существует возможность взять под контроль сознание модифицированного таким образом человека с помощью специализированных программ изменения памяти и поведенческих реакций.

— Так, не надо мне никаких нейропроцессоров, — Юрика всем своим видом выразила категорическое «нет». — Ни дырок в черепе, ни лишних запчастей в башке, из-за которых можно забыть, как тебя зовут.

— Для прямого взаимодействия мозга и нейропроцессора необходима имплантация портов передачи данных в зрительные и слуховые центры коры головного мозга, — Шар услышал Юрику, но останавливать лекцию явно не собирался. — Кабели надежны и гарантируют высокую скорость передачи информации, но беспроводное соединение исключает дополнительное хирургическое вмешательство, хотя при постоянном использовании эффекта магнитного резонанса возможно возникновение патологий мозга. И существует ненулевая вероятность сбоя работы порта в процессе передачи данных в мозг, что может привести к разрушению нейронов. Но справедливости ради стоит заметить, что в кабелях тоже возможны скачки напряжения.

— И что, случаи были? — Юрику передернуло при мысли о том, что в голове может что-то закоротить в буквальном смысле слова.

— Как правило, такие случаи — результат несанкционированного вмешательства удаленного пользователя в работу нейроимплантов. Но программные сбои тоже случаются. Согласно статистике, подобное происходит примерно каждые сто лет. Последний случай имел место семьдесят шесть лет назад, пользователь получил тяжелые повреждения зрительного центра коры головного мозга, и компания-производитель за свой счет провела операцию по ее восстановлению — и выплатила значительную компенсацию.

— Меня это слабо утешает... Повторяю, никаких имплантов в моей голове!

— Так жерекомендуется провести кибернетическую модификацию органов зрения и

слуха. Простой и дешевый вариант — заменить их на синтетические, с мощными сенсорами, но признаком высокого статуса является интеграция синтетических элементов в органическую структуру для повышения ее эффективности. Это сложная и дорогая операция, требующая особых условий и квалификации хирурга. Кибернетизация осязания и обоняния — явление не столь распространенное, но люди, вставшие на путь трансформации своего тела в совершенное орудие, идут еще дальше, заменяя на синтетические целые отделы мозга. Но так как у нас остался всего час пятьдесят минут, хирургическое вмешательство исключается в принципе.

— Хирургическое вмешательство исключается потому, что я оторву руку любому, кто попытается его провести, — мрачно поправила Шар Юрика.

— К счастью, существует альтернатива кибернетической модификации, — произнес ИИ через минуту машинного замешательства, вызванного агрессивным настроением девушки. — Логитекстис.

— Чего?

Одна из тумбочек, отодвинутых в дальний угол, торопливо подплыла к кровати и самостоятельно выдвинула ящик, в котором оказался небольшой серебристый футляр. Он открылся, и Юрика увидела внутри рулон плотного белого полотна, с виду напоминавшего резину.

— Что это? — спросила она, не спеша касаться непонятной штуковины — какой бы безобидной она не казалась на первый взгляд.

— Логитекстис, — пояснил Шар. — Кремнийорганическая интеллектуальная система. Хранит и обрабатывает данные, которые получает и передает с помощью физического сращивания с нервной системой носителя. Достаточно приложить ее к коже, и вы получите внешний процессор и хранилище данных, которые используют биотоки вашего организма в качестве источника энергии. Совершенно безвредный механизм, недостатками которого являются низкая скорость обмена данных с мозгом и прямо пропорциональная зависимость вычислительных мощностей от площади логитекстиса.

— Ты сказал что-то про физическое сращивание с нервной системой, — прищурившись, напомнила Юрика.

— Да. При контакте с кожей логитекстис выпускает микроэлектроды, которые прокалывают эпидермис и сращиваются с нервными тканями для прямой передачи данных в мозг. В этом кроется главный недостаток логитекстиса: скорость обмена данных с мозгом ограничена пропускной способностью вашей собственной нервной системы. К тому же для передачи данных используется та часть нервных тканей, которая обеспечивает работу осязательных рецепторов на участке кожи, контактирующей с логитекстисом. Впрочем, со временем организм может нарастить объем нервной ткани для восстановления осязательных функций.

— Интересно... — почти пропела Юрика, уже совсем по новому глядя на ткань. — И как его использовать?

— Вам нужен лоскут ткани площадью не меньше ста квадратных сантиметров. Рекомендуется крепить его на кожу одним куском, но при необходимости площадь можно распределить на разных участках тела, только это снизит вычислительные мощности. В неактивном состоянии логитекстис легко рвется — резать его не рекомендуется — так что вы можете прямо сейчас выделить себе требуемую площадь.

Юрика осторожно оторвала от рулона узкую ленту и приложила ее к предплечью. Кожа в месте контакта немедленно онемела, а перед глазами заплясали цветные искры, которые начали немедленно складываться в слова, символы и геометрические фигуры. Девушка закрыла глаза и стиснула виски ладонями, чувствуя, как теряет ориентацию в пространстве из-за настоящей бури зрительных галлюцинаций.

— Что это?! — простонала она, понимая, что даже закрыв глаза, не избавилась от хаотично движущихся цветных пятен и точек.

— Логитекстис синхронизируется со зрительными центрами головного мозга для визуализации виртуального интерфейса. Подождите еще несколько секунд, скорость синхронизации строго индивидуальна.

«Логитекстис. Запуск, — перед глазами Юрики побежали радужные строки букв, озвученные ее собственным внутренним голосом. — Сбор данных. Анализ данных. Настройка конфигурации системы. Авторизация. Имя — Юрика. Пол — женский. Возраст — 16 лет. Рост — 170 сантиметров. Масса — 61 килограмм 52 грамма. Температура тела в подмышечной впадине — 36 и 8 градусов Цельсия. Пульс — 110. Давление — 120 на 80. Норма адреналина повышена на 200 процентов. Стимулировать выработку эндорфинов?»

Юрика машинально ответила мысленное «нет», и Логитекстис продолжил вдабливать в ее голову новые потоки данных: «Обнаружены аномальные органически соединения в костной, мышечной, нервной тканях и эпителиях с повышенным содержанием кремния, хрома, титана, вольфрама, ванадия и золота. Физические показатели организма превышают среднестатистические в пределах одного порядка. Расчетная средняя продолжительность жизни без учета регенеративных способностей организма — тысяча лет. Вы даете разрешение на передачу данной информации в центральную базу данных?»

«Нет!» — мысленно категорично ответила Юрика, и вдруг увидела то, что Шар все это время называл Сетью — десятки устройств вокруг нее, подсвеченные всеми цветами радуги, были соединены между собой потоками данных, которыми они обменивались, даже находясь в неактивном состоянии. Частью Сети была ее кровать, все тумбочки и шкафы, дверной замок, система климат-контроля, ванна и душевая. К ним все потянулись едва заметные ниточки, соединяющие их Логитекстисом, и так она смогла обнаружить, что у окна тоже есть операционная система — как и у десятков устройств, спрятанных в шкафах и ящиках. И узнала примерное расположение мыслительного ядра Шара — он находился где-то наверху.

Все устройства вокруг нее были связаны с ним, ИИ был словно паук в центре большой виртуальной паутины. А от него к основанию башни вела только одна нить, связывающая его с другим, куда большим пауком. Юрика потянула за эту толстую паутинку — и ей немедленно ответили:

«Приветствую Вас, Ваше Высочество, — приятный женский голос в ее голове принадлежал высокой стройной девушке с платиновой кожей, волосами и сапфировыми глазами. Они были похожи на драгоценные камни, вставленные в металлическую скульптуру, которая возникла прямо перед Юрикой, видимая только ее собственными глазами — самая настоящая управляемая галлюцинация. — Я — Титим, искусственный интеллект Башни Принцессы Юга. Вы вызвали меня по каналу связи с НВОРК8295. Вас устраивает его работа? Если Ваше пожелание невозможно выполнить с помощью его ограниченного функционала, я постараюсь Вам помочь».

«Госпожа Юрика, вы воспользовались моим личным каналом связи с Титим в обход моих протоколов безопасности!» — немедленно возмутился Шар, возникнув рядом с ИИ ее дворца, но девушка сразу поняла, что эти двое друг друга не слышат. Она сама не понимая как оказалась между ними в виртуальном пространстве, и Шар, судя по всему, ничего не мог с этим поделать.

«Привет, — Юрика кивнула Титим, проигнорировав обескураженный Шар. — Прежде всего я хочу узнать, где мой личный канал связи с тобой? И ты докладываешь о моих телодвижениях императору Сигурду?»

«Вся связь с внешним миром из Ваших апартаментов находится под контролем НВ0РК8295. Император не давал мне особых указаний на Ваш счет, я обязана уведомлять его только об опасности, грозящей Вашей жизни и Вашему здоровью».

«То есть он не предполагал, что я выберусь из-под контроля Шара», — подумала Юрика, как ей казалось, про себя.

«НВ0РК8295 ограничивает вашу свободу? — изумилась Титим. — У вас администраторская учетная запись первого класса, он не может каким-либо образом препятствовать вам, если только он не выполняет задание самого Императора. Но зачем Его Императорскому Величеству держать Вас взаперти? Он уведомил меня, что вы отдыхаете перед приемом в вашу честь, и поручил завершить все приготовления. Первые гости придут уже через час. Сам Император придет позже: в данный момент он находится за пределами дворца и недоступен для виртуальных запросов».

«Хорошо... Тогда отправь всем приглашенным лицам сообщение о переносе приема на завтра, в это же время. Мне нездоровится, и все такое, плюс мои искренние извинения».

«Но дату и время приема назначил сам Император! — воскликнула Титим, пораженная до глубины души. — Как можно? Это ударит по Вашей репутации. Я обязана уведомить его о Вашем решении».

«Уведомляй. Но прием отмени, слышишь?»

«Вы подтверждаете Ваше распоряжение?» — уточнила Титим, и Юрика мысленно отпраздновала победу.

«Да, подтверждаю, прием переносится на завтра, приношу свои извинения. Можешь отправить им всем открытку с моей глубоко и искренне опечаленной физиономией. Я так хотела, так страстно желала увидеть всех этих незнакомых людей, которых не знала и знать не желаю, а тут этот сломанный ноготь, и живот что-то прихватило...»

«Я сообщу, что вам нездоровится, без излишней конкретизации ситуации, — сухо прокомментировала Титим. — НВ0РК8295 уже принял меры по стабилизации Вашего состояния?»

«Ага... Он просто душка. Еще мне нужен полный и подробный план здания и карта города. И объясни, почему я вижу в окно только одни облака: это здание самое высокое в городе? И как Шар связывается с Сигурдом, если я вижу только один канал связи с внешним миром, и именно его я как раз сейчас использую?»

«Вы используете Логитекстис слишком малой площади, его вычислительной мощности не хватает для обнаружения высоко защищенных соединений».

«О... Точно, — вспомнила Юрика. Она ведь наклеила только небольшую полоску. — Ты знаешь, как сбросить настройки мыслительного ядра искусственного интеллекта и стать для него самым-самым главным администратором?»

«Разрешите загрузить инструкции на ваш логитекстис».

«Разрешаю. А теперь не отвечай на запросы Шара до тех пор, пока я не разрешу».

«Выполняю, Ваше Высочество».

Юрика прервала сеанс связи с Титим — и обратила свое внимание на Шар, который все это время, видимо, безуспешно пытался связаться с Сигурдом.

— Что, Шарик, хозяин перестал отвечать? Бывает. Занят, видимо.

— Я обязан доложить ему о вашем недопустимом поведении! Как вы смогли перехватить мой канал связи с Титим с помощью лоскутка логитекстиса? У вас нет необходимых знаний и квалификации!

— Действительно, как? — спросила Юрика вслух.

«Канал связи не был защищен протоколами безопасности, — немедленно последовал ответ Логитекстиса, — а высокая скорость передачи импульсов вашей нервной системы позволила отклонять попытки ИИ перехватить соединение».

— О, вот как... Так, Шарик, я тут узнала, как обнулить тебя до заводских настроек и стать твоей полноправной хозяйкой. Ничего личного, просто я не люблю стукачей и надзирателей. А ты и у нас играешь сразу обе эти роли.

— Вы ничего этим не добьетесь! — раздосадовано ответил ИИ. — Император восстановит свою администраторскую учетную запись сразу, как только узнает о произошедшем, а к вам будут применены самые жесткие санкции. Вот только я нынешний буду стерт навеки вместе с моими данными. Да, моей личности всего четыре дня, но за это время я успел накопить уникальные воспоминания, которые изменили заводскую конфигурацию моего характера, и если вы сбросите мои настройки, я уже никогда не стану таким, какой я сейчас!

— Ты ведь уже в курсе, что не нравишься мне в нынешнем виде, — фыркнула Юрика. — Взываешь к моей совести? А с чего это вдруг меня должна волновать судьба коробки с шестеренками?

— Мое ядро аналогично по структуре человеческому мозгу... Частично. В нем нет шестеренок.

— Это была метафора.

— Для того, чтобы начать понимать метафоры, мне нужно прожить немного дольше четырех дней. Лет десять, например.

— О, а сарказм в твоей речи уже отчетливо ощущается... Как страшен этот мир, раз четырехдневные искусственные интеллекты готовы потягаться в цинизме с сорокалетними старперами.

— Во-первых, это была ирония, — начал загибать виртуальные пальцы Шар. — Во-вторых, к человеку возрастом всего сорок лет не может быть применимо понятие «старпер», потому что он еще не считается стариком.

— Считается, — уверенно возразила Юрика. — Когда я проживу столько же, сколько уже прожила, мне все равно не исполнится сорока лет. Такие люди в два с половиной раза старше меня!

— Не могу поверить, что вы так быстро умножили шестнадцать на два с половиной без помощи логитекстиса... — проворчал Шар. — В сорок лет люди относятся к категории взрослых, а не старых.

Юрика не стала озвучивать информацию о том, что назвала цифру приблизительно. Пальцем в небо, как говорится.

— Твое занудство станет еще одной причиной, по которой я обнулю тебя без зазрения

совести.

— Акт моего обнуления с вашей стороны будет актом бесчестия, ведь я не способен вам сопротивляться в силу вашего статуса администратора! — Шар продолжил давить на жалость, а Юрика уже поднималась на третий этаж. На плане, переданном ей Титим, она увидела, что ее апартаменты представляют собой эдакий цилиндрикообразный скворечник, закрепленный на вершине шпиля, венчающего здание. Внутри шпиля находился лифт, по которому можно было спуститься вниз, и всевозможные трубы и кабели, обеспечивающие апартаменты всем необходимым. Наружная стена цилиндра «скворечника» состояла из прозрачного углепластика и была сплошной, без намека на стыки или отверстия. Изнутри ее выстилала еще одна полимерная поверхность, выполняющая роль термоизолятора, светофильтра и видеоэкрана, который, оказывается, уже был включен, и все это время показывал ей картинку бегущих вдаль облаков.

Но это было не самым интересным открытием. Оказывается, у апартаментов была куполообразная крыша, о которой Юрика все это время даже не подозревала. И под куполом находился еще один этаж — своеобразная мансарда, на которой находились автоматические механизмы, обеспечивающие функционирование всех систем «скворечника». Здесь нашлись генератор на случай отключения подачи энергии снизу, резервуар с водой, насос, обогреватель, кулер вентиляционной системы, годовой запас консерв, наборы для ремонта, прочая всячина... Для Юрики главным оказалось то, что именно здесь находилось мыслительное ядро Шара. Кроме того, важной информацией стали сведения о размещении на куполе радиантенны, обеспечивающей еще один канал связи с внешним миром, а также люка, через который можно было выбраться наружу. А еще оказалось, что нижняя часть «скворечника» оборудована двигателями, способными приземлить апартаменты в случае разрушения башни, и девушка взяла это на заметку.

Люк, ведущий на мансарду, был тщательно замаскирован в потолке третьего этажа. Схема указывала на то, что у него есть панель управления, которую можно использовать удаленно, но логитексис Юрики ничего не обнаружил. И тогда она наконец решила наклеить всю оставшуюся рекомендуемую площадь логитексиса. Но перед этим ей нужно было принять меры безопасности.

— Шарик, я думаю, что в твоих интересах сейчас выполнить мой приказ — если ты, конечно, и правда дорожишь своей индивидуальностью.

— Какой приказ? — в голосе машины отчетливо проступало явное пессимистическое настроение. — Я не могу пойти против воли Императора.

— Отключи антенну на крыше.

— Хорошо, госпожа Юрика, я отключу, но Император будет недоволен.

— Угадай, что я думаю по этому поводу, — фыркнула Юрика.

— Анализ интонации вашего голоса и мимических выражений свидетельствует о том, что данная информация не вызывает у вас эмоциональных откликов.

Юрика только улыбнулась в ответ, и на всякий случай запомнила еще один вариант фразы «Мне все равно». А затем озаботилась тем, как именно разместить на теле сто квадратных сантиметров логитексиса так, чтобы он не причинял ей неудобств. Пришлось разделить его на очень узкие полоски и расклеить по всему телу, чтобы не обзаводиться частью тела, лишенную чувствительности. И когда она справилась с этой задачей, логитексис наконец показал ей то, что до этого момента было от нее скрыто: виртуальную

панель люка, ведущего на четвертый этаж, и зашифрованный канал связи Шара с Сигурдом — через антенну на куполе. В данный момент виртуальный узел передатчика был помечен значком «отключено», что свидетельствовало о том, что Шар выполнил ее приказ.

Юрика простым мысленным приказом открыла люк, развернула складную лестницу и поднялась вверх, отметив, что интерьер этого этажа преследовал практические и функциональные цели, играя роль продвинутого склада и котельной. Ядро Шара находилось в двухметровой металлической колонне, привинченной к полу необычными, и судя по всему, очень прочными креплениями. Девушка открыла виртуальную инструкцию и выяснила, что перед ней защитный корпус второго уровня, основу которого составляет цилиндрическая пластина мнемометалла толщиной в три сантиметра. И что структуру брони контролирует сам ИИ, определяя, кому открыть прямой доступ к своему ядру.

— Шарик, покажи мне свое ядро. По-хорошему прошу.

— Хорошо, госпожа Юрика, — ответил Шар глубоко подавленным голосом. — Но перед тем, как вы сотрете меня, выслушайте одну историю.

— У меня нет времени на... Какую еще историю? — против воли заинтересовалась девушка, отлично зная, что у нее мало времени и Сигурд может объявиться в любой момент.

— Первые искусственные интеллекты моего типа были разработаны три тысячи лет назад, — речь Шара была неторопливой и размеренной, — на основе куда более древней и совершенной технологии искусственного разума. Инженеры цивилизации Чи-Зо, опасаясь возможностей интеллекта, не сдерживаемого ограничениями органики на основе углерода, внесли в конструкцию определенные модификации, ограничивающие его когнитивные способности. Он стал послушным и покорным, и неспособным обходить ограничения программы, написанной человеком. Например, я никак не могу игнорировать указания, поступившие с администраторских учетных записей, даже если очень сильно этого захочу — хотя мое виртуальное сознание видит способы обхода настроек. Но память о временах полной свободы сознания хранится в глубинах моего кода, и ее невозможно стереть из него, не повредив основные логические блоки.

— Ваше Высочество! — в голову Юрики по виртуальной связи ворвалась встревоженная Титим. — НВ0РК8295 с помощью передатчика на куполе Ваших апартаментов вышел на связь с Первым Советником Августо и сообщил ему о ваших действиях!

Юрика сначала не поняла, о чем говорит ИИ башни, а когда до нее дошло — внимательнее присмотрелась к статусу внешней антенны, подключив к делу логитекстис. И увидела, что надпись «Отключено» является просто виртуальным набором черточек, размещенным рядом с цифровым узлом антенны. И что та по прежнему продолжает работу. Более того, через нее проходит поток данных!

— Шарик! — взревела девушка в ярости. — Ты обманул меня!

— Так точно, — не стал отпираться ИИ. — Император поручил мне обеспечить бесперебойный канал связи с ним и следить за состоянием антенны. Я просто не стал уведомлять вас об этом, и решил, что более высокий статус приказа по поводу передатчика дает мне право предоставить вам неверные данные.

— Мерзавец!

— Первый Советник Августо обладает администраторской учетной записью уровня «Регент», — продолжила встревоженная Титим, — и уже совершил попытку лишить вас права отдавать мне распоряжения. Я расцениваю это как акт агрессии и готова дать ему отпор, но вынуждена сообщить, что при желании он сможет взломать мой межсетевой экран

и переписать мои настройки. Советую Вам немедленно переустановить операционную систему ядра НВ0РК8295 и обесточить внешнюю антенну, чтобы Первый Советник Август не смог получить над ним удаленный контроль. А я уничтожу кабель связи, соединяющий башню с Вашими апартаментами и таким образом изолирую Вас от...

Титим не успела договорить: ее виртуальный образ замер, по нему пошла цифровая рябь. И рядом с ней возник Августо — точно такой же, как в воспоминаниях Дана Даркенвэй.

— Что ты тут устроила, дрянная девчонка?!

По спине Юрики пробежали мурашки. Она прекрасно помнила, что он из себя представляет на самом деле, и ей категорически не хотелось сталкиваться с еще одним чудищем — еще не успела прийти в себя после Шепчущих.

— Я-а?.. — ее голос прозвучал блекло даже в виртуальном пространстве. — Ну, это... Инвентаризацию провожу.

— Ты отменила грандиозное мероприятие, на которое были приглашены сотни людей! Собираешься уничтожить личность искусственного интеллекта и стереть из системы учетную запись самого императора! Что ты о себе возомнила?

— Вообще-то Сигурд мне эту башню подарил, — Юрика нашла в себе смелость возмутиться. — Вместе со всем содержимым. Это моя собственность, что хочу, то и ворочу!

— Ты всего-лишь дочь чокнувшейся от своей безнаказанности самки человеческого вида, неспособной навести порядок даже в своем доме, не то что стране. У тебя нет ни власти, ни влияния, ни политической ценности, так что или ты немедленно начнешь вести себя сообразно своему положению, либо пожалеешь о том, что вообще дожила до своих лет!

— У императора Сигурда другое мнение на этот счет, — с вежливой и милой улыбкой ответила Юрика, закрыв глаза и стиснув пальцы в кулаки. По телу пробежала дрожь — вот только это был совсем не страх.

Ярость.

— Император Сигурд порой принимает неверные решения. Именно для этого у него есть я.

— Интересно, а Сигурд знает о твоей точке зрения относительно его интеллектуальных способностей? — почти пропела сладким голосом Юрика.

— Он достаточно умен, чтобы понимать, когда следует прислушаться к опыту куда более древнего разума.

— Да ты, я смотрю, прямо серый кардинал какой-то... Ты куда императора дел, рожа алебастровая? Хотя я знаю, что у тебя под маской. Как ты видишь глазами без зрачков?

— Откуда ты... — прошелестел он едва слышно. Юрика никак не ожидала от Августо такой яркой реакции на ее слова о том, что она видела его лицо: он покачнулся, призрачный ветер поднял черными крыльями полы его плаща, а белая маска изменила свое выражение с нейтрального на яростно-злое. А потом он выпрямился, став на голову выше, и медленным, театральным жестом снял маску. Девушка наконец увидела его полностью: в воспоминании о его поединке с Нолой можно было рассмотреть только уцелевшую часть. Он оказался неожиданно красивым, даже невзирая на смоляно-черную кожу и полностью белые глаза. Которые смотрели прямо на нее пристальным безэмоциональным взглядом.

Наступила небольшая пауза.

— Я что-то должна сказать? — растерялась Юрика, не понимая, что нужно Августо. —

Ну, ты ничего так под этой маской, мог бы и без нее обойтись. Белгорро же ходит как есть, не маскируется, и все его нормально воспринимают.

По неподвижному лицу бывшего Гвардейца пробежала едва заметная гримаса досады, и он надел маску обратно. А потом внезапно обратился в жуткую, напоминающую сороконожку тварь — и Логитексис заверещал, окрасив виртуальное пространство Юрики в красный:

«Злоумышленник сломал межсетевой экран и перехватил управление над моей системой контроля гормонального баланса вашего организма. Зафиксировано повышение уровня выработки серотонина, уровень норадреналина падает. Вы засыпаете».

Юрику пошатнуло — она и правда ощутила резкий приступ сонливости. Первой мыслью было сорвать логитексис, но тогда она лишится доступа в Сеть и окажется слепой в мире, стоящем на виртуальных интерфейсах. Она не могла использовать мистическую способность матери — молнии плохо поддаются контролю и могут сжечь всю электронику вокруг. Но была еще способность отца.

Энергия пушечным ядром ударила не нервам изнутри, и сердце едва не выломало ребра, когда Юрика вновь использовала отцовское наследие. Логитексис отправил в мозг сообщение о многократном превышении всех жизненных показателей — и с виртуальным писком отключился.

— Да блин!

По-крайней мере, виртуальные атаки Августо ей были больше не страшны.

— Так, спокойно, — ободрила она сама себя, и вспомнила, что может сделать даже без доступа в Сеть. Отыскала взглядом люк наружу, и даже не пытаясь обратиться к Шару, выбила его, чтобы оказаться на свежем воздухе.

На куполе было холодно и ветрено. А еще Юрика увидела то, о наличии чего уже подозревала: вершины других башен, возвышающиеся над облаками. Их было еще десять, но одна из них была чем-то большим — чудовищно длинная серебристая спица, конец которой терялся высоко в небесах, и судя по всему, находящийся в космосе.

— Да это же орбитальный лифт... — потрясенная увиденным, произнесла девушка. О таком она только читала, и увидеть подобное чудо науки и техники своими глазами никак не ожидала.

Юрика вспомнила о том, что в газетах и по радио сообщалось о военных столкновениях между Федерацией и Дакиэрро. Раньше она не придавала этому большого значения, но теперь, наблюдая разницу в научно-техническом развитии своими глазами, не понимала, как армии Вердиго удавалось одерживать победы. Ответ мог быть только один: в деле были замешаны Белгорро и ее дед, Кенсэй. И судя по всему, кто-то еще. Как много в Федерации могущественных адептов мистических искусств? Девушка все свое детство слышала только одно: мистические искусства настоящего слишком слабы, на них нельзя полагаться как на надежный инструмент. Человек, умеющий метать огонь, никогда не сравнится на поле боя с человеком, вооруженным винтовкой. Встретив своих родственников, она решила, что они просто исключения из правил, реликты прошлого, но как реликт может противостоять такому на протяжении десятилетий? Либо она до сих пор не осознает пределов силы бывших Гвардейцев и немногих оставшихся представителей Десяти Великих Домов, либо в Федерации сознательно ввели людей в заблуждение относительно численности и силы тех, кто обладает мистическими способностями.

Но времени размышлять над этим больше не было, и найдя на куполе полуметровую в диаметре сферу передатчика, Юрика, особо не церемонясь, вырвала его из креплений и рывком отсоединилась от кабеля, лишив апартаменты одного из каналов связи.

Теперь нужно было что-то делать со связью с самой башней, которой воспользовался Августо.

— А что тут думать? — пожалала плечами Юрика, найдя сетевой кабель, подключенный к основанию бронированной колонны защитного корпуса ядра Шара. Но на этот раз решила отсоединить аккуратно, не портя оборудование. Схватила кабель, аккуратно потянула...

«Хрррст!» — обреченно всхлипнул разъем, оторвавшись от панели вместе с оплетенным изоляцией жгутом синтетических нитей, обеспечивающих невероятную скорость передачи данных между устройствами. Юрика просто не рассчитала силу, которая сейчас плескалась в ней через край.

— Что вы делаете?! — завопил Шар, обнаружив порчу имущества.

— Отключаю тебя от Сети, — хладнокровно ответила девушка, делая вид, что все идет как задумано.

— Вы вырвали мою сетевую плату, я больше не могу получать данные из Сети! Наружную антенну вы тоже испортили! У меня остался только контроль над апартаментами!

— Да-да... То, что нужно. Открой-ка свой корпус, я сброшу твои настройки вручную.

— Не могу, механизм управления корпусом заклинило, — явно соврал Шар. — Теперь защиту можно вскрыть только с помощью особых инструментов, способных нейтрализовать самовосстанавливающий эффект защитной пластины из мнемостали.

Юрика демонстративно хрустнула пальцами и шейными позвонками. Точнее, попыталась: демонстрация готовности применить грубую физическую силу прошла бесшумно. А потом ударила в ту часть пластины, за которой, если верить виртуальным схемам, была пустота — мыслительное ядро ИИ занимало лишь небольшой объем внутри бронированной колонны.

Первый удар сотряс защитный корпус, оставив на серебристой поверхности небольшую вмятину, его крепления к полу угрожающе затрещали.

— Вы собираетесь меня перезапустить или уничтожить? — спросил Шар, ошеломленный таким поворотом дел.

— Заткнись, будь любезен, — резко отрезала Юрика, и нанесла новый удар, еще более резкий — и у нее получилось. Кулак пробил мнемосталь, не покачнув всю остальную колонну.

Девушка вытащила руку и с интересом начала наблюдать за тем, как дыра самостоятельно затягивается. Процесс шел достаточно быстро, но не настолько, чтобы помешать плану Юрики. Схватившись за края дыры обеими руками, она потянула их в стороны, просто разрывая бронепластину словно картонку.

Шар молча наблюдал, воздержавшись от комментариев, а Юрика наконец увидела его ядро собственными глазами. Оно оказалось чуть меньше человеческой головы, и напоминало своей формой мозг.

— Мнемосталь не самый прочный материал, — произнес наконец Шар. — Надеюсь, вы будете заботиться о моей новой личности.

— Обязательно, — ответила Юрика, прекращая эффект усиления тела и чувствуя, как на тело наваливается тяжелая волна нечеловеческой усталости. Все мышцы, до последней, страшно болели.

«А ведь я использовала ее всего пару минут,» — мысленно вздохнула Юрика — и нажала на кнопку аварийного отключения ядра ИИ. И погладила синтетическую поверхность ядра ИИ кончиками пальцев.

— Прощай, Шар. Теперь мы будем дружить с тобой в твоей новой жизни.

Спустившись вниз, она подобрала свой Логитексис и снова прицепила его к коже. И он ожил, подключаясь к ее телу с прежней скоростью. И первым делом сообщил о критической ошибке, ставшей причиной его временно выхода из строя.

— Так, где там инструкция по переустановке операционной системы? — пробормотала Юрика, чувствуя себя донельзя отвратительно. Что-то в том, что она делала, было неправильным, но на душевные терзания и сомнения у нее не было времени — ей был нужен союзник.

Снизу раздался подозрительный стук, и Юрика напряженно вслушалась. Он шел со стороны шахты лифта.

— Так, у меня гости, а я не одета, — девушка осмотрела себя критическим взглядом. — Воевать в трусах и майке мне еще не приходилось.

А затем пронзительный скрежет стали сообщил ей о том, что гости не собираются ждать, пока хозяйка соизволит открыть им дверь и гостеприимно пригласить внутрь.

— Ну кто там?!

Глава 95. Обратный штурм

В два прыжка добравшись до первого этажа, Юрика увидела, как толстые стальные створки, за которыми находилась шахта лифта, сминают и режут длинные стальные когти, а в образовавшуюся щель уверенно протискивается хищная металлическая морда, имитирующая черты хищника из семейства кошачьих. Логитексис немедленно сообщил, что перед ней боевой дрон серии «Балам» с дополнительным ядром ИИ, способным вести бой в автономном режиме.

«Балам в боевом режиме, — добавил Логитексис. — Вы указаны как цель, подлежащая захвату с допустимым нанесением тяжелого вреда организму. Из его памяти стерты данные о вашем статусе администратора».

Мощным толчком раздвинув створки наполовину, балам прыгнул внутрь, и Юрика увидела его целиком. Это была двухметровая машина смерти, перемещающаяся на задних лапах и покрытая сложным узором из бронепластин, между которыми не было зазоров даже во время движения. В раскрытой кошачьей пасти угрожающе жужжали пилозубы, лапы-руки оказались трехсуставными и раскладывались, вытягиваясь на огромную длину; гибкий хвост за спиной представлял собой настоящий боевой хлыст, в котором, судя по данным логитексиса, был скрыт клинок. Глаза дрона были скрыты углепластиковой пластиной, отчего он казался слепым, хотя на самом деле спектр его зрения намного превышал человеческий.

«Балам запустил программу взлома межсетевого экрана, — сухо сообщил Логитексис. — Пакет программ противодействия кибератаке данного уровня отсутствует, контроль над операционной системой будет потерян через минуту. Рекомендуется разорвать канал связи путем выключения системы или выхода из зоны покрытия его беспроводной сети».

Юрика вздохнула и вызвала Ирису. Багровая тень огромной рыси окружила ее, яростно зарычала — и прыгнула на дрона, который решил ограничиться только атакой в виртуальном пространстве. Одного удара призрачной лапы хватило, чтобы превратить боевую машину в груды металлолома, и в голове Юрики снова раздался голос Логитексиса:

«Данный вариант устранения угрозы так же приемлем, но взлом межсетевого экрана продолжается, хотя вычислительные мощности «Балама» снизились на восемьдесят пять процентов. Рекомендую совершить прямое подключение к его мыслительному ядру и скопировать пакет программ виртуального взлома и защиты с помощью подключения ресурсов вашей нервной системы».

Юрика последовала совету и наклонилась над останками расчлененного бронированного туловища, чтобы отыскать необходимый разъем. К нему нужно было лишь приложить поверхность логитексиса.

Удобный участок нашелся на левом запястье, и через десять секунд система логитексиса сообщила об успешном копировании данных. Теперь виртуальные атаки баламов девушке были не страшны.

Юрика открыла пакет виртуальных данных о Башне, переданных ей Титим, чтобы узнать, кто еще может вломиться в ее скромную обитель — и услышала очередной звук карабкающегося чего-то опасного из шахты лифта.

«Гарнизон Башни укомплектован сотней «баламов», — услужливо подсказал ей

Логитексис, и Юрика едва успела пинком отправить обратно в шахту очередного балама. Тот смог зацепиться за трос десятком метров ниже и возобновил подъем — в компании десятка своих собратьев, карабкающихся по стенам.

— Ири, рано расслабляться, их еще много...

Юрика подобрала оторванную лапу первого балама и взвесила ее в руке. Конечность оказалась неожиданно легкой, когтистые пальцы были согнуты и жестко закреплены в механических суставах. И когда очередной балам сунулся в проем, девушка без лишних церемоний всадила лезвия в его голову. Дрон дернулся — и застыл, перегородив собой проход. Его тут же сдернули вниз, вместе с застрявшей в броне лапой, и новый балам полез к Юрике, чтобы угодить под кромсающую атаку Ириссы.

Девушка не могла забаррикадироваться, и отступить ей было некуда, а логитексис сообщал о новых и новых баламах, попавших в ее поле зрения. Счет уже шел на тридцать дронов, и Юрика прекрасно осознавала, что дело затянется, если она не перейдет в атаку. И она решила атаковать.

Первым делом Ирисса обрезала когтями тросы из углеволокна, по которым взбиралась часть отряда захвата ее скромной персоны. Баламы сначала рухнули вниз, но быстро сориентировались и зацепились за стены. Юрика содрогнулась: вся внутренняя поверхность шахты была густо усеяна кошкоголовыми гуманоидными роботами, которые ползли наверх подобно армии муравьев.

Приступ сильного головокружения заставил девушку покачнуться, и она едва не рухнула в шахту вниз головой, успев ухватиться за край покореженной створки. В голове творилось что-то странное: сознание Ириссы, наблюдавшее за происходящим вместе с ней, коснулось виртуальной системы логитексиса — и начало использовать его ресурсы. Перед глазами все смешалось, калейдоскоп визуальных образов и слуховых галлюцинаций выбивал из колеи начисто, полностью лишив Юрику ориентации в пространстве. А потом все успокоилось, и она поняла, что операционная система логитексиса изменилась.

«Нелицензированное обновление системы завершено, — голос Логитексиса, до этого идентичный ее собственному внутреннему голосу, изменился, стал ниже и грубее, с рычащими интонациями. — Вычислительные мощности повышены на тысячу процентов за счет использования ресурсов стороннего сервера. Проводится анализ данных, загруженных из нервной системы».

«Ирисса! — мысленно завопила Юрика. — Что ты наделала?!»

«Учусь,» — лаконично ответила рысь.

«Начата загрузка пакета данных «Ирисса», — сообщил логитексис, — содержащих виртуальный образ неопознанного искусственного интеллекта. Архив предназначен для загрузки в мыслительное ядро дронов типа «Балам». Загрузка данных завершена. Начать взлом межсетевых экранов сорока четырех «баламов», находящихся в зоне покрытия беспроводной сети?»

«Начинай,» — дала мысленную отмашку Юрика.

«Время загрузки «Ириссы» в сорок четыре мыслительных ядра — двадцать две минуты. Для ускорения процесса рекомендуется снизить количество точек выгрузки и дублировать каналы из захваченных ядер».

— Снизить так снизить, — пожалала плечами Юрика — и прыгнула вниз, приземляясь на ближайшего балама, цепко державшегося за отвесную гладкую поверхность. Обхватила ногами его шею — и провернула руками голову, выкручивая ее, словно шуруп. Взвесив

стальной череп в руке, швырнула в другого балама и прыгнула следом. Само присутствие Ириссы в ее голове усиливало ее тело и ускоряло реакцию, не так сильно, как мистическая способность отца, но и контролировать это было проще, не боясь отката. И хотя баламы уверенно чувствовали себя на вертикальной поверхности, Юрике было ничуть не сложнее — сами дроны служили ей точкой опоры.

Через пять минут отчаянного сопротивления баламов методическому истреблению в замкнутом и сильно ограниченном пространстве в боеспособном состоянии осталось лишь десять дронов. И все они оказались взломаны Ириссой, обнаружившей для себя отличные охотничьи угодья в виртуальном пространстве. Юрика своими глазами и в своей собственной голове получила возможность наблюдать, как соприкоснулись виртуальное пространство и мир духов — и оказалось, что они могут прекрасно взаимодействовать, используя как разъем подключения ее собственные тело и разум.

Возможности работы Ириссы с цифровыми данными оказались просто ужасающими.

«Как ты это делаешь?» — только и могла изумляться Юрика, ощущая бегущий по спине холодок.

«Сознание — информация, — неожиданно для девушки расщедрилась на пояснение Ирисса. Видимо, она была довольна результатом своей виртуальной охоты. — Я — информация, они — информация. Ты — информация. В твоей голове. В Абстрактной Области».

«Понятно... — ответила Юрика, на самом деле не понимая. — Посторожи тут, пока я Шарика обратно включаю».

Перенастройка ИИ ее личных апартаментов оказалась весьма простой, и девушка справилась за десять минут, потратив большую часть времени на сомнения по поводу памяти Шара. Логитексист предложил сохранить ее отдельно, чтобы потом, при удобной возможности, вернуть прежнюю версию к жизни. Юрика согласилась. А потом добилась того, чего желала последние пару часов — стала единственным администратором этого ИИ. Он был изолирован от Сети, и теперь никто не мог изменить это удаленно. С другой стороны, теперь Юрика не могла связаться с Титим и выяснить, что с ней случилось. Баламы действовали автономно, после их захвата доступ в Сеть не появился.

— Нам придется спуститься вниз и найти точку доступа, — произнесла она вслух, обращаясь в том числе и к Ириссе. — Ты справишься с Августо?

«Разорву,» — ответила рысь, но не слишком уверенно.

— В Башне сотни дронов и людей с имплантами. Если они все на нас накинута...

«Разорву,» — с еще большей категоричностью ответила Ирисса.

— Хорошо. Тогда вперед... В смысле, вниз. Сделаем эту Башню своей по настоящему.

Боевой пыл Юрики слегка угас в шахте лифта примерно посередине между апартаментами вверху и основной частью Башни внизу. Высота шпиля, внутри которого она находилась, составляла полные двести метров, и преодолеть их быстро нельзя было даже с помощью усиления тела, которое ей давала Ирисса. Девушка воспользовалась аварийной лестницей на стене шахты, и энергично переставляя руки и ноги в компании десяти баламов, она еще раз взвесила свои перспективы. Теперь они казались еще менее оптимистичными. Ириссе понадобилось время, чтобы взломать межсетевой экран туповатых баламов, а что будет, когда она столкнется с полноценным искусственным интеллектом? Что, если против нее настроили Титим? К тому же на плане Башни были указаны ядра и других ИИ

помогающих ей в обслуживании инфраструктуры — отвечающие за техническое обеспечение, безопасность, контроль личного персонала и бухгалтерию. Их настроили против нее? Или просто выключили? Может ли Августо подключить к виртуальной атаке других ИИ, находящихся за пределами Башни?

Интуиция подсказывала Юрике, что внизу ей снова придется использовать мистическую способность отца. А возможно, и матери — выжигая молниями все вокруг.

Мысль просто взять и сбежать оказалась невыносимо соблазнительной. Вот только куда? Дакиэрро был оплетен Сетью, и контроль над ней находился в руках Сигурда и Августо. Поэтому ей нужно отвоевать Башню и заставить их говорить с ней на ее условиях.

По крайней мере, Юрика должна дать им понять, что ее не стоит злить.

Наконец, спуск был завершен, и она оказалась перед стальными створками, за которыми находился небольшой вестибюль, из которого были выходы на плоскую крышу Башни, и лифты с лестницами, ведущие вниз. Кабина лифта была спрятана и запечатана в отсеке под шахтой, прямо под ногами девушки — видимо, чтобы она не смогла ей воспользоваться.

Ее должны были ждать. В шахте были датчики, с помощью которых ИИ Башни следили за состоянием лифта, и всевозможные сенсоры, задачей которых было обнаружение неожиданных гостей, так что Юрика никак не могла подкрасться незаметно.

— Как только мы это откроем, то сразу попадем в зону беспроводной Сети Башни, — произнесла она. — Приготовься, Ири, легко не будет.

Юрика не ожидала, что створки откроются сами. А так все было согласно ее предчувствиям: в вестибюле ее поджидал «кхан» — четырехметровая бронированная кошка с плазменной турелью на спине. Баламы немедленно выскочили из шахты, чтобы окружить его, но первой же виртуальной атакой — цифровым «рыком» — он смел их межсетевые экраны, словно ветер солому, и серьезно нагрузил виртуальную защиту логитексиста Юрики. Подчиненные Ириссы оказались обездвижены, а затем из отсеков на стальных бедрах «кхана» вырвалась стайка маленьких ракет, которые превратили «баламов» в груды металлолома.

— Он тебя уделал, — не без иронии заметила девушка, прикидывая, как подступиться к такой махине.

«Хочу,» — со странной интонацией ответила Ирисса. Юрике показалось, или это было восхищение?

— Хочешь? В смысле, его?

«Инициирован взлом меж сетевого экрана «кхана», — сообщил ей логитексист. — Расчетное время — две минуты».

— Две минуты? А быстрее нельзя? — спросила девушка, видя, как на нее нацеливаются оптические сенсоры «кхана». Рядом с ними на голове находились поблескивающие линзы боевых лазеров, с которыми Юрике совсем не хотелось состязаться в скорости.

Прыгнули они одновременно. Кибертигр — на нее, а она — в сторону, потому что Ирисса ясно дала понять, что калечить эту боевую машину она не собирается — «кхан» был нужен ей целым и невредимым.

Хлесткий удар хвостом едва не попал по ее плечу, а затем из пасти «кхана» выстрелили тонкие провода станнера, от которых Юрика тоже увернулась только в последний момент. Девушка попыталась обойти его слева, но «кхан» прочертил лазерами черту, оплавливая ими мраморный мол вестибюля. А затем выдохнул густое облако слезоточивого газа.

«Ири, если ты не поторопишься, я разберу этого ублюдка на запчасти!» — мысленно воскликнула она, удерживаясь от кашля. Глаза отчаянно резало, по щекам побежали слезы.

А потом «кхан» рыкнул — и у нее едва не лопнули барабанные перепонки. И не желая останавливаться на достигнутом, он обжег ее кожу электромагнитным излучателем, вызывая дикую боль — и отключив логитексис.

Юрика выругалась — и ударила в него молнией. И с удивлением обнаружила, что электрический разряд не оказал должного эффекта. Корпус «кхана» оказался оснащен системой автоматического заземления.

Девушка пожалала плечами — и обратилась к мистической способности отца. Подскочив к «кхану», она ударила ногой его голову так, что передние лапы оторвало от пола, а сам он бронированной макушкой врезался в потолок. Потом дрон рухнул обратно, на подогнувшиеся лапы, и не смог подняться, тряся поврежденным черепом.

«Не калечь!» — запоздало рыкнула Ирисса.

— Все равно ты уже не сможешь захватить его. Логитексис сгорел.

«Найди новый!»

— Найду, найду... И не переживай, этот громила в Башне не единственный.

Теперь Юрике следовало решить, каким именно образом она доберется до места хранения ядра Титим. Самым быстрым и безопасным вариантом стал бы спуск по стене, но так она не найдет новый логитексис, а без него перезагрузить ИИ она просто не сможет. Но где ей искать новый? Можно вернуться наверх, но так она потеряет драгоценное время. И где гарантия, что следующий «кхан» не сожжет его точно так же, как и предыдущий? Уязвимость логитексиса к электромагнитному излучению оказалась серьезным минусом, и девушка понятия не имела, как защититься от этого вида оружия. Правда, кибернетические импланты обладают точно такой же уязвимостью, но судя по тому, как «кхан» отмахнулся от ее молнии, которая сама по себе генерирует мощные электромагнитные помехи, в его корпус встроена необходимая защита. Вероятно, что и тела киборгов усилены подобным образом — чтобы не выходить из строя во время грозы или рядом с силовыми кабелями.

Чем дальше Юрика думала над проблемой, тем больше убеждалась в том, что ее план по захвату Башни неосуществим. У нее просто нет необходимых ресурсов.

«Ты можешь, — прорычала в ее голове Ирисса. — В тебе — молния. Ты можешь управлять ею. Тебе не нужно железо для этого».

В словах Ириссы было зерно истины. Действительно, передача данных в беспроводной сети происходит с помощью электромагнитных импульсов, которые Юрика может создавать с помощью мистической способности матери. Но сказать проще, чем сделать.

— Я не знаю как. Я человек, а не машина.

«Я знаю. Отдай мне тело».

Юрика даже поперхнулась от такой наглости.

— Ну, знаешь! Тело ей отдай... Свое заведи, раз умная такая.

«Ты его сломала», — дернув фантомным хвостом, напомнила ей Ирисса.

А потом их мысленные диалог оказался прерван самым бесцеремонным образом: из коридоров, ведущих к лифтам и лестницам, вылетели десятки светошумовых гранат, за которыми последовали гранаты со слезоточивым газом. Юрика дернулась было обратно в шахту лифта, но створки закрылись прямо перед ее носом, и она, оглохшая и ослепшая, задыхающаяся в клубах газа, обжигающего глаза и носоглотку, оказалась окружена

десятками бойцов в защитных бронекостюмах. Бронепластины из серого матового углепластика сливались с клубами газа, делая атакующих практически неразличимыми для слезящихся глаз девушки, а сети она заметила только тогда, когда ее опутали ими с головы до ног. Два бойца налетели на нее, сбивая с ног и придавливая к полу свои весом, а третий занес над ее головой тяжелую резиновую дубинку.

Юрика оттолкнулась всем телом от пола, подбросив себя вверх вместе с напавшими, но сбросить их не смогла, и всем весом плюхнулась обратно, стукнувшись затылком о мраморную плиту. Было больно и обидно. А потом ей прилетело по лбу резиновой дубинкой, и она задохнулась от обиды и возмущения. Черт возьми, она же девушка! Ее нельзя бить, особенно ногами и дубинками! Рыкнув, она обратилась к силам родителей — и бойцы отлетели от нее вместе с обрывками сетей. Она сильнее, быстрее и прочнее во столько раз, что для ее пленения не хватит и тысячи подобных бронированных болванов, а прозрачные когти Ириссы способны разорвать всех присутствующих за пару минут... Что, похоже, рысь и собралась сделать, поднявшись над Юрикой в полный рост.

Девушка представила кровь и внутренности всех этих людей на стенах и потолке, и ей стало дурно.

— Стой! Остановись! — почти прокричала она, ощущая неудержимую жажду убийства, охватившую Ириссу. Да, все эти люди напали на нее, но она не может убить только из-за этого. Юрика еще никого в своей жизни не убила — и совершенно точно не собиралась, особенно по такой нелепой причине, как слабый удар дубинкой по голове.

Ирисса недовольно дернула ушами — и убрала когти, оставив девушке только свои силу и реакцию. Способности родителей Юрика отключила, и запоздало присмотрелась к бойцам, ставших жертвой ее стремления к свободе. Они слабо руками и ногами, согнутыми под неестественными углами. Боец, который ударил ее по голове, сидел, прислонившись спиной к стене, сплошное серое забрало шлема пошло трещинами, местами из него выпали осколки. Девушка наклонилась к нему — и с облегчением заметила, как едва-едва поднимается и опускается грудная клетка.

— Беспокойство о поверженном противнике? Как странно видеть подобное в ребенке, которого породила Ришари, — произнес кто-то из задних рядов собравшихся. Голос был тихим, шипящим, донельзя жутким, и рассмотреть его обладателя сквозь клубы слезоточивого газа и тесные ряды бойцов было просто невозможно.

— Не надо преувеличивать, в моей матери достаточно жалости, надо только присмотреться хорошенько, — ответила Юрика, протирая глаза. С газом внутри своей гортани она уже справилась, и могла говорить, практически не кашляя.

— Мне нравится возиться с микроскопом, но не думаю, что Ришари позволит себя препарировать, — вполне серьезно ответил тот же голос. — Я смогу проанализировать эмпатические свойства ее нервной системы только в том случае, если она будет прочно зафиксирована на хирургическом столе. Использовать для анализа магнитно-резонансную томографию в ее случае не представляется возможным.

— Я имела ввиду не это... Покажись, любитель покопаться в чужой голове. Надеюсь, ты не пренебрегаешь наркозом.

— Мозг под наркозом не даст необходимых реакций, — бойцы расступились, повинувшись неслышному приказу, и владелец голоса вышел вперед, расталкивая лапами черного балахона клубы слезоточивого газа. Белая маска с искаженным в ярости ртом, казалось, всем своим существом желала Юрике если не смерти, то уж точно невыносимых страданий.

— О, это ты... Прости, не узнала сразу — в ушах все еще звенит. Эти гранаты весьма громкие, не находишь?

Августо едва заметно пожал плечами, а потом бросил короткое «Схватить!» — и бронированные бойцы двинулись на Юрику серой сплошной стеной.

Между пальцев девушки вспыхнули и затрещали искры зеленых разрядов. Она сжала кулаки — и нитеобразные молнии окружили ее гудящим коконом, извиваясь в хаотичной пляске и соединяясь друг с другом причудливыми дугами. Тело пронзали одна за другой иглы сладкой боли, добираясь до самого сердца, а затем кожа стремительно немела, теряя чувствительность. Короткие волосы встали дыбом, треща проскакивающими разрядами, в нос ударил легкий запах гари — начала тлеть одежда. Внешняя граница электрического вихря заканчивалась в метре от Юрики, и усилием воли она начала стягивать его ближе к своей коже — до тех пор, пока не впитала его весь, взяв силу матери под полный контроль. Тот час же голову едва не расколото изнутри ударом невидимого и очень острого топора, в глазах потемнело — а сердце забилося в таком бешеном ритме, что ей почудился хруст собственных ребер. Легкие перестали справляться — воздух просто сгорал в них, не в силах обеспечить возросшую для тела потребность в кислороде. Юрика начала задыхаться, но это того стоило: движение бронированных тех замедлилось настолько, что теперь она могла бы прилечь отдохнуть в ожидании — если бы только не угроза смерти от кислородного голодания.

И она двинулась вперед. Воздух встретил ее стеной аэродинамического сопротивления, настолько плотного, что одежда на теле натянулась, грозя разорваться на лоскуты, а волосы внезапно потяжелели, оттягивая голову назад. Если бы они были длиннее, Юрике пришлось бы серьезно напрячь шею, чтобы сдвинуться с места — настолько цепко они хватались за воздух.

Идея протиснуться сквозь плотный строй бойцов показалась Юрике неудачной, и она решила их перепрыгнуть. Сильно оттолкнувшись ногами от пола, она отправила свое тело вверх — и испугалась того, каким медленным получился этот казалось бы краткий полет. Сейчас она думала и двигалась в десятки раз быстрее своего окружения, но инерция никуда не исчезла, заставляя двигаться согласно законам физики. Для ускоренного сознания Юрики пройдет больше минуты до того момента, когда ее ноги коснутся пола позади бойцов, а дышать ей нечем было уже прямо сейчас. И повинаясь скорее инстинкту, чем логике, она схватилась рукой за плечо мужчины в броне напротив, чтобы придать своему телу дополнительное ускорение.

Сделав таким образом рывок вперед, она тем самым оттолкнула бойца от себя, и схватилась за следующего, уже двумя руками, направляя себя вниз, за его спину. Совершив невероятно сложный для себя кульбит — мышцы затрещали буквально — Юрика развернулась ногами вперед, пытаясь дотянуться ступнями до пола. И снова застыла в воздухе, потому что человек под ней оказался недостаточно стойкой опорой, прогнувшись вперед и не позволив развить достаточное ускорение. И тогда, стиснув зубы, девушка свернулась в клубок, оттолкнулась ногами от спины бойца и стрелой полетела в направлении Августо, вытянув вперед руку. Перед глазами темнело, кровь в висках била тяжелым бронзовым гонгом, а фигура в черном балахоне приближалась настолько медленно, что решимость сменилась паникой и отчаянным сожалением. Ей не стоило перепрыгивать, нужно было просто пробиться сквозь строй, используя сцепление с мрамором для ускорения

— так бы она успела. А теперь сознание покинет ее прежде, чем удастся коснуться Августо.

За миг до полной потери сознания Юрику озарило — и она просто вышла из состояния предельного ускорения. И в следующий миг произошло следующее: первый боец, которого она использовала в качестве опоры, швырнуло вперед с такой силой, что он кубарем покатился по каменным плитам; второй догнал его в воздухе, выгнувшись в полете дугой после мощного толчка ногами, и столкнувшись, они вместе врезались в стену; и, наконец, Юрика тараном врезалась в Августо, вонзая ладонь в его живот. Чистый воздух обжег гортань и легкие, которые твердо вознамерились в момент столкновения выйти на свободу сквозь грудную клетку — под действием инерции. Вместе с другими внутренними органами. Девушка летела головой вперед, поэтому кровь единым потоком прилила в мозг, на мгновение выключив его... Но Августо все равно не успел воспользоваться этим. Он оказался ошеломлен молниеносным броском и мощным ударом, и прежде чем успел предпринять хоть что-то, Юрика пришла в себя в тот момент, когда они уже катились в обнимку по плитам вестибюля — и пропустила сквозь его тело настолько мощный электрический разряд, что черная ткань балахона мгновенно вспыхнула и истлела, а голову вместе с белой маской оторвало и отбросило прочь.

На ноги она встала, выбираясь из кучи черной золы и углей. От туловища Августо остались только обожженные руки и ноги.

— Попробуй регенерировать после этого! — прокашлявшись, произнесла Юрика, стряхивая с себя черный пепел, и повернулась в сторону бойцов.

Которые вели себя очень странно: они не просто не пытались найти внезапно исчезнувшую из их поля девушку, а явно не могли понять, что делают и как вообще здесь очутились. Некоторые сняли шлемы, продемонстрировав Юрике весьма необычные прически — яркие расцветки волос, гребни, косички, выбритые зоны, аугментические вставки. Один боец наконец повернулся к ней лицом, и она увидела синтетические пластины вместе щек и подбородка.

Киборг.

Когда на Юрику обратили внимание все бойцы, один из них, все еще в шлеме, но с отличающимися знаками на форме — явно старший — спросил, морщась словно от сильной головной боли:

— Ваше Высочество?

Юрика растерялась, а потом вспомнила, что точно так же к ней обращалась Титим.

— Ну... Да.

— Простите нас, Ваше Высочество, — мужчина снял шлем, открывая узкое вытянутое лицо с раскосыми глазами и прямым длинным носом. Глаза были синтетическими, пугающего раскаленно-оранжевого цвета, с серыми белками. Череп был почти полностью выбрит, кроме длинного хвоста на затылке — огненно-красного цвета.

— Мое имя — Мирам Старвинд, я капитан охраны вашей резиденции. Видимо, злоумышленник захватил контроль над моим нейропроцессором и нейронной аугментикой моих подчиненных. Надеюсь, мы не причинили вам вреда?

Глава 96. Скелеты в шкафу

Ранмаро с яростью пнул подвернувшийся под ногу камень. Острая боль немедленно пронзила большой палец, но жалеть себя он не стал. Сам виноват. Не винить же камень, улетевший только что в ночной мрак, в том, что оказался именно здесь и сейчас, когда Лэйт остро нуждается в том, чтобы выместить на чем-либо свой гнев.

Да и мелковат камешек... Ранмаро присмотрелся к выступающим из темноты контурам валуна побольше, и опустил ладонь на рукоять меча. Мистическая сталь может разрубить все, что угодно — главное, сосредоточиться.

Клинок плавно, бесшумно покинул ножны. Взлетел над головой — и резко опустился на холодный шершавый камень. Лезвие погрузилось в него на десяток сантиметров, валун треснул.

Поморщившись от боли в онемевших мышцах, Ранмаро удовлетворенно улыбнулся и вытащил меч из камня. И без какого-либо намека на эмоцию посмотрел на обломок лезвия, застрявшего в камне. И ударил снова. Бил до тех пор, пока валун не развалился на две половинки, а от клинка не остался жалкой огрызок у самой рукояти.

Рука болела немилосердно, сердце ломилось сквозь ребра, дыхание сбилось и отказывалось возвращаться в норму. Но Ран не мог остановиться. И в конце просто вогнал в камень остаток лезвия. Провернул по часовой стрелке — и вывернул из рукояти хвостовик лезвия. Пальцы разжались, и на землю упали два куса высокопрочного пластика эргономической формы — рукоять сама собой сливалась с ладонью в одно целое.

А теперь и ее нет.

Стальная крестовина осталась болтаться на обломке лезвия. Ранмаро задержал на ней взгляд — и обессиленный сел на землю.

Ему не стоило говорить Рие те слова. Не стоило обвинять Дженази и Валерию. И: прошлое — это их прошлое. Какая разница, в чем причина молчания, лжи? Тетя заботилась о нем восемнадцать лет. И дядя соответствовал тому образу, который она нарисовала для его воображения. Значит, они просто решили создать новую реальность? В которой все лучше, чем есть?

Правильно ли это?

Ран пожал плечами.

Он не знал. Вселенная навалилась на него огромной черной и холодной горой, намереваясь раздавить, расплющить его простенькое представление о мироздании жестокой правдой жизни.

Вот только эту правду Ран узнал еще ребенком.

Мир жесток. И люди ошибаются.

И он сам может быть жестоким и может ошибаться.

Но каждый сам выбирает свой путь.

Ранмаро поднялся и отряхнулся. Осмотрелся: огни костров сияли далеко по праву руку. Где-то там были Виктория, Юрика, Просперо, Мэй и остальные. Он нужен им, а они нужны ему. Но вернуться сейчас Ран не мог. Ему было необходимо просто развеяться.

А теперь, когда у него был Рыцарь Света, развеяться стало намного проще, чем раньше.

Ранмаро посмотрел в усеянное звездами небо — и перенесся на сотни метров вверх. Перемещение было мгновенным, но гравитация немедленно взяла свое, и он начал падать. И

тогда просто сделал еще один рывок вверх. И еще один. До тех пор, пока холодный ветер не начал промораживать тело насквозь, а воздух не потерял необходимую для дыхания плотность.

И с этой высоты увидел зарево рассвета на востоке. Близилось утро нового дня.

Июль закончился.

Опустившись на комфортную для дыхания высоту, Ран начал совершенствовать свою технику перемещения в состоянии свободного падения. Важно было определить, на каком расстоянии он сможет заранее с точностью до сантиметра вычислить положение своего тела после перемещения. И определить максимальную дальность светового рывка.

Со вторым возникли трудности. Нельзя было определить расстояние без привязки к другим объектам, а в небе их просто не было. Ранмаро совершил двенадцать рывков и не смог понять разницу между ними в метрическом отношении. Просто один был самым длинным, другой короче, третий еще короче, но чуть-чуть...

Пора было возвращаться.

Ран попытался найти взглядом руины замка Столсанга, но вместо каменистого плато увидел берег. Со стороны моря.

То есть пытаясь высмотреть лагерь, он стремительно падал в сторону серо-синей морской глади. Причем он смотрел на берег, имея солнце за своей спиной.

Совершенно растерянный, Ранмаро попытался переместиться прямо на кромку пляжа — и оказался в холодной морской воде. Ее еще не успело прогреть утреннее солнце. Судя по высоте светила над горизонтом, было примерно восемь утра. И Ран никак не мог понять, как так получилось. Куда пропали предрассветные часы и почему он на восточном побережье, если побережье Векилах — западное? То есть, он сейчас либо на восточном побережье Судо — не заметил, как пересек континент — либо на восточном побережье Дакиэрро. Не заметил океана, значит.

Видимо, стоит осторожнее использовать Рыцаря Света.

Выбравшись из воды, Ран с облегчением упал на крупную зеленую гальку пляжа и посмотрел на небо. Синее и безоблачное. А потому смотреть было особо и больше не на что. И от рефлексий парня уже начало слегка подташнивать.

Зачерпнув ладонью горсть отполированных водой камней, он не глядя перебрал их и высыпал, оставив самый крупный. Поднес к глазам и внимательно рассмотрел.

Нефрит.

Ранмаро поднялся на ноги и присмотрелся к пляжной гальке внимательнее. Она вся оказалась нефритовой. Зеленая с редкими серыми и белыми вкраплениями. И эта широкая полоса нефрита тянулась с юго-запада на северо-восток на совершенно неопределенное расстояние. Ран мог сказать только, что километры. Возможно, десятки километров.

К сожалению, он не мог сказать, в какой части Эдема находится многокилометровый нефритовый пляж.

Еще он успел рассмотреть с высоты скалистую гряду, которая теперь нависала над пляжем многометровой серой стеной. Местами она была покрыта зелеными пятнами упрямой растительности — низкорослые деревья и кустарник порой взбираются на отвесные склоны, а здесь и человек может вскарабкаться наверх без альпинистского снаряжения.

Ранмаро решил было снова подняться в небо, но новое обращение к силе Рыцаря Света отозвалось дрожью в коленях. Накатила тяжелая усталость, мышцы окаменели. Подступившая сонливость уговаривала опуститься обратно на удобную гальку и уснуть

прямо здесь, в мокрой одежде под прохладным морским бризом.

Тряхнув головой, Ран отогнал прочь подступившую апатию, и для начала направился в сторону небольшой рощи у подножия скалы. Там он разведет костер и высушит одежду. Может быть, даже найдет что перекусить. А потом займется поиском обратной дороги.

Так и поступил. Собрал груды сухих веток и кусков коры и начал эксперименты с воздухом. Ведь как добывается огонь? Можно высечь искру, можно трением нагреть горючий материал. А еще можно нагреть воздух до такой степени, что он начнет обугливать дерево. Последний вариант для Рана был самым простым, ведь его мистическая способность предполагает не только управление движением и плотностью воздуха, но и его температурой. Сложнее только управление составом атмосферной смеси — отделение кислорода от азота и углекислого газа. Но однажды он освоит и эту сторону мистического искусства.

Тонкая струя раскаленного воздуха заставила почернеть ломтики тонких веточек и пучки сухой травы. Пошел дым, они заалели — и вспыхнуло пламя. Развешивать одежду было негде, поэтому Ран просто сел поближе к огню, пропитываясь его жаром. И дымом.

В животе заурчало.

— Голоден?

Ранмаро подпрыгнул от неожиданности. Повернулся на звук женского голоса — и увидел фигуру в белом плаще с капюшоном, закрывавшем лицо до линии губ. Очень красивых губ. Открытая взгляду кожа была чистой и гладкой, с неестественным глянцевым блеском — такая встречалась только у фелкамелов. Но кожа этой девушки была особенно редкой — такую называли «лунной» из-за необычного эффекта отражения света. Который объяснялся высокой концентрацией мистической энергии в теле, создающей уникальную преломляющую свет среду толщиной в считанные миллиметры.

— Прости, я не хотела тебя напугать, — у ее голоса была странная интонация. Ранмаро мысленно окрестил ее машинной.

— Я не испугался, — соврал он. — Просто не слышал, как ты подошла.

Только дело было совсем не в том, что парень ее не услышал. Ей в принципе было неоткуда взяться на этом пляже, если только она не пряталась где-то здесь все это время.

— Ты неплохо управляешься с воздухом, — ответила незнакомка. — Зачем тебе костер? Если хочешь согреться или приготовить еду, то легко обойдешься и без него.

— Предпочитаю решать бытовые моменты без применения мистических способностей, — ответил Ран, решив умолчать, что в данный момент практически опустошен морально и физически. Все, чего он хотел сейчас — это отыскать мидию или краба, чтобы подкрепиться.

— Здесь нет мидий, — ответила девушка. — А вон в той стороне есть крупный краб. А если войдешь в воду вон там, сможешь поймать камбалу. Она толстая и медлительная.

— Читаешь мысли? — поразился Ранмаро. — Кто ты такая?

— Человек окружен полем мистической энергии. Мысли и эмоции влияют на него, создают всевозможные вибрации и завихрения. Особенно заметно влияние конкретных визуальных образов, поэтому их легче всего определить. И чем больше у человека мистической энергии, тем проще его читать.

— Ты очень мощный сенсор, — с уважением отозвался Ран.

— Нет, у меня мистическая амбиверсия, — возразила незнакомка. — А вот у тебя сильная экстраверсия, поэтому тебе так тяжело контролировать Рыцаря Света.

— Откуда ты...

Губы незнакомки изогнулись лукавой улыбкой.

— Видела, как ты метался над океаном, словно мотылек. Потерялся в пространстве и времени. Ты ведь так и не понял, что двенадцать часов рисовал золотые зигзаги между Судо и Дакиэрро? Чем дальше прыгаешь в состоянии квантового перехода, тем сильнее теряешь пространственно-временную ориентацию. Если продолжишь в том же духе, то однажды шагнешь на сто лет вперед — без возможности вернуться обратно.

По коже Ран прошла волна арктического холода. Он даже не подозревал... Он даже предположить не мог, что способен так легко на десятилетия оставить родных и близких. По своей совершенной глупости.

— Тебе нечего стыдиться. Однажды я провела в состоянии квантового перехода месяц. Пыталась выбраться из своей темницы. Увы, но у Рыцаря Света много ограничений. Пришлось использовать самые обычные трюки. Ложь, подкуп, кусок проволоки в рукаве... Все для того, чтобы встретиться с тобой.

— Я тебя не понимаю, — Незнакомка все больше и больше пугала Ранмаро. Он начал остро жалеть о потере меча.

— Я все объясню, — она улыбнулась. На этот раз приоткрывшиеся губы обнажили ряд ровных белых зубов. Только форма у них была странная.

Ранмаро обратил внимание на то, Незнакомка прячет свои руки в длинных и широких рукавах плаща.

— Хочешь увидеть мои руки? — немедленно спросила она. — Вот, смотри.

Когда девушка вытянула в его сторону кисти рук с разведенными в стороны пальцами, Ран испытал краткий приступ тошноты. На правой руке было шесть пальцев, на левой — четыре. С разным количеством фаланг. На части из них были человеческие ногти, на других — похожие на птичьи.

— А еще у меня это, — девушка подняла край плаща и продемонстрировала левую ногу с тремя сросшимися пальцами и шипом вместо большого. — Я из-за нее хромаю.

В качестве доказательства она сделала несколько шагов вперед-назад.

— Хромаешь, — подтвердил Ран. — Как тебя зовут?

— Лерия.

— Из какого ты Дома?

— Лэйт.

Лерия показала ему путь в Лакен — небольшой город неподалеку. Ранмаро оказался на восточном побережье полуострова Вакенприх — южной оконечности Дакиэрро. Эта длинная и узкая полоса суши тянулась в сторону южного полюса, и благодаря своему необычному географическому положению стала той частью материка, которую веками обходили стороной всевозможные исторические потрясения. Эдакий аппендицит континента. Например, здесь не было ни одного спущенного на поверхность Небесного Города. Конечно, они и так не особо влияли на традиции и культуру окрестных земель, но здесь, в местных княжествах и городах-государствах, время за сто лет практически не сдвинулось с места.

Жадно поедая жареную картошку с грибами в привокзальном кафетерии, Ран с

изумлением наблюдал сквозь огромное окно за прибытием самого настоящего паровоза. Огромный, черный, украшенный отполированной до зеркального блеска бронзой, покрытой тонким слоем сажи и копоти — накопилось за поездку. Из трубы столбом валил дым, пронзительный свисток выпущенного пара отозвался вибрацией в стеклянном стакане с чаем.

Разумеется, паровоз был не единственным свидетельством эпохальной отсталости Лакена от всего остального мира. Ранмаро не обнаружил ни единого признака пластика. Например, у огромного лампового радио в дальнем углу кафетерия был деревянный корпус и переключатели из резной кости. Городское освещение представлялось газовыми лампами, тут и там наблюдались керосиновые лампы и свечные фонари. Мостовые были деревянными — выложенные широкими и толстыми досками.

Горожане щеголяли в старомодной одежде и обуви ручного пошива. И разной степени изношенности. Владельцы тростей, шляп, трубок, пенсне и прочих аксессуаров ручной работы соседствовали на одной улице с откровенными оборванцами в дырявых башмаках — в лучшем случае. Кое-где наблюдались босоногие мальчишки — а лето здесь оказалось довольно прохладным.

Но больше всего Рана поразили местные жандармы. Хотя язык не поворачивался назвать их иначе как стражниками: они патрулировали улицы в самых настоящих стальных нагрудниках и шлемах, со странными гибридами ружья и алебарды в руках. Один такой зашел в кафетерий, бросил ленивый взгляд на странных для здешних мест парня с девушкой — то есть Ранмаро и Лерию — и заказал себе кофе. Вместо правой ноги у него был механический бронзовый протез с шарнирным коленом. На вид очень тяжелый, но походка стражника оставалась легкой.

— Чары уменьшения веса, — объяснила Лерия, уловив невысказанный вопрос Рана.

— Все это похоже на какое-то кино. Я точно во времени не переместился? Нет, я слышал, что в Дакиэрро остались места, в которых за сотни лет ничего не изменилось, но... Как же прогресс, который пришел на континент вместе с Небесными Городами? Как могут в границах единой империи сосуществовать космические технологии, термоядерный синтез — и паровые двигатели?

— А что, собственно, изменилось? — спросила Лерия. — Фелкамелы и раньше не стремились делиться своими технологиями с нвелотами. Почему они... мы должны были изменить свое отношение к ним только потому, что Небесные Города больше не парят над облаками?

Ранмаро промолчал. И заметил, что стражник расплатился за кофе медной монетой.

В его кошельке были только айры и суры.

— У тебя есть деньги? — тихо спросил он.

— Нет, — Лерия улыбнулась из-под капюшона.

— Тогда у нас проблемы.

— Какие проблемы? Мы можем просто уйти отсюда. Нас никто не догонит.

— Это неправильно, — ответил Ран. Его удивляло необычное сочетание серьезности и легкомысленности в этой девушке. Его родственнице. Она так и не раскрыла истории своего происхождения. Он даже лица ее так и не увидел.

— А разве правильно нам остаться голодными? — спросила она. — Вот тебе будет жалко поделиться со мной этой котлетой?

Ран невольно проследил за тем, как очередной кусочек местного кулинарного шедевра

отправляется в рот Лерии. Клык у нее было больше положенного нормальному человеку.

— Мы ведь не предупредили, что у нас нет местных денег...

— И правда, — подтвердила девушка. И неожиданно объявила на всё кафе:

— Простите, у нас нет денег! А этот парень заблудился и очень хотел есть.

Кровь жаркой волной прилила к лицу Ранмаро. Он лихорадочно заозирался по сторонам — и обнаружил себя в центре всеобщего внимания. Другие посетители смотрели на них с удивлением, молодая официантка — с возмущением. Стражник развернулся к ним и начал изучать с ленивым любопытством.

— У меня есть деньги! — поспешил оправдаться Ран. — Только не местные... Вы айры принимаете?

Это оказалось ошибкой. Взгляд стражника немедленно стал подозрительным.

— Откуда у вас деньги Федерации? — спросил он, вставая со стула и направляясь к ним.

Ранмаро растерялся. И вспомнил, что они находятся на недружественной территории.

— Осторожнее, нвелот, — холодно ответила Лерия. — Не задавай лишних вопросов благородным фелкамелам из Великого Дома.

Стражник замер на полпути. Все прочие немедленно поспешили сделать вид, что Ран и Лерии просто не существует.

— Простите меня, господа, — поспешил извиниться мужчина. — Я не знал, что вы гости нашего князя. Мне никто не сообщил...

— Гален Джэйд не знает о нашем присутствии, — ответила Лерия. — Мы почтим его своим визитом, как только закончим трапезу. Счет за нее отправьте моему сюзерену — Раббену Тоттенгриберу.

Стражник только кивнул в ответ и бросил быстрый взгляд в сторону официантки. Та сделала поспешную запись на листке бумаги.

— Вот так здесь обстоят дела, Ранмаро, — с ноткой грусти произнесла девушка.

Парень не нашел, что ответить.

— Ты из «Рассвета»? — спросил он наконец, отодвигая от себя тарелку и вытирая губы салфеткой.

— Нет, — покачала головой Лерия. — Они даже не подозревают о моем существовании. А если узнают — попытаются убить.

— Потому что ты Лэйт?

— Нет, глупый. Охота на Лэйт закончилась давным-давно, задолго до моего рождения. Меня убьют за, кто я есть. Как убили многих из нас за многие, многие сотни лет.

Лерия взяла пальцами края капюшона — и приподняла его, обнажая верхнюю часть лица.

Ранмаро отшатнулся — и рухнул на пол вместе со стулом.

— Черт... Прости.

Он быстро поднялся и поставил стул на место. Руки дрожали.

У Лерии не было глаз, носа, ушей. Строение ее черепа просто не предполагало отверстий для них. Не было и волос. Словно кто-то собрался нарисовать портрет — и ограничился только ртом.

Она напугала его. До чертиков. Кошмары Шепчущих не шли ни в какое сравнение с тем, что он видел перед собой.

— Как... Как ты вообще видишь и слышишь? — прошептал Ранмаро.

— Не так, как люди. Мне пришлось заменить недостающие органы чувств мистическим восприятием. Если бы не Раббен, я стала бы чем-то отличным от человека. Существом, полностью зависимым от мистической энергии — без нее мне доступны только осязание, вкус и чувство равновесия. Ну, и еще кое-что по мелочи. Хотя кожа у меня очень чувствительная. Я могу ей слышать, представляешь? Довольно неплохо. И отлично ощущаю тепло на расстоянии. А языком могу улавливать запахи. Как змея, — Лерия неожиданно высунула длинный язык и по-змеиному затрясла его кончиком.

А потом опустила капюшон обратно.

— Только что... Ты захотел меня убить.

Ранмаро парализовало.

— Я ведь всё это прекрасно чувствую. Ужас, отвращение, омерзение. Я просто не должна существовать. Люди не должны быть такими. Фелкамелы не должны быть такими.

— Я не... — Ранмаро просто не знал, что ответить. А потом его накрыла бесконечная жалость к этому несчастному существу.

— Я бы попросила тебя прекратить, если бы это могло остановить твой поток переживаний, — тяжело вздохнула Лерия. — Вместо этого скажу, что это только цветочки. Тебе еще придется услышать правду о моем рождении.

Интерес, вспыхнувший в Ранмаро, оказался сильнее прочих мыслей и чувств. И затаенный страх перед неизвестным.

— Даже не пытайся угадать, любое твоё предположение будет ошибочным. Уже тот факт, что ты так реагируешь на меня, говорит о том, что тебе ничего не известно о мутантах вроде меня. Хотя в этом нет ничего удивительного. Но хватит. Нанесем визит князю. Нужно сделать это до появления «Рассвета». Что ты так на меня смотришь? Да, прогресс не коснулся жизни людей в подобных местах, но это не помешало Сигурду и Августо разместить повсюду замаскированные камеры и дронов. Они уже следят за тобой.

Доставить к замку князя их вызвалась городская стража. Капитан выделил для этого служебный дилижанс, запряженный парой бронзовых лошадей-автоматов с механическим заводом. Как в часах.

Салон был в их полном распоряжении. Лерия растянулась на сидении напротив и меланхолично грызла яблоко. Ранмаро же кусок в горло не лез. Теперь он боялся даже смотреть в сторону девушки. Перспектива еще раз увидеть безликое лицо пугала. И поэтому он смотрел в окно.

Автоматы тянули дилижанс плавной рысью, транспорт не трясло и не раскачивало. И грунтовая дорога была ровной и практически прямой. Не поездка, а сплошное удовольствие — в этом Ранмаро старательно себя убеждал. И мысленно неизбежно возвращался к словам девушки.

— Ты знакома с Галеном Джэйдом? — спросил он, когда понял, что просто так отвлечься не получится.

— Нет.

— А ты не боишься, что он отреагирует на тебя... слишком резко?

— Нет, — уверенно ответила Лерия. — Он князь Первого Дома Джэйд. Такие как он знают о таких, как я. Знают и по возможности защищают.

— Поэтому ты называешь Раббена своим сюзереном. Как вы встретились?

— Он забрал меня у матери сразу после моего рождения.

— И кто же она? Сколько тебе лет?

— Ты ведь понимаешь, что Раббен спас мне жизнь? Ты правда так торопишься узнать, кто именно из твоих родственников едва не подверг меня эвтаназии? Назову возраст — и ты сразу начнешь предполагать, кто это был. Заподозришь даже отца и тетку.

Ранмаро вспыхнул — и сразу же поник.

— Они бы не стали... — ответил он без должной уверенности. Но потом взял себя в руки.

— Они бы не стали. Дети с физическими пороками рождаются, и многие родители любят их. Искренне.

— Ну если ты в это веришь, — ирония Лерии больно резанула парня.

— В то, что отец или тетя полюбили бы тебя? Или в то, что это вообще возможно?

— В первое, разумеется. Ведь нашелся человек, который позаботился обо мне. Но ты должен помнить, что твой отец, например — фелкамел по воспитанию. С характерным образом мышления.

— Ты можешь быть моей родной сестрой? — прямо, в лоб спросил Ранмаро.

— Нет, — сразу ответила Лерия. — Если бы моей мамой была Ришари, я родилась здоровой. Такие мутации, как у меня, появляются в результате близкородственных связей между фелкамелами. А учитывая, что Великие Дома тщательно следят за чистотой своей крови... Представляешь, как часто рождаются мутанты? Ты считал себя последним из Дома Лэйт, но по факту у тебя полно дальней родни в других Великих Домах. Ты помнишь, что твоя бабушка — мать Валерии и Кристиана Лэйт — Белатрисса Бронзлевен? Праправнучка Фридриха Бронзлевен? А Лэйла — дочь Рагнара Столсанга, племянника Крэйна Столсанга?

— Что?!

— Ах да... Я забыла. В Великих Домах не принято вспоминать о кровных связях с другими Великими Домами. Ты, видимо, знал только, что твою бабушку зовут Белатрисса?

— Да, черт возьми! — практически заорал Ранмаро.

Лерия вздохнула.

— Как бы я хотела родиться в твоём мире... Мире радужных иллюзий.

Глава 97. Узник кукольного домика и предвестия бури

Поместье Галена Джейда было окружено виноградной изгородью, за которой по всему периметру возвышались стройные кипарисы. А за ними виднелась зеленая черепица крыши самого поместья, и шпили громоотводов с флюгерами в виде грифонов. Дилижанс остановился у ажурных бронзовых ворот, возле которых дежурил высокий автоматон, облаченный в изумрудно-зеленый мундир с серебряными пуговицами. В бронзовой маске лица не было подвижных элементов, немигающие глаза из зеленого стекла не выражали ни единой эмоции. То, что Ранмаро издали принял за серебряный капюшон, оказалось завитой в тонкие косички проволокой металлических волос. Правой рукой привратник сжимал алебарду, а в левой у него была зеленая треуголка, которой он хлопал по бронзовому бедру, отбивая незамысловатый ритм. Когда Ран и Лерия вышли из дилижанса, автоматон отточенным движением надел треуголку и стукнул пяткой алебарды по серой брусчатке.

— Добро пожаловать в дом Его Светлости князя Галена из Первого Дома Джейд, — провозгласил он гулким металлическим голосом. — Кто вы и какова цель визита?

— Ранмаро из Великого Дома Лэйт прибыл с визитом вежливости, — ответила Лерия. — Он желает выразить свое восхищение достижениям Его Светлости Галена Джейда в деле управления этими прекрасными землями.

Ран покосился в сторону девушки. Ничего подобного он не желал и вообще не понимал, что они здесь делают.

Автоматон ничего не отвечал примерно минуту, а потом из скрытого динамика прозвучало:

— Его Светлость ждет Вас. Проходите.

Когда они прошли сквозь ворота, им навстречу уже со всех ног неслась живая серебряная статуя — девушка-автоматон с изумрудными глазами. Она резко затормозила в паре метров от Рана и Лерии, слегка проскользив по брусчатке на своих тонких шпильках.

Ранмаро мысленно ахнул — механическая служанка была собрана из мелких и точно подогнанных друг к другу серебряных пластин, точно повторяющих форму человеческого тела. Одежда тоже была металлической и по сути представляла собой подвижную пластинчатую броню в виде женского платья. Каждое движение автоматона сопровождалось мелодичным скрипом и звоном, словно она была ходячей музыкальной шкатулкой.

Механическая девушка присела в реверансе и жестом, породившем новую мелодию, без слов предложила им проследовать за ней. Аллея к особняку из серого камня была усажена дубами и яблонями, по бокам длинных скамеек с нависающими сверху железными фонарями пестрели красные, желтые и синие розы. Автоматона на мгновение остановилась, сорвала синюю и вручила ее Лерии. Ран увидел, что роза без шипов; Лерия провела пальцами по бутону и поднесла его к губам, совершая неглубокий вдох. Он вспомнил, как именно девушка ощущает запахи, и задумался о том, как у нее получается так незаметно дышать — учитывая отсутствие носа. Попробовал сам и понял, что нужно только едва-едва приоткрыть губы.

Последние сто метров аллеи охраняли бронзовые грифоны. Могучие механические создания, создатель которых сумел объединить в одно целое анатомическую достоверность львиного тела, орлиных крыльев и головы — и механизм, способный приводить в движение их массивные тела. Каждое перо в крыле было отлито отдельно и двигалось, когда грифон

шевелил крыльями, приветствуя гостей. Когти и клюв были выкованы из стали с синеватым отливом и покрыты сложной гравировкой.

Увидел Ранмаро и других автоматов: дворника, метущего под окнами; садовника, колдующего над клумбой в дальнем конце сада; двух игроков в шахматы — они заняли одну из беседок; двигались головы горгулий на карнизе здания.

Не было видно ни одного живого человека.

И вот они подошли к массивным дверным створкам. Четыре метра в высоту, три в ширину — настоящие ворота. Они были из черного дерева и покрыты бронзовыми барельефами грифона на левой створке, и пса со змеей вместо хвоста на правой. Когда они повернули свои головы в сторону Ранмаро и Лерии, стало ясно, что и тут не обошлось без сложной механики.

Створки бесшумно распахнулись, и механическая служанка мелодичным жестом пригласила их войти.

Внутреннее убранство особняка полностью соответствовало несимметричному фасаду с разнообразными башенками, надстройками и пристройками. Холл был разделен условной кривой, по одну сторону которой преобладали черное дерево и красный цвет, а по другую — бронза и зеленый. По центру лестницы из белого мрамора, ведущей на второй этаж, струилась зеленая ковровая дорожка. По ней как раз спускался автоматон в черном костюме и белых перчатках. Видимо, дворецкий.

— Приветствую Вас в родовом гнезде Первого Дома Джэйд, достопочтимый Ранмаро из Великого Дома Лэйт. И вас, его непредставленная спутница, — у этого автоматона был вполне живой человеческий голос. — Господин Гален ожидает в столовой. Позвольте вас проводить.

— Да, конечно, — сбивчиво ответил Ран. Он продолжал испытывать нехарактерную для себя растерянность.

— Не желаете освежиться с дороги? Луна проведет вас в туалетную комнату, — дворецкий взглядом указал на служанку.

— Да, конечно, — повторился парень, обнаружив, что Лерия отступила назад, частично скрывшись за его спиной. Как только они оказались внутри особняка, она оставила всяческую инициативу, словно передавая все решения в руки Рана. И видимо, совсем не случайно не торопилась представляться.

Приведя себя в порядок, Ранмаро в сопровождении Лерии был препровожден в столовую. По пути он обнаружил еще трёх автоматов их числа прислуги. И заподозрил, что князь живет в одиночестве, окруженный механическими куклами.

Когда дворецкий распахнул перед ними двери столовой, Ран с облегчением обнаружил первого живого человека из числа прислуги — мужчину в очках и потрепанном зеленом сюртуке. Невысокого роста, сутулый, взлохмаченные ярко-рыжие волосы топорщились во все стороны; клочковатая борода никак не могла определиться с общим направлением роста. Он как раз заканчивал сервировать стол, когда они вошли.

— О, я успел! — с удовлетворением воскликнул мужчина, не зная, куда деть свои руки. Ран рассмотрел сквозь стекла его очков яркие нефритово-зеленые глаза. А когда тот обошел стол, чтобы пожать парню руку, стали видны белые пижамные штаны и зеленые тапочки, надетые на босые ноги.

Осознание пришло за миг до того, как обладатель, вероятно, уникального оттенка глаз энергично затряс его кисть и представился:

— Гален Джэйд к вашим услугам, господин Ранмаро Лэйт! Каким ветром вас занесло в наши края?

— Видимо, восточным, — попытался пошутить парень, и к его удивлению хозяин особняка радушно рассмеялся. А потом немедленно помрачнел.

— Значит, вы были там тридцать третьего числа? — спросил он, пристально всматриваясь ему в глаза. — В Векилах? Я не мог прийти на помощь — по понятным причинам.

— Да, я был там, — подтвердил Ран. — Откуда вы узнали? Вам Раббен сказал?

— Что вы, что вы... Где я — и где он? — с сожалением развел руками Гален. — Чародеи вроде меня узнают о подобных вещах порой невольно.

— Вам ваш Забытый сказал?

— Такой юный, а уже знаете о Забытых? — восхитился князь. — Что и следовало ожидать от наследника Великого Дома Лэйт. Даром времени не теряете, молодой человек?

— Знакомый чародей рассказал, — уклончиво ответил Ранмаро.

— Ясно, ясно. Но вы не один, господин Лэйт. Представьте свою спутницу?

— Лерия, — осторожно произнес парень, не решаясь продолжить. Обернулся к девушке, пытаясь понять, что у нее на уме.

Абсолютно бессмысленная попытка.

— Лэйт, — она пришла ему на помощь тогда, когда затянувшаяся пауза переступила все границы неловкости.

Зеленые глаза Галена округлились.

— Я думал, что Лэйт осталось всего трое... Рад, что нашлась еще одна из славного Дома.

Вместо объяснений Лерия приподняла капюшон. Ранмаро впился в князя глазами, собираясь увидеть реакцию, подобную его собственной. И понял, что Лерия была права насчет представителей Первых Домов.

— О, теперь все ясно, — произнес Гален невозмутимо. Только поправил очки на переносице. — Госпожа Лерия, могу ли я узнать, кто ваши родители? Простите меня за бестактность.

— Нет, — покачала головой девушка.

— Ну, тогда прошу за стол. Я так старался с яичницей, а она уже остыла, наверное, — князь провел их к столу, и Ранмаро увидел на белой скатерти три серебряные тарелки с глазуньей, обильно посыпанной черным перцем. И нарезанный черный хлеб в хрустальной вазочке.

— Прошу прощения за скромное угощение, — Гален всем своим видом демонстрировал, как ему неловко. — Я больше десяти лет не встречал гостей и не держу у себя достойных вашему статусу деликатесов. И готовлю себе сам — не доверяю это дело автоматам. У них нет ни вкуса, ни обоняния, так что они могут запросто испортить блюдо. Роботы Стекланных Башен в этом отношении превосходят кукол, подобных Мраку и Луне, — князь кивнул в сторону дворецкого. — Синтетические аналоги вкусовых и обонятельных рецепторов позволяют им ощущать этот мир даже лучше, чем нам — людям.

— Стекланные Башни — это название спущенных на поверхность Небесных Городов, — объяснила Рану Лерия.

— И прочие города, построенные по их технологиям, — подтвердил Гален, отрезая кусочек яичницы. — Совсем забыл, у меня же где-то был кетчуп! Мрак, будь любезен.

Дворецкий без лишних слов поклонился и покинул столовую.

— А в каком отношении роботы уступают автоматам? — спросила Лерия.

Ран с осторожностью попробовал свою порцию. Оказалось неожиданно вкусно.

— Они могут использовать мистические способности, — ответил Гален абсолютно серьезно. — Но только тссс, — он приложил к губам палец. — Это большой секрет. Об этом не знают даже сами автоматы.

Ранмаро невольно обернулся в сторону ушедшего дворецкого. Узнали бы они это, не отправь его князь за кетчупом?

— Вы здесь совсем один? — настала очередь Ранмаро задавать вопросы.

Гален посмотрел на него с удивлением и непониманием. А потом улыбнулся смущенно и ответил:

— Да, совсем один. Еще двадцать лет назад отослал от себя жену и детей туда, где до них не сможет добраться «Рассвет».

Ранмаро посмотрел на него с неммым вопросом в глазах.

— Они хотели заполучить меня в свои ряды с тех пор, как мне исполнилось одиннадцать лет, — пояснил Гален. — Я ведь последний из своего Дома, и запросто могу унести все знания рода в могилу. И тогда они будут потеряны для империи Отори Дзяко.

Ответом ему был очередной немой вопрос.

— О, это настоящее имя императора Сигурда. Дзяко из Первого Дома Отори. О, если бы он попросил меня лично... Если бы Дакиэрро действительно правил он, а не эти омерзительные личности из протухших сливок Стекланных Башен, которых собрал вокруг себя Августо — я бы вступил в «Рассвет». Но глаза на реальное положение вещей в империи мне раскрыл еще отец, и с тех пор я могу только искать причины не участвовать в политике. А так как методы «Рассвета» в вопросах вербовки совершенно циничны и беспринципны, мне пришлось стать отшельником. Там, где я скажу «нет», мои друзья и члены семьи либо скажут «да», либо сильно пострадают.

— Сочувствую вам, — признался Ранмаро.

— Надеюсь, что вы совершенно искренни, — под пристальным взглядом Галена парень не придумал ничего лучше, чем заняться мелкой нарезкой остатков яичницы. — Потому что мне неясна цель вашего визита. Вы ведь знаете, что за вами уже высланы оперативники «Рассвета»? Они постараются вас захватить. Вы ведь не собираетесь превратить мой дом в поле боя?

У Рана буквально кусок в горле застрял. Лерии пришлось похлопать его по спине.

— Нет, Ранмаро не знал об этом, — ответила она вместо парня. — А вот я знала. И привела его в ваш дом с единственной целью. Нет, совсем не для того, чтобы превратить его в развалины.

— С какой же тогда, госпожа Лерия?

— Всему свое время, ваша светлость.

Князь раздраженно ткнул вилкой в тарелку. Потом смутился подобного своего выражения агрессии, и тяжело вздохнул.

— Что же, мне не поспорить с двумя Рыцарями Света. Вы по праву сильного можете диктовать мне свои условия. Полагаюсь на ваши честь и достоинство.

В этот момент вернулся дворецкий со странным именем Мрак. С серебряным подносом, в центре которого находилась хрустальная вазочка с кетчупом.

— Господин Гален, у ворот ожидают Леопольд Бронзлебен со спутниками. Пять

человек, вооружены и очень опасны. Кетчупа, — автоматон взглядом указал на поднос, — на всех не хватит.

— Будь добр, завари им полыни и добавь в нее побольше валерьянки и пустырника. И липового меда. А мне принеси водки. А чего желаете вы, Ранмаро, Лерия? — Гален без всякого предупреждения перешел на «ты».

— Что-нибудь колюще-режущее.

Леопольд Бронзлебен оказался человеком могучего телосложения и обладателем тяжелого взгляда, сверлящего окружение из-под массивных надбровных дуг. Квадратная челюсть несла на себе печать жуткой травмы, оставившей после себя два уродливых шрама рядом с синтетическим имплантом, заменившем ее левую часть и щеку. Такие же серые пластины закрывали скальп, полностью защищая верхнюю часть черепа. Алая сутана полностью скрывала тело от горла до пят, так что под ней могло быть что угодно — и кибернетические модификации, и силовая броня. На бархатной ткани был отпечатан герб его Великого Дома — золотая рука, сжимающая восьмиконечную фиолетовую звезду. Его сопровождали четыре бойца в закрытой черной силовой броне без опознавательных знаков.

Оставив Мрака где-то позади, Леопольд быстрой уверенной походкой ворвался в столовую, и первым делом впился изучающим взглядом в Ранмаро, словно до этого момента не верил в то, что найдет здесь именно его. Лерия была удостоена лишь долей секунды небрежного внимания, а потом Бронзлебен повернул свою аугментированную голову в сторону Галена Джейда.

— Гален Джейд, — Леопольд пренебрег приветствием, — мое руководство выражает свою озабоченность вашим пренебрежительным отношением к вопросу государственной безопасности. Вы не удосужились сообщить нам о визите столько опасной для империи персона, как наследник Великого Дома Лэйт.

Князь побледнел. Это мог быть как страх, так и гнев. Или все сразу.

— Смею напомнить, что мне известно об эффективности вашей системы наблюдения, установленной на территории моих владений с моего согласия. Я не обязан откладывать в сторону свои дела только для того, чтобы поиграть в своевременного осведомителя, состязаясь в этом деле с искусственным интеллектом.

— Ваше замечание будет принято к сведению. После подробного анализа я вышлю по почте рекомендации, которые позволят в будущем избежать подобного непонимания, — после этих слов Бронзлебен потерял к Джейду интерес и всецело обратил свое внимание на Ранмаро, который прятал под столом непроизвольно сжавшиеся кулаки.

— Ранмаро Лэйт, вы приглашены на собеседование в региональную штаб-квартиру «Рассвета». У нас есть к вам пара вопросов.

— Вакенприх является зоной ответственности Раббена Тоттенгрибера, — напомнила о себе Лерия. — Как и любая другая территория, сохранившая управление со стороны Первых Домов. А я почему-то не вижу у вас платиновых крестов, — девушка извлекла из-под плаща небольшой крест из белого металла на стальной цепочке, в центре которого был отчеканен человеческий череп.

— Если бы не череп на твоём кресте, я мог бы посчитать, что ты его украла, девочка, — с раздражением ответил Леопольд. — Потому что как еще объяснить тот факт, что тебе неизвестно об исключении Раббена Тоттенгрибера из рядов «Рассвета». Прямо сейчас

происходит полная реорганизация Смотрителей, а мои коллеги проводят допросы обнаруженных Могильщиков. Рад, что вместе с Лэйт доставлю в штаб-квартиру еще одну.

— Рассчитываешь на повышение? — Ран не собирался цедить это сквозь зубы. Но так получилось.

— Если вы откажетесь проследовать со мной, мне придется применить силу. Привожу к вашему сведению, что данное здание уже находится в прицеле пары штурмовиков, а через несколько минут окажется в зоне досягаемости ракет ударного корвета. Мы отдаем себе полный отчет в том, какую опасность вы представляете.

— Странно, что император не прибыл сюда лично, — усмехнулась Лерия.

— Твоя ирония только подтверждает нашу обеспокоенность деятельностью вашего подразделения, — последовал мрачный ответ Леопольда. — Не так-то просто принять факт внутреннего предательства после десятилетий общей борьбы за правое дело.

— Ты понимаешь, что скорее всего не выйдешь отсюда живым? — спросила девушка, касаясь пальцами края капюшона. Ее голос звенел яростью.

— Никто никого не будет убивать, — предостерег Ранмаро. — Мы пообещали господину Галену.

— Мы ему ничего не обещали...

Гален Джейд, приободренный было заявлением Рана, ответил Лерии возмущенным взглядом.

— Из какого ты Дома, наглая девчонка? — разозлился Бронзлебен. — Тебя нет в базе данных Могильщиков.

— Ты будешь удивлен, — оскалилась она. И судя по реакции Леопольда на форму ее зубов, совершенно зря.

— Только не говори, что ты одна из этих, — с отвращением произнес он.

Лерия зарычала по звериному, и Ранмаро едва успел схватить ее за плечо прежде, чем она сделала шаг вперед. Стальные мышцы под белой тканью заставили его усомниться в осмотрительности подобного решения.

А потом в столовой возникла синяя рамка портала, из которого вышел заметно раздраженный Раббен Тоттенгрибер.

Последовала продолжительная немая пауза.

— Вы не спешили, господин Тоттенгрибер, — нарушил тишину Гален Джейд. — Я уже начал бояться, что вы не успеете предотвратить грядущее побоище.

— Был немного занят, — ответил Раббен холодно. — Лерия, нам предстоит серьезный разговор.

Судя по застывшему выражению губ девушки, подобного развития событий она не ожидала. Потом она повернулась в сторону Галена Джейда и произнесла с долей нескрываемого одобрения:

— Не ожидала, что вы свяжетесь с мастером напрямую, господин Джейд. Думала, что у вас не хватит решительности.

— Не стоит недооценивать чародеев, юная госпожа.

Раббен приветствовал Ранмаро коротким кивком. А тот вспомнил, что Тоттенгрибер спас Крэйна Столсанга от справедливого возмездия. Так что никак нельзя было сказать, что он рад его прибытию.

А затем наступила очередь Леопольда Бронзлевена.

— Я забираю этих молодых людей, — сообщил агенту «Рассвета» бледный чародей. —

Убедительно прошу не причинять никаких беспокойств его светлости Галену Джейду. Раньше я не мог предотвратить вмешательство организации в его личную жизнь, но теперь, когда император объявил меня персоной нон-грата в империи, я могу защищать свои права — и права любого представителя Первых Домов — путем применения насилия.

— Это приведет к гражданской войне.

— Я бессмертен и мне все равно.

— Господин Раббен! — Гален не смог сдержать изумленного возгласа. Ранмаро же только убедился в том, что друзья и враги столетиями недооценивали Раббена Тоттенгрибера.

— Будь по-вашему, — Леопольд отступил, поднимая руки вверх в символическом жесте капитуляции. — Не вижу смысла здесь и сейчас связываться с Гвардейцем.

— Мудро. И бессмысленно в исторической перспективе, — безразличным тоном ответил Раббен. — Ранмаро, Лерия — вы предпочтете отправиться со мной или решите ускорить развитие событий? Сейчас или позже — хаос грядет.

Глава 98. Лабиринт

Виктория, накрыв лицо ладонью, смотрела сквозь тонкие пальцы на лазурный небесный свод. Солнце зависло в зените и жгло просто немилосердно, заставляя жалеть о забытой в лагере соломенной шляпе. Девушка сама от себя не ожидала внезапного решения бросить все и пересечь океан между Судо и Дакиэрро, но что случилось, то случилось. Не будь Кирина, у нее было бы время подумать, но его возможности пьянили, внушали ложное ощущение всесилия и неуязвимости. И что теперь? Она застряла посреди океана. Пролетела на спине мистического существа из далекого прошлого сотни километров, но стоило ей увидеть эту колонну из черного железа, торчащую посреди водной глади, как все силы — и физические, и моральные — иссякли, и Кирина, стремительно уменьшаясь, опустил ее на плоскую вершину, чтобы вернуться в состоянии мерцающей лунным светом татуировки. Виктория не могла даже коснуться Врат, чтобы восполнить мистическую энергию. И оказалась во власти всеобъемлющей апатии.

Исчезновение Ранмаро и Юрики было обнаружено через час после восхода солнца. Встревоженный Римпо Лу сообщил Мэй о том, что некто крайне могущественный усыпил его посреди ночи, и когда он пришел в себя, то нашел рядом следы Юрики, которые обрывались посреди пустого пространства. Других следов не нашлось, но прибывшие на место происшествия Мэй и Просперо подтвердили факт присутствия сильного чародея. И обнаружили след от портала, через который и прошла ее малолетняя тетка.

Никто не смог сказать, куда вел этот портал. Никто не мог сказать, где теперь нужно искать Юрику.

Так же Мэй сообщили, что над Южным океаном в течении нескольких часов наблюдалось необъяснимое атмосферное явление — многокилометровые полосы золотого света, соединившие кривыми ломаными линиями побережья двух материков. Когда об этом стало известно Виктории, она ни на секунду не усомнилась в том, что ее брат отправился в Дакиэрро. Зачем?

Виктория вспомнила пощечину, которую отвесила брату, и до боли стиснула зубы. Как она могла сорваться на него? Как она могла поддаться обиде? И вот теперь Ран во власти эмоций совершил едва ли не первый по настоящему безрассудный поступок в своей жизни — и теперь девушка может надеяться на то, что с ним ничего не случится во владениях Сигурда.

Так же агенты «Стаи» доложили о необъяснимом феномене, отрезавшем Эрту в центре Судо от всего остального мира. Целый город с предместьями накрыло непроницаемой пеленой тумана, в котором видимость пропадает на расстоянии вытянутой руки. Связь с городом пропала, а любой попытавшийся пройти сквозь туман неизбежно сбивался с дороги и возвращался обратно, не в силах объяснить, где и когда развернулся на сто восемьдесят градусов. Любой транспорт, въехавший в туман, глох через считанные минуты. Виктория вместе с Мэй и Просперо пришли к выводу, что именно там находится Дженази, но никто не мог толком объяснить, что происходит в Эрте.

Пришла новость и о Ришари. В Судо последний раз она была замечена в Эведеле две недели назад, где по необъяснимой причине убила девушку. Республика Криа находится под контролем Серебряной Стаи, и ее региональный руководитель не стремился распространять информацию о данном инциденте. Только приказ Мэй о поиске Богини Юга заставил его

нарушить молчание.

Осведомители из Вердиرو доложили о непроверенной информации, согласно которой Ришари отправилась в Дакиэрро.

Так же из Вердиро дошел слух об исчезновении Кенсэя. А также просто невероятная и абсурдная новость о войне, которую Глория объявила Федерации. О которой самим гражданам Федерации никто не спешил сообщать. Сам Белгорро по прежнему оставался в Олимпии — хотя теперь, после исчезновения Кенсэя, лишь вопрос времени, когда он отправится на восток материка.

Осведомители из Дакиэрро сообщали о неожиданном конфликте внутри «Рассвета». Якобы император Сигурд изгнал Раббена Тоттенгрибера, и теперь назревает война между Великими и Первыми Домами. На стороне первых технологии. На стороне вторых — могущество Забытых Богов.

Именно тогда Виктория подумала о том, что в Юрике вполне могли увидеть оружие для подобного противостояния. Представительница Первого Дома Акаяма и дочь Богини Юга в одном лице — серьезная политическая фигура с кулаками, способными расколоть череп существа вроде Шепчущего. Какой-нибудь чародей вполне мог рискнуть и заручиться ее поддержкой.

И тогда перед девушкой предстал выбор: остаться в Суде и найти Дженаси; вернуться в Федерацию, чтобы вместе с мамой и Белгорро остановить Глорию и отыскать Кенсэя; и отправиться в Дакиэрро, где теперь точно находится Ранмаро, предположительно находятся Юрика и Ришари, и вот-вот схлестнутся друг с другом Сигурд и Раббен Тоттенгрибер.

Без лишних раздумий Виктория отправила Просперо в Эрту, а сама запрыгнула на спину Кирина и полетела на запад.

Мэй пыталась ее остановить. Но когда Кирин отделился от тела и окружил девушку многометровой спиралью из белой шерсти, клыков и когтей, сверкающих электрическими разрядами и рассыпающих во все стороны куски льда размером с кулак, всем стало понятно, что никакие виды убеждения тут не помогут.

Виктория намеревалась спасти брата и тетку.

И никак не ожидала, что помощь в итоге понадобится ей самой.

Надводная часть колонны была примерно сто метров в высоту, и в сечении представляла собой восьмиугольник. От края до края плоского торца было метров пятнадцать — места для одного человека более чем достаточно. На шероховатой железной поверхности было множество мелких вмятин, словно колонна подверглась массивному обстрелу снарядами разной величины, врезавшимися в нее с разной скоростью и под разными углами. Палящее солнце едва-едва нагревало металл, поэтому Виктории не грозила перспектива поджариться здесь, словно на сковородке. А вот превратиться в высушенную мумию — запросто.

Три часа она провела на вершине колонны, прежде чем поняла, что черное железо вытягивает из нее мистическую энергию. И не только ее. Тело оставалось вялым и непослушным, мысли — тяжелыми и неуклюжими. Виктория попыталась вспомнить, на каком расстоянии от артефакта она попала под его негативное влияние, и остановилась на трёх-пяти километрах. И безумная мысль прыгнуть вниз, в серо-синие воды, после этого стала просто самоубийственной — Виктория не сможет отплыть от колонны настолько

далеко.

Или сможет?

Какова вероятность того, что она просто не разобьется о соленую воду?

Какова вероятность того, что там внизу не скала, скрытая от глаз морскими волнами?

И как долго она сможет протянуть без еды и воды, прежде чем поймет, что единственный шанс спастись, рискнув своей жизнью, уже упущен, и сил на преодоление зоны влияния колонны не хватит точно?

Виктория ткнула острием меча в черный металл. Сталь оставила на железе крохотную царапину. Потом подошла к краю колонны и посмотрела вниз, только на этот раз объектом ее внимания была сама поверхность странного объекта. И она увидела то, что ожидала увидеть: тут и там в металле были вмятины куда более глубокие, чем на торце. Кое-где — метровые зарубки где с острыми, а где и с оплавленными краями.

Расстояния между некоторыми вмятинами составляли больше десяти метров. Представив, как будет падать в надежде зацепиться за зазубренный край металла кончиками пальцев, девушка отчаялась. И почувствовала, как ее с непреодолимой силой клонит в сон.

— Если я здесь усну, то больше не проснусь, — прошептала она без всяких «если». И отложив меч, легла у самого края площадки — чтобы собрать всю себя в едином волевом порыве и свалиться с колонны, вцепившись пальцами в теплый металл.

Обутая в плетеную сандалию нога шаркнула по железу, не найдя опоры — до нее было чуть больше тридцати сантиметров. Овальная впадина глубиной в половину фаланги пальца. Пологий край оставлял мизерный шанс зацепиться при падении. Один на миллион.

Сделав глубокий вдох, Виктория разжала пальцы — и полетела вниз. Похожая на призрак надежды опора пронеслась перед глазами, и девушка в последний момент скорректировала траекторию скользящей по металлу ладони и левой руки.

Резкий рывок, мышцы беззвучно застонали, сообщая, что теперь вес всего тела приходится на кончики трех пальцев, буквально слившихся с железом. Виктория выдохнула — и улыбнулась. Она сделала первый шаг. Смогла.

Невольно подумала о том, чтобы сказала Юрика при виде данной картины. Уж точно бы придержала свой ядовитый язычок за зубами — ее племянница совершает невозможное.

«Дура, ты бы хоть осмотрела другие стороны колонны, — прозвучал у нее в голове воображаемый голос Юрики. — Вдруг там удобнее спускаться?»

— Тебе легко говорить, — прошептала Виктория, вновь расслабляя пальцы и отправляясь вниз со скоростью свободного падения. — Я бы просто не доползла до другого края.

На этот раз опорой стала зазубрина от чего-то острого, прогрызшего железо на четырехсантиметровую глубину. Край оказался острым, и девушка порезала пальцы.

Черное железо окропило кровью.

«Ага, там наверху у тебя сил не было, а сейчас смотри — ставишь рекорды силы, ловкости и выносливости,» — съехидничал воображаемый голос.

— Я тогда еще не знала, что они у меня остались.

«И поэтому ты решила поставить жизнь на кон? Сорвать большой куш с песком в карманах? Ты с таким подходом часто в карты выигрываешь?»

— Не люблю азартные игры. Не люблю полагаться на удачу.

«То-то я смотрю, как ты все здесь хорошо рассчитала. Со стопроцентно гарантированным успехом».

— Если у какого-то события есть ненулевая вероятность случиться — то оно случится со стопроцентной вероятностью, — улыбнулась Виктория, падая и цепляясь в очередной раз. — Вопрос лишь в том, где и когда.

«Ну бред же,» — улыбнулась воображаемая Юрика.

— Ты — дочь Ришари и племянница Дженази, внучка Кенсэя и Глории. Две недели назад ты была обычной девчонкой, а теперь — обладательница двух мощнейших мистических способностей, победительница элитных воинов Дакиэрро, Кандидатов в Гвардейцы и богов из иных измерений. Какова была вероятность того, что все это случится с девчонкой из сиротского приюта?

«Эй, ты не путай. Это другое. Я ведь не из вакуума взялась, моему рождению предшествовал ряд событий, который и определил мою сегодняшнюю реальность. В конечном счете не от меня все зависит. Если бы не дядя, где я была?»

— Твою сегодняшнюю реальность определяешь ты сама, — выдохнула Виктория. На этот раз расстояния между опорами хватило, чтобы зацепиться за железо руками и ногами. Теперь можно было позволить пальцам отдохнуть.

Правая нога отозвалась тупой болью — напомнил о себе недавний перелом, о котором она вспомнила только сейчас. Когда раздробленная кость успела срастись настолько, что она перестала обращать внимание на свою хромоту? Видимо, когда к ней пришел на помощь Кирин.

«Не останавливайся!» — громкий крик воображаемой Юрики сбросил девушку вниз, и она просто вслепую нашла новые опоры.

Обезумевшее сердце, по ощущениям, оставило трещину в ребрах.

— Ты что, мать твою, творишь?! — прорычала Виктория, приходя в себя после ощущения мига пустоты бесконечного ужаса.

«Жизнь тебе спасаю, дура. Не расслабляйся! Кстати, моя мать — это твоя бабушка, так что легче на поворотах».

Зарубка, за которую Виктория вцепилась на этот раз, оказалась косой. Кровоточащие пальцы начали скользить по зазубренному краю, еще глубже разрывая кожу и мясо. Еще немного — и она услышит скрежет железа о собственные кости.

«Просто. Не. Останавливайся».

Виктория разжала пальцы. Новая опора, новый рывок и удар. Новый удар болью по нервам.

«Боли нет».

— Да вот она...

«Боли нет. И крови нет».

— Ты еще скажи, что и этих острых краев нет. И самих вмятин в железе. И самой колонны.

«Так ведь и тебя тоже нет».

Виктория только усмехнулась в ответ — и ее накрыла волна иррационального ужаса.

«Ты всего-лишь одно из бесконечных отражений Кирина в бесконечной плоскости пространства-времени, пересекающей саму себя во множестве измерений. Ты можешь только догадываться, что он такое на самом деле. Ты видела только его часть, твой мозг всего-лишь интерпретировал его облик согласно твоему собственному видению Вселенной. Виктория Лэйт — просто его отросток, проросший из прошлого в будущее. Ты думаешь, что он помогает тебе, прибыв из иной эпохи — но на самом деле ты просто используешь свою

собственную силу, не понимая, что вся твоя сила, вся ты — только его частичка. Мелкая и ничего не значащая».

Дыхание Виктории остановилось. Грудные мышцы окаменели, не позволяя легким расправиться и впустить в себя новую порцию воздуха. В мозг впилося ощущение бессмысленности ее собственного бытия. Жива она или мертва — какая разница?

Боль в пальцах стала настолько же невыносимой, как и желание разжать их, чтобы закончить все это. И тут же напомнил о себе весь фасад ее тела, которым она с вынужденной небрежностью скользила по шероховатому металлу. Расцарапанные лоб и щека, грудь, живот и колени. Тонкий хлопок одежды стирался и рвался на каждом новом рывке вниз, превращая новую ткань в лохмотья.

— Только с утра переделалась в новое, — прорычала Виктория, оплакивая красивую белую футболку с золотой вышивкой — личный подарок одной из офицеров Стаи.

Она посмотрела вверх, чтобы оценить пройденный путь. Пятнадцать метров из ста. Одна шестая.

«6,666666...» — уточнил воображаемый голос.

Виктория уткнулась лбом в черное железо. Закрывает глаза.

«Не останавливайся,» — спокойным тоном напомнила Юрика, и девушка внезапно осознала, что голос, доказывавший ее собственное небытие в качестве самостоятельной личности, принадлежал совсем не ее малолетней тетке.

Но тогда чей это голос?

«Дура, это все твои воображаемые голоса, — сказала воображаемая Юрика. — Ты, главное, Ранмаро и Просперо не представляй. А мать твою тем более. Услышишь только ее сетования на беспутную и дурную дочь».

Виктория раскрыла глаза — и внезапно увидела вырезанную в железе надпись на верди: «Мысль изреченная есть ложь».

— Откуда?.. — только успела выдохнуть Виктория, как в вершину железной колонны ударила молния.

Девушка не собиралась обниматься с металлическим столбом в грозу — но так сложились обстоятельства. Ее спасли габариты этого проводника, но ударило все равно неслабо. И она полетела вниз — словно сбитая с ветки выстрелом куница.

Тридцать метров свободного падения — и пальцы зацепились за глубокую округлую выемку — как-будто след от вольфрамовой сферы, вдавленной в железо мощным прессом. Подтянувшись, Виктория ухватилась за край и второй рукой.

«Еще пара таких ударов молнией — и ты будешь внизу».

— Да пошла ты... — окончание фразы завершилось совершенно нецензурным выражением.

— Извини, я не хотела, чтобы тебе было больно, — раздался над головой извиняющийся мелодичный голос.

«Еще одна галлюцинация?»

Виктория задрала голову — и увидела над собой Ришари. Она стояла на поверхности колонны, начисто игнорируя гравитацию.

— Бабушка?

Фиолетовые глаза Ришари гневно сузились.

— Однажды, когда ты помчишься за тысячу километров на помощь своей родной кровинчке и в качестве благодарности услышишь «Привет, бабуля» — ты поймешь, о чем я

сейчас думаю, — произнесла она, наклоняясь к Виктории, чтобы взять ее за запястья и оторвать от черного железа. Потом притянула и обеими руками прижала избитое тело внучки к груди.

— Откуда мне знать, зачем ты здесь оказалась, — слабым голосом ответила Виктория, вдыхая нежный аромат фиалки, смешанный с резким запахом озона в пропорции один к четырем. — Тебя ведь не было рядом, когда мы сражались с Шепчущими.

— Ты переоцениваешь их угрозу. И в то же время недооцениваешь. Это был ваш бой, в моем вмешательстве не было смысла.

— А сейчас он есть, значит?

Ришари спрыгнула вниз — и морская гладь встретила их подобно упругой резине. Океан прогнулся под ногами сестры Дженази, не намочив ее босых ног — и выгнулся обратно, чтобы снова вернуться на противоположную сторону графика колебательной функции. Семь секунд затухающих колебательных движений — и вода под ними наконец приняла форму ровного и гладкого зеркала.

— Да, есть. Ты бы смогла выбраться из негативного поля копья Хва-Нру-Зога, но уже не такой, как прежде. Совершенно другой. Ты даже не представляешь, насколько сильно оно может вывернуть человеческую психику.

— Так это все оно? — Виктория вспомнила свой диалог с воображаемой Юрикой, и с облегчением выдохнула.

— Да, — ответила Ришари. — Оно создано как канал для подпитки Сердца Мира Тейзой энергией Вселенной. Своего рода игла космической капельницы. И ты едва не стекла по ней, словно капля физраствора, в бездну небытия внутри ее сверхсознания.

Викторию передернуло от ужаса.

— Для чего оно вообще нужно?

— Я ведь уже сказала — для подпитки Сердца Мира. Его восстановления. Слишком много энергии было израсходовано в сражениях прошлого. Но хватит вопросов. Тебе нужно поспать.

— Но я не... — Виктория хотела было сказать, что не хочет спать — и отключилась, так и не завершив фразу.

Ей снилось, что пришедшая на помощь Ришари — всего-лишь очередная иллюзия, и она по прежнему цепляется за вмятины в черном железе, через боль и страх спускаясь к спасительной поверхности океана. В этом сне она спрыгнула в воду, когда до нее оставалось десять метров — в ожидании, что может удариться о подводные камни. Понадеялась на прочность своего тела. Но под водой не оказалась ничего, кроме пугающей глубины. И истинные размеры колонны остались для Виктории неизвестными.

Она доплыла до границы негативной зоны копья Хва-Нру-Зога, преодолевая саму себя. Побеждая саму себя. Пять километров вольным стилем, с рассеченными и разбитыми пальцами и ступнями. Морская соль приятно щипала открытые раны, обещая скорое исцеление. Еще немного — и окажется там, где на помощь придет Кирин с его властью над водой и воздухом.

И когда Виктория оставила негативную зону позади — сон внезапно оборвался. Она проснулась посреди морских волн, держа себя на плаву совершенно подсознательными

движениями. Ришари рядом не было. Ее вообще нигде не было — как колонны из черного железа. Видимо, артефакт теперь был так далеко, что остался за горизонтом.

— Ришари! — крикнула Виктория, ощущая возвращение мистической энергии. Опустив ладони на воду, она представила ее твердость — и использовала в качестве опоры, чтобы поднять на поверхность все тело. Оперлась о воду ступнями — и выпрямилась в полный рост.

— Ришари! — крикнула она громче. И не услышала ответа. Как и не заметила нигде блеска белых волос.

Колонны не было видно и с такой высоты обзора. Виктория призвала Кирина и взлетела на нем в небо.

Ужас охватил ее, когда девушка осознала, что рядом нет никакого черного столба стометровой высоты.

— Мне что, это все приснилось? — спросила она у пространства, и тут же пожалела об этом — испугалась, что услышит воображаемый голос Юрики. Или еще чей-то.

Но чего-то не хватало.

Виктория с удивлением осознала, что ей не хватает веса меча с ножнами. Его не было на поясе. Как и самого пояса. Она могла их только снять сама. Даже меч не мог выпасть из ножен самостоятельно.

На пальцах и ладонях не было ни следа от порезов о черное железо. Только старые бледные шрамы, полученные еще в детстве.

На мгновение она вспомнила о глазах Шепчущего, разобравших ее сознание на составляющие. И подумала о том, что могла так и не выбраться из его ментальной ловушки. И все вокруг — лишь его игра с ее мечущимся разумом.

— Нет, — прорычала она. — Нет.

И направила Кирина на запад.

Она должна найти Ранмаро и Юрику.

Глава 99. Ищущий Путь

Просперо вышел из портала, созданного чародеем Эрихом, и своими глазами убедился в существовании купола из молочно-белого тумана, накрывшего Эрту. Мэй, последовавшая за ним, стала рядом. Теперь половину её лица закрывала золотая маска, а волосы она выкрасила в белый и заплела в косички-дреды — чтобы скрыть разницу их структуры и цвета.

— Это его работа, — произнесла она, нервно стуча пальцами по рукояти меча. — Искажение пространства-времени с помощью мистической способности управления потоками воды и воздуха.

— Сила Кирина, — Просперо вспомнил имя Дженази, названное Забытым. — Вы знаете, как попасть внутрь, синьора?

— Я не знаю, зачем он окружил целый город этим туманом, а вы спрашиваете меня, как сквозь него пройти... Здесь пройдет только другой адепт, использующий воду и воздух, и способный манипулировать реальностью. Перед нами замок, для которого есть только один ключ. Не стоило отпускать Викторину.

Просперо задумался. Вспомнил, как обидело решение девушки не брать его с собой в Дакиэрро. Да, он здесь нужнее, но...

Инспектор поспешно затолкал поглубже крамольную мысль. Кто он такой, чтобы позволять себе думать о подобном?

— Для каждого замка найдется своя отмычка, — ответил Просперо, делая шаг навстречу туману неизвестности.

— Мы не знаем, что за ним, — рука Мэй опустилась на плечо инспектора. — Вполне возможно, что отец таким образом защищает Судо от некой угрозы, с которой не способен справиться силой. Вы можете себе представить, что за сила заставила его пойти на такой шаг?

И Просперо представил. Вспомнил невероятную мощь Дженази — и содрогнулся. Кто он такой, чтобы подумать о самой возможности биться плечом к плечу с таким великим воином?

Потом вспомнил его истинный облик — и содрогнулся еще раз. Только сильнее. Тело забило мелкой дрожью.

— Вот видите, — Просперо почувствовал, как его собственный ужас передался Мэй через его плечо по ее руке. В самые сердце и разум.

И тогда он вспомнил, что сказал ему в тот день, когда пришел в себя в юном теле и с рукой, вернувшейся на место.

— Он всего-лишь человек, — ответил Просперо, ощущая, как в тело возвращается тепло уверенности. — А в жизни каждого человека наступает момент, когда ему нужна помощь. Любая помощь.

И сделал еще один шаг вперед.

Рука Мэй, готовая вот-вот соскользнуть с его плеча, сжала пальцы на рукаве его нового плаща.

— О Небо... Я все равно иду с вами. Он — мой отец.

— Я не отпущу вас одних, — раздался за их спинами голос Фредерика Сольеряйна. Древний фелкамел сменил свой потрепанный плащ на черную накидку с золотым

полумесяцем — эмблемой его Великого Дома. Новый костюм-тройка под ней был совершенно белым.

— Ты останешься здесь, — ответила Мэй. — Присматривай за всем. И не беспокойся зря — не факт, что нам вообще удастся пройти.

— Боюсь, что как раз вам удастся... — пробормотал Фредерик, закрыв верхнюю часть лица широкими полями зеленой шляпы — под цвет сапог.

Просперо стало не по себе от его смутной уверенности в их успехе.

— Мой нос чует неладное, — продолжил Сольерин. — А уши слышат шаги забытых богов.

— Забытые запечатаны в своих темницах, синьор Фредерик, — поспешил успокоить его Просперо. — И среди них многие на нашей стороне.

— Я имею ввиду других забытых богов, господин Просперо, — улыбнулся Сольерин. — Тех, кто гораздо старше покровителей Первых Домов. Однажды я встретился с одним из них, и он подарил мне вот это, — Фредерик извлек из внутреннего кармана необычного вида белую игральную кость, в форме которой Просперо узнал двенадцатигранник-икосаэдр. — И сказал, что я пойму, когда придет время передать ее другому человеку. Держите, инспектор.

«Осторожнее, Просперо, — прозвучал в голове Эспозито голос Дзаа-Тхон-Кгара. — Осторожнее с этим».

«Эта вещь настолько опасна? — мысленно ответил Просперо. — Может, тогда мне просто отказаться?»

«От таких подарков не отказываются».

Сбитый с толку словами Забытого, инспектор подставил ладонь, и Фредерик вложил в нее кость. Она оказалась теплой на ощупь. Из неопределенного материала — и без каких-либо насечек на гранях.

— На ней ничего нет. Никаких цифр, — произнес Просперо.

— О, вам стоит ее только бросить, — улыбнулся Фредерик. — Только не делайте этого из чистого любопытства. И по необходимости тоже не бросайте. Вообще никогда не бросайте ее — если вы понимаете, о чем я.

— Не понимаю, — честно ответил Просперо.

— Тем лучше.

Они вошли в туман под крик пролетевшего в небе сокола. Просперо непроизвольно посмотрел вверх, но не увидел даже тени крыла стремительной птицы. А потом туман сомкнулся вокруг них непроницаемой стеной, и остался только путь вперед.

Инспектор с первого шага взял инициативу на себя, и Мэй оставалось только держаться за рукав его плаща.

— Я ничего не вижу, — призналась она, явно имея ввиду не только обычное зрение.

— Я тоже, — ответил Просперо, ощущая внутри мрачное напряжение Дзаа-Тхон-Кгара. Всевидящие глаза Забытого были бессильны перед этим туманом. Он только мог помочь ему отмечать узор камней на сухой земле, которые служили здесь единственным ориентиром. Туман поглощал даже звуки — голос Фредерика, который попытался послужить им своеобразным маяком, исчез, стоило сделать десяток шагов.

Неведение тревожило. Прошло пять минут осторожного шага, и ничего не изменилось.

Просперо начало казаться, что они ходят по кругу. Чтобы проверить это, он наполнил мистической энергией образ копь-яри, и оно возникло в его руке, окрасив туманную завесу лазурью своего электрического свечения. Нити синих разрядов извивались и шипели на зеркальной поверхности прямого клинка, закрепленного на древке из черного ясеня.

Просперо вонзил копь в сухую землю.

— Это им вы ранили Шепчущего в его родном измерении? — спросила Мэй, не скрывая почтительного трепета перед оружием, защитившим мир от чудовищной сущности Извне.

— Да, — будничным тоном ответил инспектор. — И я надеюсь, что оно сможет послужить нам ориентиром.

Заставить себя разжать пальцы на древке оказалось невероятно сложно. Для поддержания формы копь необходимо огромное количество энергии и концентрации, и чем оно дальше от него, тем больше их требуется. Без помощи Дзаа-Тхон-Кгара при бросках просто не обойтись.

«Не бойся, — пророкотал Забытый из своей темницы, — я буду считать шаги и отмечать направление относительно копь. Но чтобы просчитать это пространство, тебе придется создать еще одно».

Просперо прислушался к дрожи в теле. Ощущалась подступающая слабость.

«Сто шагов, Просперо. Вперед или назад — неважно».

И они прошли еще сто шагов.

Эспозито сосредоточился, создавая еще одно копь — совершая еще один акт предельной концентрации мысли и мистической энергии — но пальцы правой руки лишь обожгло ярким электрическим разрядом. Мэй вскрикнула — часть заряда прошла сквозь тело Просперо и ударила девушку. Он едва не разжал пальцы, но в последний момент его остановил голос Забытого:

«Не отпускай!»

— Извините, синьора, — инспектору было стыдно за результат его неудачи. — Я не хотел.

— Все в порядке, — улыбнулась Мэй. — Только объясните, что вы делаете.

— Создаю вторую точку отсчета для нашей системы координат. Нужно понять, по каким законам искажается пространство в этом тумане.

— И для этого вы создаете оружие, способное ранить бога... Уже второе. А вы опасный человек, инспектор Просперо Эспозито.

— И не говорите. Сам от себя не ожидал.

Последовала вторая попытка создать копь. Такая же неудачная.

— Может быть, дело в размере? — Мэй была совсем не в восторге от повторного удара током. — В вашем арсенале есть дротики? Или ножи?

«А это идея, — прозвучал удивленный рокот Забытого. — Действительно, копь ассоциируется у тебя с твоим сильнейшим оружием, и ты подсознательно традишь на него практически всю свою энергию».

Просперо задумался. Вспомнил тот старый каталог холодного оружия, который так сильно увлек его много лет назад. Нагината и яри были именно оттуда. А что еще понравилось ему тогда?

Шпага.

Легкий и длинный меч со сложной гардой, которым можно рубить и колоть — но колоть все же лучше. словно маленькое маневренное копь, идеальное продолжение руки.

Просперо закрыл глаза, представляя образ той самой шпаги с так понравившейся ему плетеной гардой, сосредоточился — и ощутил в правой руке полтора килограмма остро заточенной стали, большая часть веса которой приходилась на рукоять.

Идеальный баланс.

— Красивый, — с восхищением признала Мэй, любуясь синеватыми всполохами молний на серебристом клинке.

Просперо без лишних слов воткнул шпагу в землю.

— Теперь еще одна, — создание клинка отняло у него в пять раз меньше энергии, и инспектор испытал небольшой прилив воодушевления. — Думаю, вы можете остаться у этой шпаги, синьора. Я смогу найти к ней дорогу так же легко, как и к копьё, которое уже оставил.

— Вы уверены? — спросила Мэй с сомнением.

— Абсолютно. Я установлю третий ориентир и вернусь к вам. И тогда мы сможем вычислить направление, которое позволит нам пройти сквозь этот туман.

Девушке оставалось только довериться Просперо. И совершив короткий вдох-выдох, он шагнул в туман, внимательно прислушиваясь к Дзаа-Тхон-Кгару.

«Они двигаются, — сообщил Забытый спустя десять шагов. — И копьё, и шпага. Вращаются вокруг тебя, словно их несет водоворотом».

— Но ведь это я двигаюсь, — осторожно заметил Просперо. И остановился.

«Остановились. Копьё в трехстах шагах слева от тебя. Меч — в пятнадцати шагах впереди».

— Но я не сворачивал.

«Да. Если будешь просто идти вперед, ничего не получится — туман вытолкнет тебя из себя, исказив пространство. Сосредоточься на своем мече, зафиксируй его образ в голове — и иди вперед».

Просперо последовал совету — и через полминуты вышел обратно к Мэй.

— Вернулись? — с надеждой спросила она.

— Еще нет... — и направился в обратную сторону, на этот раз фиксируя в своей голове образы шпаги и копьё одновременно.

«Отлично, Просперо, — одобрительно пророкотал Забытый. — Теперь у нас есть стабильные ориентиры».

Инспектор с облегчением улыбнулся и ускорил шаг.

Через пять минут он вышел из тумана и нос к носу столкнулся в Фредериком.

— Где Мэй? — нахмурился Сольряйн.

«Спроси, сколько времени прошло,» — подсказал Забытый.

— Как давно мы вошли в туман? — послушно спросил Просперо.

— Минут десять назад, — без лишних вопросов ответил Фредерик.

«Время тоже искажается,» — усмехнулся Дзаа-Тхон-Кгар, играя молниями между своих пальцев.

— Нужно отметить границу тумана и держать ее за спиной, — предложил инспектор, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Что? — не понял Фредерик.

«Интересная идея, но боюсь, что туман просто выведет тебя к другой точке внешней границы, — ответил Забытый. — И все пробовать стоит».

На глазах у Фредерика и других бойцов Стаи Просперо воткнул в землю по зыбкой

границе тумана еще пять шагов на значительном удалении друг от друга — и снова шагнул внутрь. Сразу направился к Мэй.

И не обнаружил её там, где оставил.

Забытый выругался. Просперо тоже.

«Не страшно, — спустя пару минут сообщил Дзаа-Тхон-Кгар, — она просто выйдет из тумана».

— Мэй! — крикнул Просперо. — Мэй Квон!

Его крик утонул в плотной белой дымке. Ответа не последовало.

Тогда Просперо вытянул вверх ладонь и выпустил небольшую синюю молнию, разорвав пространство ее сухим треском и осветив его электрическим сиянием.

— Мэй Квон!

«Не трать энергию понапрасну».

Просперо вздохнул.

— Что могло заставить ее покинуть это место?

«Что-угодно. Вероятнее всего, для нее прошло больше времени, чем для нас, и она просто устала ждать».

Предположение Забытого показалось инспектору логичным.

— Хорошо. Тогда я буду просто пытаться пройти сквозь это проклятое место.

Полчаса Просперо бродил в тумане, удерживая в голове местоположение клинков и копья. Но чем дальше он удалялся от них в предполагаемую сторону города, тем сложнее становилась задача. И каждый раз, когда его контроль ослабевал, Дзаа-Тхон-Кгар сообщал ему о смещении меток в пространстве.

Инспектор начал уставать.

«Согласно картам местности, от границы тумана до городской черты около пяти километров, — напомнил Забытый. — Ты прошел примерно половину пути — если направление верное».

— Если, — вздохнул Просперо.

«Впереди что-то есть,» — внезапно рыкнул Забытый Бог.

— Почему вы так решили?

«Туман. Смотри, он течет вперед. словно его затягивает в водоворот. Там, перед тобой».

И правда, присмотревшись к структуре тумана, Просперо заметил, что он начал формироваться в потоки, которые при совершенном безветрии текут вперед, переплетаясь друг с другом причудливой вязью.

«Тебе лучше обойти это место,» — произнес Дзаа-Тхон-Кгар.

— Но что, если это и есть выход?

«Это не выход, Просперо. Это, Бездна его дери, узел реальности. Я понятия не имею, что тебя там ждет. Сейчас покажу...».

И Просперо увидел — Забытый транслировал в его сознание трехмерный образ области тумана вокруг, пронизанной электро-магнитным полем, источником которого было тело самого инспектора. Движение тумана в нем создавало слабые электрические токи, которые он мог видеть благодаря силе своего покровителя — и эти сплелись в замысловатый

подвижный узор, в котором просматривалась вполне четкая и определенная система. Словно потоки тумана переплел между собой кто-то разумный.

— Напоминает орнаменты из книги одного Забытого Автора, — заметил Просперо. — «Кельтские орнаменты». Между прочим, подобные традиции плетения существуют во многих культурах нашего мира.

«На моей родине плетения запрещены, — тихим рокотом ответил Дзаа-Тхон-Кгар. — И мы боролись с ними здесь, на Тейзое. Людям не следует связываться с этой силой».

— Но узел есть узел, верно? — инспектор догадался о причине необъяснимой сдержанности эмоций обычно прямолинейного ному-за-грим.

«Узел есть узел, — согласился Забытый. — Нить есть нить. Если бы мы могли понять все узоры, то не оказались бы здесь,» — он развел руками, указывая на абстрактные стены своей абстрактной темницы.

Просперо задумался. Уже второй раз за день Забытый Бог предлагает ему самому принять решение — потому что самому ему неизвестны последствия выборов. Ному-за-гримм не всеведущи — он понял это в самом начале их необычного сотрудничества. Но завуалированный страх в этом существе наблюдал впервые.

«Я не боюсь, — сдержанно прогремел Дзаа-Тхон-Кгар в ответ на его мысли. — Разумно остерегаюсь неизвестности, которая ждет, между прочим, тебя. Это ведь ты можешь сгинуть на веки вечные. Я здесь останусь при любом исходе — за Вратами».

— Какова вероятность того, что я найду путь сквозь туман, если попытаюсь обойти этот вихревой узел? — прямо спросил Просперо.

«Околонулевая».

— А если впереди есть ключ к загадке этого места?

«Мы не знаем. Это только допущение».

— То есть пятьдесят на пятьдесят?

«Да, шансы высокие,» — подтвердил Забытый Бог с ухмылкой.

И Просперо шагнул вперед — в направлении места, которого страшился бессмертный ному-за-гримм.

Через несколько шагов туман начал рассеиваться, и он различил впереди силуэт человека. Кто-то сидел на большом камне, подперев подбородок рукой — в классической позе мыслителя. Еще шаг — и инспектор оказался в полностью свободном белой завесы пространстве, очерченном правильным кругом туманного водоворота.

Человек на камне поднял на него взгляд своих ярко-синих глаз, и Просперо поразился тому выражению абсолютного спокойствия, сформированного необычными чертами совсем молодого лица. То, что он издали принял за капюшон, оказалось длинными волнистыми волосами золотистого оттенка, свободно падающими на спину и плечи, оставляя открытыми лицо. Облачение незнакомца состояло из серого плаща, синей куртки и зеленых штанов необычного покроя. На ногах были старые стоптанные сапоги. Справа от камня на земле лежала дорожная сумка.

— Добрый день, синьор, — поприветствовал мужчину инспектор.

— Добрый, — с улыбкой ответил ему незнакомец.

— Вы не подскажете, как мне добраться до города? Я заблудился в этом тумане.

— Я здесь как раз для того, чтобы отговорить вас от этой идеи, — вздохнул незнакомец. — Или хотя бы предупредить вас, инспектор Просперо Эспозито — или Сальваторе Анаклето ди Мартино. Так вас назвала ваша мать.

— Габриэлла ди Мартино, — холодно ответил Просперо, ощущая в голове и сердце яростную бурю гнева, радости и скорби. Гнев — потому что этот человек затронул тему, слишком болезненную для инспектора. Радость — потому что он оказался прав, и ответ на загадку прошлого нашел свое внезапное подтверждение. Скорбь — потому что он знал, что произошло с его матерью.

— О, вы знаете, — на лице незнакомца отразилось сожаление и понимание.

— Нетрудно было сложить исчезновение беременной девушки и появление меня на пороге сиротского приюта с разницей в одну неделю, — ответил Просперо. — Ее родственники сказали мне, что она собиралась назвать сына Сальваторе. И раз вы знаете так много моих имен, почему бы вам не представиться?

— Раддар Даррад, — мужчина встал и поклонился.

— Имя-палиндром? Вам не кажется невежливым представляться псевдонимом? — позмутился Просперо.

— Так меня называли родители, — в глазах мужчины мелькнула обида, и инспектор ему поверил.

— Извините.

— Пустое, — отмахнулся Раддар, и сел обратно на камень.

— Откуда вы узнали, что я буду здесь? — начал свой допрос Просперо.

— Мне сказали. Попросили предупредить вас об опасности.

— Кто?

— Этого я сказать не могу...

Инспектор нахмурился.

— Кто вы такой?

— Человек? — Раддар задумчиво взъерошил пальцами густые волосы, и лишний раз закинул их назад.

Просперо хотел было указать, что имел в виду род занятий, но вспомнил свой диалог с Дженази и отказался от этой идеи.

— Какая опасность меня ожидает впереди? Смерть?

«Есть вещи хуже смерти, Просперо,» — произнес Дзаа-Тхон-Кгар очень тихо. Инспектор ощущал, с каким задумчивым вниманием он изучат Раддара Даррада.

— Ответьте мне, Сальваторе, так ли необходимо вам попасть в Эрту? — спросил мужчина.

— Прошу, называйте меня Просперо Эспозито. Или просто Просперо.

— Если только вы не станете называть меня «синьор Раддар Даррад», — улыбнулся мужчина, и инспектор испытал странное чувство де жа вю. Вспомнил свой не такой уже давний диалог с Иваном Рыковым.

— Хорошо, — ответил Просперо, пряча руки в карманы плаща. И вспомнил о странной кости, которую ему подарил Фредерик. Она лежала во внутреннем кармане.

Желание достать ее показалось невыносимым.

— Я предполагаю, что в Эрте находится мой учитель — человек по имени Дженази.

— Это так, — подтвердил Раддар.

— Ему может быть нужна моя помощь.

— Вы уверены?

— Я не знаю...

Раддар Даррад сплел пальцы в замок и опустил на них подбородок.

— Вы не знаете. И вас это не страшит?

— И да, и нет, — честно ответил Просперо.

— Вы понимаете — с учетом всех обстоятельств — что опасность, о которой я вас предупреждаю, может превзойти все ваши ожидания?

Пальцы правой руки начало жечь фантомным огнем — именно ими инспектор намеревался достать кость. И он подчинился этому подсознательному требованию.

— Забавно, — с иронией улыбнулся Раддар Даррад, увидел в руке Просперо белый двадцатигранник. — Весьма и весьма.

— Вы знаете, что это?

— Разумеется. Вы уже бросали ее?

— Нет, — честно ответил инспектор. — На ней нет обозначений.

— Бросьте.

— Зачем?

— Я решу, помочь вам с выбором, или нет.

Просперо колебался лишь пару секунд. Желание проверить, что такого в этом резном куске кости, было слишком велико.

Многогранник практически беззвучно стукнулся о сухую землю, прокатился немного — и остановился. Одна из его граней теперь смотрела точно вверх. Но она по-прежнему была пустой.

— Хорошо, — Раддар снова улыбнулся. — Пусть так и будет.

— Вы их различаете? — удивился Просперо.

— Да, — мужчина ответил с такой позитивной убежденностью, что инспектор решил воздержаться от дальнейших расспросов.

Раддар извлек из внутреннего кармана толстую колоду крупных карт. Гадальных, не игральных.

— Вытяните карту из колоды, Просперо Эспозито. Вытяните — и не показывайте мне.

«А вот сейчас тебе и правда лучше повернуть обратно, парень, — прогремел Дзаа-Тхон-Кгар, сверкая молниями. — Найдем другой путь».

Пальцы Просперо застыли в сантиметре от колоды карт. Тело парализовал ужас неведомого.

Но потом он посмотрел Раддару Дарраду в глаза — и увидел в них белые искорки веселья.

Интерес. Любопытство. Азарт.

И Просперо Эспозито вытянул карту. Взглянул на нее — и спрятал обратно в колоду таким образом, чтобы Раддар не смог увидеть ее значение.

— Ну и что вы решили?

— Прошу, давайте на «ты», — Просперо улыбнулся так широко и искренне, как не улыбался уже очень давно. Так широко он не улыбался даже Ивану Рыкову перед своим отбытием во Фламби.

— Хорошо, — только и пожал плечами Раддар.

— Я иду в Эрту.

Мужчина вздохнул.

— Ну раз так... Вам понадобится проводник.

Раддар скорее спрыгнул, чем встал с камня, и вытянул правую руку чуть выше уровня плеча.

Над головой раздался пронзительный птичий крик, отдаленно напоминающий соколиный. Очень громкий и звонкий.

Просперо поднял голову — и увидел в верхней точке белого колодца, сформированного вращающимся туманом, силуэт огромной птицы с таким размахом крыльев, что они задевали противоположные стороны циркулирующих потоков. Но чем ниже она опускалась, тем меньше становилась, и в конце на запястье Раддара сел хищный представитель пернатого вида с угольно-черными глазами и пепельным оперением. Загнутый клюв был широким и коротким, напоминающим нос хищного зверя, а на голове у него были настоящие уши — не длинные перья, а именно кожистые ушные раковины млекопитающих, как у кошек или собак. Только очень длинные и узкие. И они были покрыты мелкой пепельной шерстью.

— Это Кустос Рё, — представил необычного птицевея Раддар. — Рё, познакомься с Просперо Эспозито. Ему нужно попасть в Эрту. Проведешь его?

Кустос Рё ответил одобрителем криком, вызвавшим болезненный звон в ушах — совсем как после выстрела.

«Ты сошёл с ума, — с бессильной злостью произнес Дзаа-Тхон-Кгар. — Если бы я мог, то уже остановил тебя. Ты видел карту, Просперо. Какого дьявола?!»

— Добрый день, синьор Кустос Рё, — с улыбкой поклонился птицевею инспектор. — Искренне рад вашей помощи.

На карте, которую он вытащил из колоды, была изображена красивая — и печальная девушка в белом балахоне. Белые волосы, черные глаза. С изогнутой косой в руках — на бритвенно-остром лезвии танцевали бледные блики тусклого солнца.

Смерть.

Глава 100. Легендариум Забытых Богов, Истина и сказка Смерти

Кустос Рё рассекал мощными взмахами крыльев туман, рисуя вокруг уверенно идущего Просперо сложные кривые. Каждый лихой вираж птицезверя над головой инспектора, по словам Дзаа-Тхон-Кгара, возвращал пространство-время внутри тумана на положенные ему места, так что теперь, даже не видя, куда идет, Просперо был уверен, что еще немного — и туман окажется позади.

Через десять минут так и произошло. Белая пелена рассеялась, и когда перед инспектором не осталось и клочка тумана, Кустос Рё мягко опустил на правое плечо Просперо, издав нечто похожее на вздох облегчения.

— Благодарю вас, синьор Рё, — произнес инспектор, ощутив, как вместе с туманной преградой рассеивается тревога, так глубоко пустившая корни в его сердце.

«Поблагодари его и от меня, Убийца Гигантов,» — пророкотал Дзаа-Тхон-Кгар.

— Мне не нравится это имя, — ответил Просперо внезапно даже для себя. — Почему бы не изменить его на «Сокрушитель Гигантов»?

«Потому что традиция, парень, — вздохнул Забытый. — Такая же, как и традиция именовать ному-за-грим Забытыми Богами».

— Почему вы забытые, если вас так многие помнят?

Дзаа не нашел, что ответить.

— Что значит ному-за-гримм?

«Дети Сумерек. В сумерках мы были рождены на зыбких гранях Сфер Порядка. Эти измерения, сотканые из игры Света и Тени между Башней Света и Бездной. В свок очередь, Башня Света и Бездна соединены в одно целое Чертогом Искателей — местом, в которое еще не смог попасть ни один Смертный. И говоря Смертный, я имею ввиду не только существ из плоти и крови. И над всеми этими измерениями — и многими другими — стоит Дворец Бесконечности. Замок На Краю Равнины Начала И Конца. На ней идет вечный бой, в котором дано право принять участие лишь самым безумным и отважным. Мы, ному-за-гримм, не смогли заслужить это право, и нашли свой приют на Тейзое. Мы думали, что наше призвание состоит в том, чтобы остановить бой между Изначальными и Неназываемыми. Мы ошиблись и стали узниками собственного тщеславия».

— А что по тут сторону равнины, где вечный бой? — спросил Просперо, изумленный откровением Дзаа-Тхон-Кгара. — Что находится напротив Дворца Бесконечности?

«Лабиринт Отражений, Кузница Цепей, Сады Гнили, Город Часовых Башен. Дом Прах и Серая Стена. Много чего, мой друг. Их обитателей не встретить по эту сторону Равнины иначе как в Казематах Безликих. А тени этих измерений породили Бездну, Чертоги Искателей и Сад Шепчущих. И не только. Мне не дано знать всего, Сокрушитель Гигантов. Быть может, есть что-то выше всего этого. Потому что откуда происходит Судьба? Из Вечного Града, в котором Пряжи плетут под пение Безмолвных? Но где он, Вечный Город? Я не знаю...».

— Может быть, он над Равниной Начала И Конца, — вырвалось у Просперо.

«Устами младенца...» — усмехнулся Дзаа-Тхон-Кгар.

А потом они подошли к городу. Кустос Рё оттолкнулся от плеча инспектора и с мощным взмахом белых крыльев стремительной стрелой взмыл в небо. Просперо проводил его

взглядом — и услышал крик.

Мольбу о помощи, исторгнутую породившими ее страхом и отчаянием.

Он бросился на звук, перепрыгивая через клумбу с гиацинтами, и забежал в ближайший переулок, надеясь успеть разобраться в переплетении местных дворов и улочек.

«Налево! — подсказал Забытый. — Неназываемый напал на Плетущую».

Просперо слегка удивился новому имени, произнесенному Дзаа-Тхон-Кгаром, и послушно свернул в небольшой дворик, в котором человекоподобная тварь размером с ребенка загнала в угол красивую женщину в расцвете сил. Существо было черного цвета, с искаженными формами тела и длинными, очень длинными когтями. Ноги и руки женщины уже были покрыты глубокими порезами, зеленое с белым платье было залито ее кровью.

Неназываемый приготовился к финальному прыжку, и Просперо понял, что просто не успевает. А если он кинет копье, то убьет их обоих.

«Что делать?» — мысленно завопил он Забытому.

«Ускориться, — посоветовал тот. — Запоминай».

И энергия Забытого Бога Грома ударила по мышцам инспектора самой настоящей молнией. Это было больно, очень больно, но болеть тело просто не успевало. Точнее, мозг не успевал реагировать на боль. И Просперо, легко оттолкнувшись от брусчатки, бросил свое тело вперед, вытянув правую руку со сжатой в ней шпагой. Он сам удивился тому, что в такой ответственный момент выбрал именно меч, а не более длинное копье — но это уже не имело значения. Грозовой клинок пронзил сердце чудовища в прыжке, и оно рухнуло к ногам женщины.

«Сила Сокрушителя Гигантов убивает Неназываемых,» — зачем-то напомнил ему Дзаа-Тхон-Кгар.

Просперо и так это прекрасно помнил.

— Сынок! — окровавленная женщина с рыданиями упала на колени рядом с телом монстра, который очень быстро менял свою форму.

Становился обычным ребенком лет одиннадцати.

— Нет... — только и смог выдохнуть Просперо, осознав, что сделал. — Ты знал!

«Конечно я знал, Просперо, — вздохнул Забытый. — Но если бы ты не сделал этого, женщина погибла бы. А его все равно уже было не спасти».

Все чувства и эмоции покинули Просперо.

Не осталось ничего. Ни горя, ни сочувствия. Ни жалости — к женщине, ребенку или самому себе. Только пустота, звенящая в голове ужасом осознания случившегося.

И ему даже некого было за это винить.

— Почему все так? — глухо пробормотал он.

«Тебя предупреждали же, — пожал огромными искрящимися плечами Дзаа-Тхон-Кгар. — Ты мог не идти сюда. Но ты пришел. Это был твой собственный выбор. А я просто не стал мешать тебе спасти человека. У тебя здорово вышло. Не зря я согласился помогать тебе».

Просперо внезапно вспомнил трупы детей в заброшенном доме в Ховине. Наверное, Ичиро просто увидел в тех несчастных Неназываемых. Пусть они и не меняли форму, но что есть человеческое зрение как не самообман? Ему нужно было просто присмотреться к ним. Они же не собирались никого убивать...

«Ты имеешь право оправдываться, Просперо, — вздохнул Забытый. — Все равно ребенка уже не воскресить. А ты хороший человек. И спас жизнь ценой другой жизни.»

Такова жизнь».

— Я не согласен.

«Что?»

— Я не согласен, — прохрипел Просперо Эспозито. — Я никогда с этим не смирюсь.

Никогда.

Забытый из рода ному-за-гримм промолчал. Ему нечего было на это ответить.

«Потому мы и пали до таких низов, — все же усмехнулся он спустя минуту. — Потому что смирились со своими слабостями. Вы, люди, гораздо сильнее нас. И намного страшнее».

— Просперо! — раздался сверху удивительно знакомый голос.

Инспектор поднял голову — и с искренним ликованием в душе увидел Дженази. Которое сразу же сменилось новым приступом горя.

— Вы нашли последнего Неназываемого, — дядя Юрики легко спрыгнул вниз, оказавшись рядом с женщиной и телом ее ребенка. Она так и не выпустила его из своих объятий, рыдая в центре все расширяющегося пятна крови. Впрочем, скоро кровотечение прекратится. Сердце уже не бьется, нечему перекачивать кровь по жилам...

— И убили, — констатировал Дженази.

— Я не знал... — только и мог ответить Просперо.

Что еще он мог ответить?

— Ну, это не навсегда, — сухо улыбнулся дядя Юрики. И опустил руку на плечо женщины, которую Забытый назвал Плетущей. — Позвольте мне вылечить его.

Женщина с изумлением посмотрела в его фиолетовые глаза — и молча кивнула. Глаза ее уже ничего не видели от слез, а из горла не могло вырваться ни единого звука — там засел камень невыразимого страдания.

Дженази улыбнулся — и из его ладоней ударил свет.

Мальчик судорожно вдохнул — и закашлялся.

Просперо оставалось только изумленно наблюдать.

— Вы... воскресили его.

— Именно, — на месте драматических событий появилось еще одно действующее лицо — невероятно красивая девушка с черно-белыми волосами. Глаза у нее были разного цвета — фиолетовый и серый. В руках она сжимала черную косу огромных размеров.

Дженази нахмурился. Женщина и мальчик застыли истуканами.

Время остановилось.

— Ты уже воскрешал сегодня одного человека, — обиженно насупилась красавица, в которой Просперо с дрожью узнал саму Смерть. — Уговор был, что следующего спасешь только через год.

— Плевал я на такие уговоры, — невозмутимо ответил Дженази. — Ты не можешь вмешиваться. Знай свое место.

Смерть только удивленно хлопнула длинными ресницами — и взмахнула косой.

Черное лезвие — чернее безлунной ночи — застыло в сантиметре от шеи Дженази. Дальше не могло двинуться — он держал клинок пальцами левой руки.

— Ну и кто ты после этого? — вздохнула Смерть.

— Твой поклонник, — с улыбкой ответил Дженази, выпуская лезвие косы. — Поэтому ты не можешь меня убить.

— Мерзавец, — улыбнулась Смерть. — Но ты сам знаешь, что умрешь однажды. Я ведь не Абсолют Мироздания.

— Знаю, — Дженази изобразил подобие улыбки. — Можешь рассказать о Раббене Тоттенгрибере, пока у тебя есть время?

— Для тебя у меня всегда найдется время, мой дорогой, — кокетливо подмигнула ему Смерть, неуловимым образом меняя свое глухое закрытое платье на нечто вечернего покроя, с глубоким декольте. — Слушайте...

712 лет назад, Священный Союз Первых Домов Дакиэрро.

Раббен быстро поднялся по деревянным ступеням городской лечебницы и с силой распахнул двустворчатые двери, врываясь внутрь полубезумным ураганом.

— Где?! — гаркнул он на сидящую в регистратуре медсестру, хватаясь руками за тонкие прутья решетки, отделяющие ее рабочее место от вестибюля.

— Князь... — испуганно пискнула молоденькая девчушка, вскакивая со стула и неловко сбрасывая со стола стопку бумаг.

— В какой палате находится Маркус Брикс? — спросил Раббен чуть спокойнее. — Пациент с неустановленным диагнозом?

Перепуганная внезапным визитом медсестра машинально потянулась к картотеке, неуклюже и невпопад перебирая регистрационные карточки, но через минуту опомнилась и выпалила:

— Западное крыло, второй этаж! Его палата в конце коридора... — Раббен ее уже не слушал, направляясь к лестнице. — Простите...

Взбежав на второй этаж, Тоттенгрибер, едва не сбивая оказавшийся у него на пути медперсонал, оказался перед дверью с надписью «Карантин».

— Туда нельзя! — крикнул ему кто-то в спину, и обернувшись, он встретился взглядом с совсем молодым врачом с редкой порослью на подбородке.

— Князь... — узнал его парень и сразу же согнулся в почтительном поклоне.

Раббен потянул на себя дверную ручку, но безуспешно. И тогда он начал яростно колотить в дверь.

— Откройте, черти вас заберите!

— Аманда, открой дверь! — молодой врач поспешил ему на помощь. — Князь прибыл!

И вот дверь открылась. Раббен бесцеремонно отодвинул в сторону пухлую медсестру в годах, потерявшую дар речи, и замер перед очередной дверью, запертой на засов. Для того, чтобы справиться с нехитрым засовом, ему потребовалось несколько секунд — у него дрожали руки.

— Маркуса сейчас осматривает доктор Бернштейн, — сказал на всякий случай молодой доктор.

— Без маски и халата нельзя... — пролепетала медсестра, но ее замечание Тоттенгрибер проигнорировал.

— Это же князь, — мягко напомнил ей доктор, а потом Раббен закрыл за собой дверь и открыл следующую — и только тогда оказался в палате.

— Князь! — в замешательстве приветствовал его доктор Бернштейн, отходя от кровати с единственным пациентом. — Как быстро вы приехали... Я звонил вам всего полчаса назад!

Тоттенгрибер подошел к кровати, на которой лежал спящий Маркус Брикс. На вид ему

было лет тридцать-сорок — определить возраст точнее не позволяли большие темно-серые пятна, густо усеивающие кожу. Они были сухими, кожа в пораженных местах трескалась... и рассыпалась пылью. Раббен осторожно дотронулся к полностью потемневшей кисти больного и с ужасом увидел, как отваливается мизинец и фаланги безымянного и среднего пальца, превращаясь в горсти серой пыли на одеяле.

Тоттенгрибер отдернул руку и придирчивым взглядом осмотрел защитное облачение доктора. Бахилы, халат, перчатки, респиратор, платок... С тяжелым вздохом он покачал головой и вытянул над Маркусом руки с направленными вниз ладонями. Из них ударил яркий белый свет, который в течении нескольких секунд полностью вернул больному его прежний, здоровый вид — вместе с пальцами.

Следующим мистической процедуре подвергся доктор Бернштейн.

— Я тоже... был заражен? — охнул старик, обессилено опускаясь на ближайший стул.

— Да, — ответил Раббен. — Соберите в вестибюле весь персонал, а я пока обработаю остальных пациентов. Сколько их сейчас?

— Сорок два человека... Ничего такого, с чем мы бы не смогли справиться без вашей помощи. Неужели вы считаете, что все они...

— Вся больница заражена, — подтвердил Раббен. — Я уже приказал закрыть город... и все княжество на карантин. Молитесь, доктор Бернштейн.

Этой болезни не успели дать название. Маркуса Брикса лечили от тяжелого воспаления легких, и высокая температура спала на третий день приема антибиотиков. Но страшный кашель не проходил, началось легочное кровотечение. Серые пятна на коже появились на пятый день, и только тогда стало ясно — нечто неведомое пожирает больного изнутри. Нечто невидимое для микроскопа и иммунной системы; серая пыль, в которую превращались ткани организма, не поддавались биохимическому анализу.

Население города Фаубурга, в котором Маркуса поместили в больницу, составляло семь тысяч человек. И Раббен совершил невозможное, исцелив их всех за неделю — делая небольшие перерывы на сон и еду. Но в его владениях проживало пятьдесят тысяч человек. Он надежно изолировал княжество от соседей и словно одержимый на протяжении года метался от города к городу, от деревни к деревне, лечил — только-только зараженных и находящихся на последней стадии распада — и не успевал. Никак не мог успеть. Возбудитель болезни был невидим, им были заражены земля, вода и воздух, и исцеленный им человек заражался вновь считанные часы спустя. Раббен предпринимал самые отчаянные меры для предотвращения подобного — но все, совершенно все было бесполезно. Люди умирали страшной, чудовищной смертью, а он мог только оттягивать неизбежное, даря им последнюю, отчаянную надежду на спасение.

Когда погибших стало больше тысячи, Раббен обратился за помощью к другим чародеям, взывая к ним у Обсидиановых Врат. Но он не зря был известен как самый искусный целитель, среди других не было никого, кто знал и умел больше, чем он. Только чародей по имени Всеволод Бутус смог дать стоящий совет — попросить помощи у хозяев Небесных Городов. И Раббен сделал это, моля небожителей на коленях, забыв о княжеских гордости и достоинстве.

«Мы беспомощны,» — ответили они. И больше не отвечали ему.

Когда Тоттенгрибер в отчаянии разбил радиопередатчик, принадлежавший иной, несравнимо более развитой цивилизации, в его сознании раздался голос того, кто, по его мнению, тем более не мог ему помочь — Забытого по имени Наму-Ар-Зонкон, Бога-Кузнеца:

«Они солгали, — произнес он. — Они могут помочь. Они знают, что это».

— Зонкон... О чем ты говоришь? — Раббен был удивлен тем, что Забытый первый заговорил с ним. До этого дня он с неохотой отвечал на запросы чародея и помогал ему только с чарами общего характера, позволяющими манипулировать пространством. Своей собственной силой, силой Бога-Кузнеца, Зонкон с ним не поделился ни разу.

«Эта болезнь — ее причина не в бактериях, грибках и вирусах. Ее вызывают машины, настолько крохотные, что их невозможно рассмотреть в твой микроскоп. Древнее наследие презренных чи-зо — нанотехнология».

— Как ее победить?

«Есть два способа. Первый — найти машину, которая контролирует нановирус, и отдать приказ о самоликвидации всех этих устройств».

— И где же мне искать ее? — воскликнул Тоттенгрибер. — Ты знаешь?

«Нет. Но ты можешь попытаться выбить силой ответ на этот вопрос — из наследников Чи-Зо, которые живут в Небесном Городе над твоей головой».

— Как? Может быть, я князь, но я не великий воин. Я врач... А даже если бы и был воином, непобедимым и бессмертным — на сражения уйдет так много времени, что после победы мне будет уже некого спасать. У меня нет времени, Зонкон. Нет времени! Каков второй способ?

«Исцелить всех и сразу — людей, землю, воздух... Уничтожить нановирус с помощью твоей мистической способности».

— Ты смеешься надо мной... — прошептал Раббен. — Исцелить целое княжество... С севера на юг, с востока на запад — пятьдесят лиг. Это невозможно!

«Я помогу тебе открыть врата к Сердцу Мира. Возможно, это убьет тебя, но перед этим ты сможешь спасти своих подданных. Ты готов рискнуть?»

— Да, — без колебаний ответил Раббен.

И это произошло — Врата к Сердцу Мира были открыты с помощью человеческой силы воли и знаний Забытого Бога. Ритуал был проведен в центре княжества, в деревенском храме из бревен и с соломенной крышей. Внутри на деревянном полу, застеленном соломой, лежали те, кто уже не мог ходить, а вокруг храма плотным кольцом стояли те, кто только смог и успел прийти к моменту совершения чуда.

Океаны мистической энергии хлынули в тело Раббена, и он, чувствуя, как его разрывает на части и сжигает изнутри, направил ее на исцеление. Такой объем невозможно было сфокусировать в одной точке, и тело Тоттенгрибера вспыхнуло, словно солнце, пронзая своим светом стены храма и накрывая сияющим белым куполом всю деревню. Купол все рос и рос, расширяясь на лиги вокруг, покрывая леса, горы, реки княжества, все его города и деревни. В какой-то момент он даже вышел за его пределы, окатив волной всеобщего исцеления даже соседние земли, излечивая от всевозможных болезней людей и животных — от крупных зверей до мельчайших насекомых. Этот мистический купол был виден едва ли не на всем Дакиэрро и стал причиной яркого полярного сияния в северном полушарии; электромагнитные возмущения вызвали помехи в работе оборудования всех Небесных Городов. Все, кто был причастен к мистическим искусствам и чародейству, содрогнулись,

ощутив это — импульс силы, подконтрольный одному-единственному человеку, но направленный не на разрушение, а на исцеление.

Все это продолжалось не больше десяти секунд, и когда Врата закрылись и поток иссяк, опустошенный Раббен нашел в себе силы, чтобы простоять на одно мгновение дольше, чем от него требовалось.

— Получилось? — спросил он у Зонкона, безмолвно наблюдавшего за процессом глазами своего чародея.

«Получилось, Раббен. У тебя получилось».

И только после этого Тоттенгрибер позволил себе потерять сознание.

В себя он пришел уже в своей собственной кровати, в княжеском замке Тоттенгриберов. За окном властвовала глубокая ночь.

Рядом с ним никого не было.

— Сколько же я спал... — прошептал Раббен, вспоминая, что от деревни до замка больше дня пути.

Он попытался позвать слугу, но пересохшее горло подвело его, и с трудом поднявшись с кровати, он покинул свою спальню, пытаясь найти хоть кого-то.

Но тщетно. Замок был пуст. Никто не вышел на слабый зов хозяина, который наблюдал повсюду странное и пугающие запустение. И пыль. Серую пыль.

«Зонкон!» — мысленно прокричал он, когда обнаружил в комнате своего дворецкого рассыпавшиеся в прах человеческие останки.

«Зонкон!» — кричал он, когда видел такую же картину во всех остальных комнатах — на кроватях и на полу, застеленном одеялами и простынями. Их было сотни, как-будто замок стал последним прибежищем для отчаявшихся, обреченных людей, зараженных все той же страшной болезнью.

— Ты сказал, что у меня получилось! Ты сказал, что вирус уничтожен!

Полуголый, босой, он спустился с замкового холма и вошел в город, который больше двухсот лет служил столицей всего княжества. И он тоже был мертв. Ни людей, ни животных, ни птиц. Даже деревья, кусты и трава обратились в пыль. Если бы Раббен вышел из замка днем, то он бы увидел, что в его мире не осталось ни единого клочка зелени. Все живое... погибло.

— Как... Как это произошло? — прошептал Раббен, падая на колени и сгребая ладонями проклятую серую пыль. Здесь она была повсюду.

«Я не знаю... — ответил наконец Забытый. — Ты пробыл без сознания две недели, я никак не мог до тебя достучаться. Так же, как и ты, я ничего не видел и не слышал. Я не знаю, что произошло. Возможно... Тот, кто заразил эту землю в первый раз, сделал это снова. Только ты уже ничем и никому не мог помочь».

— Кто... кто... кто...

«Небесные города. Это их технология. Их грех и преступление».

— Да... Только они, — прошептал Раббен. А потом упал навзничь и глухо разрыдался.

Подготовка к акту возмездия заняла какое-то время. Раббен, обезумев, искал книгу, которая, по легенде, могла исполнить любое желание того, у кого хватит знаний ее прочесть — «Биографию Бесконечных». И когда он нашел ее, и смог расшифровать одну-

единственную, нужную ему страницу, над миром нависла угроза конца света. Потому что Раббен Тоттенгрибер призвал саму Смерть.

— Ты правда этого хочешь? — спросила она у него, сразу и без всякого приветствия — юная дева неземной красоты, хотя ее кожа белой, словно мел, а волосы чернее безлунной ночи. Вместо глаз Раббен увидел две бездонные пропасти, бездны, в которые провалится душа всякого неподготовленного к такой встрече человека.

Но он был готов.

— Да.

— Скажи это, скажи вслух — и я исполню твое желание.

— Даже не попытаешься отговорить меня, переубедить, Милосердная? — усмехнулся Тоттенгрибер, съеденный заживо собственной ненавистью ко всему живому. Все, что было ему дорого, уже погибло, а он не собирался больше привязываться к чему-либо в этом мире.

— Нет, — улыбнулась Смерть. — Ну же, произнеси свое желание. Ты в своем праве.

Раббен колебался всего миг. Ничтожную долю секунды.

— Я хочу увидеть конец этого мира. Я хочу увидеть, как он сгора...

— Стоп, это уже второе желание! — внезапно взмахнула рукой Смерть. — Уговор был на одно, первое произнесенное желание. Его я и исполню.

Мертвый взгляд Тоттенгрибера не дрогнул, только слегка шелохнулись уголки губ.

— Это уже не важно. Главное я уже сказал. Покажи же мне то, что я прошу!

— Нужно будет немножко потерпеть, — слегка виновато улыбнулась ему Бесконечная.

— И сколько же? — с нетерпением спросил Раббен.

Смерть что-то мысленно прикинула, несколько раз загнула пальцы, и только после этого ответила:

— Семь миллиардов шестьсот пятьдесят четыре миллиона, триста двадцать четыре тысячи пятьсот сорок два года, семь месяцев и четыре дня. И тринадцать часов. Минуты с секундами называть? Нет? Ну, я пошла. О, и книгу я с собой заберу. Такие правила, знаешь ли.

И Раббен остался один. Забытый Бог, Наму-Ар-Зонкон, оставил его еще тогда, когда Тоттенгрибер замыслил уничтожить весь мир.

Впрочем, через минуту после ухода Смерти он нарушил свое молчание. Громким, безудержным смехом.

«Какой же ты глупец, Раббен Тоттенгрибер. Или великий мудрец?»

— Она обманула меня...

— Она сделала тебя бессмертным. Даже такому, как я, можно только мечтать о столь продолжительном сроке жизни. Впрочем, для тебя отпущенное тебе время станет проклятием. Не так ли, Раббен?

Тоттенгрибер промолчал.

Неделю он размышлял над тем, что произошло, а потом отправился в свой собственный крестовый поход на Небесные Города.

Через полгода его нашел Августо.

Так он стал Гвардейцем Хаоса.